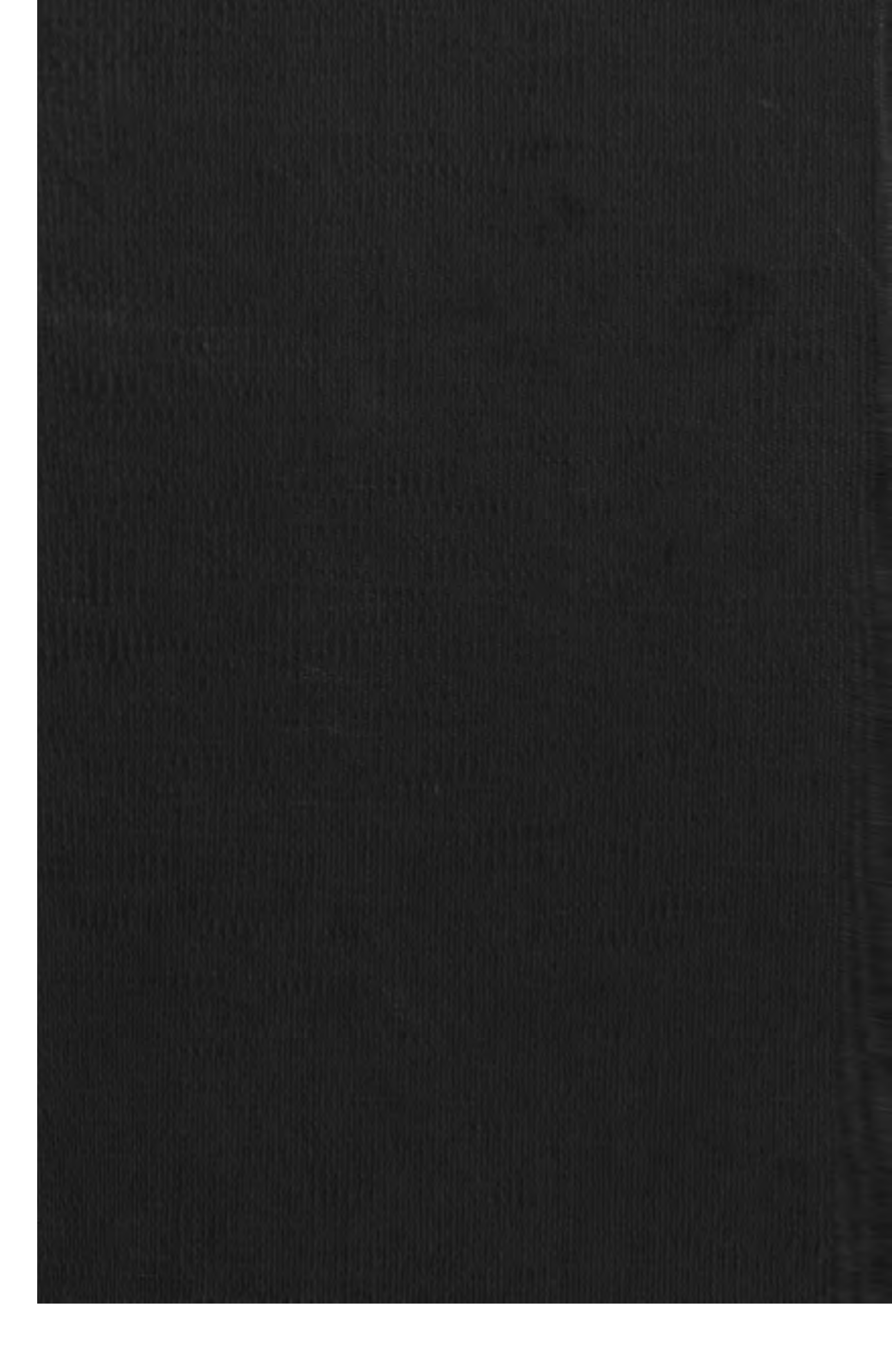


МАРТЪ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(*С.-Петербургъ*—контора журнала „Русское Богатство“, Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма. — Ирландскій „ледоходъ“.—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Седьмое* изд. 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики“.—Морозъ. — Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое* изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.— Надсонъ. — Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ по 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. — Суздальцы и суздальская критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ

г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма къ ученымъ людямъ.—Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ.—Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе*. 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. -Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ницше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г.—489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ. — Изд. 1905 г. — 287 стр. Цѣна 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 коп.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

— ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Избранныя, оригинальныя и переводныя, стихотворенія 112 русскихъ поэтовъ, съ краткими ихъ характеристиками. Компактный томъ въ два столбца; больше 30.000 стиховъ. Изд. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ. IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

ПРАВИЛЬНЫЙ ЗАКОНЪ.

Пожилой, могучій татаринъ одиноко рылъ канаву вдоль поемнаго луга, отграничивая его темную зелень отъ выжженнаго солнцемъ, скудно заросшаго голубымъ полынкомъ, холмистаго выгона. Еще недавно, всего въ прошломъ году, тутъ не было канавы, и она совсѣмъ была не нужна: мужики знали, что сѣрые холмы, которые они называли „Сурками", принадлежатъ міру, а поемные луга—господамъ, и скорѣе согласились бы видѣть смерть своего скота отъ голода на Суркахъ, чѣмъ пустить стадо за грань, на барскую пойму. Теперь же мужики забыли всѣ межи и грани, и даже канава, усердно проводимая татариномъ, не помогала дѣлу. Два крестьянина объѣхали канаву, спокойно спутали въ барскихъ лугахъ своихъ коней и неторопливо подошли къ отдыхавшему татарину.

Изъ-подъ ногъ запрыгавшихъ по травѣ лошадей выскочилъ заяцъ, приподнялъ уши, послушалъ и темнымъ шарикомъ покатилъ въ гору. Все кругомъ было тихо, безлюдно и великой безпріютностью и безграничной бѣдностью повѣяло на людей.

— Куянъ! Куянъ!—крикнулъ татаринъ въ догонку зайцу, съ скрытой тревогой поглядывая на подходившихъ мужиковъ.

— И все будто „куянъ," а разглядишься—заяцъ!—проговорилъ Яковъ Чокмарь, молодой, лѣтъ 25, крестьянинъ, съ правильными и красивыми, крупными чертами энергичнаго лица, остриженный бобрикомъ и одѣтый по городски, въ пиджакѣ и хорошихъ сапогахъ, что стало обычнымъ явленіемъ и въ самыхъ глухихъ деревняхъ Поволжья.—Самъ ты, песъ, куянъ!—добавилъ Чокмарь:—роешь по пятаку сажень! Мы по четвертаку просили... Вотъ накласть тебѣ по бритой башкѣ,—ты и не будешь лѣзть, куда не слѣдъ! У насъ забастовка! Міромъ насъ послали прогнать тебя.

— А-а! д-дуракъ русакъ,—смущенно проговорилъ та-

таринъ:—грунтъ мягкій, рубля въ день получаю... Не работаемъ,—чѣмъ питать себя будемъ?

— То-то ты и „питаешь“ хорошо себя!—саркастически произнесъ Чокмарь, указывая на краюшку татарскаго хлѣба, плоскаго, плотнаго, ослизлаго.—Словно пирогъ съ яблоками! Ахъ, и псы же эти татары! Никогда у нихъ хлѣба, какъ слѣднаго, не увидишь! Какъ живутъ?

— Мы какъ живемъ?!—перебилъ татаринъ страстно:—русскій—лѣнтяй! татаринъ—работаетъ! Кто канавы роетъ, кизякъ дѣлаетъ, кулье таскаетъ? Русскій? Русскій: „ай, я усталъ, мочи нѣтъ, спать хочу, баба не велитъ, забантовка!“ Та- таринъ: ай-да—пошелъ! Никакой забантовка не знаетъ!

— Нѣтъ, татары бы забастовали, а русскій, этакъ вотъ, пришелъ бы къ нимъ, наперебой,—что бы они сдѣлали?—предложилъ товарищъ Чокмаря, Павелъ Гусаровъ, пожилой, бородатый мужикъ, съ добродушной, но горькой улыбкой, застывшей на лицѣ, одѣтый по лѣтнему въ синюю домотканку и босой.

— Къ нимъ и безъ забастовки одинъ не пойдешь,—отозвался Чокмарь,—у нихъ для насъ всегда забастовка; дружные они, псы... Вездѣ они насъ бьютъ!

— Что же, знакомъ,—спросилъ Гусаровъ,—работаете вы больше, чѣмъ мы, а у васъ въ деревняхъ не то что дворьевъ, а и крышъ-то на избахъ у многихъ нѣтъ... Два—три дома каменныхъ, а прочее хуже насъ, грѣшныхъ... Козъ держите, вмѣсто коровъ... Наше дѣло хоть особенное: мы, какъ въ полону, живемъ!.. А васъ кто тѣснитъ, господъ у васъ нѣту?

Татаринъ не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ на корточкахъ передъ котелкомъ, подъ которымъ слабо курились сырые прутики, обломки зимнихъ придорожныхъ вѣшекъ, конскій пометъ и грязная прошлогодняя жнива. Въ котелкѣ варился кирпичный чай, единственный приварокъ татарина къ ржаному хлѣбу.

Оба русскихъ подсѣли къ огоньку.

— Вѣдь знаешь, песъ, что забастовка, а копаешь, на грѣхъ лѣзешь! Вотъ начну я тебя твоимъ же котелкомъ нажаривать...—ворчалъ Чокмарь, закуривая у огня папироску.

А Гусаровъ ловко, по своему, перестроилъ татарскій костеръ, легъ на брюхо, надулъ щеки и, какъ мѣхами, развелъ бойкое, трескучее пламя.

— Ай, якши! Вотъ спасибо!—радовался татаринъ, поглядывая, какъ заходила бѣлая пѣна въ котелкѣ и побѣжали по водѣ мелкіе, свѣтлые пузырьки.

Чокмарь глубоко задумался. Губы у него упрямо сжались, и глаза засвѣтились подъ вліяніемъ привязавшейся, мучившей его идеи.

— Бидно живемъ!—промолвилъ татаринъ. — Ой, бидно!.. Татаринъ—обжора! — попытался онъ оправдать свою бѣдность: — недѣля работаетъ, одинъ хлѣбъ ашаетъ, пятницамъ баранъ покупаетъ, калачъ, вобла... Водка пьетъ!.. Гуляй—гуляй!.. Субботамъ опять нѣтъ ничѣмъ; опять спина трещи.

— У меня папаша три года Астраканъ ходилъ,—сообщилъ, помолчавъ, татаринъ,—Самаръ ходилъ, Бака ходилъ.. У-у, деньга тащилъ: т-тыща!.. Другой баба себѣ бралъ, сѣро-нѣмецкій сукна одежа справлялъ, часы купилъ... Ухъ, кто я? Зюмалейнъ Агафорычъ! Три разъ пьянъ на одинъ дня бывалъ! А-а-д-дынъ мѣсяцъ все кончалъ!.. Бизъ сапогъ въ Астраханъ пошелъ... 10 лѣтъ теперь нейдетъ... Кунчалъ чать, давно?.. И я весь въ папашу: люблю гулять! Работаю,—ай, много работаю! Тѣло питаю, гуляю — душа питаю!—Татаринъ сжалъ кулаки и выпрямился, и видно было, что онъ страшно и могуче гуляетъ.

— Русакъ — дуракъ, — прибавилъ онъ, безнадежно махнувъ рукой,—ни тѣла не питаетъ, ни душа.

— Что ты все, собака, лаешься?—обидѣлся Чокмарь.— Не дураки мы: мы „душу питать“ тоже не хуже васъ можемъ... еще даже вамъ не достанется этакъ! А только мы всѣ, какъ во снѣ, живемъ; много насъ... сила народа! Проснемся когда-нибудь... Просыпаемся! у насъ старики, бывало, придутъ къ барину,—дождикъ ли, морозъ ли,—стоятъ у крыльца на дворѣ безъ шапокъ: „явите божескую милость, будьте отцомъ роднымъ, заставьте за себя Господа молить, не насъ пожалѣйте—дѣтишекъ малыхъ!.. Лужишко намъ лошадишкамъ, дровишекъ тамъ, хворостишку на городьбишку“... Ч-черти старые!—энергично выругался Чокмарь,—набаловали ихъ съ этимъ ремесломъ: что больше храпимъ, то они петлю туже тянутъ!.. Нынче только дохнемъ: забастовка! управляющій самъ на сходку бѣжитъ... Бывало, лошадь въ хлѣвъ возьмутъ, ѣздишь-ѣздишь на колѣнкахъ и портки-то протрешь. Нынче—вонъ онѣ, лошади-то, ходятъ, съ барскаго двора видно ихъ, что-жъ не идутъ?.. Земскій... чего земскій—урядничишко послѣдній все село загоняетъ, того на высидку, другого на высидку: на три дня, на семь денъ!.. На прошлой недѣли, загнули мы забастовку,—ты, дядя Павелъ, въ городѣ былъ,—кличутъ меня къ телефону. „Ты староста?“—земскій, слышу, спрашиваетъ. — Нѣту, молъ, старосты, въ городѣ онъ; я—кандидатъ.—„Ну, все равно, сейчасъ же явись ко мнѣ!“ —Не пойду, молъ, неколи!—И

отъ телефона пошелъ. Пріѣхали съ казаками. „Гони весь народъ на барскій дворъ!“ Ну, мы не бунтуемъ,—усмѣхаясь, пояснилъ Чокмарь,—озорства у насъ не было... Очень-то не боюсь я... а маненечко ослабъ же!—Не идутъ они, говорю, на барскій дворъ, на площади у пожарной машины собрались...—Скажи-ка этакъ прежде?.. А это: подумалъ-подумалъ... Поѣхалъ вѣдь съ казаками на село! Да еще шапочку скинулъ! „Честью васъ, мужики, прошу! Бросьте вы это все... ваши забастовки!..“ Не волчій зубъ, такъ лисій хвостъ. Что годовъ маялись! — возбужденно воскликнулъ Чокмарь:—и старики,—отцы и дѣды, — маялись, а до забастовокъ сами не додумались... Нашлись же вотъ добрые люди, наставили на разумъ... И диво, братецъ мой,—изумился Чокмарь,—какъ сразу весь этотъ гадъ схлынулъ! Какъ вотъ дымокъ комара отшибаетъ, такъ и они отъ насъ отвалились... Болтаютъ, до Новаго года всѣ суды и законы прикрыты... Солдатъ одинъ весной шелъ изъ Петербурга, сказывалъ:—самъ слышалъ,—во дворцѣ на караулѣ стоялъ, —какъ царь министрамъ говорилъ: „Изъ терпежу, говоритъ, я съ вами вышелъ, пущай, говоритъ, народъ хоть одинъ годъ безъ вашихъ законовъ поживетъ: раздышится мало-мало...“

— Въ этомъ тоже хорошаго нѣтъ,—уклончиво замѣтилъ Гусаровъ,—ихъ земля все же, мы этого не знаемъ, какъ она дадена имъ, какъ ли... Нынче мы ихъ забастовками крутимъ, завтра они насъ казаками доймутъ, — одно раззоренье... У нихъ не будетъ и у насъ не будетъ же... Одинъ бы конецъ по закону... Безъ закона какое житье...

— Да, кабы законъ-то на небѣ былъ написанъ,—неподвижно глядя на огонь, говорилъ Чокмарь,—и, чуть ежели кто ошибся,—чтобы: тр-рахъ!—Не желаешь въ тишинѣ жить?! Б-безо всякихъ!.. — Этакъ бы все еще ничего... А то вѣдь люди законъ-то уставляютъ... Не можетъ быть этого,—добавилъ онъ рѣшительно, — чтобы нельзя было народъ побожьи устроить... Вотъ онъ сидитъ, — указалъ Чокмарь на татарина,—уставили сами себѣ законъ и живутъ же, какъ быть должно! Тоже и имя, чать, есть, даромъ некрещеный... Знакомъ! Какъ тебя зовутъ?

— Зовутъ?—отозвался татаринъ:—Умэръ (Омиръ).

— Умеръ??—растерянно произнесъ Чокмарь.—Вотъ такъ имячко!.. А по закону же дадено, не изъ своей же головы взято.

— Ну, братъ, имя у тебя плохое, хуже выдумать нельзя!—сочувственно отозвался Гусаровъ.

Какъ кажется, татаринъ и самъ былъ невысокаго мнѣнія о своемъ имени.

— У насъ есть: Джабибулла!—съ достоинствомъ произнесъ онъ.

— Жабибула? Чего не имя!

— У насъ есть Усманъ!—нетерпѣливо проговорилъ татаринъ, поглядывая на русскихъ.—У меня сынъ Усманъ.

Османъ нѣсколько поддержалъ репутацію татарскихъ святцевъ. Чокмарь промолчалъ.

— У всякихъ народовъ—всякіе законы,—вдумчиво заговорилъ Гусаровъ,—а все какъ-то ни къ чему не склонно... народъ тѣснятъ только... Вотъ у меня баба десятый годъ пластомъ лежитъ; вся въ боляхъ, подступиться къ ней страшно... Въ больницу не принимаютъ, — она, говорятъ, неизлѣчима,—а насъ изъ избы выжила: духъ отъ нея, лѣтомъ червь заводится. Того и гляди, и дѣвченки заскорбнутъ. Сбиваться я на нѣтъ съ ней сталъ!.. Все вѣдь у меня хозяйство не хуже людского было, а сейчасъ скружился: одинъ и въ полѣ, и дома... И согрѣшишь вѣдь: прибралъ бы, что ли, Господь, одинъ бы конецъ. Вотъ по ихнему закону,—болѣзненно пошутилъ Гусаровъ, указывая на татарина,—взялъ бы я себѣ другую, а эта пущай бы лежала; у меня дѣло-то опять бы и пошло... Вонъ онъ, какой ужъ житель... Умеръ! у тебя много-ль жёнъ?

— Чего?—не понялъ татаринъ.

— Катыновъ много ли?—пояснилъ Чокмарь.

— Хатымъ—одинъ,—отвѣтилъ татаринъ.

— Какъ одинъ? Вѣдь у васъ ихъ штуки по три держатъ, или это богатые только?

— Бугатъ умный одинъ баба держитъ, бѣдный дуракъ три хатымъ беретъ. Ты держи на дворѣ два собака, онъ что будетъ дѣлать?—глубокомысленно загадалъ Умеръ.

— Что будутъ дѣлать,—насмѣшливо отозвался Чокмарь,—не скучно имъ будетъ, пошли играть!

— Каждый день грызться будетъ!—досказалъ татаринъ свою мысль.—И два хатымъ этакъ же: нынче старый на молодой верхомъ сѣлъ, завтра молодой — на старый.. Который застоишь? У старой дѣтей больше; молодой самъ лучше. Умъ кончаетъ!.. У насъ былъ мулла. Все училъ насъ: не держи два-три баба, держи одинъ хатымъ; одинъ больше работаетъ, чѣмъ три! Старый сталъ мулла и хатымъ у него сталъ старый, а тутъ, шабрó, молодой дѣвка всѣ задъ-передъ бѣгалъ... мулла все глядѣлъ, все глядѣлъ... Шайтанъ ему въ уши дулъ... Не стерпѣлъ, взялъ молодой хатымъ... Забылъ, какъ насъ училъ... Вотъ молодой баба со старой разъ одинъ ругался, другой разъ схватился—дрался; мулла хотѣлъ бранить ихъ, мирить... Молодой—его самаго за бороду, старый за глаза! Ахъ! Не ладилъ! Взялъ,

бѣжалъ, бросалъ ихъ. Самъ сталъ за ворота, стоитъ. А зима была. Вьюга. Вотъ идетъ другой татаринъ; на вѣтеръ идетъ, согнулся; глядитъ: что такое? Вьюга, дишать нельзя,—мулла у воротъ стоитъ!

— Ты что, дядюшка мулла, такой вьюга у воротъ стоишь? „Вьюга??"—татаринъ картинно изобразилъ на своемъ лицѣ горестное изумленіе стараго муллы. — „Эт-те какой вьюга. У меня въ избѣ—такъ вьюга!"

— Вотъ и позавидовалъ!—усмѣхнулся Гусаровъ:—и у нихъ—то же. Не законы, видно, людей дѣлаютъ, а все люди же законы. Возьми-ка другую бабу, какъ она съ хворой-то распорядится... лѣтомъ вьюгу сдѣлаетъ!.. Чудное дѣло: народа вездѣ умножилось, а никто себѣ правильнаго закона не найдетъ, каждому только до себя, а объ людяхъ и Богъ забылъ.

— Какую вы тутъ чепуху понесли!—нетерпѣливо проговорилъ Чокмарь:—поддамся я бабѣ?! И безъ бабъ-то на нашемъ братѣ верхомъ ѣздить охотниковъ довольно... Ну, только отошло время... У меня въ яровую пашню лошадь плечо намяла; пошло болѣть и изболѣло все плечо, дыры на немъ вывертѣло. Лѣчилъ-лѣчилъ—все хуже. Коноваламъ, чать, десяти показывалъ, только деньги берутъ, а не лѣчатъ... Такъ, въ самомъ дѣлѣ, не вылѣчатъ они плеча, диви бы хворь какая мудреная? Не повѣрю я... Поѣхалъ я къ конскому доктору, въ Курени,—тамъ живетъ главный-то вертиньеръ. Ѣхалъ-ѣхалъ, провалиться бы ему, 70 верстъ вѣдь! Думалъ ужъ, и не доѣду никогда. Пріѣзжаю. Выходитъ. „Что тебѣ, мужикъ?"—Вотъ до вашей милости, плечо у лошади отбилось.—Поглядѣлъ.—„А! Ну, погоди, я сейчасъ".—Ушелъ. Выходитъ и даетъ мнѣ мячъ; такъ мячъ резинковый съ костышкомъ. „Вотъ, говоритъ, этимъ мячемъ промывай ей рану теплой водой".—Ну, молъ? „Ну и больше ничего."—Водой? „Да, водой".

Чокмарь поднялъ голову, глаза у него возбужденно сверкали.

— Прыгнулъ я на лошадь, да какъ ему мячемъ запалилъ въ рыло!—Ахъ, ты, молъ, такой-сякой,—напрямки!—Это я къ тебѣ за водой 70-то верстъ ѣхалъ? Воды-то у меня дома довольно...

Чокмарь замолчалъ и задумался. Онъ думалъ о томъ, какъ взять эту никому не дающуюся правду; что дѣлать надо, съ чего начинать, чтобы „правильный законъ" овладѣлъ людьми, а люди овладѣли правильнымъ закономъ.

А Гусаровъ ставилъ вопросъ иначе: самого себя онъ не считалъ ни строителемъ жизни, ни искателемъ правды; онъ съ тревогой, мучительно оглядывался кругомъ, искалъ лю-

дей, которые несутъ правильный законъ, живутъ по-божьи, и смиренно желалъ пристать къ нимъ и идти съ ними.

— Ждемъ мы отъ людей правды,— заговорилъ Гусаровъ,— а сами ни одной сходки не соберемъ безъ ругани да безъ скандала. Подъ конопли, въ усадахъ, по сажени достается, и каждый годъ съ дракой дѣлимъ, а всю Рассею по-божьи подѣлить собираемся... Свой братъ попадетъ въ начальство, хуже въ десять разъ всякаго барина глотку готовъ перегрызть... Вотъ, говорятъ, въ случаѣ чего, солдаты въ насъ стрѣлять не будутъ... Вы этого и не думайте! И въ голову не берите! — убѣжденно крикнулъ Гусаровъ: — Ежели по командѣ, любой солдатъ въ отца родного запалитъ!

— Будетъ болтать! — пренебрежительно бросилъ Чокмарь.—Ну, кто въ отца стрѣлять станетъ?

— Ну, скажемъ, въ отца не станетъ, — подумавъ согласился Гусаровъ,—такъ вѣдь не безпокойся, и не заставятъ въ своихъ стрѣлять... Ихъ учить нечего, кого на кого посылать... Это такъ только говорится, что въ отца... А все же у насъ народъ обидчикъ, озорникъ темный, у насъ человѣка не то что обидѣть, а и пришибить, какъ комара, ни за что кладутъ... Походилъ я по бѣлу-свѣту, всего наглядѣлся! Жилъ я, братецъ мой, одну зиму въ Ковалевкѣ,—далеко отсюда,—у маслобойщика Ивана Сидорыча въ работникахъ... И какъ праздникъ, покупаетъ этотъ Иванъ Сидорычъ четверть водки и идетъ съ ней на улицу, гдѣ народъ на заваликѣ собрался... и какъ только увидитъ сторонняго прохожаго: нищаго тамъ, торговаго, проходящаго, изъ духовныхъ ли, это ему все равно:—Вотъ, ребята, жертвую вамъ четверть,—потѣшьте мнѣ этого чоловѣка!—Выстилку, то есть, дать ему велитъ. И сейчасъ человѣка 3—4 или тамъ, глядя по прохожему, пятеро пойдутъ, будто по своему дѣлу, ему встрѣчь и, не говоря худого слова, — разъ-разъ его по мордѣ; собьютъ на землю, разобьютъ ему сапогами все рыло, да еще заказываютъ: «ежели ты только дохнешь кому, мы тебя на краю свѣта найдемъ!»—И всѣ въ округѣ знаютъ, что по праздникамъ стороннему человѣку Ковалевкой ходу нѣтъ: тамъ, говорятъ, маслобойщикъ озорникъ живетъ, народъ встрѣчаетъ да травитъ!..

Гусаровъ неодобрительно покачалъ головой и тяжело вздохнулъ.

— А то вотъ еще жилъ я въ Лавѣ,—продолжалъ онъ:— на барскомъ дворѣ въ работникахъ, и есть у нихъ тамъ, въ Лавѣ, мужичекъ Ермолай. Вотъ такъ вотъ! Пять лѣтъ тому дѣлу прошло, а и сейчасъ мнѣ онъ во снѣ часто снится. Людей хозяинушка давитъ, а меня всегда Ермолай! Дѣлалъ онъ себѣ тулупъ изъ собачьихъ шкуръ: ымаетъ собаку,

свяжетъ ей морду, вздернетъ ее къ перекладу за заднія ноги, да съ живой кожу и деретъ: она, баетъ, съ теплой-то лучше отстаетъ! Жилъ я тамъ,—онъ на третьей бабѣ женатъ былъ; двухъ-то первыхъ, сказываютъ, засѣкъ... ну, не знаю я этого, не видалъ, а третью онъ при мнѣ убилъ... Катькой грязной звали бабу; ужъ онъ ее и огнемъ-то жегъ, и цѣпомъ молотилъ, и вилами колотъ... И вотъ, приклей ты его бабѣ правильный законъ на голое тѣло, все этакъ же онъ ее увойкаетъ!.. Украли у насъ тогда на барскомъ дворѣ хомуты, и подумали прямо на Ермолая, больше потому что не кому, а онъ на поденной въ тотъ день былъ, углядѣлъ, гдѣ они висѣли. Наѣхали становой, урядникъ, пошли съ обыскомъ по селу и ничего, конечно, не нашли. Вызвали насъ, батраковъ, на взъѣзжую и Ермолая скричали, допрашиваютъ, не видалъ ли кто что... Ну, никто ничего не видалъ. И, вдругъ, хлопъ, братецъ ты мой, дверь, появляется сама Катька грязная и два хомута претъ.—Вотъ, говоритъ, въ соломѣ они у насъ на гумнѣ лежали зарыты, и остальные-то тамъ же.—Мы всѣ индо замерли: что такое она задумала? А она что задумала? Баба, такъ она баба и есть: она думала, Ермолая то прямо въ острогъ, да на поселенье сошлютъ... А какъ переписалъ становой, да поѣхалъ, а Ермолай-то остался, она и заметалась:—Я куда?! Родименькіе! Я куда??.— Гусаровъ поблѣднѣлъ, нахмурился, махнулъ рукой и замолчалъ.

— Разъ тоже, въ Вѣхахъ дѣло было,—медленно, съ трудомъ началъ онъ, какъ бы повѣряя свои мысли:—татары лошадей ночью увели. Хватились-то скоро, догнали татаръ, стали ихъ бить:

— Сказывайте, кто выдалъ?—Безъ своего-то человѣка ни одинъ воръ не воруетъ. Ну, они и повинились:

— У Ивана, говорятъ, Ѳедорова Крашенинникова стояли.—А былъ онъ, Крашенинниковъ-то, и прежде у міру на замѣчаніи,—прямо ночью къ нему всѣмъ народомъ и подвалили: самого-то убили, и старуху убили, и двоихъ сыновьевъ тоже убили же, дѣвкѣ только голову проломили; эта жива осталась. А по утру, разобрамши дѣло, оказалось, татары-то стояли совсѣмъ въ другомъ концѣ, у Ѳедора Иваныча Красильникова... Похоже—и обмолвились.. Куда же мы въ этихъ дѣлахъ правильный законъ спрячемъ?—съ горькимъ недоумѣніемъ проговорилъ Гусаровъ.—Какіе законы ни заведи,—люди все тѣ же будутъ: господа вонъ и образованные люди, а казаками правильный законъ хотятъ найти, чѣмъ бы самимъ первымъ начать по-божьи жить, а они только народъ сбиваютъ съ пути... Или хоть бы и твое дѣло,—вглядываясь въ Чокмаря, устало говорилъ Гусаровъ:—

онъ тебѣ лѣкарство не даетъ, а ты—въ рыло! Этакъ правду не найдешь...

— Ну, помнить будетъ, въ другой разъ побоится,—угрюмо отвѣтилъ Чокмарь.

— Ладно, коли побоится, а какъ хуже обозлится, да неудобнаго чего дастъ, вотъ тебѣ и не знай, кто больше попомнитъ...

— Найдемъ правильный законъ!—увѣренно сказалъ Чокмарь.

— Наврядъ!—отвѣтилъ Гусаровъ.—Растревожилъ я себя съ этимъ Ермолаемъ... Умеръ!—обратился онъ къ татарину:—найдемъ мы правильный законъ?

— Найдемъ! Всѣ найдемъ!—тоже увѣренно откликнулся тотъ.

Татаринъ всталъ и вытянулся во весь свой огромный ростъ. Въ длинной бѣлой рубахѣ безъ пояса, съ разстегнутой мохнатой грудью и непокрытой, давно не бритой головой, онъ похожъ былъ на библейскаго пророка. Онъ глядѣлъ вверхъ и говорилъ могучимъ голосомъ, слово перекликаясь съ кѣмъ въ безоблачномъ, потемнѣвшемъ отъ зноя небѣ.— Всѣ найдемъ! Вотъ!—указалъ Умеръ на разрытую землю:—одинъ сажень—всѣмъ людямъ одинъ правильный законъ! Мы здѣсь гости, на этомъ свѣтѣ, здѣсь богатый такъ же часто плачетъ, какъ и бѣдный... Мы глядимъ: вонъ птица летитъ, высоко, легко! А онъ усталъ, упалъ!

И на своемъ смѣшномъ, изломанномъ языкѣ татаринъ разсказалъ русскимъ, какъ, откуда-то издалека, пріѣзжалъ въ татарскія деревни Поволжья Ишанъ-учитель. Въ деревню, гдѣ жилъ Умеръ, пріѣхалъ онъ передъ вечеромъ и долго бесѣдовалъ съ муллами и почетными стариками... И стояли впряженные рѣзвые татарскіе кони, готовые немедленно везти Ишана далѣе... Была весна, въ лѣсу у рѣчки цвѣли вербы и черемуха и заливались соловьи, а на горѣ, въ русскомъ селѣ, былъ праздникъ и всю ночь гремѣли пѣсни. На чужомъ и непонятномъ языкѣ звали Ишана къ вольной жизни, въ веселую и шумную битву; бросали могучій, побѣдный кличъ, томились молодой и горячей страстью. Задумался Ишанъ и сидѣлъ молча, пока не погасли кроткія и блѣдныя звѣзды, пока не зазолотилось небо солнечными лучами, пока не замолкли соловьи и не стало слышно чужихъ пѣсенъ на горѣ. Ишанъ велѣлъ отпречь лошадей и сказалъ, что остается въ въ селѣ еще на одну ночь послушать, какъ поютъ сильные и счастливые люди.—Трудно вамъ жить среди нихъ!—печально сказалъ Ишанъ татарамъ и, озабоченный, пошелъ въ русское село и пробылъ тамъ до полдня. Спокойный и довольный вернулся Ишанъ и, не дожидаясь ночи, поѣхалъ

дальше. Обманули Ишана пѣсни: въ русскомъ селѣ не сильныхъ и счастливыхъ, а слабыхъ и несчастныхъ увидалъ онъ людей...

Русскіе серьезно и внимательно слушали татарина.

— Правильный онъ татаринъ,—промолвилъ Гусаровъ,—давно я ихъ семью знаю; мало и у нихъ этакихъ,—все больше жулье...

— На томъ свѣтѣ мною хоть тынъ подопри; пока здѣсь живемъ, здѣсь и правильный законъ искать будемъ!—упрямо настаивалъ Чокмарь.—Одинъ разъ, за всѣ времена, всѣмъ здѣсь поровняться надо,—тогда все и перемѣнится; и къ маслобойщику за стаканъ водки увѣчить народъ не пойдемъ...

— Не перемѣнится...—уныло отвѣтилъ Гусаровъ.—Нашъ братъ не поровняется первый. Толковали на сходкѣ про это поравненіе, Воладимеръ Кирюкинъ на церкву перекрестился: „Всѣхъ шесть лошадей своей рукой порѣжу, а вамъ, бездомникамъ, не достанутся!"

— Заныль!—нетерпѣливо перебилъ Чокмарь:—да ты, всего въ прошломъ году, сказалъ бы кому про забастовку: помыслить нельзя было! А теперь, не то что мужики, бабы-то и тѣ другія стали... Недавно тетка Надежда захворала,—у брата-то полно ребятишекъ, ее къ намъ и привезли,—три дня безъ языка лежала, потомъ ночью ей полегчало, утромъ она меня и кличетъ:—Яша, подь-ка сюда!—Я подошелъ.—Что, молъ, тетка, полегче, что ли?—Слава Богу, говоритъ, что говоритъ, Дурновъ-то, слышно все еще живъ? А Горемыкинъ-то? — Я даже не понялъ сначала, про кого она? Поди-ка, а ты вотъ! Тоже и ей забота!—искренно удивился Чокмарь.

— Совсѣмъ другой народъ сталъ,—добавилъ онъ,—отчего-нибудь господа то хвосты попрятали, чать они не съ роду кургузые?

— Выходитъ нарѣзка намъ,—по прежнему безнадежно тянулъ Гусаровъ,—господа сробили—это точно; большую слабость характера оказали, никто этого и не чаялъ... Ну, только и намъ земля не въ помощь: опоздали съ нарѣзкой. До перваго голоднаго года нарѣзать надо было, до 91, народъ ровный тогда былъ, а теперь свою-то землю раздаемъ, отъ продовольствія, черезъ Красный Крестъ, къ продовольствію тянемся! Обезлошадили, оборвались, не крестьяне стали... Голодные года раздышаться не даютъ! Попадетъ земля богачамъ да семьянамъ, они съ насъ, съ живыхъ, шкуру сдерутъ! Они и сейчасъ, что хотятъ, то надъ нами и дѣлаютъ... имъ забастовкой не угрозишь! Каждую сажень съ бою брать придется...

— О-о! — весело воскликнулъ Чокмарь: — ну, ужъ этого

нѣтъ! Только бы отъ господъ отбить, а своихъ,—не станутъ они съ нами по совѣсти дѣлаться, — мы дудкой снимемъ! Мы ихъ и кислымъ, и горькимъ начнемъ угощать! Дымомъ, какъ пчелъ! — съ жестокой радостью говорилъ Чокмарь.

— Ничего не будетъ! Какъ жили—такъ, видно, и будемъ жить! — сомнѣвался Гусаровъ.

— Десять лѣтъ протянется это, а землю мы все-же отобьемъ!—упрямо твердилъ Чокмарь.—Не забудемъ мы про забастовки! Мы хорошо это поняли! Былъ я въ городѣ, толковалъ съ самими соціалами. На фабричныхъ они не надѣйся! Тѣмъ бастовать нельзя: прикроютъ фабрики, — всѣ сразу языки высунутъ... А мы рѣдко да мѣтко; въ жнитво, въ сѣнокосы, да и во всякое время, недѣлю пробастуемъ, иной-другой всю жисть не забудетъ: бросай хозяйство! намъ развѣ горе? Только вольнѣе будетъ... Не работники мы больше на господъ!.. Толкуешь ты, въ насъ самихъ правды нѣтъ, того убили, другого изувѣчили... Насъ бьютъ — и мы бьемъ... Не озорникъ нашъ народъ, а совѣстливый, смирный: 15 лѣтъ, какъ господскіе суды пошли, все одно, какъ безъ всякаго закона мы живемъ... Не диво, если кто и ошибется! Другіе давно бы бунтить начали. Будь у насъ хоть плохонькій судишка, — никогда до этого дѣло не дошло бы, чтобы крестьяне на грабежъ кинулись... Съ ума свести кого угодно можно... Погоди, наторѣемъ съ забастовками, устроимъ свое мужицкое дешевое царство, тогда ошибаться не будемъ!.. Все, все, до единаго слова, студенты правду говорятъ! Все вѣрно! Все такъ и будетъ!

— Намъ и въ церкви правду говорятъ, — не сдавался Гусаровъ,—давно говорятъ... Возлюби, говорятъ, ближняго своего... Студенты говорятъ: „земля и воля!“ Все это къ одному же: возлюби! Ежели всѣ возлюбимъ, вотъ тебѣ и земля будетъ, и воля!.. Да не возлюбляемъ!.. Божьяго слова не слушаемъ, людскихъ рѣчей надолго не хватитъ!

— Врешь ты все! — возмутился, наконецъ, Чокмарь: — Никогда намъ въ церкви про забастовку не читали, — студенты первые выдумали! По осени лѣтось, когда мы барскіе лѣса глушили, попъ что говорилъ? „Вы, говоритъ, антихристу предаетесь! Бунтовщики вы!“ Забылъ? Я ему еще молвилъ:—вы, батюшка, въ церкви такими словами доказывайте, а не ругайтесь!—да и пошелъ изъ церкви, и народъ весь за мной пошелъ же, остались они, съ дьячкомъ, только двое... А въ Мордовскихъ Вѣхахъ за такія-то слова, слышно, взяли попа за долгія космы, да, какъ на поводьяхъ, изъ церкви и вывели! А вѣдь чье бы и дѣло, что не попово, народъ наставлять? Онъ, чѣмъ бы манифесты про бунты вычитывать да напрасно людей озлоблять, вышелъ бы да сказалъ:

„Братіе! Вы не озоруйте, не грабьте, не жгите! Вы, какъ въ протчіихъ народахъ, согласитесь, всѣ неимущіе, въ одно слово да и того—забастовку!!. Отъ богатыхъ-то сами себя и застойте Вотъ, все, что у нихъ неправдой нажито, все между рукъ и поплыветъ!“

— Я еще до студентовъ,—неожиданно согласился Гусаровъ, — говорилъ: перестанемъ на господъ работать! Намъ можно перетерпѣть... И не Богъ вѣсть нажива какая! Вонъ одинокіе, чуть округъ себя успѣваютъ оправиться, — не до барской работы имъ, а живутъ же! Ну, только, — вздохнулъ Гусаровъ,—все одно теперь: послѣдніе года пришли... и работать будемъ, подохнемъ, и работать не будемъ, все одно, подохнемъ же... Земля отбилась... Не крестьянинъ это, безъ продовольствія дышать не можетъ! Пожалуй, мнѣ ее нарѣзай, ежели она не родитъ!

— Ну, что будетъ,—то и будетъ!—рѣшительно заключилъ Чокмарь. — Гдѣ ни сойдемся, все объ одномъ толкуемъ, — голова кругомъ идетъ, — пора и утолковаться. Потерпимъ, не привыкать терпѣть, а все же черезъ Бога терпѣть будемъ—не черезъ господъ... Какъ говорится: вотъ тебѣ хомутъ и дуга, а я тебѣ больше не слуга!.. Н-ну, лошадей мы съ тобой, дядя Павелъ, покормили, айда до двора! А ты, бритая башка!—обратился Чокмарь къ татарину:—сказано тебѣ, и убирайся! А ежели доглядимъ, все ты тутъ копаешь, пріѣдемъ — такую тебѣ выволочку дадимъ! И въ твою же канаву тебя уложимъ и землей завалимъ. Такъ и знай!

— Не велишь — уйду, — согласился на этотъ разъ покорно татаринъ, заслышавъ угрозу.—Не зналъ вашихъ дѣловъ, зналъ бы, не пришелъ... Не знай, разсчетъ даютъ ли на барскомъ дворѣ? Рядилъ 400 сажень, копалъ—80.

Чокмарь и Гусаровъ словили своихъ лошадей и поѣхали прочь. Отъѣхавъ сажень десять, Гусаровъ оглянулся на татарина. Татаринъ укладывалъ чашки, котелокъ и хлѣбъ въ мѣшокъ.

Гусаровъ остановилъ коня.

— Зря обидѣли татарина, — сказалъ онъ, — забастовка наша совсѣмъ не къ этому... Управляющій только радъ будетъ и денегъ Умеру не отдастъ.

— Обязательно не отдастъ!—подтвердилъ Чокмарь:—это ему Богъ далъ, 80 сажень—4 рубля.

— Татарина-то я знаю!—продолжалъ Гусаровъ,—и отца его, Зиновейку, зналъ, онъ кожами торговалъ и все къ намъ заѣзжалъ... Мы, ребята, еще ему горностайчиковъ ловили по четвертаку за штуку... И еще, помню, у него другой парнишка былъ, съ нимъ ѣздилъ, того Камалькой звали, а по-русски Василій; ужъ не знай, какъ это выходило, и не

похоже совсѣмъ?.. Развѣ что, въ кой день онъ родился, у нихъ Камалька святой былъ, а у насъ Василій?

— Ну, чего-жъ ты сталъ? „Камалька"! До всего ему дѣло,—засмѣялся Чокмарь,—согнали, такъ и песъ съ нимъ; не сами: міромъ послали.

— То и сталъ, что не къ этому совсѣмъ забастовка: у нихъ, у татаръ, своихъ господъ нѣту, чѣмъ же они кормиться будутъ, станемъ мы ихъ отбивать? Толкуемъ про правильный законъ, а татарина обидѣли!

— Ну, такъ, инъ, вели копать!—согласился просто Чокмарь.—Мужики, чать, ругать не будутъ?

— Да за что они будутъ ругать, за одного татарина, — отвѣтилъ, довольный, Гусаровъ, — да еще ежели мы разобрамши дѣло, по правильному закону, по-божьи...

— Эй, Умеръ! — крикнулъ Гусаровъ татарину, — копай что ли!

— Иду-иду!—не понялъ татаринъ: –собрать надо хурду-' мурду. Не велишь, не буду... Ваше дѣло... мое — совсѣмъ сторона.

— Я тебѣ говорю: копай!—кричалъ Гусаровъ:—мы передумали. Самая это твоя чортова работа, мы на нее, все равно, не пойдемъ!.. Ежели согонять кто будетъ,—добавилъ онъ,— говори: Павелъ, молъ, Гусаровъ велѣлъ мнѣ... Гусаровъ, — не забудь. Я—это! староста мірскій! Ну, съ Богомъ!—тронулъ Гусаровъ лошадь.

Татаринъ стоялъ, опираясь на лопатку, и молча глядѣлъ вслѣдъ русскимъ. Они ѣхали по выгону къ селу и долго слышно было въ полуденномъ затишьѣ, какъ они спорили все объ одномъ и томъ же: о правдѣ, о землѣ, о волѣ... Вдали виднѣлось село: внизу у рѣчки, широко и привольно, вся въ темной зелени садовъ, сверкая красными крышами строеній, раскинулась барская усадьба, а передъ ней, въ полугорѣ, ровной ниткой выстроился крестьянскій „порядокъ", и издали казалось, что избы франтовато подбоченились и насмѣшливо, и любопытно заглядываютъ внизъ... И почуялось татарину, что оттуда, съ залитой солнцемъ улицы, потянуло и вѣетъ новымъ вѣтромъ, мятежнымъ и вольнымъ.

— А-а, шарлатанъ! — одобрительно произнесъ татаринъ, серьезными и умными глазами провожая удалявшихся всадниковъ.—Проголодался—догадался!

А. Н. Поповъ.

«Воскресеніе» марксизма.

II.

Мы затронули, можетъ быть, самое больное мѣсто марксизма. Дѣло въ томъ, что *частичный* или прогрессивный соціализмъ давно пересталъ быть ересью однихъ только Жорэсовъ да Бернштейновъ, давно сдѣлался суррогатомъ, подмѣнившимъ собственныя соціалистическія задачи соціалъ-демократіи. Намеки о парціальномъ соціализмѣ вы можете встрѣтить въ рѣчахъ Бебеля; такъ, напр., по поводу требованія эрфуртской программы объ экспропріаціи всѣхъ средствъ производства, выставленнаго еще «Манифестомъ» 1848 г., онъ обращается къ товарищамъ съ такими разъясненіями: «Къ этому крайнему шагу—говорилъ Бебель,—вы придете не въ одинъ день; вы не знаете, когда наступитъ этотъ моментъ,—больше,. вы даже не знаете момента, когда, быть можетъ по частямъ, парціально, овладѣете властью и получите возможность провести свою программу, по крайней мѣрѣ, въ частичномъ видѣ; въ послѣднемъ счетѣ, можетъ существовать 10, 20, 30 различныхъ путей, на которые намъ придется вступить, придется, быть можетъ, пройти еще цѣлый рядъ этаповъ, прежде чѣмъ мы достигнемъ нашей цѣли»...

Однако, намъ вовсе нѣтъ надобности подхватывать случайныя замѣчанія Бебеля, когда самъ Карлъ Каутскій, теоретическій глава и вдохновитель соціалъ-демократіи, специально разработалъ въ послѣдніе годы такого рода планъ соціальной организаціи будущаго, по поводу котораго хорошо освѣдомленный французскій изслѣдователь пишетъ: «Нынѣ наиболѣе авторитетные представители марксистской доктрины, не порывая открыто съ коллективизмомъ и съ тою цѣлостной революціей, которую предполагаетъ послѣдній, придаютъ соціальной революціи такое широкое опредѣленіе, что оно отлично подходитъ къ медленному преобразованію существующаго экономическаго порядка. Они допускаютъ прогрессивное обобще-

ствленіе средствъ производства, совершаемое облеченнымъ политическою властью пролетаріатомъ, и не обнаруживаютъ больше никакого отвращенія къ частичному и прогрессивному государственному соціализму» (Maurice Bourguin «Les systèmes socialistes et l'évolution économique». Paris. 1904. p. 121).

Итакъ, въ самыхъ общихъ чертахъ проектъ Каутскаго,—онъ изложенъ въ его книжкѣ: «Соціальная реформа и на другой день послѣ революціи» (сс. 95—150)—заключается въ слѣдующемъ. Вся капиталистическая собственность принимаетъ въ будущемъ форму выпускаемыхъ общественными учрежденіями именныхъ (во избѣжаніе обмановъ и уклоненій отъ платежа) облигацій; устанавливается прогрессивный подоходный налогъ, размѣры котораго можно довести до какой угодно высоты—въ случаѣ надобности даже и до такой, что для крупныхъ имуществъ онъ будетъ почти равносиленъ конфискаціи: послѣдняя утрачиваетъ при такомъ образѣ дѣйствія свой рѣзкій революціонный характеръ, становится болѣе эластичной и менѣе болѣзненной. Самое обобществленіе произойдетъ не исключительно только въ пользу государства, но и общинъ, ассоціацій, кооперативныхъ союзовъ. Оно не будетъ даже интегральнымъ, напр., не коснется множества частныхъ мелкихъ предпріятій, прежде всего въ области сельскаго хозяйства, а за тѣмъ и ремесла (особенно въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ машина еще не въ состояніи успѣшно конкуррировать съ ручнымъ трудомъ). Возможно даже, пожалуй, что при пролетарскомъ режимѣ число мелкихъ промышленныхъ заведеній увеличится вслѣдствіе благосостоянія массъ и усиленія спроса на продукты ручного труда.

Далѣе, Каутскій вовсе не собирается послѣ соціальной революціи приступить къ упраздненію денегъ; какъ средство обращенія, деньги останутся. Цѣны продуктовъ можно будетъ устанавливать независимо отъ стоимости, хотя при этомъ будутъ сообразовываться съ исторически установившимися цѣнами. А разъ существуютъ деньги и цѣны на продукты, то и трудъ будетъ оплачиваться деньгами—должна будетъ, слѣдов., существовать и рабочая плата, при чемъ послѣдняя принимаетъ самыя разнообразныя формы: постояннаго жалованья, повременной или поштучной платы, участія въ выгодахъ отъ сбереженія сырья, машинъ и пр., въ выгодахъ отъ болѣе интенсивнаго труда и т. п.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ концепція Каутскаго о соціальной организаціи, которая будетъ введена послѣ пролетарской революціи. Выше цитированный Морисъ Бургэнъ совершенно правъ, заключая, что марксизмъ вступилъ въ лицѣ ея въ новую фазу: тезисъ о катастрофѣ почти отвергнутъ, насильственная и внезапная революція почти что исключена, чистый коллективизмъ игнорируется; даже самъ государственный соціализмъ далеко не берется въ его интегральномъ смыслѣ, но разсматривается, какъ соціализмъ прогрессивный; онъ сдѣлался какимъ то сочетаніемъ

муниципальнаго соціализма, кооператизма и даже индивидуализма. «Соціализмъ освобождается отъ утопіи и старается стать пріемлемымъ, уклоняясь съ каждымъ днемъ все болѣе отъ коллективизма героическихъ временъ» (назв. соч. 123—4).

Мимоходомъ замѣтимъ, что этому процессу освобожденія соціализма отъ утопіи и подмѣны его ученіемъ, «пріемлемымъ» и для не-соціалистическаго міра, хотя и сохранившимъ еще какую то соціалистическую опушку,—глава бельгійскихъ соціалистовъ, Эмиль Вандервельдъ, еще до Каутскаго далъ крайне мѣткое опредѣленіе, говоря о превращеніи внезапной экспропріаціи въ «постепенное распространеніе коллективной собственности *по линіи наименьшаго сопротивленія*» («Le socialisme en Belgique», стр. 369). На нашихъ глазахъ расширяется область государственнаго хозяйства, какъ о томъ свидѣтельствуютъ бюджеты всѣхъ культурныхъ государствъ, и «по мѣрѣ того, какъ распространяется область коллективной собственности,—частная собственность принимаетъ все болѣе и болѣе условный характеръ» (Читатель вспомнитъ тутъ и вышеприведенное, въ выноскѣ, замѣчаніе Жорэса объ изъятіи изъ подъ вѣдѣнія индивидуальной воли и индивидуальнаго права $^1/_8$ доходовъ французской націи въ видѣ налоговъ,—кончающееся фразой о томъ, что «демократическое государство становится классовымъ государствомъ все менѣе и менѣе»). Однако, заслуживаетъ вниманія, что тогда, какъ Каутскій яко-бы откладывалъ осуществленіе своего «соціалистическаго» плана «на другой день послѣ пролетарской революціи», чѣмъ до нѣкоторой степени осѣнялъ его отблескомъ чего-то идеальнаго и далекаго,—Вандервельдъ и Жоресъ, помѣщая тотъ же процессъ въ самую сердцевину капиталистическаго строя, лишаютъ его въ глазахъ вѣрующаго соціалиста послѣдняго ореола, превращая въ какую то капиталистически-соціалистическую мѣшанину, гдѣ за поверхностными классовыми перегородками общества мы уже теперь въ правѣ усматривать зарю новыхъ соціалистическихъ отношеній. Развертывая предъ нами свой коллективизмъ «линіи наименьшаго сопротивленія», Вандервельдъ объясняетъ: «Съ развитіемъ фабричнаго законодательства капиталисты все болѣе и болѣе становятся въ положеніе руководителей *коллективистическаго предпріятія*: промышленность, въ которой закономъ опредѣлена длина рабочаго дня, рабочіе имѣютъ участіе въ прибыляхъ, право обсуждать внутренніе распорядки производства, устанавливать, вмѣстѣ съ предпринимателями, условія труда, воздѣйствовать на нихъ чрезъ своихъ выбранныхъ помощью примирительныхъ третейскихъ судовъ—такая промышленность, по меньшей мѣрѣ, *столько же похожа на общественное производство, сколько и на частное предпріятіе*» (стр. 2?0). Настоящая *капиталистически-коллективистическая* идиллія, не правда ли,—не смотря на всю свою идилличность, однако, не исключающая того, что мы стоимъ уже «въ самомъ огнѣ соціальнаго переворота» и

намъ совершенно нечего болѣе дожидаться революціи въ старомъ смыслѣ этого слова *)!

Но если все это такъ, то мы не видимъ никакой надобности останавливаться въ своемъ анализѣ на той точкѣ, на которой бы вздумали утвердить насъ Каутскій, Вандервельдъ или Жорэсъ, а считаемъ возможнымъ продвинуть этотъ анализъ и дальше. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ мы вчитывались въ послѣднее слово соціалистическаго profession de foi главы современной германской соціалъ-демократіи, въ памяти нашей все настойчивѣе вставало другое соціальное profession, которое, за 20 лѣтъ до того, въ отвѣтъ на обвиненіе въ соціализмѣ, выложилъ предъ изумленнымъ рейхстагомъ—не кто иной, какъ «желѣзный канцлеръ».

Заканчивая въ засѣданіи 12 іюня 1882 г. свою рѣчь въ защиту законопроекта казенной табачной монополіи—этого архиколлективистическаго законопроекта, какъ не отказались бы подтвердить, безъ сомнѣнія, ни Жорэсъ, ни Вандервельдъ—кн. Бисмаркъ самъ рѣшительно пошелъ навстрѣчу этому новому и благодарнѣйшему поводу для своего обвиненія фразой: «Я хочу еще коснуться упрека въ соціализмѣ». Ораторъ не отрицаетъ справедливости этого обвиненія, признаетъ соціалистичность многихъ мѣръ, принятыхъ имъ въ интересахъ страны, и, развивая въ этомъ направленіи одну мысль за другою, раскрывая горизонтъ за горизонтомъ, доходитъ, наконецъ, до такой высокой точки соціалистическаго берсеркерства, что признаетъ необходимость для такой имперіи, какъ германская, усвоить себѣ максимальную «порцію соціализма» и даже берется прописать государству на ближайшій случай нѣсколько капель «соціальнаго масла»—въ качествѣ патентованнаго врача отъ соціализма. «Мы должны будемъ—взывалъ Бисмаркъ—реформами идти навстрѣчу соціальнымъ тре-

*) Эпитетъ „капиталистически-коллективистическій" мы употребили, еще прежде чѣмъ встрѣтили у самого Вандервельда въ другомъ его сочиненіи („Промышленное развитіе и общественный строй") соотвѣтственную очень любопытную оговорку, которая гласитъ буквально: „этотъ частичный коллективизмъ—мы бы сказали этотъ *капиталистическій коллективизмъ* (курс. авт.), если бы эти два слова не находились между собой въ рѣзкомъ противорѣчіи—эта сдѣлка между индивидуализмомъ и соціализмомъ была бы (?) только переходной формой къ чистому коллективизму" (стр. 127). Все это, разумѣется, не мѣшаетъ тому же Вандервельду въ третьемъ своемъ сочиненіи („Золотая свадьба международнаго соціализма") усердно подчеркивать, что соціализмъ „*долженъ стоять на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, а не заниматься отысканіемъ невозможной гармоніи между противоположными интересами*" (стр. 23). Можно ли себѣ представить большую путаницу?.. Впрочемъ, если Вандервельдъ все таки ухитрился соединить два слова, находящіяся между собой, по его собственному сознанію, „въ рѣзкомъ противорѣчіи" (какъ „капиталистическій коллективизмъ"), то почему же не заниматься и „отысканіемъ невозможной гармоніи между противоположными интересами"—труда и капитала?

бованіямъ, если только хотимъ держаться той же мудрой политики, которой слѣдовало въ Пруссіи законодательство Штейна и Гарденберга по отношенію къ освобожденію крестьянъ. Эти законодательныя мѣропріятія, отнимавшія блага у однихъ и отдававшія ихъ другимъ, также были соціализмомъ, даже гораздо большимъ соціализмомъ, чѣмъ монополіи. Я радъ, что этотъ соціализмъ былъ осуществленъ: благодаря ему, мы имѣемъ весьма зажиточное, свободное крестьянское сословіе»... Здѣсь мы вынуждены позволить себѣ прервать на одинъ мигъ высокопоставленнаго оратора ради небольшой философски-исторической справки: если, какъ заявлялъ Бисмаркъ, благодаря соціализму, нѣмцы имѣютъ зажиточное, свободное крестьянство, то отсюда, повидимому, явствуетъ, что крестьянству вообще не приходится бояться соціалистическаго режима; и таково, дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ буквальное утвержденіе Каутскаго, сопровождающееся успокоительнымъ завѣреніемъ, что каждому мелкому крестьянину будетъ, по всей вѣроятности, предоставлено и впредь вести свое хозяйство на прежнихъ основаніяхъ, и что ни одинъ серьезный соціалистъ (ну, извѣстно, легкомысленные люди не въ счетъ) не требовалъ никогда экспропріаціи крестьянъ или конфискаціи ихъ земель» («Соц. реф.», стр. 144) *).

Въ *нѣкоторое*, правда, отличіе отъ Каутскаго, Бисмаркъ выразилъ вслѣдъ затѣмъ надежду, что современемъ мы достигнемъ подобнаго же результата—т. е. положенія зажиточнаго свободнаго сословія—и для рабочихъ. Конечно, соціализмъ, а значитъ, Каутскій, иначе представляетъ себѣ будущее рабочаго класса; но именно соціализмъ, а не соціалисты, послѣдніе, по крайней мѣрѣ, только—ех of-

*) Нельзя не замѣтить, что, выражаясь такимъ образомъ („ни одинъ соціалистъ никогда *не требовалъ*“ и т. д.), Каутскій просто играетъ словами, спекулируетъ (допускаемъ, безсознательно), на двусмысленность этого выраженія, съ цѣлью выйти съ наименьшимъ урономъ изъ сличенія съ фактами лишь вчерашняго дня. Если бы даже соціалъ-демократы „не требовали“ обезземеленія и пролетаризаціи крестьянства,—какъ требуетъ чего-нибудь моралистъ, судья или законодатель,—то кто же не знаетъ, что еще вчера даже наиболѣе „серьезные“ соціалисты изъ марксистовъ *приговаривали* мелкую крестьянскую собственность къ исчезновенію такимъ же образомъ, какъ врачъ „приговариваетъ“ иногда тяжко больного къ смерти. Вольно же Каутскому придавать теперь абсурдный смыслъ своимъ прошлымъ теоретическимъ діагнозамъ и утвержденіямъ Но, конечно, есть врачи, которые, въ случаѣ выздоровленія приговореннаго или больного, объявляютъ, такъ сказать, паціента внѣ науки; другіе, болѣе тактичные, напротивъ, мирятся съ фактомъ антинаучнаго поведенія больного и стараются его использовать въ своихъ видахъ. Къ такимъ „соціальнымъ“ врачамъ и нужно, какъ мы покажемъ, отнести въ аграрномъ вопросѣ соціалъ-демократовъ. Но тутъ же мы убѣдимся и въ большемъ: что, въ сущности, и на родинѣ Каутскаго, а въ особенности въ нашемъ отечествѣ не было недостатка и въ людяхъ (и очень „серьезныхъ!“), которые чуть ли именно не „требовали“ таки пролетаризаціи крестьянства въ своихъ программныхъ лозунгахъ.

ficio. Ибо не говоря уже о представленіи, которое внесъ выше Вандервельдъ, о рабочихъ, участвующихъ совмѣстно съ предпринимателями въ идилліи установки условій труда и внутреннихъ распорядковъ производства, *именно какъ рабочіе*, не говоря также о допущеніи Жорэсомъ и въ соціалистическомъ государствѣ наемнаго труда, подъ условіемъ полученія наемнымъ рабочимъ того же заработка, что и *самостоятельно трудящійся*, при равныхъ условіяхъ, *на собственной землѣ хозяинъ* («зажиточныя, свободныя сословія» Бисмарка!)—у самого Каутскаго, и тоже при будущемъ детально разработанномъ имъ соціалистическомъ режимѣ, мелкія промышленныя предпріятія могутъ быть придаткомъ какого-нибудь крупнаго государственнаго или коммунальнаго заведенія и поставлять ему свои продукты, могутъ работать на частныхъ заказчиковъ или на вольный рынокъ, могутъ осуществлять, однимъ словомъ, на какой угодно ладъ полную, патріархальную «мелкобуржуазную» идиллію въ «научномъ» соціализмѣ! Рабочій, какъ и теперь, будетъ имѣть возможность работать въ самыхъ различныхъ по формѣ предпріятіяхъ, переходя изъ одного въ другое: швея, напр., (какая-нибудь бережливая Агнеса!), можетъ работать на государственной фабрикѣ, или шить платья у себя на дому на какую-нибудь частную заказчицу (!), или заниматься шитьемъ на дому у заказчицы (?!), или, наконецъ, соединиться съ двумя-тремя товарками (такими же «Spar-Agnes», какъ она!) и образовать производительное товарищество, которое будетъ изготовлять платье на заказъ или на магазинъ» (ib. 149)...

«...Не знаю только,—прибавилъ Бисмаркъ,—доживу ли я до этого времени, въ виду того принципіальнаго сопротивленія, которое мнѣ оказывается со всѣхъ сторонъ и которое меня такъ утомляетъ. Однако, и мы съ Жорэсомъ, Каутскимъ и другими даже теперь, четверть вѣка спустя, едва ли счастливѣе Бисмарка въ этомъ отношеніи: мы тоже едва ли можемъ льстить себя дожить до этого времени, судя по тому, что и Каутскимъ вотъ эта желанная соціальная революція «разсматривается, какъ историческій процессъ, который можетъ длиться болѣе или менѣе продолжительное время и даже растянуться на цѣлые десятки лѣтъ» Каутскій на этомъ основаніи отказывался—и совершенно резонно—«ломать себѣ голову надъ рецептами для кухмистерской будущаго» (ib. 95).

Въ томъ же соціалистическомъ родѣ было и дальнѣйшее теченіе этой замѣчательной рѣчи желѣзнаго канцлера. «Соціалистической мѣрой, продолжалъ онъ, было возстановленіе свободы крестьянъ, соціалистична всякая экспропріація въ пользу желѣзныхъ дорогъ; въ высшей степени соціалистическій характеръ имѣетъ, напримѣръ, соединеніе участковъ земли, отнимаемыхъ у одного — во многихъ провинціяхъ это законъ — и отдаваемыхъ другому только потому, что другой можетъ лучше эксплуатировать

ихъ; соціалистично все призрѣніе бѣдныхъ, обязательное посѣщеніе школъ, проведеніе дорогъ, т. е. принудительное ихъ проведеніе, заставляющее меня въ моемъ участкѣ земли заботиться о состояніи дороги для проѣзжающихъ. Все это соціалистично; я бы могъ еще долго продолжать этотъ списокъ, но если—обращается Бисмаркъ непосредственно къ своей аудиторіи—если вы думаете кого-нибудь запугать словомъ «соціализмъ» или вызвать какіе-либо призраки, то вы стоите на такой точкѣ зрѣнія, отъ которой я уже давно отказался и отказъ отъ которой настоятельно необходимъ для всего имперскаго законодательства... Вы будете вынуждены,—рѣшительно закончилъ ораторъ,—прописать государству нѣсколько капель соціальнаго масла; сколько именно—я не знаю, но законодательство проявило бы, по моему, большое нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ, если бы оно не стремилось къ той реформѣ, начало которой мы теперь вамъ предлагаемъ». Начало, какъ сказано, въ видѣ казенной табачной монополіи, высокоофиціальный соціалистическій характеръ которой должны были бы согласно подтвердить главари французскаго и бельгійскаго соціализма—такъ какъ «собственность класса, вмѣсто формы индивидуальной собственности, принимаетъ въ такомъ случаѣ государственную форму» (Жорэсъ), а «по мѣрѣ того, какъ расширяется область государственнаго хозяйства, распространяется и область коллективной собственности и частная собственность принимаетъ все болѣе и болѣе условный характеръ» (Вандервельдъ)...

Въ концѣ концовъ, мы только обогатили, благодаря Бисмарку, нашъ соціалистическій лексиконъ: соціализмъ есть уже освобожденіе крестьянъ, казенная табачная или винная монополія, соціализмъ—экспропріація въ пользу желѣзныхъ дорогъ, соціалистично одно, соціалистично другое, соціалистично, словомъ, многое такое, относительно котораго мы, говорящіе обычной несоціалистической прозой, ничего такого и не подозрѣвали.. А въ частности, если раньше мы рѣшили, что «частичный соціализмъ» иныхъ соціалъ-демократовъ—имѣнъ незачѣмъ больше перечислять—такъ же похожъ на соціализмъ, какъ маргаринъ на масло, то послѣ замѣчательной декларацiи Бисмарка мы можемъ прибавить только новую фигуру уподобленія:—и какъ «соціальное масло» «соціальной монархіи» Гогенцоллерновъ похоже на революціонный соціализмъ Коммунистическаго Манифеста...

— И это вы называете соціальной политикой? саркастически обращался Бебель къ правительству по поводу маргариноваго законопроекта...—Но изъ предыдущаго для насъ уже выяснилось, что правительство въ сущности знаетъ толкъ въ соціальной политикѣ, по крайней мѣрѣ, въ такой политикѣ, которая при извѣстныхъ условіяхъ удовлетворила бы и Бебеля съ Каутскимъ—оно даже умѣло отчасти проводить эту политику на дѣлѣ (какъ доказываютъ, напр., законы о страхованіи рабочихъ). Если же, не-

смотря на то, оно, въ конечномъ результатѣ, всетаки «подбрасываетъ цѣлыми грудами оружіе къ самому порогу» соціалъ-демократіи, то происходитъ это оттого, что, въ концѣ концовъ, знаніе и пониманіе это одно, а надлежащее умѣніе и соотвѣтствующее тому широкое воплощеніе въ жизнь—другое; что слишкомъ ужъ, должно быть, велико было то «принципіальное сопротивленіе», которое со всѣхъ сторонъ оказывалось Бисмарку въ его реформаторской соціалистической дѣятельности и на которое не уставалъ жаловаться великій государственный человѣкъ. Что дѣлать, господствующіе классы отказались прописать государству всю необходимую дозу «соціализма»; они, какъ и самъ, впрочемъ, Бисмаркъ въ своей дѣятельности, напр., направленной на подавленіе соціалъ-демократіи, были не столько слѣпы насчетъ требованій истинной соціальной политики, какъ находились скорѣе въ положеніи поэта, который говоритъ: Video meliora proboque deteriora sequor—я вижу и одобряю лучшее, а слѣдую на дѣлѣ худшему—повторяемъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда имъ приходилось волей-неволей мѣряться съ такимъ мощнымъ и опаснымъ противникомъ, какъ соціалъ-демократія, нехотя считаться съ ея минимальными требованіями на почвѣ рабочаго законодательства... И они были наказаны за такое противорѣчіе и за свою неустойчивость тѣмъ, что рабочія массы оказались потерянными для нихъ, сданы ими, что называется, прямо съ рукъ на руки этому противнику, который, по крайней мѣрѣ, въ вопросахъ частичнаго соціализма умѣетъ, во всякомъ случаѣ, гораздо лучше согласовать свои дѣла съ своими рѣчами...

Какъ бы то ни было, мы думаемъ, что тѣмъ самымъ соціализмъ подлинный и неущербленный, соціализмъ «конечныхъ цѣлей» разъ навсегда переводится въ царство не отъ міра сего, въ область вѣчныхъ платоновыхъ идей; въ сферѣ же обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній онъ пріобрѣтаетъ характеръ какого-то частнаго quasi-религіознаго или соціальнаго вѣрованія, совершенно законнаго, какъ и всякое другое приватное вѣрованіе, лишь бы оно не посягало на свободу совѣсти другихъ индивидуумовъ, группъ и общественныхъ классовъ, вѣрованія, ровно ничему не мѣшающаго и ни къ чему никого не обязывающаго, кромѣ какъ, впрочемъ, опять таки... къ вѣротерпимости. Правда, такою вѣротерпимостью къ соціализму не всегда могутъ похвастать господствующіе классы. Напр., тотъ самый Бисмаркъ, который такъ подольщался въ своихъ рѣчахъ къ соціалъ-демократіи, Бисмаркъ, такъ далеко заходившій въ вопросахъ соціализма, что, какъ новый Томасъ Моръ, предвосхищалъ за 20 лѣтъ впередъ главнѣйшія основоположенія научнаго соціализма Каутскаго отъ 1902 г., былъ ярымъ гонителемъ соціалистовъ (какъ, впрочемъ, Томасъ Моръ — анабаптистовъ), былъ авторомъ знаменитаго направленнаго противъ нихъ закона (1878—1890), давившаго ихъ всей

тяжестью правительственнаго гнета, въ то самое время, когда авторъ его съ парламентской трибуны разсыпался въ похвалахъ предъ «справедливымъ зерномъ соціалъ-демократіи»... Но вѣдь опять таки извѣстно, что свобода вѣроисповѣданія, даже торжественно провозглашенная въ терминахъ положительнаго закона, ни къ чему не обязываетъ на дѣлѣ—это разъ; а во-вторыхъ, при изданіи упомянутаго закона противъ соціалистовъ, дѣло было въ сущности не въ соціализмѣ—вѣдь Бисмаркъ давно «не пугался» этого *слова*—а въ предполагаемыхъ «разрушительныхъ для государства стремленіяхъ» соціалъ-демократіи... Но странное дѣло, именно этотъ законъ—такова ужъ иронія человѣческихъ дѣлъ!—способствовалъ только вящшему революціонизированію соціалъ-демократіи; когда же съ отставкой Бисмарка, законъ противъ соціалистовъ былъ отмѣненъ, соціалистическая партія снова открыто организовалась, завела свои газеты, кассу, стала устраивать конгрессы и организовала оффиціальное управленіе; вслѣдствіе всего этого, главное же вслѣдствіе своихъ успѣховъ въ избирательной борьбѣ, которыхъ партія стала добиваться особенно усиленно, революціонная температура ея сразу значительно упала, и, что еще важнѣе, соціалистическія ея задачи мало-по-малу опустились до уровня бисмарко-каутсковской «соціальной реформы».

«Какъ видите, единственное, что въ соціальной реформѣ дѣлаетъ быстрые успѣхи, это — скромность соціалъ-реформистовъ»: любопытно, что это язвительное замѣчаніе самъ Каутскій нашелъ умѣстнымъ бросить по адресу Миллерана и части французскихъ соціалистовъ (такъ называемыхъ жоресистовъ) въ этой же самой своей книжкѣ: «Соціальная реформа» (с. 67)...

Дѣйствительно, во Франціи падшій ангелъ соціализма, Миллеранъ, безъ дальнихъ околичностей объявляетъ «понятіе классовой борьбы ложнымъ и даже опаснымъ, если его отдѣлить отъ понятія классовой солидарности», и въ этомъ смыслѣ приглашаетъ рабочую партію заняться «превращеніемъ соціалистической доктрины *изъ пустой формулы въ живую дѣйствительность*». Но повернется ли у насъ языкъ для единаго слова укора по адресу отлученнаго экс-министра послѣ всѣхъ капиталистически-коллективистическихъ идиллій, которыя разводили предъ нами признанныя руководства соціализма и бойцы классовой борьбы? Въ чемъ же однако, вышеупомянутое «превращеніе» должно заключаться? - Не въ томъ, отвѣчаетъ Миллеранъ, чтобъ добиться такого общественно-экономическаго строя, какой рисуется въ данное время въ воображеніи гедистовъ,—это, на взглядъ Миллерана, чистѣйшая утопія - а въ томъ, чтобы сдѣлать міръ болѣе обитаемымъ, для всѣхъ безъ исключенія, постепеннымъ устраненіемъ общественныхъ несправедливостей. Это такъ называемый реформистскій соціализмъ, признающій необходимость прогрессивной замѣны капиталистической собственности соціальной. Но читатель

видить, что тутъ нѣтъ ничего специфически-мильерановскаго или французскаго; это, въ сущности, въ такой же мѣрѣ соціализмъ нѣмецкій, бельгійскій или итальянскій, это, однимъ словомъ или двумя словами,—интернаціональная соціалъ демократія. И когда Каутскій иронизируетъ насчетъ быстрыхъ успѣховъ, которые дѣлаетъ скромность «соціалъ-реформистовъ», намъ хочется спросить его: «надъ кѣмъ смѣешься»? Не онъ ли самъ позаботился о заполненіи «пустой формулы» соціалистической доктрины обильнымъ «соціалъ-реформистскимъ» содержаніемъ? Единственное же, что отличаетъ этого мнимаго блюстителя чистоты доктрины отъ другихъ, заключается въ томъ лишь, что онъ не обладаетъ ихъ умственной прямотой, тѣмъ «мужествомъ своихъ мнѣній», къ которому приглашаютъ партію и которое лично обнаруживаютъ въ весьма похвальной степени такіе люди, какъ Мильеранъ или Бернштейнъ: послѣдній, какъ намъ извѣстно, тоже называетъ доктрину классовой борьбы—«заскорузлой». Бернштейнъ, впрочемъ, долженъ остановить здѣсь на себѣ наше вниманіе подольше.

Какъ у насъ, такъ и на Западѣ «воскресенье» марксизма выступаетъ подъ флагомъ ревизіонизма, который въ Европѣ (въ особенности въ Германіи), по причинамъ больше опять-таки личнаго, чѣмъ объективнаго свойства, неразрывно связался съ именемъ Эдуарда Бернштейна. Девизомъ своимъ бернштейніанство избрало шиллеровское слово: «Возлюбленная Моора можетъ погибнуть только отъ руки Моора». Легко понять, однако, что особенности такого рода гибели мооровой возлюбленной въ бернштейновскомъ иносказаніи могутъ заключаться въ томъ, что изъ рукъ своего возлюбленнаго она непремѣнно возродится къ новому бытію, съ «розовыми щеками», свѣжая, «какъ сама жизнь...»

«Критика нѣкоторыхъ элементовъ марксистскаго ученія» дѣйствительно и исходитъ у Бернштейна изъ принципа, что ошибки и заблужденія какого-нибудь ученія только тогда могутъ считаться преодолѣнными, когда они признаны за таковыя приверженцами этого ученія, но что, съ другой стороны, такое признаніе еще не означаетъ гибели ученія. «Можетъ скорѣе оказаться, говоритъ онъ, что по отдѣленіи того, что признано ошибочнымъ, все таки въ заключеніе—да будетъ мнѣ позволено воспользоваться однимъ лассалевскимъ оборотомъ—Марксъ будетъ противъ Маркса».

Въ этомъ, можно сказать, весь Бернштейнъ, чистая бернштейновская сущность, и въ этомъ единственномъ случаѣ нельзя не отдать всей правоты Карлу Каутскому, когда въ своемъ праведномъ ортодоксальномъ гнѣвѣ онъ язвительно высмѣиваетъ такого рода неправомѣрные, по его мнѣнію, извороты діалектики: «Марксъ-де не правъ уже потому, что онъ правъ»...

Въ результатѣ такихъ діалектическихъ усилій мы имѣемъ, какъ ни какъ, желанное *воскресенье марксизма*, прошедшаго чрезъ свое собственное критическое горнило. Русскому читателю небезынтересно будетъ узнать, что однимъ изъ отголосковъ, и при томъ наиболѣе ясныхъ, этихъ западныхъ ревизіонистскихъ вѣяній въ нашей легальной литературѣ являлось, насколько можно судить по отдѣльнымъ имѣющимъ сюда отношеніе статьямъ, направленіе журнала «Образованіе». Кстати, еще въ сентябрѣ 1905 г. послѣдній счелъ долгомъ напомнить о заслугахъ своихъ въ данномъ направленіи, а именно, что «это воскресенье (марксизма) давно предсказывалось «Образованіемъ» и поразить могло только очень простодушныхъ людей». Давно это дѣлалось или недавно, но фактъ справедливъ—«Образованіе» предсказывало. Въ этомъ смыслѣ въ свое время еще обращала на себя вниманіе статья г. Изгоева «О старомъ и новомъ» (1903 г., мартъ), изъ которой мы узнавали, что уже тогда—въ 1903 г.—наши публицисты были заняты разысканіемъ того «новаго слова», которое должно прійти на смѣну якобы погибшему «марксизму» и «экономическому матеріализму»... И уже въ то время, въ пику этимъ легковѣснымъ публицистамъ, у правовѣрныхъ и глубокомысленныхъ «учениковъ» невольно зарождался вопросъ, не слишкомъ ли спѣшатъ съ похоронами? «Что, собственно говоря, произошло»?—задавался, напр., вопросомъ г. Изгоевъ и отвѣчалъ «въ самыхъ краткихъ чертахъ».

Исходя изъ того, что *практическія* жизненныя силы, выходившія на Западѣ подъ знаменемъ марксизма, не исчезли — съ чѣмъ безусловно нельзя не согласиться, хотя бы во вниманіе уже къ практическому, т. е. оппортунистическому направленію, принятому этими силами тамъ, на Западѣ,—авторъ и самъ принимаетъ за несомнѣнное, что силы эти переживаютъ извѣстный кризисъ. «Чѣмъ же онъ вызванъ?»—Отвѣтъ дается довольно обстоятельный: тѣмъ, что общее экономическое развитіе шло не такъ быстро, какъ думали въ 1848 г., что общественныя отношенія оказались гораздо болѣе сложными, что значеніе многихъ общественныхъ силъ было слишкомъ низко оцѣнено, что эволюція земледѣльческаго хозяйства обнаружила черты, отличныя отъ эволюціи индустріальной, что ясная прямолинейность, не только умѣстная, но и необходимая въ научныхъ сочиненіяхъ, не могла быть примѣнена къ жизни, что борьбу міровыхъ силъ невозможно было свести всецѣло на конфликтъ между капиталистами и пролетаріатомъ, что индустріальный пролетаріатъ при современномъ уровнѣ общественнаго хозяйства не могъ стать единой главенствующей жизненной силой...

Какъ видите изъ этого перечня, «извѣстный кризисъ», переживаемый марксизмомъ, вызванъ очень, очень немногимъ—до того малымъ, что является даже искушеніемъ «извиниться»: Excusez du peu. Извините, что такъ мало, и что такими пустяками рѣшаются тревожить покой доктрины. Стыдливой скороговоркой г. Изгоевъ

какъ бы и извиняется за то, что «ясная прямолинейность, не только умѣстная, но и необходимая въ научныхъ сочиненіяхъ, не могла быть примѣнена къ жизни»... Но полно, такъ ли это? можетъ быть, «ясная прямолинейность» является не Богъ ужъ вѣсть столь высокимъ достоинствомъ въ «научныхъ сочиненіяхъ», если благодаря ей, благодаря этому сознательному, изъ предвзятыхъ схемъ исходившему упрощенію, теорія расходилась съ дѣйствительностью. Напримѣръ, и общее экономическое развитіе шло не такъ быстро, какъ предписывали «научныя сочиненія»; и общественныя отношенія оказались гораздо болѣе сложными, чѣмъ предполагалось «Капиталомъ»; и значеніе многихъ общественныхъ силъ было слишкомъ низко оцѣнено; и земледѣльческая эволюція построена по ранжиру индустріальной; и промышленный пролетаріатъ признанъ не по праву единственной рѣшающей общественной силой. Однимъ словомъ, случилось именно то, что мы «переживаемъ» теперь *кризисъ* марксизма, — кризисъ, признаваемый многими смертью и упокоемъ, а иными привѣтствуемый какъ воскресенье или даже какъ симптомъ завиднаго здоровья?..

Но хотя «ясная прямолинейность» и составляетъ великое достоинство «научныхъ сочиненій» именно вслѣдствіе ея «непримѣнимости» къ жизни, однако по мѣрѣ выясненія всѣхъ указанныхъ фактовъ, — такъ гласитъ дальнѣйшая часть резюме «о старомъ и новомъ» — приходилось дѣлать частичныя измѣненія въ тактикѣ, то внося, то не внося ихъ въ программы, пока естественно, самъ собой не всталъ вопросъ о необходимости цѣльнаго пересмотра программы. «Тогда рѣзко обнаружились два мнѣнія: одни, вѣря въ возможность новаго всеобщаго синтеза, утверждали, что необходимо соотвѣтственно новымъ даннымъ кореннымъ образомъ перестроить теоретическія основы пролетарскаго міровоззрѣнія, другіе отрицали эту необходимость, доказывали, что для дѣятельности индустріальнаго пролетаріата старая теорія и понынѣ сохранила *всю свою силу и полезность*, а съ новыми силами слѣдуетъ, смотря по обстоятельствамъ, входить въ тѣ или иные *компромиссы*, считаясь съ новыми фактами, точно предусмотрѣть которые 30—40 лѣтъ тому назадъ было невозможно».

Вотъ и все, вотъ вамъ и весь кризисъ — исчерпанный въ десяти какихъ-нибудь строчкахъ «двумя мнѣніями», столкнувшимися въ интереснѣйшемъ «шокѣ»; изъ него, какъ говорятъ французы, должна въ заключеніе непремѣнно выскочить истина. Въ чемъ же эта истина заключается?—Какъ видно, въ одномъ словѣ: компромиссъ! «Компромиссъ съ новыми силами и фактами», однако, не мѣшающій «старой теоріи и понынѣ сохранить всю свою силу и полезность—для дѣятельности индустріальнаго пролетаріата». Но это—самообольщеніе! Ибо кто говоритъ А, долженъ сказать и Б, и кто принужденъ входить въ компромиссъ, тотъ въ полномъ согласіи съ этимологическимъ смысломъ этого слова, фактически

только компрометтируетъ себя, компрометтируетъ свою хваленую «силу и полезность».

Компромиссъ это — предѣльный пунктъ, знаменующій безсиліе силы, и гдѣ начинается уже сила безсилія... Но компромиссъ—это вѣдь хорошо намъ знакомо — есть само исконное оппортунистическое существо марксизма, это излюбленные «соціалъ-демократическіе методы», изученные нами выше... И не кто иной, какъ именно журналъ «Образованіе», устами одного изъ своихъ видныхъ, задающихъ тонъ сотрудниковъ рѣзко, это правда, но вполнѣ заслуженно осудилъ этого рода тактику «пополненія и дальнѣйшаго развитія», какъ процессъ «позорный и отталкивающій» съ внутренней его стороны...

Для непредубѣжденнаго взгляда уже изъ вышеприведенной характеристики наступившаго «кризиса» не оставалось никакого сомнѣнія, что теорія расползается по всѣмъ швамъ, забирая кой-гдѣ даже самое мясо, что ни одинъ изъ существенныхъ прогнозовъ не оправдался. Но на типическаго «ученика» это не производитъ, повидимому, никакого впечатлѣнія: онъ находитъ, что это сущіе пустяки, что непредвидѣнная сложность общественныхъ отношеній имѣетъ, если можно такъ выразиться, чисто-ариѳметическій характеръ, требующій только «пополненія» соотвѣтственными слагаемыми... Никакой «коренной перестройки теоретическихъ основъ», а просто компромиссы съ новыми силами и новыми фактами, и тогда можно будетъ сказать, что «въ программѣ есть все»...

Это «все» носитъ, какъ мы уже замѣтили, слишкомъ яркую печать тяготѣнія къ бернштейніанской мудрости, къ которой оно относится приблизительно такъ, какъ разведенный уксусъ въ уксусной эссенціи. Дѣло въ томъ, что Бернштейну, при всей половинчатости и недостаточной продуманности его мысли, благодаря природному сильному уму, посчастливилось все же разгадать первородный утопическій грѣхъ Маркса, формулировавъ его какъ «чисто-спекулятивное предвосхищеніе зрѣлости экономическаго и соціальнаго развитія, едва только пустившаго свои первые ростки». Ставъ на такую точку зрѣнія, не стоило уже большого труда отмѣтить и неизбѣжно вытекающія изъ этого основного промаха Маркса разныя частныя прогностическія и историческія ошибки, главнымъ образомъ, касательно такъ называемаго темпа развитія. Онъ сдѣлалъ это, въ свойственномъ ему умѣренно-благонамѣренномъ тонѣ, еще въ своемъ штуттгартскомъ посланіи (октябрь 1898 г.), въ такихъ выраженіяхъ, которыя намъ живо напомнятъ цитированныя разсужденія г. Изгоева.

Бернштейнъ писалъ: «Прогнозъ, поставленный «Коммунистическимъ Манифестомъ» развитію современнаго общества, былъ правиленъ, поскольку онъ констатировалъ *общія тенденціи* этого развитія. Но онъ былъ ошибоченъ въ различныхъ спеціальныхъ слѣдствіяхъ, прежде всего, въ оцѣнкѣ *времени*, котораго должно

потребовать развитіе. Послѣднее обстоятельство было откровенно признано Фридрихомъ Энгельсомъ, однимъ изъ авторовъ «Коммунистическаго Манифеста», въ предисловіи къ «Klassenkämpfe in Frankreich». Но — продолжалъ Бернштейнъ — ясно, что разъ хозяйственное развитіе потребовало для себя гораздо большаго протяженія времени, чѣмъ было предположено раньше, оно также должно было принять и *формы*, вести къ образованіямъ, которыя въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» не были и не могли быть предусмотрѣны»...

Нужно было быть поистинѣ только Бернштейномъ, т. е. при всей своей эмансипаціи отъ Маркса, все тѣмъ же закоренѣлымъ схоластикомъ-марксистомъ и при всѣхъ его выпадахъ противъ Гегеля все тѣмъ же далеко не излѣчившимся гегеліанцемъ, чтобы, дѣлая вышеприведенныя признанія—именно, что развитіе, которое такъ растянулось во времени противъ положеннаго, должно было необходимо развить и новыя непредвидѣнныя формы, т. е. представляться и качественно другимъ,—чтобы, больше того, понимая даже основную слабость Маркса и характеризуя ее какъ «чисто спекулятивное апріоризированіе», всетаки и послѣ всего этого цѣпляться еще за какія-то платоническія «общія тенденціи развитія», будто бы правильно предуказанныя въ «Коммунистическомъ Манифестѣ»... Да если пошло на то, то именно съ марксистско-діалектической точки зрѣнія, эти «общія тенденціи», о которыхъ идетъ рѣчь, намѣчены даже не Карломъ Марксомъ, а еще Томасомъ Моромъ, въ произведеніи (заглавіе его «Утопія»), которое можно по всей справедливости назвать «Коммунистическимъ Манифестомъ» XVI в. По крайней мѣрѣ, Карлъ Каутскій, посвятившій «Утопіи» и ея автору спеціальную монографію, отзывается такъ, что «коммунизмъ Мора былъ современенъ (modern) въ большинствѣ своихъ *тенденцій*, но несовремененъ во многихъ своихъ *средствахъ*» (курсивъ авт., с. 296). Очевидно, не велика штука, при такихъ условіяхъ, констатировать «общія тенденціи» развитія, когда онѣ находились уже, по компетентнымъ указаніямъ самого Каутскаго, въ границахъ умственнаго кругозора Томаса Мора, за 330 лѣтъ до появленія «Коммунистическаго Манифеста»... Мы можемъ поэтому только съ улыбкой читать, напр., такого рода рацеи того же автора: что, молъ, даже Марксъ съ Энгельсомъ, далеко превосходившіе всѣхъ своихъ современниковъ и по основательному всестороннему знакомству съ соціальными отношеніями нашихъ культурныхъ странъ и по цѣлостному и плодотворному методу изслѣдованія, хотя могли, съ одной стороны, на многія десятилѣтія впередъ опредѣлить направленіе экономическаго развитія, съ другой могли впасть иногда въ значительныя ошибки относительно темпа и формъ развитія въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ («Соц. реформа и пр.», с. 76 — 77). Во всемъ этомъ справедливаго только то, что говоритъ здѣсь Каутскій о «значительныхъ ошибкахъ»

Маркса. Да, съ геніально-прозорливымъ Марксомъ случались дѣйствительно самыя неимовѣрныя ошибки касательно «темпа и формъ развитія въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ!» Приведемъ одинъ только примѣръ, за то, надѣемся, характерный.

За немного мѣсяцевъ до наполеоновскаго coup d'Etat (2 декабря 1851 г.), необходимость котораго такъ убѣдительно впослѣдствіи обоснована Марксомъ въ его «Der 18-te Brumaire des Napoleon Bonaparte», онъ предсказалъ въ «Neue Rheinische Zeitung» неизбѣжно предстоящее въ ближайшіе же дни... наступленіе соціальной революціи. Мало того, какъ явствуетъ изъ переписки его съ Ласcалемъ, Марксъ и *послѣ* того какъ государственный переворотъ совершился, не допускаетъ и мысли о долговѣчности новаго режима: первая мысль, которою друзья-корреспонденты обмѣниваются между собою, первое слово, которое приходитъ имъ на языкъ и которымъ оба они комментируютъ ошеломительное извѣстіе, это—сравненіе съ Маллэ, генераломъ, который въ то время какъ Наполеонъ I былъ въ Москвѣ, своимъ неуклюжимъ нападеніемъ врасплохъ овладѣлъ на мгновеніе кормиломъ государственнаго управленія. Францъ Мерингъ, въ своихъ комментаріяхъ къ письмамъ Лассаля, поясняетъ, что снѣдавшее обоихъ великихъ людей революціонное нетерпѣніе заставило ихъ и продолжительность бонапартскаго интермеццо считать по мѣсяцамъ и призывать новую пролетарскую революцію непосредственно вслѣдъ за нимъ *). Но если такимъ образомъ, вмѣсто предвидѣнной побѣдоносной революціи снизу случился побѣдоносный государственный переворотъ сверху, вмѣсто Маллэ восторжествовалъ Наполеонъ III, а соціальная революція, которой они ждали такъ же упрямо, какъ Шарль Фурье своего милліонера, не наступила и до настоящаго дня—то мы все же не окончательно лишены утѣшенія. Хотя это ошибки, безспорно, «значительныя», но касаются онѣ только «темпа и формъ развитія въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ». За то вѣдь правильно предуказано было «общее направленіе движенія за многія десяти-

*) „Письма Ф. Лассаля къ Марксу и Ф. Энгельсу", сс. 39—48.—Любопытно отмѣтить, какъ просто умная и образованная женщина оказалась въ этомъ случаѣ проницательнѣе двухъ геніальныхъ и ученыхъ мужчинъ. Извѣстная графиня Гатцфельдъ, одновременно съ Лассалемъ, писала Марксу: „Я не могу избавиться отъ тревожной мысли, что господство Людовика-Бонапарта можетъ продолжиться на многіе годы. Л. (Лассаль) утверждаетъ, что это невозможно. Я совсѣмъ больна отъ бѣшенства и стыда, что подобный авантюристъ можетъ имѣть въ своемъ карманѣ судьбу Европы, и для меня было бы истиннымъ успокоеніемъ услышать отъ васъ (т. е. Маркса), что вы раздѣляете мнѣніе Лассаля, что это можетъ продолжаться лишь *короткое* время". Мерингъ прибавляетъ къ этимъ словамъ: „Исторія показала, что умная женщина была права, но согласился ли съ ней Марксъ, первымъ словомъ котораго былъ также Маллэ—это еще вопросъ. Революціонное нетерпѣніе пожирало также и его"...

лѣтія впередъ»!.. И пескептику, однако, невольно забредетъ въ голову вопросъ: не здѣсь ли именно, не въ самой ли этой преувеличенной его умственной дальнозоркости, лежитъ и корень столь же, съ другой стороны, чрезвычайной близорукости Маркса, засвидѣтельствованной даже Каутскимъ съ Мерингомъ? Тутъ, далѣе, и неюмористу невольно представится знакомый образъ метафизика, который угодилъ въ яму, находившуюся подъ самымъ его носомъ, потому что былъ занятъ въ это самое время размышленіями о матеріяхъ высокихъ. И тѣмъ болѣе подходитъ сюда именно этотъ образъ метафизика, что и то хваленое марксово предвидѣніе яко бы на многія десятилѣтія, о которомъ говорятъ его поклонники, должно быть признано при ближайшемъ изслѣдованіи операціей чисто-діалектической, мозговой, ни мало не обусловленной «знакомствомъ съ соціальными отношеніями нашихъ культурныхъ странъ». Потому что вѣдь и Томаса Мора, этого излюбленнаго героя своего утопическаго романа, нашъ ученый соціалистическій авторъ заставилъ предначертать общее направленіе экономическаго развитія Европы даже за нѣсколько столѣтій, а не то что десятилѣтій, впередъ. При этомъ орудіемъ его въ XVI вѣкѣ могло быть никакъ уже не «всестороннее знакомство и т. д.», а только тотъ чудесный, единственный въ своемъ родѣ талисманъ въ видѣ «цѣлостнаго и плодотворнаго діалектическаго метода», о которомъ упомянулъ прежде Каутскій въ примѣненіи къ Марксу и Энгельсу. Функціонированіе его безусловно независимо отъ конкретныхъ условій времени и мѣста и нуждается только въ подходящей человѣческой головѣ. «Мыслитель можетъ — такъ и увѣряетъ авторъ «Томаса Мора»—исходя изъ особенностей новаго способа производства, *путемъ діалектическаго процесса въ головѣ*, достигнуть предвидѣнія того способа производства, который образуетъ его противоположность и изъ него разовьется». Другими словами, мыслитель XV—XVI в. могъ, основываясь на капиталистическихъ (sic) зачаткахъ своего времени (замѣтьте, по объясненію самого Каутскаго, почти всѣми своими корнями еще связаннаго съ феодальной эпохой), путемъ одной лишь головной діалектики, придти къ предвосхищенію того будущаго соціалистическаго строя, который черезъ столько-то вѣковъ (когда? не скажетъ ли намъ этого нашъ діалектикъ хоть теперь?) разовьется изъ совершенно зрѣлаго плода капитализма... Дѣйствительно, Томасъ Моръ—по категорическому утвержденію Каутскаго—«есть одинъ изъ немногихъ, которому этотъ *смѣлый* (поистинѣ!) *прыжокъ мысли* удался... Лишь нынче мы можемъ оцѣнить эго въ полной мѣрѣ: не смотря на колоссальное экономическое и техническое развитіе послѣднихъ трехъ столѣтій, мы находимъ въ «Утопіи» цѣлый рядъ тенденцій, еще нынѣ проявляющихся въ соціалистическомъ движеніи».

Что за дѣтскій лепетъ, не правда ли, рядомъ съ этимъ гигант-

скимъ умственнымъ подвигомъ, совершеннымъ за нѣсколько столѣтій до нашей эпохи исключительно путемъ діалектическаго фокуса, представляетъ собой вышеупомянутое предвидѣніе Марксомъ на какія-нибудь «десятилѣтія впередъ» общей тенденціи послѣдующаго экономическаго развитія, вдобавокъ соединенное съ «значительными ошибками» относительно элементарныхъ фактовъ движенія исторіи въ теченіе ближайшихъ же мѣсяцевъ!.. Впрочемъ, Каутскаго съ его утопіей подъ названіемъ «Thomas More und seine Utopie» мы можемъ оставить, наконецъ, въ сторонѣ, но что касается Бернштейна, приходится оговориться, что у него, по крайней мѣрѣ, и то въ примѣненіи не къ Мору, а къ самому Марксу, нѣтъ, да и по всей совокупности положенія не можетъ быть, дѣйствительной вѣры въ эти мертвыя, точнѣе не существующія, «общія тенденціи». У Бернштейна это былъ въ сущности не болѣе какъ простой пережитокъ, послѣдній головной рефлексъ нѣкогда одушевленнаго и одушевлявшаго вѣрованія. Это сказалось уже достаточно явственно въ заключительныхъ страницахъ его «Voraussetzungen», гдѣ со всею рѣшительностью объявляется: «*Возвращеніе Маркса къ «Коммунистическому Манифесту»* (въ заключеніи того параграфа «Капитала», гдѣ дѣло идетъ объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія) указываетъ на *дѣйствительный остатокъ утопизма* въ марксовской системѣ». Итакъ, въ штуттгартскомъ посланіи, прогнозъ «Комм. Маниф.» относительно общихъ тенденцій развитія былъ еще безспорно правиленъ; но спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ книжкѣ, составленной по предложенію штуттгартскаго же партейтага, эти самыя тенденціи коммунистическаго прогноза, по мнѣнію Бернштейна, уже знаменуютъ у Маркса «дѣйствительный остатокъ утопизма въ его системѣ». Такимъ образомъ, дальнѣйшее поумнѣніе Бернштейна совершалось насчетъ «утопическихъ остатковъ» Маркса, но оно не дошло до конца... То, до чего съ такимъ трудомъ, но и съ такой проницательностью додумался Бернштейнъ въ своей попыткѣ вполнѣ самостоятельной критики марксовскаго метода,— это «чисто-спекулятивное предвосхищеніе экономическаго и соціальнаго развитія», при еще большей и окончательной независимости сужденія, а стало быть и эмансипаціи его отъ всякихъ марксистскихъ предвзятостей, должно было бы натолкнуть того же Бернштейна попросту на апріорную конструкцію, въ которой «дѣйствительное движеніе» общества сначала изображалось чисто діалектически отъ разума, съ тѣмъ, чтобы вызвать потомъ образное и запоздалое предостереженіе къ тому же разуму о невозможности «ни перескочить черезъ естественныя фазы развитія, ни устранить ихъ посредствомъ декретовъ» (изъ предисловія Маркса ко 2-му изданію «Капитала»)...

Бернштейну же, въ упомянутомъ штуттгартскомъ посланіи, принадлежитъ знаменитая фраза: «Движеніе—все, конечная цѣль—ничто», которая окончательно сорвала съ марксизма печать идеа-

лизма «конечныхъ цѣлей», сдѣлавъ его ученіемъ реальнаго компромисса, чѣмъ, повторяемъ, на дѣлѣ марксизмъ уже и былъ задолго до такъ называемаго бернштейніанства, въ теченіе предшествующихъ десятковъ лѣтъ. Понятно, что и безъ Бернштейна, рано или поздно, сдѣлалось бы то же самое, потому что и «ересь», какъ таковая, успѣла, сквозь всю толщу предразсудковъ, просочиться во многія правовѣрныя головы. Не мало поучительнаго въ этомъ смыслѣ показалъ намъ даже прямой антиподъ Бернштейна по части ревизіонизма—ультра ортодоксальный (ex officio) Каутскій. Но вотъ и еще добавочная черточка-другая. Вполнѣ резонно, напр., послѣдній теперь находитъ, что въ области методовъ и органовъ соціальной борьбы—въ противоположность, дескать, теоретическому изученію общаго направленія этой борьбы — главное дѣло это практика: теоретики лишь впослѣдствіи, заднимъ числомъ, наблюдаютъ то, что дала практика и изслѣдуютъ значеніе этого для дальнѣйшаго развитія. Рабочіе союзы, стачки, акціонерныя компаніи, трэсты и т. п.—поясняетъ свою мысль авторъ—возникли на почвѣ практики, а не теоріи. «Въ этой области—смиренно сознается Каутскій—намъ, можетъ быть, предстоитъ еще не мало сюрпризовъ»... И въ самомъ дѣлѣ, одно къ одному: гдѣ насъ ожидаютъ сюрпризы post factum, логически неизбѣжны были «ошибки» и ошибки очень «значительныя», если бы, основываясь на «теоретическомъ изученіи общаго направленія» (съ свойствами котораго мы достаточно ознакомились выше!), мы взялись соотвѣтственные факты предсказать. Это ясно, какъ день... Но всего интереснѣе, что оба эти автора—и Каутскій, и Бернштейнъ,—по своему, на разные лады, лишь варіировали мысль самого Маркса, выраженную въ адресѣ генеральнаго совѣта Интернаціонала по поводу Парижской Коммуны: рабочему классу, чтобы добиться своего освобожденія, придется выдержать упорную борьбу, пережить цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, которые *совершенно измѣнятъ и людей, и обстоятельства.*

Въ подчеркнутыхъ словахъ заключается, какъ легко признаетъ всякій, неизсякаемый родникъ для «сюрпризовъ» самыхъ изумительныхъ. Замѣтимъ, что это самое заявленіе Маркса, оказавшее столь несомнѣнное вліяніе на эволюцію въ ходѣ мыслей ортодоксальнаго Каутскаго (прибавимъ—и Бебеля: вспомнимъ его 10, 20, 30 различныхъ путей, на которые придется вступить и пр.)—произвело въ то же время также сильное впечатлѣніе на Бернштейна, что отсюда-то, по его собственнымъ признаніямъ, и пошла вся его ересь. Гдѣ же, послѣ всего этого, грань, отдѣляющая послѣднюю отъ ортодоксіи? Гдѣ кончается одна и начинается другая? И что вы можете еще знать и утверждать о конечной цѣли послѣ такого, Марксомъ намѣченнаго, «ряда историческихъ процессовъ», которые грозятъ «совершенно измѣнить людей и обстоятельства»? Чтобы послѣ и въ виду всего этого продолжать еще держаться за

старое, нужно было увѣровать въ нѣчто, очень близкое къ такъ назыв. магометанскому фатализму. Это и дѣлаетъ Марксъ тутъ же: пережить этотъ рядъ историческихъ процессовъ рабочему классу придется не просто для своего освобожденія, но и чтобъ достигнуть видите ли, высшей формы существованія, къ которой, по старому, все еще *неудержимо стремится* современное общество въ силу собственнаго своего экономическаго развитія... Да проститъ намъ великая тѣнь Маркса, если намъ подобнаго рода взыванія къ конечной цѣли, это упрямое словесное цѣпляніе за «высшую форму» съ «неудержимымъ стремленіемъ» къ ней современнаго общества и пр., по своей осмысленности представляется возможнымъ сравнивать только съ механическимъ перебираніемъ четокъ, въ качествѣ молитвеннаго акта. Иного эффекта и не можетъ производить повтореніе перомъ или языкомъ старыхъ выдохшихся лозунговъ, для оживотворенія которыхъ отняты и устранены всѣ конкретныя возможности... Ибо здѣсь какъ разъ и лежитъ тотъ, если такъ можно выразиться, психологическій путь, какимъ марксизмъ дошелъ до своего самоотреченія отъ соціализма: этотъ путь пролегаетъ именно чрезъ метафизическое понятіе историческаго закона, съ неукоснительностью и благонадежностью естественной необходимости предуготовляющаго торжество соціализма. Такъ какъ ничего подобнаго идеѣ механически-исторической необходимости въ самой дѣйствительности, не имѣется, то за произвольное навязываніе таковой существу вещей марксизмъ постигла жестокая кара. Отдѣльному человѣку случается согнуться прежде времени не столько подъ тяжестью лѣтъ, сколько отъ тяжкихъ разочарованій въ жизни. Такъ и съ марксизмомъ, какъ съ живымъ, злободневнымъ ученіемъ. Насколько онъ раньше былъ гордъ и «максималистиченъ» (если позволено образовать такой терминъ отъ понятія программы-максимумъ), настолько онъ теперь съежился, весь ушелъ въ «реформу» (или въ свою «программу-минимумъ). Это-то перерожденіе марксизма и символизировалъ Бернштейнъ; въ своихъ писаніяхъ онъ явился чистѣйшимъ выразителемъ этой фазы преждевременной, лишенной иллюзій, старости исповѣдываемаго имъ ученія. Поэтому не вина Бернштейна, а развѣ бѣда его, если у него хватило смѣлости («мужества своихъ мнѣній») бросить въ лицо марксизму этотъ оголенный отъ всякихъ «высшихъ» «конечностей» кличъ: движеніе все, конечная цѣль—ничто...

Именно бѣда его. Ауэръ очень хорошо выразилъ это положеніе въ дружескомъ письмѣ къ Бернштейну: «Ты, мой дорогой Эдуардъ, оселъ: такихъ вещей не пишутъ—ихъ дѣлаютъ». Это значило, можетъ быть: слѣдуетъ остерегаться возводить оппортунизмъ въ принципъ, надо политику компромисса стараться укрыть подъ знамя незыблемыхъ и неприкосновенныхъ основныхъ началъ... Если *это* хотѣлъ сказать дружескій упрекъ Ауэра, то онъ, пожалуй, былъ правъ: «такихъ вещей не пишутъ, ихъ дѣлаютъ» и—горе *подпи-*

савшему такого сорта принципіальное самоотреченіе отъ «конечностей».

Замѣчаніе Ауэра не совсѣмъ, впрочемъ, точно. Ибо въ томъ или другомъ *частномъ* смыслѣ «писали» уже многіе и до Бернштейна. Авторъ «Аграрныхъ вопросовъ», Ф. О. Герцъ, защищая Бернштейна, замѣчаетъ, что нападали на него, забывъ, что самыя сильныя головы соціализма уже давно высказывали подобныя идеи, и при томъ тѣ самые люди, которые дѣйствовали одинаково и въ теоріи, и на практикѣ. Герцъ ссылается въ этомъ отношеніи на «превосходную книгу» Вандервельда и Детрэ «Le socialisme en Belgique», въ которой развиваются мысли, подобныя воззрѣніямъ Бернштейна, приводитъ затѣмъ изреченіе Маркса о томъ, что законъ о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ былъ побѣдой принципа,— потомъ недоумѣнно спрашиваетъ: «За что же, въ такомъ случаѣ, обрекаютъ на проклятіе Бернштейна? Почему же также не Вандервельда и Маркса?» (пер. П. С. Дервиз, стр. 256—58)... Къ Бернштейну, словомъ, mutatis mutandis, можно было бы, еще съ большей справедливостью, примѣнить случайное замѣчаніе Людвига Фейербаха о Спинозѣ: «онъ (Бернштейнъ) былъ агнцемъ, терпѣливо взявшимъ на себя всѣ грѣхи своей партіи, стоявшей частью на ортодоксальной, частью на его точкѣ зрѣнія; его—если не кровью, то поношеніемъ—они старались смыть съ себя вину, или, по крайней мѣрѣ, подозрѣніе въ ереси»... И дѣйствительно, прислушиваясь къ рѣчамъ, которыя говорились, и присматриваясь къ дѣламъ, которыя творились въ средѣ партіи многими изъ самыхъ компетентныхъ и авторитетныхъ ея представителей, еще задолго до того, какъ онъ провозгласилъ во всеуслышаніе свою страшную ересь, Бернштейнъ, этотъ «искупительный агнецъ» марксизма, имѣлъ не одинъ случай съ горечью сказать про себя словами Крыловскаго волка: «Какой бы шумъ вы подняли, друзья, когда бы это сдѣлалъ я!..»

Намъ не разъ уже приходилось въ предшествующихъ замѣткахъ намеками указывать, что единственная прочная историческая заслуга, которую имѣетъ въ нашихъ глазахъ марксизмъ и которая именно въ его ревизіонистскомъ теченіи обнаруживается съ особенной яркостью, лежитъ не въ области теорій, гдѣ марксизмъ выступалъ только съ величайшимъ вредомъ для своего собственнаго дѣла, а въ сферѣ практики, гдѣ, въ качествѣ соціалъ-демократіи, онъ сумѣлъ стать истинной рабочей партіей, выразительницей нуждъ и чаяній обездоленнаго пролетаріата. Иныхъ заступниковъ, кромѣ соціалъ-демократовъ, не имѣютъ на Западѣ пролетарскіе слои городского и сельскаго населенія, и даже ихъ враги должны были признать за ними громогласно ту заслугу, что, только благодаря соціалистамъ и ихъ агитаціи, благодаря тому критическому и будирующему началу, которое они вносятъ и въ пар-

ламенты, и въ широкіе народные круги, достигнуты тѣ законодательные и культурные успѣхи на пользу рабочихъ, которые мы наблюдаемъ почти повсюду на Западѣ. И германскіе соціалъ-демократы безусловно поэтому правы, когда они говорятъ рабочимъ устами стараго Либкнехта: «Какъ въ стѣнахъ рейхстага, такъ и внѣ его, у васъ нѣтъ друзей. вы совершенно одни; всѣ эти стоящія на почвѣ капиталистическаго общества партіи, какъ бы онѣ ни изливались въ своей сердечной дружбѣ къ рабочимъ,— ваши несомнѣнные враги».

Слѣдующее замѣчательное признаніе кн. Бисмарка, сдѣланное имъ въ рѣчи отъ 26 ноября 1884 г. въ рейхстагѣ, не можетъ не произвести впечатлѣнія глубоко симптоматическаго съ этой стороны явленія: «Соціалъ-демократія, какъ она есть, является все же многозначительнымъ символомъ; она служитъ настоящимъ *мене-текелъ* для имущихъ классовъ, напоминающимъ имъ о томъ, что не все обстоитъ такъ, какъ должно было бы обстоять, и что многое могло бы быть передѣлано къ лучшему; постольку, слѣдов., оппозиція полезна въ самой высокой степени. Если-бъ не соціалъ-демократы и не страхъ предъ ними множества людей, не было бы и тѣхъ скромныхъ успѣховъ, которыхъ мы вообще достигли до сихъ поръ въ области соціальнаго реформаторства, и постольку, слѣд., страхъ предъ с.-демократіей является вполнѣ спасительнымъ элементомъ для тѣхъ, въ которыхъ безъ того никогда и не шевельнулось бы естественное чувство состраданія къ бѣдному согражданину».

Такъ говорилъ Бисмаркъ, и нужно отдать ему справедливость, во-первыхъ, въ томъ, что не у всякаго государственнаго человѣка хватитъ гражданскаго мужества дѣлать публично такія признанія о завѣдомыхъ врагахъ правительства и всего существующаго порядка;—а во-вторыхъ, самый фактъ, который онъ здѣсь фиксируетъ, схваченъ имъ замѣчательно мѣтко: соціалъ-демократія, вообще соціализмъ, дѣйствительно, является грознымъ и многозначительнымъ символомъ, служитъ огненнымъ мене-текелъ для современнаго общественнаго строя, справляющаго свой пиръ Балтасара; и далѣе даже нынѣшніе незначительные успѣхи въ области соціальной реформы достигнуты только благодаря одному лишь факту существованія соціалистическихъ партій и ихъ революціонизирующаго воздѣйствія на массы, побуждающему господствующіе круги бросать свои крохи соціальныхъ мѣропріятій на пользу «неимущихъ согражданъ».

Конечно, бываетъ и не такъ, и даже—«прямо наоборотъ». Такъ, напр., мы видѣли въ самомъ началѣ, съ какой наглостью реагируютъ нѣмецкія правительства хотя бы на такое, болѣе чѣмъ законное, желаніе партіи и народныхъ массъ, какъ требованіе о сдачѣ въ архивъ «подлой и нелѣпой» Dreiklassensystem. Мы могли бы привести и еще многочисленные образчики оравадъ все въ томъ же провокаторскомъ жанрѣ, которыя правительства охотно

пускаютъ въ оборотъ въ эпохи торжествующей реакціи и вообще когда чувствуютъ себя въ опереніи. Но все это не поколебало бы установленнаго здѣсь—да и не нами, а болѣе въ этомъ отношеніи компетентнымъ судьей, какъ знаменитый «желѣзный канцлеръ»—положенія о правительствахъ, своими соціальными реформами только имитирующихъ или, лучше сказать, только пародирующихъ соціализмъ, а насъ заставило бы лишь вспомнить про два лика, которые носитъ соціалъ-демократія: одинъ—если угодно, консервативный (по отношенію къ существующему строю), ревизіонистскій, смотрящій и оріентирующійся въ настоящемъ, другой—революціонный, разрушительный, обращенный въ будущее и рисующій ее вполнѣ основательно въ глазахъ правительства, какъ Umsturzpartei:—«эта партія дерзаетъ посягать на государственныя основы, возстаетъ противъ религіи и не останавливается даже предъ лицомъ Всевышняго», ужасался Вильгельмъ II въ одной изъ своихъ наиболѣе алармистскихъ бранденбургскихъ рѣчей и заставлялъ придумывать для обузданія этой страшной партіи бичи и скорпіоны, въ видѣ многочисленныхъ Umsturzgesetze. И вотъ, понятно, чѣмъ больше государство видитъ себя угрожаемымъ со стороны соціалъ-демократіи этого второго зловѣщаго образа, тѣмъ вынужденнѣе она чувствуетъ себя ковылять за ней по пятамъ на почву соціалъ-реформаторства, воздѣлываемую ревизіонизмомъ. Наличность такого подражательнаго — мы бы сказали, *миметическаго* — вліянія германской соціалъ-демократіи на политику отдѣльныхъ нѣмецкихъ правительствъ мы можемъ констатировать, такъ сказать, по свѣжему слѣду, на одномъ частномъ случаѣ агитаціонной дѣятельности партіи, гдѣ, кстати, послѣдняя и сама рисуется намъ въ нѣсколько пикантномъ свѣтѣ, именно со стороны ея аграрной программы и отношенія къ крестьянскому вопросу, составляющихъ, какъ извѣстно, настоящую Ахиллесову пяту марксизма. Прусскій консервативный министръ Герфургъ, внося въ сессію ландтага 1890—91 г. правительственный законопроектъ расширенія избирательнаго права менѣе осѣдлыхъ и малоимущихъ членовъ общины, въ оправданіе своего законопроекта, которому министръ приписывалъ весьма крупное соціальное значеніе, далъ слѣдующее коротенькое, но интересное объясненіе: «Если въ послѣднее время соціалъ-демократія провозглашаетъ лозунгъ: Въ деревню (Auf die Dörfer!!), если она старается распространить свою агитацію на сельское населеніе, то это доказываетъ, что она постигла истину старой поговорки: «Мужикъ отстаиваетъ насъ въ битвахъ и одерживаетъ наши побѣды» (Der Bauer schlägt unsere Schlachten und gewinnt unsere Siege). *Чтобы противопоставить этому наводненію твердую плотину, законодательство также должно пойти въ деревню»* *).

---

*) „Страница изъ исторіи земской реформы въ Пруссіи“, въ сборникѣ „Мелкая земская единица“, стр. 126.

Борьба, стало быть, идетъ изъ-за мужика—правительство невольно выдало, гдѣ его жметъ—изъ-за мужика, который «отстаиваетъ насъ въ битвахъ и одерживаетъ наши побѣды». И здѣсь опять мѣтко выхвачена цѣлая особая полоса изъ соціалъ-демократической программы и дѣятельности, обнаженъ и препарированъ главный двигательный нервъ, тотъ мотивъ, который одинъ и побудилъ партію обратить свой благосклонный взоръ на мужика, замѣнивъ свои городскіе лозунги кличемъ: «въ деревню!» Слѣдомъ за ней, по пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда ракъ съ клешней, попятилось туда же и правительство, съ цѣлью «противопоставить соціалъ-демократическому наводненію твердую плотину законодательства», въ видѣ новаго *Landgemeindeordnung*... Причемъ на этомъ именно примѣрѣ намъ особенно яснымъ становится, что правительству, въ сущности, приходится безпрестанно продѣлывать своего рода опыты покровительственной окраски (мимикри), особенно хорошо изученные зоологами на насѣкомыхъ, но понятно здѣсь примѣняемые со всѣмъ превосходствомъ сознательной государственной мудрости надъ смутной инстинктивностью животныхъ отряда Insecta... Попутно нельзя не сопоставить также, какъ борются съ вліяніемъ соціалъ-демократіи въ полуабсолютистской Германіи консервативные министры—а именно, какъ мы только что слышали, *расширеніемъ* избирательныхъ правъ малоимущихъ и неосѣдлыхъ слоевъ населенія,—и что пытаются противопоставить аналогичнымъ вліяніямъ (крайнихъ лѣвыхъ партій) наши россійскіе—«конституціонные, но не парламентарные»—Бисмарки и Герфурты: а именно,—«разъяснительную», т. е. *сократительную* въ отношеніи избирательныхъ правъ дѣятельность верховнаго блюстителя и хранителя законности въ странѣ—сената... Возвращаясь къ Германіи, замѣтимъ, что еще сравнительно недавно—въ маѣ 1905 г.—газета «Эхо», органъ католическаго центра, въ ту пору составлявшаго еще надежнѣйшую правительственную опору въ парламентѣ, писала: «Можно сколько угодно кричать противъ соціалъ-демократіи, но побѣдимъ мы ее не иначе, какъ реформами, а разъ мы не удовлетворяемъ справедливыхъ требованій рабочихъ, то они, въ концѣ концовъ, становятся соціалъ-демократами»...

Вліяніе и дѣятельность соціалъ-демократіи въ этомъ направленіи встрѣчаетъ, понятно, наше сочувствіе и въ тѣхъ слишкомъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда она терпитъ фіаско, и въ этихъ случаяхъ даже, быть можетъ, особенное. Такъ, напримѣръ, читая про то, какъ соціалъ-демократъ Антрикъ, послѣ своей *восьмичасовой* рѣчи въ рейхстагѣ противъ таможеннаго законопроекта, говоритъ, уже сходя съ трибуны: «Наша партія старалась защитить интересы народа, и хоть я ничего не могу сдѣлать здѣсь, но я исполняю свой долгъ солдата великой арміи», — мы не можемъ не ощутить тутъ прилива какого-то особаго восхищенія предъ этой своеобразной формой героизма дѣйствительнаго солдата ве-

ликой рабочей арміи... И нисколько не удивительно, что съ этой *моральной* силой и считаются. Кромѣ вышеприведеннаго заявленія Бисмарка, мы имѣемъ и другое еще болѣе прямое въ этомъ отношеніи свидѣтельство его преемника, гр. Каприви, признававшагося, что правительство, при всякомъ новомъ своемъ законопроектѣ, вносимомъ въ парламентъ, взвѣшиваетъ, какое оно впечатлѣніе произведетъ на соціалъ демократію—т. е. на ту самую партію, представителей которой коронованный ораторъ третируетъ какъ—vaterlandslose Geselle... Разумѣется, этимъ вниманіемъ не богъ вѣсть еще какъ много сказано, или, вѣрнѣе, какъ много сдѣлано, но оно все же знаменательно.

Наконецъ, въ дополненіе къ этимъ свидѣтельствамъ, говорившимъ объ извѣстномъ, преимущественно моральномъ, вліяніи соціалъ-демократической партіи на внутреннюю политику, мы не можемъ отказаться привести здѣсь и еще одно авторитетное свидѣтельство, исходящее отъ третьяго (въ порядкѣ преемственности) имперскаго канцлера и выставляющее соціалъ-демократію въ высокопочетной роли носительницы и ревнительницы всесвѣтнаго міра — «Trägerin und Förderin des Friedens», какъ резюмировало это положеніе само «Neue Zeit.» — «Г. депутатъ Бебель—замѣтилъ кн. Гогенлоэ въ своей бюджетной рѣчи отъ 5 декабря 1904 г.—выразилъ, между прочимъ, ту мысль, что, въ случаѣ большой европейской войны, пользу отъ нея прежде всѣхъ пожнетъ соціалъ-демократія. Этотъ взглядъ я считаю правильнымъ, и для правительствъ всѣхъ крупныхъ государствъ это только, какъ надѣется канцлеръ, лишній поводъ стараться и впредь придерживаться своей нынѣшней разумной политики мира»... Если прибавить къ этому ту дѣятельную антимилитаристскую агитацію, которую въ своей странѣ ведутъ французскіе соціалисты, то заслуги въ этомъ отношеніи международнаго соціализма вырастаютъ опять въ нѣчто, вызывающее къ себѣ самое сочувственное вниманіе.

Съ насъ достаточно здѣсь эти великія историческія заслуги соціалъ-демократіи просто признать—такое признаніе, надѣемся, не только не исключалось, но, какъ намъ кажется, даже предполагалось всей предшествующей критикой, не смотря на всю ея рѣзкость. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, равнодушно смотрѣть, какъ возвышенныя практическія стремленія губятся, зачастую въ самомъ корнѣ, грубыми теоретическими ошибками, тѣмъ болѣе возмущающими умъ, что здѣсь имѣешь дѣло не съ невольными заблужденіями, не съ извѣстной человѣческой слабостью, а съ завѣдомо фальшивыми руководящими началами, сознательно положенными въ основу научной теоріи — мало того, возведенными въ перлъ научно-теоретическаго творчества. Объ этихъ теоретикахъ не скажешь, что они просто заблуждаются,—только *wahnsinnig*: Генрихъ Гейне весьма мѣтко обозначилъ этотъ интеллектуальный типъ, какъ—*wahnsinnig methodisch*, какъ родъ «методическаго безумія»...

Съ этой точки зрѣнія нельзя не сказать, что даже то служеніе соціалъ-демократіи интересамъ рабочихъ, которое мы только что поставили ей въ основной ея плюсъ, отмѣчено печатью грубѣйшаго теоретическаго заблужденія, сопровождаясь оговоркой, что служеніе это допустимо лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно не наноситъ ущерба интересамъ всего капиталистическаго развитія. Это положеніе вы можете встрѣтить какъ у теоретика Каутскаго, такъ и у агитатора Бебеля: послѣдній такъ даже на партійномъ конгрессѣ не преминетъ вамъ заявить (какъ въ Бреславлѣ), что каждую предлагаемую мѣру онъ взвѣшиваетъ обязательно съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, съ той, не повредитъ ли эта мѣра непосредственнымъ духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ рабочихъ, — что, разумѣется, совершенно въ порядкѣ вещей—и дальше, во-вторыхъ, еще съ той, не потревожитъ ли она хода капиталистическаго развитія... Изъ каутсковскаго же «Agrarfrage» мы узнаемъ, что послѣдняя точка зрѣнія и есть высшая, рѣшающая, словомъ, самая настоящая научная точка зрѣнія, такъ что, напр., любую мѣру, предлагаемую завѣдомо въ интересахъ рабочихъ, соціалъ-демократія отвергнетъ безъ всякихъ колебаній, какъ скоро она грозитъ, по ея мнѣнію, посягнуть на ходъ капиталистическаго развитія. Создается единственное въ своемъ родѣ положеніе. Правительство, прежде чѣмъ внести свой законопроектъ, осторожно зондируетъ почву, то впечатлѣніе, какое онъ произведетъ на соціалъ-демократію, т. е. въ сущности на народную массу, а та самымъ объективнымъ, самымъ безкорыстнымъ образомъ отнѣкивается: пожалуйста безъ лицепріятія, важно вѣдь не то, что по тому или другому поводу подумаемъ мы, или какъ приметъ это народъ, а какъ посмотритъ на дѣло то нѣчто или тотъ нѣкто, который выше насъ, выше всего живущаго поколѣнія людей и который зовется Молохомъ капиталистическаго развитія. И вотъ мы наблюдаемъ, напр., явленія въ родѣ слѣдующаго.

III отдѣлъ 2-й части «Agrarfrage» начинается параграфомъ съ такимъ любопытнымъ подзаголовкомъ: „*Соціалъ-демократія не представительница интересовъ предпринимателей*“. Такъ значитъ, это еще требовало доказательства?! Но и то сказать: если соціалъ-демократія «не можетъ брать подъ свою защиту интересовъ пролетаріата», т. е. считать себя «представительницей даже пролетарскихъ интересовъ», поскольку они «стоятъ поперекъ пути соціальнаго развитія», то нѣтъ, конечно, никакихъ основаній ожидать отъ нея потакательства интересамъ именно предпринимателей или аграріевъ; но предоставимъ лучше слово самому Каутскому: «Какъ по отношенію къ промышленникамъ или финансистамъ, такъ и къ сельскимъ хозяевамъ и землевладѣльцамъ, роль соціалъ-демократіи не есть роль агитатора, который долженъ ихъ встряхивать на охраненіе своихъ интересовъ, но скорѣе *наблюдателя*, а при случаѣ и *стража*, который смотритъ за тѣмъ,

чтобы частные интересы не получили преобладанія насчетъ общихъ, мгновенные насчетъ длительныхъ»,—въ подлинникѣ, къ сожалѣнію, съ точностью не обозначено въ этомъ мѣстѣ, какіе или чьи «общіе и вѣчные» интересы Каутскій «сторожитъ» отъ возможнаго (eventuell) посягновенія на нихъ со стороны интересовъ «частныхъ и мгновенныхъ». Но такъ какъ въ сомнительныхъ случаяхъ автора надлежитъ толковать всегда въ самомъ благопріятномъ для него смыслѣ, то мы принимаемъ, что Каутскаго озабочиваетъ, собственно, не столько вопросъ о «рубашкѣ или сюртукѣ» землевладѣльца, сколько, главнымъ образомъ, «общіе и вѣчные интересы» всего соціальнаго развитія. Правильность нашего истолкованія явствуетъ, впрочемъ, изъ послѣдующихъ словъ Каутскаго: «Соціалъ-демократія, которой дѣятельность должна быть (!) положительной и поощрительной въ интересахъ пролетаріата, *ограничена по существу* тамъ, гдѣ ей приходится въ нынѣшнемъ обществѣ *охранять интересы всего цѣлаго*, отрицательной, оборонительной позиціей». При томъ противъ ея отрицательной роли, ея положительная сторона «должна будетъ постоянно отступать на задній планъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока она не получитъ рѣшающаго вліянія на государственную жизнь...» Но въ такомъ случаѣ, до наступленія этого «рѣшающаго» момента, соціалъ-демократія должна бы, собственно, титуловаться по настоящему не партіей пролетаріата, какъ она это, вѣрно для краткости, дѣлаетъ, а нѣсколько распространеннѣе, примѣрно такъ: сторожевая партія соціальнаго развитія, съ уклономъ въ сторону пролетаріата.. Значитъ, когда парламентскіе наслѣдники справа, подхватывая соціалъ-демократическія разглагольствованія за нерушимость закономѣрнаго хода капиталистическаго развитія, совѣтовали партіи реформироваться въ школу соціальнаго знанія, они были довольно таки близки къ дѣйствительности, но, понятно, и не могли подозрѣвать всей донъ-кихотской готовности соціалъ-демократіи служить интересамъ ихъ общаго фетиша—его величества Капитала... Впрочемъ, прогрессъ сравнительно съ буржуазными экономистами все же несомнѣненъ: эти знали только «вѣчные и естественные законы капитализма»—безъ всякихъ уклоновъ...

Но если ужъ, какъ партія пролетаріата, соціалъ-демократія не разъ и не два видала себя вынужденной промѣнивать свою «положительную» службу послѣднему на «отрицательную» роль «наблюдателя, а то и стража» всего капиталистическаго развитія, то значитъ, тѣмъ уважительнѣе должны были быть причины, побудившія партію, даже съ явнымъ нарушеніемъ священныхъ интересовъ этого развитія, взять подъ свое особое покровительство крестьянство. И прусскій министръ Герфуртъ выше уже разъяснилъ намъ эти причины, давшія толчекъ къ пересмотру аграрныхъ представленій соціалъ-демократіи. «Толчекъ этотъ явился не со стороны теоретическаго изслѣдованія, а вытекалъ изъ опыта

и потребностей сельской агитаціонной практики. Во время общеимперской избирательной агитаціи 1893 г. для всѣхъ съ полной ясностью обнаружилось противодѣйствіе крестьянскихъ массъ. Было очевидно, что агитаціонныя ученія, дѣйствительныя въ средѣ промышленныхъ рабочихъ, неспособны были увлечь крестьянина... Но привлечь ихъ было желательно, было необходимо. По предложенію депутата Шенланка, кельнскій партейтагъ рѣшилъ поставить аграрный вопросъ на очередь ближайшаго годичнаго конгресса партіи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ» (Д-ръ Эдуардъ Давидъ: «Соціализмъ и сельское хозяйство», стр. 19). Такъ возникла соціалъ-демократическая аграрная программа.

Теперь Каутскій готовъ увѣрять насъ, что крестьянство и крестьянскій вопросъ всегда, собственно, были близки сердцу соціалъ-демократической партіи и «до сихъ поръ ни одинъ серьезный соціалистъ не требовалъ никогда, чтобы крестьяне были экспропріированы, или чтобы ихъ земли были конфискованы». Мы уже оцѣнили въ одномъ мѣстѣ нехитрый логическій смыслъ этого выраженія, подъ которымъ Каутскій хитро думалъ скрыть—вѣроятно, и отъ самого себя—безспорный тяжелый фактъ. Фактъ же этотъ такого свойства, что положительно неловко становится за человѣка—за собирательнаго Каутскаго... Ну, ошиблись, согрѣшили, приговоривъ совершенно здороваго субъекта къ смерти; ну, что-жъ, человѣку свойственно ошибаться, и не грѣшитъ лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Чего проще, прямо сознаться въ своей ошибкѣ, покаявшись, прежде всего, предъ самымъ этимъ «крѣпкоголовымъ» паціентомъ... Но, очевидно, одно дѣло—это ошибаться по человѣчеству, другое дѣло—ошибиться по теоріи, и если человѣкъ когда-нибудь еще можетъ поступиться своимъ самолюбіемъ, сознаться въ своей личной недальновидности, то при той же степени прямоты и искренности, онъ никогда не поступится достоинствомъ своихъ теорій, онъ захочетъ, во что бы то ни стало, непремѣнно спасти теорію—изъ простого инстинкта самосохраненія, который вѣдь сильнѣе самолюбія: если человѣкъ привыкъ ходить на костыляхъ теоріи, то онъ будетъ чувствовать себя безъ теоріи, какъ безъ ногъ...

Пусть читатель пробѣжитъ только введеніе къ вышеупомянутому обширному труду д-ра Давида или даже тоненькую брошюру г. Л. Шишко: «Къ вопросу объ аграрной программѣ въ связи съ теоріей научнаго соціализма» (Москва, 1906): въ послѣдней онъ найдетъ хорошо сгруппированный матеріалъ, не оставляющій ни малѣйшаго сомнѣнія относительно жалкой роли врача-педанта, приговаривающаго мнимаго больного къ смерти по всѣмъ правиламъ своей науки. Одинъ примѣръ. Когда-то, въ предисловіи къ «Эрфуртской программѣ», Каутскій писалъ: «Мелкое крестьянское хозяйство экономически пережито... Неизбѣжная гибель мелкаго производства—такова идея, *красной нитью проходящая чрезъ мой*

трудъ». Теперь Каутскій, въ предисловіи къ той же «Эрфуртской программѣ»—къ тому, значитъ, самому «труду», чрезъ который «красной нитью» проходитъ идея о «неизбѣжной гибели мелкаго производства», какъ ни въ чемъ не бывало, говоритъ: «*Ничто не можетъ быть ошибочнѣе того мнѣнія*, что соціалистическое производство сдѣлается возможнымъ только тогда, когда все мелкое хозяйство будетъ поглощено крупнымъ: *въ такомъ случаѣ, оно никогда не сдѣлалось бы возможнымъ*, ибо концентрація капитала не уничтожаетъ вполнѣ мелкихъ хозяйствъ, а скорѣе создаетъ вмѣсто старыхъ новыя». Но, если обусловливать наступленіе соціалистическаго режима поглощеніемъ всего мелкаго хозяйства, значитъ обрекать въ сущности этотъ режимъ на небытіе, то остается еще сдѣлать послѣдній шагъ—воспріять мелкаго производителя, какъ онъ есть, непосредственно въ рай соціализма, освободивъ отъ обязательнаго предварительнаго прохожденія чрезъ чистилище, съ его экспропріаціей, конфискаціей его земли и орудій и вываркой въ пролетарски-капиталистическомъ котлѣ. И въ «Соціальной реформѣ», наконецъ, дѣйствительно поставлена послѣдняя точка надъ і: ни крестьянину, ни даже ремесленнику нечего бояться соціалистическаго режима, ибо очень вѣроятно, что крестьянскія хозяйства, да и мелкія промышленныя предпріятія только окрѣпнутъ благодаря этому режиму...

То, что случилось здѣсь на нашихъ глазахъ — что марксизмъ продѣлалъ съ крестьянствомъ и что какъ бы въ отплату продѣлало крестьянство съ марксизмомъ—повторится съ послѣднимъ многое множество разъ по самымъ многоразличнымъ поводамъ. Но всѣ подобныя метаморфозы неизмѣнно проходили чрезъ знакомое уже намъ метафизическое понятіе естественно-исторической необходимости, которое и служило, какъ только что выразился Каутскій, настоящей «красной нитью» всякихъ мертворожденныхъ программъ, сулившихъ «неизбѣжную гибель»... Съ высоты этой естественной необходимости или этой стихійной неизбѣжности новооткрытаго философски-историческаго закона, устанавливались чисто-пророческіе прогнозы, обрекались на смерть тѣ или другія формы производства, не укладывавшіяся въ апріорныя формулы, тѣ или другія общественныя формаціи или группы (средніе слои капиталистовъ, ремесленники и мелкіе производители, крестьянство)—носители этихъ якобы реакціонныхъ формъ,—мало того приговаривались къ исторической смерти цѣлыя національности (датчане, скандинавы) и даже племена (напр., славянство) *);

---

*) Марксъ въ 1864 г. призывалъ Германію къ войнѣ съ Даніей изъ-за Шлезвига и Гольштиніи, заявляя, что—„право Германіи противъ Даніи есть право цивилизаціи противъ варварства, прогресса противъ застоя", что оно „важнѣе всѣхъ договоровъ, такъ какъ это право историческаго развитія", что „война противъ Даніи—дѣйствительно революціонная война".—Что касается славянства, то ему тотъ же Марксъ еще въ 1848 г.

равно какъ съ этой же яко-бы научной, объективистической точки зрѣнія, дѣлались ретроспективныя экскурсіи въ область исторіи, которая всей многовѣковой эволюціей, какъ и каждой отдѣльной эпохой, не исключая самыхъ мрачныхъ періодовъ, не исключая и древняго міра съ его историческимъ рабствомъ, имѣла дѣятельно участвовать въ подготовленіи соціалистическаго строя...

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ въ своихъ историческихъ прогнозахъ, такъ и ретроспективныхъ приговорахъ, марксизмъ оперируетъ съ отдѣльными соціальными конкретностями — классами, націями, институтами прошлаго и настоящаго — совершенно такъ же, какъ старые метафизики съ идеями, понятіями, вообще мыслеными категоріями; но тѣ, по крайней мѣрѣ, приносили на алтаряхъ своихъ системъ безкровныя и безплотныя жертвы, марксисты же въ идеѣ являются настоящими языческими жрецами, не довольствующимися абстракціями, а готовыми инсценировать для своихъ боговъ настоящія жертвоприношенія. Жрецы и служители марксизма и приносили во многихъ случаяхъ еще зренищуція жертвы на алтарь соціализма, понятно, въ тѣхъ границахъ, въ какихъ человѣческія мысли вообще вліяютъ на жизнь. Они оказывались поэтому зачастую въ положеніи нашего праотца Авраама, когда, повинуясь непонятному ему велѣнію Іеговы, онъ готовъ былъ заклать родного сына, но въ послѣднюю минуту узнаетъ, что жертва эта вовсе и не требовалась для его Господа, и вѣроятно не безъ сожалѣнія, изъ ложнаго чувства піетета предъ Всевышнимъ, отводитъ уже занесенную надъ роднымъ дѣтищемъ руку съ жертвеннымъ ножомъ... Ибо хотя и справедливо, что исторія «жертвъ искупительныхъ проситъ», но не тѣхъ же, во всякомъ случаѣ, на которыхъ ей вздумаетъ пальцемъ указывать тотъ или иной соціальный мудрецъ или философъ исторіи...

Не трудно понять, чѣмъ должна была разрѣшиться марксистская соціальная метафизика отъ встрѣчи съ конкретной соціальной дѣйствительностью. На дѣлѣ одна крайность всегда рождаетъ другую, и если капризная дѣйствительность не выполняетъ предначертаній пророка, если гора не идетъ къ Магомету, то пророкъ идетъ къ горѣ, а соціализмъ, который отказался родиться изъ «естественно-исторической необходимости» или при ея помощи, долженъ былъ отойти въ нѣкій лучшій міръ, въ міръ трансцендентныхъ «потусторонностей». А такъ какъ, говоря словами Фольмара, съ проповѣдью «неустранимой гибели» и съ указаніемъ на возмездіе въ «потустороннемъ соціалистическомъ обществѣ», среди крестьянъ, напр., далеко не уйдешь—«они такъ же, какъ и

по поводу всеславянскаго конгресса въ Прагѣ, опять таки объявилъ „истребительную борьбу и терроризмъ безъ всякихъ стѣсненій—не въ интересахъ Германіи, но въ интересахъ революціи!" (Цитир. у Меринга въ „Ист. герм. соціалъ-демократіи" т. I).

рабочіе, желаютъ положительныхъ средствъ для улучшенія своего положенія уже въ настоящемъ»—то доктринѣ, созданной подъ такимъ именно апріорнымъ угломъ зрѣнія или подъ знакомъ «возмездія», пришлось начать надъ собой рядъ опытовъ систематическаго самоистязанія, въ результатѣ котораго сама она рискуетъ остаться буквально «пустой формулой», въ «живую же дѣйствительность» соціализма превращается та самая живая дѣйствительность современнаго частно-правового порядка, которая у всѣхъ насъ передъ глазами...

Примѣръ съ крестьянствомъ въ этомъ отношеніи особенно типиченъ для марксизма.

Еще въ выпущенномъ женевской секціей Интернаціонала аграрномъ манифестѣ значилось, что крестьянство «уже заранѣе *должно быть готово встрѣтить свою экспропріацію и обездоленіе съ полнымъ сознаніемъ и твердымъ рѣшеніемъ*» т. е. еще до наступленія крайности оно должно обратиться къ соціализму. Но крестьянское населеніе, особенно въ южной Германіи, обнаружило лишь весьма умѣренную готовность къ воспринятію преподаннаго ему стоическаго идеала, и Либкнехтъ, въ своемъ сочиненіи «Zur Grund-und Bodenfrage», старался парализовать дурное впечатлѣніе, успокоивъ крестьянъ тѣмъ, что эти аграрныя резолюціи «носятъ, по преимуществу, теоретическій, программный характеръ и не имѣютъ никакого непосредственнаго практическаго значенія»... «О немедленной экспропріаціи всѣхъ земельныхъ собственниковъ никто и не думаетъ»—писалъ Либкнехтъ.

«Соціалъ-демократы были бы «сумасшедшими» — продолжалъ Либкнехтъ — если бы они захотѣли провести упомянутыя аграрныя постановленія *силою, противъ воли крестьянъ*». Совершенно вѣрно, скажемъ мы, но спросимъ въ свою очередь: были ли они менѣе «сумасшедшими» оттого, что разсчитывали провести такія постановленія — объ «экспропріаціи и обездоленіи» — съ вѣдома и добраго согласія крестьянъ, для этой цѣли «заранѣе» и обращенныхъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдователей философа Зенона? А вѣдь Либкнехтъ самъ не чуждъ этой химерической мысли, ибо тутъ же принимается убѣждать классъ «сравнительно обезпеченнаго крестьянства», что онъ обреченъ на гибель согласно неизмѣннымъ законамъ современной формы производства»—по всѣмъ, значитъ правиламъ научнаго метода,—и сопротивляться самому фатуму безполезно: «смертный приговоръ надъ нимъ ужъ произнесенъ, и съ помощью палліативныхъ средствъ можно добиться лишь мучительнаго продленія его предсмертной агоніи»... Ну, разумѣется же, кто не предпочтетъ при такихъ условіяхъ покончить разомъ?

«Интеллектуальнымъ виновникомъ» теоретическаго смертнаго приговора, произносившагося надъ сельско-хозяйственнымъ мелкимъ производствомъ на соціалистическихъ конгрессахъ и въ соціали-

стическихъ сочиненіяхъ, д-ръ Давидъ совершенно справедливо считаетъ—Карла Маркса, подтверждая это документальными данными изъ дѣятельности его въ Интернаціоналѣ. То же относится, конечно и къ Энгельсу. Когда Фольмаръ въ своемъ рефератѣ франкфуртскому партейтагу сослался на постановленія французскаго соціалистическаго конгресса въ Нантѣ въ пользу крестьянства, вздумавъ опереться при этомъ и на авторитетъ самого Энгельса, одобрившаго будто бы нантскія резолюціи, то послѣдній рѣзко протестовалъ противъ этого въ статьѣ «Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland» («Neue Zeit» 1894 г.), въ которой развивалъ старую мысль объ «обязанности нашей партіи—постоянно уяснять крестьянамъ абсолютную безысходность ихъ положенія при господствѣ капитализма»... Но толчекъ къ пересмотру «абсолютныхъ» аграрныхъ представленій былъ уже данъ, и данъ какъ мы говорили, потребностями сельской агитаціонной практики; къ сознанію соціалъ-демократіи успѣла проложить себѣ дорогу идея, что «мужикъ одерживаетъ наши побѣды», а вмѣстѣ съ тѣмъ прежняя увѣренность, что достаточно уяснить крестьянамъ соціалистическія ученія, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, была поколеблена...

Сдѣлалось это не сразу и не обошлось безъ комическихъ инцидентовъ. Такъ, напримѣръ, съ любопытствомъ припоминаемъ мы, какъ у насъ, еще въ концѣ 1895 г., г. Струве, тогда еще обрѣтавшійся въ лонѣ самаго ортодоксальнаго марксизма съ азартомъ доказывалъ, что, конечно, съ программой городского пролетаріата не пойдешь, молъ, въ крестьянство, что такимъ путемъ нельзя разсчитывать цѣликомъ перетянуть его на свою сторону и даже большинство его врядъ ли удастся сдѣлать своимъ. «Но, — вопрошалъ г. Струве, — необходимо ли это для того, чтобы стать рѣшающей силой въ государственной жизни?»—и ссылался на умершаго незадолго предъ тѣмъ Фридриха Энгельса въ доказательство того, что въ этомъ точно нѣтъ необходимости... Г. Струве осталось, повидимому, неизвѣстнымъ, что Энгельсъ и самъ не выдержалъ характера до конца, о чемъ Давидъ свидѣтельствуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Сознаніе политической необходимости привлечь на свою сторону мелкаго крестьянина, какъ таковаго, заставило Энгельса нѣсколько умѣрить свои шаги по прямолинейной дорогѣ принципіальной послѣдовательности». Дѣйствительно, въ томъ же своемъ «Bauernfrage», не смотря на констатированную «абсолютную безысходность» положенія крестьянства, Энгельсъ самъ дѣлаетъ предложеніе для спасенія крестьянина, снисходительно разрѣшая—«продлить ему срокъ для размышленія на собственной землѣ». Разсчетъ такой: «Чѣмъ больше крестьянъ мы убережемъ отъ фактическаго перехода въ пролетаріатъ и уже, какъ крестьянъ, сумѣемъ привлечь на нашу сторону, тѣмъ быстрѣе и легче будетъ совершаться процессъ общественнаго преобразова-

нія». Это было уже прямымъ попустительствомъ въ сторону каутсковской «Соціальной реформы»...

Исторія соціалъ-демократической аграрной программы у насъ въ Россіи въ главномъ и общемъ напоминаетъ эволюцію того же вопроса на Западѣ. Разница, во-первыхъ, та, что тогда какъ на Западѣ дѣло пока идетъ лишь о крестьянскихъ голосахъ при выборахъ, у насъ — гдѣ рѣшается вопросъ о самомъ политическомъ бытіи великаго народа, — революція, какъ это для всѣхъ зрячихъ людей уже слишкомъ ясна, должна быть вынесена въ такой же мѣрѣ крестьянствомъ, какъ и городскимъ пролетаріатомъ—въ такой же, если не въ большей. Другая особенность нашихъ аграрныхъ программъ вытекаетъ—или вѣрнѣе, должна была бы вытекать—изъ огромной абсолютной численности крестьянскаго населенія и относительнаго перевѣса у насъ деревни надъ городомъ, сравнительно съ Западомъ, но—замѣчательное дѣло!—это обстоятельство, которое казалось, должно было бы располагать теоретиковъ къ особенной сдержанности и осторожности, какъ бы вліяло въ совершенно обратномъ смыслѣ, и дѣйствительно, нигдѣ пѣснь торжествующаго капитализма не раздавалась такъ громко, ни въ одной европейской странѣ, сколько мы знаемъ, щекотливый вопросъ объ обезземеленіи и пролетаризаціи крестьянства не ставился съ такой прямотой и безпощадностью, какъ у насъ, гдѣ явленіе это безъ обиняковъ выставлялось какъ прогрессивное, а потому и желательное... Чтобы не ходить далеко, вся, напр., книга г. Владиміра Ильина: «Развитіе капитализма въ Россіи», вышедшая въ томъ же году, что и «Аграрный вопросъ» Каутскаго, является сплошнымъ гимномъ во славу «отдѣленія непосредственнаго производителя отъ средствъ производства». Послушайте, напр., въ какихъ очаровательныхъ краскахъ этому автору рисуется самъ по себѣ одинъ только фактъ отвлеченія населенія отъ земледѣлія въ города: «Онъ вырываетъ населеніе изъ заброшенныхъ, отсталыхъ, забытыхъ исторіей захолустій и втягиваетъ его въ водоворотъ современной общественной жизни. Онъ повышаетъ грамотность населенія и сознательность его, прививаетъ ему культурныя привычки и потребности. Крестьянъ влекутъ «мотивы высшаго порядка», т. е. большая внѣшняя развитость и вылощенность питерщика» и пр. и пр. (с. 457).

Какъ вамъ покажется это новооткрытое крестьянское Эльдорадо? Картина г. Ильина — настоящаго суздальскаго письма: она не знаетъ ни пятнышка, ни тѣни, ни даже оттѣнковъ: до того въ ней господствуютъ все одни свѣтлые, веселые, радостные тона— даже «*вылощенность* питерщика» и его «большая *внѣшняя* развитость» отнесена безъ оговорокъ къ «мотивамъ высшаго порядка». Тотъ же крестьянскій отходъ, далѣе, «ставитъ женщину въ болѣе самостоятельное положеніе, равноправное съ мужчиной» (458). Наконецъ — last non least — иеземледѣльческій отходъ повышаетъ заработную плату не только уходящихъ наемныхъ рабочихъ, *но и*

остающихся» (459, курс. автора)... Однимъ словомъ, читая все это, рѣшительно недоумѣваешь, съ какой стати западные товарищи г. Ильина говорятъ о какой-то «экспропріаціи и *обездоленіи* крестьянъ», заранѣе приглашая послѣднихъ встрѣтить свою судьбу стоически, «съ полнымъ сознаніемъ и твердостью», почему даже Энгельсъ, какъ онъ строгъ и «прямолинеенъ» ни былъ, все же согласился «продлить крестьянину хоть время для размышленія *на собственной землѣ»*?

Все же наилучшее у г. Ильина это его галантное «last non least» о томъ, «что отходъ повышаетъ заработную плату не только уходящихъ наемныхъ рабочихъ, но и остающихся». Тутъ и Ахиллесова пята его. Правда, повышенная заработная плата, можетъ быть, и не такая ужъ важная статья для людей, влекомыхъ въ городъ «мотивами высшаго порядка», но все жъ таки зачѣмъ сочинять то, чего нѣтъ? къ чему эта суздальская мазня по поводу безконечно тяжелаго соціальнаго процесса? А что здѣсь такая именно мазня, въ этомъ можно убѣдиться хотя бы по освѣщенію, какое тому же явленію крестьянскаго отхода даетъ единомышленникъ автора г. Масловъ. Пытаясь объяснить себѣ ту «любовь къ землѣ» мелкихъ собственниковъ, на которую часто указываютъ пишущіе о народѣ и которая, понятно, не одобряется ex professo и самимъ г. Масловымъ, послѣдній пишетъ: «Въ деревнѣ земля является единственнымъ средствомъ для обезпеченія, хотя бы чрезвычайно тяжелаго, существованія. Городская жизнь даетъ больше просвѣта, но мало обезпеченности для массы населенія. «Пойдешь налѣво—коня потеряешь, пойдешь направо—будешь холоденъ-голоденъ». Молодое поколѣніе, еще ищущее жизни, теряетъ коня и хозяйство и идетъ налѣво; старое идетъ направо, — остается въ деревнѣ, гдѣ хотя и холодно и голодно, но гдѣ въ то же время крестьянинъ, имѣя свой клочокъ земли, больше обезпеченъ отъ безработицы» («Аграр. вопросъ въ Россіи». с. 179, прим. 2). Въ главѣ о заработной платѣ и земельной рентѣ, тотъ же г. Масловъ показываетъ, какъ «земледѣліе, *постоянно* выбрасывая рабочія руки... создаетъ *постоянную* (курс. авт.) резервную рабочую армію, пауперовъ, которые *понижаютъ заработную плату не только въ земледѣліи, но и въ индустріи* (с. 398, курс. нашъ). Вотъ вамъ и ильинское «last non least» о *повышеніи* заработной платы не только уходящихъ, но и остающихся. Далѣе: «Существованіе въ городахъ класса Lumpenproletariat'а доказываетъ, что не на сладкое житье бѣжитъ туда крестьянинъ... земледѣліе *выбрасываетъ* (курс. авт.) избыточное населеніе, и оно подъ угрозой голода, бѣжитъ въ города, на окраины, «куда глаза глядятъ», и создаетъ промышленную резервную армію» (399). Вотъ въ какомъ свѣтѣ рисуется славное питерское житье уходящихъ наемныхъ рабочихъ подъ перомъ правдиваго изслѣдованія. При такихъ условіяхъ, г. Масловъ не можетъ стоять, конечно, за обезземеленіе крестьянъ

и, наоборотъ, выдвигаетъ проектъ расширенія ихъ землепользованія при условіи права собственности на землю крупныхъ областныхъ организацій, — проектъ, извѣстный подъ именемъ *муниципализаціи земли*.

Правда, и г. Ильинъ вамъ можетъ сказать, и говоритъ дѣйствительно, что вовсе не «стоитъ за» обезземеленіе крестьянства, а только «за отмѣну всѣхъ стѣсненій права крестьянъ на свободное распоряженіе землей, на отказъ отъ надѣла, на выходъ изъ общины». «Судьей того, выгоднѣе ли быть батракомъ съ надѣломъ или батракомъ безъ надѣла, можетъ быть только самъ крестьянинъ», говоритъ г. Ильинъ («Разв. кап. въ Россіи», с. 112, прим. 2). Но, конечно, г. Ильинъ такъ либераленъ оттого, что ужъ больно увѣренъ въ своемъ крестьянинѣ, въ свою очередь, увѣровавшемъ въ него, г. Ильина, и въ «*прогрессивность* (слово это подчеркиваетъ курсивомъ самъ авторъ) не земледѣльческаго отхода», да и всѣхъ вообще видовъ разрыва съ землей. И напротивъ, никогда бы онъ ему этой свободы не предоставилъ, никогда бъ онъ его не сдѣлалъ «судьей» того, что ему «выгоднѣй», если-бъ хоть сколько-нибудь сомнѣвался въ исходѣ выбора. Посудите сами: единственное условіе, при которомъ крестьянину оставалась бы дѣйствительная свобода выбора, а не фикція ея, это — увеличеніе надѣловъ, расширеніе крестьянскаго землепользованія: оно превратило бы «батрака съ надѣломъ» въ крестьянина съ землей. И вотъ объ этомъ самомъ, казалось бы, естественномъ и элементарномъ выходѣ нашъ авторъ даже и не заикнулся; *этотъ* выводъ, повидимому, и на мысль ему не приходитъ. Такимъ образомъ своимъ поистинѣ классическимъ разсужденіемъ г. Ильинъ, не въ обиду будь ему сказано, только ставитъ себя къ крестьянину съ его свободой выбора между «батракомъ съ надѣломъ» и «батракомъ безъ надѣла» совершенно въ то же самое положеніе, въ какомъ оказывалась всегда буржуазная политическая экономія по отношенію къ «свободному» рабочему, заключающему свой «свободный» договоръ съ капиталистомъ, но остающемуся при единственной дѣйствительной свободѣ — умереть съ голоду. Мало того, даже натолкнувшись какъ-то у г. Карышева на указаніе, что «одно лишь увеличеніе крестьянскаго землепользованія до размѣровъ, достаточныхъ для удовлетворенія потребностей крестьянской семьи», можетъ разрѣшить и проблему объ отходѣ, г. Ильинъ разражается тирадой: «И никому изъ этихъ прекраснодушныхъ господъ не приходитъ въ голову, что, прежде чѣмъ толковать о «разрѣшеніи серьезнѣйшихъ проблемъ», необходимо позаботиться о полной свободѣ передвиженія для крестьянъ, свободѣ отказа отъ земли и выхода изъ общины, свободѣ поселенія (безъ «откупныхъ» денегъ) въ какой угодно, городской или сельской, общинѣ государства!» (ib. 460—61)... Итакъ, значитъ, только «прекраснодушные господа» и могутъ помышлять объ увеличеніи крестьянскаго землепользо-

ванія, т. е. объ устраненіи основной причины, которая дѣлаетъ деревню какъ бы неизсякаемымъ питательнымъ источникомъ резервной промышленной арміи въ городахъ, поставщицей «пауперовъ, понижающихъ заработную плату не только въ земледѣліи, но и въ индустріи». Напротивъ, первое, главное и единственное «о чемъ необходимо позаботиться» для крестьянства и къ чему все остальное уже приложится, это—объ обезпеченіи ему «свободы отказа отъ земли и выхода изъ общины, свободы поселенія въ какой угодно, городской или сельской (ну понятно, г. Ильинъ предпочелъ бы городскую!) общинѣ»—для подкрѣпленія мѣстныхъ кадровъ Lumpenproletariat'a... Ну что жъ, г. Столыпинъ и «позаботился» *).

Но хотя г. Столыпинъ и позаботился объ исполненіи завѣтнѣйшаго желанія г. Ильина и его товарищей, мы, однако, очень сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы господа эти чувствовали себя въ настоящее время вполнѣ удовлетворенными. Вѣдь все это писалось еще Богъ вѣсть когда, а съ тѣхъ поръ столько воды утекло. Въ 1899 г наша соціалъ-демократія, устами г. Ильина, еще обращалась къ крестьянству съ этимъ оригинальнымъ лозунгомъ: свобода отъ земли! А въ настоящее время, словно соревнуя съ своимъ западно-европейскимъ теоретическимъ коллегой, увѣрявшимъ, что «до сихъ поръ ни одинъ серьезный соціалистъ не требовалъ никогда обезземеленія крестьянъ», она, эта русская соціалъ-демократія, устами г. Ленина, заявляетъ о *«всегдашней насущности* крестьянскихъ интересовъ и крестьянскаго движенія для русскихъ марксистовъ» *) — фраза, которая, помимо всего прочаго, заставляетъ невольно улыбнуться своей почти полной тождественностью, какъ по тону и построенію, такъ и по степени вложенной въ нее искренности, съ тѣми другими торжественными заявленіями, изъ совсѣмъ иныхъ сферъ исходящими, о всегдашней неизмѣнной близости блага россійскаго крестьянства сердцу этихъ сферъ... Въ дѣйствительности, не говоря уже о всемъ слышанномъ нами отъ г. Ильина и носящемъ, допустимъ, лишь теоретическій, принципіальный, академическій характеръ, послѣ пресловутой программы 1883 г., вплоть до возникновенія нѣсколько лѣтъ тому назадъ проекта знаменитыхъ отрѣзковъ, этой «маленькой запятой», которую ставила соціалъ демократія, не увѣренная еще въ томъ, необходимъ ли вообще здѣсь какой-нибудь знакъ препинанія (какъ не безъ юмора острила «Революціонная Россія»), аграрный вопросъ игнорировался ею самымъ основательнымъ образомъ; для крестьянства и его нуждъ совершенно даже не было мѣста въ с.-демокра-

*) Мы имѣемъ, конечно, въ виду историческій указъ 9 ноября 1906 г., которому оцѣнка дана въ ноябрск. кн. «Р. Б.» за прошлый годъ.

**) Цитир. въ № 236 «Сына Отеч.» (1905) въ ст.: «Крестьянство и соціалъ-демократія».

тическихъ программахъ: въ эту эпоху, чтобы стать закономѣрнымъ объектомъ ихъ попеченій, «крѣпкоголовый» (такъ въ былое время аттестовалъ крестьянъ Энгельсъ) долженъ былъ предварительно эманципироваться отъ земли, до красна «вывариться въ фабричномъ котлѣ» и проникнуться «пролетарскимъ самосознаніемъ». Крестьянинъ же самъ по себѣ, мужикъ, какъ таковой, ни малѣйше не интересовалъ с.-демократовъ и по своей консервативной или даже реакціонной природѣ казался абсолютно непригоднымъ для революціи. Въ ту эпоху г. Струве—еще марксистъ—могъ съ чистымъ сердцемъ увѣрять, что пролетаріатъ вовсе и не нуждается въ крестьянствѣ, чтобъ стать «рѣшающей силой въ государствѣ». Но—tempora mutantur et nos mutamur in illis: «мѣняются времена, и мы мѣняемся съ ними». И вотъ теперь, мало по малу, «вопросъ о крестьянскомъ движеніи—какъ констатируетъ г. Ленинъ—*сталъ насущнымъ* не въ теоретическомъ только, а *въ самомъ непосредственномъ практическомъ значеніи*» *), т. е. въ томъ самомъ, который и германскихъ соціалистовъ заставилъ провозгласить лозунгъ: «Въ деревню!» и распространить свою агитацію на сельское населеніе, когда она постигла истину старой нѣмецкой поговорки: «Der Bauer schlägt unsere Schlachten und gewinnt unsere Siege»... Тактикой же игнорированія крестьянства и его нуждъ, а тѣмъ паче соблазномъ обезземеленія и конфискаціи его достоянія, съ увѣщеваніемъ «заранѣе быть готовымъ встрѣтить ихъ съ полнымъ сознаніемъ и твердымъ рѣшеніемъ», никакъ нельзя было разсчитывать привлечь его на арену «своихъ битвъ и побѣдъ», сопрячь свою силу съ силой волнующейся, революціонно настроенной деревни. Отсюда новый «*тактическій*» лозунгъ: «Крестьянскому возстанію мы должны помогать вплоть до конфискаціи земли»—и на этотъ разъ, читатель, конфискаціи не у него, а въ его пользу.

Мы подчеркнули слово *тактическій*. Когда с.-демократія бываетъ вынуждена измѣнить своимъ старымъ «научнымъ» принципамъ и испытаннымъ пролетарскимъ путямъ, для того, чтобы пріобщиться къ новымъ, въ свое время не предусмотрѣннымъ силамъ и факторамъ общественной жизни,—она дѣлаетъ это всякій разъ по соображеніямъ тактики. *Тактика* это ея золотой мостъ, и оттого, натурально, занимаетъ весьма замѣтное мѣсто среди ея соціалъ-демократическихъ «революціонныхъ методовъ» болѣе или менѣе благовидно вызволяя ее изъ всѣхъ принципіально затруднительныхъ или сомнительныхъ случаевъ и оказывая въ этомъ смыслѣ безчисленныя услуги *программъ*. «Программа,—говорятъ намъ,—разсчитана на долгій промежутокъ времени: тактика можетъ мѣняться каждый день» («Новая Жизнь», № 12, 1905 г.), и при этомъ — какъ намъ извѣстно уже изъ «Образованія» — быть настолько независимой, настолько эманципированной отъ программы,

*) Тамъ же.

что частичныя измѣненія въ этой варіирующей изо-дня въ день тактикѣ даже не вносятся обязательно въ программы. Но вотъ въ одинъ прекрасный день оффиціально признана необходимость цѣльнаго пересмотра программы, и въ результатѣ, послѣ какого-нибудь болѣе или менѣе бурнаго съѣзда, уже сама программа обогатится нѣсколькими новыми «компромиссными» пунктами — во славу, конечно, все тѣхъ же старыхъ, «теоретическихъ основъ!»

Въ такой роли и оказывается нынѣ соціалъ-демократическое требованіе—конфискація земли въ пользу крестьянства. Особенно любопытна при этомъ литературная судьба аграрныхъ резолюцій, принятыхъ на 3-мъ съѣздѣ. Напр., въ «большевистской» газетѣ «Новая Жизнь», въ одномъ № (11), въ руководящихъ статьяхъ гг. Ленина и Б. А., фигурируетъ требованіе всей земли для крестьянства, повидимому, какъ минимальное требованіе самой с.-демократической программы. По крайней мѣрѣ, по словамъ г. Ленина, именно на 3-мъ партійномъ съѣздѣ, въ маѣ 1905 г., с.-демократія «самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась за крестьянское требованіе «всей земли и всей воли»... Но вотъ чрезъ нѣсколько номеровъ, въ той же газетѣ (№ 16), г. Рожковъ, по поводу аграрной резолюціи того же съѣзда («даровая, не сопровождаемая выкупомъ нарѣзка земли крестьянамъ») всѣми святыми заклинаетъ товарищей не принимать этого дѣла въ серьезъ и, «признавая во всей полнотѣ *тактическое* значеніе резолюціи 3-го съѣзда—не превращать ихъ въ *программныя* требованія с.-демократической партіи. «Горе той партіи, — патетически восклицаетъ авторъ,—которая, увлекшись демагогіей, подчинитъ свою программу утопическимъ мечтаніямъ, вызваннымъ возбужденными революціей инстинктами!..» Это была стрѣла въ сторону противниковъ — соціалистовъ-революціонеровъ, которымъ авторъ грозилъ почему-то «разложеніемъ» въ самомъ же ближайшемъ будущемъ, забывая, что *разложеніе*, въ видѣ непрестаннаго «броженія» (Mausern), или, какъ у насъ предпочтительно выражаются, «воскресенья», не только было издавна удѣломъ его собственной с.-д. программы, или, если вы такъ хотите, тактики, но что этотъ фактъ соціалъ-демократы какъ-то даже ухитрились сдѣлать предметомъ своей спеціальной гордости, наконецъ, забывая, что и въ крестьянскомъ вопросѣ въ частности наши с.-демократы «бродили», какъ ни какъ, въ направленіи своимъ противниковъ, с.-рев., а не наоборотъ... Но разложеніе заходитъ еще дальше, и мы встрѣчаемъ, наконецъ, въ одномъ и томъ же партійномъ органѣ два радикально расходящихся мнѣнія по вопросу о программномъ или тактическомъ характерѣ резолюцій, на которыхъ въ настоящее время выѣзжаетъ россійская с.-демократія... Прибавивъ, что въ журналѣ «Правда» (янв. 1906), г. Н. Валентиновъ, исходя изъ вышеупомянутой статьи г. Ленина въ «Нов. Жизни», прямо говоритъ опять: «требованіе конфискаціи всѣхъ частновладѣльческихъ земель, *конечно*, не можетъ быть ло-

лунгомъ тактическимъ, «вопросомъ поведенія», а только требованіемъ программы» (кн. II, с. 38), мы приходимъ къ заключенію, что взаимоотношенія с.-демократической программы и с.-демократической тактики или «вопросовъ поведенія» и вопросовъ принципа или убѣжденія является у с.-д. дѣломъ субъективнаго наитія и произвола!.. А вмѣстѣ съ тѣмъ, мы получили только что наглядный урокъ относительно степени «всегдашней насущной близости» крестьянскихъ интересовъ сердцу русскихъ марксистовъ, и вдобавокъ на такомъ примѣрѣ, когда они уже безспорно распинаются и ломаютъ копья за мужика...

Возвращаясь къ нашей главной мысли, нужно отмѣтить, что мертвящее вліяніе предвзятой и ложной теоріи сказывается уже въ самомъ этомъ схоластическомъ различеніи программы и тактики, программныхъ требованій и тактическихъ соображеній. Оно доказываетъ, что «ясная прямолинейность теорій» фактически мѣшаетъ людямъ съ открытыми чувствами воспринимать впечатлѣнія дѣйствительной жизни, біеніе ея пульса; что она позволяетъ имъ лишь съ трудомъ, съ внутренней борьбой, скрѣпя сердце, признавать дѣйствительность, а слѣдовательно, признавать ее только въ кривомъ и исковерканномъ видѣ; что, далѣе, лишь путемъ компромиссовъ, т. е. всегда недобровольныхъ, вынужденныхъ уступокъ, могутъ они присвоить себѣ то новое въ ней—силы, факты и отношенія — что съ теченіемъ развитія всплываетъ на поверхность жизни и—ахъ, жалкая ограниченность наша!—не могло быть точно предусмотрѣно теоріей, созданной 50, 100, 300 лѣтъ тому назадъ... И таково вліяніе теорій во всемъ: всюду своимъ мнимонаучнымъ вмѣшательствомъ, своимъ тлетворнымъ дыханіемъ она коверкаетъ и извращаетъ всѣ благіе порывы и начинанія соціалъ-демократіи.

Съ сожалѣніемъ, однако, за ложной теоріей приходится и здѣсь несомнѣнно признать ту самую роль, которая ей часто принадлежала въ исторіи идей: теоріи увлекаютъ массы не своей внутренней правдой, а своей внѣшней условной цѣнностью, и тою, прежде всего, какую онѣ имѣютъ въ глазахъ своихъ основателей, а затѣмъ получаютъ и въ глазахъ послѣдователей. Благодаря этому и могло и случиться, что въ корнѣ ошибочнымъ ученіемъ научнаго соціализма родоначальникамъ его удалось сотворить чудо объединенія рабочаго класса. Вѣра въ свое ученіе, въ его абсолютную истинность и революціонное значеніе придала имъ тотъ подъемъ, которымъ революціонизируются и проникаются массы. Въ этомъ смыслѣ сказанія о чудесахъ, на зарѣ культуры творимыхъ основателями новыхъ религій, съ цѣлью привлечь къ себѣ народъ и заставить его увѣровать въ новое откровеніе, являются сами по себѣ выраженіемъ глубокаго символа, который благополучно дожилъ до нашей эпохи. Выходитъ такъ, что какъ будто нужны показныя, фальшивыя чудеса, для того, чтобы сотворить чудо истинное, ка-

кимъ является всегда сплоченіе разрозненныхъ единицъ въ одно большое цѣлое—церковь, партію—во имя великой соціальной идеи или вѣрованія.

Этотъ фактъ мы обязаны признать во всей его силѣ, но, конечно, тѣмъ большія обязательства вытекаютъ для насъ отсюда post factum, въ смыслѣ разрушительной работы по отношенію къ ставшимъ ненужными идеологическимъ привѣскамъ здороваго общественнаго движенія. Настаетъ моментъ, когда необходимо, наконецъ, отбросить эти ложныя подпорки, только по недосмотру и недоразумѣнію еще прислоненныя къ готовому зданію, расторгнуть ту поистинѣ противоестественную связь между живымъ народнымъ движеніемъ и сковывающимъ его своими объятіями ученіемъ-трупомъ, которыя составляютъ всю сущность современной соціалъ-демократіи, опирающейся, какъ на свою базу, на марксо-энгельсовскій научный соціализмъ.

Надѣемся, что, послѣ всего предшествующаго, мы этимъ категорическимъ отрицаніемъ «научнаго соціализма» не рискуемъ, по отношенію къ соціализму вообще, оказаться въ роли той няньки, которая вмѣстѣ съ водой выбрасываетъ изъ ванны и ребенка. Мы только получаемъ такимъ путемъ возможность взглянуть на дорогое существо въ его неприкрашенномъ, а по нашему, не обезображенномъ видѣ. Скажутъ, пожалуй, далѣе, что разставаясь съ соціализмомъ научнымъ, мы тѣмъ самымъ принципіально возвращаемся къ давно пройденной ступени соціализма утопическаго. Но вѣдь эта грань между обоими — между соціализмомъ научнымъ и утопическимъ—проведена самими Марксомъ и Энгельсомъ (разсказавшимъ даже вполнѣ миѳическую исторію «развитія соціализма отъ утопіи къ наукѣ») и для насъ ни мало не обязательна. Да мы и въ самомъ дѣлѣ не знаемъ двухъ какихъ-то видовъ соціализма—для насъ существуетъ просто соціализмъ, какъ таковой. Въ принципѣ вообще довольно трудно было бы выдержать какую бы то ни было дѣйствительную грань между коммунизмомъ прошедшихъ вѣковъ и соціализмомъ XIX—XX столѣтій. Напр., то усматриваемое марксизмомъ основное различіе между обоими, будто бы современные соціалисты стараются завербовывать народныя массы, тогда какъ старые утописты пытались воздѣйствовать на отдѣльныя могущественныя личности и заинтересовывать ихъ въ проведеніи своихъ плановъ общественнаго переустройства только кажущееся, или вѣрнѣе оно основано на недоразумѣніи. Во-первыхъ, народные трибуны во всѣ вѣка обращались съ своей проповѣдью именно къ народнымъ массамъ и только одинокіе теоретики строили свои воздушные замки на шаткомъ основаніи благоволенія правителей или милліонеровъ. А съ другой стороны, когда, напр., относительно нашего времени, мы въ зомбартов-

скомъ путеводителѣ по соціалистической литературѣ наталкиваемся на указаніе о Францѣ Мерингѣ—одномъ изъ самыхъ видныхъ и самыхъ фанатичныхъ представителей соціалъ-демократіи,—что въ своихъ руководящихъ статьяхъ онъ «въ теченіе годовъ, въ неизмѣнно повторяющихся выраженіяхъ, изъ недѣли въ недѣлю пророчитъ немедленный конецъ разложившагося буржуазнаго общества», то это до умилительности напоминаетъ намъ «утопическаго соціалиста» Фурье, который тоже изо-дня въ день, въ теченіе десятковъ лѣтъ, регулярно въ 12 часовъ поджидалъ благодѣтеля, который помогъ бы ему осчастливить гибнущее человѣчество посредствомъ немедленнаго введенія соціалистическихъ фаланстеровъ. Шарль Фурье, идеализировавшій положеніе и людей, такъ и не дождался милліонера, а Францъ Мерингъ, да и сами Марксъ съ Энгельсомъ или Лассалемъ, ложныя пророчества которыхъ Мерингъ же оправдывалъ «снѣдавшимъ ихъ революціоннымъ нетерпѣніемъ», въ такой же мѣрѣ пришпоривали историческую ситуацію, «принимая второй мѣсяцъ беременности общества за девятый», и, обращая изъ года въ годъ все тотъ же свой кличъ къ «пролетаріямъ всѣхъ странъ», оставались лишь штабомъ безъ войска: всѣ они ошибочно представляли себѣ уровень сознательности пролетарскихъ массъ, а отсюда и степень пригодности и зрѣлости ихъ для произведенія соціальнаго переворота; но опять-таки это въ такой же мѣрѣ приложимо, хотя бы къ Томасу Мюнцеру въ XVI в., когда этотъ послѣдній рисовалъ себѣ готовность для переворота собранныхъ имъ на скорую руку толпъ пролетаріевъ и крестьянъ, которые долго въ трепетѣ держали весь современный имъ міръ нѣмецкихъ князей и поповъ... Но этотъ же духъ и до сихъ поръ продолжаетъ жить въ международномъ соціализмѣ, обнаруживаясь въ соотвѣтственныхъ резолюціяхъ, какъ, напр., принятой лондонскимъ интернаціональнымъ соціалистическимъ конгрессомъ въ 1896 г.: «Экономическое и промышленное развитіе, гласила эта резолюція, пошло съ такой быстротой, что кризисъ можетъ наступить въ сравнительно короткое время. Конгрессъ, поэтому, со всею настойчивостью подчеркиваетъ повелительную необходимость для пролетаріата всѣхъ странъ, въ качествѣ класса сознательныхъ гражданъ, изучить административную машину соотвѣтственныхъ государствъ для подготовки къ вступленію въ непосредственное завѣдываніе ихъ дѣлами въ интересахъ общаго блага». Резолюція эта была, по всей вѣроятности, навѣяна послѣднимъ энгельсовскимъ пророчествомъ о всемірномъ революціонномъ крахѣ, имѣвшемъ, по его разсчету, наступить не позже 1898 г. Но если отбросить въ ней привычный марксистскій жаргонъ насчетъ темпа экономическаго и промышленнаго развитія, имѣющаго будто бы наиболѣе рѣшающее значеніе для наступленія взрыва, а съ другой стороны, дополнить ее презумпціей объ идеалахъ, молчаливо лежащихъ въ основѣ всякаго рабочаго дви-

женія, то и окажется, что, въ сущности, она тѣсно примыкаетъ къ всемірно-исторической традиціи коммунизма...

Ибо, когда намъ говорятъ, какъ то дѣлалъ Марксъ, по поводу парижской коммуны 1871 г., что рабочій классъ *«не призванъ осуществлять какіе бы то ни было идеалы*, а только освободить элементы новаго общества, уже зародившагося въ нѣдрахъ разлагающагося буржуазнаго общества», то мы нисколько не сомнѣваемся, что авторъ подобнаго заявленія всецѣло находился во власти доктринерской предвзятости, заставлявшей его смотрѣть на вещи, такъ сказать, сверху внизъ. Мы, напротивъ, оборачиваемъ это предложеніе и говоримъ: онъ, рабочій классъ, именно призванъ осуществить идеалы, искони составлявшіе завѣтную мечту человѣчества, призванъ воплотить въ жизнь давно рисовавшіяся ему самому fix und fertigen Utopien. «Освобожденіе же изъ нѣдръ разлагающагося общества элементовъ какого-то новаго общества» можетъ звучать для насъ только чистѣйшей фантастикой, чѣмъ-то вродѣ освобожденія прекрасной царевны изъ заколдованнаго замка, причемъ даже герой-избавитель, рабочій классъ, рисуется чуть ли не въ сказочныхъ краскахъ какого-то Ивана-Царевича со всѣми его мытарствами и оборотничествомъ: ему, по Марксу, «придется пережить долгую борьбу, цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, которые совершенно измѣнятъ обстоятельства и людей». Ну, въ самомъ же дѣлѣ, это ли не сказочное оборотничество?..

Да и что вы знаете про ту подлежащую освобожденію прекрасную незнакомку—эти «элементы новаго общества»? Бебель говоритъ: «Наша программа содержитъ общіе принципы того, что мы хотимъ, *а о большемъ не можетъ быть и рѣчи»*... Общіе принципы желаемаго—наши соціалистическіе идеалы - очень хорошо. Но если «о большемъ не можетъ быть и рѣчи» и мы перенесены, стало быть, въ область абсолютнаго агностицизма, но не сравнились ли мы—мы, возсѣдающіе въ великолѣпныхъ хоромахъ научнаго соціализма — по степени оріентировки въ этомъ мірѣ, по ясности соображенія задачъ и средствъ, путей и цѣлей съ самыми смиренными изъ смиренныхъ нашихъ братьевъ—въ утопіи? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь «общіе принципы того, что мы хотимъ»— это то самое, «чего хочетъ», что вынашиваетъ въ своемъ мозгу tel ou tel réformateur du monde, какъ говорится въ французскомъ переводѣ «Коммунистич. Маниф.», это именно «идеи и принципы, изобрѣтенные или открытые тѣмъ или инымъ утопистомъ—исправителемъ міровыхъ отношеній»... А — «о большемъ не можетъ быть рѣчи»! Внѣ этихъ «общихъ принциповъ» мы сразу же погружаемся точно въ лѣсъ дремучій, мы оказываемся объятыми всѣми міровыми и соціальными загадками, мы видимъ раскрывающійся предъ нами, во всѣ стороны разбѣгающійся безконечный разбродъ проблематическихъ возможностей. «Мы даже не знаемъ момента, когда быть можетъ по частямъ, парціально овладѣемъ властью и полу-

чимъ возможность провести свою программу, по крайней мѣрѣ, отчасти; ибо, въ послѣднемъ счетѣ, *можетъ существовать десять, двадцать, тридцать различныхъ путей*, на которые намъ доведется вступить, прежде чѣмъ мы достигнемъ нашей цѣли»... Но тогда почемъ вы знаете, что достигнете именно «вашей цѣли» и, вообще куда васъ все это приведетъ? Гдѣ та Аріаднина нить, которая выведетъ васъ изъ лабиринта, сквозь всѣ его лабиринтообразные ходы, съ его «10—20—30-ью» возможными выходами, но и вѣроятными безконечными блужданіями и полной безвыходностью? Почемъ вы знаете, что не заблудитесь въ лабиринтѣ и вмѣсто царства коллективизма не угодите въ пасть какого-нибудь Минотавра или во власть какого-нибудь новаго Левіаѳана? На чемъ дѣйствительно зиждется ваша увѣренность въ противномъ? Вы убѣждены, что это не случится, потому что загипнотизированы «геніальными» анализами Маркса, доказавшими, какъ дважды два, что въ силу собственнаго своего экономическаго развитія современное общество «неудержимо стремится» достигнуть высшей формы жизни и т. д. Но вотъ, напр., Гентъ показалъ, что оно «неудержимо стремится» именно въ пасть Минотавра—назадъ, къ какому-то новому виду феодализма. Но пусть ошибается и Гентъ—мы вовсе не склонны чьимъ бы то ни было механически-автоматическимъ выводамъ относительно мнимой эволюціи общества придавать большее значеніе, чѣмъ таковымъ же выводамъ «Капитала»,—но не показываетъ ли самое это расхожденіе, что на твердокаменномъ фундаментѣ необходимости, какъ бы въ насмѣшку надъ его незыблемостью, можно строить все, что угодно, и, слѣдов., невозможно строить ничего? И что же? Не очевидно ли, что уже въ лучшемъ случаѣ своего рода печальное *ignorabimus* является заключительнымъ аккордомъ научно-соціалистической мысли, перенесенной изъ своихъ «потустороннихъ» высотъ на почву жесткой практической дѣйствительности?..

И среди всего этого мрака соціальнаго или соціологическаго агностицизма мерцаетъ только одна свѣтлая точка человѣческаго идеала, естественнымъ и прирожденнымъ носителемъ котораго является рабочій классъ, а самое осуществленіе — высокимъ наслѣдствомъ, почетнымъ обязательствомъ, завѣщаннымъ прошлымъ грядущему...

«Тутъ окажется, что міру давно снится то, о чемъ онъ долженъ имѣть сознаніе, чтобы дѣйствительно обладать имъ; окажется, что дѣло идетъ не о великомъ идейномъ спорѣ между прошлымъ и будущимъ, а только объ осуществленіи идеи прошлаго; наконецъ, окажется, что человѣчество не предпринимаетъ никакой новой работы, а только сознательно осуществляетъ свою старую работу».

Эти нѣсколько строкъ, принадлежащія Карлу Марксу, профессоръ Масарикъ («Философскія и соціологическія основанія марксизма», с. 192) почерпнулъ еще изъ «Deutsch - Französische

Jahrbücher». И мы позволимъ себѣ выразить, что этими своими юношескими мыслями, не смотря на всю ихъ парадоксальную и даже туманно-мистическую форму, Марксъ несравненно интимнѣе соприкасался съ глубочайшими корнями всякаго соціализма, нежели впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался основателемъ новой соціалистической системы и написалъ «Капиталъ». И поэтому, насколько современный научный соціализмъ безусловно ложенъ во всемъ, что въ немъ есть «современнаго» или «научнаго», на столько же, напротивъ, онъ глубоко правдивъ и жизненъ, освобожденный отъ толстаго слоя искусственныхъ нагроможденій и непосредственно пріобщенный къ великой традиціи всемірнаго соціализма. А съ тѣмъ вмѣстѣ падаетъ и апокрифическое представленіе о современномъ пролетаріатѣ, провиденціальномъ «могильщикѣ» современной буржуазіи: этотъ пролетаріатъ оказывается такимъ же закономѣрнымъ продолжателемъ коммунистическихъ традицій трудящихся всѣхъ вѣковъ, какъ самъ современный соціализмъ продолженіемъ исторической нити коммунизма вообще. Безъ сомнѣнія, общій уровень развитія рабочаго класса, степень сознательности его въ настоящее время неизмѣримо выше умственнаго состоянія его когда бы то ни было въ прошедшіе вѣка; безъ сомнѣнія, и по степени своей организованности и сплоченности, по огромному массовому скопленію его въ современныхъ большихъ городахъ и тѣмъ условіямъ сообщенія и сношенія между собой, которыя изъ отдѣльныхъ большихъ рабочихъ отрядовъ образуютъ въ послѣднемъ счетѣ одну великую международную армію труда, наконецъ, даже по тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлало еще болѣе трудное объединительное движеніе—объединеніе подъ общимъ трудовымъ лозунгомъ населенія городовъ и деревень и представителей всѣхъ вообще видовъ полезнаго труда—по всѣмъ этимъ громадной революціонной важности условіямъ современный рабочій классъ оставляетъ далеко позади себя своего предшественника, пролетаріатъ всѣхъ истекшихъ столѣтій; безъ сомнѣнія, говоря словами г. Александра Щ–ва («Р. Б.», ноябрь), въ переживаемый теперь въ высшей степени важный историческій періодъ «утопическіе когда-то идеалы соціализма принимаютъ все болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія; соціалисты теперь не кучка безпочвенныхъ мечтателей, а серьезная политическая партія, объединяющая въ своихъ рядахъ огромные кадры трудящагося населенія», — и съ этимъ фактомъ можно и должно считаться при постройкѣ соціалистической программы. Было бы однако же большимъ грѣхомъ и преувеличивать значеніе этого факта. Героической, одухотворенной единымъ общимъ чувствомъ массы пролетаріата нѣтъ, повторяемъ, и теперь, какъ не было тогда, когда онъ еще не былъ международнымъ пролетаріатомъ, а будь такой пролетаріатъ въ дѣйствительности, не было бы и необходимости даже пускать эту героическую силу въ ходъ, потому что все, чего онъ требуетъ давно, сотни лѣтъ тому на-

вадъ, сдѣлалось бы по одному мановенію этого пролетаріата. А затѣмъ и то героическое, возбуждающее на подвигъ, что въ немъ дѣйствительно имѣется, почерпнуто не изъ исторіи вчерашняго дня или изъ условій переживаемаго момента, но именно изъ вѣчнаго кладезя «утопическихъ когда-то идеаловъ соціализма», которыми «бредило» и по которымъ томилось страдающее человѣчество въ продолженіе своего многовѣковаго «хожденія по мукамъ». Не классы вообще, не экономическія категоріи какого бы то ни было порядка и вида могутъ явиться рѣшающими факторами грядущаго переворота. Этого нѣтъ и не можетъ быть уже потому, что, съ одной стороны, огромные кадры не городского населенія, вовсе или почти не захваченные въ круговоротъ капитализма, оказываются, однако, существенно-необходимыми для произведенія переворота на ряду съ городскимъ пролетаріатомъ, а съ другой стороны, не малозначительные слои городского населенія, подвергшіеся какъ бы отталкивающему дѣйствію капитала и низвергнутые имъ, въ видѣ Lumpenproletariat'а («пролетаріата отрепьевъ»), на самое дно общественной жизни, грозятъ явиться скорѣе контръ-революціоннымъ элементомъ, чѣмъ факторомъ революціи. Одно уже это слѣдствіе и аттрибутъ «механизма капиталистическаго производства» способно отнять у насъ послѣдній слѣдъ иллюзіи относительно его благодѣтельнаго подготовительнаго для соціализма дѣйствія. Но еще вопросъ, въ какой мѣрѣ дѣйствіе этого механизма, даже въ его положительной—«объединяющей, организующей и дисциплинирующей» рабочихъ—части не исчерпывается собственно-экономическими въ тѣсномъ смыслѣ слѣдствіями и, стало быть, въ какой мѣрѣ оно и тутъ не служитъ лишь отрицательной, *отводящей* отъ соціализма и его конечныхъ цѣлей службы? Вотъ почему мы и говоримъ, что рабочій классъ дастъ послѣдній бой современному буржуазному обществу не въ качествѣ пролетаріата—производнаго или придатка опредѣленной фазы развитія производственныхъ отношеній, капитализма — и не въ качествѣ свидѣтеля и наслѣдника огромныхъ завоеваній данной достигнутой ступени культуры (какъ, понятно, ни важны сами по себѣ эти завоеванія и какъ ни приближаютъ они моментъ рѣшительной побѣды)—а, принципіально, эта побѣда будетъ одержана рабочимъ, трудящимся, какъ таковымъ, который въ самомъ своемъ положеніи соціально обездоленнаго и униженнаго класса несетъ, какъ несъ во всѣ времена, интимнѣйшіе завѣты высшаго общественнаго порядка, *долженствующаго* нѣкогда наступить. Съ точки зрѣнія развиваемаго здѣсь принципа необходимость и безусловность этого долженствованія даны не внѣ, а внутри насъ, и лишь отсюда имѣютъ быть переведены во внѣшнюю дѣйствительность. Опредѣленіе тѣхъ путей и способовъ, какими «переводъ» этотъ можетъ состояться наиболѣе раціональнымъ образомъ, есть дѣло «соціалистической программы» и, слѣдовательно, выходитъ изъ предѣловъ

нашей задачи, для которой принципіально важно было обнаружить истинныя идейныя пружины освободительной борьбы пролетаріата, скрытыя отъ самой партіи—представительницы интересовъ послѣдняго. Мы поэтому съ особеннымъ удовлетвореніемъ закончимъ настоящую статью слѣдующими словами одного изъ членовъ соціалъ-демократической фракціи рейхстага (Фроме), который, забывъ всѣ запреты «учителей» относительно «идеаловъ», прямо и просто заявилъ:

«Es giebt nur eine Partei, welche ein wahrhaftes Ideal vertritt, das ist die Socialdemokratie—das Ideal der höheren socialen Gerechtigkeit, die den heutigen Zuständen der Kultur unbedingt folgen muss». (Есть только одна партія, преслѣдующая истинный идеалъ: это соціалъ-демократія; самый же идеалъ—идеалъ высшей соціальной справедливости, которая безусловно должна восторжествовать вслѣдъ за нынѣшнимъ состояніемъ культуры»)...

Разумѣется, что это утвержденіе объ «*одной* только» соціалистической партіи относится лишь къ Западной Европѣ; гдѣ соціалъ-демократія дѣйствительно *одна*.

М. Н. Лежневъ.

ГАРАСЬКА-ДИКТАТОРЪ

Разсказъ.

Познакомились мы съ Гараськой въ ту зиму, когда надъ Россіей повисла опасность японской войны. Я велъ тогда въ нѣсколькихъ селахъ нашего уѣзда вечерніе курсы для взрослыхъ, и Гараська былъ въ числѣ моихъ учениковъ. Приходилось мнѣ ѣздить. Зима стояла красивая, бодрая. Каждое утро выпадалъ свѣжій, пушистый иней. Заботливо и со вкусомъ украшалъ онъ кусты въ небесно-чистый нарядъ. Старое жнивье, обрывистая пасть оврага, лохмотья крыши избъ и сараевъ — все осыпано бисеромъ, блестками, подернуто матовой тканью воздушныхъ кружевъ. Вверху гаснетъ близкое молочно бурое небо, а впереди стелется зимняя дорога: легкая, пѣвучая и гулкая, какъ чугунка, безъ раскатовъ, безъ выбоинъ. Пріѣхали въ село. Пара поджарыхъ заиндевѣлыхъ „киргизовъ" дружно подвертываетъ санки къ школьному крыльцу. А тамъ просторный классъ уже полонъ бодраго оживленія. Деревенская молодежь, наивная, жадная до знаній, плотными рядами заполнила неуклюжія парты и работаетъ.

Славная, свѣтлоликая молодежь! Впослѣдствіи она смѣлымъ авангардомъ пошла въ революцію, и революція, жадная до честныхъ, беззавѣтно-правдивыхъ людей, многихъ сильныхъ сломила, здоровыхъ искалѣчила... Тогда молодежь переживала предразсвѣтное пробужденіе. Дыханіе свободы ужъ рѣяло надъ деревней, и несознанная упорная сила толкала даровитыхъ, талантливыхъ парней на путь сомнѣній и критики. Тѣ, кого народная молва назвала „студентами", были впереди. Они ужъ не считали старую, вѣками сложившуюся правду—святой правдой. Дѣдовская мудрость въ ихъ глазахъ была хрупка и бездоказательна. „Студенты" запоемъ читали научныя популярныя книги, ловили чуткимъ умомъ новыя идеи. Они учились, чтобы перестроить на новый заманчивый

ладъ свою жизнь, жизнь своей деревни. Таковы были ученики вечернихъ курсовъ. Но странно, кромѣ талантливой молодежи, исправно посѣщали школу и тупицы: бездарные, неразвитые. Тупицы много писали, внимательно слушали учителя. Однако, тетради ихъ были полны безсвязныхъ словъ, тайно списанныхъ у товарищей, и все, что говорилось въ классѣ, они комбинировали въ своихъ головахъ въ какой-то сумбуръ, нелѣпый и смѣшной.

Къ счастью, тупицъ было мало, и въ селѣ Лапотномъ, гдѣ занятія шли особенно удачно, такимъ „исправнымъ" тупицей считали Гараську. Гараська былъ здоровякъ, плотно сложенъ и угрюмъ. Смуглое квадратное лицо, густо обросшее черной щетинистой бородой, было кстати отмѣчено сѣрыми стоячими глазами парою маленькихъ мышиныхъ ушей. Въ немъ замѣчалось удивительное сочетаніе типовъ: монгольскаго, славянскаго и финскаго. Полу-татаринъ, полурусскій, онъ съ лица напоминалъ Пугачева, какимъ малюютъ его на лубочныхъ картинкахъ. Онъ и смѣялся мало. Его толстыя губы вытягивались рѣдко въ улыбку, развѣ когда приходилось разговаривать съ начальствомъ. За то Гараська отличался услужливостью и угодливостью къ батюшкѣ и учителю. Подать, принести, придержать, стереть съ доски— все это дѣлалъ онъ съ большой готовностью. Возможно, что всѣ эти привычки были воспитаны въ немъ военной службой, но парни ихъ не прощали. Бывало, только пристроится Гараська къ списыванію, а кто-нибудь кричитъ:

— Гараська! Вишь, мѣлу нѣтъ... бѣги попрытче!

И Гараська срывается съ парты, чтобы бѣжать за мѣломъ. Надъ Гараськой смѣялись, шутили, но онъ отмалчивался и не лѣзъ въ драку. Для меня онъ оставался загадкой. Говорили, что онъ мѣтитъ получить мѣсто объѣздчика у сосѣдняго барина и ходитъ въ школу, чтобы кое-чему подучиться; но думать, что угодливостью и списываніемъ научишься чему-нибудь, было странно и для Гараськи.

Зима проходила. Въ концѣ февраля наступила оттепель: дороги испортились, овражки наполнились предательской снѣжной кашей, лѣсъ закутался коричневой дымкой. Деревня стоитъ сѣра, мокра, неряшлива. Ѣздить приходилось съ большими трудностями. Нѣсколько разъ мы съ ямщикомъ тонули, но дружные „киргизы" по прежнему бойко подкатывали набухшія санки къ школьному крыльцу. Среди зимы въ Лапотномъ умеръ учитель. Назначили молодую, только еще со школьной скамьи, учительницу. Оживленіе въ школѣ выросло. „Студенты" стали заходить въ школу чуть ли не каждый день. За чайнымъ столомъ скромной учительской

квартиры часто шли горячіе споры, какъ на сходкахъ настоящихъ студентовъ.

Бѣлокурый богатырь Трофимъ, хохотунъ и тонкій законникъ Никаноръ, заика Василій—были постоянными гостями Марьи Васильевны. Они первые познакомились съ запрещенными книжками. Книжки открыли имъ горизонты широкой свободной жизни, указали на возможность народнаго счастья. Вокругъ нихъ группировались остальные. Когда начались военныя дѣйствія, пошла въ ходъ газета.

По почтовымъ днямъ въ классѣ всегда было людно, шумно и душно. Предметъ нашихъ занятій невольно отклонялся въ сторону политики. Какъ разъ въ это время Гараська пропалъ: онъ, видимо, понялъ всю безполезность своего усердія. Его скоро забыли. Однажды во время занятій появляется въ классѣ полицейскій... Бритый, съ закрученными черными усами, онъ сталъ по отдаль и, видимо, рисовался.

Полиція не разъ пыталась и раньше установить на курсахъ наблюдательный постъ, но мы были чутки къ нарушенію своихъ правъ. Парни всегда выпроваживали изъ класса полицію, теперь же были равнодушны. Полицейскій повертѣлся минутъ десять въ глубинѣ класса и вышелъ важнымъ размѣреннымъ шагомъ.

— Видалъ Гараську?—спросили меня послѣ урока парни.

— Приходилъ величаться... Я-ста, не я-ста, въ полицію напялся!—сообщали они.

Приходившій въ классъ полицейскій былъ, дѣйствительно, Гараська. О немъ теперь вспомнили.

— Ха-ха-ха! По-лиція!..

— Ну и шутъ гороховый! Какъ вѣдь пузо-то выпятилъ...

— Мѣтилъ въ объѣздчики. .

— Кто его возьметъ въ объѣздчики?.. Въ объѣздчикахъ какой ни какой разумъ требуется! Хоть собачье понятіе, а его надо имѣть въ башкѣ-то... Онъ возъ назьму свалить не умѣетъ. Осенью это было: наложилъ телѣгу, вывезъ подъ кручу. Лошадь подвернула подъ горку, полегче ей такъ-то, а онъ ухватился за заднюю ось и хочетъ телѣгу въ гору перевернуть: натужился, красный весь... Ефимъ Терентьичъ подходитъ:

— Что, слышь, воинъ Христовъ, аль гору свернуть надумалъ?

Завернулъ Ефимъ Терентьичъ лошадь въ другой бочекъ,—возъ самъ опрокинулся!.. Смѣху что было...

— Н-да, дурака въ объѣздчики не наймутъ.

— То-то вотъ и есть!.. А тутъ все его дѣло гончихъ собакъ маханиной кормить... Дай-подай четвертную на мѣсяцъ.

— Дуракамъ счастье.

— Велико счастье?!. Кто пойдетъ въ полицію?.. Ты пойдешь?..

— По-о-йду!.. Ну ее къ нечистому... наплюешь и на четвертную!..

— То-то!..

Послѣ этого разговора мы больше не вспоминали Гараську.

Вскорѣ, по волѣ мудраго начальства, вечерніе курсы покончили свое существованіе. Я вынужденъ былъ покинуть деревню.

Прошло полтора года. Минуло семнадцатое октября. Крестьянство нашего уѣзда встрѣтило „дни свободъ“ двояко. Одни села ринулись въ волну аграрныхъ безпорядковъ; другія мирно занялись устройствомъ общественной жизни по новому, согласно указаннымъ въ манифестѣ свободамъ. Начальство частью растерялось передъ дружнымъ натискомъ народнаго энтузіазма, частью было занято усмиреніемъ аграрниковъ. Мирныя села поэтому очень скоро стали напомиминать средневѣковый Новгородъ съ его бурнымъ вѣчемъ, удальствомъ и гордой свободой. Къ числу такихъ селъ примкнуло и Лапотное.

Въ ноябрѣ ко мнѣ въ городъ пріѣхали оттуда гости: Марья Васильевна, учительница, и Трофимъ, бывшій курсистъ.

Марья Васильевна, всегда увлекающаяся дѣвушка, теперь была, какъ на пружинахъ. Она нервно бѣгала по комнатѣ, съ разбѣгу садилась на стулъ и говорила, говорила безъ умолку.

— Вы себѣ представить не можете, что у насъ тамъ дѣлается!.. Вы не поймете, нѣтъ! Надо тамъ пожить, надо войти туда.. внутрь, въ толпу, на сходъ!.. А-ахъ, Богъ мой, какъ все измѣнилось, выросло!..

Она понизила голосъ и продолжала возбужденнымъ шепотомъ:

— Сначала притихли всѣ... не поймутъ никакъ... Что-о такое? Свобода! Свобода слова!.. Вчера за эти слова въ острогъ сажали,—а сегодня они въ царскомъ манифестѣ?.. О чемъ прежде на гумнѣ да въ оврагѣ тайкомъ шушукались—теперь попъ съ амвона проповѣдуетъ!.. Ну, а потомъ какъ поняли...и-и!—Марья Васильевна взвизгнула, вскочила со стула и остановила на мнѣ радостный взглядъ, но, видя, что я менѣе ея восторженъ, надула губы:

— Нѣтъ, вы никогда... никогда не поймете... Я съ дѣтства слышала, читала! Мечтала о свободѣ!.. Но узнала свободу

только теперь! Только теперь... Знаете что? Вотъ вы учитель, но вы несчастный, жалкій учитель!

— Позвольте...

— Да! Потому, что вы не были учителемъ свободнаго народа!.. Ахъ, если бы вы могли понять!.. Какое блаженство! Какой восторгъ быть учительницей въ свободной странѣ!!. Правда, Трофимъ?

Трофимъ, молча, кивалъ волосатой головой. Могучій, свѣтлобородый красавецъ, грудастый, широкоплечій, онъ съ кротостью ручного медвѣдя слѣдилъ за дѣвушкой яснымъ невиннымъ взоромъ и, видимо, въ душѣ молился на нее, какъ на святую. Часто при видѣ Трофима въ моей памяти воскресалъ образъ богатыря-младенца „Урса" изъ „Камо грядеши" Сенкевича. Теперь сходство русскаго парня съ первовѣковымъ галломъ доходило до поразительной иллюзіи.

— Вы помните, какъ я увлекалась когда-то школой? Да?.. Не забыли?..

Дѣвушка снова вскочила со стула и застыла на мигъ въ мечтательной позѣ. Ея лучистые каріе глаза смотрѣли такъ, словно видѣли знакомую недавно пережитую картину. Густыя пряди темныхъ волосъ неслышно сползли съ головы.

Увлекая за собой шпильки и гребни, волосы мягко облегли шею дѣвушки, дѣлая ее, дѣйствительно, похожей на святую.

— Ну, да... вы помните,—вернулась она къ дѣйствительности.—Я десятка рублей не имѣла на библіотеку... Нужно было писать бумагу инспектору, инспекторъ писалъ въ земство, земство предлагало сходу, и... мужики отказывали... Те-еперь!

Марья Васильевна красивымъ жестомъ закинула на спину волосы и выхватила изъ-за корсажа мятый конвертъ.

— Смотрите! Двѣсти рублей!!

Она тряхнула конвертомъ, и десятки правильно выбитыхъ золотыхъ кружковъ высыпались на столъ съ тусклымъ нерѣшительнымъ звономъ. Дѣвушка снова заметалась по комнатѣ. Легко наклоняясь молодымъ гибкимъ тѣломъ, она подбирала шпильки.

Денегъ, дѣйствительно, было двѣсти рублей.

— Трофимъ, разскажите Ѳомѣ невѣрующему, для чего эти деньги!—крикнула учительница сквозь зубы, остановившись передъ нимъ съ полнымъ ртомъ шпилекъ.

Трофимъ разсказалъ, что деньги ассигнованы сходомъ. Половина суммы должна пойти на оружіе, половина на библіотеку. Онъ досталъ заложенную въ книжный переплетъ бумагу и подалъ мнѣ. Это былъ приговоръ схода. „1905 года, ноября 8 дня,—гласилъ приговоръ,—мы, граждане села

Лапотнаго, той же волости, N-ской губерніи и уѣзда, были собраны нашимъ старостой Степановымъ на всеобщій сходъ, гдѣ имѣли сужденіе о необходимости для насъ библіотеки и боевой дружины для ночныхъ обходовъ нашего села, на случай лихого человѣка, грабителя и лиходѣя своему же брату"... Далѣе шло постановленіе объ ассигнованіи изъ мірскихъ суммъ денегъ и именное полномочіе для производства „таковыхъ расходовъ". Полномочіе было дано Трофиму Яблокову, Марьѣ Васильевнѣ и, почему-то, мнѣ.

— Вотъ видите, — поспѣшила упрекнуть меня Марья Васильевна,—вы за два года глазъ не показали въ Лапотное, а народъ васъ помнитъ.

Она теперь стояла у печки со сложенными назадъ руками и волосами, завитыми на головѣ въ широкій раскидистый узелъ. Мое невѣріе, должно быть, показалась ей окончательно сломленнымъ: ея слова и жесты были уже болѣе спокойны и добродушны.

Я выразилъ раскаяніе, что за это время ни разу не побывалъ въ Лапотномъ и положилъ поѣхать при первой возможности.

-- Ну вотъ, пріѣдете, и прямо ко мнѣ! — приглашала Марья Васильевна:—увидите, какъ я дружна съ народомъ... Каждый день въ школѣ содомъ... и что поразитъ васъ: бабы приходятъ газеты слушать... вотъ увидите...

— У насъ крестьянскій союзъ!—вдругъ перекинула она тему разговора,—сходъ былъ. Участвовали всѣ: больше тысячи человѣкъ сошлось... и старики, и парни, даже бабы!.. Вычиталъ Никаноръ изъ „Сына отечества" всѣ резолюціи. Старики кричатъ: „Согласны! Пиши приговоръ!" Написали приговоръ: „Мы, граждане села Лапотного"... Правда, хорошо звучитъ? „Граждане"...

— Съ этими гражданами у насъ исторія смѣшная вышла: съ земскаго начальника двадцать пять рублей содрали за гражданство! — засмѣялся Трофимъ. — Тутъ вскорѣ опосля манифеста было дѣло. Онъ постарому еще совался въ дѣла. Представили ему приговоръ о выборѣ новаго старосты. Написано: „граждане"... Онъ и прикати! „Каки-таки граждане?.. мужланье вы!.. Я васъ могу всѣхъ подъ арестъ засадить"... Вышли мы тутъ, ему поперекъ говоримъ: „Успокойтесь, гражданинъ, не кричите такъ громко... нынче неприкосновенность личности... А вотъ ежели угодно вашей гражданской милости провѣрить царскій манифестъ, кладите на закладъ четвертную, мы телеграмму Витте пошлемъ... спросимъ его: кто мы такіе?" Смотритъ на насъ черезъ золотые очки, хохочетъ. „Идетъ!—говоритъ. Я вашу четвертную на церковь пожертвую". Выложилъ на столъ пятьдесятъ рублей, послали

телеграмму. Къ вечеру отвѣтъ: „Воля Государя императора непреклонна. Даровалъ онъ гражданскія свободы, — стало быть, граждане“. Въ этомъ родѣ отвѣтилъ. И-и!.. Что было!..

— Что-жъ, пропили четвертную?

— Зачѣ-ѣмъ!.. Тутъ она... на „левольверы“ пойдетъ.

— Теперь начальство къ вамъ не суется?

— Куда тутъ соваться? Изъ полиціи у насъ одинъ Гараська остался въ селѣ, и тотъ къ союзу крестьянскому записался.

— Да,—снова вмѣшалась Марья Васильевна,—всѣ куда-то исчезли: приставъ пропалъ и урядника съ собой утащилъ земскаго нѣтъ... попъ мо-олчи-итъ!.. Знаете? Мы старшину выбрали новаго, изъ своихъ, староста у насъ тоже молодой...

— Волостного сплавили,— добавилъ Трофимъ въ тонъ учительницѣ.

— Да, вотъ смѣшно!—подхватила та.— Ха-ха-ха!!. Онъ доносами пробавлялся. Ему жалованья убавили, чтобы ушелъ. Писарь не уходитъ. Однажды сидятъ утромъ съ женой, чай пьютъ. Подъѣзжаютъ подводы.

— Собирайся, гражданинъ, укладывайся, — говорятъ, — мы надумали тебя на собственную квартиру доставить изъ общественнаго дома.

Поблѣднѣлъ. Писариха плачетъ.

— Куда мы теперь дѣнемся? Зима на носу... у насъ двое дѣтей.

— Ничего, — говорятъ мужики, — тамъ надумаете въ городѣ, какъ быть. Мы тебѣ въ городѣ и помѣщеніе пригля-дѣли... А насчетъ дѣтей будь покоенъ. У Семена Доброва, что по твоей милости въ острогѣ сидитъ, четверо дѣтей-то... и то не тужитъ.

Такъ и перевезли. Никаноръ у насъ теперь писаремъ.

— Вотъ какъ,—пошутилъ я,—у васъ республика!

— Мы такъ и прозываемся: Лапотная демократическая республика! -поддержалъ Трофимъ шутку. -Порядки завели все новые: кабакъ закрыли, такъ что и духу виннаго въ селѣ нѣтъ, воровства тоже не слыхать. Строгости у насъ пошли большія. Обходы каждую ночь ходятъ... Дружина составилась изъ парней, человѣкъ сто... она патрули высылаетъ. Судиться приходятъ къ патрульнымъ! Намеднись у Гараськи-стражника обыскъ былъ, нашли изъ краденаго кое-что... При старомъ-то строѣ они, подлецы, потаскивали таки. Думали, рядили: какъ съ нимъ поступить? Законовъ такихъ настоящихъ нѣтъ, прогнать его некуда: свой сельскій. Ма-ах-нули рукой!..

— Онъ все такой же?

— А то? Коло кого ему поумнѣть-то!

Гости уѣхали, взявъ съ меня слово побывать въ Лапотномъ по первому санному пути. Вскорѣ, однако, наступили событія, заставившія отложить мою поѣздку до весны.

Въ половинѣ апрѣля пара запаленныхъ ямскихъ подвозила насъ къ Лапотному. Мой спутникъ, земскій докторъ изъ села Узлейки, мѣрно раскачивался въ привычной дорожной дремотѣ. Ямщикъ усиленно хлесталъ просмоленной возжей по острымъ маклакамъ лѣнивой пристяжной, любовно поддергивалъ коренника и поминутно кричалъ:

— Эхъ вы!.. Соко-олики!

Его голосъ, высокій и звонкій, силился слиться въ одинъ тонъ съ колокольчикомъ. Покрывая на секунду холодные надоѣдливые звуки металла, онъ медленно таялъ въ весеннемъ просторѣ.

„Соколики" равнодушной рысцой тащили плетенку по еле просохшему проселку, круто поводя вспаренными боками.

Кругомъ было хорошо, молодо. Межъ темныхъ прошлогоднихъ стёблей народились кудрявыя дымчато-зеленыя головки свѣжей растительности. Озимь, слегка желтоватая вблизи, вдаль уходитъ густымъ изумруднымъ ковромъ, а на горизонтѣ становится голубой, колеблющейся. Признакъ богатаго урожая. Струйки легкой воздушной влаги гдѣ-то родятся и, волнуясь, бѣгутъ вдаль, словно морская рябь послѣ парохода. Тонкой подвижной пленкой застилаютъ они и черныя извивы дороги, и темный массивъ ярового поля, и лѣсъ, и странно бѣлѣющія плѣшины залежавшагося по оврагамъ снѣга.

Въ далекомъ небѣ, полномъ солнца и глубокой весенней синевы, журчала непрерывная трель жаворонка. Въ этой радостной, захлебывающейся пѣснѣ маленькой птицы было такъ много веселости и задорнаго счастья, что хотѣлось смѣяться. Смѣяться, откачнувшись прочь отъ всѣхъ треволненій людского общежитія со всѣми его ужасами и ненужной жестокостью...

Впереди, надъ желтѣющей полосой недалекаго лѣска, обрисовался сѣрый профиль деревенской колокольни.

— Вотъ она и Ханская Ставка!— заговорилъ ямщикъ громкимъ, веселымъ голосомъ.

— Какъ Ставка? Надо быть Лапотному.

— Это, ваша милость, я къ тому... въ Астрахани приходилось бывать, на ватагахъ. Село тамъ есть въ степи, прозывается Ханская Ставка. Сказываютъ, Батый тамъ стоялъ,

Ханъ... раззоритель Россіи. Отъ него и село такъ прозвали, ну, и въ Лапотномъ объявился ханъ: стражникъ... Онъ ихъ же сельскій, Гараськой звать, все село заполонилъ, даже инда боязно ѣздить.

— Ну, тебѣ-то чего бояться?

— Бье-етъ!.. Отъ какъ дерется!.. Собака и та боится носъ въ подворотню просунуть. Вотъ ужо пріѣдемъ, — увидишь: пустая ульца-та!.. А вѣдь свѣтло Христово воскресенье!.. Прямо сказать, заморозилъ...

Привычные къ ямщицкой повадкѣ „соколики" шли тихимъ, надоѣдливымъ шагомъ. Колокольчикъ замолкъ. За то невидимка-жаворонокъ съ большимъ жаромъ закатывался надъ нашими головами.

Ямщикъ снялъ картузъ, тряхнулъ нечесанной копной волосъ и задралъ голову кверху.

— Ишь, старается... тоже и она прославляетъ господній даръ—слободу... незамай, что тварь, съ понятіемъ птица...

Докторъ по прежнему дремалъ. Мнѣ не говорилось. Ямщикъ полюбовался на озими, потужилъ, что Святая помѣшала въ пору сѣять овсы, и погналъ передохнувшихъ лошадей. Голосъ его снова соперничалъ съ трепетнымъ визгомъ бронзы.

— Соко-олики-и! Близко!!.

Потянулись мимо зеленокорыя, тѣсно толпящіяся осины, подернутыя изумрудной дымкой одинокія березы и молодые равнодушные дубки, лѣсные скептики, берегущіе свою золотую листву для радостныхъ дней пѣвучаго мая. Я знавалъ этотъ лѣсокъ зимой, когда спалъ онъ подъ тяжелымъ нарядомъ чистыхъ кристалловъ обильнаго инея. За лѣскомъ Лапотное. Вотъ и оно. Только теперь не разсѣянными по снѣжному полю мушками развернулось село. Теперь это сѣрыя соломистыя гнѣзда, невзрачныя, растрепанныя, лишь кое-гдѣ обогнутыя кольцомъ распускающихся, но уже золотисто-цвѣтущихъ ветелъ. Мы дико скакали по безлюдной наземистой улицѣ, отдавшись въ жертву ямщицкой ухваткѣ. Навстрѣчу намъ съ одинокой облупленной колокольни плылъ томный пасхальный перезвонъ. Ямщикъ осадилъ разгорячившуюся пару около школы. Она растерянно смотрѣла на грязную площадь большими черными окнами. Мѣстами въ окнахъ острыми клиньями торчали куски разбитыхъ стеколъ. Входъ былъ закрытъ разсохшейся досчатой дверью. Подъ ногами валялись, какъ поврежденныя ребра, тонкія горбыльки отъ разбитаго палисадника. Молодая холеная липа, лишенная защиты, безнадежно склонила къ землѣ свою когда то густую крону. Что-то здѣсь произошло?.. На зовъ нашего колокольчика не вышелъ никто. Только за угломъ метнулась

пестрая нѣмая собака, и напротивъ въ „порядкѣ“ скрипнули любопытствующія ворота.

— Вотъ такъ фу-унтъ!—проворчалъ докторъ, тяжело выходя изъ телѣжки:—совсѣмъ на кладбище помахиваетъ!..

Ямщикъ постучалъ кнутовищемъ въ дверь.

— Эй! Хто есть хрещеные?.. Отворите!..

Школа молчала.

Черезъ улицу зардѣлись кумачныя рубахи ребятъ. Несмѣло, бочкомъ, какъ зайцы, они подошли къ школѣ и притулились въ почтительномъ разстояніи отъ насъ. Я постучался въ окно, но также, какъ и ямщикъ, получилъ въ отвѣтъ „гулкое молчаніе“.

Ямщикъ крикнулъ ребятамъ:

— Эй вы, пострѣлята, гдѣ ваша учительша?

Тѣ было дрогнули, скучились, чтобы бѣжать, но любопытство побѣдило.

— Она та-амъ!

— Гдѣ тамъ?—пробасилъ недовольный докторъ.

Ребятишки снова притихли, какъ кролики.

— Вы съ энтой стороны зайдитя... отъ церкви!..—крикнулъ черезъ улицу густой бабій голосъ.

— Бѣги, Васюкъ, стукни барышнѣ въ оконце-е!—откликнулись приказаньемъ и скрипучія ворота.

— Адяти!—шепнулъ Васюкъ, и ватага, сверкнувъ кумачемъ, исчезла за уголъ.

Вскорѣ глубину нашего долготерпѣнія началъ испытывать гнусавый голосъ старой служанки Власьевны.

— Хто тамъ?—долетѣло до насъ изъ какой-то глубины.

— Отпирай, Власьевна, свои!..

— Хто-о?

— Докторъ изъ Узлейки.

— Дохтуръ?

— Да. Отпирай-ка!

— А що хто?

— Узнаешь тамъ... отопри!

— Скажи, хто?

— Учитель ночной. Помнишь?

— Ну-у?.. Ай, батюшки!.. ну-тка, подойди къ окошку, я погляжу, ты ли?

Я подошелъ къ окну. Занавѣска въ окнѣ учительской квартиры приподнялась. Тусклое треснутое стекло показало лицо Власьевны, съ воспаленными слезящимися глазами и печатью сильнаго утомленія. За эти два года Власьевна казалась постарѣвшей лѣтъ на пятнадцать.

— Родименькіе! И взаправду ты!!. Погоди маленько, я барышнѣ доложу!

Минутъ черезъ десять мы были, наконецъ, въ школѣ.

Марья Васильевна приняла насъ въ маленькой, полутемной, заставленной комнаткѣ, гдѣ раньше жилъ сторожъ. Равнодушная, сонливая, она пригласила насъ сѣсть:

— Садитесь, пожалуйста, я рада.

Дѣвушка, видимо, только съ нашимъ пріѣздомъ пріодѣлась, скрутила въ комокъ пышную косу и освѣжила лицо. Слѣды глубокаго нервнаго потрясенія были очевидны. Передъ нами сидѣла ужъ не та рѣзвая непосѣда и хлопотунья, Марья Васильевна, которая осенью пріѣзжала ко мнѣ.

Мы пытались шутить:

— Что вы, сударыня, такъ неласково встрѣчаете званыхъ гостей!..

— Ахъ, что вы? Я рада!..—А у самой голосъ тусклый, говоритъ, словно бьетъ въ деревянную доску. Глаза опухшіе, обволоклись темнымъ налетомъ.

— Власьевна, ставь самоваръ.

Власьевна стояла у притолки, подперевъ фартукомъ щеку.

— Хвораетъ она у насъ...—гнусавила старуха.—Ишь, что ластовочка подстрѣлена, сидитъ...

— А вотъ мы и полѣчимъ ее, ластовочку твою!—шутилъ докторъ.—Видно плохо берегла!..

Власьевна привычнымъ движеніемъ потянула фартукъ къ глазамъ и заплакала:

— Какое наше дѣло?.. Бабье... Мужики защиты не найдутъ, а насъ обидѣть нѣтъ ништо... О Господи-и!..

— Начала Власьевна ныть!..—раздражилась дѣвушка.

— Ну-ну-ну!.. Перестала... Ты полѣчись-ка лучше, покудова дохторъ не уѣхалъ, а я пойду...

Разговоръ перешелъ на нездоровье Марьи Васильевны. Не откладывая времени, докторъ рѣшилъ ее выслушать.

Я вышелъ. Классъ выглядѣлъ по старому, какъ и въ пору вечернихъ занятій. Не было только „молній“, кое какихъ картинъ, да въ нѣкоторыхъ окнахъ вмѣсто стекла зіяла пустота.

Мнѣ думалось: здѣсь крестьянская молодежъ черпала знанія, темная масса знакомилась съ „позоромъ русскаго оружія“... Во дни свободъ подъ этимъ закопченнымъ потолкомъ собирались сотни „гражданъ“, сотни сердецъ бились общимъ ритмомъ. Ихъ объединялъ общій кличъ: „земля и воля“. Куда все это исчезло? Народится ли вновь?.. Кто знаетъ... а пока:

„Время пролетѣло,
Слава прожита,

Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята"...

Прошелъ въ учительскую квартиру. Стоитъ она пустая, съ облупившейся печкой. На окнахъ все еще болтаются старыя камышевыя гардины, гдѣ-то жужжитъ ранняя муха, и забытый въ углу плохонькій образокъ Николая угодника съ недоумѣніемъ хранитъ жестокую тайну. Чувствуются здѣсь слѣды большого несчастья.

— Не то погромъ, не то покойникъ,—вертится въ мысляхъ.

Рядомъ, въ кухнѣ, Власьевна сердито обтираетъ уже вскипѣвшій маленькій самоваръ.

И въ кухнѣ нѣтъ того порядка, той аккуратной чистоты, что было прежде.

— На житье наше сиротское дивуешься?—начала причитать Власьевна.—О-о-хо-хо!.. Богъ-отъ гдѣ? Господи-и!..

— Что случилось у васъ?

— Въ селѣ-то?

— Здѣсь. У Марьи Васильевны.

— Тожа, что у всѣхъ... Все село задавилъ, разбойникъ!..

— Гараська?

— Инъ хто-жа? Знамо, онъ... штобъ сверпуло его, прости Господи, окаяннаго!.. Не миновалъ и Марьи-то Васильевны... Видалъ, на что похожа?..

— Что было?

— Было-то что?—Власьевна оторвалась отъ самовара, выпрямилась и остановила на мнѣ злые глаза, точно я былъ виновникомъ того, что было.

— Подь сюда! Гляди!..

Мы пошли въ пустую учительскую квартиру.

— Видишь это? вотъ это?.. Вотъ... Вотъ...—Старуха водила заскорузлымъ пальцемъ по отбитымъ угламъ печи.

— Все вѣдь пули! Они разбойники перестрѣлъ сдѣлали. Встали трое вонъ тамъ, за плетнемъ, и давай изъ ружьевъ палять!..

Я отвелъ гардину и сквозь лучисто продырявленныя стекла взглянулъ на плетень. До плетня было саженъ пятнадцать. За плетнемъ торчали голыя верхушки чахлаго садика, а за нимъ выше смѣялось пасхальной радостью весеннее небо, всепрощающее, мирное, широко раскинувшее свои любовныя объятья.

Власьевна продолжала тыкать пальцемъ въ огнестрѣльныя раны квартиры. Я ходилъ за ней съ смутнымъ чувствомъ боязни и скорби. Такъ бываетъ, когда водятъ васъ по жилью недавно умершаго близкаго человѣка и говорятъ:

„вотъ здѣсь покойничекъ сиживалъ за работой, здѣсь спалъ, обѣдалъ... а на этомъ мѣстѣ—преставился“...

— Разскажи,—просилъ я послѣ молчанія.

— Въ страшную середу дѣло это было. Пришли мы съ барышней отъ вечерни. Самоваръ я поставила... Марья-то Васильевна за книжку ухватилась. Пошла я въ чуланъ за вареньемъ... груздочки у меня тамъ были,—весь постъ берегла,—думала, наложу тарелочку... Слышу-послышу, стучатъ. Вышла въ сѣнцы: „кто тамъ?“

—Отпирай,—слышь,—карга!

Угадала я по голосу: Гараська. Шепчутся... Казаки, стало быть. Онъ николи не выходитъ безъ казаковъ, завсегда при немъ два казака, какъ псы..

— Отпирай! Дѣло къ барышнѣ есть!..—смѣются.

— У-у-хъ!.. Кольнуло меня въ сердечушко. Были они, псы окаянные, у вечерни... Гараська этотъ всю службу на нее, касатушку, глазища свои срамные, безстыжіе пялилъ... Не къ добру-у!.. Распалилась я:

— Не пущу васъ, окаянныхъ!.. На кусочки меня искрошите... Не допущу!!.

— Ой, старуха, берегись!—кричатъ.

— На порогѣ околѣю: не допущу!..

Такъ и не пустила.

— Ну,—слышь,—такъ разсякъ... будете помнить! Ушли. Прошло эдакъ мало время. Сидимъ мы, чай пьемъ. Она, Марья-то Васильевна, не любитъ одна за столомъ сидѣть, завсегда я съ ней... Ну, да ты помнишь. Сидимъ. Тутъ вотъ столикъ стоялъ, кроватка ейная у печки. Слышимъ: дррръ окошко!.. глина отъ печки валится... Тамъ, быдто, пастухъ кнутомъ хлопнулъ... ищо-о... ищо-о!!. Ба-атюшки! это они, разбойники, пулями изъ ружьевъ стрѣляютъ. Упала я въ это вотъ мѣсто внизъ лицомъ, плачу. Барышня въ уголъ присѣла... Да такъ-то мы всю ночь... Утромъ сторожъ пришелъ, перетащили все въ сторожевскую. Авось ироды нечестивые отъ храма божія не будутъ стрѣлять; иконъ святыхъ, креста Господня постыдятся.

Власьевна подала самоваръ.

Докторъ прописалъ Марьѣ Васильевнѣ немедленный отъѣздъ. Учительница повеселѣла. Въ темныхъ глазахъ ея мелькали порой прежнія блесточки. Она, для виду, отговаривалась экзаменами, но врачебное свидѣтельство взяла съ охотой. Вскорѣ между нами было рѣшено, что Марья Васильевна поѣдетъ въ городъ сегодня же, вмѣстѣ со мной и тамъ заручится отпускнымъ билетомъ. Послѣ такого рѣшенія какъ-то легче стало на душѣ, и мы повели опять злободневный разговоръ. Тупой Гараська съ непонятной силой

приковалъ къ себѣ наши мысли и чувства. Пришелъ почтовый смотритель Филиппычъ, мой старый пріятель.

— А я,—разсказывалъ Филиппычъ о причинѣ своего прихода,—радъ очень... Давно въ Лапотномъ живыхъ людей не видно... Подъѣхалъ ямщикъ,—спрашиваю:

— Кого привезъ?

— Такихъ-то и такихъ-то.

— Рѣшилъ: „сбѣгаю". Вспомнили насъ, плѣненныхъ, въ день свѣтлаго праздника!.. А у насъ: и-и!.. Завяжи глаза, да бѣги!..

— Все Гараська?

— Онъ! Онъ, раззоритель! Приставъ всѣ дѣла на него возложилъ... Диктаторъ онъ у насъ... выше Бога и царя!.. Вы не слыхали, какъ со мной онъ поступилъ?..

Разумѣется, мы не слыхали.

— Какъ же!.. Въ газетахъ было пропечатано. Пришла ему фанаберія обыскъ у меня учинить. Пятьдесятъ шесть лѣтъ мнѣ, служебный юбилей праздновалъ—и вдругъ... на! Ворвались. кричатъ: „обыскъ!"

— Бумагу покажи, распоряженье начальства,—говорю. Онъ кулакъ къ носу подноситъ, рычитъ: „вотъ бумага!.."

— Ахъ ты,—говорю,—дерзкая твоя харя! Отъ начальника округа въ чинѣ статскаго совѣтника, Ѳедора Петровича Рублева, хлѣбомъ-солью почтенъ!.. Чиновникъ я, въ чинѣ коллежскаго... Присягу два разъ принималъ! А ты кто?.. Много я наговорилъ съ раздраженья, покуда они ломали все, да шарили. Ничего не нашли,—досадно имъ стало. Кричитъ Гараська казакамъ: „Вяжи его, стараго чорта, волоки на снѣгъ!" Выволокли, по снѣгу тащатъ.. Кричу я... Слышу, народъ подходитъ.

— Что вы надъ старымъ человѣкомъ измываетесь?.. Бросили меня, кинулись разгонять. Насилу уползъ. Съ тѣхъ поръ это вотъ мѣсто... ло-омитъ!.. Мази бы какой, господинъ докторъ?!.

Въ окно, крадучись, заглянулъ солнечный лучъ. Ласково лизнулъ онъ косякъ, легъ золотой полосой на полу и, отразившись, улыбнулся намъ изъ зеркальной глади самовара. Докторъ открылъ окно.

— Душно!—пробасилъ онъ взволнованно.

Трепетный, вибрирующій стонъ колоколовъ ворвался вслѣдъ за солнцемъ. На фонѣ бодрой прохлады, солнечнаго блеска и радостнаго пѣнія металла почудился легкій близкій стонъ страдающаго человѣка... Мы долго молчали.

— Однако же не весело у васъ стало за зиму.

Марья Васильевна всколыхнулась, опрокинула голову на

спинку стула, словно хотѣла прочесть что-то вверху и хрустнула надъ головой тонкими пальцами.

— Да, недолго прожила наша республика! — заговорила она съ раздраженіемъ.

— Разскажите, господа, какъ все произошло?

— Разсказать? Да... все это поучительно... И словъ много не надо, все просто: нельзя изъ лебеды испечь сдобную булку... нельзя съ репейника сорвать махровую розу... Въ сущности, мы и не виноваты... я долго объ этомъ думала. Мы продержались дольше всѣхъ. Насъ разгромили въ январѣ. Кругомъ всѣ села ужъ были задавлены... Тамъ били, истязали, толпами гнали народъ въ тюрьму... Это уронило духъ... Старики струсили, нашли безполезнымъ сопротивляться. Пріѣхалъ исправникъ съ казаками,—сходъ всталъ на колѣни... арестовали Никифора, Семена старосту...

— А Гурьку еще! — добавилъ Филиппычъ: — Ваську, сапожника, Ваську-заику... еще кого-то?.. Да-а!.. Ѳедьку!

— Старшину отставили,— продолжала Марья Васильевна.— У меня сдѣлали обыскъ... Дружинники наши скрылись. Трофимъ вернулся на первый день; изъ него Богъ знаетъ что сдѣлали: полумертвый лежитъ въ „холодной"...

Трофимъ? Этотъ кроткій великанъ? Онъ могъ бы легкимъ толчкомъ сбить съ ногъ и Гараську, и его приспѣшниковъ... Необходимо его посмотрѣть доктору,— и мы пошли „хлопотать". Въ волостномъ правленіи сказали рѣшительно: безъ разрѣшенія станового пристава свиданья не дадутъ. Приставъ за тридцать верстъ; казалось, мы были безсильны чтонибудь сдѣлать для парня. Но практическій совѣтъ десятника Никандрыча перевернулъ все.

— Что тамъ приставъ?—шепнулъ Никандрычъ въ дверяхъ правленія,— къ Гараськѣ сходи. Онъ тѣ по-старому пріятству все оборудетъ. Волчиху знаешь? Ну, у нея они гуляютъ... сходи-ка...

Волчихина изба находилась въ одной изъ заднихъ улицъ. Строиться здѣсь стали недавно, постройки торчали рѣдко. Новенькая тесовая пятистѣнка Волчихи стояла совсѣмъ на отшибѣ, среди конопляниковъ, безъ двора, безъ хозяйственной обстановки. У самаго входа топталась осѣдланная лошадь. Рябой облеванный казакъ, раздѣтый, безъ оружія, съ задранной на затылокъ папахой, качался возлѣ. Онъ пьянымъ дыханьемъ силился раскурить короткую трубку, поминутно сплевывалъ и рычалъ ругательства. Казакъ не обратилъ на меня вниманія. Изъ избы неслись безшабашные крики, визгъ женскихъ голосовъ и дробные, плясовые удары во что-то металлическое.

— Напрасно идешь! Не выйдетъ дѣло,—вспомнились мнѣ

слова знакомаго встрѣчнаго мужика, узнавшаго, зачѣмъ мнѣ нуженъ Гараська.

Паническій страхъ народа передъ тупымъ властнымъ звѣремъ въ образѣ человѣка безотчетно вкрадывался въ мозгъ, колыхалъ сердце.

— Не выйдетъ дѣло!—повторилъ я машинально чужую мысль и съ силой распахнулъ тяжелую, обитую дверь.

— Кто-й-та?—встрѣтилъ меня безпокойный вопросъ Волчихи.—Что надо-ть?

Я очутился въ задней избѣ Волчихиной пятистѣнки, служащей кухней. Шинкарка, принаряженная по праздничному, приготовляла какія-то закуски. Изъ „чистой" передней половины, отдѣленной отъ кухни красной разводной занавѣской, съ пьяной настойчивостью продолжалъ доноситься гамъ и звонъ. Видимо, это была единственная изба въ селѣ, гдѣ царило праздничное настроеніе.

— Мнѣ нужно видѣть стражника.

— Чьи такіе будете?

— Онъ меня знаетъ. Скажите ему.

— Ему, мотри-ка, некoли...

Я сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ занавѣскѣ, но проворная баба предупредила мою дерзость. Съ ловкостью блудливой кошки она прошмыгнула къ своимъ гостямъ, и тѣ притихли.

— Спроси, кто!..—уловилъ я хриплый повелительный шепотъ. Въ этой хрипотѣ мнѣ почудились старыя угодливыя нотки.

— Э-эхъ-д-размила-ашечки-и мои!..

Задорно запѣлъ хриплый голосъ, но остался одинъ, безъ подголосковъ.

— Вы, сороки чортовы! Что замолчали? Кого испугались?

— Мои ми-иленькіи-и...

Съ „сороками", однако, что-то стряслось: онѣ тщетно пытались взвизгнуть въ тонъ хрипатой пѣснѣ, но тонъ ускользалъ, горло щемило.

— У-у!.. куклы чорртовы!—заключилъ пѣсню голосъ.

Послѣ обстоятельныхъ переговоровъ съ Волчихой я былъ „принятъ".

— Га-а! Учитель ночной, гость дорогой!..—привѣтствовалъ Гараська, протягивая черезъ столъ потную волосатую руку.—Пришелъ къ нашей милости-и! Ну, сядай, коли такъ... къ нашему шалашу!..

— Подвинься! Вы, колоды!—крикнулъ онъ на бабъ, развалившихся по лавкамъ пьяной откровенной посадкой.

Бабы шарахнулись, какъ овцы. Гараська хлопнулъ ладонью по очистившейся широкой лавкѣ.

— Честь и мѣсто!.. Садись.

Въ просторной, недавно мытой и скобленой избѣ было вонюче, душно и угарно. Ѣдучія волны табачнаго дыма, запахъ спирта и пота ударяли въ носъ, кололи легкія и били тяжелыми ударами въ виски. Гараська сидѣлъ за столомъ, въ переднемъ углу, рядомъ со стройнымъ усатымъ казакомъ-урядникомъ.

По-нероновски облокотился онъ о низкій крашеный кіотъ. Изъ-за спины, тучной, какъ у откормленной свиньи, скромно выглядывалъ застѣнчивый ликъ старичка-святого, принаряженный въ тусклую дешевую фольгу. По бокамъ кіота торчали въ видѣ эмблемы пучки ивовыхъ прутьевъ, обряженные пестрыми лоскутками цвѣтной бумаги. Сверху, надъ самой щетинистой головой стражника, висѣла зеленая лампадка, а въ ней чуть замѣтно мигалъ слабый забытый огонекъ. Порой онъ вспыхивалъ, какъ тайная угроза, какъ забытая совѣсть, и, захлебываясь въ табачномъ дымѣ, тихо угасалъ. На задней стѣнѣ избы висѣли шинели, шашки, а въ углу, по-военному, въ козлахъ, торчали штыками вверхъ винтовки.

Гараська измѣнился мало. Тучность и самоувѣренность— вотъ что пріобрѣлъ этотъ человѣкъ за время своей дѣятельности въ качествѣ „сильной и близко стоящей къ народу власти“.

Попытка моя приступить къ дѣловому разговору не удалась. Я вынужденъ былъ потрясти руку урядинку и бородатому казаку, сидѣвшему по конецъ стола.

— Этто... этт... мой учитель... учит-тель,—рекомендовалъ меня Гараська казакамъ. — Я вышши науки обучалъ.... Прравда?

Онъ больно ударилъ меня жирной ладонью по колѣнкѣ.

— Помнишь, мы воду варили?.. А?.. Парры разводили!.. Во... въ этой самой рукѣ лампочку держалъ... горречо-о! А мнѣ што?.. Держу-у... наука!

— А ты соловья баснями не корми!—прервалъ урядникъ, наполняя пахучей водкой объемистые зеленые стаканы.

— Ш-што-жъ?.. Налей—проглотимъ!.. А!.. помнишь, солену воду варили?

Бородатый казакъ съ ловкостью хищника схватилъ стаканъ и лукнулъ водку въ открытую пасть. Мы втроемъ чокнулись. Гараська объявилъ:

— Ззз... науку!..

Столъ былъ полонъ ѣдой и закусками. Въ глиняныхъ тарелкахъ валялись захватанные куски студня, колбасы, жаренаго и варенаго мяса. На грубой залитой клеенкѣ вмѣстѣ

съ шелухой, объѣдками и окурками краснѣли пасхальныя яйца, крошились куски кулича.

Надо закусить, а брезгливое чувство сковало руки. Къ тому же, на столѣ нѣтъ ни ножей, ни вилокъ.

Гараська, замѣтивъ мое смущеніе, захотѣлъ дойти въ своемъ расположеніи до конца. Схвативъ жирный кусокъ жаренаго мяса, онъ съ ловкостью звѣря порвалъ его ногтями на куски и кучей наложилъ передо мной.

— Закуси, не жалко!

Я попытался для приличія проглотить кусокъ, но нелѣпый испугъ сдавилъ горло. Въ мысляхъ копошилось:

— «Можетъ быть, онъ также рвалъ на куски тѣло Трофима?.. Не вплелись ли въ эти жареныя волокна пушистые курчавые волосы?..»

— Ты что перхаешь?.. Аль мало выпито? Наливай, Кирсанычъ, учитель еще стукнетъ!..

Урядникъ потянулся къ бутылкѣ. Чтобы заглушить въ себѣ ужасъ, я заговорилъ:

— Вотъ въ чемъ дѣло, Герасимъ Семенычъ...

— Дѣло? Ну, на Пасху дѣловъ не дѣлаютъ!.. Такъ я говорю?.. Наливай, Кирсановъ!

Урядникъ налилъ. Я рѣшительно отказался пить, ссылаясь на всякаго рода болѣзни: меня, дѣйствительно, начало тошнить.

Гараська тупо остановилъ на мнѣ свои оловянные глаза.

Потная рука съ полнымъ стаканомъ колыхалась подъ самымъ моимъ носомъ. Водка выплескивалась, обливала меня вонью и холодными струйками.

— Не пье-ешшь?

— Не могу...

— Нѣ-тъ, выпьешшь!

— Право-жъ, не могу...

— Вы-ыпьеш-шь!!.

Положеніе обострялось. Лицо стражника тупѣло съ каждой секундой. Подъ густыми короткими усами надулись рубцы, брови наползли на переносицу. Я, было, началъ ужъ колебаться въ своемъ рѣшеніи, какъ вмѣшался урядникъ.

— Не неволь!.. Угости его лучше бабами.

Часъ отъ часу не легче.

Гараська стукнулъ стаканомъ о столъ и заревѣлъ:

— Бабы-ы!.. Ну?!.

Бабы все время толпились у занавѣски, шушукались, смѣялись. Румяныя отъ выпитаго вина и духоты, въ красныхъ платкахъ, красныхъ юбкахъ, потныя,—онѣ напомнили мнѣ мясную лавку, гдѣ парныя, только что ободранныя красныя туши такой же полуживой грудой наставлены по

угламъ. На окрикъ Гараськи бабы столпились еще плотнѣе и подвинулись къ столу.

— Играйте пѣсню!—приказалъ Гараська тономъ восточнаго повелителя и облокотился на кіотъ.

Бабы прокашлились, перешепнулись. Высокій гортанный дискантъ, по тембру напоминающій плохую трактирную скрипку, запѣлъ съ смѣющимся задоромъ:

У бари-ина Кожина-а
Вся земля-а заложина-а!..

Другія бабы должны были подхватить припѣвъ, но смолчали.

— Ну-ужъ! Полька... чаво вынесла...—уловилъ я шепотъ.

— А чаво онъ сдѣлать?—огрызнулась Полька назадъ и, повернувшись къ столу, добавила тономъ капризнаго ребенка.

— Онѣ не играю-уть!..

Урядникъ осклабился и погрозилъ Полькѣ кулакомъ: Кожинъ былъ тотъ самый баринъ, у котораго казакъ охранялъ имѣніе.

Полька кокетливо сверкнула глазами, вильнула задорной полной грудью и снова взвизгнула:

Наши дѣ-вушки прекра-асны
Каза-ковъ лю-бить согласны!

Бабы покрыли куплетъ низкими трескучими голосами:

Ты гыр-га, д-ты-гыр-га,
Ты-гар-гар-гар-га-а!..

А Полькинъ голосъ ужъ вырвался изъ этого грубаго горлового припѣва и заливался:

И я дѣ-ѣвушка така-а.
Д'полюби-ила казака-а!

— Будетъ!—вдругъ выпрямился Гараська, съѣдаемый ревностью.

— Пляшите!.. Ну-у!?.

Бабы замялись, даже попятились къ занавѣскѣ.

— Пляш-ши!!. Чортовы куклы!

„Чортовы куклы“ не спѣшили выполнять приказаніе. По ихъ возбужденнымъ лицамъ блуждало смущеніе: традиціи Лапотнаго считали пляску однимъ изъ тягчайшихъ смертныхъ грѣховъ. Видимо, бабы не рѣшались раздражить небо при постороннемъ свидѣтелѣ.

— Чай, стыдно! Божью мать ища не провожали...—соскромничала Полька.

— А-а! Вы та-акъ?!. — рявкнулъ стражникъ, сдѣлавъ тщетную попытку вылѣзть изъ-за стола.

Бабы въ притворномъ испугѣ, съ визгомъ и хохотомъ, ринулись вонъ, въ заднюю избу.

Я воспользовался моментомъ и сталъ доказывать разъяренному стражнику, что бабы стыдятся меня, и онъ хорошо сдѣлаетъ, если меня отпуститъ, разрѣшивъ свиданье съ Трофимомъ.

Онъ смотрѣлъ мнѣ въ ротъ оловяннымъ взглядомъ и ничего не понималъ.

— Безъ пристава не возможно,—отвѣтилъ казачій урядникъ.

Упоминаніе о приставѣ кольнуло Гараську. Онъ воспрянулъ, взглянулъ осмысленнѣе и обидѣлся:

— Приставъ? Кирсановъ, учитель... Пётра!.. Слушайте... Приставъ—я... Кто въ Лапотномъ приставъ?.. Га?!. Я—приставъ!.. Исправникъ—кто-о?.. Я!!! Герасимъ Семеновъ... Губернато-оръ кто-о-о?

— Тебѣ чего надо?—повернулся онъ ко мнѣ съ грубымъ вопросомъ.

— Мнѣ надо видѣть Трофима Яблокова.

— Трош-шку?..—Гараська заскрежеталъ зубами и, въ пьяномъ безсиліи, опустилъ голову.

Противный, рѣжущій звукъ скрежета здоровыхъ зубовъ животнаго до боли дернулъ нервы.

— Вамъ не иначе къ приставу!—повторилъ урядникъ.

Гараська по-бычачьи мотнулъ головой и ударилъ волосатымъ кулакомъ по столу. Посуда задребезжала, на полъ посыпались крошки и объѣдки.

— Пётра! Достань бумагу...

Бородатый казакъ снялъ съ гвоздика шинель, вынулъ изъ обшлага свертокъ и кинулъ его черезъ столъ Гараськѣ.

Гараська взмахнулъ руками, чтобы поймать. Почти полная бутылка свалилась. Водка потекла.

— Чортъ съ ней... на, разверни!

Я развернулъ свертокъ. Тамъ была сальная записная книжка, рваные пакеты и сложенные листы чистой бумаги.

Стражникъ взялъ одинъ листокъ. Одеревенѣлые пальцы никакъ не могли ухватить уголокъ, чтобы раскрыть его.

Онъ протянулъ листокъ мнѣ.

— Раскрой... Покажи ему пристава!..

Бумага оказалась чистымъ бланкомъ пристава второго стана. Кромѣ печатнаго заголовка и стоящей въ концѣ страницы подписи, на бланкѣ ничего не было написано.

— Вид-ишь?!.

— А я и не зналъ!—пришелъ въ восхищенье урядникъ.— Ты, стало быть, и по правиламъ можешь орудовать?

— То-та!.. Пиши, чего тебѣ надо... на! — сунулъ онъ бланкъ въ мою сторону.

— Пиши Кирсанова подъ арестъ!!. Хо-хо!!.

Кирсановъ похлопалъ стражника по животу и потянулъ къ себѣ бутылку.

Я не заставилъ себя просить. Перо было при мнѣ, и черезъ минуту подпись пристава второго стана нашего уѣзда красовалась подъ такимъ текстомъ:

„Разрѣшается подателямъ сего: доктору (такому-то) и учителю (такому-то) имѣть свиданье съ заключеннымъ подъ стражу крестьяниномъ села Лапотного, Трофимомъ Яблоковымъ и, если понадобится, оказать ему медицинскую помощь".

Гараська взялъ въ нетвердыя руки бумагу, долго смотрѣлъ на нее, уставившись въ одну точку.

Мнѣ секунды казались вѣчностью. Въ головѣ копошилось: „а вдругъ изорветъ?.."

Но деспотъ небрежно, наотмашь, махнулъ бумагой въ мою сторону.

— На!

Черезъ минуту я быстрыми шагами удалялся отъ Волчихиной избы. Навстрѣчу струился легкій весенній вѣтерокъ, пропитанный запахомъ молодой полыни, прѣлаго навоза и влажной истомы бархатистыхъ коноплянниковъ, давно уже жаждущихъ плуга. Вслѣдъ лился прежній гомонъ и гулъ: должно быть, бабы согласились плясать.

Мы съ докторомъ предъявили бумагу. Писарь съ напускной сонливостью прочиталъ ее и крикнулъ:

— Никандрычъ! Отвори имъ холодную!..

Никандрычъ повелъ насъ къ небольшой глиняной избушкѣ, притулившейся въ углу правленскаго двора. Я давно зналъ избушку и все время считалъ ее правленской баней: до того она казалась невзрачной и малопомѣстительной. Внутри избушка была перегорожена на двѣ половины. Въ одной изъ нихъ содержался Трофимъ, другая, ради второго дня Пасхи, стояла пустая.

Изъ обѣихъ половинъ, несмотря на отсутствіе арестантовъ, разило запахомъ махорки.

Трофимъ лежалъ на полу, прикрытый дубленымъ полушубкомъ. При нашемъ появленіи онъ черезъ силу всталъ. Рослая фигура парня въ тѣсныхъ рамкахъ холодной казалась прямо-таки богатырской. И странно было слышать

стопы этого массивнаго человѣка,—странно видѣть его запертымъ на плохенькій замокъ въ избушкѣ, которую онъ могъ бы движеніемъ плеча опрокинуть и разрушить въ щепки...

Опираясь на Никандрыча, Трофимъ вышелъ. Его голубые глаза, когда-то большіе и ясные, съ больнымъ равнодушіемъ смотрѣли изъ-подъ синихъ опухшихъ вѣкъ. Лицо было покрыто рубцами и комками засохшей крови. Черезъ переносицу наискось тянулась багрово-синяя пухлая полоса— слѣдъ нагайки. Отъ курчавой льняной бороды остался лишь легкій пушекъ.

— Вотъ дохтура тебѣ, Трошка, привезли... дохтура...— твердилъ сочувственно Никандрычъ:—ишь, дохтуръ-отъ...

Трофимъ насъ не узнавалъ.

— Ахъ, негодяи!.. — сердился докторъ.—Придется осмотрѣть кости: нѣтъ ли поломовъ! Гдѣ сильнѣе болитъ?..

— О-охъ!—стоналъ избитый:—все болитъ... ужъ лучше бы до смерти...

Мы повели больного въ школу.

Деревня жадна до приключеній. Вѣсть о томъ, что къ избитому Трошкѣ „привезли" доктора, привлекла толпу. Бабы, мужики, ребятишки суетились и старались помочь, чѣмъ можно! Мужики ругали крѣпкими словами полицію, казаковъ и всѣхъ властей. Бабы причитали, проклинали, грозили божьимъ гнѣвомъ. Родные Трофима плакали, мать и жена вопили, какъ по покойникѣ.

Куда-то исчезъ страхъ передъ всемогуществомъ власти, родилась жалость къ страдальцу, вскипѣла ненависть къ палачамъ.

— Какъ еще Господь по землѣ носитъ антихристовъ? А?!. Что дѣлаютъ!..

— Да-й-що что!.. Спасибо батюшкѣ!.. Батюшка съ крестомъ приходилъ выручать, а то бы убили на смерть...

— Это отецъ Василій?..

— Онъ. Жена-то Трошкина взмолилась ему... пришелъ...

— Ишь ты, а? И то пожалѣлъ...

— Убили бы!

— И убьютъ! Что имъ?.. Аль судъ на нихъ есть?

— Знамо, въ безсудномъ селѣ живемъ! Поди-ка, тронь эдакъ въ другомъ селѣ гдѣ!.. Та-амъ, братъ!!

— Самого тронутъ...

— Да-й-що какъ тронутъ...

— А мы что терпимъ?.. За что вотъ парня изувѣчили?.. Ну?..

— За правду!.. Отъ за что!..

— То-то вотъ и оно... Самихъ ихъ эдакъ надо!!

— —

— Ш-ш-ш... полегче...

— Чаво?.. терпѣть, что ль?.. Сколь ни терпи, онъ все лютѣй дѣлается...

— Прикрыть ихъ, бабниковъ!.. Ищи послѣ...

— И дойдетъ...

— Гляди, гляди! Вѣдь писаренокъ, не иначе, туда побѣжалъ!..—крикнулъ съ крыльца мужикъ.

— Ахъ, анаѳема!..

— Доло-житъ!

Толпа, какъ одинъ человѣкъ, оглянулась на волостное правленіе, на убѣгавшаго къ Волчихѣ писаренка.

Это незначительное обстоятельство точно облило всѣхъ холодной струей. Говоруны примолкли, ребятишки навострились бѣжать.

Толпа замѣтно стала рѣдѣть. Люди уходили крадучись, или прикрывая свое отступленіе всеоправдывающей ложью. Одинъ шелъ жеребенка загонять, другому понадобилось въ лавочку, третьему на гумно овецъ поглядѣть.

— Вотъ они, воины-то наши! — смѣялся знакомый мужикъ.—Ну, какъ этотъ народъ не бить?.. Словно воробьи въ сказкѣ: „постоимъ, постоимъ!..“ А какъ до дѣла, они въ кусты...

— Слабый народъ... что толковать.

— До кого ни доведись!

— А чего бояться-то? Онъ, поди, Гараська этотъ, безъ заднихъ ногъ лежитъ.

— Тамъ убоготворя-ятъ!.. Бабы вострыя!

— Ты вѣдь былъ у него: чай, поди, лыка не вяжетъ?

— Да, хмѣленъ,—согласился я.—Пожалуй, нагайкой не сможетъ взмахнуть.

— Ну, вотъ! видишь?.. А народъ растаялъ

— Тѣни его боятся!.. Что толковать!

— А бабы, видать, не робятъ?.. Льнутъ къ нему...

— Солда-атки! Чего съ ними подѣлаешь. Намеднись кумъ Миронъ своей Полькѣ вотъ какъ распи-са-алъ! Ай-да ну!! Другая бы вѣкъ помнила... а она, курва, подобрала подолъ, да опять туда!..

— Есть таки непутевы и у насъ... отказаться-бъ отъ нихъ...

— Отъ бабъ-то? Отъ бабы какъ откажешься?.. И дѣть некуда, закона на ее нѣтъ. Вотъ коли Дума законъ новый напишетъ: „всеобщее равное право, безъ различія пола“... тады можно и бабу въ Сибирь...

— Шу-утникъ!..

Докторъ осмотрѣлъ Трофима. Кости оказались цѣлы, но на всемъ тѣлѣ не оставалось живого мѣста: все исполосовали.

Натертый мазью, обвязанный, одѣтый во все чистое, Трофимъ попилъ у Марьи Васильевны чаю и немного оживился.

Никандрычъ, обезпокоенный поведеніемъ писаренка, увѣрялъ насъ, что, Боже упаси, и ему попадетъ. Поэтому мы не рѣшились долго держать арестованнаго въ школѣ.

Принесли въ холодную соломы, устроили постель, и полуживой, разбитый человѣкъ долженъ былъ опять остаться одинъ. Мы были безсильны сдѣлать что нибудь большее, такъ какъ Гараська могъ иногда „орудовать и по правиламъ".

При прощаніи Трофимъ подманилъ меня набухшей рукой и зашепталъ на ухо:

— Левольверы тамъ остались... винтовки... патроновъ сколь-то... у Вахрушиныхъ на гумнѣ зарыты... Скажи ребятамъ. Васькѣ Свиненкову скажи... Може, умру здѣсь... имъ пригодятся.

Свѣтящіеся глаза больного затуманились. Двѣ крупныхъ слезы сверкнули на опухшихъ вѣкахъ. Онъ задрожалъ.

— Оп... опять придетъ... республика... тогда ужъ навѣки удер-жится...

Докторъ поѣхалъ въ Узлейку, а мы съ Марьей Васильевной въ городъ. Насъ провожала плаксивая Власьевна, два-три смѣлыхъ мужика, быстроногіе ребята и широкій весенній закатъ, огненно-красный, радостный, многообѣщающій.

Все тотъ же звонкоголосый ямщикъ бодро покрикивалъ въ глубину свѣжаго сумрака:

— Э-эхъ, вы-ы!.. Соколики! Выноси на просторъ!

С. Аникинъ.

ПѢСНЯ ВОДОПАДА.

Съ громкой пѣсней лечу я ко дну—
Въ глубину... Въ глубину...

Бѣлой пѣны клубится пожаръ,
Разбиваетъ преграды ударъ.

Надъ оврагомъ склонилась сосна,
Будто слушаетъ пѣсню она.

Солнце нѣжно цѣлуетъ ее—
Бьется бурное сердце мое!..

По камнямъ я безумно лечу—
Я сосну золотую хочу.

По уступамъ сбѣгаю ко рву—
Я безсильные корни порву!

Жадной лаской возьму, обойму...
Я у солнца сосну отниму!

Унесу къ недоступному дну—
Въ глубину... Въ глубину!..

Г. Галина.

НА ВЫБОРАХЪ.

I.

Въ деревнѣ.

Девятнадцатаго августа 1906 года я получилъ въ Петербургѣ отъ старосты села Липовки, Самарскаго уѣзда, письмо слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь, Степанъ Семеновичъ! Имѣю честь сообщить вамъ, что крестьяне села Липовки на полномъ сельскомъ сходѣ, бывшемъ 13 сего августа, изъявили единогласное желаніе имѣть васъ своимъ представителемъ по выборамъ въ Государственную Думу, о чемъ и поручили мнѣ сообщить вамъ и просить васъ ко времени выборовъ прибыть въ село Липовку для участія въ выборахъ“. Подпись и печать.

Это письмо меня радостно взволновало. Я долго ходилъ по комнатѣ, думалъ и даже мечталъ. Село Липовка — это мое родное село. Уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ, какъ я его покинулъ и заѣзжалъ туда лишь изрѣдка. Голодъ, нужда и неискоренимое въ человѣчествѣ стремленіе къ знанію, свѣту вызвало меня и многихъ такихъ же изъ глухихъ деревень великой Россіи на широкій просторъ божьяго міра. Деревня рылась въ землѣ, задыхалась и пухла отъ голоду и холоду, чтобы доставить намъ, немногимъ счастливцамъ, пищу и одежду и дать намъ возможность чему-нибудь научиться. А вотъ теперь, пробудившись отъ своего рабскаго, тяжелаго сна, она требуетъ насъ обратно, чтобы мы отдали ей на служеніе свои знанія и силу...

И я мечталъ, какъ мы, вышедшіе изъ деревни, вскормленные и вспоенные ея плотью и кровью, въ благодарность за всѣ ея труды и лишенія завоюемъ ей свободу и довольство и, какъ добрые сыны, успокоимъ на старости нашу несчастную мать...

И вотъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года, я ѣхалъ на родину на выборы.

Черезъ три дня ѣзды останавливаюсь на станціи Безенчугъ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, чтобы ѣхать дальше на лошадяхъ. Черезъ пять минутъ поѣздъ запыхтѣлъ, засвистѣлъ, и облѣпленные снѣгомъ вагоны съ вонючимъ табачнымъ воздухомъ, съ безконечными разговорами о политикѣ потянулись дальше. Мой багажъ уже во власти ямщика, и я иду за нимъ, съ удовольствіемъ вдыхая свѣжій, морозный „родной“ воздухъ.

Раньше, бывало, путешествуя по Россіи, въ каждой мѣстности слышишь особые, мѣстные разговоры. Неудачное предпріятіе крупнаго мѣстнаго хищника; причуды начальства; семейный скандалъ въ домѣ губернатора; цѣны на мѣстные товары; мѣстные интересы и нужды... Все мѣстное, свое. Теперь всюду разговоры на общія политическія темы. Явный признакъ, что страна начала жить общею жизнью. Всюду политика и политика. Проснувшаяся, но еще слѣпая политическая мысль русскаго народа безпомощно ползаетъ, стараясь ухватиться за что-нибудь опредѣленное, устойчивое и радостно крикнуть: „Стойте, вотъ дорога, вотъ опора!“ Разговоры и обобщенія близоруки и наивны. Каждый обыватель до сихъ поръ жилъ интересами своего маленькаго мірка: земскій начальникъ, полицеймейстеръ, губернаторъ, ближайшее начальство—вотъ тѣ столпы, которые заслоняли собой весь свѣтъ. А теперь вдругъ горизонты расширились, открылась какая-то политическая даль, и прежнія мѣрки жизни стали непригодными. Но люди по-прежнему продолжаютъ мѣрять ими людскія отношенія.

— Главное зло русской жизни — земскіе начальники! Уничтожьте земскихъ начальниковъ, и сразу все измѣнится...

— Фу-у-у! Подите со своими земскими начальниками. Не въ нихъ дѣло. Нужно земство иначе устроить... И мелкую единицу—вотъ въ чемъ спасенье. А земскіе—тьфу!

— А по моему, самое главное—намъ нужно собраться съ силами и снова на японца ударить. Побѣдимъ японца, тогда Россія снова будетъ первоклассной, богатой и могущественной державой. А всѣ эти ваши земства и земскіе — одна ерунда...

И когда на конечной станціи я услышалъ иной разговоръ, то пріятно удивился. Говорилъ за стаканомъ пива полупьяный мѣстный помѣщикъ удѣльному лѣсоводу:

— А въ Обдорскѣ—тамъ лѣтомъ совсѣмъ ночи не бываетъ. А зимой сплошная ночь... Когда земля отдалится, значитъ, отъ солнца, такъ тогда солнце и не прячется за

землю. А когда земля приблизится, такъ и закрываетъ его своимъ пупомъ. Понимаешь, Николай Иванычъ, это глобусъ-то, значитъ, земной пупомъ-то и закрываетъ солнце...

„Зачѣмъ ему пришли на мысль Обдорскъ и земной пупъ?"—думаю я, проходя мимо помѣщика. И, уже садясь въ сани, догадываюсь, что и тутъ обывательская мысль питалась политическими источниками. Вѣроятно, разговоръ зашелъ о ссыльныхъ въ Обдорскъ, а потомъ воображеніе помѣщика поразило незаходящее полгода солнце и земной пупъ. Все понятно.

Звенитъ ямщицкій колокольчикъ. Мохнатыя, пузатыя лошаденки прыгаютъ по снѣгу, точно спутанныя, и отчаянно мотаютъ головами. Рѣдкія облака на небѣ сначала покраснѣли, потомъ пожелтѣли, посинѣли и, наконецъ, стали сѣрыми. Сквозь облака на землю смотрѣли веселыми, слезящимися глазами звѣзды. Тихо и морозно. Кажется, что съ неба падаютъ все новыя и новыя волны мороза, одна тяжелѣе другой. Поле сѣрое, небо сѣрое; не разберешь, гдѣ кончается поле и начинается небо. По обѣ стороны дороги вѣшки съ пучками соломы, старыми лаптями и тряпками на верхушкахъ. А навстрѣчу, покрытыя снѣжной пеленой, выплываютъ знакомыя мѣста.

Отъѣхали отъ вокзала пять верстъ, и вотъ она унылая, снѣжная пустыня,—такая же по виду, какой была и сто, и тысячу лѣтъ назадъ при Владимірѣ Святомъ. Послѣ вчерашняго снѣга за версту не различишь деревни отъ снѣжныхъ сугробовъ. Вотъ первая деревня. Подъ снѣжными шапками показались темныя кучи. Это—дома. Со всѣхъ сторонъ къ намъ бросились разноцвѣтные, мохнатые Волчки, Жучки, Валетки. Они лаютъ съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, и не по злобѣ, а отъ радости: имъ пріятно погрѣться; ихъ сморили зимній холодъ и деревенское однообразіе. Они прыгаютъ передъ лошадиными мордами, валяются по дорогѣ и, отбѣжавъ въ сторону, начинаютъ благодушно возиться другъ съ другомъ. Дальше опять снѣжное поле, бѣлое небо и вѣшки.

Трудно выразить тѣ чувства, которыя охватываютъ душу при видѣ давно покинутыхъ родныхъ мѣстъ. Въ воображеніи проступаютъ забытые образы, въ ушахъ звучатъ прежнія слова и пѣсни, сердце волнуется давно пережитыми чувствами... Людямъ, которые всегда живутъ здѣсь, эти деревни, поля, холмы, лѣса, рѣчки успѣли уже сказать новыя слова, внушили новыя чувства. И только въ твоей душѣ они будятъ давно пережитое, давно перечувствованное.

Вотъ и на меня нахлынулъ теперь цѣлый рой воспоми-

наній изъ далекаго прошлаго. Воспоминанія эти, какъ яркія галлюцинаціи, воскресли для меня съ плотью и кровью, съ запахомъ полей и луговъ, въ сіяніи солнечныхъ дней и во мракѣ ночи, со всѣми словами и мельчайшими подробностями. Они волнують меня по прежнему, и мнѣ кажется, что я снова сталъ ребенкомъ.

Вспоминается отъѣздъ въ ученье.

Съ ранняго утра отецъ хлопоталъ на дворѣ, густо смазалъ дегтемъ колеса, запрягъ Бураго въ телѣгу. Мать напекла намъ лепешекъ и яицъ. Все уложили. Зажгли свѣчу передъ иконами. Всѣ сначала сѣли, по обычаю, на лавку, потомъ встали и начали молиться. Мать кланялась и шептала молитвы. Я крестился тоже и старался угадать, какую она читаетъ молитву. Четырехлѣтняя сестра моя держала мать за подолъ, жевала лепешку и смотрѣла на меня исподлобья, не зная, плакать нужно или смѣяться. Отецъ клалъ большіе кресты медленно и точно думая о чемъ-то постороннемъ. На дворѣ пѣлъ пѣтухъ, а подъ окнами чирикали воробьи. На душѣ у меня было смутно.

Но вотъ отецъ зачастилъ маленькими крестиками подъ бородой. Значитъ молитва кончилась. Я подошелъ и поклонился матери въ ноги. Она заплакала и поцѣловала меня, но отъ слезъ не могла ничего говорить. Съ отцомъ проститься нужно было также дома. Я и ему поклонился въ ноги. Онъ тоже заплакалъ, но счелъ долгомъ сказать наставленіе:

— Учись, Бога не забывай, утромъ и вечеромъ молись, отца, мать почитай, старшихъ слушайся!—Хорошія, но безполезныя слова. Я поцѣловалъ и сестренку. Чувствуя, что творится нѣчто необычное, она заплакала; непрожеванный кусокъ лепешки вывалился у ней изо рта на полъ. Мать подняла крошку хлѣба съ полу, перекрестилась и поцѣловала ее, дѣвочкѣ утерла носъ и взяла ее на руки.

— Скорѣе,—торопилъ отецъ,—а то колеса отекутъ.

Всѣ мы вышли на дворъ. Пѣтухъ успѣлъ уже проклевать въ возу дыру и лакомился пшеницей. Въ углу подъ заборомъ тоскливо вздыхалъ поросенокъ. Голуби ворковали на крышѣ. Пахло дымомъ отъ печей. Утро вставало ясное, тихое, теплое.

Только садясь на возъ, я почувствовалъ, что покидаю много милаго, дорогого и ѣду въ неизвѣстный, чуждый міръ. И я заплакалъ горько, неудержимо. У меня сразу носъ наполнился слезами, горло сдавило и слезы потекли по щекамъ въ три ручья.

— Ладно, не на смерть ѣдешь,—сказалъ отецъ, отворяя ворота.—Ну, съ Богомъ!

Онъ вспрыгнулъ на наклеску телѣги, дернулъ возжами; колеса зачмокали отъ дегтя и покатились.

Было начало августа,—лучшее время года въ средней Россіи. Природа отдала человѣку всѣ свои плодотворныя силы, выколосила хлѣба, зарумянила яблоки, вишни, груши, вскормила и вспоила всякую мелкую и крупную птаху, телятъ, поросятъ, жеребятъ, прошла съ благотворными грозами и дождями, а теперь послѣ трудовъ собралась и сама немного отдохнуть, понѣжиться передъ холодной осенью: „дѣлайте, молъ, вы всѣ, твари мои милыя, что хотите, а я посмотрю на васъ, полюбуюсь". Улыбается и смотритъ. Всѣмъ любо и хорошо. Лѣса смѣются. По полямъ между скирдами носятся черные, жирные грачи, смотрятъ на человѣка нахально, какъ и всѣ дармоѣды. Коршунъ летаетъ въ блѣдносиней высотѣ, распластался и нѣжится тамъ, не двигая крыльями. На землю онъ и не смотритъ, потому что сытъ по горло. Суслики около норъ возятся цѣлыми десятками: и они дождались своего семейнаго счастья. Только люди день и ночь работаютъ на поляхъ и гумнахъ.

Ѣдемъ мы шагомъ. Пятнадцать пудовъ пшеницы да насъ двое—цѣлый возъ. Навстрѣчу намъ попадаются возы съ желтой пшеницей и бѣлымъ серебристымъ овсомъ. Проѣдемъ одни возы,—вдали виднѣется новый поѣздъ. Рыдваны скрипятъ, какъ стариковскія кости передъ ненастьемъ.

Потянулся длинный томительный день. Пыльная дорога, перелѣски, скирды и копны сѣна, грачи и рѣдкіе проѣзжіе. Отецъ или разсуждаетъ самъ съ собой, или спитъ. Когда онъ спитъ, то ротъ у него раскрытъ, а мухи гудятъ во рту, какъ въ пустомъ горшкѣ. Когда кто-нибудь встрѣтится по дорогѣ, отецъ вскочитъ, зачмокаетъ, задергаетъ возжами и своротитъ Бураго вправо, выплевывая не успѣвшихъ вылетѣть изо рта мухъ.

Къ вечеру кормили Бураго въ одномъ большомъ селѣ и ночью опять тронулись въ путь.

Люблю я проѣзжать ночью лѣтомъ по селу. Все тихо. Въ домахъ спятъ сотни, тысячи усталыхъ, изломанныхъ непосильными трудами людей. Сонъ—ихъ единственная и лучшая награда за горе, слезы, обиды и болѣзни тяжелой жизни. Чувствуешь, что здѣсь въ эти часы совершается что-то таинственное, важное. Невольно понижаешь голосъ, ибо домà смотрятъ на тебя предупреждающими, темными, тяжелыми взглядами. Такъ смотритъ на шумливаго гостя старуха-нянька, только что закачавшая больного ребенка. Дремлютъ передъ окнами тяжелые рыдваны, разбросавъ по землѣ свои оглобли-ноги; привалилась къ углу дома и спитъ бочка съ водой; покачнулась на сторону и дремлетъ

дырявая погребица; даже пыльная дорога спитъ: пыль лѣниво клубится изъ-подъ колесъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ бы снова прилечь поплотнѣе къ дорогѣ.

Но вотъ съ истеричнымъ лаемъ подкатилась подъ колеса мохнатая Жучка; она лаетъ и чихаетъ съ просонья. Въ разныхъ концахъ села отвѣчаютъ десятки, сотни другихъ собакъ. Дескать, не робѣй, кусай его, коли нужно, а мы поможемъ. И невольно гонишь поскорѣе лошадь. Скорѣе бы выѣхать, а то нарушишь святое, важное дѣло деревенскаго сна.

Село было большое, длинное. Долго мы ѣхали по улицамъ, по гумнамъ, по выгону. Наконецъ, выѣхали на широкую большую дорогу. Ночь прохладная, тихая, темная. Звѣзды горятъ въ небѣ, но не освѣщаютъ земли. Кругомъ ровное поле: взглядъ тонетъ во мракѣ. Кое-гдѣ вспыхиваютъ какіе-то огоньки и быстро гаснутъ, точно искры. Отецъ говоритъ, что это свѣтятъ своими глазами волки. Какъ змѣи, вьются въ ковылѣ пыльныя, ровныя колеи. Сколько ихъ? Четыре, шесть, десять... безъ конца. Большая дорога въ три версты шириной. Въ старину тутъ ежедневно тянулись изъ внутреннихъ губерній въ Заволжье и обратно безконечные обозы съ хлѣбомъ, рыбой и всякими товарами. Сюда выходили на промыселъ разные лихіе люди съ дубинкой, съ топоромъ, а то и просто съ кулакомъ... Много могли бы поразсказать объ этомъ безконечныя колеи. Но онѣ пугливо спрятались въ ковылѣ и ужъ почти сравнялись съ землей.

Меня клонилъ сонъ, и я заснулъ. Спалъ, кажется, недолго и вдругъ проснулся отъ тяжелаго чувства. Рядомъ съ телѣгой идетъ отецъ и шепотомъ говоритъ:

— Не спи, сынокъ! Какой-то человѣкъ съ нами идетъ. Кто его знаетъ, что онъ въ мысляхъ держитъ.

И отошелъ назадъ. Тамъ за телѣгой онъ идетъ съ кѣмъ-то другимъ. Этотъ другой, высокій, широкоплечій, съ палкой въ рукѣ. Говоритъ, что идетъ въ монастырь, но, будто, не все договариваетъ. Откуда онъ появился,—Богъ знаетъ. Пришелъ откуда-то со стороны, изъ мрака ночи, и навязался къ намъ. Отецъ идетъ съ нимъ рядомъ, но часто подходитъ ко мнѣ, подоткнетъ со всѣхъ сторонъ въ телѣгѣ сѣно, пологъ, пощупаетъ, не сплю ли я, и шепнетъ:

— Боюсь я этого странника. Видимо, лихой человѣкъ. Молись, сынокъ, читай: „Живый въ помощи"...

И опять пойдетъ къ страннику слѣдить за нимъ, чтобы онъ не напалъ на насъ внезапно.

Я читалъ псаломъ: „Живый въ помощи"... Телѣга, поскрипывая, катилась по гладкимъ колеямъ. Я вслушивался въ тишину ночи. Тамъ изрѣдка зарождались какіе-то звуки,

зарождались и умирали. Время тянулось долго, томительно.

„Не убоишися отъ страха нощнаго", читалъ я. Но въ окружающей темнотѣ и тишинѣ было что-то угрожающее, враждебное... Кто ходитъ ночью? Злые люди, злая сила. А мы такіе слабые, боязливые; насъ всякій можетъ обидѣть.

„Падетъ отъ страны твоея тысяща и тма одесную тебѣ, къ тебѣ же не приближится", — читалъ я дальше. Но мнѣ становилось отъ этихъ словъ еще страшнѣе. Казалось, темныя силы ночи неслышно рѣютъ вокругъ, готовыя напасть на слабаго человѣка. Начальство мрака грозно окружило насъ со всѣхъ сторонъ, неумолимое, враждебное. А Богъ не защититъ: Богу, какъ и царю, нѣтъ до насъ никакого дѣла.

— Ну, какъ странникъ ударитъ отца по головѣ палкой,— думалъ я,—и убьетъ, а меня задушитъ; сядетъ въ телѣгу и поѣдетъ на Буромъ, куда захочетъ?

И я напряженно вслушивался въ тишину ночи и всматривался въ ея темноту. Иногда отецъ со странникомъ отставали далеко. Мнѣ казалось, что странникъ уже убилъ отца. Въ ужасѣ я останавливалъ Бураго и болѣзненно вслушивался, вслушивался. Нѣтъ, идутъ, разговариваютъ. У меня отлегало отъ сердца.

Подходитъ отецъ.

— Боюсь я этого странника. Ну, какъ лихой человѣкъ. А можетъ, и не простой даже человѣкъ. Читай, сынокъ, „Да воскреснетъ Богъ"...

Я читалъ: „Да воскреснетъ Богъ", „Отче нашъ" и всѣ молитвы и псалмы, какими научили меня бороться противъ всѣхъ жизненныхъ напастей. Ночь была длинная, мучительная. Поскрипывала телѣга. Тишина рѣзала мой жадный, обостренный слухъ. Темнота утомляла напряженное отъ страха зрѣніе... Наконецъ, заалѣлъ востокъ. Даль прояснилась. Засвѣтились на небѣ облака, замигали сонными глазами звѣзды. Упала роса. Вмѣстѣ съ мракомъ начали исчезать и наши страхи. Стало уже настолько свѣтло, что я вижу странника. Это—русый мужикъ съ широкой бородой, добродушнымъ лицомъ и толстымъ носомъ. Одежда на немъ обвисла отъ росы, трепаная шапка прилегла къ волосамъ, холщевый мѣшокъ за спиной намокъ и потемнѣлъ. Онъ поглядѣлъ на востокъ, снялъ мокрую шапку, переложилъ палку изъ правой въ лѣвую руку, истово перекрестился и произнесъ на распѣвъ:

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ.

Перекрестился и отецъ. Наши страхи совсѣмъ исчезли.

— Поди; сыро тебѣ, малецъ? — обратился странникъ ко мнѣ.—Слѣзь-ка, побѣжи. Слава Богу, день насталъ.

Онъ улыбнулся широко во весь ротъ. И сразу стало видно, что это простой человѣкъ и совсѣмъ не лихой.

Взошло солнце. Мы шли вмѣстѣ еще больше часу. Наконецъ, намъ нужно сворачивать вправо, а страннику — прямо.

— Прощайте, други, Богъ съ вами!—сказалъ странникъ.

— Прощай.

— А скажи,—полюбопытствовалъ онъ у отца,—боялся ты меня?

— Боялся. Думалъ, лихой человѣкъ.

— И я тебя боялся,—сказалъ странникъ.—И все это отъ страха нощнаго. То-ли дѣло солнышко. Ну, съ Богомъ.

И странникъ зашагалъ по заростающей колеѣ въ синюю даль большой степной дороги. Издали донеслось его пѣніе: „Во всякъ день благословлю Тя и восхвалю-у"...

Вскормленный, воспитанный страхомъ, я въ страхѣ удалялся и въ новую жизнь. Страхъ, отецъ рабства, неохотно выпускалъ изъ рукъ свою жертву.

Колокольчикъ звенитъ. Кучеръ сидитъ на козлахъ, точно куча овчинъ, перетянутая веревкой. Изрѣдка онъ поднимаетъ руку, похожую на толстый обрубокъ, хлещетъ по лошадямъ кнутомъ и, видимо намѣренно, задѣваетъ при этомъ и меня. Вотъ она та самая большая дорога, по которой мы когда-то шли въ страхѣ со странникомъ. Колеи занесло снѣгомъ. Безконечною гладью, облитая луннымъ свѣтомъ, уходитъ она направо и налѣво. Скоро и Липовка.

Мое родное село, Липовка, расположено на небольшой рѣчкѣ Чагрѣ, которая течетъ только въ полую воду, а лѣтомъ превращается въ цѣпь омутовъ. Раньше Липовка была окружена большими березовыми и липовыми лѣсами. Но теперь лѣса отбѣжали отъ села версты на три и спрятались въ двухъ оврагахъ. Въ концѣ села осталась для памяти одна только старая березка, полузасохшая, кривая. Говорили, что подъ этой березкой зарытъ кладъ, что надъ ней каждую ночь падаетъ дичь въ видѣ огненнаго шара. Срубить березку боялись, ибо преданіе грозило смертью тому, кто срубитъ.

Много разной дичи жило, по мнѣнію липовцевъ, въ озерѣ, въ баняхъ, въ домахъ, въ рѣкѣ, въ лѣсу, въ землѣ и въ воздухѣ... Липовцы чувствовали себя во власти этой темной дикой силы, были окружены ею со всѣхъ сторонъ. Кромѣ мѣстной темной силы было много пришлой. Такъ, по лѣтамъ въ Липовку заходили двѣнадцать сестеръ-трясовицъ или лихоманокъ; тогда люди болѣли лихорадкой. Заходила Коровья Смерть, Моровая Язва, разные оборотни и много та-

кихъ дикихъ силъ, которыя не живутъ въ одномъ мѣстѣ, а ходятъ по всему бѣлому свѣту и вредятъ человѣку.

Это было начальство ночное. Но еще больше боялись липовцы начальства дневного, которое пріѣзжало хотя и рѣдко, но всегда приносило съ собой зло. Когда пріѣзжалъ урядникъ или, Боже упаси, земскій начальникъ, то всѣмъ становилось жутко. Десятскій, „тонкокорый“ Тимоша, прозванный такъ за свою худобу, билъ отъ страха свою жену, чтобы она поскорѣе отыскала ему знакъ, и бѣжалъ на въѣзжую избу.

Знали липовцы, что и надъ ночнымъ, и надъ дневнымъ начальствомъ есть высшее начальство, Богъ и царь, но это ихъ совсѣмъ не радовало, не давало имъ никакихъ надеждъ. До Бога высоко, а до царя далеко. Начальства ночного липовцы боялись, а къ дневному, кромѣ страха, питали еще постоянную глухую злобу, да боялись ее высказывать.

Такъ и жили липовцы въ постоянномъ страхѣ. Страхъ былъ преобладающимъ настроеніемъ въ жизни липовцевъ. Жили они себѣ въ домахъ, похожихъ на навозныя кучи, жили, какъ грибы въ безлюдномъ мѣстѣ: выростутъ, сгніютъ, удобрятъ это же мѣсто и снова выростаютъ, и снова гніютъ все на томъ-же мѣстѣ. Что было тамъ, далеко, за предѣлами своихъ полей, знали плохо, да и знать охоты не имѣли. Липовка представляла отдѣльное маленькое государство. Въ селѣ было все, что нужно для липовцевъ. Городъ былъ надобенъ для того, чтобы продавать тамъ хлѣбъ и получать за него деньги. А деньги эти шли куда-то въ невѣдомые края, въ руки дневного начальства. Изъ того неизвѣстнаго міра, который бралъ подати, въ наше село пришло только училище съ учителемъ, Петромъ Иванычемъ, да казенный кабакъ. Раньше кабака въ Липовкѣ не было. Пили липовцы водку, но мало. Теперь стали пить страшно много. Ежегодно липовская винная лавка выручаетъ до двѣнадцати тысячъ рублей! Если бы продать всѣ липовскіе дома и всю хозяйственную рухлядь,—вѣроятно, никто не далъ бы за все такихъ денегъ.

Въ Липовкѣ, какъ и во всякомъ государствѣ, были свои дипломаты, которыхъ у насъ звали міроѣдами, ибо они ѣли міръ, т. е. пропивали мірскія деньги, шумѣли на сходкахъ больше всѣхъ и часто во время самой горячей рабочей поры бездѣльничали и ходили пьяными. Были у насъ свои доктора: бабушки Лаврентьевна и Пискунья по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, а Терентій Сапуновъ—по мужскимъ. Были судьи, адвокаты, были свои инженеры, были журналисты (главнымъ образомъ, женское сословіе), были свои фабрики и заводы—кузница, овчинникъ, красильня,—было,

однимъ словомъ, все, что нужно для жителей села Липовки. И если бы исчезъ весь міръ, а осталась только Липовка, мы пожалѣли бы лишь о томъ, что вмѣстѣ съ этимъ чуждымъ міромъ погибли и тѣ изъ нашихъ, что ушли въ солдаты.

Голодъ и нужда доконали, однако, и липовцевъ. Гонимые голодомъ, они начали уходить на сторону, искать лучшей доли. Мы съ братомъ были, кажется, первыми горошинами, прорвавшими липовскій мѣшокъ и выкатившимися на волю. За нами покатились и другія горошины, покатились и затерялись въ водоворотѣ жизни. Но Липовка все стоитъ по прежнему, такая же бѣдная, жалкая деревня и ведетъ свою полуголодную, грязную жизнь.

Кучеръ завозился, обнаруживая явное желаніе обернуться ко мнѣ. Онъ замоталъ на козлахъ возжи, придержалъ лошадей, свернулъ и закурилъ цыгарку. Такъ какъ въ полъоборота говорить ему было трудно, то онъ совсѣмъ обернулся ко мнѣ лицомъ и положилъ въ сани, точно двѣ свиньи, замерзшіе валенки.

— А ты, какъ погляжу я на тебя, видно, не настоящій баринъ,—сказалъ онъ, затягиваясь махоркой.

— Почему видно?..

— Да ужъ такъ. Я тебя, можетъ, пять разъ кнутомъ задѣлъ, а ты—ни слова. Баринъ, тотъ бы раскричался, сталъ бы ругаться. А ты по-божески, смолчалъ... Такъ ты меня,—имени, отчества твоего не знаю,—извини. Это я по дурости моей безпокоилъ тебя кнутомъ. Понимаешь, злоба такая на сердцѣ, что, кажись бы, каждому барину харю разбилъ... Ты самъ-то изъ мужиковъ, что-ли, вышелъ?

Когда я сказалъ кучеру, кто я,—онъ пришелъ въ удивленіе и смущеніе.

— Батюшки мои! Да неужто это ты, Степанъ Семенычъ?! Вотъ бы не узналъ никогда. Значитъ, къ родителю ѣдете?

— Да, на выборы... Приглашали меня липовцы.

— Ка-акъ же, знаю, слыхалъ. Говорятъ давно про тебя всей волостью...

Кучеръ обернулся къ лошадямъ. Заиндевѣвшія лошаденки запрыгали. Колокольчикъ задребезжалъ. Мы въѣзжали въ Липовку.

На слѣдующій день съ ранняго утра нашъ домъ наполнился народомъ. Пришли родственники и знакомые поглядѣть, поговорить. Святки, всѣ свободны, да и пріятно хоть на часокъ забыть свою нужду, не видѣть голодной семьи, ожидающей перваго удара колокола, чтобы идти въ земскую

столовую. Пришелъ и пьяница Давидъ. При входѣ въ домъ, онъ поклонился до земли и пропѣлъ на мотивъ рождественскаго тропаря:

„Рождество Твое двадцать пятаго...
Деньги пропиты двадцатаго..."

— Здравствуй, Степанъ Семенычъ! Дай ручку поцѣловать, кормилецъ...

Остальные мужики укоризненно покачали головами. Давида удалили, ибо онъ болталъ всякій вздоръ и лѣзъ ко всѣмъ цѣловаться. Начались разспросы.

— Ну, какъ тамъ у васъ, въ Петербурхѣ-то?

Вопросы тягучіе, неопредѣленные, конфузливые. Собесѣдники не знали, съ чего начать спрашивать, съ какого бока приступить къ разговорамъ о томъ мірѣ владыкъ земныхъ, которые рѣшаютъ дѣла всей русской земли. Вѣроятно, сильнѣе всего хотѣлось имъ узнать о томъ, что̀ эти земные владыки замышляютъ теперь про мужиковъ, насчетъ земли, да какъ-то вопросовъ такихъ на языкъ не подвертывалось. Мой крестный, старый старикъ, вышелъ изъ этого затрудненія.

— Ну, а царя видаешь часто?

Когда я сказалъ, что царь въ Петербургѣ не живетъ, то всѣ лица опахнуло выраженіе какой-то враждебной скрытности. Всѣ замолчали. Опять тотъ-же старикъ, крестный, задалъ вопросъ:

— Не слышно тамъ, сынокъ, насчетъ милости намъ, хресьянамъ? Будетъ, что-ли, намъ какая-нибудь милость?

Всѣ подняли на меня выцвѣтшіе глаза, загрубѣвшія отъ морозовъ и зноя лица. На нихъ было написано ожиданіе—и, мнѣ казалось, ожиданіе какого-нибудь утѣшенія. „Хоть соври, да утѣшь", казалось, говорили мнѣ выжидательные взгляды и напряженно согнутыя позы мужиковъ. Мнѣ стало жалко ихъ, жалко до боли. Въ то же время въ сердцѣ закипѣла обида, раздраженіе. Неужели эти бородатые младенцы вѣрятъ? Неужели они все еще способны довольствоваться мечтами о счастьи и ждать?..

— Никакой милости не будетъ,—отвѣтилъ я рѣзко.

Старики совсѣмъ подняли головы и разинули отъ напряженнаго недоумѣнія рты.

— Какъ же мы жить дальше будемъ?—обронилъ кто-то.

— А это ужъ какъ хотите...

Мужики пошевелились на мѣстахъ, нервно перемѣнили позы, проглотили слюну.

— Что же дѣлать намъ теперь? А такъ жить никакъ не возможно.

— Требовать надо, добиваться,—сказалъ Воятъ.— что дѣлать. Что возьмемъ сами, то и наше будетъ. А добровольно никто и ничего намъ не дастъ. Развѣ вамъ дѣлали когда-нибудь добро, если вы не волновались, не требовали?

Всѣ замолчали, припоминая прожитую жизнь.

— Вотъ недоимки скащивали,—радостно вспомнилъ до сихъ поръ молчавшій мужикъ.

— Такъ вѣдь мы ихъ все равно не заплатили бы!—съ раздраженіемъ оборвалъ его молодой рябой мужикъ.

— Не заплатили бы,—это точно. Потому нечѣмъ!—раздались голоса.

— Вотъ нонче по пять пудовъ съ десятины уродилось. Ну-ка, уплати подати!—опять заговорилъ рябой мужикъ.—А ты,—ми-и-илость! Знаемъ мы эти милости! Развѣ ты изъ милости на овцѣ въ зиму шерсть оставляешь?! Весной эту шерсть ты съ овцы возьмешь, а на зиму оставляешь, чтобы она съ холоду не подохла. Ну, вотъ такъ и правительство съ нами поступаетъ.

— А у царя, поди, кажный годъ рожь-то хороша родится?—коварно спросилъ мой сосѣдъ, кузнецъ Левонтій.

— Ну, что зря болтать! Говори про дѣло,—благодушно журили Левонтія старики.

Заговорили о крестьянскомъ банкѣ, объ удѣльныхъ земляхъ, которыхъ такъ много въ Самарской губерніи, о новыхъ законахъ, о стражникахъ. Кузнецъ Левонтій часто прерывалъ наши разговоры ехидными вставками, въ родѣ:

— А министры, чай, захворали всѣ отъ заботъ о хресьянахъ?!

Или:

— Скоро, говорятъ, къ каждому мужику по стражнику приставятъ, чтобы не бунтовался.

Уже къ концу нашей бесѣды пришелъ еще старикъ въ рваномъ полушубкѣ, рваной шапкѣ, весь лохматый и сѣрый. Онъ поздоровался, послушалъ немного и сказалъ:

— Погляжу я на тебя, гоже ты живешь, Степанъ Семеныч.

— А что?

— Да вотъ гляжу я на твою одежу: хорошо ты одѣтъ. Ну, и пищея, чай, хорошая и все...

— Разно живу,—сказалъ я.—Иногда—ничего себѣ, живу хорошо, а иногда и худо.

— Чай, на фатерѣ живешь тамъ?

— На квартирѣ.

— А сколько платишь?

— Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Наступило молчаніе. Что-то холодное и враждебное пахнуло въ комнатѣ.

— Въ мѣсяцъ! Э-э-э!—протянулъ съ удивленіемъ тотъ же старикъ.—Ну, а сколько, къ примѣру, этотъ пинжакъ на тебѣ со штанами стоитъ? Чай, поди, рублей семь?

— Нѣтъ, больше.

— Сколько же?

Мнѣ уже становилось тяжело отвѣчать на разспросы. Но я собрался съ духомъ и отвѣтилъ.

— Семнадцать рублей...

— Семна-а-адцать!..

Старикъ поджалъ губы. Другіе опустили головы и начали разсматривать свои корявые, согнутые пальцы съ черными ногтями. Напрасно бывалый и толковый мужикъ, Павелъ Данилычъ, доказывалъ, что всякая жизнь требуетъ своихъ расходовъ, и то, что въ деревнѣ кажется богатствомъ, въ городѣ—нищета, настроеніе было испорчено. Разговоръ не клеился. Скоро всѣ встали и начали прощаться. Тотъ же лохматый старикъ, проходя мимо моего пальто, провелъ костлявой рукой по его убогому мѣху и, покачавъ головою, сказалъ.

— Слава Богу! Хорошо ты живешь, Степанъ. Слава Богу! Ну, а мы вотъ съ папашей твоимъ худо здѣсь живемъ, ей-Богу худо.

— Будетъ тебѣ! И чего зря болтать!—раздались укоризненные голоса.

Заволновалось, заговорило все село. Каждое услышанное отъ меня слово переходило изъ устъ въ уста, преломлялось въ сознаніи цѣлыхъ сотенъ людей, пріобрѣтало особенный смыслъ и значеніе. Несмотря на то, что о моемъ пріѣздѣ на выборы все село знало уже полгода,—тѣмъ не менѣе, обсуждать это принялись только теперь. „Будетъ ли онъ отстаивать наши нужды въ Думѣ? Какой ему интересъ идти на погибель?"

До меня доходили лишь обрывки этихъ разговоровъ, но и по обрывкамъ можно было судить, что мужицкая мысль работаетъ усиленно. Предположенія были безконечны. Осколки липовскихъ вопросовъ, сомнѣній и надеждъ приносили съ собой новые посѣтители, которые уже успѣли обмѣняться мнѣніями съ другими мужиками, бывшими у меня раньше.

Только къ вечеру освободился я отъ посѣтителей и вышелъ на морозную, всю занесенную снѣгомъ улицу.

Здоровый, полный улей гудитъ непрерывно и дышетъ медовымъ ароматомъ въ свои отверстія. Но улей, тронутый гнильцой, и день, и ночь молчитъ. Около его летковъ пол-

заютъ хилыя, грустныя пчелы; хищники свободно входятъ и выходятъ въ летки, изъ которыхъ несется тяжелый запахъ разложенія, смерти.

Вотъ такое же впечатлѣніе улья, тронутаго гнильцой, производитъ и голодное село. Ни пѣсенъ, ни говора, ни смѣха. Точно нѣтъ тутъ ни парней, ни дѣвокъ, ни рѣзвыхъ мальчишекъ; даже пьяные не поютъ по улицамъ своихъ безобразныхъ пѣсенъ. Выпивъ на голодный желудокъ, они валятся гдѣ-нибудь подъ заборъ и приходятъ домой съ обмороженными носами, ушами и пальцами. Изрѣдка послышится чей-то голосъ, похожій на стонъ, раздастся унылое ржанье голодной лошади или мычанье тощей коровы. Даже собаки потеряли охоту лаять; онѣ только жалобно скулятъ при видѣ прохожихъ, поджимаютъ облѣзлый хвостъ и шевелятъ шерстью на костистой спинѣ. Рѣдкіе огни тускло мигаютъ въ маленькихъ окнахъ. Зажигаютъ лампы не всѣ,—не на что купить керосину. Чистъ морозный воздухъ, но изрѣдка въ немъ проносится струя запаха какой-то зловонной гнили изъ послѣдней избы; отъ этого запаха сразу дѣлается тошно. И долго еще, даже по выходѣ изъ села, этотъ запахъ сверлитъ въ носу и возбуждаетъ тошноту...

Ѣли въ нашей деревнѣ всегда плохо и голодали часто. Голодали всѣ и въ нашей семьѣ. Отецъ по зимамъ нанимался куда-нибудь въ работники или ѣздилъ по окрестнымъ селамъ, чинилъ за гроши бочки, кадушки. Мы же съ матерью оставались дома и грѣли пустые желудки на горячей печи. Сбирать милостыню мы стыдились. Да, впрочемъ, если бы стали просить милостыню тѣ, кому хотѣлось ѣсть, то всѣ стали бы просить другъ у друга. Но мать однажды не вытерпѣла, послала старшую сестру въ сосѣднее село за милостыней. Помню, какъ она плакала, не хотѣла идти. Я сидѣлъ на печи и тоже заплакалъ. Въ первый разъ я понялъ своимъ маленькимъ умомъ всю тяжесть бѣдности и всѣ муки голоднаго стыда. Однако, сестра пошла. Возвратилась она по задворкамъ поздно ночью съ замерзшими сосульками на щекахъ отъ соплей и слезъ. Принесла она три куска мерзлаго хлѣба. Мы его съѣли и легли на печи съ матерью. Она разсказала намъ сказку въ которой всѣмъ хорошимъ людямъ было хорошо, а дурнымъ худо. И я въ первый разъ въ жизни задался вопросомъ: отчего намъ такъ худо и голодно? Что мы сдѣлали дурного?

Эти мучительныя воспоминанія подгоняли меня. Я ходилъ по темному селу, здороваясь съ каждымъ знакомымъ мѣстомъ и попадая въ сугробы. Каждый домъ, каждый переулокъ, каждая погребица говорили мнѣ старыя слова о вѣковомъ

униженіи, голодѣ и невѣжествѣ деревни, о ея безправіи и безысходныхъ страданіяхъ.

Какъ яркая противоположность, въ моемъ воображеніи рисовался Петербургъ съ его громадными домами, магазинами, театрами. За зеркальными стеклами, облитые электрическими огнями, лежатъ роскошные туалеты, золото, брилліанты, дорогія вина, картины, статуэтки, изображающія голыхъ женщинъ въ сладострастныхъ позахъ... И вотъ этой культурой гордятся люди! Культурой, которой живутъ три—пять милліоновъ людей, а сто двадцать милліоновъ ѣдятъ хлѣбъ съ землей, живутъ въ вонючихъ избахъ и дохнутъ отъ болѣзней, какъ скотъ въ падежъ.

Такъ жить нельзя. Но...

Фабрики и заводы громыхаютъ своими машинами; мужики пашутъ землю; чиновники пишутъ бумаги; солдаты стрѣляютъ, въ кого имъ прикажутъ,—въ мужчинъ, женщинъ и дѣтей... А Петербургъ сидитъ и приказываетъ всѣмъ ста тридцати милліонамъ. И эти милліоны отдаютъ ему свои послѣднія крохи, льютъ для него потъ и кровь. Потъ и кровь превращаются въ золото, а Петербургъ беретъ это золото полными горстями, швыряетъ его безумно, топчетъ ногами, какъ отжирѣвшій конь топчетъ въ грязь свѣжее душистое сѣно.

А, между тѣмъ, вѣдь онъ слабъ и безсиленъ, этотъ страшный, громадный, сверкающій огнями городъ-повелитель! Онъ безпомощенъ, какъ ребенокъ!

Если завтра мужики изъ сосѣднихъ селъ не привезутъ ему хлѣба, масла и овощей, если прислуга откажется исполнять тамъ свои грязныя работы; если рабочіе на фабрикахъ и заводахъ перестанутъ выдѣлывать для него разныя вещи, а солдаты не будутъ стрѣлять, въ кого имъ прикажутъ,—то завтра же отъ голодной боли заноетъ брюхо гордаго, сильнаго Петербурга, и изъ повелителя онъ превратится въ жалкое существо, которое будетъ лизать руки у мужиковъ, солдатъ и рабочихъ, чтобы они его накормили и защитили... Гдѣ же конецъ этому безумію людей, покоряющихся безсильному и безсердечно-жестокому ребенку?!

Прочный фундаментъ построилъ ты для своей власти, Петербургъ, изъ людского невѣжества и страха. Но растрескался этотъ фундаментъ, и твоей власти грозитъ великое паденіе.

На слѣдующій день село оживилось. Назначенъ сельскій сходъ для выбора десятидворныхъ представителей въ волость по выборамъ въ Думу. Раннимъ утромъ передъ сходомъ ко мнѣ зашелъ мой бывшій товарищъ по школѣ, Аѳанасій

Чекинъ. Онъ повѣдалъ мнѣ тѣ думы, которыми жило и волновалось село вчерашній день и прошедшую ночь.

— Много разныхъ разговоровъ идетъ по селу, Степанъ Семенычъ. Все про тебя, да про Думу говорятъ. Старики боятся. „Первую Думу, говорятъ, разогнали. Пошлемъ мы его, а онъ тоже правительству перечить будетъ; намъ никакой земли и не дадутъ“... Такъ ты старикамъ всѣхъ словъ не говори. Скажи имъ по ихнимъ понятіямъ про землю, про удѣлъ... Ты ужъ знаешь, какъ... Это старики такъ говорятъ, самые темные. Другіе же, большинство, насчетъ другого сомнѣваются. „Зачѣмъ, говорятъ, ему нужно голову свою въ пасть волку совать? Вѣдь ужъ коли въ Думу идти, такъ надо до смерти за народное дѣло стоять“. И еще говорятъ: „Если онъ изъ такихъ, изъ соціалистовъ, такъ почему же онъ на волѣ ходитъ, а не въ тюрьмѣ сидитъ? Боимся, не отъ правительства ли онъ подосланъ. Можетъ быть, теперь онъ одно говоритъ, а въ Думѣ-то на сторону правительства перекачнется. Вотъ чего пуще всего боимся“...

Тяжело было мнѣ выслушивать о себѣ эти мужицкія сомнѣнія. Главное — свои люди, тѣ, которые знаютъ съ дѣтства меня и которыхъ я знаю съ дѣтства. Правда, впослѣдствіи я узналъ, что сомнѣнія, — „какъ бы онъ на сторону правительства не перекачнулся“ — возбуждались вездѣ и относительно всѣхъ видныхъ кандидатовъ въ Думу. Всюду такимъ людямъ говорилось: „Если ты на сторону правительства откачнешься, а за наши нужды не постоишь,—не возвращайся обратно... Не обезсудь, тебѣ ужъ не жить больше на свѣтѣ“... Какъ ни плохо знаютъ въ нашихъ мѣстахъ о работѣ первой Думы, но слыхали, что „были тамъ такіе мужики, ерогинцы, должно быть, изъ села Ерогина, кои тоже на правительственную сторону перекачнулись...“

Часовъ въ двѣнадцать за мной пришелъ десятникъ, съ бляхой за пазухой и съ палкой въ рукѣ. Я пошелъ на сходъ. Ради такого важнаго случая поплелся со мной и старикъ-отецъ.

Было морозно и свѣтло на улицѣ. Снѣгъ блестѣлъ такъ, что глазамъ было больно. Небо было синее, чистое, и только далекій горизонтъ кудрявился бѣлыми облаками. Галки съ крикомъ перелетали съ одной крыши на другую, жались къ бѣлымъ, освѣщеннымъ стѣнамъ церкви, чтобы погрѣть зазябшее, исхудалое тѣло. Изъ столовой съ чашками и ложками, съ кусками хлѣба за пазухой, расползались по селу старые старики, бабы и дѣти. Со всѣхъ концовъ по улицѣ задумчивой походкой стягивались мужики на всхожую избу, гдѣ собралась уже большая толпа. Тутъ же вертѣлись мальчишки и собаки. Даже коровы и лохматые телята вышли

со двора и, прочищая языкомъ ноздри и помахивая испачканными навозомъ хвостами, съ изумленіемъ пялили на толпу свои выпуклые глаза. И они чувствовали, что сегодня село занято важнымъ вопросомъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ, можетъ быть, и ихъ коровье благополучіе.

Всхожая изба набита людьми. Сидѣли на лавкахъ, на печи, стояли вплотную посрединѣ. Въ переднемъ углу за столомъ сидѣлъ староста, коренастый мужикъ съ большой бородой, и сельскій писарь. Съ палатей свѣшивался цѣлый рядъ дѣтскихъ головокъ съ блестящими отъ любопытства глазами. На меня испытующе смотрѣли сотни сѣрыхъ, выцвѣтшихъ глазъ, круглыхъ, точно у испуганныхъ совъ. На мое привѣтствіе всѣ отвѣтили сдержанно-вопросительно. Сидящіе около старосты потѣснились и уступили намъ съ отцомъ на лавкѣ мѣсто. Староста доложилъ сходу дѣло. Намѣчено семнадцать представителей отъ села Липовки на волостной сходъ по выборамъ въ Думу. Въ числѣ этихъ десятидворныхъ былъ и я. Староста выразилъ надежду, что я пройду въ Думу и буду отстаивать крестьянскіе интересы. Приговоръ составленъ. Нужно его подписать.

— Принимаете, что-ли, старики?

— Принимаемъ! Знамо, принимаемъ!—раздались нерѣшительные возгласы.

— Кто грамотный, выходи, подписывайся,—предложилъ староста.

Толпа мужиковъ качнулась, завозилась. Всѣ начали оглядываться другъ на друга.

— Ты, что ли, Петруха, начинай.

— Да вотъ, чай, Матвѣй...

— Тарасъ! Эй, Тарасъ! Онъ у насъ первый писака. Иди сюда, Тарасъ.

— Да нѣтъ, что мнѣ... Пишите другъ за дружкой, какъ стоимъ.

Изъ толпы съ рѣшительнымъ видомъ протискался маленькаго росту мужикъ, Савелій, бросилъ рукавицы на полъ, засучилъ рукава и протянулъ къ писарю за перомъ корявую руку.

— Давай, што-ли, перо-то...

— Погоди, Савелій,—отстранилъ я его.—Дай слово сказать.

— Брось, Савка, постой!—закричали на него отовсюду:— Слышь, хочетъ слово сказать.

Савелій остался у стола въ ожиданіи и съ засученнымъ рукавомъ.

Мною охватило волненіе, точно школьника на экзаменѣ.

— Слышалъ я, старики, что со времени моего пріѣзда

въ селѣ пошли разные разговоры. Нѣкоторые сомнѣваются во мнѣ, боятся, какъ бы я, попавши въ Думу, не забылъ о мужицкихъ интересахъ...

— По глупости болтаютъ!.. Темнота наша!.. Не мы говоримъ—горе наше говоритъ!..—раздались голоса изъ толпы.

— А всетаки мнѣ хочется поговорить съ вами обо всемъ на чистоту...

— Правда! Ну, вотъ спасибо тебѣ. Оно такъ-то лучше завсегда.

Опять настала выжидательная тишина. Прямѣе всѣхъ смотрѣло на меня недоумѣвающее Савельево лицо. Лицо у Савелья отличается одной особенностью: на немъ всегда скрыта добрая улыбка, будто видишь улыбающагося человѣка за кисейной занавѣской. Занавѣской для его улыбки служатъ густыя брови, клочки бороды, рѣдкіе усы и пуночкой носъ. Улыбка прячется за нихъ и видна ясно только черезъ сѣрые влажные глаза.

При взглядѣ на Савельеву улыбку я какъ-то сразу успокоился и началъ говорить. Я говорилъ, что мой единственный интересъ въ Думѣ—отдать на служеніе народу свои знанія и силы. Мои политическія убѣжденія сложились не въ довольствѣ и роскоши, а въ бѣдности, въ тяжелой жизненной борьбѣ. Бѣдность—хорошій учитель, и завѣтовъ этого учителя я не забуду до могилы.

— Кромѣ того,—закончилъ я,—я уѣду отъ васъ, а вотъ здѣсь останется мой отецъ. Могу-ли я опозорить измѣной народу его старую голову?..

Должно быть, сказанное мною было убѣдительно. Собраніе радостно встрепенулось, зашумѣло, заговорило.

— Нѣтъ, что и говорить, рази можно! Ты ужъ не сердись, Степанъ Семенычъ! Если кто и произнесъ такія слова, такъ по глупости! Ужъ больно затравили насъ,—другъ друга боимся.

Мужики на перебой потянулись теперь подписывать приговоръ. Корявыя руки плохо слушались своихъ хозяевъ. Перо брызгало, дѣлало кляксы. Изъ толпы сыпались добродушныя шутки надъ „писаками". А листъ покрывался ужасными каракулями, точно по нему долго ходили грязными ногами безтолковыя куры.

Вечеромъ поднялся страшный буранъ. И безъ того слабое, заброшенное въ степяхъ село, во время бурана оно кажется еще болѣе слабымъ и несчастнымъ. Всѣ забились въ грязныя избы и со страхомъ прислушиваются къ вою бури и къ звону церковнаго колокола. Можетъ быть, на поляхъ теперь плутаютъ по снѣжному морю люди и замерзаютъ въ одинокомъ и безсильномъ отчаяніи. Удары коло-

кола рѣдкіе, безнадежно тоскливые. Кажется, что колокольные звуки сами сознаютъ свою слабость передъ всесильной бурей; зародившись наверху, они бросаются съ колокольни внизъ и со страхомъ торопятся скрыться гдѣ-нибудь поблизости. А буря шумитъ и гремитъ въ полѣ, падаетъ на село снѣжной лавиной и ходитъ по улицамъ съ побѣднымъ воемъ и свистомъ.

Несмотря на буранъ, вечеромъ состоялось собраніе. Мужики входили въ избу, точно масляничныя снѣжныя бабы, отряхали снѣгъ съ тулуповъ, шапокъ, бородъ, отчего у двери образовался толстый снѣжный пластъ, который соскоблили скребкомъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушали всѣ мое сообщеніе о дѣятельности первой Думы, прерывая изрѣдка восклицаніями:

— Вишь ты! А вѣдь намъ здѣсь совсѣмъ не такъ разсказывали. Съ толку сбивали. Въ „Сельскомъ Вѣстникѣ" писали, что депутаты совсѣмъ и земли-то мужикамъ не требовали.

Буря стучалась въ стѣны, выла надъ потолкомъ, била снѣгомъ въ окна. Иногда колоколъ испуганно, торопливо звучалъ совсѣмъ близко, точно подъ самыми окнами. Всѣ невольно вздрагивали, оглядывались назадъ. Потомъ колокольный звонъ улеталъ куда-то далеко и слышался, точно стонъ замерзающаго человѣка.

Когда зашла рѣчь о землѣ, о мужицкихъ нуждахъ, то всѣ начали говорить вразъ, не слушая другъ друга, махали руками, и на исхудалыхъ, корявыхъ лицахъ проступило выраженіе мучительной боли и злобнаго отчаянія. Такъ кричатъ и стонутъ больные; стонутъ не потому, что хотятъ, чтобы ихъ услышали, а просто потому, что крикъ, стоны и ругательства заглушаютъ боль. Около меня махалъ руками рыжій мужикъ съ толстой бородой и выкрикивалъ:

— Имъ тоже такъ говорить. На словахъ-то у нихъ все Христосъ да царь. А гдѣ у нихъ Христосъ въ дѣлахъ?! Всѣхъ насъ бьютъ да тѣснятъ; слова сказать не даютъ, въ тюрьму тащатъ... Слышно, и разстрѣливаютъ... И про царя они напрасно говорятъ. Имъ при царѣ тепло живется, ну вотъ они и кричатъ много про царя. Если они къ царю привержены, такъ гдѣ же манифестъ-то царскій о свободахъ, куда они его дѣвали? Въ нужное мѣсто бросили! Эхъ, вы, христопродавцы! Все туману въ деревню пускаютъ, чтобы мы другъ друга не видѣли. Будетъ ужъ, понимаемъ, что значитъ—за вѣру, царя и отечество! Это значитъ—не шевелись, молчи и издыхай...

Другіе тоже выкрикивали смѣлыя слова. То и дѣло слы-

шалось: „Министры! Царь! Мы видимъ! Ровно пеленка съ глазъ упала! Только бы намъ знать обо всемъ доподлинно! Ты намъ, Семенычъ, газету присылай... Книжку, газету, газету! Газету хорошую, гдѣ правда пишется!“

Подъ этотъ шумъ и гамъ мнѣ вспомнилось, что когда прошлымъ лѣтомъ ѣхалъ я изъ Севастополя въ Москву со скорымъ поѣздомъ,—вдоль полотна желѣзной дороги то съ той, то съ другой стороны появлялись мужики, бабы, парни. дѣвки, дѣти, махали руками и что-то кричали. А что кричатъ, никакъ не поймешь. Поѣздъ мчится быстро, и вмѣстѣ съ грохотомъ колесъ въ окно врывается одно только настойчивое, молящее:

— А-а-а! Га-а-а!

Если не глядѣть въ окошко, то кажется, что отъ самаго Севастополя кто-то бѣжитъ за поѣздомъ, не отставая, и черезъ каждую минуту выкрикиваетъ:

— А-а-а! Га-а-а!

И только въ полдень на другой день, подъѣзжая къ какой-то станціи, я разобралъ, что выкрикиваютъ вдоль желѣзной дороги:

— Газету! Газету!

Десять лѣтъ ѣзжу я по Россіи съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ, а этотъ крикъ слышу въ первый разъ. Казалось, вся русская деревня собралась къ полотну желѣзной дороги, машетъ отчаянно руками и кричитъ:

— Газету, газету!

Это было въ началѣ іюля, когда Петербургъ уже копалъ могилу первому народному представительству. Чуяло народное сердце измѣну и нервно, настойчиво кричало:

— Дайте намъ знать о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Какой-же помощи ждете вы отъ насъ, если мы не знаемъ, что вы сдѣлали и что хотите дѣлать? Газету, газету, правдивую газету!

Недалеко отъ станціи стоялъ, махалъ руками парень лѣтъ семнадцати и, точно загипнотизированный, повторялъ одно и то же слово, которое онъ выкрикиваетъ около желѣзной дороги, вѣроятно, уже цѣлый мѣсяцъ.

— Газету, газету!

Изъ окна передняго вагона упалъ бѣлый газетный листъ и развернулся у самыхъ колесъ вагона. Я успѣлъ прочитать заглавіе: „Московскія Вѣдомости“.

Извольте, вотъ вамъ правдивая газета!

Парень схватилъ газетный листъ и побѣжалъ къ сосѣднему перелѣску. Тамъ жали рожь мужики и бабы. Они обступили парня съ газетой и стали слушать...

Поѣздъ остановился на минуту и снова съ грохотомъ и

свистомъ помчался дальше. Я въ волненіи ходилъ по вагону. А въ окнахъ опять звенѣлъ настойчивый крикъ:

— Газету, газету!

Когда собраніе нѣсколько успокоилось, нѣкоторые изъ грамотныхъ мужиковъ завели разговоръ о соціализаціи земли.

— Теперь многіе совѣтуютъ, чтобы землю нельзя было покупать и продавать. Кто хочетъ трудиться на ней—трудись; не хочешь—другому уступай! Ну, какъ это по твоему, Семенычъ? Хорошо, ай нѣтъ?

— По моему, хорошо, не знаю, какъ по вашему.

— Да вѣдь и по нашему выходитъ тоже не худо. Только мы все думаемъ, нѣтъ ли тутъ намъ, мужикамъ, какого обману? Вонъ земскій, такъ тотъ говоритъ, что это намъ во вредъ будетъ. Теперь, говоритъ, ты самъ себѣ хозяинъ, а тогда тебя каждый съ твоего мѣста согнать можетъ...

Когда всѣ уяснили себѣ, въ чемъ заключается соціализація земли, то одобрили.

— Это бы очень хорошо! Куда лучше...

Только одинъ мужикъ, Сорокинъ, упрямо отказывался высказать свое мнѣніе. Онъ твердилъ одно:

— Не выйдетъ это дѣло никогда. Какъ было, такъ и будетъ. Нечего и толковать...

Однако, въ обсужденіи вопроса, сколько можетъ обработать своими силами одинъ работникъ съ женой, тотъ же Сорокинъ принялъ самое горячее участіе.

— Да вѣдь по десяти десятинъ на человѣка, надо быть, обработаемъ,—сказалъ онъ.

При этомъ его закорузлые пальцы зашевелились, глаза прищурились, точно онъ смотрѣлъ въ далекое поле на десять десятинъ черной, влажной своей земли; ноздри его расширились, будто уже обоняли запахъ ея весеннихъ испареній. Но другіе мужики съ нимъ не согласились. Рѣшили, что по пяти десятинъ на работника за глаза достаточно. Сорокинъ уныло опустилъ свою лохматую голову въ землю.

Поздней ночью разошлось собраніе. Уходили всѣ съ какими-то просвѣтленными лицами.

— Спасибо тебѣ, Степанъ Семенычъ. Ужъ вотъ какъ ты насъ этимъ разговоромъ ублаготворилъ, что лучше всякаго угощенья. Кабы намъ почаще такіе разговоры! Эхъ, темнота наша, темнота!

При выходѣ изъ дома, въ сѣняхъ, мнѣ сунулъ въ руку серебряный рубль тотъ самый молодой мужикъ, который все озлоблялся на правительство.

— Купи мнѣ книгъ,—прошепталъ онъ.

— —

— Какихъ же тебѣ книгъ?

Мужикъ замялся, подумалъ и сказалъ:

— Не знаю. Тебѣ виднѣе. Только купи такихъ, гдѣ бы вся наша жизнь къ чорту отрицалась. Правительство, леригія — надоѣло все... Такъ вотъ, какъ это по новому устроить?.. Такихъ книжекъ купи.

Неохотно расползались мы по домамъ, подъ вой бури и унылые звуки колокола. На улицахъ лежали громадные сугробы снѣгу. Нѣкоторые дома уже попрятались въ волнахъ безконечнаго снѣжнаго моря.

Двѣнадцатаго января въ селѣ Студенцахъ былъ волостной сходъ для выбора уполномоченныхъ. Мы выѣхали туда раннимъ утромъ. Было морозно и свѣтло. Недавняя мятель покрыла поля толстыми волнами снѣгу, закидала овраги, залѣпила лѣсныя опушки. Морозный поземокъ съ сердитымъ шипѣньемъ ползаетъ и перетягиваетъ дорогу поясами изъ мелкаго снѣжнаго песку. Узкая, еще дѣвственно-чистая дорога устало вьется между снѣжными волнами безъ надежды дойти до ближайшаго села. Если приходится свернуть съ дороги при встрѣчѣ, то лошади вязнутъ по брюхо и долго барахтаются въ снѣгу, пока опять не выберутся на узкій путь.

Село Студенцы расположено на глинистыхъ буграхъ по сухимъ оврагамъ рѣки Безенчуга. Съ каждой весной, съ каждымъ проливнымъ дождемъ глинистые овраги все обваливаются, ширятся и подбираются ближе къ домамъ. Дома пятятся отъ нихъ со страхомъ, толпятся на взлобинахъ холмовъ, точно стадо овецъ передъ волками, и всѣми своими глазами смотрятъ въ разинутыя глиняныя пасти. Глиняные рвы подползаютъ къ домамъ медленно, увѣренные въ томъ, что жертвы отъ нихъ дальше никуда не уйдутъ. Кромѣ того, овраги пустили отъ себя въ глубь села новыя вѣтки; эти вѣтки расползаются по улицамъ, пересѣкаютъ ихъ, точно западни, и дѣлаютъ непроходимыми.

Что-то безконечно грустное въ этой безпомощности большого села передъ глинистыми рвами, въ безропотной покорности цѣлыхъ милліоновъ людей передъ всѣми стихіями: засухи, бураны, пожары, саранча, обваливающіеся рвы, наконецъ, самая правительственная власть, которая тоже, какъ безграничная, беззаконная стихія со своими генералъ-губернаторами, стражниками и казаками бушуетъ на русскихъ поляхъ, а десятки милліоновъ людей въ страхѣ толпятся передъ ними, какъ стада безтолковыхъ животныхъ. За то и самъ народъ мститъ своимъ притѣснителямъ тоже, какъ буй-

ная стихія. Воистину, Россія еще не вышла изъ области стихійныхъ отношеній.

Медленно на тощихъ клячахъ подъѣзжалъ къ волостному правленію изъ сосѣднихъ селъ народъ. Волостное зданіе кругомъ обставлено сугробами, и только у дверей въ снѣгахъ прорытъ подъѣздной путь.

Къ часу собраніе было объявлено открытымъ. Собралось девяносто пять человѣкъ. Приготовили баллотировочный ящикъ и накрыли его какой-то тряпкой. Волостной писарь прочиталъ отъ губернатора бумагу съ извѣстными „разъясненіями“ сената и удалился.

— Ну, старики, сговоритесь, кого желаете уполномочить отъ нашей волости,—предложилъ старшина.

— Да вѣдь кого намъ: вотъ Степана Семеныча пошлемъ. Онъ знаетъ дѣло и наши нужды застоитъ,—раздались голоса.

— Согласны ли, старики, послать Кондурушкина?—спросилъ старшина.

— Согласны, согласны!

— А другого кого же?

— Другого Семенова.

— Согласны ли, старики, другого Семенова?

— Согласны.

— Ну, теперь будемъ баллотировать.

— Чего тамъ баллотировать. Пустое дѣло. И такъ гоже, безъ шаровъ. Это—господская затѣя, шары... Мы по совѣсти посылаемъ, отъ души,—слышались голоса.

— Никакъ нельзя, старики,—сказалъ я.—Надо баллотировать шарами. Иначе наши выборы будутъ сочтены незаконными.

— Ну, тогда инъ ладно. Шары покатаемъ, потѣшимъ начальство.

Минутъ черезъ пять меня позвали въ собраніе, чтобы произвести при мнѣ подсчетъ шаровъ. Оказалось—85 избирательныхъ и 10 неизбирательныхъ. А. И. Семеновъ получилъ 75 направо и 20 налѣво. Больше кандидатовъ не выставляли, и сходъ былъ закрытъ.

Я попросилъ слова и сказалъ о томъ, что если мы посылаемъ депутатовъ, то на этомъ наше дѣло не кончилось. Мы должны и здѣсь на мѣстахъ работать такъ же, какъ и они тамъ, въ Думѣ. Для этого мы должны объединяться и обсуждать, какъ можно помочь дѣлу. Безъ народной же поддержки значеніе депутатовъ ничтожно. Правительство не желаетъ удовлетворить народныя нужды и будетъ бороться съ народомъ до послѣдней крайности. И нужно, чтобы депутаты чувствовали за собой крѣпкую опору въ лицѣ тѣхъ, кто ихъ выбралъ, чтобы они свободно и смѣло могли бо-

ротъся съ правительствомъ и бросить ему въ лицо народное негодованіе...

Сухія, волосатыя лица, воспаленные глаза, открытые отъ напряженнаго вниманія рты. Глаза многихъ блестятъ слезами, лица дрожатъ негодованіемъ. Я чувствую, что спазмы давятъ мнѣ горло, и бросаю говорить. Нѣсколько мгновеній собраніе ждало, не скажу ли я еще чего-нибудь, потомъ зашумѣло.

— Поддержимъ, какъ сумѣемъ! Да и ты насъ не оставляй, коли въ Думѣ будешь... Чтобы мы знали, какъ тамъ дѣло идетъ. Тогда, можетъ, и придумаемъ, что намъ дѣлать.

Подходитъ ко мнѣ сгорбленный старикъ, весь пепельно-сѣрый: сѣрое лицо, сѣрая борода и сѣрый, отъ древности, овчинный полушубокъ. Онъ разогнулся, поднялъ на меня слезящіеся съ красными жилками глаза, взялъ костлявыми пальцами меня за руки и, видимо волнуясь, сказалъ:

— Все не вѣрю я, сынокъ. Болтаютъ теперь, что быдто самъ царь не хочетъ намъ землю и волю давать. Быдто и царь вмѣстѣ съ министрами да помѣщиками. Такъ ты, будешь въ Думѣ, скажи ему лично, царю-то, что вотъ, молъ, какъ народъ хресьянскій живетъ, вотъ какъ бѣдствуетъ. Смерть—лучше...

Старикъ заплакалъ; голова его затряслась отъ волненія.

— И ужъ если послѣ этого то же будетъ,—продолжалъ старикъ,—если и послѣ того облегченья намъ не будетъ, тогда... Тогда ты напиши намъ, сынокъ. Самъ-то я помру скоро, только я внукамъ своимъ закажу, заклятье положу на нихъ, чтобы никому не вѣрили, никому, кромѣ Бога...

— Я же не депутатъ еще, дѣдушка.

— Тебя выберутъ, это вѣрно говорю, выберутъ.

— Потомъ, царь депутатовъ не принимаетъ и не выслушиваетъ. Вонъ, въ прошломъ году даже предсѣдателя самой Государственной Думы не принялъ. А предсѣдатель-то вотъ и хотѣлъ про народныя нужды разсказать...

— Не принялъ, говоришь?—удивленно спросилъ старикъ.

Это извѣстіе, видимо, его поразило. Онъ не нашелъ, что̀ сказать, и, опустивъ голову, привалился сгорбленной спиной къ горячей печкѣ.

Черезъ часъ я уже ѣхалъ въ сосѣднее село Ольгино. Надъ снѣжнымъ полемъ спускался тусклый зимній вечеръ. Тощая, мохнатая, пятнистая лошаденка, похожая на корову, бѣжитъ только до тѣхъ поръ, пока кучеръ подхлестываетъ ее кнутомъ. Когда же онъ перестаетъ хлестать, лошадь сразу останавливается и оглядывается вопросительно назадъ. Наконецъ, кучеру надоѣло хлестать. Ему хочется поговорить

Посвистывая и почмокивая на лошадь, чтобы та не забыла совершенно о сѣдокахъ, онъ обернулся ко мнѣ.

— Скажи, пожалуйста, Степанъ Семенычъ, когда это къ намъ въ Расею свобода придетъ? А?

— Свобода ни откуда придти не можетъ,—отвѣчаю я.— Свободную жизнь создаютъ себѣ сами люди.

Кучеръ помолчалъ, видимо что-то обдумывая. Потомъ лукаво улыбнулся и сказалъ:

— Теперь, выходитъ такъ, что правительство насъ уму-разуму учитъ...

— Какъ такъ?

— Да очень просто. Спасибо ему, правительству-то. Видитъ оно, что мужикъ не совсѣмъ въ разумъ вошелъ, битъ, значитъ, мало. Ну, и послало къ намъ стражниковъ да казаковъ. И стали они надъ нами измываться... Били они насъ, били—и вѣдь, что-ты, привели въ разумъ! Теперь даже старые старики и тѣ образумились. „Э-э-э, говорятъ. Такъ-то вы объ насъ заботитесь. Ну, ладно, и мы объ васъ позаботимся". Только, думаю я,—замѣтилъ онъ грустно,—мы-то такъ ужъ и сдохнемъ въ голодѣ да въ грязи. Вотъ развѣ наши дѣти получше жить будутъ... Большая ихняя сила. Не скоро ее сломишь. Весь міръ неправдой живетъ. Какъ ты ее, правду-то, скоро разыщешь.

Кучеръ снова принялся хлестать лошадь. Поѣхали рысью.

— Вотъ въ Натальинѣ у графа Орлова-Давыдова на землѣ озера есть,—началъ онъ послѣ долгаго молчанія.—Пойдутъ мужики рыбу ловить, а казаки ихъ забираютъ да плетями бьютъ. „Какъ это такъ, вашбродь", говорятъ управляющему, „почему насъ забираете, за что бьете? Вода-то, она Богомъ для всѣхъ дана".—„Вода, говоритъ, ваша, а рыба наша". Вотъ ты и поди. Неправда на землѣ..

Вотъ и Ольгино. Широкая прямая улица, а въ обѣ стороны видна тусклая степь. Сани остановились передъ замерзшими, освѣщенными окнами. Это домъ Демидова, моего школьнаго товарища.

Я не буду описывать моихъ путешествій по селамъ и деревнямъ, встрѣчъ и разговоровъ съ мужиками, учителями, попами, купцами. Я тороплюсь увести читателя въ городъ, гдѣ разыгрались послѣднія два дѣйствія предвыборной драмы.

При переѣздахъ изъ села въ село, при разговорахъ и встрѣчахъ мнѣ часто приходила на память легенда о Фригійскомъ царѣ Мидасѣ, у котораго были ослиныя уши. Онъ никому не показывался, и весь народъ считалъ его бо-

гомъ, строилъ ему храмы и приносилъ жертвы. Когда Мидасъ совсѣмъ обросъ волосами, то къ нему рѣшились, наконецъ, позвать цырюльника. Цырюльникъ, къ своему удивленію, увидѣлъ, что тотъ богъ, которому всѣ поклоняются, имѣетъ ослиныя уши. Но цырюльнику было сказано, что если онъ хоть кому нибудь сообщитъ о томъ, что видѣлъ, то будетъ вздернутъ на висѣлицу!

Долго мучился бѣдный цырюльникъ, не спалъ, не ѣлъ, все думалъ, какъ бы избавиться отъ страшной тайны и открыть народу глаза. Будучи, наконецъ, не въ силахъ бороться съ собой, онъ пошелъ въ поле, вырылъ тамъ ямку и съ наслажденіемъ нѣсколько разъ повторилъ роковыя слова:

— У правителя Мидаса ослиныя уши!..

И ушелъ съ поля облегченнымъ.

Пришла весна. На томъ мѣстѣ, гдѣ цырюльникъ повѣдалъ землѣ свою тайну, выросла былинка. Къ осени былинка засохла. Когда подулъ осенній вѣтеръ, былинка закачалась и, качаясь, начала говорить:

— У правителя Мидаса ослиныя уши!..

И весь народъ узналъ, что у Мидаса ослиныя уши, пересталъ ему поклоняться и считать богомъ.

Эта замѣчательная легенда преслѣдуетъ мое воображеніе. „У правителя Мидаса ослиныя уши!" —поетъ снѣжная русская равнина. Въ лукавой улыбкѣ кучера, которая свѣтитъ сквозь заиндевѣвшую бороду, я тоже читаю эти роковыя слова. Намѣренно-глупое лицо мужика безъ словъ выдаетъ, что весь русскій народъ узналъ секретъ цырюльника и видитъ ясно ослиныя уши Мидаса русской жизни, его абсолютнаго правительства.

Встрепенулось съ гнѣвомъ и страхомъ русское правительство. Кто сообщилъ темному русскому народу про его ослиныя уши?! Куда скрылся негодяй цырюльникъ?!

И вотъ, въ дикой злобѣ, оно ищетъ своими скорострѣльными судами по всей русской землѣ предателя-цырюльника, казнитъ сотни людей, въ надеждѣ, что между ними попадется и коварный цырюльникъ.

А снѣжная русская равнина со смѣхомъ поетъ всякому: „У правителя Мидаса ослиныя уши!"..

А пятнадцать лѣтъ назадъ она совсѣмъ еще объ этомъ не знала.

С. Кондурушкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Первый митингъ.

(Изъ записной книжки).

I.

... Шесть пріятелей были сильно заинтригованы тѣмъ, что собирается имъ сообщить Мэйполъ, онъ же «Боченокъ»; они собрались раньше назначеннаго срока, какъ было условлено, у Джими. И такъ какъ Мэйполъ не приходилъ, то каждый старался заняться, чѣмъ могъ. Круглоголовый Блоаръ, или «Джинджеръ» (Рыжикъ), сосредоточенно пахмуривъ брови, собирался строить желѣзную дорогу. Онъ расчистилъ мѣсто на полу и методически соединялъ отдѣльныя рельсы. Длинноногій, черноволосый Херстъ развалился на диванѣ и весь ушелъ въ чтеніе ярко размалеваннаго юмористическаго журнала «Бездна остроумія». А въ другомъ углу дивана все вниманіе краснощекаго, вихрастаго Спранта захватилъ нумеръ юмористическаго журнала «Пакъ». До журналовъ этихъ англійскіе мальчики такъ же падки, какъ болѣе молодое поколѣніе до ужасныхъ туземныхъ конфектъ, носящихъ выразительное названіе— шотландскіе камни. Въ обоихъ журналахъ изъ недѣли въ недѣлю дѣйствуютъ одни и тѣ же лица, съ которыми случаются разныя приключенія. Въ «Пакъ» это, прежде всего, изобрѣтатель профессоръ Радіумъ, съ густыми бакенбардами, обгорающими каждый разъ при неудачныхъ опытахъ. Радіумъ имѣетъ замѣчательныя идеи, но въ его планахъ всегда что-нибудь не предусмотрѣно. Вотъ почему всѣ изобрѣтенія кончаются очень плачевно для профессора. Затѣмъ, на страницахъ «Пака» систематически выступаютъ: компанія проказливыхъ уличныхъ мальчишекъ «Кэйзи Коортъ», молодые люди Ньюливэдъ и необыкновенно хитрый попугай Полли. Дѣянія всѣхъ этихъ героевъ грубоваты; остроумныя «инструкціи» состоятъ, прежде всего, въ громадной дозѣ увѣсистыхъ затрещинъ; но за то скабрезный элементъ совершенно отсутствуетъ. На него нѣтъ даже намека.

Шустрый, подвижной, какъ ртуть, и рябенькій, какъ воробьиное яйцо, ирландецъ Макъ-Мэйнусъ, или «Мэкки», углубился въ

чтеніе одного изъ тѣхъ альбомовъ, которые такъ охотно подносятъ англичанки дѣтямъ своихъ пріятелей. Альбомъ назывался «Мои взгляды» и имѣлъ цѣлью, какъ вся система воспитанія въ Англіи, пробудить индивидуальность въ мальчикахъ. Иногда Мэкки отрывался отъ альбома и задавалъ вопросъ, касающійся похожденій обычныхъ героевъ на страницахъ юмористическихъ журналовъ.

— Что дѣлаетъ старый Радъ (Радіумъ?)

— Чудитъ!—лаконически отвѣчалъ Херстъ.

Жанъ и Джими играли въ «лорды». Мальчики подняли свои большіе отложные воротнички, отогнули жилеты, достали съ вѣшалки цилиндръ и котелокъ и взяли въ зубы палочки, вмѣсто сигаръ. Жанъ назывался лордомъ «Фидестикъ» (т. е. «Глупцовъ»), а Джими—лордъ Пимпернель.

— Каково ваше мнѣніе о школьномъ биллѣ? — спрашивалъ лордъ Пимпернель.

— У меня, знаете, голова мягкая,—растягивалъ слова лордъ Фидестикъ. — Думать мнѣ вредно. Епископъ мнѣ сказалъ, что билль—ерунда все. Я вотъ на счетъ лошадей... Представьте,—оживился вдругъ лордъ,—такой лошади никто не видалъ.—Мальчики пытаются говорить серьезно, но не выдерживаютъ роли и хохочутъ. Оба они—иностранцы. Жанъ—французъ. Джими — русскій. Собственно говоря, зовутъ его Яша, но такъ какъ англичане не могутъ выговорить это имя, то оно было замѣнено равнозначущимъ «Джими». Что же касается фамиліи, то въ школѣ мальчики съ перваго же момента передѣлали ее въ Skotch Whisky, и она превратилась въ кличку.

Всѣ шесть мальчиковъ въ возрастѣ отъ 10 — 11 лѣтъ и всѣ учатся въ одной и той же старинной школѣ St. Paul's, насчитывающей въ числѣ своихъ бывшихъ воспитанниковъ много великихъ людей, прославившихъ Англію въ разные вѣка. Въ спискѣ этомъ значится геніальный поэтъ и безстрашный борецъ за гражданскую свободу Мильтонъ. Всѣ мальчики учатся въ одномъ подготовительномъ отдѣленіи, въ Colet Court, составляющее первые четыре класса St. Paul's; но не въ однѣхъ и тѣхъ же «формахъ». Въ большихъ англійскихъ Public Schools, т. е. гимназіяхъ, каждый классъ дѣлится на три «формы». Предметы, преподаваемые въ ней, мальчикъ со средними способностями можетъ усвоить въ одинъ «термъ», т. е. въ треть учебнаго года. Каждый термъ, послѣ письменныхъ работъ, мальчики переводятся въ старшую форму. Такимъ образомъ, если мальчикъ проболѣлъ мѣсяцъ,—отсталъ отъ класса, неудовлетворительно выполнилъ письменныя работы на экзаменахъ и остался, то онъ теряетъ не годъ, какъ у насъ, а только три мѣсяца.

Всѣ шесть мальчиковъ не только учатся въ той же школѣ, традиціями которой очень гордятся, но и живутъ всѣ въ Вудстокъ-Паркѣ, въ одномъ изъ лондонскихъ кварталовъ, имѣющемъ свою

собственную физіономію. Въ Вудстокъ-Паркъ, далеко на западный берегъ лондонскаго океана кирпичныхъ домовъ, забрались тѣ, которымъ не приходится регулярно каждый день въ опредѣленный часъ отправляться въ Сити, въ контору или въ банкъ. Вудстокъ-Паркъ представляетъ рядъ улицъ, обстроенныхъ красивыми кирпичными домами, обвитыми плющемъ. Улицы эти не похожи на безконечные закопченные корридоры, которые такъ подавляютъ иностранцевъ въ Лондонѣ. Населеніе, состоящее изъ актеровъ, художниковъ, писателей, пытается наложить и на дома свою собственную индивидуальность. На протяженіи цѣлыхъ улицъ, здѣсь нѣтъ ни одной лавки, ни одного кабака или «Мюзикъ-холла». Это придаетъ Вудстокъ-Парку совсѣмъ деревенскій характеръ. Сюда не заглядываютъ странствующіе уличные религіозные проповѣдники. Армія Спасенія не является съ гикомъ и барабаннымъ боемъ «обстрѣливать діавола»; «капитаны» ея не требуютъ отъ населенія Вудстокъ-Парка, чтобы оно немедленно сдѣлало выборъ между огнемъ вѣчныхъ мукъ и блаженствомъ пребыванія въ раю. Общественные инстинкты у мальчиковъ развиты сильно. Всѣ пріятели живущіе въ Вудстокъ-Паркѣ и учащіеся въ Colet Court, отправляются туда непремѣнно вмѣстѣ. Они собираются къ условленному поѣзду электрической дороги и стараются занять непремѣнно отдѣльный вагонъ. Одно и то же увлеченіе, какъ эпидемія кори, охватываетъ всѣхъ мальчиковъ. Сперва они увлекались моделями машинъ. Тогда всѣ возились съ рельсами, игрушечными шатунами, котлами, зубчатыми колесами. Въ Лондонѣ есть спеціальные магазины, гдѣ можно имѣть отдѣльныя части моделей, изъ которыхъ мальчики потомъ составляютъ различныя машины. И въ эти магазины относился каждый пенни. Конечно, все стараніе мальчиковъ было направлено на то, чтобы устроить такую машину, которая работала бы. Вотъ почему въ этотъ періодъ они постоянно возились съ метиловымъ спиртомъ. И это продолжалось до тѣхъ поръ, покуда въ рукахъ Мэкки взорвался крошечный котелъ, а Рыжикъ обжегъ себѣ все лицо спиртомъ. Тогда на смѣну явилась электрическая манія. Мальчики таскали въ карманахъ электрическіе звонки, лампочки, маленькія сухія батареи и пр. Устроили даже своего рода электрическую сигнализацію при встрѣчѣ другъ съ другомъ. Увлеченія у мальчиковъ были одни и тѣ же; если ихъ раздѣляло что-нибудь во взглядахъ, то только отношеніе къ Оксфорду и Кэмбриджу въ «Боѣ голубыхъ», т. е. въ рѣчныхъ гонкахъ, происходящихъ каждую весну на Темзѣ между студентами старинныхъ университетовъ. «Рыжикъ» и Мэкки были за Оксфордъ и передъ гонками носили темноголубые банты, цвѣтъ университета. Остальные стояли за Кэмбриджъ и отдавали поэтому предпочтеніе свѣтлоголубымъ цвѣтамъ.

Недѣли за три до того, какъ собрались всѣ шесть мальчиковъ, одинъ изъ школьныхъ товарищей ихъ, изъ другого квартала,

явился въ классъ съ предложеніемъ, которое произвело сенсацію. Дѣло шло о поступленіи въ «Лигу не курящихъ». Маленькій агитаторъ подбивалъ товарищей записаться въ Лигу и дать «торжественное обѣщаніе», что до 21 года не будутъ дотрагиваться до табака. Отъ Лиги всѣмъ сочленамъ выдавался значекъ для ношенія на груди и «дипломъ». У мальчиковъ изъ Вудстокъ-Парка проснулось соревнованіе. Имъ тоже захотѣлось имѣть свое собственное «общество»; но никакъ не могли придумать, на чемъ бы остановиться. Наконецъ, Мэйнолъ, который считался авторитетомъ въ вопросахъ политики, такъ какъ отецъ его былъ членъ парламента,—заявилъ, что у него есть планъ и предложилъ пріятелямъ собраться на митингъ.

II.

Мэкки перелистывалъ альбомъ Джими. Тамъ значились такіе вопросы: «Чѣмъ вы хотѣли бы быть?» «Что вы считаете счастьемъ?» «Какія несправедливости вы желали бы устранить изъ жизни?» «Какой вашъ любимый герой въ книгахъ?» «Кто вашъ любимый поэтъ?» и пр. На всѣ эти вопросы Джими добросовѣстно далъ отвѣтъ, какъ только пріятельница преподнесла ему альбомъ. Отвѣты порой могли бы вызвать улыбку своею неожиданностью и смѣсью серьезности съ дѣтской наивностью. Джими писалъ, что желаетъ быть «путешественникомъ», что «счастьемъ» считаетъ «править автомобилемъ» и что желалъ бы уничтожить «бѣдность и смертную казнь». Любимымъ своимъ героемъ въ книгахъ онъ призналъ Жана Белэна *).

— Ну, нѣтъ. Мой герой—Улфъ-Тонъ,—авторитетно заявилъ Мэкки. Какъ ирландецъ, онъ высоко чтилъ революціонеровъ, прославившихся во время возстанія 1798 г. Въ школу разъ онъ явился съ такой пѣсенкой:

„God save our tabby cat,
Feed him on bacon and fat,
God save our cat".

(Боже, храни нашего рябого кота. Корми его саломъ и ветчиной. Боже, храни нашего кота). Это была пародія на національный гимнъ:

„God save our gracious King,
Long live our noble King,
God save the King".

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на континентѣ изъ-за этого подняли бы политическое дѣло, несмотря на то, что «преступнику» шелъ

*) Изъ очень популярной книги де-Брея—„Aventures d'un petit Parisien".

только десятый годъ. Во всякомъ случаѣ, его прогнали бы изъ гимназіи за lèse majesté. Когда директоръ или, какъ мальчики любовно называли его, «Сэми» услыхалъ пѣсенку, онъ сказалъ: «Не говорите глупостей, Мэкъ-Мэйнусъ» и объяснилъ ему, почему пародія неумѣстна. Этимъ дѣло и кончилось.

— Почему курица перелетаетъ *черезъ* рѣку, а не *сквозь* стѣну?—оторвался Спрантъ отъ журнала, въ которомъ только что вычиталъ этотъ вопросъ.

— Потому что она увидала на улицѣ равнаго себѣ по уму Спранта,—сразу отвѣтилъ Мэкки,—и хочетъ скорѣе присоединиться къ нему.

Мэкки просмотрѣлъ альбомъ и искалъ, чѣмъ бы заняться.

— Scotch Whisky, что это за странная буква, похожая на P, которое стало на голову и задрало ногу кверху?—спросилъ онъ, указавъ на заголовокъ русской газеты.

— Это «мягкій знакъ»,—отвѣтилъ Джими.

— Какъ? «смэкъ'изъ нэкъ» (smake his neck, т. е. «тресни его по шеѣ»).

Мэкки отличается способностью быстро находить созвучія и увѣряетъ, что русскій языкъ очень похожъ на англійскій, но только слова имѣютъ другое значеніе.

— Scotch Whisky, какъ сказать по-русски: «I love you?»—любопытствуетъ Мэкки.

— Я люблю васъ.

— *Іелло блу бассъ* (Yellow blue bass, т. е. «желто-синій омнибусъ»). Это совсѣмъ по-англійски. А какъ будетъ «How are you?»

— Какъ ваше здоровье?

— *Уошъ изъ драй* (Wash' is dray, т. е. «бѣлье высохло»).

Можетъ показаться, что у Мэкки вены налиты не кровью, а ртутью. Онъ изобразилъ пріятелямъ «русскую букву *тресни его по шеѣ*», т. е. сталъ на голову и дрыгнулъ одной ногой, затѣмъ прошелся колесомъ и предложилъ Жану и Джими поиграть въ «лягушки» (чехарду). Потомъ онъ взялъ альбомъ и попытался тоже дать отвѣты на всѣ поставленные вопросы. Онъ написалъ: «Хочу быть морякомъ» и остановился. Въ этихъ словахъ онъ вылился весь. У Мэкки предки со стороны матери съ незапамятныхъ временъ шли во флотъ, военный и торговый. Тутъ были адмиралы, капитаны купеческихъ кораблей, лейтенанты. Съ ранняго дѣтства мальчикъ слышалъ въ семьѣ разсказы про бури, кораблекрушенія и сказочные острова въ Тихомъ океанѣ. Съ шести лѣтъ онъ сталъ смотрѣть на карту, какъ на самую интересную картинку, и хорошо для своихъ лѣтъ изучилъ ее. И когда на урокѣ географіи преподаватель задавалъ вопросъ: «Крейсеръ «Безстрашный» отправленъ изъ Соутгэмптона въ кругосвѣтное плаваніе черезъ Магелановъ проливъ и вокругъ Мыса Доброй

Надежды съ инструкціями посѣтить всѣ попутные англійскіе порты; куда зайдетъ корабль?»—то никто изъ мальчугановъ не давалъ такихъ точныхъ и подробныхъ отвѣтовъ, какъ Мэкки. Богатое воображеніе маленькаго кельта рисовало ему яркія картины каждаго мѣста.

— Любопытно, какое общество предложитъ намъ составить Мэйполъ,—сказалъ Блоаръ, ползая на колѣняхъ по полу, гдѣ онъ разложилъ рельсы, поставилъ сигналы, завелъ паровозъ и пустилъ его. Рельсы, очевидно, лежали не совсѣмъ ровно, потому что локомотивъ постоянно терпѣлъ крушеніе и валился на бокъ, какъ будто на казенной русской линіи; колеса не переставали вертѣться, что придавало локомотиву видъ жука, проворно перебирающаго ножками.

— Составилъ литературное общество,—предложилъ Херстъ, не поднимая головы изъ нумера «Бездна остроумія», захватившаго все вниманіе мальчика. Предложеніе явилось, должно быть, по ассоціаціи. «Сонный Люкасъ», съ которымъ еженедѣльно случались какія-нибудь необычайныя приключенія на страницахъ «Бездны Остроумія», видѣлъ на этотъ разъ во снѣ, что его сдѣлали редакторомъ сатирическаго журнала. Но мальчики, не знавшіе ничего про эту ассоціацію идей, были поражены. Предложеніе ошеломило ихъ своею неожиданностью.

— Литературное общество? Чтобы читать стихи вслухъ?—переспросилъ Спрантъ.

— Нѣтъ, чтобы описывать разныя вещи,—развивалъ свою мысль Херстъ.

— Пусть Рыжикъ опишетъ, какъ онъ чиститъ своего «банни» (кролика),—смѣшливо предложилъ Мэкки, намекая на извѣстный всѣмъ пріятелямъ инцидентъ.—Кроликъ этотъ былъ купленъ сообща мѣсяцевъ шесть тому назадъ и торжественно водворенъ у Блоара. Первые два дня мальчикъ усердствовалъ и все чистилъ клѣтку и чашку плѣнника. Затѣмъ разлинеилъ бумагу и тщательно составилъ подробное menu для кролика: «Понедѣльникъ. Утромъ: горсточка овса, два капустныхъ листика. Днемъ: горсточка овсянки, нѣсколько вываренныхъ чайныхъ листьевъ», и пр. Но кроликъ попался на рѣдкость прожорливый и поразительно грязный. Скоро онъ надоѣлъ Блоару и тогда пошли поиски, кому бы можно было сбыть «банни».

— Нѣтъ, ужъ лучше пусть Мэкки составитъ клубъ любезнаго обращенія съ дѣвочками,—огрызнулся Блоаръ.—Раздался хохотъ, и Мэкки покраснѣлъ. Блоаръ намекалъ на одинъ эпизодъ, который въ свое время сильно разсмѣшилъ весь Colet Court. На самомъ концѣ лужка, отведеннаго для игръ, у высокой стѣны стояла гимнастика. Разъ мальчики, въ томъ числѣ Мэкки, взобрались по веревкамъ до самой верхней балки, а затѣмъ усѣлись на нее верхомъ. Съ вершины они могли переглянуть черезъ стѣну. Тамъ

мальчики увидали другой лужокъ, на которомъ нѣсколько дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, играли въ крикетъ. За стѣной оказалась частная женская школа. Мальчики были шокированы тѣмъ, что дѣвочки занимаются «мужскимъ спортомъ».

— Странно,—замѣтилъ Мэкки,—Дѣвочки и крикетъ! Что онѣ смыслятъ въ этой игрѣ?—То было не желаніе оскорбить, но просто мысль, высказанная вслухъ. Но дѣвочки обидѣлись.

— Много понимаютъ мальчишки!—крикнула одна изъ дѣвочекъ, съ распущенными по плечамъ золотистыми волосами.—Грубіяны!

— Это изъ тѣхъ, что вѣчно дерутся!—возразила другая дѣвочка.

— Деремся, но не царапаемся,—отпарировалъ Мэкки.

— Щипаться тоже не умѣемъ,—прибавилъ Спрантъ.

— И за волосы другъ друга не тянемъ. У насъ—честный англійскій боксъ.

— Кошки!

Дѣвочки были задѣты за живое.

— Изъ чего сдѣланъ характеръ у мальчишекъ?—спросила съ убійственнымъ сарказмомъ въ голосѣ дѣвочка съ распущенными волосами.—И тутъ же пропѣла речитативомъ дѣтскую пѣсенку, что характеръ мальчиковъ составленъ изъ—

„Собачьихъ хвостовъ,
Крыльевъ жуковъ
И гадостей всѣхъ".

— У-у-у! дурынды! Кошки короткохвостыя! Долговолосыя обезьяны! Трусихи! Доносчицы!—затянули обидѣвшіеся мальчики съ верхней балки.

— Буяны! Головастики! Раздавленныя мухи!—отвѣчали дѣвочки. «Раздавленныя мухи»,—кличка, намекавшая на парадный костюмъ воспитанниковъ англійскихъ среднихъ школъ, на коротенькую черную курточку, похожую на фракъ съ отрѣзанными фалдочками.

— Вотъ вамъ носъ за это!—крикнули мальчики и изобразили изъ пальцевъ обѣихъ рукъ длиннѣйшіе носы. Два мальчика стояли внизу у гимнастики. Они не видали дѣвочекъ, но тоже сочли необходимымъ поддержать товарищей и поэтому тоже сложили «носы».

— Это что такое!—раздался знакомый, густой басъ.—Мальчики, слѣзьте!

Дѣти такъ увлеклись, что не замѣтили, какъ подошелъ «Сэми».

— Идемте за мной,—продолжалъ директоръ.—У себя въ кабинетѣ Сэми спокойно объяснилъ мальчикамъ, что такъ вести себя по отношенію къ лэди стыдно для джентельмэна. Онъ долженъ всегда помнить правило: «ladies first», первое мѣсто женщинѣ. Съ тѣхъ

поръ, какъ Англія живетъ сознательной жизнью, это правило неукоснительно врѣзано въ сознаніи каждаго истиннаго джентельмэна. Въ рекреаціонной залѣ на стѣнѣ, рядомъ съ портретомъ великаго Мильтона, учившагося когда-то въ этой же школѣ, виситъ портретъ другого воспитанника Colet Court, мичмана Келли. Во время гибели корабля «Роялъ Джорджъ», продержавшагося послѣ пробоины 15 минутъ, Келли помогъ спасти всѣхъ женщинъ, а самъ остался на палубѣ и, съ остальными мужчинами, утонулъ.

— Сэръ, да развѣ за стѣной лэди! — замѣтилъ Мэкки.—Это дѣвчонки. Если бы онѣ только могли достать насъ, то, навѣрное, выцарапали бы намъ глаза. Зачѣмъ только дѣвчонки существуютъ?

Легкая улыбка скользнула по губамъ Сэми. Лѣтъ черезъ пять эта первородная вражда половъ должна была смѣниться у мальчиковъ другимъ чувствомъ.

— Кто изъ васъ сильнѣе? Вы или дѣвочки?—спросилъ Сэми.

— Конечно, мы,—отвѣтили мальчики.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Разумѣется.

— А если такъ, то какъ же вы дразнили ихъ, зная, что вы сильнѣе? Тотъ, кто держится вызывающе по отношенію къ болѣе слабымъ—не джентельмэнъ, а «bully» (забіяка). Ступайте.

Такъ кончился инцидентъ съ сидѣніемъ на перекладинѣ гимнастики.

III.

Пришелъ еще одинъ мальчикъ, старый пріятель Джими, но не товарищъ его по школѣ.

— Мой другъ Джони,—отрекомендовалъ его Джими.

Джони—прачкинъ сынъ. Сестра его Джесси служитъ горничной у матери Джими. Читатели представятъ себѣ тутъ дикаго, смотрящаго исподлобья мальчика, плохо одѣтаго, запуганнаго и какъ разъ не угадаютъ. Джони—красивый, сильный, пропорціонально сложенный мальчикъ съ прямо глядящими выразительными глазами. Одѣтъ онъ хорошо и чисто. Онъ на четыре года старше Джими и въ этомъ году кончаетъ городское училище. Онъ хорошо грамотенъ и даже немножко играетъ на піанино. «Прачкинъ сынъ и братъ горничной и вдругъ музыкантъ!»—воскликнутъ сторонники теоріи о кухаркиномъ сынѣ и о томъ, что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ! Держится Джони независимо, спокойно, какъ равный.

Джими познакомился съ Джони четыре года тому назадъ, когда тотъ принесъ разъ въ пятницу на плечахъ громадную корзину съ бѣльемъ. Джими крикнулъ тогда: «тамъ мальчикъ» и сейчасъ же помчался въ кухню знакомиться съ нимъ. Съ тѣхъ поръ у мальчиковъ большая дружба, хотя въ характерахъ ихъ много особенно-

стей, заложенныхъ и націей, и возрастомъ, и сферой. Джони, напримѣръ, увѣренъ въ своихъ движеніяхъ, смѣлъ и съ пяти лѣтъ всюду ходитъ по улицѣ одинъ. До тѣхъ поръ, покуда Джими поступилъ въ Colet Court, мальчика не выпускали за порогъ, такъ какъ трепетали, что его вотъ, вотъ переѣдутъ. И теперь еще, впрочемъ, когда Джими опоздаетъ на пять минутъ изъ школы, а на улицѣ мальчишки поднимутъ шумъ, завидѣвъ солдата, мать мчится безъ души съ верхняго этажа въ нижній, такъ какъ убѣждена, что навѣрно случилось несчастье съ ея мальчикомъ. До тѣхъ поръ, покуда Джони поступилъ въ школу, которая выравняла его и внушила смѣлость,—отецъ на улицѣ держалъ его всегда за руку, вѣроятно, изъ опасенія, что вотъ-вотъ подуетъ вѣтеръ и унесетъ мальчика прямо подъ колеса трамвая или автомобиля.

Джони—настоящій бычекъ, съ широкой, крѣпкой грудью и такими же плечами. Щеки у него круглыя, какъ яблони. Джими—вытянулся, какъ хворостинка, лицо у него нервное и тонкое. Только школа, «футболъ», крикетъ и гимнастика навели на щеки румянецъ. Школа же научила его владѣть нервами. А то прежде, когда онъ бывалъ возбужденъ, въ голосѣ его, какъ у всѣхъ нервныхъ дѣтей, сейчасъ же чувствовалась дрожь. Джони же, кажется, не знаетъ даже, что такое нервы и что такое слезы. Джими гораздо моложе Джони и неизмѣримо больше развитъ. Когда Джими было только шесть лѣтъ, онъ много читалъ уже и разсказывалъ Джони про охоты на львовъ, про моржей и про индѣйцевъ, хотя былъ нѣсколько не твердъ въ географіи. Такъ, онъ все не могъ уяснить себѣ тогда: находится ли Петербургъ въ Россіи, или, наоборотъ, Россія въ Петербургѣ. Въ головѣ Джими въ то время происходило нѣчто подобное, какъ у старыхъ итальянскихъ художниковъ XIII и XIV вѣковъ. Они, конечно, были очень хорошіе наблюдатели, но никакъ не могли справиться съ перспективой. Отъ этого у нихъ всегда въ картинахъ люди на первомъ планѣ и деревья и стада вдали—вырисованы съ одинаковой отчетливостью и одинаковой величины. Джими въ то время тоже не справился еще съ перспективой, хотя уже зачитывался «Aventures d'un petit Parisien». Приключенія маленькаго Жана изъ этой книжки Джими выучилъ почти наизусть, хотя, въ силу отсутствія географической перспективы, въ душѣ тогда полагалъ, что Африка, у береговъ которой герой потерпѣлъ крушеніе, лежитъ гдѣ-нибудь подъ Лондономъ. За то, если бы прикинуть ту мѣрку человѣческой цѣнности, о которой говоритъ Самюэль Лэнгъ въ своей интересной и глубоко англійской книгѣ «Problems of the Future», то подъ нее безусловно подошелъ бы Джони, а Джими остался бы за флагомъ.

«Человѣкъ никогда не знаетъ, чего онъ стоитъ,—говоритъ Лэнгъ,—покуда не помѣрился со своими ближними въ честной работѣ. Я знавалъ много людей, которые сами себя считали crême de la crême, избранными существами и которые, вслѣдствіе этого,

глядѣли свысока на «пошляковъ» и «бездарностей». А между тѣмъ, эти высшія существа не стоили двадцати шиллинговъ въ недѣлю. Они умѣли править лошадьми, но не настолько, чтобы быть кучерами. Они умѣли стрѣлять, но не знали природы хотя бы настолько, чтобы служить лѣснымъ сторожемъ. Отнимите у такихъ людей все то, что даетъ имъ титулъ и богатства, перенесите ихъ въ Сидней или Мельбурнъ и оставьте ихъ на улицѣ безъ денегъ. Чѣмъ они будутъ зарабатывать средства къ жизни? Быть можетъ, станутъ лакеями въ плохомъ ресторанѣ. Можно ли сравнивать ихъ съ такими людьми, которые сознаютъ свою дѣйствительную независимость, т. е. знаютъ, что куда судьба ихъ не заброситъ, ихъ мускулы и умъ имѣютъ всюду одинаковую цѣнность»?

— Ну что?—спросилъ Джими своего пріятеля, когда представилъ его.

— Ѣдемъ.

— Когда?

— Со слѣдующимъ пароходомъ.

Въ судьбѣ Джони должна скоро произойти большая перемѣна.

Первыя воспоминанія Джони про то, какъ онъ въ красномъ фригійскомъ колпачкѣ, вмѣстѣ съ другими дѣтьми въ такихъ же колпачкахъ, принималъ участіе въ громадной демонстраціи. Джони помнитъ майское солнце, молодую лопушистую зелень на каштанахъ, громадную толпу стройно марширующихъ людей, развѣвающіяся знамена и десятки оркестровъ. Трубили трубы, пищали дудки, трещали барабаны... За знаменами катились фургоны, убранные зеленью и краснымъ кумачемъ. Въ фургонахъ сидѣли дѣти въ фригійскихъ колпачкахъ. Джони смотрѣлъ все на своего отца, который шелъ рядомъ съ фургономъ и, вмѣстѣ со столяромъ мистеромъ Дефильдомъ, несъ громадную яркую хоругвь съ надписью: «Врозь—погибнемъ, вмѣстѣ—побѣдимъ»! Въ паркѣ стояли разряженные джентльмэны и нарядныя лэди и смотрѣли на процессію. Помнитъ еще Джони, что въ тотъ день отецъ его говорилъ, что манифестація удалась, какъ никогда.

— Это и хорошо!—отвѣтилъ мистеръ Дефильдъ. — Теперь министерство пойметъ, что британскій работникъ проснулся уже.

Воспоминанія о майскихъ демонстраціяхъ да еще о поѣздкахъ въ началѣ августа каждаго года, въ день Bank-holiday на берегъ моря въ Клактонъ являются у Джони яркими лентами, вплетенными въ сѣрую ткань повседневной жизни, когда мальчикъ слышалъ только о рессорахъ, экипажныхъ ручкахъ, каретныхъ подножкахъ и винтахъ съ никкелевыми головками. Отецъ Джони съ ранней молодости готовитъ части кареты на громадной фабрикѣ, снабжающей вотъ уже два вѣка экипажами всю элегантную Англію. Дѣдушка Джони работалъ на той же фабрикѣ. Что же касается прадѣда, то самое существованіе его было облечено туманомъ. Отецъ Джони зналъ только, что у него былъ дѣдушка и гдѣ-то работалъ.

Смутныя семейныя преданія прибавляли, что дѣдушка въ молодости служилъ въ солдатахъ въ Индіи, носилъ красную куртку и клѣтчатую юбку. Основываясь на этомъ, мистеръ Фьюстеръ, отецъ Джони, заключалъ, что его предки, должно быть, явились изъ Шотландіи.

Двѣсти лѣтъ работала громадная фабрика. Два вѣка цѣлыя поколѣнія людей ладили изо дня въ день всю жизнь рессоры, замки, колеса, подножки для каретъ, въ которыхъ будутъ ѣздить другіе. Но вотъ громадной фабрикѣ былъ нанесенъ страшный ударъ: изобрѣли автомобиль. Кареты стали выходить изъ моды. Фабрика пошатнулась. Сперва она сократила число «рукъ»: вмѣсто двухъ тысячъ работниковъ она стала держать только тысячу, потомъ восемьсотъ, пятьсотъ. Затѣмъ на работѣ остались только старые, опытные и искусные работники. Но, наконецъ, передъ самымъ Рождествомъ дирекція заявила и имъ, что съ новаго года останутся только 100 человѣкъ, при томъ на уменьшенномъ жалованіи. Тяжело въ 55 лѣтъ искать новый заработокъ; но отецъ Джони—англичанинъ. Онъ списался со старыми друзьями. И вотъ пришло письмо отъ одного изъ нихъ. Въ портѣ Елизаветы, въ Южной Африкѣ, возникла громадная каретная фабрика, которая будетъ снабжать экипажами всѣ колоніи. Тамъ понадобились хорошіе, опытные работники. Мистеръ Фьюстеръ, отецъ Джони, поговорилъ сперва съ женой, затѣмъ собралъ на совѣтъ всѣхъ дочерей, мужей ихъ и «молодыхъ людей», т. е. жениховъ и, обсудивъ все, принялъ такое рѣшеніе: слѣдуетъ переселиться всѣмъ въ портъ Елизаветы. Для мистера Фьюстера эмиграція «на край свѣта» представлялась чѣмъ-то очень простымъ. Онъ все взвѣсилъ, все предусмотрѣлъ и зналъ, что его ждетъ. Вѣсть про переселеніе привела въ восторгъ Джони. Для него эмиграція означала прежде всего плаванье, затѣмъ рядъ приключеній, въ которыхъ первое мѣсто отводилось львамъ и бэчуанамъ. Джони теперь можетъ думать только про охоту, про жизнь на золотыхъ пріискахъ, про большіе лѣса и безграничныя степи. Сила, находящаяся въ потенціалѣ, готова проявиться въ новой обстановкѣ, допускающей размахъ. Самъ того не сознавая, Джони ѣдетъ въ далекую колонію съ великой миссіей. Созидая собственное счастье, онъ пересадитъ въ Южной Африкѣ ростокъ отъ крѣпкаго дерева. На далекой окраинѣ возникаетъ свободное, сильное, энергичное и молодое общество, которое явиться преемникомъ старой Англіи...

— Такъ вы уѣзжаете со слѣдующимъ пароходомъ?—переспросилъ Джими.—Портъ Елизаветы—не далеко отъ того мѣста, гдѣ потерпѣли крушеніе Жанъ, Викторъ, Фортюнэ и лѣнтяй Ландри.

Джими вспомнилъ маленькихъ героевъ изъ любимой книжки «Aventures d'un petit Parisien», содержаніе которой разсказалъ своему пріятелю Джони.

IV.

Явился, наконецъ, «докладчикъ», маленькій, круглый, какъ шаръ, Мэйполъ, фамилія котораго совершенно не соотвѣтствовала внѣшности (Maypole—долговязъ). Мэйполъ съ необыкновенно дѣловитымъ видомъ держалъ подъ мышкой пачку какихъ-то брошюрокъ, перевязанныхъ веревочкой.

— Трижды ура за нашего «Боченка»,—крикнулъ Мэкки!

— Boys—вотъ загадка: почему Мэйполъ не поэтъ?—спросилъ Блоаръ.

На загадку никто не отвѣтилъ.

— Потому что онъ не Long fellow (долговязый), — отвѣтилъ Блоаръ.

— Глупо, Джинджеръ!—крикнулъ Мэкки.

— Ну, Хэрстъ, оставь въ покоѣ *Сонпаго Люкаса*. Пусть спитъ! Бросай журналъ. Будемъ слушать, — предложилъ Спрантъ. Но въ это время зазвонилъ гонгъ, призывавшій мальчиковъ къ чаю. Началось усиленное поглощеніе кусковъ хлѣба съ масломъ и кэковъ, на какое только способенъ громадный аппетитъ здоровыхъ мальчиковъ, не знающихъ переутомленія, и у которыхъ желудокъ работаетъ, какъ у страуса.

— «Еще корочку, прежде чѣмъ лопну», какъ сказалъ мальчикъ, выпившій восемнадцать чашекъ чая,—пропѣлъ речитативомъ Мэкки.

— Разъ мальчика, съѣвшаго 12 ломтей хлѣба съ масломъ и десять кэковъ, спрашиваютъ: почему вы не ѣдите больше?

— Я могу ѣсть,—жалобно извѣстилъ мальчикъ, — но не могу больше глотать.

Раздался хохотъ.

— Рыжикъ, еще хлѣба съ масломъ,—угощалъ Джими.

— Mercy, Scotch Whisky, — произнесъ Блоаръ на англійскій ладъ французское слово (*Mercy*—значитъ «пощада»).

— О, да, пощада нужна послѣ основательной ѣды.

— Мэйполъ, какъ будетъ по-нѣмецки «спасибо»? — спросилъ Мэкки.

— Danke schön.

— Какъ, *Dankey shaves you* (т. е. оселъ тебя брѣетъ)?—Мальчики захохотали.

Когда съ чаемъ было покончено, начался митингъ.

— Нужно избрать предсѣдателя,—дѣловито предложилъ Мэйполъ.

— Да пусть Мэйполъ и будетъ!—раздались голоса.

— Отецъ разсказывалъ,—сообщилъ своему сосѣду Джими,—къ

нимъ домой, когда онъ былъ мальчикомъ, приходилъ учитель. То было въ Россіи.

— Зачѣмъ?—удивился сосѣдъ.

— Чтобы посмотрѣть, не собираются ли другіе мальчики и не читаютъ ли разныя книжки. Дадъ (отецъ) разсказывалъ, учитель рылся всюду.

— Вотъ чудеса! Представь себѣ, нашъ «Скинни» пришелъ бы къ намъ домой, чтобы рыться въ книжкахъ!

Предположеніе показалось до такой степени нелѣпымъ, что мальчики расхохотались.

— Отецъ разсказывалъ,—началъ Рыжикъ,—когда онъ былъ студентомъ въ Кэмбриджѣ, къ нимъ разъ забрелъ въ залъ, гдѣ собрались студенты, пьяный «бобби». Чтобы научить его, что въ помѣщеніе англичанина полиція не должна входить безъ постановленія суда, студенты надѣли «бобби» юбку, старый чепецъ и въ такомъ видѣ спустили его на простыняхъ изъ верхняго этажа на улицу.

— А почему отецъ мальчика не прогонитъ у васъ учителя, который приходитъ рыться въ книгахъ?—полюбопытствовалъ Спрантъ.

— Дадъ говоритъ, что мальчика тогда прогнали бы изъ школы.

— Не хотѣлъ бы я учиться въ Россіи!

— А правда, Скотчъ Унски, что у васъ полиція сажаетъ въ тюрьму школьниковъ?

— А правда, что въ Россіи за политическія преступленія отправляютъ въ ссылку двѣнадцати-лѣтнихъ мальчиковъ?

— Правда, что полиція пытаетъ? — Мальчики повторяли, конечно, вопросы, которые слышали постоянно дома.

— Да, правда.

— Rotten government! (гнилая форма правленія)!—авторитетно отрѣзалъ Рыжикъ. Предсѣдатель призвалъ «джентельмэновъ» къ порядку.

— Господа, — началъ дѣловито предсѣдатель, — я хочу вамъ предложить проектъ одного общества. Не найдете ли возможнымъ устроить отдѣлъ «національнаго общества предупрежденія жестокости съ дѣтьми»?

— Именно то общество, которое намъ больше всего нужно!—вскочилъ Джими.—У насъ существуетъ въ школѣ fagging; маленькіе мальчики и новички попадаютъ на посылки къ старшимъ и болѣе сильнымъ мальчикамъ. Я недавно читалъ про fagging въ Гарро *). Тамъ есть «фэги» тройнаго вида: «ночные», «дневные» и «застольные». «Ночной» фэгъ обязанъ явиться на колокольчикъ старшаго воспитанника послѣ того, какъ приготовленіе уроковъ вечеромъ кончилось. «Дневной» фэгъ служитъ на посылкахъ днемъ. Онъ бѣгаетъ въ лавочку для своего «хозяина», на почту. Шестая

*) Одна изъ двухъ самыхъ аристократическихъ школъ въ Англіи.

форма (старшій классъ) завтракаетъ у себя въ комнатахъ. И фэги накрываютъ столъ, кипятятъ чайники, убираютъ и моютъ посуду. Если фэгъ плохо служитъ, «хозяинъ» его сѣчетъ. Въ «Windsor Magazine» бывшій фэгъ разсказываетъ, что онъ плохо служилъ, и хозяинъ его изъ шестой формы рѣшилъ высѣчь его. Фэгъ напихалъ въ штаны носовые платки и чулки, чтобы не больно было; но набилъ слишкомъ много, такъ что «хозяинъ» замѣтилъ и побилъ еще сильнѣе. Boys,—продолжалъ Джими,—стуча, какъ настоящій ораторъ, кулачкомъ по ладони. — У насъ въ Colet Court и въ St. Paul's нѣтъ «застольныхъ» фэговъ, нѣтъ сѣченій; но фэги у насъ есть. Мы, мальчики, младшихъ классовъ должны протестовать противъ этого. Составимъ общество борьбы. Мы—въ свободной странѣ, и мальчики старшаго класса не имѣютъ права отправлять насъ на посылки. Въ журналѣ говорятъ, что лордамъ, которые учатся въ Гарро и въ Итонѣ, необходимо выучиться подчиненію. Вотъ почему полезно, чтобы они были фэгами, когда поступаютъ въ школу. Можетъ быть, лорду полезно, когда его высѣкутъ; но мы—не лорды. Мы не хотимъ фэговъ!

— Трижды ура за Скотчъ-Уиски!—крикнулъ Рыжикъ.—Не хотимъ фэговъ.

— Ораторъ не выслушалъ до конца мое предложеніе, вотъ почему у него составилось ошибочное представленіе, — дѣловито началъ предсѣдатель.—Я прочту вамъ одну брошюрку, и вы поймете мою мысль. — Мэйполъ досталъ маленькій листокъ, на которомъ изображены были три «рагамафинса», т. е. типичные лондонскіе уличные мальчики, оборванные, съ старческими лицами. «Вотъ три мальчика,—значилось въ текстѣ подъ картинкой,—которымъ приходится очень круто, когда проходитъ лѣто и наступаетъ зима со всѣми страданіями. У мальчиковъ этихъ нѣтъ дома. Имъ приходится выпрашивать кусокъ хлѣба. Отъ нѣкоторыхъ дверей ихъ прогоняютъ. Спятъ они, гдѣ приходится. Они никогда не знали, что такое счастье, но за то имъ хорошо извѣстны холодъ и голодъ. Вы сами никогда не испытывали, что такое настоящій голодъ; вы не дрожали отъ холода ночью, подъ аркой моста или въ пустой корзинѣ, у стѣнъ Ковентгарденскаго рынка. Вы не знаете, что значитъ быть безъ друзей, когда каждый прогоняетъ васъ, какъ надоѣдливое насѣкомое. Вамъ не грозятъ полисмэномъ или тюрьмой. Вотъ почему вы счастливы.

«Но эти три мальчика могли бы быть такъ же счастливы, какъ и вы, если бы имѣли свой родной уголъ, жили бы среди друзей и были бы любимы. Все это возможно осуществить. Необходимо только добрымъ людямъ сгрудиться вмѣстѣ. Все еще—мальчикъ. Сами вы не въ силахъ помочь; но вы можете присоединиться къ обществу, которое можетъ сдѣлать многое. Это общество имѣетъ отдѣленія, члены которыхъ—маленькіе мальчики».

Наступило молчаніе.

— Бѣдности не должно быть,—началъ, наконецъ, Джими,—но милостыней помочь нельзя. Если всѣхъ «рагамафинсъ» будутъ собирать полисмэны и запирать куда-нибудь, то они не сдѣлаются счастливѣе. «Рагамафинсъ» захотятъ лучше ночевать подъ мостомъ, чѣмъ въ комнатѣ, которую запретъ на ключъ «бобби».

— Общество, о которомъ говорится въ листкѣ, совсѣмъ не думаетъ запирать «рагамафинсъ»,—снисходительно началъ Мэйполъ.—Оно желаетъ превратить всѣхъ уличныхъ дѣтей въ настоящихъ англичанъ. Въ 14 лѣтъ мальчикамъ, если они хотятъ, помогаютъ переселиться въ Канаду. Тамъ даютъ землю. Потомъ мальчики, если захотятъ, могутъ стать «каубоями» (пастухами на большихъ фермахъ).

«Каубой» — идеалъ счастья для англійскаго мальчика въ возрастѣ отъ 8—12 лѣтъ, какъ «пріискатель» для мальчиковъ болѣе старшаго возраста. «Каубой» въ воображеніи маленькаго англичанина рисуется такимъ, какимъ онъ изображенъ въ «книжкахъ съ приключеніями», любимомъ чтеніи его. «Каубой»—въ широкополой шляпѣ, въ красной блузѣ, съ небрежно завязаннымъ платкомъ, вмѣсто галстуха, съ револьверомъ за поясомъ, въ высокихъ сапогахъ съ большими шпорами, съ винтовкой за плечами, мчится на конѣ по безграничной степи, свободный, какъ вѣтеръ. Среди австралійскихъ и ново-зеландскихъ «каубоевъ» можно встрѣтить людей съ порядочнымъ и даже очень хорошимъ образованіемъ, принадлежащихъ къ зажиточнымъ, а иногда и титулованнымъ англійскимъ семьямъ. Иные изъ этихъ молодыхъ людей отправлены въ пустыню, чтобы о нихъ забыли. Это въ томъ случаѣ, если семья желаетъ избавиться отъ буйнаго отпрыска, опозорившаго себя участіемъ въ громкомъ скандалѣ. Иные молодые люди отправились по доброй волѣ, изъ любви къ просторной жизни. Это иногда младшіе сыновья, которымъ самимъ нужно пробить себѣ дорогу. Они служатъ года три-четыре «каубоями», изучаютъ хорошо дѣло и потомъ сами становятся владѣльцами ранчей, т. е. скотопромышленниками и овцеводами.

Вотъ почему перспектива, нарисованная Мэйполомъ, именно, что «рагамафинсъ» могутъ стать «каубоями»—ослѣпила даже скептика Джими. Принципіально вопросъ былъ рѣшенъ, оставались только соображенія тактическаго свойства.

— Что мы можемъ сдѣлать?—спросилъ Херстъ.

— А вотъ что,—отвѣтилъ Мэйполъ.—Мы хотѣли присоединиться къ «Лигѣ жалости»; въ ней могутъ участвовать мальчики не старше пятнадцати лѣтъ. Мы составимъ «отдѣленіе» Лиги. Для того, чтобы пріютить бездомныхъ дѣтей и чтобы помочь имъ переправиться въ Канаду или поступить на службу, — нужны деньги. Изъ пенсовъ составляются шиллинги, а изъ шиллинговъ — фунты. Мы будемъ собирать эти пенсы.

— Какимъ образомъ?—полюбопытствовалъ Мэкки.—Развѣ попросить Рыжика, чтобы онъ показывалъ своего кролика?

— А тамъ увидимъ. Намъ пришлютъ такія карты, на которыхъ мы будемъ отмѣчать каждый собранный пенни. Итакъ, вы согласны?

— Да, да, согласны! — крикнули всѣ. И «отдѣленіе» образовалось. Митингъ этотъ—

„Первый младенческій крикъ въ человѣкѣ родившейся мысли,
Слово потребъ вопіющихъ, потребъ безконечнаго духа“.

Это—первое пробужденіе въ маленькихъ англичанахъ гражданскаго чувства и первое сознаніе, что всякій вопросъ долженъ быть разрѣшенъ грудно, путемъ соглашенія свободныхъ людей. Во второмъ отдѣленіи школы, въ St. Paul's, куда мальчики переходятъ въ возрастѣ 14 лѣтъ, отвѣтъ на пробудившееся гражданское самосознаніе участники описаннаго митинга найдутъ въ «парламентѣ». Это—своеобразное учрежденіе, имѣющееся при каждой большой англійской «public-school» (гимназія, по нашему). Мальчики раздѣляются тамъ на консерваторовъ и радикаловъ, выбираютъ «министровъ» и спикеровъ. Въ «парламентѣ» критикуютъ дѣятельность британскаго правительства и вносятся билли, которые тщательно обсуждаются. Въ школѣ есть консерваторы; но это не шайки молодыхъ хулигановъ, которыми пользуются старые хулиганы въ жандармскихъ мундирахъ и въ штатскихъ сюртукахъ. Это—не добровольные шпіоны, не громилы, избивающіе на улицахъ женщинъ, какъ дѣлаютъ, напр., гимназисты-«союзники» въ Одессѣ. Это, прежде всего, маленькіе *джентельмэны*, умѣющіе уважать чужую личность и чужое мнѣніе. Англійскіе мальчики не вмѣшиваются въ текущую политическую жизнь внѣ стѣнъ школы не потому, что они болѣе «дисциплинированы», чѣмъ наши гимназисты, а въ силу полной увѣренности, что политическая машина построена правильно и работаетъ хорошо. Въ Англіи не происходитъ ужасовъ, заставляющихъ камни вопіять, не то что биться негодованіемъ сердца подростковъ. Мальчики здѣсь знаютъ, что «время терпитъ» и можно съ спокойной совѣстью ждать и готовиться къ будущей дѣятельности. Въ англійской школѣ преподаватели и директоры пользуются авторитетомъ; но это потому, что они дѣйствительно *воспитатели*, а не полицейскіе агенты. Въ Англіи нѣтъ преподавателей, ошибшихся вѣдомствомъ, какъ у насъ: имъ слѣдовало бы быть надзирателями въ арестантскихъ ротахъ, а они надѣли вицъ-мундиры вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Англійскіе воспитатели пользуются моральнымъ авторитетомъ потому, что не берутъ на себя позорной роли насажденія въ школѣ взглядовъ, угодныхъ начальству. Дѣйствительность не опровергаетъ словъ англійскаго учителя на каждомъ шагу. Когда онъ внушаетъ мальчикамъ основныя правила законности: «всѣ люди равны передъ закономъ; всѣ считаются не виновными, покуда судъ присяжныхъ не признаетъ преступленія; всѣ суды открыты; никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ»; когда учитель внушаетъ это, ученикъ не мо-

жетъ задать вопросъ: «почему же, въ такомъ случаѣ, правительственный агентъ, печатающій тайныя воззванія съ призывомъ къ убійствамъ, получаетъ награды, а бывшій депутатъ, раздающій книжки, не угодныя начальству, въ которыхъ, однако, нѣтъ ничего революціоннаго, отправляется въ тюрьму на два года? Почему существуютъ ссылки и даже казни безъ суда равныхъ, т. е. единственно законнаго суда? И наши охранники и жандармы въ вицъ-мундирахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія жалуются еще на «одичаніе» школы!

Sh.

---

* * *

Въ огнѣ зари бушуетъ море...
Порыва грознаго полна,
На окровавленномъ просторѣ
Встаетъ и падаетъ волна.

И, точно реквіемъ суровый,
Звучатъ раскаты бури злой...
И день встаетъ, какъ призракъ новый,
Окутанный багровой мглой!

Н. Шрейтеръ.

КЪ ТИХОМУ ПРИСТАНИЩУ *).

I.

Мы подошли къ монастырскимъ воротамъ. Гурей перекрестился и поклонился въ землю... Гультикъ, глядя на него, сдѣлалъ то же.

Надъ воротами былъ нарисованъ, сидящій въ какомъ-то старинномъ креслѣ, Христосъ... Надъ головою Христа были изображены дѣтскія головки съ крыльями, а по бокамъ справа и слѣва—святые угодники...

Надъ аркой воротъ, по бѣлому фону черными славянскими буквами, была надпись: „Приходящаго ко мнѣ не иждену вонъ"...

Около воротъ, на табуреткѣ сидѣлъ „старецъ"... Передъ нимъ стоялъ столикъ, а на столикѣ икона и оловянное блюдце, на которое богомольцы клали, кто сколько могъ...

Старецъ былъ одѣтъ въ крытый „казинетомъ" полушубокъ, а на головѣ у него былъ высокій теплый клобукъ съ наушниками. Старецъ дремалъ... можно было подумать, что онъ умеръ, и что это не человѣкъ, а какое-то чучело, изображающее человѣческую фигуру.

Гурей досталъ засаленный, похожій на кисетъ, кожаный „кошель", развязалъ тесемку, порылся и, доставъ монету, перекрестился и брякнулъ ею по блюдцу... Старецъ очнулся... Онъ посмотрѣлъ на насъ мутными, точно налитыми водой изъ грязной колеи глазами и хрипло прошамкалъ:

— Спаси Христосъ...

Помолчавъ немного и видя, что мы не отходимъ, онъ задалъ вопросъ:

— Помолиться, рабы Божіи...

— Да, отецъ,—отвѣтилъ Гурей,—къ преподобному...

*) Настоящіе очерки стоятъ въ прямой связи съ появившимися ранѣе очерками подъ тѣмъ же заглавіемъ (см. „Р. Б." 1905 г., № 11—12). Ред.

— Доброе дѣло... Чьи сами-то?..

— Дальніе...

— Пѣши?..

— Да ужъ извѣстно, не на лошадяхъ,—усмѣхнувшись, отвѣтилъ Гурей.—На своей парѣ, отецъ... Гдѣ намъ! Мы забыли, какъ лошадь-то въ оглобли вводить...

— Доброе дѣло,—опять повторилъ старецъ.—Пѣшкомъ-то складнѣе... преподобный любитъ такихъ-то... гости это у него... Да, потрудились... помолитесь... зачтется...

— Куда-жъ намъ теперь, отецъ... то ись насчетъ ночлега... приткнуться-то гдѣ бы?..

— А на странню!.. На странню идите... тамотко задаромъ... Ну, а коли есть усердіе заплатить—въ гостиницу. Таматко чистота... По дешевому тарифу можно... по десять монетъ съ человѣка...

— Ну, гдѣ ужъ намъ платить!—воскликнулъ Гурей:— чудишь, отецъ... Мы ужъ на странню... не велики, чай, господа...

— Ну, такъ, такъ, такъ.. Спаси Христосъ... идите съ Господомъ... Ступайте, вонъ въ ворота. Пройдете монастыремъ, увидите таматко другія ворота. Пройдете ихъ, спуститесь подъ горку,—таматко и страння... увидите...

Сказавъ это, старецъ завернулся въ шубу и принялъ прежнюю позу, показывая этимъ, что больше разговаривать не намѣренъ...

II.

„Страння“, куда пришли мы, по совѣту старца, была маленькая, подвальная, загаженная, полутемная каморка... Всю эту каморку, налѣво отъ входной двери, занимали покатыя нары, а направо, около сырой липкой стѣны, былъ узкій проходъ съ одного конца камеры до другого. Ни скамеекъ, ни стола не было. Уголъ большой вымазанной известкой печки выходилъ въ странню, согрѣвая ее. Топка находилась за стѣной, гдѣ-то въ другомъ помѣщеніи.

На стѣнѣ печки, почти подъ потолкомъ, по бѣлому фону, было нацарапано углемъ: „берегите сумки“, а пониже, карандашемъ, различнаго рода изреченія довольно игриваго содержанія и такъ называемыя „памятки“, напримѣръ: „22-го марта былъ здѣся и ночевалъ Витя Колобашкинъ. Отъ роду ему 24 года, 5 мѣсяцевъ, 4 дня. Изъ духовныхъ. Занятіе: „выхожу одинъ я на дорогу“.—Или: „Друзьямъ поклонъ!!! Петька Мухинъ“...

Сквозь два небольшихъ оконца, съ замерзшими стеклами,

тускло и скупо проникалъ на страницу какой-то сѣрый свѣтъ и, вмѣстѣ съ тяжелымъ прокислымъ запахомъ никогда не провѣтриваемаго и каждую ночь набитаго людьми помѣщенія, придавалъ послѣднему отвратительный видъ.

Народу, когда мы пришли, было мало: только три человѣка. Всѣ, за неимѣніемъ другого мѣста, расположились на нарахъ. Молодой, худощавый парень съ охапкой черныхъ перепутанныхъ волосъ на головѣ и съ распухшей щекой, лежалъ на боку, лицомъ къ двери, и стоналъ. У него, какъ оказалось, нарывалъ „флюсъ"... Злобными, большими глазами онъ слѣдилъ за нами, оглядывая то одного, то другого... Нашъ приходъ, очевидно, былъ ему не по вкусу. Остальные двое сидѣли рядышкомъ, другъ передъ другомъ, поджавъ калачикомъ, по-турецки, ноги, и играли въ шашки.

Одинъ изъ нихъ былъ корявый мужикъ, косматый, широкоплечій, небольшого роста, съ необыкновенно толстымъ носомъ; ему не сидѣлось спокойно, какъ его партнеру, пожилому, длиннобородому, застывшему въ позѣ вниманія, человѣку; онъ все какъ-то ерзалъ по нарамъ и не зналъ, казалось, что дѣлать со своими руками: то упиралъ ими „въ боки", то засучивалъ рукава, какъ кучеръ, то принимался скрести косматую голову.

При нашемъ приходѣ онъ обернулся, посмотрѣлъ и крикнулъ, скаля бѣлые, какъ у хорошей собаки, зубы:

— А-а-а, милости просимъ, когда ѣсть бросимъ!.. Съ теплыхъ морей, что ли?..

Мы промолчали.

— Зазнались, аль забогатѣли? — продолжалъ онъ и вдругъ, громко захохотавъ, схватилъ съ доски шашку, дунулъ на нее и закричалъ: — Фукъ! Чтобы она ѣла да по сторонамъ не глядѣла!..

— Ахъ, дери тя деромъ и съ хозяиномъ воромъ! — произнесъ серьезный человѣкъ: — какъ это я опростоволосился, оказія... тьфу, ты! — И онъ сердито добавилъ: — Будетъ тебѣ ржать-то... ходи, что ли, чо-е-е-ртъ!.. Только и умѣешь фукать...

— А ты гляди въ оба... На то и селедка, чтобы ее кушать... Погоди я те прилажу къ дѣлу — чисти!..

Мы сняли наши сумки и, подложивъ ихъ подъ головы, легли на нарахъ къ одной сторонкѣ въ уголкѣ отдохнуть.

— Что-жъ намъ теперь дѣлать? — немного помолчавъ, заговорилъ Гурей. — Въ храмъ сходить надо, къ мощамъ приложиться... Что-жъ это — завалились, аки боровье... неловко!.

— Поѣсть бы, — какъ-то уныло произнесъ Гультикъ, —

вопче... кишка кишкѣ шишъ кажетъ. А какъ здѣся вопче... насчетъ того... кормятъ странниковъ-то?..

— Кормятъ!—съ ироніей отозвался корявый игравшій въ шашки мужикъ,—для нашего брата особое угощеніе: впередъ братія жретъ, а потомъ ужъ мы кушаемъ. Кормятъ хо-о-о-рошо! все, голова, съ рыбой... Накрошутъ рыбы-то во щи аль тамъ въ супъ—ложка стоитъ!.. Самъ бы ѣлъ да деньги нужны!..

— Нѣтъ... взаправду... окромя шутокъ... — опять уныло вымолвилъ Гультикъ,—какъ тутъ?..

— Ну вотъ, не вѣритъ... Чудородъ Иванычъ, тебѣ говорятъ, значитъ—вѣрно... Иди скорѣе, а то опоздаешь!—И, помолчавъ немного, онъ обернулся, посмотрѣлъ на Гультика и серьезно сказалъ:—Да что ты, братъ, дуракъ аль изъ деревни?.. Какіе тутъ харчи?.. Ха!.. здѣсь, другъ, вотъ чего не дадутъ, гляди сюда...

— А какъ же по протчимъ-то мѣстамъ приходилось мнѣ... вопче, покормятъ, глядишь, щецъ плесканутъ...

— Мало чего по другимъ мѣстамъ... Здѣсь этого порядку нѣту! Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ... Ночевать вотъ, ночуй три ночи... Да ужъ и ночлегъ,—продолжалъ онъ,—ужо увидите... повернуться негдѣ... не продохнешь!..

— Бери-ка,—перебилъ его серьезный человѣкъ,—тебѣ ѣсть...

— Гдѣ?..

— Два!

— Трехъ да въ дамки!—воскликнулъ корявый, взглянувъ на доску. - Ахъ, мать твою Богъ любилъ, проворонилъ вѣдь игру-то съ разговоромъ! Ну, теперь твоя игра,—продолжалъ онъ, взявъ одну шашку и глядя, какъ серьезный человѣкъ, съ чуть замѣтной улыбкой на тонкихъ губахъ, вмѣсто этой одной „съѣлъ“ у него трехъ и прошелъ въ дамки.

— Здо́рово! — опять воскликнулъ корявый, — ишь ты!.. На еще ѣшь,—и вдругъ, какъ давеча, онъ громко „заржалъ“ и крикнулъ:—Что, братъ, попала... нагуляла много...

— А ну те къ чорту!—сказалъ серьезный, отодвигая доску,—не буду больше... надоѣло!..

Онъ спустился съ наръ и началъ ходить, заложивъ руки за спину, взадъ и впередъ, по узкому проходу. Корявый свернулъ покурить и легъ навзничь, подложивъ подъ голову свою сумку.

На страннѣ стало тихо и противно...

III.

— Эхъ,—воскликнулъ неожиданно корявый,—кабы мнѣ милліонъ денегъ...

— Гм!—усмѣхнулся, пріостановившись, серьезный,—немного... Н-да!.. А на кой онѣ тебѣ песъ нужны-то?..

— На кой... чудачина! Ѣлъ, пилъ бы, чего душа хочетъ... Купилъ бы себѣ земли,—мечтательно продолжалъ онъ, лежа навзничь и глядя на низкій, темно-сѣрый, точно собирающійся вотъ-вотъ упасть и придавить насъ потолокъ.— Построилъ бы домъ... обгородился бы... собакъ завелъ бы, здо-о-о-ровенныхъ бы... Въ домѣ у меня, въ горницахъ, чистота была бы... мягкіе диваны... кресла... на окнахъ занавѣски, по стѣнамъ картины въ золотыхъ рамкахъ,—зеркала, полъ навощеный... катайся по немъ, аки по льду... гоже!..

— На что ужъ лучше,—опять усмѣхнувшись, сказалъ серьезный,—у тебя языкъ-то не лопата... Ну, а самъ-то ты чѣмъ бы занимался? Дѣлалъ-то что̀ бы день-то деньской... Неужели только бы жралъ...

— Что дѣлалъ-то?! Мало ли дѣловъ?.. Извѣстно, дрова не сталъ бы колоть, аль тамъ подъ вилы навозъ нарывать... Всталъ бы утречкомъ, скажемъ, часиковъ въ десять... торопиться-то все одно некуда... сичасъ это прислугу: „умываться... живо...“ Ну, умылся бы... съ мыломъ... причесался бы... Прислуга меня сичасъ одѣвать... сапоги гамбургскіе, начищены, аки зеркала... глядись въ нихъ... Ну, одѣлся бы... помолился бы Богу... пошелъ бы изъ спальни вонъ въ другую горницу въ залу—закусывать... а ужъ таматко все для меня изготовлено: „Пажалте, Митріийтричъ!“.. Самоваръ это горьма горитъ... за самоваромъ жена, аль тамъ экономка, что-ли, все едино, гладкая, румяная, въ распашонкѣ меня ждетъ... Закуска на столѣ... водочка.. то, се... сичасъ это я сажусь... перво на перво изъ графинчика въ стакашикъ серебряный буль, буль, буль... цопъ... закушу... опять, немного погодя, буль, буль, буль... цопъ, закушу... гоже!..

— Тьфу,—плюнулъ со злостью больной зубами,—надоѣлъ. Болтаетъ... и безъ того скверно... съ утра съ самаго, какъ валдайскій колокольчикъ—та, та, та! Та, та, та!.. Тьфу...

— А ты, землякъ, не серчай... Что-жъ намъ: у тебя зубы болятъ, а мы, диви, виноваты... молчать должны?—Онъ замолчалъ, сдѣлалъ покурить и снова заговорилъ.

— На чемъ я остановился-то? Да!.. Ну, ладно. Сичасъ это послѣ выпивки чайку съ лимончикомъ... Очень я съ лимончикомъ любитель... Кислитъ это, и въ родѣ какъароматъ...

съ похмѣлья когда пьешь—сердце прыгаетъ... Ну, попью чайку... что дѣлать?.. Пойду на улицу, погуляю... пройдусь... для маціёну... разомнусь... опять приду домой... сичасъ это, глядишь, завтракъ поспѣлъ... котлетки... свинина жареная... пироги съ кашей... чего душа желаетъ... а то — блины пшенишные съ коровьимъ масломъ... Охъ, тоже горяченькіе-то: положишь его, а отъ него духъ... возьмешь это въ ротъ— душа съ тѣломъ разстается, истинный Господь... безъ мыла лѣзетъ...

— А! да ну тебя къ кобылѣ подъ хвостъ, лѣшманъ!— сердито сказалъ серьезный и, забравшись на нары, тоже легъ,—молчи!.. Блины!—передразнилъ онъ его:—га!.. ѣдали мы ихъ съ тобой въ святъ день до обѣда... Ты кто такой?.. Хресьянинъ... аль кто?..

— Я?—переспросилъ корявый.—Я православный хресьянинъ... хрещеный... а тебѣ на что?

— Да такъ... чудно!.. Что-жъ это ты отъ дому-то отбѣгаешь... мужикъ здоровый... все, чай, у тебя, какъ и водится землишка... то... се... аль пропилъ все?..

— Бросилъ я все!—немного помолчавъ и подумавъ, серьезно отвѣтилъ корявый,—ну ее... одна ломка... горбатъ будешь, а богатъ не будешь... ворочай сдуру-то... никого не удивишь... А главная причина,—опять помолчавъ, заговорилъ онъ,—по дому у меня промежду семьи раскорячка произошла... нельзя жить стало... плюнулъ взялъ.. махнулъ рукой... провались ты совсѣмъ проваломъ...

— Что-жъ у тебя такое вышло?

Корявый молчалъ. На страннѣ опять сдѣлалось тихо. противно, жутко...

— Жена у меня съ помощникомъ писаря спуталась!— сердито и совсѣмъ, будто, другимъ голосомъ сказалъ корявый.

— Н-н-у-у,—протянулъ серьезный,—неужели взаправду?.. ахъ ты... во-о-о-тъ... какъ же это она?..

— Какъ, какъ!.. Ужъ они знаютъ какъ... не даромъ пословица молвится: не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ... Я тебѣ вотъ разскажу какъ... очень даже просто.

Онъ повернулся на бокъ, лицомъ къ серьезному и, помолчавъ немного, что-то думая, заговорилъ.

IV.

— Женили меня, другъ ты мой, какъ тебѣ сказать, не соврать, году эдакъ на девятнадцатомъ... раненько... И не охота мнѣ признаться было, да главная причина, никакъ

нельзя: отецъ померъ. Ѣхалъ изъ Москвы пьяный, замерзъ въ дровнишкахъ... привезла лошадь ко двору... вытащили его изъ дровней, а онъ, какъ сосулька... не гнется.. втащили въ избу... думали: ототремъ... ну да, ототрешь... готовъ!.. Остались мы втроемъ. Мать, женщина ужъ не молодая, болящая, сырая, я, да сестра, дѣвка вѣкоушка, злая презлая, а на работу лѣнивая. Плохо, вижу, мое дѣло... Стала приставать ко мнѣ мать... „Жениться тебѣ, Митрій, надо...“ Вижу самъ: не миновать... Ладно!—говорю. Ну, кой-какъ справили свадьбу... двухъ бычковъ продали... сѣна угольникъ... Сталъ жить съ женой... Сначала и ничего: бабенка изъ себя картинка, характеру тихаго, съ матерью ласковая... съ золовкой то же самое... Къ работѣ ловкая, старательная, аккуратная... вижу: жить можно. Эхъ, думаю, дуракъ я былъ.жениться не хотѣлъ: то ли дѣло... любота!..

— Да ужъ что говорить! — усмѣхнулся серьезный.

— Ну, прожили этакъ съ годъ, заболѣла мать, поваляласъ недѣльки двѣ. Свезъ въ больницу, тамъ и померла. — Остались мы трое... золовка за старшую... И пошла, другъ ты мой, промежъ ихъ каждый день война... Царица небесная, закрывай глаза, да бѣги вонъ. Я промежду ихъ, аки сукинъ сынъ, верчусь... Ни та не слушаетъ меня, ни другая... Не знаю, что дѣлать... одурѣлъ, вѣришь Богу: по ночамъ начали лаяться!.. Ночью спокою не стало... сцѣпятся въ потемкахъ-то... одна съ печки, другая съ полу... Святыхъ стыдно!!

Онъ махнулъ рукой и сдѣлалъ новую папироску.

— А ты бы, чудородъ Иванычъ, унялъ ихъ,—замѣтилъ серьезный, – эдакимъ бы вотъ макарцемъ... за повойникъ.

Корявый какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

— Было... пробовалъ... да и не радъ... чуть дотронусь,— заблажитъ благушей, на улицу выскочитъ: „Караулъ!.. убилъ!“ А почитай, насупротивъ моей хаты волость... постоянно народъ... Срамота... А золовка подъелдыживаетъ: „Что, унялъ? Что, унялъ?! Послушаетъ она тебя какъ же!.. Нѣтъ, батюшка, не на таковскую напалъ...“ И начнетъ прибирать, и начнетъ... Наказанье Господне!..

— Сталъ я, другъ ты мой, водочкой зашибаться... А пьяный я, прямо скажу, азіятъ... зубами съѣмъ. Ну, жена увидитъ, что я иду, сичасъ это, не будь дура, шмыгъ въ контору...

— Гм!—усмѣхнулся опять серьезный и мотнулъ головой.

— Повадилась, вижу, моя бабенка въ контору бѣгать... Что, думаю, за оказія. А золовка разъ по утру и шепни мнѣ: „Поглядывай за женой-то.“ А что такое? „Что, что... дуракъ ты... принесетъ она тебѣ въ подолѣ“... Ну, что-жъ, говорю, чай, она мнѣ жена... А она, аки змѣя: „Твой думаешь... какъ же... писаренковъ, вотчъ ей“...

— Ахъ, язва!—произнесъ серьезный,—н-ну-съ!

— Ну, началъ я, признаться, выслѣживать да ревновать... Все мнѣ, понимаешь, представляется, какъ это онъ ее будто сцопалъ въ охапку, цѣлуетъ, а она ему, будто, говоритъ шепотомъ: „тише ты... пусти, мужъ бы не засталъ... успѣешь“...

Онъ замолчалъ и лицо его, какъ будто, потемнѣло...

— Н-ну-съ! — опять произнесъ серьезный.

— Поймалъ-таки, засталъ... — тихо сказалъ корявый и замолчалъ.

— Поймалъ?! — радостно переспросилъ серьезный, — н-ну-съ! Какъ же ты, а?..

— Ка-а-къ,—протянулъ корявый,—исписалъ всеё... глазъ вышибъ... вытекъ онъ у ней... волосья на головѣ съ мясомъ дралъ... до живого мѣста доставалъ... палецъ на рукѣ, почитай! напрочь отъѣлъ... Ни чорта... не пикнетъ...

— Озлилась...—сказалъ серьезный.—Жилъ этакъ же вотъ одинъ мужикъ... Скребакъ его звали... прозванье такое... Ну, вотъ у него жена тоже не плоше твоей, зачалъ онъ ее разъ учить... лупилъ, лупилъ, лупилъ, лупилъ... слова ужъ сказать не можетъ, такъ хоть рукой-то по полу скребъ, скребъ—дескать: скребокъ, да и скребокъ... Вотъ они, какія бабы-то!—неожиданно закончилъ онъ и спросилъ:—Ну, а писаришка-то что же?

— Да что-жъ? Нешто онъ виноватъ? Ему что? Слизнулъ, да и наплевать!..

— Знамо,—согласился серьезный,—н-ну-съ!

— Ну и ничего... меня и обвинили: зачѣмъ билъ.

— Жаловалась?!—воскликнулъ серьезный.

— Да ужъ что толковать, всего было!..—повторилъ корявый и, немного помолчавъ, весело воскликнулъ:—А ну-ка-сь, землякъ, запру еще, а?!.

V.

Къ вечеру на странню набилось столько людей, что буквально стало негдѣ повернуться.

Молодой послушникъ съ длинными, похожими на сосульки, волосами пришелъ откуда-то и принесъ съ собой маленькую жестяную лампочку.

— Вы бы, рабы Божьи, поменьше курили,—сердито сказалъ онъ, вѣшая лампочку на стѣну.—Ну, что это? Срамота, тьфу! Не продохнешь!..

Онъ вышелъ, сердито хлопнувъ дверью.

— Уходи, долговолосый дьяволъ!—сказалъ кто-то вслѣдъ ему.—Дармоѣды!..

Вскорѣ на странней сдѣлалось до того жарко и душно, что трудно стало дышать, и лампочка на стѣнѣ почти гасла, окруженная смраднымъ туманомъ.

Люди лежали и сидѣли на нарахъ вплотную. Въ проходѣ тоже было занято.

Большинство было раздѣто: въ однѣхъ рубашкахъ. Верхняя одежда, грязная, вонючая, а также и обувь: лапти, мокрые, тяжелые, старые валенки, какіе-то „ботики"—все это помѣщалось въ головахъ и ревниво оберегалось.

Со всѣхъ сторонъ неслись разговоры, смѣхъ и ругательства, ругательства безъ конца...

— — —

Обернувшись къ стѣнѣ и плотно заткнувъ уши, чтобы не слыхать этого удручающаго шума, я забылся и уснулъ...

Сколько спалъ, не знаю. Проснулся отъ страшнаго сна... Мнѣ приснилось, что я поднялся на воздушномъ шарѣ высоко, высоко и затѣмъ стремительно лечу внизъ въ страшную, темную, зіяющую бездну...

Я проснулся... Спать больше не было никакой возможности; невыносимая тоска сосала сердце...

На странней было почти совсѣмъ темно, душно и страшно... Храпъ несся со всѣхъ сторонъ... Иные скрипѣли во снѣ зубами, иные что-то мычали или же скребли ногтями тѣло, которое нещадно ѣли клопы и какія-то отвратительно-бѣлыя, огромныя „блондинки"...

Лампочка, висѣвшая на стѣнѣ, была снята на полъ въ проходъ, гдѣ около нея сидѣли два какихъ-то человѣка и, разговаривая, „чинились", т. е. „клали" заплаты на свои одѣянія...

Отъ нечего дѣлать и невольно, я сталъ прислушиваться къ ихъ разговору...

— Ну, а потомъ-то ты куда-жъ?..

—А потомъ, рабъ Божій,—отвѣтилъ тотъ, кого спрашивали, тоненькимъ и слегка дрожащимъ голосомъ, — а потомъ я во дьячки поступилъ... хлопоталъ, хлопоталъ... дери ихъ чортъ! Прошеній однихъ сколько подавалъ, тратился келейникамъ давалъ... консисторія будь, она проклята, сколько слопала...

— Одинъ преосвященный,—продолжалъ онъ, немного помолчавъ,—о. Антонидъ... изъ хохловъ онъ... чортъ его задери, какую со мной разъ штуку отмочилъ! Подалъ я, рабъ Божій, прошеніе.. пронюхалъ: мѣстишко освободилось, приходъ хорошій... Ну, сталъ „солить" тому, другому... дождался: явиться тогда-то къ преосвященному... Слава тебѣ Господи, думаю, авось и я колосъ въ полѣ... Ну, прихожу... Сюрту-

чишка это на мнѣ, сапоженки ваксой начищены, рукавчики бѣленькіе, сорочечка... бѣднота, ну, всетаки: „буду ѣсть мякину, а форсъ не кину"... Диви—не видать, что голъ, какъ Елисѣева плѣшь... Ну, хорошо. Показалъ мнѣ келейникъ, куда идти, вошелъ я... трясется, слышу, у меня все нутро... Гляжу, рабъ Божій, сидитъ въ креслѣ самъ... рыло, какъ у сома, усами шевелитъ... здоровенный, гладкій... Ну, я это сейчасъ, какъ меня учили, бултыхъ ему въ ноги, земной поклонъ отдалъ... Вскочилъ, ручки горсточкой... согнулся, на цыпочкахъ, прости Господи, къ нему подъ благословеніе...

Разсказчикъ помолчалъ, высморкался и громко сплюнулъ на полъ.

— Ну-съ,—продолжалъ онъ,—глядитъ владыко на меня... глядѣлъ, глядѣлъ и говоритъ: „Ты кто?" Такой то-съ, отвѣчаю, владыко.

„Нѣтъ—говоритъ, ты не Осининъ, а ты Дубининъ... дуракъ ты"... Вылупилъ я на него, рабъ Божій, бѣльмы, думаю: „Царица небесная! Что такое?.." А онъ опять: „Чего ты растанцевался-то передо мной... Дуракъ ты!.. Кто здѣся хозяинъ-то, а?.." Гляжу я на него, думаю: кто у насъ дуракъ-то, ты аль я? — Простите, говорю, владыко святый, не понимаю вашего вопроса...— „Не понимаешь, говоритъ, оселъ, а-а-а, не понимаешь! Ну, и выходитъ, что ты дуракъ!.. Вонъ, говоритъ, кто хозяинъ-то... гляди"...—показалъ перстомъ въ уголъ, а тамъ, гляжу, икона, Николай чудотворецъ, виситъ. „Вотъ, говоритъ, кто хозяинъ, ему сперва долженъ былъ поклониться, а потомъ ужъ мнѣ... Ступай вонъ... Какой ты дьячекъ, ты пастухъ".—Я было: владыко, помилуйте, простите неопытность, сробѣлъ... А онъ опять: „Вонъ!" Ну, что-жъ дѣлать — заплакалъ, да пошелъ...

— Отъ чужихъ воротъ не стыдно и заплакамши пойти,— сказалъ слушатель... И добавилъ:—Давай, курнемъ... верти... на бумагу-то!..

VI.

Они закурили, а я отодвинулся отъ стѣнки и посмотрѣлъ на нихъ. Лампочка слабымъ трепетнымъ свѣтомъ освѣщала ихъ лица. Одинъ былъ старикъ лѣтъ 60-ти, съ бѣлой клинообразною бородою, плѣшивый, съ нависшими бровями; другой (въ немъ я сразу отгадалъ разказчика) пожилой, худощавый, съ жиденькой бороденкой и нервнымъ лицомъ... На носу, длинномъ и тонкомъ, какъ у Гоголя, надѣты были очки съ большими стеклами въ мѣдной оправѣ... Волоса были длинные и висѣли сосульками до плечъ.

Покуривъ, они снова, молча, принялись за починку...

— Ну, а потомъ-то ты какъ, отецъ, извернулся?—спросилъ черезъ нѣкоторое время плѣшивый.

— Дали мѣстишко,—отвѣтилъ худощавый,—да только, рабъ Божій, и мѣсто! Рублей 50 въ годъ доходу...

— Какъ же жилъ-то?

— Жилъ ничего... Я, рабъ Божій, всѣмъ бралъ, ну, мнѣ и хватало... Покосишка давался, коровенку приладилъ изъ молока... поросенка купилъ... и еще, рабъ Божій, вошелъ я промежъ бабъ въ славу: на картахъ гадать... отбою не было... Верстъ за двадцать стали ходить... Врешь, бывало, что ни попало—все ладно! Иной разъ и угадаешь... разучилъ я ихъ здорово: знаю, что она и думаетъ-то... Сама разскажетъ мнѣ все, я же ей эти слова потомъ и пересказываю... И дуры же, Господи... иной разъ даже жалко станетъ... Ну, понятное дѣло, мнѣ за это мзда.

— Бабенку себѣ тоже приладилъ... водкой торговала, бобылка... Бабенка неважная, косая... ну, да мнѣ наплевать, не за стекло ставить... Мнѣ, главная причина, водочка... Весь барышъ въ меня вливала... Чуть замѣтить—сдѣлался я сурьезнымъ, сейчасъ раздобудется, накатитъ меня, я и отмякну, а ей дурѣ и любо...

— Гм!—кашлянулъ старикъ:—это ты обмозговалъ не худо. Человѣкъ ты, отецъ, того... вижу, хорошій, а карманъ у тебя жуликъ...

— Съ попомъ мы дру-у-у-жно жили,—выслушавъ старика, заговорилъ худощавый,—попъ вдовый былъ: съ женой-то только три недѣли прожилъ, померла... Ну, дѣло извѣстное, не святъ мужъ,—мамзиху себѣ завелъ... кухарченка... р-р-рожа, грязная—страсть... троихъ дѣтей прижилъ... Соберутся, бывало, гости, а она, дьяволъ, нарядится, выйдетъ, сядетъ съ ребенкомъ на рукахъ, кормить начнетъ... съ гостями въ разговоръ... „Что насъ позабыли?.. Мы завсягды рады"... Чисто тебѣ попадья... Ну, ему совѣстно... самъ посуди...

— Н-н-да!—согласился старикъ и, помолчавъ, сказалъ:— Неладно это сдѣлано, второй разъ имъ жениться нельзя... Грѣха отъ этого много изъ-за бабъ, изъ-за сукиныхъ дочерей, святые угодники въ соблазнъ впадали... Ну, такъ, значитъ, и поладилъ ты съ попомъ-то?..—перемѣнивъ рѣчь, спросилъ онъ.

— О-о-а, не говори!.. Прямо дыхнуть безъ меня не могъ... Любилъ... Ужъ и почудили мы съ нимъ... Я звонить мастеръ, а онъ, батя мой, любитель былъ хорошаго звону... Вотъ я, бывало, заберусь на колокольню пораньше... Сижу.

пока не выйдетъ попъ, сторожъ Сидорычъ въ большой благовѣститъ... Вотъ, гляжу, выходитъ батя изъ калитки...

Разсказчикъ вскочилъ, отставилъ лѣвую ногу немного въ сторону, руку лѣвую сдѣлалъ калачикомъ, правую поднялъ кверху и торопливо, волнуясь, продолжалъ:

— Сейчасъ я это въ маленькіе ударю порѣже: „попъ идетъ, попъ идетъ"... Потомъ эдакъ сразу въ балелейный, въ караульный, въ маленькіе, во всѣ: „попадью съ собой ведетъ, попадью съ собой ведетъ"... А Сидорычъ въ большой подлаживаетъ: „по-о-о-пъ идетъ, по-о-о-пъ идетъ!"... Сильно выходило!.. Батя идетъ, ухмыляется... Я опять: „къ намъ идете? Ваши гости! Къ намъ идете? Ваши гости!" Потомъ эдакъ во всѣ подъ пляску: „будемъ, будемъ, не забудемъ! будемъ, будемъ, не забудемъ!!" Хо-о-рошо!..

— А то,—еще больше воодушевляясь и нервничая, продолжалъ разсказчикъ,—на Пасхѣ разъ... Пасха стояла поздняя, теплая, сухая... Церковь у насъ на пригоркѣ, передъ ней полянка, насупротивъ домъ поповскій... Вотъ я урѣзалъ муху зда-а-а-ровую, да на колокольню... началъ раздѣлывать!.. Гляжу, мой батя выходитъ изъ калитки въ подрясникѣ бѣломъ, безъ шляпы... подобралъ полы... „Эхъма! плясовую"!.. Понимаешь, эдакимъ макарцемъ: „а-а-ахъ, барыня, барыня! сударыня, барыня! чего тебѣ хочется!"... Гляжу, мой попъ такъ ходуномъ и ходитъ... посмотритъ на колокольню, махнетъ рукой, а я: „а-а-ахъ ты, сукинъ сынъ камаринскай мужикъ! О-о-онъ не хочетъ своей барынѣ служить!" Да опять во всѣ съ перезвонцемъ: „А-а-ахъ, барыня барыня! Сударыня-барыня"!.. Ловко...

— Ловко!—согласился старикъ.—Гм! Ну, а гдѣ-же теперича этотъ твой попъ находится?

— Померъ.

— Отъ вина, знать?..

— Отъ вина... да...—отвѣтилъ нехотя худощавый и потомъ вдругъ отрывисто произнесъ:—Удавился!..

— О-о-о!.. неужели взаправду?.. Какъ же это?..

— Удавился, — повторилъ худощавый, — понятное дѣло, изъ-за дьявола, изъ-за бабы... ну, и водка тоже... Повѣсился передъ окнами на рябинѣ, ночью, подъ праздникъ Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня... Утромъ пошелъ я за ключами, а онъ виситъ въ одной бѣлой рубашкѣ безъ штановъ... Волосы длинные, растрепались... языкъ прикусилъ... вѣтеръ былъ... качается мой батя потихоньку, то однимъ бокомъ повернется, то другимъ... ноги голыя... Н-да, рабъ Божій,— закончилъ онъ съ грустью,—пропалъ ни за понюшку табаку... а какой человѣкъ-то былъ!..

— Да оно и все-то такъ, — сказалъ старикъ, — законъ

естества: хорошему вѣкъ не дологъ; соловей мѣсяцъ поетъ, а ворона круглый годъ каркаетъ. Ну, что-жъ апосля этого ты сталъ дѣлать?

— Въ конторщики поступилъ, на двадцать на пять цѣлковыхъ жалованья —харчи готовые... квартира...

— О-о-о! — удивленно воскликнулъ старикъ, — на двадцать на пять!.. Вотъ тебѣ, небось, житьишко-то настало?.. Попалъ, какъ мышь въ крупу.

— Ну, рабъ Божій, не скажи тоже,—отвѣтилъ худощавый,—народъ ужъ тамъ былъ, ахъ, бѣдовый... Да и самъ князь: старикъ лѣтъ этакъ подъ 60, такая-то сволота, прямо — повѣсить мало!.. Княгиня тоже... Управляющій Иванъ Карлычъ... дуракъ былъ... Бывало, кричитъ мнѣ: „гляди на меня... какъ я дѣлаю, такъ и ты"... Князь его палкой жучилъ,—любилъ князь драться. Крѣпостное право помнилъ..! Утромъ встанетъ, пойдетъ по имѣнію шататься и ужъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока кого-нибудь палкой не ахнетъ... Разъ пошелъ я, рабъ Божій, съ ружьишкомъ за утками на рѣку. Вотъ, иду назадъ въ гору къ имѣнію... а какъ въ имѣніе въѣзжать, князь заставу устроилъ: два столба каменныхъ, шламбай и сторожъ постоянно... Гляжу, сидитъ сторожъ около столба, дремлетъ, а князь, гляжу, съ палкой, по канавѣ къ нему крадется, какъ подъ тетерева... Крался, крался, а сторожъ-то, должно, учуялъ: возьми да и оглянись... какъ стреканетъ подъ гору...

— Чудакъ былъ... А хозяйствомъ самъ занимался... машины это разныя,—сѣялки, вѣялки... Контора... въ конторѣ я да еще двое... Книги.. „входящая" и „сходящая", „рабочій дневникъ", „обзоръ имѣнія"... А толку, рабъ Божій, никакого... Дуракъ былъ и уши холодныя... грабили его кругомъ... Княгиня—та больше съ докторами... постоянно докторъ при ней... гладкихъ все выбирала, поздоровше... Князь до дѣвокъ охотникъ былъ, а она до докторовъ...

— Ты кончилъ, что ли?..

— Готово.

— Ну, и у меня готово... Лампочку то повѣсить-можно. Спать пора надо...

Онъ всталъ, повѣсилъ лампочку, предварительно убавя въ ней огня, и отошелъ на свое мѣсто.

— Ну, а въ имѣньи-то въ этомъ много-ль ты прожилъ?— услыхалъ я въ полутьмѣ вопросъ старика.

— Да, года два жилъ... Потомъ убёгъ... спутался, понимаешь, съ горничной, а она возьми да того... и припухни... Княгинѣ сказали... „Послушайте, говоритъ, голубчикъ... надо вамъ жениться"... Ну, думаю, гдѣ ужъ мнѣ, къ чортовой

матери, жениться... утекать надо... Собрался ночью... пѣшечкомъ... айда!.. Ванькой звали...

— Ну, а потомъ куда же?—спросилъ опять любопытный старикъ.

— А потомъ, потомъ, — видимо разсердившись, сказалъ худощавый,—а потомъ, вишь вотъ, тутъ съ тобой вшей парю... Спи... надоѣло!..

— И то уснуть,—сказалъ старикъ и, помолчавъ, вздохнувши добавилъ:

— Эко духотень-то... батюшки-свѣты!.. хуть топоръ вѣшай...

VII.

Рано утромъ, еще задолго „до свѣту", часовъ, должно быть, съ четырехъ, странняя стала просыпаться. Я былъ радъ этому, такъ какъ безсонная ночь съ печальными думами о невеселой безалаберной жизни, подъ стоны и скрежетъ зубовный, сильно развинтила мнѣ нервы.

Люди сидѣли на нарахъ полуодѣтые, страшные, зѣвали, ругались, скребли изъѣденное насѣкомыми тѣло, курили и перерутивались...

Гурей и Гультикъ тоже проснулись и сидѣли рядомъ со мною, разминая руками заскорузлые портянки.

Гурей со сна былъ серьезенъ. Онъ сопѣлъ носомъ, „точно возъ сѣна везъ", и молчалъ. Гультикъ часто и громко зѣвалъ, почесывался и то и дѣло повторялъ: „Господи, Мать Пресвятая Богородица! Господи, Мать Пресвятая Богородица!"...

Я тоже молчалъ... Я глядѣлъ на всѣхъ этихъ „пасынковъ жизни" и думалъ о себѣ и о нихъ:

— Хорошо ли то, что я хочу сдѣлать? Найду ли я здѣсь дѣйствительно „тихое пристанище", котораго такъ долго и тщетно ищетъ измотавшееся сердце?...

На странню вскорѣ пришелъ вчерашній послушникъ... Онъ только что, должно быть, всталъ съ постели и былъ какой-то мятый, противный, растрепанный и злой.

— Тьфу ты!—плюнулъ онъ,—вотъ безобразіе-то... говорилъ: не курите!.. Эхъ вы, необузданные!.. Сряжайтесь скорѣе,—продолжалъ онъ,—сейчасъ огонь гасить буду... Идите въ церковь... чего вы... давно отблаговѣстили... спать сюда пришли?... Сряжайтесь, сряжайтесь!..

Онъ снялъ со стѣны лампочку и, держа ее высоко въ правой рукѣ, повторилъ опять:

— Сряжайтесь! Сряжайтесь! Мнѣ некогда дожидаться... Иди, молись... чего тутъ...

— А ты, братъ, какъ тебя, не знаю, величать-то, Прохватій, что ли, полегше, —сказалъ вдругъ среди общаго молчанія чей-то голосъ съ полу изъ-подъ наръ. —Ты не очень надвигай-то... видали мы и не такого дерьма... много васъ. Всякой чортъ Иванъ Иванычъ!.. Молись, коли тебѣ охота... на то ты и гриву отростилъ, а ужъ мы молились... Такъ-то... иди-ка съ Богомъ... намъ не до молитвы... это тебѣ съ сытымъ-то брюхомъ хорошо молиться...

Послушникъ окончательно взбѣсился.

— Молчи! — закричалъ онъ, — выставлю на морозъ... Сво-о-о-лочь! Сказано: идите! Мнѣ изъ-за васъ непріятность... Мнѣ убираться надо... ужо придете... Вонъ!.. нну!..

— Дьяволъ... собака! — какъ-то равнодушно произнесъ тотъ же голосъ изъ-подъ наръ.—Начальство тоже... черти проклятые... тьфу...

Послушникъ промолчалъ. Видно было только, какъ рука, державшая лампочку, нервно тряслась. Онъ злобно насупился и кусалъ зубами уголъ губъ.

Мы торопливо стали „сряжаться“. Послушникъ всталъ около двери и, когда почти всѣ „срядились“, отворилъ ее и крикнулъ.

— Нну!..

Мы гуськомъ, другъ за другомъ, торопливо, съ сумками за плечами или въ рукахъ, какъ послушное баранье стадо, стали выходить, сначала въ полутемныя длинныя, съ кирпичнымъ поломъ, сѣни, а изъ сѣней на улицу, гдѣ насъ сейчасъ же встрѣтилъ, обнялъ и началъ горячо цѣловать лютый морозъ...

VIII.

Ворота монастыря были еще заперты. Отперта была только калитка, и около этой калитки стояла темная фигура монаха-сторожа. Онъ пропустилъ насъ. Спотыкаясь о какой-то высокій порогъ, толкая другъ друга, мы проходили подъ арку воротъ, гдѣ глухо, въ совершенной темнотѣ, раздавались наши шаги... За стѣной было тихо. Порывы жгучаго вѣтра не врывались сюда, и морозъ, какъ будто, здѣсь былъ легче... Здѣсь была тишина, какая-то особенная, странная, таинственная, пугающая... Смутно виднѣлись въ полутьмѣ монастырскія постройки—церкви... высокая колокольня... Въ одной изъ церквей шла служба, въ окнахъ свѣтились огни... Наша рваная партія „подневольныхъ“ богомольцевъ направилась туда...

Въ церкви было тепло... Мы размѣстились въ „притворѣ“.

около двери. По сторонамъ, направо и налѣво, около скамеекъ, стояли темныя, дремлющія фигуры монаховъ. Впереди, тускло и скупо, мерцали передъ иконостасомъ свѣчи... Кое-гдѣ, около „мѣстныхъ“ иконъ, чуть-чуть мигали лампочки красными и синими огоньками, смотря по тому, какого цвѣта были стаканчики съ налитымъ въ нихъ масломъ...

Я сталъ слушать... Пѣли на оба клироса „столбовскимъ“ напѣвомъ. Гнусавые, дрожащіе, старческіе и молодые голоса, какъ говорится, „драли“ какъ попало, и каждый, казалось, хотѣлъ показать свой голосъ особо отъ другихъ.

Служба шла утомительно-долго. Служили утреню. Нѣсколько разъ „канонархъ“, высокій, похожій на согнутый „перочинный“ ножикъ, молодой долговолосый послушникъ ходилъ съ книгой въ рукахъ съ клироса на клиросъ, громко, на всю церковь, выкрикивая тонкимъ голосомъ: „Услышитъ тя Господь въ день печали, защититъ тя имя Бога Іаковля“, и т. п. И сейчасъ же повторяли за нимъ на клиросѣ. Перекличка эта длилась довольно долго...

Когда кончилась служба, и мы вышли изъ церкви, уже разсвѣло... Вѣтеръ утихъ, но морозъ стоялъ лютый, и послѣ тепла какъ-то сразу далъ почувствовать себя.

Гурей и Гультикъ встали вмѣстѣ съ другими нищими около дверей просить подаяніе у выходившихъ изъ церкви богомольцевъ, а я отошелъ къ какой-то маленькой часовнѣ, у дверей которой на табуреткѣ сидѣлъ, небольшого роста, старичекъ-монахъ и глядѣлъ на выходившихъ изъ церкви людей...

Увидя меня, онъ какъ-то необыкновенно ласково улыбнулся и задушевно сказалъ:

— Водицы испить, родной, а? Поди, испей, испей... для здоровья она пользительна...

Онъ поднялся съ табуретки и вошелъ въ часовню. Вслѣдъ за нимъ вошелъ туда и я.

Посреди часовни былъ колодезь, закрытый досками, съ однимъ только небольшимъ квадратнымъ отверстіемъ посрединѣ, откуда черпали воду. На доскахъ около этого отверстія стояла большая чаша, лежалъ ковшикъ и неизбѣжное оловянное блюдце, такъ называемое „Подай Господи“...

Часовня была каменная, съ каменнымъ поломъ, и въ ней было страшно холодно... холоднѣе, чѣмъ на улицѣ...

Лики святыхъ угодниковъ, во главѣ съ Христомъ и Божіей Матерью, были такъ унылы и глядѣли такими жалобными глазами, точно хотѣли сказать: „Ахъ, какъ намъ здѣсь холодно! Ахъ, какъ холодно!“

Старичекъ-монахъ зачерпнулъ ковшикомъ воды и, улыбаясь, подалъ мнѣ.

— Испей, родной!..

Я взялъ, хотя мнѣ, конечно, было не до питья на морозѣ холодной, какъ ледъ, и чистой, какъ „слеза“, воды... Сдѣлавъ два три глотка, я поставилъ ковшикъ на доски...

— Пей, пей,—сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, отецъ, уволь... холодно,—сказалъ я.

— А ты думаешь, отъ этого вредъ здоровью!.. Ахъ, рабъ Божій, ахъ, рабъ Божій,—какъ-то смѣшно взволновавшись, говорилъ онъ,—да нешто это можно... да нешто это можно... святая она... цѣлебная...

— Куда-жъ ты?—почти закричалъ онъ, видя, что я направляюсь къ выходу,—помолись... приложись къ иконамъ-то... Что ты это?.. Грѣхъ! Пожертвуй отъ трудовъ своихъ преподобному на свѣчку... Что ты, аль татаринъ?..

Я ничего не отвѣтилъ и, молча, вышелъ изъ часовни...

IX.

Гурей съ Гультикомъ собрали семь монетокъ и были очень довольны...

— И больше бы попало,—говорилъ Гурей,—подаютъ благодѣтели тоже, да главная причина: ужъ оченно нашего-то брата много... туча, истинный Господь!..

— Какъ же теперича,—заныхъ Гультикъ, съежившись отъ мороза, какъ снигирь,—вопче... чайку бы... хоша до обѣдни грѣхъ, а вопче... того...

— Захотѣлось!—усмѣхнувшись, досказалъ Гурей и продолжалъ:—Въ кубовую пойдемте, рабы Божьи, здѣсь есть... для нашего брата устроена... Пойдемъ за народомъ-то...

Кубовая, куда мы пришли вслѣдъ за другими нищими, была длинная, узкая комната, съ низкимъ потолкомъ, скупо освѣщенная двумя выходившими на дворъ окнами и биткомъ набитая оборваннымъ голоднымъ людомъ...

Два молодыхъ послушника выдавали кипятокъ и слѣдили за порядкомъ... Свои обязанности они выполняли, нельзя сказать, чтобы по „братски“: съ ихъ языковъ то и дѣло срывались словечки совсѣмъ нецензурнаго свойства, и „послушаніе“ это, повидимому, страшно надоѣло и тяготило ихъ...

Посуда, монастырскіе чайники и чашки были такъ омерзительно-грязны, что противно было смотрѣть на нихъ... За кипятокъ взималось двѣ копѣйки...

Кое-какъ съ трудомъ, найдя мѣсто, мы усѣлись за гряз-

ный, загаженный столъ... Гурей раздобылъ за копѣйку чайникъ и одну на всѣхъ троихъ большую полосатую, съ отбитой ручкой, чашку.

— Какъ-нибудь обойдемся,—сказалъ онъ, засыпая въ чайникъ щепотку чаю,—не все съ квасомъ, порой и съ водой... изъ одной попьемъ. Ишь, народу-то Богъ послалъ, всѣ пить-ѣсть хотятъ, не одни мы...

Онъ ушелъ за кипяткомъ и, возвратясь, сказалъ:

— Ну, рабы Божьи, и народъ здѣся... Нн-да!.. Охъ, грѣхи тяжкіе... облаяли меня... а за что? Ужли воды-то жалко? Небось, не задаромъ... эхъ-хе, хе... нн-да!..

Мы принялись за чай Гурей разливалъ. Первую чашку, держа ее обѣими руками, выпилъ онъ,—вторую—я, третью Гультикъ. Вынутые изъ сумокъ кусочки хлѣба, размоченные въ чаю и крѣпко посоленные, шли на закуску.

Выпивъ свою чашку и дожидаясь слѣдующей очереди, я сталъ глядѣть по сторонамъ. Сердце у меня сжалось.

Въ кубовой стоялъ сплошной, общій несмолкаемый гулъ человѣческихъ голосовъ, въ которомъ какъ-то неловко и съ трудомъ пробивались отдѣльныя фразы, вырываясь, точно ракеты, и снова утопая въ общемъ говорѣ.

Всѣ столы, стоявшіе поперекъ кубовой, были заняты... Чай пили не всѣ: многіе сидѣли, глядя на счастливцевъ, которые пили, и дожидаясь „остатковъ", т. е. совершенно спитаго никуда негоднаго чая. Въ ихъ взглядахъ было что-то „звѣриное", тупое, страшное...

Становилось жарко... Тяжелый, кислый запахъ грязной одежды и пота смѣшивался съ тѣмъ особеннымъ противнымъ „монастырскимъ" запахомъ, который знакомъ всякому, кто живалъ по монастырямъ...

X.

Выпивъ еще одну чашку чая, я объявилъ своимъ, что у меня болитъ голова, и я пойду побродить по монастырю...

— Иди со Христомъ,—сказалъ Гурей,—походи... на морозѣ-то авось пройдетъ... Не диво и угорѣть...

Я вышелъ. На улицѣ было тихо, морозно, ясно... Подъ утро погода разгулялась... утихъ вѣтеръ... Солнце взошло огромнымъ яркимъ шаромъ съ какими-то зловѣщими (къ морозу) столбами по сторонамъ. Высоко въ воздухѣ, мелькая крыльями, кружилась, спасаясь отъ сѣраго большого ястреба, стая бѣлыхъ породистыхъ голубей. Голуби мелькали, какъ снѣжинки, дѣлая круги и забирая все выше и выше... Ястребъ былъ подъ ними и съ настойчивостью, достойной

лучшаго дѣла, тоже дѣлалъ круги, стараясь взлетѣть выше голубей и тогда сверху упасть на добычу. Это ему не удавалось, и онъ, наконецъ, бросилъ преслѣдованіе и скрылся въ воздушной дали. Голуби кувыркаясь, какъ камни, полетѣли внизъ за стѣну на монастырскій дворъ...

За воротами, въ монастырѣ было тихо и пустынно... Изрѣдка черезъ площадь торопливо проходилъ монахъ, шлепая по голенищамъ полами подрясника, какъ тетеревъ крыльями... Иногда попадался богомолецъ вродѣ меня, со скучающимъ видомъ, обозрѣвавшій достопримѣчательности монастыря... Въ общемъ все было печально, тоскливо и непріятно...

Побродивъ кое-гдѣ, осмотрѣвъ книжную лавочку, съ выставленными на окнахъ книжками, исключительно „божественнаго" содержанія, съ видами монастыря, я подошелъ къ часовнѣ, въ которой послѣ утрени пилъ воду.

Старичекъ-монахъ былъ на своемъ посту. Онъ сидѣлъ на табуреткѣ, и какъ-то смѣшно прищуря лѣвый глазъ, глядѣлъ на меня въ то время, какъ я подходилъ къ часовнѣ...

— Ты что-жъ ходишь-то, рабъ Божій,—спросилъ онъ, признавши меня,—точно потерялъ что, аль какъ неприкаянный... Ты шелъ бы чайку попилъ... Аль до обѣдни-то не пьешь? Говѣешь, а?.. Доброе дѣло!.. Да ты постой,—опять какъ и давеча, почти закричалъ онъ, видя, что я намѣреваюсь идти дальше,—куда ты бѣжишь-то?.. Экой безпокойный какой... успѣешь... поговори что-нибудь... Чей ты?.. Дальній, а?

Я удовлетворилъ его любопытство и хотѣлъ было идти, но онъ опять удержалъ меня.

— Помолиться пришелъ?—сказалъ онъ.—Что-жъ, хорошее дѣло, поживи у насъ... а то и совсѣмъ оставайся,—вдругъ неожиданно и какъ разъ попавъ на мои мысли, закончилъ старикъ.

— Какъ совсѣмъ?—спросилъ я.

— Да такъ... жить, въ число братіи... Ты грамотный? Изъ духовныхъ, что-ли?..

— А примутъ ли?..—опять спросилъ я.

— Примутъ... ты проси... ты игумена проси... не отставай отъ него... не отставай, рабъ Божій!—Онъ вскочилъ съ табуретки и до того воодушевился, что началъ махать руками сверху внизъ и громко кричалъ:—проси, проси, проси!

— А гдѣ мнѣ его найти?—спросилъ я.

— А ты вотъ какъ сдѣлай,—успокоившись и усѣвшись снова на тубаретку, почему-то шепотомъ и оглянувшись по сторонамъ, заговорилъ старичекъ.—Ты, вотъ, какъ отойдетъ поздняя, зазвонятъ обѣдать, пойдетъ братія въ трапезную и игуменъ пойдетъ... вонъ по энтой тропочкѣ,—показалъ онъ рукой,—промежъ кустовъ-то, видишь?.. Ты его тутатко и

лови... А то,—спохватившись продолжалъ онъ,—еще лучше: лови ты его, какъ онъ изъ трапезной пойдетъ назадъ къ себѣ въ покои... Тутатко и лови его... Поѣвши-то человѣкъ мягче бываетъ, добрѣе... Да онъ у насъ не сердитый, ты не бойся... Скажи: такъ и такъ,—желаю, молъ, потрудиться преподобному, поработать... остаться, молъ... Тебя какъ звать-то? Семеномъ, говоришь?.. Ну такъ вотъ, братъ Семенъ, ты такъ и сдѣлай, какъ я говорю... оставайся! У насъ хо-о-орошо!.. Душу спасешь... А на мiру-то тьфу! Грѣхъ одинъ!.. И мнѣ то за тебя Богъ можетъ грѣховъ сбавить за то, что посовѣтовалъ, вишь, тебѣ... Все одно, какъ жида въ крещеную вѣру ввелъ... Такъ-то-ся!..

Онъ потихоньку засмѣялся и похлопалъ рука объ руку.

— Я вотъ тоже извозчикъ былъ,—заговорилъ онъ опять.—Въ Москвѣ ѣздилъ... запряжка кака была, лошадь! Лихачу не уступалъ... А вотъ теперича, вишь Господь-то какъ сдѣлалъ... удостоилъ и меня грѣшнаго... Можетъ, на старости лѣтъ и ангельскiй чинъ приму... А ты, братъ Семенъ,—опять перебилъ онъ свою рѣчь,—ужо какъ съ игуменомъ-то стакаешься, приходи сюда... Я тебя обожду здѣся... пойдемъ ко мнѣ чай пить... Я одинъ живу въ огородѣ, въ сторожкѣ... Теперь,—взглянувъ кверху на солнце, прибавилъ онъ:—скоро, чай, и ударятъ.

— Иди, иди... иди, раба Божья,—закричалъ онъ вдругъ и замахалъ рукой,—иди, испей водицы... помолись...

Я оглянулся... Къ часовнѣ подходила баба съ ребенкомъ въ рукахъ. Ребенокъ какъ то жалобно и слабо кричалъ у ней, точно мяукалъ...

— Иди, раба Божья, иди, иди!—манилъ ее старикъ, хотя отлично видѣлъ, что баба идетъ именно въ часовню.—Что это у тебя, а?..—спросилъ онъ, когда она подошла и поклонилась,—скулитъ-то за пазухой... ребенокъ, а?..

— Бо-о-о-льнешенекъ!—точно обрадовавшись чему-то, заговорила баба,—третью, батюшка, недѣлю бьюсь съ нимъ... Оретъ и оретъ, словно за душу прицѣпленный... И притка его знаетъ, что у него за боль завязалась... Пришла вотъ къ преподобному,—не поможетъ ли, молъ... Наказанье Господне!..

— А ты не ропщи... ты, баба дура, не ропщи,—заговорилъ монахъ,—ты вѣдь кто?.. Дура ты!.. Необузданная... ты пойми: кто виноватъ-то, а? Онъ, что ли, тебя нашелъ-то, а?.. Небось, не дѣти насъ нашли-то, а мы дѣтей... Такъ-то вотъ, баба... дура ты! Не ропщи, говорю... молись преподобному...

— Да и то молюсь, отецъ,—оробѣвъ, произнесла баба.

— Молюсь! —передразнилъ ее монахъ.—Какъ ты молишься-то, по-каковски?.. Сама поклоны передъ святыми иконами кладешь, а думаешь, какъ бы хлѣбы не пересидѣ-

лись въ печкѣ... Нешто это молитва, а?.. „Молюсь!“ — опять передразнилъ онъ ее и вдругъ строго, какимъ-то особеннымъ голосомъ, нахмурившись и сдѣлавшись очень потѣшнымъ, сказалъ:—Иди за мной! Я ему водицы дамъ испить... иди! иди!

Баба заторопилась и пошла въ часовню.

— Такъ ты, братъ Семенъ, такъ и сдѣлай, какъ я училъ,— сказалъ, обращаясь ко мнѣ, монахъ,—не робѣй... ужо заходи чайку испить... я подожду...

— Ладно,—отвѣтилъ я и пошелъ отъ него прочь, опять въ кубовую.

XI.

Гурей съ Гультикомъ отпили чай и сидѣли, дожидаясь меня. Я передалъ имъ свою бесѣду съ монахомъ.

— А мы то какъ же,—выслушавъ меня, сказалъ Гурей.— Рабъ Божій,—какъ-то жалобно взмолился онъ,—ужъ ты насъ не покинь, не оставь... и мы съ тобой... куда иголка, туда и нитка... Наше дѣло безъ тебя—бя... темные мы, говорить съ эдакимъ лицомъ не умѣемъ... ты грамотный, ты знаешь... не покинь, сдѣлай милость... Всѣ вмѣстѣ и пойдемъ... авось Господь дастъ, все по хорошему будетъ...

Въ монастырѣ „ударили“ къ обѣднѣ. Мы взяли свои сумочки и вышли изъ кубовой...

— Въ церковь, что ли?—сказалъ Гурей:—Аль такъ потрепаться покеда, а?..

— Успѣемъ въ церковь-то... вопче... рано, — отвѣтилъ Гультикъ,—хоша,—продолжалъ онъ точно сквозь слезы, — грѣхъ болтаться зря-то... ну, да вопче... того...

— „Вопче, вопче“,—передразнилъ его Гурей,—и не поймешь, что ты за человѣкъ такой? Битъ, надо быть, бывалъ шибко, оттого ты и есть такой... Гляжу я на тебя, рабъ Божій, и дивлюсь: мы плохи, ну, а ты чище насъ...

Между тѣмъ, изъ гостиницы потянулись въ монастырь, на звонъ, богомольцы... Среди нихъ преобладали бабы, любительницы посѣщать мужскіе монастыри, питающія къ монахамъ особенное расположеніе...

Пройдя воротами, большинство богомольцевъ свертывали налѣво къ небольшому домику, гдѣ была просфорная, и, запасшись просфорами, шли дальше вглубь монастыря, къ главному собору, гдѣ лежали мощи и гдѣ началась уже служба...

Къ собору, по площади, со всѣхъ сторонъ торопливо шли похожіе на вороновъ монахи... „Манатейные“ несли полы своихъ мантій, какъ бабы подолы юбокъ, боясь замочить или

измарать ихъ въ грязи. Молодые послушники, тщательно расчесавъ волосы, надѣвъ немножко на бекрень свои „ермолки“, перетянувшись по таліи ремнями, видимо рисуясь своимъ положеніемъ, прогуливались по липовой аллеѣ, нахально заглядывая въ лица молодыхъ бабенокъ и дѣвокъ. Маленькій оборванный парнишка велъ за руку спотыкавшагося на ходу древняго, страшно худого, слѣпого старика... Прошелъ къ собору высокій, широкоплечій солдатъ-кавалеристъ, позвякивая шпорами, въ новой съ иголочки шинели, вѣроятно пріѣхавшій къ роднымъ на побывку. Онъ косилъ глаза направо и налѣво, очевидно думая, что на него смотрятъ и любуются, и прошелъ къ собору. За нимъ, хихикая, вертя хвостами, какъ трясучки, сѣменя ногами—„чикъ, брикъ, чикъ, брикъ“—прошли какія-то двѣ „мамзели“... Нѣсколько бабъ, очевидно дальнихъ, въ бѣлыхъ балахонахъ, въ лаптяхъ, съ котомками за плечами и палками въ рукахъ, твердой поступью, ни на кого не глядя, нахмурившись, со строгими лицами, прошли туда же.

Затрезвонили „къ началу“.

Трезвонилъ мастеръ своего дѣла, артистъ, какъ я послѣ узналъ, слѣпой монахъ о. Степанъ... Колокола у него точно разговаривали... Сначала маленькіе начинали болтать что-то веселое; къ нимъ осторожно, точно боясь помѣшать, присоединялись большіе и, наконецъ, вступалъ и глушилъ бесѣду своимъ ужаснымъ басомъ „самъ“ набольшій...

Соборъ былъ большой, темный... Направо отъ входныхъ дверей, въ какой-то нишѣ, похожей на пещеру, находились подъ спудомъ мощи... Здѣсь стояли огромные подсвѣчники, и на нихъ горѣло множество свѣчей... Старый монахъ, точно застывшій въ своей позѣ, стоялъ сбоку, смотрѣлъ, какъ прикладываются къ мощамъ, и слѣдилъ за порядкомъ. Бабы, какъ одурѣвшія овцы, съ выпученными, точно испуганными глазами, напирая другъ на дружку, лѣзли къ мощамъ съ такой настойчивостью и нетерпѣніемъ, какъ будто боялись, что ихъ не допустятъ приложиться...

Гурей купилъ за двѣ копѣйки тоненькую свѣчку и, шепнувъ мнѣ: „пойдемъ, рабъ Божій, приложимся“,—полѣзъ вмѣстѣ съ другими къ мощамъ. За нимъ, фыркая носомъ и утирая его рукавомъ, тронулся Гультикъ, а за Гультикомъ я.

На верхней сторонѣ высокой, въ формѣ длиннаго ящика, гробницѣ, былъ изображенъ святой угодникъ въ томъ видѣ, какъ обыкновенно кладутся мертвецы, т. е. со сложенными на груди руками. Гробница была покрыта богатымъ покровомъ... Прикладывались къ „ручкамъ“ и клали, кто сколько могъ, на тутъ же стоявшее, неизбѣжное „подай Господи“...

Молоденькій послушникъ, почти мальчикъ, тоненькимъ

голоскомъ на лѣвомъ клиросѣ „отбарабанилъ“ часы... Пришелъ игуменъ и, пройдя по всему собору, всталъ на свое огороженное мѣсто противъ праваго клироса.

Маленькаго роста, рыжебородый, толстенькій о. дьяконъ выбѣжалъ на амвонъ, поклонился игумену, обернулся къ царскимъ дверямъ и вдругъ, какъ-то неожиданно, сразу, высочайшимъ теноромъ закричалъ:

— Благослови, владыко!

Изъ алтаря сейчасъ же откликнулся ему на это хриплымъ, бормочущимъ басомъ іерей:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ...

— Аминь!—точно сорвавшись откуда-то, завопилъ на правомъ клиросѣ, на разные голоса, „Ликъ“...

— Миромъ Господу помолимся! — закричалъ опять дьяконъ, и литургія началась.

XII.

По окончаніи обѣдни монахи, во главѣ съ игуменомъ, направились въ трапезную... Нѣкоторые богомольцы побогаче заказали около мощей молебны, а большинство направилось вонъ изъ монастыря, и вскорѣ на площадкѣ противъ собора сдѣлалось безлюдно и тихо...

— Куда-жъ теперича, рабъ Божій,—шепотомъ спросилъ Гурей,—гдѣ его преподобія дожидаться-то, а?..

Я повелъ товарищей на ту тропку, по которой долженъ былъ, какъ говорилъ мнѣ давеча у часовни монахъ, проходить изъ трапезной въ свои „покои“ игуменъ...

Тщательно расчищенная и разметенная дорожка, обсаженная по сторонамъ густо разросшимися, подстриженными вверху кустами, на которыхъ лежалъ толстый слой мягкаго и бѣлаго снѣга, вела отъ игуменскихъ покоевъ, раздѣляясь на двѣ половины—одна къ собору, другая къ трапезной...

Мы стали на дорожкѣ изъ трапезной, шагахъ въ пятнадцати отъ крыльца игуменскихъ покоевъ, а впереди насъ, съ той стороны, откуда долженъ былъ идти игуменъ, т. е. отъ трапезной, по дорожкѣ, ходилъ взадъ и впередъ какой-то молодой человѣкъ, въ пальто, въ шляпѣ, съ брюками на выпускъ, тоже, повидимому, кого-то поджидавшій... Не доходя до насъ шаговъ пяти, онъ каждый разъ какъ-то презрительно морщился, дѣлая на лицѣ гримасу, и, круто повернувшись, неслышно ступая резиновыми старыми калошами, заложивъ руки за спину, шелъ обратно...

— А что ты, рабъ Божій, думаешь, — шепнулъ мнѣ

Гурей,—надо быть, этотъ франтъ игумена поджидаетъ неплошь насъ. Ужли тоже проситься хочетъ, а?.. Ишь ты,—продолжалъ онъ,—баринъ, въ шляпѣ, и портки выпустилъ... въ калошахъ...

— Гляди, гляди, — съ какимъ-то ужасомъ въ голосѣ вдругъ перебилъ онъ свои слова,—идетъ!.. Игуменъ идетъ... Господи, Царица Небесная!.. Николай чудотворецъ, батюшка, угодникъ Божій!.. Ма-а-а-тушка, заступница!..

Дѣйствительно, игуменъ вышелъ изъ трапезной и, грузно ступая тяжелыми и большими сапогами, направился, переваливаясь на ходу, какъ зажирѣвшій селезень, по дорожкѣ въ нашу сторону...

Молодой человѣкъ въ шляпѣ остановился и сталъ ждать его... Игуменъ подходилъ... Молодой человѣкъ, не допустя его до себя шага на три, вдругъ какъ-то сразу бросился ему въ ноги... Игуменъ отшатнулся и остановился... Молодой человѣкъ вскочилъ, сдѣлалъ руки горсточкой и, согнувшись, протянулъ ихъ къ игумену, громко сказавъ:

— Благослови, владыко святый!..

Игуменъ размашисто „осѣнилъ" его крестнымъ знаменіемъ и привычнымъ жестомъ сунулъ ему къ губамъ свою руку... Молодой человѣкъ „приложился" къ ней и сталъ что-то потихоньку говорить... Игуменъ, улыбаясь, слушалъ... Молодой человѣкъ говорилъ долго, съ какимъ-то особеннымъ жаромъ выразительно жестикулируя руками... Выслушавъ его, игуменъ громко, съ удареніями на о, сказалъ.

— Хорошо... хорошо... ладно... Оставайся... приходи буде ужо ко мнѣ...

Сказавъ это, онъ направился къ намъ. Молодой человѣкъ, какъ-то подскакивая на ходу и заглядывая ему въ лицо, не отставая, шелъ за нимъ и продолжалъ говорить что-то. Игуменъ, грузно переваливаясь, двигался, глядя на насъ издали прищуренными глазами... Это былъ, средняго роста, кряжистый, съ огромной, совершенно бѣлой бородой, круглолицый, румяный, очень красивый старикъ...

Когда онъ поровнялся съ нами, мы поклонились ему. Благословивъ насъ всѣхъ троихъ и сунувъ каждому къ губамъ свою пухлую, бѣлую, мягкую руку, онъ, ласково улыбаясь и глядя небольшими глазами изъ-подъ нависшихъ совершенно бѣлыхъ бровей, привѣтливо произнесъ:

— Вы что, робятушки, а?.. Что скажете хорошенькаго?.. Откеда?.. Дальніе?.. Помолиться?.. Спаси Христосъ... одобряю... Ну, что скажете, а?..

Я сталъ говорить, чувствуя въ то же время, что мнѣ совѣстно, неловко, и досадно на самого себя... Но дѣлать было

уже нечего, толчокъ былъ данъ, и санки быстро катились подъ гору...

Игуменъ слушалъ молча, улыбаясь и окидывая насъ глазами... Когда я кончилъ, онъ засмѣялся и сказалъ, кивнувъ головой въ сторону, гдѣ стоялъ молодой человѣкъ въ шляпѣ...

— Вотъ и баринъ просится... хо. хо, хо!.. Что это вы нонѣ?.. Говоритъ: въ семинаріи учился... ученый, слышь... отецъ, быдто, протопопъ въ соборѣ... Въ какомъ, слышь, ты баилъ, городѣ-то?—обратился онъ къ покраснѣвшему молодому человѣку въ шляпѣ.

Изгибаясь, съ улыбочкой на тонкихъ губахъ, молодой человѣкъ поспѣшно отвѣтилъ.

— Во... вишь ты, кака птица,—обращаясь ко мнѣ, опять заговорилъ игуменъ,—ученый... въ шляпѣ... хо, хо, хо!.. Что ты это,—опять обратился онъ къ молодому человѣку,—зимой-то да въ шляпѣ?.. Чудно!.. Чай, холодно?.. Безъ портокъ, а въ шляпѣ... хо, хо, хо!.. Ахъ, робята, робята, чудаки вы, правотка... Возьми ихъ въ монастырь... мутовку облизать... Чудно! А ты,—обратился онъ снова ко мнѣ,—что-жъ шляпу-то не надѣлъ, а?.. Хо, хо, хо!.. за одно бы... Ты по рылу-то, видать — не хресьянинъ... изъ кутейниковъ, что ли, а?.. Ученый?..

Я поспѣшилъ сказать ему, „изъ какихъ" я. Выслушавъ, онъ воскликнулъ:

— О-о-о! А я думалъ, ты не нашъ... съ лица-то ты не похожъ... Что-жъ, остаться хочешь, а?.. А грамотный ты? Пѣть не умѣешь ли?.. Пѣвчими-то я разбился... По церковному-то можешь-ли читать?.. А пачпортъ-то при тебѣ есть ли?.. Небось,—продолжалъ онъ, все такъ же радушно улыбаясь,—водочку, чай, больше молока любишь... табачишка, чай... на бабъ, чай, пялишься... а?..—И, видя, что я молчу, продолжалъ, какъ-бы желая ободрить меня:

— Ну ладно, ничего... всѣ грѣшны, всѣ во плоти... святые угодники и тѣ грѣшили... врагъ-то силенъ... Ну, такъ какъ же,—перемѣнилъ онъ рѣчь,—быть-то?.. Пожалуй, оставайся, живи... работай, коли пѣть не умѣешь... Вотъ вмѣстѣ съ господиномъ-то,—обернулся онъ снова къ молодому человѣку,—въ одной кельѣ и жить станете... Охотнѣй вамъ.. а тамотко видать будетъ... Ступайте покеда къ рухальному къ о. Ксенофонту... пачпорта отдадите, одежу вамъ дадутъ... Съ одежей то ко мнѣ идите благословляться...

— Ну, а вы, робятушки, что?—обратился онъ къ Гурею и Гультику,—аль тоже въ монахи захотѣли?.. Хо, хо, хо!.. Чудите вы!.. Да мнѣ, если бы васъ всѣхъ брать-то, стариковъ-то, да на зиму-то—надо бы пять такихъ монастырей

имѣть, да и то мѣстовъ не хватило бы... отбою отъ васъ нѣтъ... Ну, что скажете?

Гурей поклонился ему въ ноги и, поднявшись, произнесъ:

— Не оставь!..

— Не оставь!—какъ эхо, повторилъ Гультикъ.

— Да куда-жъ мнѣ васъ?—сказалъ игуменъ.—Въ лапшу, что ли, крошить... не годитесь, стары... хо, хо, хо!.. не ужуешь... Мастеровые?.. Мастерства какого не знаете ли?..

— Нѣтъ, батюшка,—виновато произнесъ Гурей.

— Ну, что-жъ вы умѣете дѣлать?..

— Да что заставишь...

— Хо, хо, хо!—засмѣялся на его отвѣтъ веселый и, очевидно, плотно пообѣдавшій игуменъ,—ну, полѣзай, вонъ, на крестъ... позолоти... хо, хо, хо! Чудите вы, робята... Въ монахи захотѣли... гм!.. Словно это блинъ проглотить... чикъ, брикъ, да и клѣтка... А вы вотъ что,—сдѣлавшись серьезнымъ, продолжалъ онъ,—такъ ужъ и быть, народъ вы, вижу, смирный, идите къ нарядчику къ о. Ильѣ, скажите—игуменъ, молъ, прислалъ... можетъ, онъ васъ въ рабочіе приметъ. Рублевка въ мѣсяцъ, харчи, одежа, квартера... все отъ обители, все готовое... Поживите коли, увидимъ... можетъ, и въ число братіи зачтемъ... глядя по человѣку... Народъ вы не молодой, темный, сиподеры... Каки вы монахи, мѣсто занимать только, хлѣбъ ѣсть... Такъ-то вотъ... Идите со Христомъ!

Гурей съ Гультикомъ опять повалились ему въ ноги. Онъ благословилъ ихъ, сунулъ каждому къ губамъ руку и, обернувшись къ молодому человѣку, сказалъ:

— Много-ль за шляпу-то далъ? Тоже, небось, деньги плочены?.. Хо, хо, хо! холодно, чай, говорю?..

Молодой человѣкъ покраснѣлъ и потупился...

— У насъ вѣдь тутатко,—продолжалъ игуменъ,—народъ всё простой, хресьяне... Я самъ мужикъ сѣрый... шляпы-то къ намъ не идутъ. У насъ работа, а ты вонъ, вишь, въ калошахъ... Ты думаешь, у насъ здѣсь: обѣдъ да полдни, только и помни... Нѣтъ, братъ, у насъ ручки-то будутъ, какъ терки... А ты, чай, отъ роду топора въ руки не бралъ...

Молодой человѣкъ пробормоталъ что-то невнятное и потоптался на мѣстѣ... Ему, очевидно, было очень неловко и совѣстно передъ нами... Игуменъ это замѣтилъ...

— Ну, а ты,—ласково сказалъ онъ, — не обижайся, не дѣвка красна... такъ это я... Идите съ Богомъ къ рухальному, къ о. Ксенофонту,—серьезно добавилъ онъ и торопливо пошелъ, переваливаясь съ боку на бокъ въ свои покои, похожій сзади на толстую женщину.

—

XIV.

Минуты двѣ мы стояли, молча глядя другъ на друга, точно удивившись чему-то, не зная, что дѣлать... Наконецъ, Гурей сказалъ, какъ-то особенно растягивая слова и, видимо, разогорченный словами игумена.

— Н-н-н-да-съ! въ рабочіе-съ... цѣлковый въ мѣсяцъ, харчи, баитъ, наши... ѣшь—не хочу... одежа... Гей! стары вы, говоритъ... Н-н-н-да-съ!.. Дѣло наше съ тобой, Гультикъ, выходитъ того-съ... бя-я-я!.. Пойдешь въ рабочіе-то?..

— Я... вопче,—заволновался и заныль Гультикъ, — не знаю... хоша... пожить можно... время того... холодное... вопче... ходить-то... того...

— Ужъ видно, наше счастье такое,—продолжалъ Гурей,— гдѣ намъ. Вотъ тебя взялъ, — обратился онъ ко мнѣ, и въ голосѣ его былъ нескрываемый укоръ и досада. Что бы тебѣ о насъ-то заикнуться... небось, нѣтъ...

— Небось, слышалъ,—сказалъ я,—не годитесь, стары...

— А работать не стары, за цѣлковый-то?.. Знаю: худо ли имъ за рупь-то. Все, чай, на рупь-то наработаю... а харчи-то для нихъ все одно, что плюнуть,—артельское дѣло... Работу-то я гдѣ хошь найду... ворочай съ дуру-то!.. Я не работы ищу... я объ душѣ хлопочу, не спасу ли, молъ... а онъ на-ка... отростилъ пузо-то... Работай самъ, нечѣмъ другихъ-то потчивать... ишь ты, знаемъ мы... нѣтъ, шалишь, не пообѣдаешь... Гм!.. ловко!..

— Пойдемъ, рабъ Божій,—какъ-то сердито и не глядя на меня, обратился онъ къ Гультику, стоявшему съ опущенной головой, какъ старая, сморенная на работѣ кляча...

— Куда же вы?—спросилъ я.

— А куда Богъ велитъ!.. Бѣлый свѣтъ на волю данъ... Здѣсь не взяли, въ другомъ мѣстѣ возьмутъ... Авось Господь-то не безъ милости, найдемъ... Прощай, рабъ Божій, не взыщи съ меня, коли когда что лишнее сболтнулъ... не со зла болталъ... такъ... языкъ мой, врагъ мой... Прощай!..

— Прощай,—отвѣтилъ я съ грустью,—прощайте! Можетъ быть, увидимся...

— Знамо,—уныло произнесъ Гурей,—гора съ горой не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ могутъ сойтись завси... Прощай!—еще разъ сказалъ онъ,—живи тутъ... спасайся... Бога помни... а ужъ мы!—Онъ не договорилъ, махнулъ рукой и быстро пошелъ прочь отъ меня по направленію къ собору...

Понуривъ голову, необыкновенно жалкій, поплелся за

нимъ Гультикъ, и оба они, пройдя аллейку, свернули направо и скрылись за кустами...

Съ тѣхъ поръ я уже ихъ не видалъ больше...

XV.

Пока мы разговаривали, молодой человѣкъ въ шляпѣ отошелъ немного въ сторону и съ презрѣніемъ, какъ мнѣ казалось, поглядывая на насъ, нетерпѣливо ждалъ.

Увидя, наконецъ, что Гурей съ Гультикомъ ушли, онъ сморщился и нехотя сквозь зубы процѣдилъ:

— Н-н-у, пойдемте, что-ли, къ рухальному...

— А гдѣ мы его найдемъ?—спросилъ я.

— Гдѣ-нибудь найдемъ,—отвѣтилъ онъ и пошелъ аллейкой по тому же направленію, куда пошли мои спутники...

Пройдя немного, онъ вдругъ обернулся ко мнѣ, пріостановился и сказалъ, щуря на меня небольшіе непріятные глаза.

— Знаете, что: я не люблю болтать... Намъ придется жить вмѣстѣ въ одной кельѣ... Я васъ заранѣе прошу: не лѣзьте ко мнѣ... Другое дѣло, если бы вы изъ духовныхъ были... Всетаки свой бы, а то... Ну, однимъ словомъ, между мной и вами нѣтъ ничего общаго... Да и вообще я... — онъ не договорилъ и тронулся дальше.

Я не нашелся отвѣтить ему. Слова его были до того неожиданно-глупы, что я просто, какъ говорится, разинулъ отъ удивленія ротъ и молча шелъ за нимъ, съ любопытствомъ глядя на его сутуловатую, качающуюся и подскакивающую на ходу, нескладную фигуру..

Пройдя немного, онъ вдругъ снова обернулся и, снова съ тѣмъ же презрѣніемъ въ голосѣ, сказалъ:

— Долженъ васъ предупредить, что я не пью и не курю.

— Хорошее дѣло,—отвѣтилъ я, на этотъ разъ уже со злостью глядя на него, — а я такъ вотъ и пью, и курю, и въ карты играю...

— Гм!—промычалъ онъ и, пожавъ узенькими плечами, пошелъ дальше. Я тоже тронулся за нимъ, опять съ интересомъ глядя на его плоскую, какъ доска, спину, тонкія, подгибавшіяся на ходу ноги, длинную журавлиную шею...

Путь нашъ лежалъ мимо часовни, гдѣ я пилъ по утрамъ воду. Добродушный монахъ и на этотъ разъ былъ на своемъ посту, и онъ еще издали призналъ меня и закричалъ:

— Ну, что, братъ Семенъ, чѣмъ Господь обрадовалъ?.. Просился? Взялъ?

— Взялъ,—сказалъ я.

— Слава тебѣ, Боже, слава тебѣ, Боже, слава тебѣ, Боже,—три раза повторилъ старикъ, искренно обрадованный, и три раза перекрестился на соборъ. — Куда-жъ ты теперь?

— Къ рухальному,—отвѣтилъ я.

— А-а-а, за одежей!.. А этотъ съ тобой, баринъ-то, кто же? — показалъ онъ пальцемъ на молодого человѣка въ шляпѣ.

— Тоже поступаетъ,—отвѣтилъ я.

— Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Господи!—опять радостно произнесъ старикъ,—„приходящаго ко мнѣ не иждену вонъ"... Спаси Христосъ... Заходи ужо, чайку попьемъ, кишки пополощемъ, потолкуемъ... Заходи! Спроси отца Игнатья, всякій укажетъ, гдѣ живу...

— А къ рухальному-то гдѣ идти?—спросилъ я:—гдѣ его келья-то?..

— А во... вонъ тамъ, гляди,—видишь, бѣлый домъ... Зайдите за уголъ, вонъ съ той стороны первое крыльцо налѣво... Наверхъ лѣстница...

XV.

Рухальный жилъ во второмъ этажѣ мрачнаго съ виду, похожаго на какой-то фабричный корпусъ дома.

Деревянная, неопрятная лѣстница вела снизу, изъ сырыхъ, съ отвратительнымъ запахомъ, сѣней, наверхъ.

Мы взобрались по лѣстницѣ на площадку, гдѣ лежали дрова, какіе-то кувшины, стоялъ въ плошкѣ деготь, вѣроятно, для смазки сапогъ, метла, и, отворивъ обитую рогожкой дверь, очутились въ полутемномъ корридорѣ.

Въ корридорѣ было тихо. Два небольшихъ окна въ стѣнѣ направо съ зелеными стеклами скупо освѣщали его. Все было сѣро, неопрятно, тоскливо...

По угламъ висѣла паутина, на полу было сорно, стоялъ куль съ угольями, валялись какіе-то старые, засохшіе обмызганные вѣники, тряпки, растоптанные уголья, огромная вязанка дубовыхъ мелко переколотыхъ дровъ...

Корридоръ былъ небольшой... Въ немъ было только четыре двери, ведущія въ кельи, гдѣ жили монахи.

Въ промежуткахъ между дверями были печи... Отсюда производилась топка,—на двѣ кельи по одной печкѣ... Подъ потолкомъ, посрединѣ, висѣла загаженная лампочка, съ закоптѣлымъ стекломъ.

Тяжелый запахъ, такой же, какъ и внизу, царилъ въ этомъ мрачномъ корридорѣ.

Мы остановились около двери, не зная, что дѣлать... Молодой человѣкъ вопросительно посмотрѣлъ на меня... Я промолчалъ. Онъ отошелъ къ окну и сѣлъ на подоконникъ...

Было тихо. Гдѣ-то глухо и рѣдко пробили часы. Что-то упало. Огромная дымчатая съ длиннымъ хвостомъ крыса вдругъ вывернулась откуда-то и побѣжала по корридору на другой конецъ...

Молодой человѣкъ досталъ изъ бокового кармана пальто какую-то небольшую черную книжечку и, подумавъ, началъ что-то торопливо записывать въ нее.

Отъ нечего дѣлать, украдкой я сталъ наблюдать за нимъ...

Возрастъ его опредѣлить было трудно. Лицо его и вся фигура показывали, что онъ таки пожилъ на своемъ вѣку. Лицо было испитое, желтовато-сѣраго цвѣта, шея длинная съ сильно выпяченнымъ кадыкомъ. Шляпу онъ снялъ, положивъ ее рядомъ съ собой на подоконникъ, и я увидалъ его голову „рѣдькой вверхъ", на которой росли жидкіе, зачесанные назадъ волосы. Лобъ былъ низкій, узенькій; тусклые небольшіе глаза, точно наполненные водой стеклянные шарики, глядѣли безсмысленно и тупо.

Пальтишко на немъ было плохенькое, не соотвѣтствовавшее времени года, „рыночное", съ большими уродливыми пуговицами по бортамъ... На ногахъ были стоптанныя резиновыя калоши и полосатыя обтрепанныя снизу брюки...

Онъ сидѣлъ на подоконникѣ, что-то записывая. Несмотря на то, что въ корридорѣ было не холодно, его тощее лицо, длинный носъ, руки съ длинными тонкими пальцами какъ-то посинѣли и имѣли непріятный и жалкій видъ...

По всему видно было, что этотъ человѣкъ страшно нуждается, но старается скрыть нужду, какъ страусъ прячетъ голову подъ крыло, не замѣчая, что эти попытки выдаютъ его...

— Что-жъ намъ дѣлать?—спросилъ я, не видя конца тягостному молчанію.—Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ, но въ это время за дверью по лѣстницѣ послышались шаги; дверь, визжа блокомъ, отворилась, и въ корридоръ вошелъ высокій, худощавый молодой послушникъ съ большимъ наполненнымъ водою кувшиномъ...

„Любила я,
Страдала я,
А онъ, подлецъ,
Сгубилъ меня!"—

пѣлъ онъ, ставя на полъ въ углу кувшинъ и не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія.

„Надѣну черно платье,
Въ монашенки пойду!“ —

продолжалъ онъ и вдругъ, поднявъ голову и взглянувъ на насъ мутными, точно у пьянаго, глазами, спросилъ:

— Вамъ кого, рабы Божьи?..

— Да вотъ,—отвѣтилъ я,—къ рухальному пришли, да не знаемъ, гдѣ онъ...

— А онъ, небось, кривой чортъ, спитъ безъ заднихъ ногъ!—радостно воскликнулъ послушникъ: — Пьетъ онъ у насъ здорово, — продолжалъ онъ,—монаха (четверть) въ день!.. Вотъ и ноньче не былъ за трапезой... Хватилъ здѣсь, у себя, налакался—и спать... Постойте-ка, я его раскачаю...

Онъ подошелъ къ первой двери, постучалъ и закричалъ, нагнувшись, въ замочную дырочку:

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Отвѣта не послѣдовало.

Онъ снова застучалъ и снова крикнулъ: „Молитвами святыхъ Отецъ нашихъ“ и т. д.

— Да ну... аминь!—раздался за дверью хриплый и сердитый голосъ:—какого рожна надо?.. Уснуть не даютъ!..

Щелкнулъ замокъ, и въ полуотворившуюся дверь высунулась въ корридоръ фигура рухальнаго, о. Ксенофонта.

Послушникъ говорилъ правду: отецъ Ксенофонтъ, очевидно, спалъ и спалъ давно: лицо его опухло, сѣдые сосульками волоса растрепались, бороденка спуталась комкомъ, единственный лѣвый глазъ съ огромнымъ подъ нимъ мѣшкомъ заплылъ и чуть-чуть глядѣлъ на свѣтъ божій... Долгая, изъ бѣлаго холста „бабья“ рубаха была развязана на вороту, и изъ-подъ нея виднѣлась покрытая волосами грудь съ висѣвшей на шнуркѣ небольшой позолоченной иконкой... На ногахъ у о. Ксенофонта не было ничего: онѣ были босы...

— Ну, какого тебѣ рожна надыть? — набросился онъ на послушника. — Дуракъ длинный!.. Эна вытянулся, какъ глистъ, а ума ни фиги не нажилъ... Дубина протяженно-сложенная!..

— Да вотъ къ тебѣ пришли, — отвѣтилъ послушникъ, указавъ на насъ,—игуменъ прислалъ... Чего ты лаешься-то, песъ старый... На цѣпь тебя посадить, лаялъ бы отъ нечего дѣлать... Хоть бы при дѣлѣ, а то возьми-ка глаза въ зубы, погляди на себя: зажирѣлъ, какъ у богатаго мужика меринъ...

— Ну, ну, молчи, протяженно-сложенная дубина!.. Вы что?—закричалъ онъ насъ: — чего надо? Не во-время шляетесь...

Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— А дери васъ чортъ и съ игуменомъ-то съ дуракомъ вмѣстѣ... Монахи! Въ монахи захотѣли!.. Какіе вы къ шутовой, прости Господи, матери, монахи... Жили бы на волѣ, бѣгали бы за дѣвками, пьянствовали бы... Монахи! — опять презрительно повторилъ онъ.—Гм! кашу пришли жрать, дармоѣдничать... никуда, видно, больше-то не годитесь.

Онъ помолчалъ немного, пожевалъ губами и воскликнулъ, обращаясь къ послушнику, стоявшему тутъ же и съ улыбкой на тонкихъ губахъ взиравшему и на насъ, сконфуженныхъ этимъ пріемомъ, и на растрепаннаго съ похмѣлья о. Ксенофонта.—Ну, скажи на милость: и не дуракъ ли у насъ игуменъ? На что глядя, беретъ всякую, прости Господи, сволоту?.. Народу и то набито, до Москвы не перевѣшаешь, а онъ еще подсыпаетъ... Куда я васъ дѣну-то? — опять обернулся онъ къ намъ.—Каку вамъ одежу?.. У меня и подрясниковъ нѣтъ, и сапогъ нѣтъ... А, чтобъ васъ ободрало! надоѣли, какъ собаки!.. Обождите... некогда мнѣ, — добавилъ онъ помягче и, хлопнувъ дверью, скрылся къ себѣ въ келью...

Послушникъ захохоталъ. Молодой человѣкъ стоялъ, опустивъ голову, съ краской въ лицѣ, и кусалъ губы... Я тоже растерялся—и не зналъ, что дѣлать: уходить, или дожидаться...

— А вы не робѣйте,—все еще смѣясь, очевидно понимая наше смущеніе и желая ободрить насъ, сказалъ послушникъ,—наплевать, что онъ оретъ... Онъ ничего,—пооретъ, такой же будетъ... вы на это не взирайте... онъ у насъ постоянно такой, - ни за что облаетъ... Человѣкъ онъ хорошій, простецъ... Не бойтесь... Той собаки не бойтесь, которая лаетъ, а той бойтесь, которая потихоньку кусаетъ... Погодите, сейчасъ выйдетъ...

Мы стали ждать... Послушникъ набралъ изъ вязанки охапку дровъ, снесъ ее къ печкѣ, швырнулъ на полъ, такъ что только гулъ пошелъ по всему корридору, всталъ на колѣни, отворилъ дверку и, напѣвая:

Лучше пьяному напиться,
Чѣмъ тверезвому ходить.
Лучше вовсе не жениться,
Чѣмъ корявую любить! —

началъ швырять ихъ въ печку...

— А вы дальніе? — спросилъ онъ, покончивъ это дѣло

и закуривъ вынутый изъ отдушины печки, очевидно, заранѣе приготовленный и спрятанный тамъ крючекъ махорки.— А я такъ вотъ тверской... Тверской губерніи,—продолжалъ онъ, видя, что мы молчимъ,—третій вотъ годъ здѣсь околачиваюсь... Да что!..—Онъ махнулъ рукой. — Плохо!.. Коли своихъ нѣтъ—водочки не попробуешь.. На табачишко, вотъ, и то негдѣ взять... Ну, у кого деньги есть, тому знамо хорошо... У насъ тутъ просто: водка своя, торгуютъ... А то бабы носятъ... Насчетъ бабъ тоже просто... Купилъ ей половинку,—каждую субботу полъ мыть ходить будетъ... У насъ тутъ „старецъ" есть,—съ проніей продолжалъ онъ,— нарядчикъ о. Илья, такъ у того трое дѣтей, а самъ въ ангельскомъ чинѣ... Не вѣрите?.. Сейчасъ провалиться, не вру. Чисто, понимаешь, мужъ съ женой: она къ нему, онъ къ ней... Насчетъ этого просто... Я, вотъ, по многимъ монастырямъ жилъ, а супротивъ здѣшняго по простотѣ нѣту... Народъ здѣсь простецъ, мужики сѣрые, малограмотный народъ... У насъ тутъ дьяконъ есть одинъ, такъ онъ евангеліе по складамъ читаетъ... Гдѣ надо голосомъ выше забирать, онъ на низъ спуститъ, а гдѣ надо ниже—оретъ во всю пасть. И смѣхъ, и грѣхъ... Вотъ пѣвчимъ здѣсь хорошо: пѣвчихъ самъ любитъ... Каждое воскресенье апосля поздней по банкѣ имъ подноситъ, чаемъ съ баранками поитъ... Имъ хорошо! И одежа у нихъ чище,—все имъ... А нашему брату того-съ... не поддуетъ... На работѣ замаютъ...

— Я вотъ все уйти собираюсь,—продолжалъ онъ, разгоняя рукой дымъ.—Вотъ весны дождаться,—махну къ Троицѣ... не попаду ли... Тамъ вотъ житье: деньга, понимаешь, завси, харчи, одежа... народъ постоянно, дѣвочки... не такая сволочь, какъ здѣсь,—смотрѣть тошно... — Онъ прищелкнулъ языкомъ,—груздочки!.. Вы изъ какого монастыря?—перемѣнивъ рѣчь, спросилъ онъ.

Я хотѣлъ отвѣтить, да не успѣлъ: дверь въ келью о. Ксенофонта вдругъ съ шумомъ распахнулась, ударившись объ стѣну, и самъ онъ выскочилъ въ корридоръ, точно какое-нибудь четвероногое, вырвавшееся изъ клѣтки. Онъ предсталъ предъ нами, одѣтый въ полную форму, т. е. въ клобукѣ, въ мантіи и т. д.

— Опять натухлилъ, лѣшай, махорищей-то, — крикнулъ онъ на послушника и добавилъ:—смотри, станешь ужо трубу закрывать, угару не напусти по намеднишному... Уморишь, протяженно-сложенная дубина!..

— Н-н-ну вы, монахи!.. Дери васъ деромъ... пойдемте, — обратился онъ къ намъ.—Ишь васъ носитъ... дармоѣды... Нешто порядочные люди пойдутъ сюда, жить... Эхъ вы, голь да перетыка!.. Н-н-уу, трогай!..

Онъ заперъ дверь въ свою келью, ключъ положилъ въ карманъ, похлопалъ рукой по этому карману нѣсколько разъ, очевидно, съ цѣлью удостовѣриться, попалъ ли онъ туда, не провалился ли, молъ, грѣшнымъ дѣломъ,—и тогда уже отворивъ дверь на площадку, пропустилъ насъ впередъ и сталъ спускаться по лѣстницѣ внизъ, въ сѣни, ступая огромными валенками, продѣтыми въ такія же огромныя калоши или „коты“—заразъ черезъ двѣ ступеньки. Ступени скрипѣли подъ нимъ, точно плакали, выговаривая жалобно тоненькими голосками: „ай, батюшки, больно! ай, батюшки, больно!“..

Я украдкой взглянулъ на молодого человѣка. Онъ поймалъ мой взглядъ, покраснѣлъ и, быстро отвернувшись, заторопился за о. Ксенофонтомъ.

Я тронулся за ними..

XVI.

Спустившись съ крыльца, о. Ксенофонтъ, ничего не говоря, сердитый даже съ затылка, повелъ насъ черезъ монастырскую площадь къ виднѣвшемуся издали бѣлому же „корпусу“, формой похожему на тотъ, изъ котораго мы вышли, только гораздо больше въ длину и какъ будто повыше...

Не особенно большая, судя по зданію, дверь, открытая настежь и издали чернымъ пятномъ виднѣвшаяся на бѣломъ фонѣ стѣны, вела въ сѣни, еще больше загаженныя и протухшія, чѣмъ сѣни того „корпуса“, который мы только что покинули.

Сѣни были узкія, сквозныя, съ лѣстницей посрединѣ, ведущей наверхъ, и съ двумя дверями въ стѣнахъ, направо и налѣво, ведущими, какъ оказалось, въ корридоры, гдѣ были кельи, и жила „братія“...

Полъ въ сѣняхъ былъ кирпичный, обледенѣлый и вонючій... На него, очевидно, лили, на скорую руку, всякую гадость и нерѣдко, пожалуй, исправляли естественныя надобности...

О. Ксенофонтъ поскользнулся въ своихъ кожаныхъ „котахъ“, чуть было не упалъ и, схватившись за скобку двери, плюнулъ и, выругавшись матерно, сказалъ:

— Дьяволы... мѣста другого не найдутъ!.. Лодыри, дармоѣды!..

Онъ съ сердцемъ рванулъ пристывшую къ почернѣвшимъ отъ времени косякамъ дверь, отворилъ ее и, пропустивъ насъ впередъ, со словами: „ну, вы, монахи вшивые!“ вошелъ самъ...

Корридоръ, въ которомъ мы очутились, былъ узкій, съ высокимъ потолкомъ, длинный, полутемный, освѣщаемый однимъ только окномъ, бѣлѣвшимъ на противоположномъ концѣ.

О. Ксенофонтъ, весь черный и какъ-то странно подходившій своей фигурой и одеждой къ этому странному, безмолвному, точно тюремному, корридору, повелъ насъ вглубь его къ видиѣвшемуся вдали окну...

Пройдя его весь, онъ остановился у послѣдней двери налѣво, досталъ изъ кармана огромный старинный ключъ, вставилъ его въ скважину замка и обѣими руками, высунувъ на лѣвую сторону рта кончикъ языка, повернулъ направо... Раздалось громкое на весь корридоръ: дрынгъ!.. Онъ повернулъ еще... и дверь отворилась...

Вслѣдъ за о. Ксенофонтомъ мы вошли въ большую, со сводами, полутемную, заваленную и завѣшанную разной одеждой комнату—„рухальную“...

По стѣнамъ и на вѣшалкахъ висѣли и валялись по полу грудой подрясники, полушубки, колпаки, ряски, клобуки, сапоги холодные, теплые, опорки, холстина, обрѣзки кожи, подошвы, стельки, ремни...

Все это добро было не прибрано, запылено, висѣло и валялось, безъ малѣйшаго слѣда какого-либо порядка...

Всего было много и, очевидно, поэтому не береглось, въ надеждѣ, что еще будетъ столько же; а можетъ быть, просто благодаря лѣни о. Ксенофонта.

Тяжелый запахъ гнили и прѣли царилъ въ комнатѣ... Подоконники заплѣсневѣли... По угламъ видна была сырость стекла за желѣзными рѣшетками замерзли... Словомъ, всюду безпорядокъ, неряшливость, нерадѣніе, грязь...

О. Ксенофонтъ оглядѣлъ насъ своимъ вертящимся глазомъ съ ногъ до головы, измѣряя нашъ ростъ, и, порывшись въ сваленной на полу кучѣ старыхъ (новые висѣли на вѣшалкахъ) подрясниковъ, выбралъ, точно на смѣхъ, два теплыхъ, засаленныхъ, словно покрытыхъ лакомъ, съ отвратительнымъ запахомъ постнаго масла, и, подавая ихъ намъ, сказалъ:

— Нука-сь, рабы Божьи, примѣряйте... Небось, въ пору будутъ?..

Мы сняли свое верхнее платье и надѣли подрясники... Они оказались въ пору, но до того были противны, что я не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Ты бы, отецъ, получше далъ.

— Ну-у-у!—воскликнулъ онъ:—по барину и говядина, по дерьму и черепокъ... не въ гости къ тещѣ ѣхать... сойдетъ! Все одно вѣдь долго не наживете... гдѣ вамъ!.. Только вотъ

что, робята, коли вы свою одежу пропьете, то выгоню изъ монастыря голышемъ и этихъ вотъ не дамъ, подыхайте на морозѣ... Я ученъ отъ вашего брата, знаю...

— Ну, — продолжалъ онъ, взглянувъ намъ на ноги,— сапогъ вамъ не надо,—свои хороши... Вонъ у барина-то,— кивнулъ онъ на молодого человѣка,—съ калошами... Ремни вотъ подпоясываться нате... колпаки вотъ... эва какіе... те-е-е-плые!.. Примѣрьте-ка, въ пору ли?..

— Въ пору,—ехидно улыбаясь, глядя на насъ, опять продолжалъ онъ,—ну, вотъ и одѣлъ я васъ—дешево и сердито, за первый сортъ... заправскіе иноки... спасайся только теперь... молись... Сымайте подрясники-то, ступайте къ игумену... Онъ вамъ благословитъ ихъ... За бѣльемъ къ прачешнику сходите... Чаю, сахару игуменъ дастъ... У келейника Володьки самоваръ возьмете, спичекъ тамъ, лампочку, кувшинку,—воду таскать... Онъ вамъ и келью укажетъ, гдѣ жить... Ну, съ Богомъ!..

Мы сняли подрясники, одѣлись снова въ свое платье и, забравъ полученное, молча, не сказавъ ничего о. Ксенофонту, избѣгая смотрѣть на него, вышли въ коридоръ..

— Ска-а-а-тина!.. Мужикъ! — проворчалъ молодой человѣкъ и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Ну, что-жъ теперь, а?..

— Да что-жъ,—отвѣтилъ я,—пойдемте къ игумену...

— Тьфу!—вдругъ какъ-то неожиданно-злобно плюнулъ онъ въ стѣну,—вотъ люди!—И быстро пошелъ вдоль по коридору къ выходной двери...

Неся на лѣвой рукѣ подрясникъ, а въ правой держа колпакъ, тронулся вслѣдъ за нимъ я, чувствуя, какъ у меня въ головѣ точно кто постукиваетъ молоточками и съ насмѣшкой выговариваетъ:

„Тихое пристанище! Тихое пристанище!..“

XVII.

Сойдя съ крыльца, мы направились въ „покои“ игумена по той же самой дорожкѣ, по которой давеча шли отъ него къ рухальному... На этотъ разъ, проходя мимо часовни съ колодцемъ святой воды, я не безъ удовольствія увидалъ, что дежуритъ, сидя на скамейкѣ, не болтливый о. Игнатій, а другой какой-то длинный, суровый съ виду, закутанный въ тулупъ монахъ...

Покои о. игумена находились тоже во второмъ этажѣ, какъ и у рухальнаго; разница была только въ томъ, что здѣсь все было чисто, прибрано, вымыто, выскоблено...

Довольно широкая съ ковромъ лѣстница вела наверхъ, на площадку, гдѣ было двѣ двери,—направо и налѣво. Правая дверь вела въ покои игумена, а налѣво (какъ я узналъ послѣ)—въ „покои“, предназначенные для пріѣзда высокихъ особъ, напримѣръ—владыки, благодѣтеля стараго генерала, пріѣзжавшаго нерѣдко изъ Москвы (и, какъ я тоже послѣ узналъ, во время своихъ пріѣздовъ, спаивавшаго всю обитель) и т. п. На этой двери была пришпилена булавкой бумажка съ надписью: „заперто“...

Мы осторожно, боясь производить шумъ, чего-то робѣя, отворили дверь направо и очутились въ небольшой, свѣтлой, съ бѣлыми стѣнами и поломъ, устланнымъ цыновками, комнаткѣ-передней, гдѣ за столомъ, покрытымъ черной блестящей клеенкой, сидѣлъ на стулѣ молодой послушникъ-келейникъ и разглядывалъ картинки въ журналѣ „Вокругъ Свѣта“...

Одѣтъ онъ былъ франтовато. На немъ былъ изъ хорошей матеріи подрясникъ, опоясанный по таліи широкимъ, блестящимъ ремнемъ... На груди, отъ шеи и почти до пояса, по борту подрясника, болталась тоненькая блестящая цѣпочка, скрывавшаяся близь ремня за пазуху, гдѣ, вѣроятно, находились часы... На ногахъ у него были сильно начищенные ваксой блестящіе и слегка поскрипывавшіе „благороднымъ скрипомъ“, по выраженію сапожниковъ, легкіе „гамбургскіе“ сапоги...

Лицо у него было бѣлое, круглое, съ небольшимъ носомъ и глазами теленка, съ синими мѣшками внизу. Волоса на головѣ были тщательно напомажены, расчесаны и кокетливо „уложены“ на правое и лѣвое плечо... Изъ кармана подрясника торчалъ кончикъ бѣлаго платка, и когда онъ вытащилъ его и стряхнулъ, то по комнатѣ распространился запахъ духовъ, отъ которыхъ, полагаю, могла бы разболѣться голова...

— Вамъ что?—грубо, вздернувъ кверху голову, какъ лошадь, которую неожиданно ткнули снизу по мордѣ, спросилъ онъ.

Мы объяснили цѣль нашего прихода...

— А-а-а!—съ нескрываемымъ презрѣніемъ протянулъ онъ, окидывая насъ глазами и, снова усѣвшись за столъ, принялся за разглядываніе картинокъ. Немного помолчавъ, онъ проворчалъ сквозь зубы:

— Подождите... игуменъ, чай, кушаетъ...

Мы молча стояли, стѣсняясь присѣсть.

Въ комнаткѣ было тихо. Келейникъ шуршалъ перевертываемыми страницами... Маленькіе, съ одной мѣдной гирькой, часы торопливо чикали на стѣнѣ, точно выговаривали:

„убѣжимъ, убѣжимъ! убѣжимъ, убѣжимъ!“... Посаженный въ деревянную клѣтку подъ потолкомъ, краснозобый, толстый, отъѣвшійся снигирь перескакивалъ съ одной жердочки на другую и изрѣдка меланхолично посвистывалъ.

Ждать пришлось довольно таки долго... Келейникъ сидѣлъ къ намъ задомъ и перелистывалъ книгу съ такимъ видомъ, какъ будто бы онъ совершенно отстранялъ отъ себя самую идею нашего существованія...

Что-то отвратительное, упрямое и тупое было во всей его фигурѣ. Рождалось желаніе „дать“ ему хорошаго „раза“ по затылку и, вытащивъ изъ чистенькой каморки, запречь куда-нибудь на работу—на навозъ, подъ вилы...

— Владиміръ!—раздался вдругъ изъ „покоевъ“ знакомый намъ голосъ о. игумена,—примай спосуду...

Келейникъ, точно его кто-то неожиданно стегнулъ сзади кнутомъ, вскочилъ, встряхнулся и бросился, какъ полоумный, къ двери...

Немного погодя, онъ вышелъ, неся за ручки блестящій никкелевый самоваръ и полушепотомъ, оттягивая какъ-то чудно губы и глядя на наши ноги, прошипѣлъ:

— Ступайте... натопчите тамъ... Ты,—грубо обратился онъ къ молодому человѣку,—сыми, дуракъ, калоши-то... не наскотный дворъ пришелъ...

Молодой человѣкъ, молча, снялъ калоши, поставилъ ихъ у порога и, обернувшись къ монаху съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и трясущимися губами, сказалъ:

— А мнѣ кажется, что именно на скотный... И одну свинью я уже вижу...

— Ну, ну, не разговаривай много-то,—опять такъ же грубо сказалъ послушникъ,—много васъ, злая рота!.. Чисти за вами!..

Онъ отворилъ дверь „въ покои“, и мы, стараясь ступать потише, по разостланному узенькому коврику, вошли въ дверь...

XVIII.

Игуменъ сидѣлъ въ старинномъ, высокомъ съ лирообразной спинкой креслѣ, около заставленнаго цвѣтами окна и, привѣтливо улыбаясь, глядѣлъ на насъ...

Комната была большая, свѣтлая, раздѣленная поперекъ переборкой, за которой, какъ это было видно, въ небольшую узенькую съ ситцевой драпировкой дверь, находилась его спальня...

Въ переднемъ углу висѣли въ дорогихъ ризахъ образа. Передъ ними теплились три подвѣшенныя съ потолка на

цѣпочкахъ лампадки, въ видѣ позолоченныхъ голубковъ съ распущенными „парящими“ крылышками... Стаканчики на спинкахъ этихъ голубковъ, въ которые вливалось масло, были разнаго цвѣта: одинъ красный, другой вишневый, третій голубой... Внизу, за аналойчикомъ, покрытымъ вязаной бѣлой салфеткой, на которомъ лежали книги, стояло большое распятіе, и на этомъ распятіи висѣли красивыя, дорогія четки...

По стѣнамъ висѣли портреты бородатыхъ съ серьезными лицами старцевъ въ клобукахъ и мантіяхъ и нѣсколько фотографическихъ карточекъ...

Направо отъ двери стоялъ большой кожаный диванъ, по бокамъ котораго росли изъ кадокъ, обвитыхъ зеленымъ вьющимся мохомъ,—огромный фикусъ, съ покрытыми пылью листьями, и такая же, раскинувшая по сторонамъ свои лапчатыя листья, латанія. Передъ диваномъ стоялъ столъ, покрытый темно-красной скатертью съ „цацами“, похожей на бабью „шаль“; на столѣ стояла лампа съ зеленымъ колпакомъ, лежала раскрытая шашечница и валялся номеръ „Московскихъ Вѣдомостей“...

Весь полъ былъ устланъ дешевенькими цвѣтными узенькими ковриками... Подъ потолкомъ висѣла клѣтка, въ которой сидѣла полосатая канарейка и трещала такъ громко, точно обрадовавшись нашему приходу, что просто звенѣло въ ушахъ...

Пріятный запахъ „роснаго“ ладона наполнялъ комнату, напоминая о тихомъ и мирномъ житіи во всякомъ благочестіи и чистотѣ ея обитателя.

— Ну... а... пришли?..—произнесъ игуменъ, привѣтливо улыбаясь.—Получили?.. Хорошее дѣло!.. Я вотъ сейчасъ, того... благословлю...

Онъ оперся было объ ручки кресла, съ цѣлью подняться, но раздумалъ или просто полѣнился, не желая разстаться съ удобнымъ насиженнымъ мѣстомъ, опять усмѣхнулся и, не переставая улыбаться, спросилъ у молодого человѣка:

— Такъ ты баилъ: отецъ-то у тебя, ишь, протопопъ соборный, а? А ты-то вотъ какъ же это, а? Аль завертѣлся?..

— Я, владыко святый,—началъ было молодой человѣкъ, подавшись впередъ и вытянувъ длинную съ кадыкомъ шею, но игуменъ перебилъ его, сказавъ:

— Ты, рабъ Божій, меня владыкой не величай... Какой я владыко, да еще святой... грѣхъ это... какой я святой?.. Единъ Господь святъ... Я не владыко, я строитель... ты меня по просту зови „отецъ“, а я тебя буду звать „братъ“,—вотъ и все, и споемся такъ-то...

Онъ досталъ изъ кармана черепаховую съ серебрянымъ

ободкомъ табакерку и, стукнувъ по ней пальцами, прежде чѣмъ открыть, съ наслажденіемъ, морщась и немного наклонивъ на бокъ голову, понюхалъ сначала въ одну ноздрю, потомъ въ другую.

— Вишь, какой я святой, — сказалъ онъ: — табачишко нюхаю... такъ-то... Да это ничего... А ты помни: „ѣшь рыбу, да не ѣшь рыбака"... Есть вѣдь много, съ виду-то святъ мужъ, а въ душѣ-то того-съ... Ложкой-то кормитъ, а черепкомъ глазъ колетъ... Чай, самъ знаешь, какъ сказано-то: не суди... возлюби ближняго, какъ самого себя... Вотъ какъ Господь-то велитъ... Такъ-то!.. Такъ и живите: не ругайтесь, не деритесь, чего вамъ дѣлить-то?.. Нечего! все готово: харчи, одежа, обувь, келья... Живи!.. Чаю я вотъ вамъ дамъ, самоваръ... пей!.. Въ церковь ходите... люблю я это... Ты,— онъ опять обратился къ молодому человѣку,—на лѣвый становись... привыкай... можетъ, я тебя канонархомъ сдѣлаю... А ты,—обратился онъ ко мнѣ,—какъ хочешь... пѣть ты, баилъ, не умѣешь... Ну, ты такъ ходи,.. слушай Божье слово... молись, спасайся... на работу ходить будешь... нарядчикъ укажетъ... безъ дѣла сидѣть не будешь... нѣ-ѣ-тъ!

— Поживите, поживите, рабы Божьи,—продолжалъ онъ,— можетъ, и приживетесь... Ну, а не понравится,—ваше дѣло... съ Богомъ, не неволю... убытковъ отъ васъ нѣту... Я васъ кормлю, вы мнѣ работаете задаромъ... Такъ-то!.. А можетъ, Господь васъ, почемъ знать, укрѣпитъ... Пачпорта-то ваши гдѣ?.. Принесли?.. Давайте-ка, все одно... пущай они у меня...

Мы отдали ему наши на бродячемъ жаргонѣ „глаза", и онъ, повертѣвъ ихъ въ рукахъ, положилъ на окно.

— А вы въ монастыряхъ-то живали?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— А ты?—спросилъ онъ у молодого человѣка.

— Жилъ,—отвѣтилъ тотъ, какъ-то нехотя.

— Гдѣ?

— У Николы на Угрѣши... годъ прожилъ...

— Что-жъ, ушелъ?..

Молодой человѣкъ не отвѣтилъ. Игуменъ пристально посмотрѣлъ на него и, поднявшись съ мѣста, сказалъ:

— Не понравилось, знать?.. А можетъ, водочка?.. Вы ужъ, рабы Божьи, того... поменѣ пейте, коли пьете!.. Нельзя!.. Я вѣдь на васъ наглядѣлся, знаю... все знаю,—самъ молодъ былъ... водочка самое, то ись, наистрашнѣйшее зло... въ ней все: и блудъ, и сквернословіе, и ненависть, и убійство, и зависть... самъ дьяволъ въ ней... Отъ водки да отъ женскаго полу паки огня бѣгайте... соблазнъ, душѣ пагуба... такъ-то! Ну,—продолжалъ онъ, помолчавъ и побарабанивъ пальцами

объ ручку кресла,—давайте теперича помолимся... становитесь вотъ здѣся, передъ иконами-то...

Мы стали на указанное мѣсто. Игуменъ подошелъ къ аналойчику, взялъ какую-то книжку, вѣроятно „требникъ", долго искалъ въ ней что-то и, наконецъ, найдя, перекрестился и началъ, спотыкаясь, съ трудомъ, читать что-то такое, чего никакъ нельзя было понять... Читалъ онъ такимъ образомъ довольно долго и, повидимому, съ удовольствіемъ слушалъ самъ себя...

Молодой человѣкъ во время этого чтенія нѣсколько разъ со вздохами „бултыхался" въ землю. Я, перекинувъ на лѣвую руку подрясникъ и надѣвъ на кулакъ „колпакъ", стоялъ, ничего не понимая, какъ-то одурѣвъ, думая Богъ знаетъ какія неподходящія къ мѣсту, несуразныя и ненужныя думы.

Покончивъ съ чтеніемъ, игуменъ обернулся къ намъ, заставилъ насъ встать на колѣна, почиталъ что-то надъ нами, перекрестилъ, сунулъ каждому изъ насъ въ губы для поцѣлуя свою пухлую руку, съ запахомъ нюхательнаго табаку, потомъ перекрестилъ наши вонючіе, сальные подрясники и колпаки и сказалъ:

— Ну, вотъ... спаси Христосъ! Носите... живите... Встаньте!..

Мы поднялись и стояли передъ нимъ смущенные, не зная, что сказать и что сдѣлать.

— Теперича я вамъ жалованье выдамъ, — заговорилъ, снова улыбаясь, игуменъ и, сходивъ за перегородку, вынесъ оттуда двѣ четверки чаю и два небольшихъ пакета съ сахаромъ,—нате-ка вамъ!

Молодой человѣкъ, очевидно знавшій порядки, принявъ то и другое, поклонился ему въ ноги... Игуменъ опять благословилъ его и снова сунулъ по привычкѣ къ губамъ для поцѣлуя руку.

Сдѣлавъ это, игуменъ посмотрѣлъ на меня и, видя, что я стою, сказалъ:

— А ты что-жъ... не хошь кланяться-то, а? А ты, рабъ Божій, гордыню-то бросай... смиряйся... Въ обители первое дѣло смиренье... все долженъ съ кротостью, со смиреньемъ сносить, всякую обиду... все!.. Ну, Господь съ тобой... Для перваго разу, безъ привычки-то тебѣ, знамо, чудно... поживешь, попривыкнешь, узнаешь... Ничего, рабъ Божій, неподѣлаешь... Знаешь, — улыбаясь, добавилъ онъ, — въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не суйся... такъ-то вотъ... н-н-да!..

— Владиміръ! — вдругъ громко крикнулъ онъ, — подь сюда!..

Въ комнату на этотъ зовъ влетѣлъ со всѣхъ ногъ келейникъ и замеръ въ подобострастной лакейской позѣ у порога...

— Ты того, — обратился къ нему игуменъ, —выдай-кась вотъ имъ самоваръ, чашки, спички... все, что требуется... Да сведи, укажи имъ келью, гдѣ жить... отведи ихъ въ тае, гдѣ покойникъ, царство небесное, стрижъ жилъ... Ладно имъ будетъ... Лампу выдать не забудь, фотагену... укажи, куда за бѣльемъ сходить, за матрасниками... все укажи...

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ келейникъ.

— Ну, такъ-то вотъ... живите... Господь съ вами... а теперь пока ступайте... Онъ вамъ укажетъ... Коли что, дѣло какое, аль обида, вы ко мнѣ приходите... Ну, Христосъ съ вами!..

Онъ еще разъ благословилъ насъ, и мы вслѣдъ за келейникомъ покинули его „покои“!..

XIX.

Келейникъ далъ намъ старый, загаженный, не чищенный, покрытый мѣстами зеленью самоваръ, большой, глиняный, крашеный, съ длиннымъ горломъ кувшинъ, коробокъ спичекъ, жестяную небольшую лампочку, бутылку керосину и, нагрузивъ все это на насъ, повелъ на „квартиру“...

Снова поплелись мы за нимъ, какъ нищіе слѣпые за поводыремъ, черезъ всю площадь, куда-то къ святымъ воротамъ, возбуждая своимъ видомъ любопытство въ попадавшихся навстрѣчу послушникахъ и монахахъ...

Келейникъ, должно быть на смѣхъ, испытывая наше терпѣніе, шелъ не торопясь, развалистой походкой, шевеля бедрами, какъ баба, и поскрипывая своими легкими „гамбурскими“ на низкихъ коблукахъ сапогами...

Подойдя къ святымъ воротамъ, онъ остановился и долго бесѣдовалъ съ какимъ-то толстымъ, одѣтымъ въ сѣрую поддевку, попавшимся навстрѣчу знакомымъ человѣкомъ, совершенно позабывъ про насъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ конца этой бесѣды.

Наконецъ, онъ кончилъ и молча, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, направился отъ святыхъ воротъ налѣво за уголъ какой-то чудной, старинной башни, съ флюгеромъ наверху, вертѣвшимся со скрипомъ то въ одну сторону, то въ другую, и, обогнувъ ее, подвелъ насъ къ крыльцу небольшого двухъэтажнаго зданія...

Здѣсь онъ остановился, взглянулъ искоса мелькомъ на насъ и на свои сапоги, досталъ изъ кармана ключъ, привѣ-

шенный на веревочку, и, помахивая имъ и что-то насвистывая, вошелъ въ сѣни.

Сѣни были съ такой же лѣстницей наверхъ и съ той же грязью и вонью, какъ и тѣ, гдѣ жилъ о. Ксенофонтъ и гдѣ находилась „рухальная"...

Келейникъ отворилъ дверь направо, и мы очутились въ точно такомъ же, только гораздо болѣе вонючемъ корридорѣ...

Здѣсь точно такъ же было четыре кельи, двѣ печи, одно грязное окно.

Келейникъ всунулъ приготовленный заранѣе ключъ въ скважину замка первой отъ краю двери и, отворивъ ее, пропустилъ насъ и вошелъ самъ.

— Ну, вотъ вамъ квартира, — насмѣшливо произнесъ онъ, — спасайтесь! Коли что понадобится, приходите... За бѣльемъ къ прачешнику сходите... дадутъ тамъ... Счастливо оставаться!..

Онъ повернулся и вышелъ, сильно хлопнувъ дверью...

Мы остались вдвоемъ, стоя около двери, и, съ нѣкоторымъ ужасомъ и болью въ сердцѣ, обозрѣвали эту „квартиру"...

Она имѣла форму разрѣзанной вдоль толстой трубы или какого-то туннеля, аршинъ шесть въ длину и аршина четыре въ ширину...

Полукруглый сводчатый потолокъ, толстыя каменныя желто-грязныя стѣны, маленькое за желѣзной рѣшеткой окно, длинная въ ростъ человѣка, узенькая, съ „возглавіемъ" около двери, лежанка, грязный полъ, передъ окномъ маленькій крашеный сѣрой краской столъ, табуретка, козелки для кроватей съ лежащими на нихъ въ безпорядкѣ голыми досками, слѣдъ давленныхъ пальцами клоповъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли кровати, запыленная икона въ углу, противный запахъ, похожій на запахъ „тронувшейся" рыбы или мертваго тѣла, и что-то еще невидимое, самое страшное, невыразимое словами,—чувствовалось въ этомъ каменномъ мѣшкѣ, нагоняя на душу своимъ невидимымъ, страшнымъ присутствіемъ какой-то безотчетный, леденящій душу ужасъ...

— Ну, — произнесъ послѣ продолжительнаго молчанія молодой человѣкъ,—надо разбираться, какъ намъ тутъ съ вами? Тѣснота... тьфу!

Онъ плюнулъ и, съ сердцемъ бросивъ на лежанку подрясникъ, колпакъ, чай, пакеты съ сахаромъ, прошелъ впередъ и сѣлъ на табуретку.

Я послѣдовалъ его примѣру, т. е. тоже свалилъ принесенныя вещи на ту же лежанку и присѣлъ на козел-

кахъ, положительно не зная, что дѣлать, чувствуя какую-то смертную тоску, боязнь, какую-то на кого-то обиду, желаніе плакать, жалость къ самому себѣ, къ прошлой жизни, ко всему тому далекому милому, которое прошло, кануло въ вѣчность, забылось, замазалось житейской грязью...

— Гробъ, гробъ, гробъ!—рѣдко, отчетливо стучало у меня въ головѣ.—Конецъ, конецъ! Всему конецъ! Всему конецъ!

. . . .

— Я схожу за своими вещами,—посидѣвъ немного, сказалъ молодой человѣкъ,—онѣ у меня въ гостиницѣ у монаха.—А вы,—продолжалъ онъ, поднимаясь,—разставьте покамѣстъ постели... Моя вотъ будетъ здѣсь,—показалъ онъ налѣво къ стѣнѣ,—а ваша здѣсь,—показалъ онъ напротивъ.—Матрасъ и подушку мнѣ не надо... Я такъ буду спать... на доскахъ... Подушку тоже изъ досокъ сколочу... Ну, а вы какъ хотите... Приду—чай пить будемъ... уголья въ корридорѣ... труба тоже тамъ... за водой вотъ сходить надо... Да самоваръ бы немножко потереть... ужъ очень онъ грязенъ... Вы потрите-ка его... Небось, умѣете, а?..

Я промолчалъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня своими мутными глазами, ожидая отвѣта, и, не дождавшись, сказалъ:

— Ну, я пойду... я скоро!—И вышелъ изъ кельи, плотно притворивъ за собою дверь.

С. Подъячевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Среди крестьянъ.

I.

Мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ читателями своими воспоминаніями о работѣ среди крестьянъ. Въ моемъ разсказѣ читатель не найдеть никакихъ обобщеній и выводовъ; я передаю только факты, только то, что я видѣла и слышала и въ чемъ сама принимала непосредственное участіе. Факты эти, быть можетъ, уже потеряли свѣжесть новизны, поблѣднѣли передъ широкимъ размахомъ той революціонной волны, которая послѣ того пронеслась по Россіи, но мнѣ думается, что они всетаки сохранятъ извѣстную историческую цѣнность, какъ показатели настроенія крестьянскихъ массъ на одной изъ подготовительныхъ ступенекъ русской революціи.

Не задаюсь я и цѣлью дать въ моемъ очеркѣ цѣльную, законченную картину.

Я работала среди крестьянъ въ двухъ губерніяхъ, въ разное время, съ двумя перерывами, довольно продолжительными, работала всего два съ половиною мѣсяца, и за это время передо мной прошла полоса такой сложной жизни, столько она дала новыхъ и сильныхъ впечатлѣній, что нарисовать ея картину двумя-тремя штрихами было бы подъ силу только выдающемуся художнику. Мнѣ приходится поневолѣ выбрать только нѣкоторые факты, наиболѣе важные и яркіе, и постараться передать ихъ такъ, какъ они проходили передъ моими глазами, какъ я ихъ воспринимала: дѣлать изъ нихъ выводы, оцѣнивать ихъ—предоставляю читателю.

Работать среди крестьянъ меня давно тянуло, но выполнить свою мечту мнѣ удалось сравнительно недавно и совершенно случайно. Партійная организація, въ которой я работала, переживала третій провалъ. Были разгромлены: типографія, складъ литературы, комитетъ, союзъ пропагандистовъ, агитаторская сходка. Тщетно пытаясь возстановить организацію, я устала и рѣшила куда-нибудь уѣхать. Въ это время изъ глухой провинціи пріѣхалъ человѣкъ

за пропагандистомъ; я обрадовалась и тотчасъ же поѣхала съ нимъ.

Маленькій уѣздный городокъ, куда мы пріѣхали, до тѣхъ поръ всѣми покинутый и забытый, сталъ просыпаться. Первые, сравнительно незначительные, громы революціи прокатились и надъ нимъ: дѣло было вскорѣ послѣ 9 января 1905 г... Около мѣсяца, пока наладилась работа какъ слѣдуетъ, я пробыла здѣсь безвыѣздно, а когда все было сдѣлано и организація была поставлена, я уѣхала обратно, посѣщая городъ аккуратно каждую субботу.

Но вотъ, въ маѣ мѣсяцѣ, въ окрестныхъ деревняхъ, расположенныхъ вокругъ этого городка, стали вспыхивать одна за другой забастовки. Не прошло и недѣли, какъ весь почти уѣздъ былъ охваченъ ими точно эпидеміей. Вспыхивали онѣ и проводились зачастую совершенно самостоятельно, не только не подъ руководствомъ сознательныхъ людей въ моментъ забастовки, но даже и совсѣмъ безъ посторонней агитаціи. Возникали онѣ совершенно стихійно на почвѣ мѣстныхъ нуждъ и такъ же стихійно распространялись дальше. Я рѣшила использовать благопріятный моментъ и окончательно переселилась въ этотъ городокъ.

Бросилась я работать безъ всякаго заранѣе опредѣленнаго плана, такъ какъ за руководствомъ и не къ кому, и некогда было обращаться, твердо вѣря, что жизнь—лучшій и самый опытный учитель. Первымъ долгомъ по пріѣздѣ я достала географическую карту, изучила окрестности, намѣтила села, куда слѣдовало немедленно проникнуть, собрала свѣдѣнія, кому какая принадлежитъ деревня, сколько народонаселенія въ ней, каково его экономическое положеніе, каковы отношенія къ помѣщику и т. д. Что же касается выработки плана организаціи, то этотъ вопросъ я, пока, оставила на послѣ, желая приспособить его къ окружающей дѣйствительности и создать его, такъ сказать, подъ диктовку мѣстныхъ условій. Самой ближайшей задачей я поставила себѣ проникнуть въ среду крестьянъ и если не охватить всецѣло стихійное движеніе, то, по крайней мѣрѣ, по силѣ возможности влить туда сознательную струю, заложить фундаментъ для будущаго. Но не всегда намѣренія воплощаются въ дѣйствительность. Первое препятствіе я встрѣтила въ отсутствіи работниковъ, второе—въ отсутствіи литературы. Падать духомъ не приходилось. Нужно было во чтобы то ни стало создать возможность осуществить свою цѣль, и вотъ на общемъ собраніи кружка рѣшено было поступить такъ: одну недѣлю исключительно печатать только листки и воззванія, а другую распространять ихъ по деревнямъ. Въ городѣ долженъ былъ существовать центръ, куда бы могли съѣзжаться свои люди за справками и литературой и откуда должны были расходиться по селамъ агитаторы и развозить литературу.

Первый пунктъ программы былъ тщательно выполненъ. Всю недѣлю, дни и ночи, всѣ, кто только былъ въ организаціи — были

заняты печатаньемъ. Содержаніе листковъ мы старались приспособить къ мѣстнымъ нуждамъ крестьянъ, при чемъ почти для каждой деревни были свои особые листки. Общихъ вопросовъ мы почти не касались, а если и приходилось коснуться ихъ, то только мелькомъ, вскользь, поскольку это было необходимо. По воскресеньямъ и четвергамъ въ городѣ происходили огромные базары. Крестьяне цѣлыми тысячами съѣзжались изъ окружающихъ селъ, и я рѣшила воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Переодѣвшись крестьянкой, съ корзинкой, набитой прокламаціями, въ рукахъ подъ видомъ горничной я отправлялась на базаръ и, шмыгая тамъ взадъ и впередъ, разсовывала прокламаціи по возамъ, карманамъ, корзинамъ. Затѣмъ ночью, вдвоемъ съ товарищемъ, мы отправлялись въ деревню, раскидывали листки по дворамъ, полямъ, дорогамъ,— словомъ, всюду, гдѣ только могли проходить или проѣзжать люди. Очень часто приходилось мнѣ разъѣзжать по желѣзной дорогѣ, и вотъ, забравшись въ четвертый классъ, среди крестьянъ, я вступала съ ними въ разговоры и постепенно переводила эти разговоры въ агитацію. Ѣздила я въ крестьянскомъ платьѣ, съ узломъ прокламацій подъ мышкой; разъ пришлось мнѣ почти всю ночь пролежать въ полѣ въ канавѣ, подложивъ подъ голову прокламаціи.

Помню одну такую сценку: я вошла въ вагонъ и, какъ подобаетъ крестьянской дѣвушкѣ, скромно пріютилась у окна на скамейкѣ. Обращались со мной страшно безцеремонно, грубо; когда я неловко высовывалась въ окно, ругались.

Противъ меня на скамейкѣ сидѣлъ молодой еще крестьянинъ, съ длинной русой бородой, съ добродушнымъ открытымъ лицомъ. Мы разговорились. Онъ мнѣ говорилъ «ты», подшучивалъ надо мной. Разговоръ становился серьезнѣе и вскорѣ между нами завязался споръ. Центральнымъ вопросомъ для всей Россіи въ то время являлась война, и стоило только свести разговоръ на эту почву, какъ вы легко овладѣвали вниманіемъ крестьянина. Коснулись и мы этого вопроса. Вначалѣ крестьянинъ съ явнымъ презрѣніемъ относился ко всему тому, что говоритъ ему маленькая крестьянская дѣвушка, но послѣ нѣсколькихъ моихъ удачныхъ репликъ перемѣнилъ тонъ. Незамѣтно для самого себя онъ перешелъ со мной на «вы», постепенно сталъ внимательнѣй относиться къ моимъ словамъ, меньше возражалъ и только больше слушалъ. Вокругъ насъ столпилась кучка народу. Слышались возгласы:—«Бачъ, що то якъ воно въ городи побувало.»—я сказала имъ, что я служу въ городѣ «за горничную».

— А ты-жъ дивчыно зъ видкиль це идешь,—неожиданно спросилъ меня кто-то. Я стала разсказывать, но вдругъ забыла названіе одного села, черезъ которое я должна была переходить, запуталась и окончательно сбилась.

Вдругъ лицо крестьянина, съ которымъ я спорила вначалѣ,

расплылось въ улыбку, онъ даже приподнялся на своей скамейкѣ и съ какою-то затаенною радостью проговорилъ:

— Эге-ге-ге! Я хоть такы темный, але такы и я смыкаю.

Я разсмѣялась.

— Что же вы «смыкаете», дядько?

— Дарма що темный, але такы смыкаю,—повторилъ онъ точно про себя.

И сколько я его ни упрашивала, чтобы онъ мнѣ сказалъ, что-же онъ «смыкаетъ», онъ ни за что не соглашался, и только уже на станціи, гдѣ онъ сходилъ, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и взялъ съ меня слово, что я непремѣнно пріѣду къ нему въ гости на баштанъ. Далъ мнѣ адресъ.

Въ другой разъ, тоже въ вагонѣ, учитель какой-то деревни сталъ нанимать меня въ кухарки. Я было согласилась. Мнѣ казалось, что, служа у него кухаркой, я легко завяжу связи съ деревней и когда все будетъ сдѣлано — уйду. Но деревня оказалась слишкомъ далеко отъ нашего центра, а у меня денегъ было всего-то полтинникъ. Я отказалась.

Вообще агитацію мы рѣшили расширить до возможно широкихъ размѣровъ. Гдѣ бы намъ ни пришлось встрѣтиться съ крестьяниномъ или рабочимъ, въ полѣ, въ лѣсу, въ лодкѣ, на дорогѣ,—словомъ, всюду, мы обязаны были пускать въ ходъ все свое краснорѣчіе.

Вообще крестьянство въ массѣ для меня было темной загадкой, сфинксомъ, передъ которымъ мнѣ приходилось подолгу и глубоко задумываться. Жутко мнѣ было вначалѣ, страшно мучилъ вопросъ: поймутъ ли меня крестьяне, повѣрятъ-ли? Вѣдь имъ столько лгали на протяженіи всей ихъ исторіи, они такъ извѣрились въ людяхъ, столько наслоилось на нихъ тяжести и гнета! Какъ добиться ихъ довѣрія? Все это было для меня темно и не ясно, и только сама непосредственная конкретная дѣйствительность могла разрѣшить мои сомнѣнія. Вотъ почему меня такъ страшно радовалъ каждый малѣйшій успѣхъ работы среди крестьянъ, придавалъ столько энергіи и бодрости.

Въ общемъ отъ перваго періода моей работы среди крестьянъ у меня осталось немного яркихъ воспоминаній, такъ какъ мнѣ въ этотъ періодъ моей работы не удалось создать чего-то цѣлаго, законченнаго. Не удалось потому, что условія работы были слишкомъ тяжелы, а еще потому, что какъ разъ наканунѣ самой интересной части нашей работы меня арестовали.

Итакъ, агитація у насъ шла во всю. Быстро возникали связи по селамъ, а когда въ нашихъ рукахъ насчитывалось около двадцати деревень, явилась необходимость связать ихъ въ одно цѣлое. Рѣшено было организовать агитаторскіе кружки по селамъ, затѣмъ уѣздные комитеты и губернскій комитетъ. Рѣшили мы также издавать свою газету, отъ группы; въ перемежку съ вопросами мѣст-

ными, въ ней должны были разбираться и принципіальныя по вопросамъ программы и тактики. Назвали мы ее просто: «Деревенская Газета». Выпущено было 5 номеровъ. Распространялась газета очень шибко, и нѣкоторые номера приходилось выпускать двумя и тремя изданіями. На крестьянъ, которые никогда не слыхали живого слова, она производила сильное впечатлѣніе. Дорожили они ею чрезвычайно. Прятали подъ образами, съ замираніемъ сердца слушали чтеніе ея и съ восторгомъ передавали другъ другу о прочитанномъ. Пріѣзжая на базаръ, они рыскали по всему городу, отыскивая редакцію «Деревенской газеты», предлагали деньги, чтобы выписать ее на годъ.

Однажды я поѣхала въ ближайшую деревню, гдѣ мы должны были основать первый уѣздный комитетъ. Насъ было человѣкъ двѣнадцать. Собрались мы днемъ, въ лѣсу надъ рѣчкой.

Переговорили обо всѣхъ дѣлахъ, и я должна была уже уѣзжать, какъ вдругъ по лѣсу раздались шаги и по тропинкѣ, мимо насъ, прошло нѣсколько крестьянскихъ дѣвушекъ и парень. Мы подозвали парня и стали разспрашивать, откуда онъ, какъ у нихъ въ деревнѣ: тихо или бунтуютъ.

— Забастовка,—таинственно проговорилъ парень, и лицо его вдругъ вспыхнуло, глаза зажглись. Лицо молодое, блѣдное, нервное. Мы стали разспрашивать, по какому поводу вспыхнула забастовка, какія требованія предъявлены и какъ думаютъ дальше поступать. Парень на все отвѣчалъ охотно. Видно было, что онъ весь ушелъ въ забастовку, только о ней и думалъ и жилъ ею.

— А люди у васъ хорошіе?—спросила я,—сумѣютъ ли провести забастовку, какъ слѣдуетъ?

— Хлопци хо-о-роши!—отвѣчалъ съ азартомъ парень, поднимая высоко кулакъ. Я разговорилась съ нимъ.

Сначала я стала говорить объ ихъ отношеніяхъ къ помѣщику, о разницѣ ихъ положенія, нарисовала картинку жизни панской и крестьянской, затѣмъ перешла къ болѣе общему, показала невозможность жить лучше при данномъ положеніи вещей и необходимость перестройки всей жизни, всего существующаго общественнаго строя. Парень слушалъ, затаивъ дыханіе. Сначала онъ не поднималъ на меня глазъ, смотрѣлъ куда-то въ бокъ, но постепенно глаза его, помимо его воли, все чаще и чаще взглядывали мнѣ въ лицо и, наконецъ, неподвижно остановились на мнѣ, огромные, синіе, полные неподдѣльнаго восторга и довѣрія. Лицо его отъ времени до времени нервно передергивалось, иногда онъ переступалъ съ ноги на ногу и дѣлалъ рукой какой-то неопредѣленный быстрый жестъ. Въ серединѣ рѣчи, когда я ему говорила о томъ, какъ мужика обираютъ въ нѣсколько рукъ, какъ помыкаютъ имъ и какъ издѣваются надъ нимъ, онъ вдругъ не выдержалъ и вскричалъ:

— Це правда, це правда!—И мнѣ показалось что это закричала

сама душа его. Когда я, для болѣе яркой иллюстраціи, нарисовала передъ нимъ фигуру его помѣщика со всѣми внѣшними его деталями, парень вдругъ быстро опустился на землю, нервнымъ жестомъ развязалъ узелокъ и вытянулъ оттуда пару новенькихъ ботинокъ. Очевидно, онъ только что купилъ ихъ на ярмаркѣ. Быстро разувъ лапти, онъ пытался натянуть ботинки на свои грязныя, разбухшія ноги, но они не лѣзли, и ему пришлось обратно уложить ихъ въ узелокъ. Все это онъ продѣлалъ машинально, самъ не отдавая себѣ отчета зачѣмъ, такъ же машинально завязалъ узелъ и поднялся съ земли. Когда я кончила, онъ долгое время стоялъ неподвижно, что-то разбирая и провѣряя въ умѣ.

— Вы грамотный?—спросила я его. Парень кивнулъ головой.

— Такъ вотъ, на те вамъ эти листки и, когда пріѣдете домой, дайте ихъ и вашимъ товарищамъ прочесть. Я вынула пачку прокламацій, нѣсколько номеровъ «Деревенской газеты» и передала ихъ парню. Тотъ жадно схватилъ ихъ.

— Заразъ, прыйду до дому, пиду до школы, склычу усе село и усимъ прочытаю.

— Добре, а якъ кто спытавъ, де вы взялы, скажить що Богъ давъ,—кто-то сказалъ ему.

— Ни, я скажу що найшовъ на дорози,—отвѣчалъ онъ лукаво.

Мы простились, и парень ушелъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ вдругъ изъ-за деревьевъ опять показалась его фигура; быстро подбѣжавъ къ намъ, парень схватилъ меня за руку.

— Слухайте, ходимъ до мене! Я жыву у лиси, у мене тилькы стара маты, зовуть мене Петро. Я дамъ вамъ надежныхъ, хо-о-орошихъ товарышивъ, розкажыть и имъ усе, це що вы мени казалы, нехай воны тоже почують. Хочете я склычу усе село!—говорилъ Петро, взволнованный. У меня сильнѣй забилось сердце. Ужъ больно хотѣлось выступить передъ всей деревней, но было поздно, а я въ этотъ вечеръ обязана была быть въ городѣ. Я ему объяснила это.

— Вы соберите ихъ всѣхъ на воскресенье, и если не я, то кто-нибудь изъ товарищей непремѣнно придетъ,—предложила я. Петро обѣщалъ, простился и ушелъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ опять вернулся, опять точно также таинственно сталъ звать къ себѣ, обѣщая доставить «на-а-дежныхъ», «х-о-о-о-рошихъ» товарищей. Я вторично объяснила ему причину, по которой не могу исполнить сегодня его просьбу; онъ ушелъ, а черезъ минуту снова вернулся все съ тѣмъ же восторженнымъ лицомъ и съ мольбой въ глазахъ. Онъ возвращался пять или шесть разъ. Ужъ больно хотѣлось ему пріобщить все свое село къ тому, что онъ только одинъ услыхалъ и понялъ. Я долгое время находилась подъ вліяніемъ этой встрѣчи, и теперь всякій разъ, при воспоминаніи о томъ времени, передо мной выростаетъ, какъ живое, лицо Петро, блѣдное, молодое, красивое, съ большими довѣрчивыми глазами.

— — —

Петро оказался потомъ славнымъ агитаторомъ, хотя и безсознательнымъ. Свою встрѣчу съ какими то людьми въ лѣсу и все то, что онъ слышалъ отъ этихъ людей, онъ широко распространилъ по округѣ. Въ одной деревнѣ, быть можетъ, подъ вліяніемъ его разсказовъ, двое парней рѣшили и у себя провести забастовку. Для этого они рѣшили, что и имъ нужно запастись такими же «письмами», какія были у Петра, и раздать ихъ крестьянамъ. Но гдѣ ихъ было взять? Оба они были безграмотны, но, не падая духомъ, достали книжки и, съ помощью какого-то солдата, въ двѣ недѣли выучились писать. Затѣмъ раздобыли бумаги, порѣзали на длинныя полоски и въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ экземпляровъ выпустили рукописныя прокламаціи слѣдующаго содержанія:

«Люде! Не ходить на работу, а кто выйде, то зъ того пара выйде!» Листки эти ночью были разбросаны по дворамъ, а сами они раннимъ утромъ стали на мо ту, черезъ который неминуемо нужно было переходить всякому, и не пустили никого на работу. Троихъ дѣвушекъ чуть было не утопили въ рѣкѣ.

Въ другой деревнѣ двое братьевъ прибѣгли еще къ болѣе оригинальному способу агитаціи. Одинъ изъ нихъ былъ очень богатый, другой—бѣднякъ. Богатый рѣшилъ разыграть роль капиталиста и съ этой цѣлью открылъ у себя шапочную мастерскую, набралъ туда массу рабочихъ, въ томъ числѣ и своего брата, и комедія стала разыгрываться. Сначала капиталистъ немного либеральничалъ, такъ что вошелъ въ довѣріе къ рабочимъ, младшій же братъ, бѣднякъ, велъ усиленную агитацію. И вотъ когда рабочіе увидали, что со стороны капиталиста какъ будто нечего опасаться большого сопротивленія, то, горячо подбиваемые агитаторомъ, рѣшили объявить капиталисту забастовку и выработали требованія. Солидарность среди рабочихъ была поразительная. Когда забастовка была объявлена, капиталистъ круто повернулъ назадъ. Чѣмъ больше налегалъ капиталистъ, тѣмъ озлобленнѣе становились рабочіе. Въ деревнѣ былъ сахарный заводъ и цѣлый уголокъ, застроенный магазинами, аптекой, постоялыми домами. Былъ, конечно, и приставъ и урядникъ. И вотъ, обыкновенно передъ вечеромъ, когда народъ посвободнѣе, агитаторъ собиралъ своихъ забастовщиковъ передъ домомъ капиталиста; послѣдній выходилъ тоже на улицу, сбѣгалась толпа народу, приходила и деревенская администрація, и вотъ передъ всей собравшейся толпой между братьями завязывалась отчаянная полемика. Агитаторъ обвинялъ брата въ хищничествѣ, въ кровожадности, настаивалъ на удовлетвореніи требованій; словомъ, изъ устъ его лились страстныя обличительныя рѣчи, направленныя уже не только противъ своего брата. Толпа все это слушала и поучалась. Капиталистъ тоже съ успѣхомъ разыгрывалъ свою роль, грозилъ призвать казаковъ, арестовать бунтарей и т. д. До того хорошо братья разыграли комедію, что на пятый день забастовки рабочіе ворвались въ домъ капиталиста и чуть было не

убили его. Тотъ вынужденъ былъ бѣжать и не казать больше носа во свояси. За то рабочіе торжествовали.

Однажды, рано утромъ я съ однимъ изъ товарищей отправилась въ деревню, гдѣ насъ должны были поджидать крестьянскіе агитаторы. Я ихъ еще не видала, но мнѣ передавали о нихъ, въ особенности объ одномъ, какъ о выдающемся парнѣ. Я, по обыкновенію, шла въ крестьянскомъ костюмѣ и несла наши «харчи», состоящіе изъ хлѣба, чеснока и соли, а товарищъ несъ большой узелъ съ литературой и моимъ городскимъ платьемъ, ибо я собиралась въ деревню на нѣсколько дней. Была половина мая. Солнце жгло немилосердно. Едва мы вышли за городъ и очутились на жаркомъ каменномъ шоссе, какъ вдругъ позади насъ послышался стукъ колесъ, и, поровнявшись съ нами, простая мужицкая телѣга остановилась и съ нея спрыгнуло трое еврейскихъ парней. Расплатившись съ возницей, парни въ упоръ подошли къ намъ, и одинъ изъ нихъ, очевидно предводитель, схватилъ товарища за грудь, потрясъ изо-всей силы и глухимъ пьянымъ голосомъ захрипѣлъ:

— Куда ведешь «шиксу»?—Товарищъ мой былъ еврей, мѣстный житель, и его всѣ знали. Я остолбенѣла. Двое другихъ подбѣжали ко мнѣ и стали по бокамъ. Я боялась, что товарищъ не сдержитъ себя и вступитъ въ рукопашную,что было бы хуже всего. У насъ не было ни револьвера, ни ножа, а предводитель былъ гигантъ-дѣтина. Въ одну минуту онъ могъ бы расправиться съ товарищемъ, а со мной и подавно. Какъ только предводитель занесъ надъ товарищемъ руку, я бросилась между ними и спросила довольно спокойнымъ тономъ:

— Що вы за люды и кто васъ пославъ?

Предводитель нагло заглянулъ мнѣ въ лицо и сказалъ:

— Пославъ насъ стражникъ, сказалъ, чтобы завернуть васъ въ полицію.

Дѣло дрянь. У насъ полно прокламацій, я на нелегальномъ положеніи. Оглянулась по сторонамъ, бѣжать некуда.

— Ну що-жъ, то и ведить насъ у полицію, а быться ничого,—заявила я. Предводитель немного удивился.

— Ты скажы, кто ты такая?—спросилъ онъ, опуская руку на мое плечо. Я поняла, что онъ солгалъ. Очевидно, дѣло это было затѣяно имъ по своей личной иниціативѣ.

— Я иду на работу,—стала я разсказывать,—а воны тоже идуть туды за коваля, отъ мы и пишлы разомъ. бо одній боязко...

— Брешешь,—вдругъ перебилъ меня предводитель,—вы идете...

Посыпалась страшная площадная ругань, и мнѣ показалось, что меня со всѣхъ сторонъ закидываютъ комами какой то отвратительной грязи. Я ясно, поняла, что передъ нами стоятъ чистокровные хулиганы. Они требовали, чтобы мы непремѣнно отправились сейчасъ съ ними въ полицію, иначе они изобьютъ насъ и силой потащутъ. И, дѣйствительно, они нѣсколько разъ порывались

бить товарища, но я всякій разъ мѣшала. Тогда предводитель выхватилъ изъ кармана ножъ и, бросаясь на меня, дико заоралъ:

— Хочешь, уложу на мисци.—Товарищъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, но я оставалась наружно спокойна. Я не вѣрила ему. Ужъ слишкомъ онъ былъ гадливымъ, ничтожнымъ, чтобы совершить убійство. Одинъ изъ хулигановъ, маленькаго роста, со слюнявыми, вывороченными губами, полу идіотъ, оказался лучше ихъ всѣхъ. Онъ взялся хлопотать за меня передъ предводителемъ, прося, чтобы тотъ завернулъ только товарища обратно, а меня отпустилъ. Видя на своей сторонѣ нѣкоторое сочувствіе, я постаралась воспользоваться имъ и, закрывъ лицо фартукомъ, сдѣлала видъ, что плачу. Слюнявый хулиганъ участливо заговорилъ:

— Дивчыно, не плачь! Тобы ничого не зроблять. Возьмуть тебе у полицію, спытають, зъ видкыля ты и отправять тебе по этапу до дому.

Я его въ душѣ, конечно, очень поблагодарила за участіе, сдѣлала видъ, что перестала плакать, и открыла лицо. Товарищъ, между тѣмъ, пытался деньгами откупиться отъ хулигана. Тотъ сначала согласился, взялъ у насъ всѣ деньги—ихъ было 60 коп., а потомъ раздумалъ и потребовалъ или еще рубль, или идти въ полицію. Денегъ у насъ больше не было, значитъ приходилось идти въ участокъ. Сознаніе, что по волѣ троихъ негодяевъ я должна предаваться въ руки полиціи, что должно рушиться все дѣло, поднимало во мнѣ чувство обиды и злобы. Почему у меня не было револьвера! Вѣдь покажи только кончикъ дула этимъ развратнымъ трусамъ, и они моментально исчезнутъ. Весь нашъ споръ сопровождался отчаянной руганью со стороны хулигановъ; надо мной они издѣвались во всю.

Наконецъ, мы рѣшили идти въ полицію. Въ это время по шоссе проѣзжала цѣлая вереница подводъ съ хлѣбомъ, и у меня блеснула на одно мгновеніе слѣдующая мысль: броситься къ нимъ и попросить защиты у крестьянъ, сказавъ, что меня бьютъ евреи! Но это было бы ужасно. Этимъ я могла бы навлечь погромъ въ мѣстечкѣ. Положеніе было безвыходное. Единственно, что мы отстояли, это не идти съ ними рядомъ, а на извѣстномъ разстояніи позади ихъ. Такъ и сдѣлали. Къ счастью, мы проходили мимо густой высокой ржи, и вотъ, выхвативъ литературу изъ узла, мы быстро обѣ пачки швырнули въ рожь. Густая рожь поглотила ихъ и скрыла всякіе слѣды. Мы облегченно вздохнули. Подойдя уже къ самому городу, хулиганъ вдругъ предложилъ немного передохнуть и велѣлъ намъ сѣсть на пригоркѣ подъ деревомъ. Начался опять прежній разговоръ. Они рѣшили, что товарищъ-еврей укралъ русскую дѣвушку и теперь удираетъ изъ дому, чтобы креститься. Въ это свое предположеніе, они внесли столько цинизма, пошлости, что не было никакихъ силъ больше слушать. Я вскочила на ноги и на русскомъ языкѣ закричала:

— Замолчите, я не крестьянская дѣвушка! Я вамъ покажу, какъ глумиться надъ человѣкомъ! Ведите насъ сію минуту въ полицію, мы съ вами тамъ разсчитаемся.— Хулиганы опѣшили. Но, не желая сразу сдаться, предложили, хотя и неувѣренно, слѣдовать за ними. Между тѣмъ, поднятый нами шумъ привлекъ вниманіе нѣкоторыхъ евреевъ, изо всѣхъ дверей повысыпали люди, обступили насъ и стали распрашивать, въ чемъ дѣло. Звенящимъ голосомъ я стала говорить. Что говорила я, трудно передать. Я сама не сознавала этого. Помню только что я кричала: «Какъ вамъ не стыдно, евреи, что у васъ выростаютъ такіе сыны! Это не люди, это зараза, съ которой вы должны бороться и которую обязаны уничтожить!»

— Это не мой сынъ, это не мой сынъ,—послышалось со всѣхъ сторонъ.—Это извѣстный босякъ, воръ, развратникъ! Его отецъ живетъ вонъ тамъ, идите къ нему!—жалко стушевался герой-предводитель. Затерся въ толпѣ, а остальные двое явно измѣнили ему и перешли на сторону толпы. Тогда еврейка, съ чулкомъ въ рукахъ, приказала разступиться толпѣ и съ важнымъ жестомъ показала мнѣ дорогу.—Вы свободны, можете идти.—Но идти я уже не хотѣла. Слишкомъ были напряжены нервы, необходимо было отдохнуть.

Вернувшись домой, я стала раздумывать, что теперь дѣлать? Въ ту деревню необходимо пойти. Необходимо и литературу добыть изъ ржи. Къ моему счастью, ко мнѣ подъѣхалъ товарищъ, который отправлялся въ деревню на нѣсколько дней и пріѣхалъ за литературой. Это было какъ разъ кстати. Разсказавъ ему, въ чемъ дѣло, я сѣла съ нимъ въ телѣжку, и мы поѣхали. Съ большимъ трудомъ разыскали брошенныя въ рожь пачки, сѣли и поѣхали дальше. Пріѣзжаемъ къ рѣчкѣ. Рѣшаемъ не ѣхать по мосту, а просто вбродъ. Спрашиваемъ крестьянъ, можно ли переѣхать рѣку вбродъ?

Отвѣчаютъ—можно! Поѣхали. Я сняла ботинки и босикомъ хотѣла перейти рѣчку, ибо дно виднѣлось очень не глубоко. Но вскорѣ вода стала подниматься все выше и выше, идти было немыслимо, и я сѣла въ телѣгу. Впечатлѣніе утренняго происшествія еще не изгладилось, настроеніе было возбужденное, хотѣлось чего-либо болѣе сильнаго, чтобы заглушить его. Вдругъ посерединѣ рѣки вода прибыла по самыя ступеньки, затѣмъ покрыла ихъ, набралась въ телѣгу. Я съ трепетомъ слѣдила: что же будетъ дальше? До какихъ поръ вода подымется.

— Спасайте литературу,—закричалъ товарищъ. Я быстро схватила обѣ пачки и высоко подняла ихъ надъ головой. Вотъ первая волна перекатилась черезъ верхъ телѣжки, затѣмъ черезъ спину лошади... Товарищъ поблѣднѣлъ, испугался за лошадь. Собственная!

Вдругъ я вижу, что на поверхность воды со дна телѣги поднялись мои ботинки и чинно, рядкомъ поплыли вдоль рѣки.

—

Мы стояли по поясъ въ водѣ. Я хохотала, какъ безумная, товарищъ былъ сосредоточенный, суровый. Но вотъ надъ водой остались торчать только лошадиныя уши, а телѣга какъ-то быстро стала погружаться въ илъ. Товарищъ изо всѣхъ силъ дернулъ возжи, лошадь дернула оглобли, и мы вдругъ выскочили на мелкое отлогое мѣсто. Оказалось, мы попали въ яму. Выѣхавъ на берегъ, мы долго сушились.. Разостлали по травѣ всѣ свои пожитки, прокламаціи, выжали отъ воды хлѣбъ, пропитанный насквозь солью, съ аппетитомъ поѣли — и не знали, что предпринять. Ѣхать дальше не было возможности, ибо вода ручьями лилась съ платья, башмаковъ, платка и пальто. Надо было хоть немножко пообсохнуть. Только когда солнце почти совсѣмъ сѣло, мы, наполовину сухіе, рѣшили двигаться дальше. Часовъ въ девять вечера пріѣхали мы къ желанной деревнѣ. Я по уговору должна была подождать у околицы на кладбищѣ, а товарищъ долженъ былъ привести крестьянъ. Сѣла я на могилку... Босая, въ мокромъ платьѣ. Стала пробирать дрожь. Въ сторонкѣ на кладбищѣ стояла мертвецкая. Мнѣ почему-то стало страшно глядѣть въ ту сторону. Кладбище было старое, заброшенное. Деревня стала потихоньку замолкать...

— А ну какъ повылазятъ ко мнѣ мертвецы?—подумала я.— Ну что-жъ, очень пріятно, сейчасъ произнесу потрясающую рѣчь, подбодряла я себя, а самой таки изрядно было жутко. Стали ползать по ногамъ разные жучки, пауки, непріятно застрекотали кузнечики, воздухъ наполнился тысячами звуковъ. А шаговъ не слышалось.—Почему они не идутъ?—мучительно думала я.

Въ это время кто-то закашлялъ подлѣ кладбища. Я насторожилась, но опять все смолкло. Вѣроятно, было уже около одиннадцати. Я стала на колѣни, обвернула ноги подоломъ платья, скрестила руки и приняла видъ молящейся.

Вдругъ душу раздирающій крикъ разсѣкъ воздухъ и смолкъ.

Въ мгновеніе ока я вскочила, какъ безумная, на ноги.

Крикъ раздался надъ самой моей головой. Холодный потъ облилъ меня съ головы до ногъ. Крикъ повторился снова, но уже не такъ страшно, а главное, я поняла, что это кричитъ кошка. Я успокоилась и опять опустилась на траву.

Но вотъ, наконецъ, послышались шаги, и раздался условный зовъ. Я пошла на голоса. Тамъ было человѣкъ пять, но самаго-то главнаго не оказалось.

— Всѣ здѣсь?—спросила я товарища.

— А развѣ Иванъ не приходилъ къ вамъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ не приходилъ.

— Мы его послали къ вамъ. Гдѣ же онъ?—Одинъ изъ товарищей вызвался разыскать его, а мы отправились въ поле, въ условленное мѣсто. Часа полтора мы ждали Ивана, но онъ такъ и не явился къ намъ. Принялись рѣшать вопросъ, гдѣ я переночую.

Я предложила залѣзть въ рожь или идти на кладбище, но крестьяне запротестовали. Въ концѣ концовъ, повели меня къ одному изъ присутствующихъ, богатому еврею, у котораго я должна была переночевать, подъ видомъ богомолки, въ кухнѣ, такъ какъ родители его не должны были даже подозрѣвать ничего.

Тихо разговаривая, отправились мы черезъ всю деревню, какъ вдругъ видимъ на выгонѣ, повернувшись лицомъ къ небу, лежитъ чья то фигура.

— Иванъ, Иванъ,—заговорило нѣсколько голосовъ сразу. Фигура моментально вскочила; въ темнотѣ нельзя было разглядѣть ни его лица, ни волосъ, ни глазъ. Видно было только, что человѣкъ былъ высокаго роста, тонкій и молодой. Вернулись мы обратно на прежнее мѣсто, разсѣлись, и я стала говорить.

Иванъ уже читалъ нѣкоторые листки, читалъ нашу газету, и съ тѣхъ поръ былъ точно въ чаду. Бросилъ ходить на работу, пересталъ посѣщать вечерныци, искалъ уединенія и только иногда прибѣгалъ на мельницу, къ сыну этого самаго богатаго еврея, ища у него отвѣта на нѣкоторые мучившіе его вопросы.

Иванъ попросилъ, чтобы я ему разсказала сразу обо всемъ. Онъ хочетъ все, все узнать. Я объяснила, что сразу невозможно всего разсказать, что намъ придется часто встрѣчаться и толковать, а главное, нужно побольше читать. Иванъ со вздохомъ согласился. Наступила глубокая тишина. Поле молчало, изрѣдка только тихонько зашевелится рожь, заскрипитъ гдѣ-то по дорогѣ запоздавшая телѣга или долетитъ изъ деревни глухой лай собакъ. Я говорила въ теченіе добраго часа. Горло стало пересыхать, говорить стало труднѣе.

— Иванъ, все поняли?—спросила я.

— Усе, усе,—затаенно сдержанно проговорилъ Иванъ.—Тильки ось одного я не розумію

— Ну, чего?—спросила я, ожидая какого-нибудь серьезнаго вопроса. Иванъ помолчалъ, а потомъ сказалъ:

— Ни, не буду пытать, кажить дальше.—Я запротестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ, если вы чего не понимаете, спросите, а то я дальше ни за что не стану разсказывать.—Иванъ сдался.

— Та я хотивъ спытать васъ, чы мужчына, чы вы женщына?

Всего, всего я ожидала услышать, только не это. Нужно было призвать всѣ свои силы на помощь, чтобы не расхохотаться.

— Женщина,—отвѣчала я серьезно.

— Ни,—недовѣрчиво мотнулъ головой Иванъ. Мнѣ стало досадно.

— Ну ладно, это не важно. Слушайте дальше,—и я стала разсказывать дальше. Мнѣ хотѣлось испытать Ивана, провѣрить насколько онъ понимаетъ все, что ему говорю, и насколько онъ умѣетъ самъ разбираться въ данныхъ вопросахъ. Поэтому, не говоря ему еще, какой теоріи я сторонница, я нарисовала передъ нимъ двѣ

программы по аграрному вопросу: С.-Р. и С.-Д. Когда я спросила, которая ему больше нравится, онъ сразу отвѣтилъ:

— Извѣсно та, якъ вы ото кажыте, щобъ одибрать землю усю та виддать ии усему обчеству, бо инакче це жъ буде якъ та билка у колеси. Якъ-то кажуть: «За що купывъ, за те и продавъ».

Почти на разсвѣтѣ мы разошлись по домамъ, рѣшивъ завтра въ семь часовъ встрѣтиться за деревней, въ полѣ. Иванъ долженъ былъ везти муку съ мельницы въ тотъ городокъ, гдѣ я жила, и такимъ образомъ онъ меня завезетъ домой. Но какъ было намъ узнать другъ друга? Темнота была страшная, такъ что лицъ мы совсѣмъ не видали, а подводъ должно ѣхать много. Для того, чтобы не ошибиться, Иванъ долженъ былъ ѣхать первымъ, я же должна идти по дорогѣ и, когда подвода поровняется со мной, должна сказать.

— Хлопче, пидвезы мене.—Онъ долженъ мнѣ отвѣтить:

— Сидай, дивчыно, пидвезу.—Попрощались и разошлись.

Уложили меня въ кухнѣ на какомъ-то старинномъ диванѣ съ массой клоповъ. Чуть стало свѣтать, хозяйка дома, добродушная, толстая еврейка, быстро вошла въ кухню и принялась меня изо всѣхъ силъ тормошить.

— Ганно, Ганно, вставай, коровы прыйшлы, де цеберъ, помый, треба имъ вынесты.—Я вскочила на ноги и, съ удивленіемъ протирая глаза, спросила:

— Якый цеберъ, що вы говорыте, я не розумію!

— Якъ якый цеберъ,—не унималась еврейка,—той що коровамъ дають пыть,—и пошла въ сѣни. Я догнала ее по дорогѣ и еще разъ спросила:

— Якый цеберъ, чого вамъ треба?—Тутъ только еврейка поняла свою ошибку и добродушно разсмѣялась:

— Ну ну, дивчыно, я думала, що це моя служанка Ганна спитъ, иды, иды, лягай спать.—Я тоже разсмѣялась, пошла легла, такъ какъ еще было рано. Наконецъ, совсѣмъ разсвѣло. Въ кухнѣ начала возиться около печки настоящая Ганна, а я лежала съ закрытыми глазами, притворяясь спящей. Вдругъ въ кухню ввалилась цѣлая толпа крестьянскихъ дѣвушекъ. Онѣ шли на «буряки» и по дорогѣ завернули къ Ганнѣ.

— Дывиця, дивчата, яка чудна людына у насъ ночуе,—говорила имъ шепотомъ Ганна. Дѣвушки обступили меня кругомъ, тихонько преговариваясь между собой.

— Тай справди чудна! Дывы, Параско, якъ чудно у ней пошыта сорочка, зовсимъ не такъ, якъ у насъ.

— Мабуть здалека!

— Тю, що воно за людына!

— Мабудь страннычка, або зарикъ дала!

— А ну, Степаныдо, штовхны ии пидъ бикъ та розбудимо,—

предложила одна изъ нихъ. Я обмерла. А что если и въ самомъ дѣлѣ Степанида вздумаетъ привести въ исполненіе совѣтъ подруги...

Но въ это время въ кухню вошла дочь хозяйки, посвященная въ тайну, безцеремонно разогнала дѣвокъ и тѣмъ спасла меня.

Деревенской дѣвушкѣ не полагается долго спать, поэтому и мнѣ давно пришла пора встать. Я встала и усердно покрестилась на образа. Ганна и хозяйка дома не спускали съ меня глазъ, слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ, а время тянулось, какъ на зло, страшно долго. Наконецъ, солнце встало, дочь хозяйки вывела меня къ условленному мѣсту, оставила одну, а сама ушла. Я сѣла на краю дороги въ ожиданіи Ивана. Мимо меня проходило много народу, всѣ съ удивленіемъ оглядывали меня съ ногъ до головы. Вотъ идетъ человѣкъ шесть косарей, предводительствуемые, очевидно, приказчикомъ, человѣкомъ въ высокихъ сапогахъ и съ красной, пьяной рожей. Поровнялись со мной, онъ и говоритъ:

— Дивчыно, ходимъ зъ намы въ городъ швандаця!—Я не поняла.

— Ни, вона ще дуже молода, вона не способна,—замѣтилъ другой и толпа прошла дальше. Но вотъ по дорогѣ послышался стукъ колесъ, показалась вереница подводъ, нагруженныхъ мукой, я хватаю узелокъ, мчусь къ передней подводѣ, и о ужасъ! Впереди ѣдетъ какой-то старикъ. Я останавливаюсь, пропускаю эту подводу, жду другую. Другая тоже не Ивана; наконецъ, ѣдетъ третья. И если-бы у насъ не было заранѣе никакого условленнаго пароля, я-бы узнала Ивана. Еще издали, только завидя меня, онъ началъ улыбаться, въ волненіи кусалъ губы, смущенно дергалъ возжи. Не дожидаясь, пока я его позову, онъ еще издали крикнулъ:— Дивчыно, сидай я тебе пидвезу.

Я съ трудомъ вскарабкалась на возъ, сѣла рядомъ съ Иваномъ. Лошади тронули, и мы поѣхали.

— Ну, разсказуйте ище,—заговорилъ Иванъ.—Усе, усе кажиты! Сегодня говорить о чемъ-бы то ни было болѣе серьезномъ я абсолютно не могла, а потому я ему стала разсказывать о тюрьмахъ, о казняхъ, обрисовывала нѣкоторыхъ выдающихся героевъ, говорила о пыткахъ, о жизни революціонеровъ и т. д. И я видѣла, что каждое мое слово глубоко западало въ душу Ивана. Лицо его, красивое, молодое, часто передергивалось отъ душевной боли, а глаза, глубокіе, чистые, иногда вспыхивали лихорадочнымъ огнемъ. Вдругъ Иванъ задумался.

— То то жъ треба, въ незнаеме село, до незнаемихъ людей прыйты у ночи.—Раздумывалъ онъ вслухъ.—Ничого, хоть вы и страдаете, хоть и важко вамъ жывеця, але мы пиддержымъ васъ у всимъ,—пылко вскричалъ онъ, свѣтло посмотрѣвъ мнѣ въ глаза. Я засмѣялась, а Иванъ продолжалъ:

— А знаете, чого я васъ учора спытавъ, чы вы мужчына, чи вы женщына.

— А почему?—съ любопытствомъ спросила я.

— Та то-жъ такъ говорыть, то треба гимназію скинчыты!—сказалъ онъ задумчиво, взялъ свой кнутъ, спустилъ его съ телѣги и длиннымъ ремешкомъ принялся срѣзать верхушки травы, росшей по сторонамъ дороги.

— А развѣ дѣвушки не учатся въ гимназіяхъ,—возразила я. Въ краткихъ чертахъ я разсказала ему, какія въ Россіи существуютъ гимназіи, университеты, чему и какъ тамъ учатся. Иванъ слушалъ молча, очевидно думая тяжелую думу.

— А у насъ дивкы...—сказалъ, наконецъ, грустно Иванъ...

— Знаете, Таня,—продолжалъ онъ,—якъ я якый день не почытаю прокламацію, то такъ наче я не ивъ, або Богу не молывся. И свитъ мени не мылый, и жыть не хочеця. Учора шишовъ я на весилья. Народу багато зибралось, хотивъ бы усихъ ихъ стягты до купы, та розсказать имъ усе, що я чувствую, та що жъ колы я не знаю, якъ его почать, якъ его казать. Та такъ стало погано на серци, такъ важко, що ледви и до дому дошлився. Куды не глянешь, та скризь горе одно. Тамъ хлиба нема, тамъ дитей нужда зандае; тамъ чоловикъ пье безъ просвиту, у того панъ дочку взявъ, тай покынувъ на смихъ усему селу. Якъ подумаю усе це, серцеземечеця, утикъ бы, куды очи дывляця. Скажыть, чы давно ще це буде, чы скоро насъ вызволять зъ цего пекла, чы ему коньця й краю немае?—Голосъ Ивана дрожалъ, глаза горѣли.

— Вы пытаете чы довго? Чы вызволять васъ? Хиба можна кого изъ видкиль вызволыть, якъ винъ самъ не схоче? Чого-жъ вы самы мовчыте, чого-жъ добровильно пидставляете голову пидъ ярмо?—Иванъ взволнованно провелъ рукой по лицу. Видно было, что слова мои рѣзали его по самому сердцу и что онъ не знаетъ, какъ ему справиться со своимъ чувствомъ. Всю дальнѣйшую дорогу Иванъ почти одинъ говорилъ, я слушала, и по мѣрѣ того какъ онъ раскрывалъ передо мной свои взгляды, мнѣ становилось ясно, что это одна изъ тѣхъ широкихъ, самостоятельныхъ натуръ, которыя не укладываются ни въ какія опредѣленныя рамки, которыя неизбѣжно должны погибнуть, такъ какъ примириться съ окружающей жизнью они никогда не смогутъ.

Черезъ нѣсколько дней у меня съ Иваномъ было новое свиданіе.

Грустный, задумчивый, вошелъ онъ ко мнѣ въ комнату, крѣпко сжалъ мою руку и настойчиво сказалъ.

— Дайте мнѣ револьверъ.

— Зачѣмъ вамъ,—спросила я.

— Старшину нашего уложу. Якъ-бы вы зналы якый винъ проклятый человикъ, якъ винъ мучыть усихъ людей. Я и поришывъ. Пиду въ каторгу, але за ридне село, за ридныхъ людей не жалко и душу виддать.

— Бросьте эту мысль, Иванъ,—сказала я.—Развѣ вы облегчите

жизнь людямъ тѣмъ, что уберете старшину, развѣ человѣческое горе ограничивается только вашимъ селомъ?

Еле удалось убѣдить Ивана въ безцѣльности задуманнаго имъ поступка. Вдругъ онъ вынулъ изъ кармана конвертъ со вложеннымъ въ него листомъ бумаги. Я взяла бумагу и прочла:

„Ой, ты, батюшка Царь-отецъ!
Не веди насъ, какъ овецъ.
А дай ты намъ ученье
И народнее просвѣщенье.
А то какія-жъ мы твои дѣти
Коль голодны, не одѣты.
Не будемъ тебѣ налоги платить,
Твою царскую службу служить.
Какъ возьмемъ оружіе крѣпко,
То станетъ начальство рѣдко.
Теперь пришли тѣ годы,
Что народу до свободы".

Это стихотвореніе написалъ самъ Иванъ; мы его потомъ помѣстили въ одномъ изъ номеровъ нашей газеты.

— А знаете, Таня,—сказалъ Иванъ.—Я вчера всѣмъ дѣвкамъ окна побилъ.

— Зачѣмъ?—спросила я удивленно.

— Такъ, отъ тоски.

Иванъ черезъ нѣсколько времени сталъ энергичнымъ, отважнымъ агитаторомъ. Всюду завязывалъ связи, выписалъ газету, легальную, и каждый вечеръ читалъ ее всему селу, освѣщая факты по своему.

Мы стали подготовлять первый нашъ крестьянскій съѣздъ. Среди этихъ приготовленій я была арестована, въ дорогѣ, въ вагонѣ.

Когда Иванъ узналъ о моемъ арестѣ, онъ написалъ царю письмо, въ которомъ требовалъ, что бы немедленно освободили всѣхъ изъ тюремъ и дали народу свободу.

Такъ закончился первый періодъ моей работы среди крестьянъ.

II.

Послѣ манифеста 17-го октября меня освободили изъ тюрьмы, а въ концѣ ноября я опять уѣхала въ деревню. Послѣ 17-го октября работа среди крестьянъ приняла нѣсколько иной характеръ, болѣе широкій и открытый. По опыту прежнихъ дней опять центральнымъ пунктомъ былъ избранъ одинъ изъ уѣздныхъ городковъ, гдѣ тоже уже существовала небольшая партійная (с.-р.) группа. Поздно вечеромъ я пріѣхала въ назначенный городъ и отыскала явочную квартиру.На другой день я познакомилась со своими новыми товарищами, преимущественно рабочими, а на завтра рѣшено было приступить къ работѣ. Къ вечеру, къ моей

великой радости, пріѣхалъ еще одинъ товарищъ; для нашей организаціи это было большимъ облегченіемъ. Весь уѣздъ мы раздѣлили пополамъ. Я взялась объѣхать одну сторону, товарищъ Алексѣй — другую. Каждый изъ насъ взялъ себѣ по проводнику изъ мѣстныхъ жителей, и чуть свѣтъ мы отправились въ дорогу. Наканунѣ нашего отъѣзда весь вечеръ мы обсуждали программу, съ которой мы должны были идти въ крестьянство, и остановились, приблизительно, на слѣдующемъ. Мнѣ казалось, что для того, что бы привлечь на свою сторону симпатіи крестьянъ, необходимо было поставить передъ нимъ авторитетъ, имъ знакомый. Отношенія ихъ къ партіи я не знала; поэтому мнѣ казалось рискованнымъ сразу выступить отъ имени партіи с.-р , и я назвала себя членомъ «московскаго крестьянскаго союза».

Этотъ союзъ, думалось мнѣ, имѣлъ больше значенія для крестьянъ, былъ имъ ближе и роднѣе, чѣмъ какая-то партія, о которой они никогда не слыхали, а если и слыхали, что существуютъ «соціалисты», то въ самомъ извращенномъ смыслѣ. Впослѣдствіи мои опасенія оказались не имѣющими основанія: для тѣхъ крестьянъ, которые абсолютно ничего не вѣдали, было въ сущности безразлично: сказать ли членъ московскаго крестьянскаго союза, или членъ партіи с.-р. Какъ первое, такъ и второе было имъ совершенно одинаково непонятно. Для тѣхъ же крестьянъ, которые были хотя мало-мальски затронуты движеніемъ, для тѣхъ не были страшны никакія слова. Итакъ, первый пунктъ въ нашей программѣ касался исключительно крестьянскаго союза. Слѣдовало подробное объясненіе.

Второй важный пунктъ — это разъясненіе манифеста 17-го октября. Третій пунктъ — отношеніе крестьянъ къ Государственной Думѣ, разъясненіе значенія учредительнаго собранія, необходимости его созванія, необходимости бойкота Государственной Думы. Четвертый пунктъ былъ посвященъ аграрному вопросу, пятый — рабочему, остальные пункты дополняли программу-минимумъ.

Осень.... Сѣрое небо, сѣрая природа, сѣрыя лица.... Мелкій дождь третьи сутки идетъ безпрерывно. Земля раскисла, кой-гдѣ образовались небольшія лужи воды... Иногда, съ трудомъ пробившись сквозь густыя тучи, выглянетъ блѣдное солнце, смущенно улыбнется поблекшей природѣ и снова спрячется, какъ бы стыдясь своей собственной улыбки. Природа умирала медленной, естественной смертью, и никакія жаркіе лучи солнца не могли вдунуть въ нее душу, не могли возродить ее снова.

На простой мужицкой телѣгѣ мы, вдвоемъ съ товарищемъ, ѣдемъ въ ближайшій хуторъ, гдѣ только что кончилась забастовка и гдѣ, поэтому, стояла рота казаковъ. Телѣга то подпрыгиваетъ вверхъ, то накренится на правый, то на лѣвый бокъ, въ глазахъ прыгаютъ деревья, избы. Вѣтеръ немилосердно треплетъ платье и

платокъ, сильно поднялъ вверхъ одинъ конецъ его и распростеръ въ воздухѣ, точно крыло какой-то невиданной огромной птицы.

Разговаривать нельзя, ибо рискуешь каждую минуту откусить языкъ.

Но на душѣ праздникъ.—«Неужели», думала я,—«я могу свободно пріѣхать въ деревню, свободно созвать сходъ и совершенно свободно говорить на немъ, о чемъ захочу.» Я вспомнила свою прежнюю работу, всѣ предосторожности, страшную конспирацію, и мнѣ прямо-таки не вѣрилось, что все это отошло уже въ область преданій.

— А куда идете?—спросилъ везшій насъ мужичекъ.

— До людей,—смѣясь, отвѣчала я.

— А зачимъ,—не унимался мужичекъ.

— Балакать...

— Ну, Боже поможы, Боже поможы,—сказалъ онъ оживленно, задергавъ возжами.

Въ нашемъ городкѣ въ пору свободъ были митинги, и на нихъ прославился въ качествѣ оратора одинъ изъ товарищей, мѣщанинъ-каменщикъ.

Всѣ крестьяне его знали въ уѣздѣ; имя его было для нихъ дорого. Это и понятно. Въ первый разъ въ жизни они услыхали правдивое слово, да еще такъ открыто, такъ свободно. Больше всего имъ нравилась именно смѣлость оратора, который, не стѣсняясь присутствіемъ администраціи, всего состава земской управы, тутъ-же передъ всѣми уличалъ все начальство, всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, не щадя ни кого. Крестьяне дружно хохотали и выносили оратора на рукахъ. Но митинги могла посѣщать только незначительная часть крестьянъ, а именно тѣ, которые бывали въ городѣ или на ярмаркѣ, или на работѣ.

При въѣздѣ въ деревню мы отпустили возницу, а сами пошли пѣшкомъ. Рѣшили зайти къ первому попавшемуся мужичку.

Навстрѣчу идетъ мужиченко, чуть ли не въ лохмотьяхъ, съ большой не отесанной палкой, въ нахлобученной шапкѣ.

— Дядько, а дядько,—окликнули мы его.—Де тутъ у васъ жыве найбиднійшый мужыкъ?—Мужичекъ искоса глянулъ на насъ, а потомъ отвѣчалъ:

— Мы тутъ, слава Богу, уси бидни. Поравненіе въ правахъ у насъ. Идить у яку хочете хату, скризь найдете кучу дѣтей, та огрызокъ хлиба.

Мы такъ и сдѣлали, постучались въ первую попавшуюся дверь. Но на стукъ никто не отозвался, тогда мы просто отворили дверь и вошли въ маленькую, непривѣтливую крестьянскую избушку.

— Боже поможи,—громко поздоровались мы, и на наше привѣтствіе съ печки послышался отвѣтъ:

— Спасыбі, будьте здорови. А що вы за люде?—Вслѣдъ за этими словами съ печки на лежанку спустилась женщина лѣтъ

около 40, въ грязной рубахѣ, съ подвязанной щекой. Очипокъ сползъ на затылокъ, обнаруживая прядь спутанныхъ рыжихъ волосъ на лбу.

— А де вашъ хозяинъ, титко?

— Заразъ поклычу,— отвѣчала титка, спускаясь на полъ; взяла большой платокъ и направилась къ двери.

— Скажите вашему мужу, чтобы созвалъ къ вамъ побольше людей, мы потолкуемъ здѣсь кое о чемъ.—Женщина одобрительно кивнула головой и скрылась. Я раздѣлась и спокойно расположилась, какъ дома, въ полной увѣренности, что нахожусь въ безопасности. Вошелъ хозяинъ хаты, высокій, худой, какъ щепка, рыжій мужикъ, при видѣ «барышни» вытянулся въ струнку у порога и снялъ шапку. Мнѣ стало непріятно. Я подошла къ нему и протянула руку. Онъ смущенно подалъ мнѣ свою, не сгибая ее и не смѣя пожать моей руки.

— Подите на село и созовите сюда какъ можно больше людей, я пріѣхала поговорить съ вами о вашихъ нуждахъ, о вашемъ житьѣ-бытьѣ.

Хозяинъ мгновенно оживился, схватилъ шапку и моментально исчезъ. Не прошло и четверти часа, какъ изба была биткомъ набита. Крестьяне столпились плотной кучей, съ удивленіемъ оглядывая насъ съ ногъ до головы. Я стала говорить. Сначала разсказала имъ о существованіи крестьянскаго союза, объ его цѣли; потомъ заговорила о манифестѣ, о Государственной Думѣ, объ учредительномъ собраніи. Сначала крестьяне слушали внимательно, не проронивъ ни звука, но постепенно изъ толпы послышались восклицанія, стали задавать вопросы, цѣльность рѣчи была нарушена, и мнѣ пришлось оборвать ее почти на половинѣ. За то между крестьянами завязался отчаянный споръ. Перескакивая съ вопроса на вопросъ, они ни на чемъ не могли остановиться, выставляемое кѣмъ-либо положеніе тутъ же и защищалось, и разбивалось. Еле удалось мнѣ овладѣть ихъ вниманіемъ и опять направить разговоръ по болѣе систематическому пути. Противъ аграрной программы мало кто возражалъ.

Когда я говорила о Государственной Думѣ, поясняла порядокъ избранія депутатовъ въ нее, крестьяне засмѣялись.

— Бачь, яки добри, одно ярмо скынуть, а друге надинуть.

— Отъ, акъ пошлють у Государственну Думу, нашего Дмытра Ивановыча, винъ поковтае не тильки насъ, а и депутативъ усихъ,— сказалъ кто-то съ проніей.

— Не бійсь, не поковтае, подавыця якимъ небудь «вельможнымъ», або и «яснымъ вельможнымъ»,—возразилъ кто-то.

— Ото! Хиба ты не бачывъ яке у него брюхо! Бездонне!

— Та ну-те, стыштесь,—остановилъ ихъ кто-то. Нехай воны доскажуть до кинця. А то почалы верзты таке що й купы не держыця.

Я продолжала говорить дальше, заговорила о налогахъ, высчи-

тала, сколько правительство получаетъ дохода отъ нихъ, кто ихъ преимущественно платитъ и какой ущербъ будетъ государству отъ неуплаты налоговъ.

— Ось пидождить, люде!—вдругъ раздался голосъ по направленію отъ дверей. Всѣ оглянулись. Около дверей, прислонившись къ косяку, стоялъ высокій, съ черной бородой мужикъ. Онъ держался особнякомъ, ни разу не вступалъ въ разговоръ и въ упоръ глядѣлъ на меня, ловя каждое мое слово

— Въ чемъ дѣло?—спросила я. Было что-то непріятное, рѣзкое въ его упорномъ взглядѣ, въ его ровномъ, спокойномъ голосѣ.

— Огь вы кажыте, що-бъ не платыть податей, налогивъ и все таке. А на яки жъ гроши царь буде содержуваця? Тай ще и землю, кажете, треба одибрать.

— А вотъ какъ соберутъ учредительное собраніе, тогда и норѣшатъ все: и коли порѣшатъ что нужно, то и деньги найдутся для содержанія царя.

Крестьянинъ, казалось, задалъ этотъ вопросъ съ задней мыслью, потому что на мой отвѣтъ онъ только ухмыльнулся себѣ въ бороду, взялъ шапку, повернулся и ушелъ. Крестьяне недружелюбно проводили его глазами.

— Хто его поклыкавъ!

— Та це звисный черносотенецъ,—успакиивающе сказалъ кто-то.

Этотъ непріятный эпизодъ, однако, не разстроилъ нашего собранія. Когда я кончила, крестьяне заговорили.

— Ни, барышня, вы одъ насъ не пойдете. Переночуйте у насъ, а завтра склычемо сходъ, та разскажить вы оце усе на сходи, щобъ уси чулы це, що вы говорите.

— Та чого дожыдаця завтра! Ходимъ заразъ у зборню, склычемъ село и воны тутъ и разскажуть.

— Нѣтъ, я не могу сегодня остаться, я должна идти дальше,— отвѣчала я. Крестьяне съ блестящими глазами обступили меня, попросили, чтобы я имъ по пунктамъ написала программу крестьянскаго союза, и взяли слово, что на обратномъ пути я къ нимъ заѣду на сходъ. Солнце уже садилось, нужно было къ вечеру поспѣть еще въ другую деревню. Кстати она была всего лишь въ нѣсколькихъ верстахъ. Простившись дружески съ крестьянами, взволнованная не меньше ихъ, я ушла изъ деревни въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ крестьянъ. Едва мы вышли за околицу, какъ одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и вполголоса спросилъ:

— А бонбы у васъ есть?

Я остолбенѣла.

— Откуда вы знаете о бомбахъ, газеты читаете? Говорите съ кѣмъ нибудь? И зачѣмъ вамъ бомба?

— Эхъ, барышня! Мы тоже люды. Газетъ я не чытаю, а якъ пойду въ городъ, то и наслухаюсь усего. Я такъ разсуждаю. Отъ у насъ князь нашъ. Скилькы народу винъ загубывъ, скилькы нужды

заробылвъ. Ходымо и голи, и боси, а все по его выни. Такъ отъ винъ часто произжа у своеи кареты по цiй дорози, то якъ-бы такъ въ него бонбу. Чортъ его беры, души не пожаливъ бы

— А якый толкъ отъ того буvъ-бы. Хиба вамъ за це земли далы, чы полегчелы яке! Ще-бъ гирше... Треба хату валыть зъ четырехъ углывъ, а посли уже разбирать на щепкы.

— Ни, барышня, намъ туды не дорога. Нехай соби у Петербурзи бьютця, якъ хотять, а мы будемъ быть тутъ дома у себе пидъ руками.—Парня нельзя было сломить.

Пришли мы въ слѣдующую деревню поздно вечеромъ, вошли къ мужику-портному. Мужикъ сидѣлъ за машинкой, около мальчикъ-подмастерье. На «полу» ютилась вся его семья. Жена, молодая еще женщина, но сильно изнуренная, лѣтъ восьми мальчикъ въ жару и сыпи, въ грязныхъ лохмотьяхъ; двухлѣтній полу-идiотъ съ кривыми ногами и большой головой; жена брата, молоденькая женщина съ годовалой дочкой: мужа убили на Дальнемъ Востокѣ. Старикъ дѣдъ, весь сгорбленный кашляющiй и стонущiй каждую минуту. Блѣдный свѣтъ лампадки тускло освѣщалъ этотъ уголъ нищеты, отъ котораго вѣяло страшной тоской и отчаяньемъ. Изба была хоть и большая, но сильно грязная.

При нашемъ появленiи никто не двинулся съ мѣста. Словно ничего особеннаго не произошло. Даже на наше привѣтствiе хозяинъ отвѣчалъ равнодушно, спокойнымъ голосомъ, не поднимая головы отъ работы.

— Эй. Мыхайло,—громко заговорилъ нашъ провожатый.—Бигай на село, склыкай людей! Ось прыихалы люды, воны тутъ таке розскажуть, чого ты и зъ роду не чувъ!

Мыхайло съ любопытствомъ поднялъ голову.

— А що-жъ воны казаты мутъ!

— Звисно що! Розскажуть, якъ намъ жевця, яка наша нужда, що мы должни робыть, якъ должни добываця соби щасця та свободы.—Михайло быстро всталъ, торопливо принялся укладывать работу, проговоривъ между сборами:

— Эй, стара, бигай на той кутокъ, а я пиду до Грыцька клыкать. Та не забудь поклыкать старосту и пысаря.—Утомленная и голодная, я опустилась на лавку, предварительно раздѣвшись Жена брата спустила на землю дочку, накинула платокъ, взяла миску и скрылась въ сѣняхъ, а затѣмъ вернулась съ миской капусты и солеными огурцами. Все это она поставила на столъ, положила двѣ ложки и двѣ огромныя паляницы. Пока собирался народъ, я съ аппетитомъ ѣла. Народу все прибывало и прибывало. Всѣ лавки, лежанки, печка,—все было занято. Лампа отъ недостатка кислорода стала тухнуть, тогда одинъ изъ крестьянъ положилъ сверху на стекло пятакъ, оставляя для воздуха только небольшую щель. Я начала говорить по порядку, но передъ тѣмъ, какъ начать, я попросила крестьянъ не перебивать меня, пока я не кончу со-

всѣмъ. Потомъ пусть задаютъ вопросы. Крестьяне согласились. Этотъ вечеръ почему-то глубоко запечатлѣлся у меня въ памяти. Крестьяне стояли плотной стѣной, плечо къ плечу, голова къ головѣ, десятки глазъ, блестящихъ, горящихъ лихорадочнымъ огнемъ, устремились на меня, пронизывая меня насквозь. Молодыя, возбужденныя лица съ затаеннымъ дыханіемъ слушали, жадно ловя каждое мое слово, каждый мой жестъ. Старики, сосредоточенные, молчаливые, низко опустивъ обнаженныя головы, сидѣли по сторонамъ, точно на молитвѣ или на какомъ-нибудь религіозномъ обрядѣ. Были и женщины. Послѣднія пользовались привилегіей, ибо сидѣли рядомъ со мной на скамейкѣ. Время отъ времени въ толпѣ проносился сдержанный вздохъ, затѣмъ опять наступало гробовое молчаніе. Когда я коснулась пункта объ отмѣнѣ смертной казни, нарисовала картину Шлиссельбургской крѣпости, Петропавловки, разсказала, поскольку лѣтъ тамъ томятся люди, сколько борцовъ ушло и погибло въ каторгѣ, въ тюрьмахъ...—въ толпѣ раздались рыданья...

Часа три я говорила. Устала. Крестьяне стали расходиться, многіе подходили, жали руку, благодарили, обѣщали помнить во всю жизнь все, что я говорила. Но вдругъ изъ толпы вынырнулъ откуда-то студентъ, подошелъ къ столу съ цѣлью разбить меня. Въ первую минуту я подумала, что это с.-д., и приготовилась къ жестокому спору. Но студентъ заговорилъ о земствахъ, о необыкновенной пользѣ ихъ, перечисляя заслуги нѣкоторыхъ дѣятелей, вспомянулъ и земскій съѣздъ во времена Святополка-Мирскаго. Завязался споръ.

Въ душѣ мнѣ было ужасно досадно, я боялась, что этотъ споръ ни къ селу, ни къ городу внесетъ путаницу въ понятія крестьянъ. Они не успѣли ознакомиться съ однимъ, какъ имъ уже подсовываютъ другое. Но опасенія мои были напрасны. Я возликовала, когда староста, у котораго я ночевала, сказалъ мнѣ, между прочимъ:

— А той, бачъ якъ зъ витру зводыть! Скубентъ-то. Земство, земство! Цаца велыка. Якъ бы-жъ то мы сыдилы въ земстви, а то кто тамъ крутыть диламы. Ясновельможный, вельможный и просто князь! Хиба у него голова болитымо за мужыкомъ. Чулы, князь союзъ тутъ заклада проты насъ?

— Якый союзъ?

— А якъ-же-жъ! Напысавъ усимъ въ округи помищыкамъ, щобъ складалысь отъ каждой десятины по 25 к., та на ци гроши вынысать казакивъ.

— Ага, ничого, молодецъ! Я пошлю объ цимъ у газету. Кто предсѣдатель цего союза?

— Цей союзъ въ тыхомолку, мы досталы одынъ лыстъ. Предсѣдатель звисно князь.

— Мы сидѣли въ чайной, пили чай; насъ угощалъ староста.

Между тѣмъ, крестьяне тихо о чемъ-то спорили. Наконецъ, одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Вотъ, барышня, многіе не соглашаются относительно амнистіи. Говорятъ, можетъ кого и нужно было посадить въ тюрьму. Напримѣръ, убійцъ Александра II...

— Ну и чего ты голову морочишь!—перебилъ его староста. Староста вообще былъ душой общества. Несмотря на то, что у него было 20 десятинъ земли, почетный, для деревни, чинъ, масса знакомыхъ и родныхъ среди сельской буржуазіи, онъ всецѣло былъ преданъ народу, и теперь горячѣе всѣхъ отозвался.

— Не бійсь,—говорилъ онъ.—Ци люды не обмануть, бачишь за намы стоять, безъ корысты.

— Та хиба я що кажу,—оправдывался писарь.—Це ось други, бо народъ темный, не понимае! Дума, а може яка небудь засада! Хто его зна.

— Тю, показытысь! Яка-жъ тутъ може будь засада. Эй, хто тамъ Хома невирный. Кому тамъ муха у носи заграла? Може пидешъ до прыстава правды шукаты, або до нашего пана?

Я еще разъ принялась объяснять крестьянамъ значеніе амнистіи. Говорила, что эти люди всѣ посажены за то, что хотѣли добра народу, что они говорили народу то, что говорю я теперь, и что если-бы у насъ не было манифеста, то и меня сейчасъ бы посадили тоже въ тюрьму. Затѣмъ говорила, что теперь скоро начнутся выборы въ Государственную Думу, значитъ важно, чтобы народъ выбиралъ именно этихъ людей, а для этого ихъ необходимо освободить изъ тюрьмы, чтобы они могли придти къ народу, чтобы народъ ихъ зналъ.

Другой спорный вопросъ возникъ изъ-за всеобщаго избирательнаго права. Имъ казалось невозможнымъ пустить женщинъ въ Думу.

— Що-жъ баба зможе зробыть? Вона темна, необразована.

— Ад-же-жъ и вы темни, необразовани, але пидешъ и треба щобъ ишлы въ Думу. Не треба кинчать университету для того, щобъ умить разсказаты, що у чоловика болыть и въ чимъ его нужда. Такъ и жинка. Жиноче горе никому такъ дотепне не звисно, якъ іи самій. То нехай вона сама и каже за его. Ось я женщина, а хиба вы не выбралы-бы мене?—Крестьяне искренно захохотали.

— То то-жъ вы! Отъ сказалы. Вы велыкограмотни, а вона що.

— Що! моя баба заткне за поясъ богацкихъ. Такъ тоби якъ хочне балакать, не треба тоби и велыкограмотнихъ,—сказалъ староста.

— Нѣтъ, я не согласенъ. Нельзя-ли безъ этого пункта, или написать просто всеобщее избирательное право, но только для мужчинъ,—настаивалъ писарь.

— Бачъ якій хытрый, усе для нихъ, а баби ничого,—огрызнулись женщины.

— Цыцъ, ничого не разумієшь, то мовчы лучше.

Вопросъ такъ и остался спорнымъ. Рѣшили окончательно выяснить его на предстоящемъ крестьянскомъ съѣздѣ.

Староста повелъ насъ къ себѣ на ночлегъ, а крестьяне кучками отправились по домамъ.

— Хома, а кумъ Хома,—говорилъ одинъ изъ нихъ.—А я усе це думаю: чы воно добре, чы воно не добре.

— Насчетъ чого?

— Та насчетъ прыговора. Ось мы составымъ прыговоръ, одишлемъ въ московськый союзъ, та що-бъ мы чого соби не наклыкали.

— Що таке!—восклицалъ другой.—Люды имъ кажуть святу правду, душу за нихъ покладають, а воны розвелы тутъ: «Може воно такъ, а може не такъ.» Эхъ вы! Гиршъ не буде якъ е. Дывы яка знатна рать иде! Скилькы заробывъ цего лита, колы думаешь зубы на полыцю покласты!

— А де ты шапку куповавъ, мабудь у самому Петербурзи, бо вона чогось дуже чудна; облизла, якъ у исправныка голова. Вона мабудь тоже изъ арыстокративъ.

— Та цуръ тоби, годи, годи, отъ роспустывъ языкъ.

И шли дальше молча, но чрезъ минуту дьяволъ искушенія опять не давалъ имъ покою.

— Чому воны до насъ чоловика не прыслалы, отой «союзъ», а то прыслалы женщыну. Що вона зможе!

— Хто его зна! Може воно добре, а може воно не добре!

Молчаніе. Слышно только тяжелое сопѣніе и постукиваніе палкой о мерзлую землю,

— Тай справди, чомъ-же не чоловикъ.

— Женщына! Що баба зможе!

Алексѣева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

— — — — —

Господинъ и госпожа Молохъ.

Романъ *Марселя Прево*.

Переводъ съ французскаго **С. Б**

II.

Звуки трубъ и бой барабана заставили умолкнуть толпу, собравшуюся изъ Ротберга, Альтендорфа, Литцендорфа, Штейнаха и со всѣхъ окрестныхъ деревень, долинъ и горъ, чтобы присутствовать на открытіи временнаго памятника Бисмарку, воздвигнутаго въ Фазаньемъ паркѣ. Барабанная дробь и трубы возвѣстили прибытіе высшихъ сановниковъ.

Было половина третьяго. Свѣжее утро смѣнилось внезапно наступившимъ зноемъ, благодаря вѣтру, дувшему цѣлое утро изъ горныхъ ущелій. Воздухъ дрожалъ въ солнечномъ свѣтѣ, какъ въ самую жаркую пору лѣта. Флаги неподвижно висѣли на древкахъ. Среди почтительнаго молчанія придворные экипажи приближались къ толпѣ.

Я наблюдалъ изъ будуара Гомбо, куда удалился, чтобы не смѣшиваться съ толпой. Экипажи прослѣдовали вдоль линіи зрителей. Я былъ одинъ, такъ какъ Грита предпочла общество супруговъ Молохъ. Грита была еще въ томъ возрастѣ, когда солнечный жаръ, пыль, шумъ и толкотня доставляютъ развлеченіе. Думаю, ей хотѣлось еще поближе видѣть своего друга Макса, командовавшаго отрядомъ въ офицерскомъ мундирѣ.

Въ первой придворной каретѣ, голубой съ бѣлымъ, ѣхалъ принцъ Отто, въ мундирѣ полковника уланскаго полка: принцъ номинально командовалъ полкомъ, стоявшимъ на французской границѣ. Возлѣ него сидѣлъ длинный и тощій старецъ, въ формѣ капитана ландвера, директоръ прусскаго клуба въ Штейнахѣ, представлявшій на праздникѣ германскую имперію и прусскаго короля.

Въ слѣдующемъ экипажѣ, легкой викторіи, красиво запряженной двумя бѣлыми лошадьми, ѣхала принцесса Эльза съ фонъ-Больбергъ. Толпа шумно привѣтствовала ее. Затѣмъ слѣдовало ландо съ важно раскинувшимся графомъ Марбахомъ. Въ лицѣ и въ движеніяхъ его все же было выраженіе тревоги: должно быть, пушечные выстрѣлы въ теченіе всего утра растревожили его нервы. За нимъ двигались высшіе сановники государства, духовникъ, министръ полиціи, баронъ Дронтгеймъ съ своей толстой супругой, въ платьѣ изъ черной тафты, и со маленькой сестрой Фрикой, въ сѣроватомъ муслинѣ; министръ общественныхъ дорогъ и лѣсовъ, директоръ почтъ, дворцовый архитекторъ и, наконецъ, менѣе знатные вельможи со своими женами. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ были красивы. Толпа, при видѣ ихъ, дѣлала замѣчанія и упоминала имя принца. Въ особенности сильный говоръ вызвало появленіе фрейленъ Фрики, что, казалось, доставляло удовольствіе этой хорошенькой безстыдницѣ. Въ послѣднемъ экипажѣ красовался г. Граусъ, собственной персоной, въ полномъ парадѣ, во фракѣ почти придворнаго покроя, въ рубашкѣ съ манишкой въ видѣ жабо на груди, съ двойной гирляндой орденовъ на лѣвомъ отворотѣ фрака. Эта торжественность должна была свидѣтельствовать, что г. Граусъ предсѣдатель комитета по постановкѣ памятника.

Всѣ эти экипажи высадили свою пеструю публику передъ почетной эстрадой. Чиновники, сановники и дамы расположились вокругъ царившаго надъ ними сидѣнія принца... У эстрады кучера поворачивали лошадей и направлялись къ сараямъ.

Толпа, встрѣчавшая вначалѣ всѣхъ громкими кликами, теперь любовалась молча. Почтительная и послушная, она своими безчисленными красными и потными лицами тѣснилась на пространствѣ передъ памятникомъ и эстрадой сановниковъ и трибуной для ораторовъ. Подъ легкими полотняными костюмами женщинъ угадывались могучія формы; мужчины одѣты были въ свою скучную черную воскресную ливрею. Только нѣкоторыя семьи горцевъ, спустившіяся съ высотъ Реннштига, нарушали банальность этой толпы красной вышивкой на юбкахъ у женщинъ, голубыми кафтанами мужчинъ, кружевной наколкой или большой фетровой шляпой. Солдаты на этомъ сборищѣ исполняли обязанности полиціи довольно грубо. Какой-то мальчишка, имѣвшій дерзость вскарабкаться на дерево, чтобы лучше видѣть, былъ такъ энергично схваченъ и жестоко избитъ двумя молодцами въ мундирахъ, что какъ только его выпустили, онъ съ окровавленнымъ лицомъ — весь въ слезахъ, бросился, какъ заяцъ, бѣжать въ лѣсъ, от-

казавшись отъ удовольствія видѣть открытіе памятника Бисмарку и излѣчившись отъ всякаго любопытства.

Когда весь оффиціальный персоналъ размѣстился и наступила тишина, обрѣзали веревки у покрывала, окутывавшаго статую. Среди оглушительнаго взрыва возгласовъ, оркестръ грянулъ сразу „Wacht am Rhein", и покрывало упало къ ея ногамъ. Всѣ головы обнажились, всѣ взоры устремились на высокую фигуру въ каскѣ: германскій титанъ опирался своей тяжелой рукой на прямой мечъ и рядомъ съ нимъ—догъ, съ злыми глазами и оскаленными зубами. Отрядъ, подъ командой принца Макса, очаровательнаго въ своемъ офицерскомъ мундирѣ, взялъ на караулъ. Принцесса, стоявшая рядомъ съ принцемъ, аплодировала.

Спрятанный за занавѣсками будуара, я сидѣлъ и усовѣщевалъ себя.

„Почему я страдаю? Я ощущаю нѣчто похожее на боль, причиненную потерей близкаго существа, чѣмъ-то непоправимымъ, какъ смерть. Да, тутъ, конечно, возмущеніе, гнѣвъ противъ свершившейся судьбы. Но все же разберемся. Вполнѣ естественно, что этотъ нѣмецкій народъ празднуетъ свое пріобщеніе къ славѣ, богатству и власти. Совершенно понятно, что они отливаютъ изъ бронзы изображеніе созидателей своего счастья, понятенъ и взрывъ энтузіазма, когда толпѣ показываютъ эти изображенія, среди соперничества народовъ, въ памятный день выигранной битвы... Будемъ тверды! Взглянемъ въ глаза дѣйствительности. Я не могу устранить ни фактъ существованія Бисмарка, ни то, что онъ создалъ единую Германію, ни то, что, благодаря ему, я родился во Франціи, униженной и раздробленной".

Послѣ „Wacht am Rhein", оркестръ заигралъ по программѣ длинную „*Побѣдную симфонію*", сочиненную г. Бауманомъ дирижеромъ придворной капеллы. Какъ и вся новѣйшая нѣмецкая музыка, она была въ итальянскомъ вкусѣ, съ оттѣнкомъ вагнеризма. Пока она бушевала, я все не могъ оторвать глаза отъ бронзированнаго гиганта, тяжело опирающагося на плоскій мечъ, остріемъ вонзившійся въ скалу... Онъ олицетворялъ для меня судьбу.

Что такое судьба народовъ? Почва ли, ихъ воздухъ, ихъ небо, климатъ? То, что въ людяхъ создается подъ вліяніемъ извѣстной территоріи, такъ же ли неизмѣнно, какъ и въ животныхъ и растеніяхъ? Или, наоборотъ, судьба создается усиліями каждаго отдѣльно, соединяясь въ одно цѣлое въ пространствѣ и времени? Это есть все вмѣстѣ, и еще что-то.

Судьба это—процессъ, не предвидѣнный, не поддающійся заранѣе учету, подчиняющій себѣ въ концѣ концовъ событія. И этотъ процессъ сегодня представлялся мнѣ въ видѣ чуда-ребенка, рождающагося порою среди того или другого народа,—тѣмъ, что Карлейль называетъ героемъ, а Ницше—сверхъ-человѣкомъ. Судьба, это—Жанна д'Аркъ; Вильгельмъ завоеватель; Бонапартъ. Судьба, это—Бисмаркъ. Всѣ теоріи о происхожденіи героевъ ничто противъ блестящаго факта: если бы не было Бонапарта и Бисмарка въ новѣйшей исторіи, эта исторія была бы совершенно иная: она ни въ чемъ не походила бы на то, что совершили въ ней эти сверхъ-человѣки. Обыкновенно исторія есть слѣдствіе безконечно ничтожныхъ усилій, гдѣ каждая личность (даже и тѣ, что находятся у власти) представляетъ лишь одну изъ составныхъ частей. Но въ извѣстный періодъ рождаются люди, концентрирующіе въ себѣ силу, способную объединить, расположить всѣ другія стихійныя силы націи. Они, конечно, измѣняютъ судьбу народовъ и міра. Или, вѣрнѣе, эти люди и представляютъ олицетвореніе судьбы.

Въ неподвижномъ воздухѣ, безъ малѣйшаго дуновенія вѣтра, яркое солнце, какъ въ какой-то фантасмагоріи, освѣщало передъ окномъ, гдѣ я стоялъ, потную, шумную толпу, красную, разряженную эстраду, ротберговскихъ солдатъ, съ опущеннымъ оружіемъ, съ темными лицами и суровымъ видомъ. Среди музыкантовъ длинный капельмейстеръ съ курчавыми сѣдыми волосами неудержимо metался изъ стороны въ сторону надъ исполненіемъ собственной пьесы... Я смутно видѣлъ все это. Ясно я различалъ только титана изъ фальшивой бронзы, съ тяжелымъ мечомъ, вертикально воткнутымъ въ скалу, и съ ужаснымъ догомъ съ оскаленными клыками и злыми глазами подлѣ него. Солнце блестѣло въ новой бронзовой окраскѣ статуи. Запахъ пыли и живого человѣческаго тѣла проникалъ съ площади и смѣшивался въ будуарѣ Гомбо съ сыростью стѣнъ, съ нѣжной затхлостью человѣческаго праха. Я чувствовалъ себя опьяненнымъ и сбитымъ съ толку.

Я смотрѣлъ на бронзоваго титана, на это олицетвореніе рока, и думалъ, какова была бы судьба міра, если бы эта страшная фигура не появлялась вовсе? Безконечная побѣдная симфонія, между тѣмъ, продолжалась...

1815 годъ...

Въ то время, какъ союзныя войска во второй разъ вступали во Францію, въ провинціи Бранденбургъ, въ маленькомъ мѣстечкѣ Шенгаузенѣ родился сынъ у бѣднаго дво-

рянина... Теперь лысая въ каскѣ голова когда-то у бойкаго ребенка покрыта была свѣтлыми кудрями. Крестьяне любовались имъ, когда, бывало, верхомъ онъ мчался бѣшенымъ галопомъ по отцовской землѣ. Шли годы, и вотъ маленькій дворянчикъ уже студентъ въ Геттингенѣ. Хотя въ головѣ бродила уже мечта объ единствѣ Германіи, все же онъ не могъ сойтись съ *Burschenschaft*'омъ, обществомъ студентовъ, поклявшимся сдѣлать Германію единой и свободной. Эти студенты — раціоналисты, слишкомъ говоруны, слишкомъ евреи. Въ аристократической корпораціи, съ другими мелкими дворянчиками, партикуляристами, онъ сойдется гораздо лучше.

Оттуда онъ вышелъ вспыльчивымъ бретеромъ, всегда въ сопровожденіи чудовищнаго дога, имѣя въ прошломъ двадцать восемь дуэлей, оставившихъ на его лицѣ одинъ только единственный шрамъ. Физическая сила и ѣдкія остроты дѣлали его страшнымъ, но доктринерство романтической и традиціонной школы его связывало. Ненадолго онъ дѣлается чиновникомъ, но вскорѣ заботы объ обремененномъ долгами отцовскомъ имѣніи возвращаютъ его къ землѣ, и въ теченіе десяти лѣтъ онъ живетъ дворяниномъ-земледѣльцемъ. Какая полная жизнь! Онъ искренно интересуется ночными заморозками, болѣзнью скота, дурными дорогами, измельчаніемъ овецъ, гибелью ягнятъ, неурожаемъ соломы, кормомъ, картофелемъ, навозомъ. „Одна свекловица меня больше волнуетъ, чѣмъ вся политика“, заявляетъ онъ. Но этотъ страстный землевладѣлецъ, этотъ ярый охотникъ въ то же время и усердный читатель. Цѣлыя вороха печатной бумаги,—все книги по нѣмецкой и англійской исторіи,—завалили Книпгофъ, его усадьбу. Сосѣдніе помѣщики не могли понять, почему этотъ мелкопомѣстный дворянинъ, рыскающій за оленями и пьющій, какъ они, находитъ развлеченіе въ чтеніи? Бисмаркъ читатель!.. Онъ не лишенъ сентиментальности: онъ нѣженъ съ сестрой, съ женой... Въ 1849 году онъ былъ избранъ прусскимъ депутатомъ отъ Ратенова. Какъ только онъ заговорилъ, придворная камарилья тотчасъ же поняла, что обрѣла въ немъ оратора и главу.

Но онъ все еще не похожъ на вотъ этого огромнаго кирасира. Онъ строенъ, кудрявъ и съ бородой, среди бритыхъ дворянъ. На загорѣломъ, темномъ лицѣ сверкаютъ большіе, довольно красивые сѣрые глаза. Его краснорѣчіе мрачно, какъ небо во время грозы, но вдругъ сверкнетъ молнія и раздастся громовой ударъ... По его словамъ, „народъ это—оселъ въ львиной шкурѣ, рычащій на площадяхъ“. Онъ отрицаетъ, что общественное мнѣніе есть выраженіе народной воли... Одинъ только монархъ въ себѣ самомъ от-

ражаетъ чудеснымъ образомъ божественную волю народовъ. Парламентъ это—скопище сумасшедшихъ: стыдъ и презрѣніе англійской системѣ! Конечно, монархами порою руководятъ женщины, честолюбцы, царедворцы и мечтатели. Но верховная королевская власть, тѣмъ не менѣе, есть выраженіе законной воли дворянства.

Отрывистымъ ударомъ смычка усердный капельмейстеръ привлекъ и сосредоточилъ вниманіе своихъ музыкантовъ. Трубачи надулись, флейтисты стали выводить пронзительныя ноты, огромный барабанъ добросовѣстно подражалъ пушкѣ. Я понимаю, что вмѣстѣ съ политическимъ изображеніемъ Бисмарка, Бауманъ желалъ представить Бисмарка-воина. Какимъ соединеніемъ инструментовъ, какой комбинаціей гармоніи могъ бы ты, трудолюбивый собиратель звуковъ, изобразить этотъ яко бы любовный союзъ лукавства и силы, отличавшій твоего героя отъ всѣхъ другихъ человѣческихъ существъ? Къ чорту твои дудки и смѣшной трескъ ослиной кожи! Дай мнѣ представить себѣ, каковы были мысли, роившіяся подъ этимъ огромнымъ лбомъ, когда онъ принялъ, *безъ всякой къ тому необходимости*, кровавое рѣшеніе; этотъ титанъ жаждалъ войнъ! Мы знаемъ, онъ былъ увѣренъ, что нѣкоторыя великія этническія перестройки прочно скрѣпляются только кровью. Въ 1848 году отъ него зависѣло объединить Германію безъ пролитія крови. Франкфуртскій сеймъ предлагалъ это прусскому королю. Бисмаркъ воспротивился наперекоръ желанію всѣхъ, наперекоръ желанію двора, а главное—придворныхъ дамъ. То была трагическая эпоха; порою этотъ усердный слуга смерти, раздраженный противорѣчіями, чтобы дать выходъ своему гнѣву послѣ бурныхъ преній, вырывалъ ключомъ замки изъ дверей...

Такъ какъ онъ умѣлъ хотѣть сильнѣе другихъ, то торжествовала всегда его воля. Въ теченіе шести лѣтъ три войны! Три раза, чтобы начать войну, одинъ и тотъ же пріемъ: прежде, чѣмъ разбить врага, обмануть его. Коварная дипломатія неизбѣжно ведетъ къ кровопролитію... Впослѣдствіи, на покоѣ, за кружкой пива, онъ самъ цинично сознавался, что такова его манера дѣйствовать. Прежде, чѣмъ одержать побѣду надъ врагомъ на полѣ сраженія, онъ ищетъ удовлетворенія зловѣщимъ образомъ унизить его. Впрочемъ, въ этой игрѣ онъ умѣлъ ставить и свою жизнь на карту.

Можно ли представить себѣ болѣе трагическое изображеніе рока, рождающаго въ мукахъ грядущее, какъ это: вотъ огромный бѣлый кирасиръ, уже тринадцать часовъ не

слѣзающій съ лошади, съ распухшими отъ сѣдла ногами, остановился на восточной сторонѣ поля битвы. Его рыжая кобыла, съ опущенными вдоль шеи поводьями, пощипываетъ зеленые всходы у Садовой, влажные отъ крови. Близится вечеръ. Исходъ битвы еще не опредѣлился, но, повидимому, Пруссія теряетъ позицію. Бѣлый кирасиръ заряжаетъ свой пистолетъ и закуриваетъ сигару. Взоръ устремленъ вдаль. онъ медленно куритъ, ибо продолжительность своей жизни поставилъ въ зависимость отъ длины сигары... Возможно ли тѣснѣе связать себя съ судьбой?.. Вотъ послѣднія вспышки сигары; крики австрійцевъ возвѣщаютъ побѣду, Бисмаркъ взводитъ курокъ... Вдругъ, за облакомъ пыли, поднятымъ побѣдителями, грянулъ пушечный выстрѣлъ. Это пушка кронпринца. „Ударъ Козерога" выручилъ еще разъ. Бисмаркъ опустилъ свой пистолетъ бросилъ окурокъ сигары и, подобравъ поводья и пришпоривъ свою рыжую кобылу пустился вскачь съ облегченнымъ сердцемъ.

Кто-то очень вѣрно сказалъ: нѣмцы любятъ распространяться, т. е., они любятъ говорить длинными фразами, терпѣливо выслушиваютъ длинныя рѣчи; длинныя церемоніи ихъ не утомляютъ. Побѣдная симфонія длилась добрыхъ полчаса. Правда, послѣдніе аккорды ея прозвучали уже при полномъ невниманіи слушателей. Интересъ пробудился снова. когда господинъ Граусъ взошелъ на ступеньки ораторской трибуны... Рѣчь его, однако, была довольно пошлая. На тысячу ладовъ повторялъ онъ въ ней, что величіе Германской имперіи есть созданіе этого великаго мужа изъ бронзированнаго гипса, стоящаго рядомъ съ догомъ; что Германская имперія вѣчна, что она—воплощеніе справедливости и силы, и что роль всей Германіи, достойной славнаго имени героя, сводится къ тому, чтобы поддерживать Имперію, жертвовать за нее жизнью. Съ безтактностью, омрачавшей чело принца Отто, онъ упиралъ на важность сооруженія памятника одному изъ основателей Имперіи на территоріи, сохранившей свою свободу только благодаря его великодушію. Все это произнесено было самодовольнымъ тономъ, пересыпано учеными терминами, высокопарными неологизмами, исковерканными и перепутанными поэтическими и философскими цитатами, всѣмъ тѣмъ, что нѣмецкій педантизмъ вбиваетъ на скорую руку въ головы своихъ учениковъ въ своихъ начальныхъ школахъ. Апплодировали мало. Въ Ротбергѣ Граусу больше завидовали, чѣмъ любили его; соціалъ-демократы изъ Литцендорфа считали его шпіономъ на жалованьи отъ Берлина.

Его смѣнилъ директоръ прусскаго клуба въ Штейнахѣ. Длинный и худой субъектъ въ очкахъ, онъ пространно изложилъ главнѣйшія событія изъ жизни Бисмарка. Я удивился, до чего исторія въ устахъ дурака можетъ стать безцвѣтной. Въ болтовнѣ клубнаго директора титанъ съежился до объема бюрократа-удачника. Его трагическая карьера свелась къ послужному списку.

„Въ такомъ-то году его величество императоръ Вильгельмъ I назначилъ Бисмарка во франкфуртскій сеймъ. Такъ онъ сидѣлъ на второмъ мѣстѣ послѣ австрійскаго депутата. Въ такомъ то году онъ былъ министромъ... Въ такомъ-то канцлеромъ... Въ такомъ-то получилъ орденъ Большого Орла“...

Такъ говорилъ прусскій подпрефектъ, среди почтительнаго вниманія вспотѣвшей толпы и зѣвавшаго отъ скуки двора. Было ясно, что для этого ограниченнаго ума Садова и Седанъ съ ихъ послѣдствіями не имѣютъ болѣе высокой цѣли, какъ освѣтить исключительно счастливую карьеру чиновника, далеко опередившаго другихъ въ чинахъ и орденахъ.

Въ моментъ окончанія его рѣчи, когда онъ призывалъ всѣхъ чиновниковъ въ настоящемъ и въ будущемъ слѣдовать примѣру Бисмарка, на безоблачномъ голубомъ небосклонѣ показались первыя тучки, и легкій порывъ вѣтра заколыхалъ флаги и знамена.

Оркестръ заигралъ маршъ; поднялся принцъ Отто. Воцарилась такая глубокая тишина, что слышно было, какъ бьется полотно флаговъ о древки. Онъ говорилъ съ эстрады и, вѣроятно, чтобы отмѣтить разницу между собой и другими ораторами, былъ очень краткокъ. Его сухой, сильный голосъ производилъ впечатлѣніе.

„Граждане Ротберга,—сказалъ онъ,—мы хотѣли объединить здѣсь три событія: годовщину побѣды изъ побѣдъ; открытіе памятника одному изъ величайшихъ нѣмцевъ, когда либо видѣнныхъ въ мірѣ, и зачисленіе въ полкъ рекрутовъ текущаго года.

„Молодые солдаты, взгляните на стоящихъ рядомъ съ вами храбрыхъ ветерановъ, рожденныхъ на вашей же землѣ. Они были сподвижниками великихъ людей: Мольтке, Вильгельма, Бисмарка. Они несли свой трудъ и свою кровь на славу родины, и многіе изъ ихъ братьевъ пали въ славномъ бою.

„Чтите этихъ ветерановъ, клянитесь подражать имъ! Настали трудныя времена; больше вниманія къ нимъ, ибо съ основанія имперіи не было періода времени болѣе неустойчиваго и опаснаго. Мы, нѣмцы, любимъ миръ, но не боимся

войны, ибо съ нами Богъ... Сомкнитесь же плотнымъ кольцомъ вокругъ вашего государя и вашего императора"!

На этотъ разъ энтузіазмъ былъ единодушнымъ и горячимъ. Оглушительные крики: „*Hoch!*" „Да здравствуетъ императоръ"! „Да здравствуетъ его высочество"! поднялись къ небесамъ, мало по малу подернувшимся туманомъ, пропускавшимъ лишь слабый разсѣянный свѣтъ. Я взглянулъ на принцессу: она апплодировала до того, что, казалось, изорветъ перчатки. Ее обуяла германская лихорадка: она апплодировала нелюбимому мужу потому только, что онъ произнесъ нѣмецкую рѣчь... Я испытывалъ къ ней злобу, смѣшанную страннымъ образомъ съ физическимъ влеченіемъ. И неясное до сихъ поръ для меня рѣшеніе сразу созрѣло во мнѣ.

Какъ разъ въ этотъ моментъ Эльза взглянула на мое окно, точно почувствовала мои мысли и глаза, устремленные на нее. Я замѣтилъ, что она наклонилась къ принцу и шепнула ему на ухо нѣсколько словъ. Послѣ минутнаго раздумья принцъ, повидимому, выразилъ согласіе. M-elle Больбергъ также встала; обѣ спустились съ эстрады особымъ ходомъ, позади креселъ сановниковъ.

Въ это время начались военные маневры. Маіоръ покинулъ эстраду и слѣдилъ за командованіемъ принца Макса. *Правой! Лѣвой!...* Какъ правильно маршируютъ эти горцы Тюрингіи, переряженные солдатами! Механическая точность прусскихъ разводовъ будетъ всегда поражать француза. Во Франціи всегда найдутся реформаторы, увѣренные, что побѣда возможна только при подражаніи такому параду. Я самъ не могъ оторвать глазъ. И напрасно я убѣждалъ себя, что вѣдь это только обрядность: она тревожила меня, какъ опасная дѣйствительность.

Вдругъ дверь позади меня отворилась: запахъ смѣшанныхъ духовъ обдалъ меня нѣжнымъ ароматомъ. Я обернулся и увидѣлъ принцессу. Глазами она дала мнѣ понять, что она не одна. И, дѣйствительно, костлявый силуэтъ и кислое лицо фрейленъ фонъ-Больбергъ показались за ея спиной.

— Ахъ, господинъ Дюберъ,—воскликнула принцесса съ притворнымъ удивленіемъ,—я совсѣмъ забыла, что вы здѣсь.. простите, что нарушила ваше одиночество... На эстрадѣ ужасно жарко и мнѣ стало дурно. Невольно я вспомнила объ этомъ убѣжищѣ, гдѣ больше прохлады и меньше пыли.

Больбергъ угрюмо смотрѣла въ потолокъ. „Какой позоръ слышать такую грубую и беззастѣнчивую ложь изъ устъ принцессы!" казалось, говорила она всей своей фигурой.

Съ поспѣшностью вѣрноподданнаго я вскочилъ, чтобы удалиться.

— Нѣтъ, ради Бога, останьтесь!—живо возразила принцесса.—Я буду въ отчаяніи, что выгнала васъ отсюда, г. Дюберъ... Я отдохну нѣсколько минутъ въ этомъ креслѣ... Вотъ здѣсь... Какъ только я почувствую себя лучше, я тотчасъ же вернусь на эстраду... Но васъ, Больбергъ,—обратилась она къ потомку Оттомара Великаго, созерцавшей въ это время многочисленное отраженіе своей костлявой особы въ зеркалахъ будуара,—васъ я не хочу лишать возможности любоваться церемоніей съ отведеннаго вамъ мѣста... тѣмъ болѣе, что здѣсь немного сыро для вашего ревматизма.

— Я въ распоряженіи вашего высочества,—сухо отвѣтила фрейлина.

— Идите, идите, Больбергъ... Успокойте принца... скажите ему, что я немного отдохну и тотчасъ же вернусь. Идите!..

Фрейлейнъ фонъ-Больбергъ сдѣлала полуоборотъ съ точностью и граціей стараго унтеръ-офицера. Едва только она затворила за собой дверь, какъ принцесса вскочила съ своего кресла и, подойдя ко мнѣ, подставила щеку.

— Поцѣлуйте меня, мой подданный!..

Она сняла подушки съ одного изъ креселъ, бросила ихъ къ моимъ ногамъ и усѣлась на нихъ.

— То, что я дѣлаю, безумно,—сказала она.—Къ счастью, народъ любитъ меня и легко мирится съ моими фантазіями, но принцъ, навѣрно, будетъ бранить меня вечеромъ, потому что его обычные шпіоны донесутъ ему, что мы остались вдвоемъ. Ради васъ я компрометтирую себя. Неужели вы не чувствуете гордости, что компрометтируете владѣтельную принцессу?

Я увѣрялъ ее, что переполненъ этимъ чувствомъ. Про себя же думалъ, зачѣмъ она заставляетъ меня говорить объ этомъ?

— Сегодня я довольна,—продолжала она.—Меня шумно встрѣчали. Даже жители Штейнаха, пруссаки, и тѣ смотрятъ на меня, отчасти какъ на свою повелительницу. Нашъ праздникъ восхитителенъ... Замѣтили вы живописные костюмы горцевъ?.. Къ сожалѣнію, собирается гроза. Я бы хотѣла, чтобы она не помѣшала кончить...

„Чуждая душа! думалъ я, заимствуя выраженіе у принца Эрнста... Вотъ она уже и забыла, какое оскорбленіе для меня заключается въ томъ, что она называетъ *нашимъ* праздникомъ. И между тѣмъ она любитъ меня“.

Шумъ радостныхъ кликовъ привлекъ насъ къ окну. Скрытые за рѣшетчатыми ставнями, мы увидали окончаніе военной церемоніи. Послѣ маршей, поворотовъ, схожденій, равненій, принцъ Максъ провелъ свой отрядъ церемоніальнымъ маршемъ передъ статуей титана съ догомъ. Быстро и гра-

ціозно перебѣгалъ онъ на другой конецъ своей линіи, выравнивалъ ее и снова возвращался на свой начальническій постъ. Его дѣтскій, не установившійся голосъ, пріученный уже къ командованію, приводилъ въ движеніе этихъ живыхъ автоматовъ. И таково ужъ обаяніе воинскихъ пріемовъ, что этотъ ребенокъ съ философской душой, казалось, любуется самъ собою въ своей роли ученика-героя.

— Какъ хорошъ мой сынъ!—воскликнула съ гордостью принцесса...—Въ подходящій моментъ онъ будетъ такимъ же воиномъ, какъ и его предки.

Она говорила это для самой себя... Еще лишній разъ я получилъ оскорбительное подтвержденіе, что въ ея жизни я—только аксессуаръ, правда, аксессуаръ, способный въ извѣстныя минуты овладѣть первымъ мѣстомъ, уничтожить всѣ соціальныя и супружескія преграды, но все же аксессуаръ.

Между тѣмъ, она отошла отъ окна, опять сѣла на полинявшее кресло и сказала:

— Подите ко мнѣ.

Я повиновался.

— Сейчасъ будетъ говорить этотъ дуракъ Марбахъ,—продолжала она.—Онъ возмутитъ васъ своими словами. Не слушайте его; забудьте все, кромѣ меня.

Я былъ ей благодаренъ за это милое предложеніе, и опустился на подушки у ея ногъ: такимъ образомъ мы помѣнялись мѣстами. Она опустилась въ кресло и предоставила въ мое распоряженіе сначала свою бѣлую руку съ выпуклыми ногтями, а затѣмъ свой бюстъ и лицо... Благодаря этой царственной снисходительности, начало рѣчи Марбаха для меня пропало. Я былъ взволнованъ и счастливъ въ одно и то же время. Никогда еще необходимость чувствовать Эльзу своей соучастницей не возбуждала меня до такой степени. Какое то ребяческое желаніе мщенія обостряло эту необходимость,—желаніе взять что нибудь у того, кто столько взялъ у моихъ, украсть у вора. Воздухъ, мало по мало насыщавшійся разслабляющимъ электричествомъ, затхлость дома, переполненнаго любовными похожденіями красивой актрисы, какое-то юношеское безразсудство, наконецъ,—все это заставило насъ броситься почти публично въ объятія другъ къ другу, и все точно сговорилось, чтобы разнѣжить насъ до конца.

— Говорите, говорите, что вы меня любите,—шептала Эльза.

И я, какъ мнѣ казалось, безъ всякаго усилія мысли и голоса, повторялъ эти короткія, но такія огромныя слова, что кажутся пустыми, если не вмѣщаютъ въ себѣ всего.

— Будемъ благоразумны,—сказала, наконецъ, Эльза прерывающимся голосомъ.—Больбергъ можетъ войти каждую минуту, если принцъ пошлетъ ее за мной. Сядьте на стулъ возлѣ меня, какъ слѣдуетъ.

Въ спокойствіи, наступающемъ вслѣдъ за страстными, неполными ласками, въ спокойствіи, когда мускулы неподвижны, нервы ослабѣли и устали,—близко одинъ къ другому, съ переплетенными пальцами рукъ слушали мы графа Марбаха, часто прерываемаго апплодисментами и возгласами *Hoch!*.. У графа былъ громкій голосъ, и онъ отчеканивалъ свои фразы, какъ слова военной команды. Отъ насъ не ускользнуло ни одно слово.

— Какъ ни велика эта Германія, — говорилъ онъ, — но вы, молодые солдаты, если придется защищать ее оружіемъ, помните, что она все же мала въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ должна быть и чѣмъ будетъ, благодаря вамъ. Черезъ извѣстное время, не далекое между прочимъ, создастся такая картина: подъ сѣнью германскаго флага соберется восемьдесятъ шесть милліоновъ нѣмцевъ, и они будутъ господствовать надъ территоріей, населенной сто тридцатью милліонами европейцевъ. На этой обширной территоріи одни только нѣмцы будутъ имѣть политическія права, только они будутъ служить въ арміи и во флотѣ, однимъ только нѣмцамъ будетъ принадлежать право пріобрѣтать землю. Какъ въ средніе вѣка, они будутъ народомъ господъ, допускающимъ, чтобы только низшія работы исполнялись народами, подчиненными ихъ власти...

Эта необыкновенная рѣчь, казавшаяся мнѣ лишенной всякаго здраваго смысла, интересовала меня по впечатлѣнію, производимому ею на Эльзу. Видно было, что она сочувствовала этой пестрой, внимательно слушавшей толпѣ. Когда при послѣдней фразѣ, разсчитанной вызвать образъ средневѣковой имперіи, возстановленной въ интересахъ Германіи, раздался громъ апплодисментовъ, она вырвала у меня свою руку и, приблизившись къ окну, также начала хлопать. Это было инстинктивное движеніе, и черезъ минуту ей стало за него стыдно. Она избѣгала встрѣтиться со мной глазами, и руки наши больше не соединялись.

Я, въ свою очередь, подошелъ къ окну. Рѣчь Марбаха, дѣйствительно, заинтересовала меня.

Онъ продолжалъ все болѣе грубымъ и наглымъ тономъ:

— Молодые солдаты, эту надежду, живущую въ насъ, въ каждомъ нѣмецкомъ сердцѣ, эту огромную надежду, возбужденную вотъ этимъ героемъ, княземъ Бисмаркомъ, быть можетъ, будутъ осмѣивать или разрушать нѣкоторые негодяи... Да! позоръ нашего времени, что нѣмцы смѣютъ воз-

ставать противъ Германіи и говорить: „Мы хотимъ видѣть ее слабой“! Этихъ негодяевъ немного, но они есть; почти въ каждомъ городѣ ихъ можно насчитать по нѣсколько. Во имя призрачныхъ идей свободы и братства, идей, ненавистныхъ Бисмарку, презиравшему Францію, они проповѣдуютъ паденіе силы во имя торжества мысли... Дурные граждане, враги, проклинаемые родиной, императоромъ и нашимъ возлюбленнымъ принцемъ! Убѣжденъ, что среди васъ нѣтъ ни одного подобнаго; но увы! знаю, что они имѣются въ государствѣ, и даже въ Ротбергѣ. Даже сегодня, въ день патріотическаго праздника, мы имѣли несчастье видѣть, что нѣмецъ, сынъ Ротберга, давшаго отечеству императора, въ дерзкихъ выраженіяхъ заявилъ, что онъ протестуетъ противъ постановки этого памятника.

Толпа выразила презрѣніе этому гражданину.

— Онъ расклеилъ свои объявленія по стѣнамъ города, а жители не сорвали ихъ и не изгнали нахала! Великодушіе нашего дорогого государя даетъ право этому врагу родины жить на нашей землѣ: и нашъ государь правъ, потому что человѣкъ этотъ—несомнѣнно, безумецъ!.. Но вашъ долгъ, молодые солдаты, съ ужасомъ отвернуться отъ такого человѣка, позора етой страны и этой минуты... Презирайте его! Заклеймите его! Подобные граждане не достойны быть учителями нѣмцевъ. Да будетъ имъ стыдно! Слава князю Бисмарку, великому образцу истиннаго нѣмца!

Шумъ аплодисментовъ, смѣшанный съ глухимъ рокотомъ толпы, встрѣтилъ заключительныя слова рѣчи. Но въ эту минуту произошло нѣчто, поистинѣ необыкновенное, до такой степени неожиданное, что только оцѣпенѣніе, охватившее всѣхъ, сдѣлало его возможнымъ.

Подъ канатъ, ограждавшій центръ площади отъ натиска толпы, быстро проскользнулъ маленькій старичекъ, съ бѣлыми развивающимися волосами вокругъ обезьяньяго лица, въ черномъ широкомъ сюртукѣ на распашку и въ бѣломъ жилетѣ. Онъ миновалъ пустое пространство между толпой и трибуной и взошелъ на возвышеніе... Все произошло такъ быстро, что никто и не думалъ помѣшать ему. Къ тому же принцъ Максъ, командовавшій отрядомъ, стоялъ спокойно, и когда маіоръ графъ Марбахъ, по ступенькамъ парадной эстрады, взошелъ и усѣлся на свое мѣсто, онъ увидѣлъ уже на трибунѣ самого доктора Циммермана, заговорившаго своимъ внятнымъ голосомъ, жестомъ руки заставивъ толпу умолкнуть:

— Меня оскорбили, приписали дѣйствія и намѣренія, совершенно мнѣ чуждыя... Если мнѣ запретятъ защитить

себя, то всѣ узнаютъ, что мысль находится въ рабствѣ на территоріи Ротберга.

— Долой, долой!—зарычалъ маіоръ съ своего мѣста на эстрадѣ.

Онъ готовъ былъ броситься впередъ, но принцъ схватилъ его за руку и заставилъ сѣсть.

— Я буду кратокъ,—продолжалъ Молохъ.—То, что я хотѣлъ разъяснить въ своей лекціи, я резюмирую въ нѣсколькихъ словахъ. И позволю себѣ напомнить моимъ согражданамъ-слушателямъ, что въ этой войнѣ съ Франціей, въ этомъ дѣлѣ рукъ Бисмарка, я также принималъ участіе. Я получилъ французскую пулю въ шестое ребро справа. Предыдущій ораторъ, этотъ храбрый воитель, никогда не былъ раненъ, если не считать поврежденія разума, причиненнаго ему безобидной петардой какого-то негра.

Раздался общій смѣхъ. Маіоръ, пруссакъ и дворянинъ, былъ не популяренъ въ Ротбергѣ.

— Я, быть можетъ,—продолжалъ маленькій человѣкъ,—имѣю нѣкоторое право говорить о праздникѣ, заплативъ за него своей кровью... Итакъ, войнѣ, гдѣ восторжествовали умъ, воля и терпѣніе нѣмцевъ, одинъ человѣкъ помѣшалъ быть прекрасной, какъ можетъ быть прекрасна смерть.

— Кто онъ? кто?—закричала толпа.

Несмотря на свой разладъ съ принцемъ, докторъ Циммерманъ у многихъ сохранилъ престижъ знаменитаго европейскаго ученаго, и большинство ротбергцевъ не переставало имъ гордиться. Другіе смотрѣли на него, просто какъ на оригинала, или чудака. Въ результатѣ казалось, что толпа въ эту минуту скорѣе потѣшается, чѣмъ злобствуетъ. Только нѣкоторые, возбужденные, кричали: „долой! долой!“ Большинство же слушателей забавлялись тѣмъ, что повторяли, не переставая: „Кто онъ? кто?“

Впереди всѣхъ я замѣтилъ свою сестру Гриту, страшно веселую. Она дѣлала кабалистическіе знаки принцу Максу, тщетно стараясь разсмѣшить его въ строю... Рядомъ съ ней, въ платьѣ изъ темнокрасной тафты, стояла г-жа Циммерманъ, держась руками въ шелковыхъ перчаткахъ за веревку и устремивъ восторженные глаза на своего героя.

— Кто же онъ?—кричала толпа.

Когда шумъ нѣсколько стихъ, Молохъ, указавъ пальцемъ на бронзированнаго титана съ догомъ, закричалъ:

— Вотъ онъ!..

На этотъ разъ непріязненные возгласы покрыли остальные. Маіоръ на эстрадѣ подскочилъ; и я замѣтилъ, какъ поблѣднѣло лицо докторши.

Но громкій и пронзительный голосъ маленькаго сѣло-

властаго ученаго вновь заставилъ всѣхъ умолкнуть и возбудилъ любопытство.

— Повторяю вамъ, что онъ омрачилъ передъ лицомъ исторіи славу объединенной Германіи. Нѣмцы-слушатели! для васъ безполезны крики: „Мы всегда правы, исторія не сможетъ обвинить насъ". Исторія пишется не одними только нѣмцами. Всемірная совѣсть диктуетъ свои приговоры. А всемірная совѣсть, признавая энергію, мужество и умъ нашей Германіи, скажетъ про него: „Свои успѣхи онъ почерпалъ въ хитрости и лжи; онъ обезчестилъ ихъ своею жестокостью. И его преступленіе тѣмъ болѣе велико, что все, что сдѣлано, могло быть достигнуто безъ хитрости, безъ лжи и безъ жестокости".

Толпа заволновалась. Но слышались отдѣльные голоса:

— Слушайте! Слушайте!

— Да, слушайте меня!—продолжалъ Молохъ. — Сегодня праздникъ ветерановъ, и я имѣю право говорить! Развѣ самъ я не ветеранъ?..

— Браво!—одобрила толпа.

— Я сказалъ вамъ, что дѣянія этого человѣка могли быть совершены безъ жестокости. Я докажу это. Въ 1848 году на франкфуртскомъ сеймѣ депутація предложила Фридриху Вильгельму IV, прусскому королю, императорскую корону. Король былъ склоненъ принять ее. Кто помѣшалъ этому? Господинъ Бисмаркъ. Предложенная руками разночинцевъ, императорская корона, казалось, ничего не стоила. „Я не хочу,—сказалъ Бисмаркъ,—возлагать на плечи моего государя горностаевую мантію на красной подкладкѣ". Когда двадцать лѣтъ спустя онъ возложилъ ее на плечи Вильгельма I, горностай все же былъ на красной подкладкѣ: кровь двухъ народовъ окрасила ее.

По толпѣ пронесся ропотъ, но оратора не прерывали. Принцъ Отто невозмутимо слушалъ.

— Бисмаркъ презиралъ красный цвѣтъ свободы, но красный цвѣтъ крови онъ любилъ. Онъ любилъ одинаково: и систему хитрости и лжи, и систему жестокости. Да! жестокости!—яростно воскликнулъ Молохъ въ отвѣтъ на протестъ толпы.—И этого я ему не прощу. Лукавствомъ и жестокостью онъ осквернилъ великое дѣло нашего объединенія. Ни одна война не предпринималась имъ безъ предварительнаго обмана: онъ лгалъ въ войнѣ за Шлезвигъ, лгалъ въ войнѣ съ Австріей, лгалъ въ войнѣ съ Франціей... Но война съ Франціей была въ особенности ужасна, да, ужасна! Она—пятно на нѣмецкой націи! И напрасно покрываете вы памятниками этого человѣка всю Германію, вы не помѣшаете исторіи записать, да она и записала уже, всѣ

гнусныя рѣчи, произнесенныя имъ по ту сторону Вогезовъ. Въ Базейлѣ онъ, вдыхая пропитанный дымомъ пожара воздухъ, заявилъ, что опаленый французъ пахнетъ поджаренымъ лукомъ. Въ Турѣ, послѣ попытки защищаться, былъ поднятъ бѣлый флагъ: генералъ Фохтъ-Ретцъ прекратилъ бомбардировку; Бисмаркъ обругалъ его. Всюду онъ возмущался косностью военачальниковъ разстрѣливать вольныхъ стрѣлковъ. Онъ рекомендовалъ причинять какъ можно больше вреда гражданскому населенію, говоря, что это приведетъ ихъ къ миру... „Никакой пощады французамъ, даже солдатамъ регулярныхъ войскъ, ибо, поскоблите француза, вы найдете тюркоса!..“ Подъ Парижемъ безоружные бѣдняки на разстояніи ружейнаго выстрѣла выкапывали изъ-подъ снѣга нѣсколько забытыхъ картофелинъ. Бисмаркъ приказалъ убить ихъ. Это онъ рѣшилъ бомбардировать Парижъ: къ чему нужна была это бомбардировка?.. Онъ осуждалъ нерѣшительность, съ какою пруссаки убивали плѣнныхъ. „Наши солдаты стрѣляютъ только въ случаѣ надобности, сказалъ онъ, но дѣлаютъ это безъ всякаго удовольствія“. Въ Коммерси одинъ крестьянинъ закололъ вилами солдата, и жена этого крестьянина пришла просить помиловать мужа. Бисмаркъ выслушалъ ее, провелъ медленно рукою по своей шеѣ и сказалъ: „Милая женщина, будьте спокойны; вашего мужа повѣсятъ“.

Молохъ на минуту остановился, чтобы перевести духъ и опредѣлить, какой эффектъ произвели его слова. Очевидно, они возбудили въ толпѣ какое-то безпокойство. Никто не протестовалъ болѣе. Стали шушукаться. На эстрадѣ начались тайные переговоры. Маіоръ совѣщался съ принцемъ.

— Вотъ мой упрекъ этому желѣзному человѣку,—невозмутимо продолжалъ Молохъ:—онъ запятналъ исторію Германіи. Вотъ почему я негодую, когда слышу, какъ нѣкоторые дураки ставятъ его въ примѣръ молодому поколѣнію нѣмцевъ. Плохи начальники, рекомендующіе подражать ему! Подобныя рѣчи возстановили весь міръ противъ Германіи, и рано или поздно она расплатится за нихъ. Я же, во имя нѣмецкой и общечеловѣческой идеи, протестую противъ того, что только что было высказано на мой счетъ человѣкомъ, лишеннымъ какого бы то ни было права судить меня. Плохъ тотъ гражданинъ, кто, по малодушію или изъ самохвальства, измѣняетъ истинѣ.

Манера, энергія, торжественность, съ какою Молохъ говорилъ, возрастала съ каждой фразой. Я увидѣлъ, что маіоръ Марбахъ быстро спустился по ступенькамъ эстрады. Молохъ также замѣтилъ его, и, пока противникъ перебѣгалъ свобод-

ное пространство между эстрадой и трибуной, онъ крикнулъ ему въ лицо:

— Бисмаркъ умеръ и навсегда! Остерегайтесь лжебисмарковъ, расплодившихся въ Имперіи. Смотрите, вотъ одинъ изъ нихъ!—докончилъ онъ, указывая на маіора.

Блѣдный отъ бѣшенства, Марбахъ остановился.

— Сержантъ Кюлеръ!—скомандовалъ онъ.—Четырехъ людей сюда, чтобы выгнать этого сумасшедшаго!

Четыре солдата вмѣстѣ съ сержантомъ подошли къ трибунѣ и въ нерѣшительности остановились.

— Сумасшедшаго!—повторилъ Молохъ, угрожающе потрясая своими коротенькими ручками.— Мой мозгъ стоитъ сотни такихъ, какъ вашъ, несчастный *minus habens*! Достаточно взглянуть на ваши косые глаза, на грушевидную голову, на тупость вашего личнаго угла, асиметрію ушей и всего обезьяньяго тѣла, чтобы получить увѣренность, что я стою лицомъ къ лицу съ дегенератомъ.

— Стащите его съ трибуны!—крикнулъ маіоръ.—Да поднимитесь же, Кюлеръ!

Сержантъ Кюлеръ, грузный тюрингенецъ съ рыжей бородой, взобрался на ступеньки. Прежде, чѣмъ онъ дотронулся до Молоха, профессоръ положилъ ему на плечо руку и произнесъ:

— Товарищъ, остановись! Ты опозоришь себя, если вытолкнешь ветерана великой войны. Я схожу самъ: дай мнѣ пройти!

Сержантъ посторонился, насколько позволяла его грудь. Молохъ спустился съ трибуны и остановился противъ маіора:

— Сила безсмысленна!—сказалъ онъ.—Изъ своей лабораторіи на часовомъ стеклѣ я могу взять ее въ достаточномъ количествѣ, чтобы сразу уничтожить всю силу, направляемую твоей рукой противъ меня, *homunculus*. Но къ чему? Неумолимая сила обстоятельствъ сама расправится съ тобой и съ тебѣ подобными. Запомни мое предсказаніе: ты хотѣлъ убить Идею, Идея убьетъ тебя!

И съ этими словами докторъ Циммерманъ съ обнаженной головой, съ развѣвающимися волосами и съ цилиндромъ въ рукѣ прошелъ по свободному пространству, образовавшемуся вокругъ трибуны. Напрасно жена звала его: „Эйтель, Эйтель!“ Онъ былъ возбужденъ до такой степени, что ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ шелъ прямо въ толпу, разступавшуюся при его приближеніи. Онъ жестикулировалъ и повторялъ:

— Тѣхъ, кто хочетъ убить Идею, Идея убьетъ!..

Съ нашего наблюдательнаго пункта мы съ принцессой видѣли, какъ онъ направился къ сараямъ, гдѣ стояли при-

дворные экипажи. Охраны не было, и онъ свободно вошелъ туда. Нѣсколько человѣкъ слѣдовали за нимъ на разстояніи, но движеніе принца привлекло вниманіе толпы къ эстрадѣ. Воцарилось глубокое молчаніе, такъ какъ поняли, что государь хочетъ говорить.

— Сограждане! — началъ онъ, — вы слышали рѣчь зловреднаго человѣка. Я нарочно позволилъ ему говорить, чтобы доказать, что слово свободно въ моихъ владѣніяхъ, а также и для того, чтобы показать врагамъ отечества, что ихъ крики не встрѣчаютъ отзвука въ Ротбергѣ... Праздникъ, собравшій насъ здѣсь, отъ этого сталъ еще болѣе величественнымъ. На торжествѣ Бисмарка сегодня были даже шуты. Дорогіе сограждане! слейте свои голоса воедино, чтобы пропѣть священную пѣснь нѣмецкой родины: „*Wacht am Rhein*".

Эти слова, произнесенныя внятнымъ, твердымъ по военному, голосомъ, произвели сильное впечатлѣніе. Апплодисменты, крики прекратились только при первыхъ звукахъ національнаго гимна. Тогда головы обнажились; и даже всѣ, сидѣвшіе на эстрадѣ, встали съ своихъ мѣстъ. Низкіе голоса мужчинъ и высокія женщинъ слились съ оркестромъ. Въ этомъ было дѣйствительно что-то величественное, и я это понялъ: ибо съ достоинствомъ выражаемая любовь къ отечеству не оскорбляетъ иностранца. Даже голосъ Эльзы, склонившейся къ окну, не шокировалъ меня, когда она вполголоса напѣвала слова гимна:

„Звучитъ призывъ, какъ громовой раскатъ. Какъ грохотъ оружія, какъ шумъ волнъ. Къ Рейну, къ нѣмецкому Рейну! Кто хочетъ быть стражемъ рѣки?..."

При послѣднихъ звукахъ принцъ и сановники встали.

Отрядъ пѣхоты подъ командою Макса двинулся впередъ и оттѣснилъ толпу. Въ образовавшемся свободномъ пространствѣ одинъ за однимъ стали появляться придворные экипажи, всѣ, кромѣ экипажа принцессы.

— Мы пойдемъ вмѣстѣ пѣшкомъ по горной тропинкѣ, спускающейся къ Лигцендорфу, — шепнула мнѣ на ухо Эльза.—Своему экипажу я приказала ждать у скамьи философа.

Въ ту минуту, когда она произносила эти слова, глаза мои сразу уловили два факта: я увидѣлъ, какъ маіоръ сѣлъ въ свою викторію и въ тотъ же моментъ позади экипажа вспыхнуло бѣлое пламя, вдругъ раздался оглушительный, страшный взрывъ, окружившій густымъ дымомъ какую то массу, оказавшуюся коляской. Толпа съ криками бросилась бѣжать, лошади остальныхъ экипажей встали на дыбы и съ трудомъ были удержаны кучерами. Лошади маіора унесли его викторію вмѣстѣ съ нимъ безъ кучера

къ павильону, обогнули его и направились къ горной тропинкѣ по направленію къ Литцендорфу.

— Скорѣе въ ту сторону,—сказала Эльза,—тамъ мы все увидимъ!..

Тамъ была гардеробная Гомбо, съ окномъ, выходившимъ на долину. Я послѣдовалъ за принцессой. Экипажъ маіора съ приподнятымъ наполовину верхомъ спускался бѣшенымъ галопомъ, рискуя каждую минуту опрокинуться.

Запыхавшіеся солдаты напрасно старались догнать его.

— Боже! Онъ погибнетъ,—шептала Эльза.

Она отодвинулась и закрыла лицо руками...

Одна изъ лошадей упала, другая повалилась на нее. Коляска повернулась по дугѣ и стала поперекъ дороги. Лошади, запутавшіяся въ постромкахъ, отчаянно бились, но вдругъ успокоились, образовавъ лишь груду тѣлъ и ногъ, наполовину увязшихъ въ передкѣ экипажа. Въ это время солдаты уже подбѣжали и столпились вокругъ.

— Что случилось? — проговорила Эльза, не рѣшаясь взглянуть.

— Опускаютъ верхъ, отвѣтилъ я, слѣдя глазами за происходившимъ...—Вытаскиваютъ маіора. Онъ недвижимъ.

— Боже! Неужели умеръ?

Она подошла къ окну и бросила взглядъ, выражавшій ужасъ и любопытство.

Толпа бѣжала или, вѣрнѣе, валила теперь шумнымъ потокомъ къ мѣсту происшествія.

Солдаты уложили безчувственное тѣло маіора на носилки и подняли его на косогоръ, другіе грубо расталкивали любопытныхъ. Подняли и лошадей, при чемъ одна оказалась хромой. Освидѣтельствовали поврежденія въ коляскѣ; осмотрѣли кузовъ, черный отъ порохового дыма и разстрескавшійся по направленію кверху.

Принцесса была сильно взволнована.

— Покушеніе въ Ротбергѣ! Анархистское покушеніе!.. Кто могъ совершить его?

При этихъ словахъ, какъ бы сказанныхъ про себя, наши взоры встрѣтились, и въ ту же минуту мы прочли мысли другъ друга.

— Онъ? Вы думаете, онъ, не правда ли? — произнесла Эльза.

Но я моментально отбросилъ эту мысль.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Это не онъ... Это невозможно! Я знаю доктора Циммермана, это—достойнѣйшій и миролюбивѣйшій человѣкъ.

— Это онъ! онъ! Я въ этомъ убѣждена,—настаивала принцесса.—Онъ одинъ можетъ произвести взрывъ такой силы...

Онъ только что угрожалъ маіору... Говорилъ, что убьетъ его... О, Луи!.. Неужели вамъ не страшно за вашу Эльзу при мысли, что такой человѣкъ живетъ на нашей территоріи?.. Онъ, можетъ быть, взорветъ и замокъ.

Она такъ нѣжно прижалась ко мнѣ, что я чуть не отвѣтилъ: „такъ не вернемся туда!“ Но она высвободилась.

— Уходите отсюда, мой другъ. Принцъ не уѣхалъ еще изъ Тиргартена въ моментъ покушенія. Онъ пошлетъ меня искать. Не надо, чтобы насъ застали вмѣстѣ. Выходите первый, прошу васъ... И постарайтесь, чтобы васъ никто не замѣтилъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ я.—Черезъ какую же дверь?

— Черезъ театральныя кулисы. Идите за мной.

Мы прошли тѣмъ же корридоромъ, что и утромъ, забывъ на этотъ разъ о темныхъ углахъ. Одна изъ дверей выходила въ маленькую густолиственную рощицу, сырую даже въ этотъ лѣтній день. Ключъ былъ въ замкѣ. Но намъ стоило нѣкотораго труда отпереть его: замокъ и петли совершенно заржавѣли, дерево все расхлябалось.

— Вы въ заповѣдной части Тиргартена,—сказала мнѣ Эльза,—и легко найдете дорогу домой.

— А вы, принцесса, куда?

— Я поищу Больбергъ наверху въ будуарѣ. Она не приминула отправиться на поиски за мной. Я скажу, что отъ испуга со мной сдѣлался легкій обморокъ, и у меня не хватило силъ спуститься внизъ... Ну, придумаю что-нибудь...

Наши губы робко, машинально встрѣтились. И доказазательствомъ разсѣянности Эльзы послужили слова, сказанныя ею, какъ только поцѣлуй далъ возможность заговорить:

— А замѣтили вы, что послѣ угрозы Марбаху докторъ Циммерманъ направился къ сараямъ, гдѣ стояли экипажи?

— Но у него же не было съ собою взрывчатыхъ веществъ!..

— Онъ сказалъ маіору, что на часовомъ стеклышкѣ можетъ принести столько силы, чтобы заставить взлетѣть на воздухъ дворецъ... Однако идутъ, меня ищутъ... Бѣгите!..

Она живо вытолкнула меня и заперла дверь. „Такъ, подумалъ я, Гомбо выталкивала своего псаря, когда посреди бесѣды съ этимъ субъектомъ неожиданно появлялся принцъ“... Потомъ мысли мои обратились къ покушенію на маіора и къ доктору Циммерману.

„Эльза права; все свидѣтельствуетъ противъ бѣднаго Молоха. Тѣмъ не менѣе, я готовъ поклясться, что онъ тутъ не при чемъ“.

Скрытая въ травѣ тропинка, мѣстами перегороженная дико разросшимися вѣтвями деревьевъ, шла вокругъ театра

и вывела меня на липовую эспланаду. Толпа здѣсь была еще многочисленна. Она оборвала канатъ и сгрудилась теперь у подножія фазаньяго павильона. Я догадался, что маіора перенесли сюда.

— Онъ здѣсь?—спросилъ я Ганса, глядѣвшаго на павильонъ своими большими наивными глазами, точно силою взора онъ надѣялся проникнуть внутрь.

Мальчикъ вздрогнулъ.

— Да... Его только что принесли,—пробормоталъ онъ.

Это движеніе донеслось до тонкаго слуха Эльзы.

Толпа почтительно разступилась передо мной при словѣ: „*Hofdienst*", что я не преминулъ произнести, какъ магическій Сезамъ. Я безъ затрудненія вошелъ въ павильонъ и поднялся по лѣстницѣ.

Большинство чиновниковъ въ вестибюлѣ и на лѣстницѣ были очень взволнованы. То, что я схватилъ налету, подтверждало предположеніе принцессы о виновникѣ покушенія.

— Ни у кого другого здѣсь нѣтъ динамита.

— Это безумный поступокъ сумасшедшаго, безобиднаго въ спокойномъ состояніи, но выведеннаго изъ себя противорѣчіями.

— Его арестуютъ.

— Да, упрячутъ въ тюрьму.

Я дошелъ до спальни Гомбо. Я не встрѣтилъ тамъ ни принцессы, ни Больбергъ. Мнѣ сказали, что принцесса не могла вынести вида безжизненнаго тѣла и уѣхала во дворецъ.

Маіоръ лежалъ на кровати безъ мундира, съ разстегнутой рубашкой. Придворный врачъ выслушивалъ его. Вокругъ стояли принцъ Отто, принцъ Максъ, управляющій дворцомъ... Пахло ароматической солью и уксусомъ. Когда я переступилъ порогъ, докторъ выпрямился и произнесъ:

— Абсолютно никакихъ поврежденій. Простой обморокъ; вѣроятно, отъ испуга.

— Не сказались ли послѣдствія отъ страданій, испытанныхъ имъ на императорской службѣ отъ мины въ походѣ противъ герреро?—спросилъ управляющій дворцомъ.

— Да. И тогда онъ испыталъ то, что на нашемъ медицинскомъ языкѣ называется шокомъ, т. е. неизгладимое нервное потрясеніе... Но, позвольте! Онъ приходитъ въ себя.

Дѣйствительно, маіоръ съ трудомъ поднялъ голову съ подушки. Онъ полуоткрылъ глаза и пробормоталъ:

— Не стрѣляйте!.. Не стрѣляйте! Я хочу... хочу...—И снова безсильно упалъ. Въ эту минуту я глядѣлъ на принца Макса. Онъ не сводилъ глазъ съ лица графа Марбаха и былъ очень блѣденъ. При видѣ движенія больного, волна крови залила

его щеки и взглядъ вспыхнулъ знакомой мнѣ ненавистью, уже не разъ сверкавшей въ его глазахъ.

— Господа,—сказалъ докторъ,—необходимо оставить меня одного съ больнымъ, если его высочество не встрѣтитъ въ этомъ неудобства. Возбужденные нервы нуждаются въ полномъ покоѣ.

— Мы повинуемся, Клингенталь,—отвѣчалъ принцъ.—Выйдемъ, господа!

Какъ разъ въ эту минуту явился министръ полиціи. Воцарилось глубокое молчаніе.

— Ну?—спросилъ принцъ.—Говорите, Дронтгеймъ.

— Ваше высочество, преступникъ арестованъ въ ту минуту, когда онъ подходилъ къ своей виллѣ..

— Онъ сознался?

— Нисколько. Онъ притворился даже, что не знаетъ о покушеніи.

— Какая наглость!

— Онъ говоритъ, слышалъ взрывъ, но думалъ, что начали зажигать бенгальскіе огни.

— Среди бѣлаго дня!

— Или пушечный выстрѣлъ.

— Въ фазаньемъ паркѣ нѣтъ пушекъ.

— Это я поставилъ ему на видъ. Онъ, впрочемъ, заявилъ, что обвинять его въ анархистскомъ покушеніи—полная безсмыслица, что вся его жизнь противорѣчитъ этому.

Принцъ задумался.

— Въ концѣ концовъ, быть можетъ, этотъ презрѣнный не болѣе, какъ сумасшедшій?

— Не думаю, ваше высочество,—отвѣтилъ министръ полиціи.—Его отвѣты полны здраваго смысла и даже хитрости. По моему, онъ прикидывается чудакомъ.

— Просилъ онъ позволенія повидать меня?

— Нѣтъ, ваше высочество. Онъ просилъ свиданія со своей женой. Я думаю, слѣдуетъ отказать, и если ваше высочество не имѣетъ ничего противъ, то я посажу его въ секретную.

Принцъ еще разъ на минуту задумался. Съ кровати Гомбо графъ застоналъ и проговорилъ нѣсколько безсвязныхъ слоговъ.

— Выйдемъ, господа!

Всѣ послѣдовали за принцемъ. Когда Максъ поравнялся со мной, мнѣ показалось, что онъ хочетъ что-то сказать. Но онъ скрылъ свой взглядъ и молча прошелъ мимо.

На улицѣ толпа громко привѣтствовала принца Отто. Ротберговцы были увѣрены, что покушеніе готовилось на

ихъ возлюбленнаго монарха, и онъ избыгъ смерти. Ему оказали горячій пріемъ.

Министръ полиціи очень любезно предложилъ мнѣ мѣсто въ своемъ экипажѣ, чтобы доѣхать до курорта. Я предпочелъ смѣшаться съ толпой, взволнованно, на тысячу ладовъ обсуждавшей событіе. Вообще всѣ выражали желаніе линчевать бѣднаго Молоха. Женщины въ особенности давали волю своему гнѣву; и даже нѣжныя уста молодыхъ дѣвушекъ испускали крики о смерти. Я догналъ саксонскаго негоціанта съ бѣлокурой женой, своихъ спутниковъ отъ Штейнаха до Ротберга мѣсяцъ тому назадъ.

— Какое дѣло!—сказалъ мнѣ мужъ...—Вотъ будетъ у насъ, Гретель, воспоминаніе! Присутствовать при анархистскомъ покушеніи?

— Надо бы взорвать этого негодяя его собственнымъ динамитомъ,—замѣтила Гретель,—чтобы для примѣра разорвало его въ куски. Значитъ, на свѣтѣ не найти покоя, если среди праздника какая-нибудь бомба можетъ васъ уничтожить. Знаете, сударь: мой мужъ едва избѣгнулъ смерти.

— Какъ,—вскричалъ я,—васъ задѣло?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ негоціантъ.—Я былъ сбоку у экипажа принца Отто; Гретель же искала коляску принцессы Эльзы. Представьте, сударь, если бы взорвало коляску принца Отто, я погибъ бы тогда въ возрастѣ сорока шести лѣтъ отъ роду. Къ счастью, презрѣнный ошибся экипажемъ. А отъ коляски маіора я былъ очень далеко и даже ничего не видѣлъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы вышли изъ Тиргартена, миновали Роту и по берегу направились къ курорту. Солдатскій пикетъ пересѣкъ намъ дорогу. Всѣ полки были наготовѣ, безъ сомнѣнія для того, чтобы внушить безопасность добрымъ гражданамъ и устрашить дурныхъ. Небо надъ горами затянулось тучами, и замокъ вырисовывался желтымъ пятномъ на темномъ фонѣ.

У въѣзда въ курортъ я увидѣлъ Грауса, по прежнему во фракѣ, разглагольствовавшаго среди толпы...

— Полиція наложила печати на его квартиру и лабораторію. Унести ничего не удастся. Надо примѣнить законъ... А! господинъ Дюберъ,—воскликнулъ онъ, замѣтивъ меня...—Позвольте кое-что сообщить вамъ.

Онъ отвелъ меня въ сторону, какъ бы для совѣщанія.

— Произошло нѣчто очень серьезное, г. Дюберъ... Докторъ былъ арестованъ, когда возвращался къ себѣ на виллу со своей женой и съ вашей молоденькой сестрой...

— И что же?

— Доктора увели, не объяснивъ въ чемъ дѣло. Докторша

и молодая барышня вернулись на виллу. Потомъ явились для наложенія печатей на помѣщеніе г. Циммермана, а докторша ушла къ вашей сестрѣ.

— И хорошо сдѣлала.

— Я ничего не говорю противъ; но только теперь толпа собралась тамъ подъ окномъ и настроена очень недоброжелательно.

Я оставилъ Грауса и бѣгомъ бросился на виллу. Человѣкъ тридцать, столпившихся подъ окномъ Гриты, орали:

— Долой Циммермана! Смерть убійцѣ!

Я подошелъ къ нимъ.

— Господа,—сказалъ я,—предполагаемый виновникъ подъ замкомъ. Въ этомъ домѣ остались только двѣ беззащитныхъ женщины; одна француженка четырнадцати лѣтъ—моя сестра. Обращаюсь къ вашей благовоспитанности и очень прошу удалиться отсюда.

Этотъ маленькій спичъ произвелъ свое дѣйствіе. Послѣ нѣкотораго колебанія манифестанты отхлынули и пропустили меня ко входу въ домъ. Я быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ и, назвавъ себя, постучался въ комнату Гриты. Она сама отворила мнѣ, красная и взволнованная. Г-жа Молохъ сидѣла неподвижная, нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго.

— Ахъ, наконецъ, ты!—вскричала Грита.—Давно пора. Я думала, что эти люди изорвутъ насъ.

— Ты добрая дѣвочка,—сказалъ я, цѣлуя ее,—не бойся ничего, ни малѣйшей опасности нѣтъ.

— Я не боялась,—отвѣтила Грита.

— Г. Дюберъ правъ,—сказала съ горечью г-жа Молохъ,—эти пьяницы удовлетворятся воемъ... Но мой мужъ въ тюрьмѣ!

Между тѣмъ, передъ виллой собралась новая толпа манифестантовъ, пришедшихъ изъ деревни Ротбергъ. Крики удвоились: небольшой булыжникъ полетѣлъ въ сосѣднее окно. Я выглянулъ на улицу: Граусъ бѣжалъ, держа въ рукахъ бумагу. Онъ взобрался на скамью передъ виллой и крикнулъ:

— Вотъ телеграмма нашего обожаемаго принца всѣмъ главамъ государствъ; онъ благосклонно разрѣшилъ огласить ее:

„Спасенный чудеснымъ образомъ отъ опасности, угрожающей нынѣ всѣмъ государямъ, я возношу благодареніе Всевышнему, отвратившему послѣдствія страшнаго покушенія.

Отто, принцъ Ротбергъ“.

Взрывъ восторга былъ оглушительный. Но толпа любитъ больше позорить, чѣмъ прославлять. Когда Граусъ спустился со скамейки, крики: „смерть Циммерману, смерть убійцѣ!“ раздались съ новою силою.

— Пройдите обѣ въ мою комнату,—сказалъ я г-жѣ Молохъ и Гритѣ.—Тамъ вы будете въ безопасности и не услышите больше этихъ криковъ.

Г-жа Молохъ согласилась, а Грита предпочла остаться со мной и слѣдить за все увеличивавшейся и кричавшей толпой: „Смерть! смерть!" Вся маленькая площадь была залита теперь людьми. Среди нихъ были не только неизвѣстные пьяницы; сюртуки, шелковыя шляпы перемѣшивались съ дамскими туалетами. Въ дополненіе съ покатыхъ береговъ Роты явилась цѣлая стая гусей, привлеченныхъ, по обыкновенію, шумомъ людскихъ голосовъ. Съ вытянутыми шеями, разинутыми клювами, поднятыми крыльями, они образовали арьергардъ за арміей горлановъ и громче всѣхъ, своими рѣзкими голосами, казалось мнѣ, кричали:

— Смерть Циммерману!

ЧАСТЬ III.

I.

„Дорогая Герта!

„Къ несчастью, у меня нѣтъ причинъ для болѣе веселаго письма, чѣмъ я писала вамъ въ послѣдній разъ. Дѣло все въ томъ же положеніи. Мой мужъ, по прежнему, въ ротбергской тюрьмѣ: десять дней онъ подъ замкомъ, и за все это время я не имѣю съ нимъ никакихъ сношеній. Какъ вы, вѣроятно, читали въ газетахъ, онъ отказался отъ защитника. На судебномъ допросѣ онъ отвѣтилъ, что если ротберговскимъ властямъ нравится играть комедію, то ему вовсе не нравится исполнять въ ней роль.

„Вамъ извѣстно, дорогой другъ, что сила души доктора непобѣдима. Даже въ пустякахъ домашняго обихода я испытала это, его никогда нельзя заставить измѣнить разъ принятое рѣшеніе (Такъ я никогда не могла добиться, чтобы онъ отказался въ іюлѣ отъ земляники, хотя она вызываетъ у него крапивницу). У Эйтеля будетъ защитникъ по назначенію, и, конечно, этотъ защитникъ не добьется отъ него ни слова. Нашимъ врагамъ дозволены всякія беззаконія по отношенію къ намъ. Можете представить себѣ мои душевныя тревоги. Менѣе мужественная и болѣе чувствительная, чѣмъ Эйтель, я содрогаюсь при мысли объ исходѣ этого дѣла.

„Я была у судебнаго слѣдователя, видѣла министра полиціи: они приняли меня съ такимъ таинственнымъ видомъ, говорили со мной съ такими умолчаніями, поднимая очи горѣ, ссылаясь на опасность, грозящую обществу, что я должна была отступить, не добившись отъ нихъ ни малѣйшаго отвѣта на поставленный мною вопросъ: какъ возможно допустить, чтобы мой мужъ, убѣжденный поклонникъ разума, справедливости и доброты, могъ совершить такой безумный неслыханно-жестокій поступокъ? Они качали головами, снова говорили объ опасности для общества,—и снова ничего опредѣленнаго. Изъ туманныхъ комментаріевъ министра я, кажется, однако, поняла, что они смотрятъ на доктора, какъ на сумасшедшаго. Они считаютъ безумной химерой моральные и quasi-религіозные выводы изъ его монистической доктрины! Наши незабвенныя послѣобѣденныя бесѣды въ Іенѣ, посвященныя прославленію тайнъ и красотъ природы, они хотятъ обратить въ какіе-то спиритическіе или анархическіе сеансы! Не правда ли, все это заставило бы васъ, Франца, Михеля, Альберта и всѣхъ нашихъ друзей хохотать, если бы обстоятельства не были слишкомъ грустны для смѣха...

„Я не только не смѣюсь, но съ трудомъ удерживаюсь отъ слезъ. Я представляю себѣ, какъ мой Эйтель сидитъ одинъ, въ огромной комнатѣ съ каменными стѣнами, и навѣрно сырой. Онъ сколько угодно можетъ писать мнѣ, что чувствуетъ себя хорошо въ обстановкѣ, исключительно удобной для работы и размышленій, но я знаю, что онъ пишетъ это только для моего успокоенія. Кто приготовитъ ему постель такъ, какъ онъ привыкъ? Увы! Ночью никто не позаботится о томъ, чтобы у него не раскрывались ноги, такъ какъ даже во снѣ онъ очень безпокоенъ. А пища? Онъ забываетъ о ней, или, не останавливаясь, ѣстъ какое-нибудь блюдо до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ его все, а самъ въ это время рѣшаетъ важныя міровыя задачи, ни на минуту не покидающія его умъ! Одна только мысль, что этимъ онъ самъ отягчаетъ свои страданія, у меня самой отнимаетъ сонъ и аппетитъ. Если злодѣи, заточившіе его вопреки всякой справедливости, погубятъ его въ концѣ концовъ, то, о! дорогая Герта, они сразятъ не только его одного!

„Но не время на обвиненія отвѣчать обвиненіями. Надо дѣйствовать. Ваша агитація въ Іенѣ принесла наибольшіе результаты: она вызвала протестъ всего сословія профессоровъ и письмо декана къ имперскому канцлеру. Въ Мюнхенѣ ходитъ теперь подписной листъ, по иниціативѣ профессора Макса Бишера, извѣстнаго физика; я ему писала тогда же, какъ и вамъ. Я съ удовольствіемъ увидѣла среди подписавшихся имя Бенедикта Колера; вы знаете, что это

одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ философскихъ идей моего мужа, и они жестоко бранились другъ съ другомъ. Но вся профессорская корпорація, въ лицѣ своихъ знаменитѣйшихъ представителей, почувствовала себя оскорбленной.

„Вы спрашиваете меня, дорогая Герта, какъ настроено здѣсь общественное мнѣніе по отношенію къ этому дѣлу. Узнайте сначала, среди какихъ политическихъ условій мы живемъ. Маленькое княжество насчитываетъ приблизительно семь тысячъ жителей, изъ нихъ тысяча восемьсотъ въ Ротбергѣ, три тысячи въ Литцендорфѣ, сосѣднемъ селеніи, гдѣ находятся керамиковыя фабрики. Тысяча двѣсти остальныхъ разсыпаны въ горныхъ деревушкахъ. Ротбергъ, гдѣ расположенъ дворецъ и тюрьма, живетъ, главнымъ образомъ, доходами отъ двора и пріѣзжихъ и естественно расположенъ къ лести. Литцендорфъ, рабочій центръ, либераленъ. На другой же день послѣ покушенія соціалъ-демократы изъ Литцендорфа прислали делегацію къ принцу, съ просьбой освободить доктора, арестованнаго безъ всякихъ основаній. Въ Ротбергѣ, наоборотъ, толпа требовала смерти Эйтеля и даже моей. Владѣлецъ курорта выгналъ меня изъ своей виллы, и я нашла убѣжище только у сапожника Финка въ Ротбергъ дорфѣ, прекраснаго человѣка, демократа, сына ремесленника, продолжавшаго дѣло отца Эйтеля въ томъ же самомъ домѣ.

„Нынѣ, благодаря волненію среди ученаго міра, статьямъ въ либеральной прессѣ, и, въ особенности, думаю, извѣстіямъ, что имперское правительство, подъ предлогомъ подкрѣпленія партіи порядка, разсчитываетъ воспользоваться случаемъ, чтобы замѣнить мѣстный гарнизонъ прусскимъ полкомъ, произошелъ замѣтный поворотъ даже въ самомъ Ротбергѣ. Не слышно больше ни одного слова, ни одного проклятія противъ меня ни въ курортѣ, ни въ деревнѣ. Думаю, что у меня нѣтъ болѣе непримиримаго врага, какъ Граусъ, мой бывшій хозяинъ... И въ сущности, какъ я ему благодарна за его грубость, что онъ выгналъ меня изъ своей виллы, и этимъ далъ возможность поселиться въ домѣ, гдѣ докторъ провелъ свое дѣтство. Въ моемъ настоящемъ несчастьи для меня служитъ утѣшеніемъ представлять себѣ развитіе этого чуднаго ума, этой живой чувствительности, среди окружающихъ меня теперь образовъ и вещей. И я увѣрена, когда вы сами пріѣдете сюда въ составѣ студенческой делегаціи изъ Іены съ Францемъ, Альбертомъ и Михелемъ, у васъ сердце переполнится волненіемъ при видѣ этого жилища, гдѣ вспыхнуло и загорѣлось первое пламя нашей интеллектуальной звѣзды.

„Таково, дорогая, добрая Герта, положеніе вещей. Оно

не блестяще, какъ видите, но авторитетное осужденіе, высказанное университетскимъ и ученымъ міромъ всей Германіи этому беззаконію, укрѣпляетъ меня. Я, по мѣрѣ силъ, не перестану протестовать и говорить. Мой слабый голосъ не умолкнетъ; моя слабая рука не устанетъ писать. Даже сегодня я надѣюсь вырвать у принца приказъ объ освобожденіи. Одинъ изъ нашихъ друзей, очень милый молодой французъ, исполняющій обязанность наставника при наслѣдномъ принцѣ, просилъ объ этомъ снисхожденіи черезъ принцессу и надѣется добиться его исполненія. Сегодня онъ ужинаетъ во дворцѣ. Если бы онъ принесъ обѣщанную радость!

„Дорогая Герта! Мое желаніе, чтобы вы и наши друзья поскорѣе пріѣхали сюда и ободрили и помогли мнѣ здѣсь въ моей задачѣ. Не медлите! Мы впятеромъ составимъ настоящую маленькую кампанію и увлечемъ за собою толпу. Жму руки Альберту, Францу и Михелю. Шлю горячій привѣтъ и живѣйшую благодарность профессорамъ и студентамъ, принявшимъ участіе въ агитаціи въ пользу моего мужа. Васъ, дорогая Герта, цѣлую, такъ же какъ и прекрасную фрау Риппертъ, вашу хозяйку.

Цецилія Циммерманъ".

Въ тотъ день, когда написано было это письмо (опубликованное впослѣдствіи въ одномъ либеральномъ органѣ и восхитившее всѣхъ своимъ нѣжнымъ и достойнымъ въ то же время тономъ), мы съ Гритой, дѣйствительно, должны были ужинать въ замкѣ. Какъ и всегда, мы вмѣстѣ были въ тотъ день на прогулкѣ въ горахъ, и шли рядомъ, большею частью молча, пытаясь, однако, рѣдкими фразами скрыть другъ отъ друга нашу тревогу. День былъ жаркій, хотя пасмурный. Когда мы къ вечеру возвращались въ курортъ, Грита сказала мнѣ:

— Не находишь ли ты, Волкъ, что съ тѣхъ поръ, какъ арестовали Молоха, Ротбергъ совсѣмъ не тотъ? Молохъ вѣдь не былъ замѣтенъ, его совсѣмъ даже не было видно, а между тѣмъ все здѣсь стало грустно со дня Седана, даже погода.

„Грита права, думалъ я. Латинскій поэтъ придумалъ очень остроумную безсмыслицу: „и вещи плачутъ"... Онѣ, дѣйствительно, грустны или веселы, смотря по времени. Другой поэтъ-психологъ очень вѣрно подмѣтилъ, что эта грусть или радость вещей есть простое отраженіе нашего сердечнаго настроенія, розоваго или сѣраго... Старый, маленькій, довольно комичный ученый былъ вырванъ изъ своей лабо-

раторіи и брошенъ въ тюрьму. Ничтожное событіе! Но предполагаемая несправедливость лежитъ тѣмъ не менѣе у всѣхъ на совѣсти. Вокругъ кристалла, брошеннаго въ насыщенный соленой растворъ, тотчасъ же образуются и группируются другіе кристаллы; точно такъ же и грусть, смутно бродящая въ нашемъ мозгу, становится конкретной и сливается въ меланхолическій кристаллъ нашей души вокругъ первоначальной грусти. Да, Ротбергъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ Молохъ въ тюрьмѣ: пангерманцы выражаются менѣе высокимъ слогомъ; соціалисты надоѣдливо изображаютъ мучениковъ; принцъ нервничаетъ, такъ какъ кошка-имперія, наскучивъ играть съ мышью-Ротбергомъ, хочетъ на этотъ разъ сожрать ее совсѣмъ: долой собственныя марки и свой гарнизонъ! Маіоръ оправился отъ послѣдствій взрыва, но сталъ еще раздражительнѣе и несноснѣе. Мой ученикъ сдѣлался мрачнымъ и скрытнымъ. Чувствую, что онъ что то отъ меня скрываетъ, но не могу догадаться, что... Дружба Гриты съ нимъ, очевидно, остыла, но она не объясняетъ мнѣ мотивовъ этого охлажденія. По отношенію ко мнѣ она испытываетъ тревогу. Она дѣлаетъ робкіе намеки на то, что возможно, что мнѣ придется отказаться отъ мѣста воспитателя принца и поступить въ промышленный банкъ по протекціи ея подруги, m-elle Гранже. Что касается Эльзы...

„Ахъ! Эльза одна только не поддалась грустному стеченію обстоятельствъ со времени ареста Молоха! Она вовсе не думаетъ о Молохѣ! Она живетъ въ своей мечтѣ. А мечта эта—бѣгство принцессы съ учителемъ на край свѣта...“

„Итакъ, я дошелъ до предѣла связи, когда женщина порабощаетъ мужчину, и мужчина, волей-неволей, повинуется ей. Разсудокъ мой протестуетъ противъ этой глупости, а между тѣмъ, я эту глупость сдѣлаю: увезу принцессу. Я буду обладать женщиной, хотя могъ бы удовольствоваться нѣжной дружбой: меня не влечетъ къ ней страстное желаніе, заставляющее преодолѣвать всѣ препятствія.“

Пока я размышлялъ такимъ образомъ, Грита, слѣдившая за мной, сказала (мы стояли у порога нашей виллы):

— Волкъ, ты думаешь о чемъ-то докучномъ, но мнѣ сказать не можешь.

— Не мѣшай мнѣ думать, о чемъ я хочу! — отвѣтилъ я, раздосадованный ея проницательностью.

— Хорошо, хорошо, - возразила она.—Я не хочу быть нескромной.

Она дулась на меня до ужина. Но около половины восьмого, одѣтая въ свое вышитое кисейное платье, сшитое, по ея картинному и сжатому выраженію, австро-венгерскимъ посольствомъ, она вошла въ мою комнату хотя съ натяну-

тымъ видомъ, но съ выдававшимъ ее взглядомъ довольства.

— Прости, если надоѣдаю тебѣ... но у меня нѣтъ горничной, чтобы сказать, все ли у меня въ порядкѣ?

Я взглянулъ на нее: цѣломудренное декольтэ, правильной формы руки, плечи, потерявшія уже угловатыя линіи подростка, полусформировавшаяся талія, какое то обаяніе распускающагося цвѣтка, вѣявшее отъ всей фигуры, представляло въ общемъ непреодолимую прелесть. „О, божественная юность! думалъ я. Кто тотъ счатливецъ, что придетъ и сорветъ этотъ цвѣтокъ, будетъ вдыхать его и унесетъ съ собой. Никому не достанется болѣе прекраснаго аромата, болѣе свѣжихъ лепестковъ... Вотъ счастье, стоющее жизни: такого счастья я знать не буду. Всю свою жизнь я буду вдыхать цвѣтокъ, на половину уже увядшій...“

— Ну?—сказала Грита, медленно поворачиваясь кругомъ и обнаруживая гибкость своей таліи, изящный затылокъ, съ волосами, не такими прекрасными, какъ у принцессы, но имѣвшими двадцать пять лѣтъ меньше: и это было замѣтно.

Я всталъ, слегка обнялъ ее сзади за талію протянутыми впередъ руками и поцѣловалъ молодые волосы, выбившіеся изъ подъ прически.

— Тебѣ пятнадцать лѣтъ, милая сестренка,—сказалъ я.— Не сомнѣвайся, что ты будешь настоящей маленькой царицей сегодняшняго вечера.

Она вся вспыхнула отъ удовольствія и, наклонившись къ моему уху, произнесла:

— Ты тоже очень красивъ въ своей рубашкѣ съ жабо, въ придворномъ фракѣ и въ черныхъ шелковыхъ панталонахъ. Видишь,—мы только буржуа, но умѣемъ лучше одѣваться, чѣмъ всѣ эти маріонетки, хотя бы онѣ и были при дворѣ.

Однако, полчаса спустя Грита мнѣ призналась, что сцена, гдѣ играли эти княжескія маріонетки, не лишена величія. Залъ гвардейскій, залъ государственный, залъ рыцарей, залъ портретный, вся это анфилада огромныхъ парадныхъ комнатъ, съ рѣдкой тяжелой мебелью, разставленной вдоль стѣнъ, украшенныхъ посредственными, но подлинными картинами, почтительныя позы лакеевъ, почти сплошь пожилыхъ и важныхъ, произвели на нее впечатлѣніе. Всѣ высокопарныя слова о равенствѣ никогда не помѣшаютъ исторіи быть вещью реальной: нѣкоторыя жилища и семьи являются передъ нами глубоко историческими. Разбогатѣвшій банкиръ, американскій милліардеръ тщетно будутъ выставлять свою роскошь: они не сумѣютъ сдѣлать такъ

чтобы роскошныя вещи, ихъ окружающія, были точнымъ продолженіемъ ихъ самихъ: онѣ будутъ только къ нимъ прилажены, тогда какъ въ старинномъ помѣстьи, гдѣ споконъ вѣковъ живетъ одна и та же знаменитая семья, личность, будь она посредственна, продолжается, дѣлается значительнѣй отъ прошлаго, отражая его въ настоящемъ. И тотъ, кто не замѣчаетъ этого, лишенъ историческаго чутья или ослѣпленъ глупымъ буржуазнымъ тщеславіемъ.

Въ салонѣ принцессы во вкусѣ Имперіи, всѣ, стоя, ждали приглашенія къ ужину. Принцесса взяла за руку мою юную сестру и представила ее сначала г-жѣ Дронгреймъ, женѣ министра полиціи, тяжеловѣсной дамѣ съ отвисшимъ подбородкомъ, большимъ животомъ и высокой грудью, гдѣ, какъ на мягкой подушкѣ, покоилось колье изъ огромныхъ жемчужинъ; потомъ хорошенькой, тоненькой, шаловливой смуглянкѣ, сестрѣ того-же министра, Фредерикѣ, или, выражаясь болѣе фамильярно, Фрикѣ; наконецъ, фрейлейнъ фонъ-Больбергъ въ декольтэ, хотя и строгомъ, но тѣмъ не менѣе весьма неприличномъ: до такой степени то, что оно обнажало, было явно создано для того, чтобы оставаться прикрытымъ.

Въ ту минуту, какъ я раскланивался съ принцемъ, онъ стоялъ въ амбразурѣ окна и разговаривалъ съ министромъ и съ маіоромъ. Выраженіе ихъ лицъ, даже если бы я и не уловилъ издали словъ: „канцлеръ", „гарнизонъ", „соціализмъ", показало бы мнѣ, что они говорятъ о ротбергской политикѣ. Не желая быть помѣхой, я подошелъ къ своему ученику. Максъ, пожавъ мнѣ руку, поспѣшилъ засвидѣтельствовать почтеніе своей подругѣ Гритѣ. Министръ двора, баронъ Липавскій, сдерживавшій веселость на своемъ бритомъ монашескомъ лицѣ, сказалъ мнѣ вполголоса:

— Любезный докторъ, для васъ мы сегодня перевернули весь этикетъ. Вы будете сидѣть по лѣвую руку принцессы, на правахъ иностранца; это уваженіе къ вашей прекрасной родинѣ. Мы становимся большими франкофилами въ Ротбергѣ...

И отведя меня въ сторону, подъ предлогомъ разобрать подпись подъ огромнымъ изображеніемъ лейпцигской битвы, закоптившей цѣлый простѣнокъ, онъ сказалъ:

— Замѣтили вы разстройство нашихъ великихъ дипломатовъ?.. Сегодня получилась шифрованная телеграмма отъ канцлера. Я догадываюсь, что она предлагаетъ нашимъ правителямъ озаботиться пріисканіемъ постояннаго помѣщенія для полка прусской пѣхоты, частью въ Литцендорфѣ, частью въ Ротбергѣ; нашъ мѣстный гарнизонъ переводится въ Эльзасъ-Лотарингію. Графъ Марбахъ свергнутъ. Министръ цѣлый день

ломаетъ голову надъ догадкой, какъ поступилъ бы Талейранъ въ подобномъ положеніи. Принцъ же, подъ вліяніемъ злобы противъ Пруссіи, думаю, чувствуетъ себя готовымъ стать соціалистомъ. И удивляюсь, почему смѣлому Циммерману нельзя было бы бросить свою сырую солому и явиться поужинать съ нами... Но торопитесь предложить руку супругѣ министра полиціи. А если будете отпускать шуточки на французскій ладъ, то говорите громче: милая дама туга на ухо.

Дверь салона широко отворилась, и старикъ, съ лицомъ посланника, всѣми остатками своего почтительнаго голоса возвѣстилъ, что кушать подано.

Подъ взорами дамъ въ длинныхъ корсажахъ и тюникахъ, античныхъ особъ въ парикахъ, мимо написанныхъ и нарисованныхъ принцемъ Конрадомъ (другомъ Вильгельма I) лошадей, торжественной вереницей прошли мы три залы, прежде чѣмъ достигли столовой, обширной, продолговатой комнаты, украшенной исключительно рогами оленей, убитыхъ многими поколѣніями ротбергскихъ принцевъ. Марбахъ скорчилъ гримасу, замѣтивъ, что меня посадили по лѣвую руку принцессы. Министра помѣстили направо. Въ видѣ компенсаціи, маіоръ попалъ налѣво отъ Фрики, фаворитки принца. Налѣво отъ меня сидѣлъ графъ Липавскій. Потомку Оттомара Великаго отвели мѣсто направо отъ министра, въ свою очередь сидѣвшаго по правую руку принца. Гриту помѣстили между маіоромъ и принцемъ Максомъ.

Начало трапезы было довольно мрачно. Лакеи молча прислуживали; столъ, сверкавшій серебряной и хрустальной посудой, подъ электрическимъ свѣтомъ лампъ, казался совсѣмъ маленькимъ въ огромной залѣ, украшенной оленьими рогами, и это одно уже говорило, что мы не составляемъ картины для этой рамки. Въ то время, какъ министръ объяснялъ принцессѣ Эльзѣ процедуру уголовнаго суда по поводу близкаго разбора дѣла бѣднаго Молоха, Липавскій говорилъ мнѣ своимъ беззвучнымъ голосомъ настолько невнятно, что понять его могъ только его близкій сосѣдъ.

— Нравится вамъ характеръ украшенія этой залы?— спросилъ онъ.—Если бы я не былъ старымъ холостякомъ, меня бы это пугало. Оно мнѣ напоминаетъ одно стихотвореніе Скалигера о мужьяхъ:

Heu crescunt miseris cornua quanta domi *)!

И Ротбергъ-Штейнахи всегда пользовались рогами для

---

*) Горе! Растутъ у несчастныхъ рога въ своемъ собственномъ домѣ.

украшенія. Они всѣ были охотники... и не избѣгали послѣдствій. Можно подумать, что именно для нихъ вашъ національный поэтъ сочинилъ балладу на оленью охоту:

Or, tandis que le sang ruisselle,
Celle
Qu'epousa le prince Alexis
Six,
Sur le front ridé du Burgrave,
Grave,
Pauvre cerf des rameaux aussi *)...

— Ваша ученость изумляетъ мое невѣжество, графъ,— отвѣтилъ я, избѣгая прямого выраженія мнѣнія о супружескихъ неудачахъ Ротбергъ-Штейнаховъ.

Липавскій, дѣйствительно, былъ образованъ, но очень не скроменъ. Онъ не преминулъ намекнуть мнѣ на расположеніе ко мнѣ моей повелительницы. Какъ разъ въ эту минуту я почувствовалъ на своей ногѣ въ бальномъ башмакѣ съ серебряной пряжкой давленіе ноги изрядной величины... Моя повелительница устроила себѣ развлеченіе подъ разговоръ министра о засѣданіи суда въ Литцендорфѣ. Я старался сохранить спокойствіе, но вдругъ глаза мои встрѣтились съ выразительными глазами Гриты, искавшими моего взгляда. И я покраснѣлъ, точно ясный взоръ этого ребенка могъ проникнуть сквозь доску стола.

— Прусскій пѣхотный полкъ въ Ротбергѣ! — вскричалъ принцъ,—никогда! Никакихъ пруссаковъ, никого, кромѣ ротбергцевъ!.. Скорѣе я самъ поѣду въ Берлинъ къ императору.

— Можно устроить казармы за городомъ между Литцендорфомъ и замкомъ,—замѣтилъ маіоръ, вытирая усы.

— Я этого не желаю! Не хочу, чтобы здѣсь былъ военный начальникъ съ властью больше моей: вѣдь командиръ полка будетъ располагать большей силой, нежели я... Ахъ, какъ бы я хотѣлъ знать, какой это врагъ моего дома постарался представить въ Берлинѣ этотъ глупый инцидентъ съ Циммерманомъ, какъ важную анархистскую манифестацію, угрожающую безопасности княжества и требующей репрессіи.

Графъ Липавскій воспользовался тѣмъ, что метръ д'отель наливалъ намъ штейнбергеръ, и, наклонившись ко мнѣ, шепнулъ:

*) Въ то самое время, какъ льется кровь звѣря,—та, которую взялъ себѣ въ супруги принцъ Алексѣй Шестой, возложила на сморщенное чело серьезнаго бургграфа не менѣе вѣтвистые рога, чѣмъ твои, о! бѣдный олень!..

— Нашъ возлюбленный повелитель забылъ, что онъ самъ въ одной телеграммѣ, весьма, впрочемъ, краткой, такъ истолковалъ приключеніе въ день Седана.

Такъ какъ я не выразилъ согласія, то онъ перемѣнилъ предметъ разговора.

— Считаете ли вы доктора Циммермана виновнымъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Ни минуты,—отвѣчалъ я, осторожно стараясь высвободить свою ногу изъ подъ туфли принцессы.

— Ну, и я также.. Во всемъ этомъ дѣлѣ, по моему, какъ говорятъ у васъ во Франціи, надо искать женщину. Маіоръ не только грубый дворянинъ, онъ, какъ и всякій добрый бранденбуржецъ, еще и наглый волокита. Какой-нибудь недовольный супругъ всунулъ петарду въ кузовъ его коляски...

Принцесса обернулась ко мнѣ и пресѣкла нашъ разговоръ.

— Я получила прошеніе отъ фрау Циммерманъ, — сказала она.—Она проситъ разрѣшить ей свиданіе съ мужемъ въ тюрьмѣ. Мнѣ это кажется вполнѣ возможнымъ. Къ тому же, и вы хотите этого,—значитъ вопросъ ясенъ... Довольны вы, что сидите у меня по лѣвую руку?

Послѣднія слова, произнесенныя очень тихо, не означали: „испытываете ли вы радость отъ близости ко мнѣ", а „гордитесь ли вы, что сидите на почетномъ мѣстѣ?" Я подтвердилъ, что горжусь, но подумалъ: „Черезъ мѣсяцъ, когда мы будемъ представлять изъ себя безвѣстную чету, кочующую по Европѣ, неужели и тогда меня будутъ заставлять гордиться, что я сижу рядомъ съ своей сообщницей?" И мое плебейское сердце возмутилось.

Я взглянулъ на Гриту. Она, казалось, совсѣмъ освоилась съ придворными нравами и оживленно разговаривала со своимъ сосѣдомъ, принцемъ Максомъ. Можно было подумать даже, что она его журитъ за что-то. Максъ опустилъ голову. Одинъ разъ я замѣтилъ, что онъ что-то живо отвѣтилъ Гритѣ, и съ этого момента сестра стала молчалива и надулась. Супруга министра полиціи не произносила ни слова, замурованная въ своей глухотѣ и съ рѣшительностью ничего не пропустить изъ ужина, очень вкуснаго, между прочимъ. Фонъ-Больбергъ осадила министра генеалогіей ея рода и сообщала ему, какъ одинъ изъ потомковъ Оттомара въ концѣ VIII-го вѣка выѣхалъ въ Штетинъ.

— Его звали Энгельгардтъ,—говорила она проникновеннымъ тономъ.—Его портретъ вы найдете въ Готеборгѣ, въ замкѣ. Портретъ весьма любопытный...

Министръ движеніемъ головы выражалъ согласіе и, отвѣдывая мороженое, имѣлъ видъ человѣка, твердо рѣшив-

шаго никогда не переплывать морей ради созерцанія портрета предка фрейлейнъ фонъ-Больбергъ въ Готеборгѣ.

Между тѣмъ, пары ужина и винъ разгорячили присутствовавшихъ. Кромѣ г-жи Дронтгеймъ, всѣ заговорили очень громко. Нога принцессы стала смѣлѣе и въ страстной гимнастикѣ обвилась вокругъ моей ноги какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ графъ Липавскій заговорилъ съ маіоромъ о маркахъ Ротберга. Принцъ Отто обратился прямо ко мнѣ:

— Что вы думаете, г. докторъ, о происходящей теперь международной конференціи?

— Ваше высочество,—отвѣтилъ я,—здѣсь я читаю только нѣмецкія газеты. Мнѣ кажется, онѣ не удовлетворены.

— Народы трусятъ передъ могущественнымъ государствомъ,—возразилъ принцъ.—Они умѣютъ только или пресмыкаться передъ нимъ, когда чувствуютъ себя одинокими и слишкомъ слабыми, чтобы стать выше его, или соединяться въ банды, какъ волки, какъ только думаютъ, что въ силахъ напасть на него.... Я лично считаю большою честью для Германіи, что она въ этотъ моментъ возбуждаетъ подозрѣніе всей Европы; даже союзники ей измѣнили. О націяхъ можно сказать то же, что Шиллеръ сказалъ о людяхъ: „Сильный только сильнѣе, когда одинокъ".

Нога Эльзы любовно прижалась къ моей, какъ бы для того, чтобы загладить нѣчто оскорбительное, что могъ причинить мнѣ шовинизмъ принца.

— Для Германіи начинаются самые славные годы,—произнесъ маіоръ голосомъ разсерженнаго капрала.—Возблагодаримъ всемогущаго Бога за то, что народы ненавидятъ насъ! Если бы намъ не угрожало никакое столкновеніе, то мы рисковали бы уснуть въ роскоши, среди преуспѣянія искусствъ и торговли. Германія измѣнила бы своей миссіи—руководить Европой. Европа напоминаетъ ей объ этомъ.

— *Tu, regere imperio populos. Germane, memento* *),—заключилъ принцъ, подымаясь изъ-за стола.

— *Principem habemus adornatum* *),—шепнулъ мнѣ въ ухо Липавскій, когда я направлялся къ могучей рукѣ супруги министра, удивляясь пристрастію нѣмцевъ къ латыни.

Послѣ интимныхъ трапезъ, какъ эта, принцъ Отто имѣлъ буржуазную привычку уводить своихъ гостей-мужчинъ въ курильную, рядомъ съ своимъ кабинетомъ. Это комната такъ же просто меблирована, какъ и кабинетъ. Единственная раз-

*) Помни, германецъ, всегда надъ народами царствовать властно.
**) И нашъ принцъ изукрашенъ.

ница: библіотечные шкафы не изъ свѣтлаго дуба, а изъ краснаго дерева. Удобныя кожаныя кресла, въ англійскомъ вкусѣ, располагаютъ къ чтенію, размышленію или къ дремотѣ. Когда мы собрались всѣ, кромѣ Макса, оставшагося съ дамами, принцъ Отто подошелъ и, собственноручно выбравъ сигару, подалъ ее мнѣ. Графъ Марбахъ поблѣднѣлъ отъ ревности.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами нѣсколько минутъ, г. Дюберъ,—сказалъ принцъ.—Не откажитесь пройти въ мой кабинетъ.

Я повиновался. Въ курильной, къ великому ихъ удивленію, остались Липавскій, маіоръ и министръ полиціи.

Очутившись наединѣ, мы усѣлись по обѣимъ сторонамъ камина, и принцъ, съ притворной непринужденностью, прерывая свою рѣчь густыми клубами дыма, заговорилъ:

— Такъ вотъ. Вамъ извѣстно, г. Дюберъ, что я васъ уважаю. Вы думаете, какъ французъ, я—какъ нѣмецъ, это очень естественно... и прибавлю: французы культурные и работающіе, подобные вамъ, весьма выгодно представляютъ Францію въ иностранныхъ государствахъ. Полагаю, вы не жалуетесь на обращеніе съ вами здѣсь? Я требую всегда наибольшей почтительности къ вамъ...

— Вашему высочеству повинуются вполнѣ въ этомъ отношеніи,—отвѣтилъ я.

— Я хочу говорить съ вами, какъ... съ другомъ, и откровенно просить вашего содѣйствія... Это дѣло Циммермана становится смѣшнымъ. Министръ полиціи (далеко не геній) въ общемъ не установилъ ничего опредѣленнаго противъ доктора, кромѣ случайнаго совпаденія подозрѣній. Кажется, теперь уже доказано, что въ день праздника Седана Циммерманъ вышелъ изъ дому, имѣя съ собой, какъ всегда, ящикъ для гербарія. По предложенію маленькаго Ганса, молочнаго брата принца Макса, онъ временно оставилъ его въ сараѣ фазаньяго парка. Гансъ это подтвердилъ. Циммерманъ пришелъ за нимъ, когда его прогнали съ трибуны. Надо предполагать, что въ коробкѣ у него былъ спрятанъ цецилитъ (названіе изобрѣтеннаго имъ взрывчатаго вещества), что въ порывѣ гнѣва онъ вложилъ петарду въ кузовъ коляски... Замѣтьте, снарядъ не былъ найденъ, хотя нашли осколокъ, повидимому, дно мѣдной трубки отъ ракеты, и какой-то цинковый валикъ. Но утромъ въ тотъ день какъ разъ пробовали двѣ ракеты для предполагавшагося фейерверка. Однако взрывъ снаряда совершенно не походилъ на взрывъ ракеты.—Думаютъ, что докторъ Циммерманъ воспользовался взрывчатымъ веществомъ, извѣстнымъ только ему,—вѣроятно, цецилитомъ,—и что это вещество способно

дѣйствовать въ ничтожнѣйшемъ количествѣ. Онъ самъ въ своей рѣчи упоминалъ о часовомъ стеклышкѣ... Вотъ на чемъ строится обвиненіе. Что вы думаете объ этомъ?

— Я знаю, ваше высочество, что бывали случаи, когда обвиняли невинныхъ по ничтожнымъ подозрѣніямъ.

— А вы думаете, что докторъ не виновенъ?.. Такъ пусть онъ защищается, старый чортъ! Слѣдователь не можетъ вытянуть изъ него ни слова, а самъ онъ отказывается отъ защитника! Мы вынуждены судить его на основаніи подозрѣній... Сатирическіе журналы Мюнхена и Берлина, между тѣмъ, всячески высмѣиваютъ нашу ротбергскую петарду... Видѣли вы послѣдній номеръ „Simplicissimus'а“? Я представленъ съ огромной саблей въ рукѣ въ погонѣ за ребятами, стрѣляющими пистонами. Съ другой стороны, „Vorwärts“ сплетничаетъ, что это я со своимъ министромъ полиціи подстроилъ покушеніе. Эта несносная Циммерманъ, казавшаяся самой безобидной старухой въ мірѣ, пока ея мужъ былъ съ ней, точно взбѣсилась съ тѣхъ поръ, какъ его упрятали въ тюрьму. Она наводняетъ своими писаніями всѣ нѣмецкія газеты, она взбунтовала такъ называемыхъ интеллигентовъ: одинъ протестъ посланъ въ Мюнхенъ, другой въ Дрезденъ, и каждый газетчикъ, получающій не больше пфенига за строчку, осмѣливается кричать на весь міръ, что я палачъ, а Ротбергъ хуже Россіи. Берлинъ пользуется этимъ, чтобы попробовать отнять у меня свободы, незыблемыя въ теченіе трехъ царствующихъ поколѣній... Наконецъ, говорятъ о депутаціи студентовъ, учениковъ Циммермана, изъ Іены: нѣсколько кутилъ со шрамами на лицахъ ѣдутъ сюда въ полномъ составѣ, съ ихъ штуками и пѣснями, къ великому смущенію пріѣзжихъ гостей курорта, и намѣреваются протестовать противъ заключенія въ тюрьму ихъ учителя... А! Будь проклятъ тотъ день, когда этотъ старый безумецъ вступилъ на мою территорію! Я выказалъ ему тысячу деликатностей. Онъ грубѣйшимъ образомъ отвернулся отъ меня. Онъ поносилъ Имперію въ день празднества передъ всѣмъ моимъ дворомъ; я ограничился только тѣмъ, что прогналъ его съ трибуны. Возможно, въ концѣ концовъ, что онъ подстроилъ маіору эту мальчишескую шутку, весьма опасную и едва не стоившую жизни намѣченной жертвѣ... Я послушался голоса общества и велѣлъ арестовать его: ему очень хорошо въ тюрьмѣ; она далеко не похожа на ужасную темницу, какъ думаютъ ученые мужи... И вотъ изъ-за него меня высмѣиваютъ, на меня клевещутъ. Но довольно съ меня. Виновенъ онъ или не виновенъ, онъ заплатитъ за причиненную мнѣ непріятность...

Принцъ всталъ и, гнѣвно швырнувъ сигару въ широкій

каминъ, сталъ шагать взадъ и впередъ по комнатѣ. Я также поднялся, рѣшивъ, впрочемъ, не произносить ни слова, если онъ не задастъ мнѣ вопроса. Но я восхищался сцѣпленіемъ событій и оправдавшимся предсказаніемъ Молоха, что идея, однимъ своимъ могуществомъ идеи, перейдетъ въ наступленіе противъ тѣхъ, что хотятъ убить ее.

— Что скажете вы объ этомъ?—спросилъ меня, наконецъ, принцъ, останавливаясь противъ меня.

— Жду вашихъ приказаній ваше высочество.

Онъ пожалъ плечами.

— Моихъ приказаній! Моихъ приказаній! У меня нѣтъ для васъ приказаній... въ этомъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ. Я обращаюсь къ вамъ не какъ къ наставнику моего сына, а какъ къ джентельмэну... Г-жа Циммерманъ желаетъ свиданія съ мужемъ? Хорошо, я согласенъ. Но съ условіемъ: сначала вы повидаетесь съ этимъ старымъ безумцемъ; вы представите ему всѣ затрудненія, несправедливо причиняемыя мнѣ его отказомъ защищаться, сваливая на насъ всю тяжесть этого процесса. Если у него есть достовѣрныя данныя для установленія своей невиновности, почему онъ ихъ не представитъ? Человѣческое правосудіе, наконецъ, создаетъ между подсудимымъ и судьей молчаливый договоръ: судья обязанъ быть безпристрастнымъ, но подсудимый долженъ стараться освѣтить эту безпристрастность. Неужели Циммерманъ думаетъ, что я хочу осудить невиннаго?

— Ваше высочество,—отвѣчалъ я послѣ короткаго раздумья,—прежде всего очень признателенъ вамъ за облегченіе строгости ареста, по моей просьбѣ объ этомъ. Завтра-же повидаюсь съ узникомъ. Конечно, я приду къ нему, какъ другъ... Мнѣ не за чѣмъ вмѣшиваться въ разслѣдованіе дѣла. Но я передамъ ему ваши благія намѣренія... и что онъ разрѣшитъ мнѣ передать изъ нашего разговора, я сообщу вамъ.

Лицо принца прояснилось.

— Отлично, отлично... вотъ этого именно я и жду отъ васъ... Благодарю! Я увѣренъ, что вы искусно выйдете изъ труднаго положенія.

Онъ протянулъ мнѣ руку и крѣпко пожалъ мою. Я видѣлъ, что онъ былъ взволнованъ. „Въ сущности, онъ порядочный человѣкъ, хотя и наряжается тигромъ“, думалъ я.

Въ дверь постучали. Вошелъ, согнувшись вдвое, старый лакей.

— Ея высочество владѣтельная принцесса доводитъ до свѣдѣнія его высочества, что она на терасѣ съ высокочтимыми дамами и проситъ господъ присоединиться къ нимъ.

— Идемъ! Идемъ!—сказалъ принцъ.—Будемъ любезны.

Нельзя забывать прекрасный полъ... Еще сигару, г. Дюберъ? Не желаете? Хорошо, идемте со мной.

Онъ фамильярно взялъ меня за плечо и въ такомъ видѣ ввелъ меня въ курильню. Такая любезность вызвала явную ревность маіора и министра полиціи. Мнѣ показалось, что даже Липавскій былъ нѣсколько оскорбленъ, потому-что, пока мы спускались въ садъ, онъ улучилъ минуту и шепнулъ мнѣ на ухо:

— Чортъ возьми! Вы въ фаворѣ!.. О! вы избрали вѣрный путь, ловкій французъ!.. Только начавъ съ покоренія женскихъ сердецъ, ваши предки подчинили себѣ Европу.

Терраса, гдѣ ждали насъ „высокочтимыя дамы", представляла широкое пространство, усыпанное пескомъ и безъ всякой зелени, кромѣ кадокъ съ апельсиновыми деревьями. Она расположена была въ концѣ замка и примыкала непосредственно къ парку. Терраса отвѣсно возвышалась въ кольцѣ, образуемомъ Ротой. Къ ней можно было пройти стеклянной галлереей черезъ зимній садъ, или черезъ бильярдную. Когда мы пришли туда, было уже совершенно темно: нѣсколько рѣдкихъ звѣздъ мерцало сквозь густыя, неподвижныя облака. Электрическіе шары, подвѣшанные на апельсинныхъ деревьяхъ, освѣщали дачные стулья дамъ; на небольшомъ разстояніи свѣтъ ихъ уже исчезалъ, точно поглощенный необъятнымъ окружающимъ мракомъ. Наше появленіе было встрѣчено обычными шутками насчетъ любви мужчинъ отдѣляться отъ дамъ и невозможности женщинамъ обходиться безъ нихъ... Принцесса вскорѣ отвела меня въ сторону.

— Пойдемте со мной,—сказала она.—Посмотримъ, каковъ обрывъ темною ночью. Это очень страшно.

И, увлекая меня, прибавила:

— Вы знаете, здѣсь такой обычай... Всѣ разсѣиваются. Принцъ завладѣлъ этой язвой, Фрикой, и они направились въ паркъ.

Тонкій силуэтъ Фрики, какъ бы охранявшій внушительную фигуру принца Отто, дѣйствительно, терялся въ полумракѣ террасы... Вокругъ садоваго стола, гдѣ разставлены были прохладительные напитки и стаканы, остались только г-жа Дронтгеймъ, въ полудремотѣ переваривавшая пищу, маіоръ и министръ полиціи, оживленно спорившіе, и снова помирившіеся Максъ и Грита, болтавшіе съ графомъ Липавскимъ.

Не заботясь о возможности быть замѣченной, Эльза увела меня къ парапету террасы по направленію, совершенно противоположному тому, куда исчезли принцъ и Фрика. Здѣсь было такъ темно, что мы не могли даже разглядѣть

другъ друга. Какимъ-то облакомъ представлялся мнѣ бѣлый туалетъ принцессы и шарфъ, окутывавшій ея плечи.

Она положила свою руку на мою, и я почувствовалъ лихорадочный трепетъ ея пальцевъ.

— Эта ночь возбуждаетъ меня,—сказала она.—О, мой другъ, я уже не имѣла силъ дольше оставаться безъ васъ. За ужиномъ я хоть видѣла васъ, хоть прикасалась къ вамъ... Но съ той минуты, какъ вы скрылись съ принцемъ, я не жила больше. Потому-то я и послала за вами.

Я нѣжно сжалъ ея длинную, горячую руку и прошепталъ:

— Благодарю.

Откровенно говоря, это уединеніе вдвоемъ, почти на глазахъ у другихъ, было мнѣ непріятно. Я не могъ не замѣтить, что моя близость съ Эльзой не была уже ни для кого тайной: вѣроятно, ее считали еще преступнѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ... Я могъ судить объ этомъ не только по дерзкимъ намекамъ Липавскаго, но также по иронически преувеличенной вѣжливости слугъ и ихъ перешептыванію при моемъ появленіи, по уваженію ко мнѣ со стороны Грауса и чиновниковъ, по все растущей ненависти ко мнѣ маіора, ненависти, смѣшанной съ презрѣніемъ. Мнѣ казалось даже, что я читаю недоброжелательное любопытство въ глазахъ обывателей. Все это возбуждало и злило меня. Кромѣ того, въ моихъ отношеніяхъ съ Эльзой не было больше смутнаго очарованія новизны. Интрига, начатая безъ всякаго участія сердца, при увѣренности, что это не болѣе какъ мимолетное, дорожное приключеніе, какое всякій путешественникъ начинаетъ и не оканчиваетъ, я долженъ былъ признать, что эта интрига превратилась въ договоръ, въ рѣшительный актъ моей жизни! И не безъ досады я убѣдился, что страстный и почти невинный флиртъ, какъ въ павильонѣ Гомбо въ день Седана, вполнѣ удовлетворилъ бы мое желаніе, тогда какъ чрезмѣрный успѣхъ моего ухаживанія меня безпокоитъ.

— Какъ вы молчаливы, мой другъ,—прошептала Эльза.—Вѣроятно, этотъ просторъ, открывшійся передъ нами, производитъ на васъ впечатлѣніе?.. Не находите ли вы, что здѣсь хотѣлось бы мечтать всю ночь, рука въ руку, въ полномъ безмолвіи.

— Да,—отвѣтилъ я.

Такъ какъ она испытываетъ такое желаніе, думалъ я, то она сама воздержится и меня избавитъ отъ разговора. Но женщины, увы! не заботятся о послѣдовательности. Заплативъ дань молчанію этимъ славословіемъ, она уже не переставала говорить.

— За ужиномъ я была счастлива. Вы сидѣли рядомъ со мной, совсѣмъ близко отъ меня, какъ я этого хотѣла; я сказала Липавскому, чтобы онъ посадилъ васъ по лѣвую руку отъ меня. Онъ хитрый: онъ нашелъ оправданіе нарушенію этикета въ старинномъ обычаѣ Литцендорфа, извѣстномъ подъ названіемъ привилегіи путешественника-иностранца. Путешественникъ, будь то простой земледѣлецъ, могъ одинъ разъ въ годъ ужинать рядомъ съ принцемъ. И въ то время, какъ лакеи подавали намъ кушанья на старинной и великолѣпной серебряной посудѣ временъ Людвига-Ульриха, я оглядывала залъ оленьихъ роговъ, обои, портреты, и думала, что это историческое жилище принадлежитъ мнѣ, что я въ немъ царствую, связана съ нимъ своимъ положеніемъ и всею славною исторіей Ротберга и Германіи... И я была счастлива при мысли, что все это, за что столько женщинъ отдали бы свою жизнь, я собираюсь бросить ради васъ, пожертвовать всѣмъ для любви.

Въ любовномъ разговорѣ ничто такъ не затрудняетъ, какъ несоотвѣтствіе тона между собесѣдниками. А Эльза сегодня настроилась на такой высокій діапазонъ, куда я съ трудомъ могъ подняться. Тема, уносившая ее къ небесамъ, волненіе отъ готовности, по ея словамъ, принести все въ жертву своей любви,—эта тема породила неизбѣжный контрастъ: она свела меня на землю и внушила мрачныя мысли и на ряду съ ними состояніе досады и гнѣва. Необходимо было, чтобы она это замѣтила.

— Можно подумать,—сказала она,—что вы не понимаете моей радости, или сердитесь на мое признаніе?..

— Простите меня,—возразилъ я.—Я опредѣляю величину задуманной вами жертвы... и колеблюсь принять ее... вотъ и все.

— А!—сказала она, оставивъ мою руку.—Въ такомъ случаѣ, вы не любите меня.

Но тотчасъ же снова схватила мою руку и поднесла ее къ своимъ губамъ.

— Въ свою очередь, простите меня. Ваши сомнѣнія—плодъ смущенія благороднаго сердца... Но вы должны отбросить его изъ-за любви ко мнѣ. Я отъ всего отказываюсь ради васъ: отъ семьи, положенія, отъ части своего состоянія, а также и отъ уваженія всего свѣта. Надо вознаградить меня за это, сдѣлавшись моимъ вѣрнымъ подданнымъ. И если вы дѣйствительно мой вѣрноподданный, то драгоцѣннѣйшей своей обязанностью станете считать повиноваться своей повелительницѣ и слѣдовать ея доброй волѣ. Вспомните исторію Маріи-Елены, матери принца Эрнеста. Она любила простого незамѣтнаго офицера, она встрѣчала его

каждый день въ паркѣ, въ гротѣ Маріи-Елены... Офицеръ ушелъ на войну. Однажды она почувствовала, что ей тяжело не видѣть его, и написала ему, чтобы онъ пріѣхалъ. Онъ не задумался, дезертировалъ, былъ пойманъ и разстрѣлянъ... Вотъ это любовь!.. Но Гретцъ фонъ Билейнъ не былъ легкомысленнымъ французомъ...

Въ эту минуту изъ темной чащи зелени снизу обрыва донесся до насъ чистый, довольно красивый голосъ, напѣвавшій слова пѣсни Гейне:

Что бы значило такое,
Что душа моя грустна?
Въ головѣ моей все бродитъ
Сказка старая одна *)...

То пѣла Фрика. Ея нѣмецкая чувствительность, взбудораженная, вѣроятно, душной грозовой ночью и, быть можетъ, штейнбергеромъ, доставляла удовольствіе принцу Отто, вызывая звуками этой знаменитой пѣсни видъ береговъ, гдѣ растетъ тучный виноградъ Штейнберга. Принцъ слушалъ куплетъ, оборвавшійся внезапно взрывомъ раскатистаго смѣха.

— Онъ цѣлуетъ ее,—сказала Эльза.—Когда-то сердце мое сжималось при подобныхъ сценахъ, происходившихъ вокругъ меня. Теперь же это почти доставляетъ мнѣ удовольствіе. Это отгоняетъ отъ меня всякое смущеніе. Я не могу жить безъ любви, а любовь принца не для меня. И я ухожу...

Наступила такая глубокая тишина, что слышны были удары шаровъ на билліардѣ съ веранды, гдѣ играли сановники... Меня охватила безконечная грусть. У меня явилось ощущеніе, точно я вязну въ пескѣ, погружаюсь мало по малу въ безысходную неволю... „Кончено, думалъ я... напрасно я борюсь... пусть будетъ, какъ она хочетъ... Но почему мнѣ такъ грустно?“

Я припоминалъ бесѣды на этой самой террасѣ, еще не такъ давно, въ такія же ночи, когда я весь трепеталъ отъ близости этой самой женщины, сидѣвшей и теперь возлѣ меня и приносившей мнѣ реальную жертву. Тогда я жаждалъ ея продолговатыхъ рукъ, ея таліи, волосъ, глазъ, губъ... А теперь, когда она готова отдаться мнѣ вся и на всю жизнь, я со страхомъ признаю, что тѣ ничтожныя ласки удовлетворили бы меня, и что отъ нея я не желалъ ничего больше. И я чувствовалъ въ то же время, что никогда не осмѣлюсь высказать ей это и пойду съ нею рядомъ въ бездну сенти-

*) Перев. П. И. Вейнберга.

ментальныхъ недоразумѣній и скуки, въ болѣе глубокую и мрачную пропасть, чѣмъ разстилалась у нашихъ ногъ.

Какъ разъ эту минуту моихъ грустныхъ размышленій она выбрала для того, чтобы шепнуть:

— Обнимите меня.

Я повиновался: вѣдь она моя повелительница? Къ тому же мужчины, думаю, обладаютъ какой-то добротой, сентиментальной жалостью, совершенно не свойственной женщинамъ, когда онѣ не влюблены. Я поцѣловалъ волосы и глаза Эльзы и почувствовалъ, что моя нѣжность къ ней не заглохла. Кошмаръ близкаго рѣшенія только парализовалъ ее... Какъ только мы разъединились, она вновь заговорила прерывающимся голосомъ:

— Я считаю дни, отдѣляющіе меня отъ моего освобожденія... У насъ 12 сентября: черезъ шесть дней, вы мнѣ говорили, ваша очаровательная сестра покидаетъ васъ? На другой день я уѣзжаю въ Карлсбадъ, въ сопровожденіи одной только Больбергъ. Это будетъ 19 сентября. 20-го я отошлю ее куда-нибудь подъ какимъ-нибудь предлогомъ; черезъ полчаса послѣ ея ухода, я отправлюсь въ Никлау, въ Галицію, гдѣ у меня есть собственный маленькій домикъ, завѣщанный мнѣ статсъ-дамой фонъ - Никлау, воспитывавшей меня въ Эрленбургѣ... Вы испросите отпускъ у принца и поѣдете за мной. 23-го мы будемъ вмѣстѣ, у меня, въ моемъ собственномъ жилищѣ, съ моими людьми, поляками, австрійскими подданными, повинующимися своей госпожѣ, какъ собаки, и готовыми лизать ея бьющую руку. Меньше, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, мы будемъ принадлежать другъ другу.

Голосъ ея сталъ тверже. Она говорила теперь тихо и рѣшительно, какъ бы отдавая мнѣ приказанія.

— А принцъ?..—прошепталъ я.

— Я оставлю ему письмо и оно объяснитъ ему мое поведеніе. Такъ какъ я должна была инкогнито поселиться въ Карлсбадѣ въ нанятомъ вами для меня помѣщеніи подъ именемъ „графини Гриппштейнъ", то у принца будетъ время подумать, какое дать подходящее объясненіе моему отсутствію. Этимъ я ему, безъ сомнѣнія, облегчу найти основательный поводъ для развода.

— А Максъ?

Она вздохнула, но не обнаружила сильнаго волненія.

— Я оставлю также письмо и Максу... и, зная его сердце, твердо надѣюсь, что онъ не осудитъ меня. Да и будетъ ли у него время страдать отъ моего отъѣзда? Ужъ и теперь онъ не принадлежитъ мнѣ: онъ въ рукахъ маіора и принца. Къ тому же, я не первая изъ женщинъ, даже не первая изъ

принцессъ, убѣгающая отъ супружеской жизни... Чѣмъ дальше я захожу, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что дѣйствую по Божьему предначертанію; мною руководитъ, возбуждаетъ меня незнакомая мнѣ доселѣ ясность мысли и энергія.

Темное небо дрогнуло отъ отдаленной молніи. Я удивлялся, какъ легко женщины заставляютъ Бога играть роль вдохновителя и соучастника въ своихъ любовныхъ комбинаціяхъ.

„Нѣтъ, думалъ я, никогда не повѣрю, чтобы божественное провидѣніе вмѣшивалось въ подобныя дѣла. Болѣе вѣроятно, что имѣется спеціальный демонъ, приспособленный приводить въ исполненіе намѣренія женщинъ, ищущихъ приключеній. Хотя бы эта довольно лѣнивая блондинка, внѣ своего хозяйства весьма плохая организаторша, вдругъ выказываетъ волю, рѣшимость, смышленность и несокрушимую силу!". И я почувствовалъ изнеможеніе, пораженіе мужчины желаніемъ женщины, могучимъ, какъ судьба. Она также сознавала свою силу, потому что диктовала мнѣ будущее, не совѣтуясь больше со мной.

— Итакъ, отнынѣ, — заключила она,—вы совсѣмъ мой. Никлау далекъ отъ всѣхъ городовъ, болѣе чѣмъ въ тридцати километрахъ отъ Ольбитца, съ десятью тысячами жителей. Мы вполнѣ будемъ принадлежать другъ другу на всю жизнь.

Дѣтскій голосъ вблизи избавилъ меня отъ необходимости выразить, сколь чаруетъ меня нарисованная ею картина. Голосъ тихо спросилъ:

— Вы здѣсь, мама?

— Не двигайтесь,—шепнула мнѣ принцесса и прибавила громко:—иди сюда, Максъ... Мы на краю террасы... вотъ здѣсь..

Мальчикъ бросился къ матери и поцѣловалъ ее.

— Я весь вечеръ не сдѣлалъ ни одной ошибки въ разговорѣ по-французски съ m-elle Дюберъ,—сказалъ онъ.—Она не могла поймать ни одного промаха, и теперь проиграла пари.

Онъ просунулъ свою руку подъ руку матери и нѣжно прижался своей щекой къ шарфу, наполовину закрывавшему ея полуоткрытыя плечи.

— А гдѣ Грита?—спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Графъ Липавскій даетъ ей урокъ бильярдной игры.

Мы медленно втроемъ направились къ освѣщенному мѣсту террасы.

— Мама,—сказалъ Максъ, по прежнему опираясь на руку матери,—у меня есть идея. M-elle Дюберъ должна остатьс

здѣсь и окончить свое образованіе вмѣстѣ со мною. Такимъ образомъ, она не будетъ разлучаться со своимъ братомъ, а успѣетъ, я увѣренъ, столько же, какъ и во Франціи...

— Попроси ее,—сказала Эльза.

— О, для меня она не согласится... Но если бы г. докторъ предложилъ ей... Мамочка, вѣдь г. докторъ сдѣлаетъ все, что вы захотите.

Подойдя къ стеклянной галлереѣ, мы увидѣли Фрику съ растрепанной прической, тянувшую черезъ соломенку холодный лимонадъ... За столомъ жена министра крѣпко спала, опустивъ свой отвисшій подбородокъ на вздымавшуюся грудь Въ сторонѣ сидѣли, разговаривая, принцъ, маіоръ и Дронтгеймъ. Изъ галлереи видно было, какъ Грита стояла на цыпочкахъ на одной ногѣ противъ бильярда, въ позѣ генія на бастильской колоннѣ. Она держала кій за кончикъ и по указаніямъ Липавскаго пыталась сдѣлать трудный ударъ. Кончикъ ея розоваго языка торчалъ между губъ.

— До завтра,—сказала мнѣ принцесса, прикасаясь своими пальцами къ моей рукѣ.

Принцъ, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ.

— Я разсчитываю на васъ въ томъ, о чемъ мы говорили, не правда ли, г. докторъ?

Я поклонился. Мнѣ ужасно хотѣлось расхохотаться, при видѣ, какъ министръ полиціи, пользуясь тѣмъ, что всѣ были заняты, старался разбудить свою жену, пощипывая ея открытую толстую шею. Дама пробудилась внезапно отъ глубокаго сна и вскочила, испугавшись, что сидитъ передъ своими повелителями, когда они стоятъ на ногахъ.

Какъ всегда, царственная чета ушла въ свои аппартаменты, не простившись, и, только когда они исчезли, гофмейстеръ приказалъ черезъ лакеевъ подать экипажи. Я пожалъ руки чиновникамъ, поцѣловалъ толстые пальцы г-жи Дронтгеймъ и тонкіе—Фрики.

Порывъ вѣтра пронесся по террасѣ. Ежеминутно вспыхивали молніи за стѣною горъ, и въ эти моменты кружево сосновыхъ вѣтвей на одно мгновеніе вырисовывалось на освѣщенномъ электричествомъ небѣ.

Максъ подошелъ проститься съ Гритой, закутавшейся въ свой плащъ. Она отвѣтила ему, какъ мнѣ показалось, черезчуръ холодно... Я просилъ Грауса прислать за нами во дворецъ экипажъ лишь въ томъ случаѣ, если погода совершенно испортится. Предусмотрительный хозяинъ отеля прислалъ намъ свое лучшее ландо, и хорошо сдѣлалъ, потому что, едва мы выѣхали изъ подъ сводовъ дворца, какъ крупныя капли дождя застучали по окнамъ кареты. Грита

прижалась ко мнѣ. Мы оба молчали и оба догадывались, что въ эту минуту находимся подъ впечатлѣніемъ своихъ скрытыхъ другъ отъ друга тайнъ. Когда карета доѣхала до первыхъ домовъ курорта, сестра высвободилась изъ моихъ объятій.

— Правда, Луи, ты никогда не оставишь меня?

Ея рѣсницы смочили мое лицо. Я крѣпко обнялъ ее.

— Конечно, моя дорогая, клянусь тебѣ!

— Вѣдь у меня никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ тебя, — прибавила она.

Карета остановилась передъ подъѣздомъ нашей виллы; надо было выходить, Грита надвинула снова свой плащъ на самые глаза, чтобы кучеръ не замѣтилъ ея слезъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Душа моя сгораетъ на огнѣ...
Она полна несбыточными снами,
Но ихъ не разсказать ни пѣсней, ни словами!
Они, какъ всполохи въ небесной глубинѣ,
Встаютъ и падаютъ блестящею стѣной,
Ведутъ волшебною лазурною дорогой...
И кажется душѣ—она увидитъ Бога
И не вернется въ міръ земной!
Давно прошедшею, ненужной и случайной
Тогда передо мной проходитъ жизнь моя,
Какъ будто я стою за гранью бытія
Съ непостижимою волнующею тайной.

Г. Галина.

— Какъ это вы такъ неловко... обратилась къ ней портниха, первый разъ за все время.—Впрочемъ, не смущайтесь: она все равно не замѣтитъ.

Пруденсъ молча отвернулась и углубилась въ „Morning Post".

Немного погодя горничная черезъ полуотворенную дверь обратилась къ ней со словами: „Мистрисъ Дартъ проситъ васъ".

Она увидѣла передъ собой оригиналъ знакомаго портрета, раскрашенный такъ, какъ не раскраситъ ни одинъ живописецъ. Цвѣтъ лица состоялъ главнымъ образомъ изъ бѣлой и розовой красокъ въ различныхъ сочетаніяхъ, и мягкое выраженіе его нѣсколько нарушалось стальнымъ блескомъ глазъ. Она полулежала на козеткѣ и протянутая ея рука—оригиналъ алебастроваго прессъ-папье—находилась въ распоряженіи молодой женщины, вооруженной инструментами „Института красоты".

Пруденсъ почувствовала что-то въ родѣ страха. Никогда еще, ни во снѣ, ни на яву, она не воображала, что существуетъ такой сложный и разнообразный культъ человѣческаго тѣла. При видѣ всѣхъ этихъ изящныхъ приборовъ, она невольна вспоминала о египетскихъ гребняхъ и золотыхъ браслетахъ, которые она видѣла подъ стекломъ въ музеѣ. Ихъ неизвѣстныя носительницы врядъ ли больше заботились о своей красотѣ, чѣмъ это дѣлается теперь. Пруденсъ почувствовала жалость. Прелестные глаза, сверкавшіе мужествомъ и рѣшимостью, могли бы подойти даже безстрашному капитану погибающаго корабля. Теперь же...

— Здравствуйте, миссъ Меріонъ. Я надѣюсь, что вы поможете мнѣ въ моихъ письменныхъ занятіяхъ. Я уже наказана за то, что предавалась имъ слишкомъ много: боюсь, что у меня писчій спазмъ,—и она нѣжно поглядѣла на свою руку, которая была больна чѣмъ угодно, только не недостаткомъ отдѣлки, при помощи указанныхъ выше инструментовъ.

Впрочемъ, мысль показалась нелѣпой даже ей самой. Она сдержано засмѣялась, нѣсколько разъ стараясь остановиться и принимаясь смѣяться опять.

Пруденсъ улыбалась.

— Я слышала, что вы умѣете писать на машинкѣ и все такое.

— Позвольте спросить, кто меня такъ хорошо аттестовалъ?

— О, это большой вашъ другъ, но я обѣщала не называть его имени.

Имена Гертруды Голль, тетушки Идомъ и Мери Ленъ,

вихремъ пронеслись въ головѣ дѣвушки. Нѣтъ, не можетъ быть. Вѣдь первая ничего не знаетъ объ ея бѣдственномъ положеніи и поискахъ работы. Вторая витаетъ совсѣмъ въ иныхъ сферахъ. Третья же, конечно, написала бы объ этомъ ей первой.

— Позвольте просить васъ передать этому... лицу, что я считаю себя много обязанной ему. И еще болѣе, если вы найдете мою работу удовлетворительной.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Пруденсъ была не въ силахъ отвѣтить. Весь ея напускной героизмъ улетучился при мысли, что нужда осталась позади, и она чувствовала себя слабой, какъ ребенокъ. Перемѣна была слишкомъ внезапна. Она какъ будто вошла въ тихую гавань послѣ жестокаго шторма. Бѣдняжка, измученная и униженная, она такъ же нуждалась въ покоѣ, какъ другой нуждается въ буряхъ. Работа—вотъ ея покой, ея отдыхъ, а что было еще вчера, еще часъ тому назадъ!

— Какъ же насчетъ условій, миссъ Меріонъ?

— Если можно, не теперь. Вы назначите условія, когда испытаете меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, условія теперь же. Хотите... фунтъ стерлинговъ въ недѣлю?

Пруденсъ была наказана. Ей легко дали бы полтора фунта. сумѣй она взяться за дѣло. Особы въ родѣ мистрисъ Дартъ, въ невинности своей души, весьма смутно представляютъ себѣ минимумъ потребностей бѣднаго человѣка.

— Благодарю васъ, этого совершенно достаточно.

— О, не говорите. Вы не знаете еще, что васъ ждетъ, и какъ трудна будетъ ваша работа. Я хочу, чтобы вы разрѣзывали всѣ мои книги и писали собственноручно мои письма. Потомъ вы будете просматривать газеты и отмѣчать синимъ карандашемъ все интересное. Въ газетахъ слишкомъ много написано: голова разболится, если читать все сплошь. Да и въ книгахъ тоже. А знаете ли вы что-нибудь о всякихъ вопросахъ?

— О вопросахъ?

— Да, ну знаете, то, о чемъ всегда говорятъ за обѣдомъ умные люди.

— Я увѣрена, что сумѣю это постичь.

— И я увѣрена. Но постойте, было еще что-то. Я записала все, чтобы не забыть. Но гдѣ же эта записка?.. Паркеръ!—Ушла! Этакая безтолковая!

Появилась горничная.

— Господинъ архидіаконъ, сударыня, желаетъ васъ видѣть. Онъ въ гостиной.

— А, хорошо! Сейчасъ. До завтра, миссъ Меріонъ, въ десять часовъ.

Черезъ минуту дѣвушка уже вышла на свѣжій воздухъ. Она направилась домой черезъ паркъ. На каждомъ шагу попадалась меньшая братія изъ ближнихъ деревень, заходившая сюда съ рынка, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть, какъ проводятъ время господа. Эти люди казались не менѣе счастливыми, чѣмъ въ тѣ минуты, когда, преклонивъ колѣни, они смущаютъ своихъ священниковъ, поучающихъ ихъ терпѣть и работать. Созерцая своихъ богатыхъ и счастливыхъ собратьевъ, они были такъ довольны, что, казалось, не нуждались ни въ чемъ болѣе. „Собратья" же едва удостаивали своихъ поклонниковъ презрительнымъ взглядомъ.

Послѣ всего, что она пережила, это зрѣлище было для дѣвушки новымъ откровеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что если есть дѣйствительно избранныя существа, которымъ нѣтъ надобности думать о хлѣбѣ насущномъ—этой главной заботѣ человѣческой жизни? Несмотря на американское евангеліе, ей казалось теперь, что счастливъ лишь тотъ, кто родился въ сорочкѣ.

XXIII.

Да, жестокъ былъ штормъ! Какъ привлекательна казалась спокойная гавань, которой она, наконецъ, достигла. Счастье повалило сразу. Работа у мистрисъ Дартъ была легка и оставляла много времени для другихъ занятій, которыя Пруденсъ нашла, благодаря рекомендаціи курсовъ стенографіи.

Лаура очень интересовалась ея дѣлами и особенно всѣмъ, что касалось Мистрисъ Дартъ.

— Мнѣ хочется узнать побольше объ этой женщинѣ. Какого цвѣта у нея глаза?

Пруденсъ подробно описала ей наружность мистрисъ Дартъ, упомянула объ ея богатствѣ и даже отчасти обрисовала ея характеръ. Лаура одобрительно кивнула головой.

— Мнѣ нравится этотъ типъ,—сказала она.—Повидимому, она многаго хочетъ и многаго достигнетъ.

— Да, она симпатична, — отвѣтила Пруденсъ, — только люди этой породы страдаютъ какой-то маніей передвиженія. Они не могутъ жить безъ автомобиля, не могутъ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Они все ищутъ куда бы поѣхать, и непремѣнно туда, гдѣ они еще не были. Маленькій будуаръ мистрисъ Дартъ, гдѣ она сидитъ по утрамъ, это своего рода

Клангамская станція, откуда она разъѣзжаетъ во всѣ стороны и куда непремѣнно заѣзжаетъ по пути.

— Какъ весело, должно быть!

— Но какихъ денегъ все это стоитъ, подумайте только, Лаура. Ахъ, эти проклятыя деньги!

— Что-жъ изъ этого? А всетаки она мила и изящна!

— Онѣ всѣ милыя. Я иногда думаю, что онѣ останутся такими же милыми, такими же изящными даже въ день страшнаго суда... Постойте, не прерывайте меня.—Она ухитряется побывать на трехъ раутахъ въ одинъ вечеръ и чего только не передѣлаетъ она за день. Если бы видѣли, сколько народу ждетъ ея пробужденія, чтобы, послѣ ванны, заняться ея туалетомъ.

— А мужъ?

— Онъ въ Индіи, вернется весной.

— Теперь я знаю, кто вы и что такое господствующая каста. Вотъ какъ правятъ настоящія королевы. Отвѣтственные министры, хоть и стоятъ на авансценѣ, но ничего не значатъ передъ тѣми, кто скрывается за кулисами. О, Пруденсъ, вы не секретарь, вы камергеръ, по меньшей мѣрѣ.

— Камергеръ, такъ камергеръ, мнѣ все равно, я знаю только, что теперь я счастлива.

— И вы пришли поблагодарить вашего исцѣлителя и друга? Должно быть, вамъ хочется пѣть отъ радости?

— Я уже пѣла.

— Почему бы не повторить?

— Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ волнуетъ. Я хочу быть спокойной.

— Этого не трудно достигнуть. Я хочу пожить такъ, какъ живетъ высокородная мистрисъ Дебингтонъ Дартъ. Я хочу все перечувствовать. Мнѣ не нужно быть особенно счастливой, увѣряю васъ, но я люблю все знать. Вѣдь мы, женщины, любопытны.

— Чего же вамъ еще? Развѣ вы недостаточно счастливы теперь? Имѣть работу и быть свободной — чего же больше желать?

— Мнѣ надобно говорить: „сударь“ хозяину магазина только ради того, чтобы получать отъ него приказанія исполнить какой-нибудь заказъ, мистрисъ Дартъ. Я хотѣла бы знать, что чувствуешь когда тебя называютъ „сударыня“. Развѣ это не высшая мѣра уваженія?

— Со стороны горничныхъ и прочихъ „царедворцевъ“?

— Да, но царедворцевъ по своему выбору. Однако, будетъ. Вы, кажется, начинаете сердиться.

— А всетаки если мистрисъ Дартъ понадобится работа

по моей спеціальности, вы непремѣнно порекомендуйте меня.

— Нельзя быть такой корыстной, Лаура.

— Нельзя быть такой наивной, Пруденсъ. О, вамъ еще многому надо поучиться.

— Жизнь и то учитъ меня, и, кажется, я учусь терпѣливо.

— Милая дѣвочка! „Блаженни кротцыи, яко...

— Это не хорошо съ вашей стороны, Лаура.

— Что-жъ дѣлать! Моя религія совсѣмъ иная: повѣрьте, я буду не хуже ихъ всѣхъ, если только мнѣ удастся добиться своего.

— Религія борьбы за успѣхъ?

— Такъ что же?

— Ровно ничего, кромѣ того, что это не то... не то...

— Что исполнять свой долгъ въ жизни? Вѣдь это вы хотѣли сказать? Напрасно вы думаете, что я не понимаю ничего этого,—заговорила Лаура, вдругъ мѣняя тонъ разговора и пронизывая собесѣдницу суровымъ взглядомъ.

— Наша жизнь—игра, въ сравненіи съ жизнью простыхъ рабочихъ дѣвушекъ. Мы имъ чужія; онѣ разорвутъ насъ на куски, если счастье окажется на ихъ сторонѣ. Пойдите посмотрите на этихъ труженицъ на фабрикахъ: вотъ кто дѣйствительно работаетъ въ потѣ лица. Онѣ дерутся изъ-за куска хлѣба, а пьяныя—онѣ положительно страшны. Я видѣла ихъ однажды,—и съ меня достаточно. Въ сравненіи съ ними мы аристократки. И я боюсь заглядывать внизъ.

— А мнѣ никуда не хочется заглядывать,—устало произнесла Пруденсъ.—Пусть это дѣлаютъ другіе за меня.

— Вашъ прекрасный принцъ, очевидно, американецъ. Но не забывайте, что эмансипація женщинъ не единственная его страсть. Онъ достаточно занятъ собой и своей карьерой. Просто его забавляетъ выручать изъ бѣды маленькихъ изящныхъ куколокъ и доставлять имъ всѣ удобства кукольныхъ домиковъ. Однажды, войдя въ дѣтскую, этотъ американецъ былъ пораженъ, увидѣвъ, въ какія умныя игры тамъ играютъ. Но онъ увидѣлъ въ то же время, что придется измѣнить всю систему, потому что дѣти шалятъ,—и онъ настроилъ школъ. Тамъ и до сихъ поръ еще продолжаютъ играть.

Пруденсъ молчала, не зная, что сказать. Можетъ быть, зачатки героическаго терпѣнія и таились въ ней, но теперь ей хотѣлось одного: спокойно грѣться на солнцѣ.

— Слушайте, Лаура. Когда я приходила къ вамъ послѣдній разъ повѣдать горести, разрывавшія мое сердце, я дѣлала это не потому, что не могла справиться одна, а просто потому, что считала въ нихъ виноватымъ кого-то третьяго, кто упорно не даетъ мнѣ выбиться наверхъ. Мнѣ

казалось, что всѣ удары судьбы обрушиваются только на меня. Кто бы ни былъ этотъ третій, я чувствовала себя передъ нимъ, какъ загнанная мышь. Я не могла осилить его. Теперь же я знаю, что все это не такъ ужъ плохо, и знаю это благодаря вамъ. Вы вдохнули въ меня мужество, дали мнѣ обрѣсти великое сокровище, познаніе того, что всѣ наши тяготы,—лишь порожденіе человѣческой глупости. Не надо забывать, что Богъ, какъ искусный треннеръ, вооружилъ человѣка для борьбы съ врагами. Зачѣмъ? Чтобы завоевать Олимпъ.

— А развѣ не проще было бы Богу сказать людямъ: „не бойтесь ничего, тревоги и заботы миѳъ, глупыя сказки. Живите себѣ безмятежно, а я буду печься о васъ“. Ну, все равно, теперь вы стали умнѣе. Бросьте вы это и только повторяйте за мной: „я достигну своего, Лаура, я достигну своего“.

— Да, Лаура, я надѣюсь, достигнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, не „надѣюсь“, а „увѣрена“!

— Да, я увѣрена, увѣрена! Аминь!

— Милая птичка! Вотъ гдѣ вашъ кусочекъ сахару. Теперь вы знаете секретъ, и если-бы цѣлительная книга не принадлежала мнѣ, вы смѣло могли бы бросить ее въ море.

— Въ субботу я хочу пойти погулять въ Ричмондскій паркъ. Можетъ быть, пойдемъ вмѣстѣ?

Лаура выставила изъ подъ платья ногу въ изящномъ башмакѣ, критически поглядѣла на него и спрятала опять.

— Далеко ходить—сапоги сносить. Жаль, что нельзя ходить по воздуху. Нѣтъ, ужъ идите одна и потомъ разскажите мнѣ. Должно быть, будетъ весело.

XXIV.

Нагулявшись досыта въ паркѣ, Пруденсъ вышла оттуда черезъ Шинъ Гэтъ и направилась прямо домой. День уже угасалъ, когда она переходила Гаммерсмитскій мостъ. Она устала и проголодалась, имѣя, впрочемъ, въ перспективѣ, вкусный ужинъ. На этотъ разъ она была въ одиночествѣ: даже Снэгъ не сопровождалъ ее. Утромъ она передала ему приглашеніе и получила согласіе, но затѣмъ онъ убѣжалъ, увлекшись собакой бродячихъ акробатовъ, что, впрочемъ, свойственно его собачьей натурѣ.

Говоря по правдѣ, ей бы хотѣлось имѣть подлѣ близкаго человѣка. Но Гертруда уѣхала изъ Лондона, Мери Ленъ не вернется больше. О Сентъ-Гольміерахъ она и не ставила вопроса, ибо одинаково старалась избѣгать обоихъ, а Ред.

жинальда почти ненавидѣла. Если бы не Лаура, она была бы совершенно одинока, какъ въ тѣ дни, когда счастье еще не повернулось къ ней, дни, о которыхъ она не могла вспомнить безъ содроганія.

Она миновала мостъ и, повернувъ за уголъ Биффинъ-Сквера, остановилась немного отдохнуть. Узенькая, посыпанная пескомъ аллея была совершенно пуста. Дѣвушка перегнулась черезъ ограду, чтобы бросить послѣдній взглядъ на рѣку, прежде чѣмъ войти въ городъ. Зимнее солнце близилось къ закату, и мостъ, теперь возвышавшійся близь нея, вырисовывался всей своей массой на вечернемъ небѣ. Надъ рѣкой висѣла полоса вечерняго тумана, сквозь которой блестѣли постепенно потухавшіе лучи заходящаго солнца. Вся рѣка была окутана дымкой и казалась вылитой изъ свинца. Нѣсколько красивыхъ парусныхъ судовъ виднѣлись на горизонтѣ, не говоря уже о массѣ шлюпокъ, кольцомъ окружавшихъ мысъ. Въ полосѣ солнечнаго свѣта мысъ казался чернымъ пятномъ на фонѣ пасмурно-голубой воды. Вдали виднѣлся запоздавшій пароходикъ пригороднаго сообщенія, быстро приближавшійся къ тому мѣсту, гдѣ стояла дѣвушка. Скоро уже можно было различить женскую фигуру, въ костюмѣ простой работницы, ясно выдѣлявшуюся среди остальныхъ пассажировъ. Пароходикъ подошелъ къ берегу и высадилъ пассажировъ. Женщина вышла вмѣстѣ со всѣми, подбирая слегка подмокшій при высадкѣ подолъ платья.

— Сара!—вскричала Пруденсъ.

— Вотъ не думала встрѣтить васъ, миссъ.

Ихъ близкое знакомство не позволяло остановиться на этомъ.

— Тутъ недалеко мой клубъ. Пойдемте туда пить чай.

Клубъ Сары! Вотъ такъ неожиданность. Впрочемъ, она всегда чѣмъ-нибудь да удивитъ,—подумала Пруденсъ, но конечно, не сказала вслухъ.

— А вотъ это нашъ старшина,—сказала Сара, указывая на сгорбленнаго человѣка, быстро сходившаго съ парохода со шлюпочными веслами на плечѣ.—Докторъ—мой другъ.

— Мое почтеніе!—Въ самомъ дѣлѣ, приходите къ намъ пить чай,—сказалъ докторъ и прошелъ дальше.

— Раскажите мнѣ, Сара, что это за клубъ,—иначе я не пойду. Не будьте скрытной хоть на этотъ разъ.

— Что вы, миссъ, чего мнѣ скрывать-то? Господинъ докторъ каждую субботу водитъ насъ гулять—всѣхъ вообще работниковъ, и женщинъ, и парней. Онъ заботится о нашемъ здоровьи. Мы отправляемся въ Ричмондъ, гуляемъ, завтракаемъ гдѣ-нибудь—безъ этого тоже нельзя,—и къ вечеру возвращаемся. Вотъ и все.

Сара сдала Пруденсъ на попеченіе какому-то молодому человѣку, съ приказаніемъ позаботиться о ней. Они направились прямо въ клубъ, гдѣ тридцать—сорокъ человѣкъ молодежи, и мужчинъ, и женщинъ, уже поджидали ихъ въ комнатѣ, приспособленной для чаепитія.

Привѣтливая молодая женщина, съ серебрянымъ значкомъ старшины клуба на груди, встрѣтила Пруденсъ при входѣ и тотчасъ же отрекомендовала ее пожилому господину, рядомъ съ которымъ стояла его дочь. То, что семейство—отецъ и дочь—было вмѣстѣ, объяснялось простой случайностью: оба были членами этого клуба. Отцу вовсе не было нужды присматривать за своей дочерью; дѣвушка казалась совершенно способной сама позаботиться о себѣ. Нѣсколько молодыхъ людей, стоявшихъ тутъ же, разговаривали съ ними; судя по виду, это были гости, вѣроятно учителя.

Не успѣла Пруденсъ осмотрѣться, какъ отворилась дверь, и вошелъ Джорджъ Леонардъ, въ числѣ другихъ, только что прибывшихъ.

Онъ поклонился дѣвушкѣ привѣтливо, но почтительно.

— Къ сожалѣнію, вы едва ли помните меня. Но вѣроятно, Сара—она скоро придетъ—напомнитъ вамъ, кто я такой. Съ моей же стороны было бы непростительно забыть моего перваго подписчика.

У Пруденсъ было гораздо больше основаній узнать его, чѣмъ онъ могъ это думать. Воспоминаніе объ ихъ послѣдней встрѣчѣ въ Пентонвилѣ быстро пронеслось у нея въ головѣ и заставило ее немного смутиться. Что, если онъ узналъ ее тогда?

— Что, какъ идутъ дѣла „Желѣзнаго Клейма?"—спросила она.

— Благодарю васъ, мы чувствуемъ себя великолѣпно, доходъ и издержки распредѣляются какъ нельзя лучше, и въ настоящій моментъ мы ведемъ дѣло уже съ прибылью. Навѣрное, вы это и разсчитывали услышать, вѣдь вы знаете нашу привычку хвастать.

— Знаете, я никогда не ожидала увидѣть васъ. Даже встрѣча съ Сарой была сюрпризомъ. Это вышло чисто случайно. Я стояла и смотрѣла на рѣку, какъ вдругъ...

— ...А я зашелъ по дѣлу, я здѣсь помогаю нашему доктору.

— Ужасно странный клубъ. Объясните, какія его цѣли?

— Это идея доктора. Конечно, вы знаете доктора? Вѣдь его всѣ знаютъ.

— Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ я—не всѣ.

— Въ улицѣ Гарлей его имя неизвѣстно, но въ этихъ краяхъ онъ столь же извѣстенъ, какъ любая знаменитость

всѣхъ улицъ Гарлей, вмѣстѣ взятыхъ. Онъ умѣетъ оживлять людей. Его хорошо знаютъ въ университетскомъ мірѣ.

Дѣвушка смѣшалась.—Теперь я знаю, это тотъ самый знаменитый философъ, который...

— Да, да, великій человѣкъ. Чего только онъ не издаетъ, чего только не дѣлаетъ. Но я думаю, что высшая заслуга его, самая благородная въ томъ, что онъ основалъ этотъ клубъ—клубъ женщинъ-работницъ.

— Что же, въ такомъ случаѣ, здѣсь дѣлаютъ мужчины?

— О, мы и здѣсь можемъ на что-нибудь пригодиться: когда дѣвушки хотятъ танцовать—мы ихъ кавалеры; затѣвается какая-нибудь игра—насъ берутъ въ партнеры. Впрочемъ, во всѣхъ играхъ первенствуетъ Сара, въ такія минуты я горжусь ею. Куда намъ до нея, мы вѣдь только снисходимъ до этихъ забавъ, а она вкладываетъ въ нихъ всю свою душу. Большинство изъ насъ члены Большого Рабочаго клуба, такъ же, какъ и докторъ.

— Да, этотъ клубъ—его дѣтище,—продолжалъ Леонардъ, немного помолчавъ.—День и ночь онъ заботится о его преуспѣяніи. Попробуйте только назвать при немъ кого-нибудь изъ посѣтителей „снобомъ"—и онъ растерзаетъ васъ, какъ терріеръ, которому сказали: „крыса". Посмотрите на нашихъ дѣвушекъ и парней; въ ихъ отношеніяхъ вы увидите такую утонченную вѣжливость, такое взаимное почтеніе, до которыхъ далеко было даже самой Мистрисъ Грэнди, я глубоко убѣжденъ въ этомъ. Да, нашъ докторъ молодецъ на всѣ руки. Жизненныя проблемы онъ рѣшаетъ на ходу. Въ свои восемьдесятъ лѣтъ онъ гребетъ, какъ восемнадцати-лѣтній юноша. Ѣстъ онъ, какъ какой-нибудь отшельникъ. Счастье онъ понимаетъ весьма просто: „я люблю всѣхъ и вѣрю, что всѣ любятъ меня"—вотъ старинное правило, которое онъ повторяетъ.

— Теперь и я могу причислить себя къ этимъ „всѣмъ". Я уже люблю его.

— Къ сожалѣнію, вамъ не обойтись безъ соперниковъ. Здѣсь всѣ боготворятъ его—точно такъ же, какъ и любятъ другъ друга. Не будь послѣдняго, первое сдѣлало бы нашъ клубъ ареной междоусобицъ. Но ничего подобнаго нѣтъ. Онъ нашъ патріархъ и мудрецъ, всѣ слушаются одной его улыбки. Къ нему идутъ со всѣми затрудненіями. Не будь его, любая изъ нашихъ работницъ вчетверо больше чувствовала бы себя рабой—и на фабрикѣ, и дома, и въ сношеніяхъ со своими хозяевами-обманщиками, и въ рѣдкія минуты отдыха. Онъ поддерживаетъ ихъ, онъ вызываетъ румянецъ радости на ихъ щеки.

Леонардъ помолчалъ и прибавилъ:

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь прервать меня, когда вамъ надоѣстъ слушать. Иначе я безъ конца буду говорить объ этомъ удивительномъ старикѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте.

— Я глубоко убѣжденъ, что онъ не дѣлаетъ никакого различія между людьми, да и вообще между живыми сущесвтами. Онъ любитъ весь міръ. Зачастую вы можете увидѣть его съ толпой оборванныхъ грязныхъ мальчишекъ, ухватившихся кто за его руки, кто за фалды сюртука. Онъ ходитъ съ ними въ городскіе сады и разсказываетъ имъ о цвѣтахъ. Они зовутъ его дѣдушкой, слѣдовательно, любятъ и уважаютъ его. Они готовы драться изъ-за того, чтобы быть поближе къ нему, и дѣлали бы это, если бы онъ не укрощалъ ихъ одной своей улыбкой. Да, впрочемъ, вотъ онъ и самъ. Одинъ его видъ говоритъ сильнѣй, чѣмъ всѣ мои слова.

Докторъ подошелъ, во главѣ цѣлой толпы спутниковъ. Онъ усталъ, проголодался, но сіялъ здоровьемъ и былъ въ отличномъ расположеніи духа. Юношескій румянецъ игралъ на щекахъ. Глаза сверкали умомъ и добротой.

Женщины столпились вокругъ него, такъ что ему пришлось проталкиваться къ своему мѣсту. Ни у кого не было и мысли услужить ему, какъ старику, онъ былъ для нихъ просто старшій товарищъ. Когда, наконецъ, онъ сѣлъ на свое мѣсто, началось чаепитіе, похожее больше на какой-то праздникъ любви, такъ громко и непринужденно всѣ болтали. Громадныя чайныя чашки напоминали древнія урны. Взглядъ доктора не пропускалъ никого; онъ зналъ исторію каждаго, какъ свои пять пальцевъ. Онъ привѣтливо поздоровался съ Пруденсъ, которая, какъ гостья, сидѣла рядомъ съ нимъ.

Онъ слышалъ кое-что объ ея путешествіи съ Мери Ленъ и о пьесѣ, въ которой онѣ играли, и теперь говорилъ съ своей сосѣдкой на эту тему.

Сара сидѣла по другую его сторону и сіяла отраженіемъ его лучей. Очевидно, онъ зналъ ее хорошо. Онъ перекидывался съ ней шутками, хвалилъ ее, какъ лучшаго гребца, и показалъ ей серебряный стаканчикъ, стоявшій на почетномъ мѣстѣ, который можетъ быть ея призомъ.

Когда чаепитіе было окончено, комнату очистили для танцевъ. Въ промежуткахъ между танцами пѣли хоромъ. Затѣмъ наступила пора расходиться по домамъ, и всѣ начали прощаться. Влюбленныя парочки, впрочемъ, отправлялись вмѣстѣ, откладывая прощаніе на конецъ пути.

Когда Сара смотрѣла на этихъ послѣднихъ, ея взглядъ блестѣлъ отнюдь не сочувствіемъ.

— Я прихожу сюда, только чтобы грести, и знать не хочу ничего, кромѣ этого,—обратилась она къ Пруденсъ, желая

видѣть въ ней такую же спортсмэнку.- Вотъ только кто проводитъ васъ до дому? Хотѣла бы я знать, какъ это вы пойдете одна такую даль.

— Большое спасибо вамъ, Сара. Мистеръ Леонардъ обѣщалъ проводить меня до трамвая.

— Гмъ!..—промычала Сара и вышла съ видомъ Діаны, разсерженной отступничествомъ нимфы.

XXV.

Пруденсъ шла молча, волнуясь и думая только о томъ, какъ бы не выдать себя. Она никакъ не могла отдѣлаться отъ воспоминанія о томъ вечерѣ, когда онъ провожалъ ее въ первый разъ. Она нервно перебирала концы своего боа, выдергивая изъ нихъ по перышку и мысленно повторяя: „Узналъ?“ „Не узналъ?“

— Я нашла работу, — сказала она, подъ вліяніемъ внезапнаго вдохновенія, и, сказавъ, пожалѣла, что не можетъ очутиться на днѣ морскомъ.

Врядъ ли онъ могъ знать ея положеніе, а если и зналъ, то какое ему дѣло до нея?

— Конечно, я радуюсь этому, хотя, долженъ сказать, я былъ бы еще болѣе радъ, если бы ваши дѣла обстояли хуже. Вся суть въ томъ, что тогда я имѣлъ бы право предложить вамъ приходить ко мнѣ и помогать мнѣ въ моей работѣ.

— Я буду очень рада. У меня и теперь достаточно свободнаго времени. Я работаю у одной дамы, которая очень хорошо платитъ мнѣ за тѣ недолгіе часы, которые я у нея провожу.

— Конечно, она и не подозрѣваетъ, что вы подписчица „Желѣзнаго Клейма“.

— Еще бы.

— Мнѣ бы хотѣлось имѣть помощника, который водилъ бы мою публику — я говорю о членахъ нашего клуба — по музеямъ, по картиннымъ галлереямъ и по всѣмъ заманчивымъ мѣстамъ, куда можно попадать безплатно.

— Къ сожалѣнію, заманчиваго на свѣтѣ не такъ ужъ много,—сказала Пруденсъ, припомнивъ свой недавній опытъ.- Случалось ли вамъ видѣть, какъ живетъ работница?

— Я думаю, что да.

— Какая ужасная, какая безобразная жизнь!

— Это зависитъ отъ точки зрѣнія, смѣю васъ увѣрить.

— Да развѣ могутъ здѣсь быть двѣ точки зрѣнія? Отхватывать концы по семи верстъ по грязнымъ, унылымъ улицамъ, чтобы въ субботу имѣть возможность купить къ чаю

булку, да и то, если побѣдишь въ борьбѣ. О, какъ все это безотрадно! Вы хотите показать имъ хорошія стороны жизни? Гдѣ вы ихъ видите, позвольте спросить?

— Не знаю, но для меня эта среда—волшебное царство. Еще больше смысла, даже можно сказать святости, она должна имѣть въ глазахъ того, кому посчастливилось вырваться изъ тѣхъ грязныхъ кварталовъ, гдѣ эти люди обитаютъ.

— Хотѣла бы я смотрѣть на это вашими глазами!

— Позвольте, вамъ никогда не случалось попасть на рынокъ въ субботу, когда тамъ толпится этотъ людъ? Вѣдь это для нихъ цѣлый міръ—эти фокусники, пѣвцы балладъ, даже яркій свѣтъ керосиновыхъ фонарей, освѣщающихъ площадь.

— Я лично вижу очень мало забавнаго въ такихъ сценахъ.

— Точно такъ же, какъ и я. Но для нихъ эти своеобразныя зрѣлища огромное развлеченіе. Подумайте, какъ это серьезно, почти драматично: вѣдь ради удовольствія повеселиться въ субботу, пообѣдать гдѣ-нибудь въ ресторанчикѣ, половина этихъ людей живетъ впроголодь цѣлую недѣлю. Какой бездѣлицей удовлетворяется этотъ народъ, какъ мало ему нужно, чтобы быть счастливымъ. Одинъ сытный обѣдъ и одинъ свободный вечеръ въ недѣлю. И они веселы, какъ жители горъ, съ которыми у нихъ еще то общее, что и тѣ, и другіе живутъ въ разстояніи какого-нибудь шага отъ пропасти.

— Я думала, мы говоримъ о хорошихъ сторонахъ жизни.

— Случалось ли вамъ видѣть увеселительные сады въ Клеркенвелѣ, утопающіе въ дыму цѣлаго лѣса фабричныхъ трубъ? Мнѣ случалось. Я видѣлъ такой садикъ, гдѣ они гуляютъ, обѣдаютъ и развлекаются по мѣрѣ возможности. Какъ-то я случайно зашелъ туда—входъ расположенъ между двумя пакгаузами—и у меня было такое чувство, точно я ворвался безъ позволенія: такимъ чужимъ показался мнѣ весь этотъ людъ.

— Ахъ, какъ все это сѣро, пошло, грязно. Мало ли такихъ садовъ, и не въ одномъ только Лондонѣ.

— Боже мой, да развѣ въ этомъ суть? Что же можно дѣлать, кромѣ этого? А дѣлать что-нибудь надо, иначе не стоитъ жить. Постарайтесь найти смыслъ въ этомъ, и когда-нибудь достигнете большаго.

— Я не хочу ничего этого знать, ни этихъ людей, ни мѣстъ, гдѣ они веселятся.

Въ негодованіи, какъ и во всѣхъ другихъ чувствахъ, есть своя поэзія. Пруденсъ была глубоко возмущена. Не-

смотря на все, что она перечувствовала за то время, пока была безъ работы, скорѣе даже благодаря этому, она ненавидѣла всякое прикосновеніе нищеты и грязи. То, что, въ борьбѣ изъ-за хлѣба, она даже радовалась своимъ страданіямъ и презирала себя за слабость, вполнѣ совмѣщалось съ желаніемъ стоять особнякомъ въ этой голодной толпѣ. Ея мысль шла и дальше. Прежнее ея чувство—чувство своего права на лучшую долю, окрѣпшее подъ вліяніемъ Лауры, приняло новую форму жажды земныхъ благъ. И болѣе, чѣмъ когда-нибудь, она была склонна считать все непріятное лишь случайнымъ, нелѣпымъ придаткомъ человѣческой жизни. Такимъ образомъ, вѣнцомъ ея желаній была изящная гостиная, роскошно обставленная и полная гостей.

— Но вы не можете ихъ не знать, нравится это вамъ или нѣтъ. Пожалуйста, только не обращайте вниманія на мой доктринерскій тонъ. Это одинъ изъ моихъ недостатковъ, а ихъ у меня очень много, въ чемъ вы не замедлите убѣдиться. Когда вамъ покажется, что пора меня осадить, сдѣлайте только знакъ.

— Не въ этомъ дѣло. Я хотѣла только сказать, что я слишкомъ насмотрѣлась на эту сторону жизни, и не могу не желать перемѣны.

— Какой?

— Я хочу яснаго неба, чистыхъ улицъ, хорошихъ людей.

— Откуда же возьмутся хорошіе люди при нашихъ порядкахъ?..

— Кто же поддерживаетъ эти порядки, хотѣла бы я знать?

— Тѣ, кто стоитъ на верху. Впрочемъ, нѣтъ, я не вполнѣ точно выразился. Скорѣе это вина тѣхъ, кто только выбивается наверхъ, кто не можетъ устоять противъ искушенія возвыситься на счетъ своихъ ближнихъ. Какъ вы думаете?

— Я думаю, что эта цѣль достойна борьбы за нее.

— А я такъ предпочитаю свою квартирку въ Айль-Догѣ. Это тоже интересное мѣсто. Есть что посмотрѣть: мачты кораблей, пришедшихъ съ вѣстями изъ самыхъ далекихъ странъ свѣта, большая пристань, гдѣ жизнь кипитъ и днемъ, и ночью, окрестные дома, биткомъ набитые народомъ... О чемъ хлопочутъ эти люди, что занимаетъ ихъ мысли, куда они идутъ?

— Не знаю, куда идутъ, но на мой взглядъ слишкомъ часто заходятъ по дорогѣ въ пивную.

— Не такъ часто, какъ вы думаете. Но долженъ сознаться, что этотъ соблазнъ для нихъ великъ. Вотъ тутъ-то и начинается красота, которою вы такъ дорожите. Съ этими людьми можно сдѣлать все, что угодно, и многое можно сдѣ-

лать для нихъ. Мы слишкомъ много говоримъ объ ужасномъ, но не замѣчаемъ того, что его можно устранить. Вы всегда можете облегчить чѣмъ-нибудь ихъ жребій, если только сумѣете взяться. Напримѣръ: законнѣйшее желаніе каждаго жить въ достаткѣ, желаніе, пожалуй. не менѣе сильное, чѣмъ имѣть джинъ и табакъ—вотъ и позаботьтесь о нихъ съ этой стороны. Мы погибаемъ отъ неправильнаго распредѣленія богатства; аристократія давно уже безнадежна въ этомъ отношеніи, среднее сословіе, пожалуй, еще хуже. Вся наша надежда на народъ, на новый англійскій народъ. Его мы призовемъ къ яркому свѣту соціализма.

— А остальные?

— Спасайте ихъ отъ самихъ себя, отъ пошлости, глупости и тщеславія. Заставьте ихъ почувствовать, что только мудрость и любовь могутъ дать міру безграничныя богатства, которыя должны быть и будутъ достояніемъ всѣхъ. Пусть богачи кричать, что ихъ грабятъ, не обращайте на это вниманія. Вопросъ слишкомъ серьезенъ, историческій ходъ событій не ждетъ. Каждый долженъ добиваться своего, но всѣ должны идти рядомъ, плечо къ плечу, богатый и бѣднякъ, какъ шли бы мы всѣ на призывъ: „отечество въ опасности“. Теперешній порядокъ вещей противенъ природѣ. Такъ не можетъ продолжаться...

Онъ замолчалъ. Потомъ весело засмѣялся.

— Простите, я часто не знаю удержу, когда начну говорить. Но дѣло въ томъ, что у каждаго мужчины есть страстишка къ спичамъ, въ каждомъ разговорѣ онъ ищетъ предлога, чтобы открыть фонтанъ своего краснорѣчія. Конечно, это говоритъ не въ мою пользу, и мнѣ остается только взывать къ вашей добротѣ.

Они дошли до станціи. Леонардъ взялся за ручку двери трамвая и продолжалъ:

— Я увѣренъ, что вы сумѣете помочь мнѣ, если только попробуете. Хотите, въ видѣ опыта, пойдемъ въ слѣдующую субботу въ какой-нибудь музей?

— Если вы только думаете, что я могу быть полезной...

— Я въ этомъ увѣренъ. И, наконецъ, въ худшемъ случаѣ вы увидите лишній разъ ваши любимыя картины.

— Мои любимыя... это картины изъ серіи рождественскихъ.

— Ахъ, вѣдь это въ одномъ изъ частныхъ музеевъ. Я разумѣлъ другія, тѣ, что въ Трафальгаръ-Скверѣ.

— То, что нравится всѣмъ, въ сущности ничье.

— А вы дѣйствительно увѣрены въ томъ, что картины, которыя вы такъ стремитесь увидѣть, нравятся вамъ больше

всѣхъ остальныхъ? Но, какъ бы то ни было, приходите посмотрѣть на *мои*...

Она еще колебалась. Трамвай тронулся какъ разъ въ ту минуту, когда онъ говорилъ: „Такъ въ субботу, въ два часа, въ вестибюлѣ Національной Галлереи?“

Надо было что нибудь отвѣтить. Отвѣтить „нѣтъ“ было всего короче, но тѣмъ не менѣе, она отвѣтила: „хорошо“. Развѣ можно противорѣчить такимъ людямъ?

Какъ только трамвай тронулся, показались въ виду два запоздавшіе пассажира. Они пустились въ догонку за нимъ и, не смотря на протестъ кондуктора, успѣли вскочить на площадку. Это были Сара и... какой-то мужчина. Положимъ, съ точки зрѣнія Сары, ея спутникъ удовлетворялъ всѣмъ условіямъ, ибо былъ въ лѣтахъ и казался весьма солиднымъ, но все же онъ принадлежалъ къ тому полу, отъ котораго она всегда открещивалась. Сюрпризамъ Сары положительно не будетъ конца! Она не замѣтила Пруденсъ, а дѣвушка, въ свою очередь, приняла мѣры, чтобы не столкнуться съ ней при выходѣ.

XXVI.

Сердце Пруденсъ сильно билось. Первый разъ въ жизни она гуляла въ обществѣ взрослаго мужчины. До сихъ поръ ея кавалеры были не старше старшихъ воспитанниковъ Итонской школы. Онъ ждалъ ее въ назначенномъ мѣстѣ и, очевидно, былъ въ другомъ настроеніи. Онъ казался такимъ же серьезнымъ, какъ и его пресловутые герои Айль-Догса. Она чувствовала, что онъ все больше и больше завладѣваетъ ея вниманіемъ. Повидимому, его характеръ такъ же богатъ оттѣнками, какъ море.

— Я хожу сюда по меньшей мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ,—сказалъ онъ.—То, что я здѣсь вижу, проясняетъ мои мысли, и я лучше понимаю красоту міра.

Пруденсъ подумала, какъ бы хорошо было имѣть такую галлерею у себя дома, но удержалась и не сказала этого вслухъ въ первую минуту, а потомъ всетаки сказала именно потому, что ей было непріятно чувствовать себя трусихой.

— Повѣрьте, если бы ваше желаніе исполнилось, вы бы и не заглядывали въ свою галлерею. Вѣдь главное, что дорого въ каждой частной коллекціи, это то, что ее можно показывать другимъ.

— А всетаки очень пріятно сознавать, что все это мое.

— Неужели вы находите удовольствіе въ чувствѣ собственника? Къ чему оно? На прошлой недѣлѣ я осматри-

валъ такую частную галлерею въ имѣніи одного изъ моихъ друзей. Онъ просилъ меня привести кое-кого изъ моей сѣрой публики, и, повѣрьте, ихъ визитъ доставилъ больше удовольствія хозяину, чѣмъ имъ самимъ.

Какъ только они взошли на лѣстницу, Леонардъ остановился.

— Станьте здѣсь и смотрите. Право, стоитъ. Этотъ музей—точно шкатулка, наполненная драгоцѣнностями. Вы, конечно, любите дѣтей? Вотъ вамъ Франчіа, взгляните на этихъ дѣтей: какъ живыя! А это маленькій сатиръ Тиціана. Видите, даже въ самой позѣ его—онъ стоитъ на ципочкахъ, какъ будто тянется къ чему-то—видно упоеніе красотой жизни. Потомъ мы осмотримъ ихъ по порядку. Когда вы въ слѣдующій разъ придете сюда одна, не забудьте вотъ эту группу красивыхъ мальчиковъ, дерущихся изъ-за розъ. Три такихъ картины въ одной галлереѣ! Ничего подобнаго вы не найдете больше нигдѣ.

Дѣвушка остановилась и присѣла на стулъ въ первой большой комнатѣ.

— Давайте, начнемъ смотрѣть всѣ картины, съ самаго начала,—сказала она.—Не находите ли вы, что это лучшее, что мы можемъ сдѣлать.

Цѣлое море оттѣнковъ открывалось взору. Ея взглядъ быстро скользилъ по комнатѣ, схватывая пока только общій видъ и не замѣчая деталей. Матовый свѣтъ, лившійся въ окна, нѣсколько смягчалъ пестроту картины. Все казалось идеально гармоничнымъ. Диссонансовъ не было.

Леонардъ наблюдалъ за ней, пока она восторженно созерцала, полузакрывъ глаза.

Потомъ они обошли всѣ комнаты, уже не представлявшія такого захватывающаго интереса по сюжетамъ картинъ. Впрочемъ, сюжетъ въ искусствѣ значитъ такъ же мало, какъ поступокъ въ жизни. Важна мысль, хотя бы зачатки ея. Только она и имѣетъ цѣну.

„Золотые часы на крыльяхъ ангела“—эта строфа разскажетъ намъ лучше всего объ ихъ прогулкѣ. Вся тяжесть жизни исчезла подъ вліяніемъ охватившаго ихъ чувства красоты. Въ первый разъ дѣвушка всѣмъ существомъ познала, какое счастье жить

Слишкомъ скоро, какъ имъ казалось, они вернулись подъ портикъ и смотрѣли внизъ на Трафальгаръ-Скверъ, блестѣвшій въ лучахъ зимняго солнца. Всѣ заботы отлетѣли прочь, они были счастливы.

— Сегодняшній день нашъ. Вы уже видѣли мою галлерею, теперь пойдемъ посмотримъ мою библіотеку. Но лучше прежде погуляемъ немного, что вы скажете на это?

Они пересѣкли Чэрингъ-Кроссъ-Скверъ, дошли до угла Гаймаркета и затѣмъ вернулись обратно. Пруденсъ шла, какъ во снѣ. Уличный шумъ звучалъ въ ея ушахъ, какъ колыбельная пѣсня.

Огромные отели, полные въ эти часы, конторы эмигрантовъ, соблазняющія своихъ кліентовъ обѣщаніями будущихъ благъ, даже большія географическія карты, висѣвшія въ ихъ окнахъ,—все это наводило на мысль о чемъ-то безграничномъ. Ей казалось, что она видитъ передъ собой не только Лондонъ, но и все, что лежитъ за нимъ.

Онъ поймалъ ея растерянный взглядъ и, вѣроятно, угадалъ, что испытаніе слишкомъ тяжело для нея. Поэтому онъ взялъ путь прямо къ Британскому музею. Дойдя до Нью-Оксфордъ-Стрита онъ почувствовалъ, или, вѣрнѣе, притворился, что чувствуетъ голодъ и вернулъ ее изъ области грезъ къ дѣйствительности, предложивъ зайти позавтракать въ одинъ изъ хорошо извѣстныхъ ресторановъ.

Сцены изъ „1001 ночи“ въ туманномъ Лондонѣ! Развѣ совмѣстимы съ ними такія прозаичныя вещи, какъ чашка кофе въ залѣ ресторана? Но не будемъ смѣяться надъ ней. Вѣдь это первая ея прогулка, первый ресторанъ. Пресыщенные удовольствіями люди, имѣющіе возможность тратить огромныя деньги на роскошные обѣды, могли бы позавидовать тому новому чувству, которымъ она была полна. Вся окружающая суматоха, снующіе взадъ и впередъ изящно одѣтые посѣтители, ученаго вида женщины, проходившія въ читальню, все это исчезло. Дѣвушка унеслась на коврѣ-самолетѣ въ далекую прекрасную страну.

Вскорѣ, однако, ея вниманіе было привлечено сдержанными звуками спорящихъ голосовъ, раздававшихся изъ сосѣдней комнаты и врядъ ли слышныхъ дальше того мѣста, гдѣ сидѣли она и Леонардъ.

Тамъ буфетчикъ, чистокровный бриттъ, отстаивалъ свое неотъемлемое право третировать лакея-иностранца, какъ существо зависимое. Пруденсъ первый разъ видѣла такое проявленіе національнаго спорта и поэтому возмутилась до глубины души.

— На этотъ разъ не удалось стянуть,—говорилъ буфетчикъ,—не повезло.

Съ того мѣста, гдѣ сидѣла Пруденсъ, буфетчика не было видно, но лакея она видѣла въ профиль, спокойнаго, неподвижнаго, вполнѣ владѣвшаго собой. Это былъ юноша очень приличнаго вида, несмотря даже на свой фракъ, казавшійся смѣшнымъ при дневномъ свѣтѣ. Онъ подавалъ буфетчику пенни, котораго не хватало въ представленномъ имъ счетѣ.

— Простите, сударь, упала на полъ.

— А сколько вы пенни крадете въ недѣлю этимъ способомъ?—спросилъ буфетчикъ съ видомъ побѣдителя.

Лакей покраснѣлъ, но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ. Стараясь сохранить спокойствіе, онъ отвѣчалъ еще тономъ ниже:

— Простите, сударь, просто случайность.

— Можете взять себѣ этотъ пенни, а вотъ вамъ и другой, въ придачу. Въ нашей скромной странѣ это называется подаркомъ.

Лакей, очевидно, колебался между двумя желаніями: ему хотѣлось задушить своего мучителя и не хотѣлось скандала. Въ концѣ концовъ, благоразуміе взяло верхъ.

— Благодарю васъ, сударь,—сказалъ онъ.

— А вотъ вамъ еще предупрежденіе въ придачу къ подарку. На будущее время такія „случайныя“ находки уже не будутъ поступать въ вашу пользу. Въ нашей странѣ этого не любятъ.

Лакей отвѣтилъ молчаніемъ.

Невозможно спорить съ такими людьми. Буфетчикъ замѣтно смягчился, отчасти, конечно, потому, что остался очень доволенъ своимъ остроуміемъ.

— Должно быть, вамъ не приходилось получать на чай въ вашемъ фестерландѣ.—И буфетчикъ громко расхохотался.

Окружающіе послѣдовали его примѣру.

Лакей улыбался тоже и, чтобы замаскировать свое смущеніе, принялся усердно смахивать со стола крошки хлѣба. За этимъ столомъ сидѣли двое: мужчина и дама.

— А какъ вамъ нравятся англичане,—спросилъ мужчина.

— Не могу сказать, я еще мало жилъ здѣсь,—уклончиво отвѣчалъ лакей.

— Постарайтесь скорѣе узнать насъ,—продолжалъ посѣтитель.—Въ первый же разъ, какъ будете свободны, съѣздите въ Портсмутъ. Сколько тамъ кораблей! Какъ разъ теперь тамъ вашъ германскій флотъ, пришелъ посмотрѣть на насъ, какъ на друзей. И гостиницъ въ Портсмутѣ много. Пускаютъ туда и друзей, и враговъ.

— Да, когда будете тамъ, не забудьте посмотрѣть на солдатъ конной гвардіи,—послышался женскій голосъ.

Звукъ этого голоса заставилъ Пруденсъ вздрогнуть и поскорѣе провѣрить себя, взглянувъ въ зеркало, висѣвшее напротивъ. Да, она увидѣла отраженіе сидѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ: миссъ Евы Сентъ-Гольміеръ и ея брата Реджинальда.

Она едва успѣла закрыть лицо газетой, какъ они прошли мимо нея къ выходу. Лакей, опять идеально корректный,

проводилъ ихъ и пошелъ къ другому посѣтителю, оставшись одинъ со своими думами.

— Самоувѣренность и наглость—вотъ что, къ сожалѣнію, больше всего дѣйствуетъ на толпу,—сказалъ Леонардъ.—Кто знаетъ, можетъ быть, этотъ лакей принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ почтенныхъ швейцарскихъ фамилій, которые содержатъ лучшіе отели въ Бернѣ и другихъ большихъ городахъ. Можетъ быть, помѣняйся они ролями съ этимъ хамомъ-буфетчикомъ, этотъ юноша не далъ бы ему чистить даже свои сапоги. Богатые швейцарцы часто посылаютъ своихъ сыновей служить за границей, чтобы дать имъ возможность изучить языкъ, нравы и обычаи чужихъ странъ. Когда мы научимся...

— Не забывайте, что „папа былъ изъ благородныхъ". Вѣдь такъ, кажется, выражалась миссъ Ева на вечеринкѣ у Сары?

XXVII.

На площадкѣ подлѣ музея они застали цѣлую ораву оборванныхъ дѣтей, въ смущеніи стоявшихъ передъ полисмэномъ.

— И тутъ дѣти,—сказалъ Леонардъ,—но только, вмѣсто итальянцевъ былого, современные маленькіе англичане. Тутъ меньше красоты, но все равно, посмотримъ на нихъ. Дѣти всегда забавны.

— Подождите,—обратился блюститель закона къ мальчику, который казался королемъ всего этого царства лилипутовъ, ибо былъ чуть-чуть повыше ростомъ, чѣмъ остальные.—Сколько васъ сегодня?

— Вотъ я, мой младшій братъ, вотъ этотъ, да еще...

— Стой, а вотъ эти три дѣвочки?

— Этихъ я не знаю, это не нашей компаніи.

— Радъ слышать. Дѣвочки могутъ пройти. А теперь говори: зачѣмъ тебѣ съ твоей компаніей идти въ музей?

— Мы хотимъ посмотрѣть картины.

— Здѣсь нѣтъ картинъ, вы не туда попали. Вотъ видишь, вамъ совершенно не зачѣмъ идти въ музей. И то на прошлой недѣлѣ вы уже начали было искать птичьихъ гнѣздъ среди мумій.

— Мы больше не будемъ,—робко сказалъ маленькій преступникъ и повѣсилъ голову, очевидно удивляясь, какъ подъ такой маленькой каскеткой, какъ у полисмэна, могло таиться столько прозорливости.

— Ладно, дѣвочки могутъ идти. А тебѣ съ твоей компаніей совѣтую просто побѣгать вокругъ парка, это полезнѣе.

Ему не пришлось даже подкрѣплять своихъ словъ выразительнымъ жестомъ. Безъ всякаго ропота и выраженій протеста дѣти повернулись и, отойдя нѣсколько шаговъ, пустились бѣгомъ.

— Лондонскій мальчишка, — сказалъ Леанордъ,—превосходный сырой матеріалъ для обработки, если только умѣючи взяться за него. Онъ близкій другъ лондонскихъ воробьевъ и не менѣе предпріимчивъ. Однако, пойдемъ за этими дѣвочками. Очень любопытно.

Навстрѣчу имъ попался старикъ, съ цѣлой группой спутниковъ. Они узнали въ немъ доктора и обмѣнялись съ нимъ поклонами. Три дѣвочки стояли съ безпомощнымъ видомъ въ большомъ залѣ, потомъ, повернувъ направо—въ сторону меньшаго сопротивленія – вошли въ комнату древнихъ манускриптовъ. Поглядѣвъ нѣсколько времени на старый латинскій молитвенникъ, старшая повернулась и хотѣла идти.

— И я хочу посмотрѣть,—прошептала младшая, хватаясь за ея платье.

Старшая вернулась, взяла ее на руки, приподняла, поднесла лицомъ къ стеклу и опять поставила на полъ. Потомъ продѣлала то же самое съ другой. Обѣ казались вполнѣ удовлетворенными.

— Здѣсь многое стоитъ посмотрѣть,—сказалъ Леонардъ.— Такъ не будемъ же терять времени.

Опять часы бѣжали. Египетъ, Греція, Ассирія проходили передъ ними. Какъ съ небесъ, они смотрѣли всѣ эти сокровища, отражавшія безпокойную, воинственную жизнь.

— Теперь вы поймете, почему я могу только жалѣть того человѣка, котораго судьба наградила такой частной коллекціей,—снова заговорилъ Леонардъ:—конечно, его деньги получили достойное примѣненіе, но всетаки что значитъ его галлерея, стоющая какихъ-нибудь полтораста тысячъ фунтовъ, въ сравненіи съ моей. Стоимость моей галлереи не меньше, чѣмъ полтора милліона, и каждый разъ, какъ я прихожу сюда, мнѣ кажется, что она возрастаетъ. Она моя, хоть я и владѣю ею наравнѣ со всѣми. Я не отдамъ моихъ Бахуса и Аріадну за всю его коллекцію. Чувство собственника,—послѣднее дѣло. Всѣ эти вещи—мои, въ такой же полной мѣрѣ, какъ если бы я выигралъ ихъ въ лотерею, или унаслѣдовалъ отъ какого-нибудь предка-пирата временъ Елизаветы.—Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ на дѣвушку.—Я сказалъ бы еще больше, но вы, кажется, не слушаете меня.

— Отчего вы это думаете?

— Вѣдь вы мнѣ ничего не возражаете.

— Что же я могу возразить? Я думаю тоже...

Ему пришлось долго ждать отвѣта. Наконецъ, она докончила:

— Что это мои картины, такъ же, какъ и ваши. —Это было именно то, чего ему хотѣлось.

— Нѣтъ, говорите ужъ лучше прямо „наши“,—сказалъ онъ.

— Согласна. Въ такихъ вещахъ, какъ и тогда, когда любуешься природой, глаза—это тотъ же документъ на право собственности.

— Бѣдный мой пріятель, коллекціонеръ! Вѣдь у него нѣтъ и Ванъ-Дейка, а у насъ имѣется даже Жанъ Арнольфини. Вѣдь такихъ картинъ у насъ никто не писалъ. Какимъ образомъ могло держаться наше отечество безъ этой отрасли, однимъ лишь механизмомъ директоровъ, секретарей, съ одной стороны, и мелкихъ тружениковъ—съ другой, я рѣшительно не знаю.

— А меня такъ это и не заботитъ.

— Вполнѣ естественно. Совершенно достаточно сознавать, что мы владѣемъ фризами Скопаса, лошадиной головой Фидія, ваяніями Праксителя, маіоликами Пезаро...

— Пощадите!

— Хорошо, но все же я долженъ прибавить сюда еще Портландскую Вазу, хоть вообще хвастовство не въ моихъ правилахъ. Что же касается драгоцѣнныхъ камней...

— Одна изъ моихъ подругъ добываетъ себѣ средства къ жизни этимъ ремесломъ,—перебила Пруденсъ.—Конечно, вы ее знаете. Ее зовутъ Лаура Бельтонъ, помните... у Сары?

— Да помню. Мнѣ ни разу не приходилось говорить съ ней, но исторію ея я знаю, и знаю, какъ вы, конечно, догадываетесь, изъ монологовъ той же Сары.

— Она такой молодецъ, такъ бодро смотритъ на жизнь.

— Не знаю, почему, но такіе люди меня раздражаютъ.

— Ею нельзя не восхищаться, — сказала Пруденсъ рѣшительно.

— Пусть такъ. Но въ данномъ случаѣ, вы, своимъ отступленіемъ въ сторону, выбили меня изъ колеи. О чемъ, бишь, я говорилъ?.. Ахъ да! вспомнилъ... Положительно достойна привилегіи великая идея отдать во всеобщую собственность эти прекрасныя вещи!

Долго еще они бродили по музею, не замѣчая, какъ летитъ время, и только наступившая темнота заставила ихъ вспомнить, что пора по домамъ.

Какимъ чуднымъ казался Пруденсъ весь этотъ день и какъ ново было для нея впечатлѣніе отъ этой богемы новой лондонской демократіи. Избранные люди, мужчины и

женщины, свободные, какъ птицы, такъ же хлопотливо свивающіе гнѣзда и, какъ птицы, парящія въ облакахъ, когда гнѣздо устроено, они олицетворяли собой богему нашихъ дней, не имѣющую ничего общаго со старой богемой питейныхъ домовъ, богемой падшихъ женщинъ, по уши погрязшей въ тинѣ пороковъ. Это богема природы, искусства, свободы, хорошихъ мыслей, великихъ дѣлъ. Сколько людей теперь стремится къ этому необходимому душевному равновѣсію и ради него безропотно переноситъ всѣ лишенія гдѣ-нибудь за прилавкомъ магазина или на рабочей скамьѣ. Всякаго, становящагося въ ряды этой рати Господней, можно назвать борцомъ за наступленіе лучшихъ дней. Въ этихъ рядахъ стоитъ и Гертруда, съ ея конькомъ правильнаго употребленія богатствъ, и Мери Ленъ, съ ея отвращеніемъ къ деньгамъ и святой нищетой. Ослѣпительный день для бѣдной дѣвушки, впервые познавшей величіе новыхъ идеаловъ. Безжизненная идея классовыхъ различій, въ которой она воспитывалась, окончательно завяла при пытливомъ изслѣдованіи. И это принесло ей радость. Не найдетъ ли она въ своемъ странномъ товарищѣ, въ этомъ сильномъ человѣкѣ—такимъ, по крайней мѣрѣ онъ ей казался—добраго друга и истиннаго духовнаго руководителя въ ея одинокой жизни?

Да, такъ и будетъ въ концѣ концовъ. Начало положилъ этотъ чудный день.

XXVIII.

Леонардъ исчезъ, отправившись въ одно изъ своихъ таинственныхъ путешествій и не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, но „Желѣзное Клеймо“ вышло въ опредѣленный день. Этотъ комаръ журнализма былъ теперь еще смѣлѣе и его неуклонное стремленіе къ своей цѣли—изображать грязную сторону жизни какого-нибудь одного маленькаго уголка—доставило ему огромную популярность въ странѣ. Оно расходилось въ тысячахъ экземпляровъ; его цитировали въ парламентѣ, въ прессѣ, на каѳедрѣ и иногда даже упоминали о немъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара.

Пруденсъ опять осталась одна, но она теперь жила настоящей жизнью, если только жизнь измѣряется интенсивностью чувствъ.

Она неутомимо посѣщала чтенія, лекціи, университетскіе рефераты. Отъ словъ кого-нибудь изъ знаменитыхъ людей Реджентъ Стрита ея сердце билось такъ же часто, какъ и въ

былое время на Лондонскомъ мосту, но теперь оно билось восторгомъ и надеждой.

Поразительное знаменье времени эти университеты для учащихся бѣдняковъ, которые хотятъ пробиться къ свѣту. Всѣ студенты горѣли новымъ желаніемъ: желаніемъ быть чѣмъ-нибудь, что-нибудь дѣлать, презирали злую судьбу, которая оставила ихъ на жизненномъ пиру безъ серебряной ложки, и надѣялись просвѣтиться свѣтомъ Данте, Мольера, Шекспира. Они готовы были послѣ трудового дня сдѣлать нѣсколько миль пѣшкомъ, лишь бы попасть въ классъ. Чтеніе дешевыхъ газетъ было первымъ толчкомъ, пробудившимъ въ нихъ жажду знанія. Каждый день они прочитывали газету отъ доски до доски. Газетная болтовня о происшествіяхъ, о мѣстахъ, о людяхъ, живыхъ и умершихъ, была для нихъ лишь первымъ этапомъ. Это изученіе мелочей приводило только къ желанію большаго, въ окончательномъ результатѣ.

Странный и загадочный видъ представляетъ такая аудиторія, полная оживленныхъ, вопрошающихъ лицъ, горящихъ, вдумчивыхъ глазъ, передъ которыми проходитъ исторія человѣчества, заполненная могучими образами прошлаго. Отмаршировать нѣсколько миль и столько же обратно, зачастую даже безъ надежды найти дома чашку чаю съ хлѣбомъ—это чего-нибудь да стоитъ! Великая радость—облекать въ прекрасныя формы этотъ сырой матеріалъ!

Эта сторона жизни тоже не ускользнула отъ вниманія „Желѣзнаго Клейма“.

„Самое популярное у насъ учрежденіе — это школы для рабочихъ, ищущихъ образованія не только для ремесла, но и для жизни“.

„Мы можемъ ожидать въ одинъ прекрасный день—и этотъ день наступитъ скоро — получить большой сюрпризъ, сюрпризъ не только для Англіи, но и для всего міра“.

„Это пророчество, или, вѣрнѣе, загадка. Предлагаемъ читателю отгадать, въ чемъ будетъ заключаться этотъ сюрпризъ“.

„Британскій рабочій идетъ въ школу. Это не даромъ. Это приведетъ къ... Но лучше пока помолчимъ, разгадка придетъ въ свое время“.

Многихъ изъ этихъ людей можно было встрѣтить разъ въ недѣлю, вечеромъ, въ одномъ соціалистическомъ клубѣ, извѣстномъ посвященнымъ подъ названіемъ „кружка“. Пруденсъ регулярно ходила сюда развлекаться — споры бывали очень интересны—и разъ пришла вмѣстѣ съ Лаурой. Лаура,

какъ всегда, была на высотѣ положенія, какъ по части туалета, такъ и по манерѣ держать себя. Такъ, по крайней мѣрѣ, она думала. Но на этотъ разъ она ошиблась. Ея изящный туалетъ подвергся жестокой критикѣ со стороны членовъ. „Кружокъ“ выработалъ свой типъ дѣвушки. Неизбѣжной частью ея костюма должна была быть простая блузка: когда-то ярко красная, теперь же полинявшая—отъ стирки, какъ говорили одни, или оттого, что полиняли убѣжденія, прибавляли другіе.

Для того и существовалъ этотъ кружокъ, чтобы блузки поскорѣе опять окрасились въ красный цвѣтъ...

Сегодня одинъ изъ членовъ—представитель молодой партіи кружка, долженъ былъ изложить свою политику постепеннаго приготовленія демократіи ко дню ея побѣды. Другіе должны были ему возражать. Лаура пришла послушать дебаты, просто изъ любопытства, которое у нея распространилось рѣшительно на все. Пруденсъ едва поспѣвала отвѣчать на ея вопросы. Всѣ были глубоко равнодушны къ тому, что митингъ происходилъ въ старомъ залѣ плохонькой гостиницы; но на двухъ дѣвушекъ зала произвела сильное впечатлѣніе, особенно на Пруденсъ, съ ея ненавистью къ реализму, подъ которымъ она, какъ большинство птенцовъ, разумѣла вообще все непріятное, и съ ея жаждой идеала и любовью ко всему романическому.

Маленькое общество адептовъ, мужчинъ и женщинъ, было собрано отовсюду: изъ модныхъ магазиновъ и конторъ газетъ, изъ-за прилавковъ и каѳедръ, изъ прислуги всѣхъ сортовъ. Группа учредителей, по праву давности, сидѣла впереди, противъ каѳедры лектора; остальные, по степени своего положенія и времени пребыванія въ кружкѣ, частью расположились на скамейкахъ, частью толпились въ дверяхъ. Въ числѣ публики было нѣсколько чиновниковъ, которые могли бы съ полнымъ правомъ сказать о себѣ, что ихъ десница, писавшая въ теченіе дня циркуляры, не знаетъ, что дѣлаетъ по вечерамъ ихъ шуйца, перелистывающая соціалистическіе манифесты.

Лекторъ поднялся на каѳедру. Онъ защищалъ новое теченіе англійскаго соціализма, его высокія цѣли, его глубоко жизненные методы, его громкіе лозунги, которые разрушатъ старыя стѣны общественныхъ предразсудковъ однимъ соединеннымъ усиліемъ всего англійскаго народа.

— Вы оставили старую пропаганду страсти и чувства и перешли къ экономикѣ,—говорилъ онъ.—Все ваше существованіе превратилось въ какой-то вопросительный знакъ. Псаломъ, по которому вы живете, взятъ изъ Синей Книги. Васъ заботятъ: система освѣщенія, воздухъ, санитарныя условія—

вещи, конечно, прекрасныя и необходимыя, — но далеко не приближающія насъ къ спасенію. Никогда не умолкаетъ крикъ о помощи, раздающійся днемъ и ночью изъ глубокихъ ямъ, вырытыхъ нашей соціальной системой. Вы пропускаете его мимо ушей, ибо глубоко запрятались въ свои норы. Выходите на свѣтъ Божій, вспомните старыя идеи, старые пути. Зажгите старый огонь, дайте дорогу благороднымъ, чистымъ порывамъ вашихъ сердецъ.

Когда онъ сѣлъ, раздались аплодисменты. Больше всего аплодировали женщины. Это было понятно: не столько то, что говорилъ лекторъ, сколько то, какъ онъ говорилъ, должно было вызывать сочувствіе женщинъ. За него были: молодость, спокойная увѣренность въ себѣ и лоскъ человѣка, литера́турно образованнаго.

Наступило для аудиторіи время вопросовъ. Они посыпались отовсюду, нетерпѣливые, часто язвительные. Это былъ какой-то взрывъ. Всѣ его мысли подвергались контролю, какъ въ книгѣ судебъ.

— Если я вѣрно понялъ, то лекторъ сказалъ... Какъ можно согласовать эту мысль съ... Скажетъ ли онъ намъ опредѣленно, что онъ разумѣетъ подъ словами...

Здѣсь была побѣда, или смерть. Нельзя было сдаваться на капитуляцію.

Лаура и Пруденсъ были въ восторгѣ. Всѣ ихъ симпатіи были на его сторонѣ. Обыкновенно онъ легко побѣждалъ своихъ оппонентовъ, и когда, въ спорѣ, забывая свою сдержанность, поддавался чувству гнѣва, то становился еще привлекательнѣе. Это былъ поединокъ ума, гдѣ каждый труизмъ давалъ оружіе въ руки противнику и каждое общее мѣсто было проваломъ.

Послѣ этой пытки вопросовъ, начались рѣчи. Группа членовъ-учредителей видимо рѣшила не сдаваться безъ борьбы. Одинъ за другимъ они нападали на лектора, не оставляя безъ возраженій ни одной фразы его рѣчи.

Въ сильномъ возбужденіи Пруденсъ поднялась было, чтобы защищать его, но нервы ея не выдержали такого испытанія. Языкъ не повиновался ей. Нѣсколько секундъ она простояла передъ вопросительными взорами всей аудиторіи и потомъ сѣла опять. Не сдѣлай она этого, силы покинули бы ее. Комната подернулась туманомъ и поплыла передъ ея глазами. Въ это время она почувствовала чье-то прикосновеніе. Кто-то совалъ ей въ руки флаконъ со спиртомъ.

Когда туманъ разсѣялся, она разглядѣла своего благодѣтеля. Это была женщина, тоже поднявшаяся было, желая говорить, но пропустившая свою очередь, чтобы имѣть возможность сдѣлать доброе дѣло.

— Благодарю васъ,—пробормотала Пруденсъ.— Надѣюсь я не слишкомъ привлекла на себя вниманіе.

— Это у васъ страхъ новичка-актера. Ничего, онъ пройдетъ.

Черезъ минуту милосердая самарянка опять получила слово и поднялась по знаку предсѣдателя. Она, очевидно, была рождена для трибуны. Ея рѣчь была и замѣчательно логична, и преисполнена чисто женской музыкальности интонацій; каждая мысль была строго закончена.

— Въ чемъ же заключается секретъ? — спросила Пруденсъ, когда ея сосѣдка усѣлась опять на свое мѣсто.

— Это нашъ общій женскій секретъ — самообладаніе, зоркій надзоръ за собой. Развѣ мы не учимся съ самаго момента рожденія подавлять страхъ, сомнѣніе, скорбь, пылая гнѣвомъ, оставаться спокойными?

— Да, мужчины этого не умѣютъ.

— Гдѣ имъ! По настоящему, слабый полъ не мы, а они.

Слѣдующій ораторъ былъ выдвинутъ партіей большинства. Это былъ человѣкъ съ орлинымъ носомъ, похожій на древняго римлянина; диссонансомъ являлось лишь стеклышко въ глазу, да фракъ, вмѣсто римской тоги. Это былъ одинъ извѣстный журналистъ и замѣчательный ораторъ. Только что онъ собрался разбить по пунктамъ рѣчь перваго оратора, но тутъ явилась неожиданная помѣха.

Какой-то сѣдобородый патріархъ, лѣтъ восьмидесяти, поднялся, желая тоже возражать и совершенно игнорируя то обстоятельство, что слово дано не ему.

Римляниннъ безпомощно посмотрѣлъ на предсѣтателя и съ сердитымъ видомъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Вы должны подождать, — обратился предсѣдатель къ выскочкѣ. — Васъ выслушаютъ, когда придетъ ваша очередь.

— Я ветеранъ социализма,—произнесъ бѣлобородый призракъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на предсѣдателя, ни на римлянина, ни на аудиторію. Если то, что онъ собирался сказать, было не монологомъ, то оставалось заключить, что онъ говоритъ со своей бородой.

Онъ имѣлъ видъ выходца съ того свѣта, но исторію его можно было угадать по тѣмъ немногимъ словамъ, которыя онъ успѣлъ произнести. Это былъ одинъ изъ старыхъ чартистовъ, вернувшійся въ міръ новыхъ доктринъ, новыхъ цѣлей, новыхъ людей.

— Я отдаю себя въ ваше распоряженіе, сударь, — обратился римляниннъ къ предсѣдателю, бросая сквозь стеклышко презрительный взглядъ на старика.

— Я былъ знаменоносцемъ и получилъ ударъ по головѣ

концомъ сломаннаго древка, — продолжалъ призракъ. — Это было у Вестминстерскаго моста. Вотъ и слѣдъ, посмотрите, если не вѣрите мнѣ,—и онъ указалъ костлявымъ пальцемъ на свою голову, гдѣ, между серебряными волосами, дѣйствительно виднѣлся шрамъ.—Тогда было время соціализма. А теперь?!

Римлянинъ усмѣхнулся и скрестилъ руки.

— И замѣтьте, вѣдь это пустой желудокъ свалилъ меня, а отнюдь не непріятель. Въ другое время я бы справился съ нимъ. Ни куска хлѣба, ни глотка супу за цѣлый день!

— Продолжайте!—послышались голоса. — Аудиторія хотѣла слушать. Предсѣдатель тоскливо улыбнулся, но вмѣшаться не рискнулъ.

— Что же двигало нами, вѣдь мы были люди? Мы алкали и жаждали соціализма. Были дни, когда наши делегаты ходили по всей странѣ, и это имъ не стоило ни гроша. Вездѣ ихъ принимали, какъ друзей. Спать приходилось въ темномъ углу комнаты бѣднаго коттеджа, прямо на полу. Половикъ служилъ одѣяломъ. Да, были дни. Сталъ ли соціализмъ лучше теперь, когда перешелъ въ богатыя комнаты? Я жалъ руку Роберту Оуэну въ свое время. Вотъ былъ человѣкъ!..

Предсѣдатель сдѣлалъ послѣднюю, отчаянную попытку: „Могу я замѣтить оратору, что вопросъ, который онъ поднялъ, къ дѣлу не относится?“

— Я не ставлю никакихъ вопросовъ,—свирѣпо отвѣчалъ призракъ.—Аудиторія хоромъ кричала: „Оставьте, пусть говоритъ!“

— Вы молодцы, товарищи, что и говорить,—продолжалъ старикъ, обращаясь къ переднимъ скамьямъ. — Вы далеко пойдете! Вы можете читать даже французскія книги и говорить по ученому. Все это такъ, но сумѣете ли вы постоять за ваши кровные интересы? Готовы ли вы бороться за нихъ? Почитайте-ка газеты, сколько нашего брата-рабочихъ возятъ въ больницы. Я читалъ сегодня „Таймсъ“; десятки изувѣченныхъ на работѣ: „Джонъ Самуилъ, котельщикъ, сломалъ ключицу; Бутлеръ, Джемсъ, рабочій, повредилъ руку“, — совсѣмъ, какъ послѣ битвы!—„Стуртъ, сапожникъ,—сотрясеніе мозга, безъ надежды на выздоровленіе“.

— Вопросъ...—началъ было предсѣдатель, съ тоской взглядывая на часы.

— Я подхожу къ нему. Знаете ли вы, почему вы можете спокойно сидѣть здѣсь и толковать о разныхъ вопросахъ?— Потому, что мы поработали въ свое время. Мы были побѣждены, но мы и побѣдили. Способны вы понять это, товарищи? Старый герцогъ не давалъ намъ пощады. Пушки на

всѣхъ мостахъ, солдаты позади, но насъ это не пугало... А почему не пугало? Потому что соціализмъ не былъ тогда еще этой — какъ вы ее называете — доктриной. Это была религія, къ ней относились съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ ходили въ церковь. Это была духовная пища, это была та же молитва Господня, хоть и пѣли ее на мотивъ „Марсельезы". Свобода, равенство, братство и... и права человѣка. Вы должны вернуться назадъ, къ тому времени всѣми помыслами своими, если хотите развернуть надъ землей знамя соціализма.

Онъ замолчалъ и, не прибавивъ больше ни слова, вышелъ, какъ призракъ. Толпа разступилась передъ нимъ, какъ будто затѣмъ, чтобы облегчить ему путь въ царство тѣней. Послѣднее, что услышали отъ него, былъ сухой кашель, когда уличный туманъ попалъ ему въ горло.

XXIX.

— Люціанъ! Люціанъ!—раздавались крики со всѣхъ концовъ комнаты.

Новая фигура поднялась со скамьи членовъ учредителей. Это былъ высокій человѣкъ скромнаго вида. Природа, казалось, списала его съ картины Веласкеца, сохранивъ и неопредѣленныя очертанія тѣла, и блѣдный оттѣнокъ волосъ и глазъ. Все въ немъ было сѣро и, какъ можно догадываться, такой же сѣрой была его душа.

Его приняли такъ радостно, какъ будто онъ пришелъ съ хорошими вѣстями. Всѣ засмѣялись, какъ только онъ всталъ и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь сказать. Продолжали смѣяться, когда онъ открылъ ротъ. Вся аудиторія была въ какомъ-то экстазѣ и нетерпѣливо ожидала его словъ.

Они не ошиблись въ разсчетѣ. Въ спорѣ изъ него сыпались молніи, какъ изъ грозовой тучи. Онъ отличался ироническимъ остроуміемъ, остроуміемъ сомнѣнія, критицизмомъ, легко разбивалъ чужіе доводы и все это дѣлалъ съ пріятной улыбкой. Казалось, онъ бралъ за шиворотъ своихъ оппонентовъ одного за другимъ и простымъ усиліемъ мысли бросалъ ихъ на полъ. Онъ съ нѣжностью говорилъ о только что ушедшемъ старомъ соціалистѣ, но слегка подсмѣивался надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ, проспавшимъ слишкомъ долго. „Религія?" — спрашивалъ онъ. — „Какая религія?". Энтузіазмъ... какой энтузіазмъ? Старикъ это призракъ умершаго и погребеннаго романтизма и идеализма, явившійся къ намъ изъ заоблачныхъ странъ. Романтизмъ — величайшая

ересь, ее нужно изгнать навсегда и изъ искусства, и изъ жизни.

Сначала Пруденсъ возмутилась до глубины души. Все, что она привыкла лелѣять съ дѣтства, какъ жизненный бальзамъ, все это безпощадно высмѣивалось этимъ человѣкомъ.

Рыцарство устарѣло. Идеализмъ—пустое слово; пора его замѣнить серьезнымъ изученіемъ естественныхъ наукъ, ибо только ими держатся человѣческія отношенія.

Пруденсъ готова была плакать. Ее насильно вернули въ холодную, мрачную страну, откуда, какъ ей казалось, она вырвалась навсегда. Положительно, эта теорія человѣческихъ отношеній создана тѣмъ, у кого чего-то не хватаетъ, точь въ точь, какъ если бы человѣкъ, лишенный рта, началъ говорить о вкусной пищѣ или лишенный носа—писать поэмы о благоуханіи прекрасныхъ цвѣтовъ.

То, что Леонардъ говорилъ въ музеѣ, пробудило въ ней новыя мысли, новыя надежды, и теперь все это разбивалось одной діалектикой неизвѣстнаго ей оратора. Жестокость сверкала въ его глазахъ, повидимому, онъ находилъ удовольствіе повергать въ прахъ... не людей, а идеалы. Но чѣмъ другимъ, если не идеалами она могла жить теперь, послѣ всего, что съ ней было, послѣ отчаянной борьбы изъ-за куска хлѣба, борьбы, которая предстоитъ ей и въ будущемъ.

Однако его блестящее остроуміе постепенно захватило ее. Какое ей дѣло до того, правду онъ говоритъ, или нѣтъ, разъ онъ говоритъ такъ увлекательно? Она стала смѣяться вмѣстѣ съ другими, не переставая въ то же время ненавидѣть его.

Когда онѣ съ Лаурой вышли изъ комнаты, то увидѣли Леонарда, который ждалъ ихъ у дверей.

Лаура узнала его, такъ же, какъ и онъ ее, хотя встрѣча съ ея стороны была горячѣе. Онъ привѣтливо поздоровался съ Пруденсъ.

— Я наблюдалъ за вами обѣими все время, хоть вы и не смотрѣли въ мою сторону,—сказалъ онъ.—Я все надѣялся, что вы посмотрите на меня, и только, услышавъ крики: „Люціанъ“, сдался и уступилъ ему мѣсто.

— Мы могли бы очистить вамъ мѣстечко возлѣ насъ,—сказала Пруденсъ.

— Все равно, я не могъ бы протолкаться къ вамъ. Слишкомъ уже много набилось народу.

— Я начала уже думать, что вы уѣхали куда-нибудь отдыхать,—сказала Пруденсъ.

— Нѣтъ, я не могъ забросить своихъ пріятелей такъ надолго.

— А какъ вамъ нравится этотъ господинъ. Я говорю о мистерѣ Люціанѣ. Что вы думаете о немъ?—сказала Лаура.

— Сначала пусть выскажутся дамы.

— Если только онѣ успѣли составить себѣ какое-нибудь опредѣленное мнѣніе. А если нѣтъ?.. Лучше всего, въ видѣ компромисса, послушаемъ, что говорятъ о немъ въ толпѣ.

— Хорошая мысль.

Выходящая толпа, естественно, говорила, только объ одномъ: о послѣднемъ ораторѣ. Многіе голоса звучали восторженно, точно обладатели ихъ вышли изъ заколдованнаго лѣса.

— Пришлось пропустить или трамвай, или Люціана. Хорошо, что я рѣшилъ пропустить трамвай.

— Да, этотъ бородатый старецъ нагналъ не меня изрядную тоску, и только Люціанъ развеселилъ меня немножко.

— Люціанъ хоть кого насмѣшитъ. Я, положительно, не могу удержаться отъ смѣха, когда слушаю его.

— Да онъ пребольно лягается, этотъ Люціанъ. Логика и самообладаніе изумительныя. Искры парадоксовъ такъ и сверкаютъ въ каждой фразѣ. Не думаете ли вы, что онъ призванъ спасти насъ, что онъ вѣрно понялъ суть дѣла?

— Какъ знать! Возможно...

— Этотъ человѣкъ типичный продуктъ нашего времени. Вѣдь недостаточно сказать, нужно еще умѣть заставить себя выслушать. О, тугоухая публика, какъ трудно завладѣть твоимъ вниманіемъ! Сколько великихъ людей умерло въ неизвѣстности!

— По моему, Люціанъ черезчуръ деспотиченъ. Онъ напоминаетъ мнѣ того корейскаго короля, который, въ пылу гнѣва, приказалъ „немедленно уничтожить всѣ національные пороки“.

— Это хорошій недостатокъ; тотъ, у кого его нѣтъ, похожъ на коробку фруктовыхъ консервовъ: сладко, но безвкусно.

Голоса замерли вдали.—Довольно съ насъ публики,—сказалъ Леонардъ.—Поговоримъ теперь сами.

— Начинайте, Пруденсъ,—сказала Лаура.—Я посмотрю. Я пропустила конецъ. „Продуктъ нашего времени“—вотъ на чемъ я остановилась.

— Чѣмъ же другимъ онъ можетъ быть?—сказала Пру-

денсъ, собравшись съ духомъ.—Современная система, естественно, выражается въ рѣчахъ современнаго талантливаго человѣка и выражается хорошо.

— Съ этимъ я не согласенъ,—возразилъ Леонардъ.—Въ данномъ случаѣ мнѣ даже казалось, что современная система забиваетъ талантъ. Впрочемъ, что говорить, всетаки онъ честный демократъ.

— Демократъ, испорченный гостиными,—сказала Пруденсъ.

— Любитъ популярничать,—прибавила Лаура.

— А вниманіе публики? Нельзя не дорожить имъ. Что-жъ будешь дѣлать?—возразилъ Леонардъ.—Это просто свойство кельтической расы. Конечно, большая храбрость совмѣщать служеніе дѣлу и своимъ интересамъ. Это то, что французы называютъ *crânerie*. Вспоминается старый Генрихъ Четвертый, положившій, какъ будто случайно, хлыстъ на столъ, когда къ нему вошла депутація отъ парламента.

— Вотъ что?—засмѣялась Лаура.—Начинаю думать, что я сама наполовину кельтъ. Спасибо за комплиментъ.

По мнѣнію Пруденсъ Люціанъ былъ замѣчательно остроуменъ, когда разбиралъ по косточкамъ бѣлобородаго старика-идеалиста.

— Вѣрно, ну, да тотъ и стоилъ того,—сказала Лаура.

Леонардъ.—Идеалистъ! Романтикъ! На это я вамъ скажу: если вы не идеалистъ и не романтикъ, то лучше не пускайтесь въ литературу и никогда не говорите передъ публикой. Да развѣ и самъ Люціанъ не идеалистъ въ своемъ родѣ?

Лаура.—А вы думаете, онъ самъ не знаетъ этого? Но, пока людямъ нужно шутовство, что же ему стѣсняться? Это не въ натурѣ человѣка.

Леонардъ.—Совершенно справедливо, мы всѣ этимъ грѣшимъ. Немножко шутовства у него есть, если хотите, но всетаки его мазь исцѣляетъ усталыя руки.

Пруденсъ.—Но приготовляетъ мазь не онъ, а аптекарь.

Леонардъ.—Да, но въ аптеку они не ходятъ, а Люціанъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все же много дѣлаетъ для народа.

Лаура.—Не находите ли вы, что вѣрнѣйшее средство прослыть геніальнымъ—это просто говорить то, что думаешь?

Леонардъ.—Да, но только это должно быть именно то, что вы думаете, а отнюдь не то, что вы хотите показать, что думаете. Когда человѣкъ говоритъ самъ съ собой, онъ никогда не говоритъ эпиграммами: „великіе люди разговариваютъ между собой", сказалъ Милле, когда ураганъ клонилъ къ землѣ деревья. „Я не знаю, о чемъ они говорятъ, но думаю, что не пускаются на каламбуры".

Лаура.—Люціанъ совершенно не заслуживаетъ такого обвиненія.

Леонардъ.—Я и не виню его. Впрочемъ, вы правы, заступаясь за него, вѣдь онъ ваша креатура.

Лаура.—Моя?

Леонардъ.—Да и ваша, какъ представительницы вашего пола. Нашъ вѣкъ—вѣкъ женщинъ. Ихъ спросомъ управляется предложеніе во всѣхъ родахъ искусства. Онѣ главные потребители произведеній поэзіи, живописи, музыки. Архидіаконъ церкви св. Іоанна—дамскій проповѣдникъ, Люціанъ—дамскій политико-экономъ, модный лекторъ Мейфэра—дамскій философъ.

— Ну, намъ здѣсь поворачивать,—сказала Лаура, подавая руку Леонарду.-Въ другой разъ поговоримъ еще, а теперь прощайте.

Черезъ минуту дѣвушки уже потеряли его изъ виду.

— Всетаки это лучше, чѣмъ зарываться въ свою нору,—сказала Лаура, прощаясь съ Пруденсъ.—По крайней мѣрѣ, чувствуешь себя живымъ человѣкомъ. Мнѣ онъ нравится.

— Который изъ двухъ.

— Оба.

XXX.

„Я вернулась въ городъ, дорогая Пруденсъ, и прошу васъ зайти ко мнѣ сегодня вечеромъ, хотя бы только для того, чтобы показать, что вы не сердитесь за мое долгое молчаніе. Вы должны придти изъ великодушія, чтобы дать мнѣ случай оправдаться передъ вами. Я слышала, что у васъ есть собака; приходите съ нею.

«И, если можете, узнайте, въ какой мѣрѣ можетъ быть мнѣ полезна та служанка, которая была у васъ. Теперь у меня есть прислуга, которая и стряпаетъ обѣдъ, и убираетъ комнаты, но, къ сожалѣнію, она иностранка и плохо справляется одна.

P. S. Ваша можетъ придти въ любой вечеръ, хоть сегодня же. Всего хорошаго.—Гертруда“.

На письмѣ былъ штемпель Грайсъ-Инна. Едва успѣвъ прочитать его, Пруденсъ написала Сарѣ, прося ее придти, чтобы узнать о новомъ мѣстѣ.

На нее пахнуло чѣмъ-то далекимъ, полузабытымъ. Итакъ, она опять встрѣтится со своей старой подругой, послѣ долгой разлуки, если не считать ихъ мимолетной встрѣчи въ Сити. Когда Пруденсъ вернулась изъ своего путешествія по провинціи, Гертруды въ городѣ не было, а въ „Желѣзномъ Клеймѣ“ появились какіе-то темные намеки на „новый куль-

Въ „уѣздномъ“ городѣ.

(*Изъ Англіи*).

I.

Объ Англіи на русскомъ языкѣ теперь имѣется большая литература. Переведены давно уже лучшія научныя, беллетристическія и поэтическія произведенія. Нѣкоторые англійскіе историки, философы, публицисты и поэты извѣстны лучше нашей публикѣ, чѣмъ на родинѣ. Стоитъ назвать только Бокля, Льюиса, Спенсера и Байрона. До извѣстной степени то же самое можно сказать о Диккенсѣ. Конечно, каждый англичанинъ состоитъ «въ подозрѣніи знанія» произведеній одного изъ величайшихъ беллетристовъ XIX вѣка. Въ дѣйствительности же большая публика знакома съ однимъ или двумя романами Диккенса, прочитанными въ дѣтствѣ да съ нѣсколькими цитатами, ставшими ходячей мелкой монетой и сдаваемыми ежедневно газетными публицистами, какъ показатель накопленнаго ими литературнаго капитала. Таково, напр., испуганное восклицаніе Бёмля въ *Оливерѣ Твистѣ*: «He wants more» (онъ хочетъ еще), остроты младшаго Уэллэра (*Пикквики*) и пр.

Существуетъ у насъ литература, посвященная различнымъ отдѣльнымъ вопросамъ экономической, политической и соціальной жизни Англіи. Переведенъ, наконецъ, цѣлый рядъ очень хорошихъ книгъ, задающихся цѣлью дать общую картину жизни народа. Тутъ и Тэнъ, и Луи-Бланъ, и Бутми, и Леклеркъ. И что же въ результатѣ? Растворился ли весь этотъ громадный и богатый матеріалъ въ массѣ большой публики (о народѣ нечего уже и говорить)? Въ лучшемъ случаѣ, средній обыватель у насъ знаетъ кое-что по отдѣльнымъ вопросамъ экономической и политической жизни Англіи: о парламентѣ, коопераціяхъ, университетскихъ поселеніяхъ, трэдъ-юніонахъ. Иногда онъ имѣетъ представленіе (и крайне одностороннее) объ Австраліи или Новой Зеландіи («Счастливые острова»). Вообще же, судя по всему, представленіе большой публики объ Англіи, несмотря на богатый матеріалъ, очень

смутное. Оно можетъ быть все формулировано извѣстными стихами Хомякова:

„Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой,
Какъ высоки пѣсенъ звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна".

Если представитель большой публики принадлежитъ къ почитателямъ «Новаго Времени» или «Свѣта», то его представленіе объ Англіи можно сжать въ два слова: «Коварный Альбіонъ». Но это между прочимъ.

Какъ живутъ въ Англіи рядовые, мирные обыватели, въ глухой провинціи, далеко отъ водоворота политическихъ страстей? Какъ сложилась ихъ будничная, повседневная жизнь? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ «Русскомъ Богатствѣ» была описана «Англійская губернія», т. е. центральный городъ графства. Попытаюсь теперь дать абрисъ глухого «уѣзднаго» городка. Мнѣ представляется сейчасъ же раскинутый, утопающій весною и осенью въ грязи степной уѣздный городъ А—я. По обѣимъ сторонамъ улицы, изъ которыхъ вымощена, да и то плохо, только одна— жалкіе, нелѣпые, безвкусные дома. При одномъ только взглядѣ на нихъ охватываетъ тоска. Въ городѣ около 20-ти тысячъ жителей; но они сами не знаютъ, зачѣмъ они живутъ и чѣмъ скрашена ихъ жизнь? Городъ извѣстенъ своей некультурностью и дикостью. Мѣстные остряки, покушающіеся на знаніе исторіи, прозвали А—ію Караколпакіей. Такъ какъ провинціальное остроуміе у насъ вертится вокругъ неприличнаго, то А—ія имѣетъ еще другое прозвище, состоящее изъ сочетанія двухъ словъ, французскаго и русскаго, глубоко національнаго и абсолютно нецензурнаго. Каракалпаки, кажется, никогда не жили тамъ, гдѣ теперь А., но во времена скиѳовъ, навѣрное, тутъ людямъ жилось умнѣе, интереснѣе и разнообразнѣе. Жизнь той части населенія города, которая могла бы устроиться лучше, исчерпывалась картами, пьянствомъ, дебошами и грубымъ развратомъ, вонючимъ и грязнымъ, какъ тѣ лужи на улицахъ, въ которыхъ валялись свиньи. Безсмысленная жестокость, полное неуваженіе къ чужой личности, поразительное невѣжество! Люди, считавшіе себя интеллигентными, ругались мерзкой бранью даже въ присутствіи своихъ женъ. Во всемъ городѣ получалась одна книжка толстаго журнала, шесть нумеровъ «Нивы» и двѣ газеты. Въ лавкѣ можно было достать шампанское самой лучшей марки, но во всемъ городѣ не было книжнаго магазина. При клубѣ имѣлась библіотека, но невѣроятно жалкая, съ истрепанными, разрозненными томами, съ романами, поля которыхъ

испещрены неприличными замѣчаніями и нецензурными пасквилями на дочерей и женъ обывателей. Въ клубѣ этомъ пьянствовали, играли въ карты и били другъ друга по лицу. Зажиточные люди жили въ грязи, не стыдились своего поразительнаго невѣжества. Иногда злой рокъ заносилъ въ А—iю бродячую труппу актеровъ. Господа офицеры тогда смотрѣли на всѣхъ молодыхъ актрисъ, какъ на свою добычу. Въ А—iи было и городское самоуправленіе, и земство; но большею частью его заполняли какіе-то господа каменнаго вѣка, хотя и одѣтые въ черные сюртуки и мундиры. Люди, считавшіе себя общественными дѣятелями, не умѣли выражаться литературно, но въ силахъ были поддерживать какой бы то ни было разговоръ, если дѣло шло не о картахъ, не о физіологическихъ особенностяхъ женщинъ, не о пьянствѣ и не о кавераахъ. Видный общественный дѣятель, который теперь предводительствуетъ тамъ союзомъ русскихъ людей, предлагалъ разъ «устроить публичную менструацію» (т. е. демонстрацію), если не «прогонятъ» врача, который не пришелся ко двору городу. Жизнь была тяжелая, угарная, липкая, скучная, прѣсная. На придачу надъ всѣмъ висѣла власть начальства, какъ злобная, дикая, разрушительная и не чуждая логики сила. Безъ начальства невозможно было повернуться. Оно всюду окружило обывательскую жизнь рогатками. А за этими рогатками виднѣлись другія, еще болѣе страшныя—губернскія власти. Обывателю онѣ казались сонмомъ кровожадныхъ чудищъ, съ свирѣпымъ и безсмысленнымъ въ своей жестокости Вицли-Пуцли-губернаторомъ во главѣ. Всѣ, имѣвшіе какое-нибудь право быть причисленными къ сонмищу начальства, занимались грубымъ, открытымъ грабежомъ смиреннаго обывателя и мужика. Въ городскомъ банкѣ воровали открыто. Всѣмъ было извѣстно, какъ берутся тамъ деньги. Полиція, «присутствіе»—всѣ грабили, совершенно не конспирируя. Митя Карамазовъ задаетъ щекотливый вопросъ Петру Ильичу, чиновнику молодому, способному и честному:

— Хотѣлъ я спросить тебя кстати: кралъ ты когда что въ своей жизни аль нѣтъ?

— Это что за вопросъ?

— Нѣтъ, я такъ. Видишь, изъ кармана у кого-нибудь, чужое? Я не про казну говорю, казну всѣ дерутъ и ты, конечно, тоже».

Мы въ Россіи къ этому такъ привыкли, что, только поживши за границей, начинаемъ ужасаться тѣмъ, что происходило на нашихъ глазахъ. Въ провинціи мы ежеминутно сталкиваемся съ форменными ворами, въ эполетахъ и въ вицъ-мундирахъ. Обыватель не только принималъ такихъ воровъ, но считалъ даже за честь знаться съ ними. Провинціальное начальство по отношенію къ народу представляло какую-то грандіозную грабиловку, форменную шайку въ родѣ той, къ которой попалъ Жиль Блазъ; но только тутъ роли перемѣнились. У Лесажа воры прятались въ под-

земельи, а мирные обыватели жили открыто. У насъ въ провинціи—мирные обыватели прятались, а воры жили открыто и получали въ награду на шею не веревку, какъ товарищи «seigneur Rolando», а Анны. Такъ было «до конституціи». Теперь въ «Каракалпакіи», которую я описывалъ выше, горшія времена, чѣмъ были въ годы набѣговъ ордынцевъ. Городъ превращенъ въ своего рода Уганду или Дагомею до пришествія европейцевъ, когда по капризу властелина воздвигались тамъ висѣлицы и устраивалась рѣзня народовъ. Невозможное осуществилось. Проекты, составленные когда то Щедринымъ, проводятся въ жизни. Провалову, Кривосудову и Хватайкѣ (герой капнистовской *Ябеды*) нужно было запрещать какихъ-нибудь сто двадцать лѣтъ тому назадъ подписываться въ прошеніи «рабъ». Ему нужно было втолковывать, что если его высѣкутъ, то это унизитъ его, какъ дворянина. Теперь внуки Хватайки съ апломбомъ говорятъ о себѣ, какъ объ исключительномъ классѣ, и требуютъ себѣ власти надъ народомъ. Когдато щедриновскій Петръ Толстолобовъ только мечталъ о «децентрализаціи» и «вооруженіи власти». «Децентрализацію» онъ понималъ такъ: «чтобы, значитъ, вездѣ, по всему лицу земли... по зубамъ, чтобы бить свободно было». Теперь проектъ расширенъ и осуществленъ въ жизни. Повелители 50-ти русскихъ Угандъ и Дагомей могутъ теперь свободно не только бить, но вѣшать, разстрѣливать, жечь города и *пытать* *). Когда-то корнетъ Толстолобовъ вожделѣлъ только на бумагѣ—«Уѣзды раздѣлить на округа (по четыре на уѣздъ), и въ каждомъ округѣ учредить изъ благонадежныхъ и знающихъ обстоятельства помѣщиковъ особливую коммиссію подъ наименованіемъ: «коммиссія для изслѣдованія благонадежности; членамъ сихъ коммиссій предоставить: а) опредѣлять степень благонадежности обывателей; б) дѣлать обыски, выемки и облавы и, вообще, испытывать; в) удалять вредныхъ и

*) Въ англійскихъ газетахъ „Tribune" и „Justice", затѣмъ во французской газетѣ „L'Humanité" появились точно формулированныя объявленія, которыя въ Англіи вызвали взрывъ страшнаго негодованія. Въ газетахъ этихъ говорится про пытки политическихъ заключенныхъ въ Ригѣ, Варшавѣ и въ Одессѣ. Въ особенности категоричны и обстоятельны обвиненія, приведенныя въ „Justice". Корреспондентъ этой газеты описываетъ застѣнокъ въ Ригѣ, называетъ пострадавшихъ, говоритъ о выбиваніи зубовъ, вгыканіи иглъ подъ ногти, вырываніи волосъ и сжиманіи при помощи клещей *testes*. Пытаемыхъ, по оловамъ „Justice", бьютъ резиновыми жгутами, носящими названія: „Божья милость", „Божья благодать" и проч. „L'Humanité" говоритъ о пыткѣ, которой подверглась въ Варшавѣ молодая дѣвушка Роткопфъ. Всѣ эти факты произвели на англичанъ потрясающее впечатлѣніе. „Неужели это правда?—слышатся вопросы.—Если это ложь, то почему ее не опровергаютъ? Если правда, то почему центральное правительство не отдаетъ немедленно подъ судъ организаторовъ застѣнковъ? Не можетъ же быть, чтобы правительство, объявившее войну Турціи за истязанія болгаръ, само планомѣрно ввело бы у себя такіе же ужасы". Впереди рядъ большихъ митинговъ.

неблагонадежныхъ людей, преимущественно избирая для поселенія мѣста необитаемыя и ближайшія къ Ледовитому океану». Теперь «власть вооружена» и можетъ сдѣлать не только это.

Изъ «Караколпакіи» мнѣ пишутъ о подвигахъ мѣстнаго властелина. И мнѣ кажется, что я читаю письмо не изъ Россіи, а докладъ Бертона, Спика или Стэнли о дѣлахъ въ центральной Африкѣ. Тотъ общественный дѣятель, который когда то призывалъ «устроить публичную менструацію», теперь—предсѣдатель мѣстныхъ «союзниковъ». Откуда только онъ набралъ свою шайку? По какимъ острогамъ, кабакамъ и балкамъ сидѣли прежде эти люди, которые теперь держатъ въ страхѣ провинціальный городъ. Это—та же опричина, только со значкомъ, вмѣсто собачьей головы и съ резиновымъ жгутомъ, вмѣсто метлы.

И, при чтеніи письма пріятеля, меня занималъ безпрерывно вопросъ: и какъ они живутъ въ «Караколпакіи» при такихъ ужасныхъ условіяхъ? Какъ городъ не разбѣжался еще, подобно тому, какъ уходили, два вѣка тому назадъ, колонисты «Дикаго поля», когда разносился слухъ о появленіи орды изъ Крыма. Обусловливается ли это тѣмъ, что двѣсти лѣтъ тому назадъ было куда убѣгать и гдѣ прятаться, тогда какъ теперь всюду бродитъ новая опричина со значками и жгутами?

Когда-то большіе города представляли безусловную защиту. Теперь бѣженецъ изъ Караколпакіи подвергается попасть изъ кулька въ рогожку, если изъ А. убѣжитъ въ Каульбарсію.

Самое страшное—нелѣпость и безсмысленность для центральной власти всей этой опричины, превратившей нѣкоторые наши провинціальные города, какъ, напримѣръ, Одессу, въ настоящій адъ. У баскаковъ, дравшихъ земщину на правежѣ, все же былъ опредѣленный планъ: выколачиваніе «выхода» (т. е. дани) для хана. Соловьевъ свидѣтельствуетъ, что съ первыхъ же лѣтъ татары, въ собственныхъ интересахъ, перестали раззорять русскія деревни и города, подчинившіеся ордѣ. Какая цѣль преслѣдуется при раззореніи собственной страны теперь? Какой смыслъ даже для деспотіи ломать всякій престижъ суда, уничтожать представленіе о справедливости, натравлять на мирное населеніе разбойничьи шайки?

Мнѣ хочется теперь хоть въ самыхъ общихъ чертахъ набросать картину англійскаго глухого города, какъ антитезу русскаго.

II.

Предварительно два слова о моемъ пріятелѣ, мэрѣ крошечнаго, очень стариннаго городка Шафтсбери, въ графствѣ Дорсетъ. Городокъ, что уже большая рѣдкость въ Англіи, лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ желѣзной дороги. Обусловливается это тѣмъ,

что древніе бриты, заложившіе городокъ еще въ IV вѣкѣ до Р. Х., выстроили его, съ стратегической цѣлью, на самомъ гребнѣ горы. Съ понятіемъ *мэръ* глухого, крошечнаго городка ассоціируется у читателя, вѣроятно, представленіе о городскомъ головѣ Куцынѣ въ чеховскомъ разсказѣ «Левъ и солнце» или о грубомъ, полуграмотномъ купцѣ, умѣющемъ только брать изъ общественнаго банка деньги подъ росписки кучера и свояченицы. И читатель будетъ совершенно не правъ. Мой пріятель—«джентельмэнъ», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, отлично образованный, мѣстный «сквайръ» и врачъ. Врачебной практикой онъ занимается, главнымъ образомъ, изъ любви къ дѣлу, такъ какъ въ матеріальномъ отношеніи онъ совершенно обезпеченъ. Года три тому назадъ пріятель былъ избранъ муниципальнымъ совѣтникомъ города, а въ этомъ году—мэромъ. Какъ предсѣдатель муниципальнаго совѣта, мэръ въ то же время и магистратъ, т. е. мировой судья. Англійскимъ муниципальнымъ совѣтникамъ нечего считаться съ волею представителя центральной власти въ графствѣ, т. е. съ лордомъ-намѣстникомъ, постъ котораго исключительно декоративнаго характера. Каждый англійскій городъ—самостоятельная, самоуправляющаяся единица. Не только лордъ-намѣстникъ, но даже премьеръ не имѣетъ права вмѣшиваться въ муниципальныя дѣла. Мэръ не нуждается въ утвержденіи начальства. Крошечный Шафтсбери фактически такая же муниципальная республика, какъ и въ VIII вѣкѣ, когда Альфредъ Великій выстроилъ вмѣсто языческаго храма бенедиктинскій монастырь. Теперь отъ аббатства остались только стѣны, такъ какъ самое зданіе разрушено во времена Кромвеля.

Гаррисъ,—такъ зовутъ мэра,—по взглядамъ радикалъ. Какъ это часто встрѣчается въ Англіи,—радикализмъ передается по традиціи въ семьѣ.

До Шафтсбери отъ Лондона—верстъ 200. Кончился душный, грязный, закопченный городъ, представляющій цѣлый океанъ каменныхъ домовъ. Океанъ этотъ съ каждымъ годомъ все больше и больше выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ поля кирпичными волнами новыхъ улицъ. Оффиціально Лондонъ является федеративнымъ союзомъ 29 самостоятельныхъ муниципалитетовъ съ центральнымъ парламентомъ—County Council, т. е. совѣтомъ лондонскаго графства. Въ дѣйствительности теперь трудно опредѣлить, гдѣ кончается федеральный союзъ и начинаются другіе города, тоже самостоятельные, какъ Ричмондъ, Кингстонъ, Теддингтонъ и др. Этотъ прогрессивный разливъ океана каменныхъ домовъ грозитъ превратить Лондонъ въ приморскій городъ: однѣ улицы его когда нибудь доползутъ до Нѣмецкаго моря, а другія—до Па-де-Калэ. Съ этой перспективой борется теперь, такъ называемая, Garden City Association, имѣющая цѣлью создать въ Англіи новый типъ городовъ, окруженныхъ садами. Проектъ былъ выработанъ въ началѣ двадцатаго вѣка. Каждый домъ идеальнаго го-

рода долженъ имѣть свой участокъ земли, не меньше, чѣмъ въ $^1/_{10}$ акра. Городъ долженъ быть окруженъ своими собственными огородами, полями и садами, чтобы жители имѣли постоянный подвозъ свѣжей провизіи. Въ идеальномъ городѣ фабрики не должны отравлять воздухъ дымомъ, а рѣку—отбросами. Затѣмъ городъ будущаго, конечно, долженъ отличаться удобствомъ сообщенія, хорошей канализаціей, дешевымъ освѣщеніемъ. Населеніе владѣетъ городомъ на кооперативныхъ началахъ, поэтому «незаработанное приращеніе» т. е. прогрессивно увеличивающаяся часть ренты идетъ не лэндлорду, а въ городскую казну. Такимъ образомъ, городскіе налоги по мѣрѣ роста населенія будутъ не увеличиваться, какъ теперь, а уменьшаться. Удобство Garden City, по мнѣнію составителей проекта, заключается еще въ томъ, что фермеръ будетъ имѣть постоянно обезпеченный рынокъ; вслѣдствіе обилія мелкихъ земельныхъ участковъ явится большая возможность для примѣненія труда; сельскіе работники получатъ всѣ удобства городской жизни. Таковы основныя черты первоначальнаго плана *). До появленія проекта въ Англіи дѣлали частныя попытки созданія идеальныхъ въ гигіеническомъ и санитарномъ отношеніи городковъ. Таковъ Port Sunlight, выстроенный на рѣкѣ Мерсей братьями Ливеръ, богатыми мыловарами; таковъ Bournville, выстроенный подъ Бирмингэмомъ квакеромъ Кэдбюри, извѣстнымъ шоколаднымъ фабрикантомъ. Душою Garden City Association явился Эбинезеръ Говардъ, книга котораго «To-Morrow» произвела въ свое время сильное впечатлѣніе. По иниціативѣ Говарда образовалось, наконецъ, общество съ капиталомъ въ 300.000 ф. ст. Года два тому назадъ оно купило близь Летчворта участокъ земли въ 3818 акровъ и приступило къ постройкѣ перваго кооперативнаго идеальнаго города. Въ настоящій моментъ дѣло обстоитъ такъ. Проведены вода и газъ, проложенъ дренажъ и построена временная желѣзнодорожная станція. Городъ распланированъ такъ, что фабрики стоятъ совершенно обособленно, при линіи желѣзной дороги. Выстроено больше 300 домовъ—особнячковъ, окруженныхъ садами. Всѣ эти дома разобраны уже. Въ городѣ имѣются уже лавки, почта, телеграфъ, телефонъ и два банка **). На послѣдней лондонской выставкѣ кооператоровъ можно было видѣть модели домовъ въ первомъ идеальномъ городѣ, поражавшіе своимъ изяществомъ, удобствомъ и дешевизной. Городъ разсчитанъ, главнымъ образомъ, на населеніе, живущее трудами рукъ своихъ: на работниковъ, клэрковъ и пр. Домикъ въ 5 комнатъ, хорошенькій, какъ игрушка, окруженный садикомъ, идетъ за 9—11 шил. въ недѣлю. Квартирная плата погашаетъ, въ концѣ концовъ, стоимость дома, и квартиранты становятся собственниками его.

---

*) Daily Mail Jear Book, 1905, p. 109.
**) См. Hazell's Annual, 1907, p. 183.

Лондонъ по положенію своему очень нездоровый городъ: дожди, туманы «Лондиніума» (древнее названіе города) и губительные восточные вѣтры, приносящіе съ собою бронхиты и простуды всякаго рода, извѣстны были еще Тациту. Затѣмъ на небольшой сравнительно площади скучены шесть милліоновъ человѣкъ. Все, повидимому, обѣщаетъ высокую смертность; но энергичное, талантливое, свободное населеніе поборolo неблагопріятный климатъ и болѣзни, порожденныя скученностью. При помощи отличной канализаціи, парковъ, луговъ для игръ, удобныхъ и комфортабельныхъ жилищъ, дешевой и здоровой пищи, дешевизны теплаго платья (послѣдствіе свободной торговли) англичане добились того, что въ нездоровомъ Лондонѣ коэффиціентъ смертности теперь отъ 13—16 на тысячу (въ зависимости отъ богатства квартала), тогда какъ въ благодатномъ Неаполѣ—29, а въ Москвѣ—далеко за тридцать. На послѣднемъ съѣздѣ британской ассоціаціи докладчикъ по секціи гигіены высказалъ увѣренность, что въ идеальныхъ городахъ смертность упадетъ до 11 и даже до 10 на тысячу. Идеальные города имѣютъ еще одну важную цѣль: охранять здоровье младенцевъ. По вычисленію Виктора Фишера *) смертность младенцевъ въ богатыхъ лондонскихъ семьяхъ составляетъ 8%, а въ бѣдныхъ—40%. Въ маленькихъ городахъ, населенныхъ зажиточными людьми, процентъ смертности еще ниже 8:

Въ Уимблдонѣ	7,2%
„ Бромлей	6,7
„ Гилдфордѣ	6,5

Рядомъ же въ городкахъ съ рабочимъ населеніемъ смертность гораздо выше:

Въ Мэкерфильдѣ	20,3%
„ Берслэмѣ	20,5%
„ Фарнуортѣ	22,8%

Такимъ образомъ, въ рабочемъ Фарнуортѣ ежегодно на 1000 младенцевъ умираетъ на 163 больше, чѣмъ въ зажиточномъ Гилфордѣ. Шелли когда то обращался къ англійскимъ работникамъ со стихами:

„The seed ye sow another reaps,
The wealth ye find another keeps;
The robes ye weave another wears;
The arms ye forge another bears".

(т. е. «Сѣмена, засѣваемыя вами, пожинаетъ другой; богатства, находимыя вами,—забираетъ себѣ другой; платье, которое вы ткете, носитъ другой; оружіемъ, выковываемымъ вами, пользуется другой»). Младенцы бѣдняковъ могутъ жаловаться также, что жизнь у нихъ отнимаютъ дѣти богатыхъ. Только радикальное переустройство общества на новыхъ началахъ можетъ устранить то явленіе, о

*) The Babies. Tribute to the Modern Moloch, London, 1907, p. 8.

которомъ говорится въ стихахъ Шелли; но право на жизнь можетъ быть гарантировано, до извѣстной степени, всѣмъ младенцамъ въ идеальномъ городѣ. Garden City доставляетъ всему населенію возможность получать дешевое и хорошее молоко. Насколько это важно, можно видѣть по примѣру двухъ сосѣднихъ лондонскихъ округовъ Батерси и Ламбегъ. Семь лѣтъ тому назадъ смертность дѣтей въ обоихъ округахъ была одинакова. Затѣмъ муниципалитетъ Батерси завелъ собственныя молочныя фермы и лавки съ стерилизованнымъ молокомъ. И вотъ смертность младенцевъ въ Батерси понизилась на 50%.

III.

Изъ окна вагона видны убѣгающія поля, покрытыя зеленью, несмотря на февраль. Мы въ самомъ сердцѣ земледѣльческаго раіона Англіи, на равнинахъ подъ городомъ Солсбри, уходящихъ на сѣверъ, гдѣ находится одинъ изъ самыхъ поразительныхъ памятниковъ каменнаго вѣка—Стонэнджъ. Это — циклопическая постройка, состоящая изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, поставленныхъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, и изъ такихъ же плитъ, лежащихъ на нихъ. Вся постройка образуетъ кругъ, въ центрѣ котораго лежитъ въ наклонномъ положеніи, подъ угломъ градусовъ въ 45, каменная плита сажени въ три. Это «Монаховъ каблукъ» (Friar's Hell), какъ его называютъ здѣсь. Въ аллеѣ изъ каменныхъ столбовъ, ведущихъ къ кругу, находится высокій, плоскій камень—«алтарь»,—подобный тому, на которомъ друиды, по словамъ Юлія Цезаря, приносили человѣческія жертвы. Археологъ д-ръ Тернхэмъ замѣтилъ, что если стать на алтарь и смотрѣть черезъ наклоненный камень «Монаховъ каблукъ», то можно видѣть восходъ солнца въ Ивановъ день (22 іюня). Этотъ день, какъ извѣстно, считался священнымъ у друидовъ, а также и у славянъ. Теперь Стонэнджъ остался каменной шелухой умершей давнымъ давно вѣры. Будетъ время, когда къ этому этапу человѣческой мысли прибавятся каменные обломки другихъ культовъ, волновавшихъ человѣчество и приносившихъ ему то радость, то величайшія несчастья. Въ дикой и невропатической поэмѣ, «Les Messes Noires», написанной, однако, съ большой силой, поэтъ Роланъ Бреванъ (Brévannes) предвидитъ смѣну установленнаго культа — другимъ, сатанинскимъ.

„Tu peux t'enorgueillir, Satan,
Ton pouvoir est immense,
Ton royaume s'étend
Du sein de cette glèbe où germe la semence
Jusqu'aux replis du coeur humain,
Où poussent passions et vices.
Tu seras seul maître demain“ *).

*) Roland Brévannes, „Les Messes Noires“, deuxième tableau, scène III

(т. е. «Ты можешь гордиться, сатана. Власть твоя безгранична. Царство твое простирается отъ снопа, въ которомъ зрѣетъ зерно, до закоулковъ человѣческаго сердца, гдѣ растутъ страсти и пороки. Завтра ты станешь единственнымъ властелиномъ»). Новый культъ, когда онъ явится, будетъ, однако, не поклоненіемъ сатанѣ, т. е. насилію. Довольно человѣчество имѣло его при прежнихъ культахъ! «Homo homini *Deus* est»,—такова вѣра, основанная на глубокомъ уваженіи къ чужой человѣческой личности. Новый культъ установитъ гармонію между тѣломъ и духомъ, нарушенную со времени гибели эллинскаго міра. Онъ опять освятитъ страсти. Въ этомъ отношеніи, авторъ «Les Messes Noires», пожалуй, правъ; но то будетъ культъ жизнерадостный, здоровый, разумный, добрый, а не мрачный, паталогическій, истеричный и жестокій, формулированный въ упомянутой поэмѣ стихомъ:

„Il n'est plus qu'une loi: Votre Lubricité"!

Я позволю себѣ не переводить этого восклицанія сатаны въ поэмѣ Бревана.

А изъ окна вагона по прежнему видны убѣгающія зеленыя поля, раздѣленныя рядами голыхъ деревьевъ и изрѣзанныя во всѣхъ направленіяхъ проволочными загородками. Можно подумать, что въ Англію прибило бурей нѣсколько свифтовскихъ великановъ, которымъ пришла охота сшить свои зеленыя одѣяла проволокой и покрыть ими равнину и холмы, а чтобы одѣяло не пузырилось вѣтромъ, его приткнули къ землѣ рядомъ палокъ...

Сонная станція Семли. Отсюда до Шафсбери нужно ѣхать на лошадяхъ. Меня встрѣчаетъ краснощекій, широкоплечій пріятель, выѣхавшій на станцію въ кабріолетѣ. По деревенскому положенію онъ въ гетрахъ изъ желтой кожи и въ красномъ жилетѣ съ золотыми пуговицами. Мы начинаемъ взбираться на гору, на которой двадцать три вѣка тому назадъ заложенъ городъ. Кругомъ идеальная тишина, особенно поразительная послѣ Лондона. Мирно и сонно стоятъ отдѣльныя фермы, обвитыя плющемъ. Совершенно не вѣрится, что здѣсь—арена цѣлаго ряда аграрныхъ возстаній. Здѣсь набирались крестьяне, съ которыми Кетъ Кожевникъ (Kett the Tanner) привелъ въ ужасъ всю помѣщичью Англію. Въ началѣ XIX вѣка тутъ происходили безпрерывные аграрные безпорядки. Сельскіе работники собирались по ночамъ на тайные митинги, помѣщики получали подметныя письма, наполненныя угрозами. Горизонты часто освѣщались пожарами: то горѣли подожженныя неизвѣстной рукой скирды, дома и амбары. Возмущеніе было подавлено. Вождей выслѣдили, арестовали и судили. Нѣкоторые поплатились жизнію, другіе—изгнаніемъ въ Австралію. Но что же нашли, когда все успокоилось?—говоритъ Гарніеръ.—Только то, что бѣдняки ненавидятъ богатыхъ, и что правительство не подозрѣваетъ всей серьезности кризиса. Прошло четырнадцать лѣтъ послѣ подавленія аграр-

ныхъ безпорядковъ. Правительство ничего не сдѣлало для народа *), и безпорядки вспыхнули съ новой силой. Правительству подашъ былъ цѣлый рядъ петицій, въ которыхъ доказывалась настоятельная необходимость радикальныхъ реформъ. Опять запылали скирды и риги въ графствахъ Кентъ, Сосексъ, Серрей и Дорсетъ... Въ столицѣ и въ провинціальныхъ городахъ на стѣнахъ появились прокламаціи, налѣпленныя неизвѣстной рукой. Содержаніе ихъ было всегда одно и тоже: «Къ оружію! Свобода или смерть!» Такая же литература подбрасывалась на ярмаркахъ и рынкахъ» **). Какъ давно все это было, и какъ сильно измѣнилась жизнь въ Англіи за 75 лѣтъ! Сословная, помѣщичья Англія, породившая столько страданій и несчастій—умерла. Народъ вырвалъ свою волю изъ рукъ помѣщиковъ. Теперь всѣ усилія направлены на то, чтобы вырвать также всю землю. Англичане долго приспособляются, прежде чѣмъ ухватятся и потянутъ. За то, разъ схватившись, не выпустятъ изъ рукъ. Чѣмъ больше сопротивленіе, тѣмъ въ большую ярость приходятъ тянущіе. Въ Англіи это извѣстно, и нужно отдать справедливость англійскимъ консерваторамъ: они всегда умѣютъ понять наступленіе того момента, послѣ котораго не отдавать становится не выгодно и опасно. Такъ было съ волей, то же самое будетъ съ землей.

Надвигалась ночь, сырая, туманная. Съ трудомъ можно было различить деревья, убѣгающія по откосу горы куда то въ темноту, какъ будто спасаясь отъ грустнаго настроенія, принесеннаго этой холодной, безпроглядной ночью. Незнакомыя пустынныя мѣста, ночью сразу, такъ сказать, снимаютъ съ воображенія барьеры, накопленные опытомъ. Фантазія безъ удержу вырывается со стремительностью горнаго озера, прорвавшаго сковывавшую его дамбу. Для фантазіи нѣтъ тогда границъ... А мы все ползли въ гору по великолѣпно устроенной дорогѣ. Вотъ, наконецъ, замелькали въ туманѣ огоньки города. Показались неясные силуэты домовъ. Лошадь пошла быстрѣе, и черезъ нѣсколько минутъ мы остановились у дома мэра. Гаррисы живутъ въ Шафсбери много вѣковъ. Ихъ домъ, во всякомъ случаѣ половина его, насчитываетъ уже четыре вѣка. Вторая половина—современная. Въ старинной части дома можно видѣть почернѣвшія, массивныя дубовыя лѣстницы, громадные камины, съ украшеніями изъ кованной красной мѣди, тяжелую, основательную и удобную мебель изъ краснаго дерева, затѣмъ различныя реликвіи. Здѣсь нѣтъ холодныхъ, не уютныхъ, скучныхъ, «парадныхъ» комнатъ, отпирающихся только для важныхъ гостей, въ родѣ архіерея или губернатора. Семья гостепріимна и держитъ нагоговѣ всегда двѣ-три комнаты для пріѣзжающихъ пріятелей; но англи-

*) Это было еще до перваго билля о реформахъ, когда вся власть находилась въ рукахъ помѣщиковъ.

**) „Russele M. Garnier“, Annalls of the British Peasantry, London, 1895: p. p. 273—274.

чане, прежде всего, думаютъ о томъ, чтобы самимъ устроиться удобно и уютно и совершенно не понимаютъ поэтому запертыхъ, холодныхъ и скучныхъ «парадныхъ» залъ. Старинная мебель поставлена не для того, чтобы нагонять тоску своею чопорностью, а чтобы удобнѣе располагаться возлѣ пылающаго камина. Мальчикъ лѣтъ девяти, съ красными щеками и веселыми глазами, которые можно видѣть только у англійскихъ дѣтей, не забитыхъ заточеніемъ въ арестантскихъ ротахъ, которымъ имя русская гимназія,—вызвался показать мнѣ отведенную комнату. Мы поднялись во второй этажъ, прошли корридоръ и вошли въ своего рода маленькую портретную галлерею, съ громадной кроватью и пылающимъ каминомъ. Подъ нѣкоторыми портретами на стѣнѣ висѣли старинныя шпаги, алебарды, какія то дубины и топоры, должно быть, австралійскихъ дикарей. Замѣтивъ, что я разсматриваю портреты, мальчикъ вызвался быть моимъ гидомъ. Въ старинномъ домѣ были традиціи, которыми гордились. Вотъ портретъ основателя дома—Фрэнсиса Реджинальда Гарриса, спутника адмирала Дрэка, знаменитаго моряка и корсара временъ Елизаветы. Изъ потемнѣвшей рамы глядѣлъ человѣкъ въ шишакѣ, въ латахъ, съ подстриженной клиномъ бородой. Френсисъ Гаррисъ былъ сначала шкиперомъ каботажнаго судна, но «узкое море казалось тюрьмой для духа, рожденнаго для широкихъ подвиговъ». Гаррисъ поступилъ помощникомъ къ Дрэку и былъ въ плаваніи на кораблѣ «Лебедь». На этой крошечной посудинѣ въ 50 тоннъ, на которой теперь не рѣшились бы удалиться отъ берега больше, чѣмъ на пять миль, Дрэкъ бороздилъ океанъ у береговъ «Испанскаго континента», какъ называли тогда Америку, приставалъ къ берегу и свершалъ отчаянныя экспедиціи въ глубь страны, къ испанскимъ городамъ. Вотъ алебарда, взятая при штурмѣ Nombre de Dios; вотъ эта шпага вырвана изъ рукъ испанскаго командора при штурмѣ Порто Белло. Но корсары не только грабили. Они дѣлали великія географическія открытія. И мальчикъ съ гордостью разсказалъ мнѣ, какъ предокъ его съ вершины высокаго дерева на Панамскомъ перешейкѣ видѣлъ два океана, Атлантическій и совершенно неизвѣстный тогда—Тихій океанъ, въ который черезъ два года послѣ того вошелъ черезъ Магелановъ проливъ на кораблѣ «Пеликанъ» въ 100 тоннъ. Традиціи говорятъ мальчику о гордомъ, смѣломъ и *свободномъ* предкѣ. Этотъ никогда не ползалъ на брюхѣ предъ прочими, не именовалъ себя рабомъ; ему не нужно было доказывать, что его сѣчь нельзя... Въ борьбѣ съ испанцами онъ былъ безпощаденъ; но то былъ только ударъ стали противъ стали. Гаррисъ участвовалъ въ разгромѣ великой армады, но ни онъ, ни Дрэкъ никогда не громили собственныхъ согражданъ. Это дѣлаютъ наши сухопутные адмиралы и полководцы, прославившіеся бездарностью, тупостью и трусостью подъ Мукденомъ. «Маленькій корсаръ», какъ прозвали Дрэка, скончался на кораблѣ у береговъ Вестъ-Индіи

Тѣло знаменитаго мореплавателя опустили на дно океана. По словамъ старинной баллады начала XVII вѣка:

«The waves became his winding-sheet: the waters were his tomb:
But for his fame, the ocean eca was not sufficient room»

(т. е. «Волны стали его саваномъ, а воды — могилой; что же касается славы его, то даже въ океанѣ не было достаточно мѣста для нея»).

Послѣ смерти Дрэка, Гаррисъ разстался съ моремъ и поселился въ Шафтсбери. Онъ выстроилъ тотъ домъ, въ которомъ потомки моряка живутъ до сихъ поръ. Рядомъ съ товарищемъ Дрэка со стѣны сурово глядѣлъ портретъ человѣка, съ длинными до плечъ волосами, съ громаднымъ шрамомъ поперекъ лица, съ выбитымъ глазомъ, закрытымъ повязкой, въ колетѣ изъ желтой кожи. Это—Альджеронъ Гаррисъ, одинъ изъ латниковъ Кромвелля, деревенскій сквайръ, присоединившійся къ парламентскимъ войскамъ, когда король измѣнилъ народу. Шрамъ и выбитый глазъ—послѣдствіе боя при Морстонъ-Мурѣ. А дальше портретъ внука его Перси Гарриса, одного изъ 320 политическихъ противниковъ стараго режима, повѣшенныхъ во время «кроваваго судилища» при Яковѣ II. Король и выполнитель его воли Джефрисъ желали терроромъ сдѣлать такъ, чтобы населеніе забыло про вольности, добытыя гражданской войной и снова приняло бы самовластіе. Джефрисъ послалъ въ изгнаніе 840 человѣкъ, а на эшафотъ—320. На окраинахъ королевства агенты Джефриса вооружали бродягъ, кабацкую рвань, воровъ и натравляли ихъ на людей, желавшихъ всю власть для парламента. Это называлось «протестомъ патріотовъ». *Кровавое судилище*, или Bloody Assize, до сихъ поръ поминается въ Англіи, какъ самая дикая форма безправія и произвола. Любой изъ тѣхъ полководцевъ, которые смерчемъ проносились не по непріятельской, а по собственной странѣ, разстрѣливая изъ пушекъ русскіе города и деревни, — превзошли Джефриса. Что, въ самомъ дѣлѣ, какихъ-то 320 казненныхъ и 840 сосланныхъ, тогда какъ у насъ жертвы считаются тысячами. Въ сравненіи съ Меллеромъ-Закомельскимъ, Ренненкампфомъ, противъ котораго выставляются такія тяжелыя обвиненія въ книгѣ Куропаткина или Каульбарсомъ, судья Джефрисъ — добродушный человѣкъ. Нужно прибавить еще, что Джефрисъ только казнилъ: онъ не вводилъ пытку, не устанавливалъ застѣнковъ. Резиновые жгуты для перебиванія реберъ, щипцы для сжиманія testes, зажимные винты для ногтей—изобрѣтеніе нашихъ собственныхъ Джефрисовъ. Удалось ли при помощи «кроваваго судилища» терроризировать страну? Каждый мальчикъ въ Англіи знаетъ, какая непріятность приключилась съ Яковымъ II, и какъ Джефрисъ, переодѣвшись матросомъ, хотѣлъ бѣжать, но былъ узнанъ и посаженъ въ Тоуэръ, чтобы спасти судью отъ народа.

Старый домъ былъ не только выстроенъ прочно. Въ немъ жили также традиціи про людей съ гордымъ духомъ, съ сильнымъ характеромъ и съ желѣзной волей, не умѣющей совершенно гнуться предъ кѣмъ бы то не было. Дорожа своей свободой, они цѣнили чужую свободу.

IV.

Шафтсбери—городокъ съ двумя съ чѣмъ-то тысячами жителей, лежащій въ самомъ центрѣ земледѣльческаго района. По аналогіи читателю представляется, вѣроятно, уѣздный городъ «съ сказочнымъ существованіемъ», въ родѣ того, какой описывалъ Глѣбъ Успенскій (напр., «Наблюденія Михаила Ивановича» или «Неизлѣчимый»*); народъ, въ которомъ къ звѣринымъ нравамъ присоединяется еще лютая нищета.

— Какъ же вы живете то?—спрашиваетъ авторъ.

— Да Богъ ее знаетъ какъ!—отвѣчали мнѣ.

— Да какъ же именно?

— Да такъ вотъ именно, что кое-какъ...

— Толчешься будто вокругъ пустого мѣста,—объяснялъ болѣе обстоятельно понимавшій дѣло житель:—ну, ан-но, будто и пропитываемся, въ родѣ какъ пропитаніе.

— Покуда Богъ грѣхамъ терпитъ, то и живы!—объяснилъ другой, болѣе скромно глядѣвшій на дѣло обыватель...

«Словомъ, существованіе этого люда было, безъ всякаго преувеличенія, сказачное, фантастическое. «Какъ Богъ пошлетъ» и «коли пошлетъ Богъ!»—вотъ что они по сущей справедливости могли бы объяснить въ разгадку этого существованія».

Шафтсбери—чистенькая, хорошенькая игрушка, настоящій городокъ въ табакеркѣ. По откосу горы сползаютъ узкія, мощеныя, освѣщенныя газомъ улицы, обстроенныя старинными, чистенькими домами, съ острыми, красными черепичными крышами. Съ вершины холма, гдѣ стоитъ на каменномъ станкѣ разбитая севастопольская пушка, видна еще другая улица, идущая значительно ниже. Она вся состоитъ изъ домиковъ-коробочекъ, въ 3—4 комнаты. Тамъ живутъ ремесленники, а дальше — тянутся фермы. Нигдѣ ни одной фабричной трубы. Въ городкѣ и окрестностяхъ осталось только то населеніе, которое такъ или иначе живетъ отъ земли; остальное перекочевало или въ большіе центры (главнымъ образомъ, въ Лондонъ) или за океанъ, въ Канаду, на вольныя земли. И тамъ, на периферіяхъ великой имперіи, возникаютъ новыя демократіи, мощныя, энергичныя и свободолюбивыя. Шафтсбери, какъ я сказалъ уже, представляетъ, какъ и всѣ англійскіе

*) Напр., разсказъ солдата про то, какъ онъ и Матвѣевъ стегали черезсѣдельникомъ Лукерью (Соч. Г. И. Успенскаго, т. I, стр. 326).

города, самостоятельную, самоуправляющуюся единицу. На улицахъ нельзя совершенно встрѣтить «мундирныхъ» людей. Здѣсь нѣтъ ни солдатъ, ни правительственныхъ чиновниковъ. Англичанинъ рождается, живетъ и умираетъ, не находя иногда на всемъ протяженіи своего земного пути никакой надобности въ встрѣчѣ съ представителями администраціи, если не считать «регистратора», т. е. кларка, отмѣчающаго рожденіе, вступленіе въ бракъ и смерть. Контора «регистратора» даже въ Лондонѣ помѣщается въ частной квартирѣ. Нужно представить себѣ самую обыкновенную скромную англійскую гостиную, безъ всякихъ признаковъ, что это «присутствіе»: ни символовъ въ видѣ зерцала, ни портретовъ «особъ» на стѣнѣ, ни пришпиленныхъ къ обоямъ росписаній, ни заплеваннаго пола, ни неизбѣжныхъ столовъ, залитыхъ чернилами, ни дежурныхъ городовыхъ и приставовъ, ни грубыхъ, наглыхъ «письмоводителей», которыхъ расшевелить можно только взяткой. За письменнымъ столомъ, въ креслѣ, сидитъ «регистраторъ», одѣтый, какъ и всѣ, а не въ ливрею съ дурацкими пуговицами и кусками позументовъ на плечахъ. Регистраторъ отмѣчаетъ въ книгѣ всѣхъ родившихся. Не нужны ни свидѣтели, ни документы, ни паспорта. Отецъ ребенка приходитъ и заявляетъ, что у него родилось тогда то дитя такого то пола, названное такъ то. И регистраторъ отмѣчаетъ все это. Ему не интересно знать ни національности, ни вѣры отца. Заявленіе, что ребенокъ рожденъ въ законномъ бракѣ принимается отъ отца на слово. Вся процедура регистраціи рожденія производится въ три-четыре минуты. «Какъ же безъ документовъ? — спроситъ читатель, привыкшій къ русскимъ правиламъ.—А если человѣкъ обманетъ?»

— Зачѣмъ?—спроситъ англичанинъ.—Какая надобность въ такомъ обманѣ, если нѣтъ ни привилегированныхъ сословій, ни господствующей національности. Родители, если хотятъ, могутъ потомъ окрестить ребенка, обратить его въ іудейство, магометанство или буддизмъ. Это ихъ частное дѣло, которымъ государство совершенно не интересуется. Ребенокъ долженъ быть записанъ у регистратора,—вотъ единственное требованіе, предъявляемое родителямъ. При поступленіи въ школу не требуются никакіе документы. Отецъ только подписываетъ печатный бланкъ, что опредѣляетъ въ училище своего сына такого-то, столькихъ то лѣтъ. Опять заявленіе отца принимается на слово. Тотъ же регистраторъ отмѣчаетъ, что такіе то вступили въ бракъ. Опять не нужны совершенно документы. Необходимъ только *одинъ* свидѣтель, который торжественно заявилъ бы, что знаетъ вступающихъ въ бракъ, какъ людей, не связанныхъ брачными узами *). Церемонія совершается въ

---

*) Если показанія были не вѣрны, то потомъ отвѣчаетъ свидѣтель. Его привлекаютъ къ суду за ложную присягу, что грозитъ очень суровымъ наказаніемъ.

5—10 минутъ. Если вступающіе въ бракъ люди вѣрующіе, они потомъ могутъ отправиться въ церковь, мечеть, синагогу или въ храмъ какой-нибудь новой вѣры. Это опять-таки частное дѣло, не касающееся государства. Регистраторъ не спрашиваетъ, какой вѣры вступающіе въ бракъ. Регистраторъ же отмѣчаетъ смерть и выдаетъ свидѣтельство на разрѣшеніе хоронить; но тутъ требуется удостовѣреніе врача о причинѣ смерти. Вотъ весь циклъ жизни, при чемъ ни разу не представляется надобности ни въ «документѣ», ни въ знакомствѣ съ представителями администраціи. Англичанинъ путешествуетъ по всему свѣту и, если не ѣдетъ въ Россію или въ Турцію,—паспортъ ему совершенно не надобенъ.

Такъ обстоитъ дѣло въ Лондонѣ, а тѣмъ болѣе въ маленькомъ Шафтсбери. Въ «Municipal Year book», гдѣ указаны представители власти во всѣхъ англійскихъ городахъ, подъ рубрикой Шафтсбери приводятся слѣдующіе «chief officials»: городской клэркъ (т. е. регистраторъ), землемѣръ и онъ же санитарный инспекторъ, городской врачъ и казначей. Вы видите, что на «чиновничьемъ Олимпѣ» въ англійскомъ «уѣздномъ» городѣ просторно. А полиція? Первымъ дѣломъ на другой день моего пріѣзда я пожелалъ осмотрѣть ее. Со мной отправилась свояченица мэра, гостившая также у него. Мы запаслись визитной карточкой нашего хозяина. «Участокъ» помѣщается въ крошечномъ чистенькомъ домикѣ изъ краснаго кирпича, обвитомъ плющемъ. О томъ, что это полиція, говоритъ только объявленіе о вербовкѣ, съ изображеніемъ солдатъ и матросовъ, помѣщаемое въ Англіи на дверяхъ каждаго участка. Вся полиція состоитъ изъ трехъ полисмэновъ и одного «инспектора». Одинъ «бобби» въ полномъ парадѣ, застегнутый на всѣ пуговицы, въ бѣлыхъ шерстяныхъ перчаткахъ ходилъ по улицамъ; другой, въ форменной курткѣ, но въ жокейской шапочкѣ старательно ваксилъ сапоги, очевидно готовясь на дежурство. Третій спалъ, такъ какъ караулилъ ночью. Явился «инспекторъ», т. е., по нашему, приставъ, въ форменной фуражкѣ, но въ штатскомъ пальто.

— Русскій туристъ, гостящій у мэра, желаетъ сравнить города его родины съ англійскимъ провинціальнымъ городомъ,—отрекомендовала меня спутница.

Полиціи, повидимому, не много работы въ Шафтсбери. Тюрьмы здѣсь нѣтъ, а при полиціи имѣются только три камеры, всѣ пустыя. Онѣ были тщательно выбѣлены, на постеляхъ лежали свернутые соломенные матрацы, простыни и одѣяла. Недоставало только заключенныхъ.

— Послѣдній случай былъ пять мѣсяцевъ тому назадъ,—объяснилъ инспекторъ,—во время муниципальныхъ выборовъ. Перси Блоаръ подрался съ Патрикомъ О'Мара и подбилъ ему глазъ. Оба сильно выпили. Мы посадили Блоара въ камеру, но на другой день магистратъ нашелъ, что дѣло можно прекратить. О'Мара

сказалъ, что и теперь считаетъ Блоара своимъ другомъ, а Блоаръ выразилъ сожалѣніе по поводу подбитаго глаза. При мнѣ, — конфиденціально продолжалъ инспекторъ, — преступленія въ Шафтсбери почти совершенно исчезли. Здѣшніе граждане въ лицѣ полиціи имѣютъ вѣрныхъ служителей.

Я едва сдержалъ улыбку: мнѣ вспомнилась сцена изъ *Ревизора*. Русскій полицеймейстеръ тоже похвастался бы передъ иностранцемъ, но выразился бы иначе, въ родѣ, напримѣръ, Сквозника Дмухановскаго: «Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то-есть, пользѣ, а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностью заслужить вниманіе *начальства*». Англійскій инспекторъ служитъ *гражданамъ*, русскій—*начальству*, противъ гражданъ. Въ этомъ вся разница.

Желая показать намъ всѣ достопримѣчательности, инспекторъ вытащилъ коробку съ валикомъ, краской и форменной бумагой для отпечатковъ пальцевъ. Но такъ какъ практиковаться приходилось не часто, то, повидимому, инспекторъ имѣлъ нѣсколько смутное представленіе о процедурѣ.

Полиція находится подъ контролемъ только муниципалитета и мэра. Центральная власть не имѣетъ никакого отношенія къ инспектору. Вечеромъ, желая выяснить одинъ пунктъ, крайне щекотливый для русской полиціи, я задалъ пріятелю вопросъ, беретъ ли здѣшняя полиція взятки?

— Если какой-нибудь обыватель устраиваетъ вечеръ, и бобби при разъѣздѣ сзываетъ кареты, ему иногда даютъ шиллингъ,—отвѣтилъ мэръ.

— Нѣтъ, это будетъ «tip» (на чай), а я спрашиваю о взяткѣ.

— То-есть вы спрашиваете, получаетъ ли полисмэнъ деньги за свершеніе противозаконныхъ дѣяній?

— Ну, да!

— Нѣтъ, въ Англіи это невозможно. Дѣятельность полиціи точно опредѣлена. Въ этихъ предѣлахъ полиція не можетъ брать денегъ, потому что все равно дѣло выяснится на другой же день у магистрата. Такъ какъ это обстоятельство хорошо извѣстно, то никто не предложитъ полицейскому взятки.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи нѣтъ богатыхъ оброчныхъ статей нашей полиціи: нѣтъ паспортной системы, легализированной проституціи и «домовъ» непризнанныхъ сектъ *), «черты осѣдлости», представляющей для нашихъ охранителей порядка своего рода клондейкскіе пріиски. Нѣтъ возможности облагать данью трактиры и домовладѣльцевъ (подъ угрозой «составить протоколъ»). Такъ какъ въ Англіи существуетъ независимый и открытый судъ, а не

---

*) Нужно вспомнить, какую массу денегъ платятъ полиціи за право существованія, напр., скопцы.

недостойная пародія, какъ у насъ, то англійская полиція не можетъ вступать въ союзъ съ крупными ворами и покровительствовать имъ, какъ происходитъ это у насъ на югѣ. И въ Шафтсбери полисмэнъ живетъ на 25 шиллинговъ жалованья въ недѣлю, а инспекторъ—на 2 фунта въ недѣлю (80 руб. въ мѣсяцъ). У насъ, въ Одессѣ, напримѣръ, всѣ квартальные надзиратели получаютъ 50 руб. жалованья въ мѣсяцъ; но до такой степени умѣютъ экономничать, что не только держатъ лошадей и проживаютъ по 6000 руб. въ годъ, но покупаютъ имѣнія и дома. Въ короткій періодъ свободъ, когда одесская печать освободилась на нѣсколько дней отъ цензуры, въ одной изъ мѣстныхъ газетъ были приведены любопытныя данныя, показывающія, какіе изумительные результаты даетъ «экономія». Въ Одессѣ нѣтъ пристава, который въ 3 — 4 года не сберегъ бы большого состоянія и не купилъ бы имѣнія изъ 75 рублеваго жалованія. Одесса не представляетъ исключенія. Такіе люди пойдутъ рѣшительно на все, чтобы спасти порядокъ, при которомъ имъ живется такъ хорошо.

V.

Послѣ осмотра полиціи, я отправился въ Workhouse, въ рабочій домъ. Времена Диккенса отошли уже въ область преданій. Рабочій домъ въ Шафтсбери не совсѣмъ напоминаетъ workhouse, описанный въ романѣ *Оливеръ Твистъ*. Подъѣздъ, обвитый плющемъ, передняя, устланная матами, отсутствіе мундирныхъ людей, чистота,—все это отличаетъ рабочій домъ отъ того «дома ужаса», о которомъ мечтали въ XVIII вѣкѣ сквайры, ограбившіе крестьянъ и превратившіе ихъ въ нищихъ. Workhouse имѣетъ четыре отдѣленія: для стариковъ, старухъ, дѣтей, наконецъ, ночлежка для бродягъ или «casual ward». Старики и старухи помѣщаются въ длинныхъ палатахъ, въ каждой изъ которыхъ около 12—14 желѣзныхъ постелей, съ матрацами, простынями и одѣялами. Простыни мѣняются разъ въ недѣлю. Полъ чисто вымытъ. Въ большомъ каминѣ пылаетъ огонь. Стѣны оклеены чистенькими обоями. Старики и старухи одѣты чисто. Нѣкоторые лежали въ постели, другіе сидѣли съ трубочкой или съ чашкой чая у камина. Глубокая ненависть, которую питаютъ англійскіе работники къ рабочему дому, обусловливается не скудостью питанья, не неудовлетворительной обстановкой, не плохой одеждой. Пища въ рабочемъ домѣ удовлетворительна *), помѣщеніе теплое, а одежда — прилична. Нена-

*) На завтракъ, напр., находящіеся въ рабочемъ домѣ получаютъ шесть унцевъ бѣлаго хлѣба, $^1/_2$ унца масла и плиту чая; на обѣдъ—четыре унца говядины, 8 унцевъ картофеля, 4 унца хлѣба; на ужинъ—5 унцевъ хлѣба, $^1/_2$ унца масла и 1 плиту чая. Это по воскресеньямъ. По буднямъ говядина разнообразится бараниной, поджареннымъ саломъ и

висть, растущая съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ увеличенія самосознанія,—справедливое негодованіе честнаго, свободнаго человѣка, отдавшаго всѣ силы обществу и принужденнаго на старости лѣтъ пользоваться *филантропіей*. Гордость англичанина глубоко оскорблена тѣмъ, что въ рабочемъ домѣ онъ—*пауперъ*, лишенный гражданскихъ правъ. И самый сытный обѣдъ, самый яркій огонь въ каминѣ, самая чистая постель не могутъ заставить англійскаго работника забыть про то, что онъ свободный человѣкъ. Вотъ почему онъ противъ самыхъ идеальныхъ рабочихъ домовъ и требуетъ государственнаго пенсіона для престарѣлыхъ. Рабочіе дома поддерживаются на счетъ городскихъ налоговъ. Такимъ образомъ, каждый старый работникъ, въ сущности, требуетъ только ту долю налоговъ, которую самъ платилъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Я не говорю уже о той прибавочной цѣнности, которая выкачана изъ него за долгій періодъ трудовой жизни.

Грустное и щемящее впечатлѣніе производятъ всѣ эти старики и старухи, сгорбленные годами и трудомъ, съ дрожащими ногами, съ потухшими глазами. Какой ужасъ, что даже въ наиболѣе благоустроенномъ обществѣ удѣломъ самыхъ трудолюбивыхъ членовъ его является только рабочій домъ! Общество даетъ старымъ работникамъ ничтожную крупицу богатствъ, созданныхъ ихъ же руками и считаетъ себя благодѣтелемъ!.. Дѣтское отдѣленіе представляетъ, прежде всего, воспитательный домъ. Въ Англіи воспитательныхъ домовъ нѣтъ, такъ какъ Mrs Grundy, по гипереміи лицемѣрія полагаетъ, что такія учрежденія поощряютъ незаконныя рожденія. Подкинутыхъ дѣтей отправляютъ въ рабочій домъ. Затѣмъ тамъ же находятся дѣти, оставшіяся безъ призора. Дѣти помѣщаются въ дортуарахъ, съ 8 — 10 постелями. Я засталъ только нянекъ съ грудными младенцами, да двухъ мальчиковъ, запуганныхъ, какъ зайчата, прижавшихся другъ къ другу въ одной постели. Мнѣ объяснили, что это дѣти, подобранныя рано утромъ на большой дорогѣ, гдѣ ихъ покинули родители бродяги. Дѣтей еще не выкупали и не дали платья; вотъ почему они лежатъ въ постели. Остальные мальчики и дѣвочки, живущіе въ рабочемъ домѣ, отправились въ школу. Я видѣлъ башмаки и платье, припасенное для дѣтей. Рабочій домъ теперь не одѣваетъ дѣтей въ форменное платье, щадя ихъ молодое самолюбіе. Воспитанники рабочаго дома, послѣ окончанія школы, опредѣляются куда-нибудь на фабрику или на заводъ. Предпріимчивые мальчики эмигрируютъ въ Канаду,

---

мяснымъ пуддингомъ. Для маленькихъ дѣтей другая діэта. На завтракъ: 4 унца хлѣба, 1/4 унца масла, 1/2 пинты молока. На обѣдъ: 2 унца говядины, 4 унца пуддинга или риса, 6 унцевъ картофеля или другихъ овощей. На ужинъ: 4 унца хлѣба, 1/4 унца мясного сала съ жиромъ (dripping), 1/2 пинты молока. Грудныя дѣти получаютъ кварту молока въ день и унцъ сахара. Въ возрастѣ отъ семи мѣсяцевъ, къ этой діэтѣ прибавляется молочная кашка съ масломъ.

гдѣ на фабрикахъ большой спросъ на работниковъ. Поработавъ нѣсколько лѣтъ и пріучившись къ земледѣлію, предпріимчивые юноши берутъ даровой участокъ земли въ 120 акровъ. Мальчики съ темпераментомъ искателей приключеній, который такъ свойственъ англичанамъ, поступаютъ во флотъ.

Мы, наконецъ, подошли къ четвертому, самому мрачному отдѣленію рабочаго дома—къ ночлежкѣ для бродягъ, или casual ward. Это отдѣленіе имѣетъ свою собственную исторію, тѣсно сплетенную съ аграрнымъ вопросомъ. Рессель Гарніеръ говоритъ, что исторію англійскаго крестьянина можно раздѣлить на четыре періода, когда съ нимъ обращались, какъ: 1) съ рабомъ, 2) съ нищимъ, 3) съ пауперомъ на общественномъ призрѣніи и 4) какъ съ работникомъ. Когда помѣщики ограбили крестьянина и отняли у него землю, у «ходжа» осталась только большая дорога, чтобы просить милостыню у прохожихъ. Королевская власть издала самые суровые законы противъ нищихъ. Генрихъ VIII велѣлъ карать не только нищихъ, но и сердобольныхъ людей, помогающихъ имъ, и издалъ законъ, въ силу котораго на подавшаго милостыню накладывался штрафъ размѣромъ въ десять разъ больше ея. Суровые законы превратили нищихъ въ разбойниковъ. «Въ 1598 г. по всѣмъ дорогамъ бродили вооруженные бродяги, требовавшіе угрозами себѣ пріютъ (ихъ тогда называли «sornars»). Помѣщики должны были вооружать отряды для охраны своихъ владѣній». Черезъ сто лѣтъ, въ 1698 г., современникъ отмѣчаетъ, что по большимъ дорогамъ кочуютъ не меньше 200.000 бродягъ съ женами и дѣтьми. «Люди эти,—продолжаетъ современникъ,—не признаютъ никакихъ законовъ, ни божескихъ, ни человѣческихъ. Никто не знаетъ, гдѣ крещены эти бродяги и гдѣ умираютъ; но всѣмъ вѣдомы ихъ насилія всякаго рода. Въ урожайные годы они благоденствуютъ; бродяги являются незванные на свадьбы, крестины и похороны: здѣсь они напиваются, ругаются и всячески оскорбляютъ хозяевъ, не знающихъ, какъ избавиться отъ непрошенныхъ гостей» *). Чтобы взять бродягъ подъ контроль, правительство ввело налоги въ пользу бѣдныхъ и устроило первые рабочіе дома съ ночлежками. Я не буду излагать здѣсь исторію того, какъ пытались бороться съ бродяжествомъ не при помощи улучшенія матеріальнаго положенія народа, а суровыми мѣрами и «домами ужаса». Обо всемъ этомъ мнѣ приходилось уже писать. Чтобы показать, какая колоссальная перемѣна произошла въ Англіи съ тѣхъ поръ, какъ массы призваны къ общественной жизни рядомъ великихъ реформъ,—я возьму факты, относящіеся къ концу сороковыхъ годовъ XIX вѣка, и сопоставлю ихъ съ данными самаго послѣдняго времени. Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи, ставшемъ теперь библіографической рѣдкостью,

*) Annals of the British Peasantry. p. 212.

Mayhew даетъ слѣдующія цифры относительно числа бродягъ въ Англіи въ 1848 г.

Въ рабочихъ домахъ.	15547
Въ амбарахъ и палаткахъ (согласно переписи).	20348
Въ пріютахъ для нищихъ въ шести большихъ городахъ.	4813
Въ 3820 остальныхъ почтовыхъ городахъ и мѣстечкахъ.	76400
	115108

Въ теченіе года (1848) въ ночлежкахъ при лондонскихъ рабочихъ домахъ пребывало 310.058 бродягъ *). «Профессіональный бродяга,—разсказываетъ тотъ же изслѣдователь,—оставляетъ Лондонъ ежегодно въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, когда въ ночлежкахъ при рабочихъ домахъ даютъ убѣжище только на одну ночь. Бродяги трогаются въ путь партіями, которыя запасаются тщательными свѣдѣніями о томъ, въ какихъ приходахъ лучше всего обращаются съ нищими. Партія сдѣлаетъ иногда крюкъ въ нѣсколько миль, чтобы завернуть въ городокъ съ хорошимъ рабочимъ домомъ или посѣтить какой-нибудь помѣщичій домъ, гдѣ нищихъ кормятъ. Я видалъ мальчиковъ-бродягъ, которые на память знали всѣ рабочіе дома отъ Лондона до Ньюкэстеля, составляющаго обыкновенно конечный пунктъ странствованій. Нѣкоторые бродяги добираются, впрочемъ, до Эдинбурга» **). Значительная часть бродягъ состояла изъ молодыхъ людей. «Наполовину—бродяги юноши, въ возрастѣ отъ 12—20 лѣтъ,—говоритъ тотъ же Mayhew. Больше всего въ возрастѣ семнадцати лѣтъ. Мальчики эти убѣжали отъ родителей и хозяевъ, чтобы вести бродячую, независимую жизнь. Многіе изъ нихъ отличаются своею смышленностью, а нѣкоторые—даже не безъ образованія... Бродяжество, повидимому, доставляетъ имъ величайшее наслажденіе. Въ Лондонѣ они добываютъ средства къ жизни, какъ носильщики на рынкахъ или у пароходовъ. Нѣкоторые изъ нихъ копаются въ грязи, на берегу Темзы послѣ отлива, выискивая куски желѣза, бутылки, желѣзныя коробки и пр. Почти всѣ эти молодые люди побывали въ тюрьмахъ, иные больше разъ, чѣмъ сколько имъ лѣтъ... Въ ночлежкахъ молодые бродяги чувствуютъ себя, какъ дома. Они очень любятъ развлеченія всякаго рода. Въ ночлежкахъ обсуждаются достоинства различныхъ актеровъ. Молодые бродяги выбираютъ тогда предсѣдателя, и пренія принимаютъ правильный характеръ. Одни изъ юношей про-

---

*) Ib., p. 400. При любопытномъ словарѣ англійскаго уличнаго языка (The slang Dictionary, Chatto and Windus, London, 1874) приложена одна изъ „картъ“, составленныхъ лондонскими бродягами. На картѣ обозначены дома, гдѣ хорошо кормятъ, и тѣ, гдѣ держатъ злыхъ собакъ.

**) «H. Mayhew, London Labour and the London Poor, vol. III, p. 397.

износятъ забавныя комическія рѣчи; другіе, вмѣсто этого, предлагаютъ спѣть пѣсню или комическіе куплеты о тюрьмѣ и рабочемъ домѣ. Молодые бродяги берутъ всегда псевдонимъ, при чемъ непремѣнно громкій: Джонъ Рессель, Робертъ Пиль, Ричардъ Кобдэнъ *). Въ ночлежку молодые бродяги являются большими партіями, человѣкъ въ 20—30, вооруженные дубинками, запрятанными въ панталоны. Этимъ оружіемъ избиваются бродяги, не принадлежащіе къ ихъ шайкѣ. Бываютъ партіи бродягъ человѣкъ въ 100, при чемъ каждому меньше двадцати лѣтъ. Въ ночлежку такая шайка является партіями человѣкъ въ двадцать пять». На большихъ дорогахъ тогда было много женщинъ-бродяжекъ, въ возрастѣ отъ 15 лѣтъ. Бродяги приходили въ ночлежки парами. Пространствовавъ все лѣто, молодые бродяги возвращались глубокой осенью въ Лондонъ, гдѣ находили ночлегъ въ пріютахъ для бездомныхъ. Молодые бродяги,—продолжаетъ Mayhew,—составляютъ тотъ резервъ, изъ котораго постоянно вербуются кадры преступниковъ. Скоро тюрьма перестаетъ пугать мальчика. По словамъ «Poor-'law Report on Vagrancy» на 1848 г.,—молодыхъ преступниковъ въ Лондонѣ 16.086 **).

Неизбѣжнымъ элементомъ большой дороги и ночлежки являлись тогда также ирландцы, бродившіе цѣлыми семьями. Мало того, въ ночлежку приходили семьи, состоявшія изъ нѣсколькихъ поколѣній: бродяжили вмѣстѣ бабушка, дѣдъ, отецъ, мать и дѣти. То были бѣженцы, спасавшіеся отъ великаго голода и отъ ирландскихъ помѣщиковъ. Въ 1848 г. ирландцы составляли $^3/_4$ всего бродячаго населенія ночлежки. Ирландцы бродяги въ сравненіи съ англичанами поражали своей кротостью и своимъ добродушіемъ. Въ 1848 г. среди бродягъ ирландцевъ не было ни одного, изобличеннаго въ какомъ-нибудь преступленіи. Эти бродяги поражали своею грязью и лохмотьями даже англійскихъ собратьевъ. Многіе разносили съ собою болѣзни, привезенныя изъ Ирландіи, между прочимъ, голодный тифъ, о которомъ англичане знаютъ теперь только по сообщеніямъ изъ Россіи. Какія большія перемѣны произошли въ Англіи за 60 лѣтъ! Исчезли безслѣдно шайки молодыхъ бродягъ, ирландцы, побирающіеся цѣлыми семьями, каторжные корабли, отвозящіе въ Австралію ссыльныхъ, изъ которыхъ половина погибла въ пути... Населеніе за это время увеличилось на 14 милліоновъ.

1851 г.	27.745.949
1901 г.	41.976.827

Но число бродягъ, какъ мы увидимъ, сильно уменьшилось. Въ

*) То же самое можно сказать о русскихъ бродягъ. Въ нашей партіи въ 1887 г., кромѣ неизбѣжныхъ „Сохатыхъ“, „Щербатыхъ“ и „Ивановъ Кольцовъ—не найти концовъ“, были еще Потемкины, Румянцевы, Шуваловы и Суворовы.

**) London Labour and the London Poor, vol III, p. p. 366—374.

лондонскихъ паркахъ, на площадяхъ, гдѣ стоятъ скамьи и на набережной Викторіи мы можемъ видѣть печальныя фигуры бродягъ (tramps), въ лохмотьяхъ, въ разбитыхъ башмакахъ, съ длинными нечесанными волосами и всклокоченной бородой. Обломки цилиндра, остатки чернаго сюртука, связаннаго веревочкой —все это придаетъ особый трагизмъ фигурѣ бродяги. На улицахъ самаго богатаго города въ Европѣ, среди сильнаго, энергичнаго, всегда спѣшащаго по дѣлу населенія, эти грустныя, слоняющіяся безъ дѣла, вялыя фигуры бродягъ кажутся представителями совершенно другой планеты, случайно заблудившимися существами. А между тѣмъ многіе бродяги родились на улицѣ и, вѣроятно, на ней умрутъ. Сколько-нибудь внимательное изученіе лондонскихъ профессіональныхъ бродягъ покажетъ, что это не столько безработные, сколько люди, не приспособленные ни къ какой работѣ (англійская терминологія различаетъ *unemployed* отъ *unemployable*), обломки человѣчества, прирожденные слабоумные и слабовольные или алкоголики.

Въ іюлѣ 1904 г. назначена была парламентомъ спеціальная коммиссія для изученія вопроса о бродяжествѣ, которая въ февралѣ 1906 г. представила свой обстоятельный отчетъ, отпечатанный въ видѣ синей книги *). Отчетъ начинается въ высшей степени интереснымъ историческимъ очеркомъ бродяжества въ Англіи; затѣмъ онъ констатируетъ, что до 1900 года число бродягъ постепенно падало. Въ томъ году всѣхъ бродягъ въ Англіи было 5579. Но однимъ изъ неизмѣнныхъ послѣдствій всякой войны является увеличеніе бродяжества: отставные раненые солдаты не могутъ приспособиться ни къ какому дѣлу. И вотъ послѣ южно-африканской авантюры число бродягъ замѣтно возрастаетъ: въ 1901 г.—6795; въ 1902 г.—7840; въ 1903 г.—8266; въ 1904 г.—8519 и въ 1905 г.—9768. Женщинъ и дѣтей среди бродягъ очень мало. Въ 1905 г. изъ 9768 бродягъ мужчинъ было 8693, женщинъ—887, а дѣтей—188. Въ тюрьмахъ бродяги составляютъ теперь $^1/_6$ подневольнаго населенія. Отчетъ раздѣляетъ бродягъ на четыре категоріи: 1) bona-fide рабочіе, ищущіе заработка; ихъ очень немного; 2) случайные работники, не желающіе или не могущіе работать постоянно и систематически; обыкновенно они работаютъ не больше двухъ дней въ недѣлю; 3) профессіональные бродяги, увѣряющіе, что ищутъ работу, но отказывающіеся отъ нея, если ее предлагаютъ, и 4) старики, калѣки и не могущіе работать въ силу различныхъ причинъ (напр., слабоумные). Отчетъ рекомендуетъ оказывать всякое содѣйствіе бродячему населенію первой категоріи.

---

*) Vagrancy Committee's Report, Cd. 2852.

VI.

Ночлежка при рабочемъ домѣ въ Шафтсбери (casual ward)—типичная, такъ какъ подобныя ей можно встрѣтить въ каждомъ англійскомъ городкѣ. Разсчитана она не на мѣстныхъ, а на пришлыхъ бродягъ. Состоитъ она изъ двухъ казармъ (одна для мужчинъ, другая для женщинъ), съ нарами, вмѣсто постелей. Нары раздѣлены перегородками въ одну доску, образующими родъ длинныхъ ящиковъ. Такимъ образомъ, каждый ночлежникъ имѣетъ свой собственный ящикъ, въ которомъ лежатъ два шерстяныхъ одѣяла. Для женщинъ, являющихся съ дѣтьми, имѣется особая комната, съ постелями вмѣсто наръ. Въ лондонскихъ ночлежкахъ каждый ночлежникъ долженъ, прежде всего, принять ванну. Къ сожалѣнію, дѣлается это не столько въ видахъ общественной гигіены, сколько для отучиванія бродягъ отъ ночлежекъ. Ванна обыкновенно холодная. Можно представить себѣ, что чувствуетъ промокшій подъ осеннимъ дождемъ, прозябшій безработный, которому велятъ лѣзть въ холодную воду. Въ провинціальныя ночлежки бродяга допускается безъ предварительнаго купанія. Ночлежники—нежелательные гости въ casual ward. Почему-то предполагается, что если «ночлежка» не будетъ отпугивать, то явится слишкомъ много желающихъ. Бродягѣ даютъ вечеромъ «ужинъ», состоящій изъ пинты овсяной кашицы съ 8 унцами хлѣба, а утромъ—опять ту же кашицу. Ужинъ и завтракъ нужно отработать. Въ лондонскихъ рабочихъ домахъ ночлежники должны потомъ дробить три часа камни или нащипать опредѣленное количество пакли. Затраченный мускульный трудъ, конечно, стоитъ гораздо больше, чѣмъ кашица, кусокъ хлѣба и мѣсто на нарахъ. Ночлежникъ, отказавшійся выполнить заданный ему урокъ, можетъ попасть по приговору магистрата въ тюрьму. Тяжелый безсмысленный трудъ, а самое главное, суровое обращеніе, какъ съ арестантомъ, дѣлаютъ то, что англійскій работникъ, очутившійся вслѣдствіе полной безработицы на улицѣ, предпочитаетъ лучше умереть съ голода, чѣмъ идти въ casual ward. Тамъ чувствуютъ себя, какъ дома, только профессіональные бродяги. По случаю зимы, въ ночлежкѣ при рабочемъ домѣ въ Шафтсбери было просторно. Профессіональные бродяги въ это время находятся въ Лондонѣ или въ большихъ городахъ, какъ Ливерпуль. Передвиженіе начинается только весною. Завѣдующій рабочимъ домомъ объяснилъ мнѣ, что сегодня ночевали только двое, но выполнили свой урокъ и пошли дальше. «Урокъ» состоялъ въ томъ, чтобы вертѣть три часа чугунное колесо отъ помпы, при помощи которой рабочій домъ снабжается водой. Такъ какъ въ Шафтсбери есть водопроводъ, то, повидимому, помпу спеціально устроили, чтобы задать работу ночлежникамъ. Я попробовалъ повертѣть колесо и

нашелъ, что это—очень нелегкая работа. Моя спутница внесла въ книгу для посѣтителей, что нашла все въ отличномъ порядкѣ. Какъ англичанка, она прибавила, однако, что въ ночлежкѣ слѣдуетъ прорубить новое окно и, такимъ образомъ, увеличить притокъ свѣжаго воздуха. Я воздержался отъ записи. Въ самомъ дѣлѣ, что бы я могъ сказать? Что я считаю ужаснымъ тотъ порядокъ (идеальный, однако, въ сравненіи съ континентальнымъ), при которомъ люди въ богатой и населенной странѣ бродятъ, какъ медвѣди-шатуны, безъ своей берлоги для ночлега? Не то ли, что брать у человѣка три часа усиленнаго мускульнаго труда за кусокъ хлѣба и чашку кашицы — есть грабежъ? Все это было бы, конечно, безполезно писать.

Изъ рабочаго дома мы отправились въ «литературный клубъ». Начиная съ 1850 г., парламентъ издалъ цѣлый рядъ законовъ относительно устройства общественныхъ библіотекъ въ Англіи. (Public Libraries Acts). Послѣдній изъ нихъ изданъ въ 1892 г. Въ силу него городскіе совѣты имѣютъ право собирать особый налогъ въ размѣрѣ 1 пенни на фунтъ квартирной платы въ пользу безплатныхъ библіотекъ. Это означаетъ, что каждый квартиронаниматель, платящій въ годъ, предположимъ, 40 ф. (400 руб.), вноситъ «библіотечный налогъ» въ размѣрѣ 3 ш. 6 п. (1 р. 70 к.) Въ нѣкоторыхъ городахъ, напр., въ Брайтонѣ, Бирмингэмѣ, Аштонѣ-на-Лайнѣ, Кингстонѣ-на-Темзѣ, Ливерпулѣ, Ньюкэстелѣ-на-Тайнѣ, Ольдхэмѣ и др., по общему рѣшенію квартиронанимателей, библіотечный налогъ повышенъ. Въ результатѣ—цѣлый рядъ великолѣпныхъ безплатныхъ, общественныхъ библіотекъ даже въ маленькихъ городахъ. Нѣкоторые провинціальные города, не говоря уже о Лондонѣ, затратили на библіотеки большія суммы: Бирмингемъ—111.469 ф. ст. (т. е. болѣе милліона руб.), Бродфордъ—123.021 ф. ст., Ливерпуль—270.471 ф. ст., Престонъ—126 997 ф. ст. и пр. *). Библіотеки эти выписываютъ книги и журналы, не соображаясь, конечно, съ какимъ-либо предписаннымъ направленіемъ. Центральная власть не можетъ ни прямо, ни черезъ посредство своихъ агентовъ вмѣшаться въ дѣла библіотеки. Это касается *только* муниципалитетовъ. Администрація, тѣмъ болѣе, не можетъ устранить или не утвердить нежелательныхъ ей библіотекарей, какъ это практикуется, напр., у насъ. Изъ общественныхъ библіотекъ книги выдаются не только безплатно, но и безъ всякаго залога. По тому ли, что уровень элементарной честности въ Англіи выше, чѣмъ на континентѣ, или потому, что люди вообще честнѣе, чѣмъ предполагаютъ полицейскія государства,—но только книги въ общественныхъ библіотекахъ, хотя и выданныя безъ залога, не пропадаютъ. Случается, что популярная книга зачитывается до дыръ и

---

*) Любопытныя данныя помѣщены въ Municipal Year Book, 1906, p. p. 554—556.

до выпаденія листовъ; но читатели не вырываютъ понравившихся имъ картинокъ; поля не испещряются глупыми и скабрезными замѣчаніями. Общественныя библіотеки держатъ на полкахъ дорогія справочныя изданія, которыми можетъ свободно пользоваться каждый. Эти изданія, находящіяся, фактически, подъ контролемъ только добросовѣстности посѣтителей, тоже не пропадаютъ.

Шафтсбери такой крошечный городъ, что онъ еще не воспользовался до сихъ поръ Public Libraries Acts. Объясняется это, въ значительной степени, тѣмъ, что сквайры изъ окрестностей имѣютъ въ своихъ домахъ собственныя библіотеки, какъ вообще сколько-нибудь состоятельные англичане. Но ремесленники и мелкіе фермеры изъ всей округи составили «литературный клубъ» и организовали въ Шафтсбери библіотеку, изъ которой забираютъ книги и газеты, когда являются въ городъ на рынокъ. Просматривая каталогъ «клуба», я могъ убѣдиться, что за пятьдесятъ лѣтъ произошли громадныя перемѣны въ литературныхъ вкусахъ англійскихъ ремесленниковъ и мелкихъ фермеровъ. Судя по замѣчательному изслѣдованію Mayhew, въ то время въ деревняхъ читали только «литературу висѣлицъ», Gallows Literature. Тогда смертныя казни въ Англіи бывали часты и производились открыто. То было любимое зрѣлище подонковъ большого города. «Огромная толпа, возбужденная до чрезвычайной степени и разгоряченная любопытствомъ, еще за нѣсколько часовъ до совершенія казни, наводняетъ пространство, окружающее мѣсто, гдѣ будетъ сооруженъ эшафотъ,—писалъ въ 1861 г. изъ Англіи Луи-Бланъ.—При входѣ въ кассу театра всегда образуется «хвостъ», когда назначена интересная пьеса. Но какъ провести время до появленія палача, что соотвѣтствуетъ поднятію занавѣса въ театрѣ? Спать? Нельзя; не потому, что приходится спать подъ открытомъ небомъ, а потому что ожиданіе большого удовольствія прогоняетъ сонъ. Поэтому время проводится въ питьѣ, въ пѣніи, въ перебранкахъ и шуткахъ. Женщины тоже здѣсь присутствуютъ въ значительномъ количествѣ. Вѣшанье, имѣющее цѣлью устрашать преступниковъ примѣромъ, сдѣлалось спектаклемъ, который какъ будто нарочно назначенъ для практики всѣхъ воровъ, мошенниковъ и плутовъ столицы... Но вотъ наступила минута. Воцарилось молчаніе. Какую мину сдѣлаетъ человѣкъ, когда ему надѣнутъ на шею веревку? Съ какимъ видомъ здоровый, сильный человѣкъ въ одинъ мигъ переступаетъ порогъ неизвѣстнаго? Въ послѣдній разъ палачъ неловко сдѣлалъ свое дѣло и потому сердито потянулъ свою жертву за ноги, чтобы окончательно его задушить. Толпа любопытствуетъ, какъ палачъ теперь обдѣлаетъ свое дѣло. Вотъ идетъ человѣкъ, который убиваетъ, и человѣкъ, котораго убьютъ. Одинъ исполняетъ свою должность, другой несетъ свою участь... Если осужденный, что иногда бываетъ, идетъ съ поднятой головой, гордо, твердо, не шатаясь, то изъ этого для зрителей вытекаетъ та мораль, что и

разбойникъ можетъ быть храбрымъ, столько же храбрымъ, какъ и солдатъ, и что казнь есть своего рода сраженіе. Если же, напротивъ, осужденный, котораго я предполагаю совершившимъ страшное преступленіе, напр., убійство, не можетъ идти, а его уже почти мертваго тащатъ на смерть; если его колѣни дрожатъ и ноги подгибаются; если его блѣдный лобъ выражаетъ весь ужасъ его души; если его потухшій взглядъ молитъ о помилованіи, — тогда мораль наказанія состоитъ въ томъ, что оно или ожесточаетъ сердца, дѣлая ихъ холодными къ зрѣлищу ужасныхъ мученій, или трогаетъ ихъ и переноситъ жалость съ убитаго на убійцу: результатъ, въ томъ и другомъ случаѣ, плачевный» *)... Тѣ, которые не могли видѣть «захватывающую пьесу», т. е. смертную казнь,—читали съ жадностью описанія ея. Существовала тогда особая лубочная литература, посвященная послѣднимъ днямъ приговоренныхъ къ смерти: особые листки съ грубыми картинками назывались обыкновенно «Горестныя жалобы», «Послѣдняя рѣчь, исповѣдь и казнь» и пр. Нѣкоторые листки, по словамъ Mayhew, имѣли тиражъ въ $2^1/_2$ милліона. «Бѣдные сельскіе работники въ складчину покупали листокъ и свѣчку, чтобы читать при ней описаніе казни». Обыкновенно, листокъ начинался стихами, будто бы, составленными осужденнымъ передъ казнью. Изъ упомянутой выше книги Mayhew я приведу здѣсь нѣсколько образчиковъ наиболѣе распространенной «литературы висѣлицъ», которой зачитывались пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ ремесленники, мелкіе фермеры и сельскіе работники. Вотъ переводъ стиховъ.

«Скоро я долженъ оставить суетный міръ. Друзья мои, не огорчайтесь; не оплакивайте моей судьбы, хотя она ужасна, потому что смерть ждетъ каждаго убійцу.

«Теперь я томлюсь въ мрачной камерѣ. Я присужденъ къ смерти за убійство. Быть можетъ, кто пожалѣетъ меня, когда прочтетъ, что несчастье толкнуло меня на преступленіе.

«Мои друзья и родной очагъ были мнѣ дороги; каждому англичанину дороги деревья и цвѣты, растущіе тамъ, гдѣ прошло золотое дѣтство.

«Нѣкогда и я былъ счастливъ. Все это минуло. Наступили неудачи, нахлынули печали. Друзья улыбались мнѣ, покуда я былъ богатъ, и отвернулись въ несчастьи.

«Эшафотъ ждетъ меня, потому что я убилъ тебя, Джерми **). Я убилъ также твоего сына,—твою радость и надежду, а жену и служанку – ранилъ.

«Отсюда я слышу, какъ всѣ восклицаютъ: «о, Рашъ, зачѣмъ

*) *Louis Blanc*, Lettres sur l'Angleterre.

**) Баллада приписывается нѣкоему Рашу, убившему семью Джерми въ началѣ сороковыхъ годовъ.

ты убилъ Джерми. Зачѣмъ ты покончилъ также съ дорогимъ мальчикомъ, который не причинилъ тебѣ никакого вреда.

«Если бы Джерми былъ хоть немного добрѣе со мною и если бы не вмѣшалось несчастье, я никогда не послалъ бы роковыхъ пуль, уложившихъ Джерми и сына его.

«На судѣ я защищался самъ; у меня не было ученаго адвоката. Я упорно отрицалъ вину и старался сбить свидѣтелей, въ надеждѣ спасти свою горькую жизнь.

«Но напрасно сбивалъ я свидѣтелей. Господь рѣшилъ, что я долженъ умереть. Дѣвушка Элиза Честней, которую я ранилъ, оправилась и дала показанія.

«Увы! Удѣломъ мнѣ будетъ эшафотъ. Скоро тѣло мое будетъ гнить въ могилѣ. Прости меня, Боже, потому что здѣсь на землѣ нѣтъ прощенія для убійцы, для несчастнаго Раша» *).

Баллада о Рашѣ до конца шестидесятыхъ годовъ составляла любимое чтеніе мелкихъ фермеровъ, ремесленниковъ и пр., о чемъ свидѣтельствуетъ тиражъ въ $2^1/_2$ милліона экземпляровъ. Женщины въ деревняхъ жадно читали въ особенности тѣ баллады, къ которымъ приложены были письма осужденныхъ къ своимъ возлюбленнымъ. Начинались письма, обыкновенно, такъ: «изъ глубины камеры для осужденныхъ на казнь». «Дорогая Нелли! Не пугайся письма, полученнаго отъ человѣка, осужденнаго на смерть за убійство. Изъ моей ужасной камеры я пишу къ той, которую такъ сильно любилъ. Повѣрь, Нелли, я простилъ всѣмъ врагамъ и не уношу никакой злобы. О, дорогая Нелли, остерегайся поддаться вліянію страстей и водки. Пусть моя плачевная судьба тебѣ служитъ предостереженіемъ.» «Литература висѣлицъ» не ограничивалась этимъ. Народныя пѣсни, сложенныя въ тѣ времена, когда въ Англіи были іомены, обрабатывавшіе свою собственную землю,— давнымъ давно забыты. Старинныя искусственныя пѣсни, въ родѣ «Посланія страстнаго пастушка къ своей возлюбленной», написаннаго, кажется, Марло, можно найти только въ соотвѣтственныхъ сборникахъ. Прекрасныя, удивительно трогательныя анонимныя баллады, продававшіяся офенями (pedlars) на ярмаркахъ въ XVI и XVII в. в., иногда еще попадаются въ хрестоматіяхъ, но напѣвъ ихъ совершенно утерянъ (Баллады про Дѣтей въ лѣсу, про Робина Гуда, Короля Джона и Кентерберійскаго аббата, про Дочь нищаго изъ Бетналъ-Гринъ и пр.). Въ глубинѣ Ирландіи и кое-гдѣ въ Шотландіи можно еще слышать народныя пѣсни, но очень рѣдко. Уэльсъ имѣетъ свои пѣсни, но о нихъ не могу ничего сказать, такъ какъ онѣ сложены на архаическомъ языкѣ кимвровъ. Теперь *всѣ* тѣ пѣсни, которыя распѣваютъ и насвистываютъ, какъ рабочіе, такъ и клэрки, горничныя, прачки, продавщицы, солдаты, — сложены въ «мюзикъ-холлахъ» большихъ

*) London Labour and the London Poor, vol. I; p. 261.

городовъ. Тутъ пѣсни комическія, сентиментальныя, патріотически-воинственныя; на *всѣхъ ихъ*, какъ свинцовая гиря, лежитъ тяжелая печать поразительной бездарности. Но все же эти пѣсни изъ «мюзикъ-холловъ» лучше тѣхъ, которыя массы распѣвали пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тѣ пѣсни тоже вдохновлялись висѣлицей. Вотъ, напримѣръ, страшно популярная въ пятидесятыхъ годахъ пѣсня про казнь Мэри Мэй. Начинается она такъ. «Воетъ жалобно погребальный колоколъ, возвѣщающій, что я должна умереть на высокой висѣлицѣ за убійство родного брата. Корысти ради я замыслила это черное дѣло. О, подумайте объ ужасной участи несчастной Мэри Мэй». Послѣ каждаго куплета, которыхъ очень много, повторяется припѣвъ:

„Behold the fate of Mary May,
Who did for gain her brother slay"

(т. е. «Вотъ судьба Мэри Мэй, которая корысти ради убила брата»).

Какъ сильно измѣнились литературные вкусы за пятьдесятъ—шестьдесятъ лѣтъ! Въ «литературномъ клубѣ» въ Шафтсбери я нашелъ, конечно, неизбѣжные романы Маріи Корелли «Душа Лилитъ», «Горе Сатаны», «Свѣтская власть», «Варрава» и др., которыми зачитываются дочери фермеровъ и лавочниковъ. Нашелъ я также уголовные романы Конана Дойла съ англійскимъ Лекокомъ—Шерлокомъ Хольмсомъ. Но на ряду съ этимъ каталогъ «литературнаго клуба» заключалъ цѣлый рядъ превосходныхъ книгъ по политической экономіи, соціологіи, исторіи, а въ особенности—по аграрному вопросу. «Клубъ» собралъ богатую памфлетную литературу, касающуюся «tenant's right» (т. е. вознагражденія фермеровъ за всѣ сдѣланныя улучшенія на землѣ), «незаработаннаго приращенія», національзаціи земли, положенія сельскихъ работниковъ, свободной торговли и протекціонизма. Весь этотъ матеріалъ былъ отлично сгруппированъ и внесенъ въ каталогъ такъ, что сразу можно было найти всю литературу по данному вопросу. И это въ библіотекѣ крошечнаго городка, устроенной собственными средствами! Мелкіе фермеры и сельскіе работники теперь заняты великимъ вопросомъ о возвращеніи земли народу. Собственно говоря, въ Шафтсбери я пріѣхалъ, въ значительной степени, для изученія на мѣстѣ того же вопроса; но такъ какъ моя статья разрослась, то я отложу свой матеріалъ до слѣдующей книжки.

VII.

Дѣти шумной и веселой толпой окружили моего пріятеля, когда мы всѣ собрались вечеромъ. Дѣтская жизнь возможна только въ свободной странѣ, гдѣ личность каждаго гражданина обезпечена. Только при такихъ условіяхъ создается здоровая, нормальная

атмосфера. Дѣти растутъ тогда счастливыя, веселыя, здоровыя. У нихъ есть время подготовиться къ общественной жизни. Имъ не для чего брать на свои слабыя плечи великое бремя: общественная машина работаетъ правильно, возмутительный произволъ невозможенъ. Въ странѣ не творятся дикія насилія, которыя превращаютъ дѣтей въ маленькихъ стариковъ. Свободная страна не знаетъ такого порядка, при которомъ сатрапъ можетъ отправить за политическія преступленія не только въ ссылку, но и на казнь дѣтей. (Въ прошломъ году одесскій генералъ-губернаторъ Карангозовъ отправилъ въ ссылку *двѣнадцати-лѣтнюю* дѣвочку Любу Беккеръ). Каждый отецъ въ свободной странѣ можетъ знать, что выйдетъ изъ его дѣтей: законъ, созданный имъ же, охраняетъ гражданина. Дѣти его не будутъ отданы Минотаврамъ въ образѣ или кровавыхъ генераловъ, опозорившихъ себя трусостью и бездарностью на полѣ битвы, или шаекъ профессіональныхъ убійцъ, пользующихся спеціальнымъ покровительствомъ властей. Больше всего я завидую англичанамъ, когда вижу здѣсь веселыхъ, счастливыхъ, здоровыхъ и жизнерадостныхъ дѣтей и подростковъ. Самое сильное впечатлѣніе на англичанъ, посѣтившихъ Россію, производитъ тотъ фактъ, что у насъ нѣтъ теперь дѣтства. Вотъ, напр., наблюденія dr. Хагбергъ-Райта, директора London Library, недавно возвратившагося изъ Россіи *). Авторъ принадлежитъ къ числу немногихъ англичанъ, знающихъ русскій языкъ. «Дѣтская жизнь въ Россіи почти совершенно неизвѣстна,—говоритъ онъ.—Во всякомъ случаѣ, прекращается въ 12—13 лѣтъ. А въ 14 лѣтъ—мальчикъ уже своего рода совершеннолѣтній». Во всякомъ случаѣ, онъ становится, по мнѣнію россійскихъ Минотавровъ, дѣеспособнымъ отбыть «натуральную тюремную повинность», лежащую на каждомъ сознательномъ русскомъ гражданинѣ. Это—относительно дѣтства. Что же касается юности, то у насъ она уже давно «стала сказкой миновавшихъ дней»... Дѣти моего пріятеля шумятъ; весело разсказываютъ про то, что дѣлали или читали днемъ и, наконецъ, пристаютъ къ отцу, чтобы онъ «показался во всей славѣ», какъ шутливо выразился старшій мальчикъ. И вотъ, чтобы забавить дѣтей, пріятель надѣваетъ «клейноды» своей власти: красный плащъ, обшитый мѣхомъ, треуголку, золотую цѣпь и беретъ въ руки серебряную дубинку. «Клейноды» передаются отъ мэра къ мэру, изъ столѣтія въ столѣтіе; дубинкѣ—700 лѣтъ, цѣпи—пятьсотъ лѣтъ. Все это надѣвается только одинъ разъ, при избраніи (мэры выбираются на годъ). Надпись на дубинкѣ гласитъ о вольностяхъ, добытыхъ корпораціей въ XII вѣкѣ. О тѣхъ же вольностяхъ говоритъ надпись на звеньяхъ золотой цѣпи. Какими несчастными въ сравненіи съ этимъ кажутся наши «мэры», которыхъ представитель центральной власти можетъ не утвердить, смѣстить или даже отправить въ

*) „A Ramble in Russia". The National Review, March, 1907.

ссылку. А между тѣмъ, «мэръ»—вѣдь представитель культурнаго центра, избранный согражданами! И мнѣ невольно припоминаются строки изъ самаго блестящаго русскаго политическаго памфлета, написаннаго шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. «Россіи нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а.... *) права и законы, сообразные.... съ здравымъ смысломъ и справедливостью.... А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ.... нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей» **). Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти жгучія строки; но, къ великому несчастью для Россіи, онѣ еще больше носятъ характеръ современности, чѣмъ въ моментъ своего появленія.

Діонео.

Синдикаты и стачки государственныхъ служащихъ во Франціи.

Одной изъ самыхъ интересныхъ сторонъ современнаго синдикальнаго движенія является какъ съ практической, такъ и съ теоретической точки зрѣнія участіе въ немъ государственныхъ служащихъ,—понимая этотъ терминъ въ самомъ широкомъ его смыслѣ, т. е. начиная съ рабочихъ, эксплуатируемыхъ хозяиномъ-государствомъ на правительственныхъ заводахъ, фабрикахъ и разныхъ предпріятіяхъ, и кончая собственно чиновниками, участвующими въ бюрократической дѣятельности современнаго классового государства на различныхъ ступеняхъ служебной іерархіи.

По мѣрѣ того, какъ растетъ и развивается синдикальное движеніе, проникая въ самые отдаленные уголки современной экономической жизни, противъ него выдвигаются все новые и новые враги, ему ставятся все новыя и новыя препятствія. Разумѣется, въ концѣ концовъ могучее историческое теченіе синдикализма торжествуетъ надъ одними, устраняетъ съ своего пути другія. Но борьба организованныхъ силъ труда противъ организованныхъ же силъ гнета и эксплуатаціи не прекращается ни на минуту, заполняя міръ шумомъ и грохотомъ столкновеній и заставляя прислу-

---

*) . . . . . обозначены пропущенныя мною слова.

**) Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Гоголю. Изданіе 1899 г., стр. 5.

шиваться къ нимъ самыхъ безучастныхъ свидѣтелей этой соціальной войны. Въ недавней статьѣ о «Французскомъ синдикализмѣ» *) я далъ краткій историческій очеркъ и нарисовалъ въ общихъ чертахъ картину современнаго синдикальнаго движенія во Франціи, отъ времени до времени знакомя читателей съ положеніемъ дѣлъ и въ другихъ странахъ и подчеркивая, путемъ этихъ «параллелей и контрастовъ», наиболѣе яркую и задающую тонъ всему французскому синдикализму разновидность его: синдикализмъ революціонный. Въ настоящей статьѣ я попробую, тоже главнымъ образомъ на основаніи французскаго матеріала, коснуться синдикальнаго движенія въ мірѣ государственныхъ служащихъ, среди которыхъ революціонный синдикализмъ долженъ находить все болѣе и болѣе благопріятную почву въ силу нѣкоторыхъ особенностей ихъ положенія.

Вопросъ объ участіи чиновныхъ и не чиновныхъ наемниковъ государства-хозяина въ синдикальныхъ организаціяхъ, а въ случаѣ надобности и въ соціальныхъ конфликтахъ съ нимъ, — частныхъ и общихъ корпоративныхъ стачкахъ,—разумѣется, не представляетъ собою ничего спеціально французскаго. Онъ поднимается во всѣхъ странахъ и лишь обостряется въ разные моменты то здѣсь, то тамъ. Но во Франціи онъ принимаетъ особенно яркія и поучительныя и въ смыслѣ практическомъ, и въ смыслѣ теоретическомъ формы, порою дающія толчокъ и подражательный импульсъ обѣимъ борющимся сторонамъ и въ другихъ государствахъ. Причемъ опять таки Третья республика снабжаетъ заграницу и жизненными пріемами соціальной борьбы, и ихъ идейнымъ обоснованіемъ. Напомню лишь, не входя въ подробности (объ этомъ придется говорить ниже), что на территоріи Третьей республики вырабатывалась энергичнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мысль о всеобщей стачкѣ, опирающейся на стачку концентрированныхъ капиталистическихъ предпріятій, или принадлежащихъ государству, или тѣсно связанныхъ съ нимъ финансовыми и такъ называемыми «національными» интересами, напр., желѣзныхъ дорогъ, казенныхъ или работающихъ на казну заводовъ, арсеналовъ, портовъ и т. п. Эта мысль была подхвачена въ большей или меньшей степени рабочими и другихъ національностей и, начиная съ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, стала пробивать значительныя бреши въ догматическомъ утвержденіи черезчуръ правовѣрныхъ марксистовъ, что «всеобщая стачка есть всеобщая нелѣпость» **).

Но точно также изъ Франціи же пошла гулять по свѣту, точнѣе среди правительственныхъ и буржуазно-политиканствующихъ сферъ, мысль о необходимости отказывать лицамъ, занятымъ въ

*) „Русское Богатство", 1906, декабрьская книжка, стр. 22—68.
**) См. мое предисловіе къ переводу брошюры Этьена Бюиссона „Всеобщая стачка" (изд. „Общественной пользы", Спб., 1906).

государственныхъ или родственныхъ съ ними предпріятіяхъ, не только въ правѣ на стачку, но и въ правѣ на синдикальную организацію. Еще въ 1886 г. консервативный республиканецъ, сенаторъ Марсель Бартъ, внесъ (не прошедшій, впрочемъ) законопроектъ, согласно которому какія бы то ни было ассоціаціи, составленныя желѣзнодорожными, арсенальными и т. п. рабочими или служащими, должны были быть въ теченіе трехъ мѣсяцевъ распущены. А вся послѣдующая теорія и практика французскихъ буржуазныхъ законодателей если и не идетъ такъ далеко по пути соціальной реакціи, какъ того желалось откровенному мосье Барту, то все же до сихъ поръ, вплоть до послѣднихъ актовъ настоящаго кабинета Клемансо, отражаетъ сильнѣйшее желаніе современнаго классоваго государства по возможности урѣзать права лицъ, находящихся въ непосредственной экономической зависимости отъ него. Припомню кстати по этому поводу, что когда нашъ отечественный кабинетъ Витте-Дурново сталъ расправляться зимою 1905—1906 г. съ забастовавшими служащими почтово-телеграфнаго вѣдомства, то россійскіе угнетатели съ гордостью ссылались на тотъ фактъ, что они поступаютъ совсѣмъ по-европейски, «какъ въ цивилизованной Франціи». Тамъ, дѣйствительно, не задолго передъ тѣмъ (въ половинѣ ноября новаго стиля), президентъ радикальнаго министерства, бывшій знаменитый панамистъ Рувье, высокомѣрно заявилъ съ высоты трибуны, что правительство не допускаетъ ни въ какомъ случаѣ стачекъ своихъ служащихъ. И наше реакціонное болото пріятно заволновалось: совсѣмъ, какъ въ богатырской былинѣ,

Утки крякнули — берега звякнули...

Звонкіе голоса просвѣщенныхъ министровъ съ береговъ Сены, нашли радостное и самодовольное эхо среди «конституціонныхъ» рыцарей зажима съ береговъ Невы. Русская практика насилія была, кромѣ обычнаго указанія на отечественные завѣты, еще освящена ссылкою на подобные же пріемы въ странѣ, гдѣ даже на воротахъ тюремъ красуется надпись: «свобода, равенство, братство», а народный гимнъ (нынѣ выдохшаяся марсельеза) приглашаетъ гражданъ республики «напоять межи» своихъ полей «нечистою кровью» тирановъ...

Послѣ этихъ нѣсколькихъ словъ введенія перейдемъ къ нѣкоторымъ сторонамъ затронутаго нами предмета.

Прежде всего вопросъ: какое число рабочихъ и служащихъ въ государственныхъ предпріятіяхъ и правительственной администраціи Франціи охвачено узами профессіональной солидарности въ качествѣ членовъ синдикатовъ или ассоціацій (о различіи этихъ двухъ формъ организаціи мы скажемъ ниже)? Къ сожалѣнію, болѣе или менѣе точныхъ данныхъ по этому вопросу нѣтъ. И даже

приблизительныя исчисленія не охватываютъ, повидимому, значительной части рабочаго персонала (въ широкомъ смыслѣ этого слова), хозяиномъ котораго является государство. Придется ограничиться отрывочными свѣдѣніями, которыя всетаки даютъ хоть нѣкоторое понятіе о силѣ профессіональнаго движенія среди рабочихъ и служащихъ этой категоріи. По оффиціальной статистикѣ, къ 1-му января 1906 г. насчитывалось на почвѣ Третьей республики всего 4857 рабочихъ синдикатовъ, заключавшихъ 836,134 членовъ *). Но этотъ документъ не даетъ, къ сожалѣнію, распредѣленія синдикалистовъ по профессіямъ, хотя именно, — справедливо замѣчаетъ органъ, откуда мы беремъ эти цифры,—«было бы, между прочимъ, интересно видѣть, не получило ли синдикальное движеніе, какъ это можно предполагать и какъ это уже наблюдается за границей, особаго распространенія между рабочими и служащими правительственныхъ учрежденій. **) Съ другой стороны, согласно теперь уже нѣсколько устарѣвшей брошюрѣ В. Тюркана «Перепись государственныхъ служащихъ и чиновниковъ» ***), Франція (вмѣстѣ съ Алжиріей) насчитывала въ 1896 г. 384,038 лицъ, оплачиваемыхъ правительствомъ, включая сюда рабочихъ на государственныхъ заводахъ, фабрикахъ и т. п., разныхъ чиновниковъ, учителей, даже священниковъ ****), но безъ войска и флота. Въ какой мѣрѣ эта почти четырехсотъ-тысячная армія государственныхъ наемниковъ входитъ въ профессіонально-организованную часть трудящагося населенія Франціи, насчитывающую, какъ мы видѣли, болѣе 800,000 человѣкъ, точно опредѣлить пока трудно. Но вотъ кой-какія указанія и цифры, касающіяся распространенности синдикализма среди рабочихъ и служащихъ государства *****).

---

*) См. резюмэ статьи изъ правительственнаго „Bulletin de l'Office du travail" за октябрь 1906 г. въ „La Revue Syndicaliste", № 20 (декабрь 1906 г., стр. 231—233.

**) Ibid., стр. 232.

***) V. Turquan, „Recensement des employés et fonctionnaires de l'Etat"; Парижъ, 1892.

****) Со времени закона о отдѣленіи церкви отъ государства из общей цифры „служащихъ" придется вычесть около 39,000 членовъ духовенства разныхъ исповѣданій (38,093 католическихъ патеровъ, 686 протестантскихъ пасторовъ, 54 еврейскихъ раввиновъ; итого, въ общемъ, 38,833 лица въ 1906 г.).

*****) Поль Лун, считающійся спеціалистомъ по рабочему вопросу во Франціи, въ своей послѣдней суховатой, но полезной нѣкоторыми данными книжкѣ, посвященной „Исторіи синдикальнаго движенія во Франціи", отдѣлывается отъ этого вопроса довольно общей фразой: „Въ своемъ послѣднемъ фазисѣ синдикальное движеніе крѣпко охватываетъ (étreint et englobe) маленькихъ чиновниковъ государства... Напряженность синдикальнаго теченія должна поистинѣ достигать крайнихъ размѣровъ, чтобы проникнуть въ среду тѣхъ пролетаріевъ, которые по самой сущности своей, казалось, всего дольше должны были ускользать отъ его

Синдикаты связываютъ значительное число трудящихся слѣдующихъ категорій: рабочихъ на государственной желѣзнодорожной сѣти (1712 членовъ: во Франціи, какъ извѣстно, правительствомъ эксплуатируется лишь сравнительно небольшая часть рельсовыхъ путей, тогда какъ всѣ остальныя желѣзныя дороги находятся въ рукахъ шести большихъ обществъ); рабочихъ и служащихъ на спичечныхъ фабрикахъ, на табачныхъ мануфактурахъ (12,000 членовъ), на пороховыхъ заводахъ, въ арсеналахъ, въ военныхъ магазинахъ и мастерскихъ; чертежниковъ военно-инженернаго вѣдомства; телеграфно-почтовыхъ рабочихъ, занятыхъ проведеніемъ и ремонтомъ телеграфныхъ и телефонныхъ линій, и т. д. Почти всѣ эти синдикаты соединены въ болѣе обширныя группы: таковы федеративный союзъ правительственныхъ рабочихъ, федерація рабочихъ государственнаго флота, федерація табачныхъ мануфактуръ, федерація спичечныхъ фабрикъ.

Съ другой стороны, собственно чиновники и служащіе, приближающіеся къ типу чиновника, объединяются въ ассоціаціи, изъ которыхъ наиболѣе важными являются: ассоціація «кондукторовъ» и «коммы» вѣдомства путей сообщенія (эти двѣ категоріи дорожныхъ служащихъ почти цѣликомъ входятъ въ союзъ въ количествѣ 6500 человѣкъ); ассоціація чиновниковъ, административныхъ агентовъ и служащихъ почтово-телеграфнаго вѣдомства (13,500 членовъ); ассоціація низшихъ служащихъ того же вѣдомства (такъ называемымъ sous-agents, изъ которыхъ три четверти принадлежатъ къ профессіональной организаціи); ассоціація таможенныхъ чиновниковъ и служащихъ различныхъ наименованій (заключаетъ въ себѣ 21,000 членовъ изъ общаго числа таможеннаго персонала въ 23,000 человѣкъ); ассоціація высшихъ и среднихъ чиновниковъ центральныхъ администрацій и ассоціація низшихъ чиновниковъ тѣхъ же присутственныхъ мѣстъ; ассоціація служащихъ въ министерствахъ (3000 членовъ); ассоціаціи тюремныхъ надзирателей, полицейскихъ коммиссаровъ, мировыхъ судей, чиновниковъ департамента косвенныхъ налоговъ, служащихъ въ префектурахъ и, наконецъ, учителей (громадное большинство которыхъ, особенно изъ учащаго персонала народныхъ школъ, насчитывающаго болѣе 111,000, принадлежитъ къ ассоціаціямъ, обнаруживающимъ, какъ увидимъ сейчасъ, сильную склонность превращаться въ синдикаты и сростаться въ большія федераціи). Словомъ, возникшая въ 1905 г. и окончательно установившая свои статуты въ іюлѣ 1906 г. «Общая федерація профессіональныхъ ассоціацій гражданскихъ служащихъ государства» (*Fédération générale des associations professionnelles des employés civils de l'Etat*), которая объединяетъ всѣ эти различные союзы, насчитываетъ по приблизительнымъ

женіе» (Paul Louis, Histoire du Mouvement syndical en France (1789—1906)»; Парижъ, 1907, стр. 161—162, passim).

выкладкамъ 90,000 членовъ, а съ учителями и почтовыми служащими не менѣе 215,000 членовъ, что довольно хорошо сходится съ утвержденіемъ автора замѣтки, помѣщенной въ № 1045 (отъ 26-го февраля 1907 г.) «L'Humanité», относительно того, что по крайней мѣрѣ три четверти всего административнаго персонала Франціи вошло нынѣ въ этотъ профессіональный союзъ. Въ своемъ окончательномъ видѣ эта федерація слагается изъ десяти различныхъ ассоціацій: служащихъ по вѣдомству путей сообщенія; косвенныхъ налоговъ; подвижного состава таможенныхъ; таможенныхъ, прикрѣпленныхъ къ извѣстнымъ пунктамъ; федераціи ассоціацій служащихъ въ министерствахъ и государственной администраціи; государственныхъ мануфактуръ, табачныхъ заводовъ и спичечныхъ фабрикъ; внутренняго судоходства, маяковъ и фарватеровъ; сборщиковъ податей (percepteurs); персонала общественныхъ работъ; и почтовыхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ служащихъ.

Какъ видите, правительству-хозяину приходится считаться съ этимъ постояннымъ ростомъ профессіональной солидарности среди своихъ наемниковъ. И когда мы видимъ, что въ числѣ этихъ ассоціацій, имѣющихъ цѣлью отстаивать интересы своихъ членовъ коллективнымъ напоромъ на правительство, являются союзы даже полицейскихъ чиновниковъ, то роль синдикализма въ современномъ обществѣ вырисовывается во всей ея многозначительной мощи и историческомъ значеніи.

Мы раньше сказали о двухъ типахъ профессіональныхъ организацій:—синдикатахъ и ассоціаціяхъ. Вопросъ о томъ, чѣмъ они между собой отличаются, и какія группы служащихъ входятъ преимущественно въ ту или другую категорію, интересенъ въ томъ отношеніи, что, отвѣчая на него, мы дадимъ понятіе о пріемахъ, къ которымъ прибѣгаетъ правительство въ своей неустанной борьбѣ съ профессіональными союзами своихъ рабочихъ и служащихъ. Какъ извѣстно, законъ 21-го марта 1884 г. о синдикатахъ, или «законъ Вальдэка-Руссо», изнимаетъ изъ сферы дѣйствія законовъ и статей французскаго уголовнаго свода, ограничивающихъ свободу обществъ и ассоціацій, «синдикаты или профессіональныя ассоціаціи». Онъ даетъ послѣднимъ право существовать «безъ разрѣшенія правительства», «даже еслибы они заключали въ себѣ болѣе двадцати лицъ». Для этого нужно, однако, чтобы эти общества имѣли «своимъ исключительнымъ предметомъ изученіе и защиту экономическихъ, промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ интересовъ»—таково именно и есть опредѣленіе «профессіональнаго синдиката» по закону 1884 г.,—и чтобы они представляли свои статуты и имена своихъ администраторовъ въ мѣстную мэрію, а въ Парижѣ въ сенскую префектуру, при чемъ эти администра-

юры должны быть французскими гражданами (être Français et jouir de leurs droits civils).

При соблюденіи же этихъ условій профессіональные синдикаты (законъ говоритъ: «какъ рабочихъ, такъ и хозяевъ») получаютъ нѣкоторыя права юридическаго лица: могутъ выступать на судѣ; могутъ собирать взносы со своихъ членовъ; могутъ безъ разрѣшенія правительства организовать между своими участниками спеціальныя кассы взаимопомощи и пенсіонныя кассы; могутъ свободно учреждать справочныя бюро для спроса и предложенія труда; могутъ даже пріобрѣтать недвижимыя имущества, не ограничиваясь, впрочемъ, при этомъ лишь тѣми, которыя «будутъ необходимы для ихъ собраній, библіотекъ и курсовъ профессіональнаго образованія». Законъ 1884 г. разрѣшаетъ синдикатамъ вступать между собою въ союзы. Но этимъ болѣе крупнымъ организаціямъ онъ отказываетъ въ признаніи ихъ, хотя бы и съ ограниченіями, юридическимъ лицомъ: такъ они не могутъ ни пріобрѣтать недвижимость, ни выступать въ судѣ.

Перейдемъ теперь къ изложенію существенныхъ чертъ закона 1-го іюля 1901 г., который провозглашаетъ,—говорятъ французы,—«общую свободу ассоціаціи», а, по мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ Третьей республики, даже является «однимъ изъ самыхъ либеральныхъ, какіе только существуютъ въ цивилизованномъ мірѣ» *). Однимъ изъ своихъ параграфовъ (§ 2 статьи 21) онъ объявляетъ, что имъ «не вносится никакого измѣненія въ спеціальные законы, относящіеся къ профессіональнымъ синдикатамъ». Но самъ по себѣ онъ устанавляетъ для ассоціацій вообще правила, которыя не совсѣмъ совпадаютъ съ законодательствомъ, регулирующимъ во Франціи синдикаты. А именно онъ раздѣляетъ всѣ общества на три категоріи: ассоціаціи, не объявившія себя; ассоціаціи, которыя объявили о своемъ существованіи, и ассоціаціи, которыя признаны правительствомъ «общественно-полезными» (d'utilité publique). Ассоціаціи перваго рода, т. е. тѣ, которыя не хотятъ заявлять властямъ о своемъ существованіи, могутъ составляться совершенно свободно, безъ всякаго разрѣшенія, но за то онѣ не пользуются никакими юридическими правами. Чтобы получить ихъ, онѣ должны сдѣлать заявленіе (въ префектурѣ или подпрефектурѣ) о названіи и предметѣ своемъ, о мѣстонахожденіи, объ именахъ, профессіяхъ и мѣстожительствѣ своихъ администраторовъ или директоровъ и, наконецъ, приложить къ этому заявленію два экземпляра своего устава. Кромѣ того, всякія измѣненія въ составѣ администраціи и въ уставѣ должны сейчасъ же сообщаться властямъ, равно какъ вноситься въ спеціальный листъ, который долженъ представляться всякій разъ, какъ того потребуетъ администрація или судъ. Эти заявив-

*) A. Esmein, „Eléments de droit constitutionnel français et comparé“; Парижъ, 1903, стр. 401.

ніія оффиціально о своемъ существованіи ассоціаціи получають нѣкоторыя юридическія права: они могутъ, безъ разрѣшенія, выступать въ судѣ, распоряжаться суммами, поступающими отъ членскихъ взносовъ, владѣть помѣщеніемъ, предназначеннымъ для администраціи обществъ и членскихъ собраній, обладать недвижимостью, «строго необходимою для выполненія поставленной ими себѣ цѣли» (ст. 6). Что касается до ассоціацій, которыя желаютъ признанія ихъ «общественно-полезными», то онѣ признаются правительствомъ таковыми путемъ особаго рода декретовъ (это такъ называемые во Франціи «административные регламенты», règlements d'administration publique, вырабатываемые въ согласіи съ законами исполнительной властью). Онѣ получаютъ, какъ и предыдущія, право обладать и пріобрѣтать строго необходимую для ихъ цѣлей недвижимость. Принадлежащія имъ бумаги должны быть непремѣнно въ именныхъ билетахъ. Онѣ могутъ принимать пожертвованія и наслѣдовать по завѣщаніямъ, но въ условіяхъ, предусмотрѣннымъ какъ гражданскимъ сводомъ, такъ и закономъ 4-го февраля 1901 г.

Достаточно самаго поверхностнаго сравненія законодательствъ, регулирующихъ во Франціи, съ одной стороны, профессіональные синдикаты, съ другой—ассоціаціи вообще, чтобы увидѣть, что первые живутъ подъ болѣе либеральнымъ режимомъ, чѣмъ вторыя. Въ самомъ дѣлѣ, синдикаты, приближаясь по своимъ правамъ къ заявившимъ о себѣ ассоціаціямъ, въ то же время связаны гораздо меньшими формальностями. Мало того: ихъ юридическія полномочія, въ сущности, даже больше правъ не только сейчасъ упомянутыхъ ассоціацій второго рода, но и ассоціацій третьей категоріи, признанныхъ правительствомъ «общественнс-полезными». Синдикаты получаютъ пожертвованія, равно какъ наслѣдуютъ по завѣщаніямъ безъ всякаго разрѣшенія. Никакая статья законовъ не опредѣляетъ обязательной формы, въ которой они должны владѣть движимостью. Наконецъ, обратите вниманіе на очень важное—въ особенности для трудящихся—право синдикатовъ «свободно учреждать справочныя бюро для спроса и предложенія труда», тогда какъ такія же точно учрежденія, организуемыя ассоціаціями, функціонирующими на почвѣ и въ рамкахъ закона 1901 г., подчиняются декрету 25-го марта 1852 г., строго регламентирующему условія ихъ дѣятельности,—чего и слѣдовало, впрочемъ, ожидать отъ указа, выпущеннаго въ самые первые тяжко реакціонные дни цезаристскаго режима, только что совершившаго coup d'Etat и быстро шедшаго къ императорской конституціи.

Интересно, что именно этотъ сравнительный либерализмъ закона 1884 г. о синдикатахъ, особенно до изданія узаконеній объ ассоціаціяхъ 1901 г., и вызывалъ какъ у французской администраціи, такъ у французскаго суда постоянное стремленіе по возможности урѣзать, сузить сферу дѣйствія синдикальныхъ организацій. Эта реакціонная тактика шла, главнымъ образомъ, въ

двухъ направленіяхъ: законъ о синдикатахъ истолковывался, какъ не относящійся къ либеральнымъ профессіямъ; и въ правѣ на синдикальную группировку болѣе или менѣе рѣшительно отказывалось лицамъ, получающимъ заработную плату или жалованье отъ государства: рабочимъ, служащимъ и чиновникамъ. Какова бы ни была внѣшняя аргументація, фразеологія для галлереи, пускаемая въ ходъ представителями французскаго буржуазнаго государства, внутренніе мотивы такого ея поведенія очень прозрачны. Съ одной стороны, если подъ давленіемъ роста собственно такъ называемаго рабочаго движенія, наиболѣе видные политики третьяго сословія, въ родѣ Вальдэка-Руссо, пытались открыть и регулировать пути профессіональной организаціи трудящихся, — которые самито кстати сказать, относились враждебно къ этой, какъ имъ казалось, маккіавелевской тактикѣ правящей буржуазіи *), — то представители французскаго классового государства въ общемъ не желали привить вкусъ къ синдикальной группировкѣ членамъ либеральныхъ профессій. Они не безъ основанія полагали, что сплоченныя организаціи интеллигентныхъ людей могутъ надѣлать много хлопотъ централизованному государству. Съ другой стороны, они въ зародышѣ старались раздавить стремленія къ синдикализму среди рабочихъ и служащихъ государства, опять таки совершенно логически разсуждая съ своей точки зрѣнія, что изъ организаціи наемниковъ правительства можетъ выработаться серьезная сила, которая захочетъ прибѣгать къ такому же дебатированію условій найма съ хозяиномъ-государствомъ, какое практикуется наемниками частныхъ лицъ по отношенію къ своимъ хозяевамъ; и что въ такомъ случаѣ фетишизму и традиціонному преклоненію передъ государственной машиной наступитъ конецъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ перипетіяхъ этой борьбы централизованной власти Третьей республики съ синдикальнымъ движеніемъ.

Попытки французскаго правительства не допустить вообще людей либеральныхъ профессій воспользоваться прошедшимъ черезъ парламентъ закономъ 1884 г. прямо не относятся къ предмету нашей статьи. Но онѣ относятся къ нему косвенно и относятся очень существеннымъ образомъ, такъ какъ среди представителей упомянутыхъ профессій вербуются чиновники и служащіе государства, нѣкоторые разряды которыхъ стали въ послѣднее время сильно озабочивать своимъ независимымъ выступленіемъ и энергичной защитой интересовъ великихъ и малыхъ боговъ бюрократіи. Таковы, напр., члены учащаго персонала всѣхъ трехъ категорій, начиная отъ учителей народной школы, переходя къ преподавателямъ среднеучебныхъ заведеній и кончая профессорами

*) См. въ уже цитированной мною моей статьѣ о „Французскомъ синдикализмѣ" краткую исторію отношенія рабочихъ къ закону о синдикатахъ, особенно стр. 34.

университетовъ и вообще высшихъ школъ. Такимъ образомъ, лишь вскользь упомянувши о стараніяхъ администраціи и суда Третьей республики выключить изъ числа лицъ, имѣющихъ право образовывать между собою синдикаты, врачей, хирурговъ, дантистовъ, акушерокъ *), мы переходимъ къ исторіи борьбы французскаго правительства противъ синдикальныхъ стремленій въ педагогическомъ мірѣ, а главнымъ образомъ, среди учителей народныхъ школъ. Ибо, съ одной стороны, именно эта категорія преподавателей проявила, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время, наибольшее тяготѣніе къ синдикализму. А съ другой стороны, само правительство не такъ рѣзко выступало противъ преподавателей среднеучебныхъ заведеній и профессоровъ университета, побаиваясь вліянія этихъ лицъ на печать и вообще на общественное мнѣніе и ограничиваясь мѣрами строгости противъ нихъ не столько за образованіе незаконныхъ синдикатовъ, сколько за выступленіе съ ярко антиправительственными взглядами (вспомните Эрвэ съ его «антипатріотическою» проповѣдью, приведшею правящія сферы въ комичный, на половину притворный страхъ). Исторія синдикализма среди народныхъ учителей и борьбы съ нимъ, правительства начинается на слѣдующій же день по изданіи закона 1884 г. Въ Сенскомъ департаментѣ въ первый же годъ функціонированія этого закона учителями первоначальныхъ школъ была сдѣлана попытка организовать синдикатъ, основатели котораго были, впрочемъ, настроены крайне мирно и не желали ничего другого, какъ только защищать свои профессіональные интересы. Но правительство ревниво слѣдило за малѣйшими проявленіями ассоціаціоннаго духа среди педагогическаго персонала. И какъ только синдикальная организація сенскихъ учителей стала обнаруживать притягательное дѣйствіе на членовъ профессіи и разрастаться, находившееся тогда у власти рѣзко оппортунистическое министерство сочло нужнымъ прибѣгнуть къ административнымъ перунамъ. Въ сентябрѣ 1887 г. министръ народнаго просвѣщенія, Спюллеръ, издалъ свой знаменитый въ лѣтописяхъ правительственной борьбы съ синдикатами служащихъ циркуляръ, на который нерѣдко ссылались враги профессіональнаго движенія среди наемниковъ государства. Циркуляръ этотъ гласилъ такъ: «общественная должность не есть профессія, точно такъ же, какъ жалованье не есть заработная плата. Заработная плата служитъ предметомъ дебатированія между рабочимъ и хозяиномъ; это—борьба интересовъ, опредѣляющая права спроса и предложенія труда... Но жалованье, наоборотъ, опредѣляется закономъ и можетъ быть измѣнено только путемъ закона

*) Всѣ эти категоріи, тщетно добивавшіяся права на синдикатъ въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ, благодаря „разъясненіямъ“ Кассаціоннаго Суда, составляющимъ pendant „разъясненіямъ“ нашего Сената, получили, наконецъ, право на профессіональную организацію въ силу спеціальнаго закона 1892 г.

же. Предполагая даже, что оно низко, найдется ли, однако, хоть одинъ человѣкъ, который станетъ утверждать, что чиновники имѣютъ право составлять коалиціи между собою и, въ случаѣ надобности, даже устраивать стачки съ тѣмъ, чтобы вынудить у государства повышеніе различныхъ родовъ жалованья?.. Автономія чиновниковъ носитъ, въ сущности, другое имя: она называется анархіей; а автономія союзовъ чиновниковъ была бы организованной анархіей»... И велерѣчивый оппортунистъ заканчивалъ свой циркуляръ авторитарнымъ утвержденіемъ, что онъ, Спюллеръ, признаетъ «мятежный характеръ за всякой ассоціаціей чиновниковъ, ставящей тройную цѣль, которую резюмируютъ три слова: автономія, федерація, профессіональный синдикатъ».

Профессіональная организація учителей была, такимъ образомъ, въ теченіе нѣкотораго времени парализована правительствомъ, которое дѣйствовало, несмотря на смѣну кабинетовъ, въ духѣ теоріи и практики Спюллера. Объединеніе на почвѣ корпоративныхъ интересовъ стало возникать снова въ формѣ такъ называемыхъ «Amicales», или «дружескихъ» обществъ учителей, ставившихъ себѣ въ началѣ крайне скромныя цѣли, чуть ли единственно не обмѣна мыслями между бывшими коллегами-педагогами на товарищескихъ банкетахъ *) А такъ какъ рядомъ съ этими союзами функціонировали уже раньше существовавшія кассы взаимопомощи учителей, то вновь учреждавшіяся общества не отвѣчали, казалось, никакой серьезной потребности и мало удовлетворяли наиболѣе дѣятельныхъ членовъ корпораціи. Но и съ этими невинными и далекими на первыхъ порахъ отъ какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей союзами произошло то, что всегда происходитъ съ людьми, когда они вступаютъ на почву общенія: простой обмѣнъ мыслей приводилъ участниковъ «дружескихъ» обществъ къ сознанію коллективныхъ интересовъ и къ рѣшенію защищать ихъ соединенными силами.

На собраніяхъ этихъ союзовъ стали обсуждаться дѣйствія педагогическихъ властей и формулироваться жалобы и требованія учительскаго персонала. Послышались все болѣе и болѣе твердыя и горячія рѣчи о необезпеченномъ положеніи учителей, о давленіи на нихъ начальства, о нераціональномъ характерѣ программъ и учебниковъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе передовыхъ союзовъ стали обращаться съ энергичными заявленіями о желательныхъ реформахъ къ правящимъ сферамъ. Съ другой стороны, стали дѣлаться участниками попытки превращать эти общества въ профессіональныя организаціи типа синдикатовъ и образовывать изъ нихъ болѣе или менѣе обширныя областныя (régionales) и даже «національныя» федераціи. Но неудержимо разроставшееся движеніе снова

*) См. замѣтку: Antonin Franchet, «Historique du mouvement syndical chez les instituteurs» въ „Revue Syndicaliste», n°7 (15 ноября 1905 г.), стр. 163.

нашло, на пути своего развитія, стараго врага: буржуазное государство. Циркуляры и мѣры взысканія опять посыпались на дерзкихъ педагоговъ-синдикалистовъ съ высотъ административнаго Олимпа. И министры-радикалы не уступали въ этой опекающей дѣятельности министрамъ-либераламъ. Такъ, еще въ августѣ 1892 г. Леонъ Буржуа, въ отвѣтъ на попытку учителей организовать областной конгрессъ на югѣ Франціи, писалъ префекту департамента Воклюзы: «Съ самаго же начала правительство провело демаркаціонную линію (между различными союзами Н. К.). Оно заявило, что не позволитъ проникнуть въ сферу народнаго образованія,—подъ предлогомъ «группировки учителей»,—какой-либо постоянной организаціи въ родѣ *профессіональнаго синдиката*, лиги или федераціи, приводящей къ созданію центральнаго комитета, или всякаго другого способа незаконной концентраціи власти въ рукахъ оффиціальныхъ уполномоченныхъ, каковы бы они ни были».

Тремя годами позже, въ декабрѣ 1895 г., когда Леонъ Буржуа составилъ уже чисто радикальное министерство, министръ народнаго просвѣщенія въ его кабинетѣ, Комбъ, ставшій впослѣдствіи столь извѣстнымъ, какъ глава боевого антиклерикальнаго кабинета и, повидимому, наиболѣе чистый и убѣжденный человѣкъ въ лагерѣ радикальныхъ политикановъ, воспроизводилъ буквально въ своемъ письмѣ къ ректору парижской академіи (попечителю округа) разсужденія Буржуа и присовокуплялъ къ нимъ еще слѣдующія: «Государство не можетъ допустить, чтобы ассоціація, состоящая изъ государственныхъ чиновниковъ, имѣла возможность, подъ предлогомъ помощи своимъ членамъ, вмѣшиваться въ отношенія между ними и ихъ іерархическими начальниками и, въ извѣстный моментъ, пускать въ ходъ всѣ средства, находящіяся въ ея распоряженіи, чтобы мѣшать дѣйствіямъ отвѣтственнаго министра и производить давленіе на государственную власть.»

Нечего уже совсѣмъ поэтому удивляться, что въ февралѣ 1897 г., преемникъ Комба по министерству, умѣренный республиканецъ Рамбо, рѣшительно отказывалъ въ разрѣшеніи образовавшейся было ассоціаціи членовъ учащаго персонала и заявлялъ, что хотя это общество и называетъ себя обществомъ *изученія* профессіональныхъ интересовъ, оно фатально превратится въ общество *дѣйствія*; а «сила, которую даетъ великая сфедерированная или коалиціонная коллективность», сдѣлаетъ его очень опаснымъ для авторитета правительства. На основаніи этихъ вполнѣ откровенныхъ соображеній, Рамбо запрещалъ «чиновникамъ» своего вѣдомства вступать въ какую бы то ни было профессіональную ассоціацію и пытался провести рѣзкую границу между чиновникомъ вообще и рабочимъ на службѣ у государства (мы увидимъ, впрочемъ, вскорѣ, что у правящей французской буржуазіи сильно распространена тенденція смѣшивать эти двѣ категоріи лицъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы обрушиться админи-

стративнымъ гнетомъ на рабочихъ казенныхъ фабрикъ и заводовъ): «Государственный чиновникъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть приравненъ къ человѣку, который служитъ государству въ силу договора, за наемную или заработную плату, какъ то дѣлаетъ рабочій, договаривающійся съ хозяиномъ».

Даже нравственная встряска, испытанная лучшей частью французской буржуазіи во время дѣла Дрейфуса, не внесла рѣшительнаго измѣненія въ систему недовѣрія и репрессій, которую правительство примѣняло къ учительскимъ ассоціаціямъ. Когда движеніе «народныхъ университетовъ» поставило на очередь сближеніе физическихъ и умственныхъ работниковъ на почвѣ демократіи и свободной мысли и встрѣтило симпатію въ значительно передвинувшихся влѣво правящихъ сферахъ, которымъ приходилось теперь искать опоры въ широкихъ слояхъ, чтобы вести успѣшную борьбу съ клерикальной и шовинистской реакціей, то нѣкоторые изъ учителей рѣшили было придать объединенію двухъ категорій трудящихся болѣе серьезную и прочную форму. На рубежѣ двухъ столѣтій учителя департамента Соммы выработали проектъ войти, въ качествѣ синдиката, въ биржу труда города Амьена. Окружный инспекторъ, хотя бывшій большимъ демократомъ и антиклерикаломъ, извѣстилъ, однако, продерзностныхъ педагоговъ, что правительство считаетъ нужнымъ воспретить это вступленіе учителей въ организацію пролетаріевъ. И, не желая создавать затрудненій свободолюбивому инспектору, учащій персоналъ Соммы отказался отъ своего плана, хотя на слѣдующемъ же собраніи «Дружескаго общества» была выработана рѣзкая резолюція, говорящая о твердомъ намѣреніи его членовъ добиваться со стороны правительства признанія за ними всѣхъ правъ французскихъ гражданъ, включая сюда и право свободной группировки въ ассоціации.

Правительство не обратило большого вниманія на эти, какъ ему казалось, платоническія угрозы, и профессіональное объединеніе учителей, повидимому, пріостановилось, какъ вдругъ лѣтомъ 1904 г. разнеслась вѣсть о томъ, что одно изъ учительскихъ обществъ Варскаго департамента, «Cercle pédagogique du Var», преобразовалось въ синдикатъ, т. е. стало на почву профессіональной рабочей организаціи. Само по себѣ это чисто мѣстное событіе вызвало, однако, сильное движеніе умовъ во всей Франціи. Въ то время, какъ буржуазные, и серьезные, и бульварные органы вмѣстѣ со спеціальною педагогическою прессою старались устроить противъ варскихъ учителей заговоръ молчанія, ихъ рѣшеніе стало усиленно обсуждаться соціалистическою печатью. И нашелся даже одинъ педагогическій журналъ, посвященный вопросамъ первоначальнаго образованія «La Revue de l'Enseignement Primaire», который завелъ спеціальную рубрику «Синдикальное движеніе въ университетскомъ мірѣ». (По-французски, какъ из-

вѣстно, слово «университетъ» обнимаетъ въ широкомъ смыслѣ совокупность всѣхъ степеней образованія).

Примѣръ оказался заразительнымъ, и вслѣдъ за учителями Варскаго департамента вопросъ о преобразованіи педагогическихъ обществъ въ синдикаты былъ поднятъ учащимъ персоналомъ на югѣ Франціи (въ департаментахъ Гаръ, Верхней Гаронны, Восточныхъ Пиренеевъ, Коррезы, Воклюзы, устьевъ Роны), на западѣ (Мэна-и-Луары, Двухъ Севровъ), на сѣверѣ (въ департаментѣ Соммы), въ далекой и еще недавно бывшей исключительно католическою Бретани (въ Финистеррѣ). А въ Сенскомъ департаментѣ даже выборы въ генеральный совѣтъ (наше губернское земство) состоялись, между прочимъ, на платформѣ синдикализаціи учительскихъ обществъ, и всѣ пять кандидатовъ, защищавшихъ этотъ принципъ во время избирательной агитаціи, прошли.

Правительство снова рѣшило прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, и осенью 1905 г., когда общество сенскихъ учителей, извѣстное подъ именемъ «L'Emancipation», преобразовало себя въ синдикатъ и представило въ префектуру свой уставъ для правильной регистраціи, префектъ отказался дать росписку въ полученіи этихъ документовъ, а министерство Рувье, смѣнившее министерство Комба, распорядилось привлечь членовъ совѣта ассоціаціи къ суду исправительной полиціи по обвиненію въ незаконномъ составленіи синдиката.

Въ промежуткѣ возникъ вопросъ, не пріостановить ли эти преслѣдованія, такъ какъ палата готовилась къ обсужденію законопроекта одного изъ вліятельныхъ своихъ членовъ, Луи Барту, докладъ котораго о нѣкоторыхъ необходимыхъ измѣненіяхъ въ законодательствѣ о синдикатахъ предусматривалъ еще въ 1903 г. именно право чиновниковъ на образованіе профессіональныхъ организацій. Преслѣдованія были, дѣйствительно, пріостановлены. Но самая новѣйшая исторія этой коллизіи сенскихъ учителей съ правительствомъ такъ глубоко комична и грустна, и вмѣстѣ съ тѣмъ возмутительна, что о ней нельзя не сказать нѣсколько словъ. Послѣ пріостановки упомянутыхъ преслѣдованій и вота палатою общей амнистіи, включавшей въ число амнистированныхъ и учителей, синдикаты педагогическаго персонала стали возникать и функціонировать почти совершенно свободно. Но вотъ министерскій кризисъ уноситъ въ мартѣ 1906 г. кабинетъ Рувье и ставитъ на его мѣсто кабинетъ Саррьена. Въ него входятъ, между прочимъ, такіе, казалось бы, защитники всякихъ свободъ, какими являются: еще недавно чуть не «анархистъ» Клемансо, дѣлающійся министромъ внутреннихъ дѣлъ; Бріанъ, давнишній пропагандистъ всеобщей стачки, получающій портфель министра народнаго просвѣщенія, и уже знакомый намъ Барту, берущій портфель министра общественныхъ работъ. Докладъ послѣдняго, кстати сказать, напечатанный сначала въ видѣ приложенія къ «Journal officiel»

(№ 1418, отчетъ о засѣданіи палаты депутатовъ 28-го декабря 1903 г.) и появившійся вскорѣ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Синдикальная дѣятельность» *), возбуждалъ интересъ и нѣкоторыя симпатіи даже среди довольно крайнихъ элементовъ, которые думали, что разъ Барту попалъ въ министры, онъ будетъ защищать и въ кабинетѣ благожелательный взглядъ на синдикаты.

И что же? Именно съ воцареніемъ этого министерства, свирѣпствовавшаго всю весну и лѣто противъ стачечниковъ всякаго рода, начинаются новыя преслѣдованія учительскихъ синдикатовъ. Прежде всего мосье Бріанъ неоднократно заявляетъ, что лучшіе, по его мнѣнію, учителя, это тѣ, которые не занимаются политикой; и что онъ будетъ неуклонно подвергать строгимъ дисциплинарнымъ карамъ тѣхъ членовъ учащаго персонала, которые прибѣгаютъ къ агитаціи и къ коллективному давленію на правительство съ цѣлью добиться того или другого, хотя бы и справедливаго требованія. Въ общемъ же кабинетъ смотритъ на учительскіе союзы, принимающіе форму синдикатовъ, какъ на вещь ненормальную и недопустимую, какъ на попытку организоваться на основаніяхъ, не соотвѣтствующихъ роли и положенію учителей въ обществѣ.

Дальше еще лучше: министерство Саррьена осенью 1906 г. уступаетъ, въ свою очередь, мѣсто министерству Клемансо. Послѣдній становится премьеромъ, сохраняя свой постъ министра внутреннихъ дѣлъ, оставляя при себѣ съ прежними портфелями Бріана и Барту и отдавая портфель новаго министерства, министерства труда, «независимому соціалисту» Вивьяни. Что за обиліе радикальныхъ и соціалистическихъ элементовъ! И однако, и этотъ новый кабинетъ оказался по отношенію къ представителямъ физическаго и умственнаго труда ничуть не мягче и ничуть не справедливѣе, чѣмъ прежніе оппортунистскіе и умѣренно радикальные кабинеты. Уже въ своей деклараціи отъ 5-го ноября 1906 г. министерство Клемансо за реторическимъ, ни къ чему не обязывающимъ обѣщаніемъ «статута» для чиновниковъ разставляетъ гораздо болѣе реальную артиллерію угрозъ противъ стачекъ служащихъ: «Правительство предложитъ на ваше разсмотрѣніе, для регулированія статута чиновниковъ, законопроектъ, который, обезпечивая имъ свободу профессіональной ассоціаціи и гарантируя ихъ противъ произвола, удержитъ ихъ въ границахъ исполненія долга по отношенію къ государству, отвѣчающему за общественныя службы» **). Но пока появится и будетъ обсуждено парламентомъ пресловутое «регулированіе статута» ***), вотъ какъ обращается

---

*) Louis Barthou, „L'Action syndicale"; Парижъ, 1904.

**) Ср. мою статью „Радикализмъ передъ судомъ соціализма", въ ноябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства", стр. 42—79, въ особенности же стр. 77.

***) Статья эта была уже написана, когда газеты принесли извѣстіе, что столь долго ожидаемый законопроектъ внесенъ министерствомъ на обсужденіе въ палату. Онъ стоитъ на банальной почвѣ опредѣленія чи-

кабинетъ Клемансо со «свободой профессіональной ассоціаціи». Совсѣмъ недавно, 22-го февраля 1907 г., синдикатъ учителей, который вошелъ въ составъ парижской биржи труда, явился въ зданіе биржи, чтобы занять отведенное ему административной коммиссіей учрежденія мѣсто для своихъ занятій, собраній и т. п. Сенскій префектъ, въ качествѣ лица, завѣдующаго городскимъ зданіемъ, отказался наотрѣзъ допустить туда учительскій синдикатъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не фигурируетъ въ спискѣ организацій, правильно примыкающихъ къ парижской биржѣ труда. Жалобы, требованія, обращенія къ министру народнаго просвѣщенія, переговоры съ президентомъ совѣта министровъ ни къ чему не привели: Бріанъ и Клемансо остались глухи къ голосу педагогическаго пролетаріата; и парижскому «Союзу синдикатовъ» пришлось пріютить синдикатъ учителей въ своемъ помѣщеніи. Разумѣется, теперь самые рѣзкіе протесты противъ «радикально-соціалистическаго» произвола раздаются въ рядахъ учителей и поддерживаются синдикалистами Парижа. Эти протесты ярко выражаютъ разницу точекъ зрѣнія, на которыхъ стоятъ члены синдикатовъ, съ одной стороны, и правительство Третьей республики—съ другой.

Административная коммиссія синдикатовъ горячо разоблачаетъ деспотическій актъ кабинета Клемансо-Бріана-Вивьяни-Барту и приглашаетъ всѣ синдикаты дружно вступиться за товарищей-учителей: «Завтра мы скажемъ, что настоящее министерство истолковываетъ законъ 1884 г. о синдикатахъ, какъ какой-то исключительный законъ. Завтра учителя скажутъ новымъ поколѣніямъ: «Французская республика провозгласила права человѣка и гражданина. Она дала всѣмъ одинаковыя права и обязанности, но она не считается съ этой декларацiей, когда дѣло идетъ о правахъ, дарованныхъ тѣмъ, кого она угнетаетъ и эксплуатируетъ. Эти факты, въ случаѣ подтвержденія, укажутъ организованному пролетаріату линію поведенія, которой онъ долженъ слѣдовать».

Съ своей стороны главный комитетъ союза синдикатовъ вотировалъ слѣдующую резолюцію: «Комитетъ рѣшилъ выразить учителямъ и учительницамъ Сенскаго департамента привѣтъ и одобреніе всего парижскаго пролетаріата за энергическія дѣйствія, предпринятыя ими для завоеванія синдикальныхъ правъ... Онъ пригла-

---

новника, какъ „делегата государственной власти" и т. д. Онъ признаетъ за служащими государства право составлять лишь ассоціаціи и ихъ федераціи, но отнюдь не синдикаты (могущіе, значитъ, примыкать къ рабочимъ биржамъ труда). Онъ грозитъ стачечникамъ карами до 1 года тюремнаго заключенія. Такова свобода правительственныхъ служащихъ въ лѣто отъ основанія Третьей республики тридцать шестое... Конечно, это нисколько не остановитъ трудящихся въ борьбѣ съ правительственнымъ произволомъ. Въ частности, учителя, только что собравшіеся на конгрессъ въ Нантѣ, единодушно въ первый же день засѣданія (30 марта н. ст.) вотировали протестъ противъ законопроекта, мало того, вошли во „Всеобщую конфедерацію труда"... Tu l'as voulu, Georges... Clemenceau!..

шаетъ учителей и учительницъ Франціи, несмотря на запрещеніе министра Бріана, группироваться на почвѣ синдикатовъ, образовать и мѣстныя, и національныя федераціи, вступить въ союзъ солидарности со всѣми трудящимися, примкнувъ ко Всеобщей конфедераціи труда» *).

Не надо, впрочемъ, думать, что правительство Третьей республики прибѣгаетъ къ мѣрамъ строгости только въ примѣненіи къ учителямъ. Оно неоднократно обрушивалось преслѣдованіями на служащихъ и чиновниковъ всякихъ другихъ категорій, нисколько не забывая карать, когда это было только возможно, и собственно рабочихъ, т. е. лицъ, по отношенію къ которымъ оно какъ бы признавало возможность иной тактики, чѣмъ къ чиновникамъ.

Мы уже говорили раньше мимоходомъ о сравнительно очень давнихъ стараніяхъ правящихъ сферъ Третьей республики препятствовать всѣми способами росту профессіональныхъ организацій среди рабочихъ государства. Имя умѣреннаго республиканца, Марселя Барта, пользуется въ мірѣ труда печальной извѣстностью, какъ имя иниціатора реакціонной кампаніи противъ тогда недавно вотированнаго закона о синдикатахъ, образованіе которыхъ онъ хотѣлъ воспретить всѣмъ безъ исключенія правительственнымъ служащимъ и рабочимъ, предлагая даже насильственно распустить уже существующіе. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, ибо въ эпоху, къ которой относится предложеніе сенатора Барта (1886 г.), въ парламентѣ и странѣ шла отчаянная борьба радикаловъ съ оппортунистами, и лѣвыя партіи старались привлечь на свою сторону массы.

Но послѣ разгрома буланжистскаго движенія и, можно сказать, наканунѣ грандіознаго скандала Панамы, когда оппортунистическая партія, главнымъ-то образомъ и побѣдившая въ этой борьбѣ, справляла свои послѣднія оргіи и торопилась жить во всю, изъ рядовъ правящихъ умѣренныхъ республиканцевъ было сдѣлано уже на всѣхъ служащихъ государства новое нападеніе. Оно увѣнчалось успѣхомъ въ томъ смыслѣ, что, не разрушая прямо закона о синдикатахъ, оно отказывало въ правѣ пользоваться этой формой профессіональной организаціи лицамъ, которыя правительство могло включать въ категорію «служащихъ». Я говорю о рѣчи, долго считавшейся классическою по этому вопросу и произнесенной на засѣданіи 17 ноября 1891 г. тогдашнимъ министромъ торговли, Жюлемъ Рошемъ. Этотъ талантливый, но глубоко безпринципный ренегатъ радикальнаго лагеря, а въ то время одинъ изъ столповъ оппортунизма (нынѣ же докатившійся по наклонной плоскости до клерикальныхъ взглядовъ), передъ тѣмъ, какъ попасть на скамью подсудимыхъ за самую низкопробную подкупность, развивалъ съ апломбомъ буржуазнаго Ликурга слѣдующую точку зрѣнія: «Я отнюдь не

*) „L'Humanité", n° 1041 (отъ 22-го февраля 1907 г.).

признаю за агентами правительства права осуществлять (mettre à éxécution) законъ о профессіональныхъ синдикатахъ потому, что этотъ законъ къ нимъ не относится, и потому, что если бы они стали организоваться въ синдикаты, то дѣлали бы это прямо противъ самого народнаго представительства. Законъ о профессіональныхъ синдикатахъ далъ эту свободу рабочимъ потому, что разъ два частныхъ интереса, интересъ хозяевъ, съ одной стороны, интересъ рабочихъ—съ другой, находятся на лицо, то надо было вручить всѣмъ заинтересованнымъ право пользоваться ихъ естественной свободой для защиты своихъ интересовъ. Но служащіе государства имѣютъ передъ собой не частный интересъ, а общій интересъ и самый высшій изъ всѣхъ: интересъ самого государства, представляемаго общественною властью, палатою и правительствомъ (по французской парламентарной терминологіи «правительство» обозначаетъ почти всегда кабинетъ, стоящій у власти. Н. К.); слѣдовательно, если бы они могли осуществить въ свою пользу законъ о профессіональныхъ синдикатахъ, то они организовали бы тѣмъ самымъ борьбу прямо противъ самой націи, противъ общаго интереса страны, противъ національной верховной власти. Что касается дѣятельности администраціи, во главѣ которой я имѣю честь стоять, то она контролируется вами, и этотъ контроль долженъ удовлетворить самыхъ требовательныхъ. Именно забота и долгъ правительственной власти и состоятъ въ томъ, чтобы къ каждому примѣнять справедливость въ предѣлахъ возможнаго, и агенты государства могутъ быть увѣрены, что ихъ интересы въ хорошихъ рукахъ, когда они находятся въ рукахъ національнаго представительства» *).

Этотъ символъ вѣры самодержавной бюрократіи получалъ важность главнымъ образомъ потому, что въ случаѣ принятія его политическими кругами давалъ правительству возможность парализовать синдикальное движеніе любой категоріи лицъ, оплачиваемыхъ въ той или иной формѣ государствомъ. Его боевое, враждебное міру труда значеніе ясно обрисовывалось всякій разъ, когда у власти становились министерства, выражавшія откровенно эгоистическія тенденціи имущихъ и правящихъ классовъ и дѣлавшія недвусмысленные выводы изъ глубоко буржуазной теоріи, развивавшейся панамистомъ Рошемъ. Такъ, въ періодъ сильной соціальной реакціи, вызванной страхомъ господствующихъ классовъ передъ ростомъ соціализма и оправдываемый правительствомъ—для галлереи—ссылками на анархическія покушенія, кабинетъ Казиміра Перье, который выражалъ интересы крупнаго капитализма, наотрѣзъ отказался признать право составлять синдикаты за служащими на государственной желѣзнодорожной сѣти, т. е. то самое право, которое при обычныхъ условіяхъ даже умѣренные республиканцы

---

*) Louis Barthou, «L'action syndicale» стр. 137—138.

не рѣшались оспаривать у служащихъ на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Министръ общественныхъ работъ, Жоннаръ, тоже одинъ изъ представителей крупной буржуазіи, поддержанный самимъ премьеромъ, пытался установить передъ палатой софистическое различіе между тѣми рабочими и служащими, содержаніе которыхъ не опредѣлено заранѣе въ бюджетѣ, и тѣми, жалованье которыхъ фигурируетъ въ числѣ ежегодно вотируемыхъ бюджетныхъ статей, и не считалъ возможнымъ допустить синдикальную организацію для послѣднихъ. Дѣйствіе происходило на «историческомъ» засѣданіи палаты депутатовъ 22 мая 1894 г. У палаты, которую припирала не разъ къ стѣнѣ рѣзкая критика соціалистовъ и которая боялась новаго повода агитаціи въ массахъ, не хватило духу поддерживать реакціонное предложеніе министровъ, и кабинетъ Казиміра Перье рухнулъ, пораженный вотомъ слѣдующаго очередного порядка: «Палата, принимая во вниманіе, что законъ 1884 г. относится такъ же къ рабочимъ и служащимъ государственныхъ предпріятій, какъ и къ рабочимъ и служащимъ частной индустріи, приглашаетъ правительство уважать его и облегчать его осуществленіе».

Было бы, впрочемъ, наивно думать, что нападенія представителей соціальной реакціи на свободу синдикатовъ этимъ и кончились. Не говоря уже о томъ, что тактика правящихъ сферъ состояла въ проведеніи очень трудно устанавливаемой границы между такими государственными служащими, которымъ можно разрѣшать профессіональную организацію, и такими, которымъ этого яко бы нельзя (объ этомъ см. ниже), и кабинеты, и отдѣльные «законодатели» вели борьбу противъ синдикатовъ косвенно, а именно какъ противъ организацій, могущихъ проводить,—и въ этомъ враги трудящихся не ошиблись,—стачки болѣе успѣшно, чѣмъ не связанные профессіональными узами рабочіе. Таковъ смыслъ имѣло предложеніе двухъ сенаторовъ, Корделэ и Мерлэна (21 декабря 1894 г.), запретить всякія коалиціи, имѣющія цѣлью пріостановить или совсѣмъ прекратить работу (de suspendre ou de cesser le travail) во всѣхъ родахъ государственныхъ предпріятій и—по попутности—на какихъ бы то ни было, даже и частныхъ, желѣзныхъ дорогахъ. Таковъ былъ смыслъ и законопроекта Трарьё (министра юстиціи въ кабинетѣ Рибо), который предлагалъ 4 марта 1895 г. запретить стачки въ арсеналахъ и желѣзныхъ дорогахъ, какъ предпріятіяхъ имѣющихъ, молъ, прямое отношеніе къ защитѣ страны отъ внѣшняго врага. Правда, и упомянутое сенаторское предложеніе, и упомянутый министерскій законопроектъ, несмотря на неоднократныя попытки любителей «сильной власти», не прошли. Такъ, проектъ Трарьё былъ взятъ назадъ радикальнымъ министерствомъ Буржуа и, снова вотированный значительнымъ большинствомъ въ сенатѣ (14 февраля 1897 г.), хотя и передавался дважды въ палату (30 іюня 1896 г. и 12 іюня 1902 г.), однако ею былъ оставленъ безъ разсмотрѣнія. Но мы

остановились на этихъ реакціонныхъ планахъ потому, что выдвигавшееся ими впередъ новое остріе аргументаціи — важность извѣстныхъ отраслей промышленности для всего государства — было подхвачено правящими сферами почти во всѣхъ странахъ и направлено, какъ подходящее оружіе въ грудь трудящихся массъ. Вспомните, дѣйствительно, стачки желѣзнодорожныхъ служащихъ въ послѣднее десятилѣтіе въ Голландіи, Италіи *), у насъ, во время великихъ «октябрьскихъ дней», и совсѣмъ недавно въ Болгаріи. Обратите, кстати, вниманіе на только что закончившуюся стачку (муниципальныхъ) рабочихъ электриковъ въ Парижѣ. Повсюду правительства считаютъ возможнымъ вмѣшиваться въ «коалиціи» трудящихся подъ тѣмъ предлогомъ, что ими наносится существенный ущербъ національнымъ интересамъ, и не стѣсняются въ выборѣ средствъ для ихъ подавленія. Они то грозятся приравнять для даннаго момента желѣзнодорожныхъ служащихъ солдатамъ; то, дѣйствительно, призываютъ тѣхъ стачечниковъ, которые принадлежатъ къ запасу, на службу и угрожаютъ имъ военной дисциплиной; то наконецъ, просто замѣняютъ ихъ арміей, какъ это только что рѣшилъ было продѣлать Клемансо, цинически объясняя радикальнымъ мамелюкамъ палаты въ отвѣтъ на интерпелляцію Жорэса, что «общество хочетъ жить», и что въ интересахъ этого общества онъ, Клемансо, и предложилъ единодушно принятый кабинетомъ планъ замѣстить бастующихъ электриковъ арміей.

Раньше мы упомянули объ усиліяхъ французскихъ правящихъ сферъ установить извѣстную черту между тѣми «служащими» государства, на которыхъ можетъ быть распространенъ законъ о синдикатахъ, и тѣми, которымъ эта профессіональная организація должна быть воспрещена. Съ этою цѣлью была выставлена даже особаго сорта теорія, которая, впрочемъ, заключаетъ въ себѣ столько противорѣчій, когда ее прилагаютъ на практикѣ, что министры, смотря по большей или меньшей степени своего «либерализма», то принимаютъ ее къ руководству, то какъ бы забываютъ о ея существованіи. А въ результатѣ отношенія между государствомъ и его служащими носятъ характеръ случайности и произвольности, при чемъ чаще всего правительство является въ роли капризнаго властелина, желающаго расправляться съ той или другой категоріей зависящихъ отъ него лицъ, какъ ему заблагоразсудится.

*) Послѣ февральской стачки 1905 г. кабинетъ Фортиса, смѣнившій кабинетъ Джіолитти, провелъ въ парламентѣ законъ, который, вмѣстѣ съ выкупомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ, устанавливалъ строгія наказанія для желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, приравнивая ихъ къ чиновникамъ. См. «La Revue Syndcaliste», № 1 (отъ 15 мая 1905 г.), стр. 16—17.

Теорія, о которой мы только что упомянули и которую правительство теперь при случаѣ выдвигаетъ, прячась за авторитеты ученыхъ юристовъ въ родѣ Нэзара, Бартэлеми, Бургэна и т. п. *), такова. Служащіе, или чиновники раздѣляются на двѣ категоріи: чиновники, обладающіе большею или меньшею долею государственной власти (fonctionnaires d'autorité); и чиновники, отправляющіе извѣстныя техническія, коммерческія и промышленныя функціи (fonctionnaires de gestion). Примѣромъ перваго рода государственныхъ служащихъ могутъ быть префекты, дипломатическіе агенты, члены судебнаго вѣдомства и т. д.; примѣромъ второго—инженеры и различные служащіе путей сообщенія, преподаватели всѣхъ трехъ разрядовъ, почтово-телеграфные чиновники и служащіе, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, словомъ,—какъ выражается коммиссія труда палаты депутатовъ,—«всѣ рабочіе и лица, находящіяся на службѣ у государства, департаментовъ, коммунъ и общественныхъ учрежденій, но не располагающіе ни малѣйшею частью правительственной власти.» Если, говоря вообще, для послѣдней категоріи допустимо право вступать въ профессіональныя организаціи **), то его немыслимо дать первой категоріи,—такъ разсуждаютъ правящія сферы Франціи. Но это разсужденіе признается ими, дѣйствительно, лишь «говоря вообще»; и строго держась второй половины фразы, они поминутно отступаютъ отъ первой.

Съ одной стороны, нѣкоторые, наиболѣе свободолюбивые или наименѣе заскорузлые въ старыхъ іерархическихъ традиціяхъ министры признаютъ право образовывать синдикаты за рабочими военныхъ мастерскихъ (циркуляръ генерала Андрэ отъ марта 1901 г.), за гражданскими служащими морского вѣдомства (циркуляръ Пелльтана отъ 25-го октября 1902 г.), и т. д. Но, съ другой стороны, иные министры запрещаютъ вступать въ профессіональныя организаціи лицамъ, несомнѣнно принадлежащимъ къ тѣмъ служащимъ, которые отнюдь не могутъ считаться представителями правительственной власти, а просто на просто исполняютъ извѣстныя техническія функціи. И въ числѣ такихъ министровъ приходится не безъ нѣкотораго удивленія встрѣтить людей даже въ родѣ Комба, который въ теченіе своего министерства обнаруживалъ обыкновенно болѣе демократическія тенденціи: я говорю о его циркулярѣ отъ 12-го іюля 1903 г., которымъ было вмѣнено въ обязанность низшимъ дорожнымъ служащимъ, занимающимся ремонтомъ шоссе и т. п. (такъ называемымъ cantonniers), распустить свои синдикаты, основанные на законѣ 1884 г., и, если хотятъ, образовать ассоціаціи на почвѣ закона 1-го іюля 1901 г.

*) Nézard, „Theorie juridique de la fonction publique"; Парижъ, 1901.— Barthélemy, „Traité élémentaire de droit administratif"; Парижъ, 1905.— Bourguin, „De l'application des lois ouvrières aux ouvriers et employés de l'Etat", и т. д.

**) См. упомянутую книгу Барту, стр. 140.

Напомнимъ кстати, что въ томъ же 1903 г. сенскій исправительный трибуналъ отказалъ на основаніи приговора 8-го іюля (подтвержденнаго парижскимъ аппеляціоннымъ судомъ 26-го октября) водопроводчикамъ города Парижа въ составленіи синдиката. А ужъ вполнѣ очевидно, что ни дорожные рабочіе, ни водопроводчики не обладаютъ даже крупицею административной власти, довольствуясь исполненіемъ въ высокой степени полезной для общества функціи.

Еще траги-комичнѣе были приключенія со служащими телеграфно-почтоваго вѣдомства. Два года тому назадъ, министръ торговли, Дюбьефъ, «радикалъ-соціалистъ» по убѣжденіямъ, запретилъ имъ образовать синдикатъ, на томъ казуистическомъ основаніи, что въ декретѣ 1851 г. (sic!) говорилось о правѣ нѣкоторыхъ лицъ этой категоріи составлять протоколы, и такимъ образомъ превратилъ ихъ въ «делегатовъ» центральной власти и зачислилъ ихъ въ одинъ разрядъ съ префектами, чинами судебнаго вѣдомства, и т. д. Это, кстати сказать, тотъ самый Дюбьефъ, который, пока еще не былъ министромъ, написалъ (въ своей книгѣ, посвященной «соціальному законодательству») слѣдующія энергичныя строки: «несомнѣнно, что агенты государства были бы безъ всякой защиты отданы въ жертву капризамъ всемогущей администраціи, если бы у нихъ не было права стачки». Какъ извѣстно, если при старомъ режимѣ «король не помнилъ обидъ, нанесенныхъ ему въ бытность дофиномъ», то буржуазный министръ забываетъ тѣ взгляды, которые имѣлъ на скамьѣ депутатовъ... Съ осени 1905 г. возникаетъ въ отвѣтъ на притѣсненія правительства сильное движеніе въ пользу именно синдикальной формы защиты профессіональныхъ интересовъ среди почтово-телеграфныхъ служащихъ. Вслѣдъ за 5-мъ конгрессомъ «Всеобщей ассоціаціи агентовъ почтъ и телеграфовъ» (іюль 1905 г.), рѣшившимъ въ принципѣ превратить ассоціацію въ синдикатъ, въ концѣ сентября того же 1905 г. въ этомъ направленіи хотѣла пойти наиболѣе крайняя группа участниковъ на конгрессѣ «Ассоціаціи низшихъ агентовъ» (souz-agents) того же вѣдомства. Но большинствомъ 444 голосовъ противъ 180 было рѣшено остаться при прежнемъ положеніи. Тогда настроенные боевымъ образомъ элементы вышли изъ состава ассоціаціи и образовали, въ пику авторитарнымъ капризамъ правительства, синдикатъ, противъ котораго и обрушилось министерство Рувье, и здѣсь примѣняя свою общую политику бюрократическаго деспотизма (см. выше его заявленіе о служащихъ). Смѣна кабинета Рувье кабинетомъ Саррьена, а послѣдняго кабинетомъ Клемансо столь же мало измѣнила политику правящихъ сферъ по отношенію къ почтовымъ служащимъ, какъ и по отношенію къ учителямъ. Что мы говорили раньше о репрессивныхъ подвигахъ двухъ послѣднихъ кабинетовъ, когда они имѣли передъ собою педагогическій персоналъ, пришлось бы буквально повторить, если бы мы захотѣли подробно остановиться на кампаніи правительства противъ

почтово-телеграфныхъ служащихъ. Въ pendant къ министру Дюбьефу, забывшему о мысляхъ автора книги по соціальному законодательству, министръ Барту основательно запамятовалъ взгляды составителя этюда о «синдикальной дѣятельности» *). И когда служащіе почтоваго вѣдомства, отстаивая свое право на синдикатъ, устроили большую стачку въ апрѣлѣ 1906 г., то министръ почтъ самымъ безпощаднымъ образомъ расправился съ ними путемъ массовыхъ увольненій.

Съ тѣхъ поръ недовольство правительствомъ принимаетъ все болѣе и болѣе серьезныя формы, проникаетъ все глубже и глубже въ сознаніе служащихъ, Такъ, на 6-мъ конгрессѣ уже упомянутой «Всеобщей ассоціаціи» (7—9 іюня 1906 г.), хотя большинство и не пошло дальше повторенія предшествующаго, лишь принципіальнаго рѣшенія превратить ассоціацію въ синдикатъ и отказалось немедленно же осуществить на практикѣ это намѣреніе, тѣмъ не менѣе и оно согласилось съ рѣзкой постановкой вопроса меньшинствомъ. А изъ устъ представителей этого меньшинства лились горячія рѣчи, революціонный характеръ которыхъ означаетъ выработку среди служащихъ государства новыхъ взглядовъ на отношеніе къ современной центральной власти. Ораторы меньшинства говорили, между прочимъ: «Мы хотимъ, чтобы съ нами обращались, какъ съ обыкновенными наемными рабочими. Мы хотимъ снять съ себя оффиціальную ливрею. Мы не хотимъ больше принадлежать и тѣломъ, и душой государству. Мы хотимъ, чтобы на насъ смотрѣли, какъ на свободныхъ гражданъ, а вовсе не какъ на «делегатовъ» государства, основаннаго на принципѣ власти (Etat-pouvoir), государства классоваго, этого заклятаго врага рабочихъ организацій. Чтобы сопротивляться произволу этого *классоваго государства*, чтобы вступить въ борьбу съ чудовищными силами, порабощающими всѣхъ производителей, необходимо... самое тѣсное объединеніе, слитіе (fusion intime) всѣхъ группъ почтовыхъ работниковъ и присоединеніе этого цѣльнаго синдиката ко *Всеобщей конфедераціи труда* **).

Измѣненіе настроенія въ служащихъ этого вѣдомства рѣзко

*) Французскіе почтовые чиновники съ негодованіемъ указывали, между прочимъ, на тотъ фактъ, что въ то время, какъ во Франціи политика репрессій одинаково практикуется и умѣренными, и радикальными министерствами, въ Англіи смѣна консервативнаго кабинета либеральнымъ принесла почтовымъ служащимъ полнѣйшую свободу образовать синдикаты и сноситься съ начальствомъ при помощи этихъ коллективныхъ рабочихъ органовъ. Острое столкновеніе между консервативнымъ министромъ почтъ (Postmaster general), лордомъ Стэнли, и служащими его вѣдомства сейчасъ же прекратилось, какъ только въ отправленіе министерскихъ функцій вступилъ либералъ Бэкстонъ. См. „La Voix du Peuple“, № 282 (11—18 марта 1906 г.).

**) См. въ № 14 (іюнь, 1906 г.) „La Revue syndicaliste“ стр. 37—38 отчетъ о конгрессѣ Всеобщей ассоціаціи агентовъ почтъ и телеграфовъ.

сказалось, напр., въ томъ интересномъ фактѣ, что очень многіе изъ нихъ поддерживали въ концѣ истекшаго 1906 г. требованіе, выставленное Всеобщей конфедераціей труда, отказаться отъ обычныхъ новогоднихъ магарычей съ публики, сами же прося послѣднюю не грѣшить этою близорукой филантропіей, но за то настойчиво добиваться отъ правительства повышенія нищенской заработной платы. И надо было видѣть, къ какимъ ухищреніямъ, къ какой постыдной политикѣ «раздѣлять и управлять», принуждено было прибѣгать почтовое вѣдомство, чтобы разбить дружный порывъ своихъ служащихъ, которымъ надоѣло быть рабами государства и которые требуютъ правъ оставаться гражданами, подобно всѣмъ тѣмъ, кому приходится быть источникомъ «прибавочной стоимости» не для оффиціальнаго, а для частнаго эксплуататора.

Для того, чтобы заключить эту фактическую часть нашей статьи, можетъ быть, будетъ не безполезно указать на очень знаменательное явленіе, которое покажетъ, въ какой степени синдикализмъ, въ той или иной формѣ, прямо или косвенно, инстинктивно или сознательно, начинаетъ овладѣвать умами служащихъ и производитъ цѣлую революцію въ настроеніи, повидимому, самыхъ реакціонныхъ и по самой профессіи своей наиболѣе рутинныхъ чиновниковъ. Профессіональная группировка,—читатель видѣлъ это выше,—закрадывается и въ ряды полицейскаго персонала. Мало того, она начинаетъ находить теперь защитниковъ среди столповъ полиціи, которые, какъ они ни стараются доказать, что ихъ объединеніе есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ объединеніе злокозненныхъ синдикалистовъ, логически придутъ къ необходимости противоставить деспотизму классоваго государства коллективную защиту своихъ, хотя бы даже и уродливыхъ интересовъ. Въ номерѣ отъ 3 марта 1907 г. архи-буржуазнаго «Matin» я нахожу, дѣйствительно, отчетъ объ умилительномъ общемъ собраніи «Ассоціація полицейскихъ коммиссаровъ Франціи». Избравъ своимъ президентомъ нѣкоего мосье Паллье на мѣсто Энньона (Hennion), типичнаго оберъ-шпіона Франціи, который возведенъ Клемансо въ рангъ директора полиціи общей безопасности, ассоціація въ лицѣ своего «совѣта» поднесла бронзовую группу своему бывшему президенту. И сей «сознательный шпіонъ» (какъ у насъ назвали бы его въ «октябрьскіе дни» свободы), благодаря своихъ сподвижниковъ и подчиненныхъ, произнесъ слѣдующую, чреватую синдикальными жупелами рѣчь: «Вы знаете, что я думаю о правѣ стачки чиновниковъ, и я полагаю, что мы совершенно согласны относительно невозможности когда бы то ни было дать его агентамъ правильно организованнаго государства. Но чтобы, съ другой стороны, можно было отрицать право чиновниковъ,—испытывающихъ ежедневныя затрудненія при приложеніи на практикѣ принциповъ своей дѣятельности,—обсу-

ждать между собою свои профессіональные интересы; чтобы можно было лишать ихъ свободы сообщать коллективно результаты своихъ наблюденій и своего опыта центральной администраціи, которая, живя лишь абстрактной теоріей, можетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ совершать оптическія ошибки, столь вредныя для общаго интереса,—я утверждаю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ глубоко ошибочнымъ заблужденіемъ, которое можетъ повлечь за собой самыя серьезныя послѣдствія. Мое мнѣніе таково, что надо позволить чиновникамъ, всѣмъ чиновникамъ, будутъ ли они принадлежать къ судебной полиціи или нѣтъ, вступать между собою въ ассоціаціи; надо позволить имъ свободно выражать свои мнѣнія относительно всего того, что касается ихъ профессіи, запасшись лишь той законной гарантіей, чтобы они не могли отступать отъ необходимой дисциплины».

Не обращайте особаго вниманія на то, что «сознательный» сыщикъ говоритъ о дисциплинѣ, о запрещеніи стачки чиновникамъ: было бы удивительно, если бы онъ говорилъ иное, когда то же самое говорятъ самые радикальные представители имущихъ и правящихъ классовъ. Но когда вы вдумаетесь въ то, что такой чиновникъ, какъ директоръ высшей (въ сущности политической) полиціи требуетъ для служащихъ государства права составлять ассоціаціи и права свободно выражать свое мнѣніе «центральной администраціи», которая живетъ только абстракціями и можетъ совершать ужасныя ошибки, вы не можете не придти къ заключенію, что символу вѣры бюрократическаго всемогущества, исповѣдуемому Жюлями Рошами, Рувье и Клемансо, наступилъ конецъ, и что все заноситъ на эти скрижали свою святотатственную руку, все—вплоть до сыскной полиціи.

Нечего говорить, что если синдикализмъ проникаетъ въ такой степени въ сознаніе даже самыхъ консервативныхъ, самыхъ традиціонныхъ элементовъ классоваго государства, то онъ тѣмъ съ большею силою подчиняетъ своему вліянію людей, способныхъ болѣе или менѣе критически мыслить и чувствовать вѣянія новаго духа, духа коллективности, идущаго на смѣну отживающимъ формамъ современной правительственной власти. Въ моей статьѣ о «Французскомъ синдикализмѣ» читатель могъ видѣть, какое значеніе придаютъ этому фактору записные теоретики и практики синдикализма, живо заинтересованные въ успѣхахъ великаго профессіональнаго движенія нашихъ дней. Но еще знаменательнѣе то дѣйствіе, какое онъ производитъ на людей, стоящихъ въ извѣстномъ смыслѣ въ сторонѣ и лишь не лишенныхъ способности видѣть и слышать и болѣе или менѣе сознательно реагировать на подобныя впечатлѣнія. Съ этой точки зрѣнія я позволю себѣ остановиться на взглядахъ, развитыхъ однимъ изъ молодыхъ юристовъ Франціи,

Максимомъ Леруа, въ его спеціальномъ трудѣ, посвященномъ какъ разъ вопросу о синдикализмѣ среди служащихъ государства и носящимъ заглавіе «Преобразованія государственной власти. Синдикаты чиновниковъ» *).

Намъ нечего рабски слѣдовать за авторомъ, равно какъ нечего подробно развивать его взгляды. Но нѣкоторыхъ сторонъ его общей точки зрѣнія слѣдуетъ коснуться, тѣмъ болѣе, что это дастъ и намъ возможность сдѣлать кой-какіе дополнительные выводы изъ этой, главнымъ образомъ фактической, статьи. Любопытно, прежде всего, что если десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ наиболѣе живые умы изъ университетскаго міра порывали съ буржуазнымъ міровоззрѣніемъ, чтобы идти въ сторону соціализма, то теперь умы той же категоріи совершаютъ этотъ разрывъ для того, чтобы перенести свои симпатіи на синдикализмъ и, главнымъ образомъ, на синдикализмъ революціонный, по большей части анархическій. Мы можемъ оплакивать этотъ результатъ, можемъ находить, какъ это мы дѣлали въ предшествовавшей статьѣ о «Французскомъ синдикализмѣ», что, несмотря на свой боевой характеръ, синдикальное движеніе, воплощающееся во Всеобщей конфедераціи труда, не достигнетъ своей цѣли коренного пересозданія современнаго строя, если не вступитъ въ соглашеніе съ политическимъ революціоннымъ соціализмомъ. Но фактъ на лицо: теперь не рѣдко можно встрѣтить среди передовой университетской интеллигенціи Франціи людей, которые гораздо больше тяготѣютъ къ синдикализму, чѣмъ къ соціализму и охотно ссылаются на авторитетъ Прудона,—правда, внося въ его взгляды гораздо большее содержаніе, чѣмъ заключается собственно въ сочиненіяхъ самого автора «Собственности», «Экономическихъ противорѣчій» и «Политической правоспособности трудящихся классовъ». Недаромъ они живутъ въ эпоху, которая характеризуется одновременно и ростомъ, и кризисомъ соціализма и позволяетъ имъ, въ силу понятной оптической иллюзіи, приписывать Прудону, какъ наиболѣе симпатичному для нихъ автору, заднимъ числомъ то, что было выработано теоріей или уяснено самой жизнью лишь значительно позже. Не безъ вліянія на это увлеченіе синдикализмомъ, прудонизмомъ, федерализмомъ и т. п. остались, какъ кажется, два обстоятельства. Это, во-первыхъ, временное усиленіе «министерскаго» соціализма, который отрекается отъ своего революціоннаго, боевого, рабочаго характера (въ смыслѣ неуклоннаго преслѣдованія великихъ интересовъ и идеаловъ трудящихся классовъ въ противоположность классамъ имущимъ и правящимъ) и подмѣняетъ его компромиссомъ съ современнымъ классовымъ государствомъ для проведенія второстепенныхъ реформъ. Это, во-вторыхъ, черезчуръ доктринерское отношеніе революціоннаго политическаго соціализма

*) Maxime Leroy, „Les transformations de la puissance publique. Les syndicats de fonctionnaires"; Парижъ, 1907.

къ синдикализму, въ которомъ представители упомянутаго соціализма зачастую желали видѣть только узко профессіональное, чисто реформистское движеніе и которому они отказывали въ самой возможности быть, хотя бы при извѣстныхъ условіяхъ, серьезнымъ революціоннымъ факторомъ. Какъ бы то ни было, но эта идейная реакція въ пользу анархическаго синдикализма и въ ущербъ политическому соціализму является,—мы уже сказали,—замѣтной струей среди современной передовой интеллигенціи Франціи. И Максимъ Леруа представляетъ собой одного изъ типичныхъ выразителей такого теченія. Во всякомъ случаѣ, его книга имѣетъ, прежде всего, значеніе этого симптома измѣненія въ симпатіяхъ и взглядахъ крайнихъ «академиковъ», какъ принято называть въ Германіи людей изъ университетскаго міра. Перейдемъ, впрочемъ, къ самымъ взглядамъ Максима Леруа.

Интересна, прежде всего, общая оцѣнка современнаго положенія вещей, дѣлаемая авторомъ во «Введеніи» къ книгѣ. Онъ констатируетъ тотъ фактъ, что среди наиболѣе передовыхъ государствъ нашей эпохи, тамъ, гдѣ демократія стала господствующимъ принципомъ политическихъ отношеній, замѣчается рѣшительное ослабленіе идейной политической борьбы разныхъ буржуазныхъ партій. «Конституціонный индифферентизмъ развился въ буржуазной средѣ, хотя при этомъ политическая борьба и разногласія не исчезли, но просто на просто смягчились, сдѣлавшись распрями между сродными партіями, своего рода тавтологическими повтореніями одного и того же, не смотря на различіе ярлыковъ. Дифференцировка между умѣренными радикалами не имѣетъ ничего общаго съ политическими расхожденіями во взглядахъ землевладѣльческихъ и промышленныхъ представителей во время по-революціонной монархіи. И тѣ, и другіе представляютъ собою теперь одинаково умѣренныхъ политиковъ, только съ различною тактикою» *). Суть этого явленія авторъ не безъ остроумія видитъ въ томъ, что въ современномъ государствѣ, осуществившемъ правленіе буржуазнаго класса, борьба за власть превратилась въ семейные споры между различными его фракціями и лишена поэтому той страстности, которая характеризовала во Франціи первую половину XIX-го вѣка, когда, одинъ за другимъ все расширяющіеся и расширяющіеся слои буржуазіи изъявляли притязаніе на управленіе государственной машиной. Логически развившаяся демократія, приведшая къ режиму гражданскаго равенства, представляетъ собою распространеніе принципа власти на всѣхъ буржуа. «Когда всѣ члены его сдѣлались равными, буржуазный классъ перестаетъ оспаривать у самого же себя преобладаніе въ сферѣ власти; онъ дѣлается индифферентнымъ по отношенію къ самому себѣ. Такимъ образомъ можно сказать, что поли-

---

*) Maxime Leroy, l. c., стр. 8.

тическій индифферентизмъ является прирожденнымъ свойствомъ демократіи» *).

Тутъ, конечно, во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо помнить, что рѣчь идетъ о фактическомъ характерѣ современной демократіи, о томъ, чѣмъ стала эта демократія на практикѣ въ культурныхъ странахъ нашихъ дней, гдѣ дѣйствительно, повсюду проявляется, главнымъ образомъ, воля имущихъ и правящихъ классовъ. Леруа не считаетъ нужнымъ подчеркивать это обстоятельство, и фактически онъ правъ: верховная власть народа въ современныхъ государствахъ на самомъ-то дѣлѣ лишь косвенно и лишь въ незначительной степени отражаетъ истинныя потребности великихъ трудящихся массъ. Для того, чтобы было иначе, надо этимъ массамъ обладать такою степенью экономической независимости отъ господствующихъ классовъ и такимъ уровнемъ политической опытности, какихъ у нихъ не имѣется въ силу самыхъ условій современнаго строя. Словомъ, демократія не есть истинное «народоправленіе», а поскольку она не есть «народоправленіе», анализмъ Максима Леруа бьетъ въ точку.

Но пойдемъ вмѣстѣ съ авторомъ далѣе. Если внутри демократіи нашихъ дней, носящей такой отпечатокъ классового господства буржуазіи, принципъ авторитета, принципъ принудительной и строгой власти ослабляется, засыпаетъ, если можно такъ выразиться, въ политическихъ отношеніяхъ членовъ имущаго и правящаго класса между собою, то онъ немедленно же встаетъ во весь свой ростъ и показываетъ острые когти и зубы, какъ только рѣчь заходитъ объ его отношеніяхъ къ трудящимся массамъ. «Демократія,—говоритъ авторъ — есть движеніе противъ власти, но только относительно самой себя и къ выгодѣ тѣхъ, которые пользуются гражданскимъ равенствомъ. Въ своихъ же отношеніяхъ къ рабочему классу она снова спохватывается: «анархія» исчезаетъ тогда, чтобы уступить мѣсто силѣ, отсутствіе религіи (irréligion, собственно «нерелигіозность», «иррелигіозность» Н. К.)—«религія для народа», принужденію, — необходимому слѣдствію экономическаго неравенства. Разсматриваемая съ этой стороны, демократія знаетъ власть, она любитъ ее, и она пользуется ею; она является даже очень авторитарною во всей этой сферѣ неравенства; это—якобинизмъ... Демократія представляетъ, поэтому, собой лишь режимъ классовой свободы и классового равенства: она выражаетъ тотъ фактъ, что власть невозможна между равными индивидуумами. Но она ничего не можетъ сдѣлать, чтобы уменьшить экономическое неравенство: вотъ почему въ демократическомъ государствѣ есть правительственная власть, пользующаяся королевскими привилегіями (puissance publique régalienne» **).

*) Ibid, стр. 9

**) Ibid, стр. 14.

Опять таки и здѣсь нужно помнить, что рѣчь продолжается о демократіи, какъ она фактически сложилась въ современныхъ культурныхъ государствахъ. Несомнѣнно, эта демократія «ничего не можетъ сдѣлать, чтобы уменьшить экономическое неравенство», не можетъ хотя бы уже потому, что до сихъ поръ трудящіяся массы нигдѣ не сдѣлали попытки цѣликомъ утилизировать для достиженія своихъ основныхъ классовыхъ цѣлей даже и тѣ политическія права, какія находятся въ ихъ распоряженіи. Возьмемъ любое государство, гдѣ функціонируетъ всеобщая подача голосовъ (разумѣется, почти вездѣ пока между мужчинами), хотя бы Францію или Германію, или Сѣверо-Американскіе Штаты, или даже Гельветическую республику. Можно ли сказать, что во всѣхъ этихъ странахъ трудящіяся массы достаточно ясно выразили свои классовые интересы хотя бы избраніемъ большинства дѣйствительно народныхъ представителей, которые выступили бы въ парламентѣ, какъ политическую власть имущіе, и рѣшили бы провести законодательнымъ путемъ какую-нибудь существенную, какую нибудь коренную реформу современнаго строя? Этого нѣтъ. Наоборотъ, до сихъ поръ истинные представители народа, соціалисты, оказываются среди представителей капитала и празднаго владѣнія въ меньшинствѣ, и массы по прежнему посылаютъ въ законодательныя собранія всего чаще людей, ожесточенно защищающихъ именно современный глубоко несправедливый режимъ.

Я говорю это, конечно, не съ цѣлью убѣдить читателей, что такая коренная реформа, какъ, напр., замѣна частной собственности коллективною, можетъ быть проведена въ жизнь чисто парламентарнымъ порядкомъ, скажемъ вотомъ половины всѣхъ депутатовъ плюсъ — одинъ голосъ. Если бы дѣло обстояло такъ, то можно быть увѣреннымъ, что имущіе и правящіе классы постарались бы сейчасъ же сломать законодательное оружіе, позволяющее трудящимся массамъ наносить, при помощи своихъ представителей, такія смертельныя раны капиталистическому строю. Но придется, къ сожалѣнію, сказать, что въ этомъ даже и не предстояло до сихъ поръ надобности защитникамъ режима гнета и эксплуатаціи въ современныхъ демократіяхъ: теоретически верховный властелинъ, на практикѣ народъ оказывался здѣсь до сихъ поръ несовершеннолѣтнимъ и полусвободнымъ существомъ, опекаемымъ своими злѣйшими врагами, которымъ онъ же механизмомъ всеобщей подачи голосовъ вручаетъ право распоряжаться собою.

И здѣсь, конечно, опять-таки придется повторить уже высказанную выше мысль, что для цѣлесообразнаго и далеко идущаго осуществленія на практикѣ своихъ политическихъ правъ народъ долженъ былъ бы пользоваться большею экономическою самостоятельностью и большимъ досугомъ, необходимымъ для выработки политическаго пониманія. Можно даже прибавить, что и вообще надежда рѣшить великія соціальныя задачи настоящаго путемъ

голаго парламентаризма принадлежитъ къ числу утопическихъ чаяній: въ концѣ концовъ только сами трудящіяся массы своимъ безпрерывнымъ активнымъ (что не значитъ, непремѣнно кровавымъ) выступленіемъ могутъ вырвать привилегіи у имущихъ и правящихъ классовъ, умѣло баррикадирующихся отъ напора народа въ цитаделяхъ «конституціи» и даже формальнаго «народнаго суверенитета». Недаромъ Марксъ говорилъ о такомъ оптимистическомъ парламентаризмѣ, увлекающемся игрою въ легальныя реформы, что это—«парламентарный кретинизмъ».

Возвратимся, впрочемъ, снова къ нашему автору. Параллельно съ этимъ политическимъ индифферентизмомъ буржуазіи, которая отступаетъ отъ него только тогда, когда ей приходится охранять себя и свои привилегіи отъ растущихъ требованій трудящихся массъ. Леруа констатируетъ политическій индифферентизмъ и среди рабочаго класса. Но этотъ индифферентизмъ уже другого рода. «Рабочій классъ ищетъ и находитъ наилучшее выраженіе своего антагонизма (къ современному режиму) въ отрицаніи политики, т. е. въ отрицанія всей совокупности силъ, удерживающихъ этотъ классъ въ состояніи наемника; онъ индифферентенъ лишь къ буржуазной политикѣ: онъ также отрицаетъ власть; но тамъ это является актомъ слабости, а здѣсь это — знакъ силы и новизны. Политическій индифферентизмъ, конецъ «политической вѣры», указанный Вальдэкомъ-Руссо, есть, дѣйствительно, конецъ эволюціи буржуазіи: это значитъ, что у ней нѣтъ больше силъ, чтобы выковывать новое оружіе для поддержанія своей гегемоніи. А противъ нея поднимается рабочій классъ, вербующійся даже среди правительственной администраціи и который индифферентенъ лишь по отношенію къ сохраненію упомянутой вѣры, но отнюдь не индифферентенъ по отношенію къ самому себѣ. Въ этомъ же послѣднемъ отношеніи онъ, наоборотъ, обнаруживаетъ большой политическій и конституціонный пылъ. Ассоціаціи чиновниковъ, синдикаты рабочихъ, федераціи, Всеобщая конфедерація труда являются дѣлами и свидѣтельствами этого пыла. Эта дѣятельность заставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ изсякать источники вербовки демократіи» *).

Послѣдними словами авторъ особенно близко подходитъ къ анархистамъ, которые тоже считаютъ «демократію» враждебною истинной организаціи трудящихся массъ, такъ какъ современный демократическій строй есть лишь организація принудительной власти подъ покровомъ народнаго блага и народнаго суверинитета; а потому все, что ведетъ къ выработкѣ собственно рабочихъ союзовъ, должно разрушать вмѣстѣ съ тѣмъ основы современной классовой демократіи. Здѣсь нельзя не сдѣлать нѣсколькихъ замѣчаній по поводу мыслей автора. Прежде всего, вопросъ чисто

*) Ibid, стр. 15—16.

фактическій: точно ли такъ индифферентенъ французскій рабочій классъ ко всякой «политикѣ», кромѣ синдикальной? Люди, мало-мальски знакомые съ французской жизнью, скажутъ, что это не совсѣмъ такъ. Наиболѣе энергичная и страстная борьба политическихъ партій ведется въ рабочихъ округахъ, въ большихъ промышленныхъ центрахъ, гдѣ и соціалисты, и буржуазные политики стараются привлечь на свои стороны трудящіяся массы, и гдѣ рабочій классъ составляетъ особенно легко возбудимый и воспламеняемый «избирательный матеріалъ». Пусть припомнятъ обычныя гомерическія битвы партій въ Сѣверномъ департаментѣ, особенно въ Лиллѣ и Рубэ.

Но что, дѣйствительно, можно сказать, такъ это то, что, будучи гораздо менѣе индифферентнымъ въ области политики, чѣмъ всѣ другіе классы, французскій рабочій классъ заключаетъ, однако, въ своей средѣ не мало индифферентныхъ элементовъ. И при этомъ, пожалуй, придется констатировать то явленіе, что пропорція индифферентистовъ наиболѣе значительна или въ отсталыхъ политически округахъ, которые только что пробуждаются къ сознательной гражданской жизни, или, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ изъ очень старыхъ и очень давно знакомыхъ съ политической агитаціей округовъ. Послѣднее, дѣйствительно, отчасти объясняется причинами, имѣющими отношеніе къ только что цитированнымъ нами соображеніямъ Максима Леруа. Синдикальная политика, которая отрицаетъ собственно всякую такъ называемую политику, вызываетъ теперь мѣстами воздержаніе рабочихъ отъ выборовъ. Но почву такого индифферентизма подготовилъ не столько самъ синдикализмъ, сколько та злополучная «авантюра» политическаго соціализма, которая называется «участіемъ соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ» и которая вызвала глубокое раздраженіе въ наиболѣе революціонно настроенныхъ рабочихъ по отношенію къ философамъ и поэтамъ министерскаго портфеля. Дѣятельность Мильрана, Бріана, Вивьяни и—увы!—Жорэса, пять лѣтъ отстаивавшаго тактику «участія», несомнѣнно заставила многихъ очень искреннихъ и очень энергичныхъ рабочихъ отшатнуться отъ политики компромисса съ буржуазіей и перенести свое отвращеніе съ этой одомашненной правительствомъ разновидности соціализма на весь политическій соціализмъ, даже на вполнѣ послѣдовательный и безспорно революціонный.

Въ своей предшествующей статьѣ о «Французскомъ синдикализмѣ» я показалъ, какими опасностями грозитъ этотъ расколъ между двумя отрядами великой рабочей арміи, и снова возвращаться подробно къ этому вопросу я здѣсь не намѣренъ. Но люди, въ родѣ Максима Леруа, увлеченные синдикальнымъ движеніемъ, очевидно, не замѣчаютъ этой опасности и ведутъ свою аргументацію такъ, какъ будто бы одинъ ростъ профессіональныхъ организацій, помимо революціоннаго политическаго соціализма, способенъ

взорвать ужасающе громоздкую и до сихъ поръ могучую машину современнаго классоваго государства. Собственно, нашъ авторъ, въ силу самаго характера своего труда, посвященнаго главнымъ, образомъ, юридической обработкѣ вопроса о синдикатахъ служащихъ, и не полемизируетъ прямо съ политическимъ соціализмомъ. Но онъ все время разсуждаетъ о профессіональномъ движеніи совершенно въ духѣ революціоннаго, аполитическаго синдикалиста, который увѣренъ, что однимъ своимъ напоромъ, однимъ своимъ «прямымъ воздѣйствіемъ», рабочія организаціи въ состояніи разрушить современный политическій и экономическій строй и на обломкахъ капиталистическаго Вавилона воздвигнуть новый Іерусалимъ всеобщаго труда и всеобщаго счастія. При этомъ нашъ юристъ впадаетъ въ иллюзію Прудона, который полагалъ, что простой игрой взаимныхъ договоровъ, контрактовъ между производителями можно устранить изъ общества современную ожесточенную борьбу интересовъ и, стало быть, и самое государство, выростающее только для защиты привилегій собственности. Леруа, говоря о стремленіи ассоціацій служащихъ добиться полнаго и безусловнаго признанія со стороны государства, вплоть до права устраивать, въ случаѣ надобности, стачки противъ него, пишетъ, дѣйствительно: «Ассоціація, нельзя въ этомъ сомнѣваться, анархична,—какъ говорило столько министровъ въ своихъ циркулярахъ:—она представляетъ собою дебатированіе условій (discussion), но ничто не противорѣчитъ болѣе этого повиновенію: она представляетъ собою договоръ, но договоръ есть прямое отрицаніе авторитета власти. Все что носитъ договорный характеръ (contractuel), идетъ противъ власти, которая по природѣ односторонняя; власть хочетъ держать только монологи; это совершенно очевидно. Договоръ, дѣйствительно, ставитъ принципомъ равенство сторонъ и взаимность услугъ, договоръ есть основаніе прудоновскаго федерализма,—отрицателя государства и въ то же время охранителя порядка» *).

Я уже не буду говорить о томъ, что введеніе договора въ отношенія между современнымъ государствомъ и его служащими, наподобіе такого же договора, регулирующаго отношенія между частнымъ хозяиномъ и его рабочими, уменьшитъ, конечно, произвольную расправу правительства съ чиновниками, но отнюдь не рѣшитъ организаціи новаго строя. Не буду также говорить и о томъ, что «прудоновскій федерализмъ», какъ онъ рисовался самому автору его, не совсѣмъ то, во что превращаетъ его перо Максима Леруа. Идеаломъ Прудона, было, въ сущности связанное массою договоровъ общество мелкихъ частныхъ производителей, и недаромъ творецъ «Экономическихъ противорѣчій» жестоко порицалъ стачки. Тогда какъ сама окружающая, столь развившаяся со времени Прудона экономическая среда развертываетъ передъ Леруа перспективу

*) Ibid., стр. 212.

огромнаго коллективнаго организма, члены котораго будутъ связаны не столько узами договора, сколько узами солидарности, а пока именно своими выступленіями въ формѣ стачекъ подчеркиваютъ глубоко общественный, коммунистическій характеръ своей дѣятельности. Но, главное-то, изъ разсужденій Леруа не видно, какимъ образомъ можетъ осуществиться тотъ самодовлѣющій и самоуправляющійся «авторхическій федерализмъ», который смѣнитъ современное принудительное государство: «тогда не станетъ государства въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, государства, опирающагося на многовѣковыя традиціи монархіи; тогда будетъ профессіональное *правительство* того типа, который Прудонъ провидѣлъ въ концѣ своей карьеры, для вящшей свободы людей, наконецъ-то равныхъ между собой въ качествѣ производителей и зависящихъ другъ отъ друга лишь путемъ связей на почвѣ техники» *).

Дѣйствительно, до сихъ поръ ростъ профессіональнаго федерализма совершается въ рамкахъ современнаго классового государства, которое неустанно борется всѣми правдами и неправдами противъ увеличенія требованій и распространенія синдикальной группировки трудящихся, особенно же непосредственно зависящихъ отъ него. Въ самой же книгѣ Леруа представлено не мало примѣровъ и самой іезуитской казуистики, и самаго грубаго произвола со стороны правящихъ сферъ по отношенію къ государственнымъ служащимъ и рабочимъ. Съ другой стороны, опять таки самъ авторъ указываетъ на цѣлый рядъ случаевъ, когда правительство дѣлало попытки вмѣшиваться въ стачки даже нанимаемыхъ частными лицами рабочихъ, разъ ему казалось, что пріостановка труда затрагиваетъ «національные интересы», т. е., по-просту сказать, важныя отрасли промышленности и карманъ крупнѣйшихъ фабричныхъ магнатовъ. Но вѣдь синдикальное движеніе только въ послѣднее время начинаетъ принимать размѣры, серьезно пугающіе правительство имущихъ классовъ: достаточно сказать, что еще ни въ одномъ изъ государствъ Запада не было всеобщей стачки, своими размѣрами и результатами напоминающей великую русскую забастовку октября 1905 г. Можно представить себѣ, съ какой энергіей и безцеремонностью правящія сферы буржуазіи будутъ подавлять эти обширныя выступленія рабочей организованной арміи, когда старые радикалы, въ родѣ Клемансо, не стѣсняются при частныхъ мало-мальски важныхъ по своему значенію стачкахъ, въ родѣ стачки парижскихъ электриковъ, бросать въ борьбу труда съ капиталомъ солдатъ. Спрашивается, какимъ образомъ удастся «автархическому федерализму» побѣдить современную организацію классового государства, если революціонный политическій соціализмъ не вышибетъ центральной власти изъ рукъ имущихъ и

*) Ibid., стр. 277—278.

правящихъ классовъ? Впрочемъ, здѣсь опять мы переходимъ на почву вопроса, уже разсмотрѣннаго нами прошлой разъ.

Интереснѣе этихъ недомолвокъ и анархическихъ увлеченій автора слѣдующая мысль, которою заканчивается книга о «Преобразованіяхъ государственной власти»: «Техническая дисциплина будетъ въ состояніи замѣнить іерархію, и свобода смѣнить власть. Но что слѣдуетъ прибавить, такъ это, что не идея, и не теоретическія соображенія, и не нравственная педагогія, дадутъ человѣческимъ отношеніямъ форму, которая не была бы ни іерархической, ни авторитарной; проникнемся увѣренностью, что эта свобода не можетъ быть плодомъ абстракціи. Единственно лишь условія обыденной жизни, постоянныя внушенія, проистекающія изъ нашихъ поступковъ и нашихъ занятій, промышленная организація, техника и методъ труда заставятъ естественно возникнуть эту свободу, которая, наконецъ-то, станетъ дѣйственной, упорной, интуитивной» *).

Читатель, впрочемъ, впалъ бы въ заблужденіе относительно характера книги Леруа, если бы онъ увидѣлъ въ ней, на основаніи сдѣланныхъ цитатъ, нѣчто въ родѣ общаго разсужденія насчетъ синдикализма или анархизма. Центръ тяжести ея заключается въ не лишенномъ тонкости анализѣ ученія буржуазныхъ юристовъ объ отношеніяхъ между государствомъ и его служащими и во вскрытіи всѣхъ теоретическихъ несообразностей и всѣхъ практическихъ непослѣдовательностей, связанныхъ съ этой теоріей. А не особенно обширный, но умѣло сгруппированный фактическій матеріалъ позволяетъ лицамъ, интересующимся современнымъ синдикальнымъ движеніемъ, прослѣдить, какъ оно отражается въ той сферѣ, которая еще недавно считалась застрахованной отъ всякихъ «революціонныхъ» выступленій противъ существующаго строя. Снова и снова оказывается, что ядъ критики, сознаніе своихъ профессіональныхъ интересовъ и, мало того, сознаніе принадлежности къ великой арміи трудящихся и эксплуатируемыхъ проникаетъ въ среду чиновничества. Старые устои рушатся на всемъ протяженіи современнаго міра. И повсюду организуется новое общество, общество свободы и труда, общество людей-братьевъ, та «не умирающая раса», та «долговѣчная» коллективность, о которой говоритъ поэтъ:

...Genus immortale manet, multosque per annos
Stat fortuna domus...

Н. Е. Кудринъ.

*) Ibid., стр. 286 и послѣдняя.

Основы обязательнаго обученія.

«Школа и преподаваніе должны быть свободны»—эта формула внесена въ конституціи многихъ государствъ. Отсюда можно бы сдѣлать выводъ, что она не только выражаетъ общепризнанную истину, но и, до нѣкоторой хотя бы степени, соотвѣтствуетъ дѣйствительному порядку вещей,—соотвѣтствуетъ, по крайней мѣрѣ, въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ «свобода школъ» и «свобода преподаванія» «гарантированы закономъ». На дѣлѣ же о такомъ соотвѣтствіи конституціонной формулы фактическому положенію вещей пока можно лишь мечтать. И это не только въ Россіи, гдѣ конституціонныя формулы вообще звучатъ насмѣшкой. «Соотвѣтствія» нѣтъ и въ такихъ передовыхъ странахъ, какъ Швейцарія, Англія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Приходится сказать больше. Это несоотвѣтствіе существуетъ не только на практикѣ. Поскольку дѣло касается народнаго образованія, даже въ теоретическихъ планахъ далеко не всегда есть сколько-нибудь опредѣленныя указанія на тѣ конкретныя условія, которыя обезпечивали бы школѣ свободу, преподаванію независимость. Въ области народнаго образованія теоретическая мысль прекрасно опредѣляетъ: что должно быть: и какъ бы обнаруживаетъ колебаніе и неувѣренность, когда надо отвѣчать на вопросъ: что и какъ должно дѣлать. Это одна изъ тѣхъ областей, въ которой людямъ весьма хорошо извѣстенъ «идеальный типъ», но довольно плохо извѣстны пути и средства къ достиженію его. И необходимо признаться, что намѣтить правильно пути и средства весьма не легко. Стоитъ хоть немного углубиться въ вопросъ о школѣ и народномъ образованіи, чтобы понять, до какой степени онъ сложенъ, и какъ тѣсно связанъ со многими другими, столь же сложными и отчасти до сихъ поръ даже теоретически не рѣшенными вопросами.

Пока передъ глазами только «матеріалъ, подлежащій образованію»: «мальчикъ Ваня» или «дѣвочка Таня»—дѣло кажется простымъ и яснымъ. Передъ тобою ребенокъ, «рожденный человѣкомъ», какъ выразился Коменскій. Онъ, несомнѣнно, имѣетъ право «научиться всему человѣческому», развивать и совершенствовать свои человѣческія способности. Въ этомъ смыслѣ его право приходится разсматривать, какъ «основное право человѣка и гражданина». И если бы задача сводилась только къ гарантированію одного изъ личныхъ правъ, она была бы, дѣйствительно, проста и удоборазрѣшаема. Разъ дѣти имѣютъ право учиться, значитъ общество обязано построить школу и нанять учителя.

Однако, обществу далеко не безразлично, съ кѣмъ имѣть дѣло,—съ грамотнымъ, или неграмотнымъ, съ образованнымъ сочленомъ, или съ необразованнымъ. И такимъ образомъ личныя права мальчика Вани приходится разсматривать не изолированно, а въ связи съ нѣкоторыми коллективными правами и интересами. Если ребенокъ вправѣ требовать у коллектива: «дай мнѣ возможность учиться», то вѣдь и коллективъ вправѣ сказать ребенку «учись». На первый взглядъ кажется, что права личности и права коллектива какъ бы идутъ рядомъ и взаимно другъ друга укрѣпляютъ. Но эта гармонія правъ и интересовъ въ дѣйствительности имѣетъ чисто теоретическій характеръ. На практикѣ общество сплошь и рядомъ либо злоупотребляетъ своимъ правомъ, либо уклоняется отъ своей прямой обязанности— существовать для блага каждой отдѣльной личности. Право сказать ребенку: «учись» легко превращается въ насиліе. А обязанность «построить школу и нанять учителя» игнорируется не только тамъ, гдѣ оффиціальные представители коллективныхъ правъ считаютъ для себя наиболѣе выгоднымъ, чтобы «рожденный человѣкомъ» не имѣлъ возможности «научиться всему человѣческому». Права личности и коллектива неминуемо приходятъ въ столкновеніе. Такія коллизіи, сопряженныя съ цѣлымъ рядомъ сложныхъ и спорныхъ вопросовъ, вообще тяжки и трудно разрѣшимы. Но онѣ сугубо тяжки въ данномъ случаѣ, когда одною изъ сталкивающихся сторонъ является безпомощный ребенокъ съ его «правами человѣка и гражданина», а другою—коллективъ, могуче вооруженный всѣми средствами защиты и нападенія.

Правда, у ребенка есть, казалось бы, естественные защитники его правъ,—отецъ и мать. Для нихъ какъ будто всего естественнѣе отстаивать права на образованіе того, кого они «родили человѣкомъ». Жизнь, однако, богата примѣрами обратнаго порядка. Часто именно родители, по соображеніямъ экономическимъ, а порою и просто корыстнымъ, наиболѣе готовы отнять у своего ребенка всякую возможность «научиться всему человѣческому». Старина богата афоризмами: «нельзя дѣвку учить грамотѣ—выучи ее, она записки любовныя будетъ писать»; «не учи сына—не то умнѣй отца съ матерью будетъ» etc. И едва ли можно ручаться, что такіе «завѣты мудрой старины» нынѣ окончательно потеряли силу и вышли изъ употребленія. А кромѣ этихъ «завѣтовъ», есть и другіе: «чѣмъ учиться, лучше пусть отцу съ матерью помогаетъ, сестеръ и братьевъ нянчитъ»; «въ школу ходить—сапоги да одежу трепать»... Врядъ ли нужно доказывать, какъ часто такого рода соображенія вліяютъ на судьбу дѣтей школьнаго возраста. И благодаря тому, что они несомнѣнно играютъ роль, задача обезпечить права ребенка чрезвычайно осложняется.

На практикѣ задача эта разрѣшается требованіемъ обязательнаго обученія. Обязательнаго для двухъ сторонъ: для государства,

какъ наиболѣе полнаго представителя коллективныхъ правъ, и для родителей. Это значитъ, во первыхъ, что государство обязано заботиться, чтобы всѣ имѣли возможность получить образованіе. А во вторыхъ, это значитъ, что родители обязаны, подъ страхомъ установленной законами отвѣтственности, посылать дѣтей въ школу. И всякій, кому дорого благо человѣческой личности, можетъ признать обязательность обученія только въ этомъ двухстороннемъ смыслѣ. Обязано государство, ибо оно существуетъ для того, чтобы обезпечить права человѣка. Обязаны родители, и необходимъ законъ, чтобы эта обязанность не стала пустымъ звукомъ, чтобы права ребенка на образованіе никѣмъ не могли быть отняты. Противники обязательнаго обученія очень любятъ приравнивать обязательность къ насилію. Но это, конечно, недоразумѣніе. Дѣло вѣдь тутъ не въ родителяхъ, которые якобы подвергаются насилію: дѣло въ томъ, чтобы оградить человѣческія и гражданскія права ребенка отъ родительскаго произвола. Вотъ почему, приступая къ обсужденію такъ называемаго школьнаго вопроса, необходимо прежде всего признать обязательность обученія. Обязательность, повторяю, двухстороннюю, — и для коллектива (не предрѣшаю пока, что понимать подъ этимъ словомъ: государство, общество, общину), и для родителей, обязанность которыхъ должна быть распространяема на опекуновъ, на старшихъ членовъ семьи, на владѣльцевъ тѣхъ промышленныхъ заведеній, гдѣ допущенъ дѣтскій трудъ, и т. д.

Необходимо, однако, помнить, что это практическое рѣшеніе задачи слишкомъ далеко отъ совершенства. Мы говоримъ: «государство обязано». Но кто ему помѣшаетъ отказаться отъ выполненія этой обязанности? Очевидно, законъ объ обязательномъ обученіи далеко не всегда и не при всякихъ условіяхъ можетъ устранить возможность противорѣчія между правами личности и волею коллектива. Наконецъ, говоря: «ты обязано», вѣдь не государство, собственно, приходится имѣть въ виду. Въ виду имѣются, главнымъ образомъ, органы государственной власти, а ихъ никакъ нельзя смѣшивать съ государствомъ. Объяснять это различіе врядъ ли нужно. А какое осложненіе вноситъ оно, можно пояснить на примѣрѣ. Пусть сейчасъ въ Россіи будетъ изданъ самый совершенный законъ объ обязательномъ обученіи. Но и при самомъ совершенномъ законѣ возможно, что власть свою обязанность открывать школы переложитъ на родителей. Самый совершенный законъ можетъ оказаться средствомъ для полицейскихъ поборовъ и полицейскаго насилія. Можно совсѣмъ не заботиться объ открытіи школъ и одновременно штрафовать родителей за то, что они не учатъ дѣтей. Можно дѣлать еще хуже: открывать школы, безусловно вредныя для народа, оскорбляющія его религіозныя или моральныя чувства, и въ то же время сурово примѣнять систему штрафовъ. При извѣстныхъ условіяхъ, можно, напр., опираясь на законъ объ обязательномъ обученіи, весь При-

вислянскій край покрыть густою сѣтью церковныхъ школъ, въ основу которыхъ положено преподаваніе «церковно-славянскаго языка» и «церковно-православнаго» пѣнія. Ниже на этой сторонѣ дѣла намъ придется остановиться подробнѣе. Здѣсь же, повторяю, мною упомянуто о ней лишь въ видѣ примѣра, который до нѣкоторой степени вскрываетъ противорѣчіе, заключенное въ формулѣ «обязательное обученіе». Стремясь защитить личныя права ребенка, эта формула, съ одной стороны, ставитъ государственную власть подъ родительскій контроль, а съ другой—ставитъ родительскую власть подъ государственный контроль. Получается, слѣдовательно, оригинальная система взаимнаго контроля двумя контролерами, при чемъ неблагонадежность обоихъ удостовѣрена простымъ признаніемъ факта, что необходимъ законъ объ обязательномъ обученіи, т. е., что необходимы нѣкоторыя мѣры принужденія и обузданія какъ относительно власти, такъ и относительно родителей.

Теоретикъ едва ли признаетъ такую систему взаимнаго контроля очень стройной и послѣдовательной. Но на практикѣ эта система при данныхъ условіяхъ единственно возможная. Другой мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ. И совокупность данныхъ условій вынуждаетъ насъ особенно настаивать на обязательномъ обученіи. Возникаетъ, однако, новый вопросъ: «хорошо, пусть обязательное, но съ какихъ поръ и до какихъ поръ»? Въ программахъ русскихъ политическихъ партій есть нѣкоторыя попытки отвѣтить на это. Напр., въ программѣ с.-д. читаемъ: «даровое и обязательное общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16 лѣтъ». Въ програмѣ к.-д.: «всеобщее безплатное и обязательное обученіе въ начальной школѣ». Однако отвѣты эти трудно признать убѣдительными. Изъ нихъ не совсѣмъ ясно даже, о чьей, собственно, обязанности говорится. Если объ обязанности государства, то почему к.-д. думаютъ, что эта обязанность оканчивается начальной школой, и почему с.-д. убѣждены, что государство перестаетъ быть обязаннымъ, какъ только «рожденному человѣкомъ» исполнилось 16 лѣтъ?

Разъ человѣкъ имѣетъ право развивать и совершенствовать свои способности, разъ государство обязано обезпечить осуществленіе этого права, указанныя к.-д. и с.-д. границы, очевидно, очень произвольны. Очевидно, ребенку должна быть предоставлена полная возможность безпрепятственно переходить изъ начальной школы въ среднюю, изъ средней въ высшую; каждому ребенку должна быть открыта дорога ко всему кругу знаній, какой онъ способенъ вмѣстить по своимъ природнымъ способностямъ. И государство, очевидно, обязано, чтобы эта дорога была, дѣйствительно, открыта. Открыта для всѣхъ, кто способенъ по ней идти. Съ этой точки зрѣнія, необходимо настаивать, чтобы низшая была, какъ выражались старые педагоги, «подготовительной ступенью въ школу

среднюю, а средняя школа подготовительною ступенью въ школу высшую», чтобы переходъ отъ одной «ступени» къ другой совершался безпрепятственно, и чтобы обученіе во всѣхъ государственныхъ школахъ было безплатнымъ, одинаково доступнымъ какъ для богачей, такъ и для бѣдняковъ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно и резонно требованіе программы с.-д.: «снабжать бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства». Съ этой же точки зрѣнія необходимы, очевидно, и обязательныя для государства заботы о внѣшкольномъ образованіи. Я, конечно, лишь вскользь и мелькомъ напоминаю нѣкоторыя основныя черты правильно поставленнаго плана народнаго образованія. Развертывать весь планъ, раскрывать всѣ его детали здѣсь не мѣсто. Но и то немногое, что отмѣчено мною, до извѣстной степени поясняетъ, какъ своеобразно понимается порою формула: «обязательное обученіе», по-скольку она имѣетъ отношеніе къ государству.

Можно, разумѣется, предположить, что обѣ процитированныя мною программы относятъ эту формулу не къ государству, а къ родителямъ. Но и въ такомъ пониманіи онѣ не ясны. Необходимо ограждать права ребенка отъ родительскаго произвола. Но почему к.-д. полагаютъ, что это необходимо лишь до тѣхъ поръ, пока ребенокъ учится въ начальной школѣ? А если онъ, окончивъ начальную школу, хочетъ учиться въ средней, родители обязаны ему не препятствовать или не обязаны? По с.-д. программѣ, они обязаны, если ихъ сыну или дочери не исполнилось 16 лѣтъ. Ну, а если 16 лѣтъ исполнилось, если сынъ или дочь, несмотря на свои 16 лѣтъ, всетаки желаютъ продолжать образованіе, а въ родительскихъ рукахъ много средствъ препятствовать этому, то какъ по закону,—разрѣшается пускать въ ходъ эти средства, или возбраняется? Наконецъ, съ какого возраста дѣти подлежатъ защитѣ закона объ обязательномъ обученіи? И, наоборотъ, съ какого момента въ жизни ребенка родители имѣютъ законное право сказать государству: «ты обязано».

Жизнь вынуждаетъ такъ или иначе отвѣчать на эти вопросы. Въ нѣкоторыхъ школьныхъ округахъ Англіи, напр., установлено правило: трехлѣтнему ребенку, по первому требованію родителей, должно быть дано мѣсто въ особой подготовительной, «материнской» школѣ, а семилѣтняго ребенка родители обязаны посылать въ начальную школу. Не трудно, однако, видѣть, какъ условны и произвольны эти сроки. Почему, въ самомъ дѣлѣ, семилѣтняго ребенка отецъ обязанъ посылать въ школу, а 6, 5, 4 или 3-лѣтняго не обязанъ? Дѣти не равны. Иной семилѣтній менѣе пригоденъ для систематическаго обученія, нежели другой 4-лѣтній. И почему трехлѣтнему государство обязано дать мѣсто въ школѣ, а двухлѣтнему не обязано,—хотя бы это былъ ребенокъ, остающійся безъ призора, пока мать и отецъ на работѣ?

Коменскій доказывалъ, что въ первые же годы жизни ребенка необходимо научить «основнымъ началамъ» слѣдующихъ «20 наукъ»: «метафизики, физики, оптики, астрономіи, географіи, хронологіи, исторіи, ариометики, геометріи, статики, механики, діалектики, грамматики, риторики, поэзіи, музыки, хозяйства и политики». Этотъ перечень, въ достаточной степени архаическій, нынѣ надо бы исправить и дополнить. Но мысль Коменскаго, конечно, должна быть признана въ полномъ ея объемѣ. Ребенку необходимо въ первые же годы или даже мѣсяцы жизни усвоить основныя «метафизическія категоріи»: пространство, время, сходство, различіе, я, не-я, тожество, противоположность; столь же необходимо усвоить основныя начала оптики (цвѣта, свѣтъ, тѣнь et.) и другихъ наукъ. И если это, по тѣмъ или инымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, не усвоено, ребенокъ искалѣченъ порою на всю жизнь. Онъ не способенъ къ систематической работѣ даже въ начальной школѣ.

Ребенокъ учится «всему человѣческому» съ перваго дня рожденія. Съ перваго дня рожденія это право человѣка должно быть защищаемо. И, значитъ, обязательность образованія начинается то же съ перваго дня рожденія ребенка. Лишь только дитя родилось, родители, очевидно, въ правѣ требовать у государства: «воспитывай и учи». И, между прочимъ, съ этой точки зрѣнія приходится разсматривать вопросъ о нынѣшнихъ «воспитательныхъ домахъ». Ихъ содержаніе ни въ коемъ случаѣ нельзя считать дѣломъ частной благотворительности. А мать, которая отдаетъ своего ребенка въ воспитательный домъ, очевидно, не совершаетъ чего-либо предосудительнаго и достойнаго порицанія; она просто лишь заявляетъ государству о правахъ рожденнаго ею гражданина. А разъ такое заявленіе не сдѣлано, разъ родители обязанность воспитанія и обученія желаютъ сохранить за собою,—они, очевидно, отвѣтственны за неправильное выполненіе этой обязанности,—вплоть до той поры, когда рожденный ими получитъ способность самостоятельно отстаивать и осуществлять свои права, т. е. до наступленія полной гражданской правоспособности.

Съ этой точки зрѣнія, планъ обязательнаго образованія можетъ быть разработанъ очень широко. Можно, напр., проектировать общественное воспитаніе и обученіе въ полномъ объемѣ. Можно разработать нѣкоторыя детали: общественныя ясли, общественные дѣтскіе сады, и т. д. Можно настаивать, что родители въ правѣ требовать у государства пособія на воспитаніе каждаго новорожденнаго ребенка. И трудно найти серьезные аргументы по существу противъ этого права. Въ самомъ дѣлѣ, родители могутъ добровольно взять на себя обязанность государства нести трудъ и расходы по воспитанію дѣтей, но могутъ, очевидно, взять только трудъ, или только расходы. И разъ они берутъ на себя только трудъ, расходы, очевидно, должны быть возмѣщаемы. О размѣрахъ пособія на воспитаніе дѣтей можно спорить. Можно, напр., настаивать,

чтобы каждое такое пособіе не превышало средней цифры расхода на одного ребенка соотвѣтствующаго возраста въ общественно-воспитательномъ учрежденіи. Можно доказывать, что пособіе должно быть выдаваемо не иначе, какъ по заявленію родителей и подъ условіемъ извѣстнаго контроля. Но едва ли слѣдуетъ останавливаться на томъ или иномъ планѣ общественнаго воспитанія и входить въ его техническія подробности. Гораздо важнѣе основной вопросъ:

Можно ли теперь же формулу обязательнаго образованія развертывать полностью и послѣдовательно? Можно ли при данныхъ условіяхъ признать эту обязательность для государства съ момента рожденія гражданина, до послѣднихъ минутъ его жизни, а для родителей, добровольно взявшихъ на себя обязанность, — съ момента рожденія, до наступленія гражданской правоспособности.

II.

Повторяю, теоретически вопросъ ясенъ. «Научиться всему человѣческому» — право гражданина. Обязанность обезпечить гражданскія права лежитъ на государствѣ. Все остальное вытекаетъ, какъ выводъ изъ этой основной посылки. Но если осуществлять этотъ выводъ на практикѣ, то мы неизбѣжно приводимъ въ столкновеніе права личности съ правами коллектива, и права коллектива съ правами семьи. Выше я упомянулъ, что, говоря о народномъ образованіи, на первомъ же шагу попадаешь въ область сложныхъ и спорныхъ вопросовъ о границахъ личныхъ и коллективныхъ правъ. Теперь надѣюсь ясно, что малѣйшая попытка углубиться въ эту тему заводитъ насъ въ область еще болѣе сложныхъ и еще болѣе спорныхъ вопросовъ о семьѣ, о данныхъ формахъ семьи и, стало быть, о тѣхъ моральныхъ взглядахъ на половое чувство, которые лежатъ въ основѣ господствующей нынѣ формы семейнаго быта.

Ни для кого не секретъ, что господствующая нынѣ форма семьи переживаетъ періодъ крайней дряхлости. Реакціонеры всѣхъ странъ недаромъ жалуются, что «семья разлагается» и умираетъ. Конечно, разлагается собственно не семья. Разлагается данная форма семьи. А это далеко не одно и то же. Но съ оговоркою, что рѣчь идетъ именно о формахъ, «разложеніе семьи» необходимо признать, и какъ фактъ, и какъ симптомъ. Собственно разлагается не семья, и даже не формы семьи. Разлагается и умираетъ та идеологія, на которой зиждется данная форма семейнаго быта. Люди ниспровергаютъ старыхъ боговъ и жадно ищутъ новыхъ. Эта разрушительная и вмѣстѣ творческая работа кипитъ такъ напряженно, такъ страстно, что ее, пожалуй, всего правильнѣе было бы называть моральной революціей. Не вчера она началась—эта ре-

волюція, не мало уже создано ею такихъ явленій производнаго характера, какъ «разложеніе семьи». Новыя формы не завтра будутъ окончательно построены. Новыя вѣрованія едва-едва складываются. Новый богъ еще загадоченъ, какъ мраморная глыба, которая уже обдѣлана топоромъ каменотеса, но которой пока не коснулся рѣзецъ художника.

Что дастъ человѣчеству переживаемая нами моральная революція, — мы не знаемъ. Обозначались лишь самыя общія очертанія будущаго, нѣкоторые основные его штрихи. Объ одномъ изъ такихъ основныхъ штриховъ здѣсь необходимо вскользь упомянуть. Но, дабы сдѣлать это возможно короче, я позволю себѣ одно сравненіе.

Сравнительно, не такъ давно, между прочимъ, у насъ въ Россіи весьма широкимъ слоямъ общества вопросъ о питаніи представлялся, какъ несомнѣнно моральный вопросъ. Нарушить постъ, позавтракать въ великую пятницу до выноса плащаницы, выпить молока въ среду, поѣсть каши съ масломъ въ такой день, когда святцами не положено «разрѣшеніе вина и елея», — все это казалось проступкомъ «противъ Бога и совѣсти». И люди стыдились совершать такіе «проступки»,—по крайней мѣрѣ, открыто. Отчасти это уцѣлѣло до сихъ поръ. Еще до сихъ поръ въ деревенскихъ захолустьяхъ Великороссіи остается не совсѣмъ рѣшеннымъ вопросъ: можно ли новорожденныхъ кормить грудью въ среду и пятницу? Еще до сихъ поръ мѣстами еврейки юго-западнаго края приходятъ въ ужасъ, когда проѣзжій проситъ ихъ изжарить цыпленка на коровьемъ маслѣ. Но рядомъ съ этими пережитками старины создалось и кое-что новое. Всѣ мы, вынесенные, поскольку дѣло касается питанія, потокомъ моральной революціи на другой берегъ, разнообразимъ свое меню, не справляясь со святцами, исправно кушаемъ скоромное и въ великую пятницу, и въ чистый четвергъ, и во всѣ другіе запрещенные дни. И никакой внутренней потребности скрывать это или стыдиться этихъ своихъ поступковъ не чувствуемъ.

Отсюда не слѣдуетъ, будто для насъ, вынесенныхъ на другой берегъ, всякое вообще питаніе безразлично въ моральномъ смыслѣ. Нѣтъ, обжорство, напр., насъ, несомнѣнно, задѣваетъ, какъ психологическая дисгармонія, какъ оскорбительное и унизительное для человѣческаго достоинства извращеніе естественныхъ потребностей. Среди насъ, вынесенныхъ на другой берегъ, тоже есть «нерѣшенный вопросъ» о «безубойномъ» и «убойномъ» питанія. Но на нашемъ берегу даже вегетаріанецъ строго различаетъ вкусовыя ощущенія отъ моральныхъ взглядовъ и идеаловъ.

Повидимому, въ такомъ же родѣ должны перегорѣть въ огнѣ моральной революціи и тѣ взгляды на половое чувство, которые лежатъ въ основѣ нынѣшней семьи. Въ отношеніяхъ половъ жизнь замѣтно отграничиваетъ моральное и несоизмѣримое съ физіоло-

гіей отъ физіологическаго и безразличнаго съ моральной точки зрѣнія. Психологическая дисгармонія, извращеніе естественныхъ потребностей остается актомъ либо болѣзненнымъ, либо унизительнымъ и оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. Но поскольку физіологическое остается въ нормальныхъ предѣлахъ, мы уже теперь, еще не переплывши на другой берегъ, говоримъ: «быль молодцу не укоръ», и уже теперь нѣкоторые изъ насъ рѣшительно прибавляютъ: «да и дѣвицѣ быль не укоръ». Исторія ведетъ насъ въ сторону свободной семьи, въ сторону менѣе обязательныхъ отношеній между мужчиной и женщиной, которые однажды и случайно сошлись на половомъ чувствѣ. Для сколько-нибудь прочныхъ связей будущее потребуетъ цемента, болѣе тонкаго и болѣе прочнаго, чѣмъ тотъ, который можетъ быть предъявленъ физіологіей.

Формы грядущей «свободной семьи» уже теперь до нѣкоторой степени можно себѣ представить. Когда мы приплывемъ на «тотъ берегъ», вопросъ «обязательнаго образованія», по всей вѣроятности, будетъ подлежать рѣшенію въ полномъ объемѣ. Возможно представить, что тамъ, въ далекомъ будущемъ, найдутся родители, которые пожелаютъ взять на себя заботу о новорожденныхъ, — пожелаютъ не за страхъ, не подъ давленіемъ извнѣ диктуемаго «долга», а за совѣсть, ради того высокаго наслажденія, какое доставляетъ человѣку воспитаніе своего ребенка. Но воспитаніе своего ребенка доставляетъ не только наслажденіе. Оно причиняетъ и много мукъ, много заботъ, которыя подъ силу не каждому отцу и не каждой матери. И возможно представить, что значительный процентъ дѣтей будетъ прямо поступать на иждивеніе общества. Можетъ быть, на «томъ берегу» обязанность государства обезпечить права ребенка съ перваго дня станетъ не только теоретическимъ выводомъ изъ опредѣленной посылки, но и соціальной необходимостью. Точно также, обязанность родителей, быть можетъ, окажется простымъ результатомъ договора между ними и государствомъ. Государство. напр., можетъ предоставить родителямъ выполненіе общественныхъ обязанностей по отношенію къ ребенку, и, слѣдовательно, явится необходимость опредѣлить нормы, обезпечивающія и права ребенка, и права общества.

Но до «берега», на которомъ все это возможно, мы едва ли доплывемъ скоро. А какъ же быть теперь? Можно ли теперь принципъ обязательнаго образованія ставить полностію? «Обязательнаго» для государства и для родителей съ момента рожденія ребенка?

Съ бытовой и обывательской точки зрѣнія, «обязательность для родителей съ момента рожденія» предстанетъ въ такомъ, примѣрно, видѣ. Едва ребенокъ родился, какъ къ вамъ въ квартиру является чиновникъ соотвѣтствующаго департамента, производитъ разслѣдованія и сообщаетъ обязательныя постановленія, какъ кормить, какъ пріучать къ свѣту и т. д., и т. д. А затѣмъ приходитъ

каждый день, или черезъ день, или разъ въ недѣлю, разъ въ мѣсяцъ, допрашиваетъ, экзаменуетъ, а за «неисполненіе законныхъ требованій начальства» тащитъ отца съ матерью къ мировому. Стоитъ лишь открыть дорогу грубому вмѣшательству въ интимную жизнь, а затѣмъ уже не трудно сообразить, какая благодарная почва получится для вымогательствъ, злоупотребленій и всяческаго рода насилій. Но дѣло не только въ злоупотребленіяхъ. Вопросъ шире и сложнѣе.

Въ началѣ я счелъ необходимымъ употребить нѣсколько неуклюжій терминъ: «права коллектива». Потомъ мнѣ пришлось слово «коллективъ» замѣнять другими словами: «государство», «общество», «община». Однако, такую замѣну можно дѣлать лишь съ очень серьезными оговорками. Понятія, выражаемыя этими словами, далеко не равнозначущи. Далѣе, мы говорили о школѣ, о воспитаніи, обученіи, образованіи, какъ о чемъ-то такомъ, что вполнѣ опредѣленно и при всякомъ положеніи равно самому себѣ. Въ дѣйствительности же подъ воспитаніемъ и обученіемъ можно разумѣть и очень хорошія, и очень скверныя вещи. Суть не только въ томъ, что ребенокъ имѣетъ право учиться. Гораздо труднѣе практическое рѣшеніе задачи,—чему и какъ учить.

Наиболѣе точный отвѣтъ можно бы получить отъ ребенка. Ребенокъ часто въ самомъ раннемъ возрастѣ обнаруживаетъ тѣ склонности, какими впослѣдствіи опредѣляется направленіе ума, выборъ профессіи или спеціальности. На этомъ и основывается педагогическое правило, что въ выборѣ методовъ и въ распредѣленіи учебныхъ предметовъ надо сообразоваться съ индивидуальностью ребенка. Правило во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное. Дѣйствительно, только сообразуясь съ индивидуальностью ребенка, можно обезпечить его право развивать и совершенствовать свои человѣческія способности. Насилуя же индивидуальность, можно искалѣчить ребенка и золотые годы ученья превратить въ проклятые годы мукъ и страданій. Такимъ образомъ, на вопросъ: «какъ и чему учиться», можно бы отвѣтить совѣтомъ: «спроси у ребенка», т. е. старайся опредѣлить его наклонности.

Но тутъ вы встрѣчаетесь съ родителями, и взгляды ихъ далеко не всегда совпадаютъ съ наклонностями дѣтей. Я лично росъ въ семьѣ, старшіе члены которой очень хвалили меня, когда я учился читать псалтырь, и очень били, когда я разсказалъ имъ, что напечатано въ книжкѣ «Географія» о вращеніи земли. Самая книжка при этомъ едва не была сожжена и спаслась отъ этой участи, лишь благодаря моему заявленію, что «географія казенная» (т. е. изъ училищной библіотеки), и что за порчу ея придется дать отвѣтъ. Упоминаю объ этомъ мелкомъ эпизодѣ съ цѣлью, по возможности, коротко и наглядно объяснить, какія рѣзкія противорѣчія существуютъ порою между склонностями ребенка и взглядами семьи. Родительскіе предразсудки, предубѣжденія, часто капризы,

еще чаще простое невѣжество, — все это обрушивается на голову дитяти и властно диктуетъ ему: «учись не тому, къ чему ты склоненъ, не такъ, какъ тебѣ нужно, а какъ я велю». Вмѣсто права ребенка развивать и совершенствовать свои человѣческія способности, получается право семьи насиловать и уродовать дѣтей. Какія же у насъ средства устранить это насиліе?

Конечно, права ребенка должны быть защищены. Конечно, защиту гражданскихъ правъ должно взять на себя государство. Это безспорно. А съ другой стороны, безспорно и то, что если при данныхъ условіяхъ узаконить систематическій государственный надзоръ за семейнымъ воспитаніемъ, неизбѣжны насилія, еще болѣе ужасныя. Положеніе оказывается трагически безвыходнымъ. И въ этой трагедіи роль мучениковъ — увы! — падаетъ на долю дѣтей.

Стоитъ хоть немного вдуматься въ эту трагедію, и станетъ ясно, что дѣло тутъ не только въ противорѣчіи между ребенкомъ и семьею. Легко представить себѣ идеальную семью, чуждую предразсудковъ, капризовъ и желанія своевольничать надъ дѣтьми. Пусть такая семья сумѣла точно опредѣлить индивидуальность ребенка, сумѣла точно намѣтить методы и программу обученія. Это не такъ просто. Сравнительно краткою справкою о современномъ состояніи психологіи и педагогики можно бы выяснить, что о способахъ опредѣлить индивидуальность ребенка пока благоразумнѣе лишь мечтать. Но, повторяю, упростимъ задачу и представимъ, что передъ нами идеальная семья, идеально опредѣлившая, какъ и чему учить. И живетъ эта семья... не въ раю, разумѣется. Представьте, что это духоборческая семья, въ православной деревнѣ или семья свободомыслящаго ссыльнаго поселенца поляка въ старообрядческомъ великорусскомъ селѣ. Представьте далѣе, что общество этого села или деревни само опредѣляетъ строй своей школы. Что получится въ результатѣ—понять не трудно.

Строй школы, если онъ зависитъ отъ мѣстнаго общества, опредѣлится совокупностью разныхъ условій. Если общество объединено, напр., сектантскимъ настроеніемъ, то и школа приметъ сектантскій характеръ. Православные сдѣлаютъ ее и по духу, и по характеру преподаванія православной, католики – католической, старообрядцы—старообрядческой. Обостренное національное чувство создастъ школу узко-націоналистическую, а таковою, у насъ, напр., въ Россіи можетъ оказаться школа не только великорусская, но и польская, и армянская, и татарская etc., etc. Школу такъ или иначе опредѣлитъ «большинство». Оно неизбѣжно навяжетъ ей тѣ или иныя грубо-практическія цѣли, узко-племенныя, религіозныя или политическія тенденціи. Дѣти же «меньшинства», дѣти «идеальной семьи» могутъ оказаться въ положеніи совершенно невыносимомъ: съ одной стороны, образованіе обязательное, и не посылать ребенка въ школу значитъ подвергаться карамъ за нарушеніе за-

кона; а съ другой стороны, если исполнять законъ, значитъ мириться съ насиліемъ не только надъ склонностями дѣтей, но и надъ ихъ совѣстью.

По здравому смыслу, дѣтей должно бы защищать отъ насилія государство. Какъ принципъ, это вѣрно. Но какъ практическое правило, это порою рѣшительно никуда не годится. Къ сожалѣнію, государство такъ же, какъ и отдѣльные члены его, обыкновенно, разсматриваетъ дѣтей, какъ человѣческій матеріалъ, весьма воспріимчивый къ пропагандѣ. И на этомъ основаніи навязываетъ школѣ пропаганду тѣхъ или иныхъ тенденцій.

Конечно, тенденціи могутъ мѣняться. Государство самодержавное, въ которомъ представители верховной власти вынуждены оправдывать свои претензіи ссылками на «божественное право», будетъ всячески защищать въ школахъ именно это право. То есть постарается устранить всѣ научныя свѣдѣнія, опровергающія божественное право, а что нельзя устранить, то будетъ искажено. На какіе чудовищные и отвратительные подлоги способно самодержавное государство въ цѣляхъ необходимой ему школьной пропаганды, — подробно говорить не буду. Подробности читатель можетъ найти въ моей книгѣ «Замѣтки учителя». Общій же характеръ школьной политики самодержавія болѣе или менѣе извѣстенъ.

Далѣе, важнѣйшей опорой абсолютной власти служитъ невѣжество народа. Вотъ почему самодержавному государству наиболѣе свойственно препятствовать распространенію школъ. Извѣстны афоризмы: «необходимо всѣми силами бороться противъ народнаго образованія» *), «безусловно вредно распространеніе народнаго образованія» **), «сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ» ***) и т. д. Припоминая эти афоризмы, нужно значительное усиліе, чтобы сохранить спокойствіе. Но у нихъ есть безпорное достоинство: они совершенно точно и ясно формулируютъ одну изъ главнѣйшихъ потребностей автократическаго государственнаго строя. Въ интересахъ простого самосохраненія, автократія, дѣйствительно, должна всѣми силами противиться народному образованію, т. е. допускать только такое количество школъ, какое необходимо по техническимъ условіямъ государственнаго управленія, требующаго образованныхъ и грамотныхъ людей. Защищая «божественное право», автократія, дѣйствительно, должна исказить преподаваніе даже въ тѣхъ школахъ, какія ей самой необходимы.

Правда, самодержавіе, обыкновенно, не смѣетъ узаконить необходимый для него принципъ «борьбы всѣми силами противъ

*) Слова П. И. Леонтьева.
**) Слова К. П. Побѣдоносцева.
***) Высочайшій указъ 9 іюня 1845 г.

народнаго образованія». Подъ давленіемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ причинъ, даже представители самодержавной власти порою вынуждены открывать безусловно ненужныя и вредныя для нихъ школы. Но практика автократическихъ странъ уже выработала особый типъ «школъ», гдѣ все построено такъ, чтобы дѣти тратили праздно силы и время, подвергались пропагандѣ, какая необходима для укрѣпленія «божественнаго права», и лишались возможности дѣйствительно «научиться всему человѣческому». Это собственно не школы. Это одинъ изъ механизмовъ въ общей системѣ мѣръ, какія необходимы, по совершенно правильному мнѣнію К. П. Побѣдоносцева, самодержавію для борьбы противъ народнаго образованія. Прекраснымъ образцомъ такихъ государственныхъ учрежденій, препятствующихъ образованію дѣтей, могутъ служить, между причемъ, русскія «церковно-приходскія» школы.

Въ нѣсколько иномъ положеніи верховная власть конституціонно-классового государства. Конституціонный государственный механизмъ требуетъ значительной грамотности низшихъ слоевъ населенія. Это необходимо хотя бы, напр., для выборовъ въ парламентъ, не говоря уже объ экономическихъ и другихъ условіяхъ. И власть конституціоннаго государства неизбѣжно будетъ заботиться о насажденіи низшаго образованія, т. е. такъ или иначе постарается обезпечить право ребенка научиться грамотѣ. Но интересы господствующаго класса, его стремленіе удержать въ своихъ рукахъ умственное превосходство, а стало быть, и нѣкоторую гегемонію,—все это властно отражается на судьбѣ ребенка, желающаго осуществить свои права на образованіе среднее и высшее. Заботы пяти русскихъ царствованій, начиная съ Александра I, о всемѣрномъ «недопущеніи» «простонародья» въ гимназіи и университеты составляютъ характерную особенность не только самодержавныхъ правительствъ. Опытъ конституціонныхъ странъ такъ же богатъ «рѣшительными мѣрами» въ этомъ направленіи. Въ государствахъ, провозгласившихъ священными «права человѣка и гражданина», также есть система экзаменовъ, нарочито придуманная, чтобы загораживать дорогу изъ низшей школы въ среднюю, а изъ средней въ высшую, есть не менѣе хитроумная система платы за ученіе, есть, наконецъ, система особыхъ учебныхъ плановъ, которая всякому «кухаркину сыну» ставитъ предѣлъ: «если у тебя нѣтъ средствъ на спеціальную домашнюю подготовку, то изъ одного типа школы въ другой не перескочишь».

Такимъ образомъ, если въ самодержавномъ государствѣ рѣшеніе задачи, чему учить и какъ учить въ школахъ, предопредѣляется необходимостью защищать принципъ «божественнаго права», то въ государствѣ конституціонно-классовомъ школьная политика въ значительной мѣрѣ направляется стремленіемъ отрѣзать народныя массы отъ средней и высшей школы. А затѣмъ, вообще мы не знаемъ ни одного государства, въ которомъ правительство

устояло бы противъ соблазна воспользоваться школою, какъ средствомъ пропаганды среди подрастающаго поколѣнія.

Всѣ какъ будто признаютъ, что школа должна сообразоваться съ индивидуальностью ребенка; всѣ какъ будто знаютъ, что только при этомъ условіи возможно свободное, гармоническое развитіе и совершенствованіе человѣческой личности. Ни одно правительство не рѣшается оспаривать этотъ принципъ. И, однако, не онъ кладется въ основу школьныхъ плановъ. Не только распредѣленіе занятій и учебныя программы, но даже содержаніе учебниковъ приноровлено въ одномъ случаѣ къ тому, чтобы укрѣпить идею о божественномъ происхожденіи верховной власти, въ другомъ — къ тому, чтобы воспитать трепетъ передъ священнымъ принципомъ собственности, въ третьемъ—къ тому, чтобы внушить народу преданность родовой или денежной аристократіи, въ четвертомъ— чтобы противодѣйствовать гибельнымъ идеямъ соціализма etc., etc. Въ основѣ государственныхъ школьныхъ плановъ лежитъ, что угодно: націонализмъ, шовинизмъ, сектантство, какъ цѣль; классицизмъ, мертвящая схоластика и зубрежка, какъ средство. Нѣтъ только въ нынѣшнихъ школьныхъ планахъ желанія руководиться общепризнанными педагогическими правилами, помимо которыхъ нельзя учителю увлекательно учить, а ученику легко и свободно учиться.

При столь остромъ противорѣчіи интересовъ, сталкивающихся въ школѣ и возлѣ школы, которая оказывается тѣсно связанной, между прочимъ, съ такими поистинѣ проклятыми вопросами современной жизни, какъ національный и религіозный,—принципъ обязательнаго образованія получаетъ особый смыслъ и особое значеніе.

Съ одной стороны, этотъ принципъ въ его полномъ объемѣ жизненно необходимъ. И мы ни на одну минуту не можемъ отказаться отъ него. Сколько угодно доказывайте, что родители обязаны учить и воспитывать своего ребенка. Сколько угодно оспаривайте право родителей отказываться отъ этой «обязанности». Но въ дѣйствительности уже теперь масса матерей, а еще больше отцовъ, такъ сказать, революціоннымъ порядкомъ осуществляютъ это свое право. Уже теперь ежегодно громадное количество новорожденныхъ дѣтей поступаетъ на исключительное иждивеніе государства. И, слѣдовательно, уже теперь необходимо признать обязательное для государства образованіе въ полномъ объемѣ,—со дня рожденія тѣхъ, по крайней мѣрѣ, дѣтей, отъ которыхъ отказались отецъ и мать. Повторяю, необходимо признать эту обязанность государства въ полномъ объемѣ; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, мириться съ такими чудовищными аномаліями, какъ нынѣшніе «воспитательные дома».

Государство, далѣе, обязано взять на себя заботу о дѣтяхъ, отъ которыхъ родители не отказываются, но которыя, тѣмъ не менѣе, по нѣскольку часовъ въ день остаются «на произволъ судьбы».

(напр., дѣти фабричныхъ рабочихъ). Государство обязано заботиться, чтобы всѣ дѣти имѣли возможность получить хотя бы только начальное образованіе, т. е. обязано, если дѣтямъ негдѣ учиться, открыть школу по первому требованію родителей. Государство обязано слѣдить, чтобы право, по крайней мѣрѣ, дѣтей школьнаго возраста не зависѣло отъ каприза и произвола родителей, опекуновъ, предпринимателей, эксплуатирующихъ дѣтскій трудъ. Узаконить обязательность образованія - значитъ оказать странѣ величайшее благодѣяніе.

Это съ одной стороны. А съ другой.. Хорошо, пусть государство обязано по первому требованію родителей, которымъ негдѣ учить дѣтей, отпустить средства на открытіе и содержаніе школы. Но вѣдь разъ государственная власть отпустила собранныя съ народа средства, она не только имѣетъ право, но и обязана слѣдить, куда и какъ эти средства расходуются. Иначе откроется широкая возможность для спекуляцій весьма сомнительнаго свойства. Обязывая государство давать деньги, мы тѣмъ самымъ обязываемъ его направлять школьную дѣятельность и руководить ею. Въ переводѣ на языкъ, напр., суровой русской дѣйствительности это значитъ слѣдующее. Вооруженное закономъ объ обязательномъ обученіи, правительство во всѣхъ старообрядческихъ, молоканскихъ, духоборческихъ, штундистскихъ и т. п. мѣстностяхъ сможетъ открыть миссіонерскія школы, и подъ страхомъ уголовныхъ каръ сгонять туда всѣхъ дѣтей школьнаго возраста; въ Польшѣ, въ Литвѣ, на Украйнѣ, на Кавказѣ, во всѣхъ вообще иноплеменныхъ мѣстностяхъ оно сможетъ, въ цѣляхъ обрусительной политики, открыть школы съ обязательнымъ преподаваніемъ на великорусскомъ языкѣ и съ обязательными уроками «православнаго» закона Божія; оно сможетъ покрыть всю Россію церковно-приходскими школами; сможетъ расшить на этой канвѣ многіе другіе узоры, при помощи которыхъ безусловно необходимый и безусловно благодѣтельный законъ послужитъ источникомъ жесточайшаго насилія и великихъ бѣдствій для всей страны.

Очевидно, какъ ни важенъ, какъ ни необходимъ принципъ обязательнаго образованія, но его нельзя ставить безъ очень существенныхъ оговорокъ и поправокъ.

III.

Безъ сомнѣнія, государство, во всякомъ случаѣ, обязано обезпечить права ребенка на образованіе. Но требуя, чтобы государство выполняло эту обязанность, мы тѣмъ самымъ отдаемъ дѣло народнаго просвѣщенія подъ надзоръ государственной власти, съ ея не всегда чистыми, и въ большинствѣ случаевъ своекорыстными разсчетами. Выходъ изъ этого заколдованнаго круга, къ счастью, уже

найденъ и до нѣкоторой степени осуществленъ во всѣхъ странахъ, гдѣ обязательность обученія узаконена. Выходъ заключается въ томъ, что хотя населеніе и обязано учить дѣтей, но имѣетъ право и возможность отказаться отъ государственной помощи и отъ услугъ государственной школы.

Иначе говоря, государственная власть имѣетъ надзоръ только за тѣми школами, которыя въ полной мѣрѣ или отчасти содержатся на государственныя средства. Всякой общественной группѣ и каждому отдѣльному гражданину должно быть предоставлено право безпрепятственно открывать школы. И разъ администрація такой «вольной школы» отказывается отъ государственной помощи, государственная власть обязана не вмѣшиваться. Это англо-саксонская система, при которой всякое учебное заведеніе находится подъ контролемъ общественнаго мнѣнія и можетъ попасть подъ контроль правительственной школьной инспекціи лишь въ томъ случаѣ, если пользуется субсидіей изъ государственныхъ средствъ.

Такова первая поправка, какую необходимо внести въ принципъ обязательнаго образованія. Рядомъ съ обязательной для государства школой должно быть обезпечено безпрепятственное возникновеніе и существованіе школы вольной. И совершенно основательно въ программу, напр., народно-соціалистической партіи внесена, какъ очередное требованіе, «свобода частной и общественной иниціативы въ области школьнаго и внѣшкольнаго образованія». Такое же очередное требованіе включено и въ программу конституціонно-демократической партіи. Его важное значеніе понято было въ Россіи еще въ началѣ царствованія Николая I; еще при Николаѣ I въ основу правительственной школьной политики была положена, между прочимъ, мысль, энергически формулированная въ одной «запискѣ», представленной въ 1826 г. на Высочайшее благовоззрѣніе: «Нечего колебаться, — рекомендуетъ эта «записка»—во чтобы то ни стало подавить воспитаніе частное». Для интересовъ, которые защищало правительство Николая I, «вольная школа», дѣйствительно, ядъ. Для народа она—насущная необходимость. И если мы откажемся отъ требованія вольной, не подчиненной правительственному руководству школы, то надо будетъ отказаться и отъ обязательнаго обученія, и отъ защиты дѣтскихъ правъ на образованіе. Ибо въ противномъ случаѣ, т. е. отказавшись отъ вольной школы, мы, вѣрнѣе всего, узаконимъ обязательную для населенія «обработку дѣтскихъ душъ» по методѣ гр. Д. А. Толстого, гр. И. Д. Делянова, К. П. Побѣдоносцева и тому подобныхъ дѣятелей, которыми врядъ ли скоро земля оскудѣетъ.

Отстаивая обязательное образованіе, необходимо всячески отстаивать полную свободу открывать и содержать школы, независимыя отъ правительственнаго руководства. Нужно, однако, не преувеличивать значенія «частной иниціативы» вообще и «вольной школы» въ частности. Дѣло народнаго образованія такъ обширно,

требуетъ такого огромнаго расхода силъ и средствъ, что, помимо государства, его нельзя поставить на сколько-нибудь твердую почву. Да и по принципіальнымъ соображеніямъ не допустимо, чтобы государство имѣло возможность одну изъ важнѣйшихъ соціальныхъ задачъ взвалить на частную иниціативу. Вольныя школы должны быть. Но громаднымъ массамъ населенія неминуемо придется пользоваться школами, содержимыми всецѣло или отчасти на государственный счетъ. Громадная масса дѣтей будетъ такъ или иначе проходить черезъ правительственное руководство. И дабы устранить злоупотребленія государственной власти на этой почвѣ, есть только одинъ способъ: ограничить дѣятельность правительственной школьной инспекціи опредѣленными рамками.

Прежде всего правительственная инспекція не должна быть органомъ религіознаго насилія. Иначе говоря, необходимо «отдѣленіе школы отъ церкви». Рѣшаюсь напомнить, однако, что дѣло тутъ не только въ томъ, чтобы государственная власть не могла требовать обязательныхъ для дѣтей уроковъ закона Божія. Обязательныя уроки закона Божія въ государственной школѣ, конечно, не допустимы. Но религіозныя чувства могутъ быть весьма рѣзко задѣты и на урокѣ исторіи, и на урокѣ словесности или пѣнія, и на всякомъ другомъ урокѣ. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ школьныхъ округахъ, напр., Великобританіи законъ обусловливаетъ, чтобы даже при объясненіи Евангелія или священной исторіи не допускались конфессіонныя толкованія.

Точно также школьная инспекція не должна быть органомъ, насилующимъ индивидуальныя особенности дѣтей, обусловленныя принадлежностью къ тому или иному племени. Для всякаго, кому дорога индивидуальность ребенка, кто признаетъ его право на развитіе и совершенствованіе, одинаково непріемлемы какъ насиліе въ цѣляхъ государственной нивеллировки, такъ и насиліе въ цѣляхъ племенной обособленности.

Невозможно допустить, чтобы преподаваніе въ инородческихъ школахъ велось на совершенно непонятномъ дѣтямъ государственномъ языкѣ. Мы не только теоретически, но и по горькому опыту знаемъ, какое невыносимое положеніе создается, напр., преподаваніемъ на великорусскомъ языкѣ въ польскихъ, армянскихъ, татарскихъ, якутскихъ и т. д. школахъ. Такое преподаваніе прямо-таки калѣчитъ дѣтей. Въ такихъ школахъ лишь очень немногія дѣти выдерживаютъ искусъ. Масса же выбрасывается изъ нихъ, ничему не научившись. Вотъ почему конституціонно-демократическая партія, напр., не поставившая ясно въ своей программѣ «вопросъ о языкѣ начальной школы», по существу обошла и вопросъ о возможности достигнуть не только обязательнаго, но и «всеобщаго» образованія. Напишите, въ самомъ дѣлѣ, какой угодно законъ объ обязательномъ обученіи, но разъ преподаваніе будетъ

вестись на непонятномъ дѣтямъ языкѣ, громадный процентъ ихъ не научится въ школѣ даже простой грамотѣ.

По той же причинѣ совершенно непріемлемы планы — въ начальной еврейской, напр., школѣ ввести обязательное преподаваніе на древне-еврейскомъ языкѣ, или въ великорусской школѣ— на языкѣ «церковно-славянскомъ». Въ основѣ такихъ плановъ лежитъ либо желаніе «сохранить племенной типъ въ его первоначальной чистотѣ», либо соображенія религіозныя. И нѣкоторые изъ этихъ плановъ уже испробованы. Между прочимъ, въ концѣ царствованія Александра III во многихъ церковно-приходскихъ школахъ обученіе начиналось не иначе, какъ по «церковно-славянскимъ» азбукамъ, которыя во множествѣ разсылалъ Святѣйшій синодъ. Нѣсколько позже появились въ такъ называемомъ сіонизмѣ стремленія «широко возродить» древне-еврейскій языкъ. Нѣкоторые сіонисты утверждали даже, что роднымъ языкомъ еврейскаго ребенка надо считать именно древне-еврейскій языкъ, а никакъ не «жаргонъ», составленный изъ смѣси «чужихъ»—нѣмецкихъ, польскихъ и другихъ иноплеменныхъ словъ и формъ. Наряду съ сіонистами, существовали истинно-православные люди, утверждавшіе, что родной языкъ русскаго ребенка—это языкъ церковно-славянскій, тогда какъ нынѣшній русскій языкъ вовсе нельзя считать русскимъ, ибо онъ испорченъ финскими, татарскими, польскими, нѣмецкими и всякими иными помѣсями.

Такія мнѣнія, если они логически и стройно развиты,—явная нелѣпость. Но въ основѣ ихъ лежитъ нѣчто, болѣе сложное и болѣе обдуманное, чѣмъ простая ошибка. Вопросъ о языкѣ преподаванія надо разрѣшать не только съ той точки зрѣнія, понятенъ онъ или непонятенъ ученику. Тутъ скрытъ еще и вопросъ о томъ, съ какими понятіями должна оперировать школа, въ кругъ какихъ представленій необходимо ей ввести ученика. Чтобы не углубляться въ эту очень сложную сторону школьной жизни *), ограничусь лишь однимъ примѣромъ.

Возьмите хотя бы такое выраженіе на «древнемъ» языкѣ: «Работайте господеви со страхомъ». И поставьте рядомъ съ нимъ выраженіе на современномъ языкѣ, по возможности, однозвучное и какъ будто даже однозначущее: «работайте на господина со страхомъ». Можно, пожалуй, доказывать, что оба выраженія одинаково «родныя» ребенку и одинаково понятны. Но не трудно видѣть, что они выражаютъ совершенно различныя представленія. Тамъ «господеви»,—таинственная верховная воля, фатумъ, нѣчто божественное и апелляціи не подлежащее, нѣчто переносящее насъ въ настроеніе, создавшее извѣстную лакейскую пѣсню о необыкновенно счастливой крѣпостной дѣвицѣ, которая хвалится:

*) Мнѣ по этому вопросу уже пришлось высказаться въ другомъ мѣстѣ. См. „Замѣтки учителя“, глава о „національмѣ въ школѣ“.

„Вышла замужъ за него,
Господина моего“.

Здѣсь же не «господеви», а «господинъ помѣщикъ», «господинъ фабрикантъ», «господинъ хозяинъ», баринъ, который взимаетъ аренду, эксплуатируетъ, и по отношенію къ которому даже у ребенка могутъ быть вполнѣ опредѣленныя чувства. Надѣюсь, не нужно объяснять, какая разница между «работайте» въ древнемъ и «работайте» въ современномъ смыслѣ. Одни представленія будутъ у ребенка, если онъ читаетъ «работайте со страхомъ» въ «церковно-славянскомъ» текстѣ, и совершенно другія — если онъ прочтетъ тотъ же совѣтъ въ «современной книжкѣ», на «современныя темы».

Наше министерство народнаго просвѣщенія уже много лѣтъ насаждаетъ въ учебникахъ — даже для низшихъ школъ — языкъ Карамзина и Четіихъ-Миней. И это, въ смыслѣ достиженія извѣстныхъ результатовъ, цѣлесообразно. Слова «карамзинской рѣчи» отвлекаютъ ребенка отъ тѣхъ понятій и представленій, съ какими тѣсно связаны слова въ ихъ нынѣшнемъ употребленіи. А съ другой стороны, ни Карамзину, ни Четіимъ-Минеямъ не были извѣстны многія нынѣшнія слова, порою весьма остраго и боевого значенія. А это еще болѣе помогаетъ министерству изолировать школу отъ самыхъ жгучихъ «вопросовъ даннаго времени», перенести ребенка, пока онъ не успѣлъ ознакомиться съ окружающею его дѣйствительностью, въ сферу понятій и представленій, какія были 100, 200, 300 лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторые послѣдовательные сіонисты шли, какъ я уже упоминалъ, еще дальше, и предлагали переносить дѣтей на 2 или даже на 3 тысячи лѣтъ назадъ.

«Надо заморозить Россію», — убѣждалъ нѣкогда Леонтьевъ. И языкъ преподаванія, несомнѣнно, одно изъ прекрасныхъ средствъ замораживать дѣтей. Однихъ, благодаря ему, можно лишить возможности научиться даже простой грамотѣ. Другимъ онъ помѣшаетъ понять и осмыслить именно ту историческую обстановку, въ которой проходящему черезъ школу поколѣнію надо жить и дѣйствовать.

Контроль правительства въ государственной школѣ не устранимъ. Но если этотъ контроль необходимо ограничить въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не превратился въ средство религіознаго насилія, то не менѣе онъ долженъ быть ограниченъ и въ правѣ вліять на языкъ школы. Преподаваніе, особенно въ начальной школѣ, должно вестись на родномъ и понятномъ для ребенка языкѣ, — на языкѣ, свойственномъ данной національности, какую обслуживаетъ школа, и данному времени, въ какое она существуетъ. Правительственный контроль въ правѣ требовать, чтобы это условіе соблюдалось во всякой школѣ, на которую несетъ рас-

ходы государство. Но онъ не въ правѣ ни отмѣнять, ни нарушать это условіе.

А затѣмъ и вообще правительственный контроль резоненъ по стольку, поскольку онъ стоитъ въ рамкахъ необходимаго для дѣла. Разумѣется, безусловно необходимо слѣдить, чтобы государственныя средства, отпущенныя на содержаніе школы дѣйствительно шли на школу. Безусловно необходимо требовать, чтобы государственная школа давала дѣтямъ извѣстный минимумъ познаній. Но едва ли необходимо государству настаивать на томъ или иномъ распредѣленіи занятій; нѣтъ никакихъ резоновъ сосредоточивать въ рукахъ государства назначеніе учителей, выработку детальныхъ программъ и учебныхъ плановъ, и т. д. «Передача среднихъ и низшихъ школъ въ завѣдываніе мѣстныхъ органовъ самоуправленія», на которой настаиваетъ программа народно-соціалистическій партіи, наиболѣе правильно могла бы поставить общегосударственную школьную инспекцію въ тѣ рамки, какія необходимы для дѣла. Отстаивая такую систему, можно бы сослаться на примѣръ Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ принципъ мѣстнаго управленія школами особенно доказалъ свою плодотворность; можно бы повторить извѣстные доводы о преимуществѣ децентрализаціи надъ централизаціей; можно бы указать на необходимость приноровлять школьные порядки и школьныя программы къ мѣстнымъ условіямъ, что всего лучше можетъ быть сдѣлано мѣстными общественными организаціями; можно бы напомнить удивительныя нелѣпости, къ которымъ приводитъ централистическое школьное управленіе, а за примѣрами не надо далеко ходить: вѣдь у насъ въ Россіи дѣти Якутской области, Московской губерніи и Средней Азіи учатся по однѣмъ и тѣмъ же учебнымъ книжкамъ, т. е. якутскія дѣти, наравнѣ съ московскими, читаютъ въ школѣ: «у насъ въ селѣ избы деревянныя, а крыши соломенныя», передаютъ своими словами содержаніе статеекъ хрестоматіи о дубахъ, липахъ, козлахъ, баранахъ, черемухахъ и другихъ «матеріяхъ», которыя москвичъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу, и которыя для якута лишь «заморское чудо».

Но я не буду останавливаться на примѣрахъ, наглядно обрисовывающихъ вредъ централизаціи и пользу децентрализаціи; не буду перечислять и аргументы за «передачу школъ въ завѣдываніе мѣстныхъ самоуправленій». Отчасти эти аргументы общеизвѣстны. Отчасти они лежатъ внѣ той общей постановки вопроса, на которой намъ нужно держаться. Мы вѣдь говоримъ въ данный моментъ о противорѣчіи интересовъ, сталкивающихся возлѣ школы и внутри нея. Государству, какъ цѣлому, нужно и важно лишь то, чтобы молодое поколѣніе имѣло возможность «научиться всему человѣческому». Это основная задача. Но органы государственной власти въ своихъ личныхъ видахъ, могутъ предъявить и неизбѣжно

предъявлять къ школѣ такія требованія, которыя не только идутъ мимо основной задачи, но и въ корнѣ противорѣчатъ ей. Въ свою очередь, мѣстное населеніе, обслуживаемое тою или иною школою, можетъ предъявить и неизбѣжно предъявитъ такія требованія, которыя въ корнѣ противорѣчатъ личнымъ видамъ представителей власти. При такихъ условіяхъ «передачу школъ въ завѣдываніе мѣстныхъ органовъ самоуправленія» приходится разсматривать, какъ наилучшій способъ устранить или нейтрализовать противорѣчія.

IV.

Я нѣсколько подробнѣе, чѣмъ, быть можетъ, слѣдовало бы, остановился на такихъ деталяхъ, какъ «вольная школа», постановка «Закона Божія», языкъ преподаванія, ближайшее завѣдываніе школьными дѣлами. Мнѣ казалось, что смыслъ этихъ деталей до сихъ поръ не вполнѣ понятъ, а главное—не вполнѣ усвоена связь между ними и обязательнымъ обученіемъ. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, программа той же хотя бы конституціонно-демократической партіи требуетъ обязательнаго обученія и въ то же время совершенно открытымъ оставляетъ вопросъ о возможности связывать школу съ церковью, и оставляетъ въ туманѣ другой не менѣе важный вопросъ—о языкѣ, на которомъ должно вестись преподаваніе,—по крайней мѣрѣ, въ начальной школѣ. Такія «фигуры умолчанія» невозможно считать злымъ умысломъ. Составителямъ программы, повидимому, просто осталось не яснымъ, почему при одномъ рѣшеніи обойденныхъ ими вопросовъ требованіе обязательнаго обученія имѣетъ серьезный смыслъ, а при другомъ—оно обращается въ пустой звукъ.

Къ сожалѣнію, останавливаясь на деталяхъ, я не сумѣлъ обойти нѣкоторыхъ чисто техническихъ подробностей. И боюсь, что написанное мною можетъ быть понято, какъ попытка обрисовать въ общихъ чертахъ именно техническій планъ школьнаго устройства. Мысль читателя какъ бы невольно можетъ направиться къ такимъ, примѣрно, выводамъ:

Есть государство. И есть органы мѣстнаго самоуправленія: мелкая земская единица, уѣздное земство, губернское земство, городскія представительныя учрежденія. Органы самоуправленія требуютъ у государства денегъ на школы. Государство отпускаетъ. И всякая школа, содержимая полностью или отчасти за счетъ государства, считается государственной. Затѣмъ чиновники министерства народнаго просвѣщенія инспектируютъ. А органы мѣстнаго самоуправленія опредѣляютъ педагогическую и хозяйственную сторону дѣла, и т. д.

Такой планъ по существу цѣлесообразенъ. Но на его техническихъ подробностяхъ едва ли можно настаивать. Государственный

контроль неустранимъ, по принципіальнымъ соображеніямъ. Но это не значитъ, что его должны осуществлять чиновники министерства народнаго просвѣщенія, а не лица, опредѣляемыя тѣмъ же хотя бы губернскимъ или уѣзднымъ земствомъ. Есть вѣскіе аргументы за одно рѣшеніе, и есть не менѣе вѣскіе—за другое.

Нуженъ центральный органъ, вѣдающій спеціально дѣло народнаго образованія. Но въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, напр., федеральный департаментъ народнаго просвѣщенія вовсе не располагаетъ властью: онъ лишь собираетъ и публикуетъ матеріалы по народному образованію, издаетъ статьи и монографіи по вопросамъ школьной жизни, и эта скромная роль не мѣшаетъ ему имѣть огромное моральное вліяніе. И я не вижу причинъ, почему такой якобы безвластный центральный органъ рѣшительно никуда не годится.

Далѣе, мы говоримъ объ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Можетъ быть, дѣйствительно, школьно-административное дѣленіе страны должно совпадать съ дѣленіемъ земскимъ. Въ тѣхъ же, хотя бы, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки школьные округа совпадаютъ съ сельскими округами (американская «мелкая земская единица»). Но и при такомъ совпаденіи завѣдуетъ народнымъ образованіемъ въ каждомъ округѣ не общая администрація, а особо избранный населеніемъ школьный комитетъ. И есть очень серьезные аргументы, чтобы, не взирая на автономность, если такъ можно выразиться, школьной администраціи, кругъ ея вѣдѣнія географически совпалъ съ земской единицей. Но при извѣстной пестротѣ разселенія, быть можетъ, окажется резоннѣе отказаться отъ удобствъ, связанныхъ съ географическимъ совпаденіемъ.

Затѣмъ, можно привести доводы за то, чтобы завѣдываніе школами въ предѣлахъ, положимъ, нашего россійскаго уѣзда, было сосредоточено въ рукахъ уѣздной земской управы; но едва ли не больше резоновъ окажется за передачу школьнаго дѣла особо избранному школьному комитету.

Мы говоримъ, наконецъ, что государство обязано обезпечить право каждаго ребенка на образованіе. И по скольку это касается, напр., закона объ обязательномъ обученіи, закона объ отдѣленіи школы отъ церкви, закона объ языкѣ преподаванія, мы имѣемъ въ виду именно все государство, и обращаемся къ его центральнымъ законодательнымъ и исполнительнымъ органамъ. Мощь всего государства должна стоять на стражѣ, когда дѣло касается покушеній на права ребенка съ той или другой стороны. Но по скольку рѣчь идетъ о чисто финансовомъ положеніи низшихъ, напр., школъ, то, быть можетъ, дѣйствительно, всего разумнѣе, чтобы деньги съ населенія поступали сначала въ государственное казначейство, а оттуда распредѣлялись, куда сколько нужно. Но, быть можетъ, законодательная власть страны поступитъ правильнѣе,

если откажется собирать средства на низшія школы въ центральную кассу, а предоставить мѣстнымъ комитетамъ устанавливать и взимать обязательный школьный налогъ.

Чтобы взвѣсить доводы за и противъ, нужно ясно представить, такъ сказать, индивидуальныя свойства страны, собрать нѣкоторые статистическіе матеріалы, сообразить многое другое, чего намъ теперь едва ли можно касаться. Для насъ пока необходимо установить лишь общія линіи, придти къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, какія должно имѣть въ виду при оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ технических подробностей. Наши выводы вкратцѣ таковы:

1) Обязанность учить и воспитывать молодое поколѣніе принадлежитъ государству или органамъ, которые государство уполномочитъ. Родители могутъ взять на себя эту обязанность. Но это лишь ихъ добрая воля. О своемъ нежеланіи заниматься воспитаніемъ и обученіемъ они могутъ заявить какъ въ первый день рожденія ребенка, такъ и во всѣ послѣдующіе дни. И, слѣдовательно, на государство должна пасть забота объ устройствѣ дѣтскихъ пріютовъ, воспитательныхъ домовъ, дѣтскихъ садовъ, яслей, etc. Отсюда же требованіе «дарового обученія» во всѣхъ государственныхъ школахъ какъ общеобразовательныхъ, такъ и профессіональныхъ; съ этой же точки зрѣнія необходимо разсматривать и требованіе с.-д. программы о «снабженіи бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства». Нѣтъ никакихъ принципіальныхъ препятствій продолжать эти требованія, вплоть до снабженія рабочихъ кварталовъ на государственный счетъ пастеризованнымъ молокомъ и установленія субсидіи родителямъ. Но само собою понятно, что слова: «рабочихъ кварталовъ», «бѣдныхъ дѣтей» невольно вызываютъ возраженія: почему только рабочихъ и только бѣдныхъ? Точно такія же возраженія неизбѣжны по поводу срока, установленнаго въ нѣкоторыхъ школьныхъ округахъ Англіи: трехлѣтнему ребенку, по требованію родителей, государство обязано дать мѣсто въ «материнской» школѣ? Почему въ самомъ дѣлѣ только трехлѣтнему? Можно, а порою и должно относиться съ уваженіемъ къ мотивамъ, по которымъ то или иное требованіе, обращенное къ государству, сознательно суживается. Но, выдвигая требованія, суженныя, компромиссныя, а потому условныя и спорныя, необходимо помнить о той принципіальной почвѣ, на которой они основаны.

2) Разъ родители не отказались учить и воспитывать своего ребенка, государство обязано слѣдить, чтобы права этого ребенка на образованіе ни въ коемъ случаѣ не были нарушены. Въ этомъ именно пунктѣ и заключается особо острая сторона всякаго закона объ обязательномъ образованіи. Новаго какъ будто ничего нѣтъ. Законами всѣхъ европейскихъ государствъ установлено вмѣшательство государственной власти въ случаѣ, напр., безчеловѣчнаго обращенія родителей съ дѣтьми. И теоретически вполнѣ

резонно требовать, чтобы государство вмѣшивалось также съ цѣлью оградить права дѣтей на образованіе. Но государство въ его нынѣшнемъ видѣ заслуженно не пользуется довѣріемъ. И врядъ ли кто надѣется, что его вмѣшательство не перейдетъ въ самое грубое насиліе. А съ другой стороны, нынѣшняя семья такова, что едва ли устоитъ даже передъ осторожнымъ и деликатнымъ вмѣшательствомъ въ ея отношенія къ дѣтямъ. И опять приходится брать рѣшеніе компромиссное, т. е. считать, что родители юридически обязаны лишь отправлять дѣтей, достигшихъ извѣстнаго возраста, въ школу. Но съ какого возраста? Съ 6-ти, съ 7-ми, съ 8-ми-лѣтняго? Каждая изъ этихъ цифръ условна. И, останавливаясь на каждой изъ нихъ, не надо забывать, что права ребенка должны быть охраняемы со дня рожденія, какъ до 6-ти лѣтъ, такъ и до 7-ми и до 8-ми, etc.

3) Узаконить обязательность образованія безусловно необходимо. Но законъ объ обязательности образованія не можетъ существовать и не можетъ быть выполненъ, разъ одновременно съ нимъ нѣтъ законовъ о свободѣ открывать школы, о свободѣ дѣтской совѣсти (если позволено употребить этотъ терминъ, вмѣсто «отдѣленіе школы отъ церкви»), о свободѣ національнаго и культурнаго самоопредѣленія. И, наконецъ, обязательное образованіе требуетъ опредѣленной системы школьнаго управленія, способной нейтрализовать, поскольку дѣло касается школы, противорѣчія между интересами государственной власти и интересами населенія.

Какъ оградить интересы населенія, мы до нѣкоторой степени знаемъ. Въ этомъ отношеніи практика передовыхъ культурныхъ странъ даетъ намъ и богатый опытъ, и довольно точно разработанныя юридическія нормы. Суть лишь въ томъ, что интересами населенія, взрослаго, правоспособнаго въ защитѣ и нападеніи, дѣло вовсе не кончается. Когда рѣчь идетъ о школѣ, гораздо важнѣе права и интересы дѣтей, для которыхъ школа существуетъ, но которыя прямо-таки безпомощны. И вопросъ объ интересахъ безпомощныхъ младенцевъ гораздо сложнѣе, а если откровенно говорить, то и мучительнѣе.

Представьте, въ самомъ дѣлѣ, школьный округъ какой угодно передовой страны.—Ѣхъ же хотя бы Соединенныхъ Штатовъ С.-Америки. Живетъ тамъ «меньшинство»,—пусть это испанцы и безудержные католики. Живетъ тамъ и «большинство» — уравновѣшенные «англикане». На выборахъ въ школьный комитетъ большинство, разумѣется, побѣждаетъ. Его представители въ комитетѣ устанавливаютъ школьный налогъ, назначаютъ учителей, диктуютъ имъ программу занятій. Школы, подчиненныя комитету, существуютъ на средства, собранныя путемъ обязательнаго налога. Значитъ, это государственныя школы. Законъ безусловно не допускаетъ, чтобы онѣ имѣли конфессіонный характеръ. За нарушеніе этого закона школьный комитетъ несетъ отвѣтственность. Значитъ, права мень-

шинства гарантированы. И католикамъ ничто не препятствуетъ пользоваться государственной школой. Но они въ корнѣ не согласны съ еретическимъ комитетомъ, открываютъ свою школу, придаютъ ей строго церковный характеръ, и такъ какъ это школа частная, то представители государственной власти вмѣшаться не могутъ.

Такъ или иначе, но взрослое населеніе округа размежевалось. Каждая изъ разномыслящихъ сторонъ имѣетъ средства воплотить въ обязательный для дѣтей планъ занятій свои взгляды, свои вкусы, даже свой капризъ. Пусть этотъ планъ очень остроуменъ, пусть онъ весьма стройно и тонко приноровленъ къ мѣстнымъ условіямъ. И онъ, безъ сомнѣнія, будетъ приноровленъ. Въ мѣстностяхъ, занятыхъ главнымъ образомъ торговлею, школа и по составу учителей, и по распредѣленію деталей учебнаго курса будетъ имѣть въ виду потребности торговаго люда. Въ мѣстности земледѣльческой школа окажется приспособленной къ потребностямъ земледѣльца. Это неизбѣжно и даже, поскольку рѣчь идетъ объ интересахъ и заботахъ взрослаго населенія, правильно. Но будетъ ли планъ, продиктованный школѣ извнѣ, соотвѣтствовать интересамъ и потребностямъ дѣтей?

V.

Русскимъ учителямъ, быть можетъ, особенно понятно, какимъ проклятіемъ тяготѣетъ надъ школою обязательная программа занятій. Пока учитель не озабоченъ «выполненіемъ курса», который необходимъ для экзаменовъ, или для инспекторской ревизіи, уроки проходятъ удивительно легко. Классъ работаетъ съ увлеченіемъ. Каждый ребенокъ съ жаромъ набрасывается на то, что ему интереснѣе, больше понравилось. Конечно, этотъ первый интересъ порою обусловливается причинами весьма случайными и мимолетными. И сначала кажется, будто ученики идутъ вразбродъ, кто во что гораздъ, безъ всякой системы и плана.

Эта кажущаяся безсистемность особенно даетъ себя чувствовать на третьемъ или четвертомъ году обученія при такъ называемомъ «классномъ преподаваніи», т. е. тамъ, гдѣ одному учителю приходится «обучать всѣмъ предметамъ». Дѣтишки именно расползаются. Они уже грамотны. У нихъ уже есть не только потребность къ самостоятельной работѣ, но и нѣкоторыя начатки умѣнья заняться ею. И вотъ одинъ увлекся «естественной исторіей», собираетъ жучковъ, ловитъ бабочекъ, устраиваетъ гербарій и ничѣмъ другимъ не занимается. Другой до самозабвенія увлекся «опытами», и больше ни къ чему не способенъ. Третьему больше всего нравится заучивать стихи. Четвертый все время занятъ выклеиваніемъ картонныхъ геометрическихъ моделей. Пятый копируетъ съ атласа и раскрашиваетъ географическія карты... Выходитъ какъ будто такъ,

что это даже не ученье, а забава, которая ни къ чему путному не приведетъ. И неопытныхъ учителей такая «неразбериха» въ первые дни занятій, не стѣсненныхъ обязательною программою, очень смущаетъ.

Но уже черезъ нѣсколько дней въ классѣ намѣчаются выдающіяся индивидуальности. Около увлеченнаго «естественной исторіей», оказывается, есть свои послѣдователи и ученики, но есть и соперники. Самъ «естественникъ» уже немножко охладѣлъ. Ему нѣсколько обидно, что онъ не умѣетъ сдѣлать тѣхъ поразительныхъ «штукъ», въ какихъ успѣлъ достичь совершенства «геометръ». А «геометръ» чувствуетъ нѣкоторое смущеніе, разсматривая гербарій, собранный естественникомъ. Онъ тоже, пожалуй, готовъ совершенно забросить свои прежнія работы и заняться новыми. Но около него также есть подражатели, послѣдователи, соперники. И, значитъ, онъ во власти не только своего новаго настроенія, но и нѣкоторой инерціи.

Словомъ, яркія и слишкомъ односторонния вспышки любознательности въ короткое время смѣняются настоящею жизнью, съ ея жаждою знаній, подражательностью, борьбою самолюбій и честолюбій, и съ ея инерціей, не позволяющей рѣзко и круто перескакивать съ одной дороги на другую. Изъ отдѣльныхъ и расползающихся въ разныя стороны учениковъ жизнью выковывается классъ, т. е. нѣчто, тѣсно связанное единствомъ настроенія, единствомъ интересовъ и общимъ тономъ работы. Особи, такъ сказать, притираясь и прилаживаясь другъ къ другу, составляютъ коллективъ. И чѣмъ своеобразнѣе индивидуальныя наклонности каждаго отдѣльнаго ученика, тѣмъ глубже и разностороннѣе работа всего класса. Отчасти по этой именно причинѣ никакое домашнее образованіе не можетъ замѣнить общественной школы. И точно также отчасти по этой именно причинѣ общій тонъ классной работы значительно повышается при совмѣстномъ обученіи обоихъ половъ.

На послѣднемъ обстоятельствѣ, быть можетъ, не лишне остановиться. Для объясненія его существуетъ много мнѣній. Указываютъ, напр., что дѣвочки «по самой природѣ своей» очень склонны къ «механическимъ занятіямъ»,—въ родѣ каллиграфіи и орѳографіи, и уже простымъ присутствіемъ своимъ передвигаютъ равнодѣйствующую классной работы въ пользу такихъ «довольно-таки скучныхъ предметовъ». Оттого и «успѣшность при совмѣстномъ обученіи выше». Т. е., говоря вообще, ученицы способствуютъ скорѣйшему переходу отъ неопредѣленныхъ въ началѣ стремленій любознательности къ планомѣрной, хотя и механической, до нѣкоторой степени, работѣ. Указываютъ также на особыя, такъ сказать, психологическія свойства «женской натуры», которыя облагораживаютъ классъ и дѣлаютъ его трудоспособнѣе. Указываютъ еще, что трудоспособность повышается по причинѣ простого со-

ревнованія между мальчиками и дѣвочками. Можно бы привести и другіе отзывы, такъ или иначе освѣщающіе разныя стороны одного и того же явленія. Думаю, однако, что для насъ теперь достаточно отмѣтить лишь общее его свойство, не вдаваясь въ детали. Суть въ томъ, что при совмѣстномъ обученіи индивидуальности представлены въ классѣ пестрѣе и разносторитнѣе. А слѣдовательно, и общій тонъ класса и работы неизбѣжно долженъ быть полнѣе и разностороннѣе.

Счастливыя, но, къ сожалѣнію, рѣдкія минуты переживаетъ учитель, когда классъ началъ опредѣляться. Человѣкъ чувствуетъ себя въ центрѣ напряженной и сложной образовательной работы. На его глазахъ дѣти духовно растутъ. Онъ ясно видитъ, что не для книжной только науки строится школа; что дѣтямъ она даетъ возможность научиться другой наукѣ,—распознаванію характеровъ, отстаиванію своихъ интересовъ, житейской выдержкѣ, такту, самообладанію, умѣнью настоять на своемъ и умѣнью отступить во время, не попадая въ смѣшное и нелѣпое положеніе. Правильно поставленный классъ собственно самъ учится. Учитель въ такихъ случаяхъ—руководитель, совѣтчикъ, помощникъ, судья; отъ его умѣнья и такта часто зависитъ повернуть работу учениковъ въ ту или другую сторону. Но его вліяніе возможно только до тѣхъ поръ, пока онъ серьезно считается съ общимъ тономъ класса.

Этотъ общій тонъ, обыкновенно, мало и плохо учитывается. Но ни для кого изъ педагоговъ не секретъ, что каждый классъ имѣетъ свою физіономію и не похожъ на всѣ другіе классы. Этого качества не могли уничтожить даже толстовскія гимназіи. Даже въ толстовскихъ гимназіяхъ, нарочито изобрѣтенныхъ для искорененія индивидуальныхъ свойствъ учениковъ, одинъ «выпускъ» не походилъ на другой. И до сихъ поръ въ гимназіяхъ учителя единодушно говорятъ: «въ этомъ году у насъ выпускъ музыкальный», т. е. большинство учениковъ, окончившихъ курсъ, обнаруживаетъ особенную склонность къ музыкѣ и къ близкимъ съ нею искусствамъ, а вотъ «въ прошломъ году выпускъ былъ математическій», «въ позапрошломъ почти всѣ были словесниками». Въ седьмомъ классѣ, словно въ лицеѣ временъ Пушкина,—необыкновенное обиліе стихотворцевъ. А шестой классъ, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ, любитъ читать историческія книги. Повторяю, намъ не зачѣмъ подробно объяснять причины этого общеизвѣстнаго даже въ Россіи явленія. Тутъ порою много значитъ присутствіе одного талантливаго ученика, способнаго увлечь товарищей и вызвать ихъ на подражаніе. Для насъ важно лишь установить фактъ. А чтобы нагляднѣе показать его значеніе, я позволю себѣ представить дѣло въ нѣсколько огрубленномъ и упрощенномъ видѣ.

Пусть въ одномъ и томъ же училищѣ два параллельныхъ класса. Оба они, по циркулярамъ министра народнаго просвѣщенія, или по инструкціи школьнаго комитета, должны учиться однимъ

и тѣмъ же предметамъ по одной и той же программѣ. Но одинъ изъ нихъ оказался математическимъ, а другой обнаружилъ необыкновенную склонность къ вопросамъ политическимъ. Дѣло учителей использовать эти индивидуальныя свойства, какъ полезную движущую силу. Педагогика, даже въ ея нынѣшнемъ жалкомъ состояніи, можетъ дать нѣкоторыя указанія, какъ воспользоваться математическими склонностями и интересами къ политическимъ вопросамъ для широкихъ общеобразовательныхъ цѣлей Но само собою понятно, что, направляясь къ одной и той же цѣли, съ «математиками» надо вести уроки по одной програмѣ, а съ «политиками» по совершенно другой. Такъ или иначе, но работа въ обоихъ классахъ кипитъ. Результатъ же ея слишкомъ знакомъ многимъ русскимъ учителямъ. Является на ревизію правительственный инспекторъ или членъ школьнаго комитета и начинаетъ подводить итоги:

— Какое мнѣ мнѣ дѣло до вашей математики! Ваши ученики не знаютъ коренныхъ словъ на букву ѣ. Извольте заниматься по программѣ, утвержденной г. министромъ...

Или:

— Мы, мѣстное населеніе, народъ торговый. Какое намъ дѣло до исторіи какого-то Долгаго парламента? Намъ нужна прежде всего бухгалтерія, потомъ бухгалтерія и, наконецъ, опять-таки бухгалтерія. А что ваши ученики знаютъ по бухгалтеріи? Предлагаю вамъ неукоснительно слѣдовать инструкціямъ школьнаго комитета.

Повторяю, картина мною сильно огрублена и упрощена. Но врядъ ли кто рѣшится утверждать, что она по существу не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. И врядъ ли кому неизвѣстно ея продолженіе. Ревизоръ уѣзжаетъ или уходитъ. Учитель задаетъ урокъ— вызубрить наизусть «коренныя слова съ буквою ѣ», или съ особенною страстностью принимается за бухгалтерію, — вообще, старается слѣдовать «инструкціямъ». И классная комната, гдѣ кипѣла или могла кипѣть напряженная, творческая работа, постепенно принимаетъ «истинно-русскій» видъ:

Могильная тишина. Уныло и сонно шагаетъ учитель. Уныло и сонно сидятъ ученики. Одинъ стоитъ у доски, отвѣчая урокъ и вертя между пальцами «шпаргалку». На задней скамейкѣ одурѣвшіе отъ скуки и бездѣлья дѣтишки играютъ въ карты. Учитель тоже одурѣлъ, ему противно его подневольное дѣло изъ-подъ палки ради куска хлѣба. Онъ злится ..

Это болѣзнь въ наиболѣе тяжелой формѣ. Но и легкія формы этой болѣзни оставляютъ страшный слѣдъ. Классъ, конечно, остается при свойственной ему физіономіи; онъ, по прежнему, классъ или математическій, или историческій, или музыкальный, вообще— такой, какимъ его создали обстоятельства, внѣ воли каждаго отдѣльнаго человѣка лежащія. Онъ тянетъ въ свою сторону. А испол-

нитель «инструкціи», оффиціально называемый учителемъ, старается «преодолѣть природу», навязать ученикамъ то, чего они не хотятъ и не могутъ хотѣть. Появляются, такимъ образомъ, лѣнтяи, очень много лѣнтяевъ; оказывается безусловно нужнымъ «страхъ наказанія», баллы, карцеръ, палки; обнаруживается необыкновенно высокій процентъ дѣтей, неспособныхъ приноровиться къ «инструкціямъ». Ихъ подъ видомъ просто неспособныхъ школьная администрація объявляетъ слабоумными и, на точномъ основаніи закона объ обязательномъ обученіи, водворяетъ въ спеціальную «школу для дураковъ».

Между прочимъ, это послѣднее изобрѣтеніе германскаго, если не ошибаюсь, ума нѣкоторые считають «благодѣяніемъ человѣчеству». Я, къ сожалѣнію, ни разу не видѣлъ «школъ для слабоумныхъ». Но долженъ признаться, заочно чувствую къ этимъ школамъ глубокую ненависть. Самое названіе ихъ мнѣ напоминаетъ одинъ эпизодъ изъ временъ моего ученья въ приходскомъ училищѣ. Въ ту пору я очень увлекался ловлей птицъ; уроки мнѣ показались очень скучными съ перваго дня; я ихъ просто не понималъ и не старался понять; и, сидя за своей партой, либо читалъ книжки, либо рѣшалъ ариѳметическія задачи, и этимъ послѣднимъ дѣломъ также очень увлекался. Такъ какъ я не только не отвѣчалъ на учительскіе вопросы, но даже не понималъ, о чемъ меня спрашиваютъ, то въ концѣ концовъ былъ жестоко выдранъ за волосы и объявленъ дуракомъ. Къ моему удовольствію, послѣ такого безапелляціоннаго приговора я попалъ не въ спеціальную школу для слабоумныхъ, а просто къ другому учителю, который любилъ ловить птицъ, заниматься съ дѣтьми ариѳметикой и читать имъ книжки. Новый учитель тотчасъ послѣ пріемнаго экзамена призналъ меня «первымъ ученикомъ». «Первымъ ученикомъ» я окончилъ приходское училище. И всюду, гдѣ потомъ учился, получалъ «награды первой степени».

Эпизодъ, конечно, личный и мелкій. Но, думаю, онъ все же даетъ нѣкоторое право желать, чтобы «школы для дураковъ», разъ ихъ существованіе необходимо, назывались «школами для неприспособленныхъ къ инструкціямъ учебнаго вѣдомства». Такое названіе было бы не только человѣчнѣе, но, пожалуй, и справедливѣе, и даже откровеннѣе. Быть можетъ, оно заставило бы, наконецъ, вплотную подойти къ самой болѣзненной сторонѣ вопроса объ обязательномъ образованіи.

Великое это дѣло — обязательное образованіе. Въ его основѣ лежитъ мысль, что каждый ребенокъ имѣетъ право развивать и совершенствовать свои человѣческія способности. Всякій планъ обязательнаго образованія имѣетъ именно ту цѣль, чтобы это право человѣка и гражданина было гарантировано. Но всякій планъ, сколько-нибудь соотвѣтствующій этой высокой цѣли, вполнѣ обезпечиваетъ весьма спорное право взрослаго населенія навязывать

школѣ тѣ или иныя задачи; на дѣтей же возлагается лишь обязанность учиться, чему прикажутъ, подъ страхомъ болѣе или менѣе тяжкихъ каръ. Что при такихъ условіяхъ много дѣтскихъ душъ не только лишается возможности развивать и совершенствовать себя, но прямо-таки калѣчится и гибнетъ,—это понятно само собою. Каждый разъ, когда произносится формула: «обязательное образованіе», приходится повторять: «это безусловно необходимо». Но всѣ выгоды этого безусловно необходимаго дѣла распредѣляются между государствомъ и взрослыми гражданами, а всѣ невыгоды падаютъ на голову слабѣйшей стороны,—безпомощныхъ дѣтей, для которыхъ обязательное образованіе оказывается наиболѣе обязательнымъ: «учись, ибо родитель, которому угрожаетъ штрафъ, гонитъ тебя въ школу, хотя ты изъ нея хочешь убѣжать, такъ какъ обязательныя въ ней инструкціи тебя калѣчатъ».

Конечно, есть слова, которыми можно скрыть отъ себя это роковое при данныхъ условіяхъ противорѣчіе. И слова, при помощи которыхъ такая задача можетъ быть разрѣшена, мною употреблены въ самомъ началѣ этого очерка: «Свобода школы» и «свобода преподаванія». Золотыя слова! И если бы понятія, выражаемыя ими, можно было теперь же реализовать, то права дѣтей на свободное и гармоническое развитіе были бы воистину обезпечены.

«Свобода школы»—это ея независимость отъ внѣшнихъ давленій, ея право по своимъ внутреннимъ соображеніямъ, примѣнительно къ тому или иному подбору учениковъ, опредѣлять порядокъ занятій и программу дѣйствій: «автономія учебныхъ заведеній», какъ совершенно точно формулируетъ программа народно-соціалистической партіи. Разумѣется, это—свобода дѣйствія въ извѣстныхъ предѣлахъ. Школа каждаго типа должна соотвѣтствовать установленному общегосударственнымъ закономъ минимуму знаній. Иначе вѣдь мы придемъ къ такому же убійственному для дѣтей хаосу, въ какомъ находимся и теперь. Ученикъ, окончившій, положимъ, низшую школу, окажется неподготовленнымъ къ школѣ средней, а ученику, окончившему среднюю школу, окажется необходимой спеціальная подготовка для поступленія въ школу высшую. Границы и цѣли необходимо опредѣлить. Но школа должна быть свободна въ выборѣ путей и средствъ, ведущихъ къ поставленной ей цѣли. Не только учрежденіе, но и каждый отдѣльный человѣкъ, чтобы имѣть гражданскую правоспособность, долженъ соотвѣтствовать извѣстному минимуму установленныхъ закономъ требованій. Но это не лишаетъ человѣка правъ на самоопредѣленіе. Собственно, къ праву самоопредѣленія въ границахъ, обусловленныхъ закономъ, и сводится вопросъ о свободѣ школы.

«Свобода школы гарантируется»,—какъ пишутъ обыкновенно составители «бумажныхъ конституцій». Пожалуй, не трудно написать нѣсколько больше. Раскрывая эту формулу, нужно обусловить

свободу общественной жизни внутри школы, свободу ученическихъ собраній, ученическихъ обществъ и союзовъ. Напомню еще разъ, что школа вводитъ дѣтей не только въ книжную науку, но и въ «науку жизни», даетъ имъ знанія и навыки, необходимые для практической общественной дѣятельности. Отсюда-то и получаютъ важное воспитательное значеніе «школьные парламенты»,—такъ называются иногда общія ученическія сходки той или иной школы. Въ Англіи такіе дѣтскіе «парламенты» вошли мѣстами въ обычай. И, по силѣ обычая, учителя считаютъ приличнымъ присутствовать на такихъ сходкахъ лишь послѣ особаго приглашенія и только въ качествѣ гостей. У насъ въ Россіи нѣчто въ родѣ «школьныхъ парламентовъ» пытался испробовать покойный Н. И. Пироговъ. Однако, ради спасенія существующаго государственнаго строя, попытка пріучать дѣтей къ практической дѣятельности была пресѣчена мѣрами власти. Но хотя бы только ради спасенія государства, не говоря уже объ интересахъ человѣка, свободу ученическихъ собраній и организацій, конечно, нужно обусловить и гарантировать.

Но вотъ «свобода школы», въ смыслѣ ея самоопредѣленія, чему и какъ учиться,—какимъ способомъ ее обезпечить? Можно бы, пожалуй, намѣтить нѣкоторый планъ, нарисовать схему сношеній между «школьнымъ парламентомъ», учительскимъ совѣтомъ и школьнымъ комитетомъ. Можно даже мечтать, что путемъ такихъ сношеній вопросъ о программѣ и методахъ преподаванія будетъ рѣшенъ такъ, какъ нужно дѣтямъ. Но это будутъ именно мечты. Дѣти безпомощны опредѣлить и назвать, что имъ нужно. Подобно анекдотическому мужику, попавшему на царскій обѣдъ, они сумѣютъ сказать, какое блюдо имъ по вкусу, но только послѣ того, какъ всѣ блюда, какія можетъ приготовить поваръ, поданы на столъ. Учителя зависимы отъ того, кто ихъ назначаетъ, увольняетъ и «довольствуетъ жалованьемъ». А представители школьнаго комитета... Когда масса взрослаго населенія пойметъ, что всякій, кто навязываетъ школѣ свои личныя и корыстныя требованія, подобенъ царю Ироду, избивавшему младенцевъ,—тогда «свобода школы» обезпечена. А пока этого нѣтъ, мы фатально обречены выслушивать «реплики», въ родѣ приведенной мною выше:

— Что Иродъ!.. То было давно. А теперь намъ, по нашимъ торговымъ дѣламъ, бухгалтерія нужна. Потому ты и долженъ прежде всего бухгалтеріей заниматься...

Наконецъ, въ понятіи «свобода школы» есть и еще одна сторона. Я только что упомянулъ о «школьныхъ парламентахъ». Они не мыслимы безъ свободы слова и свободы критики. И уже одно появленіе такихъ «парламентовъ» обостряетъ необходимость въ «свободѣ преподаванія». Это не только право учителя поставить и освѣтить вопросъ, заинтересовавшій учениковъ, т. е. раздвинуть рамки оффиціальной школьной программы. Это также право поста-

вить научную истину во весь ея ростъ, или, если рѣчь идетъ объ истинахъ, еще не установленныхъ безспорно наукою, высказать прямо и откровенно свое мнѣніе. Безъ этой прямоты, безъ такой свободы сужденія едва ли мыслима сколько-нибудь прочная моральная связь между учителемъ и учениками. А разъ нѣтъ прочныхъ моральныхъ связей, разъ нѣтъ даже условія, при которомъ они возможны, какъ обычное явленіе, школа распадается на два лагеря—учительскій и ученическій; ихъ интересы могутъ совпадать, но могутъ быть и прямо-таки враждебны. Если же они враждебны, или хотя были только различны, то можно говорить о самоопредѣленіи учениковъ, можно говорить о самоопредѣленіи учителей; но сомнѣваюсь, что при возможности двухъ враждебныхъ лагерей слѣдуетъ увѣренно говорить о самоопредѣленіи школы, которую они составляютъ.

Учитель при извѣстныхъ условіяхъ—единственный человѣкъ, который можетъ защитить школу отъ давленій извнѣ. Но при отсутствіи свободы преподаванія, не всякій человѣкъ согласится быть учителемъ; неминуемо произойдетъ «подборъ приспособленныхъ». А приспособленный безпрекословно служитъ власти, которая его «приспособила», и навязываетъ школѣ свои велѣнія. Иногда онъ просто пропагандистъ и агитаторъ господина своего. И не защитникомъ дѣтскихъ правъ является онъ въ школѣ, а насильникомъ.

Слова: «свобода преподаванія» пишутся въ конституціяхъ. Выше я говорилъ, о какой «свободѣ» можно говорить въ самодержавномъ государствѣ, и что надо разумѣть подъ «свободой преподаванія» въ странахъ конституціонно-классовыхъ. Повторять и дополнять сказанное врядъ ли нужно. Я бы рѣшился лишь подать такой совѣтъ:

Обратитесь къ «среднему русскому человѣку», не очень радикальному, но и не консерватору. Объясните ему, что такое свобода преподаванія, и потомъ спросите, что онъ думаетъ по поводу нея. Боюсь, отъ многихъ «среднихъ русскихъ людей» вамъ придется услышать такой, приблизительно, отвѣтъ:

— Это, чтобъ учитель могъ ребятишкамъ и насчетъ верховной власти все разсказать, и что рая нѣтъ, и ада нѣтъ, и личнаго Бога нѣтъ, и что всякая собственность есть достояніе общественное! Нѣтъ, помилуйте, развѣ жъ это можно!.. Когда меня, къ примѣру, въ члены школьнаго комитета выберутъ, то я не допущу...

И если слова средняго массоваго человѣка будутъ имѣть именно такой смыслъ, приговоръ ребенку произнесенъ.

Для первобытнаго общества ребенокъ ничѣмъ не разнится отъ щенка. Обоихъ при желаніи позволительно задушить и скушать. И до сихъ поръ, говорятъ, не исчезли еще такія мѣста на землѣ, гдѣ проголодавшійся отецъ не стѣсняется задушить своего ребенка и пообѣдать имъ. Богу одному вѣдомо, сколько дѣтскихъ душъ загублено, прежде чѣмъ громадное большинство людей пришло къ

выводу, что нельзя, неудобно не полагать разницы между ребенкомъ и щенкомъ. При болѣе точной оцѣнкѣ открылось, что, по крайней мѣрѣ, мальчикъ есть будущій кормилецъ отца съ матерью и даже будущій слуга государства. То есть онъ, пожалуй, по прежнему оцѣнивался, какъ щенокъ, но щенокъ особой цѣнной породы, котораго нельзя просто душить и кушать. Иное дѣло дѣвочки,— это порода простая, малоцѣнная, и ее, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая, до сихъ поръ позволительно истреблять, если отецъ желаетъ избавиться отъ расходовъ «на лишній дѣтскій ротъ». Да и относительно мальчиковъ долго существовало право убить сына за непочтительность. Въ нашемъ «Домострое» истязаніе ребенка возведено въ христіанскій долгъ родителей. Да и теперь многіе люди въ Россіи увѣренно говорятъ:

«Если сына не бить, то и хлѣба отъ него не ѣсть».

Теперь мы живемъ на переломѣ. Право сыноубійства исчезло. Наши законы уже разсматриваютъ сыноубійцу, какъ тяжкаго преступника. Истязаніе дѣтей также признается не христіанскимъ долгомъ, но преступленіемъ. Это значитъ, что мы до нѣкоторой степени отказались приравнивать ребенка къ щенку, хотя бы и очень породистому. Мы признаемъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто человѣкомъ, права котораго, наравнѣ съ нашими правами, должны быть защищены закономъ. Мы готовы даже идти дальше въ этомъ направленіи и ставимъ вопросъ объ обязательномъ обученіи. Въ теоріи самою постановкою вопроса мы признаемъ за дѣтьми весьма важныя человѣческія права, но въ дѣйствительности неизвѣстно, о чемъ многіе изъ насъ думаютъ по поводу обязательнаго обученія,—о правахъ ребенка, или о выгодахъ государства и родителей. Мы еще не сумѣли по настоящему разобрать, что такое ребенокъ,—человѣкъ ли, или, въ самомъ дѣлѣ, щенокъ, хотя и очень цѣнной породы.

Съ одной стороны, какъ будто человѣкъ. И какъ человѣку, ему надо предоставить возможность учиться, какъ онъ склоненъ. Учиться только для себя. Учиться только тому, что ему самому нужно, и чему онъ самъ хочетъ. А съ другой стороны,—что онъ все для себя? Мало-ли что ему нужно, и чего онъ самъ хочетъ? Надо вѣдь, чтобъ и «родителямъ нашимъ на утѣшеніе, и церкви и отечеству на пользу».

— Нешто долго. Дай сыну свободу, такъ онъ, пожалуй, въ астрономы выйдетъ. А какой отцу съ матерью прокъ отъ астрономіи?.. Отцу съ матерью нужно, чтобъ помощь по хозяйству была... Свобода, конечно, дѣло хорошее. Разумѣется, человѣкъ имѣетъ право знать открытую наукой истину. Но, знаете ли, государственные интересы требуютъ всетаки...

Дологъ и мучителенъ былъ путь человѣчества отъ ребенка—съѣдобнаго матеріала, до ребенка-полезной родителямъ и государству вещи. Эта первая дистанція нами, слава Богу, пройдена.

Теперь мы по серединѣ второй дистанціи. Позади насъ ребенокъ—венць. Впереди ребенокъ—человѣкъ и гражданинъ. Пока мы ни въ сихъ, ни въ оныхъ. Путь предстоитъ еще далекій,—трудный путь. И много еще дѣтскихъ душъ будетъ на немъ загублено. Загублено только потому, что мы ни въ сихъ, ни въ оныхъ, что дитя для насъ хотя и не совсѣмъ щенокъ, но и не совсѣмъ еще человѣкъ. И пока путь не пройденъ, быть можетъ, каждому изъ насъ, при видѣ ребенка, искалѣченнаго, или раздавленнаго школьной системой, полезно остановиться и съ полной искренностью спросить:

— А чего я хотѣлъ: чтобъ дѣти учились для себя, или для кого-то другого?

Если совѣсть ваша скажетъ: «для кого-то другого», смѣло дѣлайте выводъ:

— Значитъ, и я подобенъ царю Ироду, избивавшему младенцевъ Виѳлеема.

А. Петрищевъ.

Политика.

Человѣчество переживаетъ эпоху, столь знаменательную и важную, что для сопоставленія съ нею пришлось бы оглянуться далеко назадъ Французская революція и послѣдующія войны, реформація, возрожденіе, крестовые походы, паденіе античнаго міра,—вотъ тѣ поворотные пункты всемірной исторіи, которые по своему значенію только и могутъ быть сопоставляемы на протяженіи двухъ тысячелѣтій съ событіями, развивающимися въ первое десятилѣтіе двадцатаго вѣка.

Когда окончился періодъ французской революціи и въ 1815 году воцарилась такъ называемая реставрація, то сначала по внѣшнему виду можно было принимать Европу за собраніе гомологичныхъ государствъ съ однороднымъ государственнымъ и общественнымъ строемъ: строго-монархическій образъ правленія, бюрократія и полиція, регулирующія общественную и даже частную жизнь націй; всесторонняя опека надъ мыслью, словомъ, совѣстью, дѣятельностью обывателей; духовное господство государственныхъ исповѣданій; школа, подчиненная духовной и свѣтской власти; и, какъ естественное выраженіе такого режима, широкій разгулъ административнаго и полицейскаго произвола, административнаго и полицейскаго хищничества. Были и оттѣнки: образцомъ и примѣромъ была Австрія, гдѣ тиранія, произволъ и хищенія превосходили все

что человѣчество до того видѣло. Въ Пруссіи и Франціи произвола и беззаконія было столько же, хищничества же—какъ будто нѣсколько меньше. Русская бюрократія являлась тогда лишь ученицею австрійской бюрократіи, ученицей, однако, много обѣщающей. Тиранія въ Испаніи осложнялась крайнимъ клерикализмомъ; въ Италіи—духовнымъ игомъ папы и монаховъ и австрійскимъ покровительствомъ. Таковы были нѣкоторые оттѣнки режима, общаго всей континентальной Европѣ. Въ Россіи, Италіи и Австріи царило еще рабство. Огромныя арміи были дисциплинированнымъ рабствомъ. Союзъ деспотическихъ правительствъ обезпечивалъ прочность этого ужаснаго режима.

Дѣйствительно, сначала это взаимное страхованіе тираніи имѣло успѣхъ. Когда испанцы низвергли своего тирана, его французскій собратъ, по порученію прочихъ коронованныхъ собратьевъ, послалъ армію, которая и возстановила режимъ безправія и произвола и дозволила мадридскому правительству учинить кровавую расправу надъ своими противниками. Австрійскія войска сдѣлали то же въ Италіи. Прусскія и австрійскія исполняли тѣ же полицейскія обязанности въ мелкихъ государствахъ Германіи. Въ Россіи было безпощадно раздавлено движеніе декабристовъ. Во Франціи Карлъ X явно велъ дѣло къ отмѣнѣ послѣднихъ началъ гражданской и умственной жизни. Все было благополучно.

Однако, эта нивеллировка европейскихъ націй была лишь наружная. Въ нѣдрахъ націй существовали завѣты прошлаго очень различнаго значенія и характера и къ нимъ присоединялись новыя различія, приносимыя интеллектуальнымъ и экономическимъ движеніемъ, далеко не одинаковымъ въ разныхъ странахъ искусственно снивеллированной Европы. Въ 1830—31 гг. произошла революція во Франціи, освобожденіе Бельгіи, возстаніе Польши. Въ слѣдующемъ году въ Англіи произошелъ переходъ власти отъ торіевъ, поддерживавшихъ реакцію на континентѣ, къ вигамъ. Разнообразныя событія въ Италіи, Испаніи и Германіи дополняли эти факты и привели Европу къ болѣе сложному строенію. Событія 1848—49 г., послѣдовавшій затѣмъ періодъ наполеоновской гегемоніи, пораженіе Россіи въ 1853—54 гг., пораженіе Австріи и т. д. и т. д. все усложняли и движеніе европейской исторіи, и политическое строеніе старой Европы. Къ началу XX в. строеніе оказалось пестрымъ, не только не однороднымъ, но глубоко разнороднымъ, порой прямо взаимно несовмѣстимымъ. Настоятельная историческая необходимость устранить эту взаимную несовмѣстимость, вмѣстѣ съ внезапнымъ расширеніемъ всемірной исторіи на всѣ пять частей свѣта, вмѣсто одной Европы, и создали тѣ колоссальные вопросы, разрѣшеніе которыхъ должно составить новую эпоху, новую глубокую грань между прошлымъ, еще упорно отстаивающимъ свои позиціи, и будущимъ, уже наступающимъ во всеоружіи новыхъ уже созрѣвшихъ идей, во всеоружіи экономической

7*

необходимости, созданной новыми историческими и экономическими условіями всего земного міра.

Европейская мысль не со вчерашняго дня остановилась на противорѣчіяхъ и опасностяхъ соціальнаго строенія. Съ одной стороны, она сознала и доказала необходимость снять всѣ политическія и культурныя путы съ свободнаго развитія народовъ, духовную и свѣтскую опеку, всякіе виды духовнаго господства, всякія привилегіи, всякое неравноправіе, централизацію, милитаризмъ и т. д. Съ другой стороны, европейская мысль ополчилась противъ всякаго рода экономической зависимости. Она несетъ требованіе освободить народъ отъ экономической зависимости. Она успѣла зажечь сердца милліоновъ этими благородными идеями и этою насущно необходимою программою именно въ то время, когда экономическая зависимость не только классовъ, но цѣлыхъ націй все усиливается, все расширяясь и вмѣстѣ съ тѣмъ все углубляясь. Это обстоятельство не только не уменьшаетъ шансовъ осуществленія программы, но даже съ необыкновенною силою увеличиваетъ эти шансы.

Экономическое состояніе и строеніе земного міра, въ главныхъ и существенныхъ чертахъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Міръ дѣлится на страны, безусловно нуждающіяся для своего существованія и развитія въ экономическомъ общеніи съ другими странами, и на такія, которыя могли бы обойтись безъ экономическихъ сношеній съ другими націями. Остановимся на первыхъ.

Это прежде всего вся Европа. Страны Европы въ свою очередь дѣлится на экономически господствующихъ и экономически отсталыхъ. Такою обширною экономически отсталою страною, нуждающеюся въ экономическихъ сношеніяхъ съ другими странами, является, между прочимъ, и Россія. Въ самомъ дѣлѣ, могла ли бы Россія, окруживъ себя своего рода китайской стѣною, отказаться отъ экономическаго общенія съ другими націями? Прежде всего, напомнимъ о торговыхъ трактатахъ, желѣзнодорожныхъ конвенціяхъ, соглашеніяхъ о рѣчныхъ и морскихъ судоходствахъ и т. д. Правда, все это срочно. Все это могло бы быть отмѣнено, если бы все это не было необходимо для жизни и развитія самой Россіи. Все это и было условлено въ виду такой необходимости. На извѣстномъ уровнѣ культуры обмѣнъ продуктами становится необходимымъ условіемъ сохраненія этой степени культурности. Какъ ни низка наша культурность, она уже не вынесла бы совершеннаго прекращенія обмѣна съ другими странами. Мы нуждаемся въ такихъ продуктахъ, которыхъ не производитъ наша природа. Мы нуждаемся въ такихъ издѣліяхъ, которыхъ еще не производитъ наша техника. Мы нуждаемся въ иностранныхъ капиталахъ для подъема промышленности и для общеполезныхъ цѣлей. Наконецъ, мы задолжали какъ государство, на многіе милліарды иностраннымъ капиталистамъ и только выгодное для нихъ экономическое общеніе съ Россіей можетъ регулировать эти тягостныя, но неустранимыя обя-

вательства. Надо помнить, что кромѣ задолженности государственной, есть еще задолженность муниципальная, акціонерная, частная. Существують огромныя иностранныя предпріятія въ Россіи, возникшія на иностранные капиталы. Что касается вывоза нашего сырья, то при настоящихъ условіяхъ онъ безусловно необходимъ и для уплаты за ввозъ, и для вывоза золота въ уплату процентовъ по долгамъ... Словомъ, если бы мы даже рѣшились на одичаніе сложное строеніе экономическихъ отношеній намъ этого не дозволило бы. То же, что сказано о Россіи, должно сказать объ Австріи, Италіи, Испаніи, балканскихъ странахъ... Все это экономически отсталыя, экономически зависимыя страны, которыя при настоящихъ условіяхъ не могутъ освободиться отъ экономической зависимости и отъ обязательнаго насущно необходимаго экономическаго общенія съ другими странами.

Еще насущнѣе, еще настоятельнѣе эта необходимость для странъ экономически господствующихъ (Англія, Франція, Германія, Нидерланды) Ихъ богатство, ихъ культура и могущество зависятъ отъ доходовъ, собираемыхъ ими со странъ, экономически отсталыхъ.

Этотъ родъ отношеній между экономически передовыми и отсталыми странами въ Европѣ возникъ во второй половинѣ XIX в. и къ концу вѣка совершенно сложился и утвердился. Частью тогда же, частью даже раньше подобныя отношенія экономической зависимости установились между передовыми странами Европы и нѣкоторыми неевропейскими странами. Индію взяла въ кабалу Англія, Алжиръ—Франція, за Египетъ Англія и Франція готовы были вцѣпиться, въ Левантѣ господствовали совмѣстно. Совмѣстно же открывали рынокъ въ Китаѣ и Японіи. Къ концу XIX в. Японія, однако, успѣла послѣ политическаго освобожденія отъ деспотизма правительства выбиться такъ же изъ экономической зависимости, а въ XX в. сама вступила на путь экономическаго господства въ экономически отсталыхъ странахъ. На тотъ же путь вышли и Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Всѣ другіе народы и страны составляютъ экономически зависимое большинство человѣческаго рода. Въ этомъ большинствѣ только о Китаѣ, Абиссиніи и Тибетѣ можно сказать, что уровень и состояніе ихъ культуры имъ, вѣроятно, дозволилъ бы не имѣть экономическихъ сношеній съ другими странами, но если они это и могли бы, то допустить этого не могутъ нѣкоторыя изъ экономически господствующихъ націй. Имъ уже настоятельно необходимы эти народы, ихъ карманы и ихъ произведенія. Китайцевъ уже трижды принуждали силою къ экономическому общенію. Въ 1904 году принудили и тибетцевъ. Марокканцевъ тоже силою пріобщаютъ къ общей всемірной экономической культурѣ. Абиссинія, повидимому, сама не противится такому пріобщенію.

Въ такую форму вылилось всемірное экономическое состояніе.

Его надо дополнить взглядомъ на внутреннее экономическое строеніе экономически передовыхъ и отсталыхъ странъ. Если мы возьмемъ Англію, какъ страну типическую для первой категоріи, то увидимъ слѣдующія отличительныя черты: совершенное паденіе земледѣлія; на огромныхъ пространствахъ пашни превращены въ луга и въ лѣса; сельское рабочее населеніе сравнительно немногочисленно и безземельно; огромное большинство сосредоточено въ городахъ и занято на фабрикахъ, заводахъ, транспортѣ,—словомъ, въ обрабатывающей промышленности и торговлѣ; этотъ рабочій классъ весь пролетаріи; огромныя богатства сосредоточены въ сравнительно немногихъ рукахъ, созидающихъ свое благоденствіе и свое могущество на счетъ англійскаго рабочаго пролетаріата и на счетъ экономически отсталыхъ націй. Таково экономическое statu quo Англіи. Ея же экономическое развитіе представляется въ слѣдующемъ видѣ: техническій прогрессъ ведетъ, какъ то доказалъ Марксъ, къ росту постояннаго капитала и къ относительному сокращенію капитала перемѣннаго, того капитала, который только и приноситъ прибыль. Отсюда Марксъ вывелъ и его ортодоксальные послѣдователи и теперь выводятъ постепенное, но неотвратимое пониженіе прибыли, благодаря чему долженъ рано или поздно наступить моментъ, когда предпринимателямъ станетъ обременительно вести бездоходное дѣло, и оно перейдетъ въ руки рабочихъ. Всѣ посылки и всѣ теоремы здѣсь неоспоримы, а потому и основанныя на нихъ предвидѣнія казались неоспоримыми. И, однако, исторія опровергла эти предвидѣнія.. Вмѣсто того, чтобы соглашаться на пониженіе прибыли, капиталъ началъ выселяться въ экономически отсталыя страны, гдѣ прибыль очень высока, а рабочая плата очень низкая. Чѣмъ изготовлять ситецъ въ Манчестерѣ и получать 2—3% на затраченный капиталъ, не лучше ли изготовить его въ Бомбеѣ и получить 10—12% прибыли? Конечно, лучше, это понимаетъ каждый фабрикантъ, но огромныя затраты, уже сдѣланныя въ Англіи, препятствуютъ массовому выселенію капитала. Его, этого массоваго выселенія капитала, и не надо для задержки процесса пониженія прибыли. Для этого довольно частичнаго выселенія, задерживающаго расширеніе національнаго производства и его прогрессъ. Въ сущности, законы, открытые Марксомъ, неоспоримо дѣйствуютъ въ обществѣ, но въ условіяхъ, препятствующихъ ихъ властному проявленію. Если бы все человѣчество прошло всѣ стадіи, пройденныя Англіей, и оказалось сплошь капитализованнымъ, такъ что капиталу некуда было бы выселяться за болѣе высокою прибылью, тогда только наступила бы возможность такого пониженія предпринимательской прибыли, какое предвидѣлъ великій экономистъ. Но можно ли капитализовать все человѣчество? Кто же покупалъ бы тотъ товаръ, который является прибылью (добавочною цѣнностью, произведенною трудомъ)? Рабочіе могли бы купить столько, сколько зарабо-

тали, а это какъ разъ часть продуктовъ, за непремѣннымъ исключеніемъ добавочной цѣнности (прибыли). Имущіе классы не нуждаются въ этой громадѣ товаровъ, а иностраннаго потребителя нѣтъ. Нынѣ онъ, этотъ иностранный потребитель, выручаетъ и, подвергаясь самъ эксплуатаціи англичанина, поддерживаетъ возможность эксплуатаціи и англійскаго пролетарія. Такимъ образомъ на естественный ходъ вещей для перехода отъ капитализаціи къ соціализаціи разсчитывать нельзя. Если въ настоящее время экономическое строеніе Англіи есть ультра капиталистическое, то и развитіе экономическое этой страны, какъ и другихъ экономически передовыхъ націй, отнюдь не стоитъ на пути ослабленія капитализма, на пути перемѣнъ, приближающихъ часъ его ликвидаціи. Могущество капитализма въ передовыхъ странахъ не только стоитъ непоколебимо, но и повсемѣстно растетъ, благодаря очень благопріятной международной конъюнктурѣ.

Мы взяли въ примѣръ Англію. Для Франціи пришлось бы взять во вниманіе значеніе крестьянской земельной собственности, что удержало въ странѣ земледѣліе. Города же прошли и проходятъ ту же эволюцію, какъ и въ Англіи. Ту же эволюцію промышленность и торговля прошли и проходятъ и въ Германіи, но политическое вліяніе аграріевъ и отсюда вытекающее искусственное покровительство сельскому хозяйству осложняютъ процессъ и замедляютъ. До сороковыхъ годовъ то же самое было въ Англіи. Эти путы, налагаемыя на ростъ и процвѣтаніе капитализма въ Германіи, могутъ поощрить выселеніе капиталовъ въ отсталыя страны.

Не забудемъ, что кромѣ выселенія капитала въ отсталыя страны, эти послѣднія экономически порабощаются передовыми огромною задолженностью во всѣхъ видахъ.

Совсѣмъ другую картину развертываютъ передъ нами страны, экономически отсталыя, экономически зависимыя. Возьмемъ для примѣра Италію, страну съ богатою природою, выгоднымъ географическимъ положеніемъ и сравнительно культурнымъ населеніемъ. Такихъ благопріятныхъ условій не имѣетъ никакая иная страна изъ экономически отсталыхъ. Каково же экономическое состояніе этой благословенной страны и этого симпатичнаго даровитаго народа? Латифундіи продолжаютъ угнетать ее, какъ и въ эпоху императорскаго Рима и подобно тому, какъ онѣ господствуютъ и въ Англіи. Но въ Англіи отъ кабалы у землевладѣльцевъ сельское населеніе бѣжало въ городъ и тамъ нашло себѣ кабалу у капиталистовъ, найдя тамъ же и средства для борьбы съ кабалою: профессіональные союзы, кассы сопротивленія, стачки и т. д. Не то въ Италіи. Обрабатывающая промышленность развита слабо, и огромное большинство населенія живетъ въ деревняхъ и занято земледѣліемъ и разными спеціальными культурами. Эти же продукты (сырье) Италія вывозитъ за границу, оплачивая ими и вв-

зимые продукты обрабатывающей промышленности, и проценты по огромному долгу иностранцамъ, и прибыли на иностранные капиталы, затраченные въ итальянскія предпріятія (преимущественно въ желѣзнодорожныя и судостроительныя). Деревня, такимъ образомъ, призвана къ той роли общей кормилицы и главной плательщицы, которую въ Англіи исполняетъ городъ. Землевладѣльцы сами большею частью сельскимъ хозяйствомъ не занимаются. На ихъ земляхъ живутъ потомки ихъ крѣпостныхъ и арендуютъ культурную землю. Благодатная почва и благословенный климатъ вознаграждаютъ за трудъ сторицею и обезпечили бы благосостояніе, просвѣщеніе и высокую культуру трудолюбивому и даровитому населенію, если бы большая часть добытыхъ трудомъ продуктовъ оставалась въ рукахъ земледѣльцевъ. За этими продуктами зорко слѣдятъ многочисленные дольщики. Прежде всего землевладѣлецъ. Онъ собственникъ и полноправный распорядитель земли, диктующій свои условія и въ случаѣ малѣйшаго возраженія или неисправности сгоняющій земледѣльца съ его участка, въ теченіе тысячелѣтій воздѣланнаго его предками. Въ виду такого положенія арендная плата очень высокая и поглощаетъ больше половины продуктовъ. Вслѣдъ за землевладѣльцемъ стоятъ кредиторы. Арендную плату надо вносить впередъ. Для этого надо имѣть наличныя деньги въ такое время, когда обыкновенно у крестьянина ихъ не водится. Выручаетъ сельскій ростовщикъ. Бываютъ и въ Италіи неурожаи, бываютъ и несчастія, и болѣзни. Выручаетъ все тотъ же благодѣтель, сельскій ростовщикъ. Вслѣдъ за землевладѣльцемъ и онъ получаетъ крупную долю продукта. Затѣмъ являются сборщики податей государственныхъ, налоговъ мѣстныхъ и общинныхъ, сборовъ на церковь и духовенство. За удовлетвореніемъ всѣхъ этихъ постоянныхъ дольщиковъ, самому земледѣльцу остается ровно столько, сколько нужно, чтобы влачить самое жалкое существованіе въ нищетѣ и невѣжествѣ.

Глядя на Англію, Францію, Германію, правящіе классы Италіи усердно стараются вывести Италію на тотъ же путь капиталистическаго развитія. Въ эпоху мелкихъ мастерскихъ Италія славилась своею промышленностью, которая пала подъ ударами иностраннаго капитализма. Теперь хотятъ создать капитализмъ національный. Покуда успѣли создать пролетаріатъ, уже обратившій свое остріе противъ оранжерейнаго капитализма, воспитываемаго правящими классами. Тѣмъ не менѣе и этотъ оранжерейный капитализмъ, самъ тѣснимый и пролетаріатомъ, и капитализмомъ иностраннымъ, ложится новымъ бременемъ на деревню. Протекціонизмъ итальянскій вызываетъ встрѣчныя мѣры, и вотъ мы видимъ, что итальянское вино, шелкъ-сырецъ, фрукты, каштаны, оливковое масло, рисъ, маисъ и т. д. облагаются пошлиною во Франціи, Германіи, Австріи, а цѣны на нихъ падаютъ: новые дефициты въ бюджетѣ итальянскаго крестьянина, кончающіеся взры-

вами и бунтами, безцѣльными, но неотвратимыми. Бунтовали и Ломбардія, и Романья, и Калабрія, и Сицилія...

Еще болѣе яркую картину состоянія экономически отсталыхъ странъ представляетъ Румынія, нынѣ въ конвульсіяхъ жакеріи расплачивающаяся за свое невниманіе къ нуждамъ деревни. Тѣ же причины: крупное землевладѣніе, необезпеченное землею крестьянство, высокія арендныя цѣны, высокіе налоги, нищета и невѣжество. Тѣ же послѣдствія: обѣдненіе населенія, стихійные бунты, общій экономическій и политическій кризисъ.

Необезпеченное землею крестьянство, непомѣрно высокія арендныя цѣны, высокіе налоги, искусственно созданный и поддерживаемый насильно капитализмъ, созданный этимъ экзотическимъ капитализмомъ пролетаріатъ, яркое выступленіе пролетаріата противъ господствующихъ классовъ и страшное обѣднѣніе населенія (до массового голода включительно), — таково вѣдь и состояніе Россіи. Таковы главныя черты экономической жизни отсталыхъ странъ.

Если мы теперь окинемъ однимъ взглядомъ обѣ стороны, то увидимъ картину, достойную самаго внимательнаго изученія. Капитализмъ совершилъ свое дѣло и продолжаетъ его въ передовыхъ и экономическихъ господствующихъ странахъ. Онъ привелъ эти страны къ блестящей культурѣ и огромному скопленію богатствъ насчетъ своихъ пролетаріевъ и на счетъ земледѣльцевъ отсталыхъ націй. Пролетаріатъ передовыхъ странъ сплачивается для борьбы съ капиталомъ, но возможность эксплуатаціи отсталыхъ странъ даетъ капиталу огромное оружіе въ его борьбѣ съ пролетаріатомъ, чему помогаетъ близорукая политика правительствъ отсталыхъ націй, не думающая о земледѣльцахъ, единственныхъ кормильцахъ этихъ націй, но все о тѣхъ же оранжерейныхъ капиталистахъ.

Такова цѣпь, связывающая въ настоящее время всѣ страны земного шара. Нельзя вынуть звено изъ этой цѣпи, чтобы она не распалась, «раскачалась, однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику». Выключите сколько-нибудь значительную страну изъ этой системы экономическихъ соотношеній, и представьте себѣ, какое положеніе создаетъ это выключеніе для другихъ сочленовъ системы. Предположимъ, исчезнетъ Италія, или обставляется китайскою стѣною и прекращаетъ всякое экономическое общеніе съ другими странами, что въ этомъ (конечно, невозможномъ, но гипотетически мыслимомъ) случаѣ произошло бы? Прежде всего, кредиторы Италіи не получили бы своихъ процентовъ, около 600 милліоновъ франковъ ежегодно по государственнымъ займамъ и свыше 60 милліоновъ по займамъ провинціальнымъ и муниципальнымъ, при чемъ общая потеря экономически господствующихъ націй превзошла бы 15 милліардовъ франковъ! Шестьнадцать тысячъ километровъ желѣзныхъ дорогъ построены на иностранные капиталы (до 2½ мил-

ліардовъ) и на иностранные же капиталы основаны банки, оборудованы доки, порты, газовое и электрическое дѣло, водопроводы и т. д. (опять милліарды и милліарды капитала и сотни милліоновъ ежегоднаго дохода). Англія, Франція, Нидерланды и Германія, хотя и распредѣлили бы эти убытки между собою, тѣмъ не менѣе всѣ жестоко почувствовали бы этотъ ударъ, который легко могъ бы повлечь общій кризисъ, банкротство и сильное обѣднѣніе этихъ богатыхъ націй. Но вѣдь этимъ дѣло не ограничилось бы... Напр., сосѣдняя Франція закупаетъ въ Италіи въ огромномъ количествѣ шелкъ-сырецъ, чтобы превратить его въ роскошныя издѣлія; посредственное вино, чтобы уходомъ и добавленіемъ французскаго вина превратить его въ высокіе сорта; оливковое масло, чтобы очистить и распустить по всему міру, подъ названіемъ прованскаго масла и т. д. Перечисленныхъ произведеній итальянской почвы Франція ежегодно получаетъ на полтораста милліоновъ. Прекращеніе ихъ ввоза во Францію вызвало бы, конечно, серьезный кризисъ. Отразился бы этотъ кризисъ и въ Англіи, куда этого сырья (шелкъ-сырецъ) ввозится изъ Италіи на сто милліоновъ. Швейцарію Италія снабжаетъ хлѣбомъ и это было бы нарушено. И т. д., и т. д. Все вмѣстѣ взятое привело бы къ совершенному и всестороннему краху экономически передовыхъ странъ, которыя не могутъ допустить ни исчезновенія Италіи, ни китайской стѣны вокругъ нея. Однако не нужно такой стѣны, чтобы Италія нанесла такіе же или подобные удары благоденствію экономически передовыхъ націй. Для этого достаточно экономическаго разоренія итальянскаго народа и финансовой несостоятельности итальянскаго государства. Если же къ этому прибавить бы бунты и междоусобія, хищенія и беззаконія, то огромныя потери англо-франко-германской буржуазіи оказались бы не меньше, чѣмъ при совершенномъ исчезновеніи Апеннинскаго полуострова. А изъ этого слѣдуетъ, что Западная Европа не можетъ допустить не только китайской стѣны вокругъ Италіи, но и такого болѣе или менѣе продолжительнаго внутренняго состоянія страны, которое прямо вело бы къ разоренію, несостоятельности и разстройству государственной и общественной жизни.

Экономически господствующія страны не могутъ позволить экономически зависимымъ себя разорять и, если дѣло такого саморазоренія приняло бы характеръ постояннаго явленія, то вмѣшательство Западной Европы стало бы неизбѣжнымъ. Однако, могла ли бы, напр., та же Италія сама отказаться отъ общенія съ экономически передовыми странами? Допустимъ, что она безнаказанно конфисковала 30 милліардовъ, ей довѣренныхъ и у нея затраченныхъ, и никто не заступился за иностранныхъ капиталистовъ. Это, конечно, былъ бы хорошій себѣ подарокъ. Итальянцы не платили бы ежегодно этого милліарда за границу. Казна, банкиры, акціонерныя компаніи, муниципалитеты удержали бы эти суммы въ

своихъ рукахъ. Однако, эти суммы не направились-бы на покупку шелка-сырца, невыдержаннаго вина, неочищеннаго оливковаго масла и т. д. А если крестьянинъ не продаетъ этихъ продуктовъ, то не заплатитъ ни землевладѣльцу, ни сельскому банкиру, ни сборщику налоговъ и т. д. А если эти лица не получатъ своихъ обычныхъ доходовъ, они не купятъ издѣлій, не будутъ платить срочныхъ обязательствъ, и страна окажется въ состояніи полнаго банкротства. Не перемѣнивъ самымъ радикальнымъ образомъ своего общественнаго строя, сама Италія не могла бы прекратить экономическое общеніе съ другими странами.

Иго экономически господствующихъ странъ есть страшное иго, порою совершенная кабала для экономически зависимыхъ націй, но только планомѣрная соціальная реформа обѣихъ сторонъ можетъ прекратить это иго. При теперешнемъ строѣ можно только ослаблять и умѣрять эту кабалу цѣлесообразною внѣшнею и внутреннею политикою. Здѣсь политическое состояніе страны можетъ имѣть огромное значеніе для экономическаго развитія. Законность и свобода необходимы для того, чтобы, не останавливая процесса закабаленія иностранцамъ (для этого нужны соціальныя реформы), сдѣлать его и болѣе медленнымъ, и менѣе чувствительнымъ постепенно разоряющейся экономически отсталой націи и дать этой націи срокъ для введенія соціальнаго преобразованія, освобождающаго народъ отъ эксплуатаціи и собственными, и заграничными капиталистами.

Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а теперь весь міръ обвитъ паутиною капитализма экономически передовыхъ націй, и благосостояніе всего міра зиждется на экономическомъ общеніи всѣхъ странъ и народовъ. Обогащеніе или обѣднѣніе каждой страны отражается во всѣхъ другихъ. Колебанія неизбѣжны, но и колебанія внизъ уже болѣзненно отзываются на другихъ странахъ. Если же этотъ понижательный процессъ отъ временнаго колебанія становится на долгое время прямолинейнымъ подъ гору, то такое движеніе является опаснымъ всему міру, въ особенности міру экономически господствующихъ націй. Разлагающееся больное политическое тѣло рядомъ съ своими жилищами цивилизованные люди долго выносить не могутъ. Они его вылѣчатъ или отодвинутъ... Второе имъ самимъ мало выгодно. Выздоровленіе премного выгоднѣе. Когда объ этомъ серьезно задумаются серьезные люди цивилизованнаго міра, то не только найдутся лѣкарства (кто ихъ не знаетъ?), но будутъ найдены и способы склонить больного принять эти лѣкарства. Экономическая конъюнктура того требуетъ.

Экономическая конъюнктура огромная сила и ей предстоитъ большая политическая роль въ экономически отсталыхъ странахъ, если онѣ при этомъ отстали и политически. Винтовки и пулеметы могутъ быть дѣйствительны противъ народа, но не противъ эко

номической конъюнктуры. Конечно, и она отдѣльно, безъ народнаго движенія, безсильна. Сами собою галушки въ ротъ не попадаютъ. Такимъ образомъ, снова для всего міра становится неотразимо необходимымъ извѣстное уподобленіе политическаго строенія. Политическое дифференцованіе Европы въ XIX в. даровало политическую свободу однимъ, сохранивъ деспотизмъ у другихъ. Свобода содѣйствовала экономическому расцвѣту націй, ее добывшихъ, и экономически поработало имъ націи отсталыя. Сначала именно господство деспотизма въ этихъ странахъ и являлось одною изъ причинъ ихъ экономическаго порабощенія иностранцамъ, но затѣмъ интересы этихъ иностранцевъ требуютъ паденія деспотизма и возвышенія политической культуры.

С. Южаковъ.

Депутаты второй Думы.

Очерки и наброски.

Меня всегда занималъ вопросъ о томъ, откуда берутся крамольники на святой Руси? Путемъ какого процесса безпартійные православные превращаются въ безпартійныхъ лѣвыхъ и весьма умѣренные монархисты въ неумѣренныхъ эс-эровъ? Правда ли, что всему виною подстрекатели, и если это правда, то откуда берутся и они, и зачѣмъ принимаются за свое рискованное занятіе,—ибо, конечно, нельзя предполагать, что кто-нибудь занимается такимъ отчаяннымъ дѣломъ, такъ сказать, изъ-за выгодъ ремесла. И еще, куда дѣваются подстрекаемые и что изъ нихъ выходитъ?

Вопросъ о распространеніи духовной заразы — это большой и сложный вопросъ. Одни заражаются отъ проѣзжаго агитатора, другіе, можно сказать, благодаря попеченію начальства, третьи отъ своего голоднаго желудка, четвертые какъ будто прямо изъ воздуха или воды.

Извѣстный трудовикъ Степанъ Аникинъ заразился еще мальчикомъ отъ чтенія секретныхъ жандармскихъ донесеній.

Священникъ Тихвинскій, членъ Государственной Думы, почерпнулъ либеральныя идеи изъ чтенія «Московскихъ Вѣдомостей»; другой депутатъ, рабочій, соціалъ-демократъ, вычиталъ ихъ между строкъ изъ «Сельскаго Вѣстника»; третій депутатъ, крестьянинъ, пошатнулся въ вѣрѣ послѣ того, какъ земскій начальникъ во время крестьянскаго бунта не рѣшился исполнить надъ нимъ приговоръ о поркѣ.

— Что же это за начальникъ, который выдрать не посмѣетъ!..

Двое депутатовъ рабочихъ въ дѣтствѣ ходили подъ окнами и просили милостыню.

— Съ того самого времени стали стремиться къ перемѣнѣ,— сказалъ мнѣ одинъ.

— Я со дня рожденія былъ нищій и крамольникъ, — сказалъ другой еще болѣе опредѣленно.

Есть также самоподстрекатели, какъ въ старину бывали самосожигатели. Ничего нечитавшие и даже совсѣмъ безграмотные, они вынашиваютъ свои крамольныя идеи въ глубинѣ собственнаго мозга и въ тайникахъ собственнаго сердца, но потомъ выбрасываютъ ихъ на свѣтъ Божій еще незрѣлыми, но уже окрыленными. Они открываютъ давно открытыя Америки, создаютъ соціальныя построенія, для которыхъ у нихъ не хватаетъ словъ и терминовъ.

Для всѣхъ изысканій въ области распространенія заразы, Государственная Дума представляетъ самое удобное поле. Въ нее собираются элементы изъ всѣхъ слоевъ и всѣхъ мѣстъ Россіи, интеллигенты, рабочие, крестьяне; люди, только что выпущенные изъ тюрьмы и даже люди, только что посаженные, но временно освобожденные для отбыванія депутатской повинности; партійные, безпартійные, полупартійные, эс-эры, эс-деки, эсерствующіе, эсдекствующие и многие другіе.

Каждый депутатъ, прибывшій въ Таврическій дворецъ прямо изъ Чухломы или изъ Самарской Неѣловки, есть въ нѣкоторомъ родѣ живой человѣческій документъ, и его въ высшей степени любопытно зафиксировать, хотя бы въ видѣ бѣглаго наброска въ записной книжкѣ.

Я пробовалъ дѣлать такіе наброски еще въ первой Государственной Думѣ, но дѣло оказалось не такъ легко. Тѣ, кто охотно открывались на встрѣчу любопытному взгляду, подчасъ бывали не интересны, а самые интересные закрывались, какъ мимоза, или даже какъ сундукъ, къ которому у меня не было ключа. Кромѣ того, начальство помѣшало и тутъ и на моемъ четвергомъ очеркѣ распустило Государственную Думу. Депутаты отправились въ Выборгъ, а я уѣхалъ домой.

Во время второй Думы, наученный опытомъ, я взялся за свои разспросы и записи съ самаго перваго дня. Съ тѣхъ поръ мы ежедневно ожидаемъ конфликта, а Дума все живетъ и дребезжитъ, какъ надбитая посуда. Говорятъ, что битая посуда два вѣка живетъ. Трудно сказать, какъ долго можетъ существовать эта надбитая Дума. Черная сотня уже вопитъ о роспускѣ, но господа министры, видимо, вошли во вкусъ россійской конституціи. Они выступаютъ предъ нами почти ежедневно и даже оттѣсняютъ депутатовъ на задній планъ. Вчера, въ первый день обсужденія бюджета, говорили только министры, прошедшіе, настоящіе и будущіе. Коковцевъ, Кутлеръ, потомъ опять Коковцевъ, Столыпинъ и, нако-

нецъ, Струве, и было очень похоже на плохой октябристскій митингъ.

Коковцевъ съ паоосомъ восклицалъ:

— Они говорятъ уже сорокъ лѣтъ, что мы беремъ у народа послѣднюю копѣйку. И вотъ съ Божьей помощью эта послѣдняя копѣйка берется до сихъ поръ.

Николай Николаевичъ Кутлеръ доказывалъ, что государственная лошадь обходится въ полторы тысячи рублей, а стоитъ только триста, и Столыпинъ съ торжествомъ возражалъ: Николай Николаевичъ ударилъ не по коню, а по оглоблѣ.

Струве говорилъ.., впрочемъ, каюсь, когда онъ заговорить, то я ушелъ изъ залы, ибо Головинъ предупредилъ насъ, что рѣчь Струве будетъ очень длинна и даже предложилъ намъ предварительно отдохнуть передъ нею. Но Коковцевъ и Столыпинъ убили нашъ отдыхъ и выслушать пятую рѣчь уже не было силы.

Вслѣдъ за Струве говорили лѣвые, но я ихъ тоже не слушалъ, я ходилъ по кулуарному залу и думалъ.

За истекшій мѣсяцъ общее мнѣніе о Думѣ сложилось довольно опредѣленно: слабая Дума. Лѣвая, но обезглавленная, вся просѣянная на сквозь, какъ мелкій песокъ. Народные вожди и всѣ люди покрупнѣе остались за стѣнами. Попали въ Думу только тѣ, кто до того былъ внѣ поля зрѣнія.

Я этого мнѣнія не раздѣляю. Несмотря на всѣ избирательные капканы и сенатскія разъясненія, въ Думѣ есть замѣтные люди, особенно между крестьянами. Общій уровень крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ выше прошлогодняго. Интеллигенты, правда, все ратники ополченія изъ третьей и даже четвертой очереди, но при другихъ обстоятельствахъ эти же самые эс-эры и эн-эсы, вѣроятно, могли бы дѣйствовать иначе. Дѣло въ томъ, что Государственная Дума въ ея настоящемъ положеніи похожа на вагонъ, отцѣпленный отъ паровоза и оставленный на рельсахъ. Въ вагонѣ сидитъ пятьсотъ человѣкъ. На нихъ возложена совершенно несообразная задача толкать вагонъ тихимъ манеромъ изнутри. Не мудрено, что у нихъ опускаются руки.

Для того, чтобы толкать вагонъ, нужно изъ него выйти, или связаться съ какой-нибудь двигательной силой, находящейся снаружи.

Говорятъ, что населеніе возложило на депутатовъ мандатъ: берегите Думу.

Если это такъ, то такого мандата не слѣдовало принимать, ибо онъ носитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

Дума, какъ всякая сложная машина, разстраивается отъ бездѣйствія и даже отъ неполнаго хода. Умаленіе думскихъ средствъ и правъ и какое-то конспиративное молчаніе есть не бережливость, а порча. И потому народное настроеніе понижается кругомъ Думы и сами депутаты ходятъ и говорятъ, какъ пчелы, отравленныя ды-

момъ, и получается не дѣло и не бездѣлье, какое-то четвертое измѣреніе,—двѣ кошки въ одномъ мѣшкѣ: Дума и министерство Столыпина, судьба которыхъ связана и которые даже грызться не смѣютъ по настоящему.

И союзъ русскаго народа въ видѣ разрѣшителя кризисовъ.

Обиднѣе всего то, что Думу всетаки распустятъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, и не будетъ ни реформъ, ни достоинства, ни хлѣба, ни крохъ, ничего, кромѣ печальнаго воспоминанія. Смерть, конечно, страшна, но горе тому, кто ея боится. Учрежденія, какъ и люди, должны жить и умирать въ свое время, сообразно обстоятельствамъ. А ежели не умрешь, то потомъ и не воскреснешь.

Перейду къ моимъ біографическимъ наброскамъ.

Быть можетъ, ихъ слѣдовало бы расположить по категоріямъ: зачинщики, прикосновенные, мало прикосновенные; или, напримѣръ, по партіямъ: большевики, меньшевики, эс-эры, эн-эсы,—но я по необходимости собиралъ ихъ безъ всякой классификаціи и потому привожу ихъ здѣсь въ томъ же случайномъ порядкѣ.

Депутаты даже въ Думѣ не могли размѣститься, какъ слѣдуетъ. Лѣвые сѣли направо, а правые въ центрѣ. Я не беру на себя трудъ водворять ихъ на подлежащія мѣста.

I.

Бѣлаевъ.

Василій Андреевичъ Бѣлаевъ, астраханскій депутатъ, бывшій волостной старшина Николаевской слободы, въ августѣ прошлаго года былъ центральнымъ лицомъ нашумѣвшей исторіи, разыгравшейся на обоихъ берегахъ нижней Волги. По времени это было, кажется, послѣднее «активное выступленіе» гражданскихъ обывателей, не говоря о военныхъ. Ни одинъ историкъ, даже изъ самыхъ оффиціальныхъ, не назвалъ этого выступленія Николаевской республикой, ибо для развитія республики по просту не хватило времени. Но нѣкоторые моменты этого выступленія высоко характерны.

Они показываютъ намъ, какъ быстро и почти непроизвольно вспыхиваютъ подобныя исторіи и какъ онѣ погасаютъ столь же быстро, вслѣдъ за первымъ судорожнымъ движеніемъ и подъемомъ.

Кстати сказать, по газетнымъ сообщеніямъ я почему-то представлялъ себѣ николаевскаго волостного старшину рослымъ и чернымъ, съ рѣзкими чертами лица, въ стилѣ Емельяна Пугачева. На дѣлѣ я увидѣлъ мирнаго книжнаго торговца, довольно тщедушнаго и даже болѣзненнаго на видъ. Ибо у Василія Андреевича съ сердцемъ не все ладно. Лицо у него кроткое, голосъ самый тихій. Кажется, воды не замутитъ: самый спокойный и безобидный обыватель. Впрочемъ, при болѣе внимательномъ наблюденіи,

въ голосѣ Василія Андреевича слышны и другія нотки, сдержанныя, но упорныя, свидѣтельствующія о готовности постоять за свои права, хотя бы и не Богъ знаетъ какія большія, и оказать начальственному произволу сопротивленіе пассивное, но неутомимое. Это прекрасный образецъ интеллигентнаго обывателя, который разбуженъ отъ инерціи и желаетъ стать гражданиномъ, даже помимо начальственнаго разрѣшенія. Я готовъ даже сказать, что это живое олицетвореніе второй Государственной Думы, лѣвой, пассивной, отстаивающей „пріобрѣтенныя права"...

Мелкій и средній обыватель въ послѣднее время лѣвѣетъ, можно сказать, сплошными массами. Въ то же самое время полиція правѣетъ. Три правыхъ городовыхъ съ успѣхомъ разгоняютъ тысячу лѣвыхъ обывателей. Тѣмъ не менѣе, совершенно нельзя предвидѣть, что выйдетъ въ будущемъ изъ этого страннаго соотношенія реальныхъ силъ.

Василію Андреевичу 40 лѣтъ отъ роду, онъ женатъ, имѣетъ двоихъ дѣтей, раньше велъ въ слободѣ Николаевской хлѣбную торговлю, теперь имѣетъ книжную лавку. Въ Думѣ и въ странѣ много людей той же политической позиціи и того же возраста. Нечего говорить, что во всѣхъ другихъ странахъ такіе люди бываютъ самое большее мирными либералами. У насъ они стали радикалами, но тоже мирными въ боевое время. Ибо вся юность ихъ была порою безвременья. Ужасная тринадцатилѣтняя эпоха «мирнаго царствованія» 1881—1894 г.г., эта чортова дюжина лѣтъ, оставила въ ихъ душѣ неизгладимые слѣды и при всемъ желаніи они не могутъ отъ нихъ избавиться. Яркость и рѣшительность свойственна другимъ поколѣніямъ, болѣе молодымъ.

Дальше приведу безыскусственный разсказъ самого депутата Бѣлаева.

Я учился въ Камышинѣ, получилъ среднее образованіе, потомъ сталъ помогать отцу. Онъ велъ хлѣбную торговлю, и я сталъ вести. Было у меня въ 17—18 лѣтъ желаніе пользу приносить, такое смутное. Напримѣръ, цѣны умѣривать. Я дошелъ до ста тысячнаго оборота. Потомъ кругъ мой сталъ суживаться. Вижу: какъ бы не дойти до банкротства. Спѣшно ликвидировалъ все. Было моихъ денегъ въ дѣлѣ двѣ тысячи, а выручилъ тысячу. Разонравилась мнѣ хлѣбная торговля, завелъ книжную лавку: дѣло чище. Стала давать доходу рублей 700, у меня собственный домъ. У насъ въ слободѣ съ такими средствами жить вполнѣ можно. Мы жили помалости. Пробовали чтенія заводить, а начальство намъ запрещало. Безъ всякой пропаганды и ничего предосудительнаго у насъ не было.

Наша Николаевская слобода большая, 30.000 жителей. Школъ пятнадцать, но всетаки мѣсто глухое. Кругомъ степь. Населеніе занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ. Раньше богато жили.

Былъ надѣлъ въ пятнадцать десятинъ на душу. Были бахчи, огороды, разные заработки. Теперь все идетъ подъ уклонъ. Земельный вопросъ всетаки не острый. Много казенныхъ земель, но онѣ сдаются отдѣльнымъ лицамъ. Крестьянскія земли выпахиваются.

Когда стали говорить о свободѣ, у насъ было черносотенное теченіе. Мелкіе торговцы, голь непокрытая,—земли нѣтъ, оттого торгуетъ,—были самые черные. Послѣ 17 октября я выдвинулся немножко. Они меня убить хотѣли отъ добраго сердца. Говорили: надо домъ сжечь и семью перебить.

Потомъ прошло теченіе. Въ апрѣлѣ 1906 года стали выбирать меня единогласно въ старшины.

У насъ городъ Камышинъ прямо за Волгой. Зимою по льду извозчикъ стоитъ шесть гривенъ. Лѣтомъ на лодкахъ и на пароходѣ. Въ Камышинѣ завелась газета, «Камышинскій Вѣстникъ». Я велъ хронику слободскую. Пошла газета и у насъ. Триста подписчиковъ, двѣ сотни розница. Тутъ я замѣтилъ, что народное міросозерцаніе стало мѣняться. Стали хотѣть, чтобы лучше жилось.

Когда выбрали меня, утвержденіе мое затянулось. Стали крестьяне волноваться. Дали телеграмму: почему не утверждаютъ. Снеслись, утвердили. Сталъ я работать, человѣкъ самый мирный, но невозможно безъ столкновеній. Начальство избаловано, крупное и мелкое. Безъ рабскаго трепета къ нимъ не подходи. И злоупотребленій много. Напримѣръ, я разъяснилъ на сходѣ: безплатное содержаніе почтовыхъ лошадей до станціи Красновки для насъ не обязательно по закону и никому не нужно. Мы можемъ отказаться. Составили приговоръ. Лучше на эти деньги школы строить. Три школы мы построили за это время.

Всетаки начальство было сдержанно. Время смутное было, скоро послѣ разгона. Боялись во всю разойтись.

Проѣзжалъ губернаторъ Громбчевскій.

— Я, говоритъ, хочу съ вами познакомиться Какія у васъ цѣли?

— Самыя мирныя,—говорю,—сознавая, что переворотъ совершился, хотимъ всемѣрно содѣйствовать, чтобы онъ развивался безъ болѣзни.

— Я ничего противъ этого не имѣю.

Уѣзжаетъ Громбчевскій, вдругъ исправникъ требуетъ казаковъ.

— Зачѣмъ казаковъ?—говорю.—У насъ мирное настроеніе. Они что-нибудь рвать станутъ, будетъ возня.

— Я, говоритъ, васъ не понимаю. У васъ не корректное поведеніе.

Всетаки на этотъ разъ удалось отписаться, земскій начальникъ призналъ отзывъ неправильнымъ.

Громбчевскаго смѣнили за миролюбіе, назначили временно Ко-

шуро-Масальскаго. У него была исторія въ судѣ. Ему отказались подавать руку.

У насъ въ то время возникло движеніе возчиковъ противъ лѣсниковъ, которые лѣсъ сплавляютъ по Волгѣ. Возчики требовали повышенія платы, прибѣгли къ моему посредничеству. Я пригласилъ лѣсниковъ и возчиковъ. Лѣсники отказались. Возчики пошли къ земскому начальнику, лѣсники опять отказались. Тогда возчики собрались на пристаняхъ.

— «Мотри,—говорятъ,—ребята, у насъ оглобли есть». Тутъ явились и лѣсники. Стали мы ихъ мирить, совсѣмъ помирили. Изъ-за одного лѣсника опять сыръ-боръ разгорѣлся. Другой говоритъ ему:—«Ты зачѣмъ, такой сякой, не исполнилъ уговора, переплатилъ полъ копѣйки за бревно?»

— А, уговоръ!

Зашумѣли возчики. Лѣсникъ убѣжалъ, далъ губернатору телеграмму: старшина возчиковъ бунтуетъ. Пріѣзжаетъ Масальскій, съ исправникомъ вмѣстѣ. Исправникъ подбавилъ жару.

Я ничего не зналъ. Думаю: не надо обострять. Приготовилъ помѣщеніе для него. Стою на берегу. Пароходъ подходитъ. Поднимаю шляпу, кланяюсь. Нехотя отвѣчаетъ.

Только сошелъ наберегъ.

— Такъ неприлично встрѣчать начальника съ рукой въ карманѣ.

Что за чортъ. Покоробило меня. Думаю: развѣ я тебѣ гимназистъ? За это время мы отвыкли отъ крика.

Пріѣзжаю въ правленіе.—Угодно ли принять рапортъ?—Нехотя передаетъ чиновнику особыхъ порученій. На меня нуль вниманія. Я взялъ и уѣхалъ домой.

При осмотрѣ книгъ и журналовъ нашелъ книжку «Былого».

— Это что такое, пропаганда?—Тутъ мнѣ стало смѣшно.

— Позвольте,—говорю.—Я это выписалъ для учителей. Они просили. А ежели для пропаганды, тогда другое берутъ, не «Былое», а самое настоящее.

— Зачѣмъ у васъ жидовскія газеты, «Русское Слово», «Русскія Вѣдомости», «Путь», «Биржевка?»

Сердце у меня книжное и тѣмъ кормлюсь. Вспыхнулъ я...—Я попрошу васъ не бросать грязью въ нашу лучшую прогрессивную печать.

— Ага! Ступайте домой, о своей участи послѣ узнаете.

Вечеромъ прибѣгаетъ земскій начальникъ, растерянный такой. «Онъ требуетъ вашего увольненія и ареста». И самому ему дико. Глаза бѣгаютъ.

А я смѣюсь.—Обойдется, отпрукается.

Немного погодя прибѣгаетъ:—Подавайте въ отставку!

— Ну нѣтъ!—говорю,—пусть самъ уволитъ.

А я за двѣ недѣли до того просился въ отставку, да не пу-

стили меня. Полторы тысячи человѣкъ собралось на сходѣ, говорятъ не уходи.

— Теперь,—говорю,—я не желаю уходить.

Въ десять часовъ вечера опять посолъ. - Отдалъ приказъ объ арестѣ.

— Одумается!—говорю.

Въ два часа ночи является исправникъ и двадцать стражниковъ.

— Арестовать!

— А гдѣ приказъ?

— Словесно!

Посадили на тройку; шашки, револьверы наголо. За 220 верстъ въ Царевскую тюрьму. Вотъ тебѣ и одумался..

На утро проснулись мужики, ушамъ не вѣрятъ. Старшину украли. А начальства тоже нѣтъ. Губернаторъ и исправникъ уѣхали, какъ будто ничего не было. Собралась тысячная толпа. Заревѣли. Мужики есть богатые, они страшно обидѣлись.

— «Нашего старшину у насъ безъ спросу украли!»

Земскаго начальника арестовали, становой убѣжалъ, стражники тоже. Люди поразбирали всѣ ружья, сдѣлали милицію, чтобы грабежа не было. Телеграфировали Масальскому. Тотъ отвѣтилъ: пріѣду съ казаками и пулеметами. Дѣйствительно, пріѣхалъ. Крестьяне оружіе убрали. встрѣтили мирно, но требовали вернуть старшину. Говоритъ: — Не просите. Онъ прокламаціи писалъ!—но у насъ всѣ знаютъ, что это неправда.

Я просидѣлъ въ тюрьмѣ полтора мѣсяца. Жандармскій ротмистръ и товарищъ прокурора стали составлять обвиненіе. Подобрали пункты: участіе въ «Приволжскомъ Вѣстникѣ», выписка газетъ и журналовъ прогрессивнаго направленія. Самимъ совѣстно сдѣлалось, прокуроръ даже покраснѣлъ. Выпустили на волю, но полиція выслала изъ предѣловъ царевскаго уѣзда.

Въ губерніи нашей ввели усиленную охрану, 30 человѣкъ арестовали, 14 выпустили, а 16 и до сихъ поръ сидятъ. Разнаго возраста отъ восемнадцати до сорока лѣтъ. Держатся они бодро. Хотятъ ихъ судить.

Я поселился въ Камышинѣ, напротивъ слободы. Лавку жена вела. По ночамъ я домой ѣздилъ, днемъ не показывался. Но всѣ знали. Такъ чудно. Будто и не дѣти, а въ жмурки играемъ. Мѣсяца черезъ два выборы. Выбрали меня единогласно уполномоченнымъ. Рискнулъ арестомъ, поѣхалъ въ Царевъ. Опять выбрали. Въ Астрахань поѣхалъ съ волчьимъ билетомъ по проходному свидѣтельству. Выбрали меня 19 голосами изъ 23-хъ.

Всетаки въ нашихъ мѣстахъ эта исторія сдѣлана много шуму. Раньше, когда заберутъ кого, старики говорили: «вѣрно за дѣло, начальство, небось, знаетъ»; теперь наглядно увидѣли. Во все это

время извѣрились въ власть. Если вѣрятъ во что, то въ народное представительство, въ настоящее, не фальсифицированное...

Этотъ мирный человѣкъ всетаки, подобно многимъ другимъ, принесъ съ собою въ Думу повышенное настроеніе.

— Я раньше вѣрилъ въ мирный исходъ, теперь не вѣрю. Пассивное сопротивленіе у насъ не возможно. Добромъ ничего не достичь. Интересы слишкомъ противоположны, и *тѣ* не уступятъ. Если кто дѣлаетъ дѣло, то одни эс-эры.

— Мы тоже пришли не говорить, а дѣлать.

— Надо дѣловитую Думу, чтобы добиралась до сути. Если разгонятъ насъ, то пусть сажаютъ въ тюрьму. Мы такъ не уйдемъ. Послѣ насъ все равно будетъ движеніе...

Дѣловитость, о которой въ то время говорилъ астраханскій депутатъ, конечно, отличалась отъ кадетской дѣловитости.

Но Дума пошла даже не кадетскимъ, а какимъ-то мирно-обновленскимъ аллюромъ, съ постояннымъ уклономъ вправо. И подъ вліяніемъ этого, настроеніе депутата Бѣлаева, принесенное съ мѣста, замерло. Оно замерло не у одного Бѣлаева, но почти у всей лѣвой половины Думы, но только не знаю, на долго ли. Я боюсь, чтобы оно не прорвалось внезапной истерикой, уже не къ мѣсту и послѣ времени.

Исторію николаевскаго выступленія будетъ умѣстно пополнить разсказомъ другого свидѣтеля и участника, столь же компетентнаго, но въ нѣсколько иномъ стилѣ.

Я встрѣтилъ его въ одномъ изъ депутатскихъ клубовъ. Онъ выглядѣлъ выше и крѣпче Бѣлаева, но ему было только двадцать лѣтъ, какъ разъ вдвое меньше, чѣмъ почтенному астраханскому депутату.

Несмотря на свой крѣпкій видъ, онъ сообщилъ мнѣ съ первыхъ словъ, что усталъ отъ всей этой передряги.

— Собачья жизнь, даже переночевать негдѣ... Будетъ съ меня пока. Ѣду за границу учиться.

Потомъ онъ сталъ дополнять разсказъ Бѣлаева.

— Пріѣхалъ Масальскій въ Быково, тамъ землю передѣлили. Онъ сейчасъ накричалъ, натопалъ, писаря вызвалъ. — Ты, негодяй, посылалъ телеграмму на имя м...а Шпляхина, — это астраханскаго депутата.

Наши узнали, говорятъ: гдѣ-нибудь непремѣнно будетъ буча; послали меня губернатору вслѣдъ. Такъ что въ Николаевскую слободу мы пріѣхали вмѣстѣ на одномъ пароходѣ. Я пошелъ къ знакомому урядинку, который въ то время отрекся отъ полиціи и отъ службы. Медаль у него была, такъ онъ напечаталъ въ газетахъ, что проситъ продать ее въ пользу политическихъ заключенныхъ.

Заночевали. На утро прибѣгаетъ хлопчикъ: бѣгите къ магазину Бѣляева, старшину уворовали.

Я побѣжалъ на площадь, а тамъ гудитъ. Хохлы разъярились пуще всего на своего земскаго начальника.—Вінъ, бісовъ сынъ, звеливъ украсти. А посадить его въ холодную.

Я вмѣшался, всталъ на крыльцо, говорю: — Господа, это не правильно. Не сажайте его.

Вдругъ чувствую крѣпкій толчекъ въ спину, лечу кубаремъ внизъ и уже кулаки надъ моей головой. Кричатъ: «онъ за начальство, бейте его!» Хорошо, что знакомые были, не дали бить. Я былъ въ черномъ пальто, въ шляпѣ.

Никто меня не зналъ. Сказали, будто я писарь земскаго и вступаюсь за своего начальника.

Собралось народу тысячи три, кричатъ: «говорите рѣчи!» А говорить некому.

Тутъ я сказалъ рѣчь съ балкона, пріобрѣлъ симпатію. А начальство удрало. Становой приставъ подхватилъ старуху-мать и поскакалъ въ телѣгѣ.

Она по дорогѣ умерла.

Кричатъ: что теперь дѣлать?—вспоминаютъ: «проволоки рвите, телеграфъ». Выбили окна въ полиціи. Всѣ бумаги у пристава изорвали въ мелкіе клочки, съ такимъ наслажденіемъ.

А теперь что дѣлать?—Митингъ дѣлать на площади. Весь народъ собрался на площади.

— Теперь земскаго сюда!

Привели земскаго изъ кутузки, поставили его на высокомъ мѣстѣ.

Онъ клянется, божится: -Я, ей-Богу, не виноватъ.

— Шапку сними!

Онъ снялъ шапку.

Когда усмирили слободу, ему сначала за всю исторію повышеніе дали,—потому пострадалъ. А потомъ узнали точнѣе и уволили съ мѣста.

У насъ тутъ составился маленькій комитетикъ: я, урядникъ тотъ и сынъ земскаго начальника, такой бойкій парень. Пришлось потомъ ему бѣжать и стать на нелегальное положеніе.

Между тѣмъ, изъ Камышина пришли разные темные люди, члены союза русскаго народа и другой сбродъ. Стали подбивать на грабежъ лавокъ. Жители сказали:—Надо устроить охрану, сберечь городъ.

Земскому приказали, чтобы онъ далъ телеграмму Масальскому о выпускѣ Бѣляева. Онъ послушалъ, далъ телеграмму: «Я въ опасности. Необходимо освободить».

Стали кричать: надо оградиться, поставили дозорныхъ. Пошли къ оружейному магазину, честь честью забрали все оружіе, казенное и частное, переписали, росписку выдали.

Набрали дружину въ 60 человѣкъ, десятскихъ назначили, винтовки роздали, а никто обращаться не умѣетъ. Одинъ солдатъ говоритъ: «тамъ въ складѣ есть пулеметъ. Я самъ видалъ. Пойдемъ, возьмемъ его. Я умѣю отлично обращаться, если я артиллеристъ».

Пошли въ складъ, а тамъ вмѣсто пулемета, труба глиняная.

Пріѣхали къ ночи изъ Камышина эс-эры.

— Что хорошаго?.

— Ничего нѣтъ!

— Что думаете дѣлать?

Кто-то предложилъ экспропріацію казначейства и винныхъ лавокъ, но всѣ отвергли. Потомъ, когда придутъ войска, придется бѣжать,—станутъ говорить: революціонеры деньги ограбили, сами убѣжали.

Уѣхали эс-эры домой, всѣ люди устали, разошлись, а мы караулъ держимъ. Вдругъ телеграмма отъ губернатора, отвѣтъ: «Ѣду самъ съ казаками и пулеметами. Толпа будетъ выселена, если не выдастъ зачинщиковъ».

Шарахнулся народъ. Я говорю: коли хотите выдавать зачинщиковъ, меня выдайте.

— Не надо, — кричатъ. — Ничьей вины нѣтъ. Всѣхъ пусть берутъ.

24-го числа солдаты пришли, патрули, полиція. Исправникъ и все начальство. Что дѣлать? Толпа собралась на площади передъ волостнымъ правленіемъ. Старики выборщики, отъ нихъ никакого толку нѣтъ. Товарищи подошли. Тотъ урядникъ и сапожникъ десятскій, еще сынъ земскаго молодой. Я пришелъ: незадолго передъ тѣмъ въ Дубовкѣ полицію разоружили, тоже всѣмъ народомъ, молодежь руководила. Потомъ, какъ пришли казаки, стали избивать, реакція пошла противъ насъ.

— Красныя рубахи,—говорятъ,—подбили, а сами убѣгли. Такъ хорошіе люди не дѣлаютъ.

Я подумалъ объ этомъ и пошелъ къ исправнику.

— Я съ вами желаю говорить.

— А я не желаю.

— Ежели администрація ищетъ зачинщиковъ, такъ пусть меня арестуютъ.—Тутъ сапожникъ подошелъ.—И меня тоже пусть арестуютъ.

А исправникъ разсердился.—Не ваше дѣло указывать. Не хочу арестовывать. Извольте выйти вонъ.

Я вышелъ, вошелъ въ волостное правленіе, а что дѣлать, никто не знаетъ, хоть убей. Тутъ еще мальчикъ 18 лѣтъ, говоритъ:

— Меня тоже пусть арестуютъ, но только я застрѣлю себя. Прошлый разъ брали меня, избили сильно, лежалъ, теперь не дамся живой.—И револьверъ показываетъ.

Товарищъ ему говоритъ:—Чѣмъ себя убивать, лучше убей другого и тебя пусть убьютъ. Пользы больше будетъ.

Никого онъ не убилъ, плохенькій револьверишка, системы Лефоше.

26-го вечеромъ переѣхали мы въ Камышинъ, спрашиваемъ мѣстныхъ эс-эровъ.—Ну, какъ у васъ?

— Эхъ вы, говоримъ, тетери, прозѣвали моментъ, не поддержали.

— У насъ,—говорятъ,—нѣтъ никакой почвы.

На утро часовъ въ 8 слышимъ. Набатъ, стрѣльба, вотъ тебѣ и нѣтъ почвы.

Вели партію ссыльныхъ черезъ площадь, мальчишки собрались, стали камнями кидать, стражники ружья вздѣли, стрѣлять не стрѣляли, а одного ранили; народъ освирѣпѣлъ, пошла потѣха. А отъ городской думы продавали червивое мясо. Кричатъ: «сжечь думу!»—«Ой, батюшки, не жгите!» «Выпустить всѣхъ заключенныхъ!» Выпустили. «Разбить тюрьму!».

Толпа народа идетъ къ площади и къ ружейнымъ магазинамъ. А тамъ стражники стоятъ поперекъ улицы въ казацкихъ мундирахъ для большаго страху. Ружья на изготовкѣ, каждую минуту могутъ разстрѣлять толпу, какъ стадо воробьевъ.

Что тутъ дѣлать? Видимъ: складъ земледѣльческихъ орудій, вѣялки, плуги, бороны. Давайте, оградимъ себя отъ стражниковъ. Стали строить баррикады всѣмъ міромъ. Повалили столбы, проволока, бочки вытащили, старыя повозки. Въ одинъ часъ сорокъ баррикадъ построили, весь городъ загородили. А потомъ опять ротъ разинули, не знаютъ, что дѣлать, ищутъ начальника.

А начальника нѣтъ.

Собрался комитетъ. Все молодежь, ни одного нѣтъ старше двадцати лѣтъ. Стали составлять планъ кампаніи: подадимъ всероссійскій сигналъ, зажжемъ всю Волгу и Каспійское море.

Тащатъ винтовки, забрали оружіе изо всѣхъ магазиновъ. Однихъ винтовокъ полторы сотни.

Говоримъ, нужно захватить цейхгаузъ, а стражникамъ предложить уйти, не то аттаковать ихъ.

Черносотенцы стрѣляли изъ оконъ, убили мальчика. Я пошелъ парламентеромъ.

Навязалъ бѣлый платокъ на саблю. Приставъ верхомъ на конѣ, такимъ героемъ.

— Народъ предлагаетъ вамъ очистить поле.

— Я поѣду посовѣтоваться съ высшимъ начальникомъ, съ исправникомъ.

Я сталъ держать рѣчь къ стражникамъ.—Кто за народъ?—ни одинъ.

— Будете стрѣлять въ народъ?—Молчатъ, мычатъ. Что дальше дѣлать? А у цейхауза пѣхота. Опять мы пошли. Гдѣ-то на третьемъ дворѣ, у чорта на куличкахъ, рота выстроена и два офицера.

— Народъ желаетъ получить оружіе!..

— Это не возможно. Насъ поставили оберегать весь этотъ складъ. Вы перейдете только черезъ наши трупы.

— Ну, такъ дайте обѣщаніе не стрѣлять въ народъ.

— Охотно обѣщаю, даже клянусь не стрѣлять въ нашихъ братьевъ.

— Позвольте сказать рѣчь солдатамъ.

— Я самъ скажу.

И вправду сказалъ, хорошую рѣчь, честную. А мы имъ ура прокричали. Пошли оттуда, слышимъ залпъ. Стражники стрѣляютъ. Убили одного. Наши тоже открыли пальбу по нимъ, но никого не убили. До четырехъ часовъ была стрѣльба, были убитые, но не изъ дружины, а случайные. Одинъ старикъ пьяный выскочилъ на улицу, грудь раскрылъ.—«Вотъ я народъ. Бейте меня!» Его и убили. Еще старуху нищую.

Ранили многихъ.

А стражники всѣ цѣлы.

Къ вечеру собрался совѣтъ, рѣшили: казначейства и лавокъ винныхъ не трогать, оградить себя отъ войскъ, не пускать пароходы, взорвать желѣзную дорогу. Стражниковъ выкурить и отомстить, бросить имъ бомбу въ окно.

Желѣзную дорогу поручили мнѣ. Я взялъ помощниковъ, пошелъ къ начальнику депо.

— Дайте паровозъ!

— А разрѣшеніе есть?

Я вынулъ браунингъ и поднесъ къ самому его носу.

— Вотъ мое разрѣшеніе!

Онъ топорщится, жена подскочила: «Ахъ, Вася, что ты, дай паровозъ!»

— Даю пять минутъ на размышленіе, не то...

Далъ записку въ депо. Поѣхали на паровозѣ. Отъѣхали верстъ пять, стали разрушать шпалы. Мучались, мучались, всѣ ноги въ кровь изломали, двѣ шпалы сдвинули съ мѣста.

Желѣзнодорожный писецъ съ нами былъ за эксперта, говоритъ:— Теперь довольно; не пройдетъ воинскій поѣздъ.—Уѣхали назадъ, а черезъ четыре часа пришелъ товарный поѣздъ и отлично прошелъ.

Комитетъ въ городѣ дѣйствовалъ: была одна дѣвушка, всѣхъ бойчѣе, даже съ бомбами возилась. Одну бомбу соорудили, дрянь бомба, никуда не годная. Подкрались ночью къ казармѣ, бросили въ окно, она не взорвалась. Ждутъ, пождутъ, все тихо. Мелкими шагами подошли къ окну. Никого нѣтъ. Стражники ушли въ казарму къ солдатамъ и тамъ заперлись съ ними. Наши собрали оружіе въ казармѣ, шашки, револьверы, унесли къ себѣ. Пошли по улицамъ. На улицахъ нѣтъ людей, всѣ обыватели спятъ дома, одни милиціонеры ходятъ, какъ неприкаянные.

Вдругъ выстрѣлъ. Одинъ молодой человѣкъ влѣзъ на фонарь тушить огонь, а винтовка за плечами. Выстрѣлилъ нечаянно, самъ себя убилъ, самый энергичный изо всѣхъ.

Упали духомъ послѣ того. Думаемъ: завтра пріѣдутъ войска. Посмотрѣли другъ на друга, пошли припрятали оружіе, расцѣловались и разошлись по домамъ. А самые видные сѣли на пароходъ и уѣхали. Одинъ пароходъ, дѣйствительно, не причалилъ, прошелъ мимо. Другой ничего не зналъ, присталъ, сталъ выгружаться, потомъ ушелъ въ Царицынъ и насъ увезъ.

Утромъ пріѣхалъ Масальскій съ своими пулеметами и казаками. Цѣлый день войска передвигались и занимали позиціи. Потомъ начались аресты, какъ водится, людей непричастныхъ. Человѣкъ сорокъ сидятъ до сихъ поръ. Собираются судить, да все тянутъ, откладываютъ...

Да, хотѣли зажечь Волгу и Каспійское море, но не зажгли...

II.

Шпагинъ.

Я видѣлъ Шпагина мелькомъ почти два года тому назадъ въ Сормовѣ близъ Нижняго-Новгорода. Дней свободы еще не было, но уже было ихъ предвкушеніе, и на боевомъ многолюдномъ заводѣ, несмотря на тяжелую работу, собранія происходили каждый день, а по воскресеньямъ два раза въ день.

Излюбленное мѣсто было на лужайкѣ въ лѣсу, недалеко отъ больницы. Собирались молодые и старые, дѣвушки, женщины съ дѣтьми на рукахъ, даже старухи съ чулкомъ и спицами.

Всѣ разсаживались огромнымъ кругомъ, а ораторъ становился въ центрѣ на бугорокъ и говорилъ, поворачиваясь на всѣ четыре стороны.

Обсуждались партійныя программы и шелъ непрерывный споръ между эс-деками и эс-эрами. Со стороны эс-эровъ выступалъ молодой человѣкъ, острый, какъ кинжалъ, худощавый и пронзительный. Онъ пользовался большимъ успѣхомъ. Изъ эс-дековъ всѣхъ успѣшнѣе выступалъ ораторъ Лопата, получившій это прозвище за окладистую бороду.

Шпагинъ сидѣлъ въ кругу вмѣстѣ съ другими и внимательно слушалъ. Онъ болѣе сочувствовалъ Лопатѣ. Лицо у него было блѣдное; волосы бѣлокурые и словно посыпанные пылью; странные, прозрачные, неподвижные глаза. Видъ у него былъ хлипкій и онъ часто хватался за грудь. Въ немъ былъ какой-то вялый энтузіазмъ, унылое восхищеніе смѣлыми словами оратора эс-дека.

Съ тѣхъ поръ онъ нисколько не измѣнился, и когда я встрѣтилъ его въ Государственной Думѣ, у него было тоже блѣдное лицо и болѣзненный видъ.

— Усталъ я отъ этой жизни,—сказалъ онъ почти съ первыхъ словъ,—отъ выборныхъ собраній, отъ полицейскихъ прижимокъ, отъ всѣхъ разговоровъ. А отдохнуть некогда...

Впрочемъ, когда я вызвалъ его на разговоръ, онъ охотно разсказалъ мнѣ свою біографію.

— Мнѣ 27 лѣтъ,—говорилъ онъ неторопливо и какъ будто думалъ о другомъ,—женатъ, имѣю четырехъ дѣтей. Женился на двадцатомъ году, былъ ратникомъ ополченія, на службу не пошелъ, оттого и женился рано, не былъ еще сознательнымъ.

Отецъ мой крестьянинъ Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, деревни Тамаевки; земли у насъ очень мало. Раньше онъ тоже въ городѣ работалъ; когда состарился, вернулся въ деревню. Теперь живутъ тамъ въ самомъ плачевномъ положеніи. Только я немного помогаю.

До десяти лѣтъ я жилъ въ деревнѣ, въ школу никогда не ходилъ. Грамотѣ научился отъ мальчика товарища. Ему было восемь лѣтъ, на два года меньше, чѣмъ мнѣ. Онъ мнѣ показывалъ буквы и склады. Страшно учиться хотѣлось, но денегъ не было, да и не успѣлъ я.

Отецъ мой работалъ возлѣ Нижняго въ кирпичныхъ сараяхъ. У насъ пришелъ неурожай. Дѣдъ взялъ да и выгналъ меня съ мамкой изъ дому. Говоритъ: «на васъ хлѣба нѣту».

Собрались мы, поѣхали къ отцу. Была зима, холодно. Отецъ работалъ на кирпичномъ заводѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ на всемъ на своемъ. Нашли уголъ за полтинникъ. хуже собачьей конуры, такъ и жили до тепла. Лѣто пришло, стали кирпичъ дѣлать. Отецъ взялъ меня въ работу, наравнѣ съ большими. Трудная работа, каторжная. Голые, безъ рубахъ. Съ трехъ часовъ утра до девяти часовъ вечера, и я тоже такъ. Опять пришла зима, нѣту ни работы, ни мѣста, хоть на пять рублей въ мѣсяцъ. Отецъ выправилъ билеть, поѣхали въ Пермскую губернію, по дорогѣ слѣзли на пристани Березовка. Конецъ октября, дождь, слякоть, мы босые, раздѣвши. Ушли въ сторону за 100 верстъ,—былъ тамъ заводъ пивоваренный—искать работы. Ничего не нашли. Послалъ меня отецъ вмѣстѣ съ братишкой меньшимъ, просто сказать, милостыню сбирать подъ окнами. Самъ ударился еще за полтораста верстъ искать тотъ же кладъ, работу. Ничего не нашелъ, вернулся. Продали перину, нашли татарина, поѣхали въ Осу. Оттуда въ Пермь, а тамъ еще дальше въ Усолье. Березниковскій заводъ, соду дѣлаютъ. Добрались туда, совсѣмъ ничего не стало, отецъ пошелъ къ директору, палъ на колѣни, проситъ принять хотя ради чернаго хлѣба. Послѣ того его приняли на работу.

Первые два мѣсяца не хватало на жизнь. Мы всетаки ходили подъ окнами, сбирали куски. Отецъ получалъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, на харчи не хватало, все дорого. Потомъ отцу стало стыдно отъ милостыни, онъ далъ мнѣ дѣло: выгружать уголь. Съ

восьми часовъ утра до часу дня выгрузить и выбросать вагонъ угля, цѣлыхъ 600 пудовъ. А было мнѣ 12 лѣтъ отъ роду, иной кусокъ я поднять не могъ. Отъ непосильнаго труда согрѣешься, вспотѣешь, одежа въ лохмотьяхъ, простудишься. Стали у меня ноги отниматься, къ веснѣ не способенъ былъ работать. Отецъ, видя, что ему одному не управить на харчи, всетаки послалъ меня на другую работу, къ бассейну съ ѣдкимъ натромъ. Два мѣсяца я служилъ при бассейнѣ. Однажды въ ночь легъ спать на крышѣ надъ бассейномъ, а крыша покатая, — чуть внизъ не скатился. Увидѣли, прогнали.

Въ то время открывался въ Екатеринославской губерніи Любимовскій заводъ каустической соды. Просили опытныхъ людей для варки каустика. Тогда туда командировали отца. Онъ былъ малограмотный, но проворный,—переимчивый, на всѣ руки мастеръ.

Когда мы пріѣхали, еще соду не варили, отецъ сталъ работать, выгружать соль, меня опять приняли на самую черную работу. Я крѣпко мучился ножной болѣзнью, насилу ходилъ. Тотъ же пермскій директоръ, который выписалъ насъ, встрѣтилъ меня на дворѣ.— Отчего на тебѣ лица нѣтъ. Очень тяжело работаешь?..

— «Не могу—больной».—«Ну хорошо, я тебя уволю. Скажу отцу поставить въ мастерскую».

А отецъ не хотѣлъ, въ мастерской ученику меньше платили, копѣекъ тридцать, пятьдесятъ.

Директоръ погрозилъ совсѣмъ уволить, поневолѣ отецъ согласился.

Отдалъ меня въ слесарную мастерскую, на 13 году отъ роду. Мы работали, какъ взрослые. Закона о малолѣтнихъ не было. Но всетаки легче было, чѣмъ черная работа. Сталъ я слесаремъ, черезъ полгода получилъ прибавку, потомъ опять.

Работалъ съ 93-го по 99-ый. Условія труда были ужасныя. Содовая пыль и газъ такіе въѣдчивые, масса людей померли, не доживши до 30 лѣтъ. Сталъ я проситься у отца въ другое мѣсто, но онъ не пускалъ, ругается, драться хотѣлъ. Тогда, не имѣя надежды, я пришелъ въ отчаянность, сталъ скандалить, въ разговорѣ съ механикомъ грубости нанесъ,—это чтобъ выгнали меня. Отецъ въ то время былъ старшимъ мастеромъ надъ содовыми рабочими, получалъ 90 рублей въ мѣсяцъ. Я зарабатывалъ поденно рубль въ день, готовыя деньги. Потому онъ не хотѣлъ ихъ потерять. Отецъ пошелъ къ механику, сталъ кланяться, механикъ простилъ меня, но я опять обострилъ, мастеру нашему отомстилъ, — черносотенный мастеръ,—да еще пригрозилъ ему, билъ на увольненіе.

Тогда отецъ плюнулъ и отпустилъ меня на всѣ четыре стороны. Я поѣхалъ въ Сормово, съ трешницей въ карманѣ, обошелъ всѣ заводскіе цеха, поступилъ въ механическій цехъ, за плату 90 копѣекъ въ день. Черезъ четыре мѣсяца женился на дочери рабочаго, мѣстнаго жителя. Потомъ попалъ помощникомъ машиниста

на волжскій пароходъ. Безъ привычки, жара, пароходъ скверный, команды мало, ночью и днемъ вахты, а на стоянкахъ ремонтъ. Десять мѣсяцевъ проработалъ, по слабости здоровья уволился, вернулся въ Сормово. Тутъ сталъ читать прокламаціи с-д. и с-р. Читая, во многомъ находилъ, что это правда. Сразу перешелъ на ту сторону,—нищій, больной, ничего нѣту. Потомъ задумался, гдѣ достать книгъ, чтобы уяснить? Почему оно—вредный строй? Нельзя ли путемъ просьбы и мирныхъ переговоровъ добиться улучшенія? Сошелся съ добрыми людьми. Иванъ Михайловичъ Покровскій, который былъ учителемъ моимъ, состоятельный рабочій, имѣлъ собственный домъ въ Сормовѣ. Въ зимніе вечера засиживались за полночь, вели разговоры. Много книгъ, я читалъ съ жадностью. Что непонятное, онъ объяснялъ, вырабатывалъ критеріи мнѣній. У него не было марксистскихъ убѣжденій. Книги философскаго содержанія и беллетристика, но не было книгъ для классоваго самосознанія по главному вопросу.

Столкнулся съ другими, вошелъ въ организацію, самъ распространялъ, что прежде казалось страшнымъ. Тотъ пылъ увлеченія былъ настолько великъ, что никакая тюрьма не могла испугать меня. Какъ будто крылья у меня выросли. Сознанія яснаго не было, только горячее желаніе участвовать въ освобожденіи рабочаго класса отъ гнета.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1902 года была первая демонстрація, 1-го мая. Я не могъ рѣшить своего участія, но когда день наступилъ, сталъ дожидаться. Большая дорога наполнилась народомъ, явилась кучка отважныхъ молодыхъ людей: развернувъ знамя, пошли по улицѣ. Я былъ близко, имѣлъ впечатлѣніе величайшаго событія. Явились войска, аттаковали, арестовали вождей, Заломова, Михайлова, Самыгина. Послѣ этого я вступилъ въ партію.

Распространялъ ученіе, самому новое; но что получалъ, передавалъ другимъ.

Въ ратникахъ былъ, проповѣдывалъ противъ милитаризма среди ратниковъ. Такъ было до августа мѣсяца 1904 года. Администрація Сормовскаго завода вывѣсила штрафную табель. Видя наглость ея и желаніе прижать рабочихъ, мы повели агитацію, чтобы устроить протестъ. Сорвали табель. Черезъ два дня опять ее вывѣсили. Тутъ рабочіе возмутились. Администрація уперлась. Пріѣхалъ инспекторъ, сталъ уговаривать. Но инспекція неоднократно являлась частью сыскного отдѣленія. Кто обращался къ инспектору, онъ говорилъ успокоительно, а самъ передавалъ по телефону администраціи, и того увольняли. Оттого было недовѣріе къ инспекціи, Стали спорить. Инспекторъ заявилъ отказъ по статьѣ закона. Тогда рабочіе заявили забастовку.

12-го августа мы приступили къ забастовкѣ, сговорились собраться на улицѣ за мастерскими. Вышли изъ механической, обошли цеха, 12.000 человѣкъ всѣ прекратили работу. Явилось войско,

жандармы, прокуроръ, вице-губернаторъ, — мы не уступали. Выстроили войско, полковникъ съ рѣчью обратился, изливалъ бранное краснорѣчіе,—безъ вліянія. Закричали: не уйдемъ отсюда, если не снимете табель.

Полковникъ сказалъ офицеру взять ружья на изготовку; подали сигналъ.

Рабочіе, видя это, закричали: «садитесь, товарищи!» Сѣли на землю, безмолвно дожидаясь момента. Полковникъ сказалъ офицеру: впередъ колонной! Скомандовалъ: шагомъ маршъ! Солдаты врѣзались, стали отдѣлять кучками, загоняли въ цеха. Переднихъ разогнали, задніе сами разошлись.

На другой день то же самое. Сѣли на землю, но насъ разогнали. Собравшись толпою, пошли по улицѣ съ крикомъ: «да здравствуетъ стачка». Сто человѣкъ конной полиціи стали избивать толпу нагайками. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ кровь на улицѣ. Перестали на улицу выходить. Огромныя собранія въ лѣсу. Первая недѣля была дружная, вторая хуже. Правленіе объявило: всѣ желающіе пусть записываются. Въ воскресенье я былъ арестованъ, отправленъ къ приставу. Продержалъ до 12 часовъ ночи, выпустилъ. Я продолжалъ вести агитацію. Черезъ недѣлю опять арестовали, увезли въ тюрьму. Жандармы грозили:—въ Архангельскую губернію. На пятый день отпираютъ дверь камеры—свободенъ. Скажи спасибо: манифестъ, наслѣдникъ родился. Тогда я уѣхалъ въ Казань искать работы, поступилъ на заводъ Крестовникова. Въ Сормовѣ забастовка сорвалась, но потомъ администрація пошла на уступки.

У Крестовникова зарабатывалъ 25 рублей въ мѣсяцъ. Трудно было жить съ семействомъ. Но жили. Я организовалъ кружки рабочихъ, водилъ ихъ на собранія, студентовъ находилъ читать имъ лекціи, свое образованіе продолжалъ, исторію, географію, политическую экономію, спустился глубже въ соціализмъ.

Черезъ четыре мѣсяца навели справку въ Сормовѣ, уволили съ завода безъ объявленія причинъ. Слѣдили за мной шпики ночью и днемъ. Я поступилъ на другой заводъ къ Алафузову. Январскія событія въ Петербургѣ вызвали движеніе и въ Казани. 20 января было собраніе въ ресторанѣ Ожигова - 800 человѣкъ. Я въ первый разъ выступилъ на гражданскую трибуну,—призывалъ студентовъ идти въ темныя массы, просвѣщать и вести къ борьбѣ съ произволомъ и насиліемъ.

У Алафузова устроилась стачка, поддерживали рабочихъ деньгами, руководили. Полиція стала справляться, пришлось мнѣ удалиться. Записали меня въ полицейскую черную книгу. Ушелъ назадъ въ Сормово, пошелъ въ заводъ. Сперва отказали: не нуженъ, но товарищи остановили работу въ механическомъ цехѣ, тогда приняли. Пришли дни свободы. Что было въ Сормовѣ, знаете, должно быть, изъ газетъ. Во всемъ и я участвовалъ. Послѣ де-

кабрскихъ событій уѣхалъ въ деревню. Черезъ двѣ недѣли урядникъ справляться сталъ, я убѣжалъ въ городъ. Травятъ нашего брата, какъ волка въ полѣ. Покинулъ семейство, сталъ скитаться, прятаться, до самаго мая не могъ работы найти. Взялъ и уѣхалъ въ Пермь, поступилъ въ желѣзнодорожныя мастерскія, вступилъ въ организацію. Опять агитація, сходки, собранія въ лѣсу. Рабочіе меня приглашали въ разныя мѣста говорить рѣчи.

Въ январѣ начались выборы, намѣтили меня. На выборномъ собраніи 7-го января я выступилъ съ рѣчью за кандидатовъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи.

— Вы, стало быть, партійный соціалъ-демократъ?—спросилъ я.

— Какъ же, шестой годъ въ той же партіи. Старый другъ лучше новыхъ двухъ...

— А что, большевикъ или меньшевикъ?

— Я этого не разбираю и не хочу разбирать. Просто соціалъ-демократъ.

— А какъ вы насчетъ земли?

— Я признаю му-ни-ци-па-ли-зацію земли,—онъ не безъ усилія проскандировалъ по слогамъ это длинное и мудреное слово.—На мѣстахъ виднѣе будетъ.

— Вѣдь и народники хотятъ передать аграрный вопросъ на мѣста,—замѣтилъ я.

— Я знаю,—сказалъ Шпагинъ,—аграрная программа, пожалуй, у обѣихъ партій одна.

— То есть какъ это?—послѣднее утвержденіе показалось мнѣ для соціалъ-демократа еретическимъ.

— Видишь,—сказалъ Шпагинъ не совсѣмъ увѣренно,—я насчетъ крестьянства, правду сказать, сомнѣваюсь. Какъ оно будетъ послѣ удовлетворенія острымъ нуждъ. По моему это зависитъ отъ формъ землепользованія. Можетъ, имѣя возможность просвѣщенія, поймутъ общность своихъ интересовъ съ рабочими.

— Что-то похоже на эс-эровъ,—сказалъ я шутливо.

— Это они на насъ похожи,—живо возразилъ Шпагинъ.

— Намъ предлагали присоединиться къ народническому блоку,—продолжалъ Шпагинъ,—говорили:—разница не такъ большая между нами и вами.

А мы дали отвѣтъ: коли разница не такъ большая, то присоединяйтесь лучше вы къ намъ.

Глаза его сверкнули упрямымъ блескомъ и снова погасли. Очевидно, это былъ дѣйствительно партійный эс-декъ.

— А что вы думаете насчетъ коституціонной монархіи,—перешелъ я къ другому вопросу.

— Конечно, я согласенъ. Была бы свобода. Намъ было бы хорошо. Республика въ идеалѣ...

Если это былъ партійный эс-декъ, то эс-декъ оригинальный, какъ всѣ рабочіе.

— — — — — — —

— А какъ вы полагаете насчетъ Думы?

— Я не надѣюсь на Думу, что будетъ существовать. Правительство не дастъ прояснить народное сознаніе. Что будетъ, тактики не представляю себѣ. Населеніе поддержало бы, но теперь врядъ ли: не за что. Ничего не дѣлая, не можемъ привлечь симпатій, а дѣлать не даютъ. Заколдованный кругъ.

— Этой Думѣ будетъ конецъ, но спокойствія не будетъ. Рабочіе и крестьяне безъ уступокъ не отстанутъ. Раззоренье будетъ. Я думаю, затишье будетъ временное, накапливаться будетъ. Учесть время не могу, не въ предѣлахъ моихъ, но бывали времена хуже.

— Среди пролетарскихъ массъ нѣтъ упадка духа. Многіе только теперь пробуждаться стали. На Уралѣ теперь стачки начались и дружно идутъ. И даже уральскій пролетаріатъ могъ бы выступить и поддержать Думу, кабы другіе поддержали. Его сила еще не расходовалась.

— Правительство врядъ ли сумѣетъ задавить все. Пламя ненависти велико и жжетъ; вездѣ горючій матеріалъ.

— Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ,—сказалъ я.

— Это вы про что,—переспросилъ Шпагинъ,—про смуту, и рѣзню, и военно-полевые суды... А я вамъ скажу: все это пустяки. Оцѣживаютъ комара, а верблюда оставляютъ. Пускай катаютъ. Когда-нибудь устанутъ. А жить намъ теперь не хуже прежняго. Ждать мы можемъ. Мы долго ждали. У насъ терпѣнья побольше, чѣмъ у Куропаткина.

У него былъ тотъ же унылый тонъ, но рѣчь дышала силой и увѣренностью въ побѣдѣ. Въ сущности говоря, онъ былъ правъ. Хуже прежняго не будетъ. Мы можемъ терпѣть и ждать и дождаться очереди.

III.

Кабаковъ.

Кабаковъ—мужчина крупнаго роста и мрачнаго вида, съ окладистой сѣдоватой бородой. Зовутъ его Гаврило Ивановичъ, отъ роду ему 56 лѣтъ, шесть разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, одинъ разъ — пять съ половиной мѣсяцевъ, другой разъ—цѣлыхъ двадцать два мѣсяца; боюсь, что его счеты съ тюрьмой еще не покончены.

Въ прошлой книжкѣ съ чужихъ словъ я назвалъ его вятскимъ депутатомъ. Извиняюсь за свою ошибку. На дѣлѣ, онъ депутатъ Пермской губерніи, Верхотурскаго уѣзда, родомъ изъ села Алапаевки, Нейво-Алапаевской волости.

Кажется, это всѣ необходимыя предварительныя свѣдѣнія. Впрочемъ, приведу еще одно:

— Какой вы партіи?—спросилъ я его въ началѣ нашего разговора.

— С.-р., — отвѣтилъ онъ глухимъ басомъ, потомъ немного подумалъ и прибавилъ: — но записался я въ трудовую группу, потому наши крестьяне боятся этого слова: с.-р.; думаютъ, — гдѣ эсъ-эры, тамъ непремѣнно съ перваго слова бомбы, динамитъ. А въ Думѣ какой динамитъ, сами видите?..

— И даже крестьянскаго союза опасаются думскіе крестьяне,— продолжалъ Кабаковъ, — говорятъ: сколько людей въ тюрьмѣ сидѣло и въ Сибирь пошло за этотъ союзъ. Пиши насъ въ трудовую группу. Ее начальство еще не очень трогало...

Помимо вопроса о партійности, Кабаковъ оказался человѣкомъ весьма конспиративнымъ.

— Я вамъ всего не разскажу,—повторялъ онъ съ хитрой улыбкой,—у меня есть вещи весьма секретныя.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ часть этихъ секретовъ постепенно открылась. Для нашего бурнаго времени они оказались довольно невиннаго свойства. Они относились къ очень любопытной попыткѣ самопроизвольной организаціи населенія, которую «всѣ одобряютъ, мужики и бабы и даже земскій начальникъ и околоточный надзиратель».

Впрочемъ, Кабаковъ никакъ не могъ отказаться отъ своей опасливости.

— Ежели будете писать,—попросилъ онъ,—сдѣлайте такъ, чтобы не упоминать моего имени.

— А въ Думѣ какъ, — спросилъ я не безъ изумленія, — васъ, вѣдь знаютъ по имени.

— Въ Думѣ мы всѣ гуртомъ!..

Русскій мужикъ такъ воспитанъ исторіей, что даже, дойдя до эс-эрства, боится быть «зачинщикомъ» и предпочитаетъ потонуть въ толпѣ.

Я постарался увѣрить Кабакова, что не упоминать его имени совершенно невозможно.

— Наша деревня Алапаиха, — разсказывалъ Кабаковъ, — одна во всей округѣ, много перенесла, много за правду стояла, а начальство ее воевало.

Формула была своеобразная, чисто русская. Деревня стояла за правду, а воевало ее начальство.

Кабаковъ, однако, не мало гордился строптивымъ духомъ своей родины:

— Геройская деревня. Недаромъ ее сосѣди теперь такъ и называютъ: Орлиное гнѣздо. Началось это съ самаго 61 года. Мы были больше ста лѣтъ въ крѣпостномъ правѣ при Алапаевскомъ заводѣ.

Когда отпустили насъ на волю, заводское управленіе намъ не дало ни земли, ни покосовъ. Говоритъ: «Живете на моей дачѣ, платите мнѣ оброкъ». Оброкъ не малый, десять рублей съ души. Мы зашумѣли, не схотѣли платить. «Какъ же мы живемъ на

твоей дачѣ, когда мы пришли сюда въ исконныя времена, распахали землю и платили подесятинную подать, десятый снопъ съ поля?.. Вы насъ нашли земледѣлами, окультурованными людьми».

Потому мы были особенные люди и все знали изъ поссессіоннаго права. Была старинная книга въ селѣ Мурзукѣ. Тамъ выпись была. А у насъ старики были, больше ста годовъ, помнили умомъ, безъ письма.

Не стали мы давать оброку, да и не изъ чего было. Въ томъ году весь хлѣбъ позябъ, нисколь не собрали. Изъ-за спора заводъ заперли. Работы не было. Голодали настояще, не какъ нибудь. Это день, два голодать пустяки, ничего не замѣтно.

Былъ Семенъ Кондратьевичъ, тоже Кабаковъ. Семья большая. День не ѣвши, два не ѣвши. На третій день хочетъ идти поработать, станетъ одѣваться, не можетъ въ рукавъ попасть, падаетъ.

А они оброкъ ищутъ, казаковъ посылаютъ, стегаютъ, не какъ нибудь, по сту разъ, почти на смерть. Мнѣ въ то время было лѣтъ 17—18, я служилъ десятскимъ. Идешь на площадь, бывало, свѣжихъ метелокъ беремя несешь — всѣ измочалютъ. Это меня смущало, оскорбляло. За что насъ тиранятъ, какъ Иродъ младенцевъ?

Не стали мы платить. Началась у насъ война годъ за годъ. Бывало, услышимъ, начальство ѣдетъ: отецъ меня мальчишку сейчасъ въ лѣсъ прогонитъ, все имущество, скарбъ, лошади, коровы. По два, по три дня на морозѣ спали, огня не смѣли развести, — такая свобода.

Придетъ вся воинская свита, казаки обойдутъ деревню, увидятъ: стѣны однѣ, плюнутъ, уйдутъ; если найдутъ чего, съ собой унесутъ—тутъ и весь оброкъ. Разъ помню, цѣлый народъ въ лѣсу спасался, бабы, дѣвки; балаганы (шалаши) поставили, а казаки ихъ нашли. Весь скотъ угнали, что было обобрали, платки съ бабъ дерутъ. Плачь, ссора.

Я всегда былъ на одинѣ. Забирался въ чащу, сберегалъ свою скотину.

Такъ оно и пошло. Потомъ, когда заводъ открылся, стали изъ разсчета удерживать за оброкъ, но народъ стоялъ противъ этого.

Пріѣзжали слѣдователь, исправникъ, становой приставъ усмирять насъ. Я тогда уже былъ женатый.

— Подпишитесь?

— Не подпишемся.

— Подпишетесь?

Пришлось мнѣ тогда выступить, указать. — Это у васъ безъ поссессіоннаго права такіе тяжкіе оброки.

Когда я указалъ, захватили меня казаки и еще товарища, братъ средній, посадили въ арестантску, въ Алапаевскій заводъ. Ночевали, знаемъ, что стегать станутъ. А въ то время стегали не помаленьку, а безъ всякаго милосердія.

Старика Семена Кондратьевича вовсе застегали, а Евсеевъ, Андрей Федоровъ, самъ задавился. Шестьдесятъ разъ стегнули. — «Давай оброкъ!». «Я гдѣ возьму?» Второй разъ то же. Въ третій разъ пришло, говоритъ: «денегъ нѣтъ, взять неоткуда, пойду задавлюсь...»

Мы съ братомъ встали въ пять часовъ утра, послали къ другому брату, въ заводѣ жилъ... разсказывать такъ все, вѣдь убивали насъ, — пришли, молъ, намъ полштофъ вина.—Выпьемъ это, будетъ легче вынести.

Когда выпили полштофъ изъ горлышка, на умѣ другое стало. Не лягемъ ни почемъ. Силой сумѣютъ, пущай. Тотъ былъ тоже здоровый мужикъ. А предо мной ничего не стоитъ. Кулакомъ гвозди загонялъ.

Посылаютъ за нами: идите въ волость. Исправникъ задаетъ вопросъ:—Согласны оброкъ?—Спросите общество!..

Оскорбился.—Я васъ спрашиваю!.

— Берите, стегайте ихъ.

— А какъ безъ постановленія?—Я воленъ безъ постановленія.—Нѣтъ, мы не лягемъ. Присуди напередъ, поскольку стегать.

Стали за руки хватать, не могли Мы разбросали стражниковъ и казаковъ.

— Вы бунтовщики?—А мы руки повѣсили.—Ты видишь, мы не бунтуемъ. А не лягемъ безъ постановленія..

Бились, бились. Говоритъ: засадить ихъ назадъ въ холодную. Съ часъ времени посидѣли, выпустили насъ. Хотѣлъ достать насъ въ Верхотурье, уѣхалъ, не досталъ. Ни разу потомъ выдрать не могли. Съ тѣхъ поръ моя вѣра къ начальству теряется. Какой же начальникъ, если выдрать не умѣетъ?..

Выбрали двухъ стариковъ изъ пяти волостей, послали въ губернію. У насъ ихъ вовсе съѣли. Потомъ искали, не нашли; въ одиночкѣ замучены. Стало смущать меня. Въ церковь придешь, становой впереди всѣхъ стоитъ, Богу молится. Только что двадцать человѣкъ отстегалъ,- ему крестъ подносятъ. За что же это? Онъ кровопійца народу, ему кнутъ поднести, а не крестъ. На насъ, христіанъ, пригоняютъ народы дикостѣнные, казаковъ, киргизовъ, калмыковъ. — «Мы русска бьемъ!» — больше ничего говорить не умѣютъ. А такъ накладываютъ намъ, — шутъ ихъ возьми, — шея трещитъ. Закону вѣры нѣтъ. Была мѣстность Рѣдка, изстаринная наша, стало заводоуправленіе отбирать. Тягались, упирались, въ сенатъ подавали. По суду оправдали, а все равно отобрали. Оттого закону вѣры не стало

Такая была наша крамола неграмотная, а потомъ пришла и грамотная. У меня теперь сынъ студентъ, дочь со среднимъ образованіемъ, а было когда то время, я былъ одинъ грамотный человѣкъ въ деревнѣ. Въ пятнадцать лѣтъ грамотѣ научился отъ захожаго человѣка. Семнадцати лѣтъ я остался безъ отца. Шестеро

насъ было, три брата и три сестры, да мать седьмая. Я старшій.

Пришлось мнѣ за всѣхъ отстаивать, женить и выдавать и въ солдаты отдавать.

Тутъ было не до чтенія, да и растолковать было некому, что и къ чему.

Потомъ, какъ стало посвободнѣе, пріѣхалъ на лѣто одинъ студентъ, онъ меня познакомилъ, какая есть литература. Такъ захватило меня —вездѣ съ книжкой, на поле съ книжкой, на покосъ тоже, на заводъ робить пойдешь, книга за пазухой. Чего я не перечиталъ. Училище было въ заводѣ, оттуда книги бралъ, —Гоголя, Тургенева, Толстого, все къ одному. Удинцова посессіонное право. Тогда поняли изъ него.

Дальше и болѣе. Пошла у насъ нелегальщина. Женева намъ много добра принесла. Началась пропаганда, десятичная система. Примѣрно, я собираю свой десятокъ и даю имъ ученье. Потомъ отставайте, заводите собственные десятки. Слава Богу, начало положено.

Въ то время было труднѣе, чѣмъ теперь. Меня два раза сажали въ Верхотурьи подъ арестъ. Урѣжешь хорошенько, —а я, признаться, занимался, —что нибудь скажешь покрѣпче и сядешь. А народъ дивится: отчаянная голова. Теперь меня арестовать трудно, надо роту солдатъ или двѣ, у насъ своя защита.

Въ 1902 году арестовали меня по настоящему, близь двухъ лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ. Я до той тюрьмы въ зажиткѣ жилъ, сѣялъ восемь десятинъ, могъ хлѣба продавать. Тутъ мое хозяйство стало упадать. Какъ выпустили меня, въ то время, наше дѣло пошло шире; организовали союзъ, рабочихъ и мастеровыхъ, уставъ написали, программу. Своя полиція и своя охрана. Они послали на насъ 60 человѣкъ полицейскихъ, окружить, настояще не могли, но одного взяли, Гришку Ветлугина, безъ всякаго протокола. На завтра собралъ толпу, привелъ въ Алапаевскъ. 48 человѣкъ ихней полиціи, всѣхъ разобрали, привели въ волость, пристава тоже въ волость, ни пикнуть не дали. «Освобождай!» Слова не сказалъ, освободилъ.

1 мая 1905 года было собраніе на рѣкѣ Нейвѣ. Я съ горы говорилъ рѣчь. Кричали, что надо: «долой, долой!» Честь честью. Толпа такъ разошлась, что любо, дорого. Полиція безсильна, выписали войско арестовать. У меня свои шпики, даютъ знать. Если за обыскомъ придутъ, ищите хоть до утра, ни чортовой матери не найдете. Такъ прямо имъ говорю.

14 мая коронація, заводъ не работалъ, масса народу. Я въ полѣ работалъ, пахалъ. Пришли съ войскомъ. Тутъ я пошутилъ съ полиціей: — «Съ солдатами пришли, боитесь. А какъ я одинъ васъ забралъ, безъ войска». Съ приставомъ строго заговорилъ:

— «Почему вы сѣли въ моемъ домѣ? Я вамъ не давалъ раз-

рѣшенія садиться. Ежели я съ вами говорю въ моемъ домѣ, гости незванные, прошу хозяина слушать»...

Послушалъ, всталъ.

Повели меня къ волости, народъ сошелся.—«Глядите, какъ меня форменно арестуютъ»... Тутъ меня чуть не закололи. Какъ подходили къ волости, я сказалъ: «Жаль, звону нѣту», такъ зря сказалъ. Вдругъ ударили набатъ на обѣихъ церквахъ.

— Ахъ ты, такой сякой, коли его!

Ну, я не сробѣлъ.—Коли, ничего.

На десяти тройкахъ повезли въ городъ, съ войскомъ, боялись освобождать будутъ.

Но я самъ отказалъ, чтобы не было убійства.

Пять съ половиной мѣсяцевъ просидѣлъ до 17 октября. Послѣ манифеста пошло у насъ широко. Мы основали горнорабочій союзъ, всѣ въ союзѣ; общество трезвости, хотя это и трудно. Винная лавка была, ее изъ села убрали.

Полиція и правленіе все наше. Копѣйка съ рубля заработка въ кассу союза, а у насъ заработки теперь хорошіе, даже до 4—5 рублей. Свободный гражданскій третейскій судъ, а стараго суда намъ даромъ не надо. Судъ волостной за сорокоушку весь купить можно.

Напримѣръ, тяжба идетъ, или уголовное дѣло. Собирается собраніе союза, выбираетъ шесть судей, седьмой предсѣдатель. Истецъ и отвѣтчикъ, оба имѣютъ право отвода. Потомъ стороны даютъ подписку, что согласны подчиниться. Тогда назначаютъ прокурора, защищать интересы союза и общаго права, а также защитника. За обвиняемымъ послѣднее слово.

Наказаніе только штрафы или общественныя работы, изъ этихъ штрафовъ мы уже школу построили.

Такъ оно это идетъ у насъ, что земскій начальникъ хвалитъ, урядникъ одобряетъ и полиція не вмѣшивается. Алапаевцы народъ строптивый, а живутъ въ порядкѣ, никого не трогаютъ, чего же еще.

— Передъ отъѣздомъ моимъ бабы основали союзъ женскаго равноправія, чтобы гарантировать женщину отъ мужской обиды. У нихъ свои депутатки есть: онѣ слѣдятъ, если мужикъ негодяй или обидчикъ, то баба забастуетъ, пока судъ не положитъ на него взысканія. Вотъ ужъ Евграфку наказали, Ванюху Глухова на три рубля оштрафовали за то, что стеколку вышибъ въ избѣ, а баба пожалилась...

Дѣла въ Алапаевкѣ, должно быть, идутъ дѣйствительно не дурно, ибо Кабаковъ настроенъ совсѣмъ оптимистически и переноситъ свой оптимизмъ на всю Россію.

— Ты говоришь, намъ наклали за эти семь мѣсяцевъ. Кто знаетъ, кому, едва ли не сами себѣ. Вторую Думу разогнать—вопросъ. О первую Думу ушиблись, кабы о вторую еще больнѣе не уши-

биться. Жаль правительство, неумное оно. Кого Богъ захочетъ наказать, отниметъ разумъ. Могло бы уступить чего нибудь, а оно силой. Тактика у нихъ, какъ у рогатаго быка.

— А ежели силой, то всѣхъ насъ не перебьешь. Еще насъ много останется. Всего добьемся обязательно и сами увидимъ своими глазами. Теперь стихійно идетъ, пусть виновниковъ не ищутъ, личность въ исторіи роли не играетъ.

— Мы начинали, другіе кончаютъ, не все ли равно. Меня убьютъ, еще братъ останется, братьевъ убьютъ, дѣти есть, а у дѣтей внуки, большое сѣмя Кабаковское. Одной собственной шкуры для отечества не жалко...

Стихійная Русь..

Танъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

Случайныя замѣтки.

К. П Побѣдоносцевъ и В. И. Аскоченскій *(Историческая справка къ эволюціи оффиціальной церковности).*

Умеръ Побѣдоносцевъ.

Нѣсколько витіеватыхъ статей и некрологовъ въ стилѣ субсидированной скорби со стороны явныхъ и тайныхъ официозовъ и сдержанно-холодныя отмѣтки всей остальной русской печати проводили въ могилу «великаго инквизитора» оффиціальной россійской церкви, связавшаго свое имя съ самыми мрачными теченіями русской реакціи. Въ то самое время, когда роковой ходъ исторіи приводитъ къ ликвидаціи всесторонней реакціонной системы,— ея главный вдохновитель скользящею тѣнью сходитъ въ область воспоминаній...

А, между тѣмъ, было и для Побѣдоносцева другое время. Между прочимъ, намъ приходитъ на память нижеизлагаемый небольшой эпизодъ, который, по нашему мнѣнію, ярко отмѣчаетъ какъ личную эволюцію покойнаго, такъ и эволюцію оффиціальной церковности, начиная съ «эпохи великихъ реформъ» до нашихъ дней.

Это было еще въ 1861 году. Въ Москвѣ въ то время пользовался извѣстностью священникъ Н. А. Сергіевскій, талантливый проповѣдникъ и профессоръ богословія въ Московскомъ университетѣ. 12 января 1861 года онъ произнесъ въ университетской церкви, въ день храмоваго праздника и торжественнаго собранія университета, слово «о значеніи вѣры въ человѣчествѣ». Основой для своей проповѣди о. Сергіевскій взялъ «поученіе св. Кирилла Іерусалимскаго», въ которомъ, между прочимъ, говорится:

«Да и не только у насъ, которые носимъ имя Христово, за великое почитается вѣра, но и все то, что совершается въ мірѣ даже людьми, чуждыми Церкви, совершается вѣрою: вѣрою брачные законы соединяютъ лица, отдаленныя одно отъ другого... На вѣрѣ утверждается и земледѣліе, ибо кто не вѣритъ тому, что соберетъ произрастшіе плоды, тотъ не станетъ трудиться. Вѣрою водятся мореплаватели, когда, ввѣривъ свою судьбу малому древу, непостоянное стремленіе волнъ предпочитаютъ твердѣйшей стихіи—землѣ, предаютъ самихъ себя неизвѣстнымъ надеждамъ и имѣютъ при себѣ только вѣру, которая для нихъ надежнѣе всякаго якоря». И т. д.

Если припомнить, что это было въ началѣ 60-хъ гг. и что Н. А. Сергіевскій говорилъ передъ аудиторіей, увлеченной «идеей прогресса», точными естественно-историческими знаніями и матеріалистической философіей, то намѣреніе духовнаго проповѣдника станетъ очевидно. Онъ пытался затронуть въ слушателяхъ тѣ душевныя струны, которыя составляютъ общую почву для всякой человѣческой вѣры, и связать лучшія стремленія времени съ основами вѣры христіанской. Какъ редакторъ «Православнаго Обозрѣнія», свящ. Сергіевскій проводилъ тѣ же взгляды и въ печати. Простымъ «свѣтскимъ» языкомъ, не уснащеннымъ текстами «святоотческихъ писаній», порой со ссылками на выводы науки, Сергіевскій доказывалъ, что христіанское міросозерцаніе не враждебно тому духу обновленія и свободы, которымъ увлекалось, въ который *вѣровало* поколѣніе эпохи реформъ. Однимъ словомъ. идея Сергіевскаго, какъ и многихъ духовныхъ того времени, состояла въ томъ, что и церковность нуждается въ обновленіи, что ее нужно связать съ лучшими стремленіями жизни, чтобы овладѣть ими для христіанства.

Оставляя въ сторонѣ сложный вопросъ о томъ, насколько успѣшны и глубоки были эти попытки и какова ихъ судьба въ будущемъ, — легко замѣтить, что священникъ, профессоръ и писатель Н. А. Сергіевскій въ то время развивалъ тѣ самые взгляды, которые теперь тоже перомъ и словомъ старается провести въ сознаніе духовенства и общества писатель-священникъ о. Григорій Петровъ. Въ то время эти мысли раздѣляло большинство просвѣщеннаго духовенства и органовъ духовной печати. «Либеральная» свѣтская печать относилась къ нимъ сочувственно, и о рѣчи свящ. Сергіевскаго въ день университетскаго праздника газеты заговорили въ сочувственномъ тонѣ.

Противоположная точка зрѣнія имѣла въ прессѣ только одного защитника. Въ то время (съ 1857 по 1868) издавался еженедѣльный журналъ «Домашняя бесѣда» Виктора Ипатьевича Аскоченскаго. Для того времени и журналъ, и его редакторъ являлись среди русской печати чѣмъ-то совершенно исключительнымъ,

въ родѣ бѣлой вороны. Каждый номеръ начинался какимъ-нибудь духовно-нравственнымъ поученіемъ, а кончался отдѣломъ «блестки и изгарь», заключавшихъ порой самыя изувѣрные выходки противъ господствовавшаго въ обществѣ прогрессивнаго настроенія, даже въ самыхъ элементарныхъ его проявленіяхъ. И почти каждый № вызывалъ оживленіе въ лагерѣ противниковъ, доставляя обильную пищу фельетонистамъ и юмористическимъ листкамъ. Бывшій семинаръ Аскоченскій отбивался отъ этихъ нападокъ съ комически угрюмой серьезностью, парируя ихъ текстами и заклинаніями. Можно сказать съ увѣренностью, что въ свое время, только нѣсколько въ иномъ родѣ и съ гораздо большимъ успѣхомъ,-- В. Аскоченскій исполнялъ ту самую роль комическаго персонажа, какая впослѣдствіи выпала на долю кн. Мещерскаго.

Въ выпускѣ 8 «Домашней бесѣды» (отъ 25 февраля) появилась статья Аскоченскаго, въ которой онъ опрокинулся на «слово о вѣрѣ» Н. А. Сергіевскаго.

> «Да, нечего сказать,—ехидно писалъ Аскоченскій,—проповѣдникъ (онъ же и редакторъ органа православія) дѣйствительно не держится никакой «исключительности», и мы рѣшительно не можемъ дать отчета ни себѣ, ни читателямъ, о какой эго вѣрѣ онъ изволитъ проповѣдывать. Правда, видно, что о христіанской, «не русской, какъ замѣтилъ толкователь профессора Сергіевскаго Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій *), а вообще христіанской». Но вѣдь и лютеране, и шведенборгисты, и мормоны, и даже гегелисты всѣхъ цвѣтовъ и красные, и *голубые* **) не почитають себя жидами и мусульманами. Самые бѣсы, наконецъ, вѣруютъ и трепещутъ, — и они исповѣдали Христа сыномъ Бога живаго: такъ неужели же это и есть та вѣра, побѣдившая міръ, о которой проповѣдывалъ профессоръ? Быть не можетъ!»

Правда, профессоръ Сергіевскій въ своей рѣчи лишь исходилъ изъ понятія о той *вѣрѣ*, которая составляетъ скорѣе общее настроеніе души, чѣмъ догматъ, приводя ее затѣмъ и къ вѣрѣ христіанской.

> «Въ обыкновенной жизни,—говорилъ Н. А. Сергіевской,—среди толпы людей, живущихъ изо дня въ день единственно по впечатлѣніямъ внѣшнихъ чувствъ... — кто, какіе люди... представляютъ собою зрѣлище жизни полной и послѣдовательной, воли дѣятельной и твердой, труда живого и плодотворнаго? Не тѣ ли, которые, будучи проникнуты извѣстною мыслью, поставили ее себѣ цѣлью стремленія и идутъ къ ея достиже-

---

*) Соль этого примѣчанія заключается въ томъ, что Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій, издатель „Сына Отечества", былъ полякъ и католикъ.

**) Въ цитатахъ сохраняю курсивы подлинника.

нію съ мужествомъ, съ увѣренностью, однимъ словомъ, съ вѣрою?.. Какъ всегда и вездѣ образовывались великіе характеры, высокія души, преданнѣйшіе служители всего святаго, благороднѣйшіе мученики науки, отечества, человѣчества? Не такъ же ли... они образовывались великою идеею того самаго дѣла, которому они посвящали себя, вѣрою въ его правду и въ его силу».

Приведя эти выдержки, Аскоченскій (искренно или лицемѣрно, это, кажется, трудно рѣшить относительно этого страннаго человѣка) приходитъ въ ужасъ и негодованіе.

«Пощадите, г. ораторъ, — восклицаетъ онъ, — да вѣдь это-жъ совсѣмъ не та вѣра, о которой подобаетъ проповѣдывать во храмѣ, да еще во храмѣ православномъ. Это вѣра въ себя, въ свои убѣжденія, которую вы, значитъ, восхваляете и въ Аріѣ, и въ заклятомъ жидѣ (sic), и въ мятежномъ революціонерѣ, и въ распопѣ Никитѣ... Понимаемъ очень хорошо, что это у васъ только низшія ступени вѣры, но по такой лѣстницѣ далеко ли вы ее возведете? Ничуть не дальше того, до чего довели ее Аристотель, Платонъ и Сократъ, съ ихъ «древними добродѣтелями», и до чего доводятъ нынѣшніе Спинозы, Фихты, Шеллинги и Гегели съ своими «новыми добродѣтелями», именно до вѣры «имѣющей свои основанія въ чемъ то безконечномъ и вѣчномъ».

И хотя, какъ признаетъ и Аскоченскій, проповѣдникъ дальше указываетъ, что христіанство возвысило и очистило эту «вѣру сознанія», но для Аскоченскаго уже самое признаніе, что христіанская вѣра можетъ брататься «съ литературою, искусствами, краснорѣчіемъ и поэзіей», что она, «не угнетая и не стѣсняя ни одной изъ законныхъ человѣческихъ привязанностей, открыла имъ всѣмъ широкое поприще и безконечный горизонтъ, какъ безконечна сама»,—составляетъ оскорбленіе православной вѣры, которая этимъ примиреніемъ «съ цивилизаціей» какъ бы признаетъ, что она уже побѣждена міромъ («цивилизацію» Аскоченскій не обинуясь называлъ «вратами адовыми»).

Заканчивается статья «Домашней Бесѣды» многозначительнымъ напоминаніемъ о «недѣлѣ православія», «когда православная церковь, утвердивъ свои догматы, всѣмъ прочимъ вѣрованіямъ, и своеобразнымъ воззрѣніямъ, своевольнымъ и суемудрымъ произноситъ... знаете что?» (недвусмысленный намекъ на анаѳему).

Эта статья, какъ и многія выходки Аскоченскаго, тотчасъ же вызвала рядъ негодующихъ откликовъ. Не только «Искра», «Сынъ Отечества», «Русскій Міръ», «Сѣверная Пчела», но и «Московскія Вѣдомости» (тогда еще либеральнаго Каткова) и «Русскій Инвалидъ» помѣстили статьи противъ мракобѣсія и изувѣрства «Домашней Бесѣды». Духовные журналы присоединились къ этому хору, и злополучный обличитель Н. А. Сергіевскаго остался, если

не ошибаемся, совершенно одинокимъ. Лишь въ самой «Домашней Бесѣдѣ» за него подняли голосъ нѣкій кіевскій іеромонахъ и г-жа Серафима Волкова.

Не вдаваясь въ подробности этой интересной полемики, мы остановимся лишь на центральномъ ея эпизодѣ, имѣющемъ отношеніе къ Побѣдоносцеву.

Въ № 87 «Московскихъ Вѣдомостей» появился коллективный протестъ профессорской коллегіи московскаго университета (въ тѣ времена коллективные протесты были въ модѣ).

> «12-го января 1861 года,—говорится въ этомъ обращеніи московскихъ профессоровъ къ обществу,—въ день торжественнаго собранія императорскаго московскаго университета, профессоръ этого университета, священникъ Н. А. Сергіевскій сказалъ слово: *о значеніи Вѣры въ человѣчествѣ*, напечатанное затѣмъ въ № 1 «Правосл. Обозрѣнія» на 1861 годъ. Слово это есть не что иное, какъ распространеніе извѣстнаго отвѣта о вѣрѣ, приводимаго подлинными словами св. Кирилла на вопросъ: какъ можно еще изъяснить необходимость вѣры?—въ первой главѣ «*Пространнаго Катихизиса*», одобреннаго свят. синодомъ и изданнаго для преподаванія въ училищахъ и для употребленія «*всѣхъ православныхъ христіанъ*». Объ этомъ словѣ и самомъ профессорѣ московскаго университета Н. А. Сергіевскомъ въ «*Домашней Бесѣдѣ*», издаваемой г. Аскоченскимъ (1861, № 8), помѣщено слѣдующее объясненіе, далеко выступающее за предѣлы литературы».

Приведя затѣмъ цитированное выше мѣсто изъ статьи Аскоченскаго, начинающееся со словъ: «Пощадите, г. ораторъ», и кончающееся указаніемъ на «недѣлю православія» и анаѳему, протестанты продолжаютъ:

> «То есть «*Домашняя Бесѣда*» предаетъ профессора московскаго университета и священника церковному проклятію.
>
> «Объ этомъ злокачественномъ обвиненіи и оскорбленіи чести императорскаго московскаго университета въ лицѣ одного изъ его профессоровъ, святотатственно подвергнутаго въ глазахъ публики церковному суду и отлученію отъ церкви какимъ-то, вовсе не призваннымъ на то, неизвѣстнымъ лицомъ,—о дѣйствіи, оскорбляющемъ честные нравы всякаго благоустроеннаго общества и государства,—нижеподписавшіяся лица считаютъ своимъ долгомъ довести до общаго свѣдѣнія».

Подъ протестомъ подписались 26 человѣкъ. Въ томъ числѣ: Д. Иловайскій (нынѣ здравствующій «историкъ»), М. Катковъ (въ то время уже «бывшій профессоръ»), П. Леонтьевъ (другъ и сподвижникъ Каткова въ его послѣдующей ретроградной дѣятельности), Н. Любимовъ (впослѣдствіи авторъ ретроградныхъ статей «Противъ

теченія») и наконецъ... Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ (въ то время профессоръ гражданскаго права) *).

На это «обращеніе» В. И. Аскоченскій, повидимому, очень довольный поднятымъ шумомъ, отвѣтилъ рядомъ статей, въ которыхъ развивалъ съ большой эрудиціей начетчика свою точку зрѣнія. Онъ доказывалъ, что вѣра христіанская не имѣетъ ничего общаго съ стремленіемъ всего человѣчества къ чему-то «вѣчному и безконечному», что она чужда всякой земной цивилизаціи и прогрессу. Единственный ея источникъ—откровеніе. Отъ стремленія къ истинѣ она ограждена готовой броней свято-отческихъ и каноническихъ писаній, которыя устраняютъ всякое личное «мудрованіе» или «истязаніе вѣры». Съ цивилизаціей, прогрессомъ, стремленіями лучшихъ умовъ къ общему благу, освобожденію отъ рабства и т. д. вѣра православная скорѣе стоитъ въ отношеніяхъ воющей стороны. Духовная литература не должна сталкиваться съ современностью, духовная мысль должна идти собственнымъ русломъ въ крѣпкихъ окаменѣвшихъ берегахъ соборныхъ постановленій и свято-отеческихъ писаній. Себя же Аскоченскій причислялъ къ тѣмъ «воинамъ, соглядатаямъ въ станѣ Христовомъ, которые должны вторгающихся въ него волковъ (очевидно, въ родѣ свящ. Сергіевскаго) ловить и представлять на судъ вождей и пастырей» **).

Тогда Аскоченскій былъ одинокъ въ духовной и свѣтской литературѣ. Тогда противъ Аскоченскаго протестовалъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

Нужны ли дальнѣйшія сопоставленія и параллели?

Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ. Больше 30 лѣтъ прахъ почтеннаго Виктора Ипатьевича покоится въ могилѣ, а К. П. Побѣдоносцевъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій стоялъ во главѣ оффиціальной церкви. Теперь наступаетъ новая «эпоха реформъ». Духъ обновленія вновь стучится у дверей россійской церкви, священники Петровы возобновляютъ попытки своихъ предшественниковъ—оживить омертвѣлую церковность, соединивъ ея стремленія съ лучшими стремленіями современности. Сходство простирается не только на общія идеи, но даже на подробности. Аскоченскій обвинялъ, между прочимъ, свящ. Сергіевскаго въ томъ, что онъ «не жалуетъ ни текстовъ, ни свидѣтельствъ изъ писаній св. отцовъ

*) Вотъ полный списокъ протестантовъ: А. Альфонскій (ректоръ), И. Бабстъ, С. Баршевъ, О. Бодянскій, Я. Борзенковъ, Ѳ. Бредихинъ, Ѳ Буслаевъ, О. Варвинскій, Ѳ. Дмитріевъ, Г. Захарьинъ, Д. Иловайскій, Я. Калиновскій, М Капустинъ, М Катковъ (бывшій профессоръ), П. Леонтьевъ, Н. Любимовъ, А. Меньшиковъ, К. Побѣдоносцевъ, А. Поповъ Н. Поповъ, К. Рачинскій, С. Рачинскій, И. Соколовъ, Н. Тихонравовъ, Г. Щуровскій, Н. Шестаковъ (инспекторъ студентовъ).

Въ № 21 „Домашней Бесѣды“ (27 мая того же года) Аскоченскій воспроизводитъ еще 32 подписи проф. харьковскаго университета, присоединившихся къ протесту москвичей.

**) „Дом. Бесѣда“. 1861, вып. 18, стр. 411.

и учителей церкви и опредѣленій соборныхъ, почитая все это, конечно, «схоластичностью и педантизмомъ» *). Когда нынѣшніе «соглядатаи въ станѣ Христовомъ» начинали свой походъ противъ свящ. Гр. Петрова, стремясь «уловить его и представить на судъ вождей и пастырей», то прежде всего они тоже обратили вниманіе на простоту его рѣчи, не уснащенной текстами свято-отческихъ писаній **).

И священникъ Петровъ заточенъ въ Череменецкій монастырь, а на аренѣ русской церковности торжествуютъ о.о. Иліодоры.

Викторъ Ипатьевичъ Аскоченскій, нѣкогда гонимый, осмѣянный и «опротестованный», несомнѣнно явился побѣдителемъ и теперь съ торжествомъ могъ бы встрѣтить своихъ противниковъ въ «царствѣ тѣней». *Его*, а не *ихъ* пониманіе вѣры и церковныхъ задачъ водворилось на цѣлыя полстолѣтія въ россійской церкви. И насаждено это пониманіе стараніями одного изъ «протестантовъ», заушавшихъ въ прежнее время «Домашнюю Бесѣду» и ея осмѣяннаго редактора.

Кто останется побѣдителемъ въ конечномъ счетѣ,—сухая замкнутая церковность, или вѣчное стремленіе человѣчества къ истинѣ и свободѣ,—это покажетъ будущее, вѣроятно уже недалекое. **В. К.**

Любители пыточной археологіи.—Въ заграничныхъ газетахъ появились статьи, въ которыхъ сообщалось о жестокихъ пыткахъ, которымъ русскія власти «конституціоннаго періода» подвергаютъ заключенныхъ, чтобы вынудить у нихъ сознаніе. Одна изъ такихъ статей была напечатана въ солидномъ англійскомъ «Таймсѣ» и подписана именемъ М. Горькаго. Въ ней разсказывается о пыткахъ, которымъ, по упорнымъ слухамъ, подвергали недавно умершаго въ тюрьмѣ фабриканта Шмидта. Въ бельгійской газетѣ «Le Peuple» Камиллъ Гюисманъ описываетъ ужасающія истязанія, которымъ карательные отряды въ Прибалтійскомъ краѣ подвергаютъ, по его словамъ, захваченныхъ и заподозрѣнныхъ «въ революціи». Русскія газеты, съ своей стороны, выступили съ такими же разоблаченіями. Особенно повезло при этомъ гор. Ригѣ, въ которомъ, по словамъ газетъ, оказался даже настоящій застѣнокъ, съ орудіями пытки разныхъ образцовъ и временъ, начиная съ средневѣковыхъ и кончая новѣйшими резинами и проволочными жгутами.

Выходитъ такимъ образомъ, что въ Россіи, на зарѣ конституціоннаго періода ея жизни,—возобновлены варварскіе обычаи средневѣковой инквизиціи и нашихъ родныхъ застѣнковъ съ ихъ «разспросами» и «пристрастіемъ». Правительство, нерѣдко оказывающее

---

*) „Дом. Бесѣда“, 1861, № 8.

**) Это было отмѣчено, между прочимъ, и въ „Русск. Бог.“ (см. 1903 г., іюнь, рецензія: „Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. Гр. Петрова“).

просвѣщенное вниманіе обличеніямъ, которыя появляются въ заграничной печати, и на сей разъ выступило со своимъ разслѣдованіемъ и «опроверженіемъ».

«Въ виду появившихся въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ извѣстій,—гласитъ этотъ интересный оффиціальный документъ,—о будто производимыхъ въ Ригѣ истязаніяхъ чинами охраннаго отдѣленія политическихъ арестованныхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ своевременно дѣлало указанія мѣстнымъ властямъ, затѣмъ министръ командировалъ въ Ригу директора департамента полиціи для провѣрки. Разслѣдованіе Трусевича установило, что разоблаченія газетъ могли касаться только сыскной полиціи, а не мѣстнаго охраннаго отдѣленія, и что происходили обвиненія объ истязаніяхъ не отъ политическихъ, а отъ уголовныхъ преступниковъ, содержавшихся въ сыскной полиціи. Указывавшаяся корреспондентами коллекція орудій пытокъ оказалась просто музеемъ вещественныхъ доказательствъ (?). Въ то же время директоръ департмента полиціи отмѣтилъ случаи жестокаго обращенія съ тяжкими преступниками, что выражалось въ побояхъ, впрочемъ безъ тяжкихъ послѣдствій. Озлобленіе сыскной полиціи противъ злоумышленниковъ легко (?) объясняется многочисленными убійствами и пораненіями въ Ригѣ представителей полицейской власти. Для окончательнаго изслѣдованія событій въ рижской сыскной полиціи министръ велѣлъ возбудить слѣдствіе въ порядкѣ 1086 и слѣдующихъ статей устава уголовнаго» *).

Очевидно, общество можетъ совершенно успокоиться: во-первыхъ, истязала не охрана, а только сыскная полиція. Во-вторыхъ, операціи послѣдней касались не политическихъ, а только уголовныхъ заключенныхъ; въ-третьихъ, истязали не очень тяжко (тяжки были только преступленія потерпѣвшихъ) и, наконецъ, все это *легко* (!) объясняется озлобленіемъ полиціи по поводу убійствъ и пораненій полицейскихъ. Что же касается до застѣнка, въ которомъ собраны орудія истязаній,—то это вовсе не застѣнокъ, а просто «музей вещественныхъ доказательствъ», который свидѣтельствуетъ, очевидно, о большой культурности рижской полиціи, интересующейся предметами археологіи по своей спеціальности.

Интересуясь, съ своей стороны, предметами изъ этой области и обладая по этому вопросу нѣкоторымъ матеріаломъ, который надѣюсь представить впослѣдствіи вниманію читателей, я позволю себѣ пока добавить къ правительственному опроверженію, что русскія и иностранныя газеты, сдѣлавшія эти сенсаціонныя яко бы открытія,—не совсѣмъ правы. Явленіе это не ново, возникло оно совсѣмъ не въ періодъ россійской конституціи и имѣетъ за собой длинную никогда не прерывавшуюся традицію. Истина состоитъ въ томъ, что пытки въ Россіи *никогда и не прекращались*, что

*) „Р. Вѣд.", 25 февр. 1907, № 45.

онѣ составляютъ «обычное право» россійскихъ (даже столичныхъ) участковъ и что въ періодъ россійской конституціи онѣ только распустились, какъ и многое другое, пышнымъ цвѣтомъ.

Задача настоящей замѣтки—дать маленькую историческую справку собственно о нѣкоторыхъ «музеяхъ вещественныхъ доказательствъ». Такихъ музеевъ было (да, вѣроятно, и осталось) не мало въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества. Прежде учрежденія эти находились при каждомъ воеводствѣ и магистратѣ. Потомъ ихъ держали только при губернскихъ канцеляріяхъ, такъ какъ указы Петра III-го и Екатерины II повелѣвали въ провинціальныхъ (т. е. уѣздныхъ) городахъ отнюдь не пытать. Съ уничтоженіемъ въ 1801 году пытки, «позоръ и укоризну человѣчеству наносящей»,—всѣ эти «музеи» были повсемѣстно закрыты, а орудія пытокъ повелѣно предать сожженію. Оказалось, однако, что вандализмъ центральнаго правительства встрѣтилъ сопротивленіе въ средѣ просвѣщенныхъ провинціальныхъ любителей пыточной археологіи, и «музеи вещественныхъ доказательствъ» остались для поученія будущимъ поколѣніямъ, а порой и кое для чего другого. «Должно быть,—читаемъ мы, напримѣръ, въ «Русской Старинѣ» (апр. 1887 г.)—не легко было разставаться съ подобными «орудіями», и они употреблялись долго спустя послѣ формальнаго упраздненія». Такъ, 6 февраля 1827 года правительствующему сенату данъ былъ указъ, изъ котораго явствуетъ, что нѣкто служилый сотникъ войска Донского Григорій Левицкій заковалъ малороссіянина Климова въ неподвижную колодку. «Каковой способъ держанія людей» указъ справедливо признавалъ за родъ пытки, «отъ коей Климовъ и умеръ». Указъ строжайше повелѣваетъ подобныя орудія, очевидно оставшіяся отъ прежнихъ временъ, «истребить повсемѣстно», а къ пыткамъ отнюдь не прибѣгать, подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности виновныхъ. Однако, и послѣ того даже въ то безгласное время выходили наружу и становились извѣстны факты, говорившіе очень краснорѣчиво, что указы оставались въ области пожеланій. Такъ, въ 1847 году пытка вновь была примѣнена по поводу поджоговъ и волненій въ Москвѣ. Въ томъ же году въ Костромѣ, тоже по поводу поджоговъ, которые молва приписывала полякамъ, губернаторъ, ничто же сумняся, арестовалъ всѣхъ проживавшихъ въ городѣ поляковъ и, «взведя слѣпо вину на безвинныхъ», какъ говорилось въ новомъ указѣ,—подвергъ ихъ допросамъ съ жестокими истязаніями, за что д. ст. сов. Григорьевъ, по повелѣнію императора Николая I-го, преданъ суду при петерб. ордонансъ-гаузѣ *).

Однако, и эти мѣры все же не помогали, и нѣкій «музей вещественныхъ доказательствъ» вдругъ обнаружился близь самой столицы. Въ томъ же 1847 году ямбургскій (Петерб. губ.) уѣздный судъ «по нѣкоему, производившемуся въ немъ частному

---

*) „Р. Стар.", 1879, XXVI, стр. 341—346.

дѣлу» потребовалъ оффиціальной бумагой колодку, употреблявшуюся, какъ орудіе пытки при Малосковицкомъ приходѣ (Петерб. губерніи, ямбургскаго уѣзда, въ 30 верстахъ отъ гор. Ямбурга). Оказалось, что на сей разъ эта принадлежность «музея вещественныхъ докаказательствъ» была во владѣніи мѣстнаго пастора, простодушно употреблявшаго ее для исправленія заблудшихъ овецъ его паствы. Пасторъ считалъ колодку до такой степени несомнѣннымъ аттрибутомъ своей духовной власти, что прежде, чѣмъ отослать ее суду, обратился оффиціально къ своему начальству,—петербургской лютеранской консисторіи. Послѣдняя не увидѣла препятствій къ исполненію требованія уѣзднаго суда, но, соглашаясь отдать колодку во временное его пользованіе,—простодушно прибавила требованіе: «возвратить сіе орудіе мѣстному пастору по миновании въ немъ надобности». Случай этотъ сталъ извѣстенъ министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому, который былъ такъ заинтересованъ, что затребовалъ отъ консисторіи болѣе подробныхъ свѣдѣній. Оказалось по справкѣ, что «до 1833 года въ лютеранскихъ церквахъ употреблялось сіе орудіе по распоряженію пасторовъ и церковныхъ старостъ для наказанія крестьянъ». Такимъ образомъ, лютеранская консисторія тоже превращала въ своемъ отзывѣ приходскую колодку въ предметъ исторической археологіи, употреблявшійся до 1833 года, умалчивая о томъ, для какой, собственно, надобности она желала вернуть ее вновь въ распоряженіе пастора. Императоръ Николай I, до свѣдѣнія котораго было доведено это дѣло, призналъ «сіе требованіе (консисторіи) нелѣпымъ и беззаконнымъ», почему повелѣно было, дабы ямбургскій судъ оную колодку истребилъ *).

Изъ сказаннаго ясна та историческая такъ сказать почва, на которой сохранились и дожили до нашихъ дней музеи вещественныхъ доказательствъ. Правительство, уничтоживъ пытки, требовало истребленія и ихъ орудій. Но оффиціальныя учрежденія не легко отказывались отъ этихъ превосходныхъ орудій испытанія истины, и «музеи вещественныхъ доказательствъ» обнаруживались отъ времени до времени то при станичномъ правленіи войска донскаго, то въ лютеранскомъ «приходѣ», то даже порой въ помѣщичьей усадьбѣ. Что касается спеціально рижскаго «музея», то, если не ошибаюсь, онъ имѣетъ свою собственную исторію, восходящую къ временамъ и болѣе близкимъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой матеріаловъ для болѣе точныхъ ссылокъ, но мнѣ вспоминается ясно, что еще въ 70-хъ годахъ въ русскихъ газетахъ писали очень много о пыткахъ, которымъ подвергали заключенныхъ въ застѣнкахъ при магистратѣ одного изъ остзейскихъ городовъ, помнится именно въ Ригѣ **). Обстоятельство это въ то

*) „Русская Старина", 1887 г, апр. (249—250).

**) Мы были бы очень признательны тѣмъ изъ нашихъ читателей, кто могъ бы дать по этому поводу болѣе точную справку.

время возбудило много шума, и націоналистскіе органы прессы объясняли его специально остзейской жестокостью и неустройствомъ. Производилось, конечно, «разслѣдованіе», «виновные (надо думать) понесли наказаніе». Специфически остзейскіе порядки преобразованы, но, очевидно, любовь къ археологіи оказалась очень живучей, и послѣ обрусительныхъ реформъ «музей вещественныхъ доказательствъ» не только сохранился во всей неприкосновенности, но еще обогатился резиновыми палками и жгутами съ проволокой, очевидно современнаго происхожденія...

А пока извѣстія о рижскомъ «музеѣ» проникали въ печать и успѣли заинтересовать иностранцевъ, —та же любовь къ историческимъ пережиткамъ обнаружилась въ другихъ мѣстахъ. Одесскому градоначальнику пришлось опровергать извѣстія «Рѣчи» о настоящихъ застѣнкахъ въ «подземельяхъ Бульварнаго полицейскаго участка», гдѣ «заключенныхъ подвергаютъ ужаснымъ истязаніямъ, съ цѣлью вынудить сознаніе. Для разслѣдованія былъ командированъ старшій чиновникъ особыхъ порученій Подольцевъ, которому всѣ заключенные заявили, что во время ихъ содержанія подъ арестомъ ихъ никто не билъ. Чтобы они не стѣснялись дѣлать заявленія, при опросѣ никто изъ чиновниковъ въ присутствовалъ» *). Это, конечно, могло бы успокоить общественное мнѣніе, если бы опросъ (хотя бы и сепаратный) заключенныхъ и находящихся во власти той же администраціи давалъ достаточную гарантію правдивости подневольныхъ показаній и если бы такія же извѣстія въ удручающемъ изобиліи не приходили изъ другихъ мѣстъ. Такъ, въ Ельцѣ подсудимый Красниковъ и свидѣтели показали, что при дознаніи о кражѣ его сильно били, при чемъ проломили голову, а стражникъ, выхвативъ шашку, грозилъ убить, таскалъ за волосы и приказывалъ бить другимъ **). Къ этому нужно присоединить извѣстіе изъ Ферганской области, гдѣ во время суда обнаружились истязанія, производимыя джигитами Кувинскаго волостнаго правленія. Одному подсудимому облили спину керосиномъ и подожгли, другимъ въ половые органы вгоняли мелко-нарѣзанный конскій волосъ ***). «Въ Кіево-Подольскомъ участкѣ, — пишутъ въ одной кіевской газетѣ, *снова* (!) убили человѣка. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ это уже третья смерть» (!!).

Раньше въ томъ же участкѣ производились систематическія истязанія заключенныхъ полицейскими городовыми подъ руководствомъ околоточнаго надзирателя Платона Дубиллера. Если съ этими фактами сопоставить свѣдѣнія объ убійствахъ, совершаемыхъ полиціей въ разныхъ другихъ мѣстахъ, то нельзя не придти къ заключенію, что уваженіе къ закону... пало еще ниже въ полицей-

*) Заимствуемъ извѣстіе изъ „Голоса Волыни“, 23 февр. 1907 г.

**) „Голосъ Волыни“, 14 февр. 1907, № 30.

***) Газ. „Самаркандъ“ (цит. изъ „Русск. Вѣд.“, 4 марта 1907, № 51).

ской средѣ... Въ подтвержденіе можно сослаться хотя бы на тѣ вздорныя и нелѣпыя «опроверженія», съ которыми на дняхъ выступили въ «Кіевской Мысли» исправники Ковальскій и Щербаковъ по поводу *ряда убійствъ* (!!!), совершенныхъ низшими полицейскими чинами въ Ольгопольскомъ и Васильевскомъ уѣздахъ *).

Какъ видите, рѣчь здѣсь идетъ о «цѣломъ рядѣ убійствъ», какъ о какомъ то бытовомъ явленіи, по поводу котораго гг. исправникамъ совершенно достаточно напечатать въ газетѣ хотя-бы и «совершенно нелѣпое» объясненіе. И пока это извѣстіе обходитъ газеты, его нагоняетъ другое: «На имя членовъ Гос. Думы Горбубунова и Церетели получена изъ Харькова слѣдующая телеграмма: «Обнаружены возмутительныя подробности звѣрскихъ истязаній въ тюрьмѣ. Требуйте думской ревизіонной коммиссіи. Студенты харьковскаго ветеринарнаго института по порученію общей сходки» **).

Разумѣется, опровергать такія извѣстія чисто оффиціальными справками, «нелѣпыми» или даже совсѣмъ не нелѣпыми,—очень нетрудно. Несомнѣнно, однако, и то, что многіе изъ такихъ случаевъ *доказаны* даже судебнымъ порядкомъ, что и односторонція административныя разслѣдованія приводятъ порой къ признанію наличности «дѣйствій, выходящихъ за предѣлы закономѣрности», какъ въ рижскомъ случаѣ, и что явленіе это требуетъ серьезнаго изслѣдованія тѣмъ путемъ, на который совершенно правильно указываютъ харьковскіе студенты.

Правительственные отзывы по этому предмету стремятся объяснить эти явленія тревожнымъ состояніемъ общества и временнымъ раздраженіемъ полиціи. Къ сожалѣнію, это совершенно неправильно: явленіе лежитъ глубже, и мы имѣемъ право утверждать, что истязанія при дознаніяхъ составляютъ явленіе хроническое, что въ «спокойныя времена» въ участкахъ убивали и истязали такъ же часто, какъ и теперь, что судебные приговоры установили множество такихъ случаевъ не только на окраинахъ, но въ центральной Россіи и что, наконецъ,—это широкое прямо обычное явленіе составляетъ не слѣдствіе нынѣшняго случайнаго времени, а скорѣе одну изъ безчисленныхъ его причинъ...

Но объ этомъ придется поговорить болѣе пространно и болѣе доказательно въ другой разъ. **Вл. Короленко.**

Изъ эпохи государственнаго бреда. Въ 1904, если не ошибаюсь, году военный губернаторъ Семирѣченской области вступилъ черезъ чугучакскаго консула въ чрезвычайно оригинальные, такъ сказать, «дипломатическіе» переговоры съ китайскимъ императорскимъ правительствомъ. Этотъ губернаторъ—насколько помнится, генералъ Іоновъ—предлагалъ правительству богдыхана дать рус-

*) „Кіевскій Голосъ", 10 марта 1907, № 30.
**) „Кіевскій Голосъ", 10 марта 1907.

скимъ крестьянамъ-переселенцамъ разрѣшеніе поселиться въ Китайской имперіи. Эпизодъ, съ европейской точки зрѣнія, нѣсколько фантастическій. Мнѣ лично приходилось слышать о немъ чисто легендарныя подробности. Но даже тѣ свѣдѣнія, которыя оффиціально удостовѣрены и сообщены въ оффиціальныхъ изданіяхъ, похожи скорѣе на легенду, чѣмъ на дѣйствительность.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, выступленіе семирѣченскаго губернатора на путь дипломатическихъ сношеній съ китайскимъ правительствомъ произошло такимъ образомъ. Во ввѣренныхъ ему владѣніяхъ появилась довольно многочисленная партія такъ называемыхъ «самовольныхъ переселенцевъ». «Съ разрѣшенія военнаго губернатора», какъ сказано въ оффиціальномъ документѣ *), или по распоряженію военнаго губернатора,—не будемъ спорить о словахъ, они были выдворены на суровыя и пограничныя съ Китаемъ Барлыкскія горы. Между прочимъ, нѣсколько семействъ было поселено «на урочищѣ Чулакъ», «къ югу отъ озера Ала-Куль». Хлѣбъ здѣсь вымерзаетъ. Привычный для крестьянина-переселенца земледѣльческій трудъ не возможенъ. А такъ какъ переселенцы, что нетрудно было предвидѣть, пытались и пахать, и сѣять, губя праздно свой трудъ и свои запасы, то голодная смерть, въ видѣ естественнаго наказанія за самовольство, казалась неизбѣжной. И, такимъ образомъ, счетъ государственной власти съ мужицкими семьями, водворенными «на урочищѣ Чулакъ», могъ быть закрытъ силами суровой горной природы.

Мужики, поселенные на Чулакѣ, однако, не потерялись. Они вступили въ торговыя сношенія съ китайцами. Къ счастью, мѣстность оказалась лѣсистой, и «самовольцы» стали снискивать себѣ хотя и скудное, но все же пропитаніе—кто рубкою и раздѣлкою лѣса, кто продажею лѣсныхъ матеріаловъ китайцамъ. «Опытъ поселенія на Чулакѣ» длился два года. За это время вполнѣ выяснилось, что переселенцы съ голоду во всякомъ случаѣ не умрутъ; пожалуй, даже сумѣютъ достигнуть нѣкотораго благосостоянія. Горная природа съ самовольнымъ мужикомъ не сладила. Въ такой крайности заботу о наказаніи самовольства рѣшилась откровенно взять на себя государственная власть.

Словомъ, крестьяне, поселенные на Чулакѣ «мѣрами полиціи», черезъ два года были прогнаны съ Чулака мѣрами той же полиціи. Даже оффиціальное изданіе, которымъ я пользуюсь, не находитъ никакихъ резоновъ для такого мѣропріятія. Оно такъ и остается немотивированнымъ, если, разумѣется, не считать главнаго и основного мотива—наказать за своевольство. Однако въ послѣднюю минуту сердце военнаго губернатора, видимо, дрогнуло, и ему пришла въ голову человѣколюбивая мысль: замѣнить для прогнан-

*) См. «Переселенцы-самовольцы», офф. изд. Переселенческаго упр. 1906 г., стр. 116.

ныхъ съ Чулака крестьянъ голодную смерть перечисленіемъ въ китайское подданство. Результатомъ губернаторскаго человѣколюбія и явилась переписка съ китайскимъ правительствомъ о разрѣшеніи русскимъ крестьянамъ переселиться въ Китайскую имперію.

Мало сказать, что переговоры эти извѣстны «центральной власти», и не то удивительно, что они не скрыты въ оффиціальномъ изданіи. Гораздо удивительнѣе тонъ, какимъ говорится о нихъ въ документахъ, которыми я располагаю. Напр., въ упомянутомъ мною изданіи Переселенческаго Управленія читаемъ: «Военный губернаторъ... говорилъ, что онъ, входя въ положеніе крестьянъ, обращался къ чугучакскому консулу съ просьбою, нельзя ли этихъ крестьянъ поселить въ китайскихъ предѣлахъ». «Самъ говорилъ»... А вслѣдъ за нимъ и центральная власть готова не только повторить, но и подчеркнуть,—вотъ, молъ, каковы мои агенты, вотъ, молъ, какъ россійское правительство «входитъ въ положеніе крестьянъ», вотъ до какой степени простирается его заботливость о крестьянскомъ благополучіи...

Разумѣется, эпизодъ съ крестьянами, сосланными въ „урочище Чулакъ" и обреченными—повѣримъ, что безъ сознательно обдуманнаго намѣренія, но во всякомъ случаѣ на голодную смерть, не представляетъ чего-либо исключительнаго въ Россіи. Въ сущности, мало извѣстная исторія крестьянъ, водворенныхъ на урочищѣ Чулакъ, съ буквальною точностью копируетъ хотя-бы, напр., знаменитую исторію другихъ крестьянъ, переименованныхъ въ «кавказскихъ духоборовъ». И тамъ, и здѣсь выборъ мѣста для поселенія былъ равносиленъ приговору къ смертной казни. И тамъ, и здѣсь потребовалось откровенное выступленіе государственной власти. И тамъ, и здѣсь для спасенія людей, уцѣлѣвшихъ, несмотря на смертоубійственный климатъ, оказалось налицо только одно средство: переходъ въ иностранное подданство.

«Семирѣченская исторія» случилась позже «кавказской». За интересы кавказскихъ духоборовъ понадобилось особое представительство передъ канадскимъ правительствомъ, и люди, представительствовавшіе за духоборовъ, совершили большое человѣколюбивое дѣло. Переговоры о чулакскихъ крестьянахъ тоже можно бы признать человѣколюбивымъ дѣломъ; можно бы признать, даже предполагая подражательность съ чисто политическими цѣлями:

— Вотъ, молъ, «вы» все «вашего» Льва Толстого хвалите. А между тѣмъ, мы ничѣмъ не хуже Толстого. Онъ насчетъ духоборовъ и Канады. А я насчетъ самовольныхъ переселенцевъ и Китая.

Даже при условіи простой подражательности съ полемическими цѣлями, заступничество за приговоренныхъ къ голодной смерти людей можно бы признать заслуживающимъ уваженія,—если, конечно, оно исходитъ отъ частныхъ лицъ и совершается въ частномъ порядкѣ. Но когда государственная власть, въ лицѣ хотя бы

отдѣльныхъ ея представителей, черезъ своихъ консуловъ обращается къ иностранному правительству съ просьбою защитить ея подданныхъ отъ ея собственныхъ приговоровъ, когда государственная власть склонна почти хвастать такого рода просьбами и ставить ихъ себѣ въ заслугу,—боюсь, что это нѣсколько больше, чѣмъ простое безуміе. А если это и безуміе, то въ немъ есть «своя система».

Передо мною любопытный документъ: «приложеніе ко всеподданнѣйшему отчету черниговскаго губернатора». Цифровыя данныя въ этомъ отчетѣ обнимаютъ время «съ 1887 г. по 1904 г.». А извлеченія изъ него оффиціально опубликованы черниговскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ въ концѣ 1904 г. Значитъ, «отчетъ» черниговскаго губернатора отправленъ на Высочайшее имя, приблизительно, тогда же, когда семирѣченскій генералъ просилъ китайцевъ спасти русскихъ крестьянъ отъ русскаго правительства.

У черниговскаго губернатора рѣчь идетъ «о движеніи крестьянъ Новозыбковскаго уѣзда на заработки въ Америку». Судя по документамъ, какими я располагаю, часть всеподданнѣйшаго отчета, опубликованная отъ имени черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, не вполнѣ соотвѣтствуетъ подлиннику: комитетомъ, видимо, пропущены «виды и предположенія» губернатора. По нѣкоторымъ соображеніямъ я предпочитаю, однако, пользоваться только тѣми данными, которыя оффиціально опубликованы.

По губернаторскимъ свѣдѣніямъ, въ одной Старобобовичской волости, Новозыбковскаго уѣзда., къ началу 1904 г. зарегистровано 373 «лица, уѣзжавшихъ въ Америку». Въ этотъ итогъ вошли только крестьяне, «бравшіе паспорта»; «числа же уходившихъ безъ паспортовъ не представилось возможнымъ точно установить». Собственно, свѣдѣнія, какими располагалъ губернаторъ при составленіи отчета, касаются одной только Старобобовичской волости. Объ остальныхъ волостяхъ онъ не знаетъ и не упоминаетъ. Изъ Старобобовичской же волости движеніе «въ Америку началось лѣтъ пятнадцать назадъ, *съ легкой руки* крестьянина с. Новыхъ Бобовичъ Θедора Короткаго... Θедоръ Короткій и въ настоящее время живетъ въ Америкѣ; купилъ тамъ, въ Питсбургѣ, два домика и содержитъ въ нихъ, по выраженію крестьянъ, вернувшихся съ заработковъ въ Америкѣ, салонъ *). Въ Америкѣ Θедоръ Короткій живетъ одинъ, а жена его проживаетъ въ Коноплевѣ, Минской губерніи, на купленномъ мужемъ ея на американскія деньги участкѣ земли».

Губернаторъ недаромъ употребилъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ подчеркнутое мною выраженіе: «съ легкой руки». «Рука», дѣйствительно, оказалась «легкая», и дѣло, «начатое Θедоромъ

*) Т. е. гостиницу.

Короткимъ», по мнѣнію составителя отчета,—въ высшей степени пріятное дѣло. «Американскія деньги» то и дѣло выскакиваютъ изъ-подъ губернаторскаго пера, и г. начальникъ губерніи вовсе не склоненъ жалѣть ихъ:

Въ Америкѣ,—пишетъ онъ,—«наши крестьяне вырабатываютъ въ день отъ 2 рублей при поденной работѣ и до 6 р. При издѣльной чистый годовой заработокъ ихъ достигаетъ отъ 300 до 700 р.»

Черезъ нѣсколько строкъ губернаторъ еще болѣе щедръ: «Обыкновенно,—пишетъ онъ,—въ годъ («наши крестьяне») зарабатываютъ («въ Америкѣ») отъ 400 до 700 р.»

Но это «обыкновенно». А «вотъ примѣры»:

«Совѣтовъ Василій... изъ Америки... привезъ 3500 р., купилъ 35 десятинъ земли, съ выплатой въ банкъ, построилъ новую избу, оцѣненную при страховкѣ въ 650 р., истратилъ на лошадей больше 300 р., и у него остались еще свободныя деньги... Дорошенко Алексѣй... изъ Америки привезъ 2300 р., построилъ новую хату и завелъ полное хозяйство: 3 лошади, 7 коровъ, 4 свиньи и держитъ въ арендѣ 26 десятинъ земли... Лысобыкъ Карпъ... привезъ 1000 р., построилъ новую хату, заплатилъ отцовскій и свой долгъ въ 300 р., купилъ лошадь, корову, и у него еще остались деньги»...

Въ виду такихъ молочныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ, прямо жаль, что, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, только «400 человѣкъ нововыбковцевъ находится въ настоящее время въ Америкѣ» и «только 20 человѣкъ взяли съ собою своихъ женъ». «Въ Америкѣ же наши женщины-крестьянки... играютъ роль хозяекъ стряпухъ» (тоже, значитъ, «американскія деньги»).

Фактическую несостоятельность этого губернаторскаго фельетона, включеннаго во всеподданнѣйшій отчетъ, едва ли нужно подчеркивать. Но самъ «фельетонистъ» былъ такъ увлеченъ «Америкой», что приказалъ напечатать свое сочиненіе въ оффиціальномъ и, какъ извѣстно, «обязательномъ» для оффиціальныхъ лицъ и мѣстъ «Календарѣ Черниговской губерніи на 1905 годъ». Такимъ способомъ «свѣдѣнія о движеніи крестьянъ на заработки въ Америку» оказались распространенными, въ качествѣ агитаціоннаго матеріала, по волостнымъ правленіямъ. Меня увѣряли, что соотвѣтственная агитація велась и въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ тоже появились статейки о легкихъ американскихъ деньгахъ. Къ сожалѣнію, это послѣднее обстоятельство я до сихъ поръ не успѣлъ провѣрить, да оно и не имѣетъ существеннаго значенія. Достаточно и того, что напечатано въ «Календарѣ».

Напечатано какъ будто только извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета. Но это извлеченіе редактировано такъ, что, попадая въ волостное правленіе, оно пріобрѣтаетъ прямо-таки пикантный смыслъ. Получается, съ одной стороны, одурачиваніе крестьянъ розсказнями объ «американскихъ деньгахъ». А съ другой,—рядъ чрезвычайно

точныхъ дѣловыхъ свѣдѣній, — какъ попасть изъ Чернигова въ Америку, и какъ—изъ Америки въ Черниговъ.

Въ губернаторской рекламѣ, опубликованной въ оффиціальномъ календарѣ, подъ видомъ извлеченія изъ всеподданнѣйшаго отчета, каждому крестьянину, желающему попасть въ Америку, рекомендуется поступать такъ:

Надо взять «въ волостномъ правленіи годовой паспортъ», но можно, по словамъ губернатора, и безъ паспорта. Затѣмъ, «взявъ съ собою только полпуда хлѣба и перемѣну бѣлья», нужно «направиться въ Вильну по желѣзной дорогѣ или пѣшкомъ». Въ Вильнѣ же спросить «еврея Крызовскаго», у котораго «для этой цѣли устроена контора» и «который проситъ, чтобы всѣ желающіе ѣхать въ Америку обращались къ нему». «Адресъ Крызовскаго» можно узнать въ Новозыбковѣ отъ «вернувшихся изъ Америки». Нѣкоторые же изъ этихъ вернувшихся, какъ бы невзначай, губернаторомъ названы, и «мѣстожительство» ихъ точно указано. Крызовскій беретъ «за всю дорогу до Нью-Іорка или Филадельфіи отъ Вильны» «отъ 115 до 150 р., чаще 125 р.; весною дешевле, осенью дороже». Агентъ Крызовскаго, когда плата за проѣздъ внесена, повезетъ васъ «по желѣзной дорогѣ до ст. Вержболово». Но—предупреждаетъ губернаторъ—до самаго Вержболова не слѣдуетъ ѣхать; надо, «не доѣзжая 1—2 станцій высадиться и поступить въ распоряженіе другого агента, который и переводитъ тайно черезъ границу; способы же перехода черезъ границу различны и зависятъ отъ изобрѣтательности агента. Переводятъ черезъ границу обыкновенно ночью, при чемъ иногда приходится ждать удобнаго случая по нѣскольку дней, голодая и скрываясь въ лѣсахъ и сараяхъ».

Губернаторъ, видимо, понимаетъ, что послѣднее обстоятельство не совсѣмъ пріятно. И съ очаровательной предупредительностью объясняетъ, что есть и другой маршрутъ. Тотъ же Крызовскій можетъ направить васъ «изъ Вильны до Петербурга», а изъ Петербурга «по Финляндской желѣзной дорогѣ до приморскаго города Ганге», гдѣ и вручатъ вамъ «билетъ прямого сообщенія (шиффкарту) до Питсбурга черезъ Англію».

Извиняюсь передъ читателями за эти цитаты, но, мнѣ кажется, онѣ характерны. Для лицъ, коимъ адресуются губернаторскіе всеподданнѣйшіе отчеты, конечно, не нужно пояснять, что Ганге— «приморскій городъ», что «шиффкарта» есть «билетъ прямого сообщенія», что «способы перехода черезъ границу различны», что самъ безъ помощи «изобрѣтательнаго агента» ее не перейдешь, и что, слѣдовательно, ни въ коемъ случаѣ не обойдется безъ услугъ «еврея Крызовскаго, который проситъ всѣхъ желающихъ ѣхать въ Америку обращаться къ нему». Столь нарочитая популярность изложенія во всеподданнѣйшемъ отчетѣ едва ли доказываетъ, что распространеніе перепечатокъ изъ этого отчета по ...

лостнымъ правленіямъ произошло случайно, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніе столь же популярно. Подробно и обстоятельно разсказывается, что васъ ждетъ «въ Гамбургѣ или Бременѣ», если вы поѣдете на Вержболово, что—въ Ливерпулѣ, если поѣдете черезъ Ганге. Съ такою же обстоятельностью объясняется весь маршрутъ вплоть до Питсбурга, гдѣ «русскихъ рабочихъ отлично знаютъ и квартиру ихъ укажутъ (эмигрантамъ) даже уличные мальчишки».

«Обратное путешествіе въ Россію» можно, пожалуй, совершить вполнѣ легально: надо явиться къ консулу, отдать ему паспортъ, взамѣнъ котораго онъ выдастъ «проходное свидѣтельство»; съ этимъ свидѣтельствомъ ѣхать по такому-то и такому-то маршруту «черезъ Эйдкуненъ въ Вержболово»; здѣсь съ васъ «на таможнѣ возьмутъ 15 руб. (5 руб. на Красный Крестъ), арестуютъ и отправятъ домой этапнымъ порядкомъ»: сверхъ того, «оставленный у консула паспортъ пересылается въ новозыбковскую полицію, которая и привлекаетъ къ отвѣтственности за недозволенную поѣздку въ Америку». Вотъ почему «обратное путешествіе крестьяне совершаютъ безъ мытарствъ»..., «предпочитая переходить границу нелегальнымъ путемъ». Да это и дешевле, ибо въ Эйдкуненѣ легко найти «еврея, который за 5—15 рублей переведетъ черезъ границу ночью». Далѣе слѣдуетъ детальный разсчетъ, сколько стоитъ «нелегальный проѣздъ» отъ Питсбурга до Новозыбкова.

Вообще же въ Америкѣ совсѣмъ не страшно: тамъ «ни одинъ изъ русскихъ рабочихъ не сидѣлъ въ тюрьмѣ», такъ что «наши крестьяне» могутъ попасть въ тюрьму лишь на обратномъ пути въ Вержболовѣ, если они, по глупости своей, захотятъ ѣхать легально. Надо полагать, это губернаторское сравненіе американскихъ порядковъ съ русскими особо убѣдительно дѣйствуетъ на крестьянъ. Наконецъ, и религіозныя соображенія не могутъ препятствовать поѣздкѣ за «американскими деньгами»:

«Въ Америкѣ празднованіе нашихъ православныхъ праздниковъ вполнѣ возможно... Какъ въ Питсбургѣ, такъ и въ Нью-Іоркѣ есть православныя церкви; въ Питсбургѣ двѣ, при чемъ въ одной изъ нихъ священникъ—уроженецъ Елисаветграда. Кромѣ богослуженія, священники часто собираютъ всѣхъ и бесѣдуютъ съ ними, укрѣпляя ихъ въ вѣрѣ. Ежегодно всѣ говѣютъ. Посты соблюдаются строго»...

Словомъ, Аркадія, совершеннѣйшая Аркадія! Внемлите же, православные крестьяне, совѣту вашего «начальника губерніи», ступайте въ Вильну, найдите тамъ контору Крызовскаго...

Спрашивается, съ какой стати россійскій администраторъ счелъ долгомъ подстрекать населеніе ввѣренной ему губерніи къ эмиграціи въ Америку? Нельзя же предполагать, что онъ не понималъ, какой смыслъ имѣетъ опубликованное имъ. Не младенецъ же въ

самомъ дѣлѣ эго, не вѣдающій, что творитъ. Трудно предположить также, что онъ позволилъ зло подшутить надъ собою, помѣстивъ и въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ и въ оффиціальномъ календарѣ рекламу виленской «фирмы Крызовскаго». Столь же, пожалуй, трудно допустить, что черниговскій губернаторъ дѣйствовалъ, какъ компаньонъ или пайщикъ конторы Крызовскаго. Вѣроятнѣе всего, въ губернаторскихъ мозгахъ мерцала какая-то особая мысль. Но какая?

Я не рѣшился бы сдѣлать отсюда вполнѣ опредѣленный и точно формулированный выводъ, но фактъ самъ по себѣ знаменателенъ. Мною, такъ сказать, на пробу взяты два администратора, раздѣленные пространствомъ въ нѣсколько тысячъ верстъ. Но посмотрите, какое трогательное единодушіе! Одинъ начальствуетъ въ краѣ, гдѣ плотность населенія едва достигаетъ цифры 3 на кв. клм. Это въ 27 разъ меньше, чѣмъ въ Австріи, въ 11 разъ меньше, чѣмъ въ Европейской Турціи, почти въ 70 разъ меньше, чѣмъ въ Бельгіи, почти въ 16 разъ меньше, чѣмъ въ Черниговской губ. И, тѣмъ не менѣе, онъ хлопочетъ о выдвореніи поселенцевъ въ Китай,—о выдвореніи изъ области, которая почти пустыня, и въ которой каждая рабочая сила нужна и дорога. Другому, по волѣ судебъ, отдана подъ началъ Черниговская губернія, и онъ убѣждаетъ коренное населеніе эмигрировать въ Америку.

Безспорно, это—симптомы государственнаго безумія. Но въ этомъ безуміи, повторяю, есть система. Мнѣ лично, когда я вдумываюсь въ эту систему, невольно припоминается разсказъ о «Никишкѣ Григорьевѣ», который при Борисѣ Годуновѣ былъ посланъ обучиться наукамъ, а замѣсто того перешелъ «въ басурмане» и сталъ «аглицкимъ попомъ». Московское правительство настойчиво требовало у Англіи возвратить «нашего Никишку» и отказывалось вѣрить, что онъ самъ не хочетъ вернуться на родину. Дипломатическіе переговоры о Никишкѣ тянулись что-то около 20 лѣтъ. Это была тоже система. Пусть очень глупая, пусть чрезвычайно вредная. Но всетаки подъ нею было хоть сознаніе, что «нашихъ людей» нельзя зря терять, что «нашими» надо дорожить. Въ московской—глупой и вредной—системѣ былъ хоть нѣкоторый намекъ на государственный смыслъ, хоть проблески понятія о государственной солидарности. Жестоковыйная Москва всетаки понимала, что пустыню надо населить, и что эмиграція не даетъ блага.

Но какой смыслъ въ нынѣшней системѣ? Въ Россіи съ октября 1905 г. идетъ сплошной погромъ. Населеніе бѣжитъ во всѣ стороны: въ Японію, въ Персію, въ Австрію, Германію, въ Америку, въ Англію, даже въ Китай, даже въ Турцію. Уже полтора года наши губернаторы избавлены отъ заботы рекламировать «контору Крызовскаго» и рекомендовать путь по Финляндской дорогѣ къ «приморскому городу Ганге», какъ наиболѣе удобный для «неле-

гальнаго» путешествія за границу. Слово: «эмиграція» оказывается слишкомъ блѣднымъ и робкимъ. Появилась надобность въ терминахъ болѣе рѣшительныхъ, такъ какъ передъ нами своеобразный исходъ народа изъ Россіи, во многомъ подобный исходу евреевъ изъ Египта, съ тою существенной разницей, что тамъ уходили пришельцы изъ чужой земли, а здѣсь коренные жители вынуждены покидать родную землю. Сейчасъ, между прочимъ, по одной только Финляндской дорогѣ безпрерывно льется эмигратскій потокъ изъ Прибалтійскаго края. Коренное населеніе этого несчастнаго края бѣжитъ куда-то, «въ невѣдомую даль». Бѣгутъ старики, бѣгутъ женщины, бѣгутъ дѣти, бѣгутъ семьи, бѣгутъ одинокіе люди. И если вѣрить тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя удалось собрать мнѣ, число бѣгущихъ не только не уменьшается, но явно растетъ.

На нашихъ глазахъ происходитъ громадное и во многихъ отношеніяхъ непоправимое общенародное бѣдствіе. А отношеніе къ нему со стороны государственной власти таково, словно эта власть находится не то въ рукахъ бывшаго черниговскаго губернатора, убѣждавшаго крестьянъ уѣзжать въ Америку, не то въ рукахъ семирѣченскаго генерала, хлопотавшаго объ увеличеніи народонаселенія въ Китаѣ. Пусть власть свирѣпа и кровожадна. Иванъ Грозный былъ и свирѣпъ, и кровожаденъ. Но даже Ивану Грозному, опустошителю цѣлыхъ областей, было понятно, что пустынное Пріуралье надо «облюдить». Даже этотъ незабвенный и безпощадный истребитель лучшихъ людей умѣлъ чувствовать и учитывать значеніе такихъ фактовъ, какъ «отъѣздъ» Курбскаго. Библейская легенда не церемонится, когда рѣчь заходитъ о репутаціи египетскихъ фараоновъ. Но даже библейская легенда не рѣшилась приписать фараонамъ равнодушіе, когда евреи «уходили» изъ Египта.

Къ сожалѣнію, текущая русская дѣйствительность безпощаднѣе легенды. За послѣдніе 1½—2 года у насъ сложился цѣлый рядъ служебныхъ репутацій, основанныхъ единственно на умѣньи вынуждать населеніе къ повальному бѣгству. Рядомъ съ полковникомъ Думбадзе, получившимъ генералъ-маіорскій чинъ послѣ блестящаго и безпримѣрнаго опустошенія Ялты, можно поставить цѣлый рядъ не менѣе громкихъ именъ, начиная съ Курлова-Минскаго, а нынѣ Кіевскаго. Мы до такой степени превзошли славу библейскихъ фараоновъ, что нами уже изобрѣтена система принудительной эмиграціи: извѣстно нѣсколько случаевъ, когда представители государственной власти, не обинуясь, ставили альтернативу: либо уѣзжай немедленно за границу, либо будешь заточенъ въ тюрьму и сосланъ.

Равнодушіе, съ какимъ правительство Людовика XIV смотрѣло на повальную эмиграцію гугенотовъ, до сихъ поръ оцѣнивалось, какъ классическій примѣръ государственнаго безумія. Но даже

это безуміе не заходило такъ далеко, чтобы равнодушно взирать на повальную эмиграцію населенія, приписаннаго къ государственной церкви. Для насъ всѣ «вѣры» и всѣ «церкви» въ сущности одинаковы, и, сознательно принимая «мѣры къ уменьшенію іудейскаго народонаселенія», мы одновременно хлопочемъ о переселеніи православныхъ и въ «инославную» Америку, и въ «иновѣрный» Китай.

Правленіе случайныхъ авантюристовъ, вынесенное Россіей въ теченіе XVIII в., до сихъ поръ считалось классическимъ примѣромъ государственнаго безпутства. Но даже въ эпоху безпутства даже безпардонныхъ фаворитовъ временъ Анны Ивановны и Елизаветы Петровны серьезно озабочивала усиленная въ ту пору эмиграція изъ Россіи за польскій и нѣмецкій рубежъ. Даже тогдашнимъ куринымъ умамъ было понятно, что массовая эмиграція— великое зло, и что противъ нея надо принимать мѣры. Нынѣ мы отрѣшились даже отъ тѣхъ азбучныхъ истинъ, какія были понятны полтораста лѣтъ назадъ курляндскимъ кучерамъ и украинскимъ пастухамъ.

Недавно стало извѣстно, какую сложную и рѣшительную переписку вело правительство по случаю ареста теріокскаго жандарма, заподозрѣннаго въ причастности къ убійству Герценштейна. Г. Столыпинъ, оказывается, требовалъ отдать выборгскаго губернатора подъ судъ, теріокскаго ленсмана тоже подъ судъ. Командующій отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ адресовался къ финляндскому генералъ-губернатору въ крайне рѣзкомъ и оскорбительномъ тонѣ. Не то, видите ли важно, что убили Герценштейна. Не это безпокоитъ г. Столыпина. Ему важно лишь, что арестованъ подозрѣваемый въ убійствѣ жандармъ. Мелкое дѣло объ арестованномъ жандармѣ было раздуто до послѣдней крайности и отняло у правительства много труда и заботъ. Но совершенно не видно, чтобы правительство хоть на одну минуту озаботилось о такомъ важномъ и сложномъ вопросѣ, какъ усиленная эмиграція хотя-бы изъ Прибалтійскаго края. По крайней мѣрѣ, за послѣднее время извѣстна только одна забота объ этомъ краѣ: онъ отданъ подъ начало прославленному опустошителю помилованному убійцѣ судьи Каргопольцева, а нынѣ генералу Меллеръ-Закомельскому *). И среди прибалтійскаго населенія началось въ буквальномъ смыслѣ слова бѣгство.

Я опять упомянулъ о прибалтійскихъ бѣглецахъ. Быть можетъ, это—результатъ личныхъ впечатлѣній. Въ послѣднее время мнѣ часто приходится бывать на Финляндской дорогѣ, и каждый разъ приходится видѣть вагоны съ прибалтійскими эмигрантами. И каждый разъ, когда я вижу эти вагоны, мнѣ невольно кажется,

*) Подробнѣе объ убійствѣ Каргопольцева мною упоминалось въ замѣткѣ „Каламбуристы". (См. „Р. Б", августъ 1906 г., стр. 209).

что скоро мы окончательно освободимся отъ всякихъ истинъ, отъ всякихъ понятій, отъ всякихъ намековъ на здравый смыслъ. И если уже теперь у насъ сочиняются проекты разрѣшенія земельнаго вопроса посредствомъ утилизаціи человѣческихъ экскрементовъ, то въ недалекомъ будущемъ ничто не помѣшаетъ намъ воспользоваться мыслью генерала Іонова и возбудить международный вопросъ о колонизаціи всѣхъ странъ земнаго шара силами Россійскаго населенія.

А. Петрищевъ.

ГРИГОРІЙ БОРИСОВИЧЪ ІОЛЛОСЪ.

13 марта, среди бѣлаго дня, въ Москвѣ, на Спиридоновкѣ, убитъ Григорій Борисовичъ Іоллосъ. Товарищъ и другъ Герценштейна, убитаго «каморрой народной расправы» въ Финляндіи, онъ погибъ той же смертью, послѣ «предостереженій», исходившихъ изъ того-же источника..

Имя Григорія Борисовича Іоллоса пользовалось широкой извѣстностью въ литературныхъ и интеллигентныхъ кругахъ. Уроженецъ Полтавской губерніи, города Кременчуга, онъ окончилъ гимназію въ Одессѣ и затѣмъ отправился для продолженія образованія въ Берлинъ. Здѣсь, по окончаніи курса въ Берлинскомъ университетѣ, онъ написалъ диссертацію по рабочему вопросу, давшую ему ученую степень и открывавшую почетную дорогу въ ученыхъ кругахъ Германіи. Однако, чисто ученая карьера не влекла къ себѣ этого живого и отзывчиваго человѣка. Онъ былъ журналистъ по натурѣ, по всему складу ума и по всѣмъ склонностямъ. Солидное научное образованіе только углубило и усилило въ немъ журналиста. Живя въ Берлинѣ, онъ сталъ посылать корреспонденціи въ «Русскія Вѣдомости», и очень скоро читатели этой распространенной передовой газеты привыкли, получая свѣжій номеръ, прежде всего разыскивать въ немъ статьи, подписанныя скромной буквой I. Это были не корреспонденціи въ обычномъ смыслѣ слова. Изложенныя живо, ярко, часто даже художественно,—это были бесѣды умнаго, талантливаго, глубоко образованнаго человѣка обо всѣхъ явленіяхъ общественной, литературной и парламентской жизни Германіи. Послѣдній трудъ извѣстнаго ученаго, новая драма выдающагося художника, рѣчь Бебеля или Рихтера въ парламентѣ, митингъ рабочихъ, партійный съѣздъ соціалъ-демократовъ, рѣчь императора и корректный отвѣтъ на нее независимаго общественнаго

дѣятеля, порой просто описаніе обычнаго берлинскаго дня, съ его текущими «злобами», погодой, уличнымъ движеніемъ, толками и развлеченіями,—все это подъ перомъ Іоллоса жило, волновалось, мыслило и возбуждало волненія живой мысли въ его русскихъ читателяхъ. Было что-то особенное въ этомъ яркомъ и перемѣнчивомъ калейдоскопѣ чуждой намъ жизни,—что дѣлало ее и для насъ близкой, понятной, захватывающе интересной. Еврей по происхожденію и религіи, европеецъ по образованію, такъ долго жившій за границей, Іоллосъ никогда не переставалъ быть русскимъ гражданиномъ по чувствамъ, симпатіямъ и стремленіямъ. Живя на высотахъ умственно-политической жизни одного изъ европейскихъ центровъ, окруженный атмосферой свободной и высокой культуры,—онъ никогда не терялъ ощущенія той связи, которая и на чужбинѣ соединяетъ русскаго гражданина съ его безправнымъ отечествомъ. Схватывая на лету проявленія болѣе высокой умственной и политической жизни, облекая ихъ въ живую форму своего яркаго, гибкаго, пластически-выразительнаго слова,—онъ никогда не забывалъ, что его письмо съ берлинской маркой должно отправиться за германскій рубежъ, въ Россію, гдѣ его будутъ читать люди, живущіе въ другой атмосферѣ, среди другихъ политическихъ условій. Корреспонденты, долго живущіе за границей, порой теряютъ ощущеніе своей аудиторіи, вовлекаются въ подробности междупартійныхъ заграничныхъ споровъ, такъ что и отчеты ихъ начинаютъ отражать иной разъ чуждую намъ страстность къ заграничнымъ дѣламъ и столкновеніямъ, къ мимолетнымъ вопросамъ чужой тактики данной минуты... Іоллосъ никогда не переносилъ центра тяжести своихъ симпатій изъ Россіи въ Германію. Въ его статьяхъ, правда, всегда билось особенное, живое чувство, которое не позволяло имъ превратиться въ безстрастные репортерскіе отчеты. Но это чувство было чувство русскаго гражданина, коренившееся въ живомъ интересѣ къ русской жизни. И если во всѣхъ работахъ Іоллоса, подъ обаятельно спокойной формой, всегда ощущалось живое волненіе и, пожалуй, полемика, споръ, даже борьба,—то это не была борьба европейскаго партійнаго полемиста. Нѣтъ,—въ статьяхъ Іоллоса сама европейская жизнь, культура, политическая свобода всегда оспаривала, порицала и стыдила русскій произволъ, русское темное безправіе. И это чувствовалось ясно какъ друзьями, такъ и противниками русскаго обновленія. Брюзгливая и желчная московская цензура всегда косилась на Іоллоса, не имѣя, однако, возможности придраться къ отдѣльнымъ статьямъ. Это послѣднее обстоятельство объяснялось совсѣмъ не ухищреніями автора, не уловками эзоповскаго стиля. Нѣтъ, Іоллосъ писалъ всегда ясно, просто, прозрачно и, прибавимъ — вполнѣ цензурно.

Но въ этихъ простыхъ безыскусственныхъ картинкахъ вставала подлинная европейская жизнь въ изображеніи искренняго русскаго публициста. И безъ подчеркиваній, безъ напряженной

тенденціи, безъ явнаго намѣренія,—всѣ эти картины рождали невольный, жгучій вопросъ: а у насъ? Это было ясно и неуловимо, «неблагонадежно» съ цензурной точки зрѣнія и — не искоренимо. Это вытекало изъ самого положенія вещей. Писалъ все это европеецъ по культурѣ и образованію, и русскій по живому гражданскому чувству. Подъ самой радостной картиной чуждой жизни—слышалась своя, русская горечь, своя русская скорбь. Это создавало особую, естественно приподнятую точку зрѣнія, съ которой Іоллосъ трактовалъ всѣ явленія европейской жизни. Бебель могъ спорить съ Рихтеромъ враждебно и страстно. Вождь свободо-мыслящихъ такъ же страстно могъ опрокидываться на вождя католическаго центра. Іоллосъ рисовалъ правильно и безпристрастно общую картину этой борьбы, но у него самого горѣла одна сдержанная страсть, преобладала одна перспектива: онъ бралъ эти европейскіе споры въ ихъ общемъ отношеніи къ русской жизни—безправной, темной, лишенной политической культуры. И вотъ почему выходило, что не только слова Бебелей и Либкнехтовъ, Зингеровъ и Рихтеровъ звучали призывомъ впередъ, къ отдаленнымъ горизонтамъ свободы,—но даже благонамѣреннѣйшія рѣчи Виндгорстовъ, вождей центра и самыхъ отсталыхъ германскихъ консерваторовъ вызывали невольное сравненіе уровня ихъ политическихъ воззрѣній и культуры съ нашимъ «консерватизмомъ», отрицающимъ самыя основы всякой культуры... Русскій читатель чувствовалъ тутъ глубокую, свою собственную, русскую правду. Задолго еще до открытія россійскаго парламента—онъ уже получалъ въ письмахъ Іоллоса уроки парламентской практики съ ея запутанной казуистикой, и, что еще важнѣе—съ ея философіей политической борьбы и спокойной терпимости на почвѣ свободы.

Съ наступленіемъ новой эры «россійской конституціи», Іоллосъ тотчасъ же оставилъ Европу и вернулся въ Россію, гдѣ онъ былъ выбранъ въ Думу отъ гор. Кременчуга. Въ Думѣ онъ не выдавался ни яркой полемикой, ни боевыми выступленіями. Какъ подъ своими статьями въ газетѣ онъ подписывалъ только одну скромную букву, такъ и въ Думѣ онъ не выставлялся впередъ, незамѣтно внося въ практику новаго русскаго учрежденія свой огромный парламентскій опытъ. И нѣтъ сомнѣнія, что на протяженіи сколько-нибудь продолжительнаго времени эта работа стала бы такъ же замѣтна и значительна, какъ и его, тоже очень скромныя по формѣ, берлинскія корреспонденціи.

Судьба судила иначе. Первая Дума разогнана, во вторую Іоллосъ, какъ и многіе депутаты перваго призыва, не попалъ по причинамъ внѣшняго свойства... Но какъ журналистъ и редакторъ,—онъ представлялъ большую силу.

13-го марта онъ убитъ.

«Предостереженія» онъ получалъ давно, еще въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года, но относился къ нимъ съ спокойствіемъ

человѣка, знающаго свою дорогу и ту цѣль, къ которой она ведетъ. Каждый день онъ проходитъ въ одни и тѣ же часы мимо роковыхъ воротъ на Спиридоновкѣ, у дома Торопова. Въ этомъ домѣ съ дворомъ, выходящимъ на двѣ улицы, помѣщается штабъ-квартира союза русскаго народа, редакція газ. «Вѣче»; тамъ же квартира князя Щербатова. Лицевой стороной каменнаго дома эта «усадьба» выходитъ на Никитскую. На Спиридоновку глядятъ мрачныя старыя деревянныя ворота, съ калиткой на цѣпи. Ежедневно два раза безоружный журналистъ безпечно проходитъ на работу и съ работы мимо этихъ воротъ, и очень можетъ быть, что уже не разъ въ него впивались въ это время внимательные взгляды врага, выжидавшаго случая для безнаказаннаго убійства. 13 марта около двухъ часовъ дня изъ-за калитки высунулась рука съ револьверомъ. Спиридоновка была пуста... Раздались выстрѣлы.

Исторія освѣтитъ когда-нибудь и подробности убійства, и его пружины. На современное россійское правосудіе надежды мало, а кидать обвиненія безъ точно установленныхъ фактовъ, конечно, не слѣдуетъ. Итакъ, пока несомнѣнно только одно: Іоллосъ, всю жизнь боровшійся только перомъ за новую свободную и просвѣщенную Россію, за ея обновленіе на началахъ свободы и самодѣятельности,— убитъ закоренѣлою «старою» Русью, на грязныхъ задворкахъ старой Москвы, людьми, стоящими за возвратъ къ темному прошлому, съ его произволомъ, безправіемъ и нищетой народа. На его смерть глядѣли въ роковую минуту только грязныя ворота враждебной крѣпости, и враги огласили его паденіе злораднымъ издѣвательствомъ и поруганіемъ *)...

Но—кто въ сущности побѣдилъ въ этомъ столкновеніи? Герценштейнъ и Іоллосъ, два еврея по происхожденію убиты одинъ вслѣдъ за другимъ. Одинъ успѣлъ заявить себя въ борьбѣ русскаго парламента за землю для русскаго народа. Другой всю жизнь проводилъ идею русскаго гражданскаго освобожденія. И имена этихъ двухъ *евреевъ* теперь связаны навѣки съ борьбой русскаго народа за землю и волю.

Этого ли добивалась юдофобствующая націоналистическая «старая Русь»?.. Ни Іоллосъ, ни Герценштейнъ никогда спеціально не занимались такъ называемымъ еврейскимъ вопросомъ. Оба находили, что рѣшеніе всѣхъ вопросовъ въ общемъ освобожденіи. И, однако, можно ли придумать лучшій аргументъ противъ спеціалистовъ племенной вражды, чѣмъ тотъ, который невольно диктуется этой яркой смертью двухъ евреевъ, погибшихъ на глазахъ у всего русскаго народа за дѣло обще-русскаго обновленія!..

Таковъ неуклонный, неотвратимый и роковой ходъ великаго историческаго процесса, направляющагося отъ тьмы человѣко-

---

*) См. газету „Вѣче" отъ 14, 15, 16 марта.

ненавистничества и безправія къ свѣту освобожденія и терпимости. Даже гибель отдѣльныхъ лицъ служитъ грядущему торжеству ихъ стремленій!

Вл. Короленко.

АНГЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ БОГДАНОВИЧЪ.
1860—1907.

Наша книжка была закончена, когда литературная семья понесла новую утрату: 24 февраля, послѣ тяжелой болѣзни, умеръ Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ, публицистъ, критикъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ и редакторъ журнала «Міръ Божій».

Полякъ по происхожденію, католикъ по исповѣданію, А. И. Богдановичъ въ раннемъ дѣтствѣ попалъ вмѣстѣ съ семьей въ Нижегородскую губернію, гдѣ выросъ и получилъ среднее образованіе. Впечатлѣнія Приволжскаго края окружали его дѣтство, среднее образованіе онъ получилъ въ нижегородской гимназіи, и русская литература освободительной эпохи заполонила молодую воспріимчивую душу. Не забывая родного языка, онъ, однако, сталъ русскимъ по главному содержанію чувства и мысли. Это не былъ переходъ отъ «завоеванныхъ» на сторону «завоевателей», отъ угнетенныхъ къ угнетателямъ. Къ какой Россіи примкнулъ полякъ Богдановичъ, видно изъ того, что уже въ первые свои университетскіе годы онъ попадаетъ въ русскую крѣпость, подъ русскій военный судъ. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала «Былое» *) есть упоминаніе объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Богдановича: обвиняли его въ принадлежности къ партіи, стремившейся къ ниспроверженію существующаго строя. На судѣ юный студентъ произнесъ короткую остроумную рѣчь, въ которой сопоставилъ тяжесть обвиненія, грозившаго, если не ошибаюсь, смертной казнью, съ уликами (въ его квартирѣ нашли при обыскѣ «81 точку типографскаго шрифта». Эта «восемьдесятъ одна точка» давала поводъ для обвиненія по 249 ст.). Военный судъ вынесъ оправдательный вердиктъ, но университетская карьера Богдановича была прервана, такъ какъ административно онъ все же былъ высланъ изъ Кіева и нѣсколько лѣтъ жилъ подъ надзоромъ полиціи въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Здѣсь, съ 1886 года, онъ началъ работать въ провинціальныхъ

*) См. „Былое", январь, 1907 г., стр. 119.

приволжскихъ (преимущественно казанскихъ) газетахъ. Въ эти годы онъ принималъ дѣятельное участіе въ той глухой, сдавленной борьбѣ за право и правду, которую съ такимъ трудомъ и усиліями вела тогдашняя безправная печать. Къ концу 80-хъ годовъ онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ А. А. Дробышевскимъ, переѣхалъ въ Казань, гдѣ принялъ ближайшее участіе въ «Волжскомъ Вѣстникѣ». Это было время, когда работа въ провинціальной печати являлась настоящимъ подвигомъ: читателей было немного, подписчиковъ еще меньше. За самое скудное вознагражденіе, едва оплачивавшее скромное существованіе литературной богемы,—Богдановичъ писалъ передовыя статьи, замѣтки, фельетоны, составлялъ номера, выкраивалъ извѣстія. Можно сказать съ увѣренностью, что вдвоемъ эти «ближайшіе сотрудники» часто выносили на плечахъ злополучную газету. Въ одномъ были требовательны эти непритязательные работники: они не допускали ни малѣйшей неискренности и фальши. Газета могла говорить немного, но то немногое, что можно было сказать,—должно быть сказано безъ недомолвокъ и искаженій.

На этой почвѣ выходили конфликты съ издателями, и литературнымъ воинамъ приходилось сниматься съ насиженнаго мѣста и перекочевывать съ своими перьями въ другое. Черезъ короткое время боевая кличка Богдановича Semper Idem стала очень замѣтна въ среднемъ Поволжьи; нерѣдко изъ его фельетоновъ яркія блестки стали залетать въ столичную печать, и газета, гдѣ онъ основывалъ свой временный бивакъ, сразу привлекала вниманіе, впредь до новаго конфликта изъ-за «чистоты направленія».

Въ 1893 году Богдановичъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сначала велъ внутреннее обозрѣніе въ «Русскомъ Богатствѣ», а затѣмъ вошелъ въ составъ редакціи «Міра Божьяго». Здѣсь онъ опять развернулъ свою поразительную работоспособность и отдалъ журналу всѣ свои незаурядныя силы, работая вмѣстѣ съ А. А. Давыдовой. Впослѣдствіи къ нимъ примкнули и новыя силы, но можно, кажется, сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, что журналъ поставленъ твердо и сдѣланъ тѣмъ, чѣмъ сталъ онъ въ лучшія времена своего существованія,—главнымъ образомъ усиліями этихъ двухъ человѣкъ... Оба они отдали себя дѣлу журнала всецѣло и беззавѣтно.

А. И. Богдановичъ, кромѣ редакторской работы, велъ еще критико-публицистическій отдѣлъ, за скромной подписью А. Б. Читатели, конечно, помнятъ эти летучіе, живые очерки, порой яркіе, порой парадоксальные,—но всегда глубоко искренніе и проникнутые горячей любовью къ литературѣ.

27 марта, въ сумрачный весенній день, на Волковомъ кладбищѣ читатели-друзья покойнаго и его друзья-писатели присутствовали при не совсѣмъ обычномъ зрѣлищѣ: на русскомъ православномъ кладбищѣ у раскрытой могилы стоялъ католическій священникъ и раздавались печальные звуки латинскаго «requiem aeter-

nam dona ei Domine». Поляка-католика хоронили въ литераторской части православнаго кладбища, потому что этотъ полякъ былъ искренній русскій писатель, и настоящей родиной его души была русская литература. Кругомъ свѣжей могилы высились кресты и памятники ранѣе пришедшихъ туда товарищей, встрѣчавшихъ своего собрата, еще молодого, но успѣвшаго уже много поработать на нивѣ мысли и слова, свободы, солидарности и братства...

Вл. Кор.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крест. въ разныхъ губ: отъ А. А. С., изъ Житоміра—15 р.; отъ Е. Д.—10 р.; отъ Васи Т.—1 р.; черезъ М. Шульга, сборъ съ благотворительнаго вечера, устроен. 3 февраля 1907 г. въ Вознесенскѣ—306 р. 30 к.; отъ А. Н.—5 р.; отъ В. Яновскаго, изъ Севастополя—15 р.; отъ студ. І. Шліомкиса, изъ Керчи—4 р.; отъ О. Васильевой, изъ Анапы—2 р.; черезъ редакцію газ. „Харбинъ"—34 р. 75 к.; отъ М. О.—1 р. 50 к.;—отъ И. Кожевникова, изъ Кунгура—3 р.; отъ Е. Цыплаковой, изъ Балаклавы—5 р.; оаъ А. С. Н.—10 р.; отъ неизвѣстной—2 р.; отъ учениковъ Кевловской одноклас. школы и Михневической жен. ц.-прих. школы—6 р. 88 к.; отъ Александровскихъ изъ Кіева—100 р.; отъ Х.—1 р. 50 к.; отъ Бондарева—30 к.; отъ „Прудковскихъ рабоч. и служащихъ"—25 р. 50 к.; черезъ Л. Чупихина отъ служащ. по переселенч. управд. въ Сыръ-Дарьинскомъ раіонѣ—45 р.; отъ сибирячки—2 р.; отъ „Прудковской компаніи"—38 р.; отъ Л. А.—50 к.; отъ Б. А.—50 к.; отъ В. Н. и Е. П.—1 р.; отъ В. Т.—3 р.; отъ N. N. изъ Бѣжицы—10 р.; отъ А. Быкадорова, изъ Москвы—5 р.; отъ чиновъ Иногородческаго управленія Ставропольской губ.—9 р. 18 к.; отъ ветерин. врачей Скворцова, Якоби и Травина—6 р. 50 к.

Итого . . . . 669 р. 41 к.
А всего съ прежде поступившими . . . . 1650 р. 54 к.
Послано въ Казанскую губ. Н. П. Купріяновой. . . . . 800 р.

Остается въ конторѣ . . . . 850 р. 54 к.

Въ пользу ссыльныхъ: отъ А. А. С. изъ Житоміра—10 р.; собранныя на банкетѣ въ честь отъѣзжающ. членовъ Г. Д. отъ Перми—75 р.; отъ А. Крживицкаго, изъ Ломжи—5 р.; отъ группы лицъ, изъ Тифлиса—25 р.; отъ подписчицы—5 р.; отъ Н. М. Г.—10 р.; черезъ Н. М. Г.—1 р. 50 к.; отъ А. С.—3 р.; отъ неизвѣстной—2 р.; отъ А. Б., С. Р. и В. Ш.—14 р.; отъ сибирячки—2 р.; отъ фельдшерицы Ю. Николаевой—5 р.; отъ N. N., изъ Бѣжицы—7 р. 50 к.; отъ О. А. Шапиръ—5 р.; отъ Е. Лисневичъ—5 р. 50 к.

Итого . . . . 175 р. 50 к.

Въ пользу безработныхъ: отъ сибирячки—2 р.

Ред.-изд. *В. Г. Короленко.*

[5]

АПРѢЛЬ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобунова, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

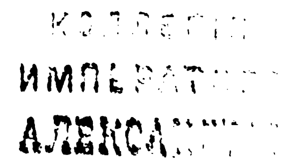
8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**



СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.— Общественные классы.— Наука, литература и печать.— Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. —Додэ. —Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.— Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.— Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. *Третье* изд. 1906 г.— 222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II. *Второе* изд. 1903 г.— 314 стр. Ц. 1 р. Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.— Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.— 402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.— Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.— Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.— Борьба за индивидуальность. — Вольница и подвижники. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. — Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.—Критика утилитаризма.—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго.—Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма о правдѣ и неправдѣ.—Письма къ ученымъ людямъ.—Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. — Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе*. 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса.—Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи.—Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—О народничествѣ г. В. В.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ. — Изд. 1905 г. — 287 стр. Цѣна 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 коп.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 40 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1905). *Третье,* дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Избранныя, оригинальныя и переводныя, стихотворенія 112 русскихъ поэтовъ, съ краткими ихъ характеристиками. Компактный томъ въ два столбца; больше 30.000 стиховъ. Изд. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ **«РУССКАГО БОГАТСТВА»** также продаются изданія **„Библіотеки освободительной борьбы" и др.**

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

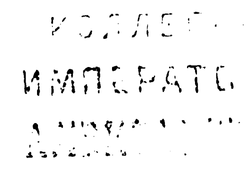
М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

В. Н. Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ. IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г.



На главной гауптвахтѣ.

Вечеръ.

Въ сѣрой мглѣ корридора тускло мерцаютъ лампы... Лязгаютъ ружья. Ругаются часовые. И тюрьма, засыпая, дышетъ смѣсью пота, махорки и керосина...

Въ сѣрой мглѣ свиваются тѣни... Незамѣтно ползутъ вдоль стѣны. Оживаютъ... Хохочутъ вѣтромъ, скребутся мышью у печки, сжимаютъ въ тиски и пляшутъ... Пляшутъ, вьются, кружатся безъ конца, безъ предѣла... и хочется вскрикнуть...

А утромъ сторожъ Егорка выметаетъ ихъ вмѣстѣ съ вчерашнею грязью. Онъ скребетъ метелкой по корридору и гонитъ передъ собой груды мусора, щепокъ, окурковъ, яичныхъ скорлупъ... И отъ пола до потолка стѣною виснетъ густая и смрадная пыль. И опять ругаются часовые...

Всходитъ солнце, опускается ночь, и снова настаетъ утро. Липкая мгла по прежнему обнимаетъ тюрьму. И въ ней, въ ея гнилой сердцевинѣ, скучно родятся слова и дѣла... Слова и дѣла тюрьмы.

А гдѣ-то строятся плахи. Трещатъ пулеметы. Штыками роютъ могилы...

И прощаются человѣку грѣхи его...

I.

Подпоручикъ Воронковъ дѣлаетъ повѣрку.

Онъ очень юнъ и очень малъ ростомъ. Когда онъ ходитъ, то выпячиваетъ грудь колесомъ и подымаетъ голову такъ высоко, что кажется, у него сейчасъ слетитъ съ затылка фуражка, и хочется его объ этомъ предупредить. Его сопровождаетъ цѣлая свита: жандармъ, караульный унтеръ-офицеръ и разводящій.

— Часовые, не разговаривать съ арестованными,—еще

издали кричитъ Воронковъ.—Замѣчу—подъ судъ! У меня живо!.. Понялъ?.. Эй, ты... лежать?!. Кто те-бѣ доз-во-лилъ ле-жать? Встать! Не разговаривать! Молчать! Вотъ новости!.. Ты, арестованный, лежишь, ничего не дѣлаешь, блаженствуешь... А я, офицеръ... Понялъ,—офи-церъ!.. Цѣлый день на ногахъ, работаю, за тебя отвѣчаю... Что?.. Молчать! Не то прикажу связать! Понялъ?.. Час-совые, наблюдать, чтобы арестованные не курили, не пѣли, на окнахъ не сидѣли, не разговаривали, записокъ не передавали... Замѣчу,—подъ судъ!..

Онъ уже повѣрилъ насъ, „политикантовъ", и теперь очередь за „прокламаторами", т. е. солдатами, арестованными за пропаганду и распространеніе прокламацій.

— А, здравствуй, сознательный человѣкъ,—слышу я изъ сосѣдняго карцера.—Ну, что, какъ живешь? А? Хорошо?.. Ну, и слава Богу... Жандармъ, обыскать его! Ну, а бѣжать не собираешься? Какъ?.. Знаемъ мы васъ, мечтателей... Что, все мечтаешь, небось? А?..

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчаетъ чей-то глухой, едва слышный изъ-за стѣны, голосъ.

— Что?.. Какъ?.. А земля? Вѣдь, по твоему, землю надо отнять у законныхъ владѣльцевъ и подѣлить? Такъ?..

— Такъ точно.

— Ну, вотъ... Ну, не дуракъ ли ты? У за-кон-ныхъ владѣльцевъ!.. Ну, слушай. Только слушай внимательно, что я буду говорить. Допустимъ, землю подѣлили. Всѣмъ по 15 десятинъ. Тебѣ 15 десятинъ и мнѣ 15 десятинъ. Такъ?..

При послѣднихъ словахъ часовой, стоящій у моей двери, какъ бы вростаетъ въ землю. Шея у него вытягивается, какъ у журавля, и пальцы начинаютъ сами собой шевелиться. Онъ слушаетъ,—не проронитъ ни слова.

— Прекрасно,—продолжаетъ Воронковъ такимъ тономъ, будто диктуетъ задачу.—Великолѣпно... Теперь, что я сдѣлаю со своею землей?.. Я буду работать. Въ потѣ лица добывать свой хлѣбъ... Ну, а ты?.. Что ты сдѣлаешь со своей?.. Чего же ты молчишь? Отвѣчай. Ну, отвѣчай, когда офицеръ спрашиваетъ...

— Не могу знать.

— Дуракъ. Все у тебя „не могу знать"... Ты ее пропьешь. Вѣдь ты ее пропьешь?—торжествующе переспрашиваетъ Воронковъ.

— Никакъ нѣтъ.

— А?.. Что?.. Что такое?.. Что это еще за „никакъ нѣтъ"?... Ты ее пропьешь. Это тебѣ каждый скажетъ... Жандармъ, развѣ онъ ее не пропьетъ?

Жандармъ, высокій и красивый кубанскій казакъ, улы-

бается такъ, что нельзя понять, надъ кѣмъ онъ смѣется,— надъ Воронковымъ или надъ тѣмъ, кто долженъ пропить свою землю. Затѣмъ рѣшаетъ небрежно:

— Онъ?.. Онъ ее безпремѣнно пропьетъ.

Лицо у моего часового блѣднѣетъ. Онъ судорожно прижимаетъ къ груди винтовку и что-то тихо бормочетъ. Потомъ опять замираетъ.

— Ну, вотъ видишь,—наставительно замѣчаетъ Воронковъ.—Вотъ и жандармъ то же говоритъ. И всякій скажетъ... Значитъ, ѣсть тебѣ нечего. Значитъ, ты землю продалъ. Прекрасно. Кому? Кто работалъ... Я работалъ. Значитъ, мнѣ. Вотъ у меня уже 30 десятинъ, а у тебя ничего... Понялъ?.. Что же, по твоему, опять землю дѣлить, а?..

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе... Такъ что ни продавать, ни покупать землю нельзя... Она—Божья. Какъ, напримѣръ, воздухъ или вода.

Голосъ, который это произноситъ, дрожитъ отъ негодованія. Воронковъ негодуетъ тоже.

Съ минуту оба молчатъ. Лицо у Воронкова покраснѣло, глаза вытаращены, и фуражка совсѣмъ съѣхала на макушку. Онъ, видимо, не можетъ понять, въ чемъ дѣло, и это его волнуетъ и сердитъ:

— А? Что? Что такое? Что ты такое говоришь?.. Ма-алчать! Не разговаривать! Разсуждать?!. А? Что? Ничего понять нельзя... Божья!.. Вотъ новости... Что такое Божья?.. Я работалъ, деньги платилъ... Почему Божья? Моя, а не Божья... А?.. Какъ?.. Вотъ новости...

Онъ окончательно сбивается съ толку, пыхтитъ, плюется и всетаки ничего не можетъ придумать. Наконецъ, жандармъ приходитъ къ нему на помощь. Все еще улыбаясь, онъ ласково шепчетъ ему:

— Такъ что не стоитъ съ имъ, ваше благородіе, говорить... Глупыя у нихъ эти слова...

— Ну, да. Что же я говорю? Я то же самое и говорю. Какъ? Что?.. Ну, прекрасно,—вдругъ успокаивается Воронковъ,—пусть Божья. Великолѣпно, пусть будетъ Божья. Ты только слушай. Слушай внимательно, что я говорю.

Онъ нашелъ рѣшеніе задачи. И теперь торопится побѣдить, сразить наповалъ, безъ возраженій.

— Вотъ ты книжки читаешь... О конституціяхъ... О соціализмахъ... И другое тамъ разное... Ну, а про французовъ слыхалъ? Что? Слыхалъ?.. Да?..

— Такъ точно.

— Прекрасно. Всякій знаетъ,—нарочно растягиваетъ слова Воронковъ,—что французы народъ культурный, то

есть образованный, то есть умный. Умнѣе насъ, русскихъ... Такъ?..

Пауза. И затѣмъ вдругъ быстро и радостно:

— А подѣлена у нихъ земля? Что?.. Нѣтъ, не подѣлена и не будетъ подѣлена, и не можетъ быть подѣлена... А ты хочешь отнять землю... У кого?.. У за-кон-ныхъ владѣльцевъ, и подѣлить... Значитъ, ты хочешь быть умнѣе... французовъ!.. Ты, арестованный нижній чинъ, хочешь быть умнѣе французовъ... ха-ха-ха... Онъ хочетъ быть умнѣе французовъ!.. Умнѣе французовъ!..

— Хе-хе-хе-хе-е... — ухмыляется въ бороду жандармъ. Караульный унтеръ-офицеръ и разводящій молчатъ. Они держатъ руки по швамъ и угрюмо ѣдятъ начальство глазами.

— Ну, вотъ,—торжествуетъ Воронковъ.—Ну, не дуракъ ли ты?.. Теперь понялъ?.. Что?.. А то кричатъ, требуютъ, безпокоятъ начальство. А чего кричатъ, что требуютъ,—неизвѣстно. Сами не понимаютъ... Знаемъ мы васъ... Знаемъ.. Ну, сиди, сознательный человѣкъ, сиди...

Въ сопровожденіи всей свиты, онъ съ шумомъ семенитъ къ выходу. И когда за нимъ затворяется тяжелая желѣзная дверь, въ коридорѣ внезапно настаетъ тишина. Ее нарушаетъ мой часовой. Сперва онъ долго и ожесточенно шагаетъ взадъ и впередъ, затѣмъ останавливается, что-то соображаетъ, плюетъ и, наконецъ, говоритъ убѣжденно:

— Ось, якій дуже розумной!..

II.

Жандармскій унтеръ-офицеръ Охрименко, потный и красный человѣкъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и двумя нашивками на рукавѣ, пришелъ ко мнѣ въ гости. Онъ сидитъ въ моемъ карцерѣ на табуретѣ и съ присвистомъ сосетъ съ блюдечка чай. И по тому, какъ онъ нервно то и дѣло вытирается кумачнымъ платкомъ и какъ старательно избѣгаетъ моего взгляда, я вижу, что онъ хочетъ что-то сказать и не смѣетъ.

— Лѣтомъ комари ѣдятъ,—говоритъ онъ, наконецъ, авторитетно.

— Что?

— Комари, говорю, ѣдятъ.

— Ѣдятъ.

— Вотъ и москиты тоже.

— Да, и москиты.

— Препепріятно. Такъ-такъ-такъ...—барабанитъ онъ гряз-

ными пальцами по столу.—Такъ-съ... Спасибо за чай, за сахаръ... Пожелаю.

Онъ жметъ мнѣ руку, и мы оба молчимъ. Жарко. Слышно, какъ на дворѣ разводящій учитъ часового: „Ежели который на окнѣ, не стрѣляй, слова голова. понялъ? А кричи: слѣзавай съ окна.. Понялъ?“

— Да... такъ я говорю: комари,—все еще не рѣшается Охрименко.

— Что вы?

— Нѣтъ.. такъ... пустяковина... насчетъ комарей... Та-акъ.. А дозвольте вамъ сказать, дѣльце я къ вамъ одно имѣю...

— Къ вашимъ услугамъ.

— Такъ... ерунда...—У, ты проклятущій,—вдругъ хлопаетъ онъ руками по комару,—какой маленькій, а какой ехидный...

— Въ чемъ же дѣло, Максимъ Ильичъ?

— Ничего... Не стоющее вниманья...

Онъ конфузливо умолкаетъ. Его большое и тучное тѣло наполняетъ весь карцеръ. Онъ чувствуетъ это и мучительно ищетъ, куда дѣвать свои руки. Поправляетъ погоны, теребитъ шнуры револьвера, трогаетъ зачѣмъ-то шашку. Наконецъ, беретъ папиросу, отворачивается къ окну и говоритъ небрежно и равнодушно, какъ бы вовсе не интересуясь отвѣтомъ:

— А что, ничего не слыхать, расформируютъ насъ?

— Кого это насъ?

— Отдѣльный корпусъ.

— Когда?

— Да вотъ когда эти всѣ тайныя права будутъ..

— Когда права?.. Должно быть, расформируютъ.

— Такъ-съ... И которые унтеръ-офицеры съ десятилѣтней выслугой срока, тѣмъ пенсіи не оставятъ?—вдругъ оборачивается онъ ко мнѣ.

— Не знаю. Не могу вамъ сказать.

Онъ встаетъ, звеня шпорами, ходитъ по карцеру, останавливается, о чемъ-то думаетъ, опять ходитъ. Наконецъ, садится рядомъ со мной на койку и, озираясь на дверь, таинственно шепчетъ мнѣ на ухо:

— Сами знаете, время какое... Очень даже большой скандалъ можетъ выйти... Иные, которые не видятъ, а я примѣчаю. Къ тому идетъ. То есть, очень просто послѣдніе могутъ стать даже первыми... Да... такъ съ умомъ надо... чтобы не прошибиться...

— Ну?

Онъ опять вскидываетъ глазами на дверь.

— Какъ бы часовые не нагавкали... Тоже народъ... Из-

волите видѣть,—шепчетъ онъ еще тише, однѣми губами,— имѣю два билета выигрышнаго займа, 4-хъ-процентной государственной ренты. Безпорочною службой скопилъ... Какъ скажете, продавать или придержать?.. А?..

— Зачѣмъ же, Максимъ Ильичъ, продавать?

— За-а-чѣмъ?!—Теперь онъ откинулся къ стѣнѣ и смотритъ на меня съ недовѣріемъ, почти съ озлобленіемъ.—Зачѣмъ продавать? Платить не будете... По займамъ платить не будете!—негодующе выпаливаетъ онъ, наконецъ.

— Не знаю... Можетъ быть, и не будемъ.

Онъ сразу теряетъ весь свой авторитетъ. Потъ градомъ катится съ него. Лицо побагровѣло. Глаза слезятся, и весь онъ какъ-то грузно осѣлъ всѣмъ тѣломъ на бокъ и внизъ И, вздыхая, смотритъ на меня своими круглыми, какъ у птицы, глазами и бормочетъ скороговоркой:

— Господи!.. Какъ свѣча передъ Истиннымъ! Вѣрьте слову... ей-Богу... сами знаете, я для васъ завсегда... не глядите, что я жандармъ. Довѣрьтесь... никому не скажу... видитъ Богъ... ни Боже мой, никому... Вѣдь жена, малолѣтнія дѣти... по расформированіи по міру пойдемъ... одна надежда на васъ... не утаите... откройтесь... Какъ слышно: будете платить, или нѣтъ?.. О, Господи милосердный...

Въ корридорѣ звякаютъ шпоры. Караульный начальникъ Охрименко вскакиваетъ, поправляетъ Георгія, вытягивается во фронтъ и, дѣлая „глаза направо“, рапортуетъ:

— Дозволилъ въ личномъ своемъ присутствіи раскрыть въ № 9 двери для просвѣженья...

III.

— Кипячій кипятокъ вамъ несу,—говоритъ жандармскій унтеръ-офицеръ Ершаковъ, подавая мнѣ чайникъ...—Почайничайте, а я посижу, чтобы не скучно было...

Онъ садится ко мнѣ на койку и задумчиво смотритъ куда-то, въ окно, за ограду, гдѣ начинается воля.

— Да-а... Многаго на свѣтѣ понять невозможно...—замѣчаетъ онъ философски...—даже до чрезвычайности многаго...

— Чего, напримѣръ?

— Да всего. И свѣтскаго, и духовнаго... Насчетъ Писанья я и штунду опрашивалъ, и къ монахамъ теперь хожу... Да куды!.. Что въ нихъ, въ монахахъ... Штунда не разбери-бери что плететъ, а монахи... Богъ съ ними совсѣмъ. Самый нестоющій народъ, и при томъ пьющіе...

Онъ безнадежно машетъ рукой и, какъ бы нехотя, продолжаетъ:

— Думаешь этакъ, выходитъ такъ. Думаешь такъ, выходитъ этакъ... И ничего понять невозможно... Вотъ однова со мной случай былъ. Прислали къ намъ агентовъ изъ Петербурга. Живутъ въ номерахъ, 75 въ мѣсяцъ получаютъ, а съ какого конца чтобы, напримѣръ, ухватиться — не понимаютъ. Въ городѣ имъ ничего неизвѣстно, а къ намъ не идутъ, — гордятся. Хорошо... Вотъ стали мы примѣчать. куда мы, туда они, куда мы, туда они... Значитъ, такъ на прицѣлъ берутъ, чтобы черезъ насъ дойтить, гдѣ вашъ братъ собирается... Вотъ я, значитъ, и говорю товарищу: семъ-ка мы, Ференчукъ, ихъ накроемъ да маленько поучимъ, дураковъ учить надо... Однова глядимъ, слѣдятъ такъ за нами. А мы, какъ при формѣ были и при револьверахъ, прямо, знаете, значитъ, къ имъ. Кто такіе и позвольте, говоримъ, ваши паспорта-съ. Мы, говорятъ, агенты... Агенты?... Знаемъ, какіе вы агенты. Пожалуйте въ управленье. Черезъ сутки отпустили ихъ съ миромъ: идите и впередъ не грѣшите... Позвольте и мнѣ стаканчикъ...

Я наливаю ему чай, и онъ, откусывая сахаръ, улыбается себѣ въ бороду и смотритъ на меня большими, ласковыми и невинными глазами.

— Что же тутъ непонятнаго?

— Слушайте дальше.. Ну, разумѣется, пиво было. Такъ что выпили мы всѣ вмѣстѣ, говоримъ: давай, ребята, на кругъ работать. А ротмистру всетаки доложились. А ротмистръ у насъ — ухъ!.. Говоритъ: гляди, ребята, не зѣвай, мелочь имъ отдай, а крупнаго не тронь, ни-ни Боже мой. Значитъ, тоже свою политику имѣлъ... Хорошо. Наслѣдили мы разныхъ тамъ вашихъ, которые помельче, гимназистокъ тамъ всякихъ, изъ мореходныхъ классовъ которыхъ, и ночью этакъ, разъ, Господи благослови, бацъ.. ко всѣмъ съ обыскомъ сразу. Я, какъ на обыскѣ былъ, барышня одна плачетъ, какъ рѣка льется... Все убивается. Конечно, дѣвченка еще, годовъ ей такъ было пятнадцать, испужалась значитъ. Такъ я утѣшалъ даже ее. Ей-Богу. Что-й-то вы, говорю, барышня, и какъ вамъ не стыдъ, не извольте, говорю, убиваться, ничего вамъ не будетъ... Дитё, что съ ей возьмешь?.. Отвезли, значитъ, всѣхъ къ намъ въ управленіе, а оттуда въ гражданскую. Сидятъ. А агенты-то и рады: мы, молъ, петербургскіе, изловили, молъ, всѣхъ волосатиковъ... Такъ и начальству своему доложили... Да. А ротмистръ, какъ дѣло все разобралъ, тотчасъ всѣхъ-то и повыпускалъ. Невинные были. И въ Петербургъ отписалъ: такъ и такъ-де, агенты ваши однихъ снятковъ ловить могутъ и ничего-де не понимаютъ. Впередъ ихъ къ намъ не присылайте, мы и безъ нихъ очень прекрасно дѣйствовать

волите видѣть,—шепчетъ онъ еще тише, однѣми губами,— имѣю два билета выигрышнаго займа, 4-хъ-процентной государственной ренты. Безпорочною службой скопилъ... Какъ скажете, продавать или придержать?.. А?..

— Зачѣмъ же, Максимъ Ильичъ, продавать?

— За-а-чѣмъ?!—Теперь онъ откинулся къ стѣнѣ и смотритъ на меня съ недовѣріемъ, почти съ озлобленіемъ.—Зачѣмъ продавать? Платить не будете... По займамъ платить не будете!—негодующе выпаливаетъ онъ, наконецъ.

— Не знаю... Можетъ быть, и не будемъ.

Онъ сразу теряетъ весь свой авторитетъ. Потъ градомъ катится съ него. Лицо побагровѣло. Глаза слезятся, и весь онъ какъ-то грузно осѣлъ всѣмъ тѣломъ на бокъ и внизъ И, вздыхая, смотритъ на меня своими круглыми, какъ у птицы, глазами и бормочетъ скороговоркой:

— Господи!.. Какъ свѣча передъ Истиннымъ! Вѣрьте слову... ей-Богу... сами знаете, я для васъ завсегда... не глядите, что я жандармъ. Довѣрьтесь... никому не скажу... видитъ Богъ... ни Боже мой, никому... Вѣдь жена, малолѣтнія дѣти... по расформированіи по міру пойдемъ... одна надежда на васъ... не утаите... откройтесь... Какъ слышно: будете платить, или нѣтъ?.. О, Господи милосердный...

Въ корридорѣ звякаютъ шпоры. Караульный начальникъ Охрименко вскакиваетъ, поправляетъ Георгія, вытягивается во фронтъ и, дѣлая „глаза направо“, рапортуетъ:

— Дозволилъ въ личномъ своемъ присутствіи раскрыть въ № 9 двери для просвѣженья...

III.

— Кипячій кипятокъ вамъ несу,—говоритъ жандармскій унтеръ-офицеръ Ершаковъ, подавая мнѣ чайникъ...—Почайничайте, а я посижу, чтобы не скучно было...

Онъ садится ко мнѣ на койку и задумчиво смотритъ куда-то, въ окно, за ограду, гдѣ начинается воля.

— Да-а... Многаго на свѣтѣ понять невозможно...—замѣчаетъ онъ философски...—даже до чрезвычайности многаго...

— Чего, напримѣръ?

— Да всего. И свѣтскаго, и духовнаго... Насчетъ Писанья я и штунду опрашивалъ, и къ монахамъ теперь хожу... Да куды!.. Что въ нихъ, въ монахахъ... Штунда не разбери-бери что плететъ, а монахи... Богъ съ ними совсѣмъ. Самый нестоющій народъ, и при томъ пьющіе...

Онъ безнадежно машетъ рукой и, какъ бы нехотя, продолжаетъ:

— Думаешь этакъ, выходитъ такъ. Думаешь такъ, выходитъ этакъ... И ничего понять невозможно... Вотъ однова со мной случай былъ. Прислали къ намъ агентовъ изъ Петербурга. Живутъ въ номерахъ, 75 въ мѣсяцъ получаютъ, а съ какого конца чтобы, напримѣръ, ухватиться—не понимаютъ. Въ городѣ имъ ничего неизвѣстно, а къ намъ не идутъ,—гордятся. Хорошо... Вотъ стали мы примѣчать, куда мы, туда они, куда мы, туда они... Значитъ, такъ на прицѣлъ берутъ, чтобы черезъ насъ дойтить, гдѣ вашъ братъ собирается... Вотъ я, значитъ, и говорю товарищу: сем-ка мы, Ференчукъ, ихъ накроемъ да маленько поучимъ, дураковъ учить надо... Однова глядимъ, слѣдятъ такъ за нами. А мы, какъ при формѣ были и при револьверахъ, прямо, знаете, значитъ, къ имъ. Кто такіе и позвольте, говоримъ, ваши паспорта-съ. Мы, говорятъ, агенты... Агенты?... Знаемъ, какіе вы агенты. Пожалуйте въ управленье. Черезъ сутки отпустили ихъ съ миромъ: идите и впередъ не грѣшите... Позвольте и мнѣ стаканчикъ...

Я наливаю ему чай, и онъ, откусывая сахаръ, улыбается себѣ въ бороду и смотритъ на меня большими, ласковыми и невинными глазами.

— Что же тутъ непонятнаго?

— Слушайте дальше.. Ну, разумѣется, пиво было. Такъ что выпили мы всѣ вмѣстѣ, говоримъ: давай, ребята, на кругъ работать. А ротмистру всетаки доложились. А ротмистръ у насъ—ухъ!.. Говоритъ: гляди, ребята, не зѣвай, мелочь имъ отдай, а крупнаго не тронь, ни-ни Боже мой. Значитъ, тоже свою политику имѣлъ... Хорошо. Наслѣдили мы разныхъ тамъ вашихъ, которые помельче, гимназистокъ тамъ всякихъ, изъ мореходныхъ классовъ которыхъ, и ночью этакъ, разъ, Господи благослови, бацъ.. ко всѣмъ съ обыскомъ сразу. Я, какъ на обыскѣ былъ, барышня одна плачетъ, какъ рѣка льется... Все убивается. Конечно, дѣвченка еще, годовъ ей такъ было пятнадцать, испужалась значитъ. Такъ я утѣшалъ даже ее. Ей-Богу. Что-й-то вы, говорю, барышня, и какъ вамъ не стыдъ, не извольте, говорю, убиваться, ничего вамъ не будетъ... Дитё, что съ ей возьмешь?.. Отвезли, значитъ, всѣхъ къ намъ въ управленіе, а оттуда въ гражданскую. Сидятъ. А агенты-то и рады: мы, молъ, петербургскіе, наловили, молъ, всѣхъ волосатиковъ... Такъ и начальству своему доложили... Да. А ротмистръ, какъ дѣло все разобралъ, тотчасъ всѣхъ-то и повыпускалъ. Невинные были. И въ Петербургъ отписалъ: такъ и такъ-де, агенты ваши однихъ снятковъ ловить могутъ и ничего-де не понимаютъ. Впередъ ихъ къ намъ не присылайте, мы и безъ нихъ очень прекрасно дѣйствовать

можемъ... Значитъ, это онъ чтобы агентамъ носъ наклеить. Да... Ну, и скандалъ большой вышелъ. Ха-ха-ха...

— Вотъ что бываетъ, — заключаетъ онъ опять философски. — Развѣ агенты на то надежду имѣли? А?.. Службу свою исполняли, для награды, можетъ быть, старались... У кого жена, у кого дѣти... А что вышло? Говорятъ, такъ даже съ должности ихъ погнали... А почему? Ничего неизвѣстно... И мы не причинны. Вмѣстѣ съ ими работали... Да и то взять, — вдругъ мѣняетъ онъ тонъ, — 75 въ мѣсяцъ получаютъ... Денегъ-то тьма. А за что? За тьфу, съ позволенья сказать. Пьяницы, воры, дѣла не дѣлаютъ, отъ дѣла бѣгаютъ. А туда же... Въ калашный рядъ... Да... А мы на 20-ти рубляхъ сиди да присягу помни... Тьфу!..

Я не выдерживаю, наконецъ:

— Бога вы, Ершаковъ, не боитесь и людей не стыдитесь...

— Кого?—переспрашиваетъ онъ удивленно.

И затѣмъ обиженно добавляетъ:

— Что-й-то вы право... Развѣ мы что? Намъ что прикажетъ начальство.

Въ корридорѣ лампы чадятъ... Душно—нечѣмъ дышать.

IV.

Онъ входитъ ко мнѣ, сытый, красный, довольный. Потираетъ весело руки и шаркаетъ ножкой:

— Рекомендуюсь. Приказомъ командующаго войсками назначенъ васъ защищать...

Садится ко мнѣ на кровать, дружески, какъ старый пріятель, хлопаетъ меня по плечу и говоритъ, отдуваясь:

— Жарко... Только что былъ у товарища вашего. Прекраснѣйшій молодой человѣкъ... Великолѣпное впечатлѣніе... Только зачѣмъ запираться? Ну, скажите, зачѣмъ?.. Врешь, говорю, меня не надуешь, запирательствомъ ничего не возьмешь. Вѣдь, дорогой мой, военный судъ не игрушки... Тутъ ужъ дѣло, знаете, того, какъ его... Понимаете сами... Тутъ ужъ каюкъ, крышка, ничего не попишешь...

Онъ вынимаетъ серебряный портсигаръ, не спѣша, чиркаетъ спичкой и, закуривъ, начинаетъ опять:

— Я, батенька вы мой, старый служака, 20 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ состою. Могу сказать — стрѣляный воробей. Все знаю, все испыталъ и народу всякаго видѣлъ гибель. И прямо вамъ скажу, какъ солдатъ: терпѣть не могу жидовъ. Жидовъ не люблю и террора не понимаю. Вы ужъ меня извините... Все, что угодно, но не терроръ... Помилуйте, что же это такое,—почтеннаго старика и вдругъ

бомбой... А жидъ, знаете, всегда жидомъ остается. Сколько его ни скреби, сколько его ни мой, а все вмѣсто души лукомъ воняетъ... Ха-ха-ха... Ужъ повѣрьте мнѣ на слово... Да... Ну-съ, батенька мой, приступимъ къ дѣлу...

Онъ вытираетъ потную лысину, подсаживается ближе ко мнѣ и лѣзетъ рукою въ карманъ сюртука:

— Вотъ и рѣчь приготовилъ... Господа судьи, гнусное злодѣянье...

— Позвольте,—прерываю я его,—о рѣчи потомъ...

— Хорошо, дорогой мой, не къ спѣху, пусть будетъ потомъ... А пока я вамъ новость имѣю... Затрудненьице, знаете, было,—нагибается онъ къ моему уху,—палача найти не могли. Ужъ и какъ быть—не знали. Къ разстрѣлу, что ли... Такъ можете себѣ представить, вчера, уголовный одинъ, отцеубійца, въ гражданской тюрьмѣ сидитъ, — подалъ прошенье: такъ и такъ, пишетъ, прошу разрѣшить мнѣ привести казнь въ исполненье... А?.. Каково?.. Совѣсть заговорила... Понимаете... Что?.. Отцеубійца—и тотъ возмущенъ... Ну, теперь дѣло готово. Разрѣшатъ, конечно...

Онъ смотритъ на меня круглыми, сѣрыми, добродушными глазами и, какъ будто, хочетъ сказать: ну, слава Создателю, все обошлось, и горевать больше не о чемъ... И видно, что ему только жарко, и ничего больше.

Молчанье. Въ корридорѣ кто-то кричитъ,—монотонно, упорно и долго:

— Раз-во-дящій!.. Раз-во-дящій!.. Раз-во-дящій!..

И чей-то голосъ его убѣждаетъ:

— Обожди... Не кричи... Чего горло-то драть... Не придетъ разводящій..

И никто не придетъ...

— Благодарю васъ, капитанъ,—говорю, наконецъ, я,—мнѣ защиты вашей не нужно.

Онъ вскакиваетъ съ кровати:

— Что это вы, дорогой мой?.. Какъ же это возможно?.. Всетаки знаете... того... защитникъ, какъ его... того... на судѣ... Нѣтъ, ужъ вы не упрямьтесь. Этакъ нельзя... Въ вашихъ же, знаете, интересахъ...

На порогѣ онъ опять оборачивается ко мнѣ, качаетъ съ укоризною головой и по-пріятельски, дружески убѣждаетъ:

— Ну, что это вы?.. Какъ же такъ безъ защиты?.. Все же неловко, знаете... Вы подумайте, право... Можетъ быть, и рѣшитесь еще... Эхъ!.. Ну, прощайте...

Я остаюсь одинъ. А въ корридорѣ кто-то все еще не теряетъ надежды, все еще зоветъ монотонно:

— Раз-во-дящій, раз-во-дящій, раз-во-дящій...

И никто не придетъ...

V.

„Милостивый государъ и великодушный господинъ номеръ девятый, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ молился въ Геѳсиманскомъ саду: да минетъ меня чаша сія обаче не моя воля, но твоя да будетъ, такъ и я молюсь о томъ же. Но ваша пролитая невинно кровь обагрится и таковою же моею. Ибо, бывъ изгнанъ за пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ изъ класса реторики духовной семинаріи и претерпѣвъ заневинно по приговору полкового суда искаріотовъ пять недѣль строгаго ареста съ правомъ горячей пищи разъ въ трое сутокъ, вступаю нынѣ на путь революціоннаго и соціальнаго переустройства, какъ войскъ, такъ равно и флота. Сіе рѣшеніе мое неизмѣнно и да будетъ! Къ сему имѣю прибавить, что зная вашу доброту и революціонныя убѣжденія, разрѣшаю себѣ обратиться къ вамъ съ наипокорнѣйшей просьбой, къ каковой вынужденъ прибѣгнуть въ виду безвыходности положенія и послѣдней крайности. Симъ почтительнѣйше ходатайствую о присылкѣ мнѣ таковымъ же путемъ, какъ и сіе письмо, двухъ папиросъ и нѣсколькихъ спичекъ (по возможности, въ коробкѣ, дабы можно было зажечь), а равно и хлѣба (по возможности. бѣлаго), ибо казенный кандеръ имѣлъ третьяго дня и ближайшій буду имѣть завтра, и хотя въ писаніи сказано, что не единымъ хлѣбомъ будетъ живъ человѣкъ, но и таковой совершенно необходимъ для поддержанія бреннаго существованія. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Съ почтеніемъ невинно страждущій рядовой минной роты Василій Рябкинъ".

VI.

Только что смѣнился караулъ, и у двери моего карцера стоитъ новый, незнакомый мнѣ еще, часовой. Громаднаго роста, неуклюжій и добродушный. То и дѣло заглядываетъ ко мнѣ и смотритъ на меня, какъ на диковинку, какъ на какое-то чудо морское. Наконецъ, мы встрѣчаемся глазами. Онъ прильнулъ къ оконцу съ одной стороны, я съ другой. Молчаніе.

— Отчините двери, землякъ.

— Ни. Не можно.

— Ничего. Отчиняйте.

— Та-жъ, офицеръ побачитъ.

Ему и самому хочется поговорить со мной. Кабы не

офицеръ... Онъ чешетъ въ затылкѣ, и вдругъ начинаетъ возиться съ замкомъ. Долго не попадаетъ въ скважину, пыхтитъ, ругается и всетаки отворяетъ. Я выхожу на порогъ, и онъ опять разсматриваетъ меня съ любопытствомъ

— Ну, што? За бонбы?..

— А если за бомбы,—усмѣхнулся я въ отвѣтъ.

— Ось якъ... Дежурный по карауламъ сегодня намъ на разводѣ сказывалъ: глядите у номеръ девятый. Тамъ, говоритъ, унутренній врагъ сидитъ... Такъ вы, значитъ, это самое и будете, который унутренній врагъ?..

— Ну, да.

— Эге... А еще сказывалъ, что жиды да студенты бунтуютъ. Чи-жъ вы жидъ?

— Нѣтъ.

— Чи студентъ?..

— И не студентъ.

— Кто же вы такій будете?

— Кто?.. Внутренній врагъ...

Онъ, какъ будто, силится что-то понять. Таращитъ глаза, шевелитъ бровями и затѣмъ, подумавъ, говоритъ убѣжденно:

— Та-жъ то самое и офицеръ сказывалъ...

И, помолчавъ:

— Въ енерала бонбой бросали?

— Ну, пусть въ генерала.

— О!.. Можетъ, въ нашего?

— Нѣтъ.

— Шкода.

— Чего шкода?

— Што не въ нашего. Такой собака...

Онъ опять умолкаетъ.

— Эй, землякъ, какъ я вижу, то и вы, стало быть, тоже внутренній врагъ...

У него дѣлается обиженное лицо. Онъ даже не смотритъ на меня. Разсердился. Наконецъ, удостаиваетъ отвѣтомъ:

— Вы, извинить, брешете. Якій я внутренній врагъ? Я солдатъ, значитъ—воинскаго званія вѣрный слуга и защитникъ. А не врагъ. Вотъ...

И побѣдоносно оглядываетъ меня сверху внизъ...

— Да вѣдь вотъ вы хотѣли бы, чтобъ командира убили?

— Ну, и хотѣлъ бы.

— Бомбой?..

— Ну, и бонбой...

— Такъ какъ же вы не врагъ?..

— Э... Та я же вамъ говорю: собака... Такая собака, штобы вы знали...

Въ корридорѣ густо пахнетъ солдатскими щами. Вече-

рѣетъ. Сторожъ Егорка уже тащитъ изъ кухни котелъ съ казенной баландой и уже кричитъ издалека:

— Кан-деръ... Кан-деръ... Кандеръ...

— Ось, кандеръ несутъ. Зачинять надо. Только дозвольте спросить, что же вамъ за это будетъ?

— За что?

— За енерала.

— Георгія дадутъ.

— О?.. Опять брешете. Еоргія за подвигъ отечества даютъ. Если, напримѣръ, бунтъ, который усмирять, или што...

И опять презрительно мѣряетъ меня глазами.

— А вы усмиряли?..

— Мы?.. Усмиряли... Артиллерію...

— А евреевъ били?

— Жидовъ? Жидовъ били.

— И не стыдно?

Онъ удивленъ. Даже не понимаетъ вопроса.

— Чего ихъ жалѣть?.. Я жъ вамъ сказалъ: жиды.

— А Георгія получили?..

— Ни. Намъ по два бублика выдали.

Онъ вздыхаетъ, плюетъ тонкою струйкой на бокъ и сразу мѣняетъ тему, будто обиженъ за бублики:

— Васъ къ свиньямъ собачьимъ...

— Какъ?..

— Къ свиньямъ собачьимъ.

— То есть какъ?..

— Такъ что убьютъ. Безпремѣнно убьютъ васъ. Ну, и значитъ—къ свиньямъ собачьимъ.

И, помолчавъ, прибавляетъ совсѣмъ равнодушно:

— Ну, погуляли, землякъ. Заходьте теперь. Зачиню... Еоргій... Чего Еоргій?.. Къ свиньямъ собачьимъ, а не Еоргій...

Затворивъ двери, онъ уже болѣе не интересуется мною. Не подходитъ къ глазку. Очевидно, у него уже есть готовое, вполнѣ сложившееся обо мнѣ мнѣніе. Онъ только что-то бормочетъ себѣ подъ носъ и до меня урывками долетаетъ:

— Ось якъ... Еоргій... Брешетъ... Якій Еоргій... Ось...

А я остаюсь въ раздумьи:

— Пожалуй, и вправду къ свиньямъ собачьимъ...

VII.

Ночь. Тюрьма давно уже спитъ, и только въ концѣ коридора, у самыхъ моихъ дверей, слышенъ сдержанный шепотъ. Тамъ цѣлый клубъ. Двое часовыхъ и дневальный. Они говорятъ о себѣ, о своемъ, о житейскомъ, о мелкомъ.

— И-и-и, Боже ты мой милосердный,—какъ шмель, жужжитъ чей-то голосъ, — ни тебѣ поспать, ни тебѣ вздохнуть, ни тебѣ отдохнуть, ни тебѣ покурить... Вотъ такъ служба... Жить вовсе нельзя... Вотъ смѣнимся завтра, послѣ обѣда на пристрѣлку пойдемъ, а во вторникъ опять на караулъ... И за все замѣчанье, судомъ грозятся, норовятъ морду побить... Отчего, такой-сякой, рубахи не помылъ, отчего, такой-сякой, погонъ рваный?.. Да, Господи, когда же мнѣ рубаху мыть, либо погонъ зашивать?.. А кандеръ?.. Кандеръ завсегда съ червемъ. Вчерась дежурный по карауламъ взялъ пробу, выплюнулъ, говоритъ: кандеръ хорошъ... А потомъ какъ закричитъ: ты, хамъ, дармоѣдъ, дома что жралъ? Небось одну мякину лопалъ, а здѣсь тебѣ щи даютъ, кашу, хлѣба сколько хочется, а тебѣ все, дармоѣду, мало?.. О, Господи, Владыко праведный...

— Не скули,—прерываетъ его чей-то угрюмый басъ.— Чего скулишь? И безъ тебя тошно...

— О-охъ, грѣхи наши тяжкіе,—не унимается шепотъ,— призываетъ меня завѣдующій швальней. Будешь, говоритъ, на роту рубахи шить? Такъ точно, говорю, буду... И штаны? говоритъ. Такъ точно, и штаны... Ну, ступай, говоритъ... Дозвольте,—говорю, ваше благородіе,—какая цѣна?.. А цѣна что-жъ?.. Цѣна извѣстная: 7 копѣекъ рубаха, 12 копѣекъ— штаны... Цѣна?!. Ка-акъ онъ закричитъ: а машина у тебя есть?.. Никакъ нѣтъ, говорю, машины нѣтъ, потому какъ машина казенная... Ну, и цѣна, говоритъ, казенная... И пошелъ, говоритъ, вонъ... Это какъ?.. По-божьи?..

— Это у нихъ завсегда такъ,—зѣваетъ кто-то въ отвѣтъ. —Скоро-ли смѣна?

— Кого?..

— Смѣна, говорю, скоро?..

Кто-то крестится, кто-то опять зѣваетъ. Затѣмъ, по прежнему, жужжитъ шепотъ:

— Въ прошломъ годѣ, слышь, тутъ часовой на батареѣ стоялъ. Ну, стоялъ и стоялъ. Да и заснулъ... Спитъ. А дежурный по карауламъ уже тутъ, какъ тутъ. Змѣемъ вьется, посты повѣряетъ... Да... Подобрался это къ нему. Потянулъ за штыкъ, тянетъ. Однако, пустилъ. Проснется, молъ, штыкомъ

со сна ударитъ... Присѣлъ, значитъ, на корточки, вынялъ замокъ, въ карманъ положилъ, пошелъ. А часовой и проснись. Глядь—гдѣ замокъ? Нѣту. Что тутъ дѣлать?.. Побѣгъ сейчасъ на другой постъ. А тамъ часовой, гляди, тоже спитъ. Ну, вынялъ замокъ, къ винтовкѣ приставилъ, бѣгитъ обратно на постъ... Стоитъ... Ждетъ... А дежурный по карауламъ взялъ это унтеръ-офицера, идетъ... Что бы, значитъ, изловить и подъ судъ. Ну, часовой и кричитъ, какъ по закону. Кто ты тутъ?.. Молчитъ... Второй разъ, — кто ты тутъ?... Опять молчитъ... Въ третій разъ опять, — кто ты тутъ?.. А тотъ и отвѣтъ: врешь, говоритъ, такой-сякой, стрѣлить все равно не можешь... А часовой разъ-разъ,—прямо въ его... Да...

— Что-жъ, померъ офицеръ?

— Померъ. Часу не жилъ... Часовому ничего... Онъ по закону. Три раза окликалъ... Темно было... И унтеръ-офицеръ подтвердилъ даже...

— Да-а... А срокъ кончишь, домой придешь, дома чего? Какъ есть ничего тебѣ нѣту. Хоть ложись и помирай... Теперича, къ примѣру, вотъ у меня... Земли мало, семья большая, дома отецъ старикъ, братъ малолѣтній, баба, да дѣтей двое... Кто кормить будетъ?.. О-охъ, Мать Богородица Пречестная...

— Мал-чи,—вмѣшивается вдругъ третій съ сильнымъ грузинскимъ акцентомъ голосъ.—Нэ гавари... Слушай мине. Видишь винтовка?.. Зачѣмъ винтовка?.. Видишь солдатъ?.. Зачѣмъ солдатъ?.. Винтовка бросалъ. Солдатъ уходилъ. Совсѣмъ уходилъ... Домой. Понялъ?

— Куды пойдешь-то? Некуда-те идтить. Поймаютъ, подъ судъ... О Господи, Господи...

— Зачѣмъ падъ судъ? Нэ нада падъ судъ... Афицеръ прихадилъ—офицера рѣзалъ, генералъ прихадилъ—генерала рѣзалъ... Всѣхъ рѣзалъ... Нэ хачу солдатъ. Хочу домой. Самъ буду судъ дѣлать.

— Или вотъ тоже бонбой очень хорошо,—спокойно подтверждаетъ басъ, — всѣхъ собрать вмѣстѣ, р-разъ — и готово дѣло... И всего только.

Лязгаютъ ружья. Смѣна... Я засыпаю... И во снѣ мнѣ чудится громадный, въ косую сажень, солдатъ съ поднятой бомбой въ рукѣ... Р-разъ—и готово дѣло!..

VIII.

Въ тюрьмѣ сегодня событіе. Часовой Цыганокъ ночью, стоя у наружной стѣны, застрѣлилъ проходящаго человѣка. Ни съ того, ни съ сего. Зря. По инструкціи.

Теперь Цыганокъ у насъ въ смѣнѣ. Онъ оперся рукою о штыкъ и обстоятельно, съ сознаніемъ своей правоты, излагаетъ, какъ было дѣло:

— Только что я это въ смѣну вступилъ... Стою на посту. Ночь темная. Не видать. Чу... шаги... Взялъ винтовку на руку, жду... Кто идетъ? Не откликается. Молчитъ. Я еще разъ: кто идетъ? Опять ничего. Ну, тутъ я, Господи благослови, два раза... Въ грудь и подъ сердце попало... Должно, помретъ... Потому, какъ подъ самое сердце...

Его слушаютъ разводящій и часовые. Слушаютъ молча. Внимательно и серьезно.

— Тебѣ, Цыганокъ, награда будетъ,—говоритъ, наконецъ, разводящій...—Какъ ты по инструкціи...

— Я и самъ думаю. Потому что же? Велѣно стрѣлять въ случаѣ, ежели что... Може, онъ нападеніе дѣлалъ... Кто его знаетъ...

— Ефрейтора теперь получишь...

— Деньгами тоже дадутъ...

Цыганокъ сіяетъ. Доволенъ. Видимо, мысль о томъ, что онъ убилъ человѣка, мало тревожитъ его. Впереди—нашивки, благоволенье начальства, три рубля денегъ... И онъ улыбается во весь ротъ и глупо бормочетъ:

— Потому, какъ я по закону. Ежели которые иные зря... А я по закону.

И вдругъ:

— Тебѣ, дураку, не ефрейтора, а мало тебя вѣшать... Потому, можетъ быть, у него дѣти, и имъ нечего кушать...

Это—Шиффъ. Солдатъ телеграфнаго парка. Онъ сидитъ уже пятый мѣсяцъ... И каждый день, встрѣчаясь со мной, онъ хитро прищуриваетъ глаза и, скрывая подъ усами улыбку, бросаетъ на ходу:

— Доброе утро и соціалистическій вамъ привѣтъ!

Теперь онъ прильнулъ губами къ глазку своей двери и говоритъ быстро-быстро, волнуясь. И оттого, что онъ говоритъ въ глазокъ, его голосъ звучитъ громче, настойчивѣе и глуше.

— Странное дѣло... Идетъ себѣ человѣкъ, ничего не знаетъ, тихо, спокойно... И вотъ стоитъ себѣ такой дуракъ, телеграфный столбъ, такой Ѳома Цыганокъ... И этому чело-

вѣку отъ этого смерть... Почему? За что? Что онъ дѣлалъ? Что его дѣти дѣлали? Почему они не должны кушать? Развѣ человѣкъ три рубля стоитъ? Говори мнѣ, дуракъ, развѣ три рубля человѣкъ стоитъ?

Цыганокъ отъ неожиданности замираетъ на мѣстѣ. Онъ силится что-то сказать, возразить, доказать свою правоту, но только сопитъ и, наконецъ, съ трудомъ выговариваетъ—всего одно слово:

— Жидъ...

— Мало чего? Ну, пусть я жидъ... Ты слушай, дуракъ... Ефрейтора тебѣ будутъ давать, пива бутылку, на смотру его благородіе благодарить будетъ... Все равно, ты передъ Богомъ хамъ и подлецъ. Убилъ невиннаго человѣка, и мало тебя за это на висѣлицѣ вѣшать... Вотъ и все. Да.

Въ корридорѣ настаетъ тишина. Всѣ замолкаютъ какъ-то сразу, словно по уговору.

Первымъ приходитъ въ себя разводящій. Онъ смотритъ куда-то въ бокъ и говоритъ смущенно и осторожно:

— Ты, Цыганокъ, може, того... може, ты не того маленько...

— Чего не того? —прерываетъ его дневальный:—Вѣрно Шиффъ говоритъ: сволочь ты, Цыганокъ, и ничего больше!..

Онъ съ озлобленьемъ вскидываетъ винтовку на плечо и быстрыми шагами уходитъ къ себѣ на постъ,—къ моей двери.

Цыганокъ какъ бы оцѣпенѣлъ. Онъ не можетъ понять, въ чемъ дѣло, что такое случилось, почему вдругъ такая къ нему перемѣна. И онъ безпомощно поводитъ глазами и обращается то къ одному, то къ другому:

— Братцы, что-же это? Неужто дѣти остались?..

— Шестеро, говорятъ...

— О, Господи, Владыко, Спаситель милостивый...

Онъ растерянно умолкаетъ. Разставилъ ноги, опустилъ голову, и у глазъ его что-то мигаетъ. Не то рѣсницы дрожатъ.

— О, Господи, да неужто же я?—вдругъ вырывается у него —Что же это будетъ такое? Братцы? А?..

Разводящій угрюмо молчитъ и смотритъ теперь внизъ, на полъ.

— Да вѣдь я по закону... Что-жъ я? Какъ приказано...—почти кричитъ Цыганокъ...—Братцы... Ей-Богу...

Въ корридорѣ темнѣетъ. Егорка разноситъ лампы. А Цыганокъ все стоитъ въ той же позѣ. Разставилъ широко ноги, держитъ винтовку наперевѣсъ и все еще шепчетъ:

— Господи, по закону... Господи... Шесть человѣкъ дѣтей... Господи...

Опускается ночь.

IX.

Завтра судъ... Я не сплю... Я слышу молчаніе ночи. И это роднитъ меня съ волей. Тамъ за стѣной тоже ночь и тоже молчанье...

И вдругъ шепотъ, чуть внятный:

— Землячокъ... Слышь, землячокъ...

И опять:

— Зе-е-млячокъ...

Сквозь дверное оконце я вижу крѣпкіе, бѣлые зубы и русые молодые усы.

— Когда судъ-то?

— Завтра.

— Къ разстрѣлу, значитъ?

— Къ разстрѣлу.

— За правду?

— За землю и волю.

— Ахъ-ахъ-ахъ...

Кто-то качаетъ сочувственно головой. Кто-то тяжко вздыхаетъ.

— Такъ ты утекай!

— Какъ?

— Въ окно...

— А рѣшетка?

— Да-а... рѣшетка... вѣрно... рѣшетка...

И снова молчаніе. Только ружья бряцаютъ.

Я не вижу его, я даже не знаю, кто онъ. Знаю только, что часовой. И ничего больше.

— Слышь, я за тобой поставленъ слѣдить... Такъ я не буду... открою двери... Иди. Чего ты? Иди...

— Куда идти? На штыки?..

— На шты-ыки... стой. Обожди. Неужто погибнешь, какъ муха?.. За правду... Какъ же намъ быть-то?.. А?..

Онъ отошелъ теперь отъ дверей и шепчется съ кѣмъ-то. Долго, какъ бы убѣждая...

— Слышь... Обожди... Я пойду,—тутъ все наши стоятъ... Поспрошаю маленько. Може, и согласятся... Если, дастъ Богъ пропустятъ,—уйдешь...

Тихо. Ни звука. Даже шопотъ умолкъ...

Вотъ опять чьи-то шаги. Снова вздохъ и голосъ въ оконце:

— Землячокъ... Бѣда, землячокъ... Видно пострадать придется за правду... Спрашивалъ, нѣтъ ихъ согласу... Кото-

рые говорятъ: жена, дѣти... Да вѣдь, чай, и у тебя есть хозяйка?..

Я снова ложусь. А чей-то невидимый глазъ все еще смотритъ ко мнѣ: долго, упорно, съ любовью..

Завтра судъ...

Борисъ С.

ВЪ ГОРАХЪ.

Съ могучимъ грохотомъ и звономъ
Летитъ потокъ сѣдой,—
Звучитъ ущелье дикимъ стономъ
И бѣшеной грозой!

Зловѣщій блескъ зари багровой
Дрожитъ въ сѣдой волнѣ...
А надъ потокомъ—лѣсъ сосновый,
Весь въ бурѣ и въ огнѣ!

Н. Шрейтеръ.

КЪ ТИХОМУ ПРИСТАНИЩУ.

XX.

Оставшись одинъ, я разставилъ козла, уложилъ на нихъ доски и, бросивъ въ головы на свою постель пальто, легъ навзничь... Мнѣ было невыносимо грустно, обидно, больно за себя и за свою жизнь, настоящую и прошлую, въ которой среди горя и мрака только давнымъ давно, въ дѣтствѣ, проскальзывали, какъ свѣтлые лучи, воспоминанія о ласкахъ матери, отца, которые лежатъ теперь гдѣ-то далеко на родномъ кладбищѣ, не видя, не чувствуя, не зная, какой омутъ грязи, пороковъ, лжи, лицемѣрія окружаетъ ихъ „блуднаго" сына...

Въ кельѣ было тихо,—такъ тихо, какъ навѣрно бываетъ тихо подъ землею въ могилѣ... Да она, собственно, и была похожа на могильный каменный склепъ. Не одну, вѣроятно, сотню лѣтъ пережили эти толстыя, холодныя, молчаливыя стѣны... Какіе люди жили здѣсь? Какъ они жили?.. Что думали?.. Какія, можетъ быть, горячія молитвы возносились отсюда къ Богу?... Какія невидимыя другимъ слезы проливались здѣсь?..

Молодой человѣкъ что-то позамѣшкался и не шелъ... Между тѣмъ, стало помаленьку смеркаться. Какой-то мутный свѣтъ сквозь двойныя рамы съ замерзшими стеклами необыкновенно грустно, какъ-то робко, проникалъ въ келью, точно боясь нарушить ея могильную страшную тишину...

Мнѣ стало жутко... Я поднялся съ койки и прошелся по кельѣ отъ стола до двери. Старыя, сѣрыя, замѣтно выбитыя каблуками половицы вздрагивали, и одна изъ нихъ, какъ-то странно нарушая тишину, жалобно скрипѣла каждый разъ, какъ я наступалъ на нее...

Въ кельѣ становилось все темнѣе и темнѣе... Декабрьскія

печальныя, холодныя сумерки, ведущія за собой долгую, темную, страшную ночь, тихо ползли, какъ черныя змѣи въ окно кельи, пугая и нагоняя мнѣ на душу тупую скорбь...

— Зачѣмъ я здѣсь?—спросилъ я какъ-то неожиданно вслухъ самъ себя, остановившись посреди кельи... Спросилъ и испугался: до того страненъ и глухъ показался мнѣ звукъ собственнаго голоса. Точно это сказалъ не я, а кто-то другой крикнулъ откуда-то изъ-подъ земли глухо и страшно.

— Спасите! — опять неожиданно, чувствуя леденящій ужасъ, громко крикнулъ я.

— Спасите! -- глухо раздалось въ кельѣ и моментально смолкло, и стало еще тише...

Я не вытерпѣлъ и тихо заплакалъ... Передо мной проходила моя жизнь, и мнѣ до боли было жаль этой загубленной жизни, самого себя и людей, жаль, что я теперь одинъ въ этомъ мѣшкѣ, далекій отъ всего родного, забытый, никому ненужный, полуголодный, обтрепавшійся, съ разбитымъ сердцемъ, чего-то ищущій, къ чему-то стремящійся, но ничего, кромѣ подлости, ненависти, насмѣшекъ, лжи, грязи не находящій, нищій!..

Я отворилъ дверь и заглянулъ въ корридоръ. Въ корридорѣ было почти совсѣмъ темно и такъ же тихо печально, какъ въ кельѣ... Только гдѣ-то въ углу капала изъ умывальника вода, рѣдко и глухо ударяясь о дно таза. Я захлопнулъ дверь и опять легъ на свою койку, уткнувшись лицомъ въ пальто и заткнувъ пальцами уши, стараясь всѣми силами сдержать душившія меня рыданія и успокоить не въ мѣру и не у мѣста разыгравшіеся нервы...

XXI.

Совсѣмъ почти смерклось, когда, наконецъ, пришелъ молодой человѣкъ и принесъ съ собой чѣмъ-то наполненный большой и, повидимому, тяжелый мѣшокъ.

— Вы что же это,—спросилъ онъ, положивъ его на полъ около лежанки,—въ потьмахъ-то сидите? Надо лампу зажечь... А я,—продолжалъ онъ,--земляка встрѣтилъ... разговорились... Оттого и не приходилъ долго.

Все это онъ говорилъ какъ-то весело, совсѣмъ по другому, чѣмъ давеча, и лицо его стало радушнѣе и лучше... Я смотрѣлъ на него, и онъ, догадавшись, что я замѣтилъ въ немъ эту перемѣну и точно угадавъ мои мысли, улыбнувшись, сказалъ.

— Ничего...какъ-нибудь проживемъ.. Вы, небось, и вправду подумали, какъ я вамъ давеча сказалъ, что не люблю бол-

тать и т. д.... Вздоръ это... Я это потому сказалъ, что думалъ, вы уже тертый калачъ, жившій по монастырямъ... А вы, оказывается, въ первый разъ... Это хорошо... Я вѣдь знаю этихъ бѣгуновъ-то.. насмотрѣлся.. да и самъ такой... Противный народъ... особенно изъ нашего брата, изъ кутейниковъ... Назойливые... попрошайки... то дай, другое дай... Я самъ кутейникъ, а не люблю ихъ...

— А какъ же вы давеча говорили совсѣмъ другое?— спросилъ я.

Онъ засмѣялся, ничего не отвѣтилъ и сталъ готовить лампочку.

— Чайку бы попить, сказалъ онъ, зажигая ее и ставя на столъ.—Воды вотъ только гдѣ бы добыть?.. Ну, да это я раздобуду,—продолжалъ онъ.—Нате-ка самоваръ, потрите его тряпкой... Да что вы какой?—спросилъ онъ, вдругъ пристально посмотрѣвъ на меня,—вотъ сейчасъ и видно, что въ первый разъ... А мнѣ такъ отлично.. Я въ свою сферу попалъ.. какъ рыба въ водѣ.. Вѣдь я давеча „владыкѣ-то",—съ ироніей въ голосѣ подчеркнулъ онъ слово „владыкѣ то",—совралъ, что только у Николы на Угрѣши жилъ... Ха, на Угрѣши!.. Да я этихъ Угрѣшь-то перемѣнилъ штукъ десятокъ!.. Погодите, я вамъ поразскажу послѣ, посвящу во всѣ тайны... Инока изъ васъ вотъ какого устрою—барышни будутъ влюбляться!.. Гдѣ кувшинъ-то? Давайте!.. Иду за водой...

Онъ сбросилъ съ себя пальто, взялъ подрясникъ, встряхнулъ его, улыбнулся и, надѣвая, сказалъ:

— „Вѣнчается рабъ Божій Степанъ рабѣ Божіей Аксиньѣ, во имя отца и сына и святаго духа!.."

Потомъ надѣлъ на голову „колпакъ" и сказалъ:

— „Вѣнчается раба Божія Аксинья рабу Божьему Степану, во имя отца и сына и святаго Духа!"

Продѣлавъ это, онъ взялъ кувшинъ и, хлопая длинными, засаленными полами подрясника по икрамъ ногъ, скрылся за дверь.

Я кое-какъ, на скорую руку, протеръ самоваръ, и поставилъ его на лежанку въ уголъ, гдѣ въ печкѣ была устроена отдушина, въ которую, какъ я понялъ, наставлялась самоварная труба, и, сдѣлавъ это, сталъ ждать возвращенія заинтересовавшаго меня своимъ превращеніемъ молодого человѣка.

Онъ ходилъ недолго и возвратился, неся съ собой кувшинъ воды, корзиночку угольевъ, лучины и небольшую прожженную насквозь самоварную трубу.

— Разводите самоваръ,—сказалъ онъ, ставя кувшинъ и другія вещи у порога,—а я другимъ дѣломъ займусь... Раз-

беру свое приданое... Пока поспѣваетъ самоваръ, можетъ быть, и у меня кое-что поспѣетъ...

Онъ взялъ свой мѣшокъ, положилъ его на койку и началъ развязывать закрученный сверху веревочкой узелъ. Это ему не давалось. Тогда онъ, видимо обозлившись, началъ растаскивать его зубами и сталъ похожъ на собаку, грызущую кость...

Развязавъ, наконецъ, узелъ, онъ открылъ мѣшокъ и началъ выгружать изъ него, къ крайнему моему удивленію, книги...

Я управился съ самоваромъ и, заинтересовавшись, подошелъ и сталъ разглядывать эти книги.

Ихъ было много, разныхъ размѣровъ: маленькія, большія, тоненькія и толстыя. Между ними попадались какіе-то „листки", „поученія" и, между прочимъ, два №№ „Домашней бесѣды"... Книжки были исключительно „божественныя", „Житія святыхъ", „Разсказы про Аѳонъ", „Описаніе монастырей", „О блудѣ", „О пьянствѣ", „Какъ спастись", „Что есть инокъ" и т. д. и т. д....

— Неужели вы всю эту благодать на себѣ таскали?—спросилъ я.

— На себѣ,—отвѣтилъ онъ,—а что?..

— Зачѣмъ?..

— Зачѣмъ?.. Гм!.. Надо, милый братецъ, надо... такъ надо... тружусь... плоть умерщвляю, — улыбнувшись, подмигнувъ глазомъ, съ ироніей добавилъ онъ и, вынувъ еще какую-то книжонку, весело проговорилъ:—У насъ вѣдь въ мѣшкѣ-то не одно божественное... есть и еще кое-что... Заприте-ка дверь то... Да окно завѣсьте, вонъ хоть подрясникомъ, что ли...

— Зачѣмъ?—удивился я.

— Зачѣмъ, зачѣмъ!—передразнилъ онъ меня,—затѣмъ, что надо... Не увидали бы... вотъ зачѣмъ... Знаю я порядки то... Любопытство у этихъ отцовъ-прохвостіевъ пуще бабьяго... Я удивляюсь, какъ еще не идетъ никто?.. Должно быть, не знаютъ... не пронюхали... Ну ихъ къ чорту! Заприте, пожалуйста.

Я исполнилъ его желаніе и заперъ дверь.

— Такъ-то лучше,—сказалъ онъ, наблюдая за мной,—не видятъ—не брешутъ... Какъ самоваръ-то?.. Скоро?.. Шумитъ?.. Ну и отлично!.. Передъ чайкомъ-то мы того...

Онъ засмѣялся и вынулъ изъ мѣшка бутылку водки.

— Вотъ она, святыня-то. Мы ее пока въ уголокъ, матушку, поставимъ... вотъ сюда... А вотъ и закусочка,—продолжалъ онъ, доставая изъ мѣшка фунтъ колбасы, баранокъ, коробочку съ капчушками,—хорошо, а?..

Онъ прищурилъ глазъ и лукаво. съ улыбкой на тонкихъ губахъ, посмотрѣлъ на меня.

— Не худо,—отвѣтилъ я, тоже усмѣхаясь.—По монастырски.

— Не удивляйся сему странному зраку и не ужасайся,—сказалъ онъ и спросилъ, взглянувъ на самоваръ,—скоро?..

— Готовъ!—отвѣтилъ я.

— Тащи его за уши на столъ.

XXII.

Мы сѣли къ столу. Онъ на табуреткѣ, а я на койкѣ... Самоваръ бурлилъ, выпуская паръ, разстилавшійся по кельѣ... Лампочка горѣла плохо, какъ-то мигала, и отъ нея шелъ противный запахъ керосина... Поверхность стола была загаженная, неопрятная, съ жирными пятнами, очевидно, никогда не мывшаяся и издававшая особенный отвратительный запахъ...

— Пьешь?—спросилъ онъ, наливая въ чайную чашку водки и переходя съ „вы" на „ты".—Ну, конечно... Цопъ!..

Онъ выпилъ и постучалъ ладонью себя по головѣ.

— Нашъ Евсей пьетъ по всей!—сказалъ онъ и налилъ еще.

— Пей!.. Тебя какъ звать?—продолжалъ онъ, разрѣзывая перочиннымъ ножомъ колбасу на тоненькіе кружочки.—Тутъ вѣдь въ монастырѣ „выкать" не полагается... Здѣсь на ты... Меня зовутъ Степаномъ, фамилія Клеоповъ... самая кутейная: Кле-о-повъ!.. Чудно вѣдь, а?.. Помнишь: шли въ Еммаусъ Лука и Клеопа... Въ Московской консисторіи у меня родственникъ служитъ, тоже Клеоповъ... ей-Богу!.. Коли придется когда быть по дѣлу, не миновать его... онъ прошенія строчитъ... обдеретъ, особенно коли увидитъ, что дуракъ пришелъ... Ѣшь колбасу-то... не стѣсняйся... Ну-ка, еще!..

Онъ налилъ еще полъ-чашки и, морщась, выпилъ.

— Вотъ теперь такъ... отошло... Хо-о-о-рошо!.. Тебѣ налить?

— Наливай,—отвѣтилъ я, чувствуя, что въ головѣ начинаетъ мутить, а сердце усиленно биться,—зачѣмъ добру пропадать...

— Съ новосельемъ, а?—сказалъ онъ, наливая и прищурившись глядя на меня.—А ты,—продолжалъ онъ,—здѣсь долго не проживешь... сбѣжишь...

— Почему?..

— Да такъ... я уже вижу... ничего ты не знаешь.. Тутъ вѣдь что?.. Тутъ вѣдь надо быть мудрымъ, какъ змій, и крот-

кимъ, какъ голубь... угодить всѣмъ нужно... выдѣлиться чѣмъ-нибудь... свое *я* выставить, чтобы его признавали, а то, братъ, будешь только рабочая лошадь, и каждый на тебѣ ѣздить будетъ... Здѣсь вѣдь, да и вообще по монастырямъ, я знаю, какіе порядки, и кто здѣсь, собственно, живетъ?.. Во-первыхъ, здѣсь каждый хочетъ быть „хозяйчикомъ" т. е. хоть надъ чѣмъ-нибудь, хоть надъ отхожими мѣстами да показать свое: „я здѣсь хозяинъ"... И, боже мой, сколько тутъ хозяевъ... Игуменъ, казначей, келарь, экономъ, нарядчикъ, помощникъ нарядчика, рухальный, квасникъ, садовникъ, гостинникъ, главный конюхъ, лѣсникъ, рыбакъ, прачечникъ, рукавишникъ и т. д., и т. д. ихъ же имена Ты, Господи, вѣси!.. Все это, такъ или иначе, начальство или вообще люди, которые чувствуютъ себя на мѣстѣ... Все же остальное—рабочая сила, лошади, хламъ. Къ числу коихъ будешь принадлежать и ты...

— Да я и хочу,—сказалъ я,—быть этой „рабочей силой", а не какимъ-нибудь „хозяйчикомъ"...

— Ну, конечно, конечно, — съ насмѣшкой заговорилъ Клеоповъ, — мы спастись хотимъ... мы „святъ мужъ", мы „неоскверншійся съ женою", мы „иже во святыхъ отецъ нашихъ"... Ха, спастись!.. „Аще хощешь душу свою спасти, погубишь ю"... Погубишь именно здѣсь... Здѣсь не люди... Людей здѣсь нѣтъ... здѣсь какія-то старыя протоптанныя подошвы, а не люди, ей-Богу!..

— Такъ зачѣмъ же ты поступилъ сюда?

— Зачѣмъ!?. А за тѣмъ, что я больше никуда не годенъ... Ни-куда! трубы мной затыкать только... Работать я ничего не могу да и не стану... ненавижу работу!.. Способностей нѣтъ... Отовсюду меня гнали... Изъ семинаріи прогнали, въ телеграфисты поступилъ,—прогнали... Нигдѣ не годенъ... Да и больной я: у меня падучая, и пьяница я, и развратникъ, и... и, однимъ словомъ, мнѣ или въ омутъ, или въ монастырь...

— Если ты нигдѣ не годенъ,—сказалъ я,—то и здѣсь вѣдь тоже будешь негоденъ...

— Ну, здѣсь сойдетъ.

— Да вѣдь жилъ уже по монастырямъ, самъ говорилъ... Тоже гнали?..

— Нѣтъ... самъ уходилъ...

— Зачѣмъ?

— Ищу, гдѣ лучше.

— Чего?..

— Жизнь... т. е. харчи, водка, дѣвки, доходъ, ничего не дѣлать и быть кѣмъ-нибудь.

— Да кѣмъ же... игуменомъ, что-ли?..

— Ну, какъ тебѣ сказать: сначала, ну, хоть тар-

тюфчикомъ... не настоящимъ тартюфомъ, а такъ хоть покамѣстъ маленькимъ тартюфчикомъ.. Я теперь вотъ начну молиться... для виду, понятное дѣло... спать на голыхъ доскахъ... читать божественное, смирюсь... всякому: „благословите, отецъ"... „какъ ваше святое имя... Въ церковь буду ходить усердно... а тамъ... а тамъ, почемъ знать, можетъ и выплыву... Лѣтомъ можно землянку вырыть гдѣ-нибудь... тамъ спасаться... бабы, глядишь, ходить начнутъ... подаяніе.. Стоитъ вѣдь только мало-мальски хвостъ-то завязить, а тамъ и пойдетъ... Вшей на себя напущу... волосищами обросту... босикомъ ходить буду... Ну, однимъ словомъ, смирюсь, а тамъ послѣ наверстаю...

— А ты уже пробовалъ эдакія штуки-то продѣлывать?— спросилъ я, глядя на него съ нѣкоторымъ страхомъ. Лицо его отъ выпитой водки и вообще отъ сильнаго возбужденія сдѣлалось какое-то звѣриное, страшное, бѣлое, какъ бумага, съ посинѣвшими, трясущимися губами, съ оловянными, тупыми, холодными глазами.

— Пробовалъ,—проговорилъ онъ и скрипнулъ зубами.— Пробовалъ... сорвалось!..

— Ну и теперь сорвется,—сказалъ я.

Онъ помолчалъ, налилъ чаю и сказалъ:

— Увидимъ... не думаю... Надоѣло мнѣ шляться, надоѣло... Я вѣдь гдѣ только не былъ и гдѣ не жилъ!..

Онъ опять помолчалъ, закурилъ согнутую, помятую, такъ называемую „этапную" папироску и воскликнулъ:

— А главное, ходить страшно, вотъ именно теперь, зимой!.. О-о-о, какая это штука!.. Да вотъ въ такомъ-то костюмѣ, какъ мой: въ шляпѣ и брюки на выпускъ... Мука... ей-Богу... Я бы могъ, конечно, въ подрясникѣ вотъ таковскомъ путешествовать, да дѣло въ томъ, что рѣдко примутъ въ монастырь въ такомъ-то костюмѣ... сразу вѣдь видно, что за птица прилетѣла... Ну и стараешься одѣться хоть и плоховато, а всетаки, какъ говорится, „прилично"... Игуменъ, вонъ, скотина, надъ шляпой смѣется... дубина... мужикъ!.. Эта шляпа-то мнѣ доступъ дѣлаетъ заходить къ помѣщикамъ, къ попамъ и вообще къ людямъ, такъ сказать, понимающимъ... Но за-то,—продолжалъ онъ, бросивъ плохо дымившуюся папироску и закуривая другую,—среди этихъ, какъ ихъ величаютъ, „мужичковъ"-то православныхъ, будь они прокляты, смерть!.. О-о-о!—злобно воскликнулъ онъ и опять скрипнулъ зубами,—что можетъ быть подлѣе, отвратительнѣе, нахальнѣе нашего одурѣлаго, отупѣлаго, оскотинившагося, дикаго „мужичка"?.. Медвѣди! Черти!.. Тьфу!.. Сколько я вынесъ насмѣшекъ по поводу шляпы и брюкъ на выпускъ... Какими только кличками не крестили меня! А

бабы?.. А мальчишки?.. О-о-о!.. Идешь деревней, а на тебя какъ на диво глазѣютъ... Да диво и есть... Для нихъ потѣха... спектакль... „Дикой баринъ идетъ!“ „А-а-а, дикой баринъ! Строганныя ляжки... па-а-а-жалте!.. Бѣлка, Шарикъ. Борзой, втюзы его!.. втюзы его!“ А на ночлегъ, когда по всей деревнѣ, да въ праздничный день, съ одного конца на другой поведетъ десятскій... Вотъ мука-то!.. Идетъ подлецъ потихоньку, ему занятіе, потѣха, а ты готовъ сквозь землю провалиться.. Останавливается... разговариваетъ... Дѣвки тутъ гуляютъ, парни... мимо нихъ поведетъ... Ну, конечно, своей особой привлекаешь общее вниманіе... остроты начинаются... разборъ фигуры, критикованіе костюма, насмѣшки, злоба какая-то... „Гдѣ ты такого взялъ?“ „Да вотъ пришелъ... ночевать“... „Глядико-сь, въ шляпѣ... ба-а-а-ринъ... хо, хо, хо! Пропился, знать.. убёгъ... Эй ты, стрюкъ, какъ тебя.. гдѣ шляпу-то упёръ?“ и т. д. и т. д.

— Да,—продолжалъ онъ, опять помолчавъ и что-то подумавъ,—ненавидитъ нашъ „православный мужичекъ“ всё то, что, такъ сказать, имѣетъ форму, похожую, по его понятію, на „барина“, и умѣетъ допечь этого барина, коли видитъ, что онъ безсиленъ, обѣднѣлъ, опустился, не можетъ крикнуть на него цыцъ...

— Да вѣдь причинъ-то для этого много, — сказалъ я,— есть за что и ненавидѣть... Баринъ тоже въ долгу не оставался... Любить-то не за что...

— Ну да, конечно,—согласился онъ,—ты по своему судишь... свой братъ... Да лежачаго-то бить зачѣмъ?..

— А мужика не били?

— Да его и надо, скотину, бить... а то нако: „мужичокъ“, „бѣдный“, „мужичекъ“ такой, сякой, немазанный... „Антонъ горемыка“... А по моему, сволочь дикая это и больше ничего!.. Налить, что ли, еще водочки, а?..

— Наливай себѣ... мнѣ не надо,—сказалъ я.

— Разсердился?..

Я промолчалъ и, чувствуя къ этому человѣку всё больше и больше поднимавшуюся злобу, поднялся съ мѣста и, закуривъ, легъ на свою койку.

— Поѣла свинья, да и на бокъ, — сказалъ онъ, кривя губы,—и спасибо не сказалъ... Сейчасъ видно, что человѣкъ въ скотопригонномъ институтѣ курсъ кончилъ...

Онъ налилъ въ чашку водки, выпилъ, закусилъ колбасой и, посидѣвъ минуты двѣ молча, что-то думая, установившись глазами въ полъ и низко опустивъ голову, поднялся и началъ ходить отъ стола къ двери по узкому проходу между коекъ, задѣвая полами подрясника то за мою койку, то за свою и скребя сапогами по полу, отчего жа-

злобно скрипѣла половица и по временамъ вспрыгивалъ въ лампочкѣ огонекъ, точно собираясь выскочить и улетѣть...

— Спать? — вдругъ спросилъ онъ, остановившись. — Ты вотъ что,—видя, что я молчу, заговорилъ онъ,—убери мою водку... положи подъ голову къ себѣ... не давай мнѣ... убери... на!

Онъ взялъ бутылку съ оставшейся водкой и подалъ мнѣ.

— Убери, не давай!..

Зачѣмъ?..

— Убери, убери... а я—спать... пить мнѣ не давай... будетъ... Я... не-е-могу...

Я посмотрѣлъ на него —и опять испугался; до того лицо у него было отвратительное, злобное, отталкивающее...

— Я,—продолжалъ онъ, начиная плохо ворочать языкомъ,—пьяный не-е-хорошъ... я... зарѣжу... ножемъ... я... о-о-о!..

Онъ вдругъ,—точно щенокъ затявкалъ,—какъ-то неожиданно дико и страшно заплакалъ.

Я съ испугомъ вскочилъ и, схватя его въ охапку, повалилъ на свою койку.

Онъ захрипѣлъ и началъ биться съ пѣной у рта, дергая ногами, точно зарѣзанный пѣтухъ, дѣлающій въ предсмертной агоніи послѣднее движеніе.

— Падучая!—съ ужасомъ подумалъ я, — что же теперь дѣлать?

Я чувствовалъ, какъ меня бьетъ лихорадка... какъ трясутся мои руки, и ужасъ или что-то страшнѣе ужаса наполняетъ душу...

Въ страхѣ, не зная что дѣлать, боясь взглянуть на его исказившееся, посинѣвшее съ пѣной у рта лицо, я схватилъ съ лежанки подрясникъ и накрылъ ему голову.

Онъ какъ-то сразу стихъ...

Я потихоньку поднялъ подрясникъ и посмотрѣлъ ему въ лицо, боясь—не умеръ ли онъ.

Лицо было темносинее, глаза закрыты... Онъ спалъ, рѣдко и съ трудомъ открывая и медленно закрывая ротъ, и былъ похожъ на пойманнаго въ рѣкѣ и засыпающаго на берегу большого сома.

Я опять прикрылъ его и, убавя въ лампочкѣ огня, прилегъ на его койку, всё еще чувствуя, что весь трясусь, и что вотъ-вотъ начну плакать...

XXIII

Прошло часа два... Я дрожалъ, слыша сквозь дремоту. какъ дышетъ и сопитъ носомъ мой будущій и, по правдѣ сказать, непріятный для меня сожитель...

Въ кельѣ, помимо его дыханья, стояла мертвая, пугающая тишина...

Стоявшая на столѣ лампочка чуть горѣла, освѣщая только поверхность стола, край койки, часть подоконника, а во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ кельи, по угламъ наверху и внизу была тьма, и я съ разстроенными нервами боялся глядѣть въ эти темные углы. Мнѣ чудилось, что тамъ стоятъ черныя въ длинныхъ мантіяхъ фигуры давно умершихъ и жившихъ въ этой кельѣ старцевъ, которые смотрятъ на меня суровыми, презрительными, осуждающими глазами и шевелятъ своими тонкими, высохшими губами неслышныя, но понятныя мнѣ слова:

— „Зачѣмъ ты здѣсь?.. Зачѣмъ ты здѣсь?..“

Кто-то точно вдругъ ударилъ меня по головѣ... Я проснулся, открылъ глаза и сразу закрылъ отъ той картины, которую увидалъ.

Сосѣдъ мой сидѣлъ на койкѣ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, и спалъ съ открытыми глазами. Глаза эти глядѣли прямо на меня, не видя меня, съ какимъ-то особенно невыразимо-страшнымъ выраженіемъ.

— Что ты?—спросилъ я, думая, что онъ не спитъ, и еще больше испугался отъ звука своего собственнаго, странно поразившаго тишину кельи, голоса.

Онъ молчалъ... Я потихоньку, чувствуя леденящій ужасъ, спустился съ койки и прибавилъ въ лампѣ огня.

— Что ты?—снова спросилъ я и дотронулся до его плеча рукой. Онъ молчалъ... Лицо его было блѣдно... Углы губъ спущены, и съ нихъ свисла запекшаяся пѣна...

Отъ страха я началъ трясти его за плечи, повторяя:

— Что ты? Что ты? Что ты?!..

Онъ, какъ тетеревъ на току, заболталъ что-то языкомъ, съ какимъ-то особеннымъ бульканьемъ въ глоткѣ, точно кто полоскалъ бутылку, и вдругъ, соскочивъ съ койки, растопырилъ руки, словно играющій въ жмурки, и побѣжалъ къ двери, громко крича:

— Мамаша! Мамаша! Мамаша!..

Наткнувшись на стѣну, онъ началъ шарить по ней руками, точно стараясь поймать кого-то, и повторялъ:

— Мамаша! Мамаша! Мамаша!...

Я бросился къ нему и, схвативъ сзади въ охапку, потащилъ и посадилъ на койку... Онъ проснулся, долго (очевидно, не понимая, гдѣ находится), глядѣлъ на меня, моргая глазами, потомъ сказалъ: „ты что, а?“—повалился внизъ лицомъ и сейчасъ же уснулъ снова...

Я опять легъ. Но спать уже больше не могъ... Сонъ прошелъ совсѣмъ, и снова гнетущія, тяжелыя мысли начали терзать меня, нагоняя на сердце мучительную скорбь...

Времени, по моему разсчету, было немного: часъ второй пополуночи... Что же дѣлать и какъ провести другую, болѣе долгую часть этой ужасной, мучительно-безконечной ночи?..

Я всталъ, поднялъ изъ груды валявшихся на полу книжекъ первую попавшуюся подъ руку и, усѣвшись на табуретку къ столу, сталъ читать.

„На утро слѣдующаго дня,—читалъ я крупную на сѣрой мятой бумагѣ печать,—Діоклитіанъ сѣлъ на судилище и, призвавъ къ себѣ св. Георгія, началъ ласково говорить съ нимъ, удерживая гнѣвъ: „не видишь ли ты, Георгій, какъ я человѣколюбивъ и милостивъ къ тебѣ, что до сихъ поръ терплю тебя“ и т. д., и т. д.

Я перевернулъ листы и прочелъ заглавіе книжки съ начала до конца, какъ Чичиковъ афишку: „Житіе, страданія и чудеса св. Георгія великомученика и побѣдоносца (Съ изображеніемъ). Составлено по Четьи-Минеѣ. Москва. Въ университетской типографіи. (М. Катковъ). На Страстномъ бульварѣ. 1879 г.“... Я закрылъ книжку и, тоскуя и не зная, какъ отвязаться отъ тоски, снова легъ на койку,—не съ тѣмъ, чтобы спать, а просто полежать и подумать. Долго ли я лежалъ такъ—не знаю. Время для меня не существовало. Мнѣ только казалось, что оно тянется безконечно долго,—какъ вдругъ совершенно неожиданно въ дверь кельи изъ корридора постучали, и вслѣдъ за этимъ стукомъ раздался въ замочную дырку голосъ, часто и немного въ носъ говорившій: „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ!“

— Аминь!—радостно отозвался я и, соскочивъ съ койки, отперъ дверь.

Въ келью вошелъ молодой, прихрамывающій на лѣвую ногу, румяный (отъ мороза) послушникъ и, окинувъ какъ-то подозрительно глазами всю келью и нюхая воздухъ, сказалъ, обращаясь ко мнѣ съ улыбкой на тонкихъ губахъ и скаля желтые большіе зубы:

— Картошку чистить ступайте... На трапезну... Что жъ ты это не спишь-то?—задалъ онъ вопросъ, подходя къ столу и глядя на оставшуюся не прибранной колбасу. — Ишь ты, продолжалъ онъ, — какъ живете, по господски... Колбаса... Хы!.. А энтотъ-то что-жъ спитъ? — показалъ онъ на Клеопова, — аль напился здорово? Водкой-то какъ у васъ тутъ пахнетъ—страсть!.. Хы!.. У васъ дѣвки нѣтъ ли тутъ, а?.. По первому разу, а ужъ за водку... Не боитесь? Гдѣ жили-то допрежь... въ какомъ монастырѣ?.. — И, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—Буди пріятеля-то... картошку чистить пойдемте...

— Онъ боленъ,—сказалъ я,—нечего его и будить...

— О-о-о!.. Ну, ладно, мнѣ все едино: пущай спитъ... Мнѣ велѣли сходить за вами, я и пошелъ... Одѣвайся... Ты одѣвайся теплѣе,—продолжалъ онъ, глядя, какъ я надѣваю подрясникъ и подпоясываюсь ремнемъ, — на дворѣ морозно страсть. Рукавицъ то у тебя нѣтъ? Не дали? Холодно безъ рукавицъ-то... А подъ утро, гляди, еще лютѣе будетъ...

— А теперь сколько времени?—спросилъ я.

— Третій въ началѣ, — отвѣтилъ онъ и, немного помолчавъ и глядя на меня, потихоньку и словно конфузясь, спросилъ:

— А что, рабъ Божій, водочки у васъ не осталось?.. Глотнуть бы чутокъ, а?..

— Нѣтъ, не осталось,—сказалъ я,—какая водка!..

— Ну, колбаски дай кусочекъ,—какъ то жалобно, точно ребенокъ конфетку, попросилъ онъ.

Мнѣ стало и смѣшно, и жалко его; налилъ ему немножко въ чашку водки и отрѣзалъ колбасы.

Онъ взялъ у меня изъ рукъ чашку правой, сильно трясущейся отъ волненія, рукой и сталъ какъ то медленно, противно „сосать“ водку, словно черезъ соломенку, чмокая губами и закрывъ, вѣроятно, отъ сильнаго удовольствія, глаза...

— Спаси Христосъ, — произнесъ онъ, выпивъ и принимаясь за колбасу. — Хо-о-о-рошо! Спаси Христосъ! Этимъ только и дышемъ... пра, ей-Богу! Выпьешь — другой человѣкъ... а то помирать надо, рабъ Божій, ей-Богу... Скука! Работа, а денегъ нѣтъ... Вотъ кабы деньги... Эхъ!.. Сюда на ночь въ келью бабу можно... Ей-Богу! Нѣмая ходитъ изъ села, водку носитъ... Дешево беретъ... Сколько угодно... У нашего Гааза нѣтъ отказа... ей-Богу...

— Пойдемъ!—сказалъ я.

— Погоди... Не торопись прежде отца въ петлю... Успѣемъ. Покурю, вотъ, погоди...

Онъ сѣлъ на край койки, вытянулъ ноги, досталъ изъ

кармана подрясника небольшой мѣшечекъ-кисетъ, свернулъ „крючекъ“ и, закуривъ его отъ лампы, опять сѣлъ.

— А ты пѣвчій?—спросилъ онъ, сплевывая какъ-то особенно противно, по фабричному, сквозь зубы, „цыкая“ на полъ, пѣть умѣешь?..

— Пѣть не умѣю,—отвѣтилъ я, чувствуя къ нему сразу явившееся отвращеніе. — Вотъ онъ пѣвчій, — кивнулъ я на спящаго Клеопова.

— Ишь ты,—произнесъ послушникъ.—Гы! Ишь ты!.. Ему хорошо... На работу гонять не будутъ... Деньги у васъ, должно быть, есть, а?.. Водку пьете,—какъ, чай, не быть?.. Хорошо съ деньгами-то!.. Одежу то свою продавать, небось, станешь?.. Давай я продамъ!..

— Какую одежу?..

— Свою... вонъ пальто, шапку, сапоги... Чудакъ,—деньги дадуть... Здѣсь готовая, монастырская... Всѣ продаютъ...

— Какъ же такъ?—удивился я.—А если мнѣ уйти придется... если я не стану здѣсь жить?..

— Эка штука!.. Нукштожъ!.. Дадутъ, голаго не пустятъ... Подрясникъ дадутъ... все!.. Знамо, ужъ не безъ ругани... Наплевать, пущай ругаютъ... Ругай, не ругай, а ничего не попишешь... Я-бъ тебѣ продалъ... Я знаю, кому... И цѣну возьму... Ты, смотри, самъ то вновѣ, наскочишь... Ну, знамо, мнѣ за хлопоты... Дорого не возьму... всего за половинку...

— Пойдемъ!—опять сказалъ я.

Онъ бросилъ окурокъ, поднялся съ мѣста и, потянувшись, сказалъ:

— Нну-у, пойдемъ!.. Еще бы выпить, а?.. Осталось... Я поутру раздобылъ бы опохмѣлиться-то, а?..

Я молча убавилъ въ лампѣ огня, убралъ бутылку съ оставшейся водкой и, взявъ колпакъ, опять сказалъ:

— Пойдемъ?..

— Пойдемъ, — нехотя повторилъ онъ, поглядѣвъ на то мѣсто, куда я поставилъ бутылку,—дверь-то запрешь?..

— А что?..

— Да такъ, молъ... проснется товарищъ-то... захочетъ до вѣтру... анъ заперто!..

— Ничего, — отвѣтилъ я, выходя вслѣдъ за нимъ изъ кельи въ корридоръ, и, заперевъ дверь, сунулъ ключъ къ себѣ въ карманъ...

— Знамо, такъ-то лучше,—сказалъ онъ, слѣдя за мной,—а то тутъ недавно обокрали одного, дьякона Ивана... Не заперъ, позабылъ, ушелъ къ заутрени, а тутъ его и схолили... А то лѣтось въ окно къ одному тоже влѣзали... все обобрали.

— Кто же?..

— Да кто же... знамо, свои... чужой не полѣзетъ... свои воры, знамые...

— Ну, ну, — невольно съ горечью подумалъ я, выходя вслѣдъ за нимъ изъ корридора въ холодныя, темныя, вонючія сѣни.—Вотъ такъ тихое пристанище!..

XXIV.

На дворѣ было, дѣйствительно, страшно холодно... Морозъ, когда мы пошли отъ крыльца, какъ-то особенно скрипѣлъ подъ ногами, точно громко плакалъ ребенокъ... На темно-синемъ небѣ тихо горѣло, въ невыразимо-прекрасной красотѣ, несмѣтное количество звѣздъ... Внизу, въ стѣнахъ монастыря, было темно, печально и какъ-то страшно...

Мнѣ невольно пришли на память мои недавніе попутчики въ дорогѣ, Гурей и Гультикъ... Гдѣ они теперь? Навѣрно, спятъ на страннѣ, среди такихъ же несчастныхъ, голодныхъ, безпріютныхъ людей, въ грязи, обсыпанные вшами, а я вотъ здѣсь... иду „на послушаніе", потомъ приду въ келью, буду пить чай въ сравнительно чистой обстановкѣ, въ теплѣ, одѣтый и обутый...

Что-то нехорошее закопошилось у меня въ душѣ, и снова, какъ будто, кто-то началъ нашептывать въ уши:

— Зачѣмъ ты здѣсь? Зачѣмъ ты здѣсь?

Вдали тускло и слабо мерцалъ одинокій огонекъ... Послушникъ шелъ на него по твердой и ровной, какъ полъ, утоптанной тропинкѣ... Огонекъ, какъ оказалось, горѣлъ въ фонарѣ, висѣвшемъ при входѣ въ трапезную...

Мы вошли въ темныя сѣни, а затѣмъ поднялись наверхъ на площадку, гдѣ тускло, чуть-чуть пущенная, горѣла на стѣнѣ лампочка, освѣщавшая площадку, уголъ лѣстницы и обитую старой засаленной клеенкой дверь...

Послушникъ дернулъ эту прилипшую къ косякамъ дверь, чмокнувшую при открытіи, и я вслѣдъ за нимъ вошелъ по черному ходу въ кухню монастырской трапезной...

Въ кухнѣ было жарко... Топилась огромная русская печка, ярко освѣщавшая, вмѣстѣ съ висѣвшей подъ потолкомъ лампой, всю обстановку кухни.

Старый, сѣдой, сутуловатый монахъ, о. поваръ, въ одной длинной, бѣлой, засаленной рубашкѣ, въ такихъ же штанахъ, въ опоркахъ на босую ногу, съ волосами, подвязанными ремешкомъ, чтобы не лѣзли на глаза, какъ у портныхъ, „орудовалъ" около печки, въ которой стояли огромные чугуны, которые вытаскивались въ случаѣ нужды ухватомъ, пристроеннымъ на колесикахъ...

Съ боку печки была устроена длинная, съ отдѣльной топкой, плита, на которой иногда въ торжественныхъ случаяхъ, по большимъ праздникамъ или во время пріѣзда „особъ“, готовились болѣе изысканныя блюда...

Между этой плитой и длиннымъ столомъ, заставленнымъ деревянными крашенными красной краской чашками и сваленными, какъ попало, грудой, ложками былъ довольно широкій проходъ къ двери, ведущій въ трапезную, и другой проходъ, поуже, налѣво, между печкой и стѣной, ведущій въ помѣщеніе, гдѣ обѣдали монастырскіе рабочіе и гдѣ происходила чистка картошки, рыбы, рѣзка на ровныя части „укрухи“ хлѣба и т. д....

— Ты что-жъ это, анафема,—накинулся поваръ на приведшаго меня послушника,—за смертью тебя, дармоѣда, посылать, а?.. Разорваться мнѣ одному-то тутатко, а?.. Ахъ ты, сукинъ сынъ, обормотъ!..

— Залаялъ...—равнодушно отвѣтилъ послушникъ.—Ну, ну, потявкай, [illegible] борзой...

— Убью!—за[illegible] поваръ, замахиваясь на него какой-то палкой, —ма-а-шенникъ. Необузданный аммаликъ!. Игумену скажу... пьяница, мучитель!..

Послушникъ ничего не отвѣтилъ и, молча, провелъ меня по узкому проходу въ помѣщеніе, гдѣ происходила чистка картошки...

Это была узкая комната, похожая на корридоръ, заставленная во всю длину съ одного конца до другого двумя длинными столами и такими же длинными около нихъ скамейками... Надъ столами съ обѣихъ концовъ висѣли двѣ лампы, ярко освѣщавшія всю комнату.

Въ переднемъ углу висѣла большая, почернѣвшая отъ времени и копоти, икона Николая Чудотворца... Стѣны, выкрашенныя какой-то темно-желтой краской, были „расписаны“ изображеніями святыхъ и сценами изъ исторіи Іосифа, начиная отъ продажи его братьями, эпизодомъ съ женой Пентефрія и т. д.

За длиннымъ столомъ, когда мы пришли, сидѣли уже человѣкъ десять и чистили картошку. У каждаго былъ небольшой, одинаковой формы, сдѣланный изъ обкосковъ, ножикъ... По концамъ стола и посрединѣ стояли три большихъ чашки, въ которыя кидалась очищенная отъ шелухи картошка...

— Садись,—сказалъ мнѣ приведшій меня послушникъ,— сейчасъ я тебѣ ножикъ дамъ... А фартука-то у тебя нѣтъ? Какъ же ты безъ фартука-то?.. Неловко... фартукъ—присяга наша... На пока мой, садись вотъ сюда... ладно! Вотъ тебѣ картошка... чисти со Христомъ...

Стѣсняясь и чувствуя, что на меня смотрятъ, я присѣлъ на указанное мѣсто и принялся за свое первое „послушаніе“...

XXVI.

Въ комнату, между тѣмъ, входили новые „чистильщики“, монахи и послушники... Въ общемъ, въ концѣ концовъ, собралось человѣкъ пятнадцать... Большинство изъ нихъ были послушники,—народъ все молодой, недавно поступившій, не успѣвшій еще путемъ отростить на головѣ волосъ и, судя по ухваткамъ и разговорамъ, отпѣтый, видавшій виды и поступавшій въ монастырь не съ цѣлью „спастись“, а просто, чтобы приткнуться на зиму, на холодное время...

Среди этой гогочущей, курящей, сыплющей сквернословіемъ, „отпѣтой братіи“ сидѣло человѣкъ шесть угрюмыхъ и странныхъ съ виду, очень плохо одѣтыхъ, монаховъ... Двое совсѣмъ старики, съ бѣлыми на головѣ и бородахъ волосами... Всѣ они сидѣли молча и съ какой-то жалкой покорностью старательно чистили картошку, робко и быстро, испуганными глазами поглядывавя направо и налѣво, съ странными улыбками на старыхъ лицахъ.

Въ особенности страненъ и жалокъ былъ одинъ изъ этихъ монаховъ, сидѣвшій насупротивъ меня, по ту сторону стола, худощавый, высокаго роста, съ рыженькой общипанной бороденкой, съ очень жидкими и жалкими усиками на тонкой сѣровато-синей губѣ...

Монахъ этотъ, въ свою очередь, почему-то обратилъ на меня вниманіе. Всякій разъ, какъ я взглядывалъ на него, онъ уже глядѣлъ на меня и, казалось, точно ждалъ моего взгляда, для того, чтобы какъ-то по-идіотски открыть ротъ съ лошадиными черными зубами и неслышно засмѣяться, щуря маленькіе, безсмысленно-жалкіе глазки.

— Я... у... у... ѣду,—заговорилъ вдругъ онъ, поймавъ мой взглядъ и ухмыляясь,—рабъ Божій, я... я... уѣду... ей-Богу...

— Куда вы уѣдете?—невольно спросилъ я, видя, что слова его относятся ко мнѣ, и что онъ глядитъ на меня своими глупыми и вмѣстѣ жалкими „глядѣлками“, точно моля, чтобы и я сказалъ что-нибудь...

— Хо, хо, хо!—заржалъ вдругъ послушникъ, сидѣвшій рядомъ со мною, молодой, толстолицый, здоровенный, обросшій черными, курчавыми, тщательно расчесанными волосами.—„Вы“,—передразнилъ онъ меня и, обратившись къ другимъ, закричалъ:—Братцы! Гляди-ка-сь, нашъ Ваня-то Ду-

раня въ господа попалъ... „вы“ ему говорятъ... „Куда вы поѣдете?“—опять передразнилъ онъ меня и заржалъ еще пуще...

Молодые послушники тоже засмѣялись и всѣ, какъ-то сразу, обратили вниманіе на меня и на моего визави...

— Куда вы поѣдете?—опять повторилъ мой сосѣдъ:—го, го, го!.. „Вы“!.. Да ты, чудородъ Иванычъ, нешто не видишь: дурачекъ онъ, полоумный!.. Гляди-ка, рожа-то! Мы его такъ и зовемъ „Ваня Дураня“... Эй, ты,—грубо обратился онъ къ не перестававшему глупо ухмыляться Ванѣ,—куда ты, рыжій чортъ, поѣдешь-то?..

— Въ Москву поѣду... уйду... что-жъ... меня за насилку,—какимъ-то скрипучимъ, жалкимъ голосомъ, не спуская съ меня глазъ, заговорилъ монахъ.—Я,—онъ прищурилъ лѣвый глазъ, стараясь изобразить на своемъ лицѣ хитрость,—потихоньку... а то они не пустятъ... черти-то не пускаютъ... че-е е-рные черти-то... ей-Богу...

— Хо, хо, хо!—смѣялись послушники:—Ваня-Дураня кого чертями-то величаешь?..

— Заперли меня,—продолжалъ, не обращая на нихъ вниманія и все съ той же улыбкой „Ваня-Дураня“:—держутъ здѣся... а я не хочу... я въ Москву, я потихоньку отсюда... ночью... ей-Богу... а то черти-то... игуменъ чортъ!.. бо-о-о-льшой чортъ! У него хвостъ есть... а рога-то, погляди-ка-сь, какъ у быка... че-е-е-рные!.. Ей-Богу... хи, хи, хи!..

Я смотрѣлъ на его жалкое лицо, и мнѣ вдругъ стало жутко...

— Меня не удержишь,—продолжалъ идіотъ-монахъ.—Я потихоньку... насилкой держутъ, а? Черти-то... че-е-е-рные... ей-Богу.

— Нѣтъ, братъ, Ваня - Дураня, отседа не уйдешь... Нѣ-ѣ-тъ, шалишь, мамонишь, на грѣхъ наводишь!—сказалъ мой сосѣдъ и, обернувшись ко мнѣ, прибавилъ:— Его, землякъ, взаправду,—не вретъ онъ,—занасилку здѣся держутъ... Дурачекъ онъ... Да и эти-то вотъ всѣ,—кивнулъ онъ на остальныхъ, молча сидѣвшихъ пожилыхъ монаховъ,—неплошь его полоумные... Имъ только и дѣло—картошку чистить, навозъ рыть, самую сволочную работу дѣлать... А этотъ-то,—продолжалъ онъ, показавъ ножомъ на моего визави,—московскій... купеческій сынокъ... отецъ-то у него бо-о-о-гатый!.. Магазинъ свой имѣетъ... сюды вотъ его и законопатилъ, на поправку... съ глазъ долой... Двадцать пять бумажекъ каждый мѣсяцъ платитъ... отчитываетъ его здѣсь одинъ... Амфилоѳіемъ звать... Ну, да только этого Амфилоѳія слѣдовало бы за хвостъ да объ уголъ... Ужъ онъ, Ваня-то, не одинъ разъ бѣгалъ,—разъ верстъ пятнадцать по боль-

шаку удралъ... догнали... Плохо ему здѣсь... обовшивѣлъ... Кому нуженъ-то?.. Игумену только денежки подай... любитъ лучше водки...

— Да вѣдь здѣсь не сумасшедшій домъ,—сказалъ я,—нельзя вѣдь держать такихъ...

— Ну, нельзя! Здѣсь все льзя... кому нужно-то?.. Монахъ и монахъ... Ишь его въ одежу ангельскую нарядили, чтобы, значитъ, глаза не мозолилъ... Когда народу много, его и на дворъ не пускаютъ... Запрутъ въ кельѣ, сиди... а то въ башню... каморка тамъ есть такая,—гробъ каменный... посиживай... любота! И не хошь съ ума сойти, такъ сойдешь... Его, главная причина, нельзя выпускать-то... пристаетъ ко всякому, жалуется... плакать примется... конфузно!

— Эй, Ваня-Дураня,—обратился онъ снова къ больному,—нука-сь, разскажи про любовницу-то про свою, про невѣсту то, а? Про Дуняшу-то, про „Дудочка"-то своего... Какъ ты съ ней погуливалъ, ночки просиживалъ, въ баню ѣздилъ?.. Обнимались, цѣловались... ну-ка, ну-ка! Только, чуръ, не плакать, а плакать начнешь—прибью... за волосья оттаскаю... ей-Богу. Вѣдь онъ у насъ,—снова заговорилъ, обращаясь ко мнѣ, послушникъ,—женихъ: у него невѣста въ Москвѣ, Дунька какая-то... Начнетъ разсказывать, плакать примется... И смѣхъ на него, и жалко... ей-Богу. Загубили ни за что малаго, сволочи... Дунька-то эта, ишь, портниха какая-то... спутался онъ съ ней, ребенка прижили... жениться хотѣлъ... ну, а отецъ, извѣстно, на дыбашки... Онъ съ огорченья пить... Пилъ, пилъ, да и съ копыльевъ долой... спятилъ!.. Его, вотъ, сюда любезный родитель и заладилъ на поправку... А здѣсь поправятъ! Здѣсь свое дѣло знаютъ!.. Самъ посуди: худо ли двадцать пять бумажекъ получать задаромъ... Здѣсь и здоровый-то очумѣетъ... Такъ вотъ и живетъ... Горе, истинный Господь... А ты самъ-то откеда? Дальній?—спросилъ онъ и, видя, что я не отвѣчаю, обернулся къ послушникамъ и сказалъ:—Споемъ-ка, ребята... Носъ, валяй за канонарха...

Молодой, долгоносый послушникъ, сидѣвшій на другомъ концѣ стола и носившій названіе „Носъ", ухмыльнулся и затянулъ, подражая канонарху, высочайшимъ теноромъ:

— Монаховъ мно-о-о-о-жество!

— Монаховъ мно-о-о-жество!—повторили на разные голоса послушники...

— И всѣ они пья-я-я-ницы!—началъ онять канонархъ.

— И всѣ они пья-я-я-ницы!—дружно, весело, вслѣдъ за нимъ, подхватили послушники, и началось пѣніе такихъ „куплетовъ", которые повторять здѣсь неудобно...

— — — — — — — — — — — — —

XXVI.

Начистивъ картонки сколько было надо, о. повар „благословилъ“ насъ кончать и расходиться.

Вмѣстѣ съ другими и я вышелъ изъ трапезной... На дворѣ было еще совсѣмъ темно, тихо и очень морозно..

Въ одной изъ церквей шла ранняя служба... Я пошелъ туда и, неловко путаясь въ своемъ долгополомъ костюмѣ, стѣсняясь, стыдясь и думая, что на меня всѣ смотрятъ и осуждаютъ, на цыпочкахъ, осторожно ступая, пробрался направо въ дальній уголъ. Здѣсь стоялъ только одинъ бѣлобородый древній „старецъ“ и спалъ стоя, по привычкѣ, какъ казакъ на лошади... Я сталъ позади его, прижавшись въ углу. Въ церкви было тихо, полутемно и совсѣмъ малолюдно. Издали, съ праваго клироса, доносились звуки дребезжащаго старческаго голоса, читавшаго что-то и для кого то, но что именно и для кого—неизвѣстно... Слушателей вообще, какъ я уже и упомянулъ, было не много, и эти немногіе, по большей части все какіе-то древніе старцы, слушали поневолѣ, т. е. отбывали свои обязанности,—явиться въ церковь, отстоять здѣсь извѣстное время, кланяться, когда надо, по заведенному порядку, отдыхать во время „поученій“, пошептаться съ сосѣдомъ по поводу какой-нибудь мелочной сплетни и, отбывъ такимъ образомъ свое „послушаніе“, идти къ себѣ домой, въ келью, гдѣ есть самоваръ, жарко натопленная лежанка, „табачишко“,—гдѣ все: каждая книжка, картинка, какая-нибудь коробочка, чашка съ отбитой ручкой, хрустальная отъ графина пробка, все это лежитъ или стоитъ по разъ навсегда опредѣленнымъ мѣстамъ...

Наверху, гдѣ были узкія окна въ толстыхъ стѣнахъ, стояла глубокая тьма, и туда какъ-то страшно было смотрѣть, точно вотъ-вотъ изъ этого чернаго, какъ чернила, мрака упадетъ что-то большое, могучее, страшное и придавитъ всѣхъ и все находящееся внизу.

На душѣ у меня было нехорошо. Неотвязная грусть, какъ змѣя, съ каждой минутой, все больше и больше опутывала и сдавливала мое сердце...

Постоявъ немного, я почувствовалъ ясно, что я далекъ отъ того, что называется молитвой, и что все это, и полумракъ, и запахъ ладана, и темныя фигуры монаховъ,—все это чуждо для меня, непріятно, невыносимо... Я пошелъ изъ угла по направленію къ выходнымъ дверямъ, чтобы пойти въ келью и лечь спать...

Около двери, по обѣимъ сторонамъ ея, направо и налѣво, сидѣли на скамейкахъ монахи и, похожіе на вороновъ, по обыкновенію клевали носами... Я уже подошелъ къ двери, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, сидѣвшій съ краю, протянулъ руку, поймалъ меня за полу подрясника и прошепталъ охрипшимъ, точно съ сильнѣйшаго перепоя, голосомъ:

— Ты чего шатаешься?.. Гулять сюда пришелъ?

— А тебѣ какое дѣло?—грубо отвѣтилъ я.

Монахъ потихоньку засмѣялся и, поднявшись со скамейки, вышелъ вмѣстѣ со мной на паперть...

На паперти, передъ дверью въ церковь, горѣлъ привѣшенный на цѣпочкѣ, въ мѣдной оправѣ, фонарь и довольно ярко свѣтилъ.

Я посмотрѣлъ на монаха... Онъ, къ моему удивленію, былъ еще совсѣмъ не старый, но уже посвященный „въ ангельскій чинъ", т. е. носилъ уже мантію...

Лицо у него было пухлое, бѣлое, точно сквозное; глаза небольшіе, узкіе, налитые какой-то мутью, непріятные и даже какіе-то жуткіе... Онъ щурилъ ихъ, глядя на меня, и отъ этого вмѣстѣ съ какой-то отвратительной улыбкой на тонкихъ блѣдныхъ губахъ они дѣлались еще противнѣе...

— Ты куда-жъ это торопишься, бѣжишь? — шутливо, хриплымъ голосомъ, скаля зубы и подмигивая глазами, ухвативъ меня за подрясникъ, спросилъ онъ.

— Домой,—отвѣтилъ я,—къ себѣ въ келью.

— Та-а-а-къ... Пойдемъ ко мнѣ!..

— Зачѣмъ?—спросилъ я и пошелъ съ паперти. Монахъ послѣдовалъ за мной и, выйдя на дворъ, гдѣ все еще было темно, схватилъ меня опять, какъ и въ церкви, за полу, и шепотомъ сказалъ:

— Водку пьешь?—и, не дожидаясь моего отвѣта, зашепталъ, стараясь схватить меня за руку:—Какъ, чай, не пить—пьешь... Я тебя угощу... ты не бойся... у меня и деньги есть... ты не бойся... ты внովѣ, не знаешь, а я здѣсь съ малыхъ лѣтъ, я привыкъ... Погоди, и ты поживешь, узнаешь... Я никому не скажу... Пойдемъ! Чай будемъ пить съ вареньемъ земляничнымъ... Хо-о-о-рошее варенье... ей-Богу... Пойдемъ!

Онъ поймалъ меня за руку и потащилъ было куда-то въ сторону, шепча:

— Иди, иди... иди, *дурочка*, не бойся!.. Ахъ ты, глупая, грусливая... тебя какъ звать-то, цвѣточекъ... го-о-о-лубенокъ! Цыпка... цыпъ, цыпъ, цыпъ...—защелкалъ онъ и неожиданно потянулся ко мнѣ цѣловаться...

Съ чувствомъ отвращенія, я, не утерпѣвъ, ткнулъ его кулакомъ въ грудь... Онъ отскочилъ, согнулся и торопливо, почти бѣгомъ, бросился назадъ къ церкви...

— —

— Тьфу!—плюнулъ я со злостью и пошелъ по направленію къ святымъ воротамъ, откуда я уже зналъ какъ попасть, обойдя кругомъ башню съ флюгеромъ, къ себѣ, въ келью.

XXVII.

Оставленный мною взаперти въ кельѣ, „братъ" Степанъ Клеоповъ уже не спалъ. Онъ лежалъ навзничь, подложивъ подъ голову руки, и смотрѣлъ въ потолокъ. На столѣ горѣла ярко пущенная лампочка...

Въ кельѣ былъ тяжелый, спертый, отвратительный запахъ перегара, смѣшавшагося съ прокислымъ и тоже отвратительнымъ запахомъ дешевыхъ папиросъ... На столѣ, подъ краномъ самовара, стояла лужа... Вся убогая обстановка этой похожей на гробъ кельи, вмѣстѣ съ валявшимся на койкѣ полупьянымъ „братомъ", произвела на меня, и такъ уже переполненнаго по горло гадкими чувствами, еще болѣе тягостное впечатлѣніе...

— Помолился?—спросилъ „братъ", щуря глаза и ухмыляясь.

— Нѣтъ... картошку чистилъ,—отвѣтилъ я и тоже, глядя на него, легъ навзничь на свою койку.

— Ишь, подлецы, не успѣлъ человѣкъ поступить сейчасъ и того... пожалуйте... Ну, а я-то какъ же?

— Ты спалъ... Я сказалъ, что ты нездоровъ.

— Спасибо! А водки осталось?

— Есть немного.

— Давай-ка!

Онъ сѣлъ, выпилъ всю оставшуюся водку, закурилъ и опять легъ.

— Скверно!—сказалъ онъ.

— А что?

— На душѣ скверно... злость какая-то... тоска... провалиться бы сквозь землю и съ монастыремъ-то!.. Чортъ знаетъ, что за жизнь. Удавиться развѣ?—веревки не стою... Утопиться?—воду опоганишь... тьфу! И на кой только чортъ меня мой покойный Кондратій Терентьевичъ на свѣтъ пустилъ?.. Съ пьяныхъ глазъ, навѣрно, да отъ нечего дѣлать... Не было бы меня, какъ бы хорошо было, а?..

Онъ подождалъ, что̀ я скажу, и, не дождавшись, продолжалъ:

— Что молчишь?.. Обдумываешь, какъ въ монастырѣ жить?.. Ха! какіе мы, братъ, монахи! Мы не монахи... мы старые опорки... дармоѣды... язва... тьфу! Насъ удавить мало... Ну,

зачѣмъ ты сюда пришелъ, а?.. По убѣжденію, что ли?.. Эдакой, подумаешь, Савонарола!..

Онъ захихикалъ, бросилъ окурокъ и, повернувшись на бокъ, лицомъ ко мнѣ, спросилъ:

— У тебя родители-то живы?.. Что не отвѣчаешь, а?.. Аль тебѣ тамъ на картошкѣ-то языкъ отшибли... А у меня такъ вотъ мать еще жива,—продолжалъ онъ,—зда-а-а-ровая, братъ, еще бабища... Отца, Кондратія Терентьича, того нѣтъ давно... умеръ.. Паче всего покойникъ водочку любилъ.. Помню, пьяненькій любилъ напѣвать: „когда умру, то не пишите, каковъ онъ былъ и что онъ былъ, а только два слова скажите: па-а-а-койникъ водочку любилъ"... Пилъ здо-о-рово!.. А вѣдь замѣть,—и самъ-то весь былъ точно глистъ!.. Длинный, паршивый, нескладный, съ кадыкомъ огромнымъ на шеѣ... Бывало, кричитъ на клиросѣ пьяный: „Подай, Господи!"—а кадыкъ-то этотъ трясется и булькаетъ въ немъ что то... Противно! Вотъ я на него похожъ отчасти...

— Девять человѣкъ насъ, ребятъ, у него было... Девять, замѣть! Постольку дѣтей, при анаѳемской жизни и условіяхъ, только кутейники и способны имѣть... Насчетъ этого они всѣ таланты... Постель такъ по цѣлымъ суткамъ и не убирается...

— И какъ жили только,—уму непостижимо, ей-Богу... Отца я всегда помню пьянымъ, и постоянно его мать колотитъ... Мать—женщина здоровая, высокая, гвардеецъ: стукнетъ если кулакомъ—вола убьетъ! Ужъ и била она покойника... Н-да! плачетъ онъ, бывало: „матушка, не буду! голубушка, не буду!" А она его за волосья волочитъ по полу, ногами куда попало, у самой пѣна изо рта... глаза страшные... У-у-у, братъ, страшно!.. Страшно, братъ, ей-Богу...

— Н-да!—заговорилъ онъ опять, помолчавъ,—помню такого рода случай: мнѣ въ то время было лѣтъ восемь—понималъ ужъ я все, грамотѣ учился... Постомъ дѣло было, на страстной недѣлѣ, въ четвергъ... Все ужъ таяло, апрѣль былъ... Скворцы прилетѣли, жаворонки, журавли, вода это вездѣ, солнышко яркое, тепло... праздникъ великій на носу... „Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!" радуются всѣ... ждутъ... Охъ,—воскликнулъ Клеоповъ, перевернувшись снова навзничь—хорошее время! Люблю я этотъ праздникъ... А тогда-то, въ ребячествѣ-то... Господи, Создатель! Такъ, бывало, сердчишко и прыгаетъ... и самъ не знаешь, что такое, а радостно, и счастливо, и весело!.. Всю ночь, бывало, не спишь,—ждешь... Мать готовится... пироговъ напечетъ, куличъ, пасха, яйца крашеныя, жареное, лампадки горятъ... въ комнатѣ полумракъ... все прибрано—и все ждетъ чего-то

великаго, радостнаго, торжественнаго!.. Въ двѣнадцатомъ часу ночи идемъ въ церковь... Ночь теплая, тихая... Подъ ногами шлепаетъ... Гдѣ-то въ оврагѣ шумитъ вода, кто-то ѣдетъ въ гору и кричитъ: „Н о-о! родная! Н-о-о, матушка!“ На небѣ, точно висятъ маленькія лампадочки, горятъ звѣзды... Около церкви народъ и въ сторожкѣ народъ... иные, изъ дальнихъ деревень, пришли еще съ вечера за свѣтлю... всѣ ждутъ... разговариваютъ вполголоса, точно боясь потревожить что-то святое, тихо движущееся въ темнотѣ ночи...

— „Сколько теперь время... который?“ спрашиваетъ кто-то...

— „Скоро... теперь скоро...“

— „Пора засвѣчать плошки“...

— „Погоди“...

Гдѣ-то далеко, верстъ за шесть. въ другомъ селѣ ударяютъ въ колоколъ.

— „Ударили... въ Кустовѣ ударили! Пора!“—раздаются голоса...

Начинаютъ зажигать плошки... дегтярныя бочки... Сторожъ забрался на колокольню и кричитъ оттуда:

— Готово?

— Готово!—отвѣчаетъ ему снизу отставной николаевскій солдатъ Ермоланчъ, приготовившій небольшую мѣдную пушку, какую-то чудную, поставленную на чурбашку, и держащій въ рукахъ длинное съ согнутымъ концомъ раскаленное „жигало“.,.

— Слу-у-у-шай!—кричитъ онъ, вытаращивъ глаза, и тычетъ раскаленнымъ концомъ жигала въ затравку пушки.

— Бухъ!—раздается сухой, рѣзкій ударъ, и пушка вмѣстѣ съ чурбашкой летятъ въ сторону.

— Бо-о-мъ!—раздается съ колокольни и, подождавъ, когда замретъ звукъ, другое бо-о-мъ... И, опять подождавъ: бо-о-мъ! бо-о-мъ! бо-о-мъ!..

Ермоланчъ, захвативъ пушку, бѣжитъ въ сторонку, чтобы зарядить ее еще разъ... Изъ церкви, между тѣмъ, выносятъ иконы, идетъ батюшка отецъ Прохоръ, пьяница не плоше моего родителя, но на этотъ разъ трезвый, несетъ крестъ, свѣчи... Сзади его идетъ мой Кондратій Терентьевичъ, пѣвчіе... Всѣ съ какими-то особенно радостными лицами, разодѣтые во все лучшее, что имѣютъ, и поютъ: „Воскресеніе твое Христе спасе“... Шествіе двигается вокругъ храма и, обойдя его, останавливается на паперти... О. Прохоръ, обратившись лицомъ къ народу, поетъ „Христосъ Воскресе“... Ермоланчъ, успѣвшій въ то время, какъ обходили вокругъ церкви, зарядить пушку, вдругъ палитъ за дверьми до того неожи-

данно и до того „здорово“ что всѣ, въ особенности молодыя бабенки и дѣвки. вскрикиваютъ „ахъ!“ и вздрагиваютъ...

— „Воскресенія день, просвѣтимся людіе“...

— Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе! Христосъ Воскурсе!—вдругъ часто заговорилъ Клеоповъ и, сѣвъ на койкѣ, посмотрѣлъ на меня какими-то полоумными и страшными глазами,—спишь, а?..

— Нѣтъ.

— Братъ... братъ Семенъ, хорошо это, а? Хорошо... а?.. а?.. братъ Семенъ, а?..

— Хорошо!—отвѣтилъ я, чувствуя, что у меня дрожитъ сердце и подступаютъ къ горлу слезы, и что мнѣ жалко и его, и себя, и всѣхъ, и хочется чего-то хорошаго, обширнаго, могучаго, но чего—я не могу понять и не могу сдѣлать, а только бьюсь, какъ какой-нибудь снѣгирь, запутавшійся шеей въ петляхъ силка...

XXVIII.

Клеоповъ опять легъ, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и началъ вдругъ „дрыгать“ ногами, ударяя ими по доскамъ... Мнѣ казалось, что этимъ онъ хотѣлъ заглушить въ себѣ то, что въ настоящую минуту мучило его и не давало ему покоя...

— Ты что?—спросилъ я, чувствуя къ нему жалость.

Онъ повернулся ко мнѣ и, посмотрѣвъ, сказалъ:

— Чахотка, братъ, у меня... Да, чувствую, развивается... больной я совсѣмъ. . ей-Богу. Ты не сердись на меня, сдѣлай милость... я самъ себѣ не радъ, въ особенности вотъ по утрамъ... чортъ я, осатанѣю — убить готовъ... И замѣть: гнѣвъ, бѣшенство какое-то приходятъ изъ-за какихъ-нибудь вниманія не стоющихъ пустяковъ... Самъ сознаю, что глупо это, дико, а совладать съ собой не могу... Такъ бы вотъ, понимаешь, взялъ глотку зубами да и перегрызъ всякому...

— У насъ,—продолжалъ онъ, опять помолчавъ,—очевидно, въ роду это: мать, напримѣръ, такая же бѣшеная. А можетъ быть, и другое: условія жизни, возмутительныя картины въ дѣтствѣ... потомъ бродяжничество, голодовки... вши, грязь, зависть... чортъ ихъ знаетъ... не знаю. Чувствую только, что конецъ мой скоро... Скоро, братъ, по лавкѣ протяну лапки... И... какъ это въ пѣснѣ поется: „никто меня не пожалѣетъ, и никого-то мнѣ не жаль“.

— А смерти я боюсь... до того боюсь, что и сказать тебѣ не могу... Фу-у-у, ужасъ!.. Много я видалъ мертвецовъ, но одинъ... одинъ бродяга, умиравшій на моихъ глазахъ въ

больницѣ, —такъ и стоитъ передъ глазами... Ужасъ... Умеръ онъ отъ чахотки, весной, въ концѣ марта... Ночью его привезли откуда-то... подобрали гдѣ-то... лохматый, страшный... Остригли, обрили, а видъ-то какъ горохъ... страсть!.. Положили... говорить ужъ онъ почти не могъ, только кашлялъ: кха! кха! кха! всю ночь, день весь не ѣлъ... высохъ, какъ спичка... Ужасъ!.. А помирать ему все таки не охота, и видно, что еще человѣкъ надѣется... Лежитъ это и во всѣ глаза въ окно глядитъ. А тамъ, понимаешь, за окномъ-то солнце; видно, какъ воробьи въ бузинѣ возятся, обрадовались теплу и солнцу... Облака видно, какъ проходятъ высоко-высоко, похожія на горы, съ блестящими макушками... Такъ бы и улетѣлъ съ ними... А ему помирать... Н-да! Хорошо... Пришелъ наконецъ его „часъ"... Днемъ дѣло было... День былъ веселый, солнечный, теплый... Лежалъ онъ навзничь... Руки длинныя, похожія на палки, какъ-то дико лежали одна съ одного боку, другая съ другого... вотъ такъ... Нога одна —правая—поднята, вотъ такъ, въ колѣнкѣ согнута, другая протянута, и концы пальцевъ, съ огромными почернѣвшими ногтями, просунуты сквозь прутья койки, и одинъ палецъ, большой, потихоньку шевелится, точно, понимаешь, говоритъ: „я еще живъ! я еще живъ!" Хорошо... Ну, я это лежу и наблюдаю за нимъ съ сосѣдней койки, и въ сердцѣ у меня невыразимый ужасъ, и трясется все мое тѣло отъ страха, и чувствую я, какъ она идетъ къ нему... тихо крадется на цыпочкахъ, высокая, страшная, съ голымъ черепомъ на плечахъ... Шагнетъ шагъ—остановится... приподнимется, посмотритъ страшными дырами... опять шагнетъ...

— Ну, хорошо... Лежалъ онъ, лежалъ, да, понимаешь, братъ, какъ закричитъ вдругъ,—откуда только голосъ взялся,—пронзительно-громко, невыразимо страшно: „помогите, помогите, помогите!" Я отъ ужаса уцѣпился за койку руками, да такъ и замеръ весь, глядя на него... Столько въ этомъ его крикѣ было муки, слезъ и жажды жизни!.. Ужасъ! Началъ онъ послѣ этого тутъ же хрипѣть, отходить... Голову закинулъ, посинѣлъ, долго, долго эдакъ воздухъ въ себя вбиралъ... Насильно его хочетъ загнать, а въ груди-то клокочетъ, переливается... *Она* уже схватила его своими костяжками за тощую грудь—и терзаетъ, и дышетъ на него могильнымъ смрадомъ...

Клеповъ пересталъ говорить и, закуривъ папироску, задумался, пуская дымъ къ потолку... На его худое тощее лицо легла, казалось, какая-то тѣнь, точно кто-то загородилъ его рукой...

— Ну,—произнесъ я, подождавъ,—ну, потомъ?

— Да ничего... померъ.

— А то отецъ, помню, помиралъ... Подожди, впрочемъ,—воскликнулъ онъ, перебивая самъ себя,—я вѣдь тебѣ не разсказалъ случай-то... на Пасхѣ-то... Собственно говоря, онъ отъ этого и померъ... Дѣло-то, братъ, простое... видишь ли: у матери висѣли гдѣ-то тамъ, на чердакѣ, грибы сушеные, бѣлые... Онъ ихъ и укралъ. А она ихъ берегла, подарокъ кому-то хотѣла сдѣлать... Ну, вотъ, укралъ онъ ихъ, продалъ, а идти домой боится... напился пьяный... Ну, дѣвченки шли мимо насъ, сказали... Мать туда и бросилась, а онъ идетъ оттуда уже, т. е. изъ кабака-то... сапоги у него были огромные... идетъ и то на этотъ бокъ упадетъ, то на другой... Подбѣжала къ нему мать... схватила обѣими руками за волоса и начала таскать по грязи и бить ногой по лицу... „Моссевна, Моссевна, отстань!—кричитъ онъ,—будетъ! Моссевнушка!“ А она его волочитъ, и пѣна у ней изо рта и.. И гадко все это... и ну тебя къ чорту... не хочу я больше говорить... нехорошо мнѣ... гадко... омерзительно, отстань отъ меня, отвяжись!—визгливо закричалъ Кленовъ со слезами въ голосѣ,—отстань!..

Я молчалъ. Онъ опять повернулся къ стѣнѣ и опять задрыгалъ ногами... Въ окна сталъ проникать тусклый свѣтъ утра... Свѣтъ лампочки дѣлался съ каждой минутой печальнѣе, блѣднѣе, похожій на лицо чахоточнаго... Я завернулъ ее... Въ кельѣ сдѣлалось полутемно и необыкновено тихо, точно то мертвое, которое тайно жило въ ней, вдругъ вошло и сказало: „тише... я здѣсь“...

Мнѣ стало страшно.

— Братъ!—сказалъ я.

Онъ промолчалъ.

— Братъ, Степанъ!—повторилъ я.

Онъ опять промолчалъ... Въ это время по ту сторону двери изъ корридора кто-то постучалъ и произнесъ обычное: „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ“...

— Аминь!—отвѣтилъ я и, соскочивъ съ койки, отворилъ дверь...

XXIX.

— Вы что тутотка дѣлаете, а?—съ улыбкой на тонкихъ губахъ произнесъ, входя въ келью, высокій, сутуловатый монахъ, съ огромной, совершенно бѣлой бородой, одѣтый въ теплый засаленный подрясникъ, подпоясанный ремнемъ, за которымъ торчали съ праваго и лѣваго боку „голицы“, т. е. рабочія изъ кожи рукавицы. Водочку пьете, а?..

— А ты кто такой?.. Тебѣ какое дѣло?—спросилъ, приподнявшись съ койки, братъ Степанъ.

— Я-то?—переспросилъ старикъ.—А я, братчикъ, помощникъ нарядчику... вотъ кто я... н-да. За вами, вотъ, пришелъ... на работу пожалуйте... н-да!.. Трудившійся да ястъ... А здѣсь обитель, хлѣбъ задаромъ ѣсть не полагается...

— Ты бы пораньше пришелъ,—насмѣшливо произнесъ Степанъ,—а то опоздалъ, поздно... Черти еще на кулачки не дрались...

Старикъ-монахъ пристально посмотрѣлъ на него и, улыбаясь и вынувъ изъ кармана тавлинку, понюхалъ табачку, жадно всасывая его длиннымъ носомъ, и сказалъ:

— А ты, братчикъ, того—не чертыхайся... нехорошо во святомъ мѣстѣ чертыхаться, грѣхъ... Самъ, небось, знаешь,—продолжалъ онъ, кладя тавлинку обратно въ карманъ:—въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ... У насъ порядокъ такой заведенъ: какъ, значитъ, свѣтаетъ—на работу... Солнышко встало, и мы встали... солнышко спать, и мы спать... Сряжайтесь-ка!

— Я не пойду,—сказалъ мой сожитель,—я пѣвчій... Вонъ его запрягай,—кивнулъ онъ съ улыбкой на меня.—А мнѣ еще хомутъ не готовъ.

— Что, аль шея толста?—тоже съ улыбкой произнесъ монахъ.—Сшить не потрафятъ?.. А ты вотъ что, братчикъ,—уже серьезно продолжалъ онъ:—пѣвчій ты тамъ аль кто, може генералъ какой, не мое дѣло, а идти долженъ на послушаніе... Мнѣ приказано взять васъ обоихъ... Ты ужъ таматко толкуй со старшими, какъ знаешь, а со мной идти долженъ.

— Не пойду.

— Я жаловаться стану.

— Жалуйся.

— Въ монастырь пришелъ, первое дѣло—кротость нужна, послушаніе... безропотность... а ты, братчикъ, того...

— Ну ужъ это дѣло не твое... нечего учить... Ученаго учить—только портить...

— А ты, видать, ученъ?..

— Видать...

— Гм! Видать свинью по корыту, видать, трепался не мало... Къ намъ пришелъ, думаешь: здѣсь даромъ кормить станутъ... Ишь ты... га!.. Даромъ только вшу кормятъ, да и таё раздавить норовятъ... Ну, а ты,—перемѣнивъ рѣчь, обратился монахъ ко мнѣ,—тоже изъ пѣвчихъ?.. Не пойдешь, а?.. Ишь вы господа прибыли... пра, ей-Богу!.. Откеда такіе?..

— Я пойду,—сказалъ я,—а какая работа?..

— А ужъ это дѣло не твое... Твое дѣло дѣлать, а не

спрашивать... Что заставятъ, то и дѣлай... Заставятъ камни съ мѣста на мѣсто перекладать—перекладай!.. На то и обитель... Ты сюды зачѣмъ пришелъ-то, а?.. Спасаться?.. Ну, а коли хочешь спастись, терпи... послушаніе паче молитвы... Такъ-то вотъ, сударь, пойдемка-сь!..

Я одѣлся, и мы вмѣстѣ съ нимъ покинули келью...

XXX.

За монастырской стѣной, на западной сторонѣ, на берегу рѣчки, протекавшей подъ самыми стѣнами, на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка, сдѣлавъ колѣно, круто поворачивала съ юга на западъ, стояла довольно высокая башня странной формы, съ флюгеромъ наверху и съ окнами внизу.

Старикъ-монахъ, выйдя за святыя ворота, молча повелъ меня къ этой башнѣ. Онъ шелъ впереди, высокій, сутуловатый, узкоплечій и, идя, какъ-то все тыкался впередъ, точно собирался упасть, и махалъ руками. Я молча шелъ за нимъ, недоумѣвая: на какое такое „послушаніе" ведетъ онъ меня, раба Божьяго...

Подойдя къ башнѣ, монахъ остановился около обитой рогожкой двери и, подержавшись немного за скобку, точно думая, отворять или нѣтъ,—дернулъ... Дверь не отворялась... Монахъ дернулъ шибче—то же самое...

— Заперто, знать, а?—сказалъ онъ, вопросительно глядя на меня.

— Не знаю,—отвѣтилъ я.

— Гей!.. Спитъ... до этихъ поръ...

Онъ отошелъ отъ двери и побарабанилъ пальцами въ раму оконца.

— Афанасій... эй... Афанасій! Аль спишь все?.. Вставай!..

Онъ опять подошелъ къ двери и опять дернулъ ее.

— Сейчасъ выйдетъ,—точно извиняясь, обратился онъ ко мнѣ.—Онъ у насъ чудакъ... Слышитъ да не слышитъ... упрямъ... Все, братъ, какъ тебя не знаю, норовитъ какъ бы по его было... ругательникъ... съ нарядчикомъ у него постоянно ругань... выше себя никого не ставитъ. Анъ вотъ бодливой-то коровѣ Богъ рогъ-то и не даетъ... Да что-жъ это онъ, взаправду... смѣется, что ли?.. Эй!—задергалъ онъ дверь:—эй, Афанасій... отпирай!..

— Кто тамъ?—раздался за дверью, какъ мнѣ показалось, несмышленный голосъ...

— Свои... пускай!—отвѣтилъ монахъ.—Свои,—повторилъ онъ.—я!..

— Кто я-то?

— Да я!.. Кто я... не узналъ... эва!..

Дверь отворилась, и отворившій ее, средняго роста, коренастый, растрепанный, въ калишкахъ на босу ногу, монахъ сердито сказалъ:

— Экъ тебя черти-то носятъ... ни свѣтъ, ни заря... не спится старому кобелю, онъ и людямъ покою не даетъ... Не успѣешь, что-ль. И что чорту надо только? Дивное дѣло! Сидѣлъ бы у себя въ конурѣ, тявкалъ бы „Господи помилуй"... Нѣтъ, тоже въ хозяева лѣзетъ!.. Кто я!.. Антипъ косопузый!.. Ну, что тебѣ?..

— Чего... небось, видишь чего... человѣка привелъ!

— Вижу, что не пса... что-жъ одного?.. Одного мало.

— А гдѣ его взять другого-то?.. Не идетъ никто...

— Такъ какого-жъ ты чорта! Я, что ли, буду качать-то?.. Э-э-э, братъ! Вижу я, чи и это штуки-то... нарядчикъ все, сукинъ сынъ, мастеритъ... Дескать: „пущай самъ качаетъ"... На-ка, вотъ чего не хошь ли... скажи ему...

— Нешто со странни прислать какого?— не отвѣчая на его слова, спросилъ приведшій меня монахъ.—Затычку нешто? Онъ, небось, таматко околачивается, а?..

— Мнѣ хоть затычку, хоть отмычку, а только давай человѣка, а то я, скажи своему нарядчику, машину испорчу, качать не станетъ... Я ему качать не мальчикъ...

— Ладно,—отвѣтилъ старый монахъ,—пришлю кого-нибудь... прощай покеда... спаси Христосъ...

Онъ повернулся и пошелъ по той же тропочкѣ, по которой мы пришли, прочь отъ башни, по направленію къ святымъ воротамъ.

XXXI.

— Иди... чего-жъ стоишь-то на холоду?—сказалъ растрепанный монахъ и, отворивъ дверь настежь, кивнулъ головой и добавилъ:—Иди сюда... въ сѣнцы...

Я шагнулъ черезъ порогъ. Монахъ захлопнулъ дверь и сказалъ:

— Новенькій?..

— Да,—отвѣтилъ я, оглядывая помѣщеніе, въ которомъ мы очутились...

„Сѣнцы" были круглыя, сырыя, съ каменнымъ поломъ, освѣщавшіяся откуда-то сверху тусклымъ, печальнымъ, желтоватымъ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь узкое окно безъ стеколъ, похожее на какую-то лазейку. Деревянная съ поворотами и съ деревянными же перильцами лѣстница вела куда-то наверхъ подъ потолокъ, гдѣ былъ устроенъ

„люкъ“, т. е. квадратная дыра, служившая проходомъ на потолокъ...

— Что смотришь?—спросилъ монахъ.—Водокачка, братъ, здѣсь,—воду на трапезную подаемъ отсюда... работа ручная... по другимъ мѣстамъ лошади качаютъ, а здѣсь нашъ братъ послушникъ... устроили отцы святые... Ну, пойдемъ въ келью,—добавилъ онъ, отворяя маленькую въ стѣнѣ направо дверку, которую я и не примѣтилъ.—У меня келья просторная!.. Палаты...

Я вошелъ въ его келью... Маленькая, узенькая, съ однимъ оконцемъ каморка, до крайности неряшливая, загаженная, съ низкимъ потолкомъ, сырая, съ потемнѣвшими стѣнами, пропитанная запахомъ махорки, полутемная и страшная, какъ подземный казематъ... Въ ней царствовалъ невообразимый безпорядокъ: все валялось, гдѣ и какъ попало... Столъ, табуретка, кровать—все было старо, поломано и до крайности грязно. Стоптанные, старые рыжіе опорки, грязная, длинная рубашка, подрясникъ, рукавицы, какія-то жестянки, слесарный инструментъ, пилы, подпилки, зубила—все это валялось неприбранное - какъ попало... На лежанкѣ была разсыпана махорка, валялись окурки, коробки изъ-подъ спичекъ и тутъ же какія-то рваныя, засаленныя книжки... На стѣнѣ висѣли двѣ картинки въ рамкахъ съ разбитыми стеклами: одна „пришествіе Христа въ міръ“, другая — „Моленіе о чашѣ“...

— Сейчасъ самоваръ разбундорю,—сказалъ хозяинъ каморки,—чайку погоняемъ... Я еще не пилъ... Ишь его черти принесли... Старатели!.. Садись!—добавилъ онъ, показывая на табуретку.—На табакъ... верти, кури...

Я сѣлъ на указанное мѣсто, а онъ началъ возиться съ самоваромъ, напѣвая что-то себѣ подъ носъ...

— Ты откуда?—спросилъ онъ, покончивъ съ этимъ дѣломъ и вытирая замазанныя углями руки объ рубашку.

— А я изъ Вышняго-Волочка,—выслушавъ мой отвѣтъ, сказалъ онъ и, свернувъ огромную, изъ газетной бумаги, „прямую“ папироску, продолжалъ:—Я на Валаамѣ жилъ... у Троицы жилъ, на Бѣлыхъ берегахъ жилъ, у Николы на Угрѣши жилъ, въ Новомъ Іерусалимѣ жилъ... а ты?..

— Да я еще только, Господи благослови, здѣсь,—отвѣтилъ я.

— Ну-у-у!—удивился онъ.—Что-жъ это ты... пропился?..

— Нѣтъ, такъ...—отвѣтилъ я, стыдясь почему-то сказать правду.

— Ну, что-жъ,—сказалъ онъ,—зиму-то проболтаешься, благо взяли... Только народъ, братъ, здѣсь... гы-ы-ы... сволота! Харчишки ничего .. ну, а насчетъ того, деньжонокъ... плохо...

Все, братъ, места здесь захватаны... не пообедаешь!.. Копеечке течь неоткуда... украдешь только нешто где, ну, говори слава Богу... Едять здесь другъ дружку... Меня вотъ нарядчикъ Ильюшка жретъ... поперекъ горла я ему сталъ, такъ бы и съелъ.. Анъ шалишь!.. Анъ шалишь!—повторилъ онъ и вдругъ злобно, со сверкающими глазами, крикнулъ, грозясь кулакомъ въ окно, по направленію къ обители:—Погоди... погоди, сволочь, воткну я тебе ножикъ въ бокъ... живъ не не разстанусь... Сибирь, такъ Сибирь... мне все одно... и тамъ хлебъ едятъ... погоди!! Не любитъ, сволочь, коли ему правду говорятъ... сплетничаетъ про меня самому. Съ язычкомъ, какъ девка гулящая: та, та, та, та, та, та.. тьфу!.. Пью, говоритъ, я... А ты, чортъ паршивый, не пьешь, а?.. Постоянно четверть въ келье не переводится... Любовницу содержитъ... щенки отъ нея... Нахапалъ денегъ-то... Ты еще его не видалъ?

— Кого?..

— Да про кого говорю-то... Илюшку... нарядчика...

— Нетъ.

— Ну, ужо за обедомъ я тебе покажу... Ему только поддайся—заездитъ.. Игуменъ-то, ишь, ему сродни, изъ одной, ишь, деревни... Стачка у нихъ у всехъ: грабятъ, да и вся не долга... денегъ нахапали конца-краю нетъ... а братіи коли когда въ праздникъ утешеніе сделать,—шалишь... на всехъ полведерки.. хоть пей, хоть смотри...

Онъ подложилъ въ самоваръ угольевъ и продолжалъ:

— Мне бы давно хозяйчикомъ надо быть: слесарь я и по садовой части знаю. Летомъ садъ за мной... А все что: все онъ меня жретъ, нарядчикъ... жалко ему, досадно человеку доходъ дать, все бы самому лопать... Вишь вотъ, въ какую конуру упрятали... Уйти хотелъ,—нельзя: голый я, пропоица... а теперь зима... одеться не во что. Что было свое—пропилъ. Эхъ!—махнулъ онъ рукой, — надо бы хуже, да нельзя...

— Вонъ затычка ползетъ,—сказалъ онъ, помолчавъ и заглянувъ въ оконце.—Штучка тоже.. огурчикъ!..

Въ сенцахъ хлопнула дверь.

— „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ“,—раздался за дверью голосъ...

— Да ужъ иди, иди,—перебилъ его монахъ,—„молитвами святыхъ“ тоже... ха.. тьфу... ты!..

Дверь отворилась, и въ келью потихоньку, какъ-то бочкомъ, скокнувъ черезъ порогъ, вошелъ маленькій человечекъ, оборванный, въ коротенькомъ пиджачишке, въ такихъ же брюченкахъ на выпускъ, шаршавый, похожій на ежа...

Онъ остановился у порога, дунулъ на пальцы, несколько

разъ торопливо покрестился въ передній уголъ, пошелъ съ улыбочкой и, наклонясь впередъ, сказалъ:

— Аѳанасію Игнатичу!.. Все ли здоровы-съ!..

— Здравствуй,—отвѣтилъ монахъ.—Пришелъ?..

— Ну, вотъ-съ... помилуйте!.. мы... Мы за всякое время-съ...

— Ну, садись,—опять сказалъ монахъ,—гость будешь, вина купишь—хозяинъ будешь...

— Хи, хи, хи!—засмѣялся человѣчекъ и, потирая красныя, озябшія руки, сѣлъ на край койки.—Самоварчикъ готовите? Гоже!.. Благословите, значитъ, чайку.

— А ты слѣзь съ койки-то,—сказалъ монахъ,—садись вонъ на лежанку... Напустишь тутъ мнѣ крокодиловъ-то... и такъ клопы съѣли...

— У меня,—торопливо вскочивъ съ койки и оглядывая себя, воскликнулъ человѣчекъ,—вотъ какъ передъ истиннымъ-съ, нѣту ихъ... я... я... чище хрусталю-съ...

— Ладно, ладно... тащи-ка на столъ самоваръ-то... поспѣлъ... Знаю я тебя... Затычка ты, братъ, горькая... и врешь все... Небось, ужъ чеколдыкнулъ нонче?..

— Гдѣ же... помилуйте-съ...

Онъ поставилъ на столъ самоваръ и, отойдя, сѣлъ на край лежанки. Монахъ заварилъ чаю въ грязный съ отбитымъ носикомъ чайникъ и досталъ изъ стола три чашки: одну большую съ надписью: „дарю въ день вашего ангела“ и двѣ поменьше: одна съ трещиной, другая безъ ручки...

— Селедошная голова у меня осталась,—сказалъ онъ, ставя чашки на столъ,—да молоки... не хошь ли, Затычка?.. Я вечоръ ѣлъ да не доѣлъ...

— Съ удовольствіемъ-съ!—воскликнулъ Затычка и соскочилъ съ лежанки, — передъ чайкомъ-то солененькаго гоже!..

— Копченая,—сказалъ монахъ, доставая изъ стола толстую синюю сахарную бумагу, очевидно служившую у него вмѣсто тарелки, такъ какъ на ней, кромѣ головы и „молоковъ“, лежали обсосанныя кости, шелуха и еще какая-то красная гадость.—На, братъ, ѣшь на здоровье...

— Спаси Христосъ! — принимая бумагу, сказалъ Затычка.—До головъ я охотникъ... мозжечекъ это... всякая штука.. въ родѣ Володи... ей-Богу-съ... а хлѣбца-то?.. Благословите, Аѳанасій Игнатичъ, хлѣбца...

— На... ѣшь...

Затычка взялъ хлѣбъ и, разложивъ на уголкѣ лежанки бумагу, перекрестился и принялся грызть селедочную голову.

— Зубы-то у меня плохи,—сказалъ онъ,—крошатся...

Богъ ихъ знаетъ съ чего... болятъ... ужъ я и такъ, и сякъ — нѣтъ... смерть! Истинный Господь-съ..

— Отъ водки,—сказалъ монахъ.

— Можетъ быть... все можетъ быть-съ!.. -согласился Затычка и, высморкавшись пальцами и обтеревъ ихъ о пиджакъ, засмѣялся и сказалъ:—А я разъ, Аѳанасій Игнатичъ, зубъ вытащилъ... вотъ этотъ... корневатикъ-съ... Не разсказывалъ я вамъ-съ?

— Нѣтъ.

— Ка-а-къ-же... и смѣхъ, и грѣхъ-съ, истинный Господь-съ!.. Я въ тѣ поры у папаши жилъ... при лавкѣ находился.. Образа звѣринаго еще на себя не пріялъ-съ... картузы по два съ четвертью на головѣ нашивалъ-съ... украшалъ себя снаружи-съ... хорошо жилъ-съ!..

Онъ догрызъ голову, проглотилъ „молоки“, завернулъ оставшіяся кости въ ту же бумагу и, бросивъ ее въ стоявшее у порога ведро, обтеръ руки, усы, бороду и, покосившись на налитую чашку съ чаемъ, не смѣя, очевидно, взять ее безъ спросу, продолжалъ:

— Отлично-съ. Разболѣлись у меня разъ зубы-съ.. простудился, что ли... ножки промочилъ али тамъ еще что, не знаю-съ, только принялись они у меня.. батюшки свѣты!.. День болятъ, другой, недѣлю-съ... Господи, твоя воля, хоть въ петлю-съ. Истинный Господь!.. Я туды, я сюды... То приложу, другое приложу... только, съ позволенія сказать, дерьма не прикладывалъ-съ, а то все перепробовалъ... нѣту пользы да и шабашъ... осатанѣлъ. Давайте, кричу, ножикъ, за-а-рѣжусь. Смерть моя, терпѣнья нѣтъ!

— Бери чай-то... пей!—перебилъ его монахъ.

— Покорно благодарю... Спаси Христосъ!—обрадовавшись и осторожно взявъ со стола чашку, сказалъ Затычка. Затѣмъ, поставивъ ее на лежанку, продолжалъ:

— Только вотъ разъ катаюсь я по лавкѣ, реву бѣлугой, шасть въ лавку кузнецъ Терентій Иванычъ... За гвоздями пришелъ... „Ты, говоритъ, Гришь, чего это“?—Да зу-у-у-бы, говорю, проклятые, бѣлый свѣтъ не милъ... вторую недѣлю маюсь, какъ сукинъ сынъ... Не знаешь ли какого средства?“— „Эва, говоритъ, какъ не знать, знаю... Приходи, говоритъ, ко мнѣ ужо черезъ часокъ, я тебѣ его вытащу“...—А больно?.. спрашиваю.—„Да ужъ, что толковать, говоритъ, есть отчасти... Ну только, говоритъ, маментъ одинъ, а тамъ и шабашъ“... Хорошо... ушелъ это онъ, принялись у меня зубы пуще прежняго... побѣжалъ я въ кузницу... Тамъ онъ... съ молотобойцемъ, съ Колбасой по прозванію, кроватъ какую-то желѣзную починяютъ... „Пришелъ?“—говоритъ...— Пришелъ... тащи скорѣй... Смерть! Душа съ тѣломъ раз-

стается... — „Погоди, говоритъ, не торопись... успѣешь на тотъ свѣтъ... Нука-сь, говоритъ, покажь—который... разинь пасть-то... не бойся“... Разинулъ я, показалъ ему пальцемъ: Эва говорю, вотъ этотъ... „Ладно, говоритъ, вижу... обожди“... Благословите еще черепушку?..

— Пей, пей на здоровье,—сказалъ монахъ, наливая ему еще чашку,—ну!..

— Ну, гляжу, взялъ конецъ варной, шнурокъ эдакой, петельку какую-то устроилъ... А другой-то конецъ, мнѣ и не вдомекъ, привязанъ у него гдѣ-то тамъ за крюкъ... все это онъ до моего прихода обстряпалъ... „Нука-сь, говоритъ, разинь опять пасть-то“... Разинулъ я. Исхитрился онъ какъ-то, закрутилъ мнѣ этимъ самымъ шнуркомъ зубъ крѣпко на крѣпко... „Закрой, говоритъ, пасть... обожди чутокъ, пока я тутъ вотъ одно дѣльце сдѣлаю“... Ну, я это сдуру-то, прости Господи, зажалъ ротъ, стою, жду... Колбаса мѣхи раздуваетъ... въ горнушкѣ какая-то длинная желѣзная палка лежитъ вродѣ какъ шомполъ али жигало.

— Ла-а-дно, жду... Вдругъ, понимаете, Аѳанасій Игнатичъ, кузнецъ этотъ самый, дери его чортъ, схватилъ конецъ-то этотъ желѣзный, жигало-то, выхватилъ изъ горнушки, раскалился онъ тамъ, индо бѣлый сталъ,—стряхнулъ, искры, да, ни слова не говоря, какъ сунетъ мнѣ имъ подъ самое рыло... Я со страху-то какъ дергану вотъ эдакимъ манерцемъ головой-то кверху... Такъ зубъ-то инда съ мясомъ выскочилъ... Истинный Господь!

Мы съ монахомъ засмѣялись.

— Свѣту не взвидѣлъ, — продолжалъ Затычка, — такъ словно все подо мной и поплыло... Думалъ, истинный Господь, всю голову онъ мнѣ, сукинъ сынъ, оторвалъ на прочь... Ну, а потомъ ничего, отошло... бутылку ему поставилъ за это,— закончилъ онъ и осторожно поставилъ на столъ выпитую чашку.

— Врешь ты, Затычка, все, а?..—сказалъ монахъ.

— Ну, вотъ-съ... помилуйте!

— Бутылку поставилъ?

— Поставилъ-съ!

— Гм! Вотъ бы ты ее теперь поставилъ... Не обмозгуешь ли какъ, а? Послѣ завтра отдамъ.

— Гдѣ-же... помилуйте-съ!.. Расколотаго гроша нѣтъ... Истинный Господь!

— Плохо!—сказалъ монахъ и посмотрѣлъ на меня.—У тебя нѣтъ ли?.. Ей-Богу, послѣ завтра отдамъ. —Ты не бойся,—продолжалъ онъ, видя, что я молчу,—я въ своемъ словѣ вѣренъ... Не вѣришь? Возьми вонъ сапоги подъ закладъ... Послѣ завтра получку съ одного человѣчка отдамъ.

Я не зналъ, какъ быть: сказать, что у самаго нѣтъ, было неловко, такъ какъ монахъ, вѣроятно, догадался по моему лицу, что у меня есть, а сказать: не дамъ—было еще больше какъ-то неловко... Я колебался... Денегъ у меня было очень мало—рубля два—и потерять полтинникъ было съ моей стороны неблагоразумно...

— Не знаю, какъ быть,—сказалъ я,—у меня очень мало...

— Ей-Богу, отдамъ! — вскочивъ съ мѣста, забожился монахъ,—вотъ икона святая,—онъ перекрестился,—умереть дай Богъ мнѣ безъ покаянія, коли не отдамъ... ей-Богу отдамъ... Вотъ, Затычка свидѣтель будетъ.

— Что объ этомъ толковать-съ,—сказалъ Затычка не допускающимъ сомнѣнія тономъ,—ваше слово—печать-съ.

Монахъ опять принялся клясться и божиться такой страшной божбой и прибиралъ такія ужасныя слова, что мнѣ стало стыдно, и я поскорѣе, чтобы не вводить его „во искушеніе“, далъ полтинникъ.

Онъ до того обрадовался, что даже прослезился и, схвативъ меня за руку и тряся ее, нѣсколько разъ повторилъ:

— Душа, душа... вижу: душа человѣкъ!

— Къ Володѣ-съ?—остановилъ вопросомъ этотъ чувствительный порывъ Затычка.

— Къ нему... сыпь скорѣе... На посуду-то...

Затычка торопливо, съ уморительно-озабоченнымъ лицомъ, подсунулъ подъ пиджакъ бутылку и не вышелъ, а какъ-то чудно выскочилъ изъ каморки, точно его кто-то стукнулъ на порогѣ по шеѣ...

XXXII.

Онъ вскорѣ возвратился, принесъ съ собой въ бутылкѣ какой-то подозрительно мутной, очевидно „разсыропленной“ водки, и они, усѣвшись къ столу, принялись пить ее сначала чайной чашкой, а потомъ небольшимъ граненымъ стаканчикомъ...

Оба они какъ-то скоро запьянѣли. Монахъ сдѣлался необыкновенно мраченъ, задумчивъ... Изрѣдка онъ поднималъ голову, оглядывалъ насъ посоловѣвшими глазами и произносилъ, ни къ селу ни къ городу, какія то несуразныя слова. Затычка, наоборотъ, сдѣлался необыкновенно разговорчивъ... Онъ безпрестанно курилъ, какъ-то особенно ловко и быстро свертывая изъ бумаги толстыми пальцами новыя папироски, и разсказывалъ осипшимъ голосомъ, исключительно обращаясь ко мнѣ, про то, какъ онъ жилъ съ женой и какъ дошелъ, наконецъ, „до дѣла“. Разсказъ его былъ

страшенъ своими подробностями. Мнѣ было невыразимо грустно слушать его, и я невольно поражался, какъ могъ этотъ тщедушный, плюгавенькій съ виду человѣчекъ перенести столько горя, „человѣческой подлости“ и остаться все-таки „жить“...

— И теперь вотъ я, господинъ (онъ почему-то все время величалъ меня „господиномъ“), Затычка... А почему я Затычка—это понятно-съ... Потому, господинъ, я ношу сію позорную кличку, что мною, такъ сказать, затыкаютъ всѣ дыры. Куда никто не пойдетъ, сейчасъ меня: „Затычка, пожалуйте-съ!..“

Онъ засмѣялся, заморгалъ глазами и, сдѣлавъ новую папироску, началъ жадно затягиваться, поминутно сплевывая къ себѣ подъ ноги.

. . .

Бесѣда наша продолжалась долго... О „послушаніи“, на которое меня привели сюда, не было и помину... Затычка, по приказанію монаха, снова подогрѣлъ самоваръ, и мы опять принялись за чай, разсчитывая, такимъ образомъ, продлить бесѣду еще, какъ вдругъ она была прервана самымъ неожиданнымъ образомъ.

Въ келью, какъ „тать въ нощи“, явился самъ нарядчикъ о. Илья.

Хотя я ни разу еще не видалъ его, но сразу догадался, что это именно онъ. Высокаго роста, чернобородый, еще не старый, съ нахмуренными дугообразными бровями, изъ-подъ которыхъ глядѣли небольшіе, но „пронзительные“ и бѣгающіе во всѣ стороны глаза, — онъ остановился на порогѣ, окинулъ глазами нашу компанію и, покачавъ головой, сказалъ, обращаясь къ Аѳанасію Игнатьевичу:

— Что-жъ это ты, Ахванасій, дѣлаешь? Смутьянъ ты!!.

„Ахванасій“, какъ бѣшенный, вскочилъ съ мѣста, схватилъ ножикъ и съ какимъ-то звѣринымъ рычаньемъ, бросился на нарядчика... Тотъ тоже, съ своей стороны, что-то закричалъ, и оба они повалились...

. . . .

— Вотъ то-то вотъ и оно-то,—сердясь, говорилъ мнѣ спустя часа два послѣ этого у себя въ „покояхъ“ игуменъ, когда я пришелъ къ нему за паспортомъ, — не успѣлъ, братъ, ты горы увидать, а ужъ шлею обгадилъ... Неважно эдакъ-то... Поступилъ, — жить надо! Поживешь—полюбится... Райское житье!.. Спасайся!.. А ты какъ думаешь?.. Ишь ты какой!..

— — — —

Нѣтъ, братъ, не все съ припасомъ, порой и съ квасомъ. Брось гордыню-то!..

— Не могу!—сказалъ я.

— Ну, не можешь, дѣло твое... съ Богомъ!..

Онъ отдалъ мнѣ паспортъ, „благословилъ", и я въ тотъ же день покинулъ „Тихое пристанище"...

С. Подъячевъ.

Конецъ.

ВЪ ГОРОДѢ.

Въ полѣ вербы надъ рѣкою зацвѣли,
Закачались въ бѣлыхъ почкахъ, какъ въ снѣгу...
Не могу я жить безъ солнца, не могу,
Задыхаюсь въ тѣсныхъ стѣнахъ и въ пыли!
Утромъ теплый, нѣжный вѣтеръ прилетѣлъ,
Опахнулъ лицо ласкающимъ крыломъ
И о комъ-то одинокомъ и родномъ
Тихой пѣсней въ грустномъ сердцѣ прозвенѣлъ.
И зоветъ меня съ надеждой и тоской
Милый голосъ изъ невѣдомой дали...
Распустились въ полѣ вербы, зацвѣли
Надъ веселой серебристою рѣкой.

Г. Галина.

Н. К. Михайловскій о религіи.

I.

Даже противники Михайловскаго признавали за нимъ, какъ его выдающуюся заслугу передъ русскимъ обществомъ, его рѣдкую способность будить мысль въ другихъ. Къ этому надо прибавить, что онъ будилъ не только отрицательную критику мысли, но и положительную душевную работу. И въ этомъ была его отличительная особенность, которую долженъ высоко цѣнить каждый, кто въ знакомствѣ съ нашими большими писателями и выдающимися умами ищетъ помощи не только въ борьбѣ со старымъ, но и для завоеванія новыхъ горизонтовъ Вообще, не слѣдовало бы забывать, что въ борьбѣ новыхъ запросовъ жизни съ устарѣвшими и потерявшими прежнюю силу идеями и лозунгами, очень часто повторяется одна крупная и роковая ошибка. Упускаютъ изъ виду, что дѣйствительная побѣда надъ старыми руководящими идеями наступаетъ только тогда, когда онѣ замѣнены новыми. А пока этого нѣтъ, устарѣвшія тенденціи продолжаютъ жить, хотя бы наперекоръ обстоятельствамъ,—разлагаясь и умирая, но продолжая заражать душную атмосферу, внося въ нее застой и разложеніе.

Это относится также и къ религіи, и знаменательно, что въ темѣ о религіи, которую Михайловскій называетъ «обширнѣйшей изъ всѣхъ, какія только могутъ представиться человѣческому уму», его интересовала на первомъ планѣ положительная сторона. Михайловскій считалъ глубокой ошибкой ту ходячую мысль, что если кто отвергаетъ устарѣвшіе идеалы, то изъ этого слѣдуетъ, будто онъ самъ лишенъ идеальныхъ побужденій. Кто разсуждаетъ объ идеалахъ, — говоритъ онъ—тотъ «долженъ понимать, что если противникъ имѣетъ иной идеалъ, такъ это еще не значитъ, чтобы онъ не имѣлъ вовсе. Съ практической же стороны просто невыгодно, объявляя идеалъ противника отсутствующимъ, тѣмъ самымъ лишать себя возможности доказать ложность этого идеала. И нѣтъ ничего мудренаго, если противникъ, при видѣ такого полемическаго пріема, не только подумаетъ, а и въ слухъ заявитъ: Эге! братъ, видно дѣло-то твое плохо, коли ты уклоняешься отъ

оцѣнки моего идеала, подъ предлогомъ его отсутствія». Точно также, если религія въ ея цѣломъ имѣетъ въ своемъ прошломъ много темныхъ страницъ, то Михайловскій считаетъ за предразсудокъ, затемняющій значеніе религіи, считать всякую религію, религію, какъ таковую, только собраніемъ заблужденій и вздорныхъ вымысловъ, порожденныхъ невѣжествомъ дикихъ массъ и завѣдомыми обманами... Невѣжество было однимъ изъ главнѣйшихъ условій появленія, укрѣпленія, распространенія и переживанія многихъ вѣрованій и культовъ, поражающихъ своей очевидною безсмысленностью или чудовищною жестокостью. Но эти вѣрованія и культы утоляли вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую непреходимую потребность человѣческой природы, не менѣе сильно дающую себя чувствовать и намъ» (Посл. Соч. II, 2—3).

Эта потребность заключается въ стремленіи къ глубокой неразрывной связи между тремя основными элементами человѣческаго существованія: областью знаній и вѣрованій, областью чувствъ и побужденій и, наконецъ, сферой дѣйствій. «Сущность всякой религіи, говоритъ Михайловскій, составляетъ та сила, которая направляетъ нашу волю къ дѣйствію въ соотвѣтствіи съ идеаломъ, построеннымъ совокупнымъ трудомъ разума и чувства... Жить значитъ мыслить, чувствовать и дѣйствовать, при чемъ всѣ эти три элемента должны быть въ полномъ согласіи, ибо это равноправныя и другъ друга поддерживающія функціи или стороны жизни. Формула ихъ сочетанія мѣняется въ исторіи, но она всегда есть или составляетъ великое искомое». Это «великое искомое» дается религіей и религіознымъ чувствомъ «тѣмъ великимъ дѣйственнымъ элементомъ, безъ котораго мертвы и наука, и нравственная доктрина».

При этомъ, и Михайловскій это подчеркиваетъ, совершенно не вѣрно и произвольно—отождествлять понятія религіи и вѣры. «Вѣра, какъ и знаніе, входятъ въ составъ религіи, представляя собой, однако, лишь одинъ изъ ея элементовъ. Можно исповѣдывать извѣстное вѣроученіе и дѣйствительно вѣровать, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть религіи, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Это даже очень обыкновенный случай. Человѣкъ религіозенъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой его этическіе идеалы, его пониманіе добра и зла и его поведеніе находятся въ гармоніи съ его міропониманіемъ, состоитъ ли послѣднее изъ вѣрованій, или знаній, или изъ комбинаціи тѣхъ и другихъ. Религія начинается тамъ, гдѣ вѣра или знаніе, согласованныя съ нравственными идеалами человѣка, властно побуждаютъ человѣка къ дѣйствію въ извѣстномъ направленіи. Поэтому, заключаетъ Михайловскій, понятія вѣры и религіи отнюдь не покрываютъ другъ друга, какъ и вообще часть не можетъ покрыть цѣлое» (Посл. Соч., II, 300). Вообще, «можно имѣть вѣрныя и многостороннія понятія о фактическомъ ходѣ вещей, стоять на высотѣ знаній современнаго уровня, и въ то

же время не имѣть руководящихъ принциповъ дѣятельности. Можно, наоборотъ, обладать высокими руководящими принципами, но или содержать ихъ внѣ всякой связи съ объективной наукой, или же только знать ихъ, но не руководиться ими въ дѣйствительности, принимать ихъ только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію. Эта «разсыпанная храмина», эти membra disjecta жизни духа должны быть приведены къ гармоническому единству. И въ этомъ состоитъ функція религіи» (Посл. Соч., II, 6).

Было бы интересно сравнить это опредѣленіе понятія религіи съ опредѣленіями другихъ мыслителей. Но мы здѣсь на этомъ останавливаться не будемъ. Ограничимся только замѣчаніемъ, что опредѣленіе Михайловскаго, подходя и примыкая ко многимъ другимъ, выгодно отличается отъ нихъ своей чрезвычайной ясностью, и обратимся къ главной темѣ Михайловскаго, къ выясненію психологической или, вѣрнѣе, общественно-психологической основы религіи.

II.

Задавшись цѣлью изслѣдовать «психическое зерно религіи, въ разныя времена и у разныхъ народовъ разростающееся въ разныя формы», Михайловскій, въ своей наиболѣе обширной работѣ на эту тему, въ «Отрывкахъ о религіи», только положилъ начало своему изслѣдованію. Но уже въ этомъ отрывкѣ онъ, къ счастью, успѣлъ обнаружить свою основную мысль, которую можно сформулировать такъ: всякій религіозный культъ есть культъ какой-нибудь индивидуальности, какъ воплощенія того единства, къ которому влекутъ человѣка высшія требованія «борьбы за индивидуальность». Въ этомъ смыслѣ исторія религіозныхъ культовъ представляетъ смѣну различныхъ индивидуальностей, къ которымъ человѣчество привязывало самое высшее въ жизни и которымъ оно готово было жертвовать самымъ дорогимъ въ своемъ существованіи.

Согласно ученію о борьбѣ за индивидуальность, надъ человѣческой инвивидуальностью высится цѣлый рядъ концентрическихъ круговъ—общественныхъ индивидуальностей. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, семья, родъ, фратрія, триба, цехъ, городъ, община, государство. Все это ступени общественной индивидуальности. Всѣ эти общественныя группы—не организмы, а индивидуальности, разумѣя подъ этимъ «цѣлое, вступающее въ отношенія къ внѣшнему міру, какъ обособленная единица». Михайловскій при этомъ мимоходомъ отмѣчаетъ, что столь знаменитыя въ наше время «классовая точка зрѣнія», «классовое сознаніе», «классовая борьба», все это—проявленія общественной индивидуальности «класса». Но «классы» не единственныя индивидуальности общественной категоріи. Римская gens или родъ является такой же общественной

группой, связанной единствомъ вѣры и солидарностью во всѣхъ областяхъ жизни. Члены рода отвѣчаютъ за долги своихъ членовъ, въ судъ обвиняемый приходитъ въ сопровожденіи всѣхъ членовъ своего рода, членъ рода не можетъ свидѣтельствовать противъ сочлена, и т. д. Этому же соотвѣтствуютъ сохранившіеся у многихъ народовъ институты родовой собственности и кровной мести. Ромео и Джульетта встрѣчаютъ въ своей любви упорныя преграды во взаимныхъ отношеніяхъ родовъ Монтекки и Капулетти.

Вотъ, въ подобныхъ индивидуальностяхъ и заключается разгадка самыхъ разнообразныхъ, какъ самыхъ темныхъ, такъ и свѣтлыхъ, сторонъ религіозной жизни.

Михайловскій пользуется извѣстной книгой Фюстель-де-Куланжа «La cité antique», чтобы показать тѣсную связь религіи съ общественными индивидуальностями. На зарѣ исторіи такой индивидуальностью Фюстель выставляетъ семью. И въ связи съ этимъ, первобытная религія есть религія семьи. Въ каждомъ жилищѣ былъ свой алтарь или священный очагъ, на которомъ постоянно тлѣлъ огонь. Подъ священнымъ очагомъ хоронили покойниковъ и около него собиралась вся семья для молитвы. Глава семьи былъ жрецомъ, произносившимъ молитвы и совершавшимъ жертвоприношенія. Съ этой ролью семьи связаны были всевозможныя, на первый взглядъ непонятныя, вѣрованія, заботы и дѣйствія, которымъ приписывалась первостепенная важность. Такъ, напримѣръ, кромѣ членовъ семьи никто не могъ присутствовать на религіозныхъ обрядахъ, потому что у каждаго посторонняго была своя семья, свои Маны и Геніи, и при томъ жречество переходило отъ отца къ сыну.

Въ связи съ этой ролью семьи на зарѣ исторіи «было столько религій, сколько семей». И какъ религіи, такъ и семьи находились другъ къ другу въ отношеніяхъ отчужденности съ оттѣнкомъ враждебности. Съ теченіемъ времени семья разросталась и превращалась въ родъ, включая въ ея составъ рабовъ, отпущенниковъ, кліентовъ, молившихся тѣмъ же семейнымъ богамъ. Семейные боги обращались въ родовыхъ deos gentiles, которые покровительствовали только лишь своимъ. Затѣмъ семьи или роды соединялись въ группы, которыя по-гречески назывались фратріями, а по-латыни куріями. Фюстель не рѣшается утверждать, была ли кровная связь между семьями, входившими въ составъ куріи. Но достовѣрно, говоритъ онъ, что эта новая ассоціація сложилась въ связи съ извѣстнымъ расширеніемъ религіозной идеи. Явилось новое божество, высшее, чѣмъ домашніе боги, общее имъ всѣмъ и покровительствовавшее всей группѣ. Когда нѣсколько курій или фратрій сливались въ трибу, то въ ней создавался свой алтарь и возникало свое божество. Обыкновенно это былъ обожествленный человѣкъ, «герой». Трибы, въ свою очередь, соединялись въ гражданскую общину въ городъ-государство, la cité. Каждая изъ этихъ общественныхъ индиви-

дуальностей входила въ составъ новой индивидуальности, подъ условіемъ сохраненія каждой своего культа, надъ которымъ высился новый общій всѣмъ культъ и общее высшее божество. И каждый человѣкъ, какъ выражается Михайловскій, будучи членомъ семьи, куріи, трибы и гражданской общины, имѣлъ четыре религіи, которыя мирно уживались рядомъ, но изъ которыхъ каждая послѣдующая объединяла болѣе широкій кругъ.

Рядомъ съ семейной и домашней религіей, съ ея осложненіями и развѣтвленіями и съ обожаніемъ предковъ, возникла и развивалась другая, обожествлявшая силы природы—въ образѣ громовержца Юпитера, морского бога Нептуна и другихъ. Это была тоже не единая религія. Она возникла въ пору господства семейныхъ религій и семейныхъ культовъ, и ея боги заняли мѣсто въ семейномъ культѣ рядомъ съ Ларами и Геніями. «Отсюда, по словамъ Фюстеля, множество мѣстныхъ культовъ, между которыми никогда не могло установиться единство. Отсюда борьба между богами, которою полонъ политеизмъ и которая отражаетъ борьбу между семьями, округами и городами». Михайловскій приводитъ соображенія изслѣдователей, доказывавшихъ, что, собственно, обожествленіе физической природы сводится, въ концѣ концовъ, къ культу предковъ. Такого взгляда держался, между прочимъ, Спенсеръ. Михайловскій образно рисуетъ себѣ это такъ: «Древній міръ представлялъ собой рядъ семейныхъ единицъ, связанныхъ общностью происхожденія, санкціонируемыхъ въ своей индивидуальности религіей, рѣзко отграниченныхъ отъ подобныхъ имъ сосѣднихъ индивидуальностей. Религія постепенно расширяетъ каждую такую группу, такъ сказать, въ вертикальномъ направленіи, присоединяя къ ней души предковъ, вовлекая ихъ, равно какъ и персонифицированныя силы природы, въ ея земную жизнь». Кромѣ того, какъ мы это уже видѣли, семейная индивидуальность расширяется въ другомъ направленіи. Прибѣгая къ аналогичной метафорѣ, Михайловскій называетъ это горизонтальнымъ направленіемъ. Это расширеніе происходитъ частію путемъ размноженія, частію путемъ присоединенія къ семейному культу рабовъ, кліентовъ и слугъ.

Въ придачу къ этимъ концентрическимъ наслоеніямъ изъ общественныхъ индивидуальностей, съ теченіемъ времени возникалъ третій родъ коллективныхъ индивидуальностей, какъ бы пересѣкавшій предыдущія въ поперечномъ направленіи: это—классы. Въ нихъ связь, главнымъ образомъ, основывалась на имущественныхъ и вообще экономическихъ интересахъ. Сюда относится въ Римѣ союзъ вождей или отцовъ,—патриціатъ. Римское государство, въ противовѣсъ этимъ «патриціанскимъ» классамъ, возникшимъ еще на основахъ рожденія, ввело «безродныя» трибы плебеевъ. Затѣмъ наиболѣе богатые плебеи вошли въ составъ сословія «всадниковъ», а неимущіе образовали «пролетаріатъ».

Каждая изо всѣхъ этихъ общественныхъ группировокъ связы-

валась своей особой категоріей интересовъ и задачъ, своими особыми заботами, радостями и горестями. И такъ какъ связи этого рода никогда не бываютъ только общественными, а глубоко проникаютъ въ весь душевный строй личности, то отсюда объясняется воздѣйствіе каждой такой группировки, каждой такой общественной коллективности или индивидуальности на религію. Каждая общественная индивидуальность налагаетъ на личность свои особенныя, своеобразныя узы, и тѣмъ самымъ является источникомъ особыхъ религіозныхъ культовъ и особыхъ теченій въ религіи.

Михайловскій не успѣлъ дать этому положенію достаточнаго развитія въ примѣненіи къ различнымъ сторонамъ жизни общества. Но онъ остановился на одномъ крупномъ историческомъ явленіи этого рода, самомъ по себѣ достойномъ вниманія, какъ интересная картина жизни и особенно—въ качествѣ иллюстраціи своеобразной логики и своеобразныхъ противорѣчій культа индивидуальности. Это—культъ цезарей, историческій фактъ, къ которому Михайловскій возвращался не одинъ разъ съ особымъ вниманіемъ.

Культъ цезарей въ Римѣ, т. е. въ буквальномъ смыслѣ обоготвореніе ихъ, — явленіе поразительное. Когда мы видимъ безсмысленныя съ нашей культурной точки зрѣнія вѣрованія, безобразныя божества и ужасные культы у дикарей, то это не можетъ насъ удивлять. Совсѣмъ другое дѣло Римъ, этотъ источникъ права, литературы, ораторскаго искусства и культуры. А между тѣмъ, въ Римѣ мы встрѣчаемъ культъ цезарей, настоящій культъ, съ жертвоприношеніями, молитвами, особыми храмами и жрецами. И титулъ бога присвоивался цезарямъ, жизнь которыхъ была исполнена безумія и всяческой мерзости.

Калигула требовалъ себѣ и получалъ поклоненіе, молитвы, жертвоприношенія въ качествѣ бога, при чемъ являлся то Геркулесомъ, то Аполлономъ, Меркуріемъ, Марсомъ и т. д. Юлій Цезарь былъ провозглашенъ богомъ по иниціативѣ сената. То же самое Октавій Августъ. Его соперникъ Антоній объявилъ себя Вакхомъ Діонисіемъ и разъѣзжалъ по Греціи въ костюмѣ бога, предаваясь всякому распутству. Сначала цезари довольствовались титуломъ Divus, божественный. Домиціанъ же объявилъ себя Dominus et Deus, т. е. буквально «Господомъ Богомъ».

Во всемъ этомъ было, разумѣется, много фальши, — льстиваго низкопоклонства, съ одной стороны, наглой дерзости и безумнаго шутовства—съ другой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ была и значительная доля искренности и убѣжденности. «Какъ ни велика, говоритъ Михайловскій, въ иные историческіе моменты способность человѣческой природы стираться и терпѣть, все же одною лестью и низкопоклонствомъ нельзя объяснить обожествленіе цезарей. Отрицательные примѣры инако вѣровавшихъ евреевъ и христіанъ сами собою наводятъ на мысль, что въ массѣ римскаго и варварскаго общества существовала искренняя религіозная вѣра въ божественность

главъ имперіи». Какъ замѣчаетъ Ж. Ревиль, авторъ «Религіи въ Римѣ при Северахъ»,—«мы не должны забывать, что почести воздавались населеніемъ не столько государю самому по себѣ, сколько представителю могущества имперіи». По словамъ Буассье, цезарь «непосредственнѣе всего изображалъ собою Римъ и его могущество, а ничто такъ не поражало міръ, какъ римское могущество. Народы, любящіе видѣть во всякомъ успѣхѣ руку Божію,... должны были быть поражены нѣкотораго рода суевѣрнымъ ужасомъ при видѣ столь длиннаго ряда побѣдъ и завоеванія всего міра».

И Михайловскій заключаетъ: «Культъ цезарей былъ культомъ Рима, какъ общественной индивидуальности, и въ качествѣ такового олицетворялъ единство этой пестрой смѣси «племенъ, нарѣчій, состояній». Какъ нѣкогда отецъ былъ представителемъ и какъ бы символомъ маленькой семейной индивидуальности, такъ цезарь былъ представителемъ и символомъ огромной индивидуальности римской имперіи, поглотившей безчисленное множество низшихъ индивидуальностей разныхъ типовъ и ступеней» (Посл. соч. II, 50—51).

Въ этомъ Михайловскій видитъ полное объясненіе удивительныхъ особенностей этого своеобразнаго и на первый взглядъ дикаго культа цезарей.

Въ этомъ объясненіи особенно интереснымъ является первостепенное значеніе общественности въ религіи. Въ частности, тутъ заслуживаетъ особеннаго вниманія интимная связь религіи съ государствомъ, — обстоятельство, очевидно, имѣющее значеніе не только по отношенію къ такому спеціальному явленію, какъ культъ римскихъ цезарей.

III.

Культъ индивидуальности, воплощаемой въ различныя индивидуальности и ихъ представителей, имѣетъ свою особенную своеобразную логику, И эта особенная логика опредѣляетъ собой основныя черты религіозной жизни человѣчества.

Чѣмъ опредѣляется смѣна тѣхъ индивидуальностей, которыя въ разныя времена являются предметомъ религіознаго культа?

Она опредѣляется общимъ ходомъ процесса смѣны индивидуальностей и «борьбы» ихъ между собой, то есть, иначе выражаясь,— процессомъ смѣны общественныхъ группировокъ и коллективностей.

Общественныя группировки съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ шатаются, разлагаются, и узы, ихъ связывающія, слабѣютъ. Въ нихъ происходятъ разслоенія, которымъ трудно ужиться въ рамкахъ прежняго единства, — и на смѣну имъ является если не готовое новое единство, то жажда

его. Навстрѣчу этой жаждѣ идутъ новыя общественныя организаціи и группировки.

И среди этого сложнаго и иногда запутаннаго процесса яркой линіей пробивается жажда такого высшаго единства, которое разрѣшило бы всѣ частныя столкновенія и противорѣчія жизни, которое способно было бы поглотить и объединить всѣ стороны существованія человѣка, его вѣрованія, знанія и его нравственные идеалы, и властно направлять его дѣйствія. Такой высшей объединяющей силой являлось въ разныя времена исторіи государство. Въ эпохи крупныхъ общественныхъ несчастій, — гражданскихъ войнъ, нашествія иноплеменниковъ, моровыхъ язвъ и т. п., когда колеблется вѣра въ состоятельность прежнихъ боговъ, въ ихъ способность помочь,—жаждѣ новой религіи идетъ навстрѣчу все то, что поражаетъ воображеніе своимъ величіемъ и могуществомъ, т. е. прежде всего государство и тѣ, кто его представляетъ или то, что его символизируетъ. Такія времена, это—эпохи переворотовъ въ жизни государствъ и въ то же время эпохи религіозныхъ катастрофъ. Не напрасно одной изъ любимыхъ идей Михайловскаго было сопоставленіе политическихъ самозванцевъ съ самозванцами религіозными, какъ характернаго проявленія смутныхъ, критическихъ періодовъ въ жизни народныхъ массъ. Въ такія времена идея государства, обаяніе его могущества и величія является высшей объединяющей (т. е. согласно опредѣленію Михайловскаго — религіозной) силой, которая способна дать наиболѣе широкому кругу народныхъ массъ единство вѣрованій, общность идеаловъ и побужденій.

Чтобы правильно оцѣнить съ точки зрѣнія Михайловскаго культъ государства и его аттрибутовъ, въ качествѣ религіознаго культа, не надо забывать, что съ точки зрѣнія его основнаго ученія это только частное проявленіе общей тенденціи къ культу индивидуальности вообще. Для правильной перспективы необходимо имѣть въ виду, что государство не единственная индивидуальность, способная играть эту роль. На это способна всякая индивидуальность, которая только обладаетъ достаточнымъ обаяніемъ, чтобы дать личности высшее единство—единство вѣрованій, нравственныхъ началъ и дѣйствій. Исканіе такихъ индивидуальностей лежитъ въ основѣ многихъ блужданій и шатаній религіозной мысли и религіознаго чувства, и механика происходящихъ на этой почвѣ движеній и душевныхъ конфликтовъ есть собственно механика взаимодѣйствія разныхъ индивидуальностей различныхъ степеней и типовъ развитія; это—механика того, что Михайловскій назвалъ «борьбой за индивидуальность».

При этомъ особенно важно принять во вниманіе, что кромѣ индивидуальностей общественнаго порядка, которыя высятся надъ человѣкомъ, согласно ученію Михайловскаго, имѣются еще индивидуальности низшаго порядка; онъ утверждаетъ, что «каждый ин-

дивидуальный организмъ состоитъ изъ индивидуальностей низшаго порядка, сохраняющихъ извѣстную степень самостоятельности и, пожалуй, зачаточную форму сознанія». И длинный рядъ явленій религіозной жизни человѣчества проникнутъ мотивами борьбы человѣка (а также взаимодѣйствія) съ индивидуальностями именно этого порядка.

На этой сторонѣ дѣла Михайловскій остановился по поводу прибавленія ко второму тому знаменитыхъ «Soirées de St. Petersbourg» Жозефа де - Местра, подъ заглавіемъ «Eclaircissement sur les sacrifices».

Де - Местръ, будучи ультра-правовѣрнымъ католикомъ, съ негодованіемъ отвергаетъ принципъ primus in orbe deos fecit timor. Онъ убѣжденъ, что источникъ религіи — не страхъ, а радость бытія. Но тѣмъ не менѣе люди, по его мнѣнію, всегда были увѣрены въ той «страшной истинѣ, что они живутъ подъ рукой нѣкоторой гнѣвной силы, которая можетъ быть умилостивлена только жертвами». Чрезъ всю исторію человѣчества проходитъ убѣжденіе, что боги добры, но справедливы, а люди виновны, грѣшны и должны искупать свои вины и умилостивлять боговъ жертвами.

Въ чемъ же коренится грѣхъ и вина? Откуда они происходятъ? Они коренятся въ раздвоенности человѣка. Въ человѣкѣ, согласно де-Местру, происходитъ постоянная борьба между двумя различными началами. Де Местръ называетъ ихъ «двумя душами», то «тѣломъ и духомъ», то «разумомъ и страстями», то «тѣло» замѣняется у него «органами животныхъ функцій», или «жизнью» (чувственное начало), или, наконецъ, «кровью». Этой двойственностью природы человѣка объясняется постоянно наблюдаемая нами внутренняя борьба побужденій въ человѣческой жизни. Благодаря ей, человѣкъ можетъ одновременно тяготѣть къ добру и злу, любить и ненавидѣть одинъ и тотъ же предметъ, одновременно испытывать страданіе и наслажденіе, заразъ хотѣть и не хотѣть чего-нибудь и т. д.

Въ этой раздвоенности человѣка и заключается его вина, его грѣхъ, который онъ долженъ искупать жертвами,—какъ онѣ предписываются различными религіозными культами.

Де-Местръ ссылается на многіе факты изъ религіозныхъ вѣрованій различныхъ народовъ, подтверждающихъ этотъ взглядъ на значеніе грѣха и на роль искупительныхъ жертвъ. Религіозный культъ искупительныхъ жертвъ является въ этомъ отношеніи особымъ пріемомъ борьбы съ элементами человѣческой личности, разрывающими ее на части: это особый пріемъ борьбы за цѣльность человѣческой природы,—«борьбы за индивидуальность».

Необходимо замѣтить, что идея объ элементахъ человѣческой личности, являющихся причиной внутренней борьбы въ человѣкѣ, входитъ въ составъ распространенныхъ по всему міру представленій и вѣрованій о душѣ. Тэйлоръ, Спенсеръ, Леббокъ, Бастіанъ

и др. собрали огромную коллекцію фактовъ, сюда относящихся — иллюстрирующихъ распространеніе идеи о дуализмѣ души и тѣла. Идеи эти возбуждаются снами, во время которыхъ человѣкъ какъ бы раздваивается, — одинъ остается неподвижнымъ, а другой гдѣ-то витаетъ, разговаривая и слушая разговоры, сражаясь съ врагами и убѣгая отъ нихъ и т. д. То же самое происходитъ во время обмороковъ, летаргіи, экстаза и тому подобныхъ болѣзненныхъ явленій. Такое же толкованіе дается первобытными народами тѣни, эхо, отраженія въ зеркальной поверхности воды. Какъ указываетъ де-Местръ, сама душа для многихъ древнихъ народовъ представляетъ собою нѣчто множественное, по крайней мѣрѣ двойственное. Онъ отмѣчаетъ подобныя вѣрованія у древнихъ египтянъ и индусовъ и особенно въ классическомъ мірѣ. Михайловскій указываетъ на данныя изъ болѣе широкой области, собранныя у Тэйлора. Идея множественности душъ свойственна современнымъ дикарямъ, европейцамъ въ средніе вѣка и современнымъ мистикамъ.

Присоединивъ къ этому данныя современной психологіи, свидѣтельствующія о способности душевнаго міра дробиться на части, Михайловскій во всей совокупности этихъ явленій выдвигаетъ центральный процессъ жизни: здѣсь передъ нами основной процессъ борьбы между группами («индивидуальностями»), которыя входятъ въ составъ человѣческой личности; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это часть всеобщаго процесса борьбы за индивидуальность.

Борьбой за индивидуальность, согласно Михайловскому, покрывается вся жизнь. «Исторія жизни, говоритъ онъ, во всемъ ея разнообразіи, со всей ея красотой и безобразіемъ состоитъ изъ ряда возникающихъ отсюда побѣдъ и пораженій», а именно — вслѣдствіе «тяготѣнія всякой индивидуальности, въ силу закона развитія, все къ большей сложности и цѣлости, то есть къ количественному увеличенію и качественной подчиненности частей». Всѣ процессы жизни въ человѣкѣ совершаются группами. Всѣми своими дѣйствіями — воспріятіями, познаваніемъ, ощущеніями, сужденіями, чувствами, побужденіями человѣкъ непремѣнно примыкаетъ разными сторонами своего «я» къ различнымъ группамъ физіологическимъ, психическимъ, общественнымъ. Каждая по своему направляетъ центръ вниманія, тѣмъ самымъ отклоняя отъ вниманія, такъ сказать, на боковой планъ, центръ другихъ группъ. И съ точки зрѣнія задачъ религіи, положеніе сводится къ тому, какая группа или какія комбинаціи группъ наиболѣе содѣйствуютъ высшему единству вѣрованій, побужденій и дѣйствій.

Съ точки зрѣнія человѣка, всякое такое столкновеніе группъ («индивидуальностей») обязываетъ его къ отстаиванію своей спеціально человѣческой задачи въ двухъ направленіяхъ. Личность должна, съ одной стороны, подчинять себѣ, какъ цѣлому, входящія въ ея составъ низшія индивидуальности; а съ другой — она должна противодѣйствовать тенденціямъ высшихъ индивидуальностей къ

нарушенію ея цѣльности. «Этими двумя требованіями, говоритъ Михайловскій, въ сущности исчерпывается антропологическая или—что то же, какъ въ буквальномъ, такъ и въ условномъ смыслѣ слова—гуманная точка зрѣнія на міръ. Всякія другія точки зрѣнія будутъ лишь попытками стать либо выше, либо ниже той ступени индивидуальности, на которой человѣкъ стоитъ по самой природѣ своей, а слѣдовательно, не приличествуютъ человѣческой мысли» (Посл. Соч. II, 386).

Въ обоихъ этихъ направленіяхъ человѣка влекутъ подчасъ очень возвышенныя побужденія; но въ конечномъ счетѣ они сходятся въ одной точкѣ и дѣйствуютъ за одно—урѣзываютъ личность, распатываютъ ея единство, и тѣмъ самымъ поражаютъ и принижаютъ личныя начала въ человѣкѣ.

Въ совершающемся тутъ сложномъ процессѣ столкновенія и взаимодѣйствія группъ, въ этой борьбѣ, въ которой замѣшаны высшіе интересы человѣка, съ чрезвычайнымъ упорствомъ возвращаются ошибки перспективы, мѣшающія различать въ сложной сѣти явленій совокупность и единство того, что опредѣляетъ собой человѣческую точку зрѣнія на міръ. Въ области религіозной жизни въ этомъ смыслѣ особенная роль принадлежитъ аскетизму, какъ его вскрываетъ ученіе Михайловскаго.

Аскетизмъ есть въ такой же степени явленіе внутренней, душевной жизни, какъ и явленіе общественное.

Какъ явленіе внутренняго міра, оно означаетъ побѣду надъ человѣческой личностью со стороны душевныхъ побужденій, проистекающихъ изъ мысли, что надо бороться съ самой природой человѣка. Здѣсь противъ человѣческой личности и ея природы борется одна часть ея, какъ бы вырвавшаяся изъ подъ власти цѣлаго и желающая сокрушить это цѣлое. Ницше даетъ аскетизму объясненіе именно въ этомъ же смыслѣ; онъ говоритъ, что когда жажда власти надъ другими не находитъ себѣ удовлетворенія, то человѣкъ тиранствуетъ надъ собственной личностью и, щеголяя при этомъ своей властью надъ собой, наслаждается сознаніемъ своего превосходства надъ другими. Въ этомъ объясненіи заключается уже не одно психологическое освѣщеніе аскетизма, но отчасти зачатокъ общественнаго. Личность мститъ тутъ человѣческой природѣ въ своемъ собственномъ лицѣ за извѣстныя общественныя обиды. Но это объясненіе Ницше сводитъ все къ неопредѣленной «жаждѣ власти». У Михайловскаго общественная сторона выдвинута ярче и поставлена яснѣе.

Въ его глазахъ аскетизмъ меньше всего относится къ области одиночныхъ психологическихъ курьезовъ: это—широкое явленіе массовой психологіи. Оно коренится въ томъ, что совокупность нѣкоторыхъ общественныхъ отношеній (по типу «раздѣленія труда») влечетъ за собой нарушеніе извѣстныхъ нормъ, которыя по самой природѣ вещей существуютъ для удовлетворенія потребностей

человѣческой природы. Это такія нормы, что когда человѣкъ переходитъ черезъ ихъ предѣлы, то онъ испытываетъ чувство пресыщенія. «Онъ, такъ сказать, объѣлся, ему ничто не мило въ той сферѣ, гдѣ онъ съ такою жадностью искалъ наслажденій, и онъ не только отказывается отъ нихъ, но идетъ навстрѣчу лишеніямъ, ищетъ казни для той плоти, которая соблазнила его». И что замѣчательно,—тотъ же результатъ получается и въ противоположномъ случаѣ хроническаго неудовлетворенія потребностей. Зовущія къ себѣ, но не дающіяся наслажденія кажутся человѣку грѣховными, онъ стремится заглушить требованія своей природы, для чего опять таки отдается болѣе или менѣе жестокой аскетической практикѣ» (Посл. Соч. II, 282) *).

При этомъ Михайловскій (Соч. VI, 240) различаетъ еще то обстоятельство, что объѣвшіеся пессимисты живутъ и дѣйствуютъ въ одиночку, каждый въ берлогѣ своей, голодные же пессимисты наоборотъ, группируются въ кружки, общины, «корабли», живутъ и даже умираютъ, какъ, напр., самосожигатели, сообща. И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ аскетизмъ явленіе, повторяющееся въ обширныхъ размѣрахъ у разныхъ народовъ и во всѣ времена, въ Индіи, въ древней Іудеи, на всемъ Востокѣ, въ древней Греціи и Римѣ съ ихъ возстаніями рабовъ и гладіаторскими войнами, въ средніе вѣка и на Руси. Во всѣ эпохи и вездѣ аскетизмъ является результатомъ общественныхъ отношеній, систематически разрывающихъ человѣческую природу на части, отдѣляющихъ трудъ отъ наслажденія, умственную дѣятельность отъ физической работы, пассивное подчиненіе стихійнымъ силамъ отъ доли личной иниціативы, отъ контроля сознанія и воли.

Когда эти условія переходятъ извѣстные предѣлы, тогда ослабляется цѣльность личности вообще,—ослабляется общая ея способность бороться противъ всевозможныхъ «эксцентрическихъ» порываній и силъ, которыя надвигаются на нее съ двухъ фронтовъ—со стороны ея внутренняго, душевнаго строя и со стороны общества. Въ этомъ состояніи личность борется за какія-то высшія (можетъ быть, смутно сознаваемыя) задачи человѣческой индивидуальности путемъ принесенія въ жертву части своего «я».

То же самое происходитъ въ актахъ религіозныхъ жертвоприношеній. Жозефъ де-Местръ утверждаетъ, что грѣхъ долженъ быть очищенъ жертвами кровавыми. «Такъ какъ человѣкъ грѣшенъ своимъ чувственнымъ началомъ, своимъ тѣломъ, своею жизнью, то проклятіе падало на кровь, ибо кровь была началомъ жизни или, вѣрнѣе, кровь была жизнь». По его мнѣнію, не только грѣхъ искупается кровью, но даже невинная кровь можетъ быть пролита за виновную. «Такъ люди всегда вѣрили и будутъ всегда

*) Подробнѣе объ этомъ см. Соч. VI, 232 и д. въ статьѣ „Палка о двухъ концахъ“.

вѣрить».—Михайловскій, съ своей стороны, указываетъ на аскетическія жертвы, получившія развитіе рядомъ съ кровавыми, какъ на примѣръ того, что искупленіе вины возлагалось не только на кровь, но и на другіе элементы личности. Точно такъ же древніе египтяне, передъ бальзамированіемъ трупа, вынувъ изъ него внутренности («органы животныхъ функцій», согласно де-Местру) и обмывъ ихъ пальмовымъ виномъ, помѣщали ихъ въ особый ящикъ, надъ которымъ произносили слѣдующую молитву: «Солнце, верховный владыко, даровавшій мнѣ жизнь, благоволи принять меня къ себѣ. Я неизмѣнно слѣдовалъ культу моихъ отцовъ; я всегда почиталъ родителей, никого не убивалъ. Если же я совершилъ другіе грѣхи, то не самъ собою, а вотъ этими вещами». И вслѣдъ затѣмъ «эти вещи», то есть внутренности, бросались въ воду.

Въ данномъ обрядѣ явственно выражено, что одна часть личности отвѣчаетъ за цѣлое,—она его замѣняетъ. Въ этой замѣнѣ, точно такъ же, какъ и въ актѣ жертвоприношенія, который, согласно Михайловскому, есть актъ обмѣна между людьмы и богами, замѣстительство является вообще основнымъ пріемомъ, проникающимъ всю область религіозныхъ явленій. Это есть пріемъ поручительства или представительства, пріемъ перенесенія задачъ отъ одной коллективной группы, или «индивидуальности», къ другой. И въ примѣненіи къ религіознымъ задачамъ этотъ пріемъ является источникомъ исключительнаго значенія.

Фейербахъ считаетъ, что въ основѣ религіи лежитъ чувство зависимости, чувство или сознаніе человѣка, что существованіе его зависитъ отъ какого-то другого существа или другихъ существъ, отличныхъ отъ него, но въ то же время ему подобныхъ. По представленіямъ первобытныхъ народовъ, вся вселенная населена человѣкоподобными существами. Даже солнце, луна, звѣзды—это люди или бывшіе люди. Эти существа обладаютъ большими силами, чѣмъ человѣкъ, и этимъ объясняется зависимость отъ нихъ человѣка. Человѣкъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но не ограниченъ въ своихъ желаніяхъ и мечтахъ. И слабый человѣкъ, будучи не въ силахъ совладать съ противорѣчіемъ между своими побужденіями и дѣйствительностью, передаетъ эту задачу своимъ богамъ, въ которыхъ осуществляется то, что доступно его желаніямъ, но не доступно его силамъ. Боги—это олицетворенныя, облеченныя въ образы желанія. Имъ онъ поручаетъ исполнять его желанія и бороться съ тѣмъ зломъ, которое онъ самъ не въ состояніи одолѣть. «Испаренія слезъ сердца сгущаются въ небѣ фантазіи въ туманные образы божественныхъ существъ» и эти «боги могутъ то, чего люди желаютъ, то есть они приводятъ въ исполненіе законы человѣческаго сердца...» Съ этой точки зрѣнія въ богахъ человѣкъ сосредоточиваетъ наиболѣе дорогое изъ человѣческаго: можно сказать, что homo homini deus est.

При этомъ, какъ замѣчаетъ Михайловскій, человѣкъ, представляющій собою источникъ религіи, но долго не сознающій этого и поклоняющійся въ лицѣ своихъ боговъ порожденіямъ своихъ же, человѣческихъ желаній, не есть первое встрѣчное индивидуальное «я». «Я» и вообще немыслимо безъ «ты». Важнѣйшимъ подтвержденіемъ этого служитъ взаимная любовь мужчины и женщины, въ которой эгоистическое счастье одного лица сливается со счастьемъ другого. «Человѣкъ» Фейербаха есть носитель всѣхъ чертъ человѣческой природы, человѣческаго рода. Не «я» стоитъ въ центрѣ его философіи, а человѣкъ въ рамкахъ родовыхъ признаковъ, которому, слѣдовательно, не чуждо все человѣческое».

Человѣкъ — «носитель всѣхъ чертъ человѣческой природы», какъ высшая цѣль стремленій,—это не чисто отвлеченное понятіе. Этотъ комплексъ задачъ вырабатывается жизнью путемъ совокупной общественной работы мысли и духа. И какъ степень, такъ и размѣры содѣйствія, которыя въ данномъ отношеніи можетъ оказать человѣку общество, зависятъ отъ характера общества, или, выражаясь болѣе точно—отъ формъ общественныхъ отношеній.

Выясненіе этой зависимости, казалось бы, должно было остановить на себѣ вниманіе Гюйо, задавшагося цѣлью выяснить соціологическую сторону религіи. Согласно Гюйо, «идея общественной связи между человѣкомъ и высшими, но болѣе или менѣе подобными ему силами объединяетъ всѣ религіозныя концепціи. Человѣкъ становится истинно религіознымъ, когда строитъ надъ человѣческимъ обществомъ, въ которомъ онъ живетъ, другое общество, болѣе высокое и сильное, общество всемірное, такъ сказать, космическое. Общественность, составляющая одну изъ чертъ человѣческаго характера, при этомъ, расширяется и поднимается до небесъ. Эта общественность составляетъ прочную основу религіознаго чувства и религіозное существо можно опредѣлить, какъ существо, тяготѣющее къ сообществу не только со всѣмъ живымъ, что открывается ему опытомъ, но и съ мысленными существами, которыми онъ населяетъ міръ».

Гюйо такимъ путемъ замѣняетъ «антропоморфизмъ»—какъ онъ выражается, «соціоморфизмомъ» (см. Посл. Соч. II, 23, 24). Но, тѣмъ не менѣе, какъ отмѣчаетъ Михайловскій, мы не находимъ у Гюйо «именно того, чего въ правѣ были бы ожидать: сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія того, какъ отражается на религіи форма общественныхъ отношеній». Между тѣмъ, Михайловскаго эта задача больше всего интересовала въ изученіи религіи. Самому ему, къ сожалѣнію, не удалось посвятить ей какую-нибудь систематическую спеціальную работу. Но нѣкоторыя соображенія, сюда примыкающія, выяснены имъ въ примѣненіи къ частному, очень замѣчательному кругу явленій религіозной жизни,—религіознымъ движеніемъ народныхъ массъ въ эпохи катастрофъ—въ эпохи

шатанія вѣры, напряженныхъ усилій мысли, исканій, блужданій и созданія новыхъ религіозныхъ сектъ и ученій.

IV.

Факты, сюда относящіеся, въ изобиліи представляетъ исторія: напримѣръ, въ эпоху, ближайшую къ христіанской эрѣ, т. е. до и послѣ рожденія Христа. То же самое относится къ среднимъ вѣкамъ, столь богатымъ колоссальными движеніями народныхъ массъ религіознаго характера. Цѣлыя историческія полосы этого рода Михайловскій отмѣчаетъ также и въ исторіи Россіи.

Всѣ такіе періоды характеризуются тѣмъ, что предшествующій историческій ходъ вещей или какія-нибудь крупныя общественныя катастрофы, – государственные и политическіе кризисы, нашествія иноплеменниковъ, война или физическія бѣдствія—голодъ, эпидеміи, моровыя язвы—шатаютъ въ большихъ массахъ народныхъ довѣріе къ установившимся связямъ общественнымъ, государственнымъ и другимъ. Тутъ, въ напряженныхъ исканіяхъ новыхъ связей, на которыя можно было бы положиться, выступаетъ обостренная жажда религіи, какъ стремленіе къ наиболѣе полной, всеобъемлющей связи. И личность въ этихъ условіяхъ, растерзанная своей общественной безпріютностью и растерянная, ищетъ удовлетворенія своей религіозной потребности высшаго единства—за предѣлами человѣка и человѣческой природы, въ мистически-загадочномъ. Чувство безпомощности въ предѣлахъ установившагося строя естественно направляетъ чувство и воображенія внѣ привычнаго, обыденнаго круга существованія—къ чему-то, лежащему далеко за предѣлами даннаго, въ загадочно далекомъ.

Это естественный исходъ стремленій для всякаго, кто такъ или иначе чувствуетъ, что никакимъ даннымъ моментомъ существованія не исчерпывается вся сумма дѣйствительности, для всякаго, передъ кѣмъ не закрыты далекіе горизонты широкообъемлющей природы человѣка. И въ напряженныхъ усиліяхъ раскрыть эти горизонты, нетерпѣливому въ своихъ порываніяхъ, измученному неудачами духу человѣческому свойственно слагать всю тяжесть задачи съ сознательныхъ элементовъ личности и перелагать ее цѣликомъ на загадочные голоса чего-то далекаго, сверхъ-человѣческаго, неземного.

Уильямъ Джемсъ, въ своихъ новѣйшихъ лекціяхъ о религіи (The Varieties of religions experience), въ результатѣ обширнаго психологическаго изслѣдованія, высказывается слѣдующимъ образомъ объ этомъ стремленіи за предѣлы сознательной области.

Въ нашемъ душевномъ строѣ въ его цѣломъ заключается больше жизни, чѣмъ мы это сознаемъ въ какой бы то ни было отдѣльный моментъ. «Каждый изъ насъ, по выраженію одного изслѣдователя,—

есть постоянное психическое существо, которое охватываетъ гораздо болѣе вширь, чѣмъ оно само это сознаетъ: это индивидуальность, которая никогда не въ состояніи обнаружить себя полностью какими бы то ни было тѣлесными проявленіями. «Я» проявляется черезъ посредство организма, но всегда остается часть этого «я», которая не проявлена; и всегда, повидимому, имѣется нѣкоторая сила органическаго выраженія — незанятая, въ запасѣ». Очень замѣтная часть этаго широкаго фона, на которомъ выдѣляется наше сознательное существо, состоитъ изъ самихъ по себѣ незначительныхъ элементовъ. Сюда входятъ неясныя воспоминанія, обрывочныя и разрозненныя впечатлѣнія. Но въ этой же сферѣ коренятся также многія изъ проявленій геніальнаго творчества. И именно эта область, заключающая въ себѣ подсознательное продолженіе сознательной жизни, есть та область, въ которой религіозныя стремленія черпаютъ свою силу. Она составляетъ необходимое дополненіе человѣческой личности до цѣлаго, и въ ней религіозное чувство находитъ источникъ своего вдохновенія. Близкое общеніе съ этой областью очень часто связано съ глубокими разстройствами душевнаго міра; оно сопровождается тяжелыми нервными припадками и болѣзненнымъ нарушеніемъ нормальныхъ душевныхъ способностей. Но невропатическое состояніе, утверждаетъ Джемсъ, еще рѣшительно ничего не говоритъ ни за, ни противъ истинности взглядовъ того, кто ему подверженъ. Ни въ наукѣ, ни въ техникѣ для того, чтобы судить о достоинствѣ какихъ-нибудь мнѣній или теорій, мы не спрашиваемъ, обладаетъ ли ихъ авторъ невропатической конституціей или нѣтъ. Въ этихъ случаяхъ мы прибѣгаемъ къ совершенно другимъ критеріямъ. То же самое примѣнимо и къ вопросамъ религіи. Если критерій религіознаго достоинства говоритъ въ пользу даннаго направленія, то оно въ нашихъ глазахъ не можетъ потерпѣть ущерба вслѣдствіе того, что исходитъ отъ личности съ разстроенной нервной системой.

На этихъ соображеніяхъ Джемсу пришлось остановиться вслѣдствіе того, что наиболѣе выдающіяся проявленія религіозной жизни во всѣ времена обнаруживаютъ склонность сочетаться съ душевными комбинаціями, отмѣченными печатью исключительности и эксцентричности. Инициаторы религіозныхъ движеній почти сплошь душевно-неуравновѣшенные люди, сплошь и рядомъ подверженные нервнымъ припадкамъ и всевозможнымъ нервнымъ страданіямъ, вплоть до конвульсій.

Михайловскій также не разъ возвращается къ этимъ явленіямъ, когда изслѣдуетъ психологію массовыхъ движеній и въ частности — религіозныхъ движеній народныхъ массъ. Онъ приводитъ относящіяся сюда соображенія Ломброзо, который въ своей книгѣ «Геній и помѣшательство» выставляетъ тезисъ о близости сумасшествія и геніальности. А въ брошюрѣ, въ которой онъ разсматриваетъ массовыя народныя волненія, Ломброзо излагаетъ особенную теорію,

согласно которой народныя движенія всегда нуждаются въ толчкѣ со стороны вожаковъ, выдающихся изъ массы своей энергіей и притомъ всегда—ненормальныхъ: это—«маттоиды». Вотъ это послѣднее соображеніе Михайловскій подчеркиваетъ и сближаетъ со взглядомъ же того Ломброзо на родственность геніальности и сумасшествія. Самъ по себѣ этотъ тезисъ, на взглядъ Михайловскаго, не выдерживаетъ критики, являясь просто слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніемъ изъ такихъ историческихъ фактовъ, какъ, напримѣръ, тотъ, что Магометъ, Лютеръ, Кардано, Контъ, Шопенгауеръ и многіе другіе имъ подобные страдали тѣмъ или другимъ видомъ душевнаго разстройства. Но полнаго вниманія, полагаетъ Михайловскій, заслуживаетъ связующее звено этихъ двухъ теорій—ученіе о маттоидахъ (ненормальныхъ людяхъ), какъ о «герояхъ» или вожакахъ массовыхъ движеній. «Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, отнюдь не всегда; но очень часто всетаки во главѣ толпы становятся эти безкорыстные, хотя и самолюбивые, и властолюбивые, и честолюбивые, увлекательные, хотя и полубезумные люди, которыхъ я, впрочемъ, предпочелъ бы характеризовать не двухсмысленнымъ и вмѣстѣ слишкомъ одностороннимъ словомъ «маттоидъ», а цѣлымъ выраженіемъ, именно тѣмъ удивительнымъ выраженіемъ, которое лѣтописецъ Выговской старообрядческой пустыни употребляетъ, говоря объ Андреѣ Денисовѣ: «И тако Богомъ поставляемъ, приходитъ самозванъ паче же рещи богозванъ, къ подвигу». Какъ ни дерзко это выраженіе, но оно едва прикрываетъ дерзость и безуміе самихъ лжепророковъ. «Такой пророкъ» «можетъ и совсѣмъ не вѣрить въ свое провиденціальное назначеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ искренно вѣрить въ надобность и справедливость того дѣла, ради котораго онъ носитъ личину. Можетъ вѣрить тою странною, но не рѣдко встрѣчающеюся полу-вѣрою, которая какъ бы говоритъ человѣку: есть въ тебѣ высшая сила, говоритъ въ тебѣ неземной голосъ, но слабъ онъ, но всетаки говоритъ, и потому не грѣхъ будетъ, если ты, для убѣжденія толпы, прибѣгнешь къ какому нибудь фокусу и ложному чуду или, по выраженію пророка Іереміи „мечты сердца своего“ выдать за дѣйствительность“. (Соч. II, 217—8).

Въ основѣ этого обмана и самообмана—толпы, съ одной стороны, пророковъ-самозванцевъ и мистиковъ вообще, съ другой стороны—лежитъ болѣзненая ненормальность и тѣхъ, и другихъ. Толпа слѣпо идетъ за своимъ вожакомъ, иногда совершенно случайнымъ, когда она соотвѣтственнымъ образомъ «приготовлена»: когда она доведена до такого состоянія, что испытываетъ своеобразныя, но весьма реальныя «жажду подчиненія» и «наслажденіе отдачи себя и своей воли въ чужія руки» (Соч. II, 232).

Это слишкомъ отвлекло бы насъ отъ нашей темы, если бы мы захотѣли остановиться на выясненіи тѣхъ условій, которыя «приготовляютъ» къ этому общество и обращаютъ его въ «толпу». Мы

ограничимся только кратк[illegible] [illegible] это т[illegible], подъ воз-
дѣйствіемъ которыхъ въ человѣкѣ «ослаблена индивидуальность». Главная особенность этого состоянія заключается въ ослабленіи связности личности и въ нарушеніи того, что дѣлаетъ личность однимъ цѣлымъ. Выражаясь научнымъ терминомъ, это есть децентрализація человѣческаго «я». Личность какъ бы разложена на составныя части, которыя дѣйствуютъ внѣ зависимости отъ цѣлаго, т. е. внѣ высшаго контроля центральнаго сознанія и центральной воли. О крайнихъ проявленіяхъ такого разложенія читатель найдетъ много интереснаго матеріала, собраннаго Михайловскимъ въ его работѣ о «Патологической магіи» (особенно въ главахъ отъ 1-ой до 8-ой и 12-ой).

Распаденіе и децентрализація личности есть ослабленіе того самаго, къ возстановленію чего въ конечномъ счетѣ стремится всякая религія, какъ ее опредѣляетъ Михайловскій. И въ высшей степени знаменательно чрезвычайное распространеніе среди разныхъ первобытныхъ народовъ вѣрованій и культовъ, связанныхъ съ вѣрой въ эти явленія распаденія, какъ источникъ высшихъ, сверхъ-человѣческихъ знаній и общенія съ трансцендентнымъ міромъ. Мы имѣемъ здѣсь проявленіе того любопытнаго закона, по которому людей, потерявшихъ равновѣсіе, какъ нарочно тянетъ къ тому самому, что усугубляетъ ихъ неуравновѣшенность. Къ области подобныхъ вѣрованій относится, напримѣръ, вѣра въ вѣщіе сны и родственныя имъ явленія общенія человѣка съ внѣшнимъ міромъ. Въ связи съ этимъ находится обширное примѣненіе у многихъ народовъ всевозможныхъ наркотиковъ, опьяняющихъ и одуряющихъ средствъ; сюда же относятся такія явленія, какъ пляски дервишей на Востокѣ, у сектантовъ во время «радѣній» и т. п.

«Мы можемъ,—говоритъ Михайловскій (Соч., II, 319),—съ полной увѣренностью отвергнуть мнѣніе всѣхъ дикарей, будто состояніе омраченнаго тѣмъ или другимъ способомъ сознанія поднимаетъ человѣка на какую-то высшую ступень. Но, независимо отъ квалификаціи этого состоянія, оставляя оцѣнку его, какъ высшаго или низшаго, совсѣмъ въ сторонѣ, трудно допустить, чтобы цѣлые народы и цѣлые вѣка рѣшительно и грубо заблуждались, ожидая отъ своихъ одуренныхъ чудодѣевъ такихъ проявленій духа, которыя не мыслимы въ нормальномъ состояніи. Какіе-нибудь дикіе мундрукусы ошибаются, вѣря, что ихъ духовидецъ побывалъ гдѣ-то внѣ чувственнаго міра и оттуда принесъ имъ нужныя для нихъ свѣдѣнія, но свѣдѣнія-то онъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ принесъ: и если дѣйствительно принесъ, то надо доискаться, откуда и какимъ путемъ онъ ихъ получилъ».

Какъ видимъ, мысль тутъ та же самая, что и приведенныя выше соображенія Джемса. Только Михайловскій идетъ дальше и совершенно точно указываетъ источникъ «подсознательныхъ» мистическихъ внушеній. У гипнотиковъ, у находящихся въ состояніи

экстаза и другихъ децентрализованныхъ вообще наблюдается ненормально повышенная чувствительность различныхъ органовъ чувствъ: обонянія, слуха, осязанія, зрѣнія, мышечнаго чувства. Они у нихъ доходятъ до такой степени тонкости, какая совершенно недоступна нормальному человѣку. Этимъ же объясняются, напримѣръ, чудеса ловкости, обнаруживаемыя лунатиками. Эти явленія отнюдь не означаютъ, что даннымъ субъектамъ удалось перейти границы, которыя природа наложила на человѣка вообще. Они только раздвигаютъ тѣ границы, въ которыхъ живутъ и чувствуютъ нормальные люди. Какъ это формулируетъ Михайловскій метафорически, у такихъ людей «внѣшній міръ входитъ въ тѣ же двери, что у обыкновенныхъ людей, но у нихъ эти двери отворены настежь» (Соч. II, 321). Кромѣ того, у людей въ этомъ состояніи достигаютъ крайняго напряженія память, воображеніе и вообще способности къ ассоціаціи, группировкѣ, связыванію и сближенію элементовъ, ускользающихъ отъ подобныхъ же операцій нормальнаго духа. Въ этомъ заключается вѣрная сторона сравненія между геніальностью и сумасшествіемъ. Въ работѣ генія—художественнаго, научнаго, философскаго, практическаго—цѣлыя полосы захвачены совершенно аналогичными процессами. Ходъ работы генія Михайловскій рисуетъ себѣ въ такомъ видѣ. «Мысль сознательно и подъ давленіемъ опредѣленнаго волевого импульса направляется на извѣстный планъ и разрабатываетъ его; но по прошествіи нѣкотораго времени въ работу врывается быстрая, кипучая волна автоматизма». Этотъ процессъ автоматизма «вызываетъ памятью изъ нѣдръ сознательно и безсознательно усвоенныхъ фактовъ подходящіе элементы и комбинируетъ ихъ воображеніемъ въ стройное цѣлое; на это время сознаніе какъ бы удаляется, воля бездѣйствуетъ, образы и идеи самостоятельно текутъ и группируются, повинуясь лишь собственнымъ механическимъ законамъ ассоціаціи. Затѣмъ сознаніе и воля опять вступаютъ въ свои права и кладутъ на работу послѣдніе штрихи, но періодъ безсознательнаго, автоматическаго творчества, повидимому, необходимъ, и вотъ почему, говоритъ Михайловскій, труднѣйшія части работы дѣйствительно могутъ совпадать съ моментами алкогольческаго возбужденія или другихъ видовъ помраченнаго сознанія, даже просто сна. Въ подкрѣпленіе этого Михайловскій приводитъ слова Карпентера: «есть сильное основаніе думать, что лучшими своими сужденіями умъ нашъ часто, особенно въ трудныхъ случаяхъ, бываетъ обязанъ безсознательнымъ выводамъ, разрѣшающимъ всѣ затрудненія въ то время, когда (послѣ предварительнаго внимательнаго разсмотрѣнія) вопросъ былъ предоставленъ самому себѣ». И Михайловскій въ поясненіе этого прибавляетъ: «вотъ это-то предоставленіе самому себѣ» и составляетъ истинную задачу тѣхъ разнообразныхъ пріемовъ устраненія контроля сознанія

и воли, которые практикуются кудесниками, духовидцами, чудодѣями всѣхъ странъ и народовъ» (Соч. II, 323—4).

Другими словами, вся ихъ задача въ этомъ отношеніи сводится къ тому, чтобы дать возможно беспрепятственно проявиться «подсознательнымъ» составнымъ частямъ все той же человѣческой личности, которая у нормальныхъ людей въ обыденномъ ихъ состояніи тоже дѣйствуетъ, но только другими своими частями. У каждаго изъ насъ въ организмѣ происходятъ иногда патологическія измѣненія, которыя не доходятъ до порога сознанія, вслѣдствіе того, что сознаніе усиленно занято. Но случается, что именно поэтому, когда сознаніе не такъ занято, во снѣ, ощущеніе этихъ измѣненій доходитъ до насъ, въ видѣ сновидѣній (Соч. II, 325). Точно такъ же въ насъ бываютъ иногда безсознательныя предчувствія, которыя толкаютъ насъ въ извѣстномъ направленіи, но бодрствующее сознаніе не поддается имъ, хотя эти предчувствія не всегда обманываютъ. Михайловскій категорически оговаривается, что «отнюдь не каждый человѣкъ можетъ, безъ вреда для себя и для другихъ, полагаться на внутренніе безсознательные голоса, въ ущербъ голосу сознанія». Но онъ столь же категорически обращаетъ вниманіе на то, что въ данныхъ явленіяхъ заключается реальное объясненіе, «какимъ образомъ помраченное сознаніе разныхъ чудодѣевъ можетъ не только не мѣшать правильнымъ предчувствіямъ, предвидѣніямъ и предсказаніямъ, а даже обусловливать собою эту правильность».

Совокупность явленій, бѣгло отмѣченныхъ нами сейчасъ, на которыхъ Михайловскій останавливается иногда очень подробно въ статьяхъ подъ заглавіемъ «Паталогическая магія», «Герои и толпа» и др.—даетъ нѣкоторое представленіе о тѣхъ плюсахъ, которые способны вносить въ общую духовную сокровищницу люди децентрализованнаго «я». Въ этихъ плюсахъ заключается источникъ ихъ обаянія на массы, особенно когда массы страдаютъ тѣми же страданіями, какъ и они, и обуреваемы тѣми же чаяніями. Въ специфическомъ характерѣ этого источника заключается разгадка способности поражать воображеніе особеннымъ способомъ, заставляя его приписывать исключительнымъ, ненормальнымъ людямъ происхожденіе сверхъ-естественное и общеніе съ чѣмъ-то неземнымъ: рѣзкая расколотость душевнаго строя на части при нѣкоторыхъ формахъ ослабленія сознанія и воли, съ одной стороны, доводитъ иногда до утраты чувства боли, что, само по себѣ, производитъ впечатлѣніе чего-то сверхъ-естественнаго, а съ другой—до склонности говорить и дѣйствовать не отъ своего личнаго имени. «Человѣкъ, опьяненный настоемъ или отваромъ мухомора, приписываетъ всѣ свои ни съ чѣмъ несообразные поступки велѣніямъ мухомора: мухоморъ приказалъ идти туда-то и сдѣлать то-то. Вообще, людей децентрализованнаго «я» всегда кто-нибудь послалъ, а кто именно послалъ,—это опредѣляется частью личной фантазіи, но гораздо

большей частью существующими въ данной средѣ повѣрьями и миѳами» (Соч. II, 363).

Отсюда прямой путь къ самозванству, начиная съ приписыванія себѣ общенія съ невидимыми духами, вплоть до пророчествъ отъ имени боговъ и до отождествленія себя съ ними.

И въ тѣхъ невольныхъ обманахъ и самообманахъ, которые въ этомъ направленіи совершаются, есть одинъ особенно важный элементъ. Къ самозванству толкаетъ вожаковъ религіозныхъ (также и политическихъ) движеній не только сбивчивость и неясность безсознательныхъ побужденій. Тутъ имѣется болѣе существенная причина—въ склонности, на которую, какъ приведено выше, указываетъ Фейербахъ. Она выражается въ томъ, что человѣкъ, чувствующій себя безсильнымъ совладать съ извѣстными задачами, передаетъ ихъ своимъ богамъ. Въ нихъ осуществляется то, что доступно его желаніямъ, но не доступно его силамъ. Имъ онъ поручаетъ исполнять свои желанія и бороться съ тѣмъ зломъ, которое онъ самъ не въ состояніи одолѣть. И вотъ, въ пріемѣ этой передачи и этого поручительства рѣшающее вліяніе должны оказывать формы общественныхъ отношеній. Массы народныя возлагаютъ на общественный союзъ и его представителей исполненіе задачъ, которыя требуютъ постоянной провѣрки и постояннаго выясненія путемъ упорной работы сообща. Поэтому, напримѣръ, когда вся данная среда страдаетъ слабостью общественной солидарности, отсутствіемъ того, что цементируетъ общество, то въ этихъ условіяхъ естественно выработаться принципу: «вы, наши заступники, хлопочите о насъ, а мы даже не будемъ касаться той области, которая вамъ поручена». Когда «передача», о которой говоритъ Фейербахъ, совершается въ такой атмосферѣ, то совершенно естественно, что избранники, вожаки-герои, на которыхъ возлагается высокая функція борьбы за общее дѣло, находясь внѣ живаго соприкосновенія съ тѣми, кому это дѣло близко и внѣ ихъ контроля — попадаютъ на наклонную плоскость самозванства. Если общее дѣло становится приватнымъ и даже освящается санкціей неприкосновенности, тогда самозванство неизбѣжно: избранники людей, обязанные передъ ними отвѣтственностью, начинаютъ самозванно считать себя безотвѣтственными и избранниками судьбы, боговъ и т. п.

На этомъ частномъ примѣрѣ, полагаемъ, не трудно усмотрѣть, какимъ образомъ критика извѣстной категоріи явленій религіозной жизни должна свестись къ критикѣ соотвѣтственныхъ типовъ общественныхъ отношеній. Гюйо, задавшійся цѣлью взглянуть на религію со стороны соціологической, какъ отмѣчаетъ Михайловскій, въ этомъ отношеніи довольствуется указаніемъ на параллелизмъ эволюціи религіи и общественныхъ отношеній: и то, и другое одновременно развивается, эволюціонируетъ, совершенствуется». Но при этомъ у Гюйо не дается опредѣленнаго критерія совершенствованія, конечно, въ томъ предположеніи, что на этотъ счетъ

нѣтъ и не можетъ быть разногласія». Но такъ ли это?—спрашиваетъ Михайловскій. Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтить на него отрицательно. Для самаго Михайловскаго такимъ критеріемъ являлось, согласно его формулѣ прогресса, требованіе возможной «однородности» общества.

V.

Пріемъ передачи высшихъ задачъ въ другія руки проходитъ черезъ всю область религіозной жизни и практики. И въ выводахъ, къ которымъ Михайловскій пришелъ въ своемъ анализѣ взаимныхъ отношеній массы къ выдающейся личности, заключаются цѣнныя указанія на существо самыхъ задачъ, которыя подлежатъ вообще такого рода передачѣ.

Въ своемъ изслѣдованіи о герояхъ-вожакахъ, ведущихъ за собой массы, онъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ.

Вожаки вообще являются тамъ, гдѣ народъ, истомленный, гнетомый нерѣшительнымъ положеніемъ, ждетъ перваго сильнаго слова, перваго движенія, чтобы двинуться. Вождемъ народныхъ стремленій является тотъ, кто, повинуясь своей энергичной природѣ, не умѣетъ сносить, подобно другимъ, нерѣшительнаго положенія, кто, не умѣя ждать, первый произноситъ роковое слово, первый двигается. Онъ дорогъ массѣ и дѣйствуетъ на массу своей «нераздвоенной рѣшительностью». Нераздвоенная рѣшительность—вотъ то первое требованіе, которое масса предъявляетъ своимъ вождямъ и которое опредѣляетъ ихъ обаятельность и притягательную силу. Это есть основное свойство всякой вѣры и убѣжденности. И въ то же время это исходный пунктъ всякаго самоопредѣленія личности. Больше того, это основа всякаго истиннаго индивидуальнаго существованія въ душевной сферѣ, такъ какъ ею опредѣляется существо воли и личной инціативы.

При этомъ вся внутренняя обаятельность даннаго свойства, вся сила воздѣйствія его обладателя на массу коренится въ томъ, что онъ не просто самъ обладаетъ способностью къ нераздѣльной, «нераздвоенной сосредоточенности», но что онъ уловилъ тотъ пунктъ, къ которому можно привлечь столь же безраздѣльное вниманіе другихъ. По словамъ Михайловскаго, обаяніе крупныхъ историческихъ личностей объясняется тѣмъ, что, «врѣзываясь всею своею крупной, яркою фигурой въ ходъ событій или въ исторію мысли, они разрываютъ плотную ткань разсчетовъ пользы и выгоды, равно какъ и установившихся традицій, и, сосредоточивъ на себѣ общее вниманіе, ведутъ людей, куда хотятъ» (Соч. II, 404). Здѣсь отмѣчено двойное воздѣйствіе крупной личности. Она разбиваетъ нѣчто готовое, разрываетъ ту «плотную ткань», на которую раньше направлялось вниманіе и которая не давала ему сосредо-

точиться. И затѣмъ она поворачиваетъ и сосредоточиваетъ его въ другомъ направленіи. Это двойной актъ единаго процесса—процесса столкновенія, борьбы и смѣны разныхъ группъ интересовъ и задачъ. И шансы побѣды въ немъ тѣмъ выше, чѣмъ шире и устойчивѣе кругъ тѣхъ высшихъ задачъ, на которыя удается достаточно настойчиво направлять вниманіе массъ.

Михайловскій какъ-то приводитъ слѣдующую мысль Лун-Блана о значеніи личности въ исторіи. «Личность,—говоритъ Лун-Бланъ,—можетъ играть въ исторіи большую роль только подъ тѣмъ условіемъ, если она есть то, что я желалъ бы назвать представительнымъ человѣкомъ. Сила, которою обладаютъ личности, почерпается ими изъ себя только весьма меньшею частью; большею частью онѣ почерпаютъ ее изъ окружающей изъ среды. Жизнь ихъ есть не что иное, какъ только сосредоточеніе коллективной жизни, въ которую онѣ погружены. Импульсъ, который онѣ даютъ обществу, въ сущности не великъ въ сравненіи съ импульсомъ, который онѣ получаютъ отъ него... Великіе люди управляютъ обществомъ только при помощи силы, которую получаютъ отъ него же. Они освѣщаютъ его, только сосредоточивая въ одномъ фокусѣ всѣ исходящіе изъ него лучи». Легко видѣть, что именно «представительные» люди, въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, имѣютъ больше всего шансовъ сосредоточить на себѣ вниманіе другихъ и вести ихъ за собой. Въ качествѣ «сосредоточія коллективной жизни», эти собирательные люди (или «люди-маяки», по выраженію Михайловскаго) могутъ предъявить вниманію такую совокупность чисто человѣческихъ свойствъ, которой одной подъ силу прорѣзать «плотную ткань» традицій и всевозможныхъ историческихъ наростовъ. И потому, что имъ это болѣе подъ силу, масса склонна передавать имъ свои высшія задачи борьбы за человѣческую индивидуальность. Она охотно поручаетъ имъ это въ разныхъ областяхъ духовнаго творчества. Въ области искусства они борются въ этомъ смыслѣ обаяніемъ художественныхъ образовъ, тоже всегда собирательныхъ и представительныхъ—«типичныхъ» и «символичныхъ». Въ области нравственной они въ этой борьбѣ опираются на силу личнаго человѣческаго достоинства. А въ области религіи—на связь личной душевной силы съ общимъ міровымъ порядкомъ вещей.

И во всѣхъ этихъ областяхъ духовной жизни разрѣшеніе высшихъ задачъ, съ точки зрѣнія Михайловскаго, невозможно внѣ рѣшенія задачъ общественнаго порядка такъ какъ отъ формъ общественныхъ отношеній зависитъ, въ какой степени личности доступно представительство за достоинство человѣка въ его цѣломъ, а не враздробь, по классамъ, сословіямъ и другимъ общественнымъ группамъ. Въ концѣ концовъ, все тутъ зависитъ отъ того, какъ складывается общественная солидарность: степенью и качествомъ этой солидарности, свойствами того, что цементируетъ

данную общественную среду, опредѣляется содѣйствіе, которое общество оказываетъ личности въ ея высшихъ исканіяхъ художественныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ. Въ этомъ же критерій цѣнности этихъ исканій и высшая ихъ санкція.

Чтобы понять мысль Михайловскаго до конца, мы должны имѣть въ виду, что существуетъ два вида общественной солидарности: одна солидарность устанавливается благодаря сходству людей между собою, а другая - благодаря ихъ различію (см. Отд. II, с. 1 - 99). Къ этому надо прибавить существенную оговорку, что не слѣдуетъ смѣшивать сходство съ единообразіемъ. И съ точки зрѣнія Михайловскаго, плохи шансы достиженія высшаго гдѣ бы то ни было — въ области ли художественно прекраснаго, въ области нравственно возвышеннаго или въ области религіозной убѣжденности — внѣ условій общественной солидарности, основанной на сходствахъ между людьми, т. е. на общественной однородности.

А. Красносельскій.

НА ВЫБОРАХЪ.

II.

Въ городѣ.

Въ Самару пріѣхалъ я ночью. Долго искали мы съ извозчикомъ номеръ двѣсти семнадцатый на Соборной улицѣ. Проѣхали освѣщенную часть города, заѣхали въ темныя окраины. Съ коробкой спичекъ ходилъ я около домовъ и, вставая на носки, старался зажженной спичкой освѣтить заржавленную дощечку съ номеромъ дома, прибитую иногда подъ самымъ карнизомъ.

— И какъ не знать, между какими улицами этотъ домъ!—ворчалъ извозчикъ.—Да у насъ въ Самарѣ собака — и та не побѣжитъ никуда, если улицы не знаетъ.

— Такъ я же говорю, номеръ двѣсти семнадцатый...

— Номеръ, номеръ! Намъ плевать на номеръ. Нѣтъ, ты скажи, между какими улицами этотъ самый номеръ. Заѣдемъ-ка. вотъ, въ часть; тамъ тебѣ разъяснятъ...

— Зачѣмъ же въ часть...

— Хе, хе, хе! Испугался! Ну, ужъ ладно. Я пошутилъ.

Наконецъ, мнѣ удалось прочитать номеръ сто восемьдесятъ третій.

— Ну, садись да держи хорошенько счетъ,—сказалъ мнѣ кучеръ, взявшись за вожжи.

Я сидѣлъ на саняхъ и держалъ счетъ домамъ, а кучеръ употреблялъ все свое искусство, чтобы благополучно проѣхать по громаднымъ валунамъ снѣга, завалившаго всѣ улицы Самары. Чѣмъ дальше. тѣмъ дорога становилась все хуже и хуже. Сани сваливались на бокъ, падали внизъ, подъ хвостъ лошади, потомъ поднимались на гору и, казалось, готовы были вскочить лошади на спину. Должно быть, за снѣжными холмами отъ моего вниманія ускользнуло нѣсколько домовъ. Когда я позвонилъ въ предполагаемомъ двухсотъ семнадцатомъ номерѣ, то, вмѣсто знакомаго, услы-

шалъ за дверями чей-то незнакомый, злой, утробный, какъ у чревовѣщателя, голосъ:

— Это двѣсти двадцать третій! Налакаются, чортъ бы васъ взялъ, да и лѣзутъ съ пьяныхъ-то глазъ въ чужой домъ. Эхъ...

На другой день я съ утра отправился въ редакцію мѣстной газеты, чтобы войти въ курсъ городской жизни и узнать предвыборныя новости. На улицахъ встрѣчалось много учащейся молодежи, хозяекъ съ провизіей и рыжихъ мужиковъ. За время войны Самара очень выросла. Тутъ, какъ и во всѣхъ городахъ по Сибирской желѣзной дорогѣ, остался не одинъ кровавый милліонъ денегъ... Но Самара городъ не промышленный. Какъ и большинство русскихъ городовъ, она оживаетъ только на зиму, начиная съ осени, когда крестьяне уберутъ хлѣбъ. Тогда городъ превращается въ гигантскій ворохъ зерноваго хлѣба. Тутъ закипаетъ вся жизнь: свѣтятся магазины, театры, рестораны. Сюда, какъ вороны на добычу, съѣзжаются торговцы, монахи, генералы, проститутки; сюда же тянется, въ разсчетѣ на заработокъ, голодный, рабочій людъ. Даже крысы и мыши сбѣгаются сюда вслѣдъ за хлѣбомъ изъ опустѣвшихъ мужицкихъ гуменъ и амбаровъ. Городъ оживаетъ, какъ больной, принявшій обычную дозу морфія: на лицѣ появляется подозрительный румянецъ, глаза блестятъ, движенія становятся увѣренны и размашисты, голосъ звенитъ вызывающе-крикливо. Но за то вокругъ города глохнетъ и мертвѣетъ вся жизнь. Въ городѣ пиръ и ликованье. Тутъ переливается изъ одного помѣщенія въ другое золотое хлѣбное море, а въ деревняхъ— пустые амбары и желудки, худосочныя дѣти, голодный тифъ и всѣ болѣзни проклятой мужицкой жизни. И чѣмъ меньше у мужиковъ родится хлѣба, тѣмъ торопливѣе они вывозятъ его сюда изъ своихъ амбаровъ и ссыпаютъ въ барки и купеческіе амбары за безцѣнокъ.

Но торговыя площади, базары и теперь кишатъ мужиками. Везутъ остатки деревенскаго богатства: сѣно, солому, скотину, птицу. Мычатъ телята, визжатъ нервныя свиньи... Голодная деревня молча, угрюмо приноситъ себя въ жертву у ногъ всемогущаго города.

Въ провинціальномъ городѣ трудно имѣть секреты. Тамъ даже обывательскія мысли и тайныя намѣренія непостижимыми путями становятся извѣстны всѣмъ раньше своего осуществленія. Редакція газеты „Волжское Слово" находится на одной изъ людныхъ центральныхъ улицъ Самары. Она и была такимъ мѣстомъ, куда ежедневно съ ранняго утра стекались всѣ городскія новости. Сюда забѣгали подозрительные, пугливые, оглядывающіеся по сторонамъ эсэры, само-

увѣренные кадеты и эсдеки, раздраженные и на правительство, и на революцію октябристы, а также всѣ „дикіе“ политики и политиканы,—рабочіе, доктора, чиновники, адвокаты... Всѣ здѣсь курили, торопливо обмѣнивались нѣсколькими фразами и бѣжали дальше, каждый по своимъ дѣламъ: кто—разнести по постоялымъ дворамъ революціонныя прокламаціи, а кто—въ судъ, судить революціонеровъ за распространеніе прокламацій. И вотъ къ концу дня, непостижимымъ для всѣхъ образомъ, всѣ знали о намѣреніяхъ и планахъ другъ друга.—Кто же донесъ?! — восклицаютъ и правые, и лѣвые.—Тутъ безъ шпіонства невозможно. Такія подробности могутъ знать только близкіе люди! Надо слѣдить...

Въ редакціи было тѣсно, душно и людно. Три стола сотрудниковъ занимали почти всю комнатку. Посѣтители вертѣлись между столами, сидѣли на столахъ, на диванѣ и громко разговаривали о городскихъ выборахъ.

— Это все эсдеки, черти, мутятъ! — говоритъ мѣстный адвокатъ.—Они вздумали свои отдѣльные списки по всѣмъ частямъ проводить. „Намъ, говорятъ, классовое самосознаніе дорого... Подсчетъ силъ...“ До подсчета ли силъ тутъ, когда черная сотня на носу. Вонъ вчера опять въ трехъ мѣстахъ собранія истинно-русскихъ были. Кореневъ со своими дочерьми молебны пѣлъ.

— Къ чорту истинныхъ! Ничего не сдѣлаютъ!—кричитъ толстый, бритый артистъ мѣстной труппы.—Все равно пройдутъ лѣвые! Губернаторъ, говорятъ, ужъ въ департаментъ полиціи телеграмму далъ, что, несмотря на всѣ принятыя имъ мѣры, лѣвые вездѣ проходятъ. Проситъ указаній...

Взрывъ смѣха. Шутки.

— Ну, положимъ, они еще не всѣ средства-то исчерпали,—многозначительно говоритъ судейскій чиновникъ.—Они еще кое-что въ запасѣ имѣютъ. Погодите, придетъ рѣшительный моментъ, такъ они намъ кузькину мать покажутъ...

Начались знакомства.

— Наконецъ-то. Давно васъ ждемъ,—здоровался со мной сотрудникъ газеты, В. А. Кудрявцевъ.—Только, къ несчастью, уѣздная коммисія въ порядкѣ надзора исключила шестерыхъ изъ состава уполномоченныхъ, а въ томъ числѣ и васъ...

— Не можетъ быть...

— Это вѣрно. Я встрѣтилъ сегодня секретаря дворянской опеки. Онъ мнѣ сообщилъ.

— На какомъ основаніи?

Собесѣдникъ мой пожалъ плечами.

— На какомъ основаніи? На такомъ, что вы своими руками землю не пашете. Поэтому же и еще пятерыхъ исключили. Уѣздная коммиссія постановила: „Такъ какъ такіе-то не проживаютъ въ мѣстѣ своего домохозяйства, а слѣдовательно, не могутъ вести таковаго, то...“ Вы понимаете: „Не проживаютъ, слѣдовательно, не могутъ вести“... Какова логика! Только они въ калошу сѣли съ этимъ заключеніемъ. Этого не только въ законѣ, даже въ сенатскомъ разъясненіи не отыщешь. Кромѣ того, четверо изъ исключенныхъ, дѣйствительно, не живутъ въ мѣстѣ своего домохозяйства; но двое, Бѣловъ и Солововъ, всегда живутъ въ своемъ селѣ и домохозяйство сами ведутъ. Тутъ ужъ прямо что-то непостижимое. Дневной разбой...

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ въ Самарѣ начался тотъ предвыборный бѣгъ съ препятствіями, который для всей оппозиціи устроила русская реакція. Въ зданіи уѣзднаго съѣзда мы имѣли разговоръ съ предсѣдателемъ уѣздной коммиссіи, г. Ставровскимъ. На его желтомъ и сморщенномъ лицѣ плавала любезная улыбка, когда онъ излагалъ намъ постановленіе уѣздной коммиссіи. Изъяснялся онъ при помощи безличнаго глагола „стало“, который сопровождалъ каждое его слово.

— Земскіе начальники, стало, доносятъ намъ, стало, что вы не сами ведете хозяйство. Ну, вотъ, стало, васъ и исключили, стало, поэтому. Но вы можете обжаловать, стало, въ губернскую коммиссію...

Вечеромъ того же дня мы всѣ, лишенные избирательныхъ правъ, собрались въ квартирѣ одного присяжнаго повѣреннаго и до полночи писали жалобу въ губернскую коммиссію. Ссылки на законъ, тяжеловѣсныя юридическія фразы и цѣлыя страницы разсужденій о томъ, что ясно безъ словъ, какъ Божій день. Если бы правительство не было заинтересовано въ изгнаніи интеллигентныхъ силъ изъ состава выборщиковъ, то сенатъ не „разъяснялъ“ бы избирательнаго закона, никто не исключалъ бы насъ изъ списковъ, и сомнѣнія въ нашемъ избирательномъ правѣ всякому показались бы просто сумасшествіемъ. Но правящему классу нужно обезсилить своего врага; въ его рукахъ сила, вотъ онъ и гонитъ насъ.. Нужно ли писать мудреныя слова, приводить статьи закона и притворяться, что не понимаешь сущности дѣла. Не лучше ли бросить всю эту словесную дребедень и написать: господа, вы поступили нечестно; у васъ есть время исправить это, и вотъ мы вамъ объ этомъ напоминаемъ...

Жалобы, однако, написаны и поданы. Но увѣренности на успѣхъ у насъ было мало. Если уѣздная коммиссія исклю-

чьи, но губернская, думалось, подтвердитъ... Не терялъ надежды только, кажется, одинъ Ф. К. Бѣловъ. Это энергичный старикъ, похожій на Черномора: низенькій, коренастый, съ большой бородой, вверху широкій, внизу тонкій, точно волчокъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ безъ устали день и ночь ѣздилъ изъ Самары въ свое село Обшаровку и обратно, доставалъ какіе-то приговоры, копіи, удостовѣренія, вообще былъ въ полной готовности доказать то, что и безъ бумагъ ясно, т. е. что онъ, Бѣловъ, крестьянинъ: родился, живетъ и думаетъ умереть въ Обшаровкѣ; у него свой домъ, два надѣла земли, которую онъ и обрабатываетъ; и, вообще, онъ, Бѣловъ, полноправный членъ сельскаго общества... Возможно, что на случай сомнѣнія въ его рожденіи, крещеніи и существованіи на свѣтѣ онъ захватилъ и метрики...

Къ великому нашему удивленію, губернская коммиссія подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружного суда, г. Филиппова, отмѣнила постановленіе уѣздной и такимъ образомъ возстановила насъ въ избирательныхъ правахъ. Постановленіе губернской коммиссіи было формулировано весьма опредѣленно и рѣзко. Она признала за всѣми нами безспорныя избирательныя права и рѣшила, не довѣряя уѣздной коммиссіи, увѣдомить насъ о своемъ рѣшеніи непосредственно.

Это вызвало негодованіе уѣзднаго дворянства и администраціи и нападки мѣстной октябристской газеты „Голоса Самары“. У губернатора состоялся совѣтъ. Постановили обжаловать рѣшеніе губернской коммиссіи въ сенатъ, но не по существу, что сдѣлать было затруднительно, а по формальнымъ соображеніямъ. Нашли, что составъ губернской коммиссіи былъ незаконный. Когда объ этомъ узналъ предсѣдатель коммиссіи, то, говорятъ, въ раздраженіи отвѣтилъ: „Еже писахъ—писахъ. Пусть жалуются, куда хотятъ“.

Но, какъ бы то ни было, перепрыгнувъ первое препятствіе, мы продолжали нашъ предвыборный бѣгъ.

Въ девять часовъ утра 23 января тѣсныя и грязныя помѣщенія уѣзднаго съѣзда были полны народомъ. Въ дверяхъ стоятъ полицейскіе. Въ передней привѣтливой улыбкой встрѣчаетъ меня швейцаръ.

— Что, господинъ, выжили? Ну, слава Богу. А я думалъ ужъ, что вамъ капутъ будетъ.

Уполномоченные переходятъ изъ комнаты въ комнату, останавливаются, сходятся кучками и снова расходятся. Всѣ вглядываются другъ другу въ лица, заговариваютъ, нащу-

дываютъ, стараются рѣшить мучительный вопросъ: кто другъ и кто врагъ? Какъ бы не промахнуться и не ввѣриться тому, кто не будетъ въ силахъ или не захочетъ отстаивать народныя нужды!

Часто изъ толпы выдѣляются взволнованные люди, сплетаются парами, отходятъ въ сторону или темный уголъ и долго шепчутся и мнутъ руками. Нѣкоторые переходятъ отъ одной группы къ другой съ тупымъ и безнадежнымъ выраженіемъ лица. Дескать, все равно, ничего изъ этого не выйдетъ.

Тамъ спорятъ о томъ, за плату или безъ платы нужно взять землю отъ частныхъ владѣльцевъ. Выскакиваетъ низкорослый, бойкій мужикъ и начинаетъ горячо говорить и махать мозолистой рукой. Но слова его не слушаются. Онъ чувствуетъ въ себѣ глубокую, яркую, выношенную въ теченіе всей трудовой мужицкой жизни мысль, но у него нѣтъ такихъ же яркихъ и сильныхъ словъ. Онъ безнадежно взмахнулъ рукой и отошелъ въ сторону, только блестящіе отъ волненія глаза говорили ясно, что онъ не высказалъ того, что хотѣлъ высказать.

Спорятъ, какъ выбирать. Многіе предлагаютъ выбрать въ кандидаты по два человѣка отъ каждаго участка земскаго начальника. Такъ говорятъ, главнымъ образомъ, тѣ, которые тянутъ въ выборщики, но не надѣются выдѣлиться чѣмъ-нибудь изъ массы. Когда имъ возражаютъ, что интересы крестьянъ въ первомъ и въ пятомъ участкѣ одинаковы, а потому нужно выбирать не участки, а людей, — они умолкаютъ, отходятъ въ сторону и въ другой кучкѣ снова заводятъ тѣ же пѣсни.

Часовъ въ одиннадцать появились списки кандидатовъ, предложенныхъ эсэровскимъ комитетомъ: большинство съ юга. Это произвело переполохъ среди сѣверянъ. Многіе усмотрѣли въ этомъ „захватъ власти".

Ко мнѣ подходитъ уполномоченный съ сѣвера, здоровый мужикъ, съ виду напоминающій собою старшину: толстая шея, кулаки по самовару и умное вкрадчивое лицо. Его въ спискѣ не было.

— Это нехорошо, Степанъ Семенычъ! Къ чему эти списки? Конечно, мы не противъ нѣкоторыхъ. Вотъ васъ, къ примѣру, или Макарова мы ужъ знаемъ и выберемъ. А другихъ намъ пусть не навязываютъ...

Около насъ собирается толпа. Кто-то проситъ у собесѣдника списокъ кандидатовъ и спрашиваетъ его:

— Вы не согласны голосовать за этотъ списокъ цѣликомъ?

— Никакъ не согласенъ.

— Такъ вотъ что сдѣлайте съ нимъ...

Онъ разрываетъ списокъ и бросаетъ обрывки на полъ. Простота, съ какой все это произошло, возбуждаетъ общій смѣхъ. Но сѣверянъ это не удовлетворяетъ. Тамъ нѣмцы, имѣющіе по нѣскольку десятковъ, даже сотенъ десятинъ земли, богатые мужики и татары. Всѣ они насторожились и стали сплачиваться около своихъ вожаковъ. Прогрессивный югъ и консервативный, разноплеменный сѣверъ начали разслаиваться на двѣ враждебныя силы.

Прошелъ предсѣдатель, уѣздный предводитель дворянства, чисто вымытый, маленькій, прилизанный человѣчекъ, съ деревянными движеніями. Онъ старался не глядѣть на мужиковъ, ибо не ожидалъ почтительныхъ поклоновъ. Однако, нѣкоторые невольно поднялись и покорно нагнули свои лохматыя головы.

— Здравствуйте, ваше сіятельство!

Сдержанные протесты и насмѣшливые взгляды молодежи.

— Кому кланяетесь? Тому, кто изъ насъ же кровь сосетъ! Такъ вы ужъ у него и ручку поцѣлуйте!

Ровно въ 12 часовъ засѣданіе было открыто. Предсѣдатель прочиталъ статьи закона о выборахъ и предложилъ намѣтить кандидатовъ при помощи записокъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ запискахъ повторились имена почти всѣхъ участниковъ съѣзда. Абсолютное большинство по запискамъ получилъ одинъ я. Остальные—отъ 31 и ниже. Многіе имѣли по одной и по двѣ записки.

Началась долгая и томительная баллотировка. Баллотировали сразу въ четыре ящика. Крестьяне потребовали, чтобы тѣ, кого будутъ баллотировать, вставали сначала каждый у своего ящика, показались бы всѣмъ, а потомъ уже шли въ отдѣльную комнату. Я вмѣстѣ съ другими тремя кандидатами удалился въ сосѣднюю комнату. И странное чувство испытывалъ я, прислушиваясь къ сдержаннымъ звукамъ, которые доносились черезъ закрытую дверь изъ зала собранія. Мнѣ казалось, что въ сосѣднемъ залѣ за закрытыми дверями судьба пишетъ своей рукой нашъ приговоръ. Стальные шары скатывались въ ящики съ легкимъ стукомъ. Ноги шаркали объ полъ. Словъ почти не слышно. Чувствуется только, что за закрытыми дверями совершается таинственное и важное дѣло. Напряженіе чувства передается изъ зала ко мнѣ и властно охватываетъ все мое существо.

— Пожалуйте въ залъ!

Вотъ они, эти таинственные ящики, выкрашенные наполовину въ черный, наполовину въ бѣлый цвѣтъ. Они притаились и молчатъ, хотя знаютъ уже тайну народной совѣ-

сти; они, точно невѣдомые пестрые звѣрьки, свернулись клубками на длинномъ столѣ и ждутъ послѣднихъ нашихъ шаровъ

Разъ, два, три. Я положилъ другимъ свои шары и отошелъ въ сторону. Предсѣдатель открылъ клапаны.

— Кондурушкинъ! Сорокъ восемь направо и двадцать налѣво. Избранъ. Макаровъ! Тридцать семь направо, тридцать одинъ налѣво. Избранъ.

Остальные двое оказались неизбранными.

Ко мнѣ тянутся съ поздравленіями десятки заскорузлыхъ рукъ. Передо мной мелькаютъ бородатыя лица съ широкими улыбками.

— Пишите намъ, извѣщайте, пріѣзжайте къ намъ изъ Думы!—слышу я возгласы.

Дальше пошла долгая, молчаливая и упорная война. На баллотировку ставили одну смѣну кандидатовъ за другой, и всѣ оказывались забаллотированными. Сѣверяне клали влѣво южанамъ, южане—сѣверянамъ. Съ брезгливымъ выраженіемъ лица предсѣдатель спрашиваетъ мужиковъ:

— Желаете ли баллотироваться?

— Пусть ужъ просѣютъ! Что же дѣлать, быть баллотироваться,—отвѣчали даже тѣ, у кого было по двѣ, по одной запискѣ, становились около ящиковъ, потомъ удалялись въ сосѣднюю комнату. Все это дѣлалось упорно, сосредоточенно. Многіе считали, что они не въ правѣ отказываться отъ баллотировки. И только немногіе на предсѣдательскій вопросъ отвѣчали:

— Не желаю, ваше сіятельство! Покорно благодаримъ за приглашеніе.

Воронкой пятнадцать разъ обернулось собраніе около избирательныхъ ящиковъ. Пробаллотировали почти всѣхъ 69 человѣкъ. Все напрасно. Никто, кромѣ меня и Макарова, выбранъ не былъ.

Около пяти часовъ приступили къ повторной баллотировкѣ. Предсѣдатель предупредилъ собраніе, что если второй баллотировкой не будутъ избраны остальные выборщики, то Самарскій уѣздъ останется при двухъ представителяхъ. Снова и снова шестьдесятъ девять человѣкъ проходятъ мимо длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, снова предсѣдатель вскрываетъ ящики, уполномоченные собираются около него толпою и нервно затихаютъ.

— Двадцать два направо, сорокъ шесть налѣво... Не избранъ!

— Чортъ знаетъ, что такое!—раздаются возгласы.—Товарищи, нужно сговориться. Вѣдь дѣло серьезное.

На скамьяхъ отдѣльными кучками сидятъ угрюмые сѣ-

веряне и смотрятъ на всѣхъ исподлобья. Подхожу къ нимъ.

-- Господа, поговорите между собой. Нужно же кого-нибудь выбрать.

Встрѣчаю холодные, даже враждебные взгляды.

-- Выбрать? Надо бы выбрать, да, видно ужъ, не станемъ. Нашихъ закатали, ну и ваши не пройдутъ.

Зажгли огни. Въ полумракѣ комнатъ вяло двигается голодная толпа людей. Осунувшіяся лица, воспаленные глаза мелькаютъ въ дымномъ, туманномъ воздухѣ. Полицейскіе или спятъ у дверей, или мучаются приступами зѣвоты и съ ненавистью смотрятъ на движущіяся лохматыя фигуры. Кто-то изъ уполномоченныхъ лежитъ въ темной комнатѣ на диванѣ голоднымъ животомъ внизъ и безнадежно спрашиваетъ проходящихъ:

-- Ну, что, не выбрали? Нѣтъ! О-о-о!..

А въ залѣ воронкой вертится около урнъ толпа. Въ дымномъ, липкомъ воздухѣ мелькаютъ бородатыя маски, слышатся подавленные вздохи, раздраженныя слова. Здѣсь, около избирательныхъ ящиковъ столкнулась старая и молодая Россія, богатые мужички—съ обычнымъ, голоднымъ, рядовымъ крестьянствомъ, темные старики—съ новымъ, молодымъ поколѣніемъ. Но между этими двумя силами находилась еще какая-то третья сила, нерѣшительная, безвольная, которая топила своей тяжестью и правыхъ, и лѣвыхъ. Пестрые избирательные ящики и тѣмъ, и другимъ выносили неувѣренный, но неизмѣнно отрицательный отвѣтъ: нѣтъ, не избранъ. Было много такихъ: 34 и 34—не избранъ; 33—35, 32—36 и т. д.

Баллотируются снова всѣ. Предсѣдатель со злобой смотритъ на упорныя лица мужиковъ: ему хочется ѣсть. Только къ своимъ онъ относится ласково и даже подсказываетъ мужикамъ ихъ кандидатуры. Баллотируется вторично истинно-русскій нѣмецъ, членъ земской управы Мейзенгельтеръ. Онъ въ нерѣшительности.

— Вотъ ужъ и не снаю, што мнѣ дѣлайть?

— Конечно, баллотируйтесь, — предлагаетъ предсѣдатель.—Чай, образумятся, наконецъ...

Но избиратели не образумились. Мейзенгельтеръ снова получилъ только восемнадцать бѣлыхъ.

Наконецъ, раздались возгласы:

-- Избранъ! Шишкинъ избранъ,—Потомъ вскорѣ были избраны Комариковъ, Хаяровъ, Денисовъ, Гришинъ, Грачевъ и Кириллинъ, избраны въ большинствѣ случаевъ тѣ, которые при первой баллотировкѣ сами отказались отъ своихъ

кандидатуръ. Вѣроятно, они большинству казались безразличными по своимъ политическимъ убѣжденіямъ.

Послѣ выборовъ всѣ мы, выборщики по Самарскому уѣзду, отправились въ ближайшую гостинницу пить чай. Никаноръ Ивановичъ Шишкинъ—степенный, спокойный и уравновѣшенный; онъ всегда долго наблюдаетъ, потомъ скажетъ что-нибудь дѣльное, нужное. Дмитрій Өедоровичъ Денисовъ—коренастый мужикъ, борода лопатой, быстрыя, но мягкія движенія и быстрая рѣчь. Его слова бѣгутъ одно за другимъ, и самъ онъ готовъ тотчасъ же броситься за ними въ погоню. Михаилъ Ивановичъ Хаяровъ,—сухощавый, высокій, чисто одѣтый, похожъ на землевладѣльца средней руки; онъ рѣзокъ, вспыльчивъ, съ замашками деревенскаго деспота, но толковый и энергичный человѣкъ. Комариковъ—худощавый мужикъ, старшина, ведетъ политику на обѣ стороны. Гришинъ и Грачевъ—скромные, тихіе, симпатичные крестьяне. Кириллинъ—рыжій, желтый, поломанный трудомъ мужикъ, но все еще искренній, увлекающійся и живой, точно юноша. Иванъ Өедоровичъ Макаровъ, бывшій сельскій учитель—желтый, нервный, порывистый и подозрительный человѣкъ.

Недолго продолжалась наша первая бесѣда. Многіе торопились уѣхать изъ города, и всѣ устали до послѣдней крайности. Зашелъ разговоръ о томъ, какія свѣдѣнія дать о нашихъ политическихъ направленіяхъ въ газету. Сначала одобрили слово „прогрессисты".

— А кто такіе прогрессисты?—спросилъ Шишкинъ.

— Прогрессисты, это безпартійные люди, которые, однако, не назадъ тянутъ, не говорятъ, что у насъ все хорошо, а стремятся къ улучшеніямъ, къ измѣненію существующаго строя,—пояснилъ Макаровъ.

— Что же, это ничего. Назовемся прогрессистами,—одобрили нѣкоторые.

Кто-то предложилъ назваться трудовиками.

— Вотъ это дѣло! Трудовики—это намъ самое подходящее слово. И русское, и понятное, ой, какое понятное!..

Слово соціалисты отвергли, какъ страшное и опасное.

Подходитъ Кириллинъ и грустно говоритъ:

— Не возьму я, Степанъ Семеновичъ, на себя такого позора—трудовикомъ прозываться. Я—соціалистъ, такъ ужъ и въ газетѣ написать нужно это слово...

Милый Кириллинъ! Газета поименовала его прогрессистомъ, но правительственные отчеты поименовали его, вѣроятно, какъ и повсюду крестьянъ: православный, монархистъ.

Съ тяжелой головой ѣхалъ я домой. Колеса конки визжали отъ мороза и стучали по рельсамъ. Въ вагонѣ, кромѣ

меня, никого не было. Только на площадкѣ стояли кондукторъ и контролеръ, спрятавъ озябшія головы въ заиндевѣвшіе башлыки и отъ нечего дѣлать смотря на окруженную туманнымъ кольцомъ луну. Контролеръ пошевелился, и подъ его ногами захрустѣлъ морозъ.

— А вѣдь вотъ луна!.. Слышишь, Митричъ?

— Слышу,—отвѣчаетъ, не шевелясь, кондукторъ.

— Вотъ говорю я, луна. Если вдуматься, что такое луна, такъ и страшно станетъ.

— Отчего же?—недовѣрчиво спрашиваетъ Митричъ.

— Да вотъ, къ примѣру, ходитъ луна вокругъ земли и не падаетъ...

Митричъ молчитъ. Должно быть, ему не понятенъ мистическій страхъ своего собесѣдника.

— Или свѣтитъ она,—продолжаетъ контролеръ,—а свѣтъ у ней не свой, а отъ солнца. Отраженіемъ она свѣтитъ. Слышишь, Митричъ?

— Слышу. Не знаю, какъ это такъ она отражаетъ...

— А очень просто,—оживляется контролеръ. — Вотъ, къ примѣру, губернаторъ. Развѣ онъ отъ себя власть имѣетъ? Отъ царя? А царь отъ кого? Отъ народа. Значитъ, они тоже отраженнымъ свѣтомъ...

Митричъ крякнулъ. Оба покосились въ мою сторону и затопали мерзлыми ногами.

Въ концѣ января, вечеромъ, ко мнѣ пришелъ юноша и таинственно пригласилъ на засѣданіе. Долго мы шли по темнымъ улицамъ и переулкамъ, такъ что я потерялъ имъ всякій счетъ и не зналъ, въ какой части города мы находимся. Наконецъ, мой спутникъ остановился, оглядѣлся кругомъ и юркнулъ въ покривившуюся калитку, пригласивъ меня въ полголоса:

— Пойдемте сюда.

Узкій, длинный дворъ; въ самомъ его концѣ стоялъ небольшой каменный флигель. Въ подвальномъ этажѣ флигеля сквозь темную занавѣску просвѣчивалъ огонь. Юноша остановился около двери и прислушался. За дверью было тихо.

— Должно быть, никого еще нѣтъ, - бросилъ онъ мнѣ полувопросомъ и дернулъ звонокъ.

— Кто тамъ?—послышался хриповатый, вѣроятно, отъ долгаго молчанія, голосъ.

— Это я, Николай.

Насъ встрѣтилъ пожилой человѣкъ, похожій на отставного чиновника. Онъ былъ въ войлочныхъ туфляхъ, въ мяг-

кой рубашкѣ съ галстухомъ изъ голубого пояска и въ сѣромъ, тоже мягкомъ, пиджакѣ. Вообще, весь видъ у него былъ крадущійся, мягкій, какъ у стараго, нѣсколько полинявшаго и поистрѣпавшаго, но все еще довольно пушистаго кота.

— Аркадій не заходилъ? — спросилъ мой спутникъ, назвавшійся Николаемъ.

— Нѣтъ, никого еще не было,—отозвался пожилой человѣкъ, подавая ему руку. -Съ кѣмъ имѣю честь? - обратился онъ ко мнѣ.

Я назвался.

— Очень пріятно, весьма даже. А моя фамилія Груздевъ, Алексѣй Прохорычъ Груздевъ. Ничѣмъ не замѣчателенъ и никому не извѣстенъ, кромѣ своихъ враговъ. Да-съ. А вы - писатель. Читалъ, читалъ и, такъ сказать, заочно съ вами знакомъ, духовно знакомъ. Милости прошу.

Груздевъ вышелъ мягкими шагами изъ комнаты, а Николай сообщилъ мнѣ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

— Онъ не партійный, но намъ очень сочувствуетъ и квартиру свою даетъ для собраній. У него—манія преслѣдованія со стороны высшихъ властей. Онъ обличаетъ чиновниковъ въ служебномъ небреженіи,въ мошенничествѣ, пишетъ письма царю, министрамъ, ихъ женамъ и любовницамъ, все раскрываетъ какія-то милліонныя кражи. Часто ѣздитъ въ Петербургъ, подаетъ жалобы въ сенатъ и на высочайшее имя. Со службы его давно уже выгнали. Онъ увѣренъ, что ему удастся, наконецъ, раскрыть всѣ преступленія, воровство, какое творится властями, и прославить свое имя.

Я теперь только разглядѣлъ Николая. Это былъ еще не вполнѣ сложившійся, но крѣпкій молодой человѣкъ. У него были длинныя, мускулистыя руки съ крѣпкими жилистыми кистями. Поверхъ красной рубашки на немъ было теплое ватное полупальто, въ которомъ онъ ходилъ дома и на улицѣ. Вообще, онъ имѣлъ видъ человѣка, который не имѣетъ постояннаго пристанища, готовъ идти, куда угодно, спать, гдѣ его застанетъ ночь, и ѣсть, гдѣ накормятъ. Все свое онъ носилъ съ собой. Эти неудобства жизни, повидимому, его нимало не безпокоили, потому что на его загрубѣломъ отъ морозовъ, безусомъ лицѣ часто появлялась беззаботная дѣтская улыбка. А наивные голубые глаза его были прямо прелестны. Только при малѣйшемъ шорохѣ на дворѣ онъ настораживалъ уши, какъ чуткая дворовая собака.

— Извините, я немного замѣшкался,—заговорилъ Груздевъ, входя въ комнату.—Мнѣ бы вѣдь ужъ пора на покой, на кровати бы день и ночь лежать да ногами небо ко-

вырять. А у меня все хлопоты, все безпокойство... Очень я хотѣлъ съ вами познакомиться, а въ особенности теперь. Вамъ, какъ будущему члену Государственной Думы, я хочу передать проектъ одинъ...

Алексѣй Прохорычъ подвинулся ко мнѣ поближе, съ явнымъ намѣреніемъ изложить дѣло основательно. Николай, вѣроятно, не разсчитывалъ услышать ничего новаго, взялъ газету и уткнулся въ нее носомъ.

— Ахъ, если бы вы знали, что я пережилъ!—словоохотливо началъ Груздевъ.—Если бы вамъ всю мою жизнь разсказать, такъ не то что сто,—тысячу томовъ можно написать, а то всего не упишешь. Да. Я самъ написалъ повѣсть: „Zwei und zwanzig Jahre unter Höllenstrahlen"... Я вѣдь по матери нѣмецъ, и нѣмецкій языкъ—мой первый родной языкъ. Да-съ, повѣсть „Двадцать два года подъ лучами ада". Тамъ всѣ мои страданія описаны... И теперь рукопись лежитъ у редактора за границей... Мнѣ одинъ нѣмецкій издатель шесть тысячъ марокъ предлагалъ, да я еще погожу немного. Тамъ я всѣ ихнія дѣла описалъ, всѣ милліонныя кражи, всѣ подлоги и насилія. О-о-о! Это адъ, истинный, я вамъ скажу, адъ! У меня все готово къ печати въ заграничныхъ редакціяхъ. Мнѣ стоитъ только нажать кнопку, и весь міръ узнаетъ о васъ, звѣро-люди! Только троньте меня! Вы ходите по вулкану!.

Груздевъ выкатилъ злобно глаза и покраснѣлъ отъ негодованія.

— Чьи же вы дѣла описали?—спросилъ я.

— Всѣхъ описалъ. Министры у меня тамъ, Витте, напримѣръ; государственный контролеръ, директоръ департамента полиціи и теперешніе многіе министры и сенаторы есть... Да... Еще при Плеве я написалъ царю письмо, изложилъ ему, что кругомъ въ Россіи грабежъ, несправедливость; чиновники-боги дѣлаютъ все, что захотятъ. Чтобы искоренить это зло, я предлагалъ царю проектъ: для разслѣдованія злоупотребленій разсылать по провинціи флигель-адъютантовъ со всѣми полномочіями... Виновнымъ вѣшать въ награду пудовыя чугунныя медали на пеньковыхъ лентахъ. И повѣрьте, тогда бы никакихъ злоупотребленій не было. При Николаѣ первомъ одному чиновнику повѣсили такую медаль... Но вѣдь одному только, а это недѣйствительно. Мой отецъ и наблюдалъ, чтобы этотъ чиновникъ ее каждый день носилъ... Ну, вотъ, и я проектъ...

Тутъ Груздевъ засмѣялся. Смѣхъ его походилъ на старческій кашель, когда, закашлявшись, старикъ не можетъ вздохнуть и долго, безсильно хрипитъ. При этомъ глаза его, цвѣта мыльной воды, покрывались слезой и блестѣли.

— — — — —

— Когда тамъ получили мой проектъ, продолжалъ онъ послѣ смѣха,—такъ Плеве министръ, говорятъ, ногами топалъ. „Кто такой, говоритъ, Груздевъ? „Да какъ онъ смѣетъ! Бить его, сукина сына, въ морду“... Недавно былъ я въ Петербургѣ, такъ они меня чуть-чуть не затравили. Хотѣли въ сумасшедшій домъ посадить, звѣро-люди! Случай спасъ меня...

Старикъ остановился, чтобы провѣрить, заинтересовался ли я его случаемъ. О своемъ пеньковомъ проектѣ онъ уже, повидимому, позабылъ.

— Какой же случай? спросилъ я.

— Видите ли, встрѣтилъ я тамъ, въ Петербургѣ, одного знакомаго литовца. И сказалъ онъ мнѣ случайно въ разговорѣ, что привезъ продавать вино такое, старовуткой прозывается, столѣтнее вино, можетъ быть, еще его дѣдомъ въ землю зарыто. А великій князь одинъ -пьяница страшнѣющій!- эту самую старовутку прямо, можно сказать, обожаетъ. Я ему письмо и написалъ, великому-то князю, что вотъ, молъ, я, такой-то, могу достать старовутки цѣлый боченокъ. Ко мнѣ на другой же день вечеромъ княжескій адъютантъ прискакалъ, съ письмомъ отъ князя. Приглашаетъ во дворецъ къ себѣ по извѣстному дѣлу. Понимаете, „по извѣстному дѣлу!“ Я обѣщался завтра быть; письмо себѣ въ карманъ положилъ...

— А въ тотъ вечеръ мнѣ какъ разъ назначенъ былъ пріемный часъ у одного сенатора, который въ прошлую войну, можетъ быть, десять милліоновъ укралъ. Хорошо. Прихожу. Смотрю, у него въ кабинетѣ всѣ мои враги: министры, сенаторы, генералы разные. Такъ на меня и уставились, окружили... Смотрю я на нихъ, щеки у нихъ трясутся, глаза по сторонамъ бѣгаютъ. Сенаторъ-то мнѣ и говоритъ: „По моему, говоритъ, вы устали, глубокоуважаемый Алексѣй Прохорычъ, и вамъ не мѣшаетъ отдохнуть, полѣчиться. За всѣ ваши труды родина должна о васъ позаботиться. Мы вамъ и мѣстечко нашли... Эй!..“

— Входятъ два жандарма! Вижу, дѣло дрянь. Конецъ мой приходитъ. Похолодѣлъ я весь. Да вдругъ вспомнилъ про письмо. Эврика! Спасенъ! „Погодите, говорю, ваше превосходительство, немного. Вотъ тутъ у меня письмо есть. Можетъ быть, вы отгадаете, чей это почеркъ?“ Да письмо-то имъ и показалъ! Они такъ и вытаращили глаза. „Смотрятъ, рука великаго князя“. „Узнали?“—спрашиваю.—„Узнали“, говорятъ. „Такъ вотъ, говорю, завтра я долженъ у него быть. Если вы меня хотите арестовать, такъ, можетъ быть, вы сами исполните данное мнѣ порученіе, сами съѣздите къ великому князю?“...

Въ голосѣ Груздева зазвучало злобное, насмѣшливое торжество.

— „Можетъ быть, говорю, вы лучше меня сдѣлаете это?“ продолжалъ онъ.—Всѣ они отъ меня, какъ раки, въ разныя стороны расползлись. „Это, говорятъ, чортъ, а не человѣкъ!“—„Что же, говорю, ваше превосходительство, можетъ, вы меня арестуете?“—„Ну, полно, говоритъ, эта была шутка, испытать мы васъ хотѣли“.

Груздевъ опять засмѣялся.

— Потомъ я былъ у этого сенатора на другой день,— продолжалъ Груздевъ.—Увидалъ онъ меня,—сдѣлалъ видъ, что обрадовался. Говоритъ: „А-а, милости просимъ! Хорошо, что вы заѣхали“.—„Да, говорю, такой-сякой, я заѣхалъ“...

Груздевъ вытаращилъ глаза, и лицо его задрожало злобой.

— „Пріѣхалъ“, говорю. „А вотъ этого ты не желаешь отъ меня?“.. Да револьверомъ ему въ морду какъ ткну. А въ другой рукѣ у меня нагайка... Онъ и осѣлъ, совсѣмъ повялъ, затрясся. Протягиваетъ руку.—„Ну, говоритъ, ладно, будетъ, давай помиримся“...

— И вездѣ у васъ этотъ пистолетъ, да нагайка участвуютъ!—не утерпѣлъ и насмѣшливо сказалъ Николай, оторвавшись отъ газеты.

— А вы какъ же думаете съ ними поступать?—убѣжденно воскликнулъ Груздевъ.—По вашему, можетъ, съ ними добромъ да непротивленіемъ злу? Да ужъ вы не толстовецъ ли?—закончилъ онъ съ ѣдкой ироніей въ голосѣ.

Очевидно, всѣ эти сцены съ пистолетомъ и нагайкой Алексѣй Прохорычъ создалъ въ своемъ воображеніи, давно тысячи разъ пережилъ мысленно и самъ увѣровалъ въ нихъ безповоротно.

— Я имъ, врагамъ-то своимъ, говорю всегда: „Не троньте меня! Лайте, да не кусайтесь!“—опять вдохновенно заговорилъ Груздевъ. — Но они стали кусать меня; они сами суютъ мнѣ подъ ноги свои глупыя башки. Такъ я ихъ растопчу, растопчу (вытаращенные глаза и страшный голосъ)! Подалъ недавно въ сенатъ. Три ночи писалъ. Будетъ верховный судъ. Всѣхъ ихъ въ каторжныя работы. Пусть ихъ царь милуетъ—его воля, но судъ ихъ осудитъ. Я ихъ изъ могилы выкопаю, внуковъ ихъ въ острогѣ сгною (опять вытаращенные глаза и страшный голосъ). Вѣдь они все еще не знаютъ, кто я! Не понимаютъ, кто такой Алексѣй Прохорычъ Груздевъ! Я на Ивана Великаго босикомъ по раскаленнымъ ступенямъ войду и всѣ зубы себѣ на ходу вырву, а до правды дойду. Настанетъ же правда когда-нибудь въ Россіи. Мы имъ устроимъ! Не такъ ли, Николай?—

обратился онъ къ [illegible]. Мы имъ скоро устроимъ. Ихъ, видно, бумагой не проймешь. Вотъ какъ поднимется народъ, тогда они запоютъ...

Помолчавъ немного, онъ, однако, какъ бы въ раздумьи, грустно глядя въ пространство, добавилъ:

— Только, ухъ, страшенъ русскій народъ! Это не Франція, не Германія! Если да весь русскій народъ, все это море заволнуется,—о-о-о, Боже мой! Самъ адъ содрогнется, сатана перекрестится! Избави Богъ...

И вдругъ, какъ бы устыдившись своего сожалѣнія, задорно добавилъ:

— А вѣдь они доведутъ, черти! Они мертвыхъ на возстаніе поднимутъ, не то что живыхъ... Не такъ ли, Николай?

Въ это время въ передней позвонили. Алексѣй Прохорычъ пошелъ отворять. Въ передней слышался его голосъ:

— А вотъ Гогъ и Магогъ нашей революціи пришелъ. Аркадій! Кто еще здѣсь? А, вы, Соколъ! Давно васъ ждемъ. Проходите.

Вошелъ Аркадій, глава самарской эсеровской группы, человѣкъ очень скромный, тихій. Большую часть послѣднихъ десяти лѣтъ онъ провелъ въ тюрьмахъ и ссылкѣ. Казалось, Аркадій заплѣсневѣлъ въ сырыхъ подвалахъ тюрьмы, да такимъ и остался на волѣ: сѣрый лицомъ и волосами, онъ иногда походилъ на старика, хотя, по всей вѣроятности ему было не больше тридцати лѣтъ. Сгорбленный, въ очкахъ, онъ ходилъ постоянно на noскахъ, точно боялся разбудить тяжело больного. На лицѣ его была постоянная улыбка. Точно онъ улыбнулся еще давно, когда въ первый разъ сознательно взглянулъ на божій міръ, улыбнулся доброй, любящей улыбкой, да такъ и забылъ стереть ее съ лица. И вотъ, всю жизнь горе, болѣзни и всѣ невзгоды онъ выносилъ съ одинаковой улыбкой на лицѣ, встрѣчалъ добрымъ, грустнымъ, ласкающимъ взглядомъ.

Другой, котораго звали Соколомъ, былъ молодой человѣкъ въ форменной тужуркѣ. У него было подвижное, какъ у кролика, лицо съ нервно вздрагивающими ноздрями. Онъ часто вспыхивалъ, дѣлалъ порывистыя движенія и нервно щипалъ ногтями едва пробивавшійся на губахъ пушокъ. Казалось, что внутри его горитъ постоянно огонь, и ему стоитъ большихъ усилій сдерживать себя, сидѣть на одномъ мѣстѣ, молчать, когда говоритъ другой что-нибудь несогласное съ его мнѣніемъ, въ особенности, когда кто-нибудь въ чемъ-нибудь сомнѣвается. Сомнѣній у него не было ни въ чемъ, и если онъ иногда говорилъ съ извинительной улыбкой: „ну, въ этомъ я сомнѣваюсь!“ —то видно было, что употреблялъ это выраженіе лишь изъ деликатности.

Вскорѣ пришло еще нѣсколько человѣкъ. Кудрявый парень лѣтъ двадцати-пяти, молчаливый, угрюмый, съ толстой головой, которою онъ постоянно моталъ вмѣсто отвѣта, точно лошадь въ жаркій полдень, когда около нея вьются мухи. Звали его Петромъ Иванычемъ. Былъ одинъ пожилой господинъ въ полосатомъ жилетѣ и красномъ галстухѣ. Обращалъ на себя вниманіе высокій молодой человѣкъ, крѣпкій, съ гладкимъ, румянымъ, невыразительнымъ лицомъ, одѣтый не особенно модно и богато, но такъ, что всѣ обращали вниманіе на его чистенькій коричневый пиджакъ, свѣтлыя брюки, золотое колечко на лѣвомъ мизинцѣ и цвѣтной галстухъ; обращали вниманіе потому, что самъ онъ каждую минуту ощущалъ на себѣ свой нарядъ, снималъ съ рукава пушинку, волосокъ, глядѣлся въ зеркало, поправлялъ галстухъ и т. д. Соколъ, здороваясь съ нимъ, насмѣшливо оглядѣлъ его и сказалъ:

— А ты сегодня, Павелъ Гордѣичъ, похожъ на... полицеймейстера.

Всѣ засмѣялись шуткѣ, потому что, дѣйствительно, въ фигурѣ Павла Гордѣича и его лицѣ было что-то такое самодовольно-полицейское. Гордѣичъ и самъ засмѣялся, но въ душѣ, несомнѣнно, очень обидѣлся, весь вечеръ молчалъ и ушелъ раньше всѣхъ.

Многіе курили. Разговаривали въ полголоса парами и кучками. Николай разсказывалъ Аркадію о своей поѣздкѣ въ уѣздъ. Въ одной кучкѣ разговаривали объ изданіи народной газеты. Въ другомъ шелъ горячій споръ о томъ, на какихъ лозунгахъ сплотить во время выборовъ лѣвую группу: развивать ли вполнѣ свою партійную программу, или же держаться ближе къ непосредственнымъ крестьянскимъ интересамъ. Соколъ въ возбужденіи что-то кричалъ. Слышны были только слова „знамя“ и „идеалъ“. Груздевъ входилъ въ комнату и снова выходилъ, видимо хлопоталъ о чаѣ и закускѣ.

Пришли еще двое. Плечистый, сухощавый, но мускулистый брюнетъ и низкорослый, подслѣповатый блондинъ, съ деревяннымъ лицомъ, въ сѣрой блузѣ.

— Запоздали,—встрѣтилъ ихъ Аркадій съ мягкимъ упрекомъ.

— Могли бы совсѣмъ „запоздать“,—утирая платкомъ заиндевѣвшіе усы, сказалъ насмѣшливо брюнетъ.—Чуть-чуть въ лапы полиціи не попались.

— Какъ такъ? Гдѣ?—послышались вопросы.

— Да около памятника,—отвѣчалъ брюнетъ.—Были мы въ номерахъ. Я въ треухѣ да въ мѣховой шубѣ, въ родѣ помѣщика, чтобы не узнали, а онъ—въ своемъ видѣ (ука-

залъ брюнетъ на товарища въ блузѣ), ему нечего пока скрываться. Выходимъ изъ номеровъ, а на лѣстницѣ трое полицейскихъ навстрѣчу. Я запахнулся поплотнѣе воротникомъ, да скорѣе внизъ. Слышу сзади разговоръ. „А вѣдь это онъ?“—„Нѣтъ, не онъ!“ „Я тебѣ говорю, онъ! Эй, господинъ, остановись-ка!“ Думаю себѣ: „вишь, какой ласковый!“ Выбѣжали мы съ нимъ, да на извозчика. Шепнулъ я извозчику: „скорѣе, другъ!“ Онъ понялъ и припустилъ. Полицейскіе выбѣжали, кричатъ: „остановись!“ Свистѣть начали. Да куда тутъ, не догонишь.

Онъ обходилъ всѣхъ и, въ возбужденіи, крѣпко пожималъ руки своей сильной, костистой ладонью.

Все равно, быть бычку на веревочкѣ,—сказалъ Груздевъ, хлопая его по широкой спинѣ.

— Ну, это мы еще посмотримъ, — сказалъ слѣпой, — засмѣявшись, брюнетъ [illegible].

— Господа, занимайте мѣста. Ужъ поздно; нужно поговорить,—предложилъ Аркадій.

Всѣ сѣли. Аркадій вынулъ нѣсколько листовъ бумаги и сказалъ:

— Отъ нашихъ товарищей изъ уѣздовъ получены свѣдѣнія о выборщикахъ съ краткими характеристиками. Желаете выслушать?

— Читайте! Просимъ.

Аркадій долго читалъ характеристики. Такой-то сознательный, безпартійный, лѣвый, хочетъ въ Думу, вѣрный голосъ. Такой-то черносотенецъ и кулакъ; послѣ выборовъ ѣлъ съ княземъ N селянку, до смерти хочетъ въ Думу. Или: пройдоха и плутъ, отца, мать за пятакъ продастъ, довѣрять невозможно. Или: сознательный эсъ-эръ, вѣрный голосъ, кандидатъ въ Думу...

Послѣ чтенія характеристикъ произвели подсчетъ прогрессивныхъ голосовъ по губерніи. Оказалось, что по самому скромному разсчету у лѣвыхъ будетъ больше половины. Собраніе оживилось.

— Ну, а какъ настроеніе въ деревнѣ?—спросилъ брюнетъ. Николай, Петръ Иванычъ и Соколъ, пріѣхавшіе недавно изъ уѣздовъ, начали отвѣчать на вопросъ. Соколъ съ увлеченіемъ разсказалъ разговоръ свой съ кучеромъ, молодымъ мужикомъ, который предлагалъ немедленно начать вооруженное возстаніе.

-- И чего, говоритъ, думать! Въ каждомъ селѣ найдется сто—двѣсти человѣкъ, которые присоединятся. Вотъ и пойдемъ...

Николай разсказалъ, какъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ осенью назначенъ былъ день для выступленія. Кто назна-

чилъ, съ какой цѣлью—неизвѣстно. Только крестьяне приготовились. Николай въ это время былъ въ селѣ. Съ утра никто не выѣхалъ изъ села на работу; всѣ сидѣли по домамъ. На улицѣ ни души. Ждали, пока пріѣдутъ вооруженные изъ сосѣдняго села. Прождали до десяти часовъ утра—никого нѣтъ. Послали гонца. Гонецъ воротился къ вечеру и сказалъ, что тамъ все спокойно. Тогда и здѣсь всѣ успокоились.

Петръ Иванычъ одобрительно моталъ головой, и когда дошла очередь до него, заявилъ, что деревня готова.

— А я, когда слышу подобные разговоры,—вдругъ заговорилъ до сихъ поръ молчавшій пожилой господинъ въ полосатомъ жилетѣ, — всегда припоминаю прекрасную повѣсть о томъ, какъ евреи ушли изъ Египта...

Онъ остановился. Всѣ съ недоумѣніемъ взглянули на него. Кто-то спросилъ:

— Ну, при чемъ же тутъ евреи?

— Ушли евреи изъ Египта и подошли къ обѣтованной землѣ, очутились на порогѣ своей родины, своей свободы. И испугались они враговъ, заселившихъ ихнюю землю, испугались потому, что были рабы. Они начали роптать на Моисея: „Зачѣмъ ты вывелъ насъ изъ Египта?“ Тогда сказалъ Господь: „Сорокъ лѣтъ вы будете странствовать въ пустынѣ. Дѣтей вашихъ, о которыхъ вы говорили, что они достанутся въ добычу врагамъ, я введу туда, и они узнаютъ землю, которую вы презрѣли. А ваши трупы падутъ въ пустынѣ сей...“ Какая правда дышетъ въ этихъ словахъ! Отбросьте элементъ религіозный, а возьмите общечеловѣческое... И вы увидите, что все это подходитъ и къ намъ. Развѣ мы не были на порогѣ обѣтованной земли годъ тому назадъ? Были, но испугались и не вошли, потому что мы—рабы. И вотъ теперь намъ предстоитъ сорокалѣтнее странствованіе въ пустынѣ, пока не умрутъ всѣ, которыхъ вспоило и вскормило рабство. Оглянитесь кругомъ, оглянитесь на себя, на всѣ наши дѣла—и вы поймете, что насъ ожидаетъ участь евреевъ, выведенныхъ изъ Египта. Развѣ мы слышимъ кругомъ ропотъ рабовъ, усталость, тоску по египетскому мясу, которое ѣли мы, дѣлая на фараона глиняные кирпичи? Мы говоримъ: „ахъ, гибнетъ наука! ахъ, пропала красота! ахъ, гдѣ-то нашъ покой!“ Это—интеллигенція. А что же сказать о народныхъ массахъ...

Всѣ смотрѣли на пожилого господина,—кто съ недоумѣніемъ, кто съ раздраженіемъ, кто съ насмѣшкой. Одинъ Аркадій оглядывалъ его теплымъ, ласкающимъ взглядомъ.

— Но вы понимаете,—въ волненіи говорилъ Соколъ,—что сравненіе еще не доказательство!..

— — — — — —

— А что же намѣрены дѣлать вы во время этихъ сорокалѣтнихъ странствій? — насмѣшливо приставалъ Петръ Иванычъ.

Пожилой господинъ метался въ разныя стороны.

— Господа! Если я неправъ, то зачѣмъ же вы сердитесь? Давайте обсудимъ спокойно...

Начались шумные споры. Дѣлались ссылки на Францію, Германію, Италію. Даже Груздевъ вмѣшивался въ разговоръ. Слышно было, какъ онъ кричалъ что-то о пудовой медали на пеньковой лентѣ. Отъ него отмахивались съ досадливой усмѣшкой. Разбились на группы. Аркадій переходилъ отъ одной кучки къ другой и своимъ тихимъ, ласковымъ голосомъ вносилъ повсюду успокоеніе.

Разошлись послѣ полуночи. Выходили по одному, по двое. Мы съ Николаемъ пошли вмѣстѣ.

Ночь была темная, морозная. Мы шли молча, прислушиваясь къ хрустѣнью снѣга подъ ногами да къ отдѣльнымъ звукамъ, какими бредилъ уснувшій городъ. Недалеко отъ редакціи „Волжскаго Слова" начало замѣчаться движеніе. Попадались рабочіе, извозчики, мелькнулъ полицейскій. Николай насторожился, оглядѣлся кругомъ и сказалъ:

— Чую, что тутъ полиціей пахнетъ. Для меня это удовольствіе среднее... До свиданья.

Въ редакціи и типографіи газеты происходилъ обыскъ. Задушить прогрессивный органъ въ самый разгаръ предвыборной кампаніи было, конечно, весьма выгодно. У воротъ и на дворѣ стояли конные и пѣшіе полицейскіе и жандармы. Всѣ проходы заняты стражей. Съ всклокоченной бородой и круглыми, испуганными глазами стоитъ въ углу редакціонный сторожъ. Въ типографіи между печатными станками кучка жандармовъ и наборщиковъ. Нашли наборъ съ какими-то партійными списками и совѣщаются, какъ унести его съ собой. Бородатый наборщикъ лукаво предлагаетъ ссыпать наборъ въ мѣшечекъ.

— Такъ будетъ удобнѣе нести, вашблародіе.

— Ну, ну, ты научишь!—ворчитъ жандармскій начальникъ. — Пентюховъ, не ссыпай, чортъ! — кричитъ онъ на жандарма.

Перебираютъ бумаги, всякую рухлядь, стараясь отыскать слѣды государственныхъ преступленій. Среди жандармовъ стоитъ редакторъ, молодой человѣкъ съ насмѣшливымъ лицомъ, и мучается сомнѣніями. Не завалилось ли какой-нибудь бумаженки, не бросилъ ли кто-нибудь въ бумажный мусоръ вздорной каррикатуры, памфлета, стиховъ!.. О, чортъ!..

Жандармы заглядываютъ въ углы, въ печки, подъ ди-

ваны, тычутъ шашками даже въ полы, потолки и стѣны. Вѣроятно, гдѣ бы ни находился жандармъ, всѣ вещи и люди должны возбуждать его подозрѣніе: дома, магазины, прохожіе, фонари, тумбы, даже тротуарныя плиты онъ долженъ подозрѣвать въ укрывательствѣ непокорной человѣческой мысли, революціоннаго слова. И мнѣ хочется крикнуть имъ: „Не тутъ ищете, не тутъ!"

Кончили обыскъ и вышли гурьбой на широкій, заваленный снѣгомъ дворъ. Нужно запечатать двери. Нѣтъ сургуча.

— Ильичовъ, ѣзжай въ часть, привези сургучъ!—слышится приказаніе начальника.

Конный жандармъ ударилъ шпорами и нагайкой задремавшую лошадь. Животное подпрыгнуло съ испуга и метнулось въ сторону, какъ бѣшеное. Сдѣлавъ по двору полукругъ, всадникъ скрылся за воротами. Толпа осталась ждать на морозномъ воздухѣ. Всѣ, позѣвывая, смотрятъ на яркія звѣзды. Жандармскому начальнику становится конфузно за только что совершенное имъ дѣло. Онъ старается заговорить съ редакторомъ о вещахъ постороннихъ, и въ тонѣ его ясно слышится: „Я исполнилъ порученіе начальства! И я не виноватъ".

Гдѣ же тотъ человѣкъ въ Россіи, тотъ великій инквизиторъ, который одинъ знаетъ оправданіе всѣмъ ужасамъ русской жизни и одинъ ничего не стыдится?

Разговоръ не клеится. Кто-то скулитъ, мучась зѣвотой. Начальникъ бормочетъ ругательства, потому что Ильичовъ долго не возвращается. Наконецъ, на дворѣ появляется Ильичовъ пѣшкомъ.

— Вашбродь, сюргучу не нашелъ,—говоритъ Ильичовъ, останавливаясь передъ начальникомъ и дѣлая подъ козырекъ.

— Какъ же не нашелъ, свиная морда?!

Въ голосѣ начальника звенитъ негодованіе.

— Всѣ спятъ тамъ... И никто не знаетъ.

— Что же ты пѣшкомъ? Ты пьянъ!

— Никакъ нѣтъ, вашбродь. Я не пьянъ. А лошадь у меня украли.

Это выходитъ такъ неожиданно, что многіе смѣются. Начальникъ уже злобно кричитъ на Ильичова и топаетъ ногами. Оказывается, пока Ильичовъ ходилъ въ часть, лошадь кто-то увелъ съ улицы.

Гдѣ-то раздобыли сургучъ и запечатали двери. Улица и дворъ опустѣли.

На другой день, за бутылкой водки, сотрудники газеты слушали печальную повѣсть редактора о ночномъ обыскѣ

и закрыти редакціи газеты и ея типографіи. Онъ уже былъ у губернатора и получилъ игривый отвѣтъ:

— Газету вашу мы не закрыли. Закрыли типографію.

— Такъ мы будемъ печатать въ другой типографіи.

— А мы и ту закроемъ... И вообще, во время выборовъ вамъ придется помолчать. Да, помолчать. Такъ-то спокойнѣе.

И мы молчали во время выборовъ.

Первое губернское предвыборное собраніе состоялось второго февраля въ домѣ общества приказчиковъ. Наканунѣ былъ арестованъ выборщикъ по Бузулукскому уѣзду, г. Костромитиновъ, бывшій членъ Государственной Думы. Съ самаго начала собраніе занялось обсужденіемъ этого случая. Составили телеграмму Столыпину и послали депутацію къ губернатору съ просьбой освободить выборщика изъ тюрьмы. Губернаторъ жаловался депутаціи на то, что арестъ произведенъ по приказанію жандармскаго начальника, а этотъ начальникъ на хорошемъ счету въ департаментѣ полиціи, поэтому онъ, губернаторъ, ничѣмъ помочь не можетъ и т. д. „Они и за мной слѣдятъ", плакался губернаторъ.

— Стою я сзади губернатора,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ депутаціи,—смотрю, голова у него дряблая, въ родѣ гнилой дыни; волосы мѣстами повылѣзли. Слушаю его жалобы, и такая меня злоба взяла! „Зачѣмъ же ты сидишь у власти, если у тебя ея нѣтъ!" говорю себѣ: „всѣ вы, вѣрно, такъ: какъ хочешь зови, только сладко корми". И такъ у меня руки судорогой злобной свело, чуть удержался... Даже страшно стало. А потомъ самому противно сдѣлалось...

Много усилій было потрачено на то, чтобы убѣдить крестьянъ отказаться отъ поуѣзднаго представительства, а выбирать достойныхъ изъ общаго состава прогрессивныхъ выборщиковъ. Но вполнѣ эту точку зрѣнія разбить не удалось, и уѣзды оставили за собой право рекомендовать непремѣнно своихъ кандидатовъ въ Думу. А это вызвало въ уѣздахъ сильную борьбу, которая продолжалась до пятаго февраля.

Въ особенности много вышло разногласій въ Новоузенскомъ уѣздѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ численныхъ и наилучше представленныхъ уѣздовъ. Народъ все больше интеллигентный, энергичный, молодой. Но съ самаго начала онъ разбился на два враждебныхъ лагеря, которые къ пятому февраля помирились на томъ, что „ни вы, ни мы".

Новоузенскій уѣздъ выставилъ безъ всякихъ споровъ только кандидатуру ссыльнаго инспектора народныхъ училищъ, г. Архангельскаго.

Въ другихъ уѣздахъ тоже было не мало споровъ, даже ссоръ. Только одинъ Самарскій уѣздъ безъ всякихъ разногласій выставилъ кандидатуры мою и г. Макарова. И до тѣхъ поръ, пока уѣзды не пришли къ окончательному соглашенію относительно своихъ кандидатовъ, общія собранія носили унылый характеръ. Чувствовалось какое-то общее упорство, недовѣріе, раздраженіе и даже недоброжелательство.

Землевладѣльцы тоже не дремали. Среди крестьянъ они составили небольшую кучку своихъ единомышленниковъ и черезъ нихъ вносили въ уѣзды и на общія собранія постоянныя разногласія и вражду.

— Вы думаете, что вы насъ побѣдили! — говорилъ мнѣ хвастливо одинъ изъ землевладѣльцевъ.—Ничуть не бывало. Мы всю вашу музыку разстроимъ. Вы намѣтите кандидатовъ, а мы предложимъ въ Думу тѣхъ, кого у васъ обошли. Они и разобьютъ ваши голоса. А за десять рублей въ сутки, которые даютъ въ Думѣ, мужичишки не только васъ, а отца, мать продадутъ. Хе, хе, хе!

Дѣйствительность показала, что помѣщикъ былъ неправъ. Но нельзя сказать, чтобы десять рублей въ сутки оказали благотворное вліяніе на выборы въ русскій парламентъ...

— Депутатъ Шарковъ въ прошломъ году привезъ изъ Питера семьсотъ рублей! — говорили мужики. И это дѣйствуетъ обаятельно на воображеніе бѣднаго крестьянина! Нѣсколько сотъ рублей! Да вѣдь это же богатство! На эти деньги можно купить лошадь, корову, построить домъ, пріобрѣсти землю... Тамъ когда-то мы еще отберемъ у помѣщиковъ землю, а ужъ коли купишь, такъ хорошо будетъ. У мужика послѣднее не отнимутъ. Такого закону не будетъ...

Для выборщиковъ была снята гостиница съ номерами, гдѣ съ ранняго утра до поздней ночи толпился народъ, главнымъ образомъ—крестьяне. Часто туда заходили и землевладѣльцы и одиноко бродили отъ одной кучки мужиковъ къ другой, возбуждая со всѣхъ сторонъ ядовитыя замѣчанія:

— Пришли передъ выборами-то мужицкаго духу понюхать. Теперь—граждане, али—господа, а послѣ выборовъ—сукины дѣти. Знаемъ мы васъ.

Началось самое тяжелое и самое непріятное время предвыборной кампаніи.

Никогда я не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ среди людей, какъ въ эти нѣсколько дней предвыборнаго кипѣнія.

Знаешь хорошо, что если ты упадешь, то тебя никто не подниметъ. Съ кѣмъ бы ни встрѣтился, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ его движеніи чувствуешь что-то недосказанное и враждебное. Нѣчто подобное испыталъ я на морѣ во время крушенія парохода. „Тамъ, гдѣ могу спастись я,— ты не становись мнѣ на дорогѣ!“ читалъ я на лицахъ всѣхъ, раньше такихъ милыхъ и деликатныхъ пассажировъ. И меня, помню, тогда привела въ ужасъ не столько близость смерти, сколько именно это отчаяніе одиночества, сознаніе полной враждебности всѣхъ людей... И въ предвыборной борьбѣ тоже были такіе моменты всеобщаго отчужденія людей другъ отъ друга. Временами, въ особенности когда я, утомленный, возвращался ночью на квартиру, на меня нападала страшная тоска по близкимъ, роднымъ людямъ, которымъ можно все разсказать и которые подъ видомъ ласки не готовятся тебя потопить. И когда я вспоминалъ о такихъ близкихъ и дорогихъ, то мнѣ казалось, что они существуютъ только въ моемъ воображеніи, а на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ и не можетъ быть.

А тутъ еще подлая и грязная клевета, которая шла изъ враждебнаго политическаго лагеря и цѣлилась въ наиболѣе опасныхъ враговъ. При этомъ господа землевладѣльцы обнаруживали очень слабую изобрѣтательность. Они уподоблялись гоголевской офицерской вдовѣ, которая, какъ извѣстно, сама себя высѣкла. Если они хотѣли кого-нибудь изъ насъ уронить во мнѣніи крестьянъ, то позорили его своимъ позоромъ,—называли черносотенцемъ.

— Онъ хоть и Аладьинъ, а черносотенецъ странствующій,—говорили обо мнѣ крестьянамъ дворяне.

Правда, это успѣха не имѣло, но дѣйствовало на нервы, и безъ того издерганные всевозможными непріятностями.

Лучшимъ днемъ всей этой предвыборной сумятицы былъ день пятаго февраля.

Я былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ всѣхъ нашихъ предвыборныхъ собраній, а потому вынесъ изъ нихъ, можетъ быть, нѣсколько своеобразныя впечатлѣнія. Чаще всего я представляю себѣ выборщиковъ въ видѣ одного большого взволнованнаго лица съ сотнями возбужденныхъ глазъ, которые свѣтятся сквозь синеватый воздухъ зала. Это многоглазое лицо охватываетъ меня взоромъ со всѣхъ сторонъ; оно то напряженно молчитъ, слушаетъ оратора, то смѣется, то сердится, и на его глазахъ блестятъ слезы негодованія или восторга. Собраніе, какъ какое-то большое существо, то сидитъ смирно, то вдругъ начинаетъ шумѣть, кричать, хлопать въ ладоши; но стоитъ позвонить въ колокольчикъ — и

оно покорно свертывается, затихаетъ и снова напряженно слушаетъ, слушаетъ.

Съ десяти часовъ утра пятаго февраля было назначено общее собраніе. Но такъ какъ уѣзды въ своей средѣ еще не пришли къ полному соглашенію, то рѣшено было на это собраніе утромъ всѣмъ не ходить, а сойтись предварительно въ упомянутой гостиницѣ, покончить тамъ между собой всѣ разговоры и явиться на собраніе уже съ намѣченными кандидатами, которыхъ и пробаллотировать.

Въ десять часовъ утра я былъ въ домѣ общества приказчиковъ. Туда же начали приходить землевладѣльцы и всѣ правые. Нашихъ было немного, но и тѣ вскорѣ ушли. За отсутствіемъ выборщиковъ, я объявилъ перерывъ до пяти часовъ вечера и пошелъ въ гостиницу.

Тамъ были въ сборѣ почти всѣ уѣзды. Выборщики изъ тѣхъ уѣздовъ, которые уже пришли къ соглашенію, уныло ходили по длинному грязному залу гостиницы, не зная, чѣмъ заняться, подходили ко мнѣ съ однимъ и тѣмъ же назойливымъ вопросомъ:

— Чего же мы ждемъ? Надо бы скорѣе кончать.

Крестьянинъ Пустовойтовъ стучалъ ладонью по столу и нервно кричалъ:

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ, что вы думаете дѣлать? Вы мнѣ не теоретически, а конкретно...

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было не изъ завидныхъ. Въ присутствіи землевладѣльцевъ крестьянскіе выборщики совсѣмъ свертываются, умолкаютъ, точно воды въ ротъ набрали. О кандидатахъ въ Думу раньше времени не говорятъ,—боятся ареста. Значитъ, на собраніе надо явиться съ намѣченными кандидатами по всѣмъ уѣздамъ, а тамъ все еще вражда, и неизвѣстно, когда она кончится. Подбѣгаетъ молодой выборщикъ отъ Николаевскаго уѣзда и съ подергивающимся отъ волненія лицомъ хриплымъ голосомъ торопливо говоритъ:

— У насъ баллотировку производили гривенниками. Гривенники клали въ шапки... въ двѣ шапки. Руки опускали сразу въ двѣ шапки, чтобы незамѣтно было, кто куда кладетъ. А развѣ нельзя захватить гривенники изъ одной шапки, а потомъ переложить въ другую?.. Развѣ невозможно?..

— Конечно, возможно. Но...

— Вотъ видите, вы говорите - возможно. Значитъ, наша баллотировка недѣйствительна..

— Такъ вы и обсудите между собой.

— Да, но у насъ есть черносотенцы. Они меня не желаютъ...

И такъ далѣе, безъ конца.

———

Встрѣчаю Никанора Ивановича Шишкина. Онъ, какъ всегда, степенный, спокойный, дѣловитый.

— Если ихъ ждать, — насмѣшливо говоритъ онъ, — такъ они и еще два дня проканителятся. Скажите, что надо кончать и идти на собраніе. Они и кончатъ. Право, такъ...

Шишкинъ былъ правъ. Какъ разъ въ это время пришла полиція и объявила, что если выборщики желаютъ собраться, то пусть идутъ въ помѣщеніе, на которое и дано заявленіе, а здѣсь собраніе не разрѣшается. Споры кончились, и часа въ два пополудни мы большими толпами съ баллотировочнымъ ящикомъ, какъ съ какой-то святыней, двинулись въ домъ общества приказчиковъ.

Такъ какъ уѣзды рекомендовали кандидатовъ больше, чѣмъ полагается отъ Самарской губерніи депутатовъ, то долго спорили о томъ, какъ нужно относиться къ рекомендованнымъ уѣздами лицамъ: считать ли всѣхъ одинаковыми въ уѣздѣ, или которому нибудь изъ нихъ отдать предпочтеніе передъ другими. Снова уѣзды разбились на кучки, и опять больше часу продолжались споры, пока, наконецъ, не установили такой порядокъ: каждый уѣздъ сообщаетъ имена своихъ кандидатовъ подъ номерами первый, второй, третій — при чемъ наиболѣе рекомендуется уѣздомъ первый изъ нихъ, затѣмъ второй и т. д.

Часовъ въ пять сдѣланъ былъ перерывъ передъ баллотировкой.

Наступило то торжественное, праздничное настроеніе, которое уже не покидало выборщиковъ до конца засѣданія. Споры окончены; кандидаты рекомендованы; нужно ждать, что скажетъ баллотировка. И только тутъ начала чувствоваться та общность и сплоченность нашихъ силъ, какой до сихъ поръ все еще, какъ будто, не было. Тѣ, которые желали попасть въ Думу и не были рекомендованы, тоже примирились со своей участью. Однимъ словомъ, нарывъ былъ разрѣзанъ — и наступило то желанное успокоеніе, котораго такъ ждалъ политическій организмъ.

Во время перерыва прямо изъ тюрьмы зашелъ на собраніе г. Костромитиновъ. Выборщики встрѣтили его привѣтливо. Онъ сказалъ, что слишкомъ разстроенъ и измученъ, чтобы присутствовать на собраніи, и удалился.

Послѣ перерыва одинъ изъ ораторовъ произнесъ короткую рѣчь:

— Товарищи! Мы только что радовались тому, что изъ тюрьмы выпустили нашего товарища, выборщика Костромитинова. Можетъ быть, его отпустили по нашимъ настояніямъ, можетъ быть — по другимъ какимъ соображеніямъ. Мнѣ неизвѣстно. Но этотъ случай лишній разъ напоминаетъ намъ о

томъ, что для нашего правительства нѣтъ ничего святого; ему не дороги ни свобода, ни благо, ни даже жизнь гражданъ. Оно душитъ все, что стремится къ свободѣ. Мы сейчасъ радовались маленькому случаю,—освобожденію изъ тюрьмы одного человѣка. Но не должны мы забывать, что народъ передалъ намъ въ руки неизмѣримо важнѣйшее дѣло. И это дѣло мы можемъ совершить только общими усиліями: мы должны освободить изъ тюрьмы всю Россію!..

Эти слова произвели поразительное впечатлѣніе. Нѣсколько минутъ въ залѣ стоялъ шумъ отъ апплодисментовъ и криковъ. Въ волненіи ораторъ вставалъ нѣсколько разъ, а крики съ шумомъ все росли и росли. Корявыя мужицкія ладони издаютъ не звонкіе хлопки, поэтому многіе стучали объ полъ ногами, двигали свободными стульями, сжимали въ изступленіи кулаки и кричали:

— Вѣрно! Браво! Пр-р-авильно! Дышать невозможно, тюрьма давитъ...

Передъ моими глазами волновалось одно широкое, бородатое стоглазое восторженное лицо. И еще долго потомъ его яркіе глаза свѣтились въ сумракѣ догорающаго зимняго дня.

Долго бились съ вопросомъ о томъ, кто можетъ принять участіе въ баллотировкѣ. Теперь на собраніи было уже много правыхъ, и всѣ они, очевидно, будутъ вносить путаницу въ подсчетъ нашихъ силъ, будутъ класть менѣе желательнымъ для насъ кандидатамъ вправо, а влѣво—остальнымъ. Наконецъ, рѣшено было такъ: въ баллотировкѣ намѣченныхъ кандидатовъ примутъ участіе всѣ тѣ, которые участвовали въ поуѣздныхъ собраніяхъ при рекомендаціи кандидатовъ общему собранію. Вообще же, право того или другого выборщика на участіе въ пробной баллотировкѣ предоставляется рѣшить каждому уѣзду въ отдѣльности. Землевладѣльцы сначала было протестовали, потомъ начали расходиться.

Часовъ въ семь приступили къ баллотировкѣ. Всего было рекомендовано двадцать одно лицо. Изъ нихъ подлежали выбору двѣнадцать. Рѣшено было, что каждый кандидатъ передъ баллотировкой выскажетъ свои политическія убѣжденія.

Баллотировка тянулась съ семи часовъ вечера до часу ночи, и все время чувствовалось то свѣтлое, хорошее настроеніе, которое овладѣло собраніемъ съ начала вечера. Временами мнѣ казалось, что мимо моего предсѣдательскаго стола проходитъ длинная вереница мужиковъ не къ баллотировочному ящику, а къ церковному амвону во время пасхальной заутрени. На амвонѣ стоитъ съ крестомъ сельскій батюшка и христосуется со всѣми прихожанами, а я, малень-

кій мальчикъ, стою около перилъ и любуюсь на убогіе базары, крашеныя яйца, смотрю на подсвѣчники, которые кажутся мнѣ пучками зажженныхъ свѣчей, и мое маленькое сердце бьется радостнымъ боемъ. Въ ушахъ стоитъ смутный, сдержанный говоръ, слышится шуршаніе ногъ, вижу радостныя, освѣщенныя какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ лица, и мнѣ чудятся сдержанные возгласы: „Христосъ Воскресъ!"

— Неужели сегодня воскресъ богъ русской жизни, — думаю я, — неужели съ настоящаго дня онъ взглянетъ съ неба на измученный, голодный народъ и потребуетъ къ суду притѣснителей?.. Неужели...

Увы, то былъ пріятный самообманъ подъ наплывомъ дѣтскихъ воспоминаній!

Одни за другимъ выходятъ намѣченые кандидаты и высказываютъ передъ народомъ свою политическую вѣру. Нѣкоторые говорятъ заученными словами; но въ голосѣ иныхъ чувствуется упорная вѣра, наболѣвшее сердце, глубокая рѣшимость.

— Товарищи! Я не буду излагать передъ вами свою программу. Скажу кратко: я буду бороться за всю землю и всю волю для трудящагося народа. Въ доказательство же того, что я честно понимаю свою задачу, я разскажу вамъ, сколько разъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ..

Дальше идетъ повѣсть о томъ, какъ его гоняло правительство изъ одной тюрьмы въ другую, какъ высылало на сѣверъ и востокъ обширной Россіи, какъ морило голодомъ безъ работы и какъ отравляло жизнь тысячью тѣхъ способовъ, какіе всегда найдутся у него подъ руками. И весь залъ шумно рукоплещетъ. Какая перемѣна совершилась въ понятіи деревни! Я помню, какой ужасъ возбуждало во всѣхъ слово „острожникъ". Острожникъ-воришка внушалъ страхъ, но былъ понятенъ: онъ воровалъ по нуждѣ, а нужда всѣмъ была извѣстна. А политическій острожникъ былъ менѣе понятенъ,—онъ бросалъ вызовъ устоямъ жизни, Богу и царю, и казался страшнѣе вора и убійцы. Теперь же всѣ знаютъ что тотъ, кто вызываетъ гнѣвъ правительства, достоинъ благодарности народа.

— Товарищи-крестьяне! Я сынъ помѣщика и буду говорить о дворянахъ. Крестьяне не довѣряютъ намъ, дворянамъ. Вполнѣ понятно, почему. Что видѣли мужики отъ помѣщиковъ? Жестокія насилія и обиды. Но теперь, товарищи-крестьяне, настало время общей работы. И если плотнѣе сомкнулись ряды стараго дворянства, все еще не желающаго выпускать власти изъ своихъ рукъ, за то дальше отошли отъ нихъ, сдѣлались ихъ врагами тѣ изъ дворянъ, которые сознали вѣковое зло русской жизни и стали въ ряды бор-

цовъ за обще-народную свободу и благо вмѣстѣ съ рабочими и крестьянами... Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ намъ статистика сосланныхъ въ отдаленныя мѣста, замученныхъ, разстрѣлянныхъ... Пролитая въ борьбѣ за свободу дворянская кровь давно побраталась съ крестьянской, и въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири участь дворянъ и крестьянъ одинакова. Теперь нужно чуждаться не сословій, а людей...

— Товарищи, — слышится новый, нервный, звенящій голосъ. — Теперь мы переживаемъ судную недѣлю, вторую судную недѣлю для всей Россіи! Кто въ эти дни не спроситъ свою совѣсть: зачѣмъ ты жилъ, что ты сдѣлалъ хорошаго и дурного, кому ты служилъ? И многіе, друзья мои, у кого не пропалъ еще стыдъ и сердце не заросло бурьяномъ, многіе ужаснутся въ эти дни своей старой жизни и съ воплями закричатъ, протянутъ руки къ народу: „я съ вами, не оставляйте меня среди мертвецовъ!“ И я громко говорю всей старой Россіи: покайся, преступница!..

А мимо моего стола снова и снова проходитъ длинная вереница людей къ баллотировочному ящику. Многіе улыбаются, киваютъ привѣтливо головами, шепчутъ что-то мнѣ на ухо, и нечесаныя бороды щекочутъ щеку.

Когда получилъ большинство голосовъ одинъ изъ ставропольскихъ кандидатовъ, И. Д. Сухоруковъ, то второй кандидатъ, Маштаковъ, отказался отъ баллотировки. Это великодушіе вызываетъ бурю восторга. Маштакову апплодируютъ долго и радостно.

Въ первомъ часу выяснился результатъ баллотировки. Участвовало сто восемнадцать человѣкъ изъ ста семидесяти выборщиковъ по губерніи. Изъ двадцати одного въ порядкѣ большинства полученныхъ шаровъ выбрано двѣнадцать лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Списокъ привѣтствовали апплодисментами. Говорились рѣчи о томъ, что принятаго здѣсь списка завтра нужно крѣпко держаться всѣмъ, кто сегодня баллотировалъ. Нужно забыть всѣ личные счеты и голосовать за этихъ двѣнадцать человѣкъ цѣликомъ, иначе голоса наши могутъ разбиться, и насъ побѣдятъ черныя силы.

Но самарская реакція приготовила намъ послѣдній ударъ, какой была въ силахъ нанести. Когда списокъ двѣнадцати кандидатовъ былъ уже утвержденъ, и силы наши ясно опредѣлились, землевладѣльцы весело расхаживали среди мужиковъ и увѣренно говорили:

— Не пройдетъ вашъ списокъ, ни за что не пройдетъ.

Они были правы. Очевидно, имъ было уже что-то извѣстно.

Всю ночь съ пятаго на шестое февраля я провелъ въ бреду. Стоило мнѣ закрыть глаза, какъ передо мною тянулась безконечная вереница мужиковъ. Всѣ идутъ вплотную другъ за другомъ, задній подталкиваетъ животомъ въ спину передняго, и всѣ топчутся ногами въ тактъ, точно дѣлаютъ гимнастическій бѣгъ на мѣстѣ.

Разъ, два, разъ, два!

Эта вереница постепенно огибается вокругъ меня, тянется, тянется безъ конца. Народъ заполняетъ всю комнату, улицу, кружится и топаетъ въ тактъ ногами:

Разъ, два, разъ, два!

Было что-то непріятное, даже страшное въ этомъ наростаніи народа, въ этомъ безконечномъ его притокѣ откуда-то со стороны. Я будто жду, когда этотъ притокъ окончится и всѣ успокоятся, чтобы сказать какую-то рѣчь. Но народъ все кружится, тысячи глазъ смотрятъ на меня со всѣхъ сторонъ, смотрятъ пристально, точно на мнѣ какія-нибудь мелкія надписи, и всѣ топаютъ въ тактъ ногами:

Разъ, два, разъ, два!

Потомъ гдѣ-то вдалекѣ начинается шумъ. Этотъ шумъ быстро катится все ближе, ближе наконецъ, вихремъ проносится по окружающей меня толпѣ. Это — апплодисменты. Похоже на то, когда осенній вѣтеръ ударитъ по деревьямъ на опушкѣ, зашумитъ пожелтѣвшими листьями и загудитъ, пробираясь въ лѣсныя чащи. Листья шелестятъ, осыпаются и, колыхаясь въ воздухѣ, падаютъ на землю... Шумъ стихаетъ и опять зарождается вдалекѣ, опять наростаетъ, катится и проносится по всему народу. А народъ кружится и течетъ, точно вода въ омутѣ во время половодья, кружится и топаетъ ногами въ тактъ:

Разъ, два, разъ, два!

Подвертывается мужикъ съ лохматой бородой, съ холоднымъ взглядомъ сѣрыхъ, возбужденныхъ глазъ. Онъ тоже топчется вмѣстѣ со всѣми въ тактъ ногами—разъ, два, разъ, два!—и говоритъ:

— Это ты хорошо про землю сказалъ. Даромъ ее, землю-то, кормилицу, взять надо, даромъ. Это правильно. Мужикъ, онъ, какъ телокъ, а землица ему—коровка-матка. Родился телокъ отъ коровки, захотѣлъ молочка похлебать, анъ молочко-то хозяйскія дѣтки выхлебали. А телку—одни ополоски... Пора телку и молочко хлебать. Это ты правильно, Семенычъ... Только вотъ одно ты упустилъ изъ виду, безъ чего мужику жить невозможно...

Мужикъ хитро улыбается. Сѣрые глаза его холодно-насмѣшливы. Онъ смотритъ на меня и топчетъ въ тактъ ногами:

Разъ, два, разъ, два!

— Не догадался?

И я мучительно стараюсь сообразить, что я упустилъ такое важное, безъ чего мужику жить невозможно. Сѣрые, холодные глаза мужика меня непріятно волнуютъ; подъ ихъ взглядомъ я теряю всѣ свои мысли и съ ужасомъ чувствую, что никакъ не могу припомнить, безъ чего еще мужику жить невозможно. На лбу у меня выступаетъ холодный потъ.

Разъ, два, разъ, два!—топчется на мѣстѣ мужикъ и насмѣшливо улыбается.

— А про лѣсъ-то и забылъ!—вдругъ восклицаетъ онъ.— Безъ лѣсу намъ жить невозможно. У насъ въ Покровкѣ ни кола нѣтъ. Лѣсу ты намъ въ Думѣ безпремѣнно выхлопочи...

И мнѣ кажется, что я, дѣйствительно, совершилъ преступленіе, не упомянувъ о лѣсѣ. Я испытываю мучительный стыдъ. Все тѣло мое покрывается холоднымъ потомъ. Я просыпаюсь.

Въ комнатѣ темно. Слышно, какъ за перегородкой дышутъ люди. Гдѣ-то скребется мышь. Глаза у меня опять закрываются.

Опять толпы людей, сизый отъ табачнаго дыма воздухъ. Передо мной стоитъ Шишкинъ Никаноръ Иванычъ. Одной рукой онъ гладитъ широкую рыжую бороду, а другую глубоко запустилъ въ карманъ поддевки, смотритъ на меня и говоритъ:

— Ты въ Думу поѣдешь—съ Богомъ! Только, чтобы за границу, али тамъ въ Выборгъ—ни-ни! Объ этомъ и думать не надо. Въ Думу, такъ въ Думу, а не за границу, али въ Выборгъ. Коли надо—умри тамъ, а никуда не уѣзжай. И къ намъ безъ земли не возвращайся. Слышишь?! Безъ земли не возвращайся!..

Обыкновенно спокойное лицо Никанора Иваныча начинаетъ багровѣть; длинная борода трясется, глаза наливаются кровью. Онъ стучитъ по столу кулакомъ и кричитъ во весь голосъ:

— Безъ земли не возвращайся! Умри, а не сдавайся!..

— Умри, а не сдавайся!—откликаются всѣ окружающіе, поднимая вверхъ кулаки и потрясая ими въ воздухѣ.— Умри, а не сдавайся!—кричатъ сотни людей. Отъ этого крика дрожатъ стѣны, потолокъ и полъ.

— Умри, а не сдавайся!

— Товарищи!—кричу я.—Товарищи! Я-то умру, а вы опять безъ земли останетесь. Надо, чтобы весь народъ съ Думой поднялся. Тогда и земля, и воля будетъ...

— — — —

Все вокругъ затихаетъ. Народъ куда-то исчезаетъ. Передо мной остается только Никаноръ Иванычъ. Онъ сидитъ и плачетъ.

— Вотъ этого и не надо было говорить,—всхлипывая, шепчетъ мнѣ Никаноръ Иванычъ.—Не надо, да. Этого не надо... Вотъ онъ, народъ-то, и обидѣлся...

Мнѣ больно становится отъ этихъ словъ.

— Такъ я же отъ души, Никаноръ Иванычъ. Я не во зло говорилъ.

— И отъ души не надо. Обидѣлъ ты народъ, Степанъ Семенычъ, обидѣлъ кровно. Да...

Я опять просыпаюсь съ непріятнымъ, тяжелымъ чувствомъ.

Наконецъ, забѣлѣло зимнее утро. Въ кухнѣ завозилась сестра. Я всталъ съ постели желтый, какъ китаецъ, выпилъ наскоро стаканъ чаю и вышелъ на улицу.

Вышелъ я съ радостнымъ чувствомъ отъ сознанія, что ночной бредъ прошелъ; что солнце, пробиваясь сквозь морозную дымку, уже одолѣваетъ ночной холодъ и скоро ярко засіяетъ надъ проснувшимся городомъ; что морозный снѣгъ упруго хруститъ подъ ногами и сообщаетъ тѣлу какую-то легкость. Даже толпа пьяныхъ около сосѣдней казенки, наводившая на меня всегда тоскливое чувство, сегодня мнѣ пріятна. Ко мнѣ снова вернулась способность смотрѣть радостнымъ, любопытнымъ взоромъ на природу и людей. За эти три недѣли пребыванія въ Самарѣ я только въ первый разъ замѣтилъ, что изъ моей квартиры открывается прекрасный видъ на Волгу и далекія блѣдно-синія Жигули. И люди сегодня не тѣ. Раньше я, озабоченный всякими предвыборными вопросами, при ходьбѣ смотрѣлъ себѣ подъ ноги и никого не замѣчалъ. Мнѣ сообщилось предвыборное сумасшествіе, охватившее всю Россію. Въ моемъ мозгу и день, и ночь съ томительнымъ однообразіемъ переворачивались однѣ и тѣ же мысли о черной сотнѣ, кадетахъ, полиціи, крестьянахъ, о проискахъ враговъ и друзей. Меня интересовали только разговоры на предвыборныя темы и лица, которыя имѣли къ выборамъ какое-нибудь отношеніе. А всѣ остальные люди мелькали передъ моими глазами, какъ темные, бездушные силуэты. Теперь на лицахъ встрѣчныхъ я читаю чувства и мысли, радость и горе, злобу и любовь. У меня такое впечатлѣніе, точно я давно не видѣлъ людей, и теперь съ жаднымъ любопытствомъ, любовно всматриваюсь въ каждое лицо. Вѣроятно, мой привѣтливый взглядъ привлекъ вниманіе встрѣчной бабы-мѣщанки.

— Должно быть, нездоровъ ты былъ? — спрашиваетъ она, останавливаясь передо мной на тротуарѣ и щурясь отъ солнечнаго свѣта.

— Нездоровъ,—говорю я, улыбаясь.

— И што это, сколько нынче хвори пошло... Вотъ схватитъ человѣка, ломаетъ, ломаетъ, да на—поди... Выздоровѣлъ, што ли, родимый?

— Выздоровѣлъ, тетушка,—говорю я, удаляясь.

— Ну, дай Богъ,—доносится мнѣ вслѣдъ.

Да, я начинаю выздоравливать отъ предвыборной болѣзни, и мои чувства и мысли пріобрѣтаютъ прежнюю ясность.

И другое большое чувство охватываетъ меня. Вѣдь сегодня остались пустыя формальности: я—уже избранникъ народа, представитель интересовъ сотенъ тысячъ людей. „А ну, поборемся, кто кого!" восклицаю я мысленно кому-то. И чувствую въ груди большую силу и рѣшимость. „Завтра уже ты не можешь меня тащить за шиворотъ въ часть!" думаю я, проходя мимо полицейскаго, который стоитъ на перекресткѣ улицъ. „Не можешь, не можешь, я—депутатъ!" Должно быть, моя улыбка кажется полицейскому подозрительной: онъ провожаетъ меня взглядомъ и щупаетъ у бедра кобуру револьвера.

Прежде, чѣмъ идти въ домъ дворянскаго собранія на выборы, мнѣ еще нужно зайти въ губернскую управу, напечатать нашъ списокъ кандидатовъ въ Думу. Я иду по освѣщенной сторонѣ улицы, и ясный солнечный день возбуждаетъ во мнѣ радостный восторгъ.

Впереди меня идетъ нянька, деревенская дѣвушка, и везетъ въ колясочкѣ мальчика лѣтъ четырехъ. Ребенокъ плачетъ. Нянька тихонько показываетъ ребенку на встрѣчнаго околоточнаго съ рыжимъ, потертымъ портфелемъ подъ мышкой (у полицейскихъ всегда потертые портфели) и говоритъ:

— Молчи, Петя, молчи! А то, смотри, вонъ полицейскій возьметъ тебя въ карманъ и съѣстъ... Молчи...

Околоточный услыхалъ эти слова, хотѣлъ было пройти мимо, но остановился.

— А ты, дура, зачѣмъ это полиціей ребенка стращаешь?

— Я такъ... ничего,—совсѣмъ замерла отъ смущенія и страха нянька.

— То-то, ничего! Смотри, знай край, да не падай. Выростетъ мальчикъ, какое мнѣніе о полиціи имѣть будетъ? Развѣ мы звѣри, что ли!—раздражался полицейскій.

Мальчикъ испугался и заревѣлъ еще пуще.

Замѣтивъ меня, околоточный смягчилъ свой тонъ.

— Вотъ, видишь! Запужала.. Эхъ, ты.. Учить бы тебя, учить дуру!—бормоталъ онъ, удаляясь въ раздраженіи.

— — — — — —

Какіе глупые, милые и смѣшные всѣ люди!

Губернская управа — одно изъ самыхъ толкучихъ мѣстъ въ городѣ. У губернской управы двѣ двери: черная и парадная. Въ парадную дверь идетъ проситель крупный, сытый, наглый; въ черную мелкій, робкій, голодный. Черный ходъ кипитъ цѣлый день народомъ. Изъ служащихъ самой управы по парадному ходу входятъ и выходятъ обитатели нижняго этажа. Здѣсь — члены управы, бухгалтеры, контролеры, кассиры и прочіе крупные люди. По черному ходитъ верхній этажъ. Тамъ находится статистическое отдѣленіе. Въ политическомъ отношеніи нижній этажъ — октябристы и кадеты. Верхній — направленія соціалистическаго. Какія тамъ славныя, молодыя лица! Сюда стекаются со всей губерніи цифры, бездушныя цифры человѣческой жизни. За длинными столами, подъ перомъ этой молодежи цифры складываются въ столбцы; столбцы, въ свою очередь, выстраиваются рядами, и вдругъ все это мертвое поле цифръ, какъ мертвое поле костей въ видѣніи Іезекіиля, начинаетъ одѣваться плотью и кровью, оживать, проникаться единымъ духомъ, новой, неизвѣстной раньше никому, мыслью, и, вмѣсто предполагаемаго „ура!“ выкрикиваютъ совсѣмъ другія, непріятныя слова. Да, страшенъ и неожиданно своеобразенъ языкъ мертвыхъ цифръ русской жизни. И вотъ почему его такъ боится старая Россія...

Къ зданію дворянскаго собранія со всѣхъ сторонъ подходили толпы выборщиковъ. У дверей — гордость самодержавной Россіи, свѣтъ ея очей и радость сердца, полиція, снаряженная всѣми сортами оружія; только пулеметовъ не хватало. При взглядѣ на русскихъ полицейскихъ мнѣ всегда вспоминается Турція. Тамъ всѣ полицейскіе носятъ на груди мѣдныя дощечки-полумѣсяцы съ надписью: „Законъ“! Меня умиляла эта трогательная откровенность турецкой власти. „Что-бы и нашей такъ же!“ — думаю я всегда. „И къ чему напрасный стыдъ?“

Залъ дворянскаго собранія — небольшая комната, заставленная по стѣнамъ громадными царскими портретами въ золотыхъ рамахъ. Весь полъ тѣсно уставленъ вѣнскими диванами и стульями. Сзади — хоры для публики, а впереди, почти во всю ширину комнаты, — длинный предсѣдательскій столъ, покрытый краснымъ сукномъ и заставленный баллотировочными ящиками. Налѣво отъ стола, подъ арками, цѣлый рядъ комнатъ, раздѣленныхъ драпировкой и устланныхъ сукномъ и коврами. Тамъ толпились, главнымъ образомъ, землевладѣльцы во фракахъ, сюртукахъ и мундирахъ. Въ залѣ преобладалъ пиджакъ и поддевка; былъ даже дубленый полушубокъ.

Между крестьянами шныряютъ какія-то личности, коихъ мы не видѣли раньше на своихъ собраніяхъ. Они подсаживаются то къ одному, то къ другому изъ нашихъ, что-то шепчутъ и подозрительно мечутъ глазами по сторонамъ. Живой и горячій малороссъ, Прохоръ Кононецъ, вскакиваетъ, какъ ужаленный, и съ негодованіемъ кричитъ, показывая мнѣ на своего собесѣдника:

— И что онъ мнѣ говоритъ! Я не могу съ этимъ человѣкомъ сидѣть! Говоритъ—надо налѣво нашимъ класть. Да какъ же это такъ, коли мы въ родѣ какъ бы передъ Господомъ Богомъ порѣшили?!.

По рукамъ крестьянъ уже ходятъ списки правыхъ. Тамъ семь мужиковъ и пять землевладѣльцевъ.

Какъ только я очутился среди выборщиковъ, утреннее спокойствіе мое исчезло, и мнѣ снова передается общее нервное настроеніе. Лица у всѣхъ немного взволнованы; но на нихъ написано что-то торжественное. Такъ торжественны бываютъ лица молящихся въ церкви передъ началомъ службы. Только подъ колоннами, налѣво, въ кучкѣ помѣщиковъ свѣтятся злые глаза, слышится негодующій шепотъ. Они подсчитали свои силы. Третья часть! Скверно!.. Они тоже изнервничались за эту недѣлю, и многіе изъ нихъ до того злы, что не могутъ сдержать себя. Помѣщикъ Поздюнинъ уже изругалъ одного выборщика изъ крестьянъ мерзавцемъ. Тотъ ходитъ отъ одной группы мужиковъ къ другой и, блѣдный, растерянный отъ обиды и негодованія, говоритъ:

— Что же мнѣ дѣлать, братцы? Онъ меня публично мерзавцемъ изругалъ.

Къ одному изъ вчерашнихъ ораторовъ, К. Ф. Вознесенскому, подходитъ помѣщикъ Бугурусланскаго уѣзда Львовъ и съ худо скрытымъ раздраженіемъ спрашиваетъ:

— Это вы, говорятъ, обозвали насъ вчера паразитами?

— Кого это—васъ?—спрашиваетъ Вознесенскій.

— Меня, его, ихъ...—тычетъ Львовъ рукой по направленію къ своимъ.

— Я васъ не знаю, и никакъ не могъ сказать о васъ ничего подобнаго.

— Но вы говорили о паразитахъ?

— Да, я говорилъ о паразитахъ и подъ ними разумѣлъ тѣхъ, которые живутъ трудами другихъ.

— Такъ вотъ мы и живемъ трудами другихъ!—въ запальчивости, говоритъ тотъ.—Значитъ, что же, мы паразиты? Да?

Среди землевладѣльцевъ особенно выдается своей озлобленностью какой-то старикъ съ большой сѣдой бородой.

Проходя мимо главарей лѣвой группы, онъ коробится какъ береста на огнѣ, и шепчетъ злобныя слова: „Ишь, грабители! Проходимцы! Тоже, законодатели!.“

— То есть, не будь у меня этой земли, говоритъ мнѣ одинъ молодой землевладѣлецъ съ открытымъ, умнымъ лицомъ, въ синей поддевкѣ,—не будь этой земли, тыкъ я, можетъ быть, соціалистомъ-революціонеромъ былъ бы. Да. А вотъ земля... Ну, какъ я противъ своего живота, можно сказать, пойду? Какъ? Что я безъ земли? Нуль! Вотъ я и октябристъ. Да-съ, октябристъ, черносотенецъ, коли хотите, только поэтому...

— Тамъ губернаторъ объ васъ бумагу прислалъ, тревожно шепнулъ мнѣ на ухо одинъ изъ выборщиковъ.

— Какую бумагу?

— Не знаю, бумага какая-то. Я сейчасъ проходилъ и слышалъ мелькомъ. Предводитель дворянства пришелъ и справлялся при входѣ про васъ, прошли вы въ собраніе, или нѣтъ...

Я понялъ, что побѣжденъ.

Минутъ черезъ пять въ залъ вошелъ предводитель дворянства, громоздкій, сырой человѣкъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Онъ попросилъ минуту вниманія и прочиталъ полученную имъ отъ губернатора бумагу. Въ этой бумагѣ губернаторъ писалъ, что правительствующій сенатъ извѣстилъ его телеграммой объ отмѣнѣ постановленія губернской коммиссіи, а слѣдовательно—и о лишенія меня и г. Макарова избирательныхъ правъ. Потому онъ, предводитель дворянства, проситъ гг. Кондурушкина и Макарова удалиться изъ зала собранія, какъ людей посторонних.

Поднялся шумъ.

— Какъ, посторонніе?! Къ чорту ваши бумаги! Эдакъ вы насъ всѣхъ разъясните! Не желаемъ. Они—наши избранники! Теперь поздно разъяснять...

— Господа, я—исполнитель,—плачущимъ голосомъ среди шума и гама говорилъ предсѣдатель.—Я получилъ бумагу и долженъ ее исполнить.

— Ваше превосходительство,—кричитъ одинъ изъ крестьянъ.—А гдѣ же телеграмма сената?

— Должно быть, у губернатора, если онъ пишетъ объ этомъ бумагу. Развѣ вы не вѣрите губернатору?—наивно, съ испугомъ спрашиваетъ предсѣдатель.

Въ залѣ смѣхъ, шутки.

— Еще бы! Какъ отцу родному, вѣримъ!.. Какъ Богу!—раздается изъ угла утробный басъ.

— Допустимъ, телеграмма есть,—говоритъ крестьянинъ Пустовойтовъ.—Такъ развѣ сенатъ сносится телеграммами?

Законъ ясно говоритъ, что сенатъ сообщаетъ свои рѣшенія указами...

Шумъ, крики правыхъ.

— Прошу васъ оставить залъ: вы теперь посторонніе, а при постороннихъ я не могу открыть собраніе,—обращается къ намъ предводитель дворянства.

— Не позволимъ! Незаконно!—кричитъ залъ.—Открывайте собраніе. Здѣсь нѣтъ постороннихъ!..

Предсѣдатель волнуется, потѣетъ. На его мясистомъ лицѣ выступаетъ румянецъ жженаго кирпича. По лбу струится потъ. Онъ не знаетъ, что дѣлать, роется въ уставѣ о земскихъ собраніяхъ, находитъ тамъ какую-то статью и немного приходитъ въ себя.

— Тогда мы должны поставить вопросъ на баллотировку, согласно статьѣ о земскихъ собраніяхъ...—рѣшаетъ предсѣдатель.—Кто за то, чтобы гг. Кондурушкинъ и Макаровъ удалились, благоволятъ сидѣть, а тѣ, которые противъ этого, благоволятъ встать...

Весь залъ поднялся дружно, точно сплошная каменная глыба, выдвинутая внезапно подземнымъ огнемъ. Помѣщики подъ колоннами стояли, потому что тамъ нѣтъ стульевъ. Желая голосовать за удаленіе, они начали метаться по сторонамъ, чтобы найти мѣста для сидѣнья. Многіе присѣли впопыхахъ на корточки...

— Закрытой баллотировкой нужно рѣшить вопросъ!—кричатъ правые.

Предсѣдатель растерянно соглашается съ этимъ предложеніемъ и забываетъ о произведенной имъ баллотировкѣ. Онъ опять роется въ книгѣ, снова краснѣетъ и обливается потомъ. Его бѣлый воротникъ размякъ, упалъ и прилипъ къ ордену, висящему на шеѣ. Наконецъ, кто-то шепчетъ ему, что статья закона о земскихъ собраніяхъ предусматриваетъ случай удаленія членовъ собранія. Кондурушкинъ же и Макаровъ не члены этого собранія, а посторонніе. Предсѣдатель охотно соглашается; закрытая боллотировка отставлена: онъ куда-то уходитъ, въ великомъ смущеніи.

Около часу всѣ ходятъ по залу, поднимаются на верхъ пить чай, нервничаютъ. Старикъ-землевладѣлецъ съ сѣдой бородой ходитъ мимо насъ и ворчитъ со злобой:

— Въ свою пользу всѣ законы толкуютъ! Больно жирно будетъ. И такъ много власти захватили...

— Не видали мы такихъ законовъ, кои въ нашу пользу были бы написаны,—отзывается крестьянинъ.—Законы-то пишете и толкуете вы... вашъ братъ. И всегда въ свою пользу, а не въ нашу...

— Ну, что дѣлать намъ теперь?—обступаютъ меня му-

жики. Неопредѣленность положенія, видимо, начинаетъ уже ихъ мучить. Вы только скажите, что дѣлать, а мы сдѣлаемъ.

— Что дѣлать... Подождемъ, что еще скажутъ.

— Да вѣдь хорошаго ничего не скажутъ. Не сдавайтесь, а мы поддержимъ. Это беззаконіе!

Черезъ часъ засѣданіе было открыто. На лицѣ предсѣдателя торжественная рѣшимость. „Я открываю собраніе, но я не примирился и теперь знаю, что сдѣлать“, говоритъ каждое его движеніе. Долго тянулась канитель съ чтеніемъ законовъ и провѣркой присутствующихъ. Наконецъ, всѣ формальности кончены. Предсѣдатель всталъ и, расправляя на себѣ лопатками и локтями фракъ, обратился ко мнѣ:

— Прошу васъ покинуть залъ, такъ какъ въ данномъ собраніи вы являетесь постороннимъ человѣкомъ...

Раздался шумъ. Послышались нервные, звенящіе крики:

— Мы не позволимъ! Если бы они сами ушли, мы не пустимъ! Такъ и знайте!..

— Я спрашиваю г. Кондурушкина,—волнуясь, заявляетъ предсѣдатель.—Позвольте ему отвѣчать.

Я встаю. На меня смотрятъ сотни возбужденныхъ, блестящихъ глазъ. Я не вижу ни лицъ, ни фигуръ; я вижу только эти сверкающіе, какъ хрусталь на солнцѣ, колючіе глаза, чувствую, какъ они меня волнуютъ, пронизываютъ насквозь. Я заявляю, что распоряженіе губернатора, хотя бы основанное на телеграммѣ сената, не законно; постороннимъ себя не считаю и потому удаляться не намѣренъ.

Глаза сверкнули, скользнули по моему лицу и перемегнулись на тучную фигуру предсѣдателя. Предсѣдатель повторилъ свою просьбу второй и третій разъ. Я отвѣчалъ тоже второй и третій разъ. И сотни сверкающихъ глазъ свѣтили то въ мою сторону, то въ сторону предсѣдателя. Казалось, что въ залѣ повертывается какая-то громадная люстра, и солнечные лучи, играя въ ея хрустальныхъ украшеніяхъ, блещутъ то въ одну, то въ другую сторону. Мнѣ казалось, что предсѣдатель повторяетъ трижды одну и ту же просьбу для пущей торжественности, и что послѣ третьяго раза разговоры будутъ окончены. Ничуть не бывало. Предсѣдатель, точно въ забытьи, повторилъ свою просьбу въ четвертый, пятый и шестой разъ. Наконецъ, очнувшись отъ оцѣпенѣнія нерѣшительности, коснѣющимъ языкомъ онъ заявилъ:

— Тогда я буду принужденъ пригласить полицію...

— Не имѣете права! Полиція не можетъ сюда входить!— раздались крики.

Среди правыхъ движеніе. Кто-то побѣжалъ пригласить полицію; ея долго нѣтъ. Послали какого-то графа. Тотъ

побѣжалъ. Черезъ минуту въ дверяхъ показался полицеймейстеръ съ двумя приставами.

Поднялся невообразимый шумъ, крики, ругательства. Казалось, стѣна, полъ и потолокъ зданія вспыхнули пожаромъ.

— Долой полицію! Вонъ отсюда! Вонъ! Вонъ!

Всюду мелькаютъ возбужденныя до крайняго напряженія лица; красные и слезящіеся отъ волненія глаза. Около меня образуется тѣсное кольцо изъ выборщиковъ. Кто-то шепчетъ мнѣ на ухо: „Умремъ, а не выдадимъ!"..

Полицеймейстеръ, ошеломленный криками и движеніемъ, нѣсколько секундъ не зналъ, что дѣлать и куда идти. Потомъ спохватился, лихо подбѣжалъ къ предсѣдательскому столу и, вытянувшись, по военному крикнулъ:

— Что прикажете, ваше превосходительство?!

Но превосходительство совсѣмъ растерялось.

— Тогда я принужденъ буду закрыть собраніе,—говоритъ онъ, растопыривая руки.

— Просимъ, просимъ!—слышатся голоса.

Собраніе закрыто. Полиція вышла изъ зала.

Только обернувшись назадъ, мы замѣтили, что передъ зданіемъ дворянскаго собранія, на улицѣ выстраивается сотня казаковъ. На правомъ флангѣ стоялъ казакъ съ краснымъ флагомъ.

— Казаки, казаки! Смотрите! А что значитъ красный флагъ?

Около меня стоитъ выборщикъ, отставной солдатъ, съ грудью, увѣшанной медалями. Онъ взволнованъ, бьетъ себя въ грудь по медалямъ кулакомъ и, обернувшись ко мнѣ, твердитъ:

— Это боевой флагъ, повѣрьте старому служакѣ... Боевой!

— Боево-о-ой!—проносится шепотомъ по всему залу.

— Боево-о-ой!—съ ужасомъ повторяютъ всѣ погромче, точно хотятъ постепенно привыкнуть къ этому страшному слову.

— Боевой флагъ!—кричатъ уже громко въ разныхъ концахъ зала.—Вотъ тебѣ и народные представители. Получайте.

Степенный, сдержанный Шишкинъ кричитъ на весь залъ:

— Вотъ она, россійская свобода!

Ему аплодируютъ долго и дружно.

Говорятъ, что меня и Макарова хотятъ арестовать. Человѣкъ пятьдесятъ окружаютъ насъ, выводятъ изъ собранія и провожаютъ по улицамъ. Полиція долго идетъ вслѣдъ.

Двое полицейскихъ на углу уже обсуждаютъ событія.

— Что это, Кузьмичъ, такое случилось?

— Да вотъ, говорятъ, кто-то по подложному документу на выборы прошелъ. Такъ его въ тюрьму и повели, голубчика...

— Извѣстно, за такія дѣла рѣдко хвалятъ... А кто это, Кузьмичъ, изъ русскихъ, али сицылистъ?

— Знамо, сицылистъ. Все они, христопродавцы. Тьфу! И безпокойства этого съ ними—страсть!.

Разсказъ мой конченъ. За послѣднимъ препятствіемъ на предвыборныхъ бѣгахъ намъ устроили западню. Такъ, закрывшись ширмой ложной законности и бездушнаго формализма, правительство мѣшало народу избирать по совѣсти и по сердцу. Говорятъ, что съ нами обошлись еще очень хорошо, конституціонно,—не посадили въ тюрьму. И на томъ спасибо. А такія опасенія за насъ въ то время были. Хотя я и не зналъ за собой никакихъ преступленій, но, по настоянію друзей и знакомыхъ, ночевалъ въ этотъ день на новомъ мѣстѣ.

Конечно, седьмого февраля мы не пробовали идти на выборы. Отъ перваго министра была за ночь получена телеграмма, повелѣвающая дѣйствовать рѣшительно и смѣло. Ну, а кто же дерзнетъ въ Россіи заявлять о своихъ правахъ, когда изъ Петербурга предписано дѣйствовать рѣшительно и смѣло. Тутъ ужъ шепчи только: „Разумѣйте языцы и покоряйтеся", да вспоминай царя Давида и всю кротость его... Двое полицейскихъ провѣряли бумаги выборщиковъ при входѣ въ собраніе, еще на улицѣ.

Вечеромъ мы сидѣли въ редакціи „Волжскаго Слова" и по телефону получали свѣдѣнія о томъ, какъ по нашимъ нотамъ разыгрывались самарскіе выборы. Весь нашъ списокъ прошелъ; мѣста исключенныхъ заняли другіе, тоже прогрессивные выборщики, которыхъ удалось намѣтить за ночь.

До свиданья, дорогіе друзья! До свиданья, родныя мѣста!

С. Кондурушкинъ.

Изъ воспоминаній дезертира.

Минуло ровно четыре года съ того дня, какъ въ моей жизни произошло событіе, которое, не представляя изъ себя ничего исключительнаго, тѣмъ не менѣе навсегда оставило по себѣ глубокій слѣдъ, такъ какъ въ этотъ день я изъ простого смертнаго превратился въ бѣглаго солдата, жизнь котораго есть сплошное скитаніе, полное невзгодъ и всяческихъ приключеній.

Какъ сейчасъ, помню послѣдній день своего пребыванія въ деревнѣ у старушки-матери. Онъ начался съ того, что рано утромъ, когда въ домѣ еще всѣ спали, въ однихъ чулкахъ, на цыпочкахъ, неслышно подошла она къ моей постели и, слегка поцѣловавъ меня въ оба глаза, опустила свою преждевременно посѣдѣвшую голову ко мнѣ на грудь и горько, горько заплакала.

Это были послѣднія слезы, которыхъ ей не нужно было ни отъ кого скрывать. Часомъ или двумя позднѣе, когда ежеминутно могъ войти кто-нибудь чужой, уже нельзя было свободно поплакать, такъ какъ этимъ можно было выдать мое намѣреніе. И мнѣ было невыразимо-тяжело смотрѣть, какъ эта изстрадавшаяся и худая, какъ тѣнь, женщина, будучи не въ силахъ сдержать своихъ слезъ, ежеминутно глотала ихъ и холодной водой смачивала свои воспаленныя вѣки. Но такъ какъ пойти въ солдаты, т. е. изъ вольнаго человѣка превратиться въ раба, сдѣлаться тупымъ орудіемъ въ рукахъ кровожадныхъ и глупыхъ людей, было для меня еще тяжелѣе, то я принужденъ былъ уѣхать. И раньше, чѣмъ послѣдній лучъ заходящаго солнца сказалъ мнѣ прости, я въ небольшой таратаечкѣ трясся по шоссе, ведущему въ городъ.

Начавшійся морозъ пушистымъ инеемъ покрылъ по бокамъ растущій березовый лѣсъ и черную ленту дороги понемногу совсѣмъ перекрасилъ. Что у меня тогда творилось на душѣ, я до сихъ поръ опредѣлить не могу, помню только, что мнѣ было невыносимо тяжело, и что въ головѣ не было ни одной цѣльной мысли. Все тамъ состояло изъ какихъ то обрывковъ, гдѣ воспоминанія дѣтства смѣшались съ настоящимъ, воображаемое съ существующимъ и наоборотъ.

—

А сентябрьское небо, между тѣмъ, все темнѣло. Быстро одна за другой загорались на немъ ярко блестящія звѣзды и по мѣрѣ того, какъ число ихъ все больше и больше увеличивалось, разстояніе, отдѣлявшее меня отъ города, все уменьшалось.

Я сталъ присматриваться къ себѣ и мысленно весь ушелъ въ предстоящую мнѣ жизнь, которая, могу сознаться, на дѣлѣ казалась мрачной и холодной неизвѣстностью. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя въ карманѣ всего нѣсколько рублей, безъ всякаго паспорта, я рѣшилъ уѣхать за границу, никогда тамъ раньше не бывавъ, не имѣя никакого понятія о томъ, какъ все это выполнить. Признаться, я даже врядъ ли бы рѣшился на такой шагъ, если бы не товарищъ Ц..., который, прослуживъ цѣлыхъ два года въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, принужденъ былъ теперь бѣжать, и скрываясь отъ преслѣдованія, поджидалъ меня въ Двинскѣ, откуда мы вмѣстѣ должны были отправиться въ Варшаву. Тамъ Ц... при помощи своихъ знакомыхъ надѣялся все уже устроить.

Я не стану останавливаться на этомъ короткомъ пути, къ тому же прошедшемъ безъ всякихъ приключеній, и начну прямо съ того, какъ пріѣхалъ въ Двинскъ, гдѣ Ц... долженъ былъ меня встрѣтить на вокзалѣ.

Было 3 часа дня, когда съ небольшой корзинкой въ рукахъ, составлявшей весь мой багажъ, я очутился на большомъ вокзалѣ незнакомаго мнѣ города, гдѣ не безъ волненья началъ разыскивать Ц... Но сколько я ни ходилъ по платформѣ, сколько ни заглядывалъ въ залъ второго и третьяго класса, нигдѣ Ц... не находилъ. Обстоятельство это меня было опечалило и испугало, но, къ счастью, пройдя нѣсколько десятковъ саженей, я вдругъ наткнулся на поджидавшаго меня Ц... Оказалось, что, придя на вокзалъ, онъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ солдатомъ одного съ нимъ полка, пріѣхавшаго, очевидно, въ отпускъ, и, опасаясь выдачи съ его стороны, поспѣшилъ убраться.

Дѣла его, какъ я тотчасъ же узналъ, были очень не блестящи: оказалось, у него нѣтъ ни гроша денегъ, и на знакомыхъ въ Варшавѣ онъ тоже мало надѣется, а между тѣмъ оставаться въ Двинскѣ до полученія откуда-либо денегъ было довольно рискованно, и поэтому намъ ничего ни оставалось дѣлать, какъ поѣхать на авось въ Варшаву.

Поѣздъ, съ которымъ намъ можно было ѣхать, отходилъ въ 3 часа ночи, т. е. ровно черезъ полсутокъ послѣ нашего пріѣзда. Для того, чтобы провести это время, мы съ Ц... отправились по его знакомымъ. Помню, что за эти нѣсколько часовъ я успѣлъ посѣтить чуть ли не десятокъ семействъ, и несмотря на то, что всѣ они жили въ бѣдности, граничащей съ нищетой, я вездѣ былъ пораженъ тѣмъ глубокимъ интересомъ, съ какимъ относились они къ общественной жизни и съ какой силой молодежь рвалась къ ученію, къ свѣту.

Вотъ, напр., дочь стекольщика, тщедушная 15-лѣтняя дѣвушка, почти еще ребенокъ; большіе черные глаза ея полны печали и въ то же время горятъ энергіей. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, она съ братомъ и его женой отправилась въ Америку, но, благодаря своей болѣзненности, въ Гамбургѣ при посадкѣ на корабль была «забракована» и затѣмъ одна, безъ всякихъ средствъ, истерзанная всѣмъ путемъ, подавленная неудачей, вновь должна была вернуться къ своему старому-отцу. Но это ея энергіи не убило: не удалось пробраться въ Новый Свѣтъ,—нужно прокладывать себѣ путь къ жизни въ старомъ, и вотъ теперь, цѣлый день проводя за работой въ какой-то мастерской, она по вечерамъ не отрывается отъ учебника, и ея завѣтная мечта—научившись, самой приняться учить другихъ, какъ она, стремящихся жить.

Думаю, что, поживши тамъ подольше, я могъ бы понаблюсти не мало интереснаго, но, къ сожалѣнію, нужно было спѣшить, и безъ четверти 3 мы были уже на вокзалѣ. Настроеніе у обоихъ было приподнятое. Мы чувствовали, что поступаемъ довольно рискованно, но сознаніе, что возврата уже нѣтъ, бодрило насъ, и, закрывая глаза на будущее, мы, чуть ли ни потративъ весь свой капиталъ, купили билеты до Варшавы.

I.

Отъ Двинска до Варшавы.

Вагонъ, въ который мы сѣли, былъ биткомъ набитъ пассажирами, большинство которыхъ были евреи. Глядя на ихъ согбенныя, худыя, вѣчно снующія фигуры, видя ихъ горящіе, какъ у затравленнаго звѣря, глаза и испытывая страшную тѣсноту, я впервые наглядно представилъ себѣ, что такое «гетто-еврейской осѣдлости». И весь этотъ несчастный край представился мнѣ въ видѣ нашего вагона, переполненнаго людьми, гдѣ уже нечѣмъ дышать, и изъ котораго безъ разрѣшенія кондуктора нельзя перейти въ почти пустующій вагонъ второго класса.

Я самъ еврей, но, благодаря тому, что родился и выросъ межъ русскихъ, евреевъ зналъ очень плохо и съ большимъ любопытствомъ къ нимъ присматривался. Не знаю, есть ли это прирожденное свойство еврейской націи, или оно выработалось за время гоненья, которому этотъ народъ подвергается уже многіе вѣка, но меня поразили они своей общительностью: не успѣваетъ какой-нибудь новый пассажиръ войти въ вагонъ, какъ онъ уже со всѣми разговариваетъ, и мнѣ помнится, что утромъ вагонъ былъ превращенъ въ синагогу, и всѣ присутствующіе сообща читали утреннюю молитву.

Пять часовъ пути прошли очень быстро, и едва наступило утро, какъ поѣздъ уже былъ въ Вильнѣ, гдѣ стоитъ всего полчаса. Многіе изъ нашихъ спутниковъ покинули здѣсь вагонъ, и ихъ мѣста были тотчасъ заняты другими. Между прочимъ, здѣсь же сѣла въ нашъ вагонъ интеллигентная дѣвочка лѣтъ 20, высокая, стройная шатенка, съ добрыми голубыми глазами: она была очень симпатична и какъ-то невольно располагала въ свою пользу. Познакомились мы съ ней такимъ образомъ: когда поѣздъ только что тронулся, въ вагонѣ появилась плачущая дѣвочка лѣтъ 10—12. Всѣ мы наперебой начали ее разспрашивать. Оказалось, что она ѣхала со своимъ братомъ, котораго въ Вильнѣ на вокзалѣ потеряла. Билетъ остался у него, и вотъ теперь она не знала, что дѣлать, такъ какъ кондукторъ грозилъ высадить ее на слѣдующей станціи. Выслушавъ этотъ разсказъ, дѣвушка, о которой я говорю, быстро прошла по вагонамъ и устроила сборъ для несчастной безбилетной. Во время этой исторіи мы съ ней и разговорились. Насколько я могъ судить, всѣ ея симпатіи были на сторонѣ революціоннаго движенія, а какъ догадался позже, она и сама принимала въ немъ участіе... Но въ началѣ мы опасались, конечно, вполнѣ откровенничать съ ней. Услышавъ отъ насъ, что мы думаемъ въ Варшавѣ поселиться и подыскать себѣ какую-нибудь работу, она пытливо на насъ посмотрѣла и, окинувъ взглядомъ маленькую нашу корзинку, недовѣрчиво улыбнулась. Ѣхала она къ себѣ домой въ Ломжинскую губернію, но по какому-то дѣлу должна была остановиться на нѣсколько часовъ въ Бѣлостокѣ. Между тѣмъ, и мы разсчитали, что если будемъ продолжать свой путь прямо, то пріѣдемъ на мѣсто прямо къ ночи, а это при нашемъ положеніи представляло значительныя неудобства, поэтому самое благоразумное было провести вечеръ въ Бѣлостокѣ и съ поѣздомъ, отходящимъ въ часъ или два ночи, поѣхать дальше. Сказано—сдѣлано: взяли свою корзинку и пошли. Съ дѣвушкой мы на время попрощались, но про себя рѣшили, что не дурно бы съ ней по душѣ поговорить о нашемъ дѣлѣ, такъ какъ изъ разговора съ ней мы узнали, что у нея въ Варшавѣ есть родственники, изъ которыхъ одинъ лѣсопромышленникъ и бываетъ часто за границей. Пробродивъ нѣкоторое время по извилистымъ улицамъ Бѣлостока, мы пришли на вокзалъ часа за полтора до отхода поѣзда и, забравшись въ плохо освѣщенный уголъ зала третьяго класса, сидя на деревянномъ диванчикѣ, оба задремали. Вдругъ передъ нами какъ будто выросла изъ-подъ земли наша таинственная спутница.

— А! вы здѣсь? А я васъ ищу. И чего это вы забрались въ такую темноту? Люди могутъ подумать, что вы какіе-нибудь бѣглецы,—проговорила она вполголоса и при этомъ не безъ лукавства улыбнулась. Мы, отшучиваясь въ свою очередь, перешли съ ней во второй классъ и здѣсь благополучно дождались поѣзда.

До Варшавы уже было, сравнительно, недалеко, и въ голову закрадывались нехорошія мысли.

— А что, если мы знакомыхъ Ц... тамъ почему-либо не сыщемъ? Вѣдь безъ паспортовъ и денегъ пропадемъ!—И мнѣ рисовался арестантскій вагонъ съ его частыми рѣшетками въ окнахъ, конвойные солдаты съ хмурыми деревянными лицами, цѣлый рядъ пересыльныхъ тюремъ, которыя я долженъ буду пройти, и, наконецъ, самое главное отъ чего я бѣжалъ... солдатчина... И по мѣрѣ того, какъ я все это себѣ представлялъ, у меня являлось непобѣдимое желаніе, во что бы то ни стало, добиться своего.

Ц... какъ-то умудрился завладѣть верхней полкой и вскорѣ уснулъ тамъ, какъ настоящій солдатъ. Я же сидѣлъ противъ своей спутницы и все думалъ, какъ бы удобнѣе съ ней объяснится.

Сначала мы долго говорили о любимыхъ нашихъ писателяхъ, касались при этомъ разныхъ общественныхъ вопросовъ и, наконецъ, какъ-то незамѣтно перешли на самихъ себя. Когда она заговорила о своей семьѣ, я слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Счастливая случайность: она разсказывала о томъ, какъ любимый братъ ея въ прошломъ году былъ принятъ на службу! Какъ недавно у него вышла какая-то исторія на политической почвѣ, и онъ вынужденъ былъ бѣжать, при чемъ она сама устроила ему все, что касалось переправы черезъ границу.

— Хотѣлось бы еще хоть разъ его увидѣть,—закончила дѣвушка свой разсказъ, и въ голосѣ ея что-то дрогнуло... Понятно, что послѣ этого мнѣ уже нечего было опасаться, и я тотчасъ же разсказалъ все, что касалось меня и Ц...

Выслушавъ мою откровенную исповѣдь, таинственная спутница дала мнѣ свой адресъ и просила, если намъ не удастся ничего устроить самимъ черезъ своихъ знакомыхъ, написать ей: она нарочно пріѣдетъ для устройства нашего дѣла въ Варшаву. Нечего и говорить, что мы разстались, какъ старые друзья, и когда поѣздъ уже медленно двигался вдоль платформы, она постучала въ окно, возлѣ котораго мы сидѣли, и въ послѣдній разъ крикнула: «пишите же!» Оставшись одни, мы уже не спали, такъ какъ Варшава была недалеко; мы строили планы на будущее... Заручившись обѣщаніемъ нашего случайнаго друга, мы чувствовали подъ ногами болѣе твердую почву, чѣмъ прежде, но всетаки не могу сказать, чтобы у меня совсѣмъ не билось сердце отъ волненія, когда поѣздъ, вдругъ переставъ пыхтѣть и стучать колесами, какъ бы застывъ, — остановился.

II.

Въ Варшавѣ.

Было еще не совсѣмъ поздно. Сѣрый отъ мороза городъ имѣлъ хмурый видъ и, какъ грозный старикъ, насупившій густыя брови, сурово молчалъ. Мнѣ казалось, что ежившійся на посту городовой, старавшійся согрѣться движеніемъ, дѣлаетъ это не отъ холода, а отъ той угрожающей тишины, которая царила въ этотъ ранній часъ на окраинѣ. Было еще слишкомъ рано отправляться на поиски, и мы зашли въ какую-то чайную. Напившись чаю и немного тутъ же за столомъ подремавъ, мы оставили тамъ свою корзинку и пошли на другой конецъ города, гдѣ въ повивальномъ институтѣ должны были найти одну знакомую. Идти пришлось довольно далеко, но мы неслись, какъ на крыльяхъ, и въ 10 часовъ были уже возлѣ института, куда Ц... зашелъ узнавать. Я остался поджидать его на улицѣ, и долго мнѣ пришлось ходить взадъ и впередъ по панели, пока, наконецъ, не отворилась дверь и на ступенькахъ подъѣзда не появилась маленькая, бѣлокурая фигурка моего товарища. Онъ былъ блѣденъ и какъ-то недоумѣло, будто съ застывшимъ вопросомъ на лицѣ, растерянно озирался вокругъ.

— Ну что?—подбѣжалъ я къ нему, но онъ жался и не зналъ, что отвѣтить. Ему было хорошо извѣстно, что дѣвица Б. уже второй годъ учиться въ этомъ институтѣ, а между тѣмъ—ему здѣсь сказали, что такой тамъ нѣтъ и никогда не было. Пришлось отправиться въ адресный столъ, но и тамъ отвѣтили, что она еще годъ тому назадъ выбыла изъ Варшавы...

Когда такая же неудача постигла насъ въ поискахъ еще одного таварища Ц., положеніе изъ затруднительнаго стало переходить въ критическое, и мы совершенно не знали, что дѣлать. Но тутъ, къ счастью, Ц... вспомнилъ одно обстоятельство, за которое мы и ухватились, какъ утопающій за соломинку.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, живя въ Одессѣ, Ц... имѣлъ одного товарища, который страшно бѣдствовалъ, родители же его, люди очень состоятельные, жили въ Варшавѣ и почему-то его совершенно не поддерживали, а между тѣмъ онъ сильно разстроилъ свое здоровье и былъ уже близокъ къ чахоткѣ. Будучи возмущенъ поведеніемъ родителей, Ц... узналъ ихъ адресъ и написалъ имъ письмо, послѣ котораго все устроилось къ общему благополучію. Адреса этихъ господъ Ц... помнилъ еще и теперь, и хотя трудно было предполагать, что они до сихъ поръ живутъ все на той же квартирѣ, все же, за неимѣніемъ лучшаго, мы рѣшили пойти посмотрѣть, и къ немалому нашему удивленію убѣдились, что они живутъ въ томъ же домѣ. Однако, когда мы зашли, насъ приняли довольно

холодно и на просьбу позволить получить деньги на ихъ адресъ, согласились только послѣ нѣкотораго колебанія. Что же касается ночлега, то посовѣтовали отправиться въ столовую «для бѣдныхъ», сказавъ, что оттуда черезъ такихъ же безпаспортныхъ, какъ мы, можно попасть куда-нибудь на ночлегъ. Дѣлать было нечего, и мы отправились въ эту столовую, которая кстати была недалеко. Пройдя полутемный корридорчикъ, мы открыли дверь въ небольшую, съ грязными стѣнами и закопченнымъ потолкомъ, комнату, почти сплошь уставленную длинными столами, за которыми въ страшной тѣснотѣ, почти не имѣя возможности дѣйствовать руками, ѣли какую-то похлебку оборванныя, исхудалыя существа.

Подающіе къ столу лакеи были съ ними очень грубы и покрикивали на нихъ, какъ какіе-нибудь унтера на солдатъ.

Меня съ товарищемъ сначала долго и подозрительно разсматривали, а затѣмъ, почему-то обращаясь на русскомъ языкѣ, пригласили къ конторкѣ, гдѣ за небольшимъ столикомъ сидѣлъ довольно солидный господинъ съ очень краснымъ затылкомъ и въ цилиндрѣ.

— Куда? Зачѣмъ? Откуда?—началъ онъ насъ закидывать вопросами.

— Послушайте,—обратился я къ солидному господину, въ раздраженіи,—а безъ такого вопроса нельзя здѣсь поѣсть вашей лапши? Мы заплатимъ за нее, не безпокойтесь.

— Нѣтъ, нельзя.

— Въ такомъ случаѣ,—вспылилъ я,—прощайте.

И мы, не спавшіе нѣсколько ночей, озябшіе, истомленные ходьбой и измученные неудачами, снова очутились на улицѣ. Наступали уже сумерки. Въ головѣ и во всемъ продрогшемъ тѣлѣ ощущалась такая тяжесть, что мы съ трудомъ могли передвигать ноги.

Проходя какой-то очень узкій переулокъ, подобно муравейнику кишѣвшій суетящимися людьми, большей частью мелкими торговцами, которые, таща на себѣ неимовѣрно-тяжелыя ноши, какъ будто куда-то спѣшили, мы безъ всякаго уговора остановили одного, хорошо одѣтаго господина, по виду учителя.

— Не знаете ли, гдѣ здѣсь можно переночевать? — въ одно слово спросили мы его, едва держась на ногахъ отъ усталости. Тотъ на минуту задумался, потомъ сказалъ, что здѣсь, недалеко по улицѣ Ставки, есть одно семейство, куда онъ самъ ходитъ обѣдать: тамъ есть свободная кровать, и онъ думаетъ, что за небольшую плату насъ съ удовольствіемъ пустятъ. Онъ, конечно, не зналъ, что у насъ нѣтъ паспортовъ и поэтому такъ увѣренно говорилъ, что насъ пустятъ, да и сами мы были такъ утомлены, что мало думали объ этомъ обстоятельствѣ и поспѣшили отправиться по указанному имъ адресу.

Квартира, куда мы пришли, состояла изъ кухни и одной комнаты; въ ней жили: старушка-мать и двое младшихъ дѣтей, дочь лѣтъ 14, рыженькая, съ маленькими хитрыми глазками, и 16-ти лѣт-

ній сынъ, который въ противоположность сестрѣ, имѣлъ тупованое лицо.

Встрѣтила насъ хозяйка довольно привѣтливо и, попросивъ пройти въ комнату, сама осталась въ кухнѣ, гдѣ, очевидно, приготовляла ужинъ.

Ц.., усѣвшись на небольшой мягкій диванчикъ, въ ту же минуту захрапѣлъ, а я сѣлъ къ окну, гдѣ было еще не совсѣмъ темно, и началъ писать письмо къ роднымъ, въ которомъ просилъ выслать хоть сколько-нибудь денегъ, такъ какъ онѣ были у насъ совсѣмъ на исходѣ. Но едва я успѣлъ написать нѣсколько строкъ, какъ вошла хозяйка и начала просить паспорта. Они у васъ, конечно, есть, почему-то спокойно прибавила она и начала жаловаться на строгости, существующія теперь въ Варшавѣ.

— Чуть что, сейчасъ штрафъ, прямо хоть не живи!—закончила она и снова заговорила о паспортахъ.

Я немного смутился, но, чтобы оттянуть время, обѣщалъ дать, когда окончу письмо. И когда та вышла обратно въ кухню, я поспѣшно разбудилъ Ц.., предоставивъ ему, какъ болѣе бывалому, объясняться со старушкой. И, дѣйствительно, когда та вновь пришла за паспортами, онъ началъ ей разсказывать какія-то небылицы, говоря, что мы пріѣхали изъ Петербурга по торговымъ дѣламъ, думаемъ пробыть здѣсь всего одинъ день, и что ради одной ночи не хочется тратить 2 руб. на прописку и т. д. Старушка разсказамъ его, повидимому, повѣрила, но всетаки безъ прописки боялась оставить даже и коммерсантовъ. И надо полагать, эту ночь намъ пришлось бы уже навѣрно провести на улицѣ, если бы въ семьѣ не случилось одной непріятности. Вышло, какъ разъ по пословицѣ: не быть бы счастью, да несчастье помогло. Дѣло въ томъ, что когда мы объяснялись съ хозяйкой, и объясненіе это грозило уже кончиться не въ нашу пользу, вдругъ въ квартиру вбѣжала заплаканная дѣвочка, и раньше чѣмъ мы успѣли разобрать, въ чемъ дѣло, хозяйки нашей уже не было дома. Оказалось, хозяйка имѣла еще замужнюю дочь, которая была больна послѣ родовъ; какъ разъ теперь ей сдѣлалось худо, и мать позвали къ больной. Оставшись дома съ братомъ и сестрой, мы попросили поужинать и затѣмъ, наразсказавъ цѣлую кучу чудесъ о Петербургѣ, улеглись спать. Хозяйка пришла уже подъ утро, и о паспортахъ больше не заговаривала.

Такъ прошла наша первая ночь въ Варшавѣ, послѣ которой все шло уже обычнымъ путемъ, и мы мало-по-малу, но неуклонно, подвигались къ намѣченной цѣли.

На утро, отдохнувшіе и ободренные тѣмъ, что умудрились переночевать, мы вновь отправились въ институтъ разыскивать Б..., такъ какъ знали навѣрное, что она тамъ. Не добившись опять ничего отъ швейцара, мы обратились къ какой-то пожилой дамѣ въ бѣломъ халатѣ и, получивъ отъ нея также отрицательный отвѣтъ,

хотѣли уже уходить, какъ вдругъ замѣтили на стѣнѣ «росписаніе дежурствъ», гдѣ упоминалась фамилія разыскиваемой нами дѣвицы.

Понятно, что послѣ этого мы не ушли. Кстати, подвернулась дежурная ученица, молодая краснощекая брюнетка, и мы обратились къ ней.—Вы пріѣзжіе?—спросила она и, сообразивъ, очевидно, что «свои», куда-то скрылась. Черезъ минуту она намъ вынесла адресъ.

Не чувствуя подъ собой ногъ отъ радости, мы отправились. Б..., какъ разъ, оказалась дома, и отъ нея мы, между прочимъ, узнали о такихъ друзьяхъ, которыхъ никогда даже не думали встрѣтить; однимъ словомъ, черезъ нѣсколько дней у насъ былъ цѣлый кругъ знакомыхъ, и мы уже не боялись, что вдругъ останемся на ночь на улицѣ, хотя нельзя сказать, чтобы ночлеги наши отличались особой безопасностью или большими удобствами, такъ какъ, съ одной стороны, часто приходилось ночевать въ такихъ мѣстахъ, куда ежеминутно могла нагрянуть полиція, съ другой — приходилось спать иногда чуть ни на голомъ полу и всю ночь дрожать отъ холода. Но такъ или иначе мы чувствовали себя хорошо. Вездѣ собиралась молодежь, устраивались совмѣстныя чтенія, и жизнь всюду била ключемъ. На улицахъ рабочихъ кварталовъ въ это время прохожіе часто подвергались обыску, и на этой почвѣ происходили столкновенія съ полиціей. Присматриваясь тамъ къ рабочимъ, я находилъ, что они энергичнѣе нашихъ и скорѣе готовы къ борьбѣ, чѣмъ мы.

Итакъ, знакомыхъ у насъ становилось все больше и больше. Но какъ ихъ число ни увеличивалось, и какъ симпатичны они ни были, все же о томъ, какъ переправиться черезъ границу, они ничего не знали, и намъ пришлось таки обратиться къ таинственной дѣвушкѣ, съ которой познакомились въ пути. Признаться, наши варшавскіе друзья относились довольно скептически къ этому знакомству и даже доказывали намъ, что мы поступили неосторожно, разсказавъ о себѣ совершенно незнакомому человѣку. Вообще говоря, друзья были, конечно, правы, но въ данномъ случаѣ намъ раскаяваться въ довѣрчивости не пришлось, такъ какъ черезъ два дня послѣ того, какъ мы послали нашей спутницѣ письмо, она была уже въ Варшавѣ и тотчасъ же принялась за хлопоты по нашему дѣлу.

Оказалось, что въ Варшавѣ имѣется цѣлый рядъ такъ называемыхъ «агентовъ», которые за извѣстную плату берутся доставить кого угодно въ любую часть свѣта. Наша покровительница, ведя съ ними переговоры относительно насъ, въ то же время справлялась гдѣ-то объ нихъ самихъ, чтобы выбрать самого подходящаго субъекта. И уѣхала она только тогда, когда все устроила. Агентъ, найденный ею, взялся за 70 руб. довезти насъ обоихъ до Берлина, при чемъ всѣ дорожные расходы (кушанье и ночлегъ) бралъ на свой счетъ.

Переговоры все время велись помимо насъ и только тогда, когда все уже было готово и деньги уплачены, онъ велѣлъ привести насъ. Это было въ субботу вечеромъ. Когда мы вошли въ довольно богатую квартиру, насъ встрѣтилъ коренастый, чисто выбритый и прилично одѣтый господинъ лѣтъ 30-ти. Пронзивъ насъ своими маленькими, колючими глазками, онъ вѣжливо попросилъ насъ зайти въ сосѣднюю комнату, гдѣ было почти темно, и здѣсь, при таинственной обстановкѣ, подвергъ насъ строжайшему допросу, во время котораго допытывался, не бѣглецы ли мы, совершившіе какое-либо преступленіе. Онъ, дескать, провозитъ черезъ границу только совершенно «чистыхъ» людей и ужасно боится тѣхъ, которые отъ чего-либо бѣгутъ. Какъ я потомъ узналъ, такъ говорятъ всѣ «агенты», чтобы содрать подороже. Между прочимъ, въ то время, когда мы были еще въ свѣтлой комнатѣ, тамъ суетился какой-то высокій господинъ съ длиннымъ горбатымъ носомъ, глазами на-выкатѣ и большой шишкой на щекѣ. Кромѣ того, тамъ сидѣлъ еще одинъ молодой человѣкъ, оказавшійся такимъ же, какъ и мы. Когда допросъ кончился, наступила тишина. Агентъ молча шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ онъ останавливается возлѣ дверей, смотритъ на свои карманные часы и поспѣшно говоритъ, что мы должны скорѣй взять извозчика и торопиться на вѣнскій вокзалъ, такъ какъ поѣздъ, съ которымъ мы должны уѣхать, отходитъ черезъ полчаса.

— Но вещи! Мы же безъ вещей!—пробовали мы возразить.

— Вещей брать съ собой нельзя, совѣтую вамъ спѣшить, иначе вы опоздаете,—рѣшительно сказалъ онъ, и, подчиняясь необходимости, мы отправились. Пріѣхавъ на вокзалъ, мы тамъ никого не нашли, а между тѣмъ до отхода поѣзда оставалось всего нѣсколько минутъ. Понятно, что мы сидѣли, какъ на горячихъ угольяхъ, и подъ конецъ начали даже подумывать, что надъ нами зло насмѣялись; но это было невѣрно. «Настоящіе» агенты (а нашъ былъ «настоящій») такихъ вещей не дѣлаютъ и, разъ взявшись куда-либо васъ доставить, непремѣнно исполнятъ слово. И вотъ, какъ разъ минуты за три до отхода поѣзда, въ вокзалъ вдругъ влетѣлъ нашъ знакомецъ съ шишкой на щекѣ, сдѣлалъ намъ знакъ,—слѣдовать за нимъ и остановился только тогда, когда мы уже всѣ четверо были на площадкѣ вагона. Здѣсь вручилъ онъ намъ билеты до Кутно и два конверта, предупредивъ, что, пріѣхавъ туда, мы должны пройти черезъ вокзалъ и крикнуть: «Авраамъ!» Къ намъ подойдетъ старикъ и скажетъ, что онъ каретникъ; мы должны дать ему конвертъ № 1, и онъ насъ повезетъ куда нужно, за 18 верстъ. «Когда пріѣдете на мѣсто, то отдайте конвертъ № 2»,—прибавилъ онъ. Затѣмъ, сунувъ намъ въ руки по визитной карточкѣ съ портретомъ нашего «агента», онъ, соскакивая, уже на ходу поѣзда, сказалъ: «если какой-нибудь жандармъ захочетъ васъ арестовать, покажите ему эту карточку».

III.

Отъ Варшавы до Берлина.

Дорогой ко мнѣ сталъ приставать какой-то пожилой еврей съ очень подозрительной или даже, какъ мнѣ тогда казалось, шпіонской физіономіей. Сначала онъ все спрашивалъ, съ какимъ агентомъ я ѣду, затѣмъ принялся ихъ всѣхъ ругать и предлагать свои услуги, говоря, что съ нимъ дѣло будетъ вѣрнѣе и дешевле. Но я постарался отъ него отдѣлаться, сдѣлавъ видъ, что по-еврейски не понимаю; онъ же, очевидно, по-русски не говорилъ и принужденъ былъ отстать.

Поѣздъ шелъ довольно быстро, и въ вагонѣ, переполненномъ пассажирами, стояла страшная духота. Несмотря на это, какой-то пьяный солдатъ-пограничникъ, забравшись на верхнюю полку вагона, во все горло пѣлъ «Разлуку»; другой, сидя внизу, аккомпанировалъ ему на гармоньи.

Странно какъ-то звучала эта пѣсня на далекой окраинѣ; невольно чувствовалось, что мы уже не въ Россіи, хотя до границы и было еще далеко. Ѣхать поѣздомъ пришлось намъ недолго, и часовъ въ 10 — 11 мы были уже въ Кутно. Здѣсь, дѣлая все такъ, какъ намъ велѣлъ проводившій насъ человѣкъ, мы прошли сквозь вокзалъ, гдѣ нашимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: большой, совершенно не освѣщенный дворъ былъ почти весь занятъ крытыми каретами, и тутъ же стояла толпа громко разговаривающихъ балагулъ.

— Авраамъ! Авраамъ! — крикнули мы нѣсколько разъ подъ рядъ, и черезъ минуту къ намъ подошелъ старикъ-балагула.

Взявъ у насъ изъ рукъ конвертъ № 1 и осмотрѣвъ его при свѣтѣ спички, онъ опустилъ его въ карманъ и, велѣвъ слѣдовать за собой, повелъ насъ къ своей каретѣ. Здѣсь, отворивъ небольшія дверцы, онъ голосомъ, не терпящимъ возраженій, отрывисто сказалъ:— «полѣзайте, ну!»—Я, какъ стоявшій ближе къ отверстію совершенно темной кареты, полѣзъ первымъ, но чуть въ ужасѣ не отступилъ назадъ: въ каретѣ уже были какіе-то люди. Тамъ слышался сдавленный смѣхъ, и кто-то невидимый кому-то шепталъ: «Молчи, чтобъ тебя черти задавили!»—Оказалось, что кромѣ насъ тамъ сидятъ уже четверо, и что мы всемеромъ должны помѣститься въ этой довольно-таки тѣсной каретѣ. Я съ другимъ нашимъ спутникомъ, оказавшимся сіонистомъ, кое-какъ усѣлись, но для Ц... совсѣмъ мѣста не осталось, и онъ принужденъ былъ сѣсть намъ на ноги, которыя мы и безъ того едва могли передвигать съ мѣста на мѣсто. Когда мы такимъ образомъ усѣлись, балагула закрылъ дверцы и, медленно взобравшись на козлы, повезъ. Очутив-

шись въ абсолютной тьмѣ, мы нѣкоторое время молчали, затѣмъ начали между собой знакомиться. Для этого кто-то зажегъ спичку, и мы всѣ заглядывали другъ другу въ лицо. Картина получалась очень комичная, и какъ намъ ни было тѣсно, какъ ни возмущалъ насъ подобный способъ перевозки живыхъ людей, все же мы не могли удержаться отъ смѣха.

Изъ тѣхъ четверыхъ, что мы нашли уже въ каретѣ, одинъ былъ совсѣмъ еще юноша, портной, ѣхавшій къ своему дядѣ въ Парижъ. Второй былъ тоже рабочій. Лѣтъ съ 16-ти онъ прожилъ въ Нью-Іоркѣ и затѣмъ, почему то надѣясь, что его не сдадутъ въ солдаты, вернулся къ призыву. Въ разсчетѣ своемъ онъ, какъ видно, ошибся и теперь вновь удиралъ въ Америку, за что и былъ нами прозванъ американцемъ.

Куда ѣхали остальные двое, я сейчасъ уже не помню, но это были тоже люди молодые, и дѣло не обошлось даже безъ идейныхъ споровъ. Началось съ того, что сіонистъ началъ доказывать необходимость евреямъ овладѣть Палестиной, дабы избавиться отъ преслѣдованія чужихъ правительствъ. «Американецъ», оказавшійся соціалистомъ, сталъ ему возражать и, поддержанный нами, что называется, посадилъ сіониста въ калошу. Само собой разумѣется, что дискуссія эта долго продолжаться не могла, такъ какъ отъ тѣсноты начали деревенѣть ноги, и все труднѣе становилось дышать. Это общее горе скоро заставило насъ забыть всѣ партійные разговоры и прочно объединило на одномъ сильномъ желаніи, какъ можно покрѣпче выругать всѣхъ этихъ господъ «агентовъ» съ ихъ разными подъагентами и поскорѣй отъ нихъ избавиться. Но наши испытанія еще только начинались. 18 верстъ, о которыхъ намъ говорилъ агентскій человѣкъ, оказались такими длинными, что въ сутки ихъ не проѣхать. Мы же этого, конечно, не знали, и всякій разъ, какъ карета останавливалась, мы думали, что уже пріѣхали,—на самомъ же дѣлѣ, это просто мѣняли лошадей, при чемъ не всякій разъ намъ позволяли выходить изъ кареты, чтобы хоть немного расправить утомленные члены. Голова отъ всего этого сдѣлалась, въ концѣ концовъ, какъ свинцовая; ощущалось даже легкая тошнота. Но труднѣй всѣхъ, очевидно, приходилось Ц...ву, и когда сквозь небольшое стеклышко, вдѣланное въ правую стѣнку кареты, сталъ уже проникать слабый утренній свѣтъ, ему вдругъ сдѣлалось дурно.

Чтобы привести его въ чувство, мы ногтями соскабливали со стекла намерзнувшій снѣгъ и прикладывали ему ко лбу. Такъ мы ѣхали до 9 часовъ утра; къ этому времени нашъ злополучный Ноевъ ковчегъ подкатилъ къ какой то избушкѣ и здѣсь остановился. Когда мы вышли изъ кареты, то уже увѣрены были, что на этотъ разъ дальше ѣхать не нужно будетъ, и жалѣли лишь объ одномъ, что въ домѣ было очень холодно, и нельзя было достать чаю. Здѣсь, между прочимъ, у насъ потребовали конвертъ № 2-й,

и это насъ окончательно убѣдило въ томъ, что мы уже пріѣхали. Легко поэтому представить наше изумленіе и негодованіе, когда черезъ полчаса по пріѣздѣ намъ объявили, что лошади готовы, и намъ пора продолжать путь.—Долго ли вы будете насъ мучить?— раздраженно спрашивали мы агента, взявшаго у насъ конвертъ. Но онъ спокойно отвѣчалъ, что это не наше дѣло, и мы будемъ доставлены туда, куда насъ доставить взялись. Дѣлать было нечего, и мы, вновь наполнивъ своими тѣлами карету-тюрьму, поѣхали дальше.

Наступилъ полдень; начало клониться къ ночи, а мы все ѣхали, ѣхали, и пути нашему не приходило конца. Тѣснота стала совершенно невыносимой, и во время одной изъ остановокъ нашъ американецъ настоялъ на томъ, чтобы ему позволили сѣсть на козлы рядомъ съ балагулой. Это дало намъ возможность вздохнуть посвободнѣе, и около часу ночи мы, наконецъ, благополучно прибыли въ пограничное мѣстечко С...нъ, гдѣ и была наша конечная станція.

Сойдя съ козелъ, балагула постучалъ кнутовищемъ въ дверь небольшого одноэтажнаго домика, въ двухъ окнахъ котораго свѣтился слабый огонекъ, и крикнулъ:—Мойше, принимай гостей!— и, не дождавшись отвѣта, уѣхалъ. Долго еще послѣ этого мы стучали безъ всякихъ результатовъ.—Да открывайте же, наконецъ!— волновались мы, стуча въ дверь.—Головой бы васъ объ стѣну такъ стучать, собачьи сыны! — отвѣчалъ намъ изъ-за двери грубый старческій голосъ Мойши. И только когда онъ вдоволь накричался, дверь въ гостиницу, столь любезно приготовленную намъ агентами, гостепріимно передъ нами распахнулась. Вотъ что представилось нашимъ глазамъ, когда мы остановились на порогѣ, не рѣшаясь его переступить.

Въ небольшой комнатѣ, съ невысокимъ грязнымъ потолкомъ и такими же стѣнами, гдѣ цѣлый уголъ былъ заваленъ незатѣйливымъ багажемъ эмигрантовъ, на грязной соломѣ спало до 40 человѣкъ. Измученные люди, мужчины, женщины, дѣти, старики, размѣстились здѣсь всѣ въ повалку, положивъ другъ на друга голову или даже ноги; спали даже возлѣ самаго порога; намъ некуда было поставить своихъ ногъ, и только съ большими предосторожностями намъ удалось туда пробраться, ни на кого не наступивъ. Мойше же, открывъ дверь, снова забрался въ свою конуру и думалъ уже опять предаться сну, отъ котораго мы его только что оторвали, но не тутъ-то было: среди насъ были такіе ребята, которыхъ ничто не брало, которые готовы были шутить при какихъ угодно обстоятельствахъ.

— Мойше! Мы хотимъ ѣсть, дайте намъ поужинать!

— Снѣгу возьмите себѣ на ужинъ! — съ раздраженіемъ отвѣчаетъ старикъ, но мы не унимаемся:

— Мойше! Мы хотимъ спать, вы должны намъ дать мѣсто.

— Въ хлѣву есть у меня для васъ хорошее мѣсто,—съ еще большимъ раздраженіемъ огрызается Мойше и нетерпѣливо ворочается въ своей кровати.

— А ну-ка, сколько ихъ тутъ, говоритъ неугомонный «американецъ» и принимается считать спящихъ, которые такъ переплелись между собой, что буквально нельзя разобрать, гдѣ кончается одинъ, гдѣ начинается другой. Между тѣмъ, разбуженные нашимъ пріѣздомъ, они начали понемногу просыпаться, и одинъ изъ нихъ, мужчина лѣтъ 40, съ большой рыжей бородой, уже въ третій разъ на своемъ вѣку совершившій такое путешествіе, посовѣтовалъ лучше сосчитать, сколько соломинъ составляютъ ихъ постели, находя, что это легче, чѣмъ считать людей, такъ какъ число соломинъ меньше. Эта острота настолько всѣмъ понравилась, что даже несчастная женщина, ѣхавшая въ Америку къ своему мужу съ четырьмя дѣтьми, которыя всѣ кашляли, и та не могла удержаться отъ смѣха.

Въ 6 часовъ утра пришли какихъ-то два субъекта и, заставивъ всѣхъ подняться, увели этотъ своеобразный этапъ. Мы остались одни въ этой роскошной гостиницѣ, содержателями которой были: знакомый уже намъ Мойше, старый николаевскій солдатъ, ненавидѣвшій нынѣшнихъ людей, съ ихъ порядками, и его благовѣрная, маленькая старушка съ морщинистымъ личикомъ, похожимъ на сушеную грушу. Несмотря на свою старость, она была столь подвижна, что, въ случаѣ надобности, любому изъ насъ могла бы выцарапать глаза довольно исправно. Когда партія была отправлена, она первымъ долгомъ собрала почернѣвшую уже отъ времени солому и, перевязавъ ее веревкой, бережно вынесла изъ комнаты и положила подъ окномъ. Затѣмъ, взявъ въ руки желѣзную лопату, начала соскабливать накопившуюся на полу грязь, и уже послѣ этого принялась за стряпню. Тутъ только, между прочимъ, мы узнали, какъ агенты берутъ на себя всѣ наши дорожные расходы: такъ, напр., за стаканъ жидкаго чаю, свареннаго въ какомъ-то грязномъ горшкѣ, хозяйка брала съ насъ 4 коп. и не выпускала его изъ одной руки, пока деньги не появлялись въ другой. За хлѣбъ тоже брали втридорога, и у кого не было денегъ, тѣ должны были голодать. Во время нашего чаепитія пріѣхала новая повозка съ семью эмигрантами.

Среди нихъ былъ какой-то бѣглый драгунъ, затѣмъ молоденькая дамочка, ѣхавшая къ своему мужу въ Америку, и, между прочимъ, одинъ довольно прилично одѣтый мужчина лѣтъ 32, съ темной бородкой и карими шулерскими глазами. Съ этимъ человѣкомъ ѣхали двѣ толстыя дѣвицы, лѣтъ по 25, съ глуповатымъ выраженіемъ лица, и помнится, злые языки говорили, будто онъ везетъ ихъ въ Америку, въ качествѣ «живого товара».

Время, между тѣмъ, подходило къ обѣду.

— Отчего насъ не везутъ такъ долго? — приставали мы къ Мойше.

— А имена уже вы получили?—отвѣчалъ онъ въ свою очередь вопросомъ. — Нѣтъ? Ну, такъ вотъ сначала получите имена, а потомъ пойдете черезъ границу,—отвѣчалъ намъ не въ мѣру серьезный старикъ. И дѣйствительно, здѣсь оказался такой пунктъ, гдѣ не нужно, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ, «красть» границу, а просто за извѣстную плату «агенты» берутъ у мѣстныхъ жителей ихъ краткосрочные заграничные паспорта и съ ними уже совершенно легальнымъ путемъ проводятъ черезъ рогатку, что не обходилось, конечно, безъ участія пограничныхъ властей. Поэтому въ обѣдъ къ намъ явился какой-то агентъ и, записавъ наши фамиліи и кому сколько лѣтъ, удалился, а нѣсколько часовъ спустя вновь пришелъ и каждому объявилъ его новое имя. Такъ мы съ Ц... сдѣлались братьями Сарнадскими: американецъ съ молоденькой дамочкой, ѣхавшей къ своему мужу, превратились въ чету Паскевичей, г-нъ съ двумя дѣвицами сдѣлался мужемъ одной изъ нихъ, другая же превратилась въ ихъ служанку и т. д. Кромѣ этого нужно было твердо знать названье мѣстечка, въ которомъ находились мы, и того прусскаго городка, куда шли. И вотъ, мы начали экзаменоваться.—Какъ зовутъ? Откуда? Куда?—спрашивали мы другъ друга, и поднимался страшный смѣхъ, когда кто-нибудь не зналъ, что отвѣтить, или путалъ свое новое имя съ чьимъ-либо другимъ.

Но, какъ ни развлекало насъ это новое крещеніе, все же мы не забыли, что намъ нужно еще провести здѣсь ночь, и такъ какъ очень непріятно было ложиться на ту же солому, которую старуха утромъ вынесла и положила на снѣгъ подъ окномъ, то мы потребовали себѣ новой: старуха сначала упиралась и ругала насъ всевозможными проклятьями, которыхъ имѣется такъ много на еврейскомъ жаргонѣ, но затѣмъ, когда американецъ дошелъ до того, что, при общемъ одобреніи, пообѣщалъ разнести всю избушку, она покорилась и принесла большую связку свѣжей соломы, которую и разостлала на полу. Дѣлая это, она не могла удержаться, чтобы не пожелать «этимъ разбойникамъ» лечь и уже больше не встать съ соломы, купленной на ея «кровныя» денежки.

Сравнительно съ прошлой ночью, спать было очень просторно, и мы могли даже устроить двѣ постели,—одну для женщинъ, другую для себя. Между прочимъ, и этотъ вечеръ совсѣмъ безъ инцидента не прошелъ. Дѣло въ томъ, что у Мойши въ конурѣ стояли двѣ кровати. Г-ну Кнопу, везшему прекрасный полъ въ Америку, не хотѣлось, конечно, валяться на полу, и вотъ онъ у Мойшиной старухи арендовалъ для себя кровать, за что долженъ былъ уплатить 30 к. Находя, что для одного это очень дорого, г-нъ Кнопъ отъ себя уже за 15 к. уступилъ полъ-кровати драгуну, и такимъ образомъ оба думали устроиться дешево и удобно. Но Мойшину старуху не такъ-то легко было провести. Какъ только она замѣтила это самовольное распоряженіе ея собствен-

ностью, она сейчасъ же запротестовала, и надо сказать, что протестъ ея былъ весьма и весьма энергиченъ. Безъ всякаго объясненія, схватила она драгуна за ногу и начала тащить съ кровати съ такимъ видомъ, что самъ Мейше, находившійся въ это время гдѣ-то во дворѣ, услыхалъ и прибѣжалъ съ полѣномъ въ рукахъ. Думаю, что дѣло кончилось бы очень скверно, если бы не вмѣшались нѣкоторые изъ насъ и не уговорили драгуна перейти на свое мѣсто, т. е. на солому. Впрочемъ, это было не надолго, такъ какъ драгунъ оказался человѣкомъ настойчивымъ, и когда всѣ уснули, онъ снова перебрался въ кровать и все-таки за 15 к. проспалъ до утра бариномъ. Я говорю до утра, хотя, въ сущности, спали мы только до часу или до двухъ: въ это время привезли еще десятка два людей, и мы рѣшили имъ уступить свое мѣсто.

Рано утромъ за нами пріѣхали двѣ телѣги, и, размѣстившись въ нихъ по 7 человѣкъ (при чемъ я былъ разлученъ съ Ц...), мы поѣхали по небольшому проселку, прорѣзавшему довольно рѣдкій кустарникъ. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ (до границы было всего 9), мы были остановлены какимъ-то евреемъ, раздавшимъ намъ паспорта. Почему это было сдѣлано именно здѣсь, я не знаю, но только помню, что когда я получилъ этотъ небольшой документъ, мнѣ сдѣлалось грустно и захотѣлось быть одному; я слѣзъ съ телѣги, ѣхавшей шагомъ, и потихоньку пошелъ.

Странная вещь: въ теоріи я всегда смѣялся надъ всякими территоріальными границами, считая ихъ просто выдумкой власть имущихъ людей, и весь шаръ земной готовъ былъ считать своей родиной, но въ тотъ мигъ, какъ я сталъ приближаться къ границѣ, я вдругъ почувствовалъ, что родина моя есть именно Россія, и что мнѣ больно ее покидать. Да, больно! Что нужды, что родина моя была мнѣ не матерью, а злой мачихой, что съ дѣтства пришлось жить въ нуждѣ и невѣжествѣ, какъ живутъ многіе милліоны моихъ соотечественниковъ! Я чувствовалъ, что покидаю что-то родное, близкое, чего мнѣ не могутъ замѣнить никакія выгоды жизни, и мнѣ было грустно... До границы оставалось не больше версты, когда я подошелъ къ своему товарищу, шагавшему за своей телѣгой. — Скоро мы уже будемъ тамъ,—сказалъ я, кладя ему руку на плечо. Онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня, и я замѣтилъ, какъ въ его глазахъ блеснула слеза. — Да, скоро... — съ дрожью въ голосѣ отвѣтилъ онъ на мои слова и отвернулся. Я тоже чувствовалъ, какъ у меня приступаетъ что-то къ горлу, и мы оба избѣгали другъ на друга смотрѣть.

Вскорѣ мы остановились возлѣ таможни, гдѣ пришлось цѣлый часъ прождать офицера, который долженъ былъ насъ «пропустить». Чтобы хоть сколько-нибудь согрѣться, мы парами ходили взадъ и впередъ по дорогѣ, гдѣ съ ружьемъ въ рукахъ стоялъ часовой. «Пришли бы ко мнѣ, всѣхъ за цѣлковый провелъ бы»,— шутилъ солдатъ, подмигивая намъ лѣвымъ глазомъ и въ то же

время боязливо поглядывая вокругъ, не видитъ ли кто, что онъ съ нами разговариваетъ. Признаться, мы здѣсь порядочно прозябли, пока пришелъ офицеръ, высокій, тонкій человѣкъ лѣтъ 35, съ рыжеватой козлиной бородкой и страшно испитымъ лицомъ. Забравъ у насъ паспорта, онъ зашелъ во флигель и, тамъ поставивъ на нихъ штемпеля, вышелъ обратно и, выкликая по фамиліямъ, сталъ ихъ намъ раздавать. «Такой-то! такой-то!» —громко выкликалъ офицеръ, и мы спокойно брали у него изъ рукъ свои паспорта. Наконецъ, дошла очередь до Ц...—Ичекъ Сарнадскій!—кричитъ офицеръ. — Я! — отрывисто, какъ солдатъ во время переклички, отвѣчаетъ Ц... и, держа руки по швамъ, становится передъ нимъ. Тотъ, очевидно, догадался и сунулъ ему въ руку паспортъ, строго взглянувъ на него, какъ бы говоря: зачѣмъ, такой-сякой, ставишь въ неловкое положеніе!

Когда паспорта были опять у насъ на рукахъ, офицеръ приказалъ идти и, самъ подойдя къ мосту, собственноручно спустилъ натянутую поперекъ желѣзную цѣпь и, махнувъ рукой, проговорилъ: «Съ богомъ». — Всѣ быстро очутились по ту сторону. — Неужели навсегда?—думалъ я, переступая черезъ цѣпь, и, чувствуя, что тогда жизнь потеряетъ всякій смыслъ, давалъ себѣ слово вернуться.

По ту сторону моста мы вмѣстѣ съ нашими агентами зашли въ корчму. Здѣсь пили дешевую прусскую водку; многіе поздравляли другъ друга съ благополучнымъ переходомъ, кричали «ура»! и въ сторону Россіи махали кулаками. И когда уже были немного подъ хмѣлькомъ, усѣлись на свои телѣги и поѣхали.

До перваго прусскаго городка, гдѣ начиналась желѣзная дорога, было тоже 9 верстъ. Ѣхали на этотъ разъ быстро, и, несмотря на то, что морозъ все крѣпчалъ, на холодъ никто не жаловался. Дорога, по которой мы теперь неслись, была хорошо накатанная, ровная, какъ аллея, и по бокамъ ея росли фруктовыя деревья.

Вотъ она, заграница-то: все ли ужъ тутъ такъ ровно и гладко, какъ эта дорога?—думалъ я, глядя по сторонамъ, и совсѣмъ не замѣтилъ, какъ мы доѣхали. Городокъ, гдѣ мы остановились, былъ чистъ и опрятенъ, чѣмъ едва ли не превосходилъ наши большіе города. И даже квартира, содержимая агентами для эмигрантовъ, была несравненно чище той, о которой я только что разсказывалъ. Народу здѣсь, какъ на сборномъ пунктѣ, было очень много. Одни ѣхали туда, другіе обратно, третьи, недопущенные по какому-либо физическому недостатку на корабль, ждали здѣсь, пока ихъ отправятъ обходнымъ путемъ.

Были еще и такіе типы, которые, не заплативъ всѣхъ денегъ агентамъ, ждали здѣсь присылки послѣднихъ и не могли продолжать своего пути. Однимъ изъ этихъ застрявшихъ здѣсь людей былъ 14-лѣтній мальчикъ: ему не на что было ѣхать и неоткуда ждать денегъ. Но будучи отъ природы изворотливымъ и настойчивымъ, онъ устроился такимъ образомъ: купилъ на нѣсколько имѣв-

---

шихся у него пфеннинговъ бумаги, конвертовъ и чернилъ и продавалъ все это втридорога останавливающимся тамъ эмигрантамъ; такъ, напр., за право написать его чернилами письмо или только адресъ онъ бралъ 10 пфенниговъ. Этимъ путемъ рѣшилъ онъ сколотить себѣ на дорогу до Нью-Іорка, гдѣ живетъ его мать, очень бѣдная женщина.

Въ тотъ же день насъ отвезли въ омнибусѣ на вокзалъ и тамъ, взявъ билеты 4-го класса до Берлина, отправили.

Въ вагонѣ уже не было такъ тѣсно и душно, какъ въ Россіи. Контролеръ тоже не надоѣдалъ, и мы жалѣли лишь о томъ, что нѣтъ такихъ полокъ, какъ у насъ, гдѣ можно бы хорошенько поспать.

IV.

Въ Берлинѣ.

Я забылъ сказать, что въ Берлинъ мы ѣхали не съ тѣмъ, чтобы тамъ устроиться, а совсѣмъ по другимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что у насъ было мало денегъ, а во-вторыхъ, мы еще сами не знали, куда направиться, и рѣшили, что тамъ виднѣе будетъ.

Знакомыхъ въ Берлинѣ у насъ совсѣмъ не было, и только передъ самымъ отъѣздомъ изъ Вирбаллена мы получили адресъ одного студента, котораго и отправились тотчасъ же по пріѣздѣ разыскивать.

Нечего говорить о томъ, какъ мы были поражены чистотой и порядкомъ, царившимъ на улицахъ: я испытывалъ чувство простого человѣка, который въ своемъ не нарядномъ костюмѣ вдругъ очутился въ роскошномъ ярко-освѣщенномъ залѣ въ присутствіи важныхъ господъ, косо на него поглядывающихъ. Улица, гдѣ жилъ студентъ Р..., находилась недалеко отъ вокзала, и мы скоро ее нашли, но, къ сожалѣнію, студента не застали дома, и намъ пришлось прождать часовъ до трехъ дня.

Человѣкомъ онъ оказался очень хорошимъ, но кромѣ своихъ учебниковъ ничего не зналъ, и все, что онъ могъ для насъ сдѣлать — это познакомить со своимъ болѣе опытнымъ товарищемъ К... Послѣдній устроилъ насъ у одной знакомой хозяйки, гдѣ можно было прожить нѣкоторое время безъ паспорта.

Комната, въ которой мы поселились, была очень удобна, и брали за нее недорого, но, какъ это ни странно, насъ угнетала ея чистота и та тишина, которая царила въ квартирѣ. Кромѣ того, дома, въ Россіи, каждый изъ насъ привыкъ сѣсть за самоваръ и пить, какъ говорится, «до девятаго пота», а тутъ подаетъ намъ хозяйка маленькій чайникъ, въ которомъ всего лишь 2 стакана, и этимъ мы

должны вдвоемъ удовлетвориться. Вообще мы чувствовали себя не совсѣмъ ловко.

По утрамъ я отправлялся въ булочную и тамъ, при помощи своего еврейскаго языка, который, кстати сказать, тоже зналъ очень плохо, кое-какъ изъяснялся. Продавщица, очевидно, большая насмѣшница, замѣтила, что я говорю очень плохо, и начала со мной заговаривать о погодѣ, о томъ, куда ѣду, какъ мнѣ нравится Берлинъ и т. д. Нечего и говорить, что она скоро потеряла во мнѣ покупателя. Вообще надо сказать, что всюду, куда бы мы ни шли, что бы ни дѣлали, всегда мы испытывали чувство неловкости: даже въ студенческой столовой, гдѣ обѣдали исключительно русскіе, не покидало насъ это чувство, благодаря тому, что къ столу подавала нѣмка. Всякій разъ, какъ на столѣ чего-нибудь не хватало, нужно было громко кричать: «фрейлейнъ!»—Слово это довольно простое, но всякій разъ, какъ намъ нужно было произнести его, мы страшно смущались и готовы были ѣсть супъ безъ хлѣба, лишь бы молчать. — Вечеромъ мы обыкновенно ходили въ одинъ ресторанъ, гдѣ можно было, взявъ пару сосисокъ съ картофельнымъ пюре, ѣсть сколько угодно хлѣба. Въ нашемъ положеніи это прямо былъ кладъ, и хотя на насъ съ большимъ удивленіемъ поглядывали другіе, мы, подавляя въ себѣ смущеніе, дѣлали видъ, что взглядовъ не замѣчаемъ, и безпощадно истребляли такое количество маленькихъ булокъ, что содержатель ресторана, навѣрно бы, очень скоро раззорился, если бы у него было много такихъ посѣтителей...

Такъ мы прожили больше недѣли. Къ этому времени нами были получены деньги, и можно было уѣзжать, оставалось только рѣшить—куда. Хотѣлось поѣхать въ Швейцарію, въ это излюбленное мѣсто русскихъ революціонеровъ, но, по словамъ К., тамъ очень трудно было найти работу. Поэтому рѣшили отправиться въ Лондонъ, какъ въ крупный промышленный центръ.

Тутъ я долженъ сказать, что всѣ эмигранты, ѣдущіе куда-либо, должны подвергаться медицинскому освидѣтельствованію, при чемъ съ цѣлымъ рядомъ болѣзней на корабль не допускаются. Но это правило можно обойти, такъ какъ въ голландскихъ портахъ можно сѣсть на корабль и безъ такого свидѣтельства. У Ц. были очень рѣдкіе волосы, и такъ какъ, благодаря этому, могутъ иногда не пропустить, мы рѣшили поѣхать черезъ Голландію.

Но какъ уѣхать изъ Берлина? Дѣло въ томъ, что на берлинскомъ вокзалѣ полиція зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не пропускать эмигрантовъ, не побывавшихъ въ «банѣ», т. е. въ эмигрантскомъ баракѣ, и вотъ насъ друзья научили, въ случаѣ допроса, отвѣтить, что мы въ Зальцбергенъ, и тогда насъ, быть можетъ, отпустятъ. Составивъ себѣ, такимъ образомъ, маршрутъ и обдумавъ хорошенько всѣ детали, мы начали собираться въ путь. Но намъ положительно въ этотъ день не везло.

Такъ, отправившись вдвоемъ покупать себѣ чемоданы, мы

оба забыли, какъ эта вещь называется по-нѣмецки и этимъ поставили себя въ очень неловкое положеніе. Насъ водили тамъ по огромному магазину, показывали всевозможныя вещи, а мы все говорили: не то, не то,—пока, наконецъ, не увидѣли то, что намъ нужно было. Послѣ этого пошли покупать себѣ на дорогу колбасу и здѣсь опять оскандалились. Для того, чтобы спросить, сколько стоитъ фунтъ колбасы разныхъ сортовъ, Ц. въ каждый кусокъ отдѣльно тыкалъ пальцемъ. Нѣмка сначала замѣтила ему, чтобы онъ этого не дѣлалъ, но онъ, растерявшись и переставъ понимать, что та говоритъ, продолжалъ тыкать колбасу пальцемъ и спрашивать: «А это почемъ? А это?» — Ради Бога, не трогайте руками! — вся покраснѣвъ, закричала [illegible] нѣмка и отъ раздраженія даже затопала ногами. Только послѣ этого Ц. понялъ, въ чемъ дѣло, и колбаса была, наконецъ, куплена. Потомъ, желая какъ можно больше походить на нѣмцевъ, мы зашли въ парикмахерскую побриться, и когда послѣ этого я выходилъ въ переднюю, и лакей началъ надѣвать на меня мое новое пальто, купленное въ Питерѣ передъ самымъ отъѣздомъ, то, къ ужасу моему, оказалось, что въ одномъ рукавѣ отпоролась подкладка, и, сколько я ни старался, никакъ не могъ просунуть руку, всякій разъ, какъ нарочно, попадавшую за подкладку. Наконецъ, выйдя изъ себя, я прорвалъ въ гнилой подкладкѣ дыру и такимъ образомъ вышелъ изъ затрудненія. Въ такихъ мелкихъ неудачахъ прошелъ весь день, и поздно вечеромъ мы отправились на вокзалъ, радуясь, что покидаемъ, наконецъ, этотъ красивый городъ, гдѣ мы почему-то чувствовали себя хуже, чѣмъ въ тюрьмѣ.

Проѣхавъ въ электрическомъ трамваѣ нѣсколько ярко освѣщенныхъ улицъ, мы и прошли какой-то мостъ и очутились въ вокзалѣ. Здѣсь Ц. съ чемоданомъ сталъ въ сторонѣ, а я направился къ кассѣ, чтобы взять билеты. Но полисмэнъ преградилъ мнѣ дорогу.—Куда ѣдете?—вѣжливо спросилъ онъ меня, оглядывая всю мою фигуру съ ногъ до головы.—Ѣду. «Въ Зальцбергенъ»,—отвѣтилъ я, предчувствуя.—У васъ тамъ есть родственники?—продолжаетъ онъ свой допросъ. — «Да, есть». — Въ такомъ случаѣ, покажите мнѣ ихъ адреса! — Адреса у меня, конечно, не оказалось, и, видя, что врать безполезно, я сказалъ, что ѣду въ Лондонъ. — А лондонскій адресъ у васъ есть? — Я показалъ письмо, полученное мной отъ К. къ его двоюродному брату въ Лондонѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ придется отправиться въ баню,—сказалъ полисмэнъ и подошелъ къ Ц.—А вы тоже, конечно, ѣдете въ Лондонъ?—Нѣтъ, я ѣду въ Зальцбергенъ,—произноситъ Ц., не слыхавшій нашего разговора, свою заученную фразу. Я посмотрѣлъ на него, и мнѣ почему-то вдругъ стало смѣшно. Полисмэнъ тоже засмѣялся.

— Билеты уже есть у васъ?—обратился онъ опять къ намъ.

— Нѣтъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ купите себѣ билеты и поѣзжайте куда нужно, только дорогой никому не разсказывайте, что я васъ отпустилъ.

Мы, конечно, были очень рады и, поблагодаривъ полисмэна, такъ великодушно насъ отпустившаго и не взявшаго даже ленты, купили себѣ билеты и поѣхали.

V.

Отъ Берлина до Лондона.

Отдѣлавшись столь дешевымъ образомъ отъ «бани» въ Берлинѣ, мы по невѣдѣнію своему думали, что больше уже вообще съ агентами не столкнемся и безъ ихъ помощи доберемся до Лондона. Но это было невѣрно. На голландской границѣ насъ жандармы пригласили въ какой-то баракъ и здѣсь, обращаясь очень грубо, совсѣмъ какъ въ Россіи, заставили уплатить агентамъ по 20 марокъ за дорогу до Лондона и ѣхать уже не самостоятельно, а опять съ агентами, успѣвшими намъ надоѣсть еще до Берлина.

Обстоятельство это насъ не мало огорчило, но дѣлать было нечего. Такова, ужъ видно, участь русскаго, что, гдѣ бы онъ ни былъ, вездѣ подвергается какимъ-нибудь стѣсненіямъ. Итакъ, мы опять очутились въ цѣпкихъ лапахъ ловкихъ «агентовъ». Само собой понятно, что съ этого момента въ нашемъ положеніи произошла перемѣна къ худшему, такъ какъ вмѣсто обыкновеннаго вагона, гдѣ можно было свободно дышать, насъ посадили въ вагонъ спеціально «для эмигрантовъ», напоминавшій приснопамятную намъ карету.

Къ тому же чуть ли ни на каждой станціи для насъ почему-то была пересадка, ночью составлявшая настоящую пытку, особенно если принять во вниманіе, что между нами были старики, женщины съ грудными ребятами и, вообще, люди, уже безъ того истомленные предыдущимъ путемъ. Не помню уже, сколько времени намъ пришлось ѣхать до Ротердама, но, благодаря тѣснотѣ, черезчуръ жарко натопленнымъ вагонамъ и безчисленному множеству пересадокъ, къ концу пути мы были такъ истомлены, какъ будто совершили громадное путешествіе.

Въ Ротердамъ мы пріѣхали подъ вечеръ. Здѣсь насъ, какъ настоящій этапъ, продержали полчаса на улицѣ: затѣмъ пришелъ человѣкъ изъ гостиницы и всѣхъ насъ (30—40 человѣкъ) повелъ за собой.

Между прочимъ, оказалось, что здѣсь, дѣйствительно, за счетъ «агентовъ» дается довольно приличная гостиница съ недурной пищей и даже человѣческимъ обращеніемъ.

— — — — -

До отхода парохода нужно было ждать два дня. Этимъ временемъ мы воспользовались, чтобы побродить по городу. Погода здѣсь, несмотря на то, что оставалось всего нѣсколько дней до Рождества, была очень теплая, и мы какъ бы снова переживали лѣто, которое я, кстати, просидѣлъ все въ тюрьмѣ. Въ городѣ насъ больше всего заинтересовала легкость построекъ (чуть ли не въ одинъ кирпичъ стѣны) и затѣмъ обиліе воды: нѣкоторыя улицы были прямо каналами, по которымъ ходили суда. Сидишь у окна, ѣшь апельсины, а корки бросаешь прямо въ воду... Мимо оконъ третьяго этажа движется вдругъ какая-то мачта...

Гостиница, какъ я уже говорилъ, была довольно приличная, и чувствовали мы себя въ ней сравнительно хорошо. Публики тоже набралось очень много. Отъ нечего дѣлать всякій разсказывалъ о своемъ пути, о томъ, что заставило его покинуть Россію и т. д. Иногда даже устраивалось совмѣстное пѣніе, и два дня прошли незамѣтно. Въ послѣдній день, подъ вечеръ, насъ снова собрали всѣхъ въ одну партію и пестрой толпой, состоящей изъ мужчинъ, женщинъ, юношей, стариковъ и дѣтей, повели къ пароходу, оказавшемуся нагруженнымъ свининой. И здѣсь-то, въ небольшой грязной каютѣ, очень плохо приспособленной для перевозки людей, должны мы были ѣхать до Лондона (при чемъ переѣздъ этотъ долженъ былъ продолжаться вмѣсто 5—6 часовъ—болѣе сутокъ). Между прочимъ, въ Ротердамѣ мы встрѣтили нѣсколько человѣкъ, возвращавшихся изъ Англіи и Америки. Всѣ они были люди разочарованные, потерпѣвшіе крушеніе въ житейской борьбѣ, и теперь горько посмѣивались надъ тѣми изъ насъ, которые надѣялись хорошо тамъ устроиться.—Ерунда! — утѣшали себя ѣдущіе искать «счастья» и, припоминая своихъ земляковъ, которые когда-то уѣхали и теперь пересылаютъ «массу денегъ» домой, не обращали вниманія на разсказы уже испытавшихъ это счастье.

Въ началѣ пути корабль шелъ довольно ровно, и всѣ чувствовали себя хорошо. Кстати, кое у кого оказался съ собой коньякъ, и мы скоро его сообща истребили... Это, надо полагать, тоже подѣйствовало на настроеніе, и до полночи въ каютѣ было весело. Но къ этому времени, когда корабль вышелъ уже въ открытое море, вдругъ подулъ сильный вѣтеръ, и судно наше начало бросать, какъ щепку. Помню, что, когда всѣ улеглись на свои мѣста и у многихъ уже появилась морская болѣзнь, мнѣ захотѣлось выйти на палубу. И когда, нахлобучивъ на себя шляпу и привязавъ ее шнуркомъ, я, крѣпко держась за перила, взобрался наверхъ, тамъ стоялъ густой мракъ, и волнующееся море ревѣло, какъ разъяренное чудовище.

Порой казалось, что корабль летитъ въ страшную бездну, и что его сейчасъ захлестнетъ, но проходило мгновеніе—и, подхваченный волной, онъ снова подымался надъ моремъ.

Въ такую минуту сердце наполнялось жаждой борьбы и чув-

ствомъ гордости за человѣка, сумѣвшаго покорить себѣ эту стихію.

Къ сожалѣнію, по требованію капитана, я долженъ былъ спуститься обратно въ каюту, гдѣ восторженнымъ мыслямъ о человѣческомъ геніи не было уже мѣста. Здѣсь, въ грязной полутьмѣ, копошились какія-то жалкія существа, лица которыхъ искажались судорогой рвоты. — «Зачѣмъ я поѣхала сюда умирать, когда лучше могла умереть дома?»—плакала одна старушка, свѣсивши свою голову съ кровати и крѣпко держась за ея края.

— Господи! Дай дожить увидѣть сына! —дрожащимъ голосомъ молилъ шестидесятилѣтній старикъ, ѣхавшій къ сыну, котораго почти съ дѣтства не видалъ.

Такъ продолжалось всю ночь до утра. Съ разсвѣтомъ море успокоилось, и лица вынесшихъ качку прояснились. Кормили насъ въ это утро селедкою съ хлѣбомъ и дали по кружкѣ жидкаго кофе. Послѣ этого мы ѣхали весь день безъ пищи. Время, между тѣмъ шло, и часа въ четыре пополудни мы начали приближаться къ огромному темному пятну. Это и былъ Лондонъ. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ нему, тѣмъ больше насъ окутывалъ густой, ѣдкій туманъ и тѣмъ труднѣй становилось дышать. Жутко было на душѣ: казалось, что мы лѣземъ прямо въ пасть какому-то необъятному чудовищу, ежеминутно готовому превратить насъ въ порошокъ. А корабль, между тѣмъ, пробирался по Темзѣ, загроможденной всевозможными судами, гдѣ скрипѣли какія-то цѣпи, визжали лебедки и слышалось глухое шлепанье грузовъ. Вотъ, наконецъ, начались постройки. Огромныя, мрачныя, закопченныя, съ зіяющими дырами вмѣсто оконъ, онѣ не похожи были на жилье, такъ какъ изъ темныхъ отверстій высовывались какіе-то рычаги съ прикрѣпленными къ нимъ цѣпями, которые, подобно гигантскимъ когтямъ, подхватывали громадныя тяжести, съ зловѣщимъ скрипомъ втягивали ихъ въ нѣдра мрачнаго зданія и тотчасъ же снова появлялись за добычей.

Туманъ, сумерки постепенно сгущались и, пронизывая до самыхъ костей своей сыростью, наполняли самую душу.

— Неужели это Лондонъ, столица Великобританіи, гдѣ живутъ милліоны людей столь культурнаго народа? — спрашивалъ я себя, всматриваясь въ этотъ мракъ, и когда пароходъ привалилъ къ пристани, мнѣ было жутко на нее ступить.

Викторъ Шпанецъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Господинъ и госпожа Молохъ.

Романъ *Марселя Прево.*

Переводъ съ французскаго С. Б.

III.

Въ Іенѣ знаменитый докторъ Циммерманъ читалъ въ университетскихъ аудиторіяхъ публичный и оффиціальный курсъ біологической химіи и другой—химіи взрывчатыхъ веществъ. Кромѣ того, по вторникамъ и субботамъ, въ четыре часа пополудни, происходили собесѣдованія въ залѣ „Германія“ о доктринѣ монистической эволюціи. Эти бесѣды, свободныя и безплатныя, не имѣли никакой оффиціальности: власти смотрѣли на нихъ даже неблагосклонно. Но извѣстность Циммермана, а также либеральныя традиціи стараго университетскаго центра всегда удерживали администрацію отъ наложенія на нихъ запрещенія. Тѣмъ не менѣе, монистическія бесѣды по своему характеру и составу слушателей ни въ чемъ не походили на университетскія лекціи. Огромный амфитеатръ университета едва вмѣщалъ обычныхъ посѣтителей не только изъ числа уже извѣстныхъ лицъ, съѣзжавшихся сюда подучиться со всѣхъ концовъ Европы, но и многихъ свѣтскихъ любителей обоего пола. Эти лекціи въ „Германіи“ собирали не болѣе тридцати правовѣрныхъ, навербованыхъ главнымъ образомъ изъ студентовъ-философовъ. Среди нихъ было мало богатыхъ. Однообразную монотонность этой группы нарушалъ единственный женскій образъ, съ худымъ костлявымъ лицомъ: только большіе темносиніе глаза и прекрасные золотисто-пепельные волосы мѣшали ему быть безобразнымъ; но и волосы мало украшали маленькую сухопарую фигурку нервной и кашлявшей Герты Эпфенгофъ, родомъ изъ Любека.

Герта Эпфенгофъ въ своей жизни стремилась только къ одному: она хотѣла быть Гипатіей монистической религіи.

По прочтеніи книги Циммермана „Четыре проблемы природы", она покинула свою родину и пріѣхала въ Іену, чтобы услышать драгоцѣнныя слова изъ устъ самого учителя. Вокругъ нея сгруппировались наиболѣе преданные слушатели-мужчины. Это были Францъ Капитъ, изъ Франкфурта на Майнѣ, Альбертусъ Грипперншталь, изъ Нюренберга, и Михель Урнитцъ, изъ подъ Кенигсберга. Францъ Капитъ былъ толстощекій, румяный юноша, бритый, какъ патеръ. Его дѣтскія черты едва обозначались на его лицѣ. Въ общемъ, при первомъ взглядѣ, онъ представлялся на короткихъ ножкахъ, съ большимъ животомъ и двумя жирными щеками кирпичнаго цвѣта, при почти полномъ отсутствіи носа и глазъ. Откинутые назадъ волосы, какъ черезчуръ лишнее украшеніе, массами сбѣгали съ негостепріимнаго лба. Альбертъ Грипперншталь, неразлучный другъ и компаньонъ Капита, былъ, наоборотъ, солидный баварецъ, высокаго роста, съ бородой Гамбринуса, геркулесовской силы, расходуемой, впрочемъ, только въ невинныхъ играхъ. Такъ, одной вытянутой рукой онъ поднималъ за одну ножку столъ съ сидящимъ на немъ своимъ другомъ Францемъ. Онъ отличался еще въ гастрономическихъ пари, напримѣръ, брался въ теченіе трехъ дней съѣсть цѣлаго ягненка. Герта для Франца и Альберта была предметомъ пылкаго обожанія: Францъ испытывалъ это умомъ (онъ хвастался, что тревоги любви ему неизвѣстны), но у Альберта оно обострялось нѣжной чувствительностью. Оставаясь товарищемъ ихъ обоихъ, молодая дѣвушка не скрывала своей склонности къ Михелю Урнитцу, откровенно объясняя ее красотой молодого человѣка. У германо-славянина Урнитца было, дѣйствительно, нѣжное лицо, съ свѣтло-сѣрыми глазами, съ волосами цвѣта ржаной соломы, тонкій овальный подбородокъ, красивые зубы и руки. Хотя онъ былъ бѣденъ, но одѣвался очень тщательно, составляя полную противоположность неряшеству своихъ обоихъ друзей и даже небрежности Герты. Между Гертой и Михелемъ было условлено обвѣнчаться по окончаніи курса: оба изучали философію и готовились къ преподавательской дѣятельности. Францъ и Альбертъ, наоборотъ, проходили курсъ химіи доктора и строили неопредѣленные промышленные планы.

Въ Іенѣ три студента и студентка жили у фрау Рипперть, вдовы одного изъ университетскихъ сторожей, получившей по наслѣдству старый маленькій домикъ, выходившій треугольникомъ на старинную Капустную улицу. У каждаго была отдѣльная комната: мужчины помѣщались наверху, а Герта—внизу, рядомъ съ фрау Рипперть. Вдова готовила обѣдъ и вела хозяйство, въ чемъ ей немного

помогала Герта въ тѣ часы, когда мужчины сидѣли въ пивной. Францъ, Альбертъ и Михель, несмотря на то, что считали себя адептами нео-эволюціонизма, не пренебрегали студенческими обычаями. Главнымъ же образомъ, все свое свободное время Герта посвящала украшенію и поддержкѣ монистической капеллы, устроенной ею на чердакѣ стараго дома. Тамъ, правда, довольно далеко отъ совершенства, реализовались мечты Молоха. Подъ балками крыши были горизонтально натянуты бѣлыя простыни, и этотъ сводъ мѣстами украшался рѣдкими экземплярами бабочекъ и жуковъ. Столъ въ глубинѣ, покрытый краснымъ сукномъ, изображалъ алтарь, а на немъ старый, изгнанный изъ университетскаго музея и кое какъ исправленный астрономическій приборъ - систему міра. На полкахъ стояли банки съ сифонофорами и морскими звѣздами. На стѣнѣ висѣли портреты апостоловъ эволюціи: Дарвина, Клодъ Бернара, Листера и, наконецъ, Циммермана.

Обильный и сытный обѣдъ фрау Рипертъ, приготовленный съ помощью фрау Циммерманъ и фрейленъ Герты, собиралъ каждое воскресенье, вокругъ доктора и его жены, четырехъ правовѣрныхъ. Иногда приглашались и нѣкоторые изъ усердныхъ посѣтителей лекцій въ „Германіи", что считалось исключительнымъ благоволеніемъ. Послѣ трапезы всѣ направлялись въ капеллу. Тамъ каждый изъ мужчинъ находилъ свою трубку, а фрау Рипертъ слѣдила, чтобы хватило на всѣхъ пива. Наиболѣе интересныя бесѣды были тогда, когда докторъ излагалъ и комментировалъ нѣкоторыя изъ основныхъ положеній доктрины, или сообщалъ о результатахъ вновь произведенныхъ опытовъ. Послѣобѣденные часы проходили въ разговорахъ наподобіе бесѣдъ Сократа съ его учениками. Среди облаковъ табачнаго дыма и паровъ пѣнистаго пива души воспламенялись. Молохъ, съ растрепанными сѣдыми волосами, говорилъ до тяжелой одышки; Альбертъ восторженно апплодировалъ и хрюкалъ отъ удовольствія. Францъ, имѣвшій литературной вкусъ и недурно слагавшій стихотворные ямбы, заносилъ въ свою записную книжку наиболѣе цѣнныя реплики. Михель небрежно, Герта рѣзко постоянно дѣлали возраженія, торжественно разбивавшіяся боевымъ вдохновеніемъ учителя. Въ этихъ спорахъ фрау Циммерманъ не боялась защищать традицію; иногда наибольшаго труда стоило доктору покорить именно ее... А фрау Рипертъ, одурѣвъ отъ шума и споровъ, заставлявшихъ дрожать стѣны ея стараго домика изъ глины и дранокъ, убѣгала въ кухню и тамъ, раскрывъ книгу съ крупной печатью и заткнувъ уши, погружалась въ чтеніе евангелія на текущій день.

Я никогда не бывалъ въ Іенѣ. Никогда не присутство-

валъ на публичныхъ лекціяхъ и частныхъ бесѣдахъ доктора Циммермана. Точно также я не переступалъ порога дома на Капустной улицѣ, не принималъ никакого участія ни въ литургіяхъ монистической часовни, ни въ разговорахъ о вѣчности матеріи, среди клубовъ дыма фарфоровыхъ трубокъ и паровъ пѣнистаго мартовскаго пива... Но я зналъ толстяка Франца Капита, гиганта Альберта, красавца Михеля, съ глазами цвѣта васильковъ. Видѣлъ также и Герту Эпфенгофъ, монистическую Гипатію. Со всѣми я разговаривалъ, распрашивалъ ихъ, и они многословно отвѣчали мнѣ. Я даже присутствовалъ на ихъ діалогахъ... особой важности, если вѣрить Францу Капиту, Платону кружка. Эти діалоги происходили въ ротбергской тюрьмѣ, помѣщавшейся въ подвальномъ этажѣ старой башни, смежной съ дворцомъ. Долженъ возстановить при этомъ истину: *Vorwärts* въ своихъ сообщеніяхъ зашелъ слишкомъ далеко: эта тюрьма—не смрадная темница, покрытая зеленой плѣсенью, не убѣжище змѣй и крысъ, а большая просторная комната, на половину выдолбленная въ скалѣ и спускающаяся въ землю только своимъ входомъ. Вѣроятно, когда-то она служила казармой для дворцовой стражи. Она хорошо освѣщена большимъ полукруглымъ пролетомъ, плотно задѣланнымъ рѣшеткой и обращеннымъ въ сторону пропасти. Сюда каждый день, послѣ полудня, съ тѣхъ поръ, какъ устранена была строгость заключенія, вѣрные ученики съ г-жею Циммерманъ приходили въ качествѣ делегатовъ отъ Іены и вели съ докторомъ бесѣды. Я самъ приходилъ сюда довольно часто. Первые мои визиты имѣли спеціально цѣлью склонить доктора защищаться и пригласить себѣ адвоката. Но и позже, когда я убѣдился въ безплодности своихъ усилій, мнѣ нравилось проводить почти ежедневно нѣкоторое время въ этой краснорѣчивой тюрьмѣ. Помимо удовольствія слушать рѣчи мудреца и его учениковъ, я испытывалъ облегченіе отъ своихъ собственныхъ думъ и заботъ, усложнявшихся по мѣрѣ приближенія срока отъѣзда принцессы Эти тревоги становились такими тяжелыми, что иногда я съ сожалѣньемъ покидалъ тюремные своды въ скалѣ, хотя отдѣлявшіе добродушнаго Молоха отъ людей, но предоставлявшіе за то свободу его мысли и сердца.

Въ обществѣ веселаго Франца, солиднаго Альберта, красиваго Михеля и пылкой, хрупкой Герты, я познакомился съ иной Германіей, чѣмъ Германія придворная и воинственная. Это—Германія независимой мысли, патріотичная, конечно, но враждебная задорной жестокости пангерманистовъ. Немного химерическая, преемственно мистическая, она разучилась пѣть религіозные гимны своихъ предковъ, и перенесла

— — —

въ область возвышенныхъ стремленій, вкусъ къ обобщенію, вѣру, вкусъ къ анализу и системѣ и въ то же время сохранила потребность поэтическаго идеала... Здѣсь я лучше узналъ чувствительную и преданную душу г-жи Молохъ и самъ Молохъ мало по малу сталъ такъ дорогъ мнѣ, что я началъ смотрѣть на него, какъ на своего учителя. Теперь, когда все это отошло въ прошлое, и всякій прожитый день, подобно листу прочитанной бумаги на страницѣ исторіи, заволакиваетъ дымкой забвенія мое пребываніе въ Тюрингіи, я съ удовольствіемъ вспоминаю свои политическіе споры съ принцемъ Отто, уроки съ умнымъ и послушнымъ Максомъ и прогулки вдвоемъ съ романтической бѣлокурой дамой въ гротъ Маріи-Елены, въ Гриннингейнъ, въ маленькій домикъ Гомбо, а также бесѣды въ желтомъ будуарѣ, подъ звуки увертюры къ Парсифалю, извлекаемые ея тонкими нервными пальцами. Но самое живое воспоминаніе изъ времени моего пребыванія въ Ротбергѣ, несмотря на всѣ нелѣпыя мечты имперіализма, на статьи *Strassburger-Post* и *Norddeutsche Zeitung*, несмотря на Шимана, памятники тріумфа и брошюры пангерманистовъ,—до сихъ поръ еще связываетъ мое сердце съ тѣмъ, что Молохъ называетъ дорогой Германіей, съ послѣобѣденными бесѣдами въ тюрьмѣ доктора и въ особенности съ днемъ 18 сентября, когда мы узнали постановленіе слѣдователя о преданіи Молоха окружному суду въ Литцендорфѣ. Сердце мое тогда было мрачно и тревожно. На другой день Грита уѣхала въ Парижъ, а принцесса — въ Карлсбадъ. Черезъ день я долженъ былъ присоединиться къ принцессѣ. Тѣмъ не менѣе я былъ пораженъ всѣмъ, что услышалъ. Я видѣлъ, что Францъ Капитъ, сидя у окна, стенографируетъ нашъ разговоръ, и попросилъ его дать мнѣ прочесть стенограмму, когда она будетъ переписана. На другой же день я получилъ ее и храню до сихъ поръ... Она написана не рукою краснощекаго младенца изъ Франкфурта, а пылкой и нѣжной Гертой, позаботившейся не только переписать ее, но и перевести на французскій языкъ. И этотъ, хотя нѣсколько школьный, переводъ не лишенъ нѣкоторой прелести. Во всякомъ случаѣ, онъ вѣрнѣе воспроизводитъ нашъ нѣмецкій разговоръ, чѣмъ могъ бы сдѣлать это я со своими латинскими оборотами.

Рукопись Герты.

Въ этотъ день мы собрались въ тюрьмѣ раньше обыкновеннаго, потому что наканунѣ вечеромъ разнесся слухъ, что постановленіе судебнаго слѣдователя уже состоялось. И, дѣйствительно, когда мы подошли къ дверямъ тюрьмы, сторожъ велѣлъ намъ обождать,— потому, пояснилъ онъ, что начальникъ только что зашелъ въ камеру, чтобы сообщить

заключенному о состоявшемся опредѣленіи о преданіи его уголовному суду.

Черезъ нѣсколько минутъ насъ впустили. Мы застали доктора сидящимъ на тюремной койкѣ. Фрау Циммерманъ стояла возлѣ него. Она молча вытирала свои глаза. Докторъ поздоровался съ нами.

— Садитесь,—сказалъ онъ намъ.—Знаете новость? Я предстану передъ уголовнымъ судомъ, чтобы отвѣчать за не совершенное мною покушеніе. А такъ какъ нѣтъ основанія полагать, что двѣнадцать тюрингенцевъ будутъ проницательнѣе одного тюрингенца-судьи, ибо двѣнадцать разъ нуль все равно нуль, то возможно, что я буду и осужденъ...

При этихъ словахъ у фрау Циммерманъ вырвалась глухое рыданіе.

— Жена,—сказалъ ей, смѣясь, супругъ,—вспомни, что Ксантипа, смутивъ своими криками философское спокойствіе послѣдней бесѣды Сократа, по его настоянію, была уведена домой рабами Критона.

Она перестала всхлипывать. Французъ, учитель принца Макса, вошедшій съ нами, замѣтилъ:

— Несмотря на все, я все же больше вѣрю уму двѣнадцати свободныхъ тюрингенцевъ, нежели предубѣжденному и трусливому чиновнику.

— Вы говорите, какъ французъ,—отвѣтилъ заключенный.—Къ тому же ваше убѣжденіе даже во Франціи соотвѣтствуетъ скорѣе идеалу, чѣмъ фактической дѣйствительности. Во Франціи, какъ и въ Германіи, то, что принято называть правосудіемъ, не что иное, какъ спеціальный аппаратъ силы. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что этотъ аппаратъ въ особенности опасенъ въ такомъ маленькомъ государствѣ, какъ это, гдѣ контроль общественнаго мнѣнія ничтоженъ, и гдѣ, къ тому же, рабское подражаніе Пруссіи внушаетъ и даетъ перевѣсъ идеалу феодализма.

— Чувство справедливости живетъ, между тѣмъ, и всегда будетъ жить въ нѣмецкомъ сердцѣ,—возразилъ Альбертъ Гриншпиталь изъ Нюрнберга, стоя, прислонившись къ стѣнѣ обширной комнаты.

— Вы нравственный человѣкъ и патріотъ, Альбертъ,—отвѣтилъ докторъ.—Прекрасныя качества, если они естественно расцвѣтаютъ, какъ цвѣты на растеніи! Но нужно быть ослѣпленнымъ вашимъ благоговѣніемъ, чтобы не видѣть, что эта страна стоитъ на пути къ измѣнѣ своимъ традиціямъ, къ уклоненію отъ своей миссіи, именно потому, что она отреклась отъ культа справедливости ради культа силы... Съ тѣхъ поръ, какъ злосчастный человѣкъ, заслужившій здѣсь памятникъ, осмѣлился сказать: „сила выше права“.

надъ нѣмецкой душой совершено было насиліе. Позднѣе другой нашъ канцлеръ, далеко не Бисмаркъ, пояснилъ мысль своего учителя, сказавъ, въ свою очередь: „чѣмъ больше силы, тѣмъ больше права". Изъ этого я заключаю, что когда не имѣешь силы, то не имѣешь и никакого права. Въ такомъ положеніи я и нахожусь теперь. Вотъ почему я долженъ былъ и буду осужденъ. И это дитя,—прибавилъ онъ, проводя рукой по волосамъ Герты Эйфенгофъ, сидѣвшей у его ногъ,—отнынѣ будетъ одна поддерживать культъ въ капеллѣ на Капустной улицѣ.

— Между тѣмъ, многіе большіе умы,—замѣтилъ Францъ Капитъ изъ Франкфурта-на-Майнѣ, сидѣвшій на скамейкѣ у окна и время отъ времени дѣлавшій отмѣтки,—многіе большіе умы Германіи защищаютъ еще право и мысль противъ царства силы.

— Не такъ много, какъ вы думаете,—вскричалъ Циммерманъ, подымаясь съ кровати и направляясь къ Францу Капиту съ обычной живостью, свойственной нашему дорогому учителю.—Наоборотъ, меня тревожитъ, что культъ силы въ Германіи все болѣе и болѣе вытѣсняетъ даже самую науку. Вы желаете свободно мыслить? Васъ заставляютъ молчать аргументомъ силы,—и вы умолкаете. Сила съ помощью сыска и жестокости бюрократіи властно царствуетъ даже въ семьяхъ. Существуетъ ли другая страна, гдѣ чиновникъ былъ бы такъ назойливъ и несносенъ, какъ въ Пруссіи и въ нѣмецкихъ провинціяхъ съ прусскимъ духомъ? Всѣ рѣчи императора—гимнъ силѣ. Нельзя открыть ни больницы, ни школы безъ прославленія нѣмецкой шпаги. Къ чему это? Германія въ прошломъ вѣкѣ совершила одну прекрасную вещь: она объединилась. Она, по праву, могла бы отмѣтить это событіе памятникомъ. Но она предпочла соорудить монументъ въ честь пораженія своего случайнаго врага, побѣжденнаго только потому, что у Германіи оказалось больше солдатъ и лучшее вооруженіе. Эта случайность можетъ сегодня или завтра обратиться противъ нея. Идея единства менѣе льститъ лицемѣрамъ силы, чѣмъ идея побѣды. Всякій маленькій нѣмчикъ привыкъ думать согласно изреченію „великаго" канцлера, что „тотъ, у кого больше силы, имѣетъ больше права". Поэтому онъ прежде всего заботится о томъ, чтобы быть сильнымъ, или, по меньшей мѣрѣ, умѣть воспользоваться силой вмѣсто права.

— Эйтель,—проговорила фрау Циммерманъ, осушившая свои слезы и съ очаровательнымъ спокойствіемъ слѣдившая за разговоромъ.—Эйтель, ты несправедливъ къ нашей дорогой Германіи. Культъ злоупотребленія силой можетъ увлекать нашихъ правителей въ ущербъ праву. Но обществен-

ное мнѣніе всегда на сторонѣ справедливости. Такъ, ты не можешь отрицать поднявшейся волны симпатій, какъ только ты сталъ жертвой несправедливости. Подумай о статьяхъ въ *Vorwärts*'ѣ, о протестѣ профессоровъ, о кампаніи въ *Simplicissimus*'ѣ! Наконецъ, развѣ ты не видишь въ тюрьмѣ своихъ любимыхъ учениковъ, посланныхъ къ тебѣ ихъ товарищами?

Плѣнникъ покачалъ головой. Сквозь сводчатый люкъ проникъ лучъ солнца, освѣтившій серебряные волосы вокругъ его лба. Онъ сѣлъ на скамью рядомъ съ Францемъ Капитомъ.

— Дорогая жена,—возразилъ онъ,—всѣ эти манифестаціи, исключая присутствія моихъ учениковъ (да и ихъ всего четверо) ничего не говорятъ противъ отмѣченныхъ мною грустныхъ фактовъ. Газеты и интеллигенція протестуютъ, потому что сегодня имъ кажется, что опасность со стороны силы направлена противъ нихъ. И сами они, вѣрь мнѣ, отравлены ѳиміамомъ Богу-силѣ, подымающимся со всѣхъ концовъ Германіи. Держу пари, что въ тотъ день, когда восторжествуютъ нѣмецкіе соціалисты или нѣмецкая интеллигенція, ничто не измѣнится ни въ политическихъ, ни въ соціальныхъ нравахъ Германіи. Девизъ: „болѣе сильный имѣетъ больше права"—будетъ торжествовать всегда. Ибо уже тридцать лѣтъ, какъ нѣмецкая молодежь воспитывается въ духѣ этого принципа. Афоризмъ канцлера фонъ-Бюлова я считаю такимъ знаменательнымъ и характернымъ для современной Германіи, что въ минуту праздности, въ своемъ одиночествѣ, выцарапалъ его перочиннымъ ножомъ на феодальномъ камнѣ этой тюрьмы. Когда солнце освѣтитъ стѣну, находящуюся въ эту минуту въ тѣни, вы его увидите.—И нашъ учитель указалъ пальцемъ на темную еще стѣну камеры.

При послѣднихъ словахъ заскрипѣлъ замокъ, дверь повернулась въ петляхъ, и вошелъ тюремщикъ, неся на подносѣ семь кружекъ пива. Изъ-подъ оловянныхъ крышекъ, при каждомъ его шагѣ, выливалась бѣлая пѣна. Онъ поставилъ подносъ на столъ и, приблизившись къ доктору, снялъ фуражку, открывъ свой лысый лобъ ветерана великой войны.

— Не угодно ли г. доктору и его гостямъ еще чего-нибудь?—почтительно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мой другъ, благодарю васъ,—отвѣтилъ нашъ учитель.—Замѣтили ли вы,—продолжалъ онъ, когда тюремщикъ вышелъ,—какой благородный этотъ человѣкъ? Никогда не сказалъ онъ мнѣ грубаго слова и служитъ мнѣ, какъ мой слуга. Между тѣмъ, онъ такъ же, какъ и я, рискуя своею

жизнью, защищалъ отечество. И ему не болѣе, чѣмъ мнѣ, нужно было для этого воспитываться въ презрѣніи къ праву и въ поклоненіи силѣ... Когда я покину эту тюрьму, я дамъ двадцать марокъ этому воину, сохранившему сострадательность.

Съ этими словами докторъ подошелъ къ столу, взялъ одну кружку и произнесъ:

— *Prosit!*

Онъ выпилъ и мы за нимъ. Потомъ мы опять заняли наши мѣста и продолжали разговоръ.

Михель Урнитцъ не проронилъ еще ни слова. Онъ небрежно и не безъ граціи полулежалъ на деревянной скамейкѣ у стѣны, гдѣ профессоръ Циммерманъ выгравировалъ афоризмъ князя фонъ-Бюлова.

— Учитель,—сказалъ онъ,—развѣ всѣ народы не поклонялись Богу-силѣ? Сила Рима покорила міръ. Сила варваровъ сокрушила Римскую имперію. Сила расчленила Польшу. Сила Франціи управляла Европой до тѣхъ поръ, пока сила Европы не разбила Францію... Не сказывается ли во всемъ этомъ неизбѣжный этическій законъ, а потому, можетъ быть, правы и тѣ, кто считаетъ силу наиболѣе цѣнной? Съ другой стороны, изученіе природы, предпринятое мною подъ вашимъ руководствомъ, убѣждаетъ наблюдателя въ томъ, что, если существуетъ Богъ, то имя ему Сила.

Умное лицо нашего учителя преобразилось въ веселую гримасу, и его смѣхъ невиннаго младенца раскатился подъ каменными сводами. Онъ погрозилъ пальцемъ Михелю, сохранявшему непоколебимую серьезность.

— Лукавый славянинъ, — вскричалъ учитель, — какъ хорошо ему извѣстны пріемы діалектики Платона! Какъ умѣетъ онъ въ спорѣ выгодно повернуть руль и заставить произнести именно тѣ слова, какія нужны! Михель,—продолжалъ онъ, обернувшись къ намъ,—далъ намъ наилучшее историческое доказательство слабости силы: именно, всякая сила вызываетъ реакцію противоположной силы. Угроза такой силы уже тревожитъ Германію. Наши правители черезчуръ прокричали о нашемъ могуществѣ. Наши „Общества укрѣпленія арміи и флота“ слишкомъ много пили за преуспѣяніе Германіи, какъ владычицы міра; наши діалектики-пангерманисты слишкомъ уже поторопились предупредить народы о предстоящей имъ рабской роли. Они внушили міру родъ уваженія къ нѣмецкой силѣ, какое испытывается къ моровой язвѣ.

Францъ Капитъ, продолжавшій у окна дѣлать свои записи, пробурчалъ:

— Быть можетъ, угроза со стороны другихъ народовъ

и заставила Германію заботиться о развитіи своей силы и разсчитывать только на нее.

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ учитель приблизился къ нему въ большомъ волненіи и воскликнулъ:

— Францъ! Если ты искренно такъ думаешь, то ты—*minus habens* и дуракъ!

Францъ попросилъ его знакомъ не говорить такъ быстро и застенографировалъ: „*minus habens* и дуракъ“.

— Царство силы было придумано въ Пруссіи около 1848 г. благодаря подстрекательству Бисмарка; войны 1864, 1866, 1870 годовъ велись только потому, что Пруссія ихъ захотѣла. Это сама очевидность, понятная даже для питекантропа съ Явы.

— Между тѣмъ,—замѣтила фрау Циммерманъ,—Францiя давно мечтала о реваншѣ.

— Сударыня,—возразилъ французъ-учитель,—вспомните, что идея реванша родилась во Франціи совсѣмъ не потому, что Франція была побѣждена, а явилась слѣдствіемъ учиненнаго грабежа Эльзаса и Лотарингіи, акта, возбудившаго протестъ Бебеля, а также и вашего супруга.

— И какъ я правъ въ своемъ протестѣ!—воскликнулъ докторъ.—Присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи безъ всякой пользы для Германіи матеріализировало и увѣковѣчило въ глазахъ Европы фактъ побѣды. Городъ Мецъ, гдѣ никто не понимаетъ по-нѣмецки, занятъ пруссаками противъ воли жителей. Кромѣ силы, что можетъ оправдать это? Такимъ образомъ былъ введенъ политическій строй, основанный на силѣ, и этотъ строй можетъ держаться только на условіи союза съ Богомъ-силой. Отсюда доктрина Бисмарка и его послѣдователей...

Въ эту минуту солнце освѣтило бывшую во мракѣ стѣну, и на ней ясно выступила выцарапанная готическими буквами фраза князя Бюлова:

«У кого больше силы, тотъ имѣетъ больше и права».

Солнечный лучъ заставилъ Михеля Урница встать со скамейки и пересѣсть на грубый ларь, гдѣ зимою хранятся дрова для отопленія камеры.

— Учитель,—сказалъ онъ,—я совершенно разбитъ вашими доводами относительно значенія матеріальной силы. Но вы не отвѣтили на мое главное замѣчаніе, что вся природа обнаруживаетъ предъ нами господство силы, и что все прогрессируетъ въ ней только съ помощью силы.

Истинно пророческимъ жестомъ знаменитый узникъ подалъ знакъ, что хочетъ отвѣтить. Мы всѣ притихли: помимо нашей воли, замѣчаніе Михеля встревожило насъ.

— — — —

— Выслушайте меня,—сказалъ Циммерманъ,—и разъ навсегда пусть исчезнетъ этотъ софизмъ изъ вашей головы.

Онъ приблизился къ столу и, забывъ, что уже осушилъ свою кружку, взялъ почти полную кружку Альберта.

— Прежде всего,—сказалъ онъ,—я отрицаю, что въ природѣ преобладаютъ разрушительныя силы; по моему, въ ней господствуютъ силы охранительныя, созидательныя. Развѣ вамъ не извѣстно, что сцѣпленія частицъ, составляющихъ эту простую глиняную кружку (и онъ потрясъ кружкой Альберта) было бы достаточно, чтобы взорвать и эту скалу, и эту выдолбленную въ ней тюрьму, если бы сила сцѣпленія вдругъ устала сохранять связь между молекулами. Пресловутый законъ борьбы за существованіе — не что иное, какъ поверхностное толкованіе явленій, толкованіе невѣждъ. Разрушительная борьба, замѣчаемая на поверхности земного шара, есть легкое возмущеніе въ сравненіи съ страшной затратой силъ на созиданіе и усовершенствованіе живыхъ существъ. Нѣтъ, природа даетъ намъ примѣръ соединенія, а не распаденія! Пусть ея слѣпыя силы, не сознающія самихъ себя, сталкиваются и порою кажутся разрушительными; таковы мгновенныя столкновенія въ эфирѣ двухъ планетъ, превращающихся внезапно въ безполезную пыль... Но, чтобы единственная сознательная сила, человѣческая воля, могла злоупотреблять сама собой, противорѣчить своему созидательному назначенію, разрушать для разрушенія, это—страшная безсмыслица, невѣроятное заблужденіе... Даже, помимо собственнаго желанія, человѣкъ вынужденъ помогать силамъ природы: помимо его воли идея толкаетъ его къ общей цѣли интеграціи, сохраненія и усовершенствованія. Уже цѣлыя тысячелѣтія люди на поверхности земного шара, повидимому, только и видятъ господство надъ собой, только свое уничтоженіе, и тѣмъ не менѣе изъ вѣка въ вѣкъ, а нынѣ и изъ года въ годъ грубая сила отступаетъ передъ идеей. Средніе вѣка, слѣпые и кровожадные, возбуждаютъ въ насъ отвращеніе. Настанутъ времена, когда и наша эпоха будетъ представляться варварской, повтореніемъ періода среднихъ вѣковъ... Безобразныя попытки реакціи, соблазняющія Германію со времени Бисмарка, не задержатъ эволюціи міра. Они оставятъ лишь темное пятно въ міровой исторіи, и я скорблю, что это пятно упадетъ на долю моей отчизны.

— —

Заходящее солнце бросало теперь больше свѣта въ сводчатое окно; оно озаряло прочные, грубо обтесанные камни стѣнъ стариннаго убѣжища феодальной силы, и нынѣ еще

служащаго тюрьмой свободной мысли. Нашъ учитель окинулъ камеру глазами: мы догадались, что онъ мысленно презираетъ эту помѣху. Онъ снова поднялъ кружку Альберта, возбудивъ въ послѣднемъ нѣкоторую тревогу за ея судьбу: отъ волненія Альбертъ испытывалъ жажду и терялъ надежду получить остатки пива.

— Дѣти,—продолжалъ докторъ,—я тоже въ свою очередь хочу воспѣть гимнъ силѣ, но не силѣ гордыхъ дураковъ, олицетворяющихъ ее въ насиліи и разрушеніи. Я хочу славословить силу сохраняющую, связующую, сдѣлавшую то, что міръ сталъ вселенной, мое я—сознательнымъ я. Сила, заслуживающая моего тоста, неотдѣлима отъ идеи, или, скорѣе, идея есть наисовершеннѣйшее выраженіе этой силы. Идея — вотъ настоящая сила, ибо противъ нея ничто не устоитъ, ничто не разрушитъ божественную силу сцѣпленія! Вся древняя Греція исчезла подъ обломками исторіи, и, однако, она еще трепещетъ, живетъ всегда юная у Гомера, Ксенофонта, Платона, Софокла. Напрасно легіоны и орды попирали территорію Греціи и угнетали ея дѣтей, напрасно время разрушало ея фронтоны и портики, древняя Греція сохранилась живой и реальной, даже болѣе живой и реальной, чѣмъ Греція нашихъ дней, гдѣ идея не успѣла еще вылиться въ опредѣленную форму... Германія Бюлова или даже Бисмарка реальна только на короткій періодъ. Это географическая единица на срокъ, какъ имперія Александра или Карла V, какъ Франція въ 1810 году. Что такое Седанъ? Ничто. Если Седанъ, незначительнѣе Іены, затмилъ Іену, то, безъ сомнѣнія, на земномъ шарѣ есть гдѣ-нибудь деревушка, способная когда-нибудь затмить Седанъ. Всякое проявленіе грубой силы, въ сущности, только манифестація въ честь слабости, потому что ей суждено быть уничтоженной другою силой... Вѣчна только Германія, презирающая людскія жестокости, грубость времени, мыслящая Германія! Она характеризуется особымъ ощущеніемъ человѣческой мысли, особой вибраціей человѣческихъ чувствъ въ нашей расѣ, позволяющими ей понимать то, чего еще достаточно не уяснили другіе народы; почувствовать то, что не такъ еще сильно чувствуется другими народами. Нѣмецкая мысль—вотъ истинная нѣмецкая сила. Имя ей Гете, Гейне, Шиллеръ, Кантъ, Гегель, Шопенгауэръ, Ничше, а также Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ... Весь политическій и соціальный строй можетъ быть разрушенъ на германской почвѣ, но ничто не помѣшаетъ нѣмецкой мысли и чувству, присущимъ этимъ великимъ нѣмцамъ, жить и сохраниться на всегда!.. О, Сила-Идея, чту тебя больше всего и пью во славу твою!..

Онъ поднесъ къ губамъ кружку Альберта и сразу осу-

шилъ ее... Когда онъ опустилъ кружку на столъ, мы столпились вокругъ него,—тутъ были и Альбертъ, и французъ-учитель,—и пожимали ему руки, обнимали его. Насъ охватило сильнѣйшее волненіе: такъ освѣтилось его лицо, такъ выразительно прозвучалъ его голосъ при послѣднихъ словахъ... Слезы счастья выступили на его глазахъ и покатились по морщинистымъ щекамъ.

— Благодарю... благодарю васъ, друзья...

Когда мужчины отошли въ сторону, онъ на нѣсколько мгновеній удержалъ при себѣ Герту Эпфенгофъ и свою жену, прижавъ ихъ къ сердцу.

Мы еще не успокоились и не успѣли выпить своего пива, такъ какъ отъ волненія у насъ пересохло въ горлѣ, какъ дверь отворилась и вошелъ тюремщикъ.

— Господинъ докторъ,—почтительно заявилъ онъ,—господа студенты должны удалиться отсюда, а также и фрейленъ,—прибавилъ онъ, указывая на Герту Эпфенгофъ.—Супруга доктора и господинъ докторъ-французъ могутъ остаться.

Мы съ удивленіемъ переглянулись. Старый инвалидъ казался смущеннымъ.

— Прибылъ нѣкто,—прибавилъ онъ,—придворная особа, запретившая мнѣ назвать ея по имени: особа желаетъ говорить съ г. докторомъ Циммерманомъ безъ свидѣтелей, за исключеніемъ г-жи Циммерманъ и г. француза-учителя.

Ученый расхохотался.

— Не будемъ пытаться, дѣти мои,—сказалъ онъ,—разгадать капризы силы. Идите и возвращайтесь ко мнѣ завтра, если только разрѣшатъ. Быть можетъ, уже не повторится больше такой свободной бесѣды.

Онъ перецѣловалъ насъ всѣхъ, и мы вышли изъ камеры.

Тюремщикъ заперъ за нами дверь и проводилъ насъ на улицу. Мы не могли увидѣть придворную особу, приказавшую намъ оставить тюрьму.

Здѣсь кончается рукопись Герты Эпфенгофъ.

Я часто перечитываю ее, и она всегда вызываетъ во мнѣ памятный день, когда рѣшилась моя судьба почти безъ моего участія, или, лучше сказать, вызываетъ рядъ событій, повидимому, безразличныхъ для моего будущаго, но измѣнившихъ мое сердце и мои намѣренія.

Когда четверо учениковъ изъ Веймара вышли изъ камеры, и супруги Циммерманы и я остались на нѣсколько минутъ одни, г-жа Молохъ, съ глазами, горѣвшими любовью, вскричала:

— Эйтель! Нельзя допустить, чтобы такого человѣка, какъ ты, любимаго и уважаемаго всей мыслящей Германіей, судили, какъ простого злодѣя или недальновиднаго террориста, воображающаго преобразовать міръ динамитнымъ взрывомъ!.. И, я увѣрена, придворная особа явилась объявить тебѣ, что слѣдователь постановилъ освободить тебя отъ суда, ибо невинность твоя доказана, и ты свободенъ...

Молохъ покачалъ головой и пальцами цвѣта слоновой кости провелъ по своимъ бѣлымъ волосамъ.

— Жена,—сказалъ онъ,—не убаюкивай себя напрасными надеждами. Повторяю тебѣ: мы живемъ подъ властью силы. Къ чему стараться искать логику въ проявленіяхъ силы, исключающей всякую логику?

Дверь камеры отворилась, и мы всѣ трое были одинаково поражены, замѣтивъ въ свѣтломъ, освѣщенномъ солнцемъ отверстіи силуэтъ принца Макса, въ голубомъ костюмѣ съ серебрянымъ позументомъ для верховой ѣзды, и въ сапогахъ изъ желтой кожи. Онъ остановился на порогѣ съ шапкой и хлыстикомъ въ правой рукѣ, а лѣвой поправлялъ свои бѣлокурые волосы; на лбу выступали капли пота: видно было, что онъ бѣжалъ.

— Идите, Будерсъ,—сказалъ онъ тюремщику.

Максъ вошелъ, и дверь за нимъ затворилась. Онъ поочередно оглядѣлъ насъ: доктора, г-жу Циммерманъ и меня. Его губы, верхнія части щекъ и вѣки трогательно и вмѣстѣ комично дрожали, какъ бываетъ на лицахъ маленькихъ дѣтей, когда они собираются заплакать. И, дѣйствительно, прежде чѣмъ Максу удалось вымолвить слово, у него вырвалось сдавленное рыданіе... Онъ отвернулся и бросилъ на столъ, рядомъ съ пустыми кружками, свою фуражку и хлыстъ. Сердце г-жи Молохъ было тронуто: въ ней жила материнская, страстно нѣжная душа, какая бываетъ у женщинъ, тщетно желавшихъ имѣть дѣтей. Она подбѣжала къ Максу и схватила его за обѣ руки.

— Боже мой... ваше высочество... Что съ вами? Вы плачете? Вы больны, дорогой принцъ?

Максъ безмолвно поднялъ свое взволнованное лицо къ приближавшемуся доктору. Онъ колебался съ минуту, потомъ стремительно бросился къ нему и прежде, чѣмъ Молохъ могъ предупредить, бросился передъ нимъ на колѣни.

— Простите, простите!—рыдалъ онъ.—Супруги Молохъ напрасно старались поднять его.. —Простите, г. докторъ!—повторилъ онъ, плотно прижавъ свою бѣлокурую голову къ кривымъ ногамъ старика.—Простите!

— — — — — ————

— Но въ чемъ простить, Боже мой? воскликнулъ Молохъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

Я тотчасъ же все понялъ и упрекнулъ себя: какъ это я раньше не догадался?

— Ваше высочество!—сказалъ я принцу, тронувъ его за плечо. Встаньте!.. Я догадываюсь, въ чемъ вы хотите сознаться доктору. Признайтесь ему, прямо глядя въ лице, какъ мужчина, а не какъ ребенокъ.

Обращеніе къ самолюбію принца всегда давало благопріятные результаты. Онъ всталъ, быстро вытеръ глаза и твердо взглянулъ на Циммермана.

— Г. докторъ, сказалъ онъ, я страшно виноватъ передъ вами. Я позволилъ заподозрить васъ, арестовать и посадить въ тюрьму, а между тѣмъ, это я положилъ петарду въ коляску графа Марбаха... Я не сожалѣю объ этомъ,—прибавилъ онъ, окинувъ насъ пламеннымъ взглядомъ, мгновенно осушившимъ его слезы.—Я сожалѣю только, что моя петарда не причинила вреда графу Марбаху, не уничтожила его, не опалила ему головы, или что онъ не переломалъ себѣ костей на спускѣ въ Лингендорфъ... Я ненавижу его и желаю ему только зла!

— О, ваше высочество!—замѣтила г-жа Молохъ тономъ недовольства.

Но на Молоха и на меня юный принцъ производилъ пріятное впечатлѣніе, какъ слабый, но возмущенный ребенокъ, какимъ онъ былъ въ эту минуту. Съ сухими глазами и прерывавшимся отъ волненія голосомъ, онъ продолжалъ:

— Я ненавижу маіора: онъ злой, желаетъ мнѣ зла и оскорбляетъ меня. Онъ перенесъ въ Ротбергъ нравы прусскихъ казармъ. Тамъ людямъ ломаютъ ноги, обрываютъ уши и, въ заботѣ о дисциплинѣ, заставляютъ дохнуть отъ голода въ тюрьмахъ... Мнѣ, наслѣдному принцу, онъ не смѣетъ ломать ногъ, ни рвать ушей. Онъ не можетъ запереть меня въ тюрьму, но съ первыхъ же дней, какъ ему поручено было мое военное воспитаніе (мнѣ было девять лѣтъ), онъ сталъ бить меня... Да, г. Доберъ, да, г. докторъ, онъ билъ меня, и каждый разъ все больнѣе, какъ, несомнѣнно, дѣлалъ это, командуя пруссаками. Я молчалъ, никому не говорилъ этого, частью отъ стыда, частью изъ страха. Да, изъ страха, г. Циммерманъ, ибо этотъ злодѣй сдѣлалъ меня трусомъ, и за это я въ особенности ненавижу его... Онъ внушилъ мнѣ страхъ къ наказанію, онъ пріучилъ меня лгать, чтобы избѣжать его... И если я тотчасъ же не сознался въ томъ, что подложилъ петарду, то потому только, что съ этимъ разбойникомъ я привыкъ бояться наказанія и лгать...

Мы слушали его съ участіемъ и съ грустью. Лицо Макса сдѣлалось мрачнымъ и злымъ; очаровательная дѣтская наивность исчезла. Онъ опять заговорилъ, обращаясь ко мнѣ:

— М-elle Дюберъ можетъ подтвердить все это, потому что, въ концѣ концовъ, я сознался ей: я ни одной минуты не допускалъ, что арестъ можетъ состояться. Это такъ безсмысленно! Докторъ Циммерманъ—и вдругъ положилъ снарядъ въ коляску маіора! Каждый день я ждалъ: вотъ сегодня подпишутъ постановленіе о недостаточности уликъ, и все будетъ кончено... Это было низко съ моей стороны, я хорошо сознавалъ и чувствовалъ это, и былъ очень несчастенъ. Но я не могъ рѣшиться заговорить, и дни проходили за днями. Съ каждымъ днемъ признаніе становилось труднѣе, потому что газеты не переставали говорить объ этомъ приключеніи, оно пріобрѣло значеніе политическаго дѣла, стало дѣломъ имперіи... Берлинъ обмѣнивался телеграммами съ Ротбергомъ. Демократы Литцендорфа волновались. Всѣ газеты комментировали покушеніе въ Ротбергѣ въ тревожномъ или смѣхотворномъ тонѣ. Я пришелъ въ ужасъ отъ своей продѣлки... Г. докторъ, умоляю васъ, простите меня! Я недостоинъ называться Ротбергомъ и занять мѣсто, гдѣ сидѣлъ императоръ Гунтеръ... Потому что,—добавилъ онъ, понизивъ голосъ и съ глазами, вновь наполнившимися слезами,—не знаю, сознался ли бы я, если бы не m-elle Грита. Она заставила меня дать слово, что я сознаюсь, если докторъ будетъ преданъ уголовному суду. Только что вернувшись съ прогулки верхомъ, я узналъ, что постановленіе подписано. Я побѣжалъ сюда... и вотъ... теперь.. будь, что будетъ!

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы удержать слезы, и ему это удалось. Я любовался, какъ онъ, даже въ минуту самаго тяжелаго признанія, сумѣлъ не унизиться до потери изящности своего благородства.

— Какой благородный молодой принцъ! — вскричала г-жа Циммерманъ, не стараясь скрыть, что она плачетъ отъ волненія.—Конечно, Эйтель, ты на него не сердишься?

Молохъ отрицательно покачалъ головой, но промолчалъ. Онъ думалъ, наморщивъ складками лобъ, точно старался понять что-то необъяснимое. Максъ повернулся ко мнѣ и спросилъ по-французски:

— Что вы теперь будете думать о своемъ ученикѣ, г. Дюберъ?

— Я думаю,—отвѣтилъ я серьезно,—что переносить на другого тяжесть своего проступка—вещь недостойная... Вы постарались, насколько могли, исправить это; это хорошо.

Но вы не можете исправить то, что докторъ несправедливо перенесъ. Это непоправимо.

— Когда я буду царствовать въ Ротбергѣ, вскричалъ Максъ, весь вспыхнувъ,—я назначу доктора министромъ Ротберга, дамъ ему графскій титулъ и много денегъ.

Это стремительное признаніе ребенка разсмѣшило, наконецъ, Молоха. Онъ громко расхохотался и, положивъ руку на плечо Макса, сказалъ:

— Когда вы будете царствовать, мой юный повелитель, то очень возможно, что всѣ мои титулы будутъ расписаны на надгробномъ камнѣ, и мое богатство, кромѣ этого камня, будетъ заключаться лишь въ крѣпкомъ дубовомъ ящикѣ, обитомъ цинкомъ. И вы убѣдитесь тогда,—продолжалъ онъ, поднявъ свой умный лобъ, окруженный ореоломъ серебряныхъ кудрей,—что имя покойнаго доктора Циммермана дольше сохранится въ памяти Германіи и всего міра, чѣмъ имя министра Ротберга, какого-то графа... Впрочемъ, не старайтесь оправдываться передо мной, и не страдайте: въ тюрьмахъ вашего отца обращаются гуманно. Но такъ какъ вамъ предназначено властвовать въ будущемъ надъ людьми, то не забудьте, прежде всего, совѣта г. Дюбера, что каждый человѣкъ, достойный этого названія, долженъ подписываться подъ своими поступками. Кромѣ того, откажитесь отъ мести насиліемъ: грубая сила ничего не разрѣшаетъ... Кстати, перешелъ онъ въ дружественный тонъ, замѣтивъ, что глаза принца опять наполнились слезами,—какимъ образомъ, чортъ возьми, вы раздобыли этотъ снарядъ? Мнѣ хотѣлось бы знать, такъ какъ эффектъ, дѣйствительно, получился очень сильный... Присядьте-ка и разскажите мнѣ все.

Онъ предложилъ Максу одну изъ соломенныхъ табуретокъ; г-жа Молохъ и я усѣлись на скамьѣ у стѣны, гдѣ горѣла въ лучахъ солнца мысль графа Бюлова. Самъ Молохъ усѣлся на кровати.

— Видите ли!—произнесъ повеселѣвшій Максъ съ обычной ребяческой торопливостью.—Уже давно я задумалъ отомстить маіору за то, что онъ меня бьетъ. Я довѣрилъ свой проектъ Гансу, моему молочному брату, одному изъ кучеровъ Грауса. Мы перебрали съ нимъ нѣсколько способовъ; всего лучше, по моему, было, конечно, вызвать Марбаха на дуэль и убить его. Но это невозможно. Тогда Гансъ посовѣтовалъ мнѣ подвязать подъ хвостъ его кобылѣ Доротеѣ маленькій мѣшечекъ съ перцемъ: перецъ во время верховой ѣзды разжегъ бы крупъ чувствительнаго животнаго, и лошадь сбросила бы маіора на землю. Къ сожалѣнію, Марбахъ хорошій наѣздникъ, и нельзя было быть

увѣреннымъ, что онъ упадетъ и разобьется.. Но вотъ недавно въ Парижѣ бросили бомбу въ испанскаго короля. По этому случаю въ газетахъ много писали объ анархистахъ и объ ихъ познаніяхъ по химіи. Въ „Kreuz-Zeitung“, между прочимъ, появился большой фельетонъ, гдѣ подробно были изложены однимъ очень извѣстнымъ профессоромъ всѣ способы изготовленія бомбъ...

— О, нѣмецкая наука!—воскликнула г-жа Молохъ съ восторгомъ.

— Этотъ фельетонъ,—продолжалъ принцъ,—далъ мнѣ мысль сфабриковать снарядъ. Я хорошо изучилъ статью „Kreuz-Zeitung“, а также и учебникъ химіи, найденный мною въ дворцовой библіотекѣ.

— Какъ!—воскликнулъ Молохъ,—вы даже справлялись съ учебникомъ химіи?—Вотъ что удивительно и дѣлаетъ честь молодому принцу!..

Максъ смутился и покраснѣлъ подъ опасеніемъ, что докторъ смѣется надъ нимъ. Но докторъ искренно одобрилъ его и дружескимъ жестомъ просилъ продолжать.

— Ну, и потомъ вы приступили къ изготовленію снаряда?—спросилъ онъ съ любопытствомъ.—Какъ же вы принялись за это?

— Я сначала пробовалъ достать артиллерійскій зарядъ, но такъ какъ дворцовая гвардія не дѣлаетъ выстрѣловъ, то снарядовъ здѣсь нѣтъ. Тогда Гансъ купилъ въ Штейнахѣ большую ракету. Чтобы сдѣлать оболочку болѣе крѣпкой, я обернулъ ее листовымъ цинкомъ и обвязалъ для прочности желѣзной проволокой.

— Очень хорошо, очень хорошо!—одобрилъ Молохъ.

— Потомъ я приготовилъ смѣсь по рецепту „Kreuz-Zeitung“; порохъ я досталъ въ артиллерійскомъ складѣ, добылъ уголь, а поташъ приготовилъ самъ. Въ смѣсь я прибавилъ древесныхъ опилокъ, такъ какъ читалъ въ одномъ учебникѣ, что онѣ придаютъ прочность массѣ.

— Древесныя опилки!—съ изумленіемъ вскочилъ Молохъ.—Ему пришло въ голову присоединить древесныя опилки!.. Да знаете ли вы, мой дорогой, юный принцъ, у васъ истинный талантъ!.. Нѣтъ, я долженъ васъ расцѣловать, alumne praestantissime!

И, взявъ въ свои морщинистыя руки бѣлокурую голову смущеннаго Макса, Молохъ запечатлѣлъ два громкихъ поцѣлуя на его щекахъ... Г-жа Молохъ и я едва удерживались отъ смѣха. Я попробовалъ направить разговоръ на болѣе серьезный путь.

— Скажите, ваше высочество, что заставило васъ избрать празднованіе 2-го сентября для выполненія вашего покушенія?

Максъ опустилъ голову.

— Наканунѣ маіоръ...—отвѣтилъ онъ нерѣшительно и понизивъ голосъ,—прикоснулся ко мнѣ своей тростью.

Послѣ нѣкоторой паузы онъ прибавилъ:

— И потомъ... я не люблю ни Бисмарка, никого изъ пруссаковъ. Пруссаки злые волки, какъ графъ Марбахъ. Если бы не было Бисмарка, пруссаковъ, Седана, Ротбергъ не былъ бы отдѣленъ отъ Штейнаха, и я царствовалъ бы когда-нибудь въ настоящемъ государствѣ.. какъ мои предки.

— Но какимъ образомъ,—перебилъ Молохъ, занятый своею мыслью,—вы укрѣпили фитиль и установили снарядъ?

— Вмѣсто фитиля я употребилъ шнурокъ отъ шторы и пропиталъ его растворомъ хлорнокаліевой соли. Гансъ вложилъ все въ маленькій ящикъ подъ кузовомъ коляски, въ ту минуту, какъ кучеръ выѣзжалъ изъ сарая. Длина фитиля была правильно разсчитана,—закончилъ Максъ не безъ гордости:—взрывъ раздался какъ разъ въ ту минуту, когда маіоръ сѣлъ въ экипажъ.

— Да,—сказалъ Молохъ,—но у вашего снаряда былъ одинъ большой недостатокъ: цинковая обертка представляла сопротивленіе для поверхности цилиндра; съ обоихъ же концовъ онъ оставался открытымъ, и газы, такимъ образомъ, нашли себѣ выходъ. Вотъ почему какая-нибудь коробка изъ-подъ консервовъ гораздо лучше, чѣмъ трубка, обернутая цинкомъ... Вы понимаете, конечно? Наполнивъ коробку, ее опять запаиваютъ, и такъ какъ припой болѣе устойчивъ, чѣмъ оболочка...

— Эйтель!—тихо остановила его г-жа Молохъ.

Онъ взглянулъ на нее тѣмъ комически-сердитымъ взглядомъ, какимъ окидывалъ всякаго, кто прерывалъ его.

— Что тебѣ, что?—спросилъ онъ.

Взглядъ жены успокоилъ его.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ.—Конечно, все это теперь неинтересно... Но я долженъ признать, принцъ, вы обнаружили полное пониманіе химіи и личную остроумную изобрѣтательность... Это очень похвально. Изучайте химію, она—мать всѣхъ наукъ и ключъ къ новѣйшей философіи. Въ знакъ поощренія я подарю вамъ свою книгу о „Четырехъ проблемахъ природы", съ подходящимъ посвященіемъ.

— Какъ вы добры, г. докторъ!—вскричалъ Максъ, съ улыбкой и со слезами на глазахъ въ одно и то же время.— Увы! Мой отецъ отнесется ко мнѣ не такъ, какъ вы...

— Признайтесь сначала принцессѣ,—подсказала г-жа

Молохъ. — Ваша матушка очень отзывчива и добра. Только благодаря ей, я свободно вижусь съ мужемъ. Она ослабитъ и вамъ столкновеніе.

Глаза молодого принца зажглись огнемъ восторга.

— О, моя мать очень добра! И какъ прекрасна! Въ Германіи нѣтъ царствующихъ принцессъ красивѣе ея... Вотъ если бы она руководила моимъ воспитаніемъ, вмѣсто отца и маіора Марбаха, я былъ бы лучше и счастливѣе! Но, кажется, это невозможно: необходимо, чтобы принца воспитывали мужчины... Вы правы, фрау докторъ... Я пройду прежде къ матери... но, увы! она едва ли повліяетъ на отца, и я буду жестоко наказанъ.

— Пари держу! — вскричалъ Молохъ,—какъ разъ наоборотъ: васъ накажутъ очень легко, потому что нельзя оглашать, что покушеніе совершено вами, публика не должна даже подозрѣвать этого.

— Къ тому же, ваше высочество,—добавилъ я,—надо быть готовымъ отвѣчать за свои поступки.

— Я это знаю, г. Дюберъ,—отвѣтилъ Максъ, глядя мнѣ прямо въ лицо съ своей милой гордостью, такъ симпатичной для меня и ненавистной для жестокаго маіора.—Я тотчасъ же пойду къ мамѣ и ручаюсь вамъ, что признаюсь ей во всемъ.

— Позвольте мнѣ обнять васъ,—сказала г-жа Молохъ со слезами на глазахъ.

Она держала его довольно долго въ своихъ объятіяхъ и шептала:

— Дорогая, бѣлокурая головка! Дорогое дитя!

Онъ пожалъ руки доктору и мнѣ, молча повернулся къ двери и постучалъ въ нее своимъ хлыстикомъ. Тюремщикъ отперъ и почтительно посторонился. Съ порога Максъ послалъ намъ „прости“ съ принужденной улыбкой.

— Не дѣлайте больше такихъ опытовъ,—закричалъ ему вслѣдъ докторъ,—но изъ-за этого не пренебрегайте химіей! Вы будете имѣть успѣхъ.

За дверью послышались рѣшительные шаги Макса.

Г-жа Молохъ осушила свои чувствительные глаза.

— Какой чудный характеръ у этого маленькаго принца!— сказала она.

— Съ нѣкоторыми опасными склонностями,—замѣтилъ я.

— Бѣдное дитя,—проговорилъ Молохъ, качая головой.— Развѣ онъ виноватъ въ томъ, что наслѣдовалъ свой темпераментъ отъ двадцати жестокихъ маніаковъ, умѣрявшихъ свое варварство лишь подъ вліяніемъ варварства своихъ царственныхъ противниковъ?.. Однако, — прибавилъ онъ со

своимъ веселымъ смѣхомъ школьника, — какая чудная тема для „Vorwärts'a“: „Принцъ-бомбометатель“.

— Мы не увидимъ этой статьи, дорогой докторъ, — возразилъ я. — Вы правы: непремѣнно постараются скрыть, что наслѣдный принцъ намѣревался взорвать гофмейстера.

— Эйтель,—прервала г-жа Молохъ, — сегодня вечеромъ, въ ознаменованіе твоего освобожденія, я хочу, чтобы мы осушили одну изъ бутылокъ іоганнисберга 98 года; ты его такъ любишь.

Молохъ покачалъ головой.

— Не разсчитывай, жена, на мое освобожденіе ни сегодня, ни завтра. Надо дать время мозгамъ принца и сановниковъ придумать какую-нибудь басню... Пока удовольствуемся тѣмъ, что подобное приключеніе происходило съ нами въ двадцатомъ вѣкѣ. Лѣтъ семьдесятъ — восемьдесятъ тому назадъ, моя судьба была бы немедленно рѣшена, пожалуй, и твоя, Сесиль, да и ваша, г. Дюберъ, вмѣстѣ съ вашей молоденькой сестрой.. за шкуру же Ганса я и сейчасъ не далъ бы много. Затѣмъ всѣхъ, кто зналъ истину, выслали бы изъ государства... Ну, а теперь Богъ-Сила древней Германіи считается въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ Идеей, и почитатели Бога-Силы иногда вынуждены воздавать ему, хотя бы и постыдныя, почести.

Я хотѣлъ уже проститься со старой четой, какъ вдругъ г-жа Молохъ обратилась вполголоса къ своему мужу:

— Эйтель! Ты хотѣлъ о чемъ-то поговорить съ г. докторомъ Дюберомъ?

Ученый провелъ своими гибкими пальцами по сѣдымъ кудрямъ.

— Поистинѣ,— вскричалъ онъ,— я долженъ бы это сдѣлать, но не знаю, какъ г. Дюберъ приметъ мои слова. Какъ ты полагаешь, Сесиль?

— Думаю, что надо говорить съ нимъ откровенно,—отвѣтила старая дама,—вѣдь онъ нашъ искренній другъ.

Молохъ быстро схватилъ меня за руку и взглянулъ мнѣ прямо въ глаза.

— Послушайте, — проговорилъ онъ, — я къ вамъ очень расположенъ. Хотя вы и придворный чиновникъ, но вы не побоялись выказать дружбу старому Циммерману. Когда его заключили въ тюрьму, вы вступились за него передъ принцемъ; вы посѣтили его въ камерѣ. То малое, что я могу дать вамъ взамѣнъ всего этого, я вамъ охотно дамъ, но это не болѣе, какъ совѣтъ. Не истолкуйте его въ дурную сторону... Вотъ что: всѣ въ Ротбергѣ говорятъ, что вы любовникъ принцессы Эльзы. . Если это неправда, очень радъ!

Говорятъ, вы хотите увезти ее. Я вмѣстѣ съ Сесиль нахожу это прискорбнымъ. Вы создали бы себѣ униженное и трудное положеніе; вы сотворили бы большой грѣхъ передъ вашей маленькой сестрой. Вы дали бы аргументъ въ руки тѣхъ, кто по сю сторону Вогезовъ обвиняетъ французовъ въ легкомысліи и развратѣ. Наконецъ, вы отняли бы мать у этого бѣднаго маленькаго принца Макса... Я не говорю, что она идеальная мать, но она все же мать, не правда ли? Эта женщина не лишена чувства. Она обнаружила доброту по отношенію ко мнѣ, и сейчасъ ея вмѣшательство смягчитъ участь Макса. Во что превратится жизнь этого царственнаго отрока, если воспитателями его станутъ только принцъ Отто и какая-нибудь Фрика?.. Максъ представляется мнѣ хотя умнымъ, но неразвитымъ, слабымъ и свирѣпымъ въ одно и то же время. А между тѣмъ, онъ готовится управлять людьми. Не помогайте ему сдѣлаться дурнымъ правителемъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. Если вы находите, что я былъ нескроменъ, обзовите меня старымъ дуракомъ и забудьте мои слова.

Я молча крѣпко пожалъ руки старымъ супругамъ въ доказательство, что ихъ вмѣшательство не шокируетъ меня, и вышелъ. Я шелъ къ себѣ со смущеннымъ и тяжелымъ сердцемъ.

Приключеніе Молоха вылетѣло изъ моей головы. Я эгоистично предался размышленію о своемъ собственномъ завтра и задалъ вопросъ:

— Что я сдѣлаю?

Когда я вошелъ въ свою комнату, было уже около четырехъ часовъ пополудни, время, когда въ такую хорошую погоду, какъ сегодня, пріѣзжіе въ курортъ съ истинно нѣмецкой добросовѣстностью совершаютъ прогулку въ горы... Я зналъ, что Грита отправилась на Реннштигъ съ двумя дѣвочками семьи, жившей по сосѣдству съ нами. Я былъ доволенъ одиночествомъ, чтобы подумать и разобраться въ мысляхъ внѣ уличнаго шума, въ тишинѣ запертой комнаты. Я помѣстился на балконѣ, возвышавшемся надъ дворцомъ, надъ долиной Роты и Тиргартеномъ. Мысль моя, какъ бы избѣгая остановиться на серьезномъ, блуждала по совершенно ничтожнымъ мелочамъ. „Дни становятся короткими. Еще нѣтъ пяти часовъ, а свѣтъ смѣняется уже тѣнью, предвѣстникомъ вечера, скрадывая красоту пейзажа. Это что!.. Уже починили часть крыши на замкѣ, сорванную недавней грозой... Новая черепица образовала треугольникъ“... Потомъ и эти обрывки мыслей исчезли; глаза мои слѣдили за движеніемъ стада

дикихъ козъ, пугливо и граціозно спускавшихся изъ чащи Тиргартена къ рѣкѣ. Меня охватила мрачная тоска.

— Ну что-же, что-же!—громко сказалъ я себѣ,—ничего вѣдь еще не сдѣлано: моя судьба въ моихъ рукахъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать завтра одному въ Богемію, кто мѣшаетъ мнѣ вмѣстѣ съ Гритой отправиться въ Парижъ?

„Да... Отъ меня зависитъ выборъ, но при условіи яснаго сознанія, на чемъ я хочу остановиться... Когда въ памятный вечеръ принцесса разговаривала со мной и проявляла власть любящей женщины: устраивая будущее, располагала мною, какъ завоеваннымъ имуществомъ, и возлагала на меня тяжелую отвѣтственность за свое достояніе и происхожденіе,— я чувствовалъ, что моя душа возмущается. Тогда я могъ съ увѣренностью сказать: „я предпочитаю уклониться отъ всего“... Но такъ ли теперь, когда я разсуждаю лицомъ къ лицу съ самимъ собой? Стоитъ ли тоска свободнаго одиночества такой ревнивой защиты отъ нѣжнаго рабства?

Найдется ли у Эльзы скромность и желанный тактъ или нѣтъ, избавитъ ли она меня отъ униженій, сопряженныхъ съ ея званіемъ,—все это не устраняетъ факта ея любви ко мнѣ. Когда она говоритъ: „я даю вамъ единственное доказательство своей любви, жертвуя для нея многимъ“, она, быть можетъ, безтактна, но, несомнѣнно, искренна. Встрѣчу ли я когда нибудь другую женщину, способную такъ же любить меня и такъ же блестяще доказать свою любовь?

Ласточки, съ пронзительнымъ крикомъ, кружились подъ балкономъ. Этотъ крикъ, навѣвающій меланхолію, крикъ осени, всегда напоминаетъ о горестной разлукѣ, о сборахъ въ далекій путь. Такъ какъ я сидѣлъ неподвижно, то ласточки пролетали совсѣмъ близко отъ меня; одна на мгновеніе присѣла на парапетъ балкона, и я успѣлъ разсмотрѣть маленькую черную головку, съ черненькими глазками, острый черный клювъ, роскошный темно-сизый плащъ на крылышкахъ и кабалистическій вырѣзъ остроконечнаго хвоста. Но вотъ она снова нырнула въ воздухъ надъ долиной, сначала взмахивала крыльями, а потомъ распластала ихъ и понеслась надъ зеленой равниной, гдѣ бурлила Рота.

„Я тоже люблю Эльзу,—прошепталъ я, вновь подхватывая свои мысли.—Тысячи таинственныхъ, нѣжныхъ нитей связали меня съ ней въ этомъ уединеніи, получившемъ, благодаря ей, невыразимое очарованіе... Развѣ мой истинный долгъ не выше всѣхъ условностей общества и не состоитъ въ томъ, чтобы остаться ей вѣрнымъ?... Зачѣмъ играть словами? Вѣдь мораль не при чемъ въ моемъ настоящемъ ко-

лебанія. Наоборотъ, я вижу несомнѣнный эгоизмъ въ намѣреніи сохранить свое будущее для другой, болѣе молодой женщины... Какое тщетное намѣреніе! Развѣ болѣе молодая будетъ испытывать ко мнѣ, молодому, страстное желаніе Эльзы?.. Да и самъ я не останусь ли неудовлетвореннымъ на всю жизнь, если не получу отъ нея единственнаго дара, способнаго успокоить тревогу моего сердца?.."

— Но я съ ума сошелъ!—воскликнулъ я, раздраженный самимъ собою; поднялся и сталъ ходить большими шагами по балкону.—Чего же я хочу, наконецъ, чего хочу?..

По правдѣ сказать, я и самъ не зналъ чего. Мнѣ, однако, казалось, что если я послѣдую своему инстинктивному побужденію, я поѣду за Эльзой.

„Вотъ только Грита... Есть что-то отталкивающее въ положеніи бѣднаго человѣка, рѣшившагося бѣжать съ богатой женщиной. Молохъ это только что высказалъ мнѣ, и самъ я не разъ говорилъ себѣ то же... Однако, вѣдь Грита не одинока на свѣтѣ. Я только по исключительному обстоятельству отвѣчаю за нее въ данную минуту. Она, по закону, поручена нашей теткѣ, своей опекуншѣ. Она возвратится въ Вернонъ... Тетка дастъ ей приданое и выдастъ замужъ. У Гриты будетъ мужъ, она будетъ съ нимъ и не будетъ думать вовсе обо мнѣ. Разъ она въ недалекомъ будущемъ найдетъ опору въ другомъ человѣкѣ, почему же изъ за-нея я долженъ лишиться личнаго счастья?..

Съ другой стороны, унизительное положеніе учителя, похищеннаго принцессой"...

Я совершилъ рѣшительный шагъ искренняго признанія, чтобы не позировать передъ самимъ собой, что часто гораздо труднѣе, чѣмъ удержаться отъ рисовки передъ другими.

„Дѣйствительно ли меня смущаетъ мысль соединить свою жизнь съ жизнью болѣе богатой женщины?... По совѣсти, нѣтъ. Это не представляется мнѣ безнадежно нравственнымъ паденіемъ. Возмущаетъ и тревожитъ меня страхъ быть въ зависимости отъ женщины, болѣе состоятельной, нежели я, страхъ, чтобы она не воспользовалась этимъ для моего униженія и порабощенія. Въ особенности же,—скажу откровенно,—безпокоитъ отношеніе общества къ этому побѣгу. Условія нашей жизни вдвоемъ будутъ извѣстны только Эльзѣ и мнѣ,—я примѣнюсь къ нимъ; но я содрогаюсь при одномъ представленіи о томъ публичномъ, смѣшномъ и позорномъ положеніи, въ какомъ очутится французъ-учитель, увезенный нѣмецкой принцессой!

И тогда?..

А тогда... я не знаю, что дѣлать. Я чувствую ясно нѣжность, благодарность, даже физическое влеченіе къ Эльзѣ.

— — — —

Быть можетъ, по отношенію къ ней, я сознаю даже смутныя обязанности; ибо я же сказалъ ей: „я васъ люблю“, и никогда не возражалъ противъ ея плановъ бѣгства.. Съ другой стороны, чувствуя себя совершенно свободнымъ не заботиться о судьбѣ Гриты, я слишкомъ люблю свою сестренку чтобы рисковать причинить ей горе... Я даже не считаю позорнымъ для себя, бѣдняка, связать свою судьбу съ богатой женщиной; но я считаю унизительнымъ реальную зависимость отъ нея, въ какую буду поставленъ, и заранѣе оскорбленнымъ общественнымъ мнѣніемъ, какое сложится обо мнѣ“...

На этомъ пунктѣ моихъ размышленій я констатировалъ, что все больше и больше запутываюсь, теряю почву въ своей собственной психологіи. Мой темпераментъ, наконецъ, подсказалъ мнѣ: „будь, что будетъ!.. Предоставимъ событія ихъ естественному теченію! Черезъ три дня, какъ говоритъ Терезій, «я буду по сю или по ту сторону лезвія судьбы“. Это рѣшеніе слабости и нерѣшительности удовлетворило мою лѣнь. Я склонился надъ балкономъ и сталъ смотрѣть. Заходящее осеннее солнце окрасило розовымъ свѣтомъ тяжелый фасадъ дворца: послѣднія окна въ аппартаментахъ Эльзы, казалось, горѣли огнемъ пожара. Горы, покрытыя пожелтѣвшими уже буками и вѣчно зелеными соснами и лиственницами, вырѣзывались въ косыхъ лучахъ массой плотно приставленныхъ другъ къ другу пылавшихъ конусовъ, съ безчисленными темными промежутками... Рота, почернѣвшая уже отъ черной лощины, шумѣла, клубясь пѣной и мглой.

Сразу мое пребываніе въ этихъ горахъ воскресло въ моей памяти: мучительная тоска одиночества, тяжелыя ощущенія въ обществѣ маіора, принца и Грауса, радостное настроеніе отъ близости съ Эльзой, первыя прикосновенія нашихъ рукъ, первые поцѣлуи. Я вспомнилъ чтеніе Мишлэ, посѣщеніе театра Гомбо... А эти послѣднія недѣли, такія оживленныя, такія интенсивныя: Молохъ, его жена, присутствіе Гриты, возродившее привлекательность для меня окружающей природы, діалоги въ тюрьмѣ.—„Все это, хорошее и дурное, враждебное и любовное—часть моей молодости... Все это лучше, чѣмъ глупая жизнь молодого богатаго буржуа... Здѣсь я любилъ свою дорогую французскую родину, какъ никогда не понималъ и не любилъ ее подъ отечественными небесами... Старый уголокъ Германіи! Каково бы ни было мое завтра, я хорошо знаю, что не буду ненавидѣть тебя!“

Я былъ прерванъ въ своихъ размышленіяхъ шумомъ довольно грузныхъ шаговъ по лѣстницѣ виллы.

„Неужели это освобожденный Молохъ возвращается къ себѣ?“ подумалъ я.

И я поторопился выбѣжать въ сѣни, чтобы привѣтствовать его. Каково же было мое изумленіе, когда я очутился лицомъ къ лицу съ фрейленъ фонъ-Больбергъ! Эта скандинавская дѣва на службѣ у германской имперіи начала съ того, что тяжело вздохнула, несомнѣнно, для того, чтобы сдѣлать мнѣ упрекъ за крутую лѣстницу. Потомъ, рѣзко кивнувъ своей аристократической головой, произнесла:

— Ея высочество принцесса внизу, въ своей колясвѣ. Она приказала спросить, можетъ ли г. докторъ принять ее?

— Ея высочество здѣсь?!—воскликнулъ я.

Фрейленъ Больбергъ подняла свои грустные глаза къ потолку, какъ бы хотѣла сказать: не вините меня за порученіе... я обязана его выполнить... Мысль о неприличномъ визитѣ исходитъ не отъ меня!

— Я въ распоряженіи ея высочества,—отвѣтилъ я, вернувъ себѣ самообладаніе.

— Ея высочество проситъ не выходить къ ней навстрѣчу, а ждать ее здѣсь,—отвѣтила фрейлина.

Она спустилась внизъ. Согласно приказанію принцессы, я ждалъ ее у порога. Эльза не замедлила появиться въ сопровожденіи фрейленъ фонъ-Больбергъ.

— Я вамъ не помѣшаю?—спросила она съ непринужденной граціей, составляющей, несомнѣнно, наиболѣе постоянный признакъ властителей.—Мнѣ нужно передать вамъ нѣсколько словъ отъ имени принца,—прибавила она, поднося мнѣ руку для поцѣлуя.

Я провелъ ее на террасу своей комнаты, черезъ комнату Гриты.

— О! Дѣйствительно съ этой террасы чудный видъ!... Посмотрите, Больбергъ! Я не была на этой виллѣ съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь останавливалась инкогнито ея величество голландская королева... Больбергъ, вы можете подождать меня въ сосѣдней комнатѣ... Кажется, это комната вашей сестры, г. Доберъ?

— Да, принцесса,—пролепталъ я, очень сконфуженный. Фрейленъ фонъ-Больбергъ скрылась. Какъ только дверь за ней затворилась, Эльза подставила мнѣ свои губы сквозь сѣрую вуалетку. Сѣрое платье изъ Вѣны, сѣрая шляпа изъ Парижа, сѣрыя перчатки и вуаль были ей къ лицу. Однотонность окраски оживлялась ея румянцемъ и свѣжестью. Можно смѣло сказать: она была очаровательна.

— Да,—проговорила она, закрывъ мнѣ рукою ротъ, какъ только губы наши разъединились, — не отрицаю... я допустила неосторожность, рѣшилась на безуміе... ну, что-жъ?

вѣдь это въ послѣдній разъ!.. я хотѣла видѣть васъ и видѣть, гдѣ вы прожили цѣлый мѣсяцъ... нашъ самый очаровательный мѣсяцъ...

Она повисла на моей рукѣ и окинула взоромъ долину Роты. Долина уже подернулась туманомъ, лѣсистые склоны освѣщались еще солнцемъ на своихъ вершинахъ, дворецъ горѣлъ въ лучахъ заходящаго солнца.

— Какъ я страдала отъ пустоты въ сердцѣ! — проговорила она скорѣй для себя, чѣмъ мнѣ: — я стремилась совершить нѣчто, выходящее изъ ряда по мнѣнію общества; по своему же, единственно разумный поступокъ.

Она перевела свой взоръ на меня и, смѣясь, прибавила:

— Оффиціально я пріѣхала передать вамъ, что принцъ разсчитываетъ на вашу скромность въ дѣлѣ этого безумца Макса. По моей просьбѣ, ограничатся только арестомъ его на недѣлю. Преданный ему, маленькій Гансъ скажетъ, что онъ по ошибкѣ вложилъ въ коляску ракету, предназначенную для фейерверка, — словомъ, наплететъ что-нибудь. Ему дадутъ тысячу марокъ и посадятъ на двѣ недѣли въ тюрьму... Въ сущности, онъ былъ сообщникомъ Макса и заслуживаетъ большаго наказанія... Судья уничтожитъ приказъ о преданіи суду Циммермана и подпишетъ сегодня постановленіе о прекращеніи дѣла доктора. Завтра утромъ онъ будетъ свободенъ... И всему конецъ... Я боялась, что принцъ очень разгнѣвается, но вышло иначе: вся эта комичная исторія надоѣла ему, и онъ радъ съ ней развязаться. Онъ напечатаетъ въ *Ротберской газетѣ* сенсаціонную телеграмму и возстановитъ истину. . Но мнѣ все это безразлично... Я твоя, — прибавила она шепотомъ. — Я твоя, — повторила она, и разрѣшаю тебѣ сказать мнѣ: „я люблю тебя“.

Она настаивала на *ты*, какъ на самой выразительной ласкѣ. Откинувшись назадъ въ моихъ объятіяхъ, она смотрѣла на меня съ чарующей нѣжностью. Почему же въ такую минуту, когда она была въ правѣ предположить, что ея присутствіе опьяняетъ меня до потери сознанія, почему именно въ эту минуту я чувствовалъ себя болѣе прозорливымъ и болѣе владѣлъ собой, чѣмъ за минуту до того, когда былъ только въ обществѣ своихъ грезъ? Вѣроятно, потому, что этотъ неожиданный визитъ разошелся съ моимъ желаніемъ, и сосѣдство комнаты Гриты еще усиливало мое непріятное чувство. Я боялся, что каждую минуту можетъ отвориться дверь, и войдетъ Грита. Мое сердце, слишкомъ встревоженное, чтобы быть нѣжнымъ, было чутко до предчувствія. Въ первый разъ я убѣдился, что эта нарядная и красивая женщина, лежащая въ моихъ объятіяхъ, никогда не будетъ мнѣ истинной подругой жизни. И въ то же мгно-

веніе передо мною предстало, все время ускользавшее отъ меня, рѣшеніе задачи. Мнѣ таинственно внушено было поставить рѣшительный вопросъ, какъ послѣднее испытаніе.

— Да, дорогая Эльза,—сказалъ я,—я люблю тебя... Но идти по намѣченному тобою пути я не могу.

Она поблѣднѣла и высвободилась изъ моихъ объятій.

— Что ты хочешь сказать?.. Я не понимаю.

— Я чувствую всю грандіозность приносимой тобою жертвы... Благодарю тебя. Но я, бѣдный учитель, не могу быть любовникомъ принцессы, бѣжавшей отъ своего трона.

— О!—проговорила она съ дрожью,—какимъ языкомъ ты со мной говоришь...

— Зачѣмъ избѣгать словъ, если нужно говорить начистоту. Я могу быть только твоимъ мужемъ, моя дорогая повелительница, и твоимъ мужемъ бѣднякомъ. Хочешь отказаться отъ своего состоянія?.. Я не позволяю тебѣ оставить у себя ни одного банковаго билета, ни одной драгоцѣнности. Хочешь называться госпожей Дюберъ и жить во Франціи моей жизнью,—жизнью, обезпеченною моимъ личнымъ трудомъ?.. Тогда я твой. Послѣзавтра мы соединимся въ Карльсбадѣ; какъ только дозволитъ законъ, мы поженимся и вернемся на мою родину.

Она отодвинулась немного и смотрѣла на меня. Очевидно, она задавала себѣ вопросъ, въ здравомъ ли я умѣ.

— Это не серьезно,—наконецъ, произнесла она, и ея фигура и голосъ пріобрѣли прежнюю надменность.—То, что вы предлагаете мнѣ, не серьезно.

Между нами возстановилась разстояніе, и „ты" исчезло.

— Очень серьезно,—сказалъ я довольно холодно.—Даже у любимой женщины я не соглашусь состоять на жалованьи. Какъ простой французскій буржуа, я хочу жить во Франціи, съ законной женой и равной мнѣ.

— Ахъ!—сказала Эльза дрожащими губами,—какъ я ошиблась, довѣрившись вамъ!.. Вы избрали этотъ путь, чтобы освободиться отъ меня... Это не честно!.. Вы отлично понимаете, что, подобно простой работницѣ изъ Штейнаха, если бы вамъ вздумалось увезти ее, я не могу поступиться ни своимъ именемъ, ни положеніемъ. Было бы лучше, если бы вы прямо сказали мнѣ, что все измѣнилось, что вы не любите меня больше. Вы слишкомъ умны для того, чтобы допустить, будто я соглашусь жить на ваши заработанныя шесть тысячъ марокъ въ странѣ, изъѣденной анархіей, подъ управленіемъ выскочки-адвоката, для того только, чтобы называться „госпожей Дюберъ".

Когда она твердо и съ презрѣніемъ произнесла эти два слова: „госпожа Дюберъ", я почувствовалъ, что все кончено;

какая-то связь разорвалась между нами и ничто уже не возстановитъ ее... Я, должно быть, измѣнился въ лицѣ, она замѣтила, что оскорбила меня.

— Не истолковывайте моихъ словъ въ дурную сторону. Вы, конечно, понимаете, что никто въ мірѣ не свободенъ абсолютно отъ какихъ-либо связей. Подумайте о моей жертвѣ ради васъ и не требуйте отъ меня невозможнаго. Я могу отказаться отъ положенія государыни Ротберга, но не могу перестать быть нѣмецкой принцессой... Вотъ что я хотѣла сказать; и какъ видите, въ моихъ словахъ нѣтъ ничего, что могло бы оскорбить васъ.

Я промолчалъ, и лицо мое, вѣроятно, не выражало никакого волненія. Наоборотъ, я чувствовалъ себя успокоеннымъ внезапно созрѣвшимъ во мнѣ рѣшеніемъ. Однако, привычка встрѣчать всегда уступчивость пріучаетъ принцевъ истолковывать молчаніе своихъ собесѣдниковъ въ смыслѣ согласія и готовности повиноваться.

— Неправда ли, я права,—спросила Эльза,—вы чувствуете, что я права?

Я твердо и искренно отвѣтилъ:

— Да, а чувствую, вы правы.

А про себя подумалъ:

„Она можетъ перестать быть матерью, порядочной женщиной, но не можетъ перестать быть нѣмкой и принцессой... Это вѣрно".

Изъ сосѣдней комнаты долетѣли голоса. Принцесса вопросительно взглянула на меня.

— Это вернулась съ прогулки моя сестра Грита,—пояснилъ я.—Она разговариваетъ съ фрейленъ фонъ-Больбергъ.

— Ну, такъ намъ надо разстаться... Думайте обо мнѣ. Думайте, что завтра я буду въ Карлсбадѣ, а послѣзавтра въ Никлау... и буду ждать васъ. Выбросьте глупость изъ головы... Ну, поцѣлуйте меня.

Приподнявъ вуалетку, она опять подставила мнѣ свои губы, повернувшись спиной къ вечернему пейзажу, феерически разукрашенному поэзіей заката солнца.

Я колебался съ минуту. Развѣ можно на нее сердиться? Она не безчувственна, не развращена, у меня нѣтъ къ ней непріязни. „Нѣмка и принцесса,—и только". Я склонился надъ ней, держа ея голову въ своихъ рукахъ. Въ ея голубыхъ глазахъ, сохранившихъ, несмотря на наложенные временемъ синіе круги на вѣкахъ, отражался пейзажъ романтической Роты и небо, гдѣ зажглись уже огни Юпитера... И въ поцѣлуй, запечатлѣвшій ея горячія лихорадочныя губы, я вложилъ всю свою благодарность за прошлое и всю нѣжную грусть о несбыточности счастья въ будущемъ...

— Больбергъ!—позвала она послѣ того, какъ молча привела въ порядокъ свою прическу.

Старая дѣва появилась на порогѣ: за нею я увидѣлъ неподвижную Гриту.

— Можно пройти и здѣсь?—спросила Эльза, указывая на дверь моей комнаты, выходившую на площадку.

На мой утвердительный отвѣтъ, она отворила дверь и, сдѣлавъ прощальный жестъ съ угрозой поднятымъ указательнымъ пальцемъ, вышла, въ сопровожденіи своей фрейлины.

Грита стояла въ своей комнатѣ, облокотившись рукой на спинку кровати. Я подошелъ къ ней. Было уже темно. Вблизи я замѣтилъ, что она дрожитъ и плачетъ. Она сдѣлала движеніе, какъ бы желая избѣгнуть моего прикосновенія. Ея чистые и грустные глаза не покидали моего взора. И я вдругъ понялъ, что ей ничего не надо объяснять, и тѣмъ лучше, потому что я не нашелъ бы подходящихъ выраженій. Но я понялъ также, что никогда, никогда не рѣшусь стать причиной слезъ этихъ очей и трепета этого невиннаго тѣла.

— Дорогая Грита,—сказалъ я ей,—не бойся. *Все кончено...*

Она отвѣтила головой „нѣтъ“ съ нервнымъ упорствомъ.

— Да, моя дорогая, вѣрь мнѣ,—повторилъ я.—Все кончено. Я не покину тебя. Завтра я возвращаюсь въ Парижъ вмѣстѣ съ тобой.

Ея глаза вспыхнули. Живымъ, граціознымъ жестомъ, она смахнула слезы со своихъ щекъ и подобрала разсыпавшіеся по лбу волосы.

— Правда?

— Правда.

Она подошла ко мнѣ, прильнула къ моей груди и положила голову на мое плечо.

— Благодарю, мой дорогой Волкъ, благодарю! Тебѣ будетъ тяжело,—шептала она, гладя мнѣ лицо обѣими своими руками...—но я буду любить тебя, Волкъ, увидишь, какъ буду любить... И потомъ, знаешь, и для тебя такъ лучше.

(Окончаніе слѣдуетъ).

турный опытъ, предпринимаемый по почину миссъ Гертруды Гольт. Онѣ обмѣнялись двумя-тремя письмами, потомъ Гертруда перестала отвѣчать. Пруденсъ въ то время была въ самомъ водоворотѣ жизненной борьбы, и гордость заставляла ее тоже молчать. Она не могла вынести мысли, что ей придется признать себя неудачницей. Какъ только ея обстоятельства измѣнились къ лучшему, она возобновила переписку, но Гертруда, увлеченная какимъ-то предпріятіемъ, сильно отстала отъ нея по количеству писемъ. Это послѣднее письмо, очевидно, должно было немного уравнять счетъ.

Гертруда измѣнилась. Прежней застѣнчивости какъ не бывало, она производила теперь впечатлѣніе человѣка, не боящагося людей. Она даже научилась поддерживать разговоръ. Она стала еще красивѣе, нѣжность и ласковость по прежнему свѣтились въ ея глазахъ

Пруденсъ пришла на цѣлую четверть часа раньше, чѣмъ было назначено. Она прошла черезъ красивый, старый садъ, освѣщенный мягкимъ свѣтомъ луны. Когда-то здѣсь гулялъ Бэконъ и, вѣроятно, даже онъ боролся съ искушеніемъ написать что-нибудь въ родѣ „Сна въ лѣтнюю ночь".

На ея стукъ отворила та самая прислуга-иностранка, о которой писала Гертруда. Она любезно улыбнулась и помогла гостьѣ снять накидку, желая, очевидно, показать, что она горничная изъ хорошаго дома.

Гертруда встрѣтила Пруденсъ съ распростертыми объятіями.

— Во-первыхъ, простите меня за молчаніе, а потомъ...

— Я уже простила. Не будемъ объ этомъ говорить... Какая у васъ прелестная квартирка. Какъ уютно!

— Знаете, вѣдь я получила оба ваши письма. Я была такъ занята...

— Дорогая, вы всегда правы. . Раскажите лучше, что вы дѣлали это время.

— Что я дѣлала? Это я вамъ разскажу потомъ, а теперь пойдемте обѣдать.

Онѣ прошли черезъ спальни госпожи и служанки, черезъ кабинетъ, кухню и очутились въ столовой, гдѣ былъ сервированъ изысканный обѣдъ. Прислуживала та же горничная, но уже въ новомъ туалетѣ, главными аттрибутами котораго были изящный передникъ и чепчикъ. Снэга оставили на кухнѣ, но скоро и онъ пробрался въ столовую, въ надеждѣ получить и тамъ радушный пріемъ. Послѣ чернаго кофе, такого же вкуснаго, какъ и весь обѣдъ, обѣ дѣвушки пришли въ настроеніе, вполнѣ подходящее для общихъ воспоминаній. Все, какъ нельзя болѣе, располагало къ друже-

скимъ изліяніямъ, и Пруденсъ надѣялась, что ей удастся, наконецъ, узнать, кто былъ ея благодѣтелемъ, доставившимъ ей мѣсто у мистрисъ Дартъ.

— Сознайтесь, Гертруда, навѣрное это были вы?

— Я бы, конечно, сдѣлала это. Но дѣло въ томъ, что я совершенно не знаю этой особы и ни разу въ жизни не говорила съ ней.

— Но она знаетъ васъ?

— Мы знаемъ другъ друга по наслышкѣ. Да и что общаго можетъ быть у насъ съ ней.

— Такъ значитъ это сдѣлалъ...—она запнулась и не назвала имени.—Какой хитрецъ, однако!

Она была готова провалиться сквозь землю отъ стыда. Не оставалось никакихъ сомнѣній: Леонардъ узналъ ее тогда на кладбищѣ. Теперь она боялась, не знаетъ ли чего-нибудь объ этомъ и Гертруда.

— Удовлетворите мое любопытство, Пруденсъ. Кто же вашъ благодѣтель?

— Джорджъ Леонардъ, издатель „Желѣзнаго Клейма". Знаете вы эту газетку? Тамъ, между прочимъ, говорится и о васъ, и о вашей работѣ.

— Я уже слышала объ этой газеткѣ, а теперь хочу услышать и объ издателѣ, хотя и не встрѣчалась съ нимъ никогда. Онъ интересуется моей скромной работой и засыпаетъ меня вопросами по почтѣ. Старый, хорошій другъ.

— Что вы, онъ совсѣмъ не старъ.

— Но что „хорошій", вы, конечно, согласны?

Пруденсъ покраснѣла.

— Такъ, значитъ, мой Леонардъ въ то же время и вашъ,— продолжала спокойно Гертруда.—Это новость. А есть и другая: скоро пріѣдетъ Мери Ленъ, и мы опять будемъ вмѣстѣ.

— Разскажите о себѣ, Гертруда.

— Сначала вы.

— Ахъ, нѣтъ! Не стоитъ обо мнѣ. Но я встрѣтилась съ замѣчательной дѣвушкой, ее зовутъ Лаура Бельтонъ. Знакомо вамъ это имя?

— Я послѣднее время слышала столько именъ!

— Леонардъ думаетъ, что она самый умный человѣкъ, какого онъ когда-либо встрѣчалъ. Онъ этого, положимъ, не говоритъ, но я увѣрена, что думаетъ.

— Надѣюсь, что она платитъ ему тѣмъ же?

— Иначе и не можетъ быть.

Гертруда съ любопытствомъ посмотрѣла на нее, и глаза Пруденсъ опустились подъ этимъ взглядомъ.

— Теперь разскажите о себѣ, Гертруда,—сказала она.

— Я производила одинъ серьезный экспериментъ, и онъ удался какъ нельзя лучше,—начала Гертруда.—Я взялась за это дѣло еще до нашей первой встрѣчи въ Сити, но не хотѣла никому говорить, пока не попробую. Я тутъ собственно не при чемъ, меня привела къ этому сила обстоятельствъ. Дѣло вотъ въ чемъ: по странной фантазіи, мой отецъ поставилъ меня во главѣ правленія одной изъ своихъ огромныхъ фабрикъ. Всѣ распоряженія дѣлались мною послѣ совѣщаній съ помощниками. Я оказалась королевой и сама должна была утвердить свои прерогативы. Эта фабрика помѣщается на самой глухой окраинѣ Лондона, населенной сплошь рабочими, трудъ которыхъ приносилъ мнѣ столько денегъ, что я не успѣвала тратить ихъ. Что мнѣ оставалось дѣлать?

— Вотъ ужъ, кажется, не вамъ бы жаловаться на судьбу!

— Правда это похоже на шутку, а между тѣмъ я говорю серьезно. Что мнѣ было дѣлать съ этими деньгами? Игра, скачки, роскошная жизнь—все это не въ моемъ вкусѣ, въ благотворительность я не вѣрю. А капиталъ все росъ и росъ, хотя мы и старались помѣстить его такъ, чтобы онъ хоть немного убавился... И вотъ, въ одинъ прекрасный день я пошла посмотрѣть, какъ работаютъ мои рабочіе, пошла просто такъ, отъ нечего дѣлать. Я увидѣла ихъ близко въ первый разъ въ моей жизни. Но послѣ этого мое положеніе стало еще безнадежнѣе. Это были жалкія созданія; можетъ быть, они показались мнѣ еще несчастнѣе потому, что дѣло было на Рождество, когда все, по нашимъ понятіямъ, должно принимать праздничный видъ. Ихъ изможденныя лица были какого-то землистаго цвѣта, ихъ лохмотья лишь отдаленно напоминали одежду. Они питались однимъ хлѣбомъ изъ плохой муки. Вѣрьте, Пруденсъ, это было ужасно!

— Я знаю.

— Все это поразило меня въ самое сердце, и я обратилась за объясненіями къ управляющему. Я осмотрѣла ихъ жилища, и мнѣ стало еще тяжелѣе. Я разузнала, какъ велика ихъ заработная плата. Оказалось, что они едва могутъ жить, перебиваясь, что называется, съ хлѣба на квасъ. Я вздохнула свободнѣе. „Если такъ, то дѣло поправимо“, рѣшила я, и приказала управляющему увеличить плату. Онъ улыбнулся и сказалъ, что рабочіе получаютъ, какъ вездѣ, а если они не довольны, то на ихъ мѣста найдется сколько угодно замѣстителей, жаждущихъ работы. Съ этой мыслью я ушла домой, съ этой мыслью легла въ постель и, увѣряю васъ, она далеко не имѣла дѣйствія снотворнаго лѣкарства. Послѣ двухъ безсонныхъ ночей я отправилась къ одному нашему родственнику, стряпчему. Онъ старый

другъ нашего семейства и любитъ меня. Я повѣдала ему свое горе и вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ:

„Это съѣстъ оборотный капиталъ".

— „Не можетъ это съѣсть всего, еще много останется".

— „Останутся горе, слезы, позднія сожалѣнія—и только".

— „Они и теперь есть".

— „Знаешь ли ты, что это значитъ? Теперь ты кормишь тысячи людей, а тогда будешь кормить всего нѣсколько сотенъ".

— „Такъ что же?"

— „Милая дѣвочка! Этотъ вопросъ такъ наивенъ, что не стоитъ и отвѣчать. Тебѣ надо еще пожить, поиспытать всего. Суть дѣла не въ этомъ".

— „А въ чемъ же?"

— „Въ томъ, что въ интересахъ капитала, вложеннаго въ дѣло, нужно держаться установленной нормы заработной платы".

— „Я такъ и дѣлаю. Я беру всѣ деньги, но могу же я истратить ихъ такъ, какъ мнѣ хочется?»

— „Какъ угодно, только не такъ".

— „По моему, это дѣло вкуса".

— „Ты все еще не понимаешь. Это въ порядкѣ вещей и этого нельзя измѣнить. Всѣ такъ дѣлаютъ, такъ должна дѣлать и ты".

— „Значитъ, все другое позволяется: Монте-Карло, роскошные обѣды, брилліантовыя колье, нельзя только одного: нельзя дать ни копѣйки тѣмъ, кто создаетъ наши богатства".

— „Пожалуй, твой отецъ не совсѣмъ удачно... Женщины вѣдь мало смыслятъ въ дѣлахъ".

— „Мнѣ кажется, если я беру себѣ столько, сколько мнѣ нужно, то могу дать и другимъ столько, сколько имъ нужно. Тогда мы всѣ будемъ счастливы".

— „Я рѣшительно отказываюсь быть въ числѣ этихъ всѣхъ". И онъ вышелъ.

— Какъ это терзало меня!—продолжала Гертруда.—Для меня вопросъ былъ ясенъ, какъ день, но я боялась начать. Развѣ всѣ мы не проникнуты тѣмъ предразсудкомъ, что надо „дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ всѣ"? И вотъ, однажды, я прочла въ газетѣ про одного американца, который сдѣлалъ именно то, что хотѣла сдѣлать я—брать меньше, чѣмъ берутъ другіе. И это былъ дѣловой человѣкъ, а не „наивное, сентиментальное дитя!" Это придало мнѣ мужества. Я бросила гостиныя и залы, бросила Лондонъ. И вотъ теперь пытаюсь осуществить свою мечту въ жизни и, если она не существима, то, по крайней мѣрѣ, узнать, почему... Вотъ вамъ первая часть моей исторіи, Пруденсъ, „Желѣзное Клеймо" раз-

скажетъ остальное. Теперь вы знаете, почему я исчезла отъ васъ такъ надолго. Я нашла цѣль, познала радость. Вмѣсто того, чтобы вскармливать фазановъ, я стала воспитывать людей. Конечно, это не легко, но самое трудное уже осталось позади. Я занимаюсь этимъ уже достаточно времени, чтобы получить увѣренность въ томъ, что моя дорога - вѣрная дорога. Я строю новую фабрику, въ провинціи, гдѣ, конечно, заведу такіе порядки, какіе хочу. Но я не брошу и городскую. Въ городѣ побѣда значитъ больше... Перемѣна уже замѣтна, они стали другими людьми. Я удѣляю имъ немного, но все, что удѣляю, предоставлено тратить имъ самимъ. И мнѣ такъ радостно видѣть какъ ихъ достатокъ мало-по-малу растетъ. Они живутъ лучше, лучше одѣваются, лучше ѣдятъ. Мой девизъ „возвращать отнятое“, это отнюдь не благотворительность... За немногими исключеніями мой планъ удается, какъ нельзя лучше. Впрочемъ, эти исключенія объясняются слабостью, лѣнью или пристрастіемъ къ джину. Такіе уходятъ отъ насъ... Несмотря на слѣпоту, въ которой мы пребываемъ, я вижу одно: надо давать рабочимъ больше наличными деньгами, это ихъ право, а намъ, капиталистамъ, оставлять меньше... Главное, хорошо это тѣмъ, что это можетъ дѣлать всякій, не ожидая почина государства. Государство еще не готово. Но настанетъ день, когда оно до этого дойдетъ, и тогда мы увидимъ новыя небеса, новую землю. Старое исчезнетъ безъ слѣда... Великая старая формула возродится вновь. Богатый имѣетъ слишкомъ много, бѣдный—слишкомъ мало. Въ этомъ опасность для всѣхъ. Больше братства! Мы, люди, слишкомъ далеко отошли другъ отъ друга, когда-нибудь небо обольетъ насъ за это огненнымъ дождемъ... Мы должны или достигнуть лучшаго распредѣленія богатствъ, или погибнуть въ пучинѣ своихъ излишествъ.

XXXI.

Раздавшійся стукъ въ наружную дверь заставилъ ихъ обѣихъ вздрогнуть.

— Незваный гость хуже татарина, — засмѣялась Гертруда.

Это была только Сара. Контрастъ между ней и изящной горничной-иностранкой, которая ввела ее, рѣзко бросался въ глаза, и, судя по презрительному взгляду Сары по адресу горничной, она сознавала, въ чью пользу была разница.

— Добрый вечеръ, миссъ Пруденсъ. Къ сожалѣнію, я не могла придти раньше.

— Какъ поживаете, Сара. Вотъ миссъ Голль хочетъ, чтобы вы служили у нея, такъ же, какъ раньше у меня.

— Благодарю васъ, миссъ, но я не могу. Очень обязана, но не могу.

— Ничего, Сара, я предупреждала, что, можетъ быть. вы не согласитесь. Вѣдь вы такъ заняты.

— Теперь нѣтъ, это было раньше.

— ?

— Видите-ли, я вышла замужъ.

— ! ! !

Съ Пруденсъ чуть не сдѣлался нервный припадокъ. Она не могла выговорить ни слова.

— Вы замужемъ... Сара?—проговорила она, наконецъ.

— Да, миссъ.

— Вы?

— Почему же нѣтъ?

— Ну да, конечно, я не то хотѣла сказать.

Она замолчала, но мысли вихремъ проносились у нея въ головѣ. Діана въ брачныхъ оковахъ, мужская фигура въ домѣ Сары,—это казалось ей измѣной всему полу.

— Онъ солидный человѣкъ, ему уже 42 года... По профессіи онъ комиссіонеръ.

Все это было прекрасно, но всетаки, казалось бы, у Сары не было причинъ преодолѣвать свое отвращеніе къ сильному полу.

— Онъ теперь работаетъ мало, но скоро ему дадутъ порученіе распространять курительныя трубки новой системы.

— Я увѣрена, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ подходитъ къ вамъ.

— Членъ общества трезвости,—продолжала Сара.

— Я такъ и думала.

— Его имя Баркеръ.

— И имя хорошее.

— Приходите къ намъ на чашку чаю, въ слѣдующую субботу, миссъ.

— Непремѣнно.

— Теперь мнѣ пора идти, онъ никогда не садится обѣдать безъ меня.

— Ну, конечно, иначе и быть не можетъ,—сказала Пруденсъ.

— До свиданія,—проговорила Сара и ушла.

— Сара замужемъ! — повторила Пруденсъ, все еще не придя въ себя.—Я должна идти домой подумать объ этомъ, простите дорогая, сегодня я не способна ни на что болѣе.

Однако Сара вовсе не въ такой степени занимала ее.

Разговоръ съ Гертрудой грозилъ дать послѣдній толчекъ въ сторону перемѣны ея мыслей и чувствъ, перемѣны, которая началась, благодаря вліянію Леонарда. Стремленіе къ общественной справедливости было новостью въ этомъ мірѣ, и теперь оно вошло въ ея жизнь. Можетъ быть, Люціанъ зналъ, что дѣлаетъ, когда смѣялся надъ идеалами. Вѣдь разные бываютъ идеалы, и многіе изъ нихъ нисколько не лучше тѣхъ, отъ которыхъ она сама отказалась именно потому, что они не выдержали яркаго свѣта дня.

Въ „Желѣзномъ Клеймѣ" извѣстіе о свадьбѣ Сары было помѣщено въ хроникѣ и давало нѣкоторыя свѣдѣнія объ ея карьерѣ. Очеркъ былъ написанъ тепло и озаглавленъ: „Свободные колокола".

„Истинный другъ нашего предпріятія, извѣстный подъ именемъ Сары Рескилъ, получилъ отъ мистера Вильяма Баркера предложеніе принять его имя. По отношенію къ ней—первому репортеру газеты, и къ нему, - одному изъ первыхъ ея подписчиковъ, на газетѣ лежитъ долгъ признательности, который она врядъ ли сможетъ когда-нибудь заплатить. То, что Сара Рескиль сдѣлала для нашей газеты, въ ея первые, трудные дни, врядъ ли можно передать словами. Она собирала для насъ матеріалъ по домамъ своихъ кліентовъ, собственноручно разносила газету,—словомъ, рекламировала ее всѣми средствами.

„Мы уже давали читателямъ описаніе ея храма—маленькой квартирки, не той, гдѣ она постоянно живетъ, а другой,—которую она устроила и обставила за долгіе годы труда. Мы надѣялись пополнить это описаніе путемъ личнаго интервью. Но, къ несчастью, надо признаться, что наши корреспонденты (молодой художникъ, который разсчитываетъ сдѣлаться со временемъ президентомъ Королевской Академіи, и другой молодой человѣкъ, настоящее призваніе котораго лучше всего выражается словомъ „литераторъ") были съ позоромъ обращены въ бѣгство хозяйкой квартиры не безъ воздѣйствія кое-какихъ метательныхъ снарядовъ".

Пруденсъ, какъ постоянный читатель, прочла газету отъ доски до доски, смѣясь или хмурясь, смотря по обстоятельствамъ, но ни разу не отбросила листокъ въ сторону, какъ это бывало раньше. Одинъ параграфъ, гласилъ слѣдующее.

„*Хвастовство.*—Еще разъ обращаемъ вниманіе читателей на нашъ улучшившійся видъ. Не трудно замѣтить, что наше дѣло расширилось, мы завели даже типографскій станокъ. Мы думаемъ, что будемъ совершенствоваться и дальше. Старыя рукописныя копіи будутъ цѣниться на вѣсъ золота и

скоро займутъ подобающее имъ мѣсто въ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ. Первый выпускъ мы хотимъ отпечатать въ факсимиле и разослать его въ видѣ приложенія къ рождественскому номеру, но, какъ будетъ видно дальше, у насъ есть еще лучшіе планы на праздничный сезонъ".

Отдѣлы въ газетѣ остались прежніе, только стали гораздо полнѣе, особенно мрачный отдѣлъ: „Не фешенебельныя сообщенія". Отдѣлъ „Финансы" былъ полонъ описаніями всевозможныхъ плутней, уловокъ и вымогательствъ. „Хроника" занимала уже цѣлый столбецъ. Здѣсь давался безпристрастный отчетъ обо всемъ, что происходило отъ Лондона до Бурневиля и Портъ-Сунлейта, включительно.

Скорбный листокъ, на послѣдней страницѣ, начинался такъ:

„Десятаго числа въ Голловеѣ скончался отъ удушенія мистеръ Блокъ, хорошо извѣстный въ тѣхъ мѣстахъ. Онъ умеръ также, какъ и жилъ, шутя. Вѣнковъ не было".

Затѣмъ слѣдовало: „*Нашъ рождественскій номеръ*".

„Друзья мистера Блока и вообще всѣ, кто близко его зналъ, хорошо сдѣлаютъ, въ интересахъ публики, если когда-нибудь дадутъ намъ свѣдѣнія о немъ для нашего рождественскаго номера. Приложеніе будетъ посвящено спеціально описанію жизни мистера Блока, что будетъ имѣть значеніе не только для его многочисленныхъ друзей въ нашемъ уголкѣ, но, какъ мы надѣемся, и для широкаго круга публики, вплоть до самыхъ отдаленныхъ частей земного шара. Приложеніе это будетъ безплатно раздаваться при номерѣ въ розничной продажѣ и дастъ, какъ мы разсчитываемъ, полезное чтеніе всѣмъ, кто любитъ доброе старое время и представителямъ его, дожившимъ до нашихъ дней".

XXXII.

Вышеприведенная замѣтка о Сарѣ, очевидно, была темой разговора между мистеромъ и мистрисъ Баркеръ въ тотъ моментъ, когда Пруденсъ вошла къ нимъ: „Желѣзное Клеймо", развернутое, лежало на столѣ. Съ приходомъ гостьи разговоръ оборвался. Пруденсъ очутилась въ лучшей комнатѣ храма Сары. Очевидно, супругъ не раздѣлялъ ея старыхъ привычекъ. Онъ уже успѣлъ наложить свою руку на всѣ сокровища ея домашняго комфорта, и они успѣли потерять ту стройность идеальнаго порядка, въ какой пребывали раньше.

Все было, какъ будто, по прежнему, не было только прежняго чувства покоя. Яркій рисунокъ ковра по прежнему

лѣзъ въ глаза посѣтителю, вязаныя салфеточки на спинкахъ креселъ блестѣли, какъ снѣгъ. „Елизавета, или ссылка въ Сибирь" въ той же рамѣ, красной съ золотомъ, какъ и раньше, украшала стѣну надъ столомъ, въ пьянино отражался, какъ въ зеркалѣ, свѣтъ лампы. Ничто не измѣнилось, если не считать нѣсколькихъ добавленій, даже король Джонъ по прежнему подписывалъ Великую Хартію на стѣнѣ, противъ входа.

Пруденсъ окинула все это однимъ взглядомъ. Мужъ Сары въ этой комнатѣ казался однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ добавленій къ обстановкѣ (только и всего). Галантностью своего обращенія онъ напоминалъ лакированную мебель прямо изъ магазина, что, видимо, было главнымъ его преимуществомъ въ глазахъ Сары. Она вышла замужъ, чтобы удовлетворить свою слабость къ декоративнымъ эффектамъ. Ею руководило не чувство, а разумъ. Онъ заслужилъ ея уваженіе своей солидностью и былъ, очевидно, единственнымъ человѣкомъ, заставившимъ ее преодолѣть свою ненависть къ членамъ гребного клуба. Маленькая лысина тоже служила намекомъ на его солидность. Его присутствіе придавало дому еще болѣе вѣсу и заставляло Сару слѣдить за собой.

Вступительныя слова хозяйки были какъ будто вылиты изъ чугуна. „Миссъ Пруденсъ – мистеръ Баркеръ; мистеръ Баркеръ – миссъ Пруденсъ". „Та самая молодая леди, о которой я тебѣ говорила"—вотъ все, что нашла нужнымъ сказать Сара.

— Позвольте предложить вамъ закусить, миссъ,—сказалъ мистеръ Баркеръ, показывая на столъ, гдѣ въ стройномъ порядкѣ стояли: графинъ съ хересомъ, три стакана и горка печенья.

Пруденсъ поблагодарила и отказалась.

— Что это, весь столъ у насъ заваленъ газетами,—сказала Сара, убирая „Желѣзное Клеймо". Ея слова могли быть и протестомъ, но Пруденсъ поняла ихъ, какъ указаніе темы для разговора.

— Вы теперь знаменитость, Сара. Всѣ мы очень рады этому,—сказала она.

— Мистрисъ Баркеръ нисколько не нуждается въ этомъ,—сказалъ супругъ съ нѣкоторой напыщенностью, направленной отчасти и по адресу гостьи.—Люди, имена которыхъ печатаются въ газетахъ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, съ кѣмъ мы хотѣли бы вести знакомство.—Въ его словахъ была, пожалуй, вѣрная мысль, ибо изъ всей газеты онъ читалъ только хронику преступленій.

— Вѣдь эти люди бываютъ всѣхъ сортовъ, и хорошіе, и дурные,—замѣтила Пруденсъ.

— Можетъ быть, но вы не услышите много о нихъ, даже о хорошихъ, до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаютъ чего-нибудь дурного.

— Нельзя сказать, чтобы вы говорили комплименты нашимъ общественнымъ дѣятелямъ.

Онъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на дѣвушку: „говоритъ складно, а кто ее разберетъ, что она хочетъ сказать"—подумалъ онъ.

— Я полагаю, что если я не позволяю себѣ вольно обходиться съ другими людьми, то и они не должны дѣлать того же со мной.—сказалъ онъ вслухъ.—Какое право онъ имѣетъ помѣщать въ газетахъ имена безъ разрѣшенія?

— Намъ нечего стыдиться нашихъ именъ, такъ не все ли равно?—возразила Сара.—Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ это не съ дурнымъ намѣреніемъ.

— Можетъ быть, но всетаки никому не интересно знать то, что дѣлается у насъ дома.

— Ахъ, что касается этого...—начала было Сара и замолчала, окончательно сбитая съ толку боязнью обидѣть которую-нибудь изъ спорящихъ сторонъ.

— А газета всетаки забавная,—продолжалъ мистеръ Баркеръ.—Не похожа на другія.

— Это скорѣе похвала, съ вашей точки зрѣнія?—рискнула вставить Пруденсъ.

Баркеръ опять посмотрѣлъ на нее съ тѣмъ же выраженіемъ недоумѣнія, какъ и раньше, и ничего не сказалъ.

Разговоръ оборвался, что сильно обезпокоило хозяйку и заставило ее сдѣлать попытку поддержать его.

— Я думаю, вы теперь рѣдко видите миссъ Флиппъ?—спросила она.

— Это имя мнѣ совершенно не знакомо.

— По сценѣ она миссъ Сентъ Гольміеръ,—пояснила Сара.

Она хотѣла было остановиться на этомъ, не желая злословить, но почувствовала, что надо чѣмъ-нибудь закончить и прибавила:

— На вашемъ мѣстѣ я бы и не видѣлась съ ней никогда. Люди, отплясывающіе передъ публикой, не товарищи намъ съ вами. Вотъ еще ея братецъ. Тоже не стоющій человѣкъ.

Пруденсъ засмѣялась.—Что вы, Сара, я и не собираюсь танцовать съ ними въ парѣ, если вы это хотите сказать.

Сара замолчала.

— Я такъ и думала,—сказала она, наконецъ, чтобы покончить съ этой темой. Ей не хотѣлось спорить. Она оглядѣла комнату и окончательно успокоилась видомъ всѣхъ

своихъ сокровищъ и воспоминаніемъ объ оставшихся позади долгихъ годахъ труда.

— Не скажу, чтобы названіе было особенно удачно,—сказалъ мистеръ Баркеръ, возвращаясь къ „Желѣзному Клейму“.—Напоминаетъ торговлю скотомъ. Вообще, сразу видно, что издатель—пустой человѣкъ.

— Неправда,—горячо возразила Сара.—Я читаю его газету уже нѣсколько мѣсяцевъ, и мнѣ она нравится. Такого человѣка не каждый день встрѣтишь. Вполнѣ джентльмэнъ, хоть и ходитъ въ поношеномъ платьѣ. Онъ сниметъ съ себя послѣднюю рубашку и отдастъ нищему. Вотъ онъ какой человѣкъ!

— Не въ моихъ правилахъ поощрять нищенство,—произнесъ Баркеръ.

— Но у него есть и хорошее платье,—онъ надѣваетъ его, когда нужно,—сказала Сара.

Пруденсъ насторожилась. Слова Сары бросали свѣтъ на какую-то тайну въ жизни Леонарда, на которую уже не разъ намекала Сара. Но, несмотря на это, она постаралась перемѣнить разговоръ именно потому, что не хотѣла ничего узнавать такимъ непрямымъ путемъ.

Однако, мистрисъ Баркеръ продолжала, увлекшись желаніемъ отстоять Леонарда.

— Онъ разъѣзжаетъ повсюду; когда его нѣтъ въ городѣ, то можете быть увѣрены, что онъ гдѣ-нибудь очень далеко. Когда я служила у него, онъ держалъ квартиру, но зачастую она по недѣлямъ, стояла пустой.

Въ это время Сара приготовила чай, къ великому облегченію Пруденсъ. Тема разговора была очень непріятна для нея и, чтобы предупредить повтореніе его, она машинально взяла номеръ какого-то журнала, лежавшій тутъ же, на подносѣ, и разсѣянно переворачивала листы.

— Вотъ это настоящее дѣло,—сказалъ хозяинъ дома.—Я служилъ при этой редакціи. Издатель настоящій джентельмэнъ, тысячу фунтовъ въ годъ чистой прибыли. Въ семьѣ семь душъ. Одинъ изъ сыновей сотрудничаетъ въ журналѣ, другой адвокатъ.

Во взглядѣ мистрисъ Баркеръ свѣтился неподдѣльный восторгъ передъ этимъ мастерскимъ очеркомъ удачной карьеры. Періодическое изданіе было однимъ изъ тѣхъ, никому невѣдомыхъ и никѣмъ не цитируемыхъ изданій, которыя, тѣмъ не менѣе, помогаютъ своимъ владѣльцамъ набивать карманъ. Въ немъ помѣщались назидательныя повѣсти съ маленькой черточкой романтизма спеціально для молодыхъ людей обоего пола, стремившихся къ семейному счастью всѣми силами своей души. Здѣсь была смѣсь про-

писной добродѣтели, каррикатурнаго изображенія высокихъ чувствъ и подробнаго описанія послѣднихъ парижскихъ модъ.

„Прижавъ къ сердцу надушенное письмо, послѣ безплодной попытки перечесть его еще разъ, безплодной потому, что слезы радости ослѣпляли ее, она поспѣшила въ свою комнату и, быстро перемѣнивъ костюмъ для гулянья на мягкій капотъ изъ голубой турецкой матеріи, подбитый лебяжьимъ пухомъ, опустилась на колѣни около роскошной постели, покрытой изящнымъ вышитымъ одѣяломъ, и излила Творцу всю глубокую благодарность, которою была преисполнена ея душа".

Пруденсъ отнюдь не была огорчена, когда настало время прощаться. Должно быть, мистеръ Баркеръ заслужилъ расположеніе Сары своей солидностью, ибо что же другое могло ей понравиться въ немъ? Но дѣвушкѣ казалось, что онъ слишкомъ ужъ старается поддержать свою репутацію.

Ее приводила въ ужасъ эта каррикатура брака по разсудку. Правда, Сара не нашла господина, но нашла ли она друга? Она не искала мужа до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не попался ей на пути, безъ всякихъ стараній съ ея стороны. Казалось, она отвѣтила: „да" просто потому, что не было никакихъ причинъ отвѣтить „нѣтъ". Неужели такою должна быть награда за многіе годы гордой независимости? Любовь низводилась на степень одного изъ домашнихъ удобствъ. Дѣвушкѣ было обидно и больно за женщину.

XXXIII.

Обѣщанное рождественское приложеніе къ „Желѣзному Клейму" появилось въ концѣ недѣли. Оно было озаглавлено: „Исторія одного преступленія".

„Какъ сообщалось въ послѣднемъ номерѣ, мистеръ Блокъ былъ повѣшенъ въ заранѣе назначенный для этой операціи день за убійство, совершенное имъ въ одномъ домѣ, недалеко отъ нашей редакціи. Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, всего двадцати лѣтъ.

Мы знали его въ лицо, хотя онъ и не состоялъ въ числѣ нашихъ подписчиковъ, но мы надѣялись, что современемъ онъ станетъ таковымъ. Для насъ нѣтъ безусловно дурныхъ людей. Онъ часто стоялъ на углу нашей улицы вмѣстѣ съ другими дѣтьми природы, воинственными и жаждущими крови, какъ итальянскіе *bravo*.

Вѣрные нашей задачѣ отражать жизнь нашего округа, мы обращаемъ особенное вниманіе публики на этотъ случай.

Мы предлагаемъ здѣсь нашимъ читателямъ описаніе его похожденій, какъ кусочекъ естественной исторіи — „исторіи одного преступленія". Она можетъ представлять интересъ, какъ законченное, неизбѣжное явленіе. *Они* (понимайте: власти, общество, и т. п.) были обязаны повѣсить его и повѣсили; *онъ* былъ вынужденъ подчиниться этому и подчинился. Значитъ, все въ порядкѣ".

Мистеръ Блокъ, какъ знаменитость въ домашнемъ быту.

„Мистеръ Блокъ былъ сыномъ бѣдныхъ и безалаберныхъ родителей, которые не могли найти во всемъ мірѣ мѣсточка, куда бы приткнуться. Профессія его отца была настолько неопредѣленна, что намъ не удалось даже приблизительно выяснить, въ чемъ она заключалась, во всякомъ случаѣ его дѣла были очень плохи, и нищета уже стучалась къ нему въ дверь. Его жена, безпомощное и неряшливое существо, умѣла только глазѣть на звѣзды и была неспособна ни къ какому труду. Оба они были воспитаны на общественный счетъ и самой судьбой предназначены влачить жалкое существованіе".

„Мистеръ Блокъ, ихъ старшій сынъ и наслѣдникъ всѣхъ ихъ добродѣтелей, скоро пришелъ къ заключенію, что работа—занятіе дураковъ. Каждый вечеръ, когда онъ ложился спать голодный въ темномъ углу жилища, похожаго на свиной хлѣвъ, гдѣ жила вся семья, онъ все болѣе и болѣе склонялся къ этой мысли. Честный трудъ не приносилъ денегъ. Самъ мистеръ Блокъ не зналъ никакого ремесла. Онъ писалъ „коровы" черезъ „а" и былъ твердо увѣренъ, что Христосъ родился въ Китаѣ.

„Онъ началъ свою карьеру мальчикомъ въ бакалейной лавкѣ, но увы! всѣ деньги приходилось отдавать матери; потомъ онъ служилъ помощникомъ кондуктора на трамваѣ. Это было немного интереснѣе: онъ былъ всегда на улицѣ и отъ времени до времени испытывалъ чисто эстетическое наслажденіе, когда, напримѣръ, трамвай переѣзжалъ собаку.

„Онъ быстро росъ и въ тринадцать лѣтъ впервые огорошилъ отца требованіемъ денегъ, подрался съ нимъ и, несмотря на то, что отецъ былъ мужчина солидный, хоть и истощенный голодомъ, одолѣлъ его въ битвѣ и послѣ этого ушелъ изъ дому".

Мистеръ Блокъ, какъ кавалеръ.

„Онъ завелъ любовницу изъ такихъ же отверженныхъ, какимъ былъ и самъ. Онъ обходился съ ней, какъ съ гер-

цогиней, и дарилъ ей леденцы и грошовыя бездѣлушки. Въ моральномъ отношеніи она стояла еще ниже его, если только это возможно. Однажды вечеромъ онъ засталъ ее съ другимъ Донъ-Жуаномъ, но, не находя этотъ моментъ удобнымъ для мести, онъ подстерегъ свою Эльмиру позже и ударилъ ее ножомъ, который онъ, какъ типичный представитель своего класса, носилъ съ собой всегда отточеннымъ. Какъ ни странно, но послѣ этого наступило временное примиреніе. Она была восхищена его храбростью и оставалась вѣрной ему, по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли. Въ это время имъ было по четырнадцати лѣтъ.

„Скоро онъ побилъ кого-то изъ своего начальства и потерялъ мѣсто. Это быстро привело къ развязкѣ. Работать стало скучно".

Мистеръ Блокъ, какъ свободный гражданинъ.

„Онъ рѣшилъ жить своимъ умомъ. Это было геройство со стороны человѣка съ такой слабой головой.

Принявъ это рѣшеніе, онъ сразу сталъ взрослымъ мужчиной со всѣми его страстями и аппетитами. Весь его жизненный опытъ воспиталъ въ немъ свирѣпую жестокость и равнодушіе ко всему, что мѣшало исполненію его звѣрскихъ желаній. Это была этика ночныхъ притоновъ—единственной школы, которую онъ прошелъ. Его поступки управлялись двумя стимулами: аппетитомъ и местью, и ничего больше онъ не хотѣлъ знать.

„Онъ примкнулъ къ шайкѣ головорѣзовъ, парней приблизительно своего возраста, регулярно занимавшуюся всевозможными мошенничествами, кражей, грабежомъ, имѣвшей свои сборные пункты, свой уставъ, слѣпо повиновавшейся своимъ вожакамъ, бандѣ, хорошо извѣстной любому полисмэну, меланхолически щелкающему орѣхи на перекресткѣ, и пользовавшейся широкой терпимостью блюстителей порядка".

Мистеръ Блокъ, какъ спортсмэнъ.

„Новая спеціальность началась съ карманнаго воровства и обиранія квартиръ и лавокъ. Матеріалъ ему давало прилежное изученіе вечернихъ газетъ. Онъ заранѣе зналъ дни и часы всѣхъ публичныхъ сборищъ, гдѣ могла быть пожива. Цѣлыми ночами его молодцы лежали въ канавахъ, чтобы утромъ принести ему нужныя свѣдѣнія. Для той же цѣли его агенты посѣщали публичныя мѣста и бродили по улицамъ. Никто не могъ бы превзойти ихъ въ усердіи, пунк-

туальности и освѣдомленности. Если бы они трудились такъ для добродѣтели, то менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, могли бы цѣлый народъ людоѣдовъ превратить въ кроткихъ вегетеріанцевъ. Даже полисмэны, прямая обязанность которыхъ ловить такихъ молодцевъ, часто играли имъ въ руку, давая нѣкоторое добавленіе къ ихъ невѣрному заработку".

Мистеръ Блокъ, какъ денди.

„Когда у него заводились деньги, онъ тратилъ ихъ на какую нибудь даму сердца или на себя. Онъ считался неотразимымъ, не одна дѣвушка изъ мелкихъ фабричныхъ работницъ пала жертвой его чаръ и свойственнаго ея полу пристрастія къ аристократамъ этого разбора. Костюмъ его былъ послѣдней моды, во всякомъ случаѣ та его часть, по которой всегда судятъ людей—манишка и воротнички. Онъ былъ всегда гладко выбритъ. Обтрепанные концы его брюкъ были искусно подвернуты. Ботинки, хоть и заплатанные, всегда ярко блестѣли. Широкополая шляпа, обыкновенно заломленная на затылокъ и обнаруживавшая высоко взбитый хохолъ, иногда надвигалась на лобъ, когда этого требовали обстоятельства. У него былъ свой клубъ въ одной изъ трущобъ, періодически посѣщаемыхъ полиціей.

Его жилище.

„Животныхъ выслѣживаютъ по мѣстамъ, гдѣ они охотятся, и по норамъ, гдѣ они живутъ, и онъ въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія. Мѣста, гдѣ онъ искалъ добычу, были расположены около большихъ вокзаловъ или у ресторановъ по пути омнибусовъ. Тамъ, гдѣ большія улицы расходились радіусами отъ одного пункта по шести направленіямъ, тамъ его можно было встрѣтить чаще всего. Вокзалы кишѣли хорошо одѣтыми, суетящимися пассажирами, чрезвычайно подходившими для его операцій.—Съ центральнаго пункта легко было обратиться въ бѣгство въ случаѣ преслѣдованія. Похожденія его обыкновенно начинались съ какой-нибудь таверны и заканчивались пивной. Какъ тамъ, такъ и тутъ, мистеръ Блокъ никогда не упускалъ случая подцѣпить новаго товарища. Не возможно передать словами тотъ ужасъ, то безысходное отчаяніе, какіе возникаютъ у свѣжаго человѣка при видѣ этихъ притоновъ: неряшливыя женщины или тѣхъ профессій, которымъ нѣтъ имени, или же той, которая называется слишкомъ открыто, воры всевозможныхъ разновидностей, отъ мелкихъ карманщиковъ, до мастеровъ ножа и дубины, свирѣпыя женщины-поденщицы, готовыя

вцѣпиться въ волосы всякому, кто осмѣлится ихъ разсердить.

„Въ любой части Лондона, не исключая самыхъ аристократическихъ, есть такіе кварталы, гдѣ господа Блоки родятся, воспитываются, выростаютъ въ мрачныхъ берлогахъ, въ которыхъ послѣ рабочаго дня приносятся человѣческія жертвы, какъ въ языческихъ капищахъ. Кингсъ-Кроссъ и особенно его главные кварталы: Эйстонъ, Пентонвиль, Зоркская и Грайсъ-Иннская дороги—представляютъ одинъ изъ такихъ раіоновъ, гдѣ гнѣздятся хулиганы, завсегдатаи публичныхъ притоновъ, воры, укрыватели,—однимъ словомъ, всѣ спеціальности и весь персоналъ этой обширной индустріи. Здѣсь родился мистеръ Блокъ, какъ левъ въ пустынѣ или жаворонокъ въ небѣ, здѣсь онъ росъ, здѣсь искалъ добычу, не обращая никакого вниманія ни на свѣтскія, ни на духовныя власти, которымъ всѣ его продѣлки были хорошо извѣстны и которыя, тѣмъ не менѣе, были безсильны противъ него.

„При такихъ условіяхъ все что угодно можетъ случиться въ любой моментъ. Происхожденіе типовъ этой степени развитія нужно искать въ глубинѣ временъ. Они явились, какъ послѣдствіе того, что цѣлыми вѣками въ народѣ не признавали людей, прививали ему животное представленіе о цѣли жизни и самые низменные идеалы. Въ этомъ и заключается естественная исторія преступленій.

„Ближайшая причина любого преступленія всегда ничтожна. Такою же она была и въ дѣлѣ мистера Блока. Онъ досидѣлъ свой мѣсяцъ въ тюрьмѣ, куда попалъ за буйство, и, когда вышелъ на волю, узналъ, что мать его возлюбленной выражала желаніе, чтобы его никогда не выпускали оттуда. Тутъ онъ и задумалъ убить обоихъ, и мать, и отца, а потомъ хотѣлъ перерѣзать горло и себѣ. Съ физіологической стороны это былъ больной, не уравновѣшенный мозгъ, который стоило только толкнуть на преступленіе, чтобы онъ проклялъ само солнце и началъ убивать, убивать и убивать безъ конца. Мистера Блока оскорбили—и тѣ, кто это сдѣлалъ, должны умереть. Къ другому выводу онъ и не могъ придти. Буквы: Я. Л. С. Д.—я люблю Сару Джонъ,—были нататуированы у него на рукѣ. Выразивъ неодобреніе его любви, будущая его теща оказалась виновной въ оскорбленіи величества, а такое преступленіе можно было искупить только кровью".

„Онъ началъ дѣятельно готовиться къ совершенію акта мести. Чтобы привести его въ исполненіе, ему надо было добыть денегъ на текущіе расходы. Онъ взялъ изъ банка лежавшій у него тамъ небольшой запасъ, потомъ написалъ завѣщаніе: „Пять фунтовъ симъ завѣщаю мистрисъ Джен-

кинсъ а все остальное, что у меня есть—моей дорогой матери. Мои часы и цѣпочку завѣщаю Джему Пенни—моему товарищу. Мою медаль—она получена не мною, конечно, на войнѣ — завѣщаю также мистрисъ Дженкинсъ. Все это въ томъ случаѣ, если мнѣ удастся убить мистрисъ Джонсъ. Храни Господь всѣхъ тѣхъ, кто былъ добръ ко мнѣ".

„Въ субботу все было готово для убійства. Онъ отправился къ мистрисъ Джонсъ и пригласилъ ее пойти съ нимъ въ таверну, увѣренный, что его приглашеніе не будетъ отвергнуто. Они пили и разговаривали, но обстановка казалась ему не подходящей. Тогда онъ предложилъ пойти къ ней на квартиру пить чай.

„Когда они пришли, мистрисъ Джонсъ поправила огонь въ каминѣ, выпрямилась и вскрикнула, замѣтивъ что-то страшное въ его глазахъ. Черезъ секунду она успокоилась навѣки, приконченная нѣсколькими сильными ударами кочерги, которые „могли бы убить и быка", какъ онъ потомъ говорилъ. На всякій случай, у него была въ запасѣ бритва, но онъ не хотѣлъ еще убивать себя. Онъ рѣшилъ дождаться прихода мужа, чтобы убить и его, но сосѣди подняли крикъ, и онъ долженъ былъ бѣжать съ неотмытыми отъ крови руками и лицомъ. Скоро его поймали.

„Въ участкѣ онъ распѣвалъ грязныя пѣсни и былъ въ полномъ восторгѣ отъ своей удачи.

„Законъ убилъ его такъ же легко и просто, какъ хорошая хозяйка убиваетъ крысу или моль. Это былъ гадъ. И истребленіе, въ обоихъ случаяхъ, было лишь простымъ естественно историческимъ фактомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ненормальныхъ, извращенныхъ субъектовъ, которые родятся только для того, чтобы какъ можно скорѣе быть изъятыми изъ обращенія.

„Такія убійства и такія возмездія совершаются каждый день, но ни одна газета, за исключеніемъ бульварныхъ листковъ, не удостаиваетъ ихъ своимъ вниманіемъ. Большія газеты считаютъ признакомъ хорошаго тона набирать описаніе такихъ происшествій петитомъ. А между тѣмъ, такимъ мелкимъ убійцамъ слѣдовало бы удѣлять особенное вниманіе, чтобы показать, на краю какой пропасти мы стоимъ.

„Ужасныя экономическія условія, которыя производятъ на свѣтъ такіе типы, на лицо. Это—развращающая нищета и еще болѣе развращающая роскошь, это—преступная воля и не менѣе преступное распредѣленіе богатствъ, благодаря чему честный трудъ все больше и больше становится занятіемъ дураковъ въ глазахъ темныхъ массъ.

„Невозможныя соціальныя условія налицо: большіе города, похожіе на помойныя ямы, грязныя и зловонныя, люди,

жаждущіе суетныхъ удовольствій, грубая выставка роскоши и моды, предлагаемая какъ идеалъ жизни невѣжественному и недовольному народу, неисчерпаемые запасы джина на всѣхъ перекресткахъ, устроенные только для того, чтобы церкви могли получить назначенныя имъ субсидіи. Никогда еще богачи не были такъ равнодушны къ бѣднякамъ, какъ теперь, когда они отравляютъ разумъ народа микроскопическими дозами снотворнаго лекарства—благотворительности и религіи.

„Тѣ же причины—тѣ же результаты. Найдемъ ли мы выходъ? Вотъ что говоритъ по этому поводу одна колоніальная газета: „Безъ хорошей національной арміи, безъ земледѣльческаго населенія при господствѣ иностранныхъ плутократовъ, при нашей аристократіи, умѣющей только наряжаться въ дорогія платья и отплясывать модные танцы, Англія постепенно придетъ въ то самое состояніе, которое погубило Римскую имперію".

„При чемъ здѣсь армія? Для народа, который не загадываетъ впередъ, часъ битвы можетъ оказаться часомъ Страшнаго Суда. Долой все старое!

XXXIV.

Мери Ленъ пріѣхала въ Лондонъ на Рождество и остановилась у Пруденсъ. Первый разъ Пруденсъ пришлось быть въ роли хозяйки дома, и она сильно безпокоилась, удастся ли ей угодить гостьѣ. Она не безпокоилась бы, если бы лучше знала Мери. Достаточно сказать, что весь ея багажъ состоялъ изъ одного чемоданчика, не больше 20 фунтовъ вѣсомъ.

Если бы она ѣхала въ гости къ королю, то и тогда не подумала бы запастись большимъ количествомъ гардероба. Она вышла изъ вагона такою же милой и привлекательной, какъ и всегда, горячо обняла подругу на платформѣ, сдѣлала то же самое въ кэбѣ, а затѣмъ погрузилась въ обычное для нея равнодушіе ко всѣму, что могла послать ей судьба. Вся ея фигура была эмблема чистоты; бѣлоснѣжные воротнички и рукавчики блестѣли на фонѣ чернаго платья и темныхъ волосъ, спускавшихся длинными прядями на щеки. Она казалась воплощеніемъ святости, какой то статуей благочестія, старинной мадонной. „Во всякой другой это было бы непріятно, но въ ней—очаровательно", подумала Пруденсъ

— Я надѣюсь, что вамъ будетъ удобно, хоть моя Сара и не служитъ уже у меня, она вышла замужъ. Объ этомъ я вамъ разскажу послѣ. Теперь же у меня служитъ одна жал

кая старушка. Не знаю, насколько она сумѣетъ угодить вамъ,—сказала она вслухъ.

— Въ колоніи мы сами служимъ другъ другу,—отвѣчала Мери.—Вы дайте отпускъ вашей старухѣ, а я займу ея мѣсто.

— Она и не знаетъ, что такое отпускъ, она совершенно не умѣетъ развлекаться. Я какъ-то разъ отпустила ее, а она отправилась въ Гемпстедъ и простояла все время передъ прудомъ, въ которомъ утопился ея сынъ, когда потерялъ работу. Нѣтъ ужъ, пусть она остается. Какъ только можно будетъ, я обезпечу ей постоянную пенсію, теперь же еще не могу. Мнѣ тоже хочется сдѣлать что-нибудь хорошее.

У Пруденсъ было еще одно затрудненіе: чѣмъ развлекать гостью? Она совѣтовалась на этотъ счетъ съ Лаурой Бельтонъ, но тщетно. Лаура презирала дешевыя развлеченія. Швейцарскія озера, путешествія по Европѣ, съ заѣздомъ на недѣлю въ Парижъ—на меньшемъ она не мирилась. Ея девизомъ было: „для меня хорошо только самое лучшее".

Мери разрѣшила эту задачу, какъ только услышала про нее: „будемъ ходить на дешевыя зрѣлища, обыкновенно онѣ бываютъ самыми лучшими".

Такъ и сдѣлали. Мери пріѣхала въ субботу днемъ. Вечеромъ она навѣстила Гертруду, чѣмъ и закончился этотъ день. Въ воскресенье утромъ онѣ ходили въ соборъ Св. Павла, а вечеромъ въ Вестминстерское аббатство. Оттуда Мери, по дорогѣ домой, зашла въ Сентъ-Джемскій паркъ и дворецъ, наслаждаясь послѣдовательно религіей, археологіей, пейзажами, птицами, звѣрьми и рыбами. Всѣ эти развлеченія обошлись имъ менѣе чѣмъ по восемнадцати пенсовъ, включая и омнибусы.

Слѣдующій день онѣ провели такъ же, развлекаясь простыми удовольствіями: галлереи, зоологическій садъ, Реджентъ Паркъ и видъ Лондона съ высоты Примрозъ-Хилля.

— Смотрите и любуйтесь,—сказала Мери, когда прояснившаяся погода раскрыла передъ ними дивную панораму, утопавшую въ лучахъ заходящаго солнца.—По моему, Римъ далеко не такъ красивъ. Во всякомъ случаѣ, онъ даетъ меньше пищи для ума.

Онѣ вернулись домой удовлетворенныя, счастливыя и проголодавшіяся. Мери приняла участіе въ приготовленіи обѣда, а послѣ обѣда ушла въ свою комнату помечтать. Скоро, однако, она вернулась, сѣла у камина, рядомъ съ Пруденсъ и предложила почитать ей вслухъ Блэка. Пруденсъ была въ восторгѣ, до сихъ поръ она знала этого автора только по имени.

„И каждое утро, и каждую ночь
Рождаются люди для горя и слезъ,
И каждое утро, и каждую ночь
Рождаются люди для счастья и грезъ.
Печаль и веселье въ созвучіи новомъ
Въ душѣ человѣка таиться должны,
Душа человѣка одѣта покровомъ,
Какъ толстыми нитками—горемъ суровымъ.
Какъ шелковой нитію—свѣтомъ весны.
Природа сама создаетъ насъ для горя.
А радости съ нимъ сплетены коротко,
И если мы вѣруемъ въ это, не споря,
То жизнь проживемъ хорошо и легко.

Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, Мери подвела итоги издержкамъ: „трамвай—6 пенсовъ, зоологическій садъ—6 пенсовъ, змѣи—1 шиллингъ... больше ничего не помню. Это ужасно, сколько мы истратили, хотя, конечно, и заслуживаемъ снисхожденія. На меня произвелъ сильное впечатлѣніе зоологическій садъ. Какое разнообразіе живыхъ существъ, и каждое прекрасно въ своемъ родѣ“.

— Не знаю, по моему природа могла бы и избавить насъ отъ бегемотовъ—сказала Пруденсъ.

— Безъ нихъ нельзя обойтись, да и чѣмъ они хуже газелей? Каждое животное необходимо для общей гармоніи. Увѣряю васъ, всѣ они отъ Бога.

Весь вторникъ былъ посвященъ осмотру Южнаго Кенсингтонскаго музея, Кенсингтонскихъ садовъ, Гайдъ-Парка, Роттенъ-Роу, и стоилъ такъ же мало.

— Положительно такъ нельзя продолжать, — говорила Мери.—Просто смѣшно, какъ быстро уходятъ деньги.

Вернувшись домой, онѣ застали письмо отъ Леонарда. Онъ просилъ Пруденсъ сдѣлать ему честь, пообѣдать съ нимъ завтра въ такомъ-то ресторанѣ въ Сого, хотя бы только затѣмъ, чтобы имѣть случай наблюдать иностранцевъ и ихъ жизнь, которая такъ отличается отъ нашей и которой не увидишь въ обыкновенныхъ ресторанахъ. Миссъ Бельтонъ уже дала ему свое согласіе. Онъ будетъ ждать ихъ съ половины седьмого у дверей ресторана. Но его вниманіе простиралось еще дальше. Онъ слышалъ о пріѣздѣ миссъ Ленъ и выражалъ надежду, что она не откажется присоединиться къ ихъ компаніи. Можетъ быть, миссъ Ленъ соблаговолитъ вспомнить, что она уже познакомилась съ нимъ на страницахъ „Желѣзнаго Клейма“. Есть у него и еще одна просьба. Не согласится ли миссъ Пруденсъ навѣстить миссъ Голль и передать ей его приглашеніе. Обѣимъ имъ

— — —

Мери и Гертрудѣ, онъ очень многимъ обязанъ и хочетъ, наконецъ, лично познакомиться съ ними.

— Надо идти,—сказала Мери.—Я ни за что на свѣтѣ не пропущу такого случая. Подумайте только, сколько добра дѣлаетъ этотъ человѣкъ и какъ хорошо онъ отзывается о вашемъ театрѣ. Вотъ увидите, я полюблю его съ перваго взгляда.

— Да, и мнѣ и вамъ нѣтъ причинъ не идти,—отвѣчала Пруденсъ,—но какъ Гертруда? Все, что я могу сдѣлать,—это передать ей приглашеніе. Положимъ, она стала гораздо храбрѣе, но все-таки, для нея это, пожалуй, слишкомъ рѣшительный шагъ.

— Мнѣ очень хочется познакомиться съ нимъ,—отвѣчала Гертруда, когда Пруденсъ передала ей приглашеніе,—но если бы вы знали, какъ я не люблю толпы!

— Не бойтесь, вѣдь намъ не придется знакомиться съ иностранцами, которыхъ мы будемъ тамъ наблюдать.

Гертруда засмѣялась.

— Мнѣ все равно, иностранцы они, или нѣтъ, вѣдь они прежде всего мужчины, а вы знаете, какъ я отношусь къ этому полу. Но этотъ—рѣдкій человѣкъ, и мнѣ давно хочется встрѣтиться съ нимъ. Нѣтъ, я ни за что на свѣтѣ не пропущу этого случая.

— Не понимаю, Гертруда, какъ при вашей добротѣ, вашихъ талантахъ, вашей красотѣ, вы можете бояться мужчинъ.

— Это не то.

— Можетъ быть, они слишкомъ хвастливы и любятъ погетѣвать?—намекнула Пруденсъ, желая помочь ей высказаться.—Но неужели вы не допускаете, что среди нихъ есть всякіе, точно такъ же, какъ и среди насъ—женщинъ?

— Если они возьмутъ верхъ надъ вами, то это будетъ прочно,—сказала Гертруда, таинственно.—Но и это не то. Неужели по вашему я такъ самоувѣренна, что воображаю, что въ меня нельзя не влюбиться. Скажите, что вы этого не думаете.

— Я этого не думаю,—отвѣчала Пруденсъ, съ напускной торжественностью.

— Не смѣйтесь надо мною. Я умѣю ладить съ женщинами, во всякомъ случаѣ, стараюсь. Помните, какъ въ школѣ я всегда дѣлала первый шагъ къ дружбѣ. Но мужчины кажутся мнѣ такими чуждыми. Слишкомъ много въ нихъ „мужского". Они не виноваты въ этомъ, я знаю, но это такъ.

— Мнѣ нравятся нѣкоторые изъ нихъ, этотъ въ особенности, но...

— Это моя маленькая тайна и вы первая узнаете ее.

Этотъ своего рода страхъ передъ ними, присущій многимъ изъ насъ. Но все равно, не стоитъ объ этомъ. Я рѣшила идти, и пойду.

XXXV.

Онѣ застали Леонарда, какъ и было условлено, у дверей ресторана. Его письмо заканчивалось словами: „парадныхъ туалетовъ не надо“, и дѣвушки приняли это къ свѣдѣнію. Онѣ вошли въ подъѣздъ, и, очутившись какъ будто на иностранной территоріи, населенной бѣднѣйшими представителями разныхъ націй, прошли въ общій залъ.

Старшій лакей, въ жакетѣ и передникѣ (казавшимися необыкновенно чистыми и простыми послѣ грязныхъ фраковъ британскихъ лакеевъ) указалъ имъ столикъ, покрытый бѣлой скатертью, грубой, но чистой, и освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампы. Роскоши не было, но вся комната казалась необыкновенно уютной, точно мирный бивакъ на полѣ битвы жизни.

Ихъ появленіе произвело нѣкоторую сенсацію, ибо, насколько можно было судить по виду, они были единственными англичанами во всемъ залѣ. Остальная публика состояла сплошь изъ иностранцевъ. Это было видно по всему,— и по манерѣ повязывать салфетку, и по костюму. Всѣ, видимо, пришли сюда насладиться отдыхомъ и чувствовали себя, какъ дома.

— Это тоже богема, но только новаго стиля, — сказалъ Леонардъ, когда они взялись за карточку блюдъ.—Я думаю, вамъ интересно посмотрѣть.

Всѣ они испытали что-нибудь, прошли черезъ что-нибудь, хотя бы, напримѣръ, черезъ баррикады. Сюда же они пришли повидать своихъ друзей и пообѣдать. Здѣсь можно было заплатить и пять шилинговъ за обѣдъ, если только они у васъ были; если же нѣтъ, то можно было получить обѣдъ и за восемнадцать пенсовъ. Это былъ часъ отдыха для бѣдныхъ и богатыхъ, и всѣ они были веселы, разговорчивы и общительны.

— Многіе изъ нихъ будутъ, можетъ быть, въ свое время великими музыкантами, великими актерами, а то и министрами, — говорилъ Леонардъ. — А въ ожиданіи будущихъ благъ, они посѣщаютъ Клапгамскіе высшіе классы, платя по два шиллинга въ часъ, и прогулка туда и обратно возбуждаетъ у нихъ аппетитъ, утолять который они и приходятъ сюда.

— А кто вотъ этотъ новоприбывшій, съ растрепанными

волосами, сонными мечтательными глазами? Вонъ тотъ, у котораго торчитъ листокъ изъ кармана,—спросила Лаура.

— Развѣ вы не догадываетесь? —отвѣчалъ Леонардъ.— Это будущій великій композиторъ. Бумага, торчащая у него изъ кармана,— либретто его оперы. Вы съ нимъ не шутите. Пока онъ даетъ уроки музыки.

— А другой, что разговариваетъ съ нимъ, вотъ этотъ человѣкъ съ портфелемъ въ рукахъ, это ремесленникъ живописи. Едва ли изъ него что-нибудь выйдетъ, такъ какъ ему приходится работать въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, чтобы содержать жену и четверыхъ дѣтей. Но всетаки онъ хорошій подмастерье. Его портфель наполненъ набросками, сюжеты для которыхъ онъ находитъ въ Сити. Каждый набросокъ приноситъ ему десять шиллинговъ; если только его возьмутъ, то онъ не отказывается ни отъ какихъ предложеній и работаетъ хоть за пять въ свободные часы.

— Вотъ этотъ высокій господинъ съ изящными манерами,—я вижу по вашимъ глазамъ, миссъ Пруденсъ, что вы хотите спросить о немъ,—читаетъ лекціи о патагонской литературѣ. Конечно, патагонская литература мало кого интересуетъ, поэтому бѣднягѣ приходится обѣдать лишь черезъ день. Его обстоятельства нѣсколько поправились въ тотъ день, когда патагонскій король былъ въ Лондонѣ и завтракалъ у лорда-мэра. Тогда въ его аудиторіи набралось цѣлыхъ двадцать пять человѣкъ, но потомъ все пошло по старому.

— А молодая женщина, съ которой онъ только что раскланялся, кто она?—спросила Мери.— Только, пожалуйста, не смотрите въ ту сторону.

— Смуглая женщина, которая куритъ сигаретку? Это его безнадежная любовь, но даже она не интересуется патагонской литературой, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ быть большими друзьями. Она русская революціонерка, занимается передачей инструкцій, литературы, денегъ и постоянно путешествуетъ между Цюрихомъ, Лондономъ и всѣми другими городами, которые служатъ убѣжищемъ этимъ людямъ. Она бѣжала изъ крѣпости, — съ помощью мягкосердаго смотрителя и своихъ прекрасныхъ глазъ, которые очаровали его. Теперь ея глаза даютъ ей возможность зарабатывать хлѣбъ: она служитъ натурщицей у одного художника, который пишетъ съ нея Мадонну.

— Черты лица, пожалуй, грубоваты для Мадонны,—замѣтила Лаура.

— Она полу-итальянка, полу-малороссіянка.

— По моему, у нея слишкомъ большой ротъ, — сказала Мери.

— Это, я думаю, слѣды монгольскаго происхожденія, которое такъ часто портитъ чистоту русскаго типа.

— Я только о ней, а не о типѣ.

Леонардъ засмѣялся.

— Если вы переходите къ отдѣльнымъ личностямъ, значитъ, и я могу сдѣлать то же. Я рискну даже на большее, миссъ Ленъ; долженъ вамъ сказать, что я съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за вашимъ путешествіемъ по деревнямъ.

— Вы уже доказали это на страницахъ вашей газеты. Какъ вы узнали обо мнѣ?

— Я стараюсь узнавать обо всемъ,—отвѣчалъ Леонардъ,—и всегда радъ узнать о чемъ нибудь хорошемъ, чтобы хоть немного уравнять свой еженедѣльный бюджетъ дурного. Мнѣ кажется, вы начали большое дѣло.

— Начала? Нѣтъ, я только продолжаю. Другіе дѣлали то же самое до меня. Народный театръ почти такъ же старъ, какъ природа. Я только вернулась къ старымъ традиціямъ и сумѣла провести ихъ въ жизнь. Мой театръ спасаетъ англійскій народъ отъ открытыхъ сценъ и балагановъ. Вмѣсто этого ему дается прекраснѣйшая въ мірѣ драма, и онъ доказалъ, что способенъ понимать. Случалось ли вамъ видѣть, какъ бѣдняки ходятъ въ театръ? Я говорю о райкѣ и галлереѣ, а не ложахъ и креслахъ. Цѣлыми часами людямъ приходится ждать у дверей, иногда на холодѣ подъ дождемъ. Вы должны посмотрѣть мою новую пьесу, которую я приготовила для будущей весны. Первый разъ она пойдетъ въ Гердфордширѣ. Вы должны пріѣхать.

— Нѣтъ, лучше вы пріѣзжайте играть къ намъ.

— Въ Лондонъ? Мнѣ кажется, вы слишкомъ большой оптимистъ.

— Я гарантирую вамъ помѣщеніе, всю обстановку и приглашу всѣхъ великихъ критиковъ, пусть посмотрятъ!

— Знаете, я до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ этой ужасной исторіи, которую вы описали въ вашемъ рождественскомъ номерѣ. Да, это картина съ натуры, только дѣйствительность еще хуже. Къ чему законъ, правительство, религія, всѣ эти вѣка культуры и цивилизаціи, разъ до сихъ поръ не разсѣялась окутывающая насъ мгла? Какое проклятіе этотъ трудъ дѣтей изъ-за куска хлѣба. Развѣ имѣютъ право такіе законы заставлять людей плясать по ихъ дудкѣ?

— Зовите ихъ къ себѣ въ колонію, пусть пляшутъ тамъ по вашей дудкѣ,—отозвалась Лаура съ другого конца стола.

Это была первая встрѣча двухъ дѣвушекъ. Пруденсъ смотрѣла то на одну, то на другую, то на Леонарда, будто на ней лежала отвѣтственность за то, что можетъ произойти.

Во взглядѣ Мери не было обычной теплоты, и Лаура, видимо, угадывала ея мысли. Невозможно было подобрать большій контрастъ по стилю; Мери съ ея милымъ личикомъ, старомоднымъ костюмомъ и такимъ же складомъ ума, и Лаура съ ея страстью къ богатству, съ ея спокойной самоувѣренностью и удивительнымъ самообладаніемъ. Леонардъ, казалось, любовался обѣими, какъ безпристрастный цѣнитель.

— Я вообще не собираюсь предлагать имъ плясать,— отвѣтила Мери

— Тогда посовѣтуйте имъ продавать орѣхи. Чѣмъ раньше они начнутъ свою карьеру, тѣмъ скорѣе могутъ разсчитывать попасть въ президенты.

— Въ президенты? повторила Мери. И безъ того предложеніе во много разъ превышаетъ спросъ.

— Все равно они найдутъ рынокъ для сбыта... своихъ талантовъ.

— Да, напримѣръ, тюрьму или висѣлицу.

Лаура обратилась къ Леонарду.

— Вы знаете Сесиля Родса? Вотъ человѣкъ! Для него нѣтъ неразрѣшимыхъ проблемъ; онъ сумѣлъ бы разрѣшить и ваши.

— Боюсь, что не всѣ.

Во всякомъ случаѣ, началъ онъ недурно.

Но не съ того конца. Я не зналъ, что каждый обязанъ кончить Оксфордъ.

— Но вы вѣдь тамъ учились?

— Ваше возраженіе едва ли убѣдительно.

— Всетаки онъ расширилъ наши, слѣдовательно, и ваши владѣнія на земномъ шарѣ. Кромѣ того, вѣдь вы дѣлаете то же самое, только начинаете съ другого конца.

— Вы возбуждаете мое любопытство. Съ какого конца, скажите, пожалуйста?

— Доказательство силы: воспитать себя по своему идеалу, а потомъ подъ ту же мѣрку подгонять другихъ. Только для этого и стоитъ жить.

— Я думаю, что не только для этого.

— Не отнимайте у меня пріятной иллюзіи: я считаю васъ сильнымъ человѣкомъ.

— Вы оказываете мнѣ слишкомъ много чести. Но если даже вы правы, я готовъ признать, что вы сильнѣе меня.

Несмотря на ея обычное самообладаніе, краска удовольствія выступила у нея на лицѣ. Она казалась необыкновенно привлекательной. Леонардъ смотрѣлъ на нее съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

— Она язычница,—прошептала Мери, обращаясь къ Пруденсъ.

Пруденсъ вопросительно посмотрѣла на Гертруду, которая все время молчала.

— Я не скажу ничего,—проговорила Гертруда.

— А про Леонарда?

— И того меньше. Судя по всему, онъ изъ тѣхъ немногихъ, кто не стремится быть ничьимъ господиномъ, что уже само по себѣ можетъ возбудить желаніе сдѣлаться его рабомъ.

Она опять замолчала. Когда подали дессертъ, Леонардъ, воспользовавшись общимъ движеніемъ, сѣлъ съ ней рядомъ. Пруденсъ смотрѣла на нихъ не безъ тревоги, несмотря на все кажущееся спокойствіе Гертруды.

— Знаете, мистеръ Леонардъ, сегодняшній день—одинъ изъ самыхъ пріятныхъ за всю мою жизнь,—сказала Гертруда.

Только она одна знала, чего ей стоило сказать такъ много. Прежняя застѣнчивость вернулась къ ней и залила румянцемъ ея щеки.

— Это очень любезно съ вашей стороны. Приглашая васъ сюда, я сдѣлалъ это въ томъ разсчетѣ, что здѣсь всѣ мы будемъ чувствовать себя свободнѣе. И я вижу, что не ошибся.

— А въ самомъ дѣлѣ, отчего здѣсь такъ уютно?—спросила Гертруда.

— Я думаю, благодаря простой и скромной обстановкѣ. Хорошій тонъ начинаетъ надоѣдать намъ даже въ клубахъ. Соблюденіе ритуала вездѣ утомительно, даже въ пищѣ и питьѣ.

— При чемъ тонъ даютъ буфетчики и ливрейные лакеи,—вставила Гертруда.

Пруденсъ съ удовольствіемъ видѣла, что у Гертруды начинаетъ развязываться языкъ.

Въ это время ихъ вниманіе было привлечено движеніемъ на противоположномъ концѣ зала. Толстый старикъ—хозяинъ ресторана, стоялъ въ центрѣ группы посѣтителей, которые съ чѣмъ-то его поздравляли. Впереди была русская дѣвушка, она подносила ему букетъ. Его супруга—подъ пару ему во всѣхъ отношеніяхъ, и нѣсколько ухмыляющихся поварятъ замыкали сцену у кухонныхъ дверей.

— Сегодня день его рожденія, сударь, — сказалъ лакей, въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Леонарда.

— Вотъ видите, какой здѣсь семейный тонъ,—сказалъ Леонардъ своимъ дамамъ.

— Тише!—перебила Лаура,—вонъ тотъ господинъ собирается играть въ честь новорожденнаго.

Композиторъ, подталкиваемый своими друзьями, подошелъ къ піанино, наполовину заваленному кипами газетъ. На его

призывъ о поддержкѣ откликнулся кто-то изъ гостей. Онъ на минуту скрылся въ переднюю и вернулся оттуда со скрипкой въ рукахъ. Несомнѣнно, ему предстояло современемъ попасть въ большой оркестръ первой скрипкой.

Когда артистъ, взглянувъ на своего аккомпаніатора, поднялъ смычекъ, разговоръ въ залѣ смолкъ. Въ это время всѣ пили кофе; дымъ сигаръ тонкими кольцами поднимался къ потолку, всѣ, казалось, унеслись въ тотъ міръ, гдѣ главное занятіе человѣка—музыка, поэзія, сладкія мечты. Даже лакеи бросили свои счета и приготовились слушать.

Черезъ минуту всѣ были равны, свободны, всѣ были людьми, всѣ одинаково наслаждались. Піанино звучало мощными аккордами. Скрипка вела тему, и ея нѣжные звуки, воплощавшіе въ себѣ любовь и красоту, проникали въ самые сокровенные уголки души. Искусство изъ искусствъ, искусство бѣдныхъ, доступное всѣмъ, наводило на мысль о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, который смѣнитъ вѣкъ золотыхъ слитковъ.

Всѣ преобразились, точно отъ дѣйствія какого-то эликсира, вызывающаго у каждаго видѣнія по его желанію. Піанистъ своими бурными волнами звуковъ, точно проповѣдью съ неба, направлялъ мысли слушателей. Бѣдный подмастерье, сидѣвшій на софѣ, скорчившись и обхвативъ руками колѣни, видѣлъ передъ собой славу, деньги, новые сапоги. Русская дѣвушка унеслась въ область фантазіи и видѣла, какъ свѣтъ и надежда проникаютъ въ мрачные казематы Петропавловской крѣпости. Даже лакеи, позабывъ, кто они, смѣшались съ публикой и сидѣли, гдѣ попало, точно уже насталъ день Страшнаго Суда, когда всѣ будутъ равны. Тѣ же чары овладѣли и спутницами Леонарда: Лаура и Гертруда были неподвижны, какъ статуи; Мери, въ такомъ же экстазѣ, какъ русская дѣвушка, нервно сжимала руку Пруденсъ.

Еще минута—и очарованіе исчезло. Музыканты кончили играть, одѣлись и ушли, лакеи принялись опять за свое лакейское дѣло, и забѣгали между столиками и стойкой. Опять насталъ для нихъ часъ работы, но этотъ маленькій отдыхъ для одного или двухъ прошелъ не безслѣдно, заронивъ въ ихъ душу надежду на наступленіе лучшихъ дней, когда люди станутъ братьями.

XXXVI.

Наступило опять воскресенье, и праздникъ Мери подходилъ къ концу. Въ понедѣльникъ она собиралась обратно въ колонію, чтобы успѣть закончить приготовленія къ

своимъ весеннимъ спектаклямъ. Ея праздничныя развлеченія напоминали каникулы школьницы: церкви, памятники, музеи, картинныя галлереи.

Подъ конецъ онѣ посѣщали главнымъ образомъ церкви во время службы. Мери очень любила ходить въ церковь; для Пруденсъ это развлеченіе до нѣкоторой степени тоже имѣло прелесть новизны. По причинамъ, въ которыхъ она сама не давала себѣ отчета, она перестала послѣднее время бывать въ церкви. Въ понедѣльникъ утромъ дѣвушки были въ Соутваркскомъ соборѣ, а послѣ обѣда гуляли въ Сити. Пруденсъ вспомнила свои прежнія одинокія прогулки, когда она была предоставлена своимъ собственнымъ рессурсамъ. По дорогѣ домой, онѣ проходили мимо другой церкви, гдѣ скоро должна была начаться служба. Мери не устояла противъ искушенія, и дѣвушки вошли.

Это была прекрасная вечерняя служба англиканской церкви. Голоса молящихся взывали о прощеніи, объ отпущеніи грѣховъ, пасторъ давалъ это прощеніе въ сознаніи своей власти. Когда онъ возвышалъ голосъ, молящіеся смолкали и превращались въ слухъ. Богослуженіе закончилось проповѣдью, въ которой указывались недостатки жизни въ городахъ.

Дѣвушки вышли молча. Мери, казалось, была еще погружена въ молитвенный экстазъ. Онѣ заговорили, только вернувшись домой.

— Какая великолѣпная служба,—прошептала Мери.

— Да.

— И полна церковь молящимися.

— Да, Мери.

Пруденсъ отвѣчала машинально, ибо была занята своими мыслями. Она смотрѣла на огонь камина, и ей грезился воздушный замокъ, который могъ разлетѣться отъ маленькаго дуновенія.

— Какой отличный хоръ!

— Да, да, Мери.

— Какъ хорошо маленькій солистъ взялъ заключительную ноту въ первомъ гимнѣ. Точно херувимъ спустился къ намъ изъ рая.

Воздушный замокъ разсѣялся, какъ дымъ. Пруденсъ вернулась къ дѣйствительности.

— И какой прелестный старичекъ-пасторъ. Невозможно было не любоваться имъ, особенно когда онъ благословлялъ народъ.

— Все было великолѣпно, Мери, отъ начала и до конца.

— А всетаки было что-то дурное. Вы знаете что, Пруденсъ?

— Что же дурное могло быть? Вы говорите загадками.

— Конечно, вы не скажете разгадки: вы такъ увлеклись созерцаніемъ огня въ каминѣ, что, кажется, не слушали меня. А дурное было, и вотъ что: въ церкви не было бѣдняковъ, а если и были, то въ такомъ ничтожномъ количествѣ, которое нельзя принимать въ разсчетъ. Всѣ казались типичными представителями средняго сословія,—вы знаете, какъ я ненавижу этотъ классъ—всѣ такъ хорошо одѣты, такіе процвѣтающіе, счастливые, увѣренные, что царство небесное для нихъ. Вы не замѣтили этого?

— Нѣтъ, не замѣтила. Я къ этому привыкла.

Нѣсколько времени обѣ молчали.

— Нельзя же требовать всего,—заговорила Пруденсъ.

— Въ такомъ мѣстѣ надо требовать всего, нельзя удовлетвориться меньшимъ.

— Приходится удовлетворяться, что дѣлать,—рѣшительно сказала Пруденсъ.—Теперь я немного знаю бѣдный людъ. Оно и понятно: я долго сама была въ ихъ рядахъ. А потомъ я и дѣлала кое-что для нихъ, по указаніямъ Леонарда.

— Что же изъ всего этого слѣдуетъ?

— А вотъ что: думаю, что всѣ эти бѣдные, темные люди, которымъ такъ плохо живется въ этомъ мірѣ, отказались отъ надежды найти утѣшеніе въ церкви. Въ ихъ представленіи, церковь—для богатыхъ.

— Надо идти дальше, Пруденсъ. Нельзя остановиться на этомъ. Чего ищутъ въ христіанской церкви и чего не могутъ найти?

— Творца.

— Нѣтъ, нѣтъ. Онъ тамъ, въ каждомъ символѣ, въ каждомъ обрядѣ, даже въ каждомъ словѣ.

— Да, въ словахъ, и только въ словахъ. Церковная служба то же театральное представленіе. Много показного, мало простоты.

— И всетаки Онъ тамъ, Пруденсъ.

— Какъ метафизическое понятіе, а не какъ живое существо, а между тѣмъ, только такимъ можетъ представить себѣ Его бѣдный людъ. Не приходите въ ужасъ, Мери, но они смотрятъ на него, какъ на товарища, который лучше ихъ, какъ на помощника и друга бѣдняковъ, какъ на героя распространенныхъ легендъ, своего рода Робинъ Гуда... Не дѣлайте такого испуганнаго лица, Мери, а то я замолчу.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте, не обращайте на меня вниманія.

— Вы удивились бы, если бы узнали, какъ далеки они отъ признанія въ немъ Сына Божія, второго лица св. Троицы, даже Печальника за людей, словомъ, всего того, что состав-

ляетъ сущность нашей вѣры. Они видятъ въ немъ только товарища, который хотѣлъ снизойти до нихъ и умеръ за это. Что же касается Бога-Отца, то для нихъ онъ—загадка. и они глубоко равнодушны къ нему. Я часто бесѣдую съ однимъ пасторомъ, подписчикомъ „Желѣзнаго Клейма". Какъ-то я назвала его христіанскимъ соціалистомъ, думая сказать ему комплиментъ, но онъ вышелъ изъ себя: „Ничего подобнаго, сударыня, въ лучшемъ случаѣ, соціалистъ-христіанинъ. Нельзя ставить телѣгу впереди лошади".

— Не понимаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать?

— Онъ полагаетъ, что пробный камень—соціализмъ, а не христіанство, какъ оно понимается теперь нашимъ духовенствомъ. Нельзя быть соціалистомъ, не будучи христіаниномъ. Христіаниномъ каждый можетъ считать себя, не считая себя въ то же время соціалистомъ. Въ корнѣ всего лежитъ соціализмъ.

— Боже правый! А какъ же искупленіе...

— Объ этомъ онъ совсѣмъ не говоритъ.

— Посредникъ между Богомъ и людьми, исцѣлитель грѣховъ...

— Не говорите. Первый соціалистъ и ничего больше. Онъ принесъ въ міръ бездну счастья — матеріальнаго счастья для всѣхъ обездоленныхъ, изнемогавшихъ въ суровой борьбѣ за жизнь. Онъ распредѣлилъ фунты, шиллинги, пенсы, пищу, башмаки и платья дѣтямъ и солнечный свѣтъ всѣмъ.—Народъ думаетъ и говоритъ, что богачи и духовенство, всегда идущее съ нимъ рука объ руку, монополизировали церковь и превратили символическую чашу въ снотворное зелье, которымъ они опаиваютъ бѣдняковъ вмѣсто цѣлительнаго лѣкарства. Пасторамъ платятъ за то, чтобы они не давали народу волноваться—вотъ преобладающая идея. Бѣдные не могутъ имъ платить; поэтому естественно, что они проповѣдуютъ то, что нужно богатымъ.

— Но церковь, церковь! Не все ли равно, откуда стекаются деньги?

— Мери, дорогая, вѣдь музыкантъ играетъ тому, кто ему платитъ. Впрочемъ, вы знаете объ этихъ вещахъ больше меня, я только передаю то, что слышала. Какъ я могу говорить о религіи, когда у меня самой ея нѣтъ?

— А святая нищета!—воскликнула Мери.—Я знаю ее, какъ никто, я благословляю ее, люблю ее. Мнѣ ничего не надо безъ нея.

— Мери, вы сами святая, вы поэтъ. Богъ свидѣтель, что нѣтъ ничего прекраснѣе этого. Я же говорю вообще о людяхъ, о простыхъ смертныхъ.

— Но вѣдь то-же проповѣдуетъ и наша церковь.

— — — — — .

— Только на словахъ, Мери. Вѣрьте мнѣ, обитатели Вестъ-Гэма смотрятъ на библейскихъ анахоретовъ, только какъ на своего рода дилетантовъ страданія и лишеній, за которыми всегда стоитъ какое-нибудь духовное учрежденіе, которое, въ крайнемъ случаѣ, всегда спасетъ ихъ отъ нужды. Пробыть шесть недѣль безъ работы, изголодаться до того, что приходится звать доктора—и видѣть флиртъ св. Франциска съ леди-Ницетой! Мнѣ это нравилось, Мери, до тѣхъ поръ, пока самой не пришлось пройти черезъ самую суровую школу терпѣнія. Мнѣ помогла только религія Лауры, и ея вліяніе не изгладилось даже впечатлѣніями сегодняшняго дня.

— Религія Лауры!—съ ужасомъ вскричала Мери.— Евангеліе борьбы, завоеванія благъ! Я знаю только одну религію: нашу милую церковь, съ ея праздниками и постами одинаково святыми, съ ея простыми обрядами, славословіями и молитвами, денно и нощно возносящимися къ престолу Бога Вышняго.

— Ахъ, Мери, если бы вы знали, до какой степени равнодушенъ ко всему этому какой-нибудь бѣднякъ, родившійся въ нуждѣ, лишенный желаній и идеаловъ. Повѣрьте, что всѣ эти обряды, церемоніи, праздники Пятидесятницы и другіе, съ такими же неудобо-произносимыми названіями, такъ же далеки и чужды ему, какъ годовщина какого-нибудь дня рожденія при дворѣ.

— Вѣдь здѣсь источникъ милосердія,—вскричала Мери, ломая руки.—Здѣсь путь къ прощенію, путь въ небеса.

— Они не думаютъ о небесахъ. Они не хотятъ ждать двѣсти лѣтъ. Великій соціалистъ нуженъ имъ сейчасъ. Пусть онъ придетъ и опуститъ свой бичъ на спины всѣхъ мѣнялъ Паркъ-Лэна. Бѣднякъ питаетъ глубочайшее отвращеніе къ умнымъ людямъ, которые думаютъ, что знаютъ, какъ его спасти.

— Но эти люди даютъ странѣ богатства, ведутъ торговлю,—возразила Мери безпомощно.—Я презираю ихъ за ту пустую жизнь, которую они ведутъ, за ихъ обжорство и пьянство, но всетаки и они дѣлаютъ кое-что?

— Да, въ наукѣ, искусствѣ, промышленности, но изъ всего этого только самый ничтожный минимумъ перепадаетъ бѣдняку.

— А развѣ онъ не долженъ быть благодаренъ хотя бы изобрѣтателямъ? Развѣ швейная или пишущая машины не одинаково полезны всѣмъ?

— Слушайте, Мери. Когда была изобрѣтена швейная машина, всѣ стали носить сорочки машинной работы. Были ли бѣлошвейки благодарны изобрѣтателю? Конечно,

нѣтъ. Чтобы заработать столько же, имъ нужно было шить въ день гораздо больше. Нечего и говорить, что имъ стало хуже. Прежде они только кололи себѣ пальцы, теперь же, отъ постояннаго давленія на педаль, стали заболѣвать ракомъ... Развѣ пишущая машина облегчила жизнь переписчиковъ? Парламентъ долженъ былъ даже издать законъ объ отвѣтственности владѣльцевъ конторъ, служащіе которыхъ изнурялись за этой работой. Я слышала объ одномъ свѣтилѣ архитектуры, который застраховалъ жизнь своихъ рабочихъ по 400 фунтовъ каждаго. Когда который-нибудь срывается съ лѣсовъ и расшибается на смерть, онъ предлагаетъ вдовѣ 300 фунтовъ, говоря: „берите, или уходите", а разницу кладетъ въ карманъ. Конечно, это дешевле, чѣмъ обносить лѣса перилами. Вы думаете, церковь не знаетъ объ этомъ? Но она безсильна даже сдѣлать внушеніе. Всѣ изобрѣтенія понижаютъ заработную плату, „умнымъ людямъ" этого и надо. Прислушайтесь только, какой протестующій вопль поднимаютъ они, когда кто-нибудь пытается хоть немного облегчить жизнь бѣдняка, будетъ ли это удешевленная плата на трамваѣ, лучшее воспитаніе или завтраки въ школахъ для его дѣтей.

— Надо думать о вѣчности, Пруденсъ. Передъ ней наша жизнь—мгновеніе.

— Мери, бѣднякъ не можетъ отдѣлаться отъ опасенія, что „умные люди" и на томъ свѣтѣ сумѣютъ его обойти. Нѣтъ, нѣтъ, онъ хочетъ получить свое на этомъ свѣтѣ и сейчасъ. Церковь понимаетъ это, понимаютъ это и „умные люди", они начинаютъ понемногу выбрасывать бѣднымъ куски. Ихъ благотворительность—палліативъ; тѣмъ нужна справедливость, а не милостыня. Но развѣ могутъ они искренно проповѣдывать отреченіе: „возьми отъ насъ, возьми отъ насъ, останови ту злую силу, которая даетъ нѣсколькимъ то, что принадлежитъ всѣмъ". „Умные люди" поработили и церковь, и Творца. Видя Іисуса въ драгоцѣнномъ вѣнцѣ, вмѣсто терноваго, бѣднякъ чувствуетъ, что потерялъ друга.

— Пруденсъ, Пруденсъ куда вы идете! Обѣ мы ищемъ чего-то, можетъ быть, одного и того же, но врядъ ли найдемъ въ этой жизни. Пойдемъ лучше спать.

XXXVII.

Чтобы достойнымъ образомъ закончить праздники, Пруденсъ рѣшила пойти вечеромъ въ театръ. Шла новая пьеса знаменитаго автора, при участіи не менѣе знаменитаго

Изъ Англіи.

I.

Чтобы получить представленіе о перемѣнѣ, которая произошла за послѣднія 25 лѣтъ въ сельскихъ округахъ графства Дорсетъ, описаннаго въ прошломъ письмѣ, нужно обратиться не только къ статистическимъ отчетамъ и синимъ книгамъ. Мнѣ, къ сожалѣнію, придется цитировать цифры и безжизненныя фразы правительственныхъ отчетовъ. Безъ этой тяжелой артиллеріи нельзя обойтись; но яркое представленіе о гибели деревни даетъ намъ Вильямъ Барнсъ, самый замѣчательный изъ англійскихъ лириковъ, писавшихъ на провинціальныхъ діалектахъ. Предъ нами крайне привлекательная личность, «потомственный крестьянинъ». Его предки съ незапамятныхъ временъ владѣли клочкомъ земли въ долинѣ Блэкморъ, которую поэтъ потомъ описывалъ. Вильямъ Барнсъ родился въ 1800 г. и умеръ въ 1887 г. Самоучкой онъ пріобрѣлъ большія знанія и выучился, между прочимъ, самъ французскому, итальянскому, русскому, древне-еврейскому, латинскому и персидскому языкамъ. Сперва онъ былъ школьнымъ учителемъ въ родной деревнѣ, а потомъ, когда ему было уже за сорокъ, сдалъ университетскій экзаменъ и сталъ священникомъ на родинѣ. Здѣсь онъ прожилъ до самой смерти. Вильямъ Барнсъ оставилъ нѣсколько сборниковъ лирическихъ стихотвореній, изъ которыхъ самый извѣстный «Hwomely Rhymes». Барнсъ — дорсетширскій поэтъ не только потому, что писалъ на мѣстномъ діалектѣ, но и потому, что воспѣвалъ только родную долину Блэкморъ, ея природу и населеніе. Въ англійской литературѣ не много найдется такихъ поэтовъ, которые такъ хорошо, такъ *просто* и такъ непосредственно понимали бы природу, какъ Барнсъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ нашего Фета. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строчекъ изъ поэмы «Вечеръ въ деревнѣ». Онѣ дадутъ также представленіе о діалектѣ, на которомъ писалъ Барнсъ.

„Now the light o'the west is a-turn'd to gloom,
An'the men be at hwome vrom ground:
An'the bells be a-zenden all down the Coombe,
From tower, their mwoansome sound.

An'the wind is still,
An'the house-dog do bark,
An'the rooks be a—vled to the elems high an'dark,
An'the water do roar at mill"...

«И вотъ потухаетъ свѣтъ на западѣ; плугари возвращаются домой съ поля; колокола шлютъ съ колокольни вдоль по Кумбу свои стонущіе звуки: затихаетъ вѣтеръ; залаяла собака; грачи вьются надъ высокими и темными вершинами вязовъ; реветъ вода у мельницы». Крайне трудно дать въ прозаическомъ переводѣ представленіе о лирическомъ поэтѣ, въ особенности о такомъ, какъ Барнсъ, прелесть котораго состоитъ также въ наивномъ провинціальномъ діалектѣ. Поэтъ имѣлъ громадное вліяніе, и популярность Дорсетшира объясняется тѣмъ, что Барнсъ научилъ большую публику понимать его простую природу. Но кромѣ послѣдней поэтъ воспѣвалъ также человѣческую жизнь, которая, по его выраженію, «одѣваетъ землю» (clothes the soil). Люди, которыхъ воспѣваетъ Барнсъ—населеніе той же долины Блэкморъ, крестьяне и сельскіе работники. Поэтъ говоритъ объ ихъ радостяхъ, надеждахъ, горестяхъ. Описанія его до того точны, что они представляютъ, въ извѣстномъ отношеніи, драгоцѣнный документъ для изучающаго жизнь крестьянъ въ Англіи. Въ этомъ отношеніи можно провести извѣстную аналогію между Барнсомъ и Шевченко.

Возьмемъ, напримѣръ, извѣстные стихи.

„Въ тімъ гаю,
У тій хатині, у раю,
Я бачивъ пекло... Тамъ неволя...
Тамъ матіръ добрую мою
Ще молодую, у могилу
Нужда та праця положила,
Тамъ батько, плачучи за дітьми,
(А ми малі були і голі)
Не витерпівъ лихої і долі,—
Умеръ на панщині!.. а ми
Розлізлися межи людьми,
Мовъ мишенята"...

Трудно привести болѣе краснорѣчивый и болѣе точный документъ, изображающій жизнь украинскихъ крестьянъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Въ то же время это — яркое, художественное произведеніе. Такими же документами являются стихотворенія Барнса. На его глазахъ началась гибель деревни. Онъ наблюдалъ ее въ родной долинѣ Блэкморъ и отмѣчалъ смерть земли изъ года въ годъ. Поэтъ отмѣчаетъ, что деревенскіе коттеджи, крытые соломой, съ красивымъ «dormer window», т. е. окномъ отъ комнаты на чердакѣ,—пустѣютъ. Въ коттеджахъ, въ старинныхъ очагахъ потухъ огонь. Эти очаги представляли съ доисторическихъ временъ сборный пунктъ для всей семьи. Теперь—семьи разбрелись.

„Now scattered vur an'wide,
And zome o'm be a-wanten bread,
Zome, better off, ha'died".

«Теперь они (крестьяне) разбрелись во всѣ стороны: нѣкоторые изъ нихъ нуждаются въ хлѣбѣ; другіе, болѣе счастливые, умерли». Десятки фермъ въ долинѣ Блэкморъ опустѣли. Тамъ, гдѣ были очаги, теперь трава. Овцы замѣнили людей. Болѣе состоятельные фермеры ушли въ Австралію или въ Канаду. Молодые деревенскіе работники ушли въ города. У Барнса есть стихотвореніе, написанное еще въ сороковыхъ годахъ. Описывается въ немъ деревенскій щеголь Джимъ. «Въ прошломъ году, на свѣтлое воскресеніе Джимъ надѣлъ въ первый разъ новый суконный сюртукъ съ яркими, сверкавшими на солнцѣ мѣдными пуговицами, въ петличку котораго всунулъ цвѣтокъ пьянаго левкоя. Надѣлъ онъ также новый жилетъ съ желтыми полосками и короткіе штаны, завязанные у колѣнъ цвѣтными лентами, и башмаки на толстыхъ подошвахъ. Потому, что была весна и Свѣтлое Воскресеніе». Теперь жизнерадостные, здоровые щеголи, какъ Джимъ, въ деревнѣ не засиживаются. Остаются только слабосильные, калѣки, придурковатые или совершенно лишенные инищіативы. Но самыя плохія времена для деревни еще впереди.

„Ah, Robert! times be badish vor the poor,
An'worse will come"...

«Ахъ, Робертъ, теперь плохое время для бѣдняковъ; но худшія еще только наступятъ», такъ говоритъ у Барнса старый крестьянинъ своему пріятелю. На это Робертъ уныло отвѣчаетъ: «Что-жъ, значитъ, намъ помирать надо скорѣе. Прощай!»

Теперь обратимся къ документамъ другого рода. «Съ сельскимъ работникомъ и съ его неизмѣннымъ товарищемъ по работѣ—конемъ поступаютъ совершенно одинаково, —говоритъ одинъ авторъ только что вышедшаго коллективнаго труда.—И тотъ, и другой работаютъ въ полѣ до тѣхъ поръ, покуда въ состояніи доставить двѣ вещи: пропитаніе для себя и прибыль въ пользу другого. Если они въ состояніи выработать только первое, и работника, и коня прогоняютъ. Отношеніе къ нимъ, однако, не одинаково. Когда конь перестаетъ доставлять прибыль, съ нимъ кончаютъ сразу, отправляя его на живодерню. Издыхая, онъ приноситъ послѣднюю службу человѣчеству. Кости коня размалываются и идутъ на приготовленіе удобрительнаго тука; имъ будутъ покрыты тѣ борозды, которыя терпѣливо прорѣзывалъ конь всю жизнь. Съ работникомъ поступаютъ иначе. Его оставляютъ на голодное и холодное прозябаніе до смерти. При жизни у работника отняли возможность имѣть коттеджъ, землю, корову. Имъ никто не интересовался. Послѣ смерти тѣломъ заинтересовались коронеры, полисмэны, док-

1*

тора. Трупу даютъ клочекъ земли за желѣзной рѣшеткой“ *). Въ концѣ прошлаго года вышли три оффиціальныхъ отчета, которые иллюстрируютъ современное положеніе земледѣлія въ Англіи **). Возьму нѣсколько цифръ оттуда. По переписи 1851 г. земледѣльческое населеніе Англіи исчислялось:

Сельскихъ работниковъ въ тѣсномъ смыслѣ . . .	1.077.627
Служителей на фермахъ	364 194
Садовниковъ	80.946
Управляющихъ	12.805
Фермеровъ	303.720
Откармливающихъ скотину на продажу	3.047

За пятьдесятъ лѣтъ населеніе Великобританіи значительно увеличилось: въ 1851 г. населеніе равнялось 27,7 мил., а въ 1901 г.— 41,9 мил.; но деревенское населеніе сильно уменьшилось, что видно изъ слѣдующей таблицы:

	1881	1891	1901	увеличеніе (+) или уменьшеніе (−) 1881—91	1891—1901
Фермеровъ и скотоводовъ. .	279126	277943	277694	— 1183	— 249
Управляющихъ и надсмотрщиковъ.	22895	21453	27317	— 1442	+ 5864
Пастуховъ	33125	31686	35022	— 1439	+ 3336
Сельскихъ работниковъ и служителей на фермахъ .	983919	866543	689292	—117376	—177251

II.

Въ этихъ цифрахъ заключается вся исторія аграрнаго кризиса въ Англіи. Уменьшилось число рукъ, воздѣлывающихъ землю; нивы превращаются въ луга. Земледѣльческая Англія отодвигается назадъ въ исторію ко временамъ скотоводства. Между тѣмъ, по свидѣтельству оффиціальнаго отчета, въ Англіи всюду существуетъ запросъ на мелкіе земельные участки, который не можетъ быть удовлетворенъ. Департаменту земледѣлія сообщаютъ изъ Хэнтингдона: «Громадный спросъ на участки; но предложенія нѣтъ». Изъ Хэртфорда: «Чувствуется крайняя необходимость въ мелкихъ земельныхъ участкахъ, которая не можетъ быть удовлетворена вслѣдствіе чрезмѣрно высокой ренты». Изъ Мидлсекса: «Трудно достать мелкіе участки. Фермы акровъ въ 20 можно еще имѣть, но за чрезмѣрно высокую ренту. Если бы поля, превращенныя здѣсь въ пастбища, раздѣлить на мелкіе участки, то они были бы разобраны немедленно. Такіе же точно отвѣты получены изъ 16 другихъ земледѣльческихъ графствъ ***). «Мелкія фермы невозможно достать,—

*) To Colonise England. A Plea for a Policy. London, 1907, p. 9.

**) Decline in the Agricultural Population of Great Britain (Board of Agricultur).

***) См. The Report of the Departmental Committee on Small Holdings in Great Britain*.

сообщаютъ департаменту земледѣлія изъ Surrey. Если бы онѣ были, то отливъ населенія изъ деревень въ города сейчасъ бы остановился». «Спросъ на мелкія фермы превышаетъ предложеніе,—сообщаютъ изъ Хэмшира.— Конкурренція велика.» «Здѣсь нужны маленькія фермы съ 4 — 5 акрами»,— пишутъ изъ Шропшира. Словомъ, всюду одно и то же. Съ одной стороны, крупные фермеры заявляютъ, что обрабатывать землю въ Англіи не выгодно и ведетъ къ банкротству. Съ другой—сельскіе работники и вообще люди, знающіе землю,—рвутся къ ней. Мы видимъ пустѣющія деревни, нивы, превращенныя въ пастбища овецъ, вырождающихся людей, и въ то же время извѣстно средство, которое не только можетъ остановить отливъ сельскаго населенія, но можетъ даже создать обратную тягу изъ города въ деревню. Извѣстенъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ гибели земледѣлія въ Англіи: крупный землевладѣлецъ. Для него государство дѣлало все. Оно отдало ему когда-то общественныя земли. Крупный землевладѣлецъ долго руководилъ изданіемъ законовъ, веденіемъ войнъ,—словомъ, всей внутренней и внѣшней политикой страны. Очень долго народъ принуждали приносить неимовѣрныя жертвы для благоденствія крупныхъ помѣщиковъ. И въ результатѣ—гибель земли. «Помѣщики отвѣтственны за аграрный кризисъ... Условія сдѣлали ихъ руководителями экономической и соціальной жизни въ сельскихъ округахъ. И вотъ всѣ свои усилія помѣщики примѣняли къ тому, чтобы получать возможно большую ренту и по силѣ возможности увернуться отъ всякихъ налоговъ. Помѣщики не научили своихъ фермеровъ лучшей системѣ обработки земли. Напротивъ, гоняясь за высокой рентой, они не желали сдавать фермы на долгій срокъ. Такимъ образомъ, фермеръ не могъ вводить какія-нибудь улучшенія, такъ какъ помѣщикъ не платилъ за нихъ, когда срокъ аренды кончался. Землевладѣлецъ не строилъ коттеджей для работниковъ. На фермахъ оставались прежнія помѣщенія, пришедшія въ негодность. Отсутствіе удобныхъ, здоровыхъ жилищъ для сельскихъ работниковъ въ значительной степени содѣйствовало исходу изъ деревни въ городъ. И теперь, несмотря на острый кризисъ, помѣщики продолжаютъ получать въ видѣ ренты за свою землю 43 мил. ф. ст. въ годъ, что въ три раза превышаетъ прибыль фермеровъ. Королевская коммиссія, командированная для изслѣдованія положенія земледѣлія, пришла къ заключенію, что непомѣрно высокая рента (over renting) создала аграрный кризисъ и совершенно разорила фермера». *) Коммиссія упрекаетъ помѣщиковъ еще въ томъ, что своимъ вліяніемъ на мѣстѣ они пользовались только для отстаиванія узко-партійныхъ или сектантскихъ вопросовъ. Мы знаемъ, что до проведенія перваго великаго билля

*) The Revival of Agriculture. A National Policy for great Britain. London. 1905. p. 3.

о реформахъ Англія находилась всецѣло въ рукахъ помѣщиковъ. Тогда не было разлада между обѣими палатами, потому что коммонеры въ значительной степени являлись ставленниками крупныхъ помѣщиковъ изъ верхней палаты. Въ рукахъ лордовъ находились всѣ гнилыя мѣстечки. Помѣщики сдавали въ аренду парламентское представительство отъ этихъ мѣстечекъ. Въ петиціи, поданной въ парламентъ въ 1793 г., указывается, что 97 избирательныхъ округовъ непосредственно находятся въ рукахъ лордовъ, а 209 округовъ—въ значительной зависимости. Такимъ образомъ, тогда помѣщики могли провести въ парламентѣ какой имъ было угодно билль. Реформа 1832 г. смела большинство гнилыхъ мѣстечекъ и явилась первымъ значительнымъ шагомъ къ дѣйствительно народному представительству. И съ 1832 г. начинается безпрерывный бой между коммонерами и лордами, т. е. между выборными представителями всей Англіи и крупными помѣщиками, представляющими только свои интересы. Обновленная палата общинъ немедленно внесла и приняла законъ о равноправіи евреевъ *). Лорды отвергли этотъ законопроектъ, который сталъ закономъ только въ 1845 г. Обновленный парламентъ принялъ законопроектъ объ уничтоженіи подкупа на выборахъ, о допущеніи диссентеровъ въ университеты, о демократизаціи муниципалитетовъ, уничтоженіи десятины въ пользу государственной церкви въ Ирландіи, объ улучшеніи положенія работниковъ въ шахтахъ и на фабрикахъ. На всѣ эти законопроекты помѣщики наложили свое veto. Цензура въ Англіи была уничтожена еще въ 1692 г.: но и въ началѣ XIX вѣка благами свободы прессы пользовались только богатые люди. Чтобы народъ не могъ читать газеты, парламентъ, когда онъ находился подъ властью помѣщиковъ, ввелъ штемпельный налогъ, а также налогъ на бумагу. Вслѣдствіе этого номеръ газеты стоилъ четвертакъ. Палата приняла законопроектъ объ уничтоженіи налоговъ, но помѣщики отвергли билль. Издатели уничтожили штемпельный налогъ захватнымъ образомъ, т. е. стали печатать безштемпельныя дешевыя газеты. Издателей преслѣдовали сначала, но потомъ безштемпельныя газеты стали издавать крупные писатели, какъ Диккенсъ, находившійся подъ защитой общественнаго мнѣнія. Ихъ неловко было сажать въ тюрьму, и лорды отступили. Крупные помѣщики

*) Гетто, т. е. черты осѣдлости въ Англіи не было. Для евреевъ были открыты какъ Лондонъ, такъ и деревни. И тогда не было спеціально еврейскаго законодательства. Евреи не составляли оброчной статьи полиціи, какъ у насъ. Но существовалъ законъ, что каждый избранный коммонеръ долженъ былъ, „какъ вѣрный христіанинъ“, принести присягу. Эти слова преграждали евреямъ доступъ въ парламентъ. Билль состоялъ въ измѣненіи формы присяги. Даже во времена политическаго безправія евреи были охраняемы общими гражданскими законами. Антисемитизма въ Англіи никогда не было. У Диккенса въ „Оливерѣ Твистѣ“ есть ужасный Фэгинъ; но тотъ же Диккенсъ въ „Нашемъ взаимномъ другѣ“ вывелъ благороднаго Райя (Riah).

изъ верхней палаты приняли, наконецъ, билль объ уничтоженіи налоговъ на просвѣщеніе. Защищая интересы своихъ сотоварищей въ Ирландіи, крупные помѣщики отвергли гладстоновскій билль 1893 г. Наконецъ, въ 1906 г., отстаивая своихъ вѣрныхъ союзниковъ епископовъ, лорды отвергли школьный билль. Такимъ образомъ, крупные помѣщики и въ настоящій моментъ не могутъ отказаться отъ старыхъ традицій. По мѣрѣ роста демократіи, вліяніе крупныхъ помѣщиковъ на политическую и соціальную жизнь Англіи становится все слабѣе. Каждый разъ, когда верхняя палата отвергаетъ какой-нибудь популярный билль, въ странѣ проявляется взрывъ негодованія и поднимается вопросъ о радикальной реформѣ учрежденія, состоящаго изъ наслѣдственныхъ представителей крупнаго землевладѣнія. Такой вопросъ стоитъ на очереди и теперь. Для разрѣшенія его предложенъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣръ *).

Итакъ, главными виновниками гибели земли въ Англіи являются крупные помѣщики, тѣ самые, которые всѣми силами старались задержать приливъ демократической волны.

Въ Англіи съ цѣлью пропаганды усиленно пользуются, еще со времени крестьянскаго возстанія Уота Тейлора, стихотворной формой. Women's Industrial Council, напр., переложилъ въ стихи *все* рабочее законодательство, касающееся женщинъ и дѣтей **). Тутъ идетъ сперва «опредѣленіе», потомъ пунктъ за пунктомъ всѣ законы. Стихи, конечно, отнюдь не блещутъ красотой. Объ этомъ можетъ дать представленіе слѣдующій образецъ.

„In factories, machines must go
By steam or gas or power; if no
Such power is used, the place will be
A workshop, whether two or three
Or hundreds work, or only one;
In every place where work is done
(Except at home) the law has made
A set of rules to be obeyed"

(т. е. «фабрикой называется такое мѣсто, гдѣ примѣняются машины, приводимыя въ движеніе паромъ или газомъ. Если подобные двигатели не примѣняются, то мѣсто, гдѣ работаютъ, называется мастерской, безразлично отъ того, имѣется ли тамъ одинъ, два, три или сто работниковъ. Для каждаго мѣста, гдѣ люди работаютъ вмѣстѣ, если только это не на дому, законъ постановилъ рядъ правилъ, которымъ нужно подчиняться»). Это, конечно, не стихи, а вирши, «doggerel», какъ говорятъ англичане; но цѣлью ихъ является дать малограмотной фабричной дѣвушкѣ или подростку точное

*) „Sir Robert Edgcumbe", The House of Lords and the Unjust Veto. London. 1907.
**) The Rhyme of the Factory Acts.

представленіе объ ихъ правахъ. Нужно, чтобы дѣти и дѣвушки знали, что такое незаконное распоряженіе.

„Jou must not put a child to claan,
While it is going, a machine“

(т. е. «нельзя отдавать дѣтямъ приказанія чистить машину, когда она въ дѣйствіи»). Выше разъяснено, что «дѣтьми» считаются по закону лица отъ 11—14 лѣтъ, до 15 лѣтъ—работники-«подростки», yuong persons). И эта цѣль достигается. Дѣти и подростки отлично усваиваютъ фабричное законодательство, изложенное въ стихахъ. Не всегда агитаціонная литература написана такими виршами. Попадаются очень хорошія прокламаціи. Такова, напр., «Пѣсня земли», въ которой проводится параллель между крупными помѣщиками и сельскимъ работникомъ Джилемъ. Прокламація написана съ чувствомъ, простыми, хорошими и звучными стихами.

«Помѣщикъ сидитъ въ своей отдѣланной дубомъ столовой; четыре десятка слугъ откликаются на его звонокъ. Одинъ лишь паркъ его занимаетъ пять квадратныхъ миль, а работникъ Джиль пашетъ, покуда на старость его не погонятъ въ рабочій домъ.

«У помѣщика много земли, есть и лѣсъ съ фазанами. Онъ одинъ можетъ ловить рыбу въ рѣчкѣ. На конюшнѣ стоятъ рѣзвые кони, а въ псарнѣ заливаются гончія и борзыя. Работникъ Джиль пашетъ, покуда на старость его не погонятъ въ рабочій домъ.

«Помѣщикъ, вѣроятно, засѣдаетъ въ верхней палатѣ и вырабатываютъ законы по старому «доброму» плану, т. е., чтобы все досталось ему. Работникъ Джиль пашетъ, покуда на старость его не погонятъ въ рабочій домъ.

«Работникъ Джиль живетъ въ развалившейся мурьѣ; въ награду за трудъ онъ получаетъ сухой хлѣбъ. Бѣдно его платье и груба постель. Онъ пашетъ, имѣя впереди только рабочій домъ.

«Жена Джиля тянетъ лямку, какъ рабочая кляча. Дѣти едва успѣваютъ выучиться грамотѣ. Собака въ конурѣ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ Джиль, который пашетъ, пашетъ, имѣя впереди рабочій домъ.

«Сынъ Джиля, въ поискахъ за хлѣбомъ, отправляется въ городъ, блескъ котораго привлекаетъ, но онъ попадаетъ въ трущобы. И здѣсь земля принадлежитъ лэндлорду. И сынъ Джиля тоже работаетъ, имѣя впереди рабочій домъ.

«Доколѣ, о Боже, народъ будетъ чужаниномъ въ своей родной странѣ? Доколѣ помѣщикъ, стоя у воротъ своего парка, будетъ глядѣть на Джиля, который пашетъ, пашетъ, хотя имѣетъ впереди только рабочій домъ?»

„How long, O Lord, shall the people be
Aliens in their own country?
How long shall the Squire from the park gate see
Giles follow the plough to the workhouse door?“

III.

Но что дѣлать? Какъ возвратить землю народу? Прежде всего необходимъ налогъ на земельную стоимость,—отвѣчаютъ радикалы. Обложеніе земельной стоимости налогомъ должно составлять самый важный пунктъ въ политической программѣ партіи. «Земля занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ категоріи другихъ богатствъ. Мы живемъ на землѣ. Изъ нея человѣкъ приложеніемъ труда извлекаетъ предметы первой необходимости и предметы роскоши. Всѣ богатства производятся примѣненіемъ труда къ землѣ. И если нѣкоторые люди захватили себѣ монополію на то, что абсолютно необходимо всѣмъ, то справедливо, чтобы этотъ источникъ богатствъ сдѣлался объектомъ спеціальнаго обложенія. Обложеніе налогомъ земельной стоимости необходимо, какъ съ фискальной, такъ и съ національной точки зрѣнія» *). Прежде всего нужно сдѣлать оцѣнку всей земли въ Великобританіи, но такую, чтобы стоимость всѣхъ сдѣланныхъ улучшеній на землѣ была бы вычислена отдѣльно. Подобная оцѣнка была произведена въ Нью-Іоркѣ. Земельная стоимость въ городахъ и другихъ населенныхъ мѣстахъ постоянно увеличивается, вслѣдствіе коллективнаго труда и расходовъ всего населенія; но когда лендлордъ продаетъ землю, вся подобная прибыль остается въ рукахъ продавца. Лорды Солсбри, напр., пріобрѣли двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ во время великой чумы за безцѣнокъ, а иногда и даромъ значительный кусокъ земли на болотномъ берегу Темзы. Акръ земли приносилъ имъ по 2—3 шиллинга. Но съ теченіемъ времени люди заселили болотный берегъ, осушили его, подняли, проложили дренажъ, сковали рѣку каменной набережной, проложили великолѣпныя улицы, развели сады, освѣтили все электричествомъ. Топкое, нездоровое болото превратилось въ одну изъ лучшихъ частей Лондона. Лорды Солсбри рѣшительно ничѣмъ не содѣйствовали этому процессу. Они только брали автоматически увеличивавшуюся ренту. И теперь земля, доставлявшая по 2—3 шиллинга за акръ, приноситъ ренту въ тысячи ф. ст. Налогъ на земельную стоимость представляется, такимъ образомъ, глубоко справедливымъ. «Общество должно имѣть хоть часть тѣхъ богатствъ, которыя созданы имъ же»,—говорятъ теперь не только радикалы, но и умѣренные либералы. Въ мартѣ прошлаго года въ парламентъ былъ внесенъ проектъ обложенія земельной стоимости въ Шотландіи **) въ размѣрѣ 2 шил. на фунтъ (10%). Покуда билль этотъ прошелъ во второмъ чтеніи. Такой же билль для Англіи долженъ быть внесенъ въ парламентъ послѣ Пасхи. Имѣется

*) The Taxation of Land Values. London. 1907. p. p. 259.

**) Scottish Land Values Taxation Bill, March, 1906.

въ виду обложеніе земельной стоимости, безъ «улучшеній» (къ послѣднимъ, по разъясненію билля, относятся дома, постройки всякаго рода, машины, насажденія, скважины для добыванія естественныхъ богатствъ, изгороди, дренажъ и пр.). Англіи приходится только слѣдовать примѣру Германіи. Когда прорыли Тельтонскій каналъ близъ Берлина, то стоимость земли по обоимъ берегамъ возросла на 500%. Рейхстагъ обратилъ вниманіе на это явленіе и при сооруженіи канала отъ Рейна до Ганновера (работы должны быть окончены въ 1909 г.) уполномочилъ правительство принудительно отчуждать такія земли, которыя могутъ представлять общественный интересъ. По вычисленію Польмале, если бы этотъ же принципъ былъ принятъ при прорытіи Тельтонскаго канала, возросшая земельная стоимость не только покрыла бы всѣ расходы, но оставила бы еще значительную сумму въ пользу общества. Въ Англіи возрастаніе стоимости земли идетъ такъ быстро, что налогъ, основанный на этомъ, принесъ бы государству громадный доходъ, который могъ бы быть затраченъ на осуществленіе самой насущной реформы: на возвращеніе земли народу,—говорятъ умѣренные реформаторы.

«При налогѣ на земельную стоимость, прогрессивномъ налогѣ, существующемъ уже обложеніи наслѣдствъ и налогѣ на спиртные напитки государство имѣло бы достаточно средствъ, чтобы приступить немедленно къ осуществленію самыхъ радикальныхъ реформъ... Экономическія послѣдствія налога на возростающую земельную стоимость были бы громадны» — говоритъ авторъ цитированнаго уже выше труда *). Подобный налогъ нанесъ бы смертельный ударъ земельной монополіи, существованіе которой такъ гибельно отзывается на благосостояніи народа. Она понижаетъ заработную плату, создаетъ скученность населенія въ городахъ, порождаетъ систему «выжиманія пота», — короче сказать, лежитъ въ корнѣ всѣхъ тѣхъ экономическихъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ населеніе. Выяснимъ это обстоятельство. Представимъ себѣ островъ, на самой плохой землѣ котораго (F) работникъ едва добываетъ себѣ средства къ существованію; на слѣдующемъ, лучшемъ участкѣ земли (E) *то же количество работы* даетъ двойной результатъ, чѣмъ на участкѣ F. На слѣдующемъ, еще лучшемъ участкѣ, та же работа даетъ тройные результаты и т. д. Графически это можно представить такъ.

$A_6 \quad B_5 \quad C_4 \quad D_3 \quad E_2 \quad F_1$

Гипотетическіе поселенцы, которые первые займутъ островъ, конечно, станутъ работать на самомъ лучшемъ участкѣ (A), гдѣ ихъ трудъ будетъ въ шесть разъ больше продуктивенъ, чѣмъ на худшемъ участкѣ (F). До тѣхъ поръ, покуда всѣ поселенцы могутъ

*) The Taxation of Land Values.

свободно селиться на участкѣ (А), имъ нѣтъ надобности платить ренту, и вслѣдствіе этого всѣ произведенныя богатства идутъ, какъ вознагражденіе за трудъ. Графически это представится въ такомъ видѣ.

Рента	0					
	A	B	C	D	E	F
Заработ. плата	6					

Но населеніе увеличивается. Является необходимость занять слѣдующій, нѣсколько худшій участокъ (В). Само собою понятно, что для новыхъ колонистовъ будетъ все равно, работать ли на участкѣ (В) и получать 5 за свой трудъ, или работать на участкѣ А, получать 6, оставляя себѣ 5 и отдавая 1 прежнимъ владѣльцамъ въ видѣ ренты за пользованіе лучшей землей. Въ обоихъ случаяхъ вознагражденіе за трудъ будетъ 5. Другими словами, первый участокъ (А) будетъ уже приносить ренту 1.

Рента	1	0				
	A	B	C	D	E	F
Заработ. плата	5	5				

Но населеніе все увеличивается. Приходится занять третій участокъ земли (С), худшій, чѣмъ В. Поселенцы получаютъ здѣсь, какъ результатъ своего труда, 4. Имъ все равно, получать ли они это на участкѣ С или снимутъ участокъ В, уплачивая владѣльцамъ 1 въ видѣ ренты (4+1), или сговорятся съ колонистами участка (А), которымъ дадутъ въ видѣ ренты 2 (4+2). Такимъ образомъ, когда увеличившееся населеніе вынуждено было занять болѣе плохую землю, заработная плата понизилась до 4, а рента увеличилась.

Рента	2	1	0			
	A	B	C	D	E	F
Заработ. плата	4	4	4			

Населеніе на нашемъ гипотетическомъ островѣ все увеличивается. Колонисты теперь вынуждены занять еще болѣе плохую землю (D), гдѣ трудъ приноситъ 3. Теперь собственники, захватившіе участокъ А, могутъ брать ренту 3 (поселенцамъ съ участка D все равно, получать ли 3 на плохой землѣ, или снимать хорошую, получать 6, изъ которыхъ 3 отдавать въ видѣ ренты), владѣльцы участка В получать ренту 2, а участка С—ренту 1. Но за то заработная плата на всѣхъ занятыхъ земляхъ упадетъ до 3. И такъ далѣе. Когда же населеніе острова увеличится настолько, что будутъ заняты самыя плохія земли, пустовавшія до тѣхъ поръ, то наша діаграма приметъ такой видъ.

Рента	5	4	3	2	1	0
	A	B	C	D	E	F
Заработ. плата	1	1	1	1	1	1

Такимъ образомъ, мы видимъ, что земельная монополія, т. е. право отдѣльныхъ лицъ на то, что абсолютно необходимо всѣмъ, неизбѣжно ведетъ къ слѣдующему: по мѣрѣ увеличенія населенія рента, т. е. доля ничего не дѣлающихъ, увеличивается, а заработная плата, т. е. доля отдающихъ землѣ всю энергію свою,—уменьшается. По причинѣ существованія земельной монополіи, всѣ работающіе на землѣ получаютъ за свой трудъ столько, какъ будто съ самаго начала они заняли наиболѣе плохіе участки. Ибо хотя земледѣльцы работаютъ и на хорошей землѣ, но должны отдавать все въ видѣ ренты. Всѣ, конечно, не могутъ занимать только хорошія земли. Населеніе гипотетическаго острова увеличилось настолько, что приходится обрабатывать всѣ шесть участковъ A, B, C, D, E, F. Но справедливое равненіе можетъ быть сдѣлано, если работающіе на лучшихъ участкахъ вносятъ въ общій фондъ разницу между хорошей и плохой землей и эта разница потомъ разверстывается по совѣсти между всей общиной. Такимъ образомъ, всѣ наши колонисты будутъ работать на землѣ одинаковой стоимости.

IV.

Земельная монополія не только гонитъ вверхъ ренту въ деревнѣ и внизъ—заработную плату но создаетъ также въ городахъ скученность населенія. Монополія лежитъ въ корнѣ многихъ великихъ бѣдствій. Возьмемъ для иллюстраціи два острова A и B, совершенно одинаковыхъ по величинѣ, естественнымъ богатствамъ, населенію, климату и пр. Предположимъ, что разница между ними только въ слѣдующемъ. На островѣ A доступъ къ землѣ открытъ для всѣхъ желающихъ, тогда какъ на островѣ B земля представляетъ собственность нѣсколькихъ монополистовъ. Островъ A, предположимъ, находится въ фазисѣ натуральнаго хозяйства. Каждый островитянинъ затрачиваетъ въ день столько-то на добываніе пищи, столько-то—на шитье для себя платья, выдѣлку лодки и т. д. Скоро островитяне убѣдятся, что имъ выгоднѣе заняться однимъ какимъ-нибудь дѣломъ и мѣняться потомъ продуктами. Человѣкъ работаетъ лучше, если сосредоточиваетъ свои силы и способности на одномъ дѣлѣ, чѣмъ когда пытается заняться всѣмъ. Законъ спроса и предложенія урегулируетъ на нашемъ гипотетическомъ островѣ производство цѣнностей. Никто не работаетъ больше, чѣмъ нужно ему. Если одинъ островитянинъ талантливѣе, предпріимчивѣе, прилежнѣе другихъ и будетъ работать больше своихъ сосѣдей,—онъ этимъ не причинитъ никому вреда. Онъ производитъ цѣнности необходимыя или полезныя, какъ для себя, такъ и для другихъ.

Предположимъ дальше, что на нашемъ гипотетическомъ островѣ одинъ изъ земледѣльцевъ придумалъ плугъ, тогда какъ до тѣхъ поръ всѣ работали только заступомъ. При помощи новаго изобрѣ-

тенія у земледѣльца является возможность кончать свою работу гораздо скорѣе, при томъ она значительно облегчается. Машина на нѣкоторое время дѣлаетъ трудъ земледѣльца болѣе предпочтительнымъ, чѣмъ другіе отрасли труда, такъ какъ хлѣбопашецъ можетъ пріобрѣтать продукты другихъ производителей на тѣхъ же условіяхъ, что и раньше. Въ то же время его рабочій день сокращается, а работа облегчена. Другіе же производители работаютъ столько же, сколько и прежде. Человѣчество стремится удовлетворить всѣ свои потребности съ наименьшею затратою труда. Такъ какъ на нашемъ островѣ много свободной земли, то многіе производители, специализировавшіеся раньше на выдѣлкѣ предметовъ второстепенной важности, возвратятся къ землѣ, чтобы тоже воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ. И соперничество, которое, при нормальныхъ условіяхъ является естественнымъ закономъ, обезпечивающимъ равное вознагражденіе за равный трудъ,—понизитъ цѣны на пищевые продукты. Такимъ образомъ, всѣ работники во всѣхъ отрасляхъ промышленности воспользуются выгодой отъ изобрѣтенія плуга. Ибо всѣ остальные работники въ другихъ отрасляхъ промышленности имѣютъ возможность пріобрѣтать земледѣльческіе продукты за меньшую цѣну, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ, работники могутъ или сократить свой рабочій день и получать ту же плату, или работать столько же, сколько и прежде, и имѣть возможность пріобрѣтать больше продуктовъ. До тѣхъ поръ, покуда доступъ къ землѣ открытъ для всѣхъ, спросъ и предложеніе уравниваютъ положеніе всѣхъ производителей. Такъ какъ каждое изобрѣтеніе сдѣлаетъ извѣстную отрасль промышленности болѣе легкой и привлекательной, то больше работниковъ займутся ею. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, покуда рабочая плата, или результаты труда не достигнутъ такого же уровня, какъ и въ другихъ отрасляхъ производства. Результатомъ примѣненія машины должно быть большее число продуктовъ за то же количество труда или то же число продуктовъ за меньшее количество труда. Такимъ образомъ, на гипотетическомъ островѣ, гдѣ доступъ къ землѣ открытъ для всѣхъ, каждое новое изобрѣтеніе должно увеличить комфортъ населенія и сократить его трудъ. Не всѣ будутъ имѣть равную долю въ произведенныхъ богатствахъ: но доля отдѣльнаго лица будетъ находиться въ прямой зависимости отъ таланта, ловкости и усердія индивидуума. До тѣхъ поръ, покуда земля доступна всѣмъ, не мыслимо существованіе людей, желающихъ работать, но не имѣющихъ гдѣ примѣнить силу своихъ мышцъ.

Но совсѣмъ другое положеніе получается тамъ, гдѣ существуетъ монополія на землю,—продолжаетъ цитируемый авторъ*). Если монополистъ отказывается давать ремесленнику полную плату за его работу, послѣдній не можетъ возвратиться къ землѣ и стать

*) „The Taxation of Land Values“. 1907. p. 267.

производителемъ для себя. Земля монополизирована нѣсколькими лицами, и въ результатѣ получается слѣдующее. Люди должны имѣть пищу. Труду необходимъ объектъ, къ которому онъ могъ бы быть примѣненъ. Отрѣзанный отъ земли, трудъ безпомощенъ. И вотъ работники, вмѣсто того, чтобы продавать *результаты* своего труда, какъ на первомъ гипотетическомъ островѣ, вынуждены продавать самый *трудъ*, т. е. силу своихъ мышцъ, тому, кто желаетъ купить эту цѣнность. Вознагражденіе за трудъ не основано уже больше на тѣхъ произведенныхъ продуктахъ, которые потомъ работникъ продаетъ. Онъ не является уже послѣдствіемъ таланта, ловкости, знаній и усердія производителя. Теперь конкуррируетъ между собою трудъ. Заработная плата находится теперь, когда земля монополизирована, въ зависимости отъ числа людей, ищущихъ работу, и отъ числа предпринимателей, готовыхъ предложить ее. Талантъ, ловкость и усердіе не приносятъ больше должнаго вознагражденія производителю. Эти качества являются только нѣкоторымъ шансомъ въ поискахъ за работой. Отдѣльный фабрикантъ въ исключительныхъ случаяхъ можетъ обратить вниманіе на эти качества: но не больше. Такимъ образомъ, основная разница между двумя гипотетическими островами заключается въ томъ, что на первомъ островѣ, гдѣ земля принадлежитъ всѣмъ, работникъ выноситъ на рынокъ продукты своего труда, а на второмъ—самый трудъ.

Каковы же послѣдствія? Люди должны жить чѣмъ-нибудь. Отрѣзанные отъ земли и лишенные, такимъ образомъ, возможности работать на себя, они вынуждены продавать свой трудъ за ту плату, какую дадутъ. Соперничество между работниками на островѣ, гдѣ земля доступна всѣмъ, устанавливаетъ равенство вознагражденія за одинаковое количество труда. На второмъ островѣ, гдѣ земля монополизирована, соперничество между работниками перерождается въ грубую и жестокую силу, понижающую заработную плату до предѣла, за которымъ начинается голодная смерть. Соперничество это приноситъ съ собою всѣ ужасы такъ называемой системы «выжиманія пота» изъ закабаленнаго работника (Sweating system).

Земельная монополія уродуетъ всю общественную машину. Въ «новой» странѣ, гдѣ доступъ къ землѣ свободенъ, молодые люди могутъ безбоязненно вступать въ бракъ, такъ какъ знаютъ, что источникъ существованія для нихъ обезпеченъ, покуда есть здоровье. Дѣти, покуда малы, помогаютъ родителямъ, а потомъ, когда послѣдніе состарятся, поддерживаютъ ихъ. Люди, работающіе на землѣ, не знакомы съ ужаснымъ призракомъ, которому имя безработица. Они знаютъ, напротивъ, что не только могутъ всегда работать, но чѣмъ больше будутъ работать, тѣмъ лучше для нихъ самихъ. Въ странахъ, гдѣ земля монополизирована, работникъ всегда трепещетъ отъ страха при мысли, что ему дѣлать съ женой и дѣтьми, если потеряетъ работу. И послѣдствіемъ является то, что многіе не

женятся вовсе. Женщина вступаетъ въ соперничество съ мужчиной на рынкѣ труда и еще больше понижаетъ заработную плату.

Землевладѣльцы сдаютъ землю въ аренду другимъ и, такимъ образомъ, становятся типичными трутнями, классомъ совершенно праздныхъ людей, которыхъ другіе снабжаютъ всѣмъ необходимымъ. Эти трутни милостиво разрѣшаютъ другимъ людямъ развлекать ихъ театромъ, живописью, изящными стихами, музыкой. Для тѣхъ, которые работаютъ на трутней, требуется, конечно, пища и платье, чтобы работа могла быть выполнена удовлетворительно. Предположимъ, на островѣ 50,000 человѣкъ. Половина ихъ, работая по двѣнадцати часовъ въ день, предположимъ, можетъ выработать все абсолютно необходимое для себя и всѣ предметы необходимости и роскоши для празднаго класса. Такимъ образомъ, на островѣ, гдѣ земля монополизирована, будутъ 25 тысячъ работающихъ и 25 тысячъ желающихъ, но не могущихъ найти работу. Такъ какъ количество работы, необходимое праздному классу, ограничено, то, понятно, безработные будутъ агитировать за восьмичасовой рабочій день, при наличности котораго всѣ 50 тысячъ человѣкъ могли бы найти спросъ на силу своихъ мышцъ. Если бы агитація привела къ удовлетворительному результату, то работа, дѣйствительно, нашлась бы для всѣхъ; но какою цѣною было бы куплено это? За каждый часъ, что работникъ работаетъ на себя, онъ долженъ другой часъ отдать другому классу. Все это послѣдствіе земельной монополіи. До тѣхъ поръ, покуда земля доступна всѣмъ, человѣкъ работаетъ, сколько хочетъ. *Весь* результатъ его работы принадлежитъ ему одному. Такимъ образомъ, заканчиваетъ цитированный авторъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ законы вырабатываются демократіей, работники должны добиваться не восьми-часового рабочаго дня, а уничтоженія земельной монополіи.

Если бы дѣло происходило такъ схематически, какъ указано выше, то на предполагаемомъ островѣ давно произошелъ бы рѣшительный переворотъ; но предохранительный клапанъ нашелся въ видѣ кораблей, прибывающихъ изъ чужихъ странъ съ грузомъ съѣстныхъ продуктовъ и разнаго добра, предлагаемыхъ въ обмѣнъ за другіе предметы. Производство послѣднихъ занимаетъ значительное число безработныхъ; остальныхъ же безработныхъ предприниматели содержатъ, какъ пауперовъ. Талантливые люди придумываютъ машины, при помощи которыхъ разные предметы могутъ быть изготовлены гораздо скорѣе и дешевле, чѣмъ обыкновеннымъ способомъ. И вотъ нѣкоторые люди, которымъ разными способами удалось накопить деньги, пріобрѣтаютъ эти машины и, такимъ образомъ, наносятъ смертельный ударъ мелкимъ производителямъ. Монополія на землю и монополія на фабрики ставитъ работника въ отчаянное положеніе. У него нѣтъ больше свободы договора. Такъ какъ земельная монополія отрѣзала работнику доступъ къ естественному источнику существованія, то онъ вынужденъ рабо-

тать на капиталиста за ту плату, которую тотъ предложитъ. Не будь земля монополизирована, то капиталистъ, чтобы удержать работниковъ, вынужденъ былъ бы предложить имъ справедливую заработную плату. Теперь работники, съ цѣлью поднять заработную плату, стремятся къ сокращенію рабочихъ рукъ въ каждой отрасли промышленности. Для этого организуются трэдъ-юніоны, которые всѣми силами стараются отстранить отъ работы людей, не принадлежащихъ къ союзу. Сокращая число подмастерьевъ и учениковъ, трэдъ-юніоны стремятся къ возможному ограниченію промышленныхъ союзовъ *).

V.

Итакъ, въ источникѣ главныхъ соціальныхъ бѣдствій лежитъ монополія на землю. Къ этому выводу въ Англіи пришли совершенно умѣренные люди, стоящіе за принципъ частной собственности. Землю необходимо возвратить народу. Для этой цѣли слѣдуетъ немедленно ввести высокій налогъ на «незаработанное приращеніе» земельной ренты. Въ странѣ дѣйствительно демократической положеніе дѣлъ не можетъ дойти до остраго кризиса, когда является необходимость въ рѣшительной и быстрой хирургической операціи, представляющей иногда опасность для организма. Въ Англіи мы имѣемъ рядъ крайне серьезныхъ вопросовъ, которые можно уподобить тяжелой болѣзни; но такъ какъ нѣтъ лицъ, могущихъ помѣшать лѣченію ея, то она не представляетъ опасности для организма. Есть время спокойно заняться систематическимъ лѣченіемъ. И вотъ, такой же проектъ основательнаго, но продолжительнаго лѣченія предлагается здѣсь по поводу аграрнаго вопроса. Предварительно необходимо немедленно улучшить положеніе сельскихъ работниковъ,—говорятъ авторы проекта **). Они до такой степени безпомощны, что до сихъ поръ не въ состояніи были организовать прочный союзъ, который продержался бы долго. Трэдъ-юніонъ, основанный Джозефомъ Арчемъ, существовалъ до тѣхъ поръ, покуда иниціаторъ могъ отдаваться ему. Сельскіе работники въ Англіи не въ силахъ группироваться, чтобы, такимъ образомъ, добиваться повышенія заработной платы. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что наиболѣе сильный, энергичный и предпріимчивый элементъ ушелъ уже изъ деревни въ городъ. Если въ послѣдніе годы заработная плата въ деревнѣ поднялась, то обусловливается это не дѣятельностью союза сельскихъ работниковъ, а крайнимъ недостаткомъ въ послѣднихъ. Въ настоящее время заработная плата въ деревнѣ все еще ниже,

*) См. „The Financial Reform Almanack", London. 1907, p. p. 259—260.

**) The Revival of Agriculture. A National Policy for Great Britain. London. 1905.

чѣмъ въ городахъ. По вычисленіямъ Вильсона Фокса, низшій размѣръ заработной платы въ деревняхъ теперь 14 ш. 5 п. (считая добавочную плату во время сѣнокоса и жатвы), а высшій размѣръ—22 ш. 6 п. Во многихъ мѣстахъ работники получаютъ часть платы натурой. По мнѣнію составителей проекта, прежде всего необходимо установить наименьшій размѣръ заработной платы для всѣхъ сельско-хозяйственныхъ округовъ Англіи. Это могутъ сдѣлать специальные третейскіе суды. Вмѣшивать центральную власть для этого нечего. Англія, какъ извѣстно, состоитъ изъ цѣлаго ряда самоуправляющихся ячеекъ, какъ приходъ (parish), городъ, графство. Напрасно стали бы мы искать въ нихъ «хозяевъ», т. е. представителей центральной власти, имѣющихъ власть надъ обывателями или группами обывателей. Въ Англіи нѣтъ ничего подобнаго губернаторамъ, вице-губернаторамъ, полицеймейстерамъ, исправникамъ, приставамъ, урядникамъ and last but not least—земскимъ начальникамъ. Самоуправляющаяся ячейка не только отлично живетъ безъ «хозяина», но не можетъ даже себѣ представить, зачѣмъ онъ надобенъ. Обиліе «хозяевъ», съ ихъ неизбѣжными канцеляріями, помимо того, что является безпрерывной опасностью для мирнаго обывателя,—стоитъ еще страшно дорого. Осуществленіемъ аграрной реформы должны заняться, по мнѣнію англичанъ, самоуправляющіяся ячейки, т. е. выборные всѣмъ населеніемъ совѣты графствъ. Они должны также позаботиться объ учрежденіи третейскихъ судовъ для нормировки заработной платы въ деревняхъ. Судъ соображается съ мѣстными условіями и устанавливаетъ заработную плату на опредѣленный срокъ, напр., на два года. Въ настоящій моментъ сельскіе работники во многихъ мѣстахъ получаютъ въ счетъ платы отъ помѣщика картофель, уголь, ячмень, молоко и др. продукты. Это, въ сущности, то, что предусматриваетъ въ фабричномъ законодательствѣ truck-Act. Послѣдствіемъ является крайняя зависимость сельскаго работника отъ деревенскаго лавочника, который, въ свою очередь, подчиненъ помѣщику. Затѣмъ этимъ обусловливается еще плохое питаніе сельскаго работника. Мы, русскіе, должны принять этотъ терминъ очень условно. Что въ Англіи называется «плохимъ» питаніемъ, то русскій крестьянинъ считалъ бы идеаломъ благоденствія. Обратимся, напр., къ только что законченному, превосходному и единственному въ своемъ родѣ «Atlas of the Wordl's Commerce» Бартелемью. Здѣсь мы находимъ цѣлый кладъ тщательно провѣренныхъ новыхъ данныхъ, иллюстрирующихъ экономическое положеніе населенія въ различныхъ странахъ. Я сдѣлаю маленькую группировку нѣкоторыхъ матеріаловъ, чтобы показать потребленіе пищевыхъ продуктовъ въ различныхъ странахъ. Основной пищей у культурныхъ народовъ является пшеничный хлѣбъ. Потребленіе его составляетъ въ

Канадѣ	155 англ. ф. на человѣка.
Германіи	195
Австро-Венгріи	2[illegible]1
Великобританіи	290
Соед. Штатахъ	315
Новой Зеландіи	400
Франціи	486

По количеству производства пшеницы, Россія занимаетъ второе мѣсто (первое—Соединенные Штаты): по количеству потребленія ея—представляетъ такую ничтожную величину, что графически она даже не изображена. Большую часть 509 мил. бушелей пшеницы, выращенныхъ на русскихъ поляхъ, вывозятъ за границу. Русскій крестьянинъ сѣетъ рожь. Ежегодно урожай ея достигаетъ 887 мил. бушелей (четвериковъ): но 58% всей ржи, привозимой въ Англію, идетъ изъ Россіи. У насъ производитель этой ржи питается той черной глиной, которую показывалъ въ Думѣ одинъ депутатъ: начальство рекомендуетъ рецепты приготовленія хлѣба изъ соломы, а въ Англіи русской рожью, чистой и безъ примѣси лебеды, откармливаютъ свиней. По производству сахара, Россія занимаетъ пятое мѣсто (Индія, Германія, Австро-Венгрія, Франція): но по потребленію его—только одиннадцатое. Въ Англіи потребленіе сахара на человѣка составляетъ 88,5 англ. ф. въ годъ, а въ Россіи—только 11. Какъ не вспомнить стихи Шелли: «Вы сѣете хлѣбъ, котораго не будете ѣсть; вы ткете платье, но не вы будете носить его». Въ Англіи мяса на человѣка приходится въ годъ 112 ф. (русскихъ фунтовъ—123,2), въ Россіи—51 ф. По потребленію мяса Россія занимаетъ 16-е мѣсто среди культурныхъ странъ. Обратимся къ тому, что англичане называютъ «dairy products». Россія ежегодно вывозитъ за границу яицъ и масла на 9 мил. ф. ст., т. е. на 90 мил. руб. Въ этомъ отношеніи она занимаетъ второе мѣсто. Первое—принадлежитъ Даніи. Но по потребленію dairy products Данія занимаетъ второе мѣсто, а Россія—четырнадцатое. Въ Даніи человѣкъ въ среднемъ потребляетъ 24,2 русск. ф. масла въ годъ, а въ Россіи—только 5,5 ф. Въ Англіи потребленіе масла составляетъ 20,9 рус. ф. въ годъ. Англичанинъ покупаетъ ровно въ пять разъ больше чая, чѣмъ русскій. Итакъ, анализъ цифръ покажетъ намъ, что въ среднемъ, англичанинъ питается въ 5—6 разъ лучше русскаго. Если мы выбросимъ состоятельные классы, которые у насъ ѣдятъ одинаково, какъ и англичане, скорѣе даже больше (въ Англіи кухня частнаго дома не напоминаетъ лабораторію алхимика, какъ у насъ, въ которой съ утра до вечера пылаетъ огонь и что-то постоянно шипитъ, прѣетъ и бурлитъ),—то мы получимъ, что англійскій «ходжъ» (сельскій работникъ) питается разъ въ 12 лучше, чѣмъ русскій крестьянинъ. «Ходжъ» каждый день ѣстъ бѣлый хлѣбъ, копченое сало, солонину, сыръ, молоко; онъ пьетъ

чай. Мармеладъ (т. е. варенье изъ апельсиновъ) и масло составляютъ въ англійской деревнѣ, какъ и въ городѣ, предметъ первой необходимости. Въ одномъ отношеніи Россія далеко оставляетъ за собой заграницу. Нашъ государственный бюджетъ построенъ, съ одной стороны, на займахъ, съ другой—на народномъ пьянствѣ. И по количеству выкуриваемаго чистаго спирта Россія занимаетъ первое мѣсто. Англія выкуриваетъ въ годъ лишь 29 милл. галлоновъ спирта (галлонъ—три штофа), тогда какъ Россія 86 милліоновъ. Хлѣбъ у насъ вывозятъ за границу, русской рожью откармливаютъ свиней въ Англіи; но весь спиртъ предназначенъ правительствомъ для русскаго народа. Спиртъ за границу вывозить нельзя, потому что тамъ онъ дешевле, чѣмъ въ Россіи. И вотъ, тогда какъ въ Англіи потребленіе спирта составляетъ 0,95 галлона на человѣка въ годъ, въ Россіи оно достигаетъ 1,81 гал. *). Ничтожное количество плохого хлѣба, за то обиліе водки и невѣроятное количество всякаго рода «хозяевъ»! Возвращусь, однако, къ проекту аграрной реформы.

Въ настоящее время жилищный вопросъ въ англійской деревнѣ въ значительной степени осложняетъ вопросъ о нормальной заработной платѣ. Коттеджи англійскихъ сельскихъ работниковъ неизмѣримо лучше тѣхъ избъ, въ которыхъ живетъ у насъ средній крестьянинъ; но они плохи, стары и значительно хуже новыхъ городскихъ помѣщеній. Кромѣ того, сельскіе работники боятся селиться въ коттеджахъ, предлагаемыхъ фермерами, чтобы, такимъ образомъ, не стать въ полную зависимость отъ нанимателя. Вотъ почему, по мнѣнію составителей проекта, за дѣло должны взяться совѣты графствъ. И теперь уже во многихъ городахъ совѣты выстроили здоровые, удобные, красивые и дешевые домики для работниковъ. Всюду эти домики заняты и приносятъ городу постоянный доходъ, идущій на погашеніе капитальнаго долга. Такимъ образомъ, совѣты графствъ могутъ смѣло сдѣлать для сельскихъ работниковъ то же, что они сдѣлали уже для городскихъ работниковъ. При нормировкѣ рабочей платы, можно будетъ точно вычислить, сколько именно могутъ сельскіе работники платить за коттеджъ, и сообразно съ этимъ строить.

VI.

Далѣе, прежде чѣмъ приступить къ радикальной реформѣ, необходимо обратить вниманіе на справедливую ренту. Въ земледѣльческихъ графствахъ рента теперь равняется отъ 1 ф. ст. за акръ (близъ Пемброка) до 3 ф. ст. (Кэмбриджъ). Это — средняя рента. Кое-гдѣ она падаетъ нѣсколько ниже (12 — 15 шил. въ Уэльсѣ;

*) Atlas of the World's Commerce, таблица 93.

въ нѣкоторыхъ графствахъ поднимается выше (въ Беркширѣ — 4 ф. ст., въ Соссексѣ — до 6 ф. ст., въ Кентѣ — 7 ф. ст., въ Эссексѣ—даже до 8 ф. ст. за акръ *). Рента, превышающая нормальную, обусловливается какими-нибудь исключительными причинами. Стремленіе лэндлордовъ воспользоваться прогрессомъ націи и учесть его въ свою пользу поднятіемъ ренты, — осуждено въ Англіи всѣми партіями. У насъ мы наблюдаемъ еще болѣе поразительное явленіе. Жадность землевладѣльцевъ при поднятіи арендной платы такова, что разрушила всѣ теоріи, установленныя отцами политической экономіи. «Съ 1875 г. владѣнія крестьянскихъ обществъ увеличились на 10%; но населеніе увеличилось за это время на 48%. Нужда въ землѣ такъ велика, а возможность снять ее такъ мала, что рента чрезмѣрно возрасла. Вопреки законамъ, установленнымъ классической политической экономіей, рента не только сравнялась съ незаработаннымъ приращеніемъ (unearned increment), но далеко превысила его, поглотила прибыль, и очень часто даже заработную плату арендаторовъ. Не рѣдки случаи, когда арендаторы платятъ въ видѣ ренты на шесть и даже на десять рублей за десятину больше, чѣмъ земля принесла бы чистой прибыли, будь она обработана наемнымъ трудомъ. Въ девяти уѣздахъ Нижегородской губерніи, напр., рента выше чистой прибыли, которую бы могла принести земля. Иногда арендная плата выше въ полтора, а иногда въ три раза. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ арендная плата за десятину земли, приносящую 91 коп. чистой прибыли — 2 руб. 86 коп. Въ Сергачскомъ уѣздѣ рента 5 р. 94 к., а прибыль — 4 р. 28 коп. Въ Орловской губерніи десятина земли, которая принесла бы 8 р. 76 коп., если бы ее обработать наемнымъ трудомъ, сдается нуждающимся крестьянамъ по 15 р. 20 коп. съ десятины. Въ Воронежской губерніи десятина земли, приносящая 10 р. 46 коп., сдается крестьянамъ по 14 р. 52 к. Въ пяти уѣздахъ Полтавской губерніи десятина земли, которая дала бы 7 р. 42 коп. чистой прибыли, сдается крестьянамъ по 11 р. 22 к. **). Рента, такимъ образомъ, у насъ гораздо выше, чѣмъ въ Англіи.

Нормировка заработной платы сельскихъ работниковъ можетъ быть только тогда, когда будетъ установлена справедливая рента. Въ настоящее время,—говоритъ одинъ изслѣдователь, — рента въ Англіи всюду чрезвычайно высока. Кромѣ того, если фермеръ дѣлаетъ какія-нибудь улучшенія, то пользуется этимъ только помѣщикъ. Если фермеръ проложитъ новый дренажъ или разведетъ фруктовый садъ, то все это перейдетъ потомъ къ помѣщику, который ничѣмъ не вознградитъ арендатора. Такимъ образомъ,— говоритъ одинъ изъ членовъ Королевской коммиссіи для изслѣдованія положенія земледѣлія, — устанавливается своего рода премія

*) „Atlas of the World's Commerce", 1907, таблица 13.

**) P. Milyoukow, Russia and its Crisis, Chicago, 1905, p. 451.

на плохую обработку земли и карается хорошая система. Такъ какъ земля автоматически поднимается въ цѣнѣ, то помѣщики не любятъ долгосрочныхъ арендъ и предпочитаютъ годичные контракты. Это ведетъ къ тому, что фермеръ постоянно чувствуетъ, что положеніе его шатко. «Фермеру, помимо справедливой ренты, необходима увѣренность въ томъ, что земля, во всякомъ случаѣ, останется въ его пользованіи, покуда онъ будетъ платить (Fixity of tenure). Кромѣ того, фермеръ вправѣ требовать извѣстную свободу въ землепользованіи и вознагражденія за всѣ сдѣланныя улучшенія. Въ настоящее время контракты, диктуемые помѣщиками, связываютъ фермеровъ по рукамъ и по ногамъ; въ особенности это относится къ лицамъ, снимающимъ мелкіе участки. Герцогъ Бедфордскій ставитъ, напр., мелкимъ фермерамъ такія условія: «Если арендаторъ работаетъ на какого-нибудь хозяина, то, безъ разрѣшенія его, воспрещается фермеру обрабатывать свой участокъ днемъ отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера». Мелкій фермеръ обязанъ «вести трезвую жизнь и заботиться о томъ, чтобы семья его вела себя постоянно благопристойно». Въ противномъ случаѣ, контрактъ не дѣйствителенъ. Въ Harborough Magna, въ графствѣ Уорикъ, помѣщикъ сдалъ фермеру участокъ въ 50 акровъ. Арендная плата—2 ф. ст. «Нельзя прокладывать дренажа или сажать фруктовыя деревья; помѣщикъ не заплатитъ ничего за это». Если арендная плата не внесена въ 14 дневный срокъ, контрактъ расторгается. То же самое произойдетъ, «если фермеръ безъ уважительной причины пропуститъ службу въ церкви» *).

Итакъ, необходимо выработать и установить справедливую ренту, основанную не на конкурренціи, какъ теперь, а на исчисленіи того, что земля можетъ дать. За такую справедливую ренту высказались даже нѣкоторые крупные помѣщики. Вычислять и опредѣлять ренту могли бы особые третейскіе суды, основанные въ каждомъ графствѣ.

Но всѣ перечисленныя мѣры только улучшили бы положеніе сельскихъ работниковъ и фермеровъ; требуется гораздо болѣе радикальная реформа: предстоитъ возрожденіе земледѣлія въ Англіи. Для осуществленія реформы необходимо сдѣлать всю землю національной собственностью. «Но прежде, чѣмъ нація приступитъ къ выкупу, необходимо опредѣлить справедливую цѣну. Затѣмъ нація не должна брать всю землю, покуда точно не будетъ знать, что дѣлать съ нею, т. е. покуда не явятся люди, умѣющіе справляться съ нею» **). Для русскаго читателя это, вѣроятно, звучитъ странно; но онъ долженъ вспомнить, что англійская деревня разбѣжалась. Тамъ нѣтъ крестьянъ собственниковъ, какъ у насъ. Въ городахъ

*) English Land Restoration League. Among the Agricultural Labourers. March. 1905. p. 18.

**) The Revival of Agriculture, p. 15.

нѣтъ рабочихъ и солдатъ, не забывшихъ соху и возвращающихся къ ней при первой возможности. Все, дѣйствительно любившее землю, потянулось давно уже изъ англійской деревни въ Канаду, Австралію и въ Капскую колонію. Все здоровое, талантливое и энергичное — переселилось въ города. Англійскіе работники на своихъ фабрикахъ и заводахъ теперь совершенно забыли, как обращаться съ землей. Это—второе и третье поколѣніе сельских работниковъ. Они горожане до мозга костей. У насъ, если бы земля завтра отошла къ народу, съ котораго сняли бы опеку семи «хозяевъ», и если бы государство явилось съ дѣйствительной помощью въ видѣ пособія на обзаведеніе скотомъ, земледѣльческими орудіями и сѣменами (конечно, при содѣйствіи выборныхъ от всего общества, а не чиновниковъ),—тотчасъ бы нашлись земледѣльцы, которые убрали бы землю, какъ «невѣсту къ вѣнцу». В скоромъ времени осуществилась бы картина, нарисованная Некрасовымъ:

«Горсточку русскихъ сослали
Въ страшную глушь, за расколъ:
Волю да землю имъ дали...
И постепенно въ полвѣка
Выросъ огромный посадъ —
Воля и трудъ человѣка
Дивныя дивы творятъ!
... Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!»

Въ Англіи, если бы внезапный переворотъ сразу передалъ теперь всю землю народу въ руки,—онъ не зналъ бы, что дѣлать съ нею. Пришлось бы постепенно пріучаться къ ней. Это обстоятельство и имѣютъ въ виду составители проекта. Земля не должна быть въ распоряженіи центральнаго правительства. Даже въ демократическомъ государствѣ такимъ образомъ въ рукахъ господствующей партіи получилось бы такое страшное орудіе противъ трудящагося класса, которое въ скоромъ времени превратилось бы въ средство тираніи. Распоряженіе громаднымъ земельнымъ фондомъ породило бы жадную къ власти бюрократію, которой въ Англіи покуда еще нѣтъ. Земельный вопросъ долженъ быть въ вѣдѣніи отдѣльныхъ самоуправляющихся ячеекъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, представителямъ центральной власти дѣлать нечего; имъ тамъ нѣтъ мѣста. Центральное правительство должно только помогать самоуправляющимся ячейкамъ деньгами. Ему надлежитъ также вести научное изученіе агрономіи. Въ настоящій моментъ при совѣтахъ графствъ уже существуютъ организаціи, которыя могли бы явиться эмбріономъ для развитія комитетовъ по выкупу всей земли. Это такъ называемые Small Holdings Committees, имѣющіе цѣлью предоставлять желающимъ небольшіе клочки земли *). Small Holdings-

*) Въ 1887 г. прошелъ въ парламентѣ законъ о мелкихъ земельныхъ

Councils скованы цѣлымъ рядомъ ограниченій. Вотъ почему результаты дѣятельности ихъ теперь далеко не блестящи. Полномочія комитетовъ должны быть расширены въ видѣ усиленія права принудительнаго отчужденія земли. Они и теперь являются выборными учрежденіями; но представительное начало должно быть болѣе всестороннее. Предварительно оцѣнка земли будетъ уже произведена для установленія справедливой ренты. Такимъ образомъ, трудъ комитетовъ значительно облегчится. Помѣщики получаютъ облигаціи, которыя гарантируютъ имъ, взамѣнъ земли, справедливую ренту въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Этотъ доходъ долженъ быть обложенъ такимъ же налогомъ, какъ и вообще всѣ доходы. Въ общемъ, этотъ проектъ принудительнаго отчужденія земли напоминаетъ новозеландскій законъ, въ силу котораго выкупленныя и распредѣленныя между фермерами земли приносятъ колоніи доходъ, превышающій ежегодно на 50 тысячъ ф. ст. сумму, необходимую на погашеніе выкупа.

Земельные комитеты, возникшіе въ каждой самоуправляющейся ячейкѣ, пріобрѣтаютъ землю и раздѣляютъ ее на участки различной величины. Комитетамъ приходится считаться съ фактомъ, что классъ людей, знающихъ, какъ обращаться съ землей, нужно еще создать. Вотъ почему и участки не одинаковы по размѣрамъ. Въ разсчетъ принимается деревенскій лавочникъ, которому надобенъ только клочекъ подъ огородъ, затѣмъ, работникъ, желающій завести маленькую ферму и т. д. Земля сдается на семь или на 21 годъ; въ послѣднемъ случаѣ контрактъ утверждается каждыя семь лѣтъ. Дѣлается это съ той цѣлью, чтобы «не заработанное приращеніе» не шло бы фермеру. Контрактъ можетъ быть нарушенъ обществомъ, въ случаѣ крайне небрежнаго обращенія съ землей. Комитеты помогаютъ фермерамъ обзаводиться живымъ инвентаремъ. Въ этомъ отношеніи проектъ вводитъ мѣру отчасти уже существующую въ Ирландіи. Congested District Board (нѣчто въ родѣ крестьянскаго банка въ Ирландіи) израсходовалъ 113,894 ф. ст. на покупку лошадей, ословъ, коровъ, овецъ и свиней для нуждающихся фермеровъ западныхъ графствъ. Но этотъ банкъ оперируетъ на небольшой территоріи. Въ Англіи тотъ же опытъ предстоитъ повторить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Фермерамъ необходимъ рынокъ. Въ этомъ отношеніи примѣръ

участкахъ (Allotments Act), который предоставилъ самоуправляющимся ячейкамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отчуждать землю у помѣщиковъ. По отчету 1890 г., число мелкихъ участковъ за четыре года увеличилось на 92152. Въ 1890 г. прошелъ Allotments Appeals Bill, усиливавшій значеніе предшествовавшаго закона. По отчету 1898 г. мы видимъ, что, на основаніи закона, *приходы* (начальная земская единица въ Англіи) пріобрѣли и распредѣлили между желающими 14872 акра земли. Обыкновенно участки—очень мелкіе, въ четверть акра. Обрабатываются они заступомъ. См. Chambers's Encyclopaedia, v. I, p. 174.

кооперативныхъ обществъ въ Англіи крайне поучителенъ. Когда то земледѣльческія коопераціи, основанныя послѣдователями Оуэна, всѣ гибли. Теперь фермы, основанныя громадными кооперативными обществами (въ Кеттерингѣ, Вуличѣ) — процвѣтаютъ. Объясняется это тѣмъ, что, во-первыхъ, кооперація можетъ примѣнить знаніе и капиталъ, а во-вторыхъ, что фермы имѣютъ готовый, обезпеченный рынокъ, т. е. всѣхъ потребителей. Кеттерингская кооперація имѣетъ великолѣпный садъ; но ей не для чего давать въ случаѣ большаго урожая дорогой видъ сливъ свиньямъ, вслѣдствіе отсутствія покупателей, какъ это бываетъ въ Девонширѣ. На фермѣ не бываетъ, что въ случаѣ большаго урожая корзины клубники гніютъ. Кооперація устроила на мѣстѣ свою фабрику для приготовленія консервовъ. Лавка потребителей забираетъ всѣ продукты. Каждая земская ячейка можетъ сдѣлать для фермеровъ то же самое, что и потребительное общество для кооперативной фермы. Кромѣ того необходимо улучшить пути сообщенія. Тѣ фермы, которыя лежатъ въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ должны быть обслуживаемы автомобилями. Уже и теперь внесенъ въ парламентъ проектъ закона, имѣющій цѣлью облегчить пересылку по почтѣ посылокъ. Такимъ образомъ фермеры получатъ возможность быстро доставлять на рынокъ свои продукты. Земская ячейка гарантируетъ фермерамъ рынокъ и съ тою же цѣлью помогаетъ имъ группироваться въ артели. Уже и теперь въ Англіи дѣйствуютъ 140 кооперацій подобнаго рода, а въ Ирландіи — 718 *). Муниципальные совѣты въ Англіи взяли уже кое-гдѣ на себя доставку молока. Это дало блестящіе результаты въ видѣ пониженія дѣтской смертности на 50%. Если то же самое городскіе совѣты сдѣлаютъ относительно нѣкоторыхъ другихъ продуктовъ, то у коопераціи фермеровъ будетъ готовый рынокъ.

Параллельно съ выкупомъ земли и снабженіемъ фермъ живымъ инвентаремъ должно идти техническое обученіе подрастающаго поколѣнія. Итакъ, проектъ, изложенный въ «Revival of Agriculture» сводится къ слѣдующему: улучшеніе положенія сельскихъ работниковъ, справедливая рента, принудительный выкупъ земли и пріученіе къ земледѣлію громадной части населенія, давно уже оторваннаго отъ деревни. Земельный фондъ находится въ распоряженіи не государства, а отдѣльныхъ, самостоятельныхъ земскихъ ячеекъ (приходовъ, городовъ и графствъ). Составители проекта дѣйствуютъ такъ осторожно и медленно, потому что они имѣютъ предъ собою не русскихъ крестьянъ, выросшихъ на землѣ, любящихъ ее и рвущихся къ ней, а англійскихъ городскихъ работниковъ, давно уже загнанныхъ въ каменныя трущобы и не знающихъ даже, какъ взяться за заступъ.

Существуетъ и другой планъ возрожденія земледѣлія въ Англіи.

*) См. Hazell's Annual, 1907, p. II.

— — —

Газета «Daily News» нарядила свою коммиссію для изслѣдованія этого вопроса. Спеціальные корреспонденты объѣхали всѣ земледѣльческія графства. Наблюденія ихъ печатались въ №№ за 1906—1907 гг. и теперь вышли отдѣльной книгой *), о которой я поговорю въ слѣдующій разъ.

Діонео.

О казакахъ.

«Затѣмъ, дорогіе мои, родители батенька Петро Кирѣвичъ и равно маменька Евгенія Филиповна пропишу вамъ про свою службу. Служба моя очинь хорошая но только одно скверно пріежалъ къ намъ урядникъ нижне курмоярской Станицы мехей Филимоновъ съ 3-мя егоргіями на груди имѣющій право отъ Его величества на собиседованіе съ казаками и вотъ присудствіи командира полка и 2-хъ командировъ сотенъ 5-й сотни Есаула Реброва и 2-й сотни Есаула Карѣева началъ обеставлять депутатовъ бывшей государственной думы Харламова, Набокова, Араканцева, свящ. Афанасьева и нашего Федора Димитравича всѣ обѣ сотни 5-я и 2-я стали защищать этихъ господъ, но не такъ рѣзко какъ я ихъ отставалъ ибо Филимоновъ возвишаетъ доблести Васильева Курина и Совостьянова. А этихъ нашихъ защитниковъ называетъ казаками нанизнанку А я постарался Ему фактично доказать что они—не казаки нанизнанку А настоящія доблестные сыны тихого дона за что командиръ полка лишилъ меня всякой свободы не только домой пуститъ но и тутъ не пущаетъ въ городъ безъ дневальнаго и не приказалъ командиру сотни назначать меня на дежурство и къ полковому знамени почему и небуду до самаго увольнѣнія со службы пользоваться свободой затѣмъ дорогіе родители прошу васъ пришлите мнѣ ради бога: денегъ рублей 10 или 15 это крайне необходимо ибо я обносился»...

— Миссіонеровъ ужъ стали посылать, —замѣтилъ уныло «родитель» въ дубленомъ тулупѣ.—Онъ, что же, высокихъ наукъ, Филимоновъ этотъ?

До сихъ поръ казачество почиталось настолько дѣвственнымъ, свободнымъ отъ политики, отъ мысли, отъ разсужденія, послушнымъ и исполнительно преданнымъ, —что въ посылкѣ «миссіонера» какъ будто бы и не представлялось особой необходимости. Оно прославлялось и въ патріотическихъ стихахъ, и въ патріотической прозѣ, и въ рѣчахъ высокопоставленныхъ ораторовъ.

*) To Colonise England. A. Plea for a Policy. London. 1907.

«Непоколебимы грозныя скалы,—говорилъ извѣстный истинно-русскій архистратигъ Каульбарсъ въ своей рѣчи на праздникѣ 8-го донского казачьяго полка:—за скалами тихая, надежная гавань для русской ладьи, а на ней державный Кормчій земли русской—нашъ обожаемый Монархъ. Дивныя имена носятъ эти скалы,—на нихъ начертаны имена русскихъ полковъ. На одной изъ самыхъ могучихъ и переднихъ я вижу тихій Донъ»... («Дон. обл. вѣд.», № 222).

Послѣ Японской войны, въ которой и самъ ораторъ, вмѣстѣ съ казацкими полками, прославился въ побѣдахъ неодолѣніемъ, намъ, казакамъ, былъ всетаки чрезвычайно пріятенъ этотъ комплиментъ, хотя мы знали, что ни одинъ русскій полкъ не носитъ такого «дивнаго имени»—тихій Донъ...

Намъ не надо конституцій,
Мы республикъ не хотимъ,
Не дадимъ продать Россію,
Царскій тронъ мы защитимъ!

Такъ вопіялъ черносотенный поэтъ Киселевъ 2-й въ одѣ, посвященной «полтавскимъ донцамъ».

И высочайшая грамота 1906 года изъявляла намъ всемилостивѣйшую признательность, подтвердила наши «права и привилегіи». Правда, ей предшествовали въ казачьей массѣ нѣсколько преувеличенныя ожиданія. По станицамъ и хуторамъ толковали, что за вѣрную службу царь отдаетъ казакамъ значущуюся въ его титулѣ «землю мордовскую»—«по 30 десятинъ на паевого», а мордву выселяетъ «на японскую грань—пужать японцевъ». Ожиданія не оправдались. Оставалось заняться подтвержденными «правами и привилегіями». Возникли сами собой вопросы: гдѣ права? Что такое привилегіи? И когда въ результатѣ неумѣстной пытливости не оказалось ни тѣхъ, ни другихъ,—донцы выбрали во вторую Государственную Думу всѣхъ представителей ярко оппозиціоннаго направленія... Твердыня вѣрности, преданности, непоколебимости обнаружила признаки даже какъ будто крамольнаго духа. Старанія и усилія истребить и тотъ духъ умѣренной строптивости, который обнаружился въ рѣчахъ четырехъ донскихъ депутатовъ въ первой Государственной Думѣ, пошли прахомъ...

Какъ извѣстно, тогда былъ внесенъ запросъ о незакономѣрной мобилизаціи казачьихъ полковъ 2-й и 3-й очереди и о незаконномъ употребленіи казачьихъ частей для полицейскихъ функцій. Запросъ вызвалъ горячія и продолжительныя пренія, въ которыхъ наибольшая слава впослѣдствіи выпала на долю трехъ донскихъ урядниковъ. Одинъ изъ урядниковъ—Васильевъ, произведенный нынѣ за патріотическія добродѣтели въ отставные хорунжіе, между прочимъ, заявилъ, что казаки дали ему наказъ успокоить революціонеровъ словами патріотической пѣсни: «всколыхнется, взволнуется православный тихій Донъ и послушно отзовется на при-

зывъ монарха онъ». Въ «Русскомъ Знамени» и другихъ листкахъ того же типа, въ прокламаціяхъ «Союза русскаго народа» слова развязнаго урядника были взяты эпиграфомъ, какъ слова подлиннаго наказа, даннаго казаками своимъ представителямъ.

Конечно, урядникъ Васильевъ сказалъ неправду, наказа казаки ему не давали. Имѣлъ онъ наказы лишь отъ своего непосредственнаго начальника, окружного атамана Хоперскаго округа г.-м. Широкова и, можетъ быть, за исполненіе этихъ наказовъ, вопреки закону, получалъ по 75 сребренниковъ изъ общественныхъ суммъ Өедосѣевской станицы. Излагать наказъ словами патріотической пѣсни, казачьей массѣ едва ли извѣстной, сочиненной въ Севастопольской войнѣ, могли, пожалуй, такіе «образованные» казаки, какъ урядникъ Васильевъ и генералъ Широковъ, которые усердно читаютъ «Русское знамя». Казачья же масса для изъявленія патріотическихъ чувствъ скорѣе использовала бы, вѣроятно, другія произведенія казарменной поэзіи, вошедшія въ обиходъ станичной жизни, напримѣръ:

Громко, звонко запоемъ,
Что въ полку славно живемъ,
Ходимъ чисто и бѣло...
Здравствуй, Царское Село!

Выдать эту пѣсню за наказъ казаковъ своимъ депутатамъ ничего не стоило. Тотъ же Васильевъ съ успѣхомъ иллюстрировалъ бы ею свое утвержденіе, что «хотя нужда казаковъ и велика, но они не ропщутъ и роптать не намѣрены».

Какъ бы то ни было, но запросъ о казакахъ, внесенный въ первую Государственную Думу, сыгралъ въ жизни современнаго казачества довольно замѣтную роль: онъ способствовалъ пробужденію и оживленію казачьей мысли, выраженію общественнаго казачьяго мнѣнія, въ нѣкоторыхъ мобилизованныхъ частяхъ переходившаго и въ дѣйствіе. Казачьи депутаты получали множество ходатайствъ еще до внесенія запроса, главнымъ образомъ, изъ мобилизованныхъ полковъ и отдѣльныхъ сотенъ. Когда же запросъ былъ внесенъ и черезъ газеты сдѣлался извѣстнымъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, число просьбъ, ходатайствъ и приговоровъ еще болѣе увеличилось. Нѣкоторыя станицы —напримѣръ, Усть-Медвѣдицкая,—послали въ Думу приговоры о рѣшительномъ отказѣ дать казаковъ для готовившейся къ роспуску Думы мобилизаціи трехъ новыхъ сводныхъ полковъ 2-й очереди. Возбужденіе въ казакахъ было настолько значительно и явно, что мобилизація была отмѣнена.

Сконфуженному мѣстному начальству необходимо было выверпнуться передъ другою, болѣе значительною властью, которой казаки до сего времени представлялись скалами и утесами преданности, готовности и благонадежности для цѣлей подавленія свободы. И вотъ за рѣчи трехъ депутатовъ урядниковъ вмѣстѣ съ

органами истинно-русскихъ компаньоновъ хватаются «истинные сыны тихаго Дона» въ генеральскихъ мундирахъ. Они прилагаютъ всевозможныя усилія, чтобы, въ противовѣсъ крамольнымъ приговорамъ, составить и разгласить приговоры патріотическаго содержанія. Судя по прежней практикѣ, дѣло казалось простымъ: стоило приказать кому слѣдуетъ и — приговоры готовы. Дерзнетъ ли кто-нибудь «забыть присягу» — возразить противъ патріотическаго изъявленія преданности?...

Пущена была въ ходъ обычная машина. Окружные атаманы надавили на станичныхъ атамановъ, станичные атаманы—на подчиненныхъ имъ станичниковъ. Результаты обнаружились быстрые, но не вполнѣ утѣшительные. Казаки, всегда такіе насчетъ патріотизма сговорчивые, вдругъ уперлись, и коллекція выраженій патріотическихъ чувствъ оказалась до неприличія скудна. Мѣстный органъ «Союза русскаго народа», издающійся на войсковыя средства,—«Донскія Областныя Вѣдомости»,—напечаталъ всего семь патріотическихъ приговоровъ на отдѣльномъ листѣ—для разсылки по всѣмъ станицамъ, хуторамъ, полкамъ и отдѣльнымъ сотнямъ въ назиданіе. Всего семь патріотическихъ приговоровъ, а станицъ въ Донскомъ Войскѣ—117, не считая пяти калмыцкихъ. А сколько усилій было приложено... Чтобы добиться согласія хотя бы половины выборныхъ, начальство пускало въ ходъ и подтасовку, и клевету, являлось на сборы не съ оффиціальными отчетами о думскомъ засѣданіи, а съ номерами газетъ «Русское Знамя», «Вѣче» «Голосъ Дона», «Московскія Вѣдомости»... Но, какъ оказалось, и это плохо помогло...

Патріотическіе приговоры, носящіе слѣды чиновныхъ вдохновителей, всетаки любопытны, какъ документы, характеризующіе мѣстный военно-полицейскій режимъ. Я позволю себѣ сопоставить эти документы съ тѣми, которые были получены депутатами первой Думы.

Приговоръ Павловскаго станичнаго сбора гласитъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ Государственной Думѣ, по волѣ Государя собравшейся, недостойные члены ея вмѣсто думъ о народномъ благѣ, вмѣсто работъ о тѣхъ реформахъ, которыя могли бы поднять и матеріальное, и нравственное состояніе дорогой намъ родины—Россіи, занимались только словопреніемъ и всячески старались оскорблять вѣрныхъ слугъ Царя и родины—министровъ, какъ будто въ этомъ ихъ была главная задача—оскорблять людей, цѣлую жизнь работающихъ для родины и даже проливавшихъ за нее кровь, не жалѣя жизни, да еще прямо таки ради придирки ставить вопросы: на какомъ основаніи призваны на службу казаки 2-й и 3-й очереди?»

«Мы клялись, вѣруемъ въ Бога и клятвопреступниками быть не можемъ, несмотря ни на какія прокламаціи, брошюры и уговоры смутьяновъ-крамольниковъ и другихъ лицъ, шумящихъ при томъ

же объ отмѣнѣ смертной казни, а сами изъ-подъ угла воровски убивающихъ лучшихъ людей въ государствѣ. Это по нашему не человѣчно, это можетъ быть естественнымъ явленіемъ только въ царствѣ звѣрей или душевно больныхъ. Какъ же, какіе же такіе особенные экземпляры людей, которымъ все возможно—грабить и даже убить человѣка, а ихъ не тронь. Нѣтъ, такихъ гражданъ намъ не надо, это вредный, больной элементъ, его слѣдуетъ и давно пора изолировать».

Патріотическое воодушевленіе Павловской станицы всетаки блѣднѣе, чѣмъ у другихъ станицъ, увѣковѣченныхъ областными вѣдомостями.

«Мы ни надъ чѣмъ не останавливаемся, исполняя волю Царя и правительства», — заявляетъ Трехъ-Островянская станица въ своемъ приговорѣ:—«и какъ бы ни называли насъ враги государства Россійскаго, для насъ нисколько не обидно».

Но Бесергеневская станица не проходитъ молчаніемъ широко распространившуюся славу о подвигахъ казачества:

«А что въ газетахъ сообщаютъ, будто бы мы и наши сыны обращались по-звѣрски съ мирными жителями, то это есть безстыдная клевета, выдуманная и распускаемая революціонерами за то, что мы стойко стоимъ за вѣрность Царю и присягѣ и никто изъ насъ и сыновъ нашихъ никогда не позволитъ этого дѣлать такъ какъ каждый долженъ помнить данный имъ обѣтъ передъ Крестомъ и Евангеліемъ: товарища выручай, мирнаго жителя не обижай».

Бесергеневцы не справились съ уголовной хроникой хотя бы своей станицы. А вотъ въ приговорѣ казаковъ Етеревской станицы—въ «Донскихъ областныхъ Вѣдомостяхъ» онъ не напечатанъ—говорится уже иначе:

«Искони природные къ войнѣ и защитѣ отечества, мы не останавливались ни передъ какимъ призывомъ и съ радостью шли на службу царскую, гдѣ пріобрѣтали себѣ честь и славу. Дѣдовъ и и отцовъ восхваляли, про нихъ пѣлись въ народѣ военныя пѣсни. Мы думали, что и дѣти наши, по первому зову являвшіяся на службу, заслужатъ себѣ любовь народа. Что же видимъ на самомъ дѣлѣ? Дѣти наши заслужили себѣ не славу народа, а кличку «дикая орда», народъ ихъ называетъ волками, убійцами, разбойниками, грабителями, продавцами себя, наемными душами. И мы съ горькимъ сердцемъ сознаемъ, что это заслужено хотя не всѣми, но многими изъ нихъ».

Черезъ Зимняцкій хуторъ прошла полусотня второ-очередныхъ казаковъ, истребованная усть-медвѣдицкимъ окружнымъ атаманомъ для охраны собственной персоны. Лишь прошла. Но слѣдъ, оставленный ея посѣщеніемъ, былъ настолько выпукло замѣтенъ, что поколебалъ патріотическую созерцательность даже очень стойкихъ людей.

— Ну, насмотрѣлся я,—говорилъ станичный атаманъ, заранѣе истребованный на хуторъ для наблюденія за порядкомъ:—теперь вѣрю всему, что пишутъ въ газетахъ. Впередъ всетаки сомнѣвался. Теперь вѣрю. Разъ тутъ, середи своихъ, они такъ ведутъ сами себя, чего же дѣлаютъ они въ Россіи?! Пьяные, безобразничаютъ, ругаются. Арбузъ ѣдятъ, а сами матершиной. Командиръ боится ихъ и не показывается! Къ жителямъ лѣзутъ, тащутъ, чего хотятъ, а стань говорить—грозятъ. Монополову жену поймали на крыльцѣ, повалили... насилу вырвалась, а то бы... Ружья побросали. Наши ужъ хотѣли было похватать ихъ да показать имъ свою развязку. И показали бы, кабы я не удержалъ...

— Шесть калмыковъ среди нихъ. Что за благородный народъ. водки—никакъ, ни ругаются, ни за людьми не туразятъ... Такъ посидѣли вечеромъ, поговорили между собой, потомъ легли на сѣдла спать. А наши хуже башибузуковъ. Сказалъ я командиру, а онъ лишь плечиками вздрагиваетъ. Боится: грозили убить его, говорятъ...

— Есть и тихіе изъ нихъ. Все по-благородному, какъ и прилично военному человѣку. Одинъ казачокъ, набожный такой, смирный... Разговорился со мной. Пять человѣкъ дѣтей у него, жена дома да отецъ старый. Было, говоритъ, три пары быковъ. Земли было насѣяно. Пару быковъ жена продала—работать нанять; 75 рублей не достало, деньги израсходованы. Опять неурожай въ этомъ году—другую пару продала: ребятъ обшить, обуть надо. И такъ сталъ я изъ хозяина почти нищимъ...

«Сталъ изъ хозяина почти нищимъ»... Патріотическіе приговоры, наоборотъ, утверждаютъ, что мобилизація поправила хозяйства казаковъ. «Что касается экономическаго положенія семей мобилизованныхъ казаковъ, то и по этому поводу слезы, пролитыя въ Государственной Думѣ, были пролиты напрасно, такъ какъ каждый казакъ въ видѣ пособія на снаряженіе получилъ до 200 рублей, семья его для найма рабочихъ получила 75 руб. изъ войсковыхъ и казенныхъ суммъ и сами казаки, состоя на службѣ, получаютъ нынѣ усиленное содержаніе, отъ избытковъ котораго многіе посылаютъ даже помощь своимъ семьямъ» (приговоръ Егорлыцкой станицы).

То же самое утверждаетъ станица Букановская, за ней Аржановская, которая считаетъ даже недостаточнымъ количество мобилизованныхъ казачьихъ частей и полагаетъ необходимымъ «усилить ихъ для защиты намъ дорогихъ и близкихъ сердцу Россіи и царствующаго дома». Наиболѣе цѣнными и обоснованными всетаки представляется указанія Егорлыцкой станицы: каждый казакъ получилъ до 200 рублей въ видѣ пособія на снаряженіе и затѣмъ отъ избытковъ. По этому поводу не лишни нѣкоторыя справки. Оказывается, что полки, мобилизованные до 1906 г., т. е. большая часть казаковъ, вся вторая очередь, получили по 100 рублей и

только. Когда 3-й полкъ выразилъ протестъ противъ полицейской службы, послѣ этого пришлось вернуть цѣлую [illegible] а казацкія услуги: стали [illegible] тремъ сотнямъ и [illegible] 2-й очереди, и оставшіеся въ [illegible], получали жалованье по 200 рублей. Что касается присылаемаго отъ избытковъ въ содержаніи, то въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе одно обстоятельство. Далеко не во всѣхъ казачьихъ частяхъ и даже не у всѣхъ казаковъ одной и той же части оказывается «избытокъ». Сами казаки говорятъ объ избыткахъ такъ: «кому какъ пофортунитъ»... И затѣмъ присылаютъ, главнымъ образомъ, вещи — правда, иногда цѣнныя, но въ домашнемъ казацкомъ обиходѣ не нужныя. Одинъ казакъ съ хутора Пичугина прислалъ женѣ лисью ротонду. Конечно, носить эту ротонду казачка, привыкшая къ нагольной овчинной шубѣ, не станетъ. Кому пофортунило, присылаютъ швейныя машины, граммофоны, валенки, жестянки съ консервами, плиссерованныя юбки, жакеты, которые казачки стѣсняются надѣвать, по непривычкѣ къ моднымъ фасонамъ. Все это, разумѣется, едва ли отъ избытковъ содержанія...

Объ «избыткахъ содержанія» въ другихъ казачьихъ приговорахъ что-то не упоминается.

«По уходѣ дѣтей нашихъ изъ дому, остались мы, родители ихъ старые и жены ихъ съ малыми дѣтьми, у нѣкоторыхъ по шести душъ дѣтей и живетъ одна, которыя требуютъ непремѣнный за собой уходъ, а вамъ и въ полѣ надо работать, а мы, родители ихъ старые, не можемъ и себѣ пріобрѣсть насущнаго хлѣба, а сыновъ нашихъ забрали на службу, на которыхъ пришло положить половину нашего имущества, а нѣкоторые изъ насъ остались даже безъ хлѣба и послѣднюю десятинку зарабатывать было некому, а дѣтей нашихъ угнали охранять имѣніе богачей, а насъ лишили послѣдняго хозяйства, а потому вынужденными себя находимъ ходатайствовать о выпускѣ нашихъ сыновъ и мужей домой. Мы даже и не желаемъ, что наши сыны оберегаютъ только чужія имѣнія, а не отечество, — то пусть богачи сами охраняютъ себя, а въ защиту Батюшки-Царя и святой Руси мы навсегда будемъ готовы выставить своихъ дѣтей на границы, а помѣщиковъ мы охранять не согласны» (Приговоръ Глазуновской станицы).

Предо мной слишкомъ много документовъ и изъ полковъ отъ казаковъ-нижнихъ чиновъ, и отъ казаковъ-офицеровъ, и отъ станицъ, и отъ казачьихъ семей. Чтобы не утомлять читателя, я выбираю наугадъ изъ тѣхъ, которые въ свое время не попали въ печать.

Вотъ письмо отъ казаковъ 48-го полка:

«Служба наша нистроевая, а палицейская. Да намъ делать нечива, въ Донской области въ станицы Урюпинской стоимъ А поетому Делу просимъ васъ походатоствовать анасъ чтобы Мы были спущены Домой такъ какъ Унасъ Дома осталися одни сторики да жоны смаломи дѣтми голодныя. А мы стережимъ чужуя

собствинасть, свою побросали у насъ началась уборка хлѣба убирать некому, пропадай все наше Добро. Абращаймся Мы квамъ походатствовать предъ Государственной Думой о насъ, чтобы спустили Домой. чево Мы ожидаимъ каждый день Тилиграму читаимъ и смотримъ и слушаимъ гдѣ читаютъ газеты, чево Пишутъ онасъ и чево вы говорите Мы о васъ очинъ биспокоимся о вашемъ предълоги о насъ и благодаримъ васъ, что вы говорите правду всю Мы готовы всегда служить Государю и нашему Атечеству Дорогому и просимъ васъ какъ намъ быть гдѣ намъ искать милость»...

Вотъ прошеніе, написанное и подписанное женской рукой. Грамотная казачка—рѣдкое явленіе, и услышать ея подлинное слово особенно интересно.

«Прошу и молю Богомъ поставленную власть,—пишетъ казачка Скуришенской станицы С—ва,—обратить христіанское вниманіе на наше бѣдственное положеніе Мужъ мой, окончивши трехгодичный срокъ службы, поживъ мало дома, схваченъ въ двое сутокъ по мобилизаціи и служитъ сейчасъ въ сводномъ полку въ Тамбовской губерніи не какъ на дѣйствительной, а какъ какимъ-то сторожемъ: караулятъ помѣщика Ушакова имѣнія, тлѣнное вещество, а меня оставилъ съ тремя малолѣтними сынами, при томъ же старые дѣдъ и бабка 72-хъ лѣтъ. Не имѣю полевыхъ рабочихъ рукъ, терплю нужду въ пропитаніи, хотя мужъ мой осенью оставилъ мнѣ пять десятинъ пахатной земли, весной некому было заработать, я принуждена была продать четыре десятины за дешевую цѣну, пятую десятину я заработала хотя чужими руками для пропитанія. Пришла жатва,—некого нанять убрать эту десятину, всякъ говоритъ: «погоди, когда свой уберемъ, тогда можетъ быть наймусь, что и означаетъ, когда могущіе уберутъ свой хлѣбъ, а мой послѣ ихъ уборки долженъ пропасть. Къ чему же намъ и пособіе безъ собственныхъ рукъ? Это пропитаніе, какъ падающая со стола крошка. Какъ же я буду съ своими военными сынами? И мило ли моему мужу оберегать имѣнія помѣщика Ушакова, а свои сердечныя души безсмертныя уморить? Какіе же будутъ мои сыны вояки? Заранѣе отцу надо бы готовить ихъ къ военному дѣлу, а они оставлены, какъ сироты»...

Нѣсколькими строками ниже она прибавляетъ:

«Не я одна прошу милости,—и многія есть такія же, со мной равны и многія еще бѣдственнѣе меня. Надѣемся, какъ милостивъ Богъ, такъ и поставленная имъ власть не оставитъ насъ сирыхъ, отпустятъ 3-ю и 2-ю очередь мобилизованныхъ казаковъ».

Конечно, эти документы не убѣдительны для вдохновителей патріотическихъ приговоровъ. Бывшій депутатъ, урядникъ Васильевъ съ развязностью заявлялъ въ Думѣ, что документы эти есть плодъ преступной агитаціи. Вотъ онъ, дескать, не агитировалъ и ему не прислали ни подобныхъ приговоровъ, ни просьбъ. Въ «многоуважаемую» редакцію «Зорьки» г. Васильевъ писалъ:

«Безпристрастная исторія скажетъ о всемъ своевременно, а темныя дѣлишки лицъ, занимающихся агитаціей и собираніемъ всевозможныхъ и всевозможными путями черныхъ документовъ, которымъ грошъ цѣна, раскроются въ недалекомъ будущемъ. Имѣющій уши да слышитъ».

Это въ іюлѣ 1906 г. писалъ «истинный сынъ Россіи и тихаго Дона», какъ именовалъ себя въ томъ же письмѣ въ «многоуважаемую Зорьку» г. Васильевъ. И уже во второй половинѣ того же мѣсяца онъ раздавалъ по станицамъ Хоперскаго округа «свѣтлые» документы: № 151 «Русскаго Знамени», гдѣ въ стихахъ и прозѣ прославлялся урядникъ Васильевъ, листки: «Какъ думскіе полубаре хотѣли мужика обмануть», «Россія передъ казнію», «Славному казачеству» и др. Послѣдній документъ кончается призывомъ: «Не теряйте же времени, пишите на станичныхъ сборахъ о вступленіи вашемъ въ союзъ русскаго народа, высылайте скорѣй приговоры къ намъ, а дальше самъ Господь и сердце, преданное Государю, подскажутъ вамъ, что надо дѣлать»...

Раздача этихъ документовъ сопровождалась, по истинно-русскому обычаю, питіями и закуской. «Безпристрастная исторія» говоритъ и о другихъ «истинныхъ сынахъ», - напримѣръ, о генералѣ Широковѣ, неутомимо излагавшемъ «своими словами» передовыя статьи «Русскаго Знамени» и «Вѣча» о жидовской Думѣ на станичныхъ и хуторскихъ сборахъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ тарантасѣ — ямщикамъ... Всюду, гдѣ можно, и генералъ Широковъ поливаетъ очищенной сѣмена насажденія своего («Царицынск. Рѣчь». № 15[illegible]).

II.

Отношеніе казаковъ къ вопросу о мобилизаціи 2-й и 3-й очереди характеризуетъ до нѣкоторой степени и ихъ отношеніе къ освободительному движенію. Изъ вышеприведенныхъ документальныхъ выдержекъ видно, что казацкое мнѣніе идетъ двумя радикально-противоположными направленіями: съ одной стороны—съ десятокъ станицъ объявляютъ себя всецѣло на сторонѣ самодержавія, ради благоденствія котораго они «ни передъ чѣмъ не останавливаются»; съ другой—около полусотни станицъ (и хуторовъ), приговоры и просьбы которыхъ были получены въ Думѣ, просятъ (одна Усть-Медвѣдицкая лишь *требуетъ*) и даже молятъ Богомъ поставленную власть освободить ихъ отъ позорной нынѣшней службы. Остальныя станицы молчатъ, «бо благоденствуютъ»... А можетъ быть, и по невозможности выразить свое искреннее мнѣніе...

Разница во взглядахъ на самый острый, самый жизненный вопросъ современности объясняется, прежде всего, конечно, силою тѣхъ начальственныхъ воздѣйствій, подъ которыми давно уже про-

ходитъ вся жизнь казака. Имѣетъ нѣкоторое значеніе и разслоеніе казачьей массы.

Во время выборовъ въ первую Государственную Думу черкасскій предводитель дворянства камеръ-юнкеръ Леоновъ, лидеръ правыхъ, угощая въ третьестепенномъ трактирчикѣ «Золотой Якорь» нѣкоторыхъ выборщиковъ отъ станицъ водкой, патетически восклицалъ:

— Я—казакъ! Я—природный казакъ... старый урядникъ! Не ряженый казакъ, какъ всѣ эти учителя, адвокаты, мировые судьи, а истинный казакъ...

Любилъ себя называть «истиннымъ» казакомъ и бывшій войсковой атаманъ кн. Святополкъ-Мирскій, ограбившій Донъ. Его ставленникъ, черкасскій окружной атаманъ Берладинъ, уличенный во взяточничествѣ, тоже, надо думать, «истинный» казакъ. Но отъ этихъ казаковъ до глазуновскаго казака Петра Мишаткина, взятаго «по мобилизаціи», оставившаго дома пять дѣтишекъ отъ шестилѣтняго до шестимѣсячнаго возраста, да на придачу къ нимъ разбитую параличемъ бабку,—разстояніе огромное. Ихъ объединяетъ, конечно, казарменный строй и красныя лампасы. Но для «не ряженыхъ» казаковъ въ родѣ ген. Берладина и ему подобныхъ этотъ строй—источникъ выгодъ, почестей, безгрѣшныхъ доходовъ, власти, вліянія и благоденствія. Для Мишаткина—это безсмысленно-тяжкое иго и бремя неудобоносимое...

На дистанціи столь огромнаго размѣра, которая отдѣляетъ камеръ-юнкера Леонова отъ казака Петра Мишаткина, можно видѣть группы, не столь рѣзко отграниченныя въ своихъ жизненныхъ интересахъ и въ своемъ міросозерцаніи, но, тѣмъ не менѣе, далеко не сходныя между собой. Не говоря уже о многочисленномъ классѣ лицъ должностныхъ (нигдѣ столько чиновниковъ нѣтъ, какъ въ казачьихъ областяхъ, въ особенности въ станичномъ управленіи), пристроившихся къ жалованью и обязанныхъ «присягою» поддерживать незыблемость существующаго строя за извѣстное число сребренниковъ,—на этой дистанціи есть и «хозяйственные мужички» въ лампасахъ, казаки-торговцы, кулаки, ростовщики и обглоданный ими безлошадный казакъ, опустившійся и мечтающій о службѣ въ полицейскихъ стражникахъ, какъ о кладѣ; есть и казакъ-землеробъ, бьющійся на своемъ четырехъ пяти-десятинномъ надѣлѣ (самая многочисленная категорія), и казакъ «ряженый», по терминологіи «старыхъ урядниковъ»,—казакъ-учитель, юристъ, врачъ, интеллигентный въ подлинномъ смыслѣ офицеръ и изрѣдка казакъ-священникъ или истинно-просвѣщенный дьяконъ.

Всѣ эти группы, даже спаянныя общей казарменно-полицейской спайкой, находясь подъ непрестаннымъ, въ теченіе цѣлаго вѣка, воздѣйствіемъ всякаго рода чиновныхъ самодержцевъ—большихъ и малыхъ,—всетаки разошлись въ своемъ пониманіи роли казачества и въ своемъ отношеніи къ освободительному движенію. Казакъ

въ галунахъ, т. е. отличенный начальствомъ отъ рядовой массы, занимающій должность или прицѣливающійся занять ее (какой только казакъ не прицѣливается къ этому), хозяйственный мужичокъ, камеръ-юнкеръ, кулакъ, ростовщикъ, - они составятъ и подпишутъ патріотическіе приговоры о готовности «ни передъ чѣмъ не останавливаться» по приказу начальства. Подпишутъ ихъ и простодушные, довѣрчивые люди, если имъ пообѣщать что-нибудь, хотя бы тѣ же галуны (производство изъ рядовыхъ въ урядники, какъ поощрительная мѣра, практикуется въ казачьихъ областяхъ не только въ строю, но и въ домашней жизни). Припоминается мнѣ одинъ древній старичокъ, выборщикъ Хоперскаго округа. Какъ-то зашелъ онъ ко мнѣ въ номеръ съ тетрадью въ рукахъ. Видъ у него былъ таинственный, заговорщицкій.

— Всю ночь, парень, не сплю, думаю: кого назначить въ Думу? Ты какъ думаешь?

— Кто изъ ораторовъ наиболѣе дѣльныя мысли выскажетъ, на того и положу.

— Не разберешь ихъ, парень, алатырей. Мнѣ вотъ дюже показался этотъ аблакатъ изъ Таганрога... У! сукинъ сынъ, говоритъ — какъ чешетъ! Рукой махнетъ, какъ молнья сверкнетъ!..

— Вотъ и отлично. И я на него положу.

— Нельзя! Говорятъ: жидъ. Наши ужъ дознали. Генералъ говоритъ: этого—Боже васъ упаси!..

— Ну, на этотъ разъ мы безъ генерала какъ-нибудь сообразимъ.

— Мм... да... Нѣтъ уже, супротивъ начальства не того... не гоже... Всякому лестно въ галунахъ домой вернуться. Наши вонъ поѣхали Голицына встрѣчать безъ галуновъ, а вернулись въ галунахъ. Лестно взглянуть. И вамъ, можетъ, дадутъ...

На видъ этому старичку было не менѣе семи десятковъ. Прожилъ человѣкъ безъ галуновъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что жить безъ нихъ можно,—однако же, честолюбивая мечта объ этомъ отличіи даже у двери гроба властно диктовала ему необходимость угождать начальству. За время выборовъ я познакомился съ нимъ поближе. Человѣкомъ оказался онъ простымъ, безхитростнымъ и искреннимъ. Голосовалъ онъ, въ концѣ концовъ, за лѣвыхъ и галуновъ не получилъ, но уже не жалѣлъ объ этомъ: взгляды его рѣзко измѣнились въ теченіе четырехъ дней. Между прочимъ, рукопись свою, въ которой изложено было что-то въ родѣ его платформы, онъ пожертвовалъ мнѣ. Взгляды его—прямолинейно и, пожалуй, безкорыстно патріотическіе, и, мнѣ кажется, они типичны для казаковъ его имущественнаго положенія,—онъ изъ категоріи «хозяйственныхъ мужичковъ».

«Изъ даніе первая»,—такъ озаглавлена его рукопись, въ которой онъ имѣлъ въ виду изобразить «казачій бытъ и тяжелое ихъ обстоятельство». Вначалѣ онъ бросаетъ ретроспективный взглядъ

на прошлое казачества и затѣмъ сопоставляетъ его съ настоящимъ. Уже въ самомъ изображеніи этого прошлаго видно отраженіе оффиціально-патріотическихъ взглядовъ, утвержденныхъ въ головахъ казаковъ начальническими оффиціально-литературными опытами:

«Съ древняго нашего казачиства переходя къ настоящему оказалось что предки наши тогда было ихъ въ маломъ каличествѣ, они и заслужили своею вѣрною службой и кровію у своихъ древнихъ славныхъ вѣликихъ Государѣй великую славу честь и благодарствѣнныя грамоты, и кромѣ того въ постоянное свое вѣчное влоденіе идомачное хозяйствѣнное жительство вѣсь славный тихій донъ какъ воды такъ и слой его земли, совсеми его притоками и вершинами, А заселить его по своей малочисленности своимъ казачимъ на силѣніемъ незаселили, они тогда занимали жительство ближе къ теплому зимнему клеймату низы дона около озовскаго моря, и занимались болей скотоводствомъ мѣжду темъ и рыбаловлей,—это и самое найлучшая и любезная казачія хозяйство скотоводство»...

Бѣдствія настоящаго времени происходятъ, во-первыхъ, отъ размноженія коренного казацкаго населенія, а во-вторыхъ и главнымъ образомъ, отъ «иногороднихъ русскихъ народовъ», которые «свободно между казаковъ съ жительствомъ поселились и самыя лучшія около казаковъ господскіе земельные участки съ помощью казны крестьянскихъ банковъ на вѣчное покупили». Авторъ даже не задается вопросомъ, какъ появились «господскіе земельные участки», почему подъ ними оказались самыя лучшія земли, откуда взялись сами «господа» среди казаковъ. Всю тяжесть своего обвиненія онъ обрушиваетъ на «русскіе народы», ставя имъ въ вину даже и то обстоятельство, что они пользуются содѣйствіемъ Крестьянскаго банка, а казаки—нѣтъ. «Русскіе народы всѣ мѣры употребляютъ, дабы не дать возможность казаку распространиться въ изобиліе богатства, а къ тому же русскимъ народамъ казна деньгами помогаетъ, а казакамъ помощь отказана». И всетаки, несмотря на эту явную несправедливость отношенія «казны»— значитъ, правительства,— авторъ остается непоколебимо твердъ въ своемъ патріотизмѣ и старается особенно выдвинуть его теперь, когда «русскіе народы», по его мнѣнію, дѣлаютъ попытку «отобрать власть царя и правительства».

«Казаки, — говоритъ онъ, — лишаясь жизни всей душой и кровію верно Служатъ все подданнѣйше и по требованію на Службу взащиту Своего обожаемаго Монарха Государя Императора его пристола и отечества и сохраняя все интерессы своей вѣликой державы, скоро и спешно пошли, остовляя свои семья безкуска хлѣба радесно на защиту своей имперій, вновь проливая свою казачію кровъ совнутряннемъ врагомъ становясь врядь твердыми ногами на оплоты и богатырскими силами, і заслужили

отъ своего великаго Государя благодарственную грамоту, честь, и славу, а оставшиеся семьи казаковъ стесняются рускими народами проживающими среди казаковъ они т. е. рускія народы по ненависти къ казакамъ по поводу ихъ смутъ и бунтовъ по россии имѣютъ великое зло на казаковъ за то что казаки твердо и непоколебимо защищаютъ своего Государя престолъ и отечество, и все интересы россии ненавидятъ казаковъ и стремятся какъ бы истребить и стереть грозное имя казаковъ слина донской земли, они говорятъ небудь бы казаки стали взащиту мы бы тогда отобрали власть царя и провителства и распорядились бы посвоему. 29 го марта я былъ на станции Панфиловой Ю. В. ж. д. гдѣ была группа рускихъ народовъ изъ нихъ крест. Селиверстъ Корнеевъ *), проживающий о нашу грань, высказалъ теперь наши мужики хотятъ сговорится какъ только указаковъ хлѣбъ поспеетъ и высохнитъ тогда хотятъ весь хлѣбъ выжечь огнемъ, въ виду такого ихъ злобнаго умысла и угрозъ, казаки: не желаютъ чтобы рускія народы болей проживали промежду и около казаковъ, А по поводу этого осмеливаются все поддачнейше просить своего Государя императора, и свое правительство повозможности удалить иногороднія народы отъ жительства казаковъ въ свои россейскія места А что Селиверстъ высказывался подтвердитъ уряд. Федоръ Федосовъ».

Программа, выставленная блокомъ правыхъ партій въ первомъ областномъ избирательномъ собраніи въ гор. Новочеркасскѣ, въ пунктѣ объ иногороднихъ и о «бунтахъ», ничѣмъ не отличалась отъ мнѣнія хоперскаго выборщика. Послѣдній изложилъ лишь ее болѣе открыто и непосредственно, продолжилъ до логическихъ послѣдствій и, въ концѣ концовъ, отошелъ даже влѣво отъ камеръюнкеровъ, дворянъ и генераловъ. Въ вопросахъ торговли онъ проектировалъ образованіе станичныхъ потребительныхъ лавокъ съ обращеніемъ доходовъ отъ нихъ въ общественныя суммы, иногороднихъ же торговцевъ изъ станицъ устранить--«по поводу ихъ самоналоженныхъ цѣнъ дороговизны и ненависти ихъ къ казакамъ, по поводу ихъ смутъ и бунтовъ по Россіи».

Но въ своей аграрной программѣ, патріотически настроенный противъ бунтующихъ «русскихъ народовъ», выборщикъ заходитъ такъ далеко, что отъ частной земельной собственности ничего не остается. Онъ предлагаетъ «не замедлить произвести выкупъ по всей Донской области господскихъ земельныхъ участковъ»—за счетъ государства. По какой же оцѣнкѣ? Для установленія справедливой цѣны на землю онъ предлагаетъ «потребовать давнія земельныя условія покупателей по области на всѣ покупныя земли и посмотрѣть, за какія они цѣны покупали, за тѣ цѣны и произвести выкупы съ помощью казны государственнаго или областного

*) Имя мною измѣнено.

капитала и на основаніи Высочайшаго манифеста отъ 17 октября для улучшенія жизни хозяйственнаго быта казаковъ Донского войска—всѣ принадлежащія (т. е. частновладѣльческія) земли на всегдашнее владѣніе опредѣлить въ добавленіе казакамъ». По его разсчету, стоимость десятины, подлежащей выкупу, такимъ образомъ, не превыситъ 25 рублей. Въ дальнѣйшихъ своихъ соображеніяхъ о выкупѣ частно-владѣльческихъ земель онъ предполагаетъ, въ случаѣ несогласія владѣльцевъ на эти условія, вычислить, «сколько они забрали денежныхъ доходовъ «за года» и взыскать съ нихъ эти суммы. Онъ предусматриваетъ и то обстоятельство, что аграріи вздумаютъ указывать на свою высокую миссію, неразрывно связанную съ владѣніемъ землей («патріотическій долгъ», по терминологіи г. Гурко), и не захотятъ никакъ разстаться съ своимъ выгоднымъ положеніемъ. Тогда ввести въ дѣйствіе принудительное выселеніе помѣщиковъ въ Сибирь: «А въ крайнемъ случаѣ воспротивятся и не будутъ согласны законно продавать въ пользованіе казаковъ преобретенныя ими по данской области земли по поводу ихъ неновисти къ казакамъ смутъ и бунтовъ (!), сдѣлать все возможныя меры приказать противящимся землѣ владѣльцамъ принадлежащимъ къ пиредачи казакамъ по данской области въ место которой такую же количество десятинъ отвѣсти взаменъ въ сибирской области изъ запасныхъ казенныхъ земель и определить вовладеніе таковыхъ и темъ улучшить такое положеніе и способнѣй и мѣньше растраты государствѣнной казны какъ на выкупъ земель и легчѣ переселить одного, какъ многихъ такимъ порядкомъ изъ менить растрату государственныхъ и обласныхъ денежныхъ расходовъ».

Я остановилъ вниманіе на программѣ хоперскаго выборщика потому, что она характерна для той части казачества, которая подписываетъ патріотическіе приговоры, мечтаетъ о галунахъ, всерьезъ считаетъ себя оплотомъ «всѣхъ интересовъ своей великой державы» и во имя ихъ выражаетъ готовность «твердыми ногами» стать противъ «иногороднихъ русскихъ народовъ», ставя ихъ, между прочимъ, въ одну скобку съ представителями эксплуатаціи и капитала, наравнѣ съ мѣстнымъ дворянствомъ, захватившимъ лучшія казацкія земли. Вѣковой гипнотическій процессъ, возводящій полицейское холопство въ традицію, какъ завѣтъ доблестныхъ предковъ, отраженъ въ воззрѣніяхъ нашего автора какъ разъ такъ, какъ и во всей группѣ «хозяйственныхъ мужичковъ», къ которой онъ примыкаетъ. Патріотизмъ ихъ пока безкорыстенъ, но они хотѣли бы кое-что получить за него. Ибо они знаютъ, что они такое для правительства. Изъ нихъ именно вербуется та сѣрая вооруженная масса, которую натравляютъ на беззащитный народъ, развращаютъ безотвѣтственностью, попустительствомъ, одурманиваютъ рѣчами объ особой миссіи, науськиваютъ листками, въ которыхъ говорится о томъ, что «во всѣхъ жидами закуплен-

ныхъ газетахъ раздаются голоса о прививкѣ къ казачеству чумной болѣзни, чтобы съ нимъ свести съ лица земли, покоренной предками казаковъ, истинныхъ слугъ Государевыхъ, истинную опору Вѣры Христовой и Отечества *).

Нынѣ въ мысляхъ этой сѣрой, темной массы произошла несомнѣнная эволюція, несмотря на всѣ усилія изолировать ее, обезсмыслить, озвѣрить въ цѣляхъ пользоваться ею, какъ живымъ механизмомъ устрашенія, истязанія, убійства. Случаи рѣзкихъ протестовъ, столкновеній съ командирами, суда, бѣгства изъ полковъ, забастовокъ—явленія въ мобилизованныхъ казачьихъ частяхъ болѣе частыя, чѣмъ въ регулярныхъ войскахъ, но не бросаются они въ глаза потому, что казачьи части разбиты на полусотни и взводы, перетасовываются постоянно, и жизнь въ этихъ дробныхъ частяхъ ускользаетъ отъ общественнаго вниманія.

— Мы давно сговариваемся: посѣдлать лошадей да уѣхать. Будетъ съ насъ,—послужили! Валяли дураковъ, старались, а теперь—будетъ!.. Сами дубочки стоимъ, кой что стали понимать. Господа офицеры намъ то «Русскую Рѣчь», то афишки ихнія принесутъ, а мы при нихъ же въ клочки ее... Не надо намъ, сами газеты покупаемъ, понятіе въ нихъ стали имѣть... узнали... Мы покажемъ имъ. Послужили и—достаточно. Есть у насъ тамъ человѣкъ двѣнадцать,—никакъ не хотятъ, боятся. Урядники тоже опасаются. А то у насъ одно: какъ соберемся вмѣстѣ, взять знамя и уѣхать. Демократическая партія намъ сейчасъ бы вагоны дала. Ну, какъ-то пока не союзно... побаиваются. И уходъ за нами теперь хорошій. Пища - прямо генеральская. Въ караулъ — никакъ. Лежимъ и только. По бунтамъ командиръ у насъ боится ѣздить: пригрозили убить, такъ онъ все прячется отъ насъ, замѣсто себя посылаетъ младшаго офицера. Да, если бы весь полкъ у насъ скомплектовался въ одно мѣсто, мы бы уѣхали. Взяли бы знамя и уѣхали...

Къ слову сказать, и знакомый мой хоперскій выборщикъ за какихъ-нибудь четыре дня выборной кампаніи радикально измѣнилъ свои взгляды. Въ концѣ его доклада, который лежитъ сейчасъ передо мной, другими чернилами приписано слѣдующее:

«Въ Думу войтить, прежде всего нужно утвердить Думу, и что Дума начнетъ дѣлать, чтобы никакая власть не имѣла права принятствовать ни полиція и ни воинская сила.

«Изъ браннники наши донской области! прошу прежде всего старайтесь, чтобы земли выкупы произвести незамедлить и необременить казаковъ платежомъ. Кромѣ того выправить права казакамъ въ г. Новочеркасскѣ самоуправленіе чтобы сами казаки распоряжались всеми доходами и расходами, и правительство избирали и жалованья всему правительству устонавляли сами казаки,

---

*) Листокъ. „Славному Казачеству - союзъ русскаго народа". Типографія И. Генералова, Гороховая, 31.

по своему усмотренію затемъ питейныя винныя лавки сейчасъ отобраны въ доходъ государственной казны, незамедлить возвратить въ полное распоряженіе казаковъ, кромѣ того утвердить проэктъ, чтобы ежегодно отстаницы посылались представители въ г. Новочеркасскъ для проверки доходовъ и расходовъ по продаже войсковыхъ земель, все это къ полугодію года утвердить дабы къ осини все земли были проданы позаконнымъ ценамъ самими казаками или изъбранными этими же представителями, что гласится въ программѣ какъ будто бы коннозаводскія степи надолга запроданы въ Арендное содержаніе и по ценѣ 3 коп. за десятину, чтобы вънов перепродать съ настоящаго полугодія»...

Требованія рѣшительныя и вполнѣ демократическія. О бунтующихъ «русскихъ народахъ» уже нѣтъ упоминанія. Патріотическое кликушество, вбиваемое казарменнымъ режимомъ, который тяготѣетъ надъ казакомъ всю жизнь,—исчезло безъ остатка отъ кратковременнаго соприкосновенія съ свободной мыслью, свободнымъ обсужденіемъ фактовъ подлинной дѣйствительности. Разбуженная мысль приняла направленіе какъ разъ противоположное тому, которое начальствомъ выдавалось, какъ традиція, завѣщанная славными предками. И та программа, которую теперь выставляютъ казаки, горько обманула чаянія камеръ-юнкеровъ, «старыхъ урядниковъ», истинно-русскихъ генераловъ и начальниковъ всякаго ранга. Изъ всѣхъ приговоровъ, наказовъ и проектовъ наибольшую тревогу и негодованіе начальства возбудилъ приговоръ Усть-Медвѣдицкой станицы, доставленный въ Государственную Думу подъесауломъ Мироновымъ и урядникомъ Коноваловымъ. Приговоръ этотъ, между прочимъ, остановилъ предполагавшуюся мобилизацію трехъ сводныхъ донскихъ полковъ. Его сущность сводится къ слѣдующему:

Слѣдя съ большимъ вниманіемъ и интересомъ за ходомъ великой борьбы русскаго народа съ полицейско-чиновничьимъ правительствомъ за свободу и развитіе гражданскаго самосознанія и самодѣятельности, —авторы наказа вспоминаютъ то счастливое прошлое казачества, когда все Донское войско за свои славныя заслуги передъ родиной дѣйствительно пользовалось правами, когда на Дону было широкое самоуправленіе, когда всѣ вопросы, касающіеся казачества, свободно разрѣшались войсковымъ кругомъ и когда все начальство, начиная съ войскового атамана и кончая хуторскимъ, выбиралось изъ достойнѣйшихъ своихъ природныхъ казаковъ, которые близко знали всѣ нужды и потребности своихъ станичниковъ. Сопоставляя это счастливое прошлое съ настоящимъ тяжелымъ, угнетеннымъ положеніемъ не только казаковъ, но и всего русскаго народа, вступившаго въ борьбу за право человѣка и гражданина, — они приходятъ къ заключенію, что въ этой борьбѣ должны принять участіе всѣ, кому дорога свобода, а потому постановили:

1) Въ войскѣ Донскомъ должно быть возстановлено прежнее

самоуправленіе казачества, долженъ созываться, по прежнему, войсковой кругъ изъ всѣхъ казаковъ-гражданъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ внутренней жизни казачества, какъ это было встарь.

2) Выборъ всѣхъ начальствующихъ въ войскѣ лицъ долженъ быть изъ среды своихъ же казаковъ, начиная съ войскового атамана.

3) Вся земля, заключающаяся въ границахъ области Войска Донского, какъ завоеванная самими казаками у кочевыхъ ордъ и добытая кровью нашихъ предковъ, должна всецѣло принадлежать казакамъ на общинномъ пользованіи, что было подтверждено грамотой Императрицы Екатерины II въ 1786 г. Но такъ какъ еще съ конца XVIII столѣтія на Дону, благодаря поощренію правительства, образовалась частная собственность на землю, съ одной стороны, путемъ захвата казацкими старшинами общинной войсковой земли и заселенія ея крѣпостными крестьянами (1.607,749 дес.), а съ другой — черезъ раздачу самимъ правительствомъ не принадлежащихъ ему участковъ офицерамъ и чиновникамъ (1.187,719 дес.), что составляетъ полное нарушеніе казачьихъ правъ на землю, то мы, съ своей стороны, находимъ справедливымъ поступить съ этой насильственно отнятой у насъ землей такъ: всю розданную офицерамъ и чиновникамъ землю выкупить на войсковой счетъ и возвратить казакамъ, что же касается помѣщичьей земли, захваченной казацкими старшинами, то, принимая во вниманіе, что она заселена съ давнихъ поръ крестьянами, прежде крѣпостными, — эта земля должна быть выкуплена на государственный счетъ и роздана означеннымъ выше крестьянамъ. Кромѣ выше означенныхъ земель, въ войскѣ есть земли такъ называемыя запасныя, которыми всецѣло распоряжаются назначенные правительствомъ чиновники; этими чиновниками, между прочимъ, сданы чуть не даромъ (по 3 коп. за десятину) земли частнымъ коннозаводчикамъ. Всѣ эти земли повернуть въ распоряженіе и пользованіе казаковъ.

4) Современное станичное коневодство, заключающееся въ обязательномъ содержаніи каждой станицей нѣсколькихъ жеребцовъ, какъ причиняющее прямой хозяйственный вредъ казачьему благосостоянію, должно быть упразднено.

5) Сдѣланный въ Государственной Думѣ запросъ военному министру о томъ: а) почему мобилизація казаковъ 2-й и 3-й очереди была совершена безъ требуемаго закономъ опубликованія Высочайшаго повелѣнія черезъ Правительствующій Сенатъ, б) почему казачьи полки употребляются для внутренней полицейской службы и в) когда ихъ намѣрены распустить, — мы признаемъ вполнѣ правильнымъ и съ своей стороны находимъ, что роспускъ полковъ 2-й и 3-й очереди въ настоящее время является необходимымъ, во-первыхъ, потому, что несеніе казаками полицейской службы противорѣчитъ всѣмъ традиціямъ казачества, унижаетъ достоинство казака-воина и растлѣвающимъ образомъ дѣйствуетъ на нравствен-

ное чувство казаковъ и пониманіе ими воинской чести, и, во-вторыхъ, потому, что отвлеченіе молодыхъ рабочихъ силъ гибельно отражается на казачьемъ хозяйствѣ; дальнѣйшая же мобилизація полковъ 2-й и 3-й очереди не только вредно отразится на хозяйствѣ, но повлечетъ за собой окончательное и непоправимое разстройство его, и посылать ихъ отказываемся.

6) Къ выраженному Государственной Думой рѣшенію объ отмѣнѣ смертной казни, какъ акту не правосудія, а простого убійства, мы вполнѣ съ своей стороны присоединяемся и находимъ, что смертная казнь есть пережитокъ варварскихъ временъ и противорѣчитъ божескимъ и человѣческимъ законамъ.

7) Всѣ борцы за свободу, томящіеся въ тюрьмахъ, сосланные въ Сибирь и отдаленныя губерніи Россіи, должны быть немедленно освобождены и возвращены на родину».

Остальные пункты менѣе существенны. Большинство прочихъ приговоровъ и наказовъ въ существенномъ своемъ содержаніи не разнятся отъ усть-медвѣдицкаго приговора. Наказъ казаковъ Малодѣльской, Сергіевской и Березовской станицъ значительно радикальнѣе. Онъ удѣляетъ общимъ политическимъ требованіямъ больше вниманія и, вслѣдъ за требованіемъ амнистіи, говоритъ о землѣ и волѣ.

Всѣ безземельные и малоземельные крестьяне по требованію этого наказа должны быть надѣлены землею. А для этого необходимо отобрать всю землю у помѣщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ и передать ее крестьянамъ. При этомъ помѣщичьи земли должны быть отобраны безъ выкупа. Помимо земли для безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, наказъ требуетъ, чтобы всѣмъ русскимъ гражданамъ даны были: свобода слова, устнаго и письменнаго, свобода собраній, свобода союзовъ, свобода вѣроисповѣданій и неприкосновенность личности. Наконецъ, самое главное требованіе наказа состоитъ въ томъ, чтобы немедленно же уничтоженъ былъ самодержавно-чиновничій правительственный строй (и установленъ такой строй), при которомъ всѣми дѣлами государства завѣдывалъ бы самъ народъ черезъ своихъ выборныхъ представителей, посылаемыхъ въ Государственную Думу, министры же и всѣ чиновники были бы только послушными слугами Государственной Думы. Для того же, чтобы эти выборные представители защищали нужды трудящихся и нуждающихся людей, — наказъ требуетъ, чтобы они выбирались въ Думу посредствомъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Въ предъявленіи мѣстныхъ казачьихъ требованій наказъ повторяетъ пункты, выставленные станицей Усть-Медвѣдицкой, останавливаясь на нѣкоторыхъ болѣе подробно (напримѣръ, на вопросѣ о коневодствѣ), на другихъ—менѣе. И затѣмъ, переходя къ вопросу «какъ достигнуть того, чтобы всѣ эти требованія, предъявленныя къ правительству, были немедленно же исполнены» — наказъ не

останавливается даже передъ перспективой, въ случаѣ несогласія правительства, «съ оружіемъ въ рукахъ защищать свободу, бороться за землю».

Въ послѣднее время по станицамъ встрѣчается въ рукахъ казаковъ разосланный «Донской Казачьей Организаціей» проектъ программы, озаглавленный «Казачьи Нужды». Въ немъ ставится требованіе широкаго самоуправленія, возстановленіе казачьяго круга, члены котораго избираются всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Войсковой атаманъ и другія выборныя власти избираются на одинъ годъ всѣмъ казачьимъ населеніемъ съ 20-ти лѣтняго возраста. — Въ отношеніи аграрнаго вопроса требованія «проекта» тоже очень радикальны: всѣ свободныя войсковыя земли, отведенныя подъ частное коннозаводство, подъ казенный Провальскій заводъ, подъ лагери войскъ и военныхъ училищъ, должны поступить въ распоряженіе войскового круга для удобнаго использованія ихъ населеніемъ. Земли, находящіяся во владѣніи монастырей и церквей, безъ выкупа отбираются и поступаютъ въ распоряженіе войскового круга. Каждому казаку станицы предоставляется право свободнаго выхода изъ общины съ выдѣленіемъ ему, въ случаѣ его желанія, земельнаго участка, экономически равнаго его паевому надѣлу. Отводъ участка въ натурѣ предоставляется общинѣ, а всѣ споры по этому вопросу разрѣшаются судомъ. Частновладѣльческія земли отбираются безъ выкупа и поступаютъ въ распоряженіе крестьянъ, заселившихъ издавна эти земли, обрабатывавшихъ ихъ какъ при существованіи крѣпостного права, такъ и послѣ таковаго. Покупка областнымъ правленіемъ земель у крупныхъ землевладѣльцевъ насчетъ войсковыхъ суммъ и т. под. операціи, совершаемыя безконтрольными чиновниками съ землями, «случайно попавшими въ руки помѣщиковъ» — должны быть немедленно прекращены. Въ отношеніе казачьей службы проектъ требуетъ замѣны постоянныхъ армій милиціей, то есть вооруженіе всѣхъ гражданъ, обучаемыхъ для этого военному искусству въ срокъ, потребный для этого и при томъ на мѣстахъ ихъ жительства. — Распоряженіе войсковымъ капиталомъ должно быть передано войсковому кругу. Наконецъ, коннoплодные табуны, какъ приносящіе населенію одни убытки, должны быть уничтожены.

Проектъ этотъ, въ особенности его аграрная программа, встрѣчаетъ существенныя возраженія со стороны казаковъ. Большинство отдаетъ предпочтеніе программѣ усть-медвѣдицкихъ казаковъ.

Во всѣхъ программахъ наибольшая доля вниманія отдается вопросу о самоуправленіи. Аграрный вопросъ для сознательной части казачьяго населенія области еще не такъ остръ и важенъ, какъ вопросъ о правахъ. Несомнѣнно, что при нынѣшнемъ способѣ земледѣльческой культуры—хищническомъ, варварски истощившемъ землю—кризисъ казачьяго хозяйства выразился уже въ очень яркихъ, краснорѣчивыхъ фактахъ. Это подробно отмѣчено печатью.

Хозяйственный кризисъ ставятъ въ связь, главнымъ образомъ, съ современной воинской повинностью казака, въ связи же съ этою воинской миссіей стоитъ вопіющее безправіе, темнота и грядущее конечное раззореніе казака.

Поэтому вопросъ о самоуправленіи есть самый острый вопросъ. Казачьи области—это огромныя казармы, съ казарменнымъ распорядкомъ, съ солдатской зависимостью отъ всякаго начальства, обязанностью строжайшаго чинопочитанія, неразсужденія и безусловнаго подчиненія. «Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ», высочайше утвержденное 3-го іюня 1891 года, единственный «законъ», дѣйствующій въ казачьихъ областяхъ, есть тотъ же дисциплинарный уставъ. Практика самодержавія чиновниковъ изобилуетъ здѣсь фактами, поражающими своей эпической простотой и первобытностью. Непосвященнымъ людямъ можетъ показаться страннымъ, напримѣръ, упоминаніе во всѣхъ казачьихъ программахъ о станичномъ коневодствѣ. Почему именно коневодство, а не овцеводство, свиневодство, разведеніе рогатаго скота, имѣющаго въ казачьемъ хозяйствѣ несравненно большее значеніе, чѣмъ лошади? Но стоитъ побывать въ любой казачьей станицѣ, чтобы услышать, какія проклятія несутся по адресу «казенныхъ» жеребцовъ, содержаніе которыхъ является неизбѣжною повинностью казаковъ. Цѣлый штатъ крупныхъ военныхъ чиновъ кормится и дѣлаетъ карьеру около этихъ жеребцовъ, налагаетъ штрафы, взыскиваетъ, продаетъ, облагаетъ казачье имущество. На Дону шутники говорятъ даже, что іерархическая лѣстница, долженствующая поддерживать «существующій строй», начинается войсковымъ жеребцомъ и кончается войсковымъ атаманомъ. Высочайше утвержденное 5 мая 1906 г. положеніе о станичномъ коневодствѣ или, какъ его назвали казаки, «законъ о жеребцахъ» (воспріявшій силу, разумѣется, безъ согласія народныхъ представителей) содержитъ, напримѣръ, статьи, вмѣняющія въ обязанность станицамъ выставлять опредѣленное число матокъ. На каждую матку вырѣзать изъ общественнаго земельнаго довольствія по 6 десятинъ; на 15 матокъ полагается одинъ жеребецъ (ст. 4). Недостающее число матокъ вмѣняется въ обязанность пріобрѣтать на станичныя суммы (ст. 22). На казака, не поставившаго матку, налагается штрафъ въ 5 руб., и станичный атаманъ пріобрѣтаетъ матку на его счетъ (ст. 24). За недоставку матки на смотръ въ опредѣленные сроки налагаются штрафы по 5 рублей за каждый разъ (ст 24 и 25). Статьею 34-ю опредѣленъ размѣръ фуража на каждаго жеребца, съ возложеніемъ на станицы обязательства заготовить на общественный счетъ фуражъ заблаговременно. Фиксировано высокое жалованье смотрителямъ табуновъ, фельдшерамъ и табунщикамъ, которые отбываютъ обязанность за военную службу, но содержаніе получаютъ изъ станичныхъ суммъ. И завершеніемъ всего является запрещеніе

(ст. 44) станичникамъ сбывать приплодъ до 2½ лѣтъ; за нарушеніе этой статьи виновные подлежатъ отвѣтственности по суду.

Чтобы понять ужасъ этого закрѣпощенія жеребцамъ и кобыламъ, а черезъ нихъ начальству въ гусгыхъ эполетахъ, надо перенестись мыслью въ обстановку казачьяго житья, съ его хроническими недородами, задолженностью, обнищаніемъ и тою безвыходностью, безпомощностью, невозможностью протеста, которыя создаются военнымъ режимомъ. Шесть десятинъ земли на кобылу въ то время, какъ на душу населенія не болѣе 3-хъ десятинъ, обязанность — несмотря на это, какъ показалъ опытъ, — бо́льшую часть года (не менѣе 8-ми мѣсяцевъ) содержать ее на сухомъ фуражѣ — въ то время, какъ цѣна сѣна уже не спускается ниже 60 коп. за пудъ, невозможность продать приплодъ, хотя бы онъ издыхалъ съ голоду, полная возможность произвола со стороны станичнаго атамана въ наложеніи штрафовъ и пріобрѣтенія за счетъ «виновнаго» лошади (т. е. продажа съ молотка имущества несостоятельнаго казака) — это лишь одна страница изъ исторіи попеченія о казакахъ чиновныхъ самодержцевъ большого и малаго ранга. И при всемъ томъ разыгрывается комедія самоуправленія: станичнымъ обществамъ предписывается составить приговоры о добровольномъ принятіи на себя расходовъ въ десятки тысячъ рублей на этотъ предметъ... И приговоры составляются.

Вотъ почему сознательная часть казачества, настроенная патріотически въ лучшемъ смыслѣ этого слова, мечтаетъ о дѣйствительномъ самоуправленіи, какъ о панацеѣ, какъ объ единственномъ средствѣ возродить и обновить казачество въ его благородныхъ и жизненныхъ сторонахъ. Эта мысль подробно развивается въ объяснительной запискѣ къ проекту устава «Казачьяго союза»:

«Казачество — говорится въ этомъ проектѣ, — не мирилось съ неволей, съ принужденіемъ, съ неправдой и безправіемъ. Люди наиболѣе сильные духомъ протеста, убѣгали отъ такого государственнаго порядка въ вольныя степи, на добровольную нужду, на долгую борьбу съ врагомъ. Воля, независимость свободной, полноправной личности была для нихъ дороже всего. Борьба съ врагами стала первымъ условіемъ ихъ существованія. Враговъ было много. Всѣ, кто несъ стѣсненіе свободы личной, свободы вѣры, свободы общественныхъ порядковъ, основанныхъ на равенствѣ и братствѣ, были врагами казачества: и кочевыя орды съ ихъ ханами, и польскіе короли съ ихъ панами, и русскіе цари съ своими патріархами, воеводами, дьяками и подьячими. Каждая пядь земли, каждый день пропитанія — все пріобрѣталось борьбой. И въ этой борьбѣ, закаленные духомъ и тѣломъ, они создали оплотъ русской народности на окраинахъ.

«Итакъ, главнымъ свойствомъ казачества была любовь къ свободѣ, къ полной самостоятельности и независимости. И говоря о завѣтахъ предковъ, не слѣдуетъ забывать прежде всего этого.

Изъ исторической борьбы казачества за свободу и независимость вытекли и главнѣйшія права казачества: право на самое широкое самоуправленіе и право на всю землю, которую казачество кровью своей пріобрѣло»...

Объяснительная записка подробно разсматриваетъ оба вопроса и съ исторической, и съ современной точки зрѣнія, и заканчивается такъ:

«Говорятъ, казачество отжило свое время. Роль его кончилась вмѣстѣ съ ролью окраиннаго борца противъ внѣшнихъ враговъ. Нѣтъ! Не говоря уже о томъ, что прежняя его роль—борца противъ внѣшняго врага на окраинахъ, пока существуетъ внѣшній врагъ, не кончилась, нынѣ для него выясняется новая роль еще болѣе высокаго значенія. Наиболѣе славная и почетная его роль именно въ борьбѣ за лучшія формы государственности, противъ самовластія и произвола, въ борьбѣ за свободу и права не только свои, но и всѣхъ угнетенныхъ. Тутъ именно славные завѣты старины гармонически сочетаются съ завоеваніями человѣческой мысли въ новыя времена. Эта борьба будетъ упорной. И чѣмъ скорѣе пойметъ казачество свои интересы и свое значеніе, тѣмъ скорѣе оно повернетъ шансы на побѣду въ пользу народа, тѣмъ скорѣе проложится путь къ грядущему народному счастью. И когда русскій народъ завоюетъ себѣ право на свободный трудъ, на всестороннее развитіе, на осуществленіе народовластія, когда путь къ общему счастью, равенству и братству будетъ очищенъ отъ терній и шиповъ,—человѣчество убѣдится, что формы широкаго народоправства и свободнаго общежитія созданы были людьми борьбы за право личности еще раньше. И въ числѣ этихъ борцовъ за право не послѣднее мѣсто занимаетъ казачество».

Въ этихъ мечтахъ, конечно, много юнаго, романтическаго порыва, который всегда отличалъ казачью интеллигенцію. Трудно гадать, когда казачество напишетъ на своемъ знамени лозунги, провозглашенные «казачьимъ союзомъ». Но несомнѣнно одно, что тотъ «блескъ» кровопролитій, которымъ казаки, подъ руководствомъ нынѣшняго правительства, прославили себя въ послѣдніе два года, не остался безъ слѣда даже для самаго темнаго, самаго подавленнаго сознанія: заслужить дружную народную ненависть въ настоящемъ, перейти съ оплеваніемъ въ исторію, ради какихъ-то «незыблемыхъ» основъ и «священнаго права» собственности крупныхъ владѣльцевъ, не только погубить душу, но и потерять шкуру,—эти факторы оказались достаточными, чтобы повернуть мысль, державшуюся до сего времени по швамъ, въ сторону родныхъ когда-то, но забытыхъ широкихъ перспективъ свѣта и простора.

Какъ ни трудно было пробить дорогу встревоженному сознанію въ такой предусмотрительно сдавленной и духовно ограбленной средѣ, но оно пробилось и теперь уже безостановочно растетъ

медленнымъ, но прочнымъ ростомъ. Теперь уже хозяинъ-бюрократія едва ли скажетъ съ прежней увѣренностью:

Препоручаю тебѣ, Трезорка, всѣ мои потроха, стереги! Принесите Трезоркѣ помоевъ!

Все чаще и чаще придется ему помахивать передъ Трезоркой замасленой рублевой бумажкой. Но покупательныя средства истощаются. До сихъ поръ казакамъ платили ихъ же деньгами изъ войскового капитала. Теперь изъ 8½ милл. осталось всего 525 тысячъ въ процентныхъ бумагахъ. Немного...

Будущее—въ туманѣ, и трудно угадать, какіе геніальные планы скрываетъ правительство за его густой пеленой. Предоставитъ ли оно всему казачеству исключительную привилегію на занятіе хорошо оплачиваемыхъ полицейскихъ должностей? Расквартируетъ ли регулярныя войска въ казачьихъ областяхъ? Нарѣжетъ ли «мордовскую землю»? Задумаетъ ли колонизовать казаками сѣверную половину Сахалина?..

Атмосфера неожиданностей и сюрпризовъ, въ которой мы живемъ, пріучила насъ въ достаточной степени къ фатальному равнодушію. Но въ массахъ за этимъ равнодушіемъ идетъ уже незримая работа, въ результатѣ которой тоже могутъ оказаться сюрпризы и неожиданности.

Ѳ. Крюковъ.

Локаутское движеніе.

Недавно было, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ далеко уплыло то время, когда «представители отечественной промышленности», всѣ эти бакинскіе нефтяники, уральскіе горнозаводчики, московскіе и петербургскіе фабриканты, заигрывали съ демократическими идеями и писали либеральныя записки «объ усовершенствованіи государственнаго порядка».

Теперь какъ-то даже не вѣрится, когда вспоминаешь такія вещи, какъ требованія россійскимъ капиталомъ всеобщаго избирательнаго права, свободы собраній союзовъ и стачекъ рабочихъ.. Теперь капиталисты подобными «бреднями» не занимаются, и ихъ кулакъ уже не обматывается никакими либеральными ветошками: теперь дѣло ведется на чистоту.

Октябрьская революціи смела демократическій налетъ съ разглагольствованій капиталистовъ и обнажила сущность ихъ стремленій. Начавшійся съ прошлаго года упадокъ рабочаго движенія, затѣмъ усиленіе репрессій и окончательный разгромъ военно-поле-

вымъ режимомъ остатковъ октябрьскихъ свободъ окончательно «отрезвили» господъ капиталистовъ и помирили ихъ съ абсолютизмомъ. Отечественный капиталъ, подобно «помѣстному дворянству», занялъ опредѣленную позицію: въ политикѣ она выразилась въ хвалѣ московскому усмирителю Дубасову и всероссійскому успокоителю Столыпину, а въ экономикѣ—въ активномъ сопротивленіи всѣмъ стремленіямъ рабочихъ къ улучшенію соціально-экономическаго быта.

Рабочій классъ, послѣ страшно напряженной борьбы, ослабѣлъ, массы сознательныхъ рабочихъ выбрасывались изъ фабрикъ и заводовъ на улицы, въ тюрьмы и ссылки, переходили въ кадры безработныхъ. Моментъ оказался настолько удачнымъ для наступленія капиталистовъ, что лучше и желать имъ было нечего. И капиталисты начали провоцировать забастовки, отнимая у рабочихъ тѣ улучшенія условій труда, которыя были добыты рабочими въ теченіе предыдущей борьбы. Власть всюду оказывалась на сторонѣ капиталистовъ, и рабочимъ ставился ультиматумъ: или возобновленіе работъ на условіяхъ, желательныхъ капиталистамъ, и выдача «зачинщиковъ забастовки», которыхъ ожидала высылка административнымъ порядкомъ, или общее увольненіе и массовыя высылки... Въ теченіе всего прошлаго года не прекращалась мелкая, частичная борьба рабочихъ съ хозяевами на экономической почвѣ. Борьба эта измельчала, распылилась, но число борющихся увеличилось: въ нее втянулись цѣлые кадры мелкой ремесленной арміи. Въ газетахъ прекратились сообщенія о крупномъ забастовочномъ движеніи, но запестрѣли извѣстія о спорадически вспыхивавшихъ большихъ и малыхъ частичныхъ забастовкахъ: втянутыми въ борьбу оказались портные, сапожники, булочники, офиціанты и другой мелкій трудовой людъ...

Сильно развивавшееся съ начала 1906 года профессіональное движеніе, организація профессіональныхъ обществъ и союзовъ не на шутку встревожили и капиталистовъ, и бюрократію. Бюрократія обрушилась на профессіональныя организаціи не менѣе энергично, чѣмъ на политическія партіи, и ведетъ съ ними до сихъ поръ ожесточенную борьбу.

Въ свою очередь капиталисты, увидѣвъ на практикѣ значеніе организованной рабочей массы въ экономической борьбѣ, рѣшили противопоставить рабочимъ не только силу капитала, но и силу организаціи. Сдѣлать это имъ тѣмъ легче, что въ то время, какъ рабочія организаціи жестоко преслѣдуются властью, организація капитала препятствій для себя не встрѣчаетъ.

И въ настоящее время мы присутствуемъ при невиданномъ еще въ Россіи походѣ капиталистовъ на рабочихъ. На всемъ пространствѣ страны, какъ грибы послѣ дождя, растутъ союзы и синдикаты заводчиковъ и фабрикантовъ съ спеціальной задачей борьбы съ рабочими: локаутъ—вотъ новое и страшное средство этой борьбы.

— — — —

До прошлаго года у насъ имѣлось два-три кристаллизованныхъ синдиката: бакинскіе нефтепромышленники, горнопромышленники юга Россіи, сахарозаводчики. То тамъ, то здѣсь возникали промышленные союзы въ родѣ союза мукомоловъ, но всѣ они тщательно скрывали, что въ числѣ цѣлей ихъ организаціи была борьба съ рабочими. Они выдвигали впередъ скорѣе борьбу съ потребителемъ, нежели борьбу съ рабочими. Теперь возникъ и возникаетъ цѣлый рядъ союзовъ капиталистовъ спеціально на почвѣ борьбы съ рабочими путемъ локаута.

Успѣхъ лодзинскихъ фабрикантовъ, выбросившихъ на улицу сотню тысячъ рабочихъ и заставившихъ ихъ подчиниться всѣмъ требованіямъ капиталистовъ, имѣлъ большое психологическое значеніе. Лодзинскій локаутъ породилъ цѣлую локаутную эпидемію, которая продолжается вотъ уже больше полугода.

Цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ отраслей промышленности соединяется въ союзы: такъ, мы имѣемъ союзъ фабрикантовъ-щетинниковъ Царства Польскаго, союзъ кожевенныхъ заводчиковъ сѣверо-западнаго края, табачныхъ фабрикантовъ сѣверо-западныхъ городовъ, московскихъ типо-литографовъ, союзъ сахарныхъ заводовъ Польши, союзъ бѣлостокскихъ фабрикантовъ и, наконецъ, на дняхъ образовался огромный союзъ 19 суконныхъ фабрикъ раіона Волги съ капиталомъ въ 20 милліоновъ рублей. Кромѣ этихъ крупныхъ союзовъ, имѣющихъ сотни тысячъ рабочихъ, въ массѣ городовъ эпидемически возникаютъ ad hoc, на предметъ локаута, союзы портныхъ, сапожниковъ, булочниковъ и т. п., даже въ такихъ мелкихъ пунктахъ, какъ Житоміръ, Бѣлая Церковь, Елисаветградъ и т. п.

Чрезвычайно характерно, что локаутное движеніе начинаетъ захватывать, помимо заводской промышленности, и другую область — торговлю. Такъ, въ Минскѣ торговцы уже обсуждали способы борьбы съ приказчиками путемъ локаута и пока остановились на рядѣ примыкающихъ сюда мѣръ.

Какъ показываетъ практика локаутовъ, они преслѣдуютъ двѣ задачи: ухудшить условія труда рабочихъ и превратить рабочихъ въ неорганизованную, распыленную массу.

Ухудшеніе условій труда сводится къ удлиненію рабочаго дня, уменьшенію заработной платы, отмѣнѣ такихъ «льготъ», какъ «прогулъ» по болѣзни, и даже къ установленію неопредѣленности въ уплатѣ заработной платы. Такъ, напримѣръ, кожевенные заводчики Вильны, Бѣлостока, Двинска и Витебска поставили слѣдующее условіе рабочимъ: «платить будемъ не еженедѣльно, а когда будутъ деньги».

Стремленіе дезорганизовать рабочихъ и сдѣлать ихъ менѣе стойкими въ борьбѣ осуществляется путемъ требованій локаутчиковъ, чтобы рабочіе отказались отъ участія въ профессіональныхъ союзахъ, бюро, кассахъ и т. д. Это требованіе выставили объявившіе рабо-

чёмъ локаутъ кожевенные заводчики сѣв.-зап. края и щетинники Польши. Табачные фабриканты Минска поставили рабочимъ требованіе объ уничтоженіи рабочаго бюро, имѣвшаго вліяніе на ходъ дѣлъ фабрикъ, рекомендовавшаго рабочихъ для найма и т. п. Варшавскіе фабриканты желѣзныхъ кроватей, кромѣ уменьшенія заработной платы и увеличенія рабочаго дня, заставляютъ рабочихъ подписать декларацію, что они безпрекословно должны подчиняться всѣмъ требованіямъ правленій фабрикъ и не имѣютъ права высказать свое одобреніе или неодобреніе относительно личнаго состава администраціи фабрикъ. Чрезвычайно характерно требованіе, предъявленное къ рабочимъ въ Житомірѣ. Соединившіяся въ союзъ сапожныя мастерскія потребовали отъ своихъ рабочихъ *помощи въ борьбѣ противъ* отказавшагося примкнуть къ союзу *владѣльца* мастерской, и, когда рабочіе отвергнули это предложеніе, союзные владѣльцы всѣхъ ихъ уволили.

Какъ показываетъ практика локаутовъ, правительственная власть смотритъ на нихъ весьма одобрительно, и мы не знаемъ еще ни одного случая, когда бы союзъ, поставившій своей задачей локаутъ, распался вслѣдствіе вмѣшательства власти. Были случаи, когда правительство отказывало въ регистраціи союзовъ капиталистовъ, вслѣдствіе внесенія въ уставъ параграфа объ обязательной активной борьбѣ съ рабочими. Но подобно тому, какъ въ уставѣ союза истинно-русскихъ людей нѣтъ параграфа объ обязательномъ устройствѣ погромовъ и убійствъ, что, однако, не мѣшаетъ имъ производить погромы и убійства на практикѣ, такъ же точно и союзы капиталистовъ производили и производятъ безъ помѣхи локауты на глазахъ власти при полномъ ея невмѣшательствѣ.

Содержаніе союзныхъ договоровъ капиталисты обыкновенно держатъ въ тайнѣ и, если оно попадаетъ иногда на столбцы газетъ, то, конечно, лишь случайно. «Рѣчь» приводила какъ-то содержаніе условій союза фабрикантовъ-щетинниковъ Литвы. Члены союза обязались: 1) поддерживать другъ друга при столкновеніяхъ съ рабочими; 2) брать другъ у друга рабочихъ, когда они приносятъ письмо отъ своего прежняго хозяина; 3) *не* принимать рабочихъ, уволенныхъ польскими фабрикантами во время локаута, и 4) присоединиться къ локауту въ Польшѣ.

Второй и третій пунктъ этого соглашенія ясно показываютъ, что союзъ преслѣдуетъ прямую цѣль закрѣпощенія рабочихъ.

Какъ зорко слѣдятъ союзные фабриканты за соблюденіемъ подобныхъ условій, показываетъ слѣдующій любопытный циркуляръ, разосланный членамъ союза кожевенныхъ заводчиковъ сѣверо-западнаго края отъ бюро этого союза. Приводимъ этотъ циркуляръ полностью, со словъ той же газеты.

«М. Г.

«Такъ какъ сувалкскіе фабриканты часто жалуются, что бастующіе рабочіе ихъ заводовъ принимаются на заводы въ дру-

этихъ городахъ и что заводчики другихъ мѣстъ продаютъ сувалкскимъ ремесленникамъ сырой товаръ, чѣмъ оказывается поддержка рабочимъ и умаляется сила и значеніе локаута,—честь имѣю просить васъ озаботиться, чтобы въ данномъ районѣ этихъ явленій не было, и если встрѣтится такой фактъ, принять всѣ возможныя мѣры къ устраненію его. Если эти мѣры не будутъ приняты, весь локаутъ потеряетъ все свое значеніе для сувалкскихъ фабрикантовъ, которыхъ необходимо поддержать.

«Съ почтеніемъ *Гримменъ*».

Нечего, конечно, и говорить, что покровительство правительственной власти локаутамъ весьма содѣйствуетъ ихъ успѣху, тѣмъ болѣе, что, предоставляя полную свободу дѣйствій капиталистамъ, та же власть всячески препятствуетъ самозащитѣ рабочихъ. Капиталисты въ данномъ случаѣ прямые союзники бюрократіи. У нихъ одна общая цѣль: обезсилить и дезорганизовать враговъ абсолютизма и капитала. Однако, до послѣдняго времени локаутное движеніе носило скорѣе стихійный, случайный, чѣмъ организованный характеръ. Удачно проведенный хозяевами локаутъ въ одномъ городѣ почти всегда вызывалъ цѣлый рядъ вспыхивавшихъ одинъ за другимъ или сразу локаутовъ въ другихъ городахъ, или въ другихъ отрасляхъ производства.

Теперь же локауту, видимо, суждено стать систематизированнымъ средствомъ борьбы съ рабочими. Московскіе капиталисты выступили съ цѣлой *теоріей* локаута, какъ несокрушимаго оружія въ борьбѣ съ рабочими. Недавно газета «Новь» опубликовала чрезвычайно знаменательную «докладную записку» о московскомъ локаутѣ, исходящую изъ среды московскаго союза типографовъ.

Мы позволимъ себѣ остановиться на сущности этой записки и на проводимой въ ней локаутной теоріи.

До сихъ поръ,—говорятъ авторы записки,—средствомъ противодѣйствія рабочимъ со стороны союза типографовъ былъ *капиталъ*, но одного этого средства недостаточно. «Капиталъ, какъ *единственное* оружіе борьбы 1) не обезпечиваетъ успѣха союзу въ цѣломъ въ его борьбѣ съ рабочими, 2) не представляетъ прямыхъ выгодъ для каждаго члена союза въ отдѣльности, а грозитъ имъ большими убытками и даже возможностью разоренія и 3) не обезпечиваетъ союзу необходимой сплоченности его членовъ, а даже грозитъ расколомъ среди нихъ».

Происходитъ это потому, что борьба посредствомъ одного капитала представляетъ собою исключительно *пассивную* оборону. «Чтобы борьба была успѣшна, а забастовки не истощали безрезультатно капитала союза, но прекращались бы очень быстро, *нужно болѣе сильное оружіе* и не пассивная, а *активная система* борьбы», которая заключается въ локаутѣ. Далѣе авторы записки доказываютъ неосновательность боязни нѣкоторыхъ капи-

4*

талистовъ, будто локаутъ убыточенъ для хозяевъ, наоборотъ—онъ имъ выгоденъ.

Непобѣдимость локаута доказывается слѣдующимъ аргументомъ: «Посмотримъ, однако, ближе, во что можетъ обойтись союзу владѣльцевъ локаутъ. Предположимъ, что этотъ локаутъ осуществился. Сколько времени онъ можетъ продолжаться? Ровно столько, насколько у рабочихъ хватитъ средствъ. Предположимъ, что изъ 5000 рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ членовъ союза, 10% принадлежитъ къ низшей технической администраціи и имѣли возможность сдѣлать сбереженія, такъ что въ случаѣ локаута могутъ обойтись безъ помощи своего союза. Предположимъ далѣе, что еще 20%, т. е. 1000 человѣкъ, имѣютъ сбереженія въ сберегательныхъ кассахъ. Все-таки остается 70%, т. е. 3500 человѣкъ, которые не имѣютъ никакихъ вспомогательныхъ рессурсовъ, кромѣ своего заработка. Если считать дневной расходъ 50 коп. на человѣка (а съ семьей врядъ ли этого будетъ достаточно), то въ день рабочіе должны добыть 1750 руб., а въ 2 недѣли $1750 \times 14 = 24500$ руб. Предполагая, что заработокъ типо-литографскаго рабочаго въ среднемъ равенъ 35 рублямъ и что ими отчисляется ежемѣсячно 1% на забастовочный капиталъ, мы увидимъ, что рабочіе должны собирать эту сумму въ теченіе 14-ти мѣсяцевъ $\left(\frac{24500}{0,35 \times 5000}\right)$ т. е. больше года и то при условіи аккуратнаго поступленія взносовъ. Врядъ ли союзъ рабочихъ допуститъ такую борьбу, потому что еще менѣе вѣроятно, чтобы ему удалось собрать такія деньги. Итакъ, предполагаемая продолжительность локаута въ ближайшемъ будущемъ *не можетъ быть больше 2 недѣль, по истеченіи которыхъ средства рабочихъ изсякнутъ*, и они должны будутъ идти на уступки. Удвоимъ изъ предосторожности эту цифру. Допустимъ, что рабочій съ семьей сможетъ просуществовать на 25 коп. въ день, и перерывъ въ работѣ продолжится не 2, а 4 недѣли. Естественно теперь возникаетъ вопросъ, окупится ли для владѣльцевъ этотъ 4-хъ недѣльный простой тѣми результатами, которые будутъ достигнуты локаутомъ». Сложными подсчетами авторы записки убѣждаютъ членовъ московскаго союза типографовъ, что «4-хъ недѣльный локаутъ приноситъ союзу владѣльцевъ меньше убытковъ, чѣмъ пониженіе рабочаго дня на одинъ часъ».

Въ заключеніе докладная записка говоритъ: «Такого рода организованный обязательный локаутъ представитъ собой оружіе, во много разъ болѣе дѣйствительное, нежели вспомогательный капиталъ, употребляемый на поддержку бастующихъ фирмъ, и болѣе сплотитъ союзъ. Соединеніе двухъ видовъ оружія: локаута и капитала—дастъ союзу въ цѣломъ возможность твердо стоять на ногахъ даже безъ помощи извнѣ. Присоединеніе же его вслѣдствіи къ союзу фабрикантовъ или къ всероссійскому союзу типо-лито-

графовъ, который долженъ образоваться рано или поздно, только укрѣпить эту самостоятельность».

Такимъ образомъ, теорія непобѣдимости локаута покоится на безсиліи рабочихъ, и главнымъ образомъ построена на томъ, что у рабочихъ никогда не хватитъ средствъ выдержать даже относительно длительную безработицу.

Посмотримъ теперь, какъ вели борьбу съ локаутомъ рабочіе.

Локаутное движеніе представляло для рабочихъ общую опасность. Сознаніе этой опасности нашло себѣ выраженіе не только въ моральной, но и въ матеріальной поддержкѣ жертвъ локаута со стороны рабочихъ. Рабочіе дѣлали отчисленія изъ своей заработной платы, пускали въ ходъ скромныя средства профессіональныхъ союзовъ, прибѣгали иногда и къ частной благотворительности; такимъ образомъ, нѣкоторое время выброшенные съ фабрикъ рабочіе могли выждать и не идти на уступки хозяевамъ. Цѣлый рядъ локаутовъ рабочимъ удавалось выигрывать однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ. Слабо организованные мелкіе союзы хозяевъ не выдерживали мало-мальски длительной пріостановки работъ и или отказывались отъ своихъ условій, или смягчали ихъ. Рабочіе же всюду боролись до послѣдней крайности и уступали только тогда, когда силы ихъ истощались и когда средства профессіональныхъ организацій оказывались исчерпанными, какъ, напримѣръ, въ Лодзи.

Кромѣ пассивнаго сопротивленія локауту, практика борьбы съ нимъ выдвинула и активный способъ самозащиты: бойкотъ, забастовки, а въ Польшѣ и терроръ.

Террористическій способъ борьбы съ локаутомъ встрѣтилъ, однако, осужденіе со стороны рабочихъ и въ Варшавѣ, и въ Вильнѣ. Не достигая цѣли, онъ приноситъ несомнѣнный вредъ, такъ какъ вноситъ деморализацію въ рабочую среду, вызываетъ враждебное отношеніе въ широкихъ общественныхъ слояхъ и влечетъ безпощадныя репрессіи. Происходившая недавно «всероссійская конференція рабочихъ по металлу» отвергла и практику широкихъ забастовокъ на каждый отдѣльный локаутъ. Средствами противодѣйствія локаутамъ эта конференція признала: созданіе сильныхъ профессіональныхъ организацій и объединеніе ихъ въ областные и всероссійскіе союзы, а также полную согласованность дѣйствій экономическихъ и политическихъ организацій рабочаго класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ конференція полагала, что существующіе мѣстные союзы должны принять слѣдующія ближайшія мѣры: 1) озаботиться о возможно болѣе тщательной освѣдомленности объ общемъ положеніи данной отрасли производства; 2) всѣмъ своимъ выступленіямъ противъ предпринимателей придать возможно болѣе подготовленный и рганизованный характеръ; 3) тщательно взвѣшивать выставляемыя

требованія, руководясь при этомъ интересами союза въ цѣломъ и обезпечивая за союзомъ рѣшающій голосъ; 4) въ случаѣ возникновенія локаута проводить самый строгій бойкотъ на всѣ работы и заказы тѣхъ предпріятій, гдѣ разсчитаны рабочіе, и стремиться предотвращать притокъ мѣстныхъ рабочихъ въ эти предпріятія; 5) стремиться всесторонне использовать противоположность интересовъ между отдѣльными группами капиталистовъ, организующими локаутъ, и широкими слоями населенія.

Исходъ московской локаутной эпопеи, гдѣ, несмотря на усилія типографовъ, рабочіе одержали побѣду, благодаря своей организованности, показываетъ, что успѣхъ борьбы съ локаутомъ зависитъ отъ степени прочности и силы организаціи рабочихъ. Въ Москвѣ, впрочемъ, обстоятельства сложились благопріятно для рабочихъ: къ союзу типографовъ многіе владѣльцы типографій не примкнули, нѣкоторые вышли изъ союза, и дѣло окончилось третейскимъ судомъ, вынесшимъ полное пораженіе союзу типографовъ. Какъ сообщили газеты, судъ нашелъ, что конфликтъ начатъ и созданъ исключительно союзомъ владѣльцевъ типографскихъ предпріятій: вмѣсто того, чтобы обратиться за разрѣшеніемъ возникшаго недоразумѣнія въ смѣшанную коммиссію изъ представителей рабочихъ и хозяевъ, многіе члены союза владѣльцевъ совершенно произвольно отмѣнили установленную по общему соглашенію 8-ми часовую ночную смѣну, замѣнивъ ее 9-ти часовой. Въ виду этого, судъ призналъ союзъ владѣльцевъ обязаннымъ возмѣстить рабочимъ убытки въ суммѣ до 25 тыс. руб.

Подобно тому, какъ лодзинскій локаутъ имѣлъ несомнѣнное и психологическое значеніе въ развитіи локаутной эпидеміи, такъ и московское пораженіе локаута, можетъ быть, произведетъ охлаждающее дѣйствіе на хозяевъ.

При разсмотрѣніи практики локаутной борьбы необходимо еще отмѣтить, какъ она протекала среди *ремесленныхъ* рабочихъ и хозяевъ. Ремесленные рабочіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ отраслей производства—сапожники, портные—оказывались въ болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно со своими фабричными собратьями: средства производства для ихъ отрасли ремесла часто оказывались настолько незначительными, что легко добывались коллективнымъ способомъ. Въ отвѣтъ на объявленіе локаута портные-рабочіе въ Житомірѣ составили свой кооперативъ: открыли мастерскую на артельныхъ началахъ. То же наблюдалось у парикмахеровъ и нѣкоторыхъ другихъ ремесленниковъ.

Въ общемъ, локаутная практика не всегда подтверждаетъ выработанную московскими капитальстами теорію локаута.

Успѣшности локаутовъ содѣйствуетъ, какъ мы уже указывали, политика власти,—при мало-мальски большей свободѣ рабочихъ организацій, при возможности легальныхъ способовъ добыванія средствъ на поддержаніе существованія жертвъ локаута,—словомъ, при не

призрачной, а дѣйствительной свободѣ собраній, союзовъ и стачекъ рабочихъ, сопротивляемость рабочихъ локаутамъ значительно повысится, и активное выступленіе капиталистовъ будетъ для нихъ гораздо болѣе рискованнымъ, чѣмъ теперь.

Что касается нынѣшняго локаутнаго движенія, то оно еще болѣе сплачиваетъ рабочихъ и проявляетъ значительное вліяніе на распространеніе профессіональныхъ организацій среди тѣхъ слоевъ городского трудового населенія, которые досель еще мало были затронуты профессіональнымъ движеніемъ, особенно въ глухой провинціи — въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ, большихъ промышленныхъ селахъ, гдѣ ремесленные рабочіе призваны къ той роли, которую играютъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ фабричные рабочіе.

Конст. Пономаревъ.

Политическая астрологія

За послѣдніе мѣсяцы въ большой модѣ было словечко «осада», съ которымъ у меня невольно связывается нѣкоторое личное впечатлѣніе. Помнится, въ ноябрѣ прошлаго 1906 года мнѣ попалось одно изъ первыхъ предвыборныхъ воззваній к.-д. партіи; между прочимъ, оно было воспроизведено въ партійномъ «Вѣст. Нар. Своб.» (№ 39). Воззваніе перечисляло и подчеркивало труды и заслуги первой Государственной Думы. Перечень трудовъ и заслугъ оканчивался такимъ категорическимъ заявленіемъ:

«Это дѣлали люди, принадлежащіе къ партіи народной свободы. Они затѣмъ и шли въ Думу и... повели за собою остальныхъ».

И почти одновременно съ этимъ рѣшительнымъ заявленіемъ пришлось читать въ «Рѣчи» рядъ жалобъ на ту же первую Государственную Думу: оказывалось, она «не благоразумно» «пошла на штурмъ, вмѣсто того, чтобы вести правильную осаду» *); оказывалось далѣе, что эта неблагоразумная, ошибочная тактика была навязана к.-д. партіи посторонними, и, въ концѣ концовъ, въ первой Думѣ «людямъ, принадлежащимъ къ партіи народной свободы», «пришлось сыграть роль невольныхъ исполнителей одного изъ опасныхъ плановъ, постоянно подсовывавшихся со стороны» **).

---

*) См. „Рѣчь", 8 ноября.
**) См. „Рѣчь", 10 ноября.

Между тѣмъ, сама по себѣ, к.-д. партія считала и теперь считаетъ единственно правильнымъ и цѣлесообразнымъ путь «правильной осады».

Получалось впечатлѣніе, если не противорѣчивости, то, во всякомъ случаѣ, нѣкоторой несогласованности. Выходило какъ-то такъ, что, если не употреблять терминъ «осада», то «люди, принадлежащіе къ партіи народной свободы», несомнѣнно, идутъ своею дорогою и «ведутъ за собою остальныхъ»; а если обсуждать событія съ «осадной» точки зрѣнія, то тѣ же самые «люди», оказывается, идутъ на привязи и, «въ концѣ концовъ», противъ своей воли, «исполняютъ» чужіе и при томъ завѣдомо для нихъ опасные «планы».

Можно, конечно, введя самовольно рядъ существенно важныхъ оговорокъ и въ предвыборное воззваніе, и въ статьи «Рѣчи», придти къ заключенію, что тутъ нѣтъ ни противорѣчія, ни даже несогласованности. Можно, опять-таки самовольно введя рядъ существенно важныхъ оговорокъ, даже доказать, что воззваніе и статьи «Рѣчи» трактуютъ хотя и объ и одномъ и томъ же предметѣ, но въ разныхъ плоскостяхъ. Но ввести эти оговорки предоставлялось самому читателю. Для читателя, который не считаетъ себя обязаннымъ дѣлать оговорки за чужой счетъ, оставалось лишь слово «осада», обладающее магическою силою моментально превращать генерала въ солдата,—ведущаго въ ведомаго.

Позже, повторяю, этому магическому слову, такъ сказать, посчастливилось. О необходимости вести «правильную осаду», а не штурмъ, много разъ писала «Рѣчь». На тему объ «осадѣ власти» напечатана цѣлая серія статей въ «Новомъ Времени». «Осадою» пестрѣли столбцы «Россіи», при чемъ этотъ анонимный листокъ г. Столыпина вполнѣ соглашался по существу и съ «Рѣчью», и съ «Новымъ Временемъ», что осада есть штука, весьма вредная, даже самая вредная для правительства. «Россія», помнится, однажды даже сочла нужнымъ въ установленный терминъ: «осада власти», внести грамматическую поправку, предлагая выраженіе: «осада Думы». Повидимому, эта поправка, по мысли ея авторовъ, должна означать, что не «власть» осаждаетъ Думу, а Дума осаждаетъ «власть». Но не будемъ углубляться въ эту оригинальную борьбу съ русскимъ языкомъ, нѣсколько напоминающую того художника, который назвалъ свою картину «стадомъ пастуховъ», а потомъ убѣждалъ, что стадо составляютъ не пастухи, а овцы. Оставимъ въ сторонѣ эти грамматическія тонкости. Остановимся только на существѣ вопроса.

По существу же, насколько можно понять изъ обмѣна мнѣній, дѣло стоитъ такъ. Первая Дума «пошла на штурмъ», и въ этомъ заключалась ея «роковая», какъ выразилась однажды «Рѣчь», ошибка, такъ какъ правительство не боится штурма, и штурмъ правительству не страшенъ. Иное дѣло «правильная осада». Этого

и только этого правительство боится. Это и только это приведетъ насъ къ побѣдѣ. И потому вторая Дума должна рѣшительно отказаться отъ штурма и вести только «правильную осаду». Таково, въ общихъ чертахъ, мнѣніе «Рѣчи». «Новое Время» и «Россія», въ свою очередь, заявляютъ: мы очень боимся осады, для насъ выгоднѣе было бы имѣть дѣло со штурмомъ. И этотъ отзывъ заинтересованной стороны, казалось бы, свидѣтельствуетъ, что разговоръ идетъ о вещахъ, очень важныхъ, о реальностяхъ рѣшающаго значенія. Но если вы захотите понять, какую же, собственно, реальность разумѣютъ «Рѣчь» и «Новое Время», то, боюсь, ровно ничего не поймете. Пожалуй, можно выразиться опредѣленнѣе. Порою мнѣ кажется, сама «Рѣчь» и само «Новое Время» не знаютъ, что у нихъ принято называть «штурмомъ», и что «правильной осадой». И, быть можетъ, только этимъ непониманіемъ собственной терминологіи слѣдуетъ объяснить, почему въ данномъ случаѣ «штурмъ» противополагается «правильной осадѣ». Вѣдь если держаться общепринятаго смысла словъ, то эти чисто военные термины вовсе не выражаютъ противоположныхъ понятій. Наоборотъ, штурмъ предполагаетъ необходимость въ нѣкоторыхъ осадныхъ дѣйствіяхъ. Осада, тѣмъ паче «правильная» осада, вовсе не исключаетъ подготовки къ штурму, а часто только къ этой подготовкѣ и сводится и только подготовленностью рѣшить борьбу однимъ ударомъ вынуждаетъ непріятеля къ капитуляціи.

Очевидно, чисто военные термины, примѣненные къ думской тактикѣ, по иниціативѣ «Рѣчи», имѣютъ какое-то особое, не общепринятое, произвольное значеніе. Но какое именно,—это секретъ той же «Рѣчи». Правда, «Новое Время», а за нимъ и «Россія» увѣряютъ, что имъ этотъ секретъ хорошо извѣстенъ. Но отъ этого, конечно, онъ не пересталъ быть секретомъ. И что удивительно,—«Рѣчь» ни разу не сочла нужнымъ объяснить, въ чемъ дѣло. За все время, какъ пошли толки объ «осадѣ» и штурмѣ, я помню только одну попытку дать объясненіе, да и та сдѣлана какъ будто невзначай, невольно и, къ сожалѣнію, страдаетъ въ одно и то же время и чрезмѣрной конкретностью, и чрезмѣрною неясностью. Вѣрнѣе, это даже не объясненіе, а лишь одинъ изъ примѣровъ того, что, по мнѣнію «Рѣчи», надо считать штурмомъ.

Если основываться на этомъ примѣрѣ, то, строго говоря, на первую Думу вовсе нельзя жаловаться, будто она пошла на штурмъ. Напротивъ, она все время вела «правильную осаду». И только въ послѣдніе дни вдругъ рѣшила обратиться съ «разъясненіемъ» къ народу. Вотъ это-то «разъясненіе» и есть единственный примѣръ «штурма» въ дѣятельности первой Думы. Это и есть «роковой» шагъ, который погубилъ ее. Это и есть тотъ «опасный планъ», который, если вѣрить «Рѣчи», былъ «подсунутъ» к.-д., и по отношенію къ которому к.-д.» сыграли такую же роль не-

вольныхъ исполнителей», о какой разсказывается въ шуточной пѣсенкѣ:

Безъ меня меня женили, я на мельницѣ былъ...

Повторяю, за все время былъ указанъ, насколько я могу помнить, только одинъ примѣръ «штурма». Должно быть, онъ считается особо убѣдительнымъ и особо нагляднымъ. Но мнѣ кажется, что ссылку на этотъ единственный примѣръ можно дѣлать или по недоразумѣнію, или въ разсчетѣ на обывательскую забывчивость.

Въ самомъ дѣлѣ,—припомните, при какихъ обстоятельствахъ появилось возмущающее нынѣ «Рѣчь» разъясненіе. Правительство «бойкотировало» первую Думу. Теперь этого никто не отрицаетъ. А «Рѣчь» на этомъ даже настаиваетъ. Одновременно Дума была подвергнута тѣсной блокадѣ. Въ напечатанныхъ государственной канцеляріей стенографическихъ отчетахъ, между прочимъ, приведенъ документъ, кратко излагающій исторію нѣкоего Никиты Бабкина. Никита Бабкинъ «былъ выбранъ обществомъ отвезти общественный приговоръ въ Думу... въ Думѣ былъ 19 іюня; 26 сего іюня его арестовали и увезли куда-то». Какъ извѣстно, за обращеніе къ Думѣ «увезенъ куда-то» не одинъ Никита Бабкинъ. Пока Дума, подвергнутая правительственному бойкоту и правительственной блокадѣ, «разговаривала», «совѣтъ министровъ» издавалъ законы. Законодательную дѣятельность министерства Горемыкина также теперь никто не отрицаетъ. А «Рѣчь», сколько помнится, на нее даже указывала. Безсиліе Думы подчеркивалось правительствомъ съ развязностью, которую основательно называли издѣвательствомъ. Въ концѣ концовъ, полицейскіе просто начали бить депутатовъ. Между тѣмъ, Петербургъ исподволь наводнялся войсками всѣхъ родовъ оружія и постепенно принималъ видъ военнаго лагеря.

Все это, по схемѣ «Рѣчи», должно означать, что правительство было подвергнуто первою Думою «правильной осадѣ». На такое опредѣленіе, если бы оно появилось, напр., въ «Новомъ Времени», надо бы отвѣтить, какъ на злостное шутовство. Но «Рѣчь», поскольку я знаю, не склонна впадать въ шутовство, говоря о судьбѣ первой Думы. Будемъ пока считать, что эта газета просто чересчуръ увлеклась схемами и совершенно невольно впала въ злой и не совсѣмъ удачный сарказмъ надъ дѣйствительностью.

Ко второй половинѣ іюня прошлаго года «правильная осада» уже приближалась къ благополучному концу. Дума въ сущности не знала, что дѣлать. Депутаты горестно недоумѣвали, для какой, собственно, надобности они проживаютъ въ Петербургѣ и засѣдаютъ въ Таврическомъ дворцѣ. Наступалъ переломъ отъ радужныхъ надеждъ, съ какими первая Дума начала свою работу, къ безысходному отчаянію, какое звучало въ ея послѣднихъ засѣданіяхъ. Она [illegible] чувствовала, что дни ея сочтены, что ея поло- [illegible] во время этого перелома, 20 іюня

1906 г. въ «Правит. Вѣстн.» и въ «Нов. Вр.» появилось «прави-тельственное сообщеніе» по аграрному вопросу, а вѣрнѣе, говоря, и рѣзко-полемическая статья противъ Думы. Полемическій задоръ автора заходилъ такъ далеко, что Думѣ приписывалось намѣреніе отнять землю у крестьянъ и довести ихъ до голода и вѣчной нищеты. Тактическая цѣль, ради которой г-да Горемыкинъ и Столыпинъ такъ откровенно старались «раздраконить» Думу, ясна, какъ день. Даже г. Кузьминъ-Караваевъ, по его собственнымъ словамъ, «человѣкъ уравновѣшенный и уже не очень молодой, ... впалъ въ состояніе бѣшенства»...

«Я,—говорилъ онъ въ Думѣ,—никогда... не употреблялъ и не употребляю слова «провокація», но, когда я прочелъ правительственное сообщеніе 20 іюня, то я увидѣлъ, что нѣтъ границъ, нѣтъ такихъ словъ, которыхъ нельзя употреблять по отношенію къ министерству Горемыкина-Столыпина».

«Провокація»—терминъ, такъ сказать, гражданскій. Въ интересахъ чрезмѣрной корректности отъ него, пожалуй, можно отказаться. Можно прибѣгнуть къ терминологіи военной, представляющей тѣ удобства, что изъ нея тщательно вытравлена моральная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій, и потому она не кажется обидной и колючей. Можно сказать, что 20 іюня Горемыкинъ и Столыпинъ пошли въ атаку. Или, если ужъ придерживаться, излюбленной «Рѣчи», крѣпостной техники,—можно сказать, что правительство послѣ подготовительныхъ осадныхъ работъ противъ Думы съ 20 іюня предприняло штурмъ. Это именно и надо было сказать «Рѣчи», такъ какъ исторія думскаго «разъясненія» начинается именно съ 20 іюня. Однако, «Рѣчь» сочла почему-то своимъ долгомъ перепутать дѣйствующихъ лицъ, и на этомъ основаніи она утверждаетъ, что Дума съ 20 іюня «пошла на штурмъ» противъ правительства. Очевидно, при переходѣ на гражданскую терминологію, къ которой, по случаю правительственнаго сообщенія, рѣшился прибѣгнуть даже г. Кузьминъ-Караваевъ, Дума провоцировала Горемыкина и Столыпина, а Горемыкинъ и Столыпинъ оказались жертвами думской провокаціи. Исключительная трагичность событія, о которомъ намъ сейчасъ приходится говорить, заставляетъ меня удерживаться отъ заслуженно-рѣзкихъ и обидныхъ сравненій по адресу органа к.-д. партіи. Но фактъ самъ по себѣ достоинъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе. Передъ нами явленіе во всякомъ разѣ не шуточное. Не спроста, не зря, не случайно большая газета, руководимая, между прочимъ, такимъ крупнымъ человѣкомъ, какъ П. Н. Милюковъ, дѣла первой Думы называетъ совершенно неподходящими терминами. И не только называетъ, но и упорствуетъ въ этомъ своемъ очевидномъ заблужденіи.

Итакъ, 20 іюня Горемыкинъ и Столыпинъ начали штурмъ «правительственнымъ сообщеніемъ». По поводу этого сообщенія въ общее собраніе Думы былъ внесенъ запросъ, за подписью 116 депутатовъ.

Это и есть начальная стадія того «плана», который «Рѣчь» съ ноября прошлаго года объявила «опаснымъ» и «подсунутымъ со стороны». Какъ газета осторожная, она отдѣлывается крайне неопредѣленнымъ реченіемъ: «со стороны». Газеты, менѣе умныя и съ болѣе короткою памятью, пошли вслѣдъ за «Рѣчью», но значительно дальше. Не имѣю сейчасъ возможности справиться, гдѣ именно, но чуть ли не въ «Бирж. Вѣд.», мнѣ приходилось читать категорическое утвержденіе, что «планъ» былъ «подсунутъ» соціалъ-демократами. Въ числѣ 116 «соціалъ-демократовъ», подписавшихъ запросъ, были, между прочимъ, слѣдующія «посторонніе», какъ увѣряетъ «Рѣчь», для к.-д. партіи лица:

Влад. Набоковъ, М. Винаверъ, Ив. Петрункевичъ, Г. Іоллосъ, М. Петрункевичъ, Ф. Родичевъ, Н. Карѣевъ, М. Герценштейнъ, кн. П. Долгоруковъ *), и другіе многіе изъ столь же «постороннихъ».

Запросъ впервые обсуждался въ Думѣ 26 іюня. Г. Кузьминъ-Караваевъ въ своей рѣчи рекомендовалъ:

«Передать запросъ въ коммиссію 33-хъ для перередактированія, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручить той же коммиссіи, или коммиссіи аграрной, какъ болѣе компетентной въ настоящемъ дѣлѣ, выработать проектъ мотивированнаго постановленія Государственной Думы,—постановленія или формы перехода къ очереднымъ дѣламъ, это все равно,—во всякомъ случаѣ, по содержанію проектъ контръ-сообщенія, такого контръ-сообщенія, которое могло бы быть распубликовано отъ лица Государственной Думы» **).

Я счелъ нужнымъ выписать это предложеніе дословно, такъ какъ автору его г. Кузьмину-Караваеву въ данномъ эпизодѣ изъ жизни первой Государственной Думы долгое время приписывалась вовсе не та роль, какую онъ въ дѣйствительности игралъ. Какъ видите, это даже не предложеніе, а нѣкоторая общая мысль съ неопредѣленными посылками и неопредѣленнымъ выводомъ. Неизвѣстно даже, въ какую коммиссію запросъ слѣдуетъ передать, и что, собственно, ей поручить? «Мотивированное ли, въ самомъ дѣлѣ, постановленіе», или «форму перехода къ очереднымъ дѣламъ»? И кто «распубликуетъ» эту «форму» или это «постановленіе»? Сама Дума? Или вся задача—лишь такъ проредактировать, напр., формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, что кѣмъ бы она ни была опубликована, а выйдетъ, будто отъ имени Думы. Столь загадочное предложеніе въ сущности нельзя было даже обсуждать. И выступившій вслѣдъ за г. Кузьминымъ-Караваевымъ членъ к.-д. партіи В. Е. Якушкинъ перенесъ вопросъ на дѣловую почву:

«Мы обязаны, — сказалъ онъ, — отвѣтить на это (правитель-

*) Фамиліи выписываю съ тѣми инициалами, какія значатся въ оффиціальныхъ стенографическихъ отчетахъ (см. т. II, стр. 1755—6).

**) Ibid стр. 1751.

ственное) сообщеніе, которое смущаетъ народъ, такимъ же сообщеніемъ отъ Государственной Думы» *).

Затѣмъ членъ центральнаго комитета той же к.-д. партіи, г. А. А. Мухановъ внесъ письменное предложеніе:

«Передать запросъ для редактированія въ коммиссію 33-хъ и поручить аграрной коммиссіи представить проектъ сообщенія отъ Думы».

Дальнѣйшее въ стенографическихъ отчетахъ излагается такъ:

«*Предсѣдательствующій*. Г. Кузьминъ-Караваевъ, вы присоединяетесь къ этому (т. е. къ формулѣ Муханова)?

Кузьминъ-Караваевъ. Присоединяюсь».

Такимъ образомъ, на баллотировку была поставлена формула Муханова, которая и оказалась принятою. Характерно, что объ авторскихъ правахъ г. Муханова «Рѣчь» не обмолвилась ни однимъ словомъ. Наоборотъ, какъ-то вышло, что газетами формула г. Муханова была приписана г. Кузьмину-Караваеву. И это совершенно ошибочное сообщеніе такъ и осталось не опровергнутымъ своевременно.

Какъ бы то ни было, но первоначально казалось, что Дума 26 іюня постановила обратиться къ народу и, слѣдовательно, дать рѣшительный отпоръ правительству, предпринявшему штурмъ. Эта рѣшимость достойно защищаться и отстаивать свой престижъ въ свое время надѣлала много шума. Газеты заговорили было о «переломѣ въ думской тактикѣ». Но вмѣсто «перелома», вмѣсто готовности защищаться, произошло, какъ извѣстно, нѣчто другое. 4 іюля аграрная коммиссія, предсѣдателемъ которой былъ, по ироніи судебъ, тотъ же г. Мухановъ, доложила проектъ «разъясненія», подъ заглавіемъ: «Отъ Государственной Думы». Аграрная коммиссія не просто замѣнила слово «сообщеніе» словомъ «разъясненіе». «Рѣчь» увѣряла, будто главная цѣль «разъясненія» заключается въ томъ, чтобы «побудить населеніе воздержаться отъ революціоннаго пути и найти въ себѣ силы еще подождать» **). Можетъ быть, конечно, аграрная коммиссія ставила себѣ эту цѣль, или по крайней мѣрѣ, не ставила ее вполнѣ сознательно и обдуманно. Но во всякомъ случаѣ выработанный ею проектъ воззванія не содержалъ готовности вступить въ борьбу съ непріятелемъ и призыва къ народу. Повидимому, среди большинства Думы первоначальное намѣреніе дать отпоръ тоже ослабѣло. И проектъ аграрной коммиссіи въ первомъ чтеніи былъ принятъ.

6 іюля г. И. И. Петрункевичъ, подъ видомъ поправки, внесъ новый проектъ «разъясненія», въ основу котораго была положена еще болѣе ясно подчеркнутая мысль—не сопротивляться и «побудить населеніе еще подождать». Съ этою «поправкою» «разъясне-

*) Ibid., стр. 1752.

**) „Рѣчь", 5 іюля 1906 г.

ніе» и было поставлено на окончательную баллотировку. Противъ него подано 53 голоса: правые и соціалъ-демократы. Принципіально высказались противъ и воздержались отъ голосованія трудовики и польское коло, составившіе вмѣстѣ 101 голосъ. За разъясненіе съ поправкою г. Петрункевича подано 124 голоса, составленные почти исключительно представителями конституціонно-демократической партіи. «Разъясненіе» было объявлено принятымъ. И та же «Рѣчь», которая нынѣ считаетъ это «разъясненіе» «роковымъ и опаснымъ планомъ», 7 іюля 1906 г. торжествующе писала:

«Счастливо обойдены всѣ тактическія затрудненія. Послѣ *такого* голосованія Думѣ ничто не страшно».

Я вовсе не склоненъ преуменьшать жестокій смыслъ уроковъ, какіе преподаетъ всѣмъ намъ суровая судьба. Безспорно, уроки были слишкомъ тяжки. Буквально черезъ нѣсколько часовъ послѣ заявленія, что «Думѣ теперь ничто не страшно», Таврическій дворецъ былъ окруженъ войсками, и представителямъ именно той партіи, которая считала «всѣ тактическія затрудненія счастливо обойденными», пришлось взять на себя иниціативу по устройству поѣздки въ Выборгъ. За этимъ первымъ ударомъ слѣдовалъ рядъ другихъ, не менѣе жестокихъ. И вполнѣ естественно было оглянуться назадъ и оцѣнить свое поведеніе заново,—такъ или иначе за счетъ ошибокъ прошлаго вооружить себя горькимъ опытомъ для будущаго.

По моему личному мнѣнію, оцѣнивая думское «разъясненіе» заново, неизбѣжно было такъ или иначе считаться съ послѣдовательностью событій:

Когда мы рѣшили сопротивляться правительству, предпринявшему штурмъ,—Дума была цѣла. А когда мы отказались отъ сопротивленія, когда отступили,— правительство поняло, что мы просто боимся, что за нами нѣтъ силы, и насъ разогнали.

Допускаю, однако, что возможенъ и другой выводъ, не считающійся съ послѣдовательностью событій. При нѣкоторой подавленности настроенія можно, напр., придти къ такому, приблизительно, рѣшенію:

Напрасно мы волновались, когда правительство начало насъ штурмовать. Лучше бы сидѣть смирно, какъ будто мы ничего не видимъ, и какъ будто ничего, достойнаго нашего вниманія, не случилось. Пусть бы, по крайней мѣрѣ, вся Европа видѣла, что правительство хищно, какъ волкъ, а мы заранѣе совершенно безвинно, какъ агнцы непорочные и беззащитные.

Съ моей точки зрѣнія, вынесенное первою Думою 26 іюня рѣшеніе сопротивляться было вполнѣ правильно, а неожиданный и не согласованный затѣмъ отказъ отъ сопротивленія — роковая ошибка. Но, повторяю, мнѣ понятна и другая точка зрѣнія, ставши на очередь, надо признать, что Думѣ слѣдовало не отзываться на провокацію 20 іюня. Я понимаю, что вообще всякій отзывъ на

преуспеваніе можно считать ошибкою. Понятно мнѣ и состояніе человѣка, который сознаетъ свою ошибку, но старается свалить ее на другихъ:

— Я — не я, и лошадь не моя, и Набоковъ не нашъ, и Муромцевъ — чужой, и вся наша думская фракція, единственно голосовавшая 6 іюля за предложеніе, совсѣмъ не наша, а посторонняя.

Позиція «я — не я, и лошадь не моя» не такъ ужъ красива: позиціи подобной обыкновенно не блещутъ ни воинскими доблестями, ни гражданскими добродѣтелями, и едва ли могутъ снискать благодарность потомства и признательность современниковъ. И все-таки проявленіе этакой позиціи — дѣло житейское. «Человѣкъ слабъ, а бѣсъ силенъ», — со многими это бываетъ. И попытка «Рѣчи» перенести лавры и долги к.-д. партіи цѣликомъ на чужой счетъ меня не удивляетъ. Такой способъ оправдываться, конечно, «отъ лукаваго». Но въ основѣ желанія оправдаться лежитъ все-таки нѣчто чистое, человѣчное, «отъ Бога происходящее».

Хотя первая Дума была поставлена волею судебъ въ положеніе защищающейся стороны, а отнюдь не нападающей, но можно было бы, съ извѣстными оговорками, понять и предъявленное къ ней «Рѣчью» обвиненіе: «пошла на штурмъ». Это можно было бы понять, если бы Дума, хотя и въ цѣляхъ самозащиты, все-таки приняла рѣшеніе, по мнѣнію к.-д. органа, рѣзкое, революціонное, выходящее изъ конституціонныхъ рамокъ. Но нѣтъ, по словамъ самой «Рѣчи», «послѣ поправокъ Петрункевича роковое разъясненіе само по себѣ вовсе не сходило съ конституціонной почвы». «Въ данномъ случаѣ партія к.-д. приняла всѣ мѣры, чтобы лишить этотъ послѣдній рискованный шагъ явно не конституціоннаго характера». А до этого «послѣдняго случая» во всѣхъ предшествовавшихъ случаяхъ та же партія к.-д. принимала тѣ же «всѣ мѣры», съ тою же цѣлью, и благополучно «провела Думу черезъ цѣлый рядъ подводныхъ камней» *).

Итакъ, прокуроры «Рѣчи» послѣ весьма тщательнаго разслѣдованія въ дѣятельности первой Думы нашли только одинъ эпизодъ, который, по ихъ мнѣнію, можетъ быть названъ «штурмомъ». Но и этотъ единственный эпизодъ, по отзыву тѣхъ же прокуроровъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается вовсе не штурмомъ, а простымъ отказомъ отвѣчать на непріятельскій штурмъ, во имя чисто платонической цѣли — строго стоять на почвѣ конституціоннаго права въ странѣ, гдѣ этого права нѣтъ, и гдѣ приняты всѣ мѣры, чтобы его не допустить. Столь упорная преданность не существующей конституціи однимъ можетъ показаться трогательной.

---

*) Всѣ эти цитаты беру изъ того же № „Рѣчи" отъ 10 ноября, гдѣ „предложеніе" названо „опаснымъ планомъ", „подсунутымъ со стороны", а партія к.-д. его „[illegible]".

другимъ она напомнитъ воспѣтаго Кузьмою Прутковымъ барона фонъ-Гринвальдуса, который, какъ извѣстно, былъ отвергнутъ жестокой Амальей, и счелъ это достаточнымъ основаніемъ, чтобы сѣсть на камнѣ предъ замкомъ возлюбленной,—«сидѣть, принахмурясь, сидѣть и молчать».

От замковыхъ оконъ
Очей не отводитъ
И съ мѣста не сходитъ;
Не пьетъ и не ѣстъ.
Года за годами...
Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ,
Баронъ фонъ-Гринвальдусъ,
Сей доблестный рыцарь,
Все въ той же позиціи
На камнѣ сидитъ...

По терминологіи «Рѣчи», это и называется «вести правильную осаду». Скрѣпя сердце, можно бы помириться съ такимъ названіемъ. Разъ людямъ очень хочется думать, будто они ведутъ «осаду», — пусть думаютъ. Всетаки тутъ есть нѣкоторая тѣнь сходства. Но когда вамъ говорятъ, что баронъ фонъ-Гринвальдусъ, хмуро сидя на камнѣ, производитъ штурмъ, то невольно задаешься вопросомъ, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія. Возможно вѣдь, что публицистамъ «Рѣчи», приходятъ въ голову сравненія, безподобныя для карикатуры, и «Рѣчь», по ошибкѣ, пользуется этими сравненіями для серьезныхъ статей.

II.

Я нѣсколько боюсь, что меня заподозрятъ въ желаніи придраться къ словамъ «осада» и «штурмъ» и, воспользовавшись неудачнымъ употребленіемъ этихъ словъ, построить тотъ или иной выводъ. Дѣло вовсе не въ словахъ, и не въ томъ, разумѣется, что они взяты изъ военнаго лексикона. Это довольно часто бываетъ, что именно люди, по темпераменту своему, не приспособленные къ военнымъ дѣйствіямъ, весьма любятъ прибѣгать къ военнымъ терминамъ. Помнится, въ началѣ прошлаго года нѣкоторые к.-д. сочли долгомъ публично заявить о своей неспособности пойти, напр., на баррикады. И если тѣ же к.-д. чувствуютъ тѣмъ не менѣе склонность называть свои дѣйствія либо штурмомъ, либо осадой,—то такъ оно и быть должно. Это въ порядкѣ вещей. Психологически неизбѣжно для человѣка чрезвычайную уклончивость поступковъ маскировать нарочитою рѣшительностью словъ. И не потому я остановился на этихъ словахъ, что они не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Другое меня интересуетъ.

Такъ или нѣтъ, но руководящій органъ к.-д. партіи формули-

ровалъ обвиненіе въ штурмѣ и бросилъ его по адресу первой Думы. Косвенно этимъ достигнута цѣль едва ли желательная и для самой партіи, и для ея руководящаго органа: вѣдь заявленіе «Рѣчи» въ нѣкоторомъ родѣ оправдательный документъ для г. Столыпина. Документъ выданъ. Но если вы спросите, дѣйствительно ли «Рѣчь» убѣждена, что штурмъ былъ, то окажется, что «бабушка надвое ворожила». Если вѣрить номеру этой газеты отъ 8 ноября, то штурмъ, несомнѣнно, происходилъ, и первая Дума въ немъ повинна. А если вѣрить номеру отъ 10 ноября, то никакого штурма не было: наблюдались лишь отдѣльныя вспышки отдѣльныхъ депутатовъ, къ счастью, усиліями партіи к.-д. своевременно пресѣкаемыя. Значитъ, что же была «правильная осада»? Но и касательно осады, «бабушка ворожила надвое». Судя по ея словамъ отъ 10 ноября, первая Дума систематически занималась «осадой», ни разу не сходя съ «конституціонной почвы». По 8-е ноября на бобахъ вышло, что вся Дума, а въ томъ числѣ и к.-д. фракція въ ней, «пошла на штурмъ, вмѣсто того, чтобы вести правильную осаду». Это—именно гаданье на бобахъ. И даже сама ворожея не можетъ разобрать, что собственно у нея выходитъ. Въ общемъ:

— Мм... знаете ли, нехорошо... «Ошибки»... Да-съ, были и ошибки... Были «опасные планы»... Да-съ, очень, очень опасные... Затѣмъ, «рискованные шаги». Чрезвычайно рискованные... Нехорошо-съ... Неблагоразумно.

Слѣдя за этими «неблагоразуміями» и нехорошо, тщетно стараясь разгадать, о чемъ, собственно, идетъ рѣчь, невольно выносишь такое впечатлѣніе, будто передъ тобою вовсе не серьезный политическій органъ большой политической партіи: и слова у этого органа, въ концѣ концовъ, кажутся вовсе не политическими словами, а таинственными полузагадками-полунамеками, свойственными не то заклинателю, не то астрологу.

— Было въ вашей жизни неблагоразуміе. И большая вамъ оттого была непріятность. Многимъ вы въ вашей судьбѣ рисковали. И важной черезъ то опасности подвергались...

Когда такимъ стилемъ съ вами разговариваетъ цыганка, хиромантъ, астрологъ, профессоръ черной и бѣлой магіи, чревовѣщатель, изучившій всѣ тайны дѣвицы Ленорманъ,—вы, по крайней мѣрѣ, можете утѣшить себя сентенціей: «не любо—не слушай». А разъ пришелъ слушать, то будь подобенъ тому крестьянину, который, желая купить сала, купилъ мыла, но счелъ своимъ долгомъ скушать его безъ остатка:

— Бачили очи, що куповали,—ишьте, хоть повылазьте.

Но что вы скажете объ органѣ большой политической партіи, когда онъ объясняется съ вами на такомъ, напримѣръ, діалектѣ, который я воспроизвожу изъ той-же «Рѣчи»?

— «Были, конечно (въ первой Думѣ), предѣлы благоразумія и самой партіи народной свободы... Это была, быть можетъ, ошибка,

но ошибка неизбѣжная»... «Партія провела Думу черезъ цѣлый рядъ подводныхъ камней, грозившихъ крушеніемъ народнаго представительства на самыхъ первыхъ шагахъ»...

Позвольте, какіе «предѣлы»? Какого «благоразумія»? О какихъ «ошибкахъ» намъ говорятъ? Какіе «подводные камни» грозили чуть ли не разъ навсегда оставить Россію безъ народнаго представительства? Шутка ли, — оказывается, партія к.-д. въ буквальномъ смыслѣ слова спасла Россію. Россія, конечно, очень благодарна и своимъ спасителямъ воздвигнетъ монументъ, а если и не монументъ, то во всякомъ случаѣ вознаградитъ за спасеніе погибающихъ. Но когда же они ее спасали? При какихъ обстоятельствахъ?

Такіе вопросы можете ставить сколько угодно. Но едва-ли вы получите отъ кого-либо отвѣтъ. Передъ вами просто загадочныя слова и таинственныя формулы, которыя имѣютъ такое же отношеніе къ дѣйствительности, какъ и любой астрологическій символъ. Несомнѣнно, въ политической астрологіи есть свои свѣтила, свои сферы, свои методы наблюденія и изслѣдованія, свои символы... Для посвященныхъ во всѣ эти премудрости, быть можетъ, «предѣлы благоразумія» звучатъ чрезвычайно сильно и чрезвычайно убѣдительно. Но намъ, непосвященнымъ, они ровно ничего не говорятъ. Въ насъ они никакой мысли не возбуждаютъ. И на напоминаніе о «предѣлахъ благоразумія» мы можемъ отвѣтить лишь самымъ пустопорожнимъ общимъ мѣстомъ:

— Да, конечно, надо поступать благоразумно.

Въ политической астрологіи «подводные камни», быть можетъ, — символъ прямо таки трагическаго значенія. Но мы, непосвященные, можемъ сказать о немъ лишь столь же пустопорожнее общее мѣсто:

— Да, разбивать корабль о подводные камни нехорошо.

Сочетаніе «предѣловъ благоразумія» съ «подводными камнями» ничего не говоритъ ни нашему уму, ни нашему сердцу. По поводу этого сочетанія намъ даже пустопорожней общей мысли въ голову не приходитъ. Но оказывается, изъ этого сочетанія можно сдѣлать вполнѣ опредѣленный тактическій выводъ:

— Слѣдовательно, не должно быть штурма, а должна быть правильная осада.

Бѣда лишь въ томъ, что этотъ выводъ дѣлается не изъ простой любознательности, безотносительно къ условіямъ времени и пространства. Нѣтъ, это практическое указаніе, обязательное для отдѣльной политической группы. Это лозунгъ для второй Государственной Думы, съ которымъ необходимо такъ или иначе сводить счеты широкому кругу лицъ. Лозунгъ опредѣленъ, и нѣсколько мѣсяцевъ [illegible], прежде чѣмъ вторая Дума собралась, [illegible] осада, осада, осада. [illegible]

[illegible] осадѣ» [illegible], не имѣя никакой возможности судить, что слѣ-дуетъ, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія астрологической.

Я лично одинъ изъ тѣхъ, кому совершенно неизвѣстенъ [illegible] путь, по которому [illegible] слѣдуетъ выжидать «не штурмъ, а осаду». Для меня это [illegible]. Тѣмъ не менѣе, я вынужденъ [illegible] политическія группы, утвердившіяся въ эту залу, съ 20 февраля [illegible] ее въ два [illegible] жизни, которые, по ихъ мнѣнію, должно быть выполнено второю Государственною Думой для блага Россіи. Газета старательно увѣряетъ меня, что происходящее на моихъ глазахъ называется «осадой». Членъ Государственной Думы г. Струве также убѣждаетъ меня, какъ и всѣхъ прочихъ русскихъ гражданъ, называть это «осадой». Можетъ быть, по астрологіи такъ именно и слѣдуетъ называть. Но я, повторяю, въ астрологическихъ [illegible] ничего не смыслю. И эта моя [illegible] взглядъ, если это и осада, то, во всякомъ случаѣ, крайне оригинальная, пожалуй, [illegible] въ своемъ родѣ.

Она началась, собственно, еще до появленія Думы. И уже съ 17—18 февраля мы имѣли, между прочимъ, свѣдѣнія объ одномъ депутатѣ, посаженномъ въ тюрьму, о другомъ—избитомъ нагайками, третьемъ—сосланномъ въ монастырь. Впрочемъ, относительно перваго правительство сочло почему-то нужнымъ проявить любезность и отпустило заточеннаго на свободу. Другой, хотя и былъ избитъ, но не лишенъ способности явиться къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Третій—о. Григорій Петровъ, проведенный въ Думу какъ разъ к.-д., пылкими сторонниками «осады» до сихъ поръ остается сосланнымъ въ монастырь на покаяніе. Помнится, не то І. В. Гессенъ, не то П. Б. Струве, не то оба вмѣстѣ не устранялись обратиться къ петербургскому митрополиту Антонію съ почтительною просьбою: признать статью «основныхъ законовъ» о депутатской неприкосновенности и освободить заточеннаго. Но митрополитъ рѣшительно и даже, если вѣрить газетамъ, весьма иронически, отказался признать «статью основныхъ законовъ». И потому членъ Государственной Думы свящ. Григорій Петровъ продолжаетъ сидѣть въ монастырѣ. И въ оправданіе этому обстоятельству мнѣ приходилось даже слышать:

— Пусть сидитъ. Это для него интереснѣе.

Какой для о. Петрова интересъ сидѣть, я не знаю. Но Думѣ, повидимому, онъ вполнѣ понятенъ,—она не волнуется, не протестуетъ и какъ бы дѣлаетъ видъ, что ничего не случилось. Г. Столыпинъ тоже не волнуется, да съ его стороны это и понятно: все-таки «прецедентъ», которому въ любую минуту можно придать распространительное толкованіе. Правительство уже потребовало, чтобы Дума, не входя въ обсужденіе вопроса по существу, устранила депутатовъ Геруса, Кузнецова и Крапелюка, какъ обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ. 30 марта требованіе это

Думою отвергнуто. Но вѣдь ни Герусъ, ни Кузнецовъ, ни Красилюкъ никакихъ особыхъ правъ, по сравненію съ о. Петровымъ, не имѣютъ. Дума не «устранила» ихъ: но, вѣдь, и о. Петровъ не устраненъ...

Исторія о. Петрова—«прецедентъ» грозный. Еще одинъ шагъ, и въ рукахъ г. Столыпина окажется средство измѣнять составъ Думы въ любую минуту и вести съ каждымъ отдѣльнымъ депутатомъ и со всѣми вмѣстѣ такую же игру, какую кошка ведетъ съ мышью. Однако, по словамъ «Рѣчи», «на Шипкѣ все спокойно». «Осадныя работы» благополучно продвигаются впередъ. Дума «неуклонно входитъ въ глубину государственнаго управленія, чтобы всюду и вездѣ утвердить свое господство, поднять свой флагъ, объявить своей территоріею» [1]). «Товарищъ» также чрезвычайно доволенъ, что въ Думѣ идетъ «спокойная, планомѣрная работа, безъ уклоненій въ сторону (ужъ не намекъ ли это на участь о. Петрова?), но съ яснымъ сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей (въ кругъ которыхъ, повидимому, не входитъ защита депутатской неприкосновенности), и твердою готовностью стойко защищать свое достоинство».

Отзывы прекрасные, но если вѣрить имъ, то выходитъ такъ: разъ правительство спокойно и безъ протестовъ ссылаетъ депутатовъ, это доказываетъ, что оно осаждено парламентомъ.

«Правильная осада»... И намъ уже докладываютъ о результатахъ: вотъ-вотъ, и скоро, можетъ быть, «Дума всюду и вездѣ утвердитъ свое господство». И опять мы знали объ этомъ кое-что еще до открытія второй Думы. Передъ самымъ открытіемъ первой Думы были подписаны особыя правила о предоставленіи дворцовому коменданту диктаторской власти въ столицахъ и резиденціяхъ. Тогда г. Столыпинъ считался всего лишь бывшимъ саратовскимъ губернаторомъ и проходилъ извѣстный служебный искусъ. Нынѣ его правоспособность надо считать доказанной. И передъ самымъ открытіемъ второй Думы, 18 февраля, были изданы особыя правила, коими Таврическій дворецъ подчиненъ верховному надзору г. Столыпина. А самый дворецъ оказался приведеннымъ въ такое же, приблизительно, крѣпостное состояніе, какое нашли студенты въ петербургскомъ университетѣ къ началу 1905—1906 академическаго года. Далѣе, въ Таврической крѣпости оказался свой комендантъ—бар. Остенъ-Сакенъ, исполняющій обязанности какъ бы инспектора депутатовъ. Въ роли такого же инспектора депутатовъ выступали, впрочемъ, и другіе чины министерства внутреннихъ дѣлъ. А одинъ изъ этихъ сверхштатныхъ инспекторовъ, полицейскій надзиратель поручикъ Пономаревъ, въ короткое время заслужилъ даже большую извѣстность. Коменданту Таврической крѣпости подчиненъ особый штатъ педелей... Словомъ, состояніе петер-

[1]) „Рѣчь", 29, III, 1907.

бургскаго университета въ августѣ 1905 г. воспроизведено полностью.

Если припомните, судьба университетской крѣпости была весьма плачевна. Ее немедленно разоружили по требованію студентовъ, и университетъ въ короткое время принялъ нормальный видъ и даже получилъ «автономію». Но вѣдь то студенты, которые, не считаясь съ «предѣлами благоразумія», идутъ «на штурмъ», «вмѣсто того, чтобы вести правильную осаду». А тутъ «высокое мѣсто», даже не просто высокое, а «высочайшее», какъ любятъ выражаться нѣкоторые депутаты. Сюда спокойно во всякое время можетъ вломиться петербургскій градоначальникъ, чтобы закрыть бюро печати на томъ, видите ли, основаніи, что это «учрежденіе не легализовано» *). Завтра онъ можетъ «запечатать» комнаты думскихъ фракцій на столь же резонномъ основаніи, что здѣсь «происходятъ собранія безъ соблюденія правилъ 4 марта». Въ этомъ «высокомъ мѣстѣ» идетъ законодательная работа думскихъ коммиссій. И отсюда же въ охранное отдѣленіе поступаютъ «доносы шпіоновъ» о всемъ, происходящемъ въ комиссіяхъ **). И на основаніи ложныхъ шпіонскихъ доносовъ, г. Столыпинъ пишетъ предсѣдателю Думы замѣчанія по службѣ. Здѣсь агентамъ охраннаго отдѣленія отданъ строгій приказъ — ни въ коемъ случаѣ не пропускать приглашаемыхъ коммиссіями экспертовъ и свѣдущихъ лицъ. И что всего удивительнѣе, г. Столыпинъ оказывается уполномоченъ отдавать такіе приказы правилами 18 апрѣля объ охранѣ Таврическаго дворца. Здѣсь педеля и инспектора дѣлаютъ замѣчанія не только журналистамъ, но и депутатамъ. Этотъ нѣкогда дворецъ былъ конюшней, былъ оранжереей, былъ просто сараемъ. Теперь онъ оффиціально — зданіе парламента. Въ немъ уже обрушилась часть потолковъ. Другая часть продолжаетъ обрушиваться. Но въ томъ и сила правилъ 18 февраля, что они одновременно даютъ, во-первыхъ, возможность сохранять въ неприкосновенности «естественныя причины», отъ которыхъ значительная часть депутатовъ можетъ быть «распущена» на тотъ свѣтъ, а во-вторыхъ, право, подъ видомъ внѣшней охраны, лишать законодательное учрежденіе законныхъ гарантій.

Минувшей зимою печать много разъ негодовала противъ профессоровъ, недостаточно мужественно охранявшихъ академическую автономію отъ полицейскихъ покушеній. Къ Думѣ, повидимому, надо прилагать другую мѣрку. Выходитъ такъ, что если законодательное учрежденіе находится подъ систематическимъ надзоромъ шпіоновъ, если работа парламентскихъ коммиссій протекаетъ подъ наблюденіемъ подчиненныхъ департаменту полиціи служителей, то это и

*) „Рѣчь", 3, IV.
**) Ibid.

значитъ, что парламентъ ведетъ успѣшную осаду противъ правительства' и скоро «всюду и вездѣ утвердитъ свое господство»...

Дума ведетъ «правильную осаду»... Ого, да еще какую! Вспомните, она еще не собралась, а уже буквально вся Европа была извѣщена «изъ Петербурга», что «рѣшено распустить». И потомъ, начиная съ 20 февраля, буквально не было ни одного дня, когда бы эти извѣстія «сверху» не повторялись съ различными варіаціями. Передо мною № «Рѣчи» отъ 3 апрѣля. Съ открытія Думы до выхода этого номера прошло, слѣдовательно, около $1^1/_2$ мѣс. И подводя итоги за это время, газета радостно констатируетъ:

— Слава Богу, Дума еще не разогнана. «Дума живетъ».

И по случаю столь радостнаго событія, депутатамъ выражается даже своеобразное привѣтствіе:

— «Если Дума живетъ, это и есть сознательный плодъ вашихъ усилій. Это есть первый осязательный результатъ вмѣшательства вашей воли въ событія. Это и есть фактъ величайшей важности, есть исполненіе вами задуманнаго и проведеннаго плана» *).

Иначе говоря,—когда народнымъ представителямъ посылаютъ привѣтствія: «поздравляемъ васъ, что вы не разогнаны», это и значитъ, что парламентъ ведетъ правильную осаду противъ правительства и скоро «объявитъ своей территорію».

«Сознательный плодъ вашихъ усилій»... Такъ говоритъ «Рѣчь». И она имѣетъ право это сказать. Въ самомъ дѣлѣ, припомните споры по поводу министерской деклараціи; припомните резоны, въ силу которыхъ Дума не рѣшилась высказать министерству недовѣріе. «Рѣчь» и близкія къ ней сферы ставили вопросъ, приблизительно, такъ:

— Если въ конституціонной странѣ парламентъ выражаетъ министерству недовѣріе, то монархъ можетъ сдѣлать одно изъ двухъ: либо дать отставку министерству, либо распустить парламентъ. Конечно, страна вполнѣ согласится съ нами, если г. Столыпину будетъ выражено недовѣріе. И намъ никакъ невозможно выразить ему довѣріе. Положеніе, такимъ образомъ, трагическое. Выразимъ довѣріе—страна отъ насъ отшатнется. Выразимъ недовѣріе—насъ разгонятъ. А потому будемъ просто молчать и надѣяться, что страна истолкуетъ наше молчаніе, какъ знакъ недовѣрія, а правительство, увидѣвъ смиреніе наше, насъ не разгонитъ.

Въ концѣ концовъ, Дума молчала. Возможно, что «Рѣчь» права, что, благодаря именно такого рода «усиліямъ» депутатовъ, Дума осталась жить. Но, по терминологіи той же «Рѣчи», это имѣетъ такой смыслъ: если законодательное учрежденіе боится выразить министрамъ недовѣріе, значитъ—оно ведетъ «правильную осаду» противъ правительства.

---

*) „Рѣчь“, 3 IV.

Если и этотъ примѣръ васъ не убѣждаетъ, припомните какой-либо другой, — ну, хотя бы, напримѣръ, такъ называемые «бюджетные дебаты». Вопросъ о бюджетѣ сталъ передъ Думою уже послѣ молчанія по случаю министерской декларація. И если молчаніе серьезно считалось его авторами выраженіемъ недовѣрія, то оно серьезно и обязываетъ, — обязываетъ, между прочимъ, отказать правительству въ выдачѣ кредитовъ. Но какъ разъ именно «Рѣчь» выступила на защиту противоположной точки зрѣнія.

Оказывается, хотя мы и не вѣримъ правительству, но бюджетъ должны утвердить, ибо иначе насъ разгонятъ. А такъ какъ смѣта 1907 г. сводится, повидимому, съ дефицитомъ, то мы должны разрѣшить заемъ, ибо опять-таки иначе насъ разгонятъ. Характерно, что для вящщаго укрѣпленія этихъ доводовъ дѣлаются ссылки на «основные законы» и указывается на необходимость держаться «конституціонной почвы». Эта конституціонная почва поистинѣ удивительна. Она исправно появляется на сцену, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы правительству открыть кредитъ. И она столь же исправно исчезаетъ, узнавши, что парламентъ находится подъ особымъ надзоромъ шпіоновъ, дѣлающихъ доклады охранному отдѣленію. Ее тычутъ намъ въ глаза, когда убѣждаютъ депутатовъ молчать. И она стыдливо ныряетъ куда-то въ подполье, когда явно пользующійся особымъ покровительствомъ начальства «союзъ русскаго народа» шантажируетъ Думу всеподданнѣйшими телеграммами объ ея разгонѣ. Конституціонная почва превосходно умѣетъ выскакивать на самое видное мѣсто, когда говорятъ: пожалуйста, не прекословьте, — иначе васъ разгонятъ. Но этой почвы нѣтъ, совершенно нѣтъ, когда надо рѣшать болѣе общій и при наличныхъ условіяхъ самый основной вопросъ: развѣ мыслима законодательная работа подъ ежедневными угрозами разгона. И, быть можетъ, отчасти благодаря такимъ чисто волшебнымъ свойствамъ этой странной почвы, результаты получаются прямо-таки поразительные: вліятельная и несомнѣнно оппозиціонная партія подъ страхомъ «разгона» убѣждаетъ дать правительству денегъ, разрѣшить заемъ, а ея органы увѣряютъ насъ, что это именно и называется «правильной осадой». А органы явно правительственные спѣшатъ съ своей стороны подтвердить:

— О да, это правильная осада. Очень правильная. Очень для насъ опасная. Мы очень ея боимся.

III.

Общеизвѣстна и элементарна воинская хитрость: тѣмъ или инымъ путемъ увѣрить непріятеля, будто боишься именно того, въ чемъ полагаешь свое спасеніе. И я готовъ понять, почему «Новое Время» и «Россія» съ удивительной настойчивостью обрабатываютъ тему объ «осадѣ власти». До нѣкоторой степени понятно мнѣ, по-

чему самый терминъ «осада» стоитъ внѣ времени и пространства, внѣ сферы земного притяженія, внѣ законовъ логики и при малѣйшей попыткѣ влить въ него фактическое содержаніе пріобрѣтаетъ сардоническій смыслъ. Это, повторяю, нѣчто символическое и даже астрологическое. Символъ: «Дума ведетъ правильную осаду», свободно можете замѣнить всякимъ другимъ символомъ такого же внѣфактическаго содержанія. Можете сказать, напр.:

— Дума родилась подъ знакомъ Дѣвы, и потому нравъ имѣетъ терпѣливый и женоподобный.

Или:

— Дума родилась подъ знакомъ Льва и Скорпіона, а рожденные подъ симъ знакомъ мужественны, встрѣчаютъ опасность на 20 году своей жизни, но, преодолѣвъ эту опасность, живутъ до глубокой старости.

Это—своего рода гороскопъ. Астрологу въ день зачатія Думы казались въ небѣ какіе-то «подводные камни», какіе-то «предѣлы благоразумія», «опасные планы», «роковые шаги» и прочія туманности, коихъ мы, непосвященные, не понимаемъ. Да и самъ астрологъ едва ли понимаетъ. Но по его наукѣ выходитъ, что сочетаніе этихъ туманностей даетъ въ суммѣ «знакъ осады». И онъ увѣряетъ, что знакъ поставленъ имъ правильно. И на требованіе дать этому знаку фактическое обоснованіе, можетъ отвѣтить:

— Сіе къ моей наукѣ не относится.

Несоотвѣтствіе между условіями жизни и политическими формулами, составленными астрологическимъ способомъ, повторяю, понятно. Гораздо труднѣе понять, почему цѣлая общественная группа, въ которую входятъ люди, привыкшіе оперировать съ точными фактами и точными понятіями, вдругъ перешла на такой типъ мышленія, который невольно напоминаетъ астрологію.

Вполнѣ резонно, что «Рѣчь», а съ нею вмѣстѣ и тѣ круги, настроеніе коихъ она отражаетъ, прежде чѣмъ высказать свой взглядъ на тактику, наиболѣе правильную во второй Думѣ, оглянулись назадъ и постарались взвѣсить тактическую позицію первой Думы. Это стремленіе, изъ опыта прошлаго почерпнуть руководящее указаніе для будущаго, въ основѣ своей правильно и безусловно заслуживаетъ одобренія. Вполнѣ резоненъ, далѣе, и выводъ «Рѣчи» относительно прошлаго: дѣйствительно, первая Дума строго стояла на конституціонной почвѣ; даже «разъясненіе», которымъ она закончила свою жизнь, безупречно съ конституціонной точки зрѣнія. Совершенно правильно и то, что стремленіе стоять на строго конституціонной почвѣ тамъ, гдѣ ея нѣтъ, гдѣ она оспаривается силою оружія, привело Думу къ разгону, страну къ военно-полевому кошмару. Дѣйствительно, жестокое краснорѣчіе фактовъ вынуждаетъ признать, что для второй Думы, очевидно, нужны были иные пути, иные методы дѣйствованія. Логика фактовъ повелительно указываетъ неизбѣжность путей, менѣе формальныхъ, болѣе политическихъ. И

«Рѣчь», несомнѣнно, совершила бы работу, поучительную для общества, полезную даже для себя, если бы, обратившись къ опыту прошлаго, старалась держаться фактической почвы и вскрыть желѣзную логику фактовъ. Но- увы!—она лишь оглянулась на прошлое и поскорѣе ушла прочь, бормоча что-то туманное и несуразное о какихъ то штурмахъ, о какой-то осадѣ, о чемъ-то, какъ будто похожемъ на какіе-то скалы и рифы...

Неудивительно, если чревовѣщатель или астрологъ выдумываютъ слова, подъ которыми можно скрыть фактическую неосвѣдомленность. На томъ и профессія эта зиждется, чтобы, ничего не зная, убѣждать, будто все знаешь. Но, вѣдь, передъ нами не чревовѣщатели же, въ самомъ дѣлѣ, и не астрологи. Передъ нами политическіе дѣятели, фактическая освѣдомленность которыхъ внѣ сомнѣнія. И языкъ фактовъ они какъ будто понимать умѣютъ. Зачѣмъ же они избѣгаютъ этого языка? Что онъ — очень невыгоденъ для нихъ? Или очень страшенъ? Или они очень испуганы той ролью, какую каждой общественной группѣ нынѣ и очевидно неумолимо навязываетъ исторія? И какъ понимать ихъ лепетъ о границахъ благоразумія, о штурмѣ, о правильной осадѣ? Перифразъ что ли это стариннаго заклинанія:

— Чуръ меня, чуръ меня, наше мѣсто свято, пронеси, Боже, грозу мимо?

Пусть «Новое Время» изображаетъ насмѣшливую фигуру страха, разсуждая объ «осадѣ власти». Но руководители «Рѣчи» — не «Новое Время». Для нихъ не секретъ, кто осаждалъ первую Думу, и кто осаждаетъ вторую. Нѣкоторые изъ нихъ на своихъ плечахъ вынесли тяжесть осады, а иные теперь ее выносятъ. Пусть «Новое Время» смѣется надъ осажденными, вообразившими, будто они осаждаютъ. Но передъ нами люди иного калибра. Они не смѣются. Не должны и не могутъ они смѣяться надъ осажденнымъ парламентомъ. Зачѣмъ же они упорно утверждаютъ, будто «мы ведемъ осаду?» Что это? желаніе утѣшить себя? ободрить другихъ? Или надежда, что желчь, если ее назвать медомъ, станетъ сладкой?

И вотъ что еще не просто удивительно, но и загадочно. Люди назвали себя конституціоналистами-демократами. Они, несомнѣнно, знаютъ толкъ въ конституціонномъ правѣ. Они умѣютъ понимать и дорожить конституціонными гарантіями. И они же, какъ мы видѣли, посылаютъ депутатамъ привѣтствіе:

— Поздравляемъ васъ, что вы сберегли Думу. Это ваша заслуга...

«Думу берегите»... «Думу сберегли». Отъ чего? отъ какой опасности? Въ зданіи парламента хозяйничаютъ квартальный надзиратель и охранный сыщикъ. Внутри парламента въ комнатахъ думскихъ фракцій производятся обыски. Оглушенные ежедневными угрозами разгономъ, депутаты смиренно смотрятъ и молчатъ. Намъ

незачѣмъ гадать, сумѣетъ ли Дума установить неприкосновенность частныхъ жилищъ. Но сбережена ли, защищена ли хоть неприкосновенность той «палаты», того «высокаго мѣста», гдѣ засѣдаетъ законодательное собраніе? «Думу сберегли», но неприкосновенность парламента, но одна изъ коренныхъ конституціонныхъ гарантій утрачена. «Думу сберегли», но право ссылать депутатовъ правительствомъ захвачено. «Думу сберегли», но отъ права выразить правительству недовѣріе пришлось отказаться. «Думу сберегли», но право приглашать свѣдущихъ лицъ у парламента отнято. «Думу сберегли», но право непосредственно сноситься съ мѣстными учрежденіями и установленіями потеряно. «Думу вы и впредь должны сберечь», но, пожалуйста, на сей разъ потеряйте право отказывать въ утвержденіи кредитовъ и въ разрѣшеніи займовъ.

— «Это и есть,—говоритъ «Рѣчь» депутатамъ — сознательный плодъ вашихъ усилій, это и есть исполненіе вами задуманнаго и проведеннаго плана».

Такія слова въ «Россіи» можно бы понимать, какъ злую насмѣшку, или какъ правительственную благодарность за отказъ отъ основныхъ правъ народнаго представительства. Такія слова въ уличной газеткѣ можно понимать, какъ плодъ невѣжества:

— Дума, слава Богу, собирается 4 раза въ недѣлю, а насчетъ разныхъ правъ—депутатамъ виднѣе, ибо мы люди не ученые.

Но вѣдь конституціоналисты-демократы не насмѣхаются. И не выражаютъ благодарности отъ имени правительства. И въ невѣжествѣ, свойственномъ уличной сплетницѣ, ихъ нельзя упрекнуть. Они вполнѣ искренно поздравляютъ депутатовъ съ утратою важнѣйшихъ правъ народнаго представительства, ради возможности собираться въ Таврическомъ дворцѣ. Что же это такое? Надежда ли, что въ будущемъ все «образуется?»

— Вотъ, молъ, будемъ все собираться во дворцѣ. И, Богъ дастъ, утраченное назадъ вернемъ. А, быть можетъ, и новое коечто завоюемъ?

Или тутъ даже надежды нѣтъ? А просто люди, разъ ступивъ на путь политической астрологіи, окончательно запутались въ знакахъ политическаго зодіака, и до такой степени потеряли чувство дѣйствительности, что радуются, когда надо плакать, поздравляютъ, когда нужно выразить соболѣзнованіе, и имъ уже нельзя вмѣнять ни ихъ слова, ни ихъ поступки?

А. Петрищевъ.

Депутаты второй Думы.

(Очерки и наброски.)

IV.

Отецъ Тихвинскій.

Вся въ Думѣ знаютъ священника Тихвинскаго. Онъ сидитъ справа, на самомъ верху и на самомъ краю. Возлѣ съ нимъ сидятъ еще нѣсколько депутатовъ-трудовиковъ. Съ мѣста своего священникъ Тихвинскій господствуетъ надъ Бобрянскимъ, Пуришкевичемъ и даже надъ святыми отцами епископами. И отецъ Платонъ и Евлогій сѣли на самомъ низу, быть можетъ, соблюдая евангельское правило. Первые тамъ, да будутъ послѣдними здѣсь.

Отца Тихвинскаго знаютъ и въ странѣ. Рѣчь его по поводу военно-полевыхъ судовъ была перепечатана въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ изданіяхъ и распространилась въ большомъ числѣ экземпляровъ. Она возбудила страстное сочувствіе «простого народа» и столь же страстную ненависть высокихъ сферъ. Бобрянскій и Крупенскій были только выразителями этой ненависти, когда осыпали вятскаго священника неприличными ругательствами.

Черносотенная и рептильная печать старается представить о. Тихвинскаго опаснымъ революціонеромъ и чуть ли не атеистомъ. Нѣтъ ничего дальше отъ истины. «Бѣдный сельскій священникъ», какъ назвалъ самъ себя о. Тихвинскій, искренно вѣруетъ въ Бога и въ писаніе и уважаетъ авторитеты церковные и гражданскіе.

— Я не отрицаю святителей, они суть носители благодати.

Но когда вятскій епископъ упрекнулъ его:—Какъ можете вы, бѣдный рядовой священникъ, говорить такъ рѣзко, когда мы, святители, и то молчимъ,—то о. Тихвинскій отвѣтилъ:—Въ томъ-то и горе, что вы молчите. О, если бы вы говорили. Не нужно молчать!

Въ Думѣ есть республиканцы, въ томъ числѣ и крестьяне, но священникъ Тихвинскій стоитъ за монархію. Онъ говоритъ объ этомъ въ Думѣ, говоритъ и въ частной бесѣдѣ.

— О, если бы государь былъ въ согласіи съ народомъ, его на рукахъ бы носили, за Бога сочли бы. Далъ бы народу землю и волю, жили бы, какъ съ отцомъ...

Впрочемъ, за послѣднее время въ нижнихъ слояхъ русскаго народа монархизмъ пріобрѣтаетъ совершенно особые оттѣнки. Я видѣлъ одного стараго крестьянина, который исповѣдывалъ формулу: «царь и народъ», но понималъ ее слѣдующимъ обра-

зомъ: народу вся воля и вся земля, дворъ распустить, князей устранить, а на содержаніе выдавать по триста рублей въ мѣсяцъ. И все это—любя, отъ искренняго сердца.

Крестьяне скупы. На первомъ крестьянскомъ съѣздѣ самые «добромысленные» старики предлагали:

— Нельзя обижать помѣщиковъ. Дать имъ, сколько потребно для безбѣдной жизни культурнаго человѣка, триста рублей въ годъ...

А тутъ въ двѣнадцать разъ больше, триста рублей въ мѣсяцъ.

Бюрократія щедрѣе. Она даетъ столько же даже депутатамъ Думы, ненавистнымъ и крамольнымъ.

Во всякомъ случаѣ, священникъ Тихвинскій отнюдь не отрицаетъ властей.

— Но если на одной сторонѣ власть, а на другой евангеліе, я пойду за евангеліемъ,—прибавляетъ онъ твердо.

Подъ эгидой оффиціальнаго православія, мы совершенно забыли, что евангеліе есть книга демократическая и даже соціалистическая. Каждая строчка его запечатлѣна кровью мучениковъ...

Графъ Бобринскій изо всѣхъ словъ Христа запомнилъ только одно: повинуйтесь властямъ предержащимъ. Но развѣ первые христіане умирали лишь для того, чтобы освятить этотъ принципъ? Онъ стоялъ высоко безъ нихъ и противъ нихъ. И не за этотъ принципъ Іисуса Христа судили двойнымъ судомъ, консисторскимъ и военно полевымъ, и распяли на висѣлицѣ.

Священникъ Серебрянскій на крестьянскомъ съѣздѣ сказалъ: «Христосъ былъ первый соціалистъ, если бы онъ пришелъ на землю, онъ былъ бы среди насъ». И его слова были ближе къ истинѣ.

Революція дохнула, и оживаютъ мертвыя кости, зеленѣютъ сухіе деревья. И въ нѣдрахъ православной церкви, рядомъ съ черными клобуками и финифтяными панагіями, возникаетъ новое теченіе, народолюбивое, демократическое. Оно родится въ селахъ и оттуда забрасывается въ города и достигаетъ столицъ.

У него есть свои тюремные сидѣльцы, ссыльные, раненые, даже убитые. Кто знаетъ, что изъ него выйдетъ. Можетъ быть, въ одно и то же время казенная церковь дастъ намъ чернаго патріарха, а внизу отъ стараго ствола отколется новая вѣтвь, какое-нибудь «духовное обновленіе» или «молодое православіе»...

Петръ Васильевичъ Тихвинскій уже не молодъ, ему 46 лѣтъ отъ роду. Онъ коренастъ и широкъ, съ большой бородой, большими сѣрыми, простодушными глазами. Несмотря на свое краснорѣчіе, онъ застѣнчивъ и мнителенъ. Ему все кажется: не такъ сказалъ, не достаточно сильно.

— Что придумаю, все забуду,—жаловался онъ.—Выйду на трибуну и говорю, какъ Богъ на душу положитъ.

Онъ много лѣтъ былъ миссіонеромъ для обращенія раскольниковъ, любилъ говорить проповѣди и поученія въ церкви. У него

— — —

всѣ манеры церковнаго проповѣдника и голосъ протяжный и покойный, немного въ носъ; вдобавокъ онъ пришепетываетъ.

— Я привыкъ говорить по церковному, иначе не умѣю...

Начнешь слушать, смѣшно, потомъ самая наивность эта обезоруживаетъ, хватаетъ за сердце и зажигаетъ его. Ибо отецъ Тихвинскій вѣритъ въ то, о чемъ говоритъ, просто вѣритъ, просто говоритъ и, если понадобится, также просто сядетъ въ тюрьму.

Я священникъ села Чудинова, Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда,— разсказывалъ о. Тихвинскій,— раньше того былъ въ селѣ Байсѣ, Уржумскаго уѣзда. Перевели меня въ Уржумъ настоятелемъ собора, былъ назначенъ къ сану протоіерея, но увы и ахъ, вмѣсто того попалъ подъ полицейское слѣдствіе. Впрочемъ, о томъ не жалѣю. Въ нашемъ союзѣ духовнаго обновленія признано: уничтожить эту духовную чиновность. Священникъ такъ священникъ, а епископъ такъ епископъ.

— Въ селѣ Байсѣ прожилъ 17 лѣтъ, сроднился съ прихожанами, выступалъ противъ старообрядцевъ, но не силою, а словомъ убѣжденія. Въ городѣ Уржумѣ велъ бесѣды и чтенія на обще-христіанскія темы. Былъ я внутренне убѣжденъ, что лучше всего наша трехвостная плеть: православіе, самодержавіе, народность.

— Отъ интеллигенціи сторонился, но въ низшихъ слояхъ былъ на хорошемъ счету. Никогда не былъ стяжателемъ, не прилѣплялся къ деньгамъ. Хотя не сознательно, держался бѣдныхъ, помогалъ.

— Перевернули меня «Московскія Вѣдомости» полемикой противъ прогрессивныхъ газетъ, сталъ чуять неправду, выдержки читалъ, заинтересовали меня. Съ молоду тоже интересовался, но не было литературы, и душа заскорузла. Теперь рѣшилъ, что нужно выслушать и противоположную сторону, выписалъ еще двѣ газеты, одну умѣренную—«Русское Слово» и другую прогрессивную —«Наши Дни».

— Простой народъ относился ко мнѣ очень довѣрчиво. Я проповѣди говорилъ въ защиту самодержавія. Въ то время сталъ духомъ неспокоенъ. Очень усумнился и возскорбѣлъ отъ синодальнаго посланія о японскомъ подкупѣ рабочихъ. Вѣдь это на мертвыхъ клеплютъ. И какъ будто въ душѣ что-то отломилось и упало. Думаю: пусть другіе говорятъ такое, я не стану.

— Одинъ разъ была объявлена проповѣдь. Я сталъ обдумывать. Какъ говорить, если убѣжденіе исчезло? Всю ночь не спалъ. На утро укрѣпился духомъ. Такъ и не сказалъ проповѣди по этому направленію.

— Мало времени погодя сталъ мѣняться, говорить проповѣди въ другомъ направленіи.

— А прихожане не изумились?—спросилъ я.

— Они вѣдь тоже мѣнялись въ то время,—возразилъ о. Тих-

винскій.—Тутъ пришелъ манифестъ 17 октября. Онъ окончательно открылъ мнѣ глаза.

— Мы ждали этого, какъ движенія воды, весь народъ всколыхнулся до самаго дна. Намъ развязало умъ и языкъ.

—Мнѣ раньше было трудно, потому что я жилъ въ сторонѣ. Интеллигенты говорили о народномъ освобожденіи, я не довѣрялъ. Они подчеркивали атеизмъ. Если бы не подчеркивали, было бы другое дѣло. Теперь я понимаю, почему они подчеркивали; ибо церковные люди подчеркивали мракъ и отчужденіе отъ міра.

— Оттого на своемъ вѣку я мало учился. Когда пришло мое время, пришлось съ начатковъ знакомиться. Были кружки молодежи, собранія, студенты; читали, говорили Я ходилъ, слушалъ, конечно, поверхностно. Соціализмъ меня заинтересовалъ, но какъ, священникъ и вѣрующій, желалъ согласить съ евангеліемъ, оттого пришелъ къ христіанскому соціализму. Сталъ книги читать, господина Булгакова, архимандрита Михаила и священника Петрова, но мало читалъ. Въ то время я былъ уже въ Уржумѣ, въ городѣ Сталъ вести борьбу противъ свободо-борцевъ, которые шли противъ манифеста 17 октября и не исполняли его. Называлъ ихъ евангельскими бѣсами и слугами дьявола, ибо идеи манифеста — идеи евангелія, а они борются, какъ бѣсы противъ евангелія.

— Кончилась моя борьба проповѣдью противъ смертной казни. Тутъ привлекли меня къ отвѣтственности по двойному доносу властей духовныхъ и свѣтскихъ. Губернаторъ прямо требовалъ, чтобы отрѣшить меня отъ должности и послалъ предложеніе объ этомъ нашему вятскому владыкѣ, а владыко передалъ въ консисторію.

— Губернаторъ ссылался, что по указу синода священникъ не имѣетъ права говорить проповѣди на политическія темы. Такая проповѣдь развращаетъ солдатъ. Быть можетъ, имъ придется исполнить смертный приговоръ, то они могутъ отказаться, не исполнить.

— Консисторія сверхъ ожиданія отнеслась довольно корректно. Отвѣтила, что она не знаетъ такого указа синода, а отрѣшить священника безъ слѣдствія не находитъ возможнымъ. Назначили слѣдствіе, а мнѣ велѣли выѣхать изъ города въ село.

Въ то время шло пастырско-мірянское собраніе, сто человѣкъ отъ міранъ и сто отъ духовенства. Я былъ членомъ, сообщилъ предсѣдателю, что мнѣ велятъ ѣхать. Собраніе обсудило и сказало: «ну лучше, ѣхать», но выразили сожалѣніе и даже почтили мою память вставаніемъ.

— Слѣдователемъ назначили священника Попова, квартиру отвели, поставили столъ съ краснымъ сукномъ, все по формѣ. Даже въ передней два полицейскихъ стоятъ.

— Я вечеромъ не постѣснялся, спросилъ: зачѣмъ вамъ, отецъ, эти драбанты съ пуговицами?—А какъ же,- говоритъ. —По положенію должности. Послать, приказать...

— — — — —

— Почему [illegible] сдѣлали [illegible] [illegible] [illegible] на [illegible] [illegible]? Недавно [illegible] [illegible] [illegible]. Крестьяне [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

— [illegible] [illegible] тѣмъ, что [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], хотя и черезъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] во времени [illegible], [illegible] [illegible].

— [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]? А [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] ихъ [illegible] въ Баку, а [illegible] [illegible] [illegible] ихъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Отрѣзокъ [illegible] [illegible] [illegible] листовъ, [illegible] не кончено. Послѣ Думы [illegible] будетъ отвѣтъ данъ.

— Тутъ [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]? [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]... [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] выборщиковъ, [illegible] [illegible] голосъ за меня же. Я, [illegible], [illegible] и [illegible] въ первую [illegible], [illegible] съ крестьянами.

Пріѣхали въ Баку на губернскіе выборы. А у нихъ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] кандидаты намѣчены. Я [illegible] [illegible] не захотѣлъ, но на предвыборномъ собраніи [illegible] [illegible] съ рѣчью. Крестьяне взбудоражились, потребовали [illegible] мнѣ мѣсто.

— Тогда меня ввели въ ихній блокъ.

— Передъ тѣмъ, какъ мнѣ въ Петербургъ ѣхать, [illegible] владыка. Говоритъ:—Вы будете въ Думѣ. Я не стану [illegible] [illegible] стойте за правду,—по моему знаю, вы и такъ будете стоять. Но только скажу одно: нельзя ли полегче?..

По воззрѣніямъ своимъ о. Тихвинскій является народникомъ, крестьянскимъ и христіанскимъ, романтическимъ и немного наивнымъ.

— Здѣсь я въ Думѣ состою въ фракціи крестьянскаго союза. По моему, будущее за крестьянскимъ союзомъ. Эсъ-эры и даже трудовики, все это временно. Эсдеки не русская партія, нѣмецкаго духа. Потому что Россія —крестьянская страна. Когда капиталъ начнетъ весьма сильно давить на крестьянство, организованное крестьянство сумѣетъ дать отпоръ. Оно втянетъ въ себя капиталъ, фабрики и заводы сдѣлаетъ своимъ достояніемъ. У него огромная сила. Эта сила все побѣдитъ мирнымъ, спокойнымъ путемъ, безъ обходовъ и кривыхъ дѣйствій. По моему такъ.

Между прочимъ, мнѣ разсказывали въ довольно живописныхъ

чертахъ о томъ, какъ о. Тихвинскій записался во фракцію крестьянскаго союза.

— Сперва пришелъ и говоритъ: покажите вашу программу. Сталъ разспрашивать. Спрашивалъ, спрашивалъ, мучилъ, мучилъ. Мы было подумали: для чего онъ придирается? Потомъ говоритъ: ну, Господи благослови.—Повернулся къ иконѣ, перекрестился.—Теперь давайте, подпишу.

Отецъ Тихвинскій принесъ въ Думу твердое настроеніе и не понижаетъ его. И поэтому онъ говоритъ прямо:

— Думское настроеніе мнѣ сейчасъ не нравится. Дума пошла бы на большія уступки. Напримѣръ, по земельному вопросу, если-бъ правительство стало давать, человѣкъ 50 изъ трудовиковъ, все крестьяне, сейчасъ перейдутъ на кадетскій законопроектъ, даже съ поправками.

— И то сказать, измучились, хоть что-нибудь получить... А ежели бъ сверху дали, хоть смѣшанное министерство, то будетъ наша Дума на все согласная.

— Развѣ это худо получить хоть что-нибудь?—спросилъ я.

— По моему надо идти по правдѣ,—сказалъ Тихвинскій.—Отъ нашего принципа мы не можемъ отступить: земля трудящимся, народу власть.

— А впрочемъ, пускай наши уступаютъ,—прибавилъ онъ, подумавъ.—Не выйдетъ ничего. Кажется, тѣ наверху не хотятъ никакихъ уступокъ.

— Чуется мнѣ, разгонятъ нашу Думу, запрутъ на замокъ, намъ, лѣвымъ, дадутъ каждому пяньки по двѣ въ синемъ, пошлютъ насъ на желѣзную дорогу, перевезутъ въ свои мѣста, мѣсяцъ—другой подержатъ подъ надзоромъ, потомъ помаленьку расправу начнутъ. Такъ оно и будетъ.

— Богъ съ ними. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ.

— А что будетъ дѣлать населеніе?

— Кто-жъ его знаетъ. На двое. Либо въ апатію впадетъ, скажетъ: чортъ съ вами. Въ Сибирь побѣжитъ, въ Америку. Либо отвѣтитъ дикой анархіей.

— А вѣдь такъ легко могло бы все устроиться, если бы власть пошла заодно съ народомъ. Власть земная, заблуждающаяся. Вонъ все указываютъ текстъ: Нѣсть власти, аще не отъ Бога.

— Но Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи на апостола Павла говоритъ: Священны не носители власти, а самая власть, только принципъ. Ибо не всякаго вступающаго въ бракъ Господь благословляетъ, иные—корыстные, и мы не можемъ поставить это Богу въ вину.

— И еще говоритъ: Есть три зла. Одно зло—безначаліе, другое—неповиновеніе начальнику, третье—когда начальникъ золъ. Лучше не быть никѣмъ управляемымъ, чѣмъ злымъ управляемымъ. Если житія ради золъ, то это не твое дѣло. Если вѣры ради золъ,

то отрицайся его. Напримѣръ, если въ карты играетъ, пьянствуетъ, взятки беретъ,—то Богъ съ нимъ. Но если Столыпинъ говоритъ, чтобъ благословить убійство, то евангеліе этого не говоритъ.

— Конечно, графу Бобринскому ученіе Златоуста недоступно, но я ему укажу, что читается въ низшихъ школахъ, катехизисъ Филарета. Быть можетъ, онъ хоть это пойметъ:

— Что отвѣчать родителямъ и начальникамъ, если они требуютъ противное вѣрѣ и закону?—Должно сказать: лучше намъ послушать Бога, нежели васъ.

О. Тихвинскій принимаетъ близко къ сердцу новое теченіе въ духовенствѣ.

— Вся судьба православія зависитъ отъ народа, а не отъ начальства. Насъ кормитъ народъ. Мы, сельское духовенство, будемъ вмѣстѣ съ народомъ.

— Въ нашей Вятской губерніи крѣпостного права не было. Въ другихъ мѣстахъ драли крестьянъ, случалось, драли и попа. У насъ не драли никого. Оттого наше духовенство будетъ стоять за свободу. Какъ ни подавлено, не вся душа подавлена.

— Пусть наша церковная бюрократія пойметъ, какъ и свѣтская: если пойдутъ на уступки, то будетъ миръ и обновленіе: если станутъ держаться за старое,—рознь будетъ и новый расколъ.

— А еще хуже того, что они хотятъ идти по двумъ путямъ. Все ждутъ, принюхиваются, чья сторона возобладаетъ. Напримѣръ, съ церковнымъ соборомъ. Если Дума побѣдитъ, устроятъ соборъ по новому; а если реакція, по старому. Можно ли вождю духовному быть двойственнымъ?

— Но мы, что бы ни случилось, будемъ всегда съ народомъ.

V.

Пьяныхъ.

Когда просидишь въ думской залѣ часъ или два, послушаешь этихъ безсильныхъ и безпомощныхъ рѣчей, подышешь тяжелой атмосферой, можно сказать, насыщенной мыслью о неизбѣжномъ разгонѣ, то поневолѣ выскочишь въ кулуаръ, для того чтобы освѣжиться. Только что состоялся клоунскій выходъ Пуришкевича по поводу какого-нибудь неописуемаго звѣрства, и лѣвая Дума хохотала, и даже мы, журналисты, смѣялись заодно. Но послѣ этого смѣха во рту остался вкусъ, какъ будто выпилъ керосину.

Впрочемъ, и въ кулуарѣ мало утѣшенія. На красной бархатной скамейкѣ сидитъ темнолицый Крушеванъ въ ослѣпительно бѣлой сорочкѣ, какъ грибъ въ сметанѣ, и позируетъ для портрета. Онъ надуваетъ щеки и дѣлаетъ звѣрское лицо, а художникъ тщательно зарисовываетъ штрихъ за штрихомъ и любуется оригиналомъ.

Мимо проходятъ отцы Платонъ и Евлогій. У нихъ кроткіе

глаза и такія ел[illegible] лица, какъ будто они живьемъ просятся на небо. И кажется, что епископъ Платонъ сейчасъ откроетъ свои благообразныя уста и томно воззоветъ: Господи, прости мужикамъ за то, что они желаютъ, чего не вѣдаютъ,—земли и воли... Въ центрѣ залы стоятъ Бобринскій и Крупенскій, оба высокіе, черные. Оба бывшіе кавалеристы. Они какъ будто выскочили изъ книги Щедрина.

Я отвожу душу въ бесѣдахъ съ крестьянами. Ихъ много въ Думѣ, они пришли изъ разныхъ губерній, и есть между ними немало яркихъ и сильныхъ людей, на зло тусклому налету общей думской жизни. Конечно, они въ Думѣ не верховодятъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать рѣчи по финансовому праву или по исторіи аграрнаго законодательства въ Англіи, но за то, какъ справедливо указалъ мнѣ симбирскій депутатъ Сытинъ:—крестьяне изъ Волыни, Подоліи и Кіева,—вы поговорите-ка съ нами.—Они не могутъ литературно, но чувства и мысли у нихъ такъ высоки, получше чѣмъ въ спинжакахъ. Только выразить могутъ мало..

Правда и то, что изъ многихъ мѣстъ народъ далъ имъ наказъ: не лѣзьте зря. Но кажется, что народъ понимаетъ этотъ умѣренный наказъ иначе, чѣмъ либеральные интеллигенты.

И для проведенія этого уступчиваго наказа, онъ выбралъ самыхъ строптивыхъ, неуступчивыхъ людей, такихъ, которые сидѣли въ тюрьмѣ по шести и по десяти разъ, состарились въ своей неблагонадежности, какъ курскій Оводовъ, пріобрѣли у начальства репутацію прирожденныхъ смутьяновъ, какъ симбирскій Сытинъ, и многіе другіе.

Когда разговариваешь съ этими симбирскими, курскими и кіевскими мужиками, то сразу видишь, какой огромный, чисто стихійный размахъ пріобрѣло освободительное движеніе въ глубокихъ низахъ русскаго народа, именно въ послѣднее время, когда правящіе классы уклонились вправо, а интеллигенція встала на распутьи и спрашиваетъ устало: что же дальше?

— Русскій народъ сталъ, какъ кипящее масло. Сверху не паритъ, а попробуй, сунь руку, обожжешь до кости,—такъ сказалъ мнѣ одинъ старый крестьянскій депутатъ. И всѣ вмѣстѣ даютъ однообразные, какъ будто стереотипные отвѣты. Пусть *они* не утѣшаютъ себя, не будетъ успокоенія. Безъ воли, безъ земли не утихнетъ народъ. И даже одну землю безъ воли не возьмутъ.

— Выживутъ, измoромъ возьмутъ. Худая сноха въ домѣ заведется, и та жить не дастъ. А тутъ весь народъ. Не будетъ житья господамъ помѣщикамъ.

— Гдѣ войска будутъ, тамъ будутъ накладать, а гдѣ войска не будетъ, тамъ горе придетъ...

Предъ нашими глазами стоитъ ужасный призракъ Лодзи, братоубійственной и кровавой, какъ красное «memento mori». Въ виду безумнаго упорства командующихъ классовъ, я боюсь, чтобы

вмѣсто успокоенія вся Россія не превратилась въ одну огромную [illegible].

Реакціонная печать называла курскаго депутата Ивана Пьяныхъ опаснымъ революціонеромъ, точно такъ же, какъ и отца Тихвинскаго. На дѣлѣ, курскій депутатъ человѣкъ весьма кроткій, съ пріятнымъ лицомъ и тихимъ голосомъ. Мухи не обидитъ,—по выраженію знающихъ его людей. Онъ средняго роста, съ маленькой русой бородкой и добрыми глазами, съ виду очень скромный и очень аккуратный. Ему 42 года отъ роду. У него 8 человѣкъ живыхъ дѣтей, да четверо умерло. Видѣлъ ли кто когда революціонера съ такой многочисленной семьей?

— Я отъ отца-матери остался сиротой,—разсказывалъ Пьяныхъ,—очень рано женился, 18 лѣтъ. Моему старшему сыну теперь 24 года.

— Только вы не подумайте,—прибавилъ Пьяныхъ,—хотя я и сирота, но у меня были средства. Старикъ былъ и работникъ, и я при нихъ. Да надѣла душевыхъ 20 десятинъ...

— Какъ два надѣла, двадцать десятинъ?

— Да такъ и есть. Въ нашей деревнѣ огромные надѣлы, десять десятинъ на каждую душу.

— Такъ намъ пришло — прибавилъ онъ, видя мое недоумѣніе.—Мы сами не знаемъ за чью доброту.

— А теперь у меня почти три надѣльныхъ души, да купленныхъ 10 десятинъ, всего на всего 38 десятинъ,—я живу зажиточно, трудами своими.

— А какой вы партіи?—спросилъ я не безъ задней мысли.

— Зовусь безпартійный,—живо отвѣтилъ Пьяныхъ,—но сочувствую эсерамъ.

— Терроръ, конечно, осуждаю, не признаю, ибо по взглядамъ своимъ исповѣдую не всехвальное ученіе, но Христа. Богъ далъ человѣку жизнь, ее нельзя отнять. За то одобряю эсеровъ насчетъ земли. Пусть у меня меньше будетъ, только бы у всѣхъ поровну.

— А сосѣди ваши что говорятъ?

— И сосѣди всѣ согласны. У насъ село малое, дружное, 22 двора. Только одинъ черносотенецъ не согласенъ, у него купленной земли 50 десятинъ, не хочетъ отдавать.

— Онъ да попъ объявили себя шпіонами; теперь, говорятъ, мы что бы ни дѣлали, не будемъ ни за что отвѣтственны. Попъ у насъ такой вредительный, одинъ на всю округу. Дьяконъ былъ хорошій, дьякона выжилъ, псаломщикъ молодой, того тоже выжилъ. На родного брата Петра,—тоже священникъ въ сосѣднемъ селѣ,—доносы писалъ, да подавалъ.

— Вы, стало быть, стоите за соціализацію земли?

— Какъ же не стоять, когда кругомъ такая бѣдность? Аренда: яровое—до 27 рублей, озимое до 35 рублей. Въ покупкѣ приступа

нѣтъ. 250 рублей за одну десятину. Около насъ есть двѣ деревни. Они въ 1861 году получили надѣлъ. А черезъ десять лѣтъ помѣщикъ отобралъ двѣ трети. До сената доходило и до государя, а не вышло ничего. Пришлось имъ всего по 3/4 десятины на душу. Сочтите, что у нихъ теперь выходитъ. Голодъ выходитъ. Какъ ни придетъ зима, сейчасъ въ кусочки идутъ.

— А что ваша жена скажетъ на передѣлъ земли?—спросилъ я, шутя.

— Моя жена благотворительница,—возразилъ Пьяныхъ очень просто.—Наша семья существуетъ для того, чтобы бѣдныхъ одѣлять. Кому хлѣба, кому сѣна. Слава Богу, засѣваемъ озимого 14 десятинъ, есть изъ чего...

24 августа 1789 года французскіе дворяне отреклись отъ своихъ сословныхъ привилегій. У насъ въ началѣ революціи дворяне пробовали не то что отрекаться, а такъ вообще наводить либеральную тѣнь. Теперь, впрочемъ, они одумались и не только не отрекаются, но стараются еще пріобрѣсти.

Но въ лицѣ Ивана Пьяныхъ предо мной былъ богатый крестьянинъ, представитель зажиточнаго села. Эти крестьяне выражали готовность отречься не отъ привилегій, а отъ того, что люди всегда отдаютъ послѣднимъ,—отъ трудового имѣнія, отъ лишней земли. И по этому одному можно было судить, что порывъ, охватившій русское крестьянство, дѣйствительно глубокъ и стихіенъ.

— У насъ есть купцы и дворяне,—продолжалъ Пьяныхъ,—которые Бога не забыли, стоятъ за передѣлъ. Напримѣръ, купецъ Ш. часть земли своей продалъ крестьянамъ дешевой цѣной, другую часть хотѣлъ отдать имъ въ даръ, тогда повели противъ него слѣдствіе, что это агитація. Оттого поступился, отдалъ имъ въ аренду.

— И среди помѣщиковъ есть такіе, готовы съ землей развязаться, взять деньги, жить мирно.

— Но только большіе князья и графы, тѣ обижаются, не хотятъ уступать и даже другихъ не пускаютъ.

— А откуда у васъ такія идеи эс-эрскія?

— Самъ дошелъ,—живо сказалъ Пьяныхъ,—своимъ умомъ. Лѣтъ восемь тому назадъ я сталъ задумываться. Я человѣкъ не пьющій, даромъ Пьяныхъ, а въ ротъ не беру и запаха не люблю. Оттого у меня есть время досужное. Сталъ я думать, отчего все стоитъ навыворотъ? Напримѣръ, отечество. Мы всѣ вмѣстѣ, но я со средствами, а у другого бѣдственно, онъ идетъ на службу защищать вѣру, царя и отечество. А что у него за отечество? Развѣ воздухъ, которымъ дышетъ.

— И въ религіи кинулось въ глаза: напримѣръ, за 400 лѣтъ былъ пересмотръ служебниковъ. Сказали вселенскимъ соборомъ: кто двумя перстами крестится, тотъ анаѳема. А какъ же допрежъ того были святые, перстами двумя крестились?

— Да вы что, старообрядецъ? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Ни по чемъ, — сказалъ Пьяныхъ, — сущій православный. Только такъ, вѣру испытываю.

— Напримѣръ, въ ветхомъ завѣтѣ сказано, Богъ сотворилъ міръ: — въ день первый — свѣтъ; въ день второй — воду отдѣлилъ отъ земли; въ третій день сотворилъ твердь; а въ четвертый — солнце, луну и звѣзды.

— Ежели все это не сказки, то зачѣмъ было два раза сотворять одно и то же: свѣтъ?

— Еще вопросъ: когда развратился весь родъ, то былъ потопъ на сорокъ локтей выше горъ. Всѣ люди потонули. А за морями есть Америка. Съ того времени мореплаванія не было и никто не переѣзжалъ. Откуда же люди взялись?

— Или еще дворяне. Ясно, какъ бѣлый день. Съ перваго начала люди обгородили землю, сказали: мое. Собственность неприкосновенная. Потомъ сочинили уставъ о переходѣ по наслѣдству, купчія крѣпости и дарственную запись.

— А если мы вѣримъ писанію, то всѣ сотворены равными. Ежели хотимъ слѣдовать ученію Христа, то сказано у Христа: да не будетъ межъ вами неравныхъ. Самъ дошелъ до всего. На что ни посмотрю, все мнѣ хочется перемѣнить, какъ будто вывернуть и прямо поставить.

— Иной разъ думаю, кто у насъ сумасшедшій, — весь порядокъ міра кажется мнѣ сумасшедшимъ, а я, можетъ, начальнымъ, сильнымъ учительнымъ людямъ тоже кажусь сумасшедшимъ.

— Тутъ я узналъ про соціализмъ и сталъ соціалистомъ.

— А были у васъ столкновенія съ начальствомъ?

— До послѣдняго времени ничего не было. Я былъ судьей волостнымъ, судилъ народъ. Меня въ округѣ знаютъ хорошо. Если теперь арестуютъ, то, можетъ, народъ что-нибудь да скажетъ, я надѣюсь. Но до этого времени у насъ жили мирно.

— На прошлые выборы я не попалъ, вода не допустила. Было въ самый разливъ половодья. Если бы поспѣлъ къ тѣмъ выборамъ, то, можетъ, былъ бы и въ первой Думѣ. Въ этомъ году осенью, земскій начальникъ у насъ сущій гонитель и даже истребитель, пріѣхалъ на сходъ, предлагаетъ людямъ. — «Конечно, вы не хотите идти въ Государственную Думу? Это такое дѣло подлое. Сколько изъ ихняго брата попали въ тюрьму и въ ссылку».

— Одному говоритъ, — «Ну, ты какъ?» — «Да Богъ съ ими. Я не желаю». — «Ну, ну, смотри».

— Тутъ я отозвался: — Неужели, ваше благородіе, думаете до того запугали народъ, что ни одного честнаго человѣка не найдете? Да я первый съ радостью пойду служить на благо народу и страсть приму. — Послѣ того въ скорости уволилъ меня.

Пьяныхъ помолчалъ.

— Можетъ, теперь придется пострадать, — началъ онъ снова, —

то я не отрицаюсь. Я и съ женой простился, и дѣтей благословилъ, только одинъ маленькій, шести лѣтъ, онъ скорбитъ, ему отца жалко. Пускай наше имя запишется на историческихъ страницахъ. Изъ дому отрѣшиться не жаль. Развѣ я чего-нибудь худого хочу? Я терроръ отрицаю, но ваши полевые суды того хуже. Писаніе говоритъ: Богъ долго терпитъ кающаго. А вы какъ смѣете? Отъ вашей внезапной казни долженъ бѣднякъ идти нераскаянный въ адъ. Свободу я хочу, народу землю. За что я долженъ страдать? Но если нужно, я готовъ.

Въ голосѣ его была странная торопливость и во взглядѣ волненіе. Въ груди этого спокойнаго, немолодого, зажиточнаго мужика горѣла жажда подвига и готовность пострадать за идею. Такія настроенія свойственны только юному и пылкому возрасту. Но русская революція, какъ великая зараза, пошла отъ дѣтей и перешла къ отцамъ и даже къ дѣдамъ.

Я посмотрѣлъ на курскаго депутата и подумалъ: быть можетъ, вторая Дума обойдется смирно и просто. Но жизнь будетъ идти и послѣ Думы. Кажется, эта душа, наивная и упорная, не усидитъ подъ смоковницей и скоро отыщетъ свою историческую страницу.

— Пускай они не думаютъ,—началъ опять Пьяныхъ, какъ будто подслушавъ мои мысли.—Не вернется старое. У насъ эсъ-эрство, какъ море, разлилось, весь народъ сочувствуетъ. Признаютъ справедливымъ. Изъ этой Думы ничего не будетъ. Я не надѣюсь. Потому маленькой подачки народъ не возьметъ, а большого не дадутъ. Но послѣ того что будетъ, Богъ знаетъ. Что изъ того, что они сотни перехватали? Кто попадаетъ—изъ собственной неосторожности. Но въ писаніи сказано: шедше по пути научишься.

— Вотъ Святополкъ Мирскій сказалъ: крестьянство есть стадо безъ пастыря. Крестьянство есть не стадо, но левъ спящій. Не будите льва спящаго.

— Ежели собрать весь этотъ народъ и привесть въ Петербургъ, и показать, какъ живутъ,—золотыя кареты, и рысаки, и брилліанты,—онъ сказалъ бы: вотъ царствіе небесное, на землѣ, не на небѣ. Варвары, отдайте мою часть.

— Слыхали мы: пугаютъ насъ отъ черносотеннаго имени, что ежели не усмирится народъ, то призовутъ иностранцевъ для нашего усмиренія. На это одни говорятъ: лучше намъ быть подъ вѣдѣніемъ чужого государства, ибо и нѣмцы живутъ свободнѣе, чѣмъ русскіе.

— А другіе говорятъ: вотъ возьмемъ вилы и къ чертовой матери вышибемъ весь корень нѣмецкій, вмѣстѣ съ чужими войсками. Довольно ѣздили на нашей шеѣ.

— Что будетъ, я не знаю. Все будетъ: поджоги и разбой, дневной грабежъ, гдѣ исподтишка, а гдѣ силомъ, всякая забастовка, земля не паханная, поля не сѣянныя.

— Народъ не устанетъ, рано или поздно—народъ побѣдитъ.

———

VI.

Балло.

Рядомъ съ Иваномъ Пьяныхъ любопытно дать портретъ другого богатаго мужика изъ противоположнаго черносотеннаго лагеря. Это херсонскій депутатъ Андрей Балло. Ему тоже 42 года, и у него восемь человѣкъ дѣтей. Кромѣ надѣльной земли у него есть купленная, но только не десять десятинъ, какъ у Пьяныхъ, а 300 или 400. Точнѣе сказать нельзя, ибо Балло называетъ обѣ цифры. Онъ цѣнитъ свою землю въ 400 рублей за десятину, у него есть мельница, и племенной скотъ, и все имущество его стоитъ тысячъ полтораста.

Въ думскихъ кулуарахъ Балло довольно извѣстенъ. Какъ только Дума открылась, различныя группы стали высылать въ кулуары агентовъ для уловленія душъ. Ловцовъ было много, но ловить оказалось некого, и почти всѣ крестьяне сразу распредѣлились по партіямъ, а безпартійныхъ не осталось и двадцати человѣкъ. Съ лѣвой стороны самымъ настойчивымъ ловцомъ былъ Хвостъ, черниговскій казакъ, а съ правой Балло. За неимѣніемъ добычи они постоянно натыкались другъ на друга и заводили разговоръ, я думаю, просто для практики. Оба они себѣ на умѣ, хитрые, а съ виду простодушные, настоящіе хохлы. Балло, впрочемъ, полугреческой крови, какъ многіе русскіе левантинцы съ береговъ Чернаго моря.

Хвостъ, молодой, довольно статный, въ вышитой сорочкѣ съ красной ленточкой, вмѣсто галстуха, говоритъ очень мягко, но въ его глазахъ играетъ довольно жесткій блескъ. Балло толстый, одутловатый, въ чесучовой рубахѣ и сѣромъ глухомъ пиджакѣ. Онъ деревенскій богачъ, голосъ его часто переходитъ съ мягкихъ нотъ на рѣзкіе «хозяйскіе» выкрики.

Мнѣ случалось наблюдать забавныя сцены въ нижеслѣдующемъ родѣ.

Хвостъ и Балло ходятъ взадъ и впередъ, обнявшись, и испытываютъ другъ друга.

— Та мы-жъ оба крестьяне, — политично начинаетъ Балло, — то мы можемъ сговориться сами безъ тыхъ адвокатовъ. Ихнія выдумки не для нашей головы. Къ примѣру автономія. Та я думавъ надъ этимъ, ажъ чуть голова не лопнула.

— Автономія Украйны. Будемъ говорить къ примѣру такъ: Була коняка да сдохла. Обсѣли ее галки, стали клевать. Прилетѣлъ орелъ, галокъ отогналъ, самъ все съѣлъ. Коняка—Украйна, галки—ляхи, орелъ—москаль... Да вы слухаете?

— Эге, слухаю!—отвѣчаетъ Хвостъ съ хитрой улыбкой. — А развѣ той конякѣ легче, что ее орелъ склевалъ, а не галки?

Балло крякаетъ и молчитъ.

— Я бы хотѣлъ, чтобъ та коняка была живая, а не дохлая, и ногами выбрыкивала...

Разговоръ переходитъ на землю.

— Ежели землю дѣлить, — говоритъ Балло, — то къ намъ на Черное море придутъ кацапы-лапотники, всю нашу землю себѣ заберутъ. Бо у насъ земля толстая, какъ черное сало, а у нихъ песокъ, да и того чортъ ма.

— Не имѣйте заботы, — возражаетъ Хвостъ, — у насъ на Украйнѣ тѣсно, жить негдѣ, то, можетъ, мы придемъ вмѣсто лапотниковъ.

Оба останавливаются и мѣряютъ другъ друга глазами.

— Ежели землю дѣлить,—начинаетъ Балло, — то надо все къ ряду дѣлить: фабрики, дома, деньги, капиталы.

— А что-жъ—безпечно возражаетъ Хвостъ.—Если по вашему надо, то я спорить не стану. У насъ нѣтъ ничего. Можетъ, при при этомъ раздѣлѣ якій шматокъ и намъ достанется.

— И жинокъ и дѣтей,—перечисляетъ Балло.

— А у васъ, чоловиче, яка жинка? — вкрадчиво спрашиваетъ Хвостъ.

— У мене стара да сердита,—усмѣхается Балло.

— То вы сберегите свою жинку для себя, а дѣлить будемъ таки землю.

— Чію?—вспыхиваетъ Балло,—мою?—Не дамъ.

Онъ оставляетъ своего противника и переходитъ на другой конецъ залы, гдѣ стоитъ кучка дворянъ бессарабскихъ и херсонскихъ.

— Дѣлятъ,—жалуется онъ,—все дѣлятъ. Какъ имъ не надоѣстъ?..

Первая моя встрѣча съ Балло произошла въ буфетѣ. Я описалъ ее въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства». Вторая встрѣча была не лишена эффекта.

Надо замѣтить, что Балло любитъ разговаривать съ репортерами, спорить съ ними по поводу земли и политики и вообще втирать имъ всяческіе очки.

Я какъ-то подошелъ къ концу такого разговора.

— Сколько вамъ лѣтъ,—спрашивалъ Балло собесѣдника, юркаго, бритаго, въ сѣрыхъ очкахъ и съ копной волосъ на головѣ.

— Двадцать семь!

— А мнѣ сорокъ семь,—сказалъ Балло.—Я вдвое старше. Вы сперва поживите съ мое, а потомъ спорьте.

Мы отошли съ нимъ къ столу.

— А сколько вамъ лѣтъ?—спросилъ я почти машинально.

— Сорокъ два,—сказалъ Балло,—то я набрехалъ, прибавилъ пять годовъ, чтобъ его больше поразить.

Видя сомнѣніе на моемъ лицѣ, Балло поспѣшно прибавилъ.

—Но вамъ я брехать не буду. Стану говорить по всей правдѣ совѣсти.

—

Все-таки не мѣшаетъ подтвердить, что дальнѣйшія подробности остаются не на моей совѣсти, а на совѣсти Балло.

— Отецъ мой жилъ не очень богато, — разсказывалъ Балло, — почти по-крестьянски. Конечно, наши крестьяне и здѣшніе, то двѣ большія разницы: у нашихъ земли по 8½ десятинъ, а земля какая, диво.

— Я сначала отцовскихъ телятъ пасъ, потомъ свиней. Съ восьми лѣтъ меня послали въ школу. Кончилъ первымъ ученикомъ, на золотой доскѣ, потомъ вернулся домой, сталъ хозяйничать, орать, сѣять. У меня сперва былъ только свой надѣлъ, восемь десятинъ съ половиной.

— Самоучкой дошелъ до всякой механики и до всякаго ремесла. Я слесарь и кузнецъ, бондарь и сапожникъ, такъ сдѣлаю, какъ никто не сдѣлаетъ. — Вы не думайте, что я прибавляю, — повторилъ онъ еще разъ.

— Днемъ пашу, а ночью мастерую. По два карбованца беру механику чинить. 25 рублей въ ночь вырабатывалъ. Спалъ четыре часа въ сутки. Въ зимнее время тоже замѣнялъ механика, машины починялъ. Машинистъ не понимаетъ. А я приду, поверну гайки, — 25 рублей.

— Такъ я денегъ накопилъ умѣньемъ своимъ, купилъ 100 десятинъ земли по 40 рублей, двѣ тысячи имѣлъ наличныхъ, а на остальное та земля была въ банкѣ заложена. Послѣ того сталъ еще больше работать. Завелъ паровую молотилку. Скотъ племенной, — на выставкахъ медали получалъ, теленка продавалъ по 800 рублей и по тысячѣ. Еще земли прикупилъ. Имѣніе образцовое. Былъ бы капиталъ, да дѣтей учу. Всѣ въ гимназіи, на нихъ надо много тратить. Старшій кончилъ реальное училище, сталъ хозяйничать. Природа тянетъ его на землю. Я отдѣлилъ ему сорокъ десятинъ. Восьмеро дѣтей у меня. Да мы съ матерью двое. Если раздѣлить нашу землю по нашей семьѣ, то выйдетъ почти трудовая норма и отдавать не придется.

— Можетъ, и такъ былъ бы капиталъ, кабы не сожгли меня. Ригу и сѣно, сарай и амбаръ. Пришлось все порушить, продать, чортъ съ вами. Землю въ аренду сдалъ, только мельницу держу. Теперь земля мало даетъ дохода: мельница мелетъ всякому безъ разбора, приноситъ выгоду.

— А за что васъ сожгли? — спросилъ я.

— Да развѣ я знаю, — сказалъ Балло съ притворной безпечностью. — Меня крестьяне любятъ, я ихній батько.

— Агитаторы подбивали, студенты, евреи, газеты. Говорили, что надо жечь, за то крестьяне землю получатъ. А кто жечь не будетъ, ничего не получитъ. А ежели убить, то изъ казны плата идетъ. Половина убитой платы тому, кто убилъ.

Это были обычныя черносотенныя легенды. Впрочемъ, евреевъ въ Херсонской губерніи дѣйствительно убивали и въ большомъ

количествѣ. Но нельзя сказать съ увѣренностью, что изъ каким ила плата за эти убійства.

— Теперь, какъ постегали ихъ нагайками,—продолжалъ Балло,—они стали какъ шелковые. Приходятъ на мельницу, говорятъ: «Отожъ мы дурни. Еще мало насъ бито. Чему повѣрили, якомусь манифесту»?..

— Я не спорю, по моему крестьянину надо дать не одной нагайки, но и земли,—но только гдѣ ее взять? Купите, только заплатите, сколько она стоитъ, полную цѣну, и деньги на столъ тогда всѣ согласятся. Отдайте ее малоземельнымъ, гдѣ острая нужда. Торопитесь, пока есть охотники продавать.

— Чтожъ дѣлать. Ни въ одномъ государствѣ не бываетъ поровну богатство и у насъ не будетъ. Наврядъ ли мы покажемъ имъ примѣръ. Да они и не захотятъ. Мы съ иностранными государствами такъ тѣсно связаны, что они не позволятъ поравненія. Я самъ, напримѣръ, долженъ Германіи три тысячи рублей за машину, а Франціи тысячу рублей за камни. Они не позволять безчинствовать.

Балло съ своей точки зрѣнія искренне презираетъ дворянъ «за никчемность».—Мы настоящіе помѣщики, которые изъ крестьянъ,—говоритъ онъ съ гордостью.—У насъ вся культура. Мы работаемъ. Они не сѣютъ, не жнутъ и въ житницы не собираютъ. Изъ чужой житницы все больше получаютъ.

Тѣмъ не менѣе, въ политикѣ, охраняя свои триста десятинъ, онъ придерживается крайняго дворянскаго и черносотеннаго направленія. Недавно онъ переписался изъ фракціи монархистовъ въ группу умѣренныхъ - правыхъ, но сущность его души осталась одна и та же.

— Рано дано,—говоритъ онъ о русской конституціи,—подождать бы надо. Теперь все сырое, незрѣлое. Нахватались брошюръ, прокламацій, съ ними и разговору нѣтъ.

— А впрочемъ, какая конституція? Я не признаю. Власть государя должна быть неограничена, а министры отвѣтственны только передъ нимъ, а не передъ нами. Думу надо не одну, а хоть десять, пока не согласятся.

— Насчетъ евреевъ,—такъ евреи тоже люди и жить хотятъ, равноправія требуютъ. Но только что дѣлать, народъ предубѣжденъ. Ежели дать имъ права, можетъ имъ же во вредъ послужить. Готовъ держать пари, что будутъ погромы.

— Поляковъ нужно держать въ крѣпкомъ кулакѣ, такъ чтобы сокъ не вышелъ. Какая автономія? Наше царство, но не мы его наживали, не мы имѣемъ право раздѣлять. Я такого мнѣнія, что ежели отецъ кому оставилъ, то сынъ долженъ прибавить къ наслѣдству, а не проматывать.

— А за счетъ всей вашей свободы, я вамъ разскажу анекдотъ. Былъ Александръ II, проводилъ реформы. Императрица го-

ѣхала въ А[illegible] трубку курила, [illegible] и въ море бросила. [illegible] а [illegible] трубку [illegible]. Когда [illegible] что [illegible] не [illegible]. Такъ [illegible] разница...

— Съ молоду [illegible] Можетъ [illegible] будетъ [illegible]. Если [illegible] крѣпко держать, [illegible] въ домѣ [illegible] крѣпость. [illegible] перемѣнится...

— Не [illegible] земля. Хоть бей меня, хоть рѣжь меня, а своей земли [illegible] даромъ не отдамъ. Лучше [illegible] домъ самъ [illegible], пусть никому не достанется. Умру, а не дамъ...

Поражаетъ [illegible] курска [illegible] хоронскаго. [illegible] умремъ, а [illegible]: умру, а не дамъ.

Т[illegible]

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Хроника внутренней жизни.

Новый аграрный проектъ к.-д. партіи. I. Партія идетъ назадъ. II. Партія идетъ дальше. III. [illegible] к.-д. партіи.

I.

«Нужно подойти къ вопросу прямо и просто. Тогда обезпеченъ положительный результатъ реформы. Такъ именно смотритъ на дѣло партія, къ которой я имѣю честь принадлежать,—партія народной свободы». Это говорилъ г. Кутлеръ, внося 19 марта въ Государственную Думу отъ имени к.-д. фракціи «проектъ главныхъ основаній закона о земельномъ обезпеченіи земледѣльческаго населенія». Задача реформы—по его словамъ—ставится въ немъ просто и прямо. Рѣчь идетъ о расширеніи крестьянскаго землепользованія...

«Расширеніе крестьянскаго землепользованія... Но вѣдь это желаетъ, если хотите, и нынѣшнее правительство, распродающее государственныя земли и скупающее по хорошимъ цѣнамъ помѣщичьи для перепродажи ихъ крестьянамъ. Ту же задачу можетъ разрѣшить и проектъ трудовой группы, который оспаривалъ въ своей рѣчи г. Кутлеръ. Черезъ данный пунктъ какъ разъ прохо-

дятъ двѣ, діаметрально противоположныя, дороги. По нимъ можно идти медленно или скоро, но, несомнѣнно, можно идти въ разныя стороны...

Куда же ведетъ новый проектъ к.-д. партіи?—въ сторону частной поземельной собственности или государственной? къ господству трудового хозяйства или капиталистическаго? Этимъ вѣдь и различаются двѣ дороги. Каждая изъ нихъ можетъ быть прямой или извилистой, но, если мы не желаемъ остаться на распутьи, то приходится идти въ ту или иную сторону.

Куда толкаетъ насъ жизнь,—мы знаемъ. Она привела насъ къ необходимости «расширенія крестьянскаго землепользованія». Ея велѣнія оказались столь властными, что даже г. Столыпинъ долженъ былъ взяться за это дѣло. Пуришкевичъ—«крайній правый, самый крайній правый изъ всей Думы и, кажется, изъ всего 130-милліоннаго русскаго народа»,—и тотъ находитъ, что «земля, которая можетъ быть передана... должна перейти въ крестьянскія руки, т. е. въ руки тѣхъ лицъ, которыя ею будутъ пользоваться» *). Съ другой стороны, даже соціалъ-демократы оказались вынужденными испортить свою догму сначала «отрѣзками», а потомъ «конфискаціей», и обѣщаютъ теперь крестьянамъ «всю землю». Обойти «расширеніе крестьянскаго землепользованія» невозможно. Но куда отъ этого пункта намѣрена идти к.-д. партія?

Присмотримся къ ея послѣднему шагу... Газеты сообщали, что въ средѣ самой к.-д. партіи онъ вызвалъ смущеніе. Куда, въ самомъ дѣлѣ, подвинулась на этотъ разъ партія? «Будутъ говорить—пишетъ теперь А. А. Чупровъ,—что формулировка проекта знаменуетъ собою поворотъ... Поворотъ, спора нѣтъ, она собою знаменуетъ. Вопросъ лишь, куда, въ какую сторону. Привычный критерій—«вправо», «влѣво»,—здѣсь «неумѣстенъ» **)... Можетъ быть, дѣйствительно, въ данномъ случаѣ нужны другіе термины. Таковые, какъ извѣстно, имѣются: «впередъ» или «назадъ»—должны спросить мы—подвинулась на этотъ разъ к.-д. партія?

Сравнимъ проектъ, внесенный въ первую Думу, извѣстный подъ именемъ «записки 42-хъ», съ проектомъ, внесеннымъ въ нынѣшнюю, т. е. съ «проектомъ главныхъ основаній закона о земельномъ обезпеченіи земледѣльческаго населенія». Между ними имѣется несомнѣнная разница по обоимъ, указаннымъ мною, кардинальнымъ вопросамъ.

«Въ важномъ и спорномъ вопросѣ объ основаніяхъ отвода земли земледѣльческому населенію—читаемъ мы въ оффиціальномъ комментаріи къ новому проекту—онъ стоитъ значительно ближе къ идеѣ основной программы, чѣмъ предложенія, условно принятыя

*) Стенограф. отчетъ о засѣданіи Госуд. Думы 2 апрѣля.

**) «Русскія Вѣдомости», 4 апрѣля.

III съѣздомъ и записка 12-ти» *). А это значитъ вотъ что. По проекту, внесенному въ первую Думу, «отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный запасъ», при чемъ «земли изъ государственнаго земельнаго запаса передаются въ долгосрочное пользованіе на сроки, установленные подлежащими учрежденіями». Въ новомъ проектѣ о государственномъ земельномъ запасѣ уже не упоминается, а условія пользованія вновь надѣляемой землей опредѣлены такъ: «отводъ земли общинамъ, обществамъ съ подворнымъ владѣніемъ, товариществамъ и отдѣльнымъ владѣльцамъ производится въ постоянное пользованіе, сообразуясь съ особенностями существующаго землевладѣнія». Разница между двумя проектами въ этомъ отношеніи сводится, такимъ образомъ, къ исчезновенію «государственнаго запаса» и къ замѣнѣ «долгосрочнаго» пользованія «постояннымъ».

Куда въ этомъ случаѣ сдѣланъ шагъ, я думаю, ясно. Отъ государственной поземельной собственности хотя бы на вновь надѣляемыя только земли, — съ позиціи, которую партія заняла было на 3-мъ съѣздѣ, — она вернулась «ближе къ идеѣ основной программы». Куда же именно?

«Отчуждаемыя земли, — читаемъ мы въ «основной» программѣ, поступаютъ въ государственный земельный фондъ. Начала, на которыхъ земли этого фонда подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію (владѣніе или пользованіе, личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи». Такимъ образомъ, исчезнувшій нынѣ «государственный фондъ» въ основной программѣ значился, но, какъ поясняетъ теперь г. Чернецковъ, реальнаго значенія онъ не имѣлъ. «Какого-либо самостоятельнаго и постояннаго значенія, — какъ запаса земель, находящихся въ дѣйствительномъ владѣніи и распоряженіи государства, имъ временно отводимыхъ и къ нему возвращающихся, — очевидно, изложеннымъ пунктомъ основной программы государственному земельному фонду не придавалось» **). Другими словами: это была простона-просто словесность, будто бы нужная для того, чтобы оттѣнить общегосударственный характеръ реформы». Дѣйствительная же идея основной программы, — по крайней мѣрѣ, въ теперешнемъ ея истолкованіи, — заключалась въ отсутствіи у государства правъ собственности на вновь надѣляемыя земли и въ передачѣ послѣднихъ въ общинное или личное, но во всякомъ случаѣ, *частное* владѣніе, «а если и въ пользованіе, то безъ опредѣленнаго ограничительнаго толкованія послѣдняго». Къ этой «идеѣ» и возвратилась теперь к.-д. партія. Правда, до «владѣнія» на этотъ разъ она какъ будто не дошла...

*) Н. Чернецковъ. «Проектъ земельнаго закона к.-д. партіи». Вѣстникъ Народной свободы». № 12.

**) «Вѣстникъ Народной Свободы». № 13.

Но, что такое «постоянное пользованіе», въ особенности, когда нѣтъ «государственнаго фонда», въ который могли бы возвращаться земли? Не будемъ страусами, которые, спрягавъ голову, думаютъ, что и сами они спрятались. Взглянемъ на вопросъ,—какъ и приглашаетъ насъ г. Кутлеръ—«прямо и просто». Кто будетъ владѣльцемъ земли? Вѣдь кромѣ права пользованія есть еще право отчужденія. Кому же будетъ принадлежать это послѣднее? Не думаетъ же, въ самомъ дѣлѣ, к.-д. партія, что «нынѣшнихъ земледѣльцевъ» можно навѣки привязать къ тѣмъ клочкамъ, которые имъ будутъ даны въ «постоянное пользованіе», а эти клочки на вѣки привязать къ тѣмъ земледѣльцамъ, которые ими будутъ удостоены? Ну а если кто пожелаетъ прекратить «постоянное пользованіе?» Куда дѣнется въ такомъ случаѣ отведенная ему земля? Или если жизнь потребуетъ, напримѣръ, чтобы Орловская губернія почти вся опустѣла, а Херсонская губернія несравненно гуще, чѣмъ теперь, населилась? Какимъ образомъ будетъ происходить эта мобилизація при институтѣ «постояннаго пользованія»?

Обратимся къ другому оффиціальному комментарію,—къ рѣчи г. Кутлера. «Проектъ трудовой группы,—говорилъ онъ,—предполагаетъ въ будущемъ, въ зависимости отъ измѣненія состава населенія, неодинаковаго прироста его въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, измѣнять тѣ надѣлы, которые будутъ отведены въ настоящее время, увеличивать или уменьшать ихъ, слѣдовательно, отрѣзать землю у однихъ крестьянъ и прирѣзать другимъ. Мы рѣшительно отказываемся отъ этой системы всеобщаго поравненія». Не лишне будетъ напомнить, что, по проекту трудовой группы, отрѣзать землю, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, предполагается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда количество ея превышаетъ трудовую норму. Допускаетъ въ тѣхъ же случаяхъ принудительное отчужденіе и к.-д. проектъ, но, очевидно, лишь для настоящаго времени. Другими словами: признавая «принудительное отчужденіе» для даннаго историческаго момента въ качествѣ революціоннаго средства, к.-д. партія рѣшительно отказывается допустить его въ качествѣ постоянной правовой нормы. Такимъ образомъ, активное участіе государства въ дальнѣйшей мобилизаціи земли она исключаетъ. Не вводитъ она въ свой планъ, какъ мы видѣли, и пассивнаго его участія въ этомъ дѣлѣ: государственнаго запаса, куда бы могли возвращаться отданныя въ «пользованіе» земли, по новому проекту не будетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мобилизація земли можетъ и должна будетъ происходить только частнымъ путемъ. Тѣмъ, кто будетъ имѣть право «пользованія», придется предоставить, стало быть, и право «отчужденія». Такова логика: «постоянное пользованіе» при указанныхъ условіяхъ значитъ, въ сущности, то же, что и «вѣчное владѣніе». Вѣчность», какъ извѣстно, въ такихъ случаяхъ можетъ быть очень непродолжительной...

Правда, к.-д. партія желаетъ, повидимому, удлинить ее. Говорю «повидимому», такъ какъ въ самомъ проектѣ никакихъ предположеній на этотъ счетъ не содержалось. Замѣнивъ слово «владѣніе» словомъ «пользованіе» и придавъ, такимъ образомъ, ему нѣкую отчетливость,—отступали, можно сказать, прикрывая лицо руками,—авторы новаго проекта ни словомъ не обмолвились о томъ, какимъ же образомъ будетъ предотвращена мобилизація земли. Обратимся къ комментаріямъ.

«Партія народной свободы,—говорилъ г. Кутлеръ,—предлагаетъ передать землю не во временное пользованіе, а въ постоянное, предлагая ограничить только право отчужденія и залога, чтобы предупредить въ будущемъ широкое развитіе купли-продажи земли». «Ограничить» не значитъ «воспретить»; повидимому, это значитъ только поставить въ опредѣленные предѣлы, чтобы предупредить «широкое» развитіе мобилизаціи. Въ статьѣ г. Черненкова «постоянное пользованіе» противополагается «полной собственности», изъ чего слѣдуетъ заключить, что оно означаетъ ту же собственность, но только ограниченную. Какія именно ограниченія предполагаетъ поставить к.-д. партія, мы не знаемъ. Возможно, что внутри ея самой по этому вопросу остается недоговоренность. Необходимо, однако, отмѣтить, что эти ограниченія ею предполагается поставить по отношенію лишь къ междуобщинной мобилизаціи земли. «Что касается условій пользованія землею въ предѣлахъ общины или общества,—говорилъ г. Кутлеръ,—то партія народной свободы полагала бы, что законъ не долженъ ничего предрѣшать, надо предоставить крестьянамъ самимъ устраиваться такъ, какъ имъ угодно. Законъ не призванъ учить и навязывать какія-либо теоріи, хотя бы онѣ и признавались законодателями совершенно основательными и правильными». Такимъ образомъ, «въ предѣлахъ общины или общества» крестьянамъ будетъ принадлежать «власть... исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться» землею; другими словами, имъ будетъ принадлежать въ цѣломъ его видѣ «право собственности», какъ оно опредѣлено въ ст. 420 т. X нынѣ дѣйствующихъ россійскихъ законовъ.

Я не буду сейчасъ останавливаться ни на тѣхъ послѣдствіяхъ, какими неизбѣжно скажется такая постановка аграрной реформы, ни на тѣхъ соображеніяхъ, которыми руководится въ этомъ случаѣ к.-д. партія. Въ данномъ мѣстѣ мнѣ хотѣлось лишь съ возможною точностью установить направленіе, въ которомъ эта партія передвинулась въ своемъ новомъ проектѣ. Можетъ быть, я утомилъ читателей, но думаю, что послѣ произведенныхъ изысканій мы имѣемъ полное право сказать: отъ государственной поземельной собственности к.-д. партія передвинулась къ частной и, какъ думаетъ Н. Н. Черненковъ, подошла «ближе къ идеѣ основной про-

граммы», а можетъ быть, зашла и дальше, какъ заставляютъ думать даваемые теперь къ этой программѣ комментаріи.

Не менѣе характерное движеніе к.-д. партіи приходится констатировать и въ другомъ вопросѣ, опредѣляющемъ направленіе аграрной реформы. Къ сожалѣнію, оффиціальные комментаторы обходятъ это движеніе почти полнымъ молчаніемъ. Намъ придется поэтому не только вскрывать истинный смыслъ, но и устанавливать самый фактъ молчаливо произведеннаго отступленія.

Записка 42-хъ «руководящимъ началомъ земельной политики» провозгласила «передачу земли въ руки трудящихся». Этотъ принципъ былъ принятъ на 3-мъ съѣздѣ к.-д. партіи, и былъ принятъ не «условно», подъ каковымъ предлогомъ к.-д. лидеры считаютъ теперь возможнымъ отказаться отъ другихъ постановленій этого съѣзда, а въ совершенно категорической формѣ. Въ свое время это было рѣзкое движеніе—я не знаю, какой терминъ въ этомъ случаѣ «умѣстенъ»: влѣво или впередъ—к.-д. партіи,—движеніе тѣмъ болѣе замѣтное, что не далѣе, какъ на второмъ своемъ съѣздѣ, партія отказалась отъ принципіальной постановки программныхъ вопросовъ. Центральный комитетъ рѣшительно заявилъ тогда, что «въ программѣ политической партіи не мѣсто теоретическимъ принципамъ», такъ какъ «партія объединяетъ людей, отстаивающихъ соціальныя реформы, основываясь на разныхъ точкахъ зрѣнія». 3-й съѣздъ оказался вынужденнымъ, однако, сдѣлать уступку лѣвому крылу партіи и категорически признать одинъ изъ руководящихъ принциповъ въ аграрной реформѣ (допустимъ, что другой—относительно обращенія отчуждаемой земли въ государственную собственность—былъ принятъ, какъ утверждаетъ Н. Н. Черненковъ, «условно»).

И вотъ этого-то, безусловно принятаго и провозглашеннаго съ трибуны первой Думы, принципа мы вовсе не находимъ въ новомъ проектѣ. Чѣмъ объясняется его исчезновеніе? Къ сожалѣнію, въ партійныхъ комментаріяхъ нѣтъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Мы можемъ только догадываться. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что «предложеніямъ фракціи, какъ пишетъ Н. Н. Черненковъ, на этотъ разъ приданъ опредѣленный характеръ *законопроекта*, т. е. построенія, имѣющаго цѣлью уже не программное формулированіе взглядовъ и задачъ партіи, а опредѣленное практическое рѣшеніе, въ соотвѣтствіи съ этими взглядами и задачами, всѣхъ важнѣйшихъ конкретныхъ вопросовъ, связанныхъ съ проектируемой реформой». А. А. Чупровъ, если судить по аналогіи, видитъ, быть можетъ, въ самомъ принципѣ, ни больше, ни меньше, какъ «литературный орнаментъ—дань уваженія къ традиціямъ одного изъ крупнѣйшихъ теченій русской общественной мысли», а «въ отказѣ отъ этого лозунга—лишь шагъ на пути отъ романтизма общихъ декларацій къ реализму законодательной постановки вопросовъ». Нужно сказать, что въ этомъ именно смыслѣ истолковалъ и пра-

вѣтствовалъ разницу между прежнимъ и новымъ к.-д. проектами В. С. Голубевъ,—наиболѣе, быть можетъ, послѣдовательный оппортунистъ изъ всѣхъ оппортунистовъ «Товарища».

Такъ или иначе, но «руководящее начало земельной политики» изъ проекта исчезло,—осталось лишь «практическое рѣшеніе конкретныхъ вопросовъ». «Въ этомъ направленіи перехода отъ *программы* къ *закону*—пишетъ Н. Н. Черненковъ—партія могла въ настоящее время пойти значительно дальше, чѣмъ при открытіи первой Государственной Думы». Едва ли, однако, изъ этого слѣдуетъ, что надобность въ установленіи принциповъ реформы можно считать уже устраненною. Предложенія к.-д. фракціи, въ какую бы форму они ни были отлиты, представляютъ, въ сущности, проектъ не закона, а только «основныхъ положеній», или, какъ угодно было назвать ихъ авторамъ, «главныхъ основаній». Никакія конкретныя рѣшенія въ этой стадіи, казалось бы, не могутъ замѣнить «руководящаго начала», которымъ должно опредѣлиться все направленіе реформы.

Допустимъ, однако, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ ни больше, ни меньше, какъ съ техническимъ усовершенствованіемъ проекта, и что исключеніе «руководящаго начала» равносильно устраненію ненужнаго орнамента. Не лишне будетъ всетаки присмотрѣться къ рѣшенію конкретныхъ вопросовъ, какое даетъ имъ въ своемъ новомъ проектѣ к.-д. партія. Осталась ли она по этимъ вопросамъ на прежнихъ позиціяхъ или передвинулась и, если передвинулась, то въ какую сторону: въ сторону ли болѣе широкихъ завоеваній для трудового хозяйства, или въ сторону болѣе значительныхъ уступокъ хозяйству капиталистическому.

Чтобы не утомлять читателей, я отмѣчу разницу между прежнимъ и новымъ проектами лишь по двумъ пунктамъ.

Въ одномъ изъ нихъ говорится о земляхъ частнаго владѣнія, подлежащихъ «отчужденію безъ ограниченій». Въ «Запискѣ 42-хъ» было сказано: «для каждой мѣстности законъ долженъ опредѣлить высшій размѣръ землевладѣнія, при условіи веденія собственнаго хозяйства (своимъ скотомъ и орудіями), т. е. опредѣлить, больше чего никто не можетъ владѣть землей, и все, что окажется больше этого размѣра, подлежитъ отчужденію безъ какихъ-либо ограниченій». Въ свое время этотъ пунктъ поражалъ всѣхъ своею неопредѣленностью: какой, въ самомъ дѣлѣ, «высшій размѣръ землевладѣнія» предполагаетъ установить к.-д. партія? 100 десятинъ, 1000 или 10.000? Какими, по крайней мѣрѣ, основаніями долженъ руководиться законъ въ этомъ случаѣ? На эти вопросы не было отвѣта. Выходило такъ: помѣщики должны остаться, но въ силу какихъ соображеній—неизвѣстно; свои имѣнія они могутъ сохранить, но въ какихъ предѣлахъ—это партія предпочитала держать въ секретѣ.

Послѣ того въ направленіи «перехода отъ программы къ за-

кону», партія сдѣлала, какъ мы только что слышали, значительные успѣхи. И дѣйствительно, сколько земли можетъ получить крестьянинъ, она опредѣлила; по крайней мѣрѣ, указала данныя, которыми необходимо, по ея мнѣнію, въ этомъ случаѣ руководиться. Но сколько земли можетъ остаться у помѣщика,—этотъ вопросъ опять оставленъ безъ отвѣта. И въ новомъ проектѣ основанія для опредѣленія «высшаго размѣра» землевладѣнія не указаны. Но надъ соотвѣтствующимъ пунктомъ партія всетаки работала. Теперь онъ имѣетъ такую редакцію:

«Подлежатъ отчужденію безъ ограниченій... б) земли, хотя и эксплуатируемыя за счетъ владѣльцевъ (или крупныхъ арендаторовъ) и ихъ инвентаремъ, но превышающія (не считая лѣса) высшій размѣръ владѣнія, устанавливаемый для каждой мѣстности въ законодательномъ порядкѣ по соображенію съ данными, представленными подготовительными земельными учрежденіями».

Новая редакція имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ прежней: статьѣ «приданъ опредѣленный характеръ законопроекта». А вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней сдѣланы и нововведенія: включены «крупные арендаторы», предусмотрѣны «мѣстности», сдѣлана ссылка на «подготовительныя земельныя учрежденія»... Составъ послѣднихъ, къ слову сказать, вовсе не указанъ въ проектѣ.. Предугадать, какія «данныя» они будутъ представлять, въ особенности, когда «руководящее начало» вычеркнуто,—совершенно невозможно. Вообще значеніе этого нововведенія опредѣлится лишь впослѣдствіи. Но одно изъ нововведеній уже теперь до извѣстной степени расшифровать можно. Я имѣю въ виду скромное прибавленіе въ видѣ трехъ словъ, заключенныхъ при томъ же въ скобки: «не считая лѣса»... Маленькая это прибавка, но она многаго стоитъ. На основаніи ея помѣщикъ получаетъ право оставить за собою «высшій размѣръ владѣнія», какой будетъ указанъ въ законѣ, плюсъ весь лѣсъ, какой есть въ его имѣніи. А лѣса на помѣщичьихъ земляхъ растетъ много. По разсчетамъ к.-д. статистиковъ—г. Кауфмана, напримѣръ,—изъ 75 мил. десятинъ частновладѣльческихъ земель 36 милліоновъ десятинъ покрыты лѣсомъ *). Нечего, я думаю, пояснять, что лѣса главною своею массою входятъ въ составъ крупныхъ имѣній, т. е. тѣхъ латифундій, которыя до извѣстнаго предѣла должны будутъ подлежать «отчужденію безъ ограниченій». И—кто знаетъ?—три слова въ скобкахъ равняются, быть можетъ, тремъ десяткамъ милліоновъ десятинъ.

Дѣлать такую уступку владѣльцамъ латифундій по проекту, внесенную въ первую Думу, не предполагалось. «Отчужденію безъ какихъ-либо ограниченій» тогда считалось необходимымъ подвергнуть, несомнѣнно, и лѣсныя угодія, каковыя въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсами, могли быть обращены «подъ земельное обезпе-

*) См. „Право“, 1906 г. № 1.

ченіе земледѣльцевъ», а въ прочихъ мѣстностяхъ должны были остаться «въ распоряженіи государства въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это требуется нуждою населенія въ лѣсныхъ матеріалахъ».

Куда передвинулась к.-д. партія въ рѣшеніи этого «конкретнаго вопроса», я думаю, ясно. Во всякомъ случаѣ, не въ сторону «передачи земли въ руки трудящихся»...

Другой пунктъ к.-д. проекта, на которомъ я позволю себѣ остановить вниманіе читателей, относится къ землямъ, «не подлежащимъ принудительному отчужденію».

Въ «Запискѣ 42-хъ» заключалось, между прочимъ, такое довольно-таки туманное положеніе: «не подлежатъ отчужденію... участки, которые центральнымъ землеустроительнымъ учрежденіемъ признано будетъ необходимымъ сохранить въ виду ихъ исключительнаго характера и общеполезнаго значенія». Многіе тогда старались разгадать, что это за рѣдкостные участки. Добросовѣстные комментаторы представляли себѣ дѣло такъ: шуваловскій паркъ, напримѣръ,—не отдавать же его въ надѣлъ парголовскимъ крестьянамъ... Теперь туманное положеніе получило «опредѣленный характеръ законопроекта». И вотъ что передъ нами вырисовалось.

«Не подлежатъ принудительному отчужденію... имѣнія или части имѣній, которыя землеустроительныя учрежденія признаютъ подлежащими сохраненію въ виду явной невыгоды, для интересовъ страны или самого трудового населенія, прекращенія существующаго въ нихъ хозяйства. Основанія для изъятій отъ отчужденія по настоящему пункту должны быть точно опредѣлены закономъ. Проектированіе этихъ основаній и производство необходимыхъ для того изслѣдованій возлагаются на мѣстныя подготовительныя земельныя учрежденія».

Не лишне будетъ, прежде всего, отмѣтить техническое усовершенствованіе, какое сдѣлано въ новомъ проектѣ сравнительно съ прежнимъ. Единственное число («центральное землеустроительное учрежденіе») замѣнено теперь множественнымъ («землеустроительныя учрежденія»). Вполнѣ возможно и даже вѣроятно, что въ силу этого только «сохранить» помѣщичьей земли удастся больше. Правда, «основанія для изъятій отъ отчужденій должны быть точно опредѣлены закономъ», но «проектированіе этихъ основаній... возлагается на мѣстныя подготовительныя учрежденія»,—неизвѣстнаго пока состава и призываемыя дѣйствовать, какъ мы знаемъ, безъ «руководящаго начала».

Впрочемъ, «руководящее начало» спеціально на этотъ случай указано въ проектѣ. Таковымъ должна считаться «явная невыгода» отъ прекращенія помѣщичьяго хозяйства,—«явная невыгода»: во-первыхъ, «для интересовъ страны» и, во-вторыхъ, «для самого трудового населенія». Г. Пуришкевичъ «явную невыгоду» для страны отъ прекращенія помѣщичьяго хозяйства видитъ въ слѣдующемъ:

«Крестьянинъ не сможетъ вывозить хлѣбъ за границу, потому что онъ въ настоящее время питается не въ достаточной мѣрѣ и излишнее долженъ будетъ потреблять самъ. Такимъ образомъ, экспортъ за границу совершенно прекратится».

А «явную невыгоду» для трудового населенія г. Пуришкевичъ видитъ въ слѣдующемъ:

«Можетъ ли крестьянинъ при передѣлѣ имѣть заработокъ? Ни въ коемъ случаѣ. Заработки являлись только въ случаѣ сосѣдства крестьянскаго хозяйства съ помѣщичьимъ. Разъ не будетъ помѣщичьей земли, и заработокъ этотъ совершенно будетъ уничтоженъ» *).

Въ чемъ видитъ «явную невыгоду» к.-д. партія, мы не знаемъ. Крайне характерно, однако, что въ своемъ движеніи «отъ программы къ закону» она уже вступила на путь признанія «общеполезности» помѣщичьяго хозяйства. Мудрено этимъ путемъ придти къ «передачѣ земли въ руки трудящихся»... Больше того: к.-д. партія допускаетъ возможность явной невыгоды «для самого трудового населенія» отъ принудительнаго отчужденія въ его пользу помѣщичьей земли. Это—уже готовность идти по одной дорогѣ съ г. Гурко... Правда, въ видѣ исключеній, въ видѣ «изъятій»... Но результаты уже имѣются: «участки исключительнаго характера» выросли и превратились въ глазахъ партіи въ «части имѣній» и даже въ цѣлыя «имѣнія». Куда въ данномъ случаѣ партія передвинулась, я думаю, опять-таки, ясно: увеличиваются въ глазахъ тѣ предметы, къ которымъ приближаются, а не тѣ, отъ которыхъ удаляются...

Мы согласились, что «руководящее начало», каковымъ на 3-мъ съѣздѣ партія признала «передачу земли въ руки трудящихся», устранено изъ новаго проекта въ качествѣ излишняго орнамента. Но, просмотрѣвъ только два пункта, мы должны опять усомниться. Убрать этотъ орнаментъ съ фронтона к.-д. проекта было, можетъ быть, необходимо. Послѣ перестроекъ, произведенныхъ въ самомъ зданіи и сдѣланныхъ къ послѣднему дополненій, этотъ орнаментъ слишкомъ рѣзалъ бы глаза, какъ далеко не вполнѣ подходящій къ общему стилю.

Чтобы уяснить себѣ, какою изъ двухъ діаметрально противоположныхъ дорогъ намѣрена идти к.-д. партія, мы рѣшили присмосмотрѣться, прежде всего, къ послѣднему ея шагу. «Поворотъ», несомнѣнно, былъ;—на этотъ счетъ не спорятъ сами к.-д. «Вопросъ лишь, куда, въ какую сторону». Если мы скажемъ, что к.-д. партія повернулась и пошла «назадъ», то никто, какъ я надѣюсь, не упрекнетъ насъ въ употребленіи неумѣстнаго термина. Если на 3-мъ съѣздѣ партія сдѣлала замѣтный шагъ отъ частной собствен-

*) Стенографич. отчетъ Спб. Т. А. о засѣданіи Государственной Думы 2 апрѣля.

ности къ государственной и отъ капиталистическаго хозяйства къ трудовому, то теперь она сдѣлала тоже достаточно замѣтный шагъ, но въ обратную сторону: отъ государственной собственности къ частной и отъ трудового хозяйства къ капиталистическому.

II.

Такой характеръ имѣло движеніе к. д. партіи по двумъ важнѣйшимъ линіямъ, опредѣляющимъ направленіе аграрной реформы. Но партія и вообще подвинулась. Чтобы не вызывать спора на счетъ терминовъ, скажемъ просто: она пошла дальше...

Она произвела, напримѣръ, изысканія и нашла способъ, какъ опредѣлить «нормальные размѣры земельнаго обезпеченія». «Этотъ способъ, говоритъ Н. Н. Черненковъ,—заключается въ обоснованіи нормъ не на какихъ-либо теоретическихъ, всегда очень сомнительныхъ, разсчетахъ о количествѣ земли, нужномъ для достаточнаго удовлетворенія главныхъ потребностей даннаго земледѣльческаго населенія, а на прямыхъ данныхъ дѣйствительности». Такимъ образомъ, и тутъ к.-д. партія нашла прямую дорогу. Не лишне, однако, будетъ къ послѣдней всетаки присмотрѣться. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за способъ нашла к.-д. партія?

«Нормальные размѣры земельнаго обезпеченія,—говорится во 2 ст. проекта,—проектируются... на слѣдующихъ основаніяхъ: въ основу исчисленій по каждой мѣстности полагаются дѣйствительные средніе размѣры землепользованія (на надѣльной, собственной и арендной землѣ) той части населенія, которая ведетъ самостоятельное земледѣльческое хозяйство, не нанимая и не отпуская изъ своего состава сельско-хозяйственныхъ рабочихъ (батраковъ)».

Способъ—хорошій, но только что при его примѣненіи получится? Когда я начинаю въ это вдумываться, у меня является желаніе сказать к.-д. прожектерамъ:

— Напрасно вы такъ пренебрежительно относитесь къ «теоретическимъ разсчетамъ, всегда очень сомнительнымъ». Немножко теоріи, хотя бы самой безобидной—статистической,—принять во вниманіе слѣдовало бы. Изъ этой теоріи вы узнали бы, что есть такіе статистическіе ряды, въ которыхъ средній выводъ вовсе не измѣнится или измѣнится очень мало, если вы откинете обѣ крайнія группы. То же и въ данномъ случаѣ. Зачѣмъ вамъ выдѣлять какую-то «часть населенія», откидывая, съ одной стороны, хозяйства, которыя отпускаютъ батраковъ, съ другой—которыя нанимаютъ ихъ? Возьмите все населеніе, подсчитайте нынѣшніе размѣры его землепользованія и объявите эти размѣры «нормальными». Способъ будетъ проще, а результаты получатся тѣ же.

Но к.-д. прожектеры не довѣряютъ теоретическимъ разсчетамъ. Обратимся, въ такомъ случаѣ, къ прямымъ даннымъ дѣйствитель-

ности». Такія данныя въ статистической литературѣ имѣются. Но аграрная коммиссія к.-д. партіи, повидимому, не удосужилась заглянуть хотя бы въ «Сводный сборникъ» по Воронежской губерніи, составленный Ф. А. Щербиною. Заглянемъ мы. Сдѣлавъ нужныя выкладки, мы получимъ для 11 уѣздовъ Воронежской губерніи (за исключеніемъ Воронежскаго уѣзда, по которому нѣтъ данныхъ) такія цифры:

Приходится десятинъ пашни (надѣльной, собственной и арендной):	На 1 душу обоего пола.
Въ хозяйствахъ, отпускающихъ батраковъ	0,80
» » нейтральныхъ	1,04
» » нанимающихъ батраковъ	2,21
Вообще въ крестьянскихъ хозяйствахъ	1,09

Согласно к.-д. проекту, количество земли, приходящееся на душу въ нейтральныхъ хозяйствахъ, т. е. въ хозяйствахъ, не отпускающихъ и не нанимающихъ батраковъ, слѣдуетъ считать «нормальнымъ размѣромъ земельнаго обезпеченія». Такимъ образомъ, если бы мы, руководствуясь к.-д. рецептомъ, опредѣлили «нормальный размѣръ земельнаго обезпеченія» для Воронежской губерніи, то онъ (1,04 дес.) оказался бы даже ниже теперешняго (1,09 дес.) Таковъ результатъ «извлеченія нормъ въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ изъ самой жизни», какъ рекомендуетъ свой способъ предсѣдатель к.-д. аграрной коммиссіи. Если идти этимъ путемъ, то никакого «расширенія крестьянскаго землепользованія» не получится.

Намъ могутъ, конечно, сказать, что получатъ прибавку до «нормы» хозяйства, отпускающія батраковъ, и что общіе размѣры крестьянскаго землепользованія, такимъ образомъ, увеличатся. Но сколько такихъ хозяйствъ? Въ 11 уѣздахъ Воронежской губерніи ихъ насчитывается 12% общаго числа дворовъ. Во многихъ другихъ губерніяхъ окажется и того меньше. Суть вѣдь въ томъ, что наше помѣщичье хозяйство до сихъ не поднялось на степень батрачнаго; землевладѣльцы —въ особенности, въ малоземельныхъ мѣстностяхъ — предпочитаютъ другіе способы хозяйничанья, имѣя возможность болѣе выгоднымъ для себя способомъ эксплуатировать рабочую силу крестьянскаго населенія. Нужно сказать, что въ к.-д. проектѣ имѣется примѣчаніе, разсчитанное, повидимому, на эту особенность русской сельско-хозяйственной жизни, но оно редактировано такимъ образомъ:

«Въ мѣстностяхъ, гдѣ широко распространенъ отходъ или мѣстный наемъ на поденныя и сдѣльныя сельско-хозяйственныя работы, полученные указаннымъ способомъ средніе выводы должны быть повышаемы соотвѣтственно долѣ, какую составляютъ этого рода заработки въ доходахъ мѣстнаго населенія».

«Соотвѣтственно долѣ, какую составляютъ этого рода заработки

въ доходахъ мѣстнаго населенія»... Не правильнѣе ли, однако, было бы сказать: «соотвѣтственно кабалѣ, въ какой находится мѣстное населеніе»? Развѣ мы не знаемъ, въ самомъ дѣлѣ, что такое значатъ эти «поденныя и сдѣльныя сельско-хозяйственныя работы»?.. А «отработки»? - почему о нихъ ни словомъ не обмолвился проектъ к.-д. партіи? Можетъ быть, они подразумѣваются подъ сдѣльными и поденными работами... Но какъ въ такомъ случаѣ учесть долю, которую они составляютъ въ «доходахъ»? Мы знаемъ вѣдь, что крестьяне отрабатываютъ и за прогонъ, и за водопой, и за потравы (все равно, какъ лакеи въ ресторанахъ платятъ «за посуду»), и за грибы, и за ягоды?.. Если вычислить, какую долю въ доходахъ составляютъ грибы, и затѣмъ, соотвѣтственно этой долѣ, повысить средніе выводы, то, пожалуй, немного отъ этого увеличатся «нормальные размѣры земельнаго обезпеченія».

Пойдемъ, однако, далѣе. Всѣ ли хозяйства, хотя бы только отпускающія батраковъ, получатъ прибавку къ надѣлу, если дополнительное надѣленіе будетъ производиться по к.-д. плану? Даже и въ этомъ приходится усомниться. «При общинномъ владѣніи,— говорится въ 10 ст. проекта,—отводъ добавочнаго количества земли производится по разсчету на цѣлую общину». Въ послѣдней могутъ оказаться не только хозяйства, отпускающія батраковъ, но и хозяйства, нанимающія ихъ. Тѣ и другія хозяйства нейтрализуютъ другъ друга, и нынѣшніе размѣры землепользованія общины въ ея цѣломъ могутъ оказаться какъ разъ соотвѣтствующими «нормальнымъ размѣрамъ земельнаго обезпеченія».

Наконецъ, если хозяйства, отпускающія батраковъ, и получатъ прибавку, то, главнымъ образомъ, за счетъ крестьянскаго же, а не помѣщичьяго землепользованія. Чтобы яснѣе представить себѣ, какимъ образомъ пойдетъ надѣленіе по к.-д. плану, возьмемъ конкретныя данныя хотя бы той же Воронежской губерніи. Въ 11 уѣздахъ этой губерніи подворною переписью было насчитано 235.093 души обоего пола, входящихъ въ составъ хозяйствъ, которыя отпускали батраковъ. Для «обезпеченія» ихъ землей по выведенной выше нормѣ (1,04 дес. на душу) требуется 244.497 десятинъ; въ ихъ же пользованіи находилось 189.864 десятинъ, т. е. не хватало до нормы 54.633 дес. Допустимъ, что весь этотъ недочетъ будетъ покрытъ путемъ принудительнаго отчужденія помѣщичьей земли. Но въ составѣ помѣщичьихъ земель необходимо различать двѣ категоріи: а) земли, сдаваемыя крестьянамъ въ аренду и подлежащія, согласно к.-д. плану, «отчужденію безъ ограниченій», и б) земли, эксплуатируемыя экономическимъ инвентаремъ, которыя подлежатъ отчужденію лишь въ томъ случаѣ, если не достанетъ земель первой категоріи. Хватитъ ли ихъ въ данномъ случаѣ? Хватитъ и даже останется...

Дѣло въ томъ, что хозяйства, нанимающія батраковъ, какъ мы видѣли, имѣютъ въ пользованіи земли по разсчету на душу въ 2

слишкомъ раза больше, чѣмъ требуется по нормѣ. Всего душъ въ этихъ хозяйствахъ 133.572; для «обезпеченія» ихъ землею требуется 138.915 дес.; въ пользованіи же ихъ находилось 294.674 дес., т. е. на 155.759 дес. больше. Надо сказать, что своей земли (над. и купчей) у нихъ было какъ разъ почти столько, сколько требуется по нормѣ. Весь избытокъ падалъ на арендованную: изъ состава надѣльной и частновладѣльческую. Послѣдней у нихъ находилось въ пользованіи 84.385 дес. Эта земля, какъ уже сказано, будетъ отчуждена у помѣщиковъ безъ всякихъ ограниченій, но давать ее нынѣшнимъ арендаторамъ не придется, такъ какъ у нихъ и безъ нея земли имѣется достаточно. Эта земля и будетъ обращена на покрытіе недочета въ хозяйствахъ, отпускающихъ батраковъ. Ея не только хватитъ, но, если хотите, то и останется. Такимъ образомъ, трогать помѣщичьи земли второй категоріи, т. е. обрабатываемыя экономическимъ инвентаремъ, въ данномъ случаѣ вовсе не придется.

Я оперирую общими итогами и средними величинами, хотя понимаю, конечно, что въ отдѣльныхъ группахъ, въ отдѣльныхъ общинахъ и въ отдѣльныхъ семьяхъ возможны и даже неизбѣжны различныя отклоненія. Я не ввожу въ разсчеты и нѣкоторыхъ деталей к.-д. проекта. Для общей характеристики послѣдняго, какъ я думаю, достаточны суммарныя иллюстраціи. Суть въ томъ, что самый способъ опредѣленія «нормальныхъ размѣровъ земельнаго обезпеченія», какой принятъ въ к.-д. проектѣ, неправиленъ. Употребивъ его, мы неизбѣжно получимъ, что нынѣшніе размѣры крестьянскаго землепользованія какъ разъ и есть нормальные. Поэтому граница между помѣщичьимъ и крестьянскимъ хозяйствомъ пройдетъ приблизительно тамъ же, гдѣ она проходитъ и теперь. Съ другой стороны, «нормальные размѣры земельнаго обезпеченія» будутъ тѣмъ ниже, чѣмъ меньше въ данной мѣстности находится въ настоящее время земли въ крестьянскомъ пользованіи. К.-д. проектъ, по скольку дѣло касается общихъ размѣровъ крестьянскаго земле*пользованія*, сводится въ сущности къ тому, чтобы фактъ возвести на степень закона... Припомнимъ общую характеристику, какая была дана этому проекту г. Кутлеромъ. «Задача реформы,—сказалъ онъ,—ставится въ немъ просто и прямо. Рѣчь идетъ о расширеніи крестьянскаго землепользованія». Но расширенія земле*пользованія*—въ видѣ общаго правила—какъ разъ и не послѣдуетъ *)...

*) Если оно и произойдетъ, то развѣ только за счетъ латифундій и земель, „эксплуатируемыхъ преимущественно крестьянскимъ инвентаремъ", каковыя подлежатъ отчужденію тоже „безъ ограниченій". Но „высшій размѣръ владѣнія", какъ мы видѣли, до сихъ поръ не опредѣленъ к.-д. партіей. Что касается земель, „эксплуатируемыхъ преимущественно крестьянскимъ инвентаремъ", то я считаю за лучшее ихъ не касаться, такъ какъ отъ этого выраженія вѣетъ еще „романтизмомъ об-

Увеличится крестьянское землевладѣніе. Въ этомъ будетъ заключаться главный и несомнѣнный, какъ я думаю, результатъ к.-д. реформы по новому проекту. Земли, арендуемыя крестьянами, будутъ надѣлены имъ... въ постоянное пользованіе. И за томъ, конечно, спасибо. Но... Timeo Danaos et dona ferentes. Во что обойдется крестьянамъ этотъ подарокъ? Не придется ли имъ черезчуръ дорого оплатить?

Въ этомъ вопросѣ к.-д. партія тоже значительно подвинулась... Въ сущности, тутъ даже два вопроса: во-первыхъ, сколько придется платить за землю и, во-вторыхъ, кто будетъ платить за нее.

Въ «Запискѣ 42-хъ» также, какъ и въ основной программѣ, было только упомянуто о вознагражденіи владѣльцевъ отчуждаемой земли по «справедливой цѣнѣ», но въ томъ и другомъ документахъ было все-таки ясно сказано, что выкупъ долженъ быть произведенъ «за счетъ государства». «Справедливая оцѣнка» получила теперь довольно опредѣленныя очертанія, но за то вопросъ о томъ, кто долженъ платить за землю, неожиданно затуманился. «Часть предстоящихъ расходовъ по принудительному отчужденію земель,—говорится въ новомъ проектѣ,—подлежитъ отнесенію на общія средства государства». Оказывается, такимъ образомъ, что государство заплатитъ только «часть». Кто же заплатитъ остальное?

«Представлять, что всѣ расходы могутъ быть покрыты изъ одного источника,—говорилъ г. Кутлеръ,—нельзя. Это было бы слишкомъ тяжело даже для самого народа: широкія массы населенія придется обложить значительною податью. Поэтому партія народной свободы и полагаетъ, что извѣстная часть расходовъ, предстоящихъ при земельной реформѣ, должна быть возмѣщена самими крестьянами примѣрно въ половинномъ размѣрѣ всей суммы».

Прежде всего въ этомъ разсужденіи поражаетъ логика. У к.-д. партіи она, несомнѣнно, какая-то особая. Въ самомъ дѣлѣ: земли для надѣленія крестьянъ по трудовой нормѣ не хватитъ; отсюда ею дѣлается выводъ, что, стало быть, нужно побольше оставить ея помѣщикамъ. Платить за землю для всего народа было бы слишкомъ тяжело; стало быть,—заключаетъ к.-д. партія,—одну часть населенія нужно обложить посильнѣе. И какую часть? О «широкихъ массахъ», будто бы, заботится партія. Но широкія массы—что же подъ ними разумѣть, если не крестьянство?—какъ разъ и окажутся наиболѣе отягченными. За то будутъ облегчены такіе классы, какъ помѣщичій и торгово-промышленный.

щихъ декларацій", и мы не знаемъ, сколько окажется этихъ земель, когда к.-д. партія перейдетъ къ „реализму законодательной постановки" этого вопроса.

Впрочемъ, платить крестьянамъ придется немного. «Если оцѣнка будетъ умѣренная, то, какъ я примѣрно прикидываю,—успокаивалъ г. Кутлеръ, — средняя стоимость десятины будетъ установлена въ предѣлахъ Европейской Россіи въ 80 руб.... Половина этой суммы могла бы быть отнесена на счетъ крестьянъ» — въ дополненіе къ той долѣ, прибавимъ отъ себя, какую они должны будутъ нести въ другой половинѣ.

40 рублей это, конечно, немного. Но, если принять въ разсчетъ сложную систему «процентобъ и погашенія», какою будутъ конечно, опутаны крестьяне, то въ конечномъ итогѣ имъ придется заплатить примѣрно рублей по 150 за десятину. Это—въ среднемъ. По отдѣльнымъ же губерніямъ и тѣмъ болѣе по отдѣльнымъ уѣздамъ, какъ пояснилъ потомъ г. Кутлеръ, будутъ, конечно, значительныя отклоненія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянамъ придется уплатить вдвое больше.

Но 80 рублей всетаки цѣна «умѣренная»,—«справедливая» цѣна. Это та самая «справедливая», «не рыночная» цѣна, которая такъ долго фигурировала въ к.-д. проектахъ и которая только теперь начала опредѣляться. Откуда взялъ ее г. Кутлеръ? Изъ оцѣнки, какую дало частновладѣльческой землѣ министерство финансовъ, основываясь на *рыночныхъ* цѣнахъ, если не ошибаюсь, въ 1902 или въ 1903 году, т. е. какъ разъ въ то время, когда рыночныя цѣны достигли такого максимума, при которомъ оставался только одинъ исходъ—революція. Правда, послѣ того цѣна на землю, если судить по оцѣнкамъ крестьянскаго банка, поднялась еще выше. Легко, однако, понять, что цѣны, которыя платитъ банкъ, совсѣмъ не рыночныя цѣны. Если бы онъ прекратилъ свои операціи, то неизвѣстно еще, какую цѣну могли бы помѣщики получить за свою землю на рынкѣ...

Долженъ признаться, что «не рыночная» цѣна въ к.-д. проектахъ всегда пугала меня. Сдѣлать эту оговорку к.-д. партію заставило, несомнѣнно, то соображеніе, что продажныя цѣны приходилось считать безусловно вздутыми: представлялось возможнымъ найти другіе, болѣе «справедливые» способы для оцѣнки. Вполнѣ возможно, однако, что «справедливая» цѣна окажется, въ концѣ концовъ, выше рыночной,—той рыночной, которая будетъ имѣть мѣсто въ моментъ реформы и которая опредѣлится, какъ результатъ революціи. Послѣдняя, какъ ни какъ, значительно вѣдь понизила доходность помѣщичьяго хозяйства и не менѣе значительно повысила величину учетнаго процента.

Эти опасенія начинаютъ пріобрѣтать теперь реальную форму. «Справедливая» цѣна, какъ «прикидываетъ» въ настоящее время г. Кутлеръ, можетъ оказаться не ниже очень высокой—быть можетъ, самой высокой—«рыночной». Какимъ же образомъ к.-д. партія будетъ опредѣлять «справедливую» цѣну.

Способъ ею для этого найденъ. Это—способъ «выручекъ и за-

трать». Цѣны на землю будутъ устанавливаться путемъ капитализаціи «нормальной частной доходности», при чемъ послѣдняя будетъ опредѣляться «по даннымъ о среднемъ количествѣ и средней цѣнѣ получаемыхъ продуктовъ, и о среднемъ размѣрѣ издержекъ на ихъ производство, при нормальныхъ условіяхъ сбыта продуктовъ и найма на сельско-хозяйственныя работы». Эта нормальная доходность будетъ исчисляться:

«а) для земель, эксплуатируемыхъ путемъ сдачи въ наемъ трудовому населенію и обрабатываемыхъ крестьянскимъ инвентаремъ—примѣнительно къ обычнымъ условіямъ мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, и б) для земель, обрабатываемыхъ за счетъ владѣльцевъ собственнымъ ихъ инвентаремъ,—примѣнительно къ условіямъ частно-владѣльческаго хозяйства».

У непредубѣжденнаго человѣка прежде всего является вопросъ: если вы хотите купить землю, только землю, то зачѣмъ вамъ знать, какимъ инвентаремъ обрабатывалась эта земля? Оцѣнивайте самую землю, высчитывайте свои выручки и затраты, но зачѣмъ вамъ высчитывать чужія? Можетъ быть, эта земля пахалась плугомъ, а вы будете пахать ее сохой: можетъ быть, этотъ плугъ таскала пара арденовъ, а вашу соху будетъ таскать заморенная кляча; можетъ быть, продавецъ кормилъ своихъ рабочихъ капустой съ червями, а вы намѣрены варить для нихъ щи съ убоиной... Но, можетъ быть, вы желаете купить и инвентарь? Можетъ быть, вы желаете вознаградить прежняго владѣльца за его умѣнье кормить рабочихъ тухлой капустой? Да, к.-д. партія намѣрена купить не только землю...

Она намѣрена выкупить «нормальную чистую доходность». Легко понять, что въ составъ ея входитъ не только рента, но также процентъ на основной и оборотный капиталы и предпринимательская прибыль. Если бы партія хотѣла купить только землю, то она капитализировала бы одну ренту. Но она желаетъ выкупить также капиталъ и прибыль... Поэтому-то она и будетъ оцѣнивать землю примѣнительно: въ одной ихъ части — къ условіямъ крестьянскаго хозяйства, въ другой—къ условіямъ частновладѣльческаго.

«Примѣнительно къ условіямъ крестьянскаго хозяйства»... Этотъ способъ будетъ примѣненъ по отношенію къ землямъ, сдаваемымъ въ наемъ трудовому населенію и эксплуатируемымъ крестьянскимъ инвентаремъ. Стало быть, вмѣстѣ съ этими землями партія желаетъ выкупить капиталъ и прибыль. Но чей это капиталъ? И чья эта — поскольку она получается на арендуемыхъ земляхъ—прибыль? Конечно, крестьянскія...

Въ 1861 году крестьянъ вмѣстѣ съ землею заставили выкупать собственныя души. Теперь к.-д. партія желаетъ заставить ихъ выкупать собственный инвентарь и даже собственное умѣнье вести хозяйство. Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ, весь при-

бавочный продуктъ будутъ получать помѣщики и ихъ законные наслѣдники.

Крестьянамъ же останутся «издержки производства», въ томъ числѣ, конечно, и заработная плата. «Нормальная» заработная плата... Чтобы опредѣлить эту нормальную плату, предполагается взять среднія цѣны на трудъ,—не тѣ цѣны, которыя установятся, быть можетъ, послѣ реформы въ новой Россіи, а тѣ, какія стояли въ старой. Не въ правѣ ли мы сказать, что и въ этомъ отношеніи, к.-д. проектъ можетъ привести къ тому, что фактъ будетъ возведенъ на степень закона.

Такъ «далеко» ушла к.-д. партія...

III.

Мы присмотрѣлись, куда шла по нѣкоторымъ линіямъ к.-д. партія. Теперь намъ предстоитъ дать общую оцѣнку тѣмъ позиціямъ, на которыхъ она остановилась въ новомъ своемъ проектѣ. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, не лишне будетъ отмѣтить одно обстоятельство.

Съ позицій, которыя были заняты на 3-мъ съѣздѣ, партія, какъ мы видѣли, отступила. Между тѣмъ, «на этотъ разъ партійный съѣздъ,—какъ сообщаетъ намъ г. Черненковъ,—совершенно не могъ быть созванъ, и центральному комитету и думской фракціи пришлось дѣйствовать самостоятельно». Не наше, конечно, дѣло судить, насколько правомѣрно поступили центральный комитетъ и думская фракція, отказавшись отъ рѣшеній, которыя хотя бы «условно» были приняты партійнымъ съѣздомъ. Насъ интересуетъ другое, отмѣченное Н. Н. Черненковымъ въ связи съ этимъ, обстоятельство.

Теперешній «проектъ «Главныхъ основаній»,—какъ сообщаетъ онъ,—первоначально редактированный бюро аграрной коммиссіи, подвергся затѣмъ разсмотрѣнію въ центральномъ комитетѣ и въ думской фракціи и, съ нѣкоторыми частичными измѣненіями, былъ принятъ довольно единодушно, что и дало возможность внести его въ Думу отъ имени всей фракціи, а уже не отъ отдѣльной группы ея членовъ». Такимъ образомъ, прошлогодній проектъ, какъ оказывается, былъ проектомъ отдѣльной группы, а не партіи, какимъ считали мы его: можетъ быть, и теперешній проектъ окажется потомъ не партійнымъ, а фракціоннымъ. Я всетаки разсматривалъ его, какъ проектъ партіи. «По отмѣченному довольно полному единодушію внутри центральнаго комитета и думской фракціи,—говоритъ Н. Н. Черненковъ,—можно думать, что проектированныя нынѣ «Главныя основанія» земельной реформы достаточно отвѣчаютъ преобладающему характеру воззрѣній и настроенія

всей партіи». Это предположеніе онъ считаетъ «основательнымъ», и на немъ вполнѣ успокоивается.

Но меня это единодушіе, какое вновь воцарилось въ к.-д. партіи, больше всего и пугаетъ. Ни для кого, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не тайна, что въ этой партіи, состоящей изъ людей, «устанавливающихъ» соціальныя реформы, основываясь на разныхъ точкахъ зрѣнія», по аграрному вопросу имѣются не только существенно различныя, но и прямо противоположныя теченія. Можно было, однако, думать, что въ прошломъ году партія вытащила хотя бы лѣвую только ногу изъ трясины и ступила, наконецъ, на твердую почву. Вотъ-вотъ, казалось, и вся партія выберется на сушу. Поворчатъ, думалось, гг. Петражицкіе и другіе сторонники личной собственности, а потомъ и примирятся,—такъ же, какъ примирился, напримѣръ, г. Родичевъ съ принудительнымъ отчужденіемъ, противъ котораго онъ менѣе чѣмъ два года тому назадъ, возставалъ со всею силою свойственнаго ему краснорѣчія.

— «Мы идемъ туда же, куда и вы...—еще не такъ давно говорилъ Н. Н. Черненковъ въ частномъ разговорѣ со мною. — Но нельзя же такъ, сразу...

Оказывается, однако, что правая нога такъ крѣпко застряла, что и лѣвую пришлось отдернуть. И вотъ опять по колѣна въ болотѣ стоитъ к.-д. партія. Даже надежду на то, что она выберется, приходится считать, пожалуй, утраченной. Въ самомъ дѣлѣ, не г. Кутлеръ же ее оттуда выведетъ,—не г. Кутлеръ, которому «кажется, что уничтоженіе частной земельной собственности явилось бы величайшею несправедливостью, покуда существуютъ другіе виды собственности» *)... И не г. Кауфманъ, который пишетъ и подчеркиваетъ въ своихъ статьяхъ, что «народная воля можетъ быть выработана не иначе, какъ въ результатѣ того или иного компромисса» **), въ виду чего и не зачѣмъ, стало-быть, вылѣзать изъ болота... И даже не г. Черненковъ, который съ такою легкостью, какъ мы видѣли, устранилъ «всегда сомнительную» теорію, чтобы очистить мѣсто стоящему, повидимому, для него внѣ всякихъ сомнѣній к.-д. практицизму...

Какъ бы то ни было, я считалъ нелишнимъ напомнить, въ силу какихъ, главнымъ образомъ, причинъ к.-д. партія попала на то мѣсто, гдѣ она остановилась въ новомъ своемъ проектѣ. Это—результатъ не столько вновь произведенныхъ ею изысканій, сколько вновь налаженнаго въ ея средѣ компромисса.

А теперь осмотримъ самое мѣсто... Читатели, быть можетъ, уже обратили вниманіе на то, какое большое значеніе въ к.-д. проектѣ придается тому, чтобы реформа была сообразована съ «существующими» «условіями и особенностями». И надо сказать, что въ этомъ

*) Стенографическій отчетъ о засѣданіи Госуд. Думы 19 марта.
**) «Самоуправленіе», № 16.

отношеніи к.-д. прожектеры достигли значительнаго успѣха,—быть можетъ, большаго даже, чѣмъ какимъ они задавались. Ничего новаго ихъ проектъ въ народную жизнь не привнесетъ и привнести не можетъ.

Припомнимъ то, что мы уже видѣли. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, институтъ «постояннаго пользованія» или «не полной собственности», какой предполагается установить на вновь надѣляемыя земли? Ни больше, ни меньше, какъ хорошо уже знакомый намъ институтъ надѣльнаго землевладѣнія,—не то частной, не то государственной собственности, которою ни государство, ни крестьяне свободно распорядиться не могутъ. Къ новымъ клочкамъ послѣдніе окажутся также привязанными, какъ они были привязаны къ старымъ, и такъ же, какъ прежніе, они должны будутъ купить ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ лишены права продать ихъ. Къ слову сказать, самый терминъ: «постоянное пользованіе» фигурировалъ уже въ актахъ освободительной эпохи примѣнительно къ временно-обязаннымъ крестьянамъ. «Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли,—говорится въ ст. 3 Общаго Положенія, — предоставляютъ за установленныя повинности въ постоянное пользованіе крестьянъ усадебную осѣдлость»... и т. д. Даже законъ о неотчуждаемости надѣльной земли к.-д. партія намѣчаетъ, повидимому, въ его нынѣшнихъ чертахъ: съ большимъ— даже полнымъ — просторомъ для мобилизаціи внутри общества и съ «ограниченіями»—быть можетъ, даже съ воспрещеніемъ—мобилизаціи внѣобщинной. *Юридическія отношенія* крестьянъ къ ихъ землямъ останутся, въ сущности, тѣ же, что и теперь.

И такъ же, какъ теперь, будутъ рядомъ существовать три института земельной собственности: личной, надѣльной и государственной (совсѣмъ упразднить послѣднюю, конечно, не предполагается). Измѣнится лишь количественное сношеніе между ними, но русская земля по прежнему останется перегороженной, и эти перегородки по прежнему будутъ затруднять свободное размѣщеніе на ней населенія. Убрать ихъ, хотя бы и не сразу — этою цѣлью вовсе не задается к.-д. партія. Можно, конечно, предполагать, что капиталъ окажется сильнѣе труда и, выдергивая колышекъ за колышкомъ, постепенно завоюетъ подъ частную собственность всю землю. Но, можетъ быть, придется ожидать новой революціи, которая и снесетъ, наконецъ, перегородки. До тѣхъ же поръ для загнаннаго въ надѣльное стойло трудового населенія, поскольку оно будетъ нуждаться въ расширеніи своего землепользованія, не останется другого исхода, какъ лѣзть въ капиталистическую петлю. И капиталъ, конечно, не упуститъ случая опять затянуть эту петлю,—въ видѣ ли арендныхъ и продажныхъ цѣнъ, въ формѣ ли отработковъ или кредита.

Потребность же въ расширеніи землепользованія для трудового хозяйства наступитъ немедленно. Задавшись цѣлью извлечь нормы

надѣленія «въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ изъ самой жизни». к.-д. проектъ, какъ мы видѣли, приведетъ къ тому, что нынѣшніе размѣры крестьянскаго землепользованія будутъ узаконены въ качествѣ нормальныхъ. Измѣнится лишь титулъ, по которому часть земли входитъ теперь въ составъ крестьянскаго хозяйства—вмѣсто «аренды» эта часть будетъ находиться въ «постоянномъ пользованіи». Но *экономическія отношенія* крестьянъ даже къ этой землѣ останутся прежними. Система выкупа, предположенная въ к.-д. проектѣ неизбѣжно приведетъ къ тому, что прибавочный продуктъ будетъ экспропріированъ у крестьянскаго населенія, и въ его распоряженіи останется только заработная плата. Мы уже имѣли на этотъ счетъ горькій опытъ, когда выкупали крестьянскія души, и не менѣе горькій опытъ насъ ждетъ, если мы станемъ выкупать по той же системѣ помѣщичьи доходы.

Въ 1861 году нормы надѣленія тоже вѣдь были извлечены въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ изъ самой жизни, изъ фактическихъ среднихъ размѣровъ землепользованія соотвѣтствующимъ образомъ выдѣленной части населенія». Правда, теперь крестьянину придется выкупать не всю «норму», а только ту ея часть которая будетъ добавлена къ нынѣшнему надѣлу. Но за то эта норма даже съ той землей, какая уже имѣется у крестьянъ, будетъ значительно ниже той, какая была принята въ 1861 году. Правда, теперь на крестьянъ предполагается возложить не весь выкупъ, а лишь половину. Но за то эта половина будетъ вдвое больше всей тогдашней выкупной ссуды. Земля, которую получили при освобожденіи помѣщичьи крестьяне, была оцѣнена въ среднемъ около 20 руб. за десятину; теперь половина, которую придется оплатить крестьянамъ, составитъ по разсчету на ту же десятину 40 руб., какъ «прикидываетъ» г. Кутлеръ. Въ итогѣ же, что тогда получили крестьяне, то и теперь они будутъ имѣть послѣ к.-д. реформы,—во всякомъ случаѣ, не больше того, сколько нужно для удовлетворенія даннаго уровня потребностей при данномъ составѣ населенія. Такъ именно и ставитъ к.-д. проектъ задачу реформы. Нормы—извлеченныя ли прямо изъ жизни или подвергшіяся затѣмъ предусмотрѣннымъ въ проектѣ исправленіямъ - должны «соотвѣтствовать потребительнымъ нуждамъ населенія (потребностямъ въ продовольствіи, одеждѣ и жилищѣ)». Какіе-либо излишки сверхъ этого,—излишки, за счетъ которыхъ крестьяне могли бы совершенствовать свое хозяйство,—совсѣмъ не входятъ въ планъ реформы. Повторится, стало быть, исторія «обезпеченія быта».

Пореформенную жизнь крестьяне должны будутъ начать такъ же, какъ они начали ее послѣ реформы 1861 года. *Соціальныя отношенія* установятся тѣ же.

Останутся помѣщики, и земли у нихъ останутся,—правда, лишь тѣ, которыя обрабатываются экономическимъ инвентаремъ за счетъ владѣльцевъ... Но кромѣ инвентаря нужны вѣдь и рабочіе. Любо-

пытно бы знать, какъ представляетъ себѣ дальнѣйшее теченіе дѣлъ въ этомъ случаѣ к.-д. партія. Хозяйства, отпускающія батраковъ, будутъ по к.-д. проекту землей «обезпечены»; доля доходовъ, какую даютъ крестьянамъ отходъ и мѣстный наемъ на поденныя и сдѣльныя работы будетъ дополнительнымъ надѣленіемъ возмѣщена; работать на помѣщиковъ крестьянамъ, казалось бы, дальше не зачѣмъ,—развѣ только такъ, чтобы не пропадала силушка... Но вѣдь, имъ и отдохнуть послѣ пережитыхъ невзгодъ захочется. Кто же будетъ обработывать помѣщичью землю? — и при томъ не такъ, чтобы изъ прохвала, а въ «потѣ лица», какъ и подобаетъ это въ капиталистическомъ хозяйствѣ? Въ свое время былъ проектъ выписать для обработки помѣщичьихъ земель китайцевъ, но то былъ проектъ черносотенный, а к.-д. партія состоитъ изъ людей просвѣщенныхъ. Все ли ею разсчитано? Все ли предусмотрѣно? Какъ бы помѣщичьи земли не остались не обработанными? Нѣтъ! На этотъ счетъ безпокоиться нечего. Помѣщичье хозяйство не прекратится, а будетъ по прежнему вестись съ «явною выгодою» для трудового населенія.

Получивъ надѣлъ, разсчитанный лишь на то, чтобы на немъ жить, а отнюдь не на то, чтобы на немъ множиться, крестьянинъ почувствуетъ тѣсноту не позднѣе, какъ при появленіи перваго ребенка,—раньше, чѣмъ к.-д. землемѣры успѣютъ сложить свои цѣпи. Онъ немедленно почувствуетъ потребность вылѣзти изъ надѣльной загородки, и такъ же немедленно явится для него необходимость влѣзть въ капиталистическую петлю. Сразу почувствуется «надобность въ господинѣ—помѣщикѣ». И вновь крестьяне съ низкимъ поклономъ насчетъ «землицы» пойдутъ въ помѣщичьи усадьбы; и вновь помѣщики съ высокихъ балконовъ станутъ диктовать имъ свои условія. Земель у помѣщиковъ будетъ меньше, но они извлекутъ изъ нихъ, быть можетъ, даже больше. Нѣтъ! Не обработанными помѣщичьи земли не останутся.

Въ одномъ, быть можетъ, ошибается к.-д. партія. Она, повидимому, разсчитываетъ, что помѣщичьи земли будутъ обрабатываться экономическимъ инвентаремъ, и что на нихъ будетъ вестись высоко-интенсивное и поучительное для невѣжественныхъ крестьянъ хозяйство. Но эти разсчеты могутъ оказаться ошибочными,— и именно благодаря крестьянскому невѣжеству. Не поймутъ, вѣдь, крестьяне, что служить въ батракахъ для нихъ «выгоднѣе». Всѣми силами они будутъ стараться поддержать свое хозяйство и какую угодно согласятся заплатить цѣну, лишь бы получить недостающую для этого десятину. Да и лошадямъ не стоять же даромъ. Чтобы сохранить ихъ, чтобы было, чѣмъ обработать свои надѣлы, крестьяне согласятся обработывать помѣщичью землю своимъ инвентаремъ за самую дешевую плату. И — кто знаетъ? — подъ давленіемъ этой крестьянской нужды и этого крестьянскаго невѣжества—не сочтетъ ли помѣщикъ за лучшее спрятать свой инвен-

дарь въ сарай и самъ «прекратитъ» свое высококультурное хозяйство.»

Не успѣемъ мы осмотрѣться, какъ передъ нами окажется старая, хорошо знакомая картина. Всѣ существующія «особенности и условія» сохранятся вѣдь въ цѣлости. Главное, конечно, въ томъ, что крестьянинъ останется на прежней соціальной позиціи,—въ положеніи батрака, имѣющаго лишь видимость самостоятельнаго производителя. Но и другія соціальныя грани не будутъ стерты к.-д. реформой.

Распредѣленіе населенія на территоріи не измѣнится. Да и какъ оно можетъ измѣниться, если кромѣ стѣны, которая по прежнему будетъ отдѣлять надѣльныя земли отъ частновладѣльческихъ, каждая деревня будетъ окружена заборомъ неотчуждаемости? Надежды на то, что трудящееся населеніе, хотя бы въ предѣлахъ надѣла, расположится свободнѣе и получитъ, такимъ образомъ, возможность захватить землю поглубже, питать не приходится.

Характеръ распредѣленія населенія между городомъ и деревней останется также прежнимъ. Да и какъ онъ можетъ измѣниться, если одна изъ важнѣйшихъ задачъ к.-д. реформы заключается въ томъ, чтобы не допустить «въ деревню массу народа, которая нынѣ имѣетъ въ городѣ прочный заработокъ». «Практическая сторона дѣла,—говорилъ г. Кутлеръ,—заключается въ томъ, что, если вы будете давать землю только тѣмъ, кто ею занимается, то можете дать ее въ значительно большихъ размѣрахъ (оставивъ достаточно,—прибавимъ отъ себя,—и на долю помѣщиковъ), чѣмъ если будете раздавать всѣмъ желающимъ». Къ тому, чтобы выдѣлить, кто землею занимается, и были направлены всѣ усилія составителей проекта. «Соотвѣтствующимъ образомъ выдѣленная часть населенія»,—если припомнятъ читатели,—уже не разъ мелькала передъ нами въ к.-д. разсужденіяхъ. Но задавшись этою цѣлью, к.-д. партія неизбѣжно должна была придти къ тому, чтобы не давать земли больше, чѣмъ сколько ея теперь находится въ крестьянскомъ пользованіи. Иначе вѣдь это значило бы «привлечь въ деревню массу народа, который нынѣ имѣетъ въ городѣ прочный заработокъ». Прочный заработокъ, который опирается на массовую безработицу...

Картина, если осуществится к.-д. проектъ, въ однѣхъ частяхъ останется, въ другихъ очень скоро возстановится—повторяю—прежняя. Измѣнятся, какъ я уже сказалъ, нѣкоторыя количественныя отношенія, но качество ихъ останется прежнимъ. Въ другихъ случаяхъ измѣнятся титулы, но сущность останется та же. Соціальной реформы, во всякомъ случаѣ, не получится: просто-напросто фактъ будетъ возведенъ на степень закона,—и только.

Мы хотѣли уяснить себѣ, въ какую сторону намѣрена идти к.-д. партія. Куда пошелъ бы Николай Николаевичъ Черненковъ,

я могу себѣ представить; могу вообразить и то, куда пошелъ бы Николай Николаевичъ Кутлеръ. Но разъ они связали себя другъ съ другомъ, то для нихъ, очевидно, не осталось другого выбора, какъ остаться на мѣстѣ...

Это мѣсто я уже назвалъ болотомъ. Трудно и, быть можетъ, даже невозможно выбраться изъ него к.-д. партіи. Но неужели же изъ-за нея погибать въ этомъ болотѣ цѣлому народу?

А. Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. **Пушкинъ. Т. I.** Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1907.

Широкій замыселъ быстрыми шагами подвигается впередъ: изъ иностранныхъ великихъ писателей «Библіотека» уже подарила намъ роскошныя изданія Шиллера, Шекспира и Байрона. Для разнообразія она обращается теперь къ «солнцу русской поэзіи»—Пушкину. Почтенный редакторъ «Библіотеки» не закрываетъ глазъ на предстоящія ему огромныя трудности, на всю отвѣтственность этой новой работы, къ которой могутъ быть предъявлены требованія «особенной полноты, детальности и тщательности». и, тѣмъ не менѣе, онъ смѣло задается цѣлью представить въ такой же степени собраніе сочиненій Пушкина, какъ и изслѣдованіе его жизни и творчества», т. е. дать своего рода «пушкинскую энциклопедію». Новое изданіе обѣщаетъ, прежде всего, рядъ критическихъ этюдовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ періодамъ и выдающимся моментамъ жизни великаго русскаго поэта, его друзьямъ и знакомымъ, а также писателямъ (какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ), сколько-нибудь вліявшимъ на его духовное и литературное развитіе; наконецъ, и каждому изъ его болѣе или менѣе значительныхъ произведеній. Всѣ мелкія стихотворенія также будутъ снабжены необходимыми комментаріями. Подобно изданіямъ Шиллера, Шекспира и Байрона, Пушкинъ, въ свою очередь, будетъ роскошно иллюстрированъ. Будутъ даны всѣ существующіе портреты самого поэта, равно какъ его друзей и современныхъ ему писателей; знаменитѣйшія картины на пушкинскіе сюжеты; портреты историческихъ лицъ, фигурирующихъ въ произведеніяхъ Пушкина. Редакція обратитъ вниманіе даже на «стильность орнамента» изданія: виньетки, заставки и другія мелкія украшенія будутъ соотвѣтствовать духу той эпохи, которая отра-

чается въ той или иной полосѣ творчества поэта. О томъ, въ какой степени цѣлесообразна или выдержана эта «стильность» въ вышедшемъ въ свѣтъ первомъ выпускѣ I тома, предоставляемъ судить спеціалистамъ, мы, профаны, позволимъ себѣ сдѣлать лишь одно маленькое замѣчаніе. Изданіе печатается *особо заказанными шрифтами пушкинскаго времени*, т. е. 20-хъ, 30-хъ годовъ прошлаго вѣка, но намъ кажется, что глазу современнаго читателя шрифтъ этотъ отнюдь не доставитъ особеннаго удовольствія своимъ сходствомъ съ печатью «Московскихъ Вѣдомостей» (вѣдь и типографское искусство сдѣлало же какіе-нибудь успѣхи за протекшія 75 лѣтъ!)...

Намѣченные редакціей размѣры изданія—шесть большихъ томовъ по 650 страницъ каждый. Настоящій выпускъ составляетъ лишь третью часть перваго тома. Цѣна (20 руб.), разумѣется, несколько высока для большой публики, но если принять во вниманіе указанные размѣры изданія и его необычную для нашей литературы всестороннюю роскошь, то эту цѣну слѣдуетъ признать довольно умѣренной. Какъ замѣчаетъ сама редакція, у всякаго, кто пріобрѣтетъ роскошное изданіе Пушкина, конечно, уже имѣется какое-нибудь изъ изданій обыкновенныхъ; задача изданія Брокгауза-Ефрона—«углубить чисто-литературное знакомство съ Пушкинымъ историко-литературнымъ изученіемъ, къ впечатлѣнію эстетическому прибавить историко-литературный анализъ». Словомъ, это изданіе и по задачамъ своимъ не для большой публики.

Одна изъ главныхъ его особенностей, какъ мы уже говорили, возможно исчерпывающая полнота. Стремленіе, заслуживающее, разумѣется, всяческихъ похвалъ; нельзя, однако, не замѣтить, что иногда оно доходитъ до курьезнаго... На стр. 17 редакція даетъ портретъ Абрама Петровича Ганнибала, знаменитаго «арапа Петра Великаго», предка Пушкина. Съ большимъ любопытствомъ разсматриваетъ читатель благообразныя черты этого удивительно моложаваго старца-генерала «въ возрастѣ около 92 лѣтъ»,—кромѣ смуглаго цвѣта лица ничѣмъ рѣшительно не свидѣтельствующаго о своей принадлежности къ негритянской расѣ; а затѣмъ, съ удивленіемъ, читаетъ внизу примѣчаніе редакціи: «Полной увѣренности, что это дѣйствительно Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, нѣтъ. Не исключена возможность, что это сынъ его Иванъ Абрамовичъ. *Наконецъ, возможно, что это ни тотъ, ни другой*, въ виду того, что помѣщенныхъ на портретѣ орденовъ не было ни у Абрама Петровича, ни у Ивана Абрамовича». Другими словами: хотя ровно никакихъ данныхъ нѣтъ заключать о касательствѣ этого портрета къ роду Пушкина, но... онъ помѣщенъ въ собраніи его сочиненій, и у читателя возникаетъ невольное опасеніе, какъ бы, при такой щедрости на детали, почтеннаго редактора не постигла, въ концѣ концовъ, обычная его участь: въ 6-ти намѣченныхъ томахъ онъ не сможетъ умѣстить весь необходимый мате-

ріалъ и въ дальнѣйшемъ принужденъ будетъ лишить читателей какихъ-либо существенно-цѣнныхъ иллюстрацій и документовъ...

Будемъ, однако, надѣяться, что на сей разъ этого не случится.

Первый выпускъ даетъ рядъ интересныхъ этюдовъ: «Предки Пушкина» г. Модзалевскаго, «Дѣтство Пушкина» г. Сиповскаго, «Пушкинъ въ лицеѣ» г. Лернера, «Пушкинъ и Батюшковъ» г. Морозова. Изъ комментаріевъ къ отроческимъ стихотвореніямъ Пушкина, вошедшимъ въ настоящій выпускъ, отмѣтимъ интересную замѣтку самого редактора о необычайно популярномъ до сихъ поръ романсѣ «Подъ вечеръ, осенью ненастной». Справедливо отмѣчаетъ здѣсь авторъ всю предвзятость ходячаго пренебрежительнаго отношенія критиковъ къ этому стихотворенію, будто бы достойному услаждать лишь писарей и горничныхъ. «Конечно, бываютъ успѣхи,—говоритъ С. А. Венгеровъ,—доказывающіе только то, что на свѣтѣ много людей съ дурнымъ вкусомъ. Но это тогда, когда произведеніе дурному вкусу угождаетъ и потакаетъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда произведеніе идетъ въ разрѣзъ господствующему настроенію, не опускается до чужой банальности, а напротивъ—подымаетъ ее до своего высокаго уровня. А несомнѣнно, что романсъ съ поразительной смѣлостью взялъ подъ свою защиту нѣчто такое, къ чему всѣ относились съ рѣзкимъ осужденіемъ и презрѣніемъ». Нельзя въ данномъ случаѣ не считаться съ успѣхомъ романса въ широкихъ народныхъ массахъ; и въ высшей степени характерно, что автору его было всего лишь 14 лѣтъ отъ роду!..

Намъ остается сдѣлать слѣдующее, быть можетъ, наиболѣе серьезное замѣчаніе. Новое изданіе Пушкина преслѣдуетъ, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, цѣль историко-литературнаго анализа. Разсматривая его съ этой именно точки зрѣнія, мы нисколько не удивляемся и не огорчаемся тѣмъ, что стихотворный текстъ то и дѣло прерывается прозаическими редакціонными комментаріями и порой какъ бы тонетъ среди нихъ,—тѣмъ болѣе, что сверху каждой страницы имѣются колонны цифръ, позволяющія быстро оріентироваться въ матеріалѣ и узнать, о какомъ именно періодѣ творчества Пушкина идетъ рѣчь. «Порядокъ нашего изданія,—говоритъ редакція,—строго хронологическій. Подраздѣленія на крупныя произведенія, эпическія, лирическія и т. д. слишкомъ произвольны и субъективны. *Мы задаемся цѣлью представить ходъ творчества великаго писателя въ его послѣдовательномъ развитіи*».

Рѣшеніе это можно только привѣтствовать. Но дальше редакція разсуждаетъ: «Въ силу этого же (?) послѣдовательнаго развитія, слѣдуетъ отдѣлить стихи Пушкина отъ прозы его, а прозу раздѣлить на нѣсколько группъ: повѣсти, журнальныя и критическія статьи, историческія изслѣдованія. Каждая изъ этихъ вѣтвей

[illegible] творчества имѣетъ свою особую исторію и должна быть представлена [illegible]. Тогда только выясняется [illegible], пріемы и [illegible].

Предлагаемый [illegible]... Между [illegible] Пушкина мы [illegible] со своей стороны [illegible] Если [illegible] другое, [illegible] въ [illegible] разрозненныхъ [illegible] удобнѣе [illegible] читателя [illegible] въ [illegible] разбираемое [illegible] было менѣе всего искусственнымъ и болѣе всего [illegible] порядкомъ [illegible]. За каждый [illegible] годъ читатель [illegible] все, что было въ теченіе его написано Пушкинымъ: стихи, прозу, письма. Исторія духовнаго міра великаго поэта [illegible] бы во всей своей полнотѣ и многогранности.

Планъ редакціи С. А. Венгерова представляется намъ въ этомъ отношеніи не выдержаннымъ и, во всякомъ случаѣ, недостаточно обоснованнымъ.

Т. Г. Шевченко. Кобзарь. Въ перев. русскихъ писателей подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Изд. 2. Съ портретомъ и біографіей, составленной И. А. Бѣлоусовымъ. Изд. „[illegible]“. Спб. 1906. XXVII+362 стр. Ц. 1 р.

Мы не входимъ въ обсужденіе достоинствъ изданія и въ детальную оцѣнку стихотворныхъ переводовъ, вошедшихъ въ него, по той простой причинѣ, что ложной намъ представляется самая идея изданія. Переводить великую книгу скорби украинскаго поэта на русскій языкъ есть дѣло излишнее: человѣкъ, владѣющій русскимъ языкомъ, можетъ читать ее въ подлинникѣ съ малымъ напряженіемъ, а тѣ недоразумѣнія, которыя неизбѣжно будутъ сопровождать его знакомство съ подлиннымъ «Кобзаремъ», во всякомъ случаѣ гораздо менѣе важны, чѣмъ всевозможныя измѣненія, упрощенія и даже извращенія, вносимыя въ стихотворный переводъ всякимъ поэтомъ, хотя бы и выдающимся. Конечно, отдѣльный талантливый русскій поэтъ, увлеченный какимъ-либудь чуднымъ стихотвореніемъ «Кобзаря» — ихъ такъ много въ этой замѣчательной «Книгѣ пѣсенъ» — можетъ испытать свои силы и попытаться передать его на близкомъ языкѣ родного племени; быть можетъ, ему даже удастся это. Но это будетъ исключеніе: не случайно редактору русскаго перевода «Кобзаря» пришлось наполнить сборникъ своими переводами: ему принадлежитъ цѣлая половина переводовъ; они не плохи, но они не нужны... Конечно, есть у него и настоящіе поэты — есть Мей и Суриковъ, есть Плещеевъ и Мих. Михайловъ, есть и другіе, третьестепенные; каждому принадлежитъ одно — два стихотворенія, которымъ онъ можетъ гордиться. А вѣдь Шевченко въ [illegible] дорожится каждымъ: его неподражаемо нѣжный лиризмъ, его [illegible]-

ритная выразительность, его глубочайшая связь съ нѣдрами народной души нашли выраженіе въ формѣ, настолько индивидуальной, что переводъ, разрушающій ее, разрушаетъ всю живую ткань поэтическихъ признаній. Дѣло, однако, не въ томъ, что Шевченко непереводимъ—всякій поэтъ непереводимъ, одинъ больше, другой меньше, и, однако, ихъ надо переводить; но Шевченко не нуждается въ русскомъ переводѣ. Онъ такъ безконечно много здѣсь теряетъ, изъ лирика поражающей интимности, какихъ немногія единицы во всей всемірной литературѣ, онъ становится въ русскомъ переводѣ такимъ холоднымъ и чужимъ, такимъ прозаичнымъ и ненужнымъ; трудность понять его въ подлинникѣ сравнительно съ наслажденіемъ, имъ даваемымъ, такъ ничтожна, что трудъ, затраченный на русскую передачу «Кобзаря», можно смѣло считать напраснымъ. Въ этомъ отношеніи творенія Шевченка значительно отличается отъ произведеній позднѣйшей украинской литературы, съ ея болѣе развитымъ языкомъ, полнымъ непонятныхъ—иногда намѣренно своеобразныхъ — неологизмовъ. Мы предпочли бы другое: изданіе «Кобзаря» въ оригиналѣ для русскихъ читателей съ русскими комментаріями, съ объясненіемъ менѣе понятныхъ русскому человѣку украинскихъ словъ и оборотовъ. Это будетъ для него гораздо болѣе полезно, болѣе поучительно и скорѣе приведетъ къ надлежащему пониманію сокровищъ украинской поэзіи и ея создателя.

Театръ Еврипида. Переводъ съ греческаго **И. Ѳ. Анненскаго.** Въ трехъ томахъ. Т. I. Спб. Стр. XII—628. Ц. 6 руб.

Русскій «театръ Еврипида»—или, какъ съ научной осторожностью выражается переводчикъ, «полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ»—представляетъ собою настоящее событіе въ нашей переводной литературѣ. Она бѣдна и неравномѣрна, она случайна и не культурна: въ ней много хорошаго, много идейнаго порыванія, но мало спокойнаго, глубоко духовнаго интереса къ сокровищамъ иностранной художественной мысли. Правда, классики древности представлены въ ней достойнѣе, чѣмъ новыя европейскія литературы; но и здѣсь слишкомъ много не заполненныхъ пробѣловъ.

Среди нихъ полный «Еврипидъ» былъ, пожалуй, самымъ чувствительнымъ. Вліяніе Еврипида такъ многосторонни, его перепѣвы такъ часты даже въ наше время, что читатель долженъ познакомиться съ первоисточникомъ. Самое разнообразіе воззрѣній на Еврипида можетъ быть разрѣшено только индивидуальнымъ сужденіемъ, самостоятельность коего замѣнитъ въ достаточной мѣрѣ недостижимую общеобязательность. «Отъ Аристотеля до Бернгарди и до нашихъ дней,—говоритъ переводчикъ,—Еврипидъ считался то «самымъ трагическимъ» изъ поэтовъ, то «риторомъ»: его на-

язычникомъ и безбожникомъ, и моралистомъ; для однихъ онъ былъ «сценическій философъ», для другихъ «поэтъ просвѣщенія», а для третьихъ «поэтъ охлократіи», а изъ многихъ Еврипидъ превратился какъ-то даже въ «глашатая женской эмансипаціи». Естественно, что предъ лицомъ этого противорѣчія мнѣній остается одно: имѣть свое, а для этого надо знать.

Обширный трудъ, начало котораго лежитъ теперь предъ нами, даетъ къ тому полную возможность. Субъективная по тону, работа г. Анненскаго хороша именно той строгостью научной мысли, которая никуда не хочетъ вести читателя, кромѣ какъ къ самостоятельному сужденію. Какъ переводъ, такъ и сопровождающія его объяснительныя статьи сдѣланы не только съ исчерпывающей основательностью широко образованнаго филолога, но и съ литературной умѣлостью писателя, хорошо владѣющаго матеріаломъ и знающаго тайны образнаго языка классической трагедіи. Здѣсь, конечно, нѣтъ привлекательной легкости Д. С. Мережковскаго, но за то здѣсь больше подлиннаго Еврипида, что [illegible] для читателей, желающихъ знать по преимуществу Еврипида. Объяснительныя послѣсловія къ каждой изъ шести пьесъ, вошедшихъ въ настоящій томъ, построены съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ, какъ въ формѣ, къ которой авторъ относится съ изысканнымъ вниманіемъ, такъ и въ содержаніи: вездѣ усвоено то, что нужно и умѣстно въ данномъ случаѣ, но нѣтъ мертвящаго шаблона обязательныхъ предисловій, которыя предпосылаются классическимъ произведеніямъ съ той же неизмѣнностью, съ которой обходитъ ихъ нашъ лѣнивый и нелюбопытный читатель. Вопросы культурной исторіи и трагической поэтики, индивидуальной психологіи и эстетическаго творчества, литературныя параллели и политическія указанія смѣняютъ другъ друга, обличая въ авторѣ новый типъ ученаго филолога, близкаго созидающему духу жизни и діаметрально противоположнаго традиціонному образу скучнаго педанта, умѣющаго внушить лишь тоскливое равнодушіе къ сокровищамъ классической древности.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціей Н. Ѳ. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича. Часть I. Съ 29 портретами. Спб. 1907. XLV+297 стр. Ц. 3 руб.

Быстро идетъ въ наши дни русская жизнь: едва успѣла выйти въ свѣтъ эта книга, а событія уже сдѣлали анахронизмомъ первыя строки редакціоннаго предисловія: «8 января 1906 года шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать». Это заявленіе уже опровергнуто стараніями бдительнаго начальства: шлиссельбургская тюрьма существуетъ, и это показываетъ только, какъ своевременна прекрасная книга, посвященная страдальцамъ страшнаго мѣста заключенія.

Кромѣ двухъ общихъ вступительныхъ статей («Шлиссельбургская крѣпость» А. С. Пругавина и «Раскрытый тайникъ» Л. Мельшина) она заключаетъ тридцать біографическихъ очерковъ. Безъ тѣни преувеличенія надо сказать, что она читается съ захватывающимъ интересомъ. При всемъ разнообразіи манеры и содержанія отдѣльныхъ очерковъ, каждый изъ нихъ даетъ цѣнное и устойчивое впечатлѣніе, а всѣ они въ совокупности охватываютъ могучей атмосферой идейнаго подвижничества. Редакція, очевидно, предоставила составителямъ отдѣльныхъ очерковъ значительную свободу. Здѣсь и небольшія монографіи съ ученымъ аппаратомъ, посвященныя крупнымъ историческимъ дѣятелямъ, и основанныя на личныхъ воспоминаніяхъ коротенькія и бѣдныя фактическимъ матеріаломъ замѣтки о малоизвѣстныхъ узникахъ, успѣвшихъ только умереть за дѣло свободы; здѣсь и объективныя изслѣдованія, и лирическіе очерки и широкія картины эпохи, отошедшей далеко въ прошлое, и индивидуальные портреты, писанные съ натуры. Среди послѣднихъ особенно выдаются художественно-творческія и тонко-наблюдательныя характеристики, посвященныя Вѣрой Н. Фигнеръ нѣкоторымъ изъ ея товарищей по многолѣтнему заточенію: Н. А. Морозову, М. Ф. Фроленко, П. Л. Антонову, М. В. Новорусскому, І. Д. Лукашевичу и Н. Д. Похитонову: привлекательный обликъ перваго и сложная психологическая фигура послѣдняго получили въ этихъ прочувствованныхъ и умныхъ портретахъ удивительно яркое освѣщеніе и какую-то особенную убѣдительность: не знаешь оригиналовъ, но чувствуешь, что изображенія вѣрны. М. В. Новорусскій далъ коротенькія, но трогательныя въ своей фактической бѣдности характеристики своихъ казненныхъ товарищей по процессу 1 марта 1887 г.: П. Я. Шевырева, В. Д. Генералова, П. Я. Андреюшкина, В. С. Осипанова. Изъ участниковъ этого дѣла несостоявшагося покушенія въ «Галлерѣ» охарактеризованы еще казненный А. И. Ульяновъ—очень содержательно и жизненно — его сестрой и М. Ф. Лаговскій, въ качествѣ бывшаго офицера наказанный съ чрезвычайной жестокостью почти за голый умыселъ.

Перу бывшихъ шлиссельбургскихъ заточниковъ принадлежатъ также портреты двухъ узницъ, пребываніе которыхъ въ крѣпости было такимъ живительнымъ источникомъ утѣшенія въ этомъ безмѣрномъ страданіи. Въ первыхъ и послѣднихъ строкахъ своея статьи о Л. А. Волкенштейнъ С. А. Ивановъ напоминаетъ объ извѣстныхъ обстоятельствахъ ея смерти отъ пули усмирителей, когда она 10 января 1906 года шла въ депутаціи отъ митинга къ владивостокскому коменданту. Авторъ оттѣняетъ ея доброту и видитъ благое въ ея судьбѣ, «избавившей ее, кроткую и мягкую, полную любви и состраданія ко всему страждущему и угнетенному, отъ ужаснаго зрѣлища тѣхъ кровавыхъ событій недавняго прошлаго и настоящаго, въ обстановкѣ которыхъ еще до сихъ поръ идетъ упорная борьба за народную свободу». Мы указали бы еще

по-своему смотрѣли [illegible] свѣтъ и смерть: на ея красоту, на ея внутреннюю цѣльность, на ея трагическую осмысленность. Жизнь ея остается бы [illegible] художественнымъ произведеніемъ для мыслителя и [illegible] завиднымъ удѣломъ для всякаго чувствующаго человѣка. Къ обширному и увлекательному очерку біографической характеристики В. Н. Фигнеръ, данному С. А. Ивановымъ, С. Я. Елпатьевскій въ [illegible] прибавилъ нѣсколько черточекъ, которыя могли быть замѣчены и формулированы только художникомъ, [illegible] пережившимъ въ молодости [illegible] героической эпохи, связанной съ большимъ именемъ Вѣры Фигнеръ. С. Я. Елпатьевскій цитируетъ изъ воспоминаній Н. К. Михайловскаго одно замѣчаніе о В. Н. Фигнеръ—«никакихъ спеціальныхъ дарованій у нея не было» и даетъ ему расширенное толкованіе: для него это отсутствіе спеціальныхъ дарованій есть слѣдствіе и символъ полной гармоніи личности, ея законченности. «Въ массѣ людей такая гармонія создаетъ средняго обывателя, средняго человѣка; когда же все это отпущено человѣку въ большемъ размѣрѣ,—получается большой, очень большой человѣкъ, получается та великая гармонія, изъ которой вытекаетъ великая красота человѣка. И великая душа для того...» Намъ кажется, что въ эту характеристику можно внести и поправку. Здѣсь можно только намѣтить эту мысль, но даже тѣ скудныя данныя, которыя даетъ намъ опубликованная литература и воспоминанія, позволяютъ сказать, что одна «индивидуальная яркая черта» есть у В. Н. Фигнеръ: это необыкновенно сильно выраженный нравственный характеръ; здѣсь ея «спеціальное дарованіе», и если она—выдающійся политикъ, умный человѣкъ и симпатичный [illegible]—въ чемъ нибудь дѣйствительно сильна, то это—въ области *моральнаго творчества*, которое тоже требуетъ спеціальныхъ дарованій, но рѣдко обрѣтаетъ ихъ.

Чтобы покончить со статьями, въ которыхъ мы находимъ цѣнный элементъ личныхъ воспоминаній, отмѣтимъ еще статью Н. Е. Кудрина о Герм. А. Лопатинѣ. Пластично и живо выступаетъ здѣсь эта исключительно яркая, сильная и разносторонняя фигура, психологическое богатство которой заставляетъ только присоединиться къ тому пожеланію, которымъ Н. Е. Кудринъ заканчиваетъ свой очеркъ: «Хотѣлось бы думать, что судьба сохранила намъ Г. А. Лопатина, между прочимъ, и для того, чтобы съ тѣмъ литературнымъ талантомъ, который обнаруживается въ его письмахъ,—и проч. настоящихъ диссертаціяхъ,—и который приводилъ въ восторгъ Тургенева, самъ «удалый добрый молодецъ» изобразилъ намъ любопытный и вмѣстѣ глубоко идейный романъ своей жизни, романъ «рыцаря духа» на рубежѣ XIX и XX столѣтій».

Къ его предшественникамъ, къ старымъ «рыцарямъ духа» ведутъ насъ открывающія портретную галлерею статьи о декабристахъ И. И. Пущинѣ (В. Богучарскаго), Бестужевыхъ (С. А. Венгерова), Ч. В. Поджіо (В. И. Семевскаго), о выдающемся

украинскомъ дѣятелѣ, участникѣ кирилло-меѳодіевскаго общества Н. И. Гулакѣ (В. И. Семевскаго) о М. А. Бакунинѣ (Е. В.Тарле). Біографіи поляковъ, томившихся въ Шлиссельбургѣ—участника движенія двадцатыхъ годовъ Валеріана Лукасинскаго и дѣятелей «Пролетаріата» Варынскаго и Яновича—составляютъ вкладъ польскихъ писателей въ «Галлерею», богатое содержаніе которой мы здѣсь могли едва намѣтить. Къ сожалѣнію, редакція не опредѣляетъ состава этого интереснаго изданія, не указываетъ предполагаемаго содержанія дальнѣйшихъ томовъ. Намъ казалось бы, что содержаніе это должно ограничить дѣйствительными узниками Шлиссельбурга, то есть не включать въ «Галлерею» статей о тѣхъ не малочисленныхъ несчастныхъ, имя которыхъ имѣетъ лишь случайную и мимолетную связь съ Шлиссельбургомъ, которые не были здѣсь, ибо ихъ привезли сюда только затѣмъ, чтобы казнить. Центромъ «Галлереи» должны стать именно узники и даже по преимуществу ихъ жизнь въ заточеніи, чтобы изъ совокупности ихъ портретовъ выросъ единый образъ страшной темницы, занимающей собою цѣлый строй, цѣлое міровоззрѣніе.

П. Ж. Прудонъ. Что такое собственность? Переводъ съ новѣйш. франц. изд. Ѳ. Капелюша. Съ портретомъ автора. Книгоиздательство „Мысль". Спб. 1907. 253 стр. Ц. 1 р. 25 к,

П.-Ж. Прудонъ. Что такое собственность? Переводъ (и изданіе) Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1907. 267 стр. Ц. 75 коп.

Нѣкоторая фактическая свобода печати позволяетъ теперь русской читающей публикѣ, несмотря на жестокія преслѣдованія властей, знакомиться съ произведеніями великихъ западноевропейскихъ мыслителей, еще недавно считавшимися опальными и старательно державшимися подъ спудомъ цензуры. Въ этомъ смыслѣ современная эпоха представляется очень интересной, и надо ожидать въ ближайшемъ будущемъ очень любопытныхъ результатовъ этого непосредственнаго соприкосновенія, facies ad faciem, русскаго въ извѣстномъ смыслѣ свѣжаго, непочатаго ума и долгой коллективной работы европейской мысли. Слѣдствія этого соприкосновенія могутъ быть въ особенности любопытны еще и потому, что съ этой мыслью будутъ знакомиться не одни, собственно, такъ называемые «интеллигентные» читатели, но и широкія массы, огромные слои трудящихся, которые какъ разъ въ данный революціонный періодъ отличаются особой возбудимостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ необыкновенно быстрые успѣхи въ политическомъ и вообще умственномъ развитіи. Именно въ виду этого очень хотѣлось бы, чтобы великіе мыслители Запада появлялись въ достойныхъ оригинала русскихъ переводахъ. Мы позволимъ себѣ поэтому, прежде чѣмъ говорить о самомъ характерѣ сочиненія Прудона, предлагаемаго теперь нашей публикѣ въ двухъ перево-

дахъ, высказать наше мнѣніе о требованіяхъ, которыя должно было бы вообще предъявлять къ переводамъ такихъ замѣчательныхъ трудовъ.

Идеальнымъ переводчикомъ можетъ считаться лишь такое лицо, которое, при основательномъ знакомствѣ съ вопросами, затрагиваемыми авторомъ, одинаково бы хорошо владѣло двумя языками и обладало бы литературнымъ талантомъ. Только въ такомъ случаѣ переводы передавали бы словами чужого языка не только точный смыслъ, но и индивидуальность оригинала. Несомнѣнно, что за рѣдкими исключеніями такихъ идеальныхъ переводчиковъ не найти, если только за такой трудъ не примутся люди, являющіеся сами недюжинными спеціалистами въ извѣстной области и при томъ совмѣщающіе эрудицію съ писательской искрой божіей, вещь, на которую разсчитывать при современныхъ условіяхъ переводнаго рынка очень трудно. Приходится поэтому требовать, по крайней мѣрѣ, чтобы переводчикъ, кромѣ знакомства съ предметомъ переводимой работы, зналъ хорошо свой языкъ, а иностраннымъ обладалъ настолько, чтобы не допускать грубыхъ неточностей и искаженій въ передачѣ мысли; и лишь на второй планъ приходится ставить требованіе собственно такъ называемаго литературнаго вкуса.

Если приложить такой масштабъ къ двумъ лежащимъ передъ нами переводамъ знаменитаго трактата Прудона, то придется сказать, что они лишь удовлетворяютъ такимъ требованіямъ, но отнюдь не превышаютъ ихъ; а одинъ изъ нихъ, переводъ г. Капелюша, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оставляетъ желать довольно многаго. Логическія и литературныя трудности французскаго оригинала въ общемъ лучше побѣждены въ переводѣ гг. Е. и Н. Леонтьевыхъ. Переводъ г. Капелюша грѣшитъ мѣстами не только вульгарностью тона («чепуха» на стр. 37 и 59, «огорашивать читателя» на стр. 41, «сдвинуться изъ территоріи въ территорію» на стр. 46, «страшенная артиллерія», на стр. 56, «давеча» на стр. 59), не только нѣкоторыми не совсѣмъ русскими или даже совсѣмъ не русскими выраженіями («сумѣю» въ смыслѣ «смогу», «буду въ состояніи» на стр. 39, «совершитъ этотъ даръ роду человѣческому» на стр. 12), но въ немъ встрѣчаются порою и серьезныя неточности, чтобы не сказать искаженія, смысла оригинала. Примѣръ слѣдующая фраза:

«Эта гипотеза объ уродованіи справедливости въ нашемъ пониманіи, а слѣдовательно, и въ нашихъ поступкахъ была бы установленнымъ фактомъ, если бы взгляды людей на понятіе справедливости и на ея примѣненія не подверглись перемѣнамъ въ разныя эпохи; другими словами, если бы не было прогресса идей» (стр. 18). Выходитъ, какъ будто Прудонъ высказалъ такую мысль: гипотеза объ извращеніи справедливости въ умахъ людей была бы несомнѣнно доказана, если бы... если бы этому не препятствовало

соображеніе о томъ, что въ области идей совершался прогрессъ. На самомъ же дѣлѣ Прудонъ, вѣрный своему понятію о вѣчной справедливости, говоритъ въ подлинникѣ какъ разъ обратное: у него гипотеза была бы вполнѣ доказанной, если бы оказалось, что въ исторіи совершался прогрессъ идей, т. е. что человѣчество, несмотря на извращенія, на отклоненія свои отъ чистой идеи справедливости, все же постепенно, путемъ прогресса понятій, возвращалось къ ней (ср. оригиналъ: cette hypothèse... serait un fait démontré... s'il y avait eu progrés dans les idées). Гг. Леонтьевы переводятъ точнѣе: «эта гипотеза... была бы доказаннымъ фактомъ,... если бы идеи развивались» (стр. 25). И оба перевода въ сущности грѣшатъ тѣмъ, что передаютъ французское si словомъ «если бы», вмѣсто того, чтобы въ данномъ случаѣ передать его распространительно словами: «разъ оказалось бы, что» и т. д. Прудонъ говоритъ объ осуществившемся фактѣ, а не о воспрепятствовавшемъ ему явленіи.

Странно намъ также было встрѣтить въ переводѣ г. Капелюша слѣдующее произвольное пресѣченіе мысли Прудона, который, какъ и подобаетъ человѣку, поставившему впервые въ своемъ трудѣ о «Собственности» требованіе анархіи, рѣзко возстаетъ противъ всякой верховной власти, всякаго суверенитета, будь то монархическаго или народнаго (даемъ свой по возможности точный переводъ): «...Но что такое монархія? Верховная власть одного человѣка. А что такое демократія? Верховная власть народа или, лучше сказать, большинства націи. Но и здѣсь, и тамъ дѣло всетаки идетъ о верховной власти человѣка, поставленной на мѣсто верховной власти закона, о верховной власти человѣческой воли, поставленной на мѣсто верховной власти закона,—однимъ словомъ, о страстяхъ, замѣняющихъ право». Сравните теперь съ этой возможно близкой передачей текста Прудона переводъ г. Капелюша: «Но что была монархія? Суверенитетъ одного человѣка, а не закона, суверенитетъ воли, а не разума,—однимъ словомъ, страсть, а не право» (стр. 21). Куда же дѣвалась мысль знаменитаго анархиста о демократіи, которую онъ столь же мало щадитъ, какъ и монархію? Если это не простая торопливость, то это очень грубое искаженіе прудоновскихъ взглядовъ.

Неосвѣдомленность г. Капелюша въ области юридическихъ вопросовъ довольно ярко обнаружилась на самой обложкѣ книги. Здѣсь, дѣйствительно, фигурируетъ взятая Прудономъ въ эпиграфѣ къ своему сочиненію знаменитая формула двѣнадцати таблицъ: adversus hostem aeterna auctoritas esto, а вслѣдъ за нею такой переводъ: «Врагу вѣчная месть». Перевести эту цитату такъ, какъ это сдѣлалъ г. Капелюшъ, значитъ не знать одного изъ крупныхъ вопросовъ римскаго права и не подозрѣвать о существованіи многочисленныхъ комментаріевъ, касающихся какъ разъ этого мѣста. Auctoritas здѣсь значитъ гарантія противъ изгнанія со стороны

лѣтія, [illegible] учителемъ, такъ что смыслъ этой цитаты [illegible] фактическаго владѣнія римской землею [illegible] на нее, или, какъ переводитъ [illegible] Прудонъ [illegible] revendication est éternelle, [illegible] Такимъ [illegible] переводчика [illegible] его [illegible] юридическими [illegible] переводчика «Что такое собственность», [illegible] роль играетъ [illegible] правовыхъ понятій.

Не свободенъ отъ погрѣшностей [illegible] гг. Леонтьевыхъ. Такъ, [illegible] (стр. 2?). [illegible] «ограниченіе правъ [illegible] мастеромъ» (стр. 24), [illegible] называютъ [illegible] афоризмъ сенъ-симонистской школы [illegible] передѣлывается [illegible] (стр. 115) [illegible] вѣрную [illegible] и т. д.

Несмотря на эти [illegible] переводъ [illegible] гг. Леонтьевыхъ можно считать [illegible] удовлетворительнымъ, а мѣстами даже передающимъ [illegible] сильный языкъ подлинника. И мы [illegible] появленіемъ на русскомъ языкѣ одного изъ самыхъ оригинальныхъ и могучихъ произведеній Прудона. У насъ [illegible] знаютъ о немъ главнымъ образомъ по отзывамъ Маркса [illegible] марксистовъ, что, конечно, не можетъ способствовать выработкѣ [illegible] понятія объ авторѣ «Собственности», «Экономическихъ противорѣчій», «Справедливости въ государствѣ и церкви». А между тѣмъ, Прудонъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ очень [illegible] и энергичный критикъ многихъ традиціонныхъ представленій, какъ блестящій діалектикъ и анализаторъ нѣкоторыхъ [illegible] вопросовъ матеріальнаго и нравственнаго распорядка, [illegible] политическій публицистъ, и даже [illegible] неподражаемый виртуозъ [illegible] и количествомъ [illegible] читателей [illegible] несогласных [illegible] нимъ, даже тогда, [illegible] негодуютъ [illegible]

Однако, его трудъ о собственности наиболѣе [illegible] положительныхъ [illegible] его недостатками. Надо, дѣйствительно, внимательно слѣдить [illegible] мысли Прудона, чтобы видѣть, съ какимъ мастерствомъ, съ какой [illegible] съ какой [illegible] и убѣдительностью, съ какой глубокой [illegible] вскрываетъ современный [illegible] собственности [illegible] фактическими [illegible]

наруживаетъ ихъ полнѣйшую несостоятельность и внутреннія противорѣчія. Конечно, это—главнымъ образомъ отвлеченный анализъ, считающійся не столько съ самими явленіями дѣйствительности (какъ то дѣлаетъ, напр., Марксъ въ фактической части своего «Капитала»), сколько съ правовыми формулами. Но какъ побѣдоносно Прудонъ, стоя на этой юридической почвѣ или, лучше сказать, искрещивая ее во всѣхъ направленіяхъ, разрушаетъ обычныя представленія о правѣ собственности. Заявляя на первой же страницѣ въ видѣ очень тонкаго рекламнаго пріема, но рекламнаго въ томъ смыслѣ, что онъ хочетъ во что бы то ни стало обратить вниманіе читателей на новизну и важность послѣдующихъ мыслей,—что «собственность есть кража», онъ прикрываетъ это ненавистное чудовище, этого, какъ выражается онъ въ одномъ мѣстѣ, апокалиптическаго звѣря, стальною сѣтью своихъ аргументовъ, завертываетъ его въ нихъ, душитъ ими, наноситъ ему раны смертоносным остріемъ своей критики... Ничто не спасаетъ собственность отъ этой губительной критики. Въ своемъ первомъ «мемуарѣ» о собственности, который представляетъ наиболѣе логическую и хорошо построенную часть книги, Прудонъ доказываетъ, что собственность нельзя вывести и оправдать ни изъ факта завладѣнія, ни изъ факта труда: и то, и другое можетъ создавать лишь простое владѣніе, тогда какъ сама собственность является ни болѣе, ни менѣе, какъ правомъ человѣкоубійственной эксплуатаціи, правомъ получать доходы безъ труда, правомъ грабить другихъ людей. Анализируя одно за другимъ практическія послѣдствія, вытекающія изъ этого священнаго учрежденія, Прудонъ показываетъ, что собственность подрываетъ самое себя, ибо она непомѣрно увеличиваетъ издержки производства, обрекаетъ рабочаго на невозможность путемъ обмѣна пріобрѣтать цѣликомъ произведенный имъ продуктъ, становится въ противорѣчіе съ основнымъ требованіемъ политическаго и гражданскаго равенства и должна быть разрушена и замѣнена режимомъ анархіи, т. е. организованной свободы, какъ примиренія коммунизма и частной собственности. Во второмъ «мемуарѣ», имѣющемъ форму длиннѣйшаго письма къ экономисту Бланки и въ противоположность систематическому характеру перваго, довольно хаотически и безъ всякихъ подраздѣленій и параграфовъ продолжающемъ войну съ собственностью, Прудонъ указываетъ на рядъ практическихъ мѣръ, мы бы сказали теперь, на программу-минимумъ, которая ведетъ къ осуществленію коренной задачи: уничтоженію частной собственности. По его мнѣнію, уровень процента долженъ быть пониженъ, крупная собственность выкуплена путемъ взноса въ жизненной ренты собственникамъ и т. д...

Въ заключеніе одно чисто фактическое замѣчаніе по поводу переводовъ, упомянутыхъ въ нашей рецензіи: переводъ гг. Леонтьевыхъ не идетъ пока дальше перваго мемуара, тогда какъ переводъ г. Капелюша обнимаетъ обѣ части труда Прудона. Было бы

жательно, чтобы гг. Леонтьевы поторопились со второй частью своей работы, въ общемъ болѣе удовлетворительной, чѣмъ переводъ издательства «Мысль», украсившаго, кстати сказать, книгу очень плохимъ портретомъ Прудона.

Ренэ Штурмъ. Бюджетъ. Переводъ А. С. Изгоева съ пятаго изданія. Съ приложеніемъ статьи доцента **М. И. Фридмана: Наше законодательство о бюджетѣ.** Библіотека „Общественной пользы“. Спб. 1907. 508 стр. Ц. 2 р.

Книга Ренэ Штурма (или Стурма, какъ произносятъ это имя французы) является какъ разъ кстати въ виду не только теоретическаго, но и практическаго интереса, который вопросы бюджета и бюджетнаго права возбуждаютъ въ современной Россіи, съ грѣхомъ пополамъ (и съ какимъ еще грѣхомъ и какъ еще пополамъ!) пріобщающейся къ семьѣ конституціонныхъ государствъ. Хотя до сихъ поръ у насъ нѣтъ дѣйствительнаго вліянія народа въ лицѣ своихъ представителей на выработку бюджета, все же участіе страны въ законодательной дѣятельности скоро, вѣроятно, выльется въ формы, несовмѣстимыя съ произвольнымъ хозяйничаньемъ бюрократіи, и при первомъ же возникновеніи истинно конституціоннаго правительства и появленіи на политическую арену отвѣтственнаго министерства, бюджетное право явится однимъ изъ могущественныхъ орудій воздѣйствія націи на направленіе внутренней и внѣшней политики.

Книга Стурма не представляетъ собою строго теоретическаго изслѣдованія въ родѣ извѣстныхъ трудовъ нѣмецкихъ писателей по финансовымъ вопросамъ, напр., Рау или Вагнера. Но она излагаетъ въ живой и порою забавной, а порою черезчуръ поверхностной формѣ техническую сторону предмета, т. е. показываетъ,— послѣ нѣсколькихъ страницъ общаго введенія о бюджетѣ и бюджетномъ правѣ,—кто составляетъ бюджетъ, и въ какое время года, въ какомъ видѣ и при помощи какихъ пріемовъ и традиціонныхъ средствъ исчисленія и разнесенія по разнымъ рубрикамъ государственныхъ доходовъ и расходовъ; какъ вотируется бюджетъ, и какова при этомъ роль и парламентовъ вообще, съ ихъ верхними и нижними палатами, и парламентскихъ коммиссій; при помощи какихъ вѣдомствъ и органовъ администраціи взимаются и издерживаются бюджетныя суммы; кто и какъ контролируетъ бюджетъ, и т. д.

Нѣкоторыя историческія ссылки и политическія соображенія автора попадаютъ не въ бровь, а въ глазъ нашему теперешнему режиму и его вдохновителямъ и приспѣшникамъ. Вотъ, напр., наши правящія «сферы» и шипящія имъ въ унисонъ рептиліи съ необыкновеннымъ паѳосомъ распространяются о недопустимости для народныхъ представителей въ Думѣ отвергнуть бюджетъ, отказать

правительству въ согласіи на его финансовые пріемы драть съ одного вола по семи шкуръ. А вотъ что писалъ умѣренно-либеральный и архибуржуазный Жанъ Батистъ (а не Баптистъ, г. Изгоевъ!) Сэй, цитируемый Стурмомъ на стр. 345: «Законодатели, вполнѣ независимые и проникнутые святостью своихъ обязанностей, не побоялись бы отвергать представляемые имъ бюджеты всякій разъ... когда не позаботятся дать имъ всѣ желательныя гарантіи устраненія злоупотребленій! Пусть правительственныя креатуры не раздѣляютъ этого мнѣнія, пусть онѣ представляютъ эту мѣру, какъ ниспроверженіе государства... въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что лица, не принимающія никакого участія въ раздѣлѣ этой богатой добычи, смотрятъ на эту полезную стойкость, какъ на опасную крайность,—это слабость, которая покровительствуетъ хищенію и подкупности и служитъ пособницей гибели правительствъ!» Послѣднія строки написаны, впрочемъ, Сэемъ, какъ будто уже не для «истинно-русскихъ людей», а для нашихъ думскихъ конституціоналистовъ-демократовъ. Кстати сказать, самый подлинный ка-де, г. Фридманъ, въ своей статьѣ, служащей приложеніемъ къ книгѣ Стурма, отнюдь не относится отрицательно къ тактикѣ принципіальнаго отказа въ бюджетѣ,—а пишетъ даже слѣдующія многозначительныя строки: «Если въ настоящее время въ Западной Европѣ отказъ въ бюджетѣ не примѣняется и если, вообще говоря, примѣненіе его сопряжено съ тяжелыми жертвами для самого населенія, то изъ этого не слѣдуетъ вовсе, что въ Россіи, при современныхъ условіяхъ, нельзя воспользоваться этимъ опаснымъ, но и сильно дѣйствующимъ средствомъ. О юридической допустимости отказа въ бюджетѣ достаточно сказано выше. Что же касается нравственнаго оправданія, то и въ немъ невозможно отказать пользованію отказомъ въ бюджетѣ, какъ орудіемъ для завоеванія правъ народа. Когда идетъ рѣчь о такихъ высокихъ цѣнностяхъ, какъ свобода и самоопредѣленіе населенія, разумѣется, должны отойти на задній планъ матеріальныя соображенія экономической невыгодности тѣхъ или иныхъ пріемовъ борьбы, если, конечно, эти способы борьбы цѣлесообразны. И среди той анархіи, среди той неразборчивости въ средствахъ, которые господствуютъ въ настоящее время у насъ, при томъ равнодушіи къ пролитію крови, къ казнямъ и убійствамъ, которое является неизбѣжнымъ результатомъ не прекращающейся, ожесточенной междуусобной войны, ужасаться дѣйствія такого способа борьбы, какъ отказъ въ бюджетѣ—не приходится. Въ современной атмосферѣ русской дѣйствительности, отказъ въ бюджетѣ есть одинъ изъ самыхъ мирныхъ, самыхъ законныхъ, самыхъ нравственныхъ способовъ для завоеванія лучшаго будущаго» (стр. 585).

Переводъ г. Изгоева отличается, говоря въ общемъ, добросовѣстностью и недурнымъ языкомъ, который лишь изрѣдка портится словечками въ родѣ «цѣлокупность» (стр. 6), «кровоточить» (стр. 25, прим. 3), «сособственность» (стр. 28, прим. 2.—вѣроятно, букваль-

нія [illegible] французскаго слова *[illegible]*. Попадаются и нѣкоторыя неточности или неудачно выбранные термины. Такъ, на стр. 1[illegible] вмѣсто «[illegible] торговля» слѣдовало бы сказать «предметовъ [illegible]», [illegible] должно быть, стоитъ *mercerie*, и, [illegible] въ этомъ [illegible] смыслѣ. На стр. 35 «движимыя [illegible]» слѣдовало бы замѣнить «[illegible]» на движимость» или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Кстати, почему г. [illegible] руссифицируетъ французскихъ [illegible] въ отечественныхъ «[illegible]» (стр. 2[illegible] и др.) и [illegible] французскому окончанію *ay* даетъ русскую транскрипцію [illegible], а [illegible], напр. Мезерэ на стр. 24—25, прим. 20 и т. д. [illegible] на порогѣ Лэ Плэ и [illegible] на [illegible].

Юрій Битовтъ. Книга о книгахъ. [illegible] Москва 1907. Стр. [illegible] 80 коп.

Потребность въ указателѣ пособій для самообразованія у насъ [illegible], [illegible] г. Битовтъ, [illegible] сдѣлать выгод[illegible] его [illegible] книга [illegible], совершенно не самостоятельная ни въ отзывахъ, ни въ выборѣ матеріала. Необходимо какъ можно настойчивѣе предостеречь отъ нея довѣрчивыхъ читателей. «За послѣдніе годы—говоритъ «составитель» въ предисловіи [illegible] такая масса книгъ, что читатель почти безсиленъ разобраться въ этомъ небываломъ книжномъ потокѣ, и никогда, кажется, отсутствіе руководящихъ указателей не ощущалось имъ такъ остро, какъ теперь». Это, конечно, пустяки: указателей у насъ теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было, и, какъ ни [illegible] въ нихъ нужда, она меньше, чѣмъ когда-либо. Къ книгамъ «послѣднихъ годовъ» указатель г. Битовта почти не имѣетъ отношенія, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти книги его указателемъ, составленнымъ почти исключительно по извѣстнымъ пособіямъ для самообразованія, опущены. «Единственная въ нашей литературѣ и очень обстоятельная, для своего времени, работа спеціалистовъ, изданная подъ редакціей проф. Янжула *Книга о книгахъ* (Москва, 1872), сильно устарѣла и давно не имѣется въ продажѣ». И это, конечно, невѣрно. Послѣ появленія «Книги о книгахъ», — которая и въ свое время далеко не всѣми была признана обстоятельной и удовлетворительной, нашъ книжный рынокъ обогатился цѣлымъ рядомъ критико-библіографическихъ пособій для самообразованія. Нѣкоторыя изъ нихъ очень хорошо извѣстны г. Битовту. Правда, среди этихъ пособій онъ не укажетъ работъ Панова и Лебедева — зачѣмъ напоминать о конкуррирующихъ и болѣе серьезныхъ изданіяхъ,—но петербургскія и московскія программы самообразовательнаго чтенія ему извѣстны хорошо: онъ беретъ изъ нихъ цѣлые отдѣлы безъ упоминанія источника. Упоминаетъ онъ часто «Книгу о книгахъ», «изъ которой взято все,

что имѣетъ еще значеніе, а въ остальныхъ частяхъ работа эта составлена, главнымъ образомъ, по отзывамъ спеціалистовъ, выдержки изъ каковыхъ приводятся ко многимъ книгамъ». Это очень простой способъ: взять чужіе указатели, надергать изъ нихъ свѣдѣнія—ибо, чтобы критически разобраться въ этихъ свѣдѣніяхъ, надо быть спеціалистомъ,—прибавить къ нимъ случайныя выдержки изъ журнальныхъ рецензій и выдавать эту библіографическую кашу за пособіе для самообразованія. Г. Битовтъ назвалъ свой указатель толковымъ; вѣрнѣе было бы назвать его безтолковымъ. Одно исчисленіе его грубѣйшихъ пропусковъ, указаніе на сообщенія о книгахъ, о коихъ онъ понятія не имѣетъ, примѣры непослѣдовательностей, невѣжества и т. д. заняли бы рядъ страницъ, хотя г. Битовтъ, не приложивъ къ книгѣ именного указателя, сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы затруднить провѣрку. Г. Битовтъ имѣетъ смѣлость прикрывать эту книжную спекуляцію идейными цѣлями: «такое крайне ненормальное положеніе, а также желаніе посильно облегчить въ выборѣ читателямъ (sic!) книгъ и были главными мотивами, руководившими мною при составленіи настоящаго указателя». Мы имѣемъ иное мнѣніе о его мотивахъ, не столь возвышенное, но болѣе оправдываемое свойствами его работы.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значущіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ, контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Л. Андреевъ. Мелкіе разсказы (томъ третій). Спб. 1906. Ц. 1 р.

Чистая математика съ общедоступнымъ изложеніемъ основъ высшаго анализа В. Ранцова Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Петръ Вейнбергъ Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Илеманов̌ъ. Генрихъ Ибсенъ. Ц. 25 к. Изд. „Библ. для всѣхъ". О Н. Рутенбергъ.

Р. Гаммеджъ. Исторія чартизма. Перев. съ англійск. А. В. Погожевой. Изд. книг. „Дѣло". Спб. 1907. Цѣна 2 р.

Николай Тургеневъ. Россія и русскіе. Б-ка декабристовъ. М. 1907. вып. II.

Ю. Делевскій. Діалектика и математика. Книгоизд. „Трудъ и Борьба". Спб 1906. Ц. 20 к.

М. Бакунинъ. Богъ и государство. Книгоизд. „Мысль". Спб. Лейпцигъ. 1906.

А. Т. Снарскій. Автономія или федерація? Спб. 1907. Ц. 25 к.

М. К. Цебрикова. Каторга и ссылка. Изд. „Библіотека Свѣточа". Спб. 1907. Ц. 20 к.

С. И. Сомовъ. Профессіональные союзы и соціалдемократическая партія. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Вильгельмъ Вейтлингъ. Евангеліе бѣднаго грѣшника. Изд. „Мысль". А. Миллеръ. Спб. 1907.

С. Р. Философская и общественная программа. Изд. газ. „Дневникъ Казани". Казань. 1907. Ц. 10 к.

М. Бакунинъ. Федерализмъ, соціализмъ и антитеологизмъ. Книгоизд. „Мысль". А. Миллеръ. Левинигъ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Работы первой Государственной Думы. Подъ ред. С. Н. Бондарева. Изд. комитета „Трудовой группы". Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Юрій Гончаренко. Вечерніе огни. Стихи. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Шебуевъ. Кронштадтскія пѣсьма: Негативы. Книгоизд. А. Касаткина. Спб. 1904.

Евгеній Чириковъ. Томъ седьмой. Пьесы. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1907. Ц. 1 р.

М. Горькій. Томъ седьмой. Пьесы. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1906. Ц. 1 р.

А. Козловскій. Очерки синдикализма во Франціи. Книгоизд. „Свободная Мысль". М. 1907. Ц. 65 к.

П. Г. Мижуевъ. Документальная исторія одной стачки. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Гастонъ Мокъ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Изд. Е. Н. Горской. Кіевъ. 1906. Ц. 70 к.

В. Лонгъ. Богатырь лѣсовъ и др. разсказы. Б-ка Горбунова-Посадова. М. 1907. Ц. 40 к.

В. Лонгъ. Маленькіе строители и др. разсказы. Б-ка Горбунова-Посадова. М. 1907. Ц. 30 к.

Г. В. Доброскокъ. „Крамольникъ". Разсказъ. Екатеринодаръ. 1907. Ц. 8 к.

М. Афанасьева-Уральская. Сказка о свободной. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Н. Анинъ. Національное освобожденіе и соціалистическія партіи. Книгоизд. „Трудъ и Борьба". Спб. 1906. Ц. 8 к.

А. Веселовъ. Знамя „земли и воли" и россійская соціалдемократія. **В. Вадимовъ.** Аграрная программа россійской соціалдемократіи. Книгоизд. „Трудъ и Борьба". 1906. Ц. 25 к.

Евгеній Чернобаевъ. Стихи. Книгоизд. „Парма". Спб. 1907. Ц. 60 к.

Ачадовъ. Муниципализація промышленныхъ предпріятій, земельныхъ площадей. Б-ка „Самоуправленіе". М. 1907. Ц. 15 к.

Карлъ Марксъ. Теоріи прибавочной цѣнности. Изд. Е. Н. Горской. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Н. К. Сугоплюевъ. Библіографическій обзоръ изданій по вопросу объ обезпеченіи народнаго продовольствія. М. 1907. Ц. 0 к.

Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Сост. В. **Н. Денисюкъ.** Изд. А. С. Панафидиной. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Темный. [illegible] „Бухта". Разсказы. Книгоизд. „Новый Міръ".

Г. Линдовъ. Великая французская революція. Изд. „Прометей". Спб. 1907. Ц. 50 к.

Э. Вандервельде. Соціализмъ и сельское хозяйство. Изд. „Прометей". Спб. 1907. Ц. 50 к.

Библіотека «Просвѣщенія». Спб. 1907. Проф. **В. Зомбартъ.** Пролетаріатъ въ Америкѣ. Ц. 30 коп. — **Г. Магъ.** Постоянная армія и милиція. Ц. 55 к. — **К. Фреме.** Монархія или республика. Ц. 1 р. — **Эм. Каперъ.** Вильгельмъ Вейтлингъ, его жизнь и ученіе. Ц. 25 к. — Докторъ **Г. Люксъ.** Этьеннъ Кабэ и икарійскій коммунизмъ. Ц. 65 к. — Защита рабочаго. Съ предисл. К. Гере. Ц. 55 к.

В. Моррисонъ-Давидсонъ. Предшественники Генри Джорджа. Изд. „Посредникъ". 1907. Ц. 30 к.

Евгеній Лозинскій. Что же такое, наконецъ, интеллигенція? „Новый Голосъ". Спб. 1907. Ц. 1 р.

К. Каутскій и **Б. Шенланкъ.** Основные принципы и требованія соціалъ-демократіи. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1906. Ц. 15 к.

С. Харизоменовъ. Грѣхи интеллигенціи. М. 1906. Ц. 20 к.

Его же. Основы политической свободы. М. 1906. Ц. 20 к.

Вернеръ Зомбартъ. Пролетаріатъ. Изд. „Вѣкъ". Спб. 1907. Ц. 22 к.

А. В. Мезіеръ. Турція. Очерки. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1907. Ц. 20 к.

А. Кульчицкій. Анархизмъ въ Россіи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Изданія «Міръ». Спб. 1907: **Вильгельмъ Герцбергъ.** Соціалдемократія и анархизмъ. Ц. 15 коп. — **Н. Кампфмейеръ.** Современный пролетаріатъ. Ц. 20 к. — **У. Оманъ.** Великое крестьянское возстаніе въ Англіи. Ц. 50 к.

Изд. «Вѣкъ». Спб. 1907: **Н. Рожковъ.** Судьбы русской революціи. Ц. 50 к. — **Роза Люксембургъ.** Соціальная реформа или революція. Ц. 35 к.

Женщины. Разсказы Омптеда, Терье, Франанъ, Альфена, Бредъ-Гарта. Изд. „Посредника". М. 1907. Ц. 50 к.

Для всего крестьянства. Вып. первый. Изд. „Молодое крестьянство“. М. 1906. Ц. 10 к.

Л. Ждановъ. Царь и опричники. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1907.

Л. Ждановъ. На зарѣ свободы (пѣсни смутныхъ дней). Изд „Освобожденіе“. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Г. Гауптманъ. Ткачи. Драма. Изд. „Посредника“. М. 1907. Ц. 15 к.

Мацубара Иваторо. На днѣ Токіо. Перев. С. Н. Сыромятникова. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Л. Н. Толстой. Земля и трудъ. Изд „Посредника“. М. 1907. Ц. 10 к.

Борисъ Ивинскій. Разсказы. 1907. Ц. 50 к.

С. Сергѣевъ-Ценскій, 1. Изд. „Міръ Божій“. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Идалія Аничкова. Моимъ внучкамъ. Изд. „Книговѣдъ“. Спб. Ц. 1 р.

Э. Пименова. Страна великихъ озеръ. (Канада). Изд. „Юнаго Читателя“. Ц. 25 к.

Гаазе. Классовое правосудіе. Изд. С. Н. Гаврилова. М. 1907. Ц. 30 к.

Л. Н. Толстой Единственное возможное рѣшеніе земельнаго вопроса. Изд. „Посредникъ“. М. 1907. Ц. 3 к.

В. Шулятиковъ. Изъ теоріи и практики классовой борьбы. Изд. Доровaтовскаго и Чарушникова. М. 1907. Ц. 30 к.

Н. Н. Шульговскій. Идеалъ человѣческаго поведенія. Изд. „Право“. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Т. И. Тихоновъ. Земство въ Россіи и на окраинахъ. Изд. Перевозникова. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Б. Веселовскій. Крестьянскій вопросъ и крестьянское движеніе въ Россіи. Изд. „Зерно“. Спб. 1907. Ц. 55 к.

П. П. Семенюта. Первая Государственная Дума, ея жизнь и смерть. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Л. Н. Толстой. О просвѣщеніи-воспитаніи и объ образованіи-обученіи. Изд. Горбунова-Посадова. М. 1907. Ц. 35 к.

Д-ръ ***Гаазе.*** Судъ въ классовомъ государствѣ. Изд. „Движеніе“. М. 1807. Ц. 15 к.

Р. Люксембургъ. Всеобщая забастовка и нѣмецкая соціалъ-демократія. Изд. Е. Горской. Ц. 40 к.

Государство будущаго. Рѣчи Жореса, Вайяна и Клемансо. Изд. „Міръ“. Спб. 1907. Ц. 12 к.

Н. Темный. Докладная записка. Изд „Новый Міръ“. Спб. 1907. Ц. 3 к.

Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Изд. „Юнаго Читателя“. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева. Т. I. Изд „Библіотеки Декабристовъ“. М. 1906.

П. Кампфмейеръ. Исторія общественныхъ классовъ въ Германіи. Соціально-историческая библіотека. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Н. А. Трубниковъ. Логика чистаго разума и женскій вопросъ. М. 1905. Ц. 50 к.

В. Чернышевъ. Законы и правила русскаго произношенія. Варшава. 1906. Ц. 30 к.

Его же. О программѣ будущей народной школы. Спб 1906 Ц. 10 к.

Михаилъ Пантюховъ. Тишина и старикъ. Повѣсть. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Анатоль Франсъ. Садъ Эпикура. М. Ц. 70 к.

Ив. Наживинъ. Менэ... Тэкэл... Фарес... Романъ. М. 1907. Ц. 2 р.

Борисъ Зайцевъ. Разсказы. 1906. Изд.-тво „Шиповникъ“. 92 стр. Ц. 50 к.

А. Н. Александровскій. Дома и заграницей. Разсказы. Спб. 1906. Ц. 50 к.

А. Б. Петрищевъ. Очерки и разсказы. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Изданія „Знаніе“: Спб. 1906 и 1907: ***Энрико Ферри.*** Эволюція экономическая и эволюція соціальная. Ц. 6 к — ***Жюль Гедъ.*** Государственныя предпріятія и соціализмъ. Ц. 5 к. — ***Атлантикусъ.*** Государство будущаго. Ц. 35 к. — ***Л. Клейнбортъ.*** Подоходный налогъ. Ц. 10 к. — ***Э. Вандервельде.*** Промышленное развитіе и коллективизмъ. Ц. 30 к. — ***Адольфъ Геннеръ.*** Икарійцы въ Сѣверной Америкѣ. Ц. 10 к. — Начало нѣмецкой соціалъ-демократіи. Ц. 20 к. — ***Гекторъ Чикотти.*** Психологія соціалистическаго движенія. Ц. 30 к.

Изд. „Сознаніе“. Спб 1907. ***Артуръ Лабріола.*** Синдикализмъ и реформизмъ. Ц. 10 к.

Изд. „Свободный Трудъ“. Спб. 1907. Государство будущаго. Дебаты германскаго рейхстага. Ц. 1 р.

А. Лихтенберже. Соціализмъ и французская революція. Ц. 1 р.

Изд. „Міръ“. ***А. Паннекекъ.*** Перевороты въ государствѣ будущаго. Пер. П. Гуревича. Ц. 8 к — ***Его же.*** Этика и соціализмъ. Ц. 10 к. Спб. 1907.

Изд. „Новый Міръ“. М. 1907. ***Леонъ Кладель.*** Мститель. Съ франц. И. Керчикеръ. Ц. 2 к. — ***Фр. Штампферъ и Э. Вандервельдъ.*** Соціалъ-демократія и религія.

Изд. „Зарница“. ***М. Энгельгардтъ.*** [illegible] момента. Ц. 10 к. — ***С. И. Сальтыковъ.*** Задачи [illegible] Ц. 10 к. Спб. 19[illegible]

Изд. „[illegible]“. ***Н. А. Рубакинъ.*** Чистая публика и [illegible] изъ [illegible]. Спб. 1906. Ц. [illegible] к.

„Библіотека [illegible]“. Проф. ***Н. И. Карѣевъ.*** Теорія личности [illegible] Ц. [illegible] к. — ***С. М. Степнякъ-Кравчинскій.*** [illegible] Спб. 1907. Ц. 1 р.

„Библіотека декабристовъ“. Россія [illegible] русское [illegible] 1907. Ц. [illegible] к.

„[illegible]“. Военно-полевые суды [illegible] Спб. 1907. Ц. 12 к. — ***А. А. Львовъ.*** [illegible] земельные законы. Спб. 1907. [illegible]

Изд. „[illegible] и [illegible]“. ***О. Тимошенко.*** [illegible] Ц. [illegible] к. — ***А. Бикерманъ.*** [illegible] революція и Государственная Дума. Ц. 10 к. — ***Мироновъ.*** [illegible] Ц. 3 к. — ***Борисъ Талинъ.*** [illegible] и [illegible] Ц. 20 к. Спб. 1907.

Е. Звягинцевъ. Земельное переустройство въ городахъ. [illegible] 190[illegible] Ц. 4 к.

Изд. „Трудъ и борьба“. Спб. 1907 Ц. 30 к. — ***Ю. Делевскій.*** Экономическій матеріализмъ и исторія науки. Ц. 30 к. — ***Его же.*** Къ вопросу о возможности историческаго прогноза. Ц. 25 к. — ***Его же.*** Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи. Ц. 20 к.

Изд. „Свободный Трудъ“. ***Максимъ Леруа.*** Старое и новое право. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Изд. „Свободная Россія“. ***Е. А. Звягинцевъ.*** Какъ нужно преобразовать наши городскія думы и управы. М. 1906. Ц. 10 к.

Его же. О земствѣ и какъ его нужно устроить для пользы всего народа. Ц. 10 к.

Изд. „Свобода и право“. ***Ю. Лавриновичъ.*** Итоги россійской конституціи. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Изд. „Сила“. А. М. [illegible] За что? Спб. 1907. Ц. 2 к.

Изд. „Перевалъ“. ***Я. Лещинскій.*** Марксъ и Каутскій о еврейскомъ вопросѣ. М. 1907. Ц. 15 к.

Изд. „Прометей“. ***Г. Линдовъ.*** Великая французская революція. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Серпъ. Сборникъ первый. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Изд. „Пчела“. ***А. Скорбинъ.*** До Думы. При Думѣ. Безъ Думы. Сатиры въ стихахъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Е. Тагинъ. [illegible] Принципы трудовой теоріи. Спб. 190[illegible] Ц. [illegible] к.

Изд. „Движеніе“. ***В. Мечъ.*** — ***Черевашинъ.*** ***Вл. Горнъ.*** [illegible] общественныхъ силъ въ русской революціи. Пролетаріатъ въ революціи. М. 1907. Ц. 60 к.

А. А. Корниловъ. Изъ исторіи вопроса объ [illegible] правѣ въ [illegible] Спб. 1907. Ц. 20 к.

[illegible] мѣсто въ [illegible] Кіевъ. 190[illegible] Ц. 30 к.

А. А. Исаевъ. Индивидуальность и соціализмъ. Спб. 1907. Ц. [illegible] к.

Французская каторга „Бирибн“. Пьеса въ 3-хъ актахъ [illegible] и [illegible] М. 1907. Ц. 50 к.

Н. Х. Озеровъ. Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги? М. 1907. Ц. 1 р.

Изд. „Посредникъ“. М. 1906 и 1907. ***Викторъ Гюго.*** Осужденный на смертную казнь. Ц. 15 к. Пѣснь о [illegible] народѣ. Состав. ***И. Горбуновъ-Посадовъ.*** Ц. 25 к. — ***С. Т. Семеновъ.*** [illegible] Ц. 2 к. — ***Е. Милицына.*** Не по закону. Ц. 3 к. — Л. В. Ф. Можно ли человѣку безъ работы [illegible] Послѣдній день. Сказаніе про князя, купца, музыканта и простого мужика. Ц. 2 к. — ***Октавъ Мирбо.*** На войнѣ. Ц. 3 к. — ***Л. Н. Толстой.*** Что же дѣлать? Ц. 8 к. — ***Его же.*** За что? Ц. 8 к. — ***Его же.*** Голодъ. Ц. 10 к. — ***Его же.*** Въ чемъ моя вѣра? Ц. 40 к. — ***Его же.*** I. О жизни. II. О новомъ жизнепониманіи. Ц. 35 к. — ***Его же.*** Изложеніе евангелія (безъ цѣны). — ***Генри Джорджъ.*** Что такое единый налогъ и почему мы его добиваемся. II. Программа [illegible] единаго налога. Ц. 3 к.

Изд. Яковенко, душеприк. Павленкова. Спб. 1907. А. И. Герценъ. Крещеная собственность. Ц. 8 к. — ***Его же.*** Робертъ Оуэнъ. Ц. 12 к. — ***Н. Никольскій.*** Древній Міръ. Ц. 40 к. — ***Его же.*** Древнѣйшіе жители Европы. Ц. 20 к. — ***Его же.*** Древняя Греція. Ц. 40 к. — ***Гергартъ Гауптманъ.*** Ткачи. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Ц. 25 к. — ***Губертъ Лагарделль.*** Всеобщая стачка и соціализмъ. Ц. 1 р. — ***Бирманъ.*** Коммунизмъ и анархизмъ. Ц. 40 к.

Изд. И. Д. Сытина. ***С. Князьковъ.*** Изъ прошлаго русской земли. Ц. 1 р. 50 к. — ***П. Гере.*** Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. Ц. 75 к. — ***Б. П. Вейнбергъ.*** Люди жизни, думайте о

грядущихъ поколѣніяхъ! Ц. 10 к. М. 1907.

Изд. „Харбинскаго Листка“. Харб. 1906. *Н. Ровенскій*. Собака. Ц. 15 к.—*Его же*. По Манчжуріи. Ц. 20 к.—*Его же*. Въ Нерчинской сатрапіи. Ц. 30 к.—*Петръ Булгаковъ*. Плачъ Портъ-артурца. Ц. 35 к.—*Его же*. Власть лукаваго. Ц. 40 к.—*Его же*. Гнилые люди. Ц. 35 к.

Изд. Л. И. Колеватова. Послѣдняя исповѣдь. М. 1907. Ц. 3 к.

Издан. С. П. Гаврилова. *Гааве*. Классовое правосудіе. М. 1907. Ц. 30 к.

Т. В. Петровъ. Основы общественной жизни по ученію евангелія. М. 1907. Ц. 30 к.

Б. В. Беръ. Сонеты и другія стихотворенія. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Башмаковыхъ. Спб. 1907. *Л. Я. Пясецкій*. Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Части I и II по 25 к., ч. III 35 к.

Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1907. *З. Бѣлосельскій*. Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ. Ц. 10 к.—*Мих. Лемке*. Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

У. Сендерлендъ. Священныя книги ветхаго и новаго завѣта. Изд. „Мысль“. Лейпцигъ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Маленькій Наполеонъ (По В. Гюго). Изд. *Л. И. Колеватова*. Н.-Новгородъ. 1907. Ц. 7 к.

Изд. „Сѣверная Россія“. Народный сборникъ по современнымъ вопросамъ. II. М. 1907. Ц. 17 к.

Изд. „Библіотеки Обществознанія“. *Е. Кушвинская*. Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Возникновеніе партійной организаціи германской соціал-демократіи.

Э. Лесгафтъ. Отечествовѣдѣніе. Спб. 1907. Ц. 90 к.

Борисъ Грінченко. Передъ широкимъ світомъ. У Киіві, 1907. Ціна 1 карб.

Изд. „Шиповникъ“. *А. Лабріола*. Реформизмъ и синдикализмъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Габріэль Девилль. Капиталъ. Изложеніе I т. капитала Маркса. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Изд. „Просторъ“. *Октавъ Мирбо*. Стачка избирателей и прелюдія. Спб. 1906. Ц. 6 к.

Г. Вяткинъ. Стихотворенія. Томскъ. 1907. Ц. 25 к.- Отзывы финляндскихъ газетъ по поводу нелѣпыхъ слуховъ „о вооруженіи Финляндіи“. Спб. 1907.

П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Іосифа II. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Д-ръ В. Д. Ревеліоти. Учебникъ гигіены. М. 1907. Ц. 75 к.

В. П. Чернышевъ. Русское и дѣтское чтеніе. Спб. 1906. Ц. 60 к.

С. А. Ершовъ. Справочная книга земледѣльца. Ч. I. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Э. Вандервельде. Соціализмъ и земледѣліе. М. 1907. Ц. 35 к.

Изд. В. М. Саблина. *И. И. Поповъ*. Дума народныхъ надеждъ. М. 1906. Ц. 85 к.

П. Езерскій. Государственная Дума перваго созыва. Пенза. 1907. Ц. 80 к.

Іосифъ Матусевичъ. То были не крылья. Ц. 20 к.

Проф. Шейдъ. Химическіе опыты для юношества. Одесса. 1907. Ц. 1 р. 20 к.

Борисъ Демчинскій. Христосъ въ революціи. Фантазія. Спб. 1907. Ц. 80 к.

А. Паршинъ. Научный фундаментъ соціологіи. М. 1907. Ц. 2 р.

Изд. „Максималистъ“ № 1. Прямо къ цѣли. Спб. 1906. Ц. 3 к.

Ем. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія. М. 1906. Ц. 25 к.

Изд. „Сѣверная Россія“. Современные вопросы. Сборникъ I. М. 1907. Ц. 15 к.—Для народа. Статьи по современнымъ вопросамъ. М. 1807. Ц. 20 к.

П. Эль. Соціально-сатирическіе этюды. Спб. 1906. Ц. 80 к.

А. И. Лотоцкій. На поворотѣ. Спб. 1907.

Моррисъ Хилквитъ. Исторія соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1907. Ц. 90 к.

В. М. Грибовскій. Памятники русскаго законодательства XVIII стол. Вып. I.—Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 11. Кіевъ. 1906.—Изд. Русск. хирург. общества Пирогова. Севастопольскія письма Н. И. Пирогова. 1854—1855. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

В. Чернышевъ. Забытые труды К. Д. Ушинскаго. Спб. 1907. Ц. 20 к.

А. Волинъ. Сила въ объединеніи. Кіевъ. 1907. Ц. 5 к.—Изд. „Трудовой союзъ“. И. В. Майоровъ. Трудово-товарищество. (Кооперація). Спб. 1907. Ц. 6 к.

Л. Л—о. Надо знать не меньше... Конспекты лекцій. Спб. Ц. 1906. 25 к.

В. Д. К. Арабески изъ кавказскихъ событій. Спб. 1906

В. Д. Кильминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. Спб. 1907. Ц. 2 р.

А. Ф. Волковъ. Защита правъ въ Англіи путемъ ар[illegible]. Спб. 1907.

Сборникъ С.-Петербургскаго округа путей сообщенія. Вып. IX. Спб. 1906.

Дѣятельность Спб. общества народныхъ университетовъ въ 1906 году. Спб. 1907.

Н. Г. Тайновъ. Международные расходы съ основаніями [illegible] и переводныхъ векселяхъ [illegible] и паритетами. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Ѳ. Сибирскій. Разсказы. „Подъ знаменемъ". Екатеринодаръ. 1906. Ц. 30 к.

Изд. „Новый Голосъ". ***Евгеній Лозинскій.*** Итоги парламентаризма. Спб. 1907. Ц. 35 к.

„Библіотека Юнаго Читателя". У. Сабинина. Ребенка и міръ въ царствѣ животныхъ. Спб. 1907. Ц. 15 к.

М. С. Уваровъ и ***Л. М. Ляминъ.*** Охрана жизни и здоровья рабочихъ. Систематическое изложеніе профессіональной гигіены. М. 1907. Ц. 3 р.

Одесская городская психіатрическая больница. Отчетъ за 1905 годъ. Одесса 1906.

Заболѣваемость населенія Воронежской губерніи. Тома I и II.

Статистическій ежегодникъ 1906 г. Харьковъ. 1906 г. Изд. Д. Багалѣя.

Д. 1905 и 1906 годъ въ Петербургскомъ университетѣ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Генрихъ Шато. Осель, обезьяна и философъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Гр. Ф. де-Ла-Бартъ. Сказка не жизнь. Спб. 1907. Ц. 50 к.

А. Н. Лебедевъ. Что читать крестьянамъ и рабочимъ и какъ завести библіотеку въ деревнѣ и на фабрикѣ. Нижн.-Новгородъ. 1907. Ц. 12 к.

Проф. Н. [illegible]ъ. О госпитальныхъ клиникахъ Имп. Томскаго университета. Томскъ. 1906.

Изд. „Задачи соціалистической культуры". IX. ***Р. Кальверъ.*** Соціализмъ и массовая забастовка. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Изд. „Народное право". Земельное дѣло безъ Думы. М. 1906. Ц. 5 к.

А. О. Черняевскій. О вавилонскомъ столпотвореніи и смѣшеніи языка строителей. Кишиневъ. 1906. Ц. 25 к.

Изд. И. И. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

В. Н. Поповъ. Химія для самообразованія въ дешевой домашней лабораторіи. М. 1907. Ц. 60 к.

И. Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи. Томъ II. Анархія. Безпл. прилож. къ 23[illegible] ж[illegible]у. Иностр. Литература" за 1907 г.

Изд. В. С. [illegible]. ***А. П. Постниковъ.*** Систематическій курсъ по общей химіи. М. 1907. Ц. 60 к.

Изд. С. Г. [illegible]. ***Лючіано Цикколи.*** Офа[illegible] симфоніи-оперы, кантаты и [illegible]. [illegible] 1907. Ц. 70 к.

Ив. И. Саласовъ. Первоначальное состояніе церковныхъ [illegible] и [illegible]. М. 1907. Ц. [illegible] к.

Д-ръ Пассекъ. Замѣтки по этнографіи македонскихъ славянъ. Спб. 1907. [illegible] 80 к.

Л. Гензель. [illegible] въ Англіи. М. 1907. Ц. 3 р. [illegible] к.

В. Н. Граціановъ. Краткій очеркъ [illegible] общества [illegible] и [illegible] 1857—1907. М. 1907.

Борисъ Грінченко. [illegible] Повість. Ц. 75 к. ***Його-ж.*** Українські [illegible] к.

[illegible] ***М. Драгомановъ.*** [illegible] та [illegible]. Київ. 1906. ***М. Левицкій.*** [illegible] при нинішніх виборах та [illegible]. 1906. — [illegible] 1907. — Земельна справа въ Новій Зеландії. 1906. — ***Б. Грінченко.*** Сам соб. пан. Оповідання. [illegible] Київ. 1907.

Д'Олесь. З журбою радість обнялась... 1½ руб.

К. Беккеръ. Самоучитель нѣмецкаго языка по новѣйшему методу. Ц. 50 к.

[illegible] Б. Грінченко. ***П. Г.*** Ідея федералізму у декабристів. Київ. 1907. Ц. 10 к.

Евгеній Чириковъ. Разсказы. Томъ шестой. Изд. „Знаніе". Спб. 1906. Ц. 1 р.

Максъ Штирнеръ. Единственный и его собственность. Пер. съ нѣм. Б. Федера, съ приложеніемъ статьи А. Торнфельда „Жизнь Штирнера". Спб. Изд. А. Н. Яковенко. 1907. Ц. 80 коп.

Ѳеодоръ Сологубъ. Стихи. Книга шестая. Змій. Спб. 1907. Цѣна 40 коп.

Артуръ Шницлеръ. Хороводъ. Пер. съ нѣм. п. р. О. Дымова. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Григорій Ландау. Безсиліе націоналистскаго творчества. Спб. 1907. Ц. 10 к.

Библіотека перваго драматическаго передвижного теа-

тра. Серія 1905 г. 1. ***Осипъ Дымовъ***. Каинъ. 2. ***Генр. Ибсенъ*** Маленькій Эйольфъ. 3. ***А. Шницлеръ***. Фарисей. 4. ***С. Рафаловичъ***. Рѣка идетъ. 5. ***За первый годъ***. Отчетъ о дѣятельности передвижного театра. Спб. Ц. выпуска 20 к.

Александръ Глазуновъ. Вереница этюдовъ. Москва. 185 стр. Ц. 1 р.

М. Кузьминъ. Крылья.

Өедоръ Сологубъ „Мелкій Бѣсъ". Изд. Шиповникъ Спб. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

Куртъ Эйснеръ. „Празднества обездоленныхъ" Изд. Коллективистъ.

Углекопы.

Горнозаводская промышленность въ болѣе или менѣе крупномъ масштабѣ появилась въ Россіи уже давно, со временъ Іоанна Грознаго. Центромъ горнаго дѣла явилась Сибирь съ ея безконечными рудными богатствами. На безконечно-далекомъ отъ Москвы разстояніи, воеводы и служилые люди, находясь внѣ фактическаго контроля, хищнически эксплуатировали залежи минераловъ и металловъ, предоставляя и частнымъ лицамъ свободу разработки. Однако недостатокъ въ серебрѣ, желѣзѣ, необходимыхъ для веденія войнъ, заставилъ московскихъ царей обратить вниманіе на болѣе правильную постановку дѣла разработки нѣдръ земли, и съ этой цѣлью, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, издаются первыя законоположенія, собранныя, дополненныя и разъясненныя довольно подробно такъ называемымъ Бергъ-Регламентомъ, изданнымъ въ 1739 году. Бергъ-Регламентъ, согласно мысли законодателя, имѣлъ въ виду урегулировать горное хозяйство: впервые частнымъ лицамъ хотя и предоставлялась свобода эксплуатаціи нѣдръ земли, но только при соблюденіи извѣстныхъ правилъ. Бергъ-Регламентъ охранялъ такимъ образомъ интересы казны, государства. Но, умѣряя аппетиты горнозаводчиковъ, не разрѣшая имъ хищническаго веденія эксплоатаціи нѣдръ,—какъ Петръ I, такъ и преемники его цѣлымъ рядомъ указовъ поощряли горнозаводскую промышленность, ссужая промышленниковъ деньгами, отдавая имъ безплатно или за ничтожную плату «въ аренду» казенные заводы, предоставляя заказы на желѣзо, чугунъ, колокола, пушки.

Но въ то время, какъ интересы горнозаводчиковъ тщательно оберегались,—на положеніе рабочихъ горныхъ заводовъ и рудниковъ не обращалось почти никакого вниманія, такъ какъ по большей части это были каторжники, рабочіе-подневольные. Вѣроятно, по традиціи такой взглядъ и такое отношеніе къ горнымъ рабочимъ дожили почти до послѣдняго времени, т. е. до того дня, когда невыносимое положеніе понудило горнорабочихъ прибѣгнуть къ борьбѣ

въ глубинѣ своей участи. Только тогда правительство спохватилось и стало издавать распоряженія, циркуляры и законы о безопасности, нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ придется говорить ниже.

А между тѣмъ,—такъ количество горнозаводскихъ рабочихъ, такъ равно и условія, въ которыхъ имъ приходится жить и работать, заслуживали бы, казалось, того, чтобы на рабочихъ жизнь и трудъ обратили должное вниманіе.

Въ нашу задачу не входитъ освѣщеніе вопроса о работѣ и жизни рабочихъ всѣхъ отраслей горнозаводской промышленности: въ краткомъ очеркѣ мы попытаемся дать картину работы и жизни только углекоповъ, этихъ жертвъ дѣйствительно каторжнаго труда.

Еще недавно, всего десять лѣтъ тому назадъ, наша горная промышленность «процвѣтала». Усиленное желѣзнодорожное строительство, имѣвшее цѣлью, по рецепту Витте, осчастливить Россію, привлекло огромные иностранные капиталы. На безлюдныхъ степяхъ, гдѣ когда-то лишь встрѣчались чумацкіе возы, стали возникать заводы и рудники. Въ короткое время, безъ размышленія, строились на удовлетвореніе казенныхъ заказовъ. Какъ грибы послѣ дождя, появлялись заводы иностранцевъ и русскихъ капиталистовъ, прельщаемыхъ ссудами, пособіями, заказами, дававшими огромный доходъ, и отсутствіемъ конкуренціи со стороны заводчиковъ Западной Европы, отъ которыхъ Витте оградился стѣною высокихъ пошлинъ. Немало и частныхъ лицъ разсчитывали, глядя на «расцвѣтъ» горной промышленности, а мужикъ кряхтѣлъ, отдавая послѣдніе гроши въ пользу процвѣтанія нашей отечественной горной промышленности.

Но мужикъ не можетъ выколотить изъ него уже ничего нельзя было, государственное казначейство опустѣло, желѣзнодорожное строительство замѣтно сократилось, а ссуды и пособія, казенные заказы и «поощренія» перестали щедро раздаваться,—и «процвѣтающую» горную промышленность охватилъ кризисъ. Ничего, кромѣ краха, и нельзя было ожидать отъ промышленности, разсчитанной не на потребности населенія, а исключительно на казенные заказы и «пособія».

Открытіе заводовъ и прокладка шахтъ привлекли тысячи человѣкъ, образовавшихъ огромную армію рабочихъ. Согласно офиціальнымъ даннымъ *), число горнопромышленныхъ рабочихъ увеличивалось у насъ чрезвычайно быстро; на горныхъ заводахъ и промыслахъ работало:

*) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи“ за 1900, 1901 и 1902 годы. Изданіе Горнаго Ученаго Комитета.

въ 1894 году	. . . .	462.990	человѣкъ.
„ 1895	„	498.351	„
„ 1896	„	492.980	„
„ 1897	„	547.901	„
„ 1898	„	592.510	„
„ 1899	„	634.009	„
„ 1900	„	715.497	„

1900 годъ былъ послѣднимъ годомъ «процвѣтанія» горной промышленности. Затѣмъ число рабочихъ стало быстро падать; на горныхъ промыслахъ и заводахъ работало:

въ 1900 году	. . . .	715.497	человѣкъ.
„ 1901	„	683.150	„
„ 1902	„	626.929 *)	„

Точныхъ данныхъ за послѣдующіе годы не имѣется, ибо трудно учесть количество рабочихъ при временныхъ прекращеніяхъ и сокращеніяхъ работъ, но такъ какъ «кризисъ» усиливается съ каждымъ годомъ, такъ какъ въ Донецкомъ бассейнѣ многіе рудники и заводы работаютъ крайне не регулярно,—надо думать, что число рабочихъ не превосходитъ въ настоящее время 500 тысячъ человѣкъ. Это сокращеніе числа рабочихъ оказалось и въ каменноугольной промышленности; число углекоповъ:

въ 1901 году	. . . .	110.000	человѣкъ.
„ 1902	„	105.688	„

Мы не ошибемся, сказавъ, что въ 1905 г. углекоповъ въ Россіи было maximum 85 тысячъ человѣкъ; ибо по сравненію съ 1901 годомъ добыча угля въ 1905 г. сократилась на 20%.

Мѣстъ добычи угля у насъ нѣсколько; крупнѣйшими являются Донецкій и Домбровскій (въ Польшѣ) бассейны. Въ первомъ добывается 65% общаго количества угля (въ 1902 г. добыто угля во всей Россіи 1.005 мил. пуд., въ Донецкомъ бассейнѣ—671 мил. пуд.) и занято почти 75% всѣхъ углекоповъ Россіи (изъ 105.688 чел. за 1902 г. въ Дон. бас.—76.031 чел.). Посмотримъ же, какъ работаетъ и живетъ эта стотысячная армія.

Помимо крупныхъ, хорошо оборудованныхъ шахтъ, существуетъ у насъ множество «шахтенокъ», принадлежащихъ мелкимъ капиталистамъ, сплошь да рядомъ—крестьянамъ. Особенно много «шахтенокъ» имѣется въ Донецкомъ бассейнѣ, но о нихъ мы говорить не будемъ: мы намѣрены дать картину работъ въ шахтахъ «благоустроенныхъ», оборудованныхъ «по послѣднему слову техники», предпріятіяхъ многомилліонныхъ. И пусть тогда читатель пред-

*) Ibid., за 1902 годъ.

ставить, каковы условія работы на мелкихъ шахтахъ, гдѣ и до настоящаго времени господствуютъ еще «старые порядки».

Прежде, чѣмъ спуститься въ шахту, мы попадаемъ въ надшахтное зданіе. Грязное, закоптѣлое отъ дыма, оно наполнено людьми: къ клѣтямъ, подымающимся снизу, одинъ за другимъ подбѣгаютъ рабочіе, берутъ вагонетки, наполненныя углемъ, и быстро катятъ ихъ по рельсамъ [illegible]. Докативъ вагончикъ до опрокидывателя, который механически переворачиваетъ его, такъ что уголь летитъ внизъ, откатчикъ возвращается съ пустымъ вагончикомъ къ клѣти, беретъ другую вагонетку съ углемъ и катитъ ее по рельсамъ [illegible].

Въ серединѣ надшахтнаго зданія находится глубокій колодезь: въ него и изъ него съ ужасающей быстротой несутся клѣти, прикрѣпленныя стальными или алойными канатами къ летучимъ подъемнымъ машинамъ, помѣщающимся вверху колодца. Стоящій у клѣти рабочій (рукоятчикъ) даетъ сигналъ «люди», и машинистъ, находящійся при машинѣ, начинаетъ медленно спускать клѣть: медленно, т. е. со скоростью 300—350 саж. въ минуту. Скорость подъема и спуска различна: «начальство» ѣдетъ медленнѣй, рабочіе и грузъ летятъ съ головокружительной быстротой. Черезъ минуту-полторы клѣть останавливается внизу, у ствола; «стволовой» даетъ сигналъ «грузъ», и на вашихъ глазахъ «на поверхность» мчится вагончикъ съ углемъ. Во время спуска въ шахту васъ обдаетъ пронизывающая сырость: подпочвенная вода просачивается сквозь землю и льется на дно колодца. Стоя у ствола, можно подумать, что идетъ сильный дождь, таковъ бываетъ этотъ «капежъ».

Итакъ, — мы подъ землей, въ царствѣ угля. Передъ нами основная ось шахты, и въ глубокой темнотѣ, съ лампочками въ рукахъ, мы вступаемъ въ нее. Если въ шахтѣ имѣется гремучій газъ, то лампочки системы Дэви, «предохранительныя», если газа нѣтъ — онѣ масляныя, чадящія, вонючія.

По рельсамъ, проложеннымъ въ квершлагѣ, несутся пустые и съ углемъ вагончики, мелькаютъ огоньки лампочекъ. Вотъ вынырнула черная, полуголая фигура, сверкнули бѣлки глазъ, краткое «здравствуйте», и человѣкъ исчезъ, слившись съ темнотой. Если вы впервые въ шахтѣ,—у васъ начинается головокруженіе: жарко, душно, чадитъ, невыносимая вонь... Шахта служитъ и отхожимъ мѣстомъ, и потому убійственный воздухъ мѣста работъ доводитъ свѣжаго человѣка до обморочнаго состоянія.

Пройдя нѣсколько минутъ, мы входимъ въ основную галлерею. Еще издали нашъ слухъ поражаетъ пронзительный свистъ. Онъ какъ бы влетаетъ въ квершлагъ, ударяется о потолокъ и, гремя, падаетъ на землю, наполняя шахту ужасомъ.

Узка и темна основная галлерея. По проложеннымъ въ ней рельсамъ ослѣпшія отъ вѣчной темноты лошади везутъ вагончики къ квершлагу. На переднемъ вагончикѣ, съ прикрѣпленной къ го-

ловѣ лампочкой, сидитъ «коногонъ», понукающій лошадь. Свѣтъ отъ лампочки очень слабъ, онъ освѣщаетъ путь всего на два-три шага, и коногонъ страшнымъ свистомъ предупреждаетъ идущихъ навстрѣчу:

— Не попадите подъ лошадь.

Мы прижимаемся къ стѣнкѣ, пропускаемъ лошадь, идемъ дальше, и съ каждой минутой все мрачнѣй и мрачнѣй дѣлается шахта, все плотнѣй и плотнѣй окутываетъ насъ темнота, охватываетъ чувство ужаса.

Мы доходимъ, наконецъ, до первой наклонной галлереи и поднимаемся въ продольный штрекъ. 13 аршинъ шириной, аршина полтора высотой штреки соединяютъ основную галлерею съ мѣстами работъ—«забоями». На четверенькахъ полземъ мы по продольному штреку и, наконецъ, влѣзаемъ въ забой.

Шахта разбивается на нѣсколько этажей, а каждый этажъ — на множество забоевъ, невысокихъ клѣтокъ, въ которыхъ забойщику, отбивающему уголь, нельзя выпрямиться во весь ростъ. Лежа на спинѣ, на боку, или сидя, — онъ размѣренными ударами кирки совершенно механически ломаетъ уголь. «Отгребщикъ» тутъ-же накладываетъ уголь въ ящикъ-«санки», а «саночникъ» спускаетъ ихъ внизъ, въ основную галлерею. Онъ ползетъ медленно, рискуя быть задавленнымъ санками, удариться о потолокъ штрека и разбить голову. Дотащивъ санки до основной галлереи, онъ нагружаетъ уголь въ вагонетку и опять ползетъ въ забой. А въ это время слѣпая лошадь везетъ уголь къ кверилагу, свиститъ коногонъ, и черныя тѣла сторонятся, давая дорогу «грузу».

Подъ грохотъ машинъ, подъ свистъ коногоновъ и ржаніе лошадей тысячи людей на глубинѣ трехъ-четырехсотъ саженей работаютъ въ воздухѣ, отравленномъ аммiакомъ, угольной пылью, чадомъ лампочекъ, ежесекундно рискуя быть затопленными водой, взорванными гремучимъ газомъ, задавленными обвалами.

Эти страшныя несчастья слишкомъ часты на нашихъ рудникахъ. Въ такихъ «случаяхъ» шахта превращается въ адъ: изъ забоевъ и штрековъ несутся крики гибнущихъ людей, галлереи стонутъ и молятъ о помощи, въ безумномъ отчаяніи черныя, голыя тѣла мчатся по ходамъ, разбиваютъ головы, падаютъ, задыхаются, раздавливаются сотнями ногъ. У клѣтей, поднимающихся на поверхность, идетъ сраженіе за мѣсто, и люди превращаются въ дикихъ звѣрей... Таковы эти обычныя драмы подъ землей... Но проходитъ недѣля-другая, шахта отливается, очищается, провѣтривается, и опять гремятъ кирки, несется свистъ коногона, да изъ забоя долетаетъ грустная пѣснь раба угля...

Помимо людей, занятыхъ подземными работами, много имѣется рабочихъ и «на поверхности». Это, какъ мы говорили уже,— откатчики, рукоятчики, глейщики, а также цѣлый штатъ столя-

—

рослыхъ, и [illegible] слесарей, занятыхъ въ мастерскихъ починкой клѣтей, плетеніемъ [illegible] и т. д., и т. д. Самой трудной изъ всѣхъ этихъ работъ, несмотря на ея кажущуюся легкость, слѣдуетъ считать работу «глейщиковъ» (выборщиковъ). Доставляемый изъ шахты уголь содержитъ много примѣсей, какъ то: колчеданъ, мѣлъ, камень и др. Лишь немногіе рудники обзавелись сортировочными машинами, которыя выбрасываютъ примѣси; большинство-же рудниковъ «выбираетъ» уголь, т. е. очищаетъ его отъ примѣсей ручнымъ трудомъ десятковъ людей. Въ трескучій морозъ, въ палящій зной, надъ желобомъ приходится стоять, согнувшись, и медленно, одинъ за другимъ, выбрасывать куски примѣси. Къ головѣ приливаетъ кровь, дрожатъ ноги, какъ плети, виснутъ руки, градомъ льется потъ... Надо ѣсть — надо работать...

Какова-же продолжительность рабочаго дня углекопа и какъ оплачивается его каторжный трудъ?

На всѣхъ каменноугольныхъ рудникахъ для всѣхъ разрядовъ работъ существуетъ двѣнадцатичасовой *) рабочій день (двѣ смѣны въ сутки). Двѣнадцатичасовая работа — максимумъ рабочаго времени, допускаемый нашимъ горнымъ законодательствомъ для подземныхъ работъ. Въ эти двѣнадцать часовъ, согласно прим. къ статьѣ 2 отд. I «Правилъ 8 декабря 1897 года о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени на горныхъ заводахъ и промыслахъ», входитъ и время, «употребляемое рабочимъ на спускъ въ рудникъ или копь и на подъемъ изъ оныхъ». Въ дѣйствительности-же рабочій день значительно продолжительнѣе. Благодаря установившемуся на всѣхъ рудникахъ порядку, рабочій приходитъ за три четверти или 1/2 часа до гудка «къ спуску»: надо записаться у табельщика, взять свой номеръ, ждать очереди у клѣти. То-же самое происходитъ и при поднятіи на поверхность: немудрено, что вслѣдствіе этой томительно-долгой процедуры спускъ въ шахту, работа и поднятіе занимаютъ не двѣнадцать, а тринадцать, тринадцать съ половиной часовъ въ сутки. Такимъ образомъ, какъ читатель видитъ, и сутки можно сдѣлать равными 26, 27 часамъ.

На поверхности рабочій день также равенъ двѣнадцати часамъ.

Такъ какъ работа глейщиковъ не требуетъ особой физической силы, то шахтевладѣльцы привлекли къ труду женщинъ и дѣтей, получающихъ значительно меньшую, чѣмъ мужчины, плату. Пользованіе трудомъ дѣтей регламентировано нашимъ законодательствомъ. Начиная съ 1882 года выходитъ цѣлый рядъ узаконеній, воспрещающихъ эксплуатацію труда дѣтей, не достигшихъ двѣнадцати лѣтъ. Малолѣтнихъ-же (отъ 12 до 15 лѣтъ) не разрѣшается до-

*) Исключеніе составляютъ лишь „бурильщики", „прокладывающіе" (прорывающіе) шахту. Имъ приходится стоять по горло въ водѣ и подвергаться опасности обвала въ любой моментъ. Эта трудная, отвѣтственная и опасная работа длится 8 часовъ.

пускать къ работамъ, «которыя, по своимъ свойствамъ, вредны для здоровья малолѣтнихъ или должны быть признаваемы для нихъ *изнурительными*» *) (Уст. Пром., ст. 111). Выборка угля безусловно относится къ числу работъ изнурительныхъ и вредныхъ для здоровья. У дѣтей, стоящихъ «на глею», замѣчается подергиванiе рукъ и головы, ломота въ поясницѣ, наконецъ, головная боль,—результатъ всякой изнурительной работы. И далѣе, законодательство наше ясно говоритъ, что нельзя заставлять дѣтей работать болѣе четырехъ часовъ кряду, въ сутки-же не болѣе восьми. А между тѣмъ, крошки въ десять-одиннадцать лѣтъ работаютъ по шести часовъ кряду (отъ 6 утра до 12 дня),—по двѣнадцати часовъ въ сутки!

Съ нѣжной юности дѣти попадаютъ въ атмосферу насилiя, жестокости, разврата и гибнутъ физически и морально. Жители рудниковъ могутъ сообщить не мало фактовъ изъ области «нравовъ», царящихъ на шахтахъ, фактовъ, свидѣтельствующихъ, что рудники кишатъ тринадцатилѣтними «жрицами любви».

Системъ заработной платы и расплаты существуетъ на рудникахъ нѣсколько. Всѣ крупныя предпрiятiя стараются имѣть дѣло не съ отдѣльными рабочими, а съ подрядчиками, нанимающими отъ себя углекоповъ, изъ которыхъ они образуютъ артели. Обыкновенно въ артель входятъ забойщики, саночники и отгребщики. Остальные рабочiе, какъ-то: коногоны, откатчики, стволовые и др., не имѣющiе соприкосновенiя съ самимъ забоемъ, получаютъ или мѣсячное жалованье, или «отъ упряжки», т. е. за число проработанныхъ смѣнъ: это такъ называемые «конторскiе» рабочiе. Ихъ заработокъ чрезвычайно незначителенъ; такъ, напримѣръ, мѣсячное жалованье коногона колеблется между двадцатью и двадцатью двумя рублями, верховыхъ и стволовыхъ—еще ниже, не превышая 20 рублей.

Лишь на немногихъ копяхъ забойщики получаютъ мѣсячный окладъ при условiи сдѣлать заданный «урокъ». Эта система оплаты труда забойщиковъ замѣнена уже почти всюду попудной и посаженной системами. Въ первомъ случаѣ количество пудовъ добытаго угля измѣряется числомъ вагонетокъ: забой № А подалъ, предположимъ, пятнадцать вагончиковъ по тридцати пудовъ въ каждомъ, итого—450 пудовъ, что составляетъ такую-то сумму.

При расплатѣ посаженной,—забой «замѣряется», т. е. по выработкѣ измѣряютъ длину и ширину его. Произведенiе изъ числа аршинъ длины на ширину и толщу пласта выразитъ число кубическихъ аршинъ добытаго угля.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ рабочiй обсчитывается, особенно, если онъ работаетъ въ артели «отъ подрядчика». Производится обсчетъ слѣдующимъ образомъ: при попудной платѣ, какъ

---

*) Курсивъ нашъ.

сильно выше, количество добытого угля считается по числу вагончиковъ. Послѣдніе вмѣщаютъ обыкновенно 31—32 пуда, но «для удобства» считаются въ 30. Такимъ образомъ, рабочій теряетъ отъ 3—5% своего заработка.

При послѣдней расплатѣ, конторщикъ, этотъ фаворитъ администраціи, «пощипываетъ» по вершку съ длины и ширины и этимъ путемъ обсчитываетъ рабочаго на десятки пудовъ. И ничтожный заработокъ углекопа еще болѣе уменьшается, доходя до жалкой суммы, едва достаточной, чтобы просуществовать. Какъ малъ этотъ заработокъ, можно убѣдиться на слѣдующемъ примѣрѣ.

Трудъ забойщика оплачивается лучше труда всѣхъ другихъ разрядовъ подземныхъ рабочихъ; между тѣмъ, сильный, опытный забойщикъ при хорошей платѣ не вырабатываетъ болѣе 1 р. 50 к. въ смѣну. Заработокъ-же средняго забойщика не превышаетъ обыкновенно 1 р. 20, 1 р. 25 коп. въ день. Считая въ мѣсяцъ 22 рабочихъ дня (264 раб. дня въ годъ), мы видимъ, что мѣсячный заработокъ забойщика равенъ 27 р. 50 коп. (1.25×22). Слѣдовательно, не болѣющій, не «прогуливающій» и не штрафуемый аристократъ подземнаго труда зарабатываетъ всего 27 р. 50 к. Но и эта цифра взята нами для момента высокой платы, времени «расцвѣта» горной промышленности, когда ощущалась нужда въ рабочихъ рукахъ, и потому послѣднія расцѣнивались сравнительно высоко. Въ настоящее-же время заработокъ стоитъ гораздо ниже: цѣлый рядъ изслѣдователей опредѣляетъ заработокъ забойщика въ 23—25 рублей въ мѣсяцъ.

Еще ниже расцѣнивается трудъ рабочихъ, занятыхъ на поверхности; ни въ одномъ разрядѣ онъ не превышаетъ 20 рублей, опускаясь до 7—8 рублей въ мѣсяцъ. Таковъ заработокъ малолѣтнихъ глейщиковъ, получающихъ 30—35 копѣекъ въ день.

Это ли — не безсовѣстная эксплуатація труда?

Работа въ каменноугольныхъ копяхъ, по самымъ своимъ условіямъ и характеру ея, чрезвычайно опасна: обвалы, взрывы, затопленія слишкомъ часто свидѣтельствуютъ объ этомъ.

И уже давно въ Западной Европѣ обращено самое серьезное вниманіе на эти несчастья, и предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы обезопасить работу. Бдительный надзоръ горной инспекціи, правильная прокладка шахтъ и правильное-же веденіе въ ней работъ значительно уменьшили число несчастій.

Къ сожалѣнію, ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ нельзя похвалиться у насъ. Возьмемъ послѣдній отчетный годъ (1902) и посмотримъ, сколько людей и отъ какихъ причинъ было убито и ранено на угольныхъ копяхъ.

	Умерло.	Поправ.	Всего.
При обращеніи со взрыв. матер. . .	18	74	92
Обвалы	93	1776	1869
Паденія въ выработку	23	106	129
Ушибы, ожоги т. д.	56	2743	2799
Отъ вредн. газовъ и испорч. воз. . .	77	27	104

Всего умерло рабочихъ—267, поправилось—4,725; на 105,688 рабочихъ—4,993 несчастныхъ случая! Почти пять процентовъ! Между тѣмъ, процентъ несчастныхъ случаевъ за тотъ же годъ во Франціи былъ равенъ всего двумъ.

Офиціальный статистическій сборникъ *) сухо замѣчаетъ: «На каждую тысячу рабочихъ, занимавшихся на каменноугольныхъ копяхъ, приходилось убитыхъ 2,52 человѣка, а каждые добытые 3.764.045 пудовъ угля стоили одной человѣческой жизни».

Эту цитату слѣдуетъ исполнить: «обращеніе со взрывчатыми матеріалами», обвалы, паденія въ выработку, удушеніе газами, т. е. всѣ почти случаи несчастій происходятъ въ *шахтѣ*, слѣдовательно, надо считаться только съ *подземными* рабочими; тогда получится ужасающая цифра: 4993 несчастія при 76031 рабочемъ, или—6,7%! И, добавимъ, каждые 200 тысячъ пудовъ угля стоятъ одного искалѣченнаго,—«поправившагося», по офиціальной терминологіи.

Конечно, подчасъ не въ волѣ рудничной администраціи предугадать и предупредить несчастья,—столь внезапны и, на первый взглядъ, безпричинны бываютъ послѣднія! Но все же огромное большинство несчастныхъ случаевъ должно быть отнесено на счетъ нераспорядительности и незнанія дѣла, скаредности и преступной небрежности шахтовладѣльцевъ и управляющихъ рудниками; посмотримъ же, въ чемъ выражаются эти скаредность, небрежность и пр.

Наше горное законодательство опредѣленно говоритъ, что при производствѣ подземныхъ работъ должно быть «особое лицо, отвѣтственное за веденіе разработки» (Собр. Узакон., 441, I, ст. 13). Это лицо «должно обладать необходимыми въ горномъ искусствѣ познаніями», каковыя «удостовѣряются дипломомъ на званіе горнаго инженера, аттестатомъ объ окончаніи курса въ горномъ училищѣ или горнозаводскомъ отдѣленіи промышленныхъ училищъ или свидѣтельствомъ о выдержаніи испытанія» въ особой коммиссіи (Собр. Узакон., 441, I, ст. 2 и 3). И далѣе, если разработка признана опасною, то хотя-бы она и состояла въ общемъ управленіи,—на каждомъ отдѣльномъ рудникѣ «долженъ быть особый отвѣтственный руководитель работъ» (Тамъ же, ст. 8).

Казалось бы, ясность приведенныхъ статей не подлежитъ сомнѣнію, и самыя статьи не могутъ быть истолкованы «по желанію». Между тѣмъ, въ періодъ «оживленія» горной промышленности,

*) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи" за 1902 г., стр. LX.

[illegible] на Югѣ Россіи [illegible] и ин-женерахъ, получившихъ мало [illegible], согласно слѣдующей порядокъ вещей. Незначительныя предпріятія, желая сохранить 200—250 рублей въ мѣсяцъ ([illegible]), предпочитали обходиться собственными средствами. Работы производились подъ наблюденіемъ стараго рабочаго — десятника, а «для закона» приглашался съ стороны [illegible] штейгеръ, который «бралъ отвѣтственность», т. е. получалъ нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ за подпись бумагъ, не заглядывая въ «подвѣдомственную» шахту по недѣлямъ. Такой порядокъ былъ на-руку предпринимателямъ, сокращавшимъ статью расхода, и штейгерамъ, [illegible] на себя нѣсколько «отвѣтственностей».

Мудрено ли, что работы подъ руководствомъ десятниковъ приводили къ тому, что десятки людей гибли и сотни превращались въ калѣкъ? И нужно ли говорить, что «вѣрный планъ разработки и производство работъ такъ, чтобы онѣ не представляли опасности для жизни и здоровья рабочихъ», какъ говоритъ объ этомъ горное законодательство, были немыслимы, находясь подъ руководствомъ малограмотныхъ десятниковъ?

Съ другой стороны, правительственные чиновники окружные горные инженеры, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за правильнымъ исполненіемъ шахтовладѣльцами горныхъ законовъ, при всемъ своемъ желаніи, не могли бы помочь дѣлу и услѣдить за всѣмъ. Горный округъ состоитъ изъ сотенъ шахтъ и шахтенокъ, десятковъ заводовъ, и на весь округъ всего лишь два человѣка: окружной инженеръ и его помощникъ. Конечно, физически невозможно справиться съ дѣломъ надзора, особенно, если принять во вниманіе, что на окружномъ горномъ инженерѣ лежитъ еще масса канцелярской работы, надзоръ за жилищами, улаженіе конфликтовъ между рабочими и предпринимателями, установленіе таксъ и т. д., и т. д...

Такимъ образомъ, по существу надзоръ за рудниками очень слабъ, и господа шахтовладѣльцы дѣлаютъ, что имъ угодно. Какъ русскіе, такъ и иностранные капиталисты, въ погонѣ за большимъ дивидендомъ, «экономятъ» на всемъ, укорачивая и суживая галлереи, дѣлая подъемы крутыми, отвратительно вентилируя шахты,— вплоть до неправильнаго ихъ устройства. У всѣхъ еще въ памяти катастрофа на рудникѣ Успенскаго въ 1902 году. Гибель десятковъ людей взбудоражила весь Донецкій бассейнъ, заставивъ «начальство» приступить къ тщательному разслѣдованію причины несчастья. «Разслѣдованіемъ обнаружено»: водоотливныя и воздушныя машины никуда не годятся, шахта устроена неправильно и, наконецъ, она не имѣетъ... запаснаго выхода, отсутствіе котораго лишаетъ права производства работъ. Не произойди эта странная катастрофа,—рудникъ продолжалъ бы работу и по сей день.

Въ погонѣ за сокращеніемъ расходовъ, «экономіей» на самомъ

необходимомъ, шахтовладѣльцы даютъ для крѣпленія забоевъ и галлерей тонкій и гнилой лѣсъ; онъ не въ состояніи противостоять давленію породы, и въ шахтахъ происходятъ обвалы... Рудничная администрація сваливаетъ, конечно, вину на самихъ рабочихъ, «этихъ животныхъ», которые и т. д.., и горной инспекціи приходится довольствоваться показаніями этой администраціи, такъ какъ главные свидѣтели—рабочіе уже погибли, «наказанные по заслугамъ», какъ намъ пришлось слышать изъ устъ нѣкоего администратора, импортированнаго изъ Бельгіи...

Какъ же обезпечены пострадавшіе отъ несчастныхъ случаевъ рабочіе и ихъ семьи? Вѣдь ежегодно число «поправившихся» и умершихъ достигаетъ солидной цифры? Посмотримъ же, какъ обстояло дѣло до 1903 года и какъ обстоитъ оно въ настоящее время.

До 1903 г., т. е. до изданія закона объ увѣчныхъ, положеніе послѣднихъ ничѣмъ не было регламентировано. Крупныя предпріятія страховали обыкновенно жизнь рабочихъ въ тысячекратную сумму ихъ дневного заработка. На мелкихъ же шахтахъ семьѣ убитаго или увѣчному предоставлялось взыскивать съ шахтовладѣльца искомую сумму. Но и семьямъ застрахованныхъ, погибшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, т. е. семьямъ рабочихъ крупныхъ предпріятій, страховыя общества не выдавали денегъ, предлагая обратиться къ помощи суда.

Начиналась волокита. Прежде всего нужно было установить, что несчастье произошло не по винѣ рабочаго. Это—очень трудная задача, ибо всегда, какъ шахтовладѣлецъ, такъ и страховое общество могутъ сослаться на вину углекопа:

— Курилъ, плохо крѣпилъ забой,—и т. д., и т. д...

Полицейскій протоколъ о несчастьѣ диктуется обыкновенно предпринимателемъ, но объ этомъ ниже, когда мы будемъ говорить о роли полиціи.

Только послѣ доказательства, что несчастье произошло не по винѣ рабочаго, судъ входилъ въ разсмотрѣніе вопроса, какую сумму причитается получить увѣчному. Принималась во вниманіе степень инвалидности, т. е. непригодности къ работѣ, заработная плата, количество времени, въ теченіе котораго рабочій пробылъ на рудникѣ, возрастъ истца и сотни другихъ обстоятельствъ.

Шли мѣсяцы, увѣчный голодалъ и въ большинствѣ случаевъ «мирился» на сотнѣ-другой, не доводя дѣла до суда, который вѣдь могъ въ искѣ и отказать.

Но три четверти увѣчныхъ попадали къ адвокатамъ по увѣчнымъ дѣламъ. Заключалось условіе, и ходатаю выдавалась довѣренность на веденіе дѣла. При заключеніи условія, «увѣчный» адвокатъ ссужалъ рабочему двадцать пять рублей «на содержаніе»:

черезъ мѣсяцъ давалъ еще нѣсколько рублей, не стоившихъ, конечно, получилъ отъ [illegible] ... А когда [illegible] съ шахтовладѣльца [illegible] по суду, рабочему представлялся счетъ, изъ котораго «явствовало», что съ рабочаго «причитается» и вмѣсто получить «вознагражденіе», [illegible] бѣдный, [illegible] сумму, [illegible] шахтовладѣльцу. Но чаще «свѣдущіе» люди [illegible] въ [illegible] или страховымъ обществомъ въ сдѣлку, [illegible] [illegible] сумму [illegible]. Конечно, въ руки [illegible] [illegible], а рабочій получалъ гроши.

Законъ 2 іюня 1903 года «О вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ, а равно членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» имѣетъ значительно [illegible] [illegible] увѣчьемъ и семьями убитыхъ *право* на [illegible]. Съ точки зрѣнія «права на обезпеченіе» [illegible]. Фактически же [illegible] остались въ положеніи, [illegible] законъ 2 іюня [illegible] формулированъ [illegible].

Въ самомъ дѣлѣ, до изданія этого закона рабочій всегда имѣлъ возможность взыскать съ промышленника извѣстную сумму, если только былъ въ состояніи доказать, что несчастье произошло по его (хозяина) винѣ. Въ противномъ случаѣ, искъ оставался безрезультатнымъ. Новый законъ только [illegible] [illegible], ибо онъ освобождаетъ промышленниковъ отъ матеріальной отвѣтственности, когда причиной несчастья былъ «злой умыселъ или грубая неосторожность потерпѣвшаго». [illegible], конечно, найдется хоть бы одинъ шахтовладѣлецъ въ европейской и азіатской Россіи, который бы вздумалъ доказывать, что рабочему оторвало руки или размозжило черепъ по причинѣ «злого умысла пострадавшаго». [illegible] первой части этой статьи закона 2 іюня [illegible]. Но сильнымъ оружіемъ въ рукахъ углепромышленниковъ служитъ вторая часть—«грубая неосторожность».

Въ любомъ несчастномъ случаѣ можно сказать, что потерпѣвшій совершилъ «неосторожность». Нѣтъ, повторяемъ, такого несчастья, которое нельзя было бы свести къ «неосторожности», какую-бы отрасль труда мы ни взяли. А разъ виной является «неосторожность», ее всегда можно квалифицировать, какъ «грубую», согласно офиціальной терминологіи: степени «грубый» и «негрубый» очень трудно разграничить въ примѣненіи ихъ къ несчастнымъ случаямъ.

Наконецъ, кто является свѣдущимъ въ опредѣленіи причины несчастья? Вѣдь главные,—и по большей части единственные— свидѣтели, соединяющіе въ своемъ лицѣ и «свѣдущихъ» экспер-

товъ эти-же хозяева и администраторы... И потому несчастье всегда оказывается происшедшимъ по причинѣ «грубой неосторожности» рабочихъ.

Такимъ образомъ, практическое значеніе закона 2 іюня 1903 г. ничтожно, и положеніе увѣчныхъ и семей убитыхъ осталось такимъ-же, какимъ было и до изданія закона.

По-прежнему увѣчный рабочій бьется въ крѣпкихъ рукахъ алчныхъ углепромышленниковъ, безсовѣстныхъ «увѣчныхъ» адвокатовъ и не торопящихся платить деньги страховыхъ обществъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію условій, въ какихъ живутъ углекопы, намъ придется указать на роль, которую играютъ въ быту углекоповъ полицейскія власти.

Рудники находятся вдали отъ городовъ и другихъ населенныхъ пунктовъ: основываются они въ степи и уже съ теченіемъ времени образуютъ совершенно самостоятельныя населенныя мѣста. Такимъ образомъ, «надзоръ за поведеніемъ» рабочихъ со стороны властей сосѣднихъ городовъ не можетъ быть достаточно «бдительнымъ». А такъ какъ «искорененіе», «пресѣченіе» и «предупрежденіе» являются необходимыми условіями русской жизни и не могутъ обойтись безъ полиціи; такъ какъ администрація рудниковъ нуждается въ той-же полиціи для «успокоенія» углекоповъ, которые волнуются изъ-за такихъ пустяковъ, какъ обсчетъ или обмѣръ,— то правительство не замедлило милостиво даровать горнопромышленнымъ предпріятіямъ полицію.

«Расцвѣтъ» промышленности, въ частности горной,— ознаменовался основаніемъ многихъ поселковъ, и отъ правительства требовалась большая сумма на содержаніе полиціи. Государственная шкатулка была по обыкновенію пуста, и правительство вступило съ промышленниками въ переговоры, закончившіеся къ общему удовольствію. Промышленникамъ было на-руку имѣть подчиненную имъ полицію, правительству было на-руку избавиться отъ расхода.

Результатомъ этого соглашенія, союза власти и рубля явилось слѣдующее постановленіе: «Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется разрѣшать ходатайства общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ объ учрежденіи должностей исполнительныхъ полицейскихъ чиновниковъ внѣ городскихъ поселеній, съ возмѣщеніемъ на счетъ упомянутыхъ учрежденій, обществъ и лицъ издержекъ казны по содержанію такихъ должностей» (Св. Зак., т. II, изд. 1892 г., стр. 612).

Затѣмъ появляется цѣлый рядъ «разъясненій» въ родѣ февральскаго 1899 года: «Отводъ земли или наемъ квартиръ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ для чиновъ фабрично-заводской полиціи возлежитъ на обязанность подлежащихъ владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ и горныхъ промысловъ». Всѣ расходы по содержанію (вплоть до прокорма) поли-

ців [illegible] «нѣк[illegible] [illegible] [illegible] на [illegible]», «на [illegible]», «къ [illegible]», «къ [illegible]» и т. д. И не [illegible] мо-[illegible] у [illegible] Зави-[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] которому [illegible].

Достаточно рабочему [illegible] о прочтеніи [illegible]ванія, нару-[illegible] [illegible]—какъ его [illegible] уряд[illegible] «сообщаютъ», а онъ «вздорная личность» [illegible] «Въ доброе старое время», да-[illegible] и теперь [illegible] урядникъ [illegible] рабочаго съ рудника въ одинъ день.

Если у рабочаго [illegible] на [illegible], а новый еще не «вы-[illegible]», урядникъ будетъ получать инструкцію «избавиться», призываетъ къ себѣ [illegible], начинается сравнительно та-кого рода [illegible]:

— Что-жъ это ты, [illegible] по [illegible] живешь!

— Не [illegible] еще, ваше благородіе, двѣ недѣли назадъ [illegible] въ волость...

— [illegible] убирайся [illegible], чтобы не видѣлъ я тебя больше!

— Помилуйте, ваше благородіе... День-два погодите, отецъ [illegible]...

— Ты еще разговаривать! Смотри!...

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько «дружескихъ» пинковъ, матерная брань и энергичное «Сейчасъ выѣхать!».

Можете быть увѣрены, что черезъ нѣсколько часовъ углекопъ ѣдетъ уже на родину».

Такого рода явленіе очень выгодно для шахтовладѣльца, т. к. оно происходитъ по предписанію полицейскихъ властей, слѣдовательно, не влечетъ уплаты рабочему его двухнедѣльнаго заработка.

Промышленникъ умываетъ руки.

«Политику» вырываютъ на рудникахъ съ корнемъ. Горе рабочему, читающему газету! Царь и богъ рудника—полицейскій урядникъ усматриваетъ въ этомъ «крамолу» и засаживаетъ въ тюрьму.

И этотъ мелкій чиновникъ, состоящій на жалованьи у рудника, составляетъ протоколы о несчастныхъ случаяхъ, даетъ показанія на судѣ и окружному горному инженеру, рапортуетъ по начальству о всѣхъ событіяхъ рудничной жизни и даже можетъ вызвать на промыселъ войска... Огромная власть въ рукахъ ничтожнаго чело-

вѣка! Ниже мы будемъ говорить, какъ ею пользуются при разрѣшеніи, напримѣръ, квартирнаго вопроса.

Перейдемъ теперь къ послѣднему.

И въ Западной Европѣ однимъ изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ въ жизни рабочихъ является вопросъ жилищный. Но въ Россіи этотъ вопросъ осложняется еще чисто-русскими, нашими «отечественными» причинами. Особенно остро поставленъ жилищный вопросъ въ каменноугольныхъ копяхъ.

Находясь вдали отъ населенныхъ пунктовъ, рудники, такъ сказать, не пускаютъ рабочихъ отъ себя, принуждая ихъ жить на шахтахъ. Послѣднія находятся на землѣ, или принадлежащей шахтовладѣльцамъ, или арендуемой ими долгосрочно. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ фактическими обладателями какъ нѣдръ, такъ и поверхности земли являются углепромышленники, и потому возведеніе на рудничной землѣ построекъ возможно лишь съ согласія администраціи предпріятія. Разрѣшая возведеніе построекъ подъ торговыя помѣщенія и квартиры для торговцевъ, шахтовладѣльцы никогда не разрѣшаютъ частнымъ лицамъ строить жилища для рабочихъ: въ квартирномъ вопросѣ рудники не допускаютъ конкурренціи съ собой. Тѣмъ самымъ шахта закабаляетъ рабочаго и лишаетъ его возможности вести борьбу съ эксплуатаціей и безправіемъ.

На мелкихъ предпріятіяхъ рабочіе живутъ въ ужасныхъ помѣщеніяхъ, вырытыхъ прямо въ землѣ, тѣсныхъ, сырыхъ, вонючихъ, гдѣ спятъ вповалку и заражаютъ другъ-друга накожными болѣзнями сифилисомъ, чахоткой.

На крупныхъ рудникахъ дѣло обстоитъ нѣсколько лучше. Для холостыхъ рабочихъ устраиваютъ такъ называемыя казармы, огромныя зданія коридорной системы: изъ коридора, раздѣляющаго каждый этажъ на двѣ симметричныя части, ведутъ двери въ отдѣльныя комнаты. «Постановленію 4 іюля 1894 года о мѣрахъ охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ на горныхъ заводахъ и промыслахъ, кромѣ соляныхъ»,— комнаты эти удовлетворяютъ, т. е. имѣютъ опредѣленный объемъ въ 1½ куб. саж. Но никогда не вентилируемыя, узкія, непомѣрно высокія, загаженныя плевками, окурками, не подметаемыя, пропитанныя запахомъ угольной копоти, специфическаго запаха отъ углекопа,— эти комнаты-клѣтки поражаютъ своей грязью и нестерпимой вонью. Рабочему, утомленному двѣнадцатичасовой каторжной работой, положительно нѣтъ времени заняться уборкой комнаты: изнуренный, онъ возвращаясь съ работы, бросается на кровать и засыпаетъ тяжелымъ сномъ. Рудничныя-же поломойки успѣваютъ вымыть полъ комнаты лишь разъ въ двѣ недѣли.

Но еще хуже квартиры семейныхъ рабочихъ. Согласно пости-

рованному выше постановленію 4 іюля 1894 года, полагается на квартиру «не менѣе 3 куб. саж. на семью, состоящую не болѣе, какъ изъ двухъ взрослыхъ членовъ и двухъ дѣтей до двѣнадцати-лѣтняго возраста; для семей же большаго состава—по расчету, увеличивая на 1 куб. саж. содержаніе воздуха на каждаго взрослаго и на каждыхъ двухъ дѣтей до двѣнадцатилѣтняго возраста».

§ 3 этого постановленія гласитъ: «Подвальныя помѣщенія и землянки должны быть уничтожены въ теченіе двухъ лѣтъ по вступленіи въ силу настоящихъ обязательныхъ постановленій». Съ тѣхъ поръ прошло уже девять лѣтъ, а землянки существуютъ и до сихъ поръ во всемъ Донецкомъ бассейнѣ. И не только существуютъ, но такъ малы, что совершенно не удовлетворяютъ постановленію 4 іюля о количествѣ необходимаго воздуха.

«Землянки»—это маленькіе дома, на треть и больше ушедшіе въ землю, съ земляными полами (опять-таки вопреки пункту 5 постановленія 4 іюля 1894 г.), не оштукатуренными стѣнами, сырыя, темныя, низкія, объемомъ въ 5—5½ куб. саж. Въ этомъ помѣщеніи живутъ семьи, состоящія сплошь и рядомъ изъ 7—8 человѣкъ. Если исключить пространство, занимаемое печью и «мебелью», вряд-ли объемъ комнаты превыситъ 4 куб. саж.

Блохи, мокрицы, тараканы вылѣзаютъ изъ половъ, стѣнъ, потолка, убійственная вонь изъ примитивно-устроенныхъ, находящихся въ десяти шагахъ отхожихъ мѣстъ вызываютъ у свѣжаго человѣка головокруженіе.

А тутъ еще этотъ отвратительный дымъ! Рудники предоставляютъ рабочимъ уголь безплатно. Рабочій - человѣкъ простой, ему все можно ѣсть, пить, всякой гадостью дышать; поэтому рабочимъ и даютъ «невыбранный» уголь, т. е. не очищенный отъ примѣси сѣры, кварца, земли, мѣла. Печи въ землянкахъ устроены такъ плохо, что дымъ не выходитъ черезъ трубу наружу, а наполняетъ комнату удушливый, вредный дымъ, которымъ приходится дышать дѣтямъ!

Въ такой-то «квартирѣ» живетъ человѣкъ, работающій 12 часовъ въ сутки, вдыхающій тамъ, подъ землей, копоть масляныхъ лампочекъ и угля.

И не хочется вѣрить,—а между тѣмъ это такъ!—отвратительное, хуже свиного хлѣва, жилище прикрѣпляетъ семейнаго углекопа къ шахтѣ. Вѣдь «квартира»—собственность рудника, предоставившаго ее въ безплатное пользованіе углекопа *на время работъ*. Разсчитывается шахтеръ,—онъ долженъ немедленно оставить землянку. Съ какой стати рудникъ будетъ давать безплатное помѣщеніе не работающимъ на немъ людямъ?

И какъ бы ни было ничтожно жалованье семейнаго рабочаго, какъ бы его ни обсчитывали, ни обманывали,—онъ долженъ терпѣть, особенно въ зимнее время. Куда дѣться съ семьей? Не ночевать вѣдь съ женой и дѣтьми на улицѣ въ пятнадцати-градусный морозъ!

И рабочій терпитъ. Ибо, какъ только онъ «нагрубитъ», такъ немедленно получаетъ разсчетъ, а черезъ нѣсколько часовъ [illegible] урядникъ и приказываетъ очистить квартиру.

Когда расцвѣтъ горной промышленности закончился на югѣ послѣднимъ ея крахомъ, тысячи углекоповъ остались безъ работы.

Лопались заводы, пріостанавливалась работа на шахтахъ, рабочій людъ выбрасывался на улицу. Быстро, въ нѣсколько недѣль, въ Донецкомъ бассейнѣ образовалась армія безработныхъ. Рудничная администрація и полицейскія власти опасались безпорядковъ. Шахтовладѣльцы, кромѣ того, рѣшили избавиться отъ расхода по отопленію и ремонту занятыхъ безработными землянокъ.

Написали «въ губернію», оттуда по начальству доложили въ Петербургъ. На рудникахъ появились казаки, и начались «маленькія недоразумѣнія». Но затѣмъ правительство рѣшило избавить горнопромышленниковъ отъ голодныхъ людей и голоднаго бунта, который могъ возникнуть. И вышла «милость»: рабочихъ было приказано отправить на родину, туда, гдѣ и безъ нихъ умираютъ отъ голоду. И довезти «безплатно»...

Голодныхъ, потерявшихъ силы и здоровье людей, усаживали въ вагоны. На платформахъ станцій, въ видѣ почетнаго караула, присутствовали казаки и полицейскіе...

Свистѣла сирена паровоза, грохотъ колесъ смѣшивался съ плачемъ и причитаніями женщинъ. Мрачная фигура углекопа грозила кому-то кулакомъ... Но поѣздъ скрывался. Отъѣздъ «на родину» прошелъ благополучно...

А въ это время служащіе рудника обходили опустѣвшія землянки и привѣшивали къ дверямъ замки...

Много горя и хлопотъ доставляетъ рабочимъ каменноугольныхъ копей и вопросъ о пищевомъ довольствіи.

На мелкихъ рудникахъ предприниматель лично торгуетъ всѣмъ необходимымъ. Рабочіе забираютъ товаръ «на книжку» по очень высокимъ цѣнамъ, а когда наступаетъ день мѣсячной или двухнедѣльной расплаты,—рабочій ничего не получаетъ, но еще сплошь и рядомъ остается должникомъ шахтовладѣльца. Законодательство наше ничего не можетъ подѣлать съ хищниками-предпринимателями, и послѣдніе обираютъ углекоповъ до нитки.

На крупныхъ рудникахъ эксплуатація рабочихъ лавками нѣсколько слабѣе. Многія предпріятія имѣютъ такъ называемые «продовольственные» магазины, гдѣ можно пріобрѣсти предметы потребленія и вещи первой необходимости, каковы: платье, обувь, мебель и проч.,—до нѣкоторой степени универсальные магазины.

Ст. 107—121 уст. промышленности требуютъ, чтобы на «предметы потребленія въ устраиваемыхъ заводскими и промысловыми управленіями лавкахъ цѣны были» не выше, утверждаемыхъ окруж

ными инженерами таксамъ обрасть, на которыхъ (см. ст. 140, 141, 147 Уст. Пром., изд. 1893 г.) и ихъ положительно возлагается «разсмотрѣніе и утвержденіе таксъ». Окружные горные инженеры утверждаютъ таксы, но, не будучи въ состояніи слѣдить за соблюденіемъ ихъ, нисколько не могутъ избавить углекоповъ отъ обязательности лавокъ. Таксу всегда очень легко обойти, не нарушая формы. Напримѣръ, пусть въ таксѣ обозначено: «фунтъ бѣлаго хлѣба перваго сорта — четыре копейки». Никакимъ образомъ нельзя опредѣлить, что надо понимать подъ *бѣлымъ* хлѣбомъ: тутъ часто субъективная оцѣнка. Далѣе — что такое, напримѣръ, «мясо перваго сорта»? Оцѣнка *качества* большинства предметовъ также не поддается объективному опредѣленію. И потому часто «бѣлый» хлѣбъ замѣняется [illegible], а первый сортъ мяса имѣетъ подозрительно темный цвѣтъ и несколько «странный» запахъ.

Можно и повысить цѣны на продукты, не обходя таксы. Позволяемъ себѣ привести примѣръ изъ ряда нарушеній таксы; его намъ пришлось наблюдать лично. Въ таксѣ было сказано: «Пачка (десять коробокъ) шведскихъ спичекъ — восемь коп.» Лавка не отпускала пачекъ, приходилось брать коробками по копѣйкѣ каждая: восемь коробокъ — восемь копѣекъ.

— А пачками не продаемъ, мало осталось спичекъ, — заявляла покупателямъ.

Живущій не на рудникѣ, надзирающій за десятками предпріятій, окружной горный инженеръ лишенъ возможности услѣдить за всѣми нарушеніями таксы, изобрѣтаемыми хитроумными предпринимателями.

Рабочій, конечно, можетъ обратиться къ «окружному» съ жалобой на обирательство. Но всегда онъ окажется въ проигрышѣ. Предприниматель оправдается, а жалобщикъ немедленно будетъ представленъ къ разсчету и въ 24 часа изгнанъ, какъ дерзкій и бунтующій противъ власти. Остается, значитъ, терпѣть.

Что касается частныхъ лицъ, занимающихся на рудникахъ торговлей, — они поставлены въ условія, лишающія ихъ возможности конкуррировать съ рудничными лавками. Мы уже говорили, что администрація рудника, воспрещая частнымъ лицамъ постройку домовъ, квартиръ для рабочихъ, преслѣдуетъ этимъ запрещеніемъ цѣль — прикрѣпить углекоповъ къ руднику жилищемъ.

Той же политики придерживаются шахтовладѣльцы и въ вопросѣ продовольственномъ.

Всѣ сооруженія, возводимыя частными лицами на землѣ рудника, по истеченіи опредѣленнаго срока, переходятъ въ собственность предпріятія. Домъ, воздвигаемый подъ торговлю и квартиру для купца, долженъ, напримѣръ, перейти къ предпріятію черезъ двадцать лѣтъ, при чемъ постройка его обошлась въ 5,000 рублей. Слѣдовательно, ежегодно торговецъ уплачиваетъ руднику 250 руб. Эта сумма представляетъ изъ себя какъ бы рентную сумму. Но

затѣмъ существуетъ и аренда, очень высокая, доходящая до тысячи рублей въ годъ. Такимъ образомъ, уплачивая руднику ежегодно огромную сумму, торговецъ волей-неволей долженъ продавать товаръ дороже рудничной лавки на 3, 4, 5, 10%—въ зависимости отъ годового оборота.

Конечно, за наличныя деньги или въ кредитъ на опредѣленную сумму углекопы берутъ изъ рудничныхъ лавокъ. Но, когда изсякаютъ деньги и кредитъ въ послѣднихъ, приходится обратиться къ частному торговцу, охотно отпускающему «на книжку».

А такъ какъ денегъ у углекопа почти никогда нѣтъ, такъ как кредитъ его въ рудничной лавкѣ ничтоженъ, —онъ всегда имѣетъ дѣло съ торговцемъ, обирающимъ своего кліента до нитки. Таковъ процессъ закупки углекопамя пищевого довольствія и всѣхъ необходимыхъ вещей. Между тѣмъ, тяжелая работа требуетъ хорошаго питанія, которое могло бы возмѣстить трату организма.

Посмотримъ, сколько приходится затратить на пищу холостому рабочему. Прежде всего воспользуемся оффиціальными разъясненіями на этотъ счетъ. Относительно питанія углекоповъ наше законодательство ничего не говоритъ, но оно регламентируетъ количество пищи для рабочихъ золотыхъ промысловъ,—рабочихъ приблизительно одного характера работъ съ углекопами. Постановленіями 16 — 23 февраля 1896 г. «О пищевомъ довольствіи рабочихъ, получающихъ по условіямъ найма пищу отъ нанимателя» для золотыхъ и платиновыхъ промысловъ полагается:

В ъ м ѣ с я ц ъ:

Муки ржаной 1 п. 35 ф. по 90 к. п. *)	1	р. 69	к.
Муки пшеничной 10 фунтовъ по 4 к. ф.	—	р. 40	к.
Крупы 15 фунтовъ по 5 к. ф.	—	р. 75	к.
Масла коровьяго 1 фунтъ по 35 к. ф.	—	р. 35	к.
Сала скотскаго (топлен.) 1 ф. по 20 к. ф. . . .		р. 20	к.
Соли 3 фунта по $1\frac{1}{2}$ к. ф.	—	р. $4\frac{1}{2}$	к.
Чая кирпичнаго не менѣе 60 зол.		р. 40	к.
Всего	3	р. $83\frac{1}{2}$	к.

Въ день. Мяса свѣжаго (или соленаго **)	въ зимніе мѣс. $1\frac{1}{4}$ ф. . . 21 к.
	въ лѣтніе мѣс. $1\frac{1}{2}$ ф. . . 24 к.

Если даже считать круглый годъ только по $1\frac{1}{4}$ ф. на человѣка, то ежемѣсячный расходъ на мясо равенъ 21×30=6 р. 30 к.; всего, слѣдовательно, законодательство наше исчисляетъ мѣсячный расходъ горнаго рабочаго на ѣду равнымъ 3 р. $83\frac{1}{2}$ к. + 6 р. 30 коп. = 10 руб. 13 коп. Сюда надо добавить еще расходъ на сахаръ (2 ф

*) Беремъ цѣны, существующія на эти предметы въ Донецкомъ бассейнѣ.

**) На югѣ, въ Донецкомъ бассейнѣ соленое мясо углекопами не потребляется.

по 16 коп. = 32 коп. Итого мѣсячный расходъ на пищу равенъ 10 руб. 45 коп.

Таковы въ дѣйствительности издержки углекопа на ѣду.

Г. Пажитновъ *) принимаетъ минимальную ѣду углекопа, живущаго въ артели, въ:

[illegible]	8 р. 20 к.
Кофе, чай	— р. 50 к.
Сахаръ	— р. 74 к.
Итого	9 р. 44 к.

Въ эту же сумму — отъ 9 до 10 рублей въ мѣсяцъ — оцѣниваетъ расходъ углекопа на пищу и г. Мехмандаровъ **). И, дѣйствительно, какъ данныя изслѣдователей, такъ и личные разспросы углекоповъ пишущимъ эти строки свидѣтельствуютъ, что «столовники», «нахлѣбники» платятъ за столъ 9—12 руб. въ мѣсяцъ.

Теперь посмотримъ, сколько надо тратить въ мѣсяцъ на ѣду семейнымъ углекопамъ.

Принимая во вниманіе среднюю семью, т. е. состоящую изъ 5 человѣкъ (мужъ, жена, трое дѣтей), расходъ на пищу выразится суммой ***):

Рабочій	7 р. 25 к.
Жена его	5 р. 45 к.
3 дѣтей	12 р. — к.
Итого	24 р. 70 к.

Итакъ, далекое отъ изобилія питаніе должно обходится семейному углекопу въ 24 — 25 р. Въ отдѣлѣ о заработной платѣ мы указывали, что наилучше оплачиваемый трудъ забойщика не превосходитъ 23 — 25 р. Такимъ образомъ, весь заработокъ долженъ расходоваться на пищу!

А вѣдь еще нужно одѣться, обуться, покупать массу необходимыхъ въ хозяйствѣ вещей...

Предлагаемъ читателю представить себѣ положеніе коногона стволового, рукоятчика, откатчика, имѣющихъ семью изъ 6 — 7 душъ и получающихъ двадцатирублевое жалованіе!

Нужно ли говорить, что углекопы, стараясь свести концы съ концами, прежде всего экономятъ на пищѣ, другими словами, — вѣчно не доѣдаютъ.

Это-то хроническое недоѣданіе, отвратительныя жилища, тяже-

*) К. А. Пажитновъ, «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», книгоизд. «Новый Міръ», 1906 г.

**) В. А. Мехмандаровъ, «Заболѣваемость рабочихъ на Югѣ Россіи». «Вѣстникъ Фабричнаго Законод. профессіон. гигіены», 1905 г., № 2.

***) Мы считаемъ, что семьѣ продукты и ихъ приготовленіе обходятся дешевле на 15%. Далѣе считаемъ потребленіе пищи женщиной равнымъ 3/4 мужского потребленія, дѣтей — въ зависимости отъ возраста.

лая работа, вдыханіе угольной копоти, чада лампочекъ, нестерпимая жара — всѣ эти многочисленныя причины тяжело отражаются на здоровьи углекоповъ.

Большинство рабочихъ страдаетъ эмфиземой и соединительнотканнымъ воспаленіемъ легкихъ, бронхитомъ, глазными болѣзнями, и всѣ поголовно—ревматизмомъ.

Проработавшій нѣсколько лѣтъ въ шахтѣ превращается въ старика, слабосильнаго, не пригоднаго ни къ какой работѣ,—полнаго инвалида. Рудничныя больницы биткомъ набиты страдающими вышеперечисленными болѣзнями и ранеными.

Всасывая здоровье, силу и молодость, шахта выбрасываетъ остатки сильныхъ недавно людей. Она пожираетъ людей, какъ Минотавръ, и требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ: алтарь всемогущаго капитала вѣдь такъ нуждается въ людской крови!

Тяжелыя, подчасъ невыносимыя правовыя и экономическія условія, въ которыя поставлены углекопы, должны бы были, казалось, двинуть массы углекоповъ на борьбу съ полицейскимъ строемъ и хозяйскими притѣсненіями.

И дѣйствительно, уже съ давнихъ временъ въ старѣйшей горнозаводской мѣстности на Уралѣ рабочіе цѣлымъ рядомъ «бунтовъ» показали, что жизнь ихъ невыносима, и что только борьбой они могутъ добыть себѣ права.

Происходили волненія и въ Домбровскомъ, и въ Московскомъ, и въ Донецкомъ бассейнахъ, но всегда они носили характеръ стихійный и начинались «безъ плана», безъ подготовки, такъ какъ ни въ профессіональные союзы, ни, тѣмъ паче, въ партійныя организаціи рабочіе не соединены.

Отсутствіе профессіональныхъ союзовъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что на Уралѣ и въ Донецкомъ бассейнѣ почти не существуетъ кадра профессіональныхъ углекоповъ. Въ Донецкомъ, напримѣръ, бассейнѣ, гдѣ добывается 65% общаго количества угля и гдѣ занято 75% общаго числа углекоповъ Россіи, кадры шахтеровъ состоятъ изъ крестьянъ центральныхъ губерній.

«Дома», «въ Рассеѣ»—земли нѣтъ. Неурожай — обычное явленіе. Голодъ и безземелье гонитъ на Донъ и на Кубань тысячи человѣкъ. Эта безконечная вереница голодныхъ людей направляется на Югъ въ глубокой увѣренности, что «тамъ» на всѣхъ хватитъ полевыхъ работъ.

Но «тамъ» и своихъ безземельныхъ, голодающихъ достаточное число. Да и слишкомъ велика «бродячая Русь»...

И вотъ начинается «отходъ». Многіе изъ заработавшихъ ничтожную сумму на сельско-хозяйственныхъ работахъ или не получившіе никакой работы, промаявшись лѣто, идутъ домой. По до-

рогѣ они застрахованы на рудникахъ и зимѣ оставляются на четыре-пять мѣсяцевъ (ноябрь—февраль).

Съ наступленіемъ весны, т. е. съ началомъ марта, большинство этихъ временныхъ углекоповъ бросаетъ рудники и длинной вереницей тянется на югъ и востокъ.

Другіе, успѣвъ [illegible] сколотить нѣсколько десятковъ рублей, уходятъ домой, въ Россію.

Такимъ образомъ, осѣдлыхъ углекоповъ въ Донецкомъ бассейнѣ почти нѣтъ. На это указываютъ и изслѣдователи послѣдняго времени. Г. Пажитновъ, говоря о непостоянствѣ рудничныхъ рабочихъ, приводитъ слѣдующій фактъ: на Кадіевско-Голубовскихъ копяхъ «на 1,500 мѣстъ въ теченіе 1901 года уволено 3,683 и вновь принято 3,549 человѣкъ» *).

Тотъ же авторъ свидѣтельствуетъ, что «въ лѣтнее время большинство изъ нихъ (углекоповъ) уходитъ на полевыя работы» **), такъ какъ «почти весь составъ рабочихъ на копяхъ Донецкаго бассейна состоитъ изъ пришлыхъ рабочихъ-крестьянъ центральныхъ губерній» ***).

Что углекопы юга въ большей части—крестьяне, уходящіе лѣтомъ на полевыя работы, можно заключить изъ того факта, что въ лѣтніе мѣсяцы, въ цѣляхъ удержанія у себя рабочихъ, шахтовладѣльцы повышаютъ заработную плату на 10—15%. Она понижается въ осенніе и зимніе мѣсяцы.

Наконецъ, мы приведемъ статистическія данныя о сравнительной продуктивности труда углекоповъ Донецкаго и Домбровскаго бассейновъ: въ послѣднемъ углекопы—профессіоналы.

въ 1902 г. добыто угля	въ Донецкомъ бассейнѣ	671 000 тыс. пуд.
	„ Домбровскомъ „	259 270 „ „
въ 1902 г. было занято въ подземныхъ работахъ	въ Донецкомъ бассейнѣ	54 329 чел.
	„ Домбровскомъ „	12.375 „

Слѣдовательно, на одного подземнаго рабочаго приходилось добытаго угля:

въ Донецкомъ бассейнѣ 12.355 пудовъ.
„ Домбровскомъ „ 20.947 „

Принимая во вниманіе, что въ копяхъ Царства Польскаго рабочихъ дней больше, чѣмъ въ Россіи, на 10%, все же остается избытокъ въ 67%. Эти 67% излишней, по сравненію съ трудомъ углекопа юга, продуктивности работы шахтера Домбровскаго бассейна должны относиться за счетъ его опытности, являющейся результатомъ *постоянной* профессіональной работы (на углекопа Франціи приходится въ годъ свыше четырехъ тоннъ, углекопа Англіи—375—400 тоннъ и т. д.).

*) К. А. Пажитновъ, „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, стр. 251.
**) Ibidem. 252.
***) Ibid., 251.

Если мы такъ подробно остановились на вопросѣ, профессіональные или временные рабочіе-углекопы Россіи, то только съ цѣлью разсѣять существующее еще у нѣкоторыхъ мнѣніе, что углекопы, занятые въ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, не могутъ не быть профессіональными, если можно такъ выразиться, пролетаріями.

Итакъ, шахтеры юга и отчасти Урала—пришлые крестьяне. Естественно, что они смотрятъ на свою работу, какъ на временную, не имѣютъ въ виду прочно основаться на рудникахъ, не имѣютъ, слѣдовательно, и тѣхъ *постоянныхъ*, однородныхъ интересовъ, которые являются цементомъ, сплачивающимъ трудящіяся массы.

Но, помимо этой причины, профессіональные союзы не могли образоваться вслѣдствіе полицейскихъ притѣсненій. Если рабочій преслѣдуется за чтеніе газетъ, если полицейскій урядникъ можетъ сгноить въ тюрьмѣ за «дерзость»,—кто будетъ помышлять объ организаціи профессіональнаго союза,—«незаконнаго сообщества»!

Почти немыслимо было проникнуть къ углекопамъ и членамъ соціалистическихъ партій: они «излавливались», не успѣвъ ничего сдѣлать.

Были еще причины, лишавшія рабочихъ возможности вести планомѣрную борьбу со своими притѣснителями. Таковы: боязнь лишиться квартиры и быть выброшеннымъ на улицу; опасеніе конкурренціи со стороны «тамбовцевъ», «пензенцевъ», «рязанцевъ» въ зимніе мѣсяцы, когда администрація рудника можетъ достать за безцѣнокъ любое количество рабочихъ рукъ; длинный рабочій день: до книжки ли и бесѣдъ, когда человѣкъ утомленъ и мечтаетъ только о снѣ?—И, наконецъ, невѣжество, полная тьма, въ которой прозябали крестьяне до послѣдняго времени.

Таковы главнѣйшія причины.

Но, повторяемъ, не надо думать, что такъ-таки все шло «тихо и благородно» въ царствѣ угля. Нѣтъ! То на одномъ, то на другомъ рудникѣ вспыхивали безпорядки, стихійные, дикіе, выливавшіеся въ форму грабежей, пожаровъ, убійствъ.

Масса углекоповъ—темная, неразвитая, не умѣла обобщать фактовъ и явленій. Такого-то начальника не любили за грубость и жестокость, такого-то за мошенничество, такого-то за «обсчетъ», «обмѣръ», «обвѣсъ»... Ненавидѣли такимъ образомъ опредѣленное лицо. Но понять, что эти наглые, развратные, вороватые «хозяева», «начальники» и чины полиціи созданы общими условіями, поддерживающими порядки и въ копяхъ,—углекопы не умѣли.

Существовала лишь одна общая ненависть, ненависть глубокая, какой только можетъ быть ненависть къ шахтѣ, этому темному, свирѣпому чудовищу, убивавшему и калѣчившему людей, поглощавшему здоровыхъ, выбрасывавшему мертвыхъ или ревматиковъ, чахоточныхъ, слѣпыхъ, безногихъ...

Въ праздничные дни шахтеръ «гулялъ»: пилъ, сквернословилъ,

дрался и въ дракѣ, по пустому поводу, всаживалъ товарищу ножъ въ бокъ.

Это былъ разгулъ людей, которымъ хочется хоть на часъ забыть о той жизни, въ которой они прозябаютъ. Шесть дней углекопъ работалъ и терпѣлъ, седьмой — пилъ и дрался.

Но, когда чаша терпѣнія переполнялась, когда обмѣръ, обсчетъ, жестокое обращеніе до краевъ наполняли сердце жаждой мести,— она начиналась, эта страшная месть...

Затоплялись шахты, сжигались надшахтныя зданія, дома нелюбимыхъ начальниковъ и хозяевъ,— и толпа, измученная, доведенная страданіями до звѣрства, предавала разрушенію все, что могла...

За долгіе мѣсяцы мукъ, за море оскорбленій она мстила, наслаждалась испугомъ и страданіями насильниковъ...

А потомъ являлись войска...

Начиналась звѣрская расправа... Людей засѣкали плетьми, перебивали ребра ружейными прикладами, разстрѣливали...

И еще черезъ недѣлю, когда спускалась вода и все приводилось въ порядокъ,— рудникъ принималъ обычный видъ: подъ землей гремѣли кирки, пыхтѣли машины, неслся свистъ, гудѣла брань, а «на поверхности» шли обмѣръ, обвѣсъ, обсчетъ..

По прежнему обваливались забои, гибли люди... И по прежнему въ сердцахъ черныхъ отъ копоти людей накоплялась жажда мести...

Такого рода мѣстныя волненія уже много лѣтъ охватываютъ отдѣльныя мѣста Донецкаго бассейна, Московскаго и Урала.

Послѣдніе годы измѣнили характеръ волненій: широкимъ потокомъ хлынули на рудники газеты, листки, брошюры, появились новые люди и говорили новыя слова, простыя и всѣмъ понятныя. Углекопы очнулись, раскрыли глаза, уяснили себѣ «сущность» вещей и вступили въ борьбу со своими притѣснителями.

Мы закончимъ настоящій очеркъ описаніемъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ Донецкомъ бассейнѣ прошлой осенью.

Агитація и пропаганда обѣихъ соціалистическихъ партій, чтеніе газетъ и брошюръ, атмосфера, насыщенная разговорами на тему: «такъ больше жить нельзя» — все это создало на югѣ боевое настроеніе. Съ мая 1905 года на рудникахъ и заводахъ, въ деревняхъ и селахъ Донецкаго бассейна начинаются митинги, на которыхъ присутствуютъ тысячи рабочихъ и крестьянъ.

Въ октябрѣ мы уже видимъ ихъ въ роли дѣйствующихъ лицъ въ борьбѣ. Въ Донецкомъ бассейнѣ мѣстныя и областныя организаціи блестяще провели забастовку, въ которыхъ участвовали рабочіе всѣхъ предпріятій.

Дождавшись «конституціи», углекопы (впрочемъ,—только ли одни углекопы?) были убѣждены, что всему полицейско-обирательскому строю положенъ конецъ.

Послѣдующія событія излѣчили углекоповъ отъ излишней до-

вѣрчивости, и начавшіяся репрессіи вызвали среди рабочихъ и крестьянъ Донецкаго бассейна вооруженное возстаніе..

Начался подготовительный періодъ: въ заводскихъ и рудничныхъ поселкахъ шли митинги; желѣзнодорожныя депо, рудники и заводы избрали совѣты рабочихъ депутатовъ, и стачечные комитеты, поѣзда, разукрашенные красными флагами, перевозили отъ одной станціи къ другой делегатовъ и ораторовъ. Подъ пѣніе марсельезы подъ громкое «ура» тысячной толпы, проходили шествія на заводы и рудники.

Цѣлыми деревнями на митинги являлись крестьяне, приводя съ собой женъ и дѣтишекъ; наиболѣе многолюдные митинги происходили на узловыхъ станціяхъ: Гришинѣ, Дебальцевѣ, Авдѣевкѣ, Ясиноватой и въ крупнѣйшемъ рудничномъ поселкѣ Горловкѣ, при станціи того же названія.

Такимъ образомъ, объявленіе всеобщей декабрьской забастовки встрѣтило Донецкій бассейнъ готовымъ къ выступленію. Непрерывно, съ утра до вечера, шли митинги, и ораторы выясняли вопросъ о «правовомъ положеніи» русскихъ гражданъ и «необходимость» борьбы за право народа.

Наконецъ, углекопы приступили къ активнымъ дѣйствіямъ. Они разоружили низшія полицейскія власти (высшія — успѣли скрыться) и закрыли казенныя винныя лавки. Среди людей, собравшихся на рудники со всѣхъ концовъ Россіи, царила въ эти дни изумительная дисциплина. Рабочіе сознавали, что скоро наступитъ день, когда явятся войска, потому стали формироваться боевыя дружины. Огнестрѣльнаго оружія было мало, за то у всѣхъ рабочихъ, даже не причисленныхъ къ дружинамъ, имѣлось холодное оружіе.

Одновременно съ вопросомъ о вооруженіи занялись и вопросомъ, какъ поступить, чтобы не допустить подвоза войскъ изъ Екатеринослава. Телеграфъ и желѣзнодорожный путь находились въ рукахъ повстанцевъ, и потому послѣ долгаго совѣщанія рѣшили укрѣпить важнѣйшіе пункты. Съ этой цѣлью забаррикадировали ст. Гришино, установивъ на возвышенномъ мѣстѣ пушку, направленную дуломъ на линію желѣзной дороги. Сильно укрѣпили и ст. Авдѣевку, вооруживъ ее двумя пулеметами, которые повстанцамъ удалось перехватить.

Въ то же время шло дѣятельное обученіе дружинниковъ военному дѣлу: ежедневно происходили маневры, передвиженія отдѣльныхъ частей, учебная стрѣльба.

Къ 16 декабря жандармы и солдаты на всѣхъ станціяхъ Екатерининской желѣзной дороги были разоружены, мѣстныя власти частью удалены, частью сами удалились, — и весь горнозаводскій районъ подчинялся постановленіямъ комитетовъ.

При разоруженіи солдатъ, жандармовъ и полиціи надъ послѣдними не производилось насилій; только на ст. Ясиноватой былъ убитъ офицеръ, готовившійся стрѣлять въ рабочихъ, убитъ рабо-

ренной власти, и прочее признаніе стачечныхъ комитетовъ и совѣтовъ рабочихъ депутатовъ ни чуть кѣмъ не чинятъ насилій.

10 декабря начались репрессіи, и въ тотъ же день было подавлено вооруженное возстаніе, закончившееся Горловскимъ боемъ. До десяти тысячъ человѣкъ рабочихъ со всѣхъ окрестныхъ рудниковъ и заводовъ приняли участіе въ этомъ боѣ... Повстанцы были разбиты «взяты въ плѣнъ» и приведены къ присягѣ. 20 декабря въ Екатеринославской губ. было введено военное положеніе, и начались репрессіи. Въ Горловкѣ, Дебальцевѣ, Грищинѣ, по всѣмъ станціямъ сотнями арестовывали и, безпощадно избивая, отправляли въ Таганрогъ, Луганскъ, Бахмутъ, 10 ... тюрьмы которыхъ переполнились.

Такъ закончилось это кратковременное возстаніе. Нѣсколько недѣль все было тихо, но уже съ февраля Донецкій бассейнъ начинаетъ глухо волноваться: то тутъ, то тамъ объявляются забастовки, происходятъ столкновенія съ войсками... Съ марта на всѣхъ рудникахъ и заводахъ устраиваются уже митинги, и власть безсильна ихъ разогнать..

А съ іюня Донецкій бассейнъ охватываетъ сильное стачечное движеніе, и начинается «усмиреніе»...

Углекопы, доведенные до отчаянія, рѣшившіе лучше умереть, чѣмъ жить въ невыносимыхъ условіяхъ, вспоминаютъ старыя формы борьбы... И опять, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, затопляются шахты, сжигаются зданія; рабочіе мстятъ своимъ врагамъ...

И по настоящій день идетъ эта борьба. Привыкшіе безнаказанно эксплуатировать и обирать рабочихъ, углепромышленники, вмѣсто уступокъ шахтерамъ, обращаются къ содѣйствію штыковъ и нагаекъ... Они какъ бы не желаютъ понять, что если человѣку невыносимо жить, работая, онъ предпочитаетъ умереть, сражаясь.

Когда въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ волненія углекоповъ приняли огромные размѣры, когда войска оказались не въ силахъ усмирить шахтеровъ, углепромышленники, не довольствуясь введеннымъ въ Донецкомъ бассейнѣ военнымъ положеніемъ, поручили совѣту съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи войти съ подлежащимъ «ходатайствомъ о введеніи особой охраны въ Донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ» *).

О какой это «особой охранѣ» думаютъ горнопромышленники — трудно сказать. Одно лишь ясно: успокоить людей, доведенныхъ голодомъ и безправіемъ до рѣшенія умереть, врядъ ли возможно штыками, пулеметами, нагайками и другими «средствами», къ которымъ правительство такъ охотно прибѣгаетъ до настоящаго дня.

П. Я. Рыссъ.

*) «Рѣчь», № отъ 20 сентября 1906 г.

Случайныя замѣтки.

Князь Мещерскій—прогрессистъ! Все въ мірѣ относительно. Бываютъ положенія, когда даже князь Мещерскій является «прогрессистомъ». Для этого стоитъ только сравнить этого свѣтскаго ретроградa съ ретроградами духовными.

Когда-то, нѣсколько лѣтъ назадъ въ одной изъ статей нашего журнала предположительно высказывалась мысль о возможности такого страннаго положенія. Въ очеркахъ «Самозванцы духовнаго вѣдомства» *) говорилось о темной рати многоразличныхъ странниковъ, сборщиковъ, юродивыхъ-прозорливцевъ, эксплуатирующихъ сознательно или безсознательно религіозныя суевѣрія темнаго народа. Между прочимъ, авторъ останавливался на типахъ въ родѣ странника Антонія тобольскаго (одно время счастливаго соперника Іоанна Кронштадтскаго) или нѣкоего полу-юродиваго Пети изъ села Хрящевки, «толкователя священнаго писанія». Въ статьѣ выражалась увѣренность, что, «если бы была возможность свести Петю и князя Мещерскаго такъ, чтобы послѣдній призналъ въ Петѣ не только лѣниваго субъекта, имѣющаго неодолимую потребность въ поркѣ, но и человѣка, у котораго есть свои мысли, то оба вскорѣ отступили бы другъ отъ друга съ нѣкоторымъ ужасомъ. До такой степени князь, несмотря на свою проповѣдь невѣжества, показался бы Петѣ свободомыслящимъ, до такой степени Петя показался бы князю... отсталымъ!»

Мысль, что кн. Мещерскій можетъ кому-нибудь показаться слишкомъ свободомыслящимъ, въ то время имѣла видъ нѣсколько парадоксальный, но въ наши дни она подтверждается весьма наглядно. Князю не пришлось отправляться ни въ Хрящевку для личнаго свиданія съ юродивымъ Петей, ни въ тобольскія дебри, куда, побѣжденный въ состязаніи съ кронштадтскимъ Іоанномъ, укрылся носитель той же мудрости странникъ Антоній. Въ этомъ не представлялось ни малѣйшей надобности, такъ какъ въ настоящее время и Хрящевка, и тобольскія дебри водворились въ литературѣ. Юродивые Пети и лукавые странники Антоніи пишутъ статьи, въ которыхъ тина и отстои временъ почти до-историческихъ пользуются всею силою печатнаго станка и всѣми удобствами казеннаго покровительства. Теперь эта народная мудрость юродивыхъ и кликушъ распространяется лаврой Кіево-Печерской, лаврой Почаевской и разными другими учрежденіями, въ коихъ, подъ толстымъ слоемъ вѣковой пыли, хранятся пережитки старой и темной Руси

*) „Русское Богатство“, 1896, май.

Князь Мещерскій рѣшительно выступаетъ противъ этихъ ученій. Правда, давно уже замѣчено, что настроенія и взгляды почтеннаго князя капризны, легко подвижны и такъ часто «переходятъ въ свою противоположность», что чуть не на каждое его положеніе не трудно найти соотвѣтствующую антитезу въ его же писаніяхъ. Однако, данное настроеніе сіятельнаго публициста длится уже довольно значительное время и, кажется, его слѣдуетъ считать сравнительно устойчивымъ.

Вызвано оно на сей разъ изступленнымъ кликушествомъ монаха Иліодора. Сей еще младый лѣтами инокъ сталъ уже знаменитъ какъ редакторъ «Почаевскихъ извѣстій». Кто знакомъ съ этимъ замѣчательнымъ органомъ печати хотя бы по газетнымъ выдержкамъ, тотъ согласится, что не только XIX, но даже XVIII и XVII вѣка въ Европѣ не видѣли ничего подобнаго этому изувѣрству, внезапно вспыхнувшему въ Россіи, на зарѣ ея конституціи. «Почаевскія извѣстія» разносили по юго-западному краю такое откровенное человѣконенавистничество и такую нетерпимость, которыя соотвѣтствуютъ развѣ самымъ мрачнымъ временамъ средневѣковой инквизиціи. Когда, наконецъ, на дѣятельность почтеннаго «редактора», призывавшаго совершенно откровенно къ убійствамъ инако-мыслящихъ, было (изъ приличія) обращено вниманіе, то онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для объясненій. Повидимому, объясненія велись въ самомъ дружескомъ тонѣ и признаны были вполнѣ удовлетворительными. Поѣздка чернеца Иліодора въ Петербургъ обратилась въ своего рода тріумфъ, не меньшій, чѣмъ знаменитое въ свое время путешествіе въ Кронштадтъ странника Антонія съ его мурмолкой, босыми ногами и шелепугою. И въ то самое время, когда свящ. Петровъ сидитъ въ заточеніи надъ пустыннымъ озеромъ Череменецкаго монастыря, монахъ Иліодоръ пользуется успѣхомъ въ «петербургскихъ сферахъ», а митрополитъ Антоній рекомендуетъ его, какъ юношу, нѣсколько увлекающагося, но все же одухотвореннаго самыми лучшими намѣреніями. Писанія свящ. Петрова признаны вредными. Мы ихъ знаемъ. Тѣмъ интереснѣе познакомиться съ писаніями Иліодора, въ которыхъ признаются «наилучшія намѣренія». Вотъ одна выдержка, съ которой насъ знакомитъ князь Мещерскій:

«Возьмемъ же этотъ (духовный?) мечъ, — выкликаетъ почаевскій отшельникъ, — и сокрушимъ имъ служителей сатаны и поборниковъ неправды, а свѣтскихъ властей *понудимъ вещественнымъ мечемъ безпрестанно* (sic!) *ссѣкать головы* безбожниковъ крамольниковъ. Работа наша передъ нами. Во имя Бога (!), во имя святой вѣры, народа православнаго и всѣхъ его святынь, проснитесь, монахи, поднимитесь и отбейте упорное нападеніе сильнаго врага. Іеромонахъ Иліодоръ».

Цитата, дѣйствительно, замѣчательная. Сопоставьте эти «идеалы» смиреннаго монаха даже съ той дѣйствительностью, которая олице-

творяется полевыми судами, и вы увидите, что сія мрачная «свѣтская» дѣйствительность остается все-же далеко позади «духовныхъ мечтаній»; вѣдь даже полевые суды знають нѣкоторыя передышки и изъятья. А смиренный инокъ требуетъ *непрестаннаго усѣкновенія* головъ своихъ грѣшныхъ соотечественниковъ. «Добрыя намѣренія» людей изъ «черной церкви» куда свирѣпѣе свѣтской—военной и штатской юстиціи... Приведя эту выдержку, князь Мещерскій восклицаетъ:

— Ну, и что же? Неужели ничего? Неужели представители церковной власти могутъ допустить возможность безотвѣтственности для такого воззванія? Ясно, что если церковная власть не прекратитъ этотъ скандалъ поруганія монахомъ своего служенія и своего сана,—она становится соучастницей въ преступныхъ противъ церкви дѣяніяхъ монаха Иліодора».

Вопросы и восклицанія князя намъ кажутся очень наивными. Мы не стали бы призывать даже на Иліодора духовно-административныхъ пресѣченій и запрещеній. Есть чернецы, которые такъ думають... Пусть говорятъ, но если есть представители бѣлаго духовенства, которые думаютъ иначе, въ родѣ священника Григорія Петрова, то почему же на нихъ сыплются кары и запрещенія? Петровыхъ ссылаютъ въ монастыри, Тихвинскихъ безъ суда отрѣшаютъ отъ священнодѣйствія, какъ это сдѣлалъ на-дняхъ вятскій архіерей,—а на изувѣрные призывы Иліодоровъ смотрятъ, какъ на проявленіе отличныхъ намѣреній *). Тутъ ужъ дѣйствительно нельзя не сказать, что чернецы изъ синода проявляютъ такую долю сочувствія и терпимости къ чернецамъ изъ погромной рати, которая совершенно не соотвѣтствуетъ отношенію того же синода къ рѣчамъ и писаніямъ нѣкоторыхъ представителей бѣлаго духовенства. И это, конечно, кидаетъ тѣнь на всю отданную во власть монаховъ оффиціальную церковь, такъ что недоумѣнные вопросы кн. Мещерскаго о «соучастіи» имѣютъ очень большія основанія.

Объ этомъ, впрочемъ, можно бы сказать очень много, и, вѣроятно, мы еще вернемся къ этому предмету. Задача этой случайной замѣтки—гораздо скромнѣе. Намъ показалось просто любопытнымъ отмѣтить, что въ лицѣ князя Мещерскаго крайній предѣлъ «свѣтскаго «консерватизма» протестуетъ противъ «консерватизма» церковнаго. И это, конечно, потому, что (цитируемъ изъ той же статьи «Русскаго Богатства», о которой говорили въ началѣ): «нѣтъ такого самаго консервативнаго, но всетаки современнаго государственнаго и общественнаго уклада, который бы юродивые Пети, лукавые странники Антоніи (и изступленные чернецы Иліодоры) признали соотвѣтствующимъ своимъ идеаламъ. И нѣтъ такого государ-

*) Интересно, что Иліодору никто не ставитъ въ вину „отсутствіе текстовъ и свѣтскій характеръ“ его погромныхъ призывовъ, что найдено предосудительнымъ для священника Петрова.

ственнаго порядка, который бы могъ довѣряться космогоническимъ и политическимъ представленіямъ Петея, Антоніевъ (и Иліодоровъ).

Фигура нашего стараго знакомаго князя Мещерскаго, остановившагося въ недоумѣніи и испугѣ передъ мрачнымъ кликушествомъ почаевскаго чернеца, которому внемлютъ, сочувственно помавая клобуками, высшіе представители оффиціальной церкви, — является знаменательной и очень яркой иллюстраціей этой мысли *).

О. Б. А.

«Съ экзаменами... Безъ экзаменовъ... Съ экзаменами»... Новая «неожиданность» по министерству народнаго просвѣщенія, — циркуляръ министра о возвращеніи къ системѣ экзаменовъ въ средней школѣ, приводитъ пишущему эти строки на память небольшой эпизодъ конца 80-хъ годовъ. Если не ошибаюсь, это было именно въ 1889 году. Московское студенчество пошумѣло, и вслѣдствіе этого сотни полторы молодыхъ людей были препровождены въ Бутырскую тюрьму. Туда же попало нѣкоторое количество студентовъ петербургскихъ, и, такимъ образомъ, составилось въ старой бутырской тюрьмѣ довольно многочисленное и шумное общество, для котораго пришлось сдѣлать нѣкоторыя отступленія отъ обычной дисциплины. Молодежи отвели цѣлый коридоръ, камеры не запирались, устраивались общія чтенія и даже издавалась ежедневная рукописная газетка.

Я имѣлъ случай тогда же видѣть нѣсколько №№ этого довольно веселаго органа гласности, издававшагося, правда, въ тюрьмѣ, но за то безъ всякой цензуры. Изъ этого болѣе или менѣе легковѣснаго литературнаго матеріала я запомнилъ особенно одно извѣстіе, въ которомъ непочтительная молодежь дала, по моему мнѣнію, — прямо замѣчательную характеристику нашей правительственной системы. Въ одномъ изъ номеровъ газеты, въ отдѣлѣ «Дѣйствія и распоряженія правительства», было сообщено «важное извѣстіе»: «Министерство народнаго просвѣщенія, снисходя къ назрѣвшимъ требованіямъ времени, провело важную реформу въ области средняго образованія. Отнынѣ, согласно циркуляру отъ такого-то числа за номеромъ такимъ-то, *уроки греческаго языка переносятся на часы уроковъ языка латинскаго и — наоборотъ: латинскій языкъ будетъ отнынѣ преподаваться въ часы, когда преподавался греческій*».

Въ передовой статьѣ, написанной по этому поводу, говорилось, сколько могу припомнить, что эта скромная по виду реформа

---

*) Замѣтка была уже набрана, когда мы прочли въ газетахъ, что и Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ не одобряетъ ни почаевскаго чернеца, ни нѣкоторыхъ политическихъ оказательствъ высшаго духовенства („Бирж. Вѣд.“, 10 апр. веч. вып.).

имѣть, однако, значеніе важнаго событія: очевидно, министерство не защищаетъ застоя во что бы то ни стало, и этимъ первымъ «передвиженіемъ» классическихъ предметовъ «открываетъ обществу широкія перспективы дальнѣйшихъ, хотя осторожныхъ но не менѣе плодотворныхъ реформъ»...

Однако, черезъ нѣкоторое, очень непродолжительное время въ томъ же отдѣлѣ «дѣйствій и распоряженій правительства» появилось новое извѣстіе, въ которомъ сообщалось, что «смѣлая реформа, произведенная министерствомъ народнаго просвѣщенія въ области преподаванія классическихъ языковъ, не дала желаемыхъ результатовъ: и юношество, и педагогическій персоналъ, и само общество оказались неподготовленными къ важной перемѣнѣ, которая могла бы быть благодѣтельной при болѣе высокомъ уровнѣ культуры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преждевременная реформа не только успѣла уже вызвать замѣшательство и осложненія самаго печальнаго свойства, но и грозить еще большими опасностями въ будущемъ. Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, признано за благо: уроки греческаго языка вновь перенести на мѣсто уроковъ латинскаго и—обратно»...

«Хотя такимъ образомъ,—говорилось въ новой передовицѣ,—все дѣло возвращено вновь въ первобытное дореформенное состояніе, однако, нельзя не видѣть въ дѣятельности нынѣшняго министра утѣшительныхъ признаковъ несомнѣнной чуткости къ запросамъ жизни. Нетерпѣливые люди, которые желаютъ во что бы то ни стало торопить ходъ исторіи, могутъ, конечно, при извѣстномъ попустительствѣ цензуры, писать что угодно. Въ одномъ, все же надѣемся, даже и они не рѣшатся отказать нынѣшнимъ министрамъ, призваннымъ къ отвѣтственной работѣ самодержавною волею: министерство, которое на разстояніи столь короткаго времени провело въ жизнь двѣ столь важныя реформы, можетъ быть обвиняемо въ чемъ угодно,—только не въ косности и мертвенномъ застоѣ».

Я, къ сожалѣнію, не могу поручиться за полную точность въ передачѣ этихъ передовицъ. Боюсь даже, что я излагаю ихъ нѣсколько вольно. Но самыя «извѣстія» прочно запали мнѣ въ память, и я никогда уже не могъ избавиться отъ этого воспоминанія при видѣ всѣхъ просвѣщенныхъ реформъ, которыми самодержавное правительство послѣдующихъ годовъ стремилось удовлетворять назрѣвающимъ потребностямъ времени. Приходили въ разныхъ видахъ и въ разныхъ областяхъ разныя «сердечныя попеченія», производили свою долю «замѣшательствъ» и—уходили. Расцвѣтали и отцвѣтали «эпохи довѣрія». Писались и отмѣнялись циркуляры, назначались и удалялись «новые люди»... Съ 1889 года прошло такъ много времени, что нѣкоторые изъ тогдашнихъ обитателей бутырской тюрьмы успѣли навѣрное вернуться въ университетъ, сдать государственные экзамены, смѣнить студенческіе мундиры на

другіе и — кто знаетъ, быть можетъ, теперь сами принимаютъ участіе въ «важныхъ реформахъ» по разнымъ вѣдомствамъ... Можетъ быть, они забыли и Бутырки, и свое пребываніе въ нихъ, и легкомысленную тюремную газетку... Но въ моей памяти изо всѣхъ извѣстій о важныхъ реформахъ послѣднихъ десятилѣтій назойливымъ и неотвязчивымъ лейтъ-мотивомъ звучитъ насмѣшливая телеграмма этого рукописнаго органа... «Важная реформа: уроки латинскаго языка переносятся на мѣсто уроковъ языка греческаго и — обратно»!..

Въ самые послѣдніе годы, когда шевельнулось уже не одно студенчество, но и вся народная жизнь всколыхнулась до дна, — явились кое-гдѣ дѣйствительныя, а не мнимыя только перемѣны. Кое въ чемъ пришлось-таки уступить и учебной администраціи... «Классическая система» ослаблена, упразднены экзамены, введена автономія университетовъ, на фактическую организацію студенчества приходится смотрѣть сквозь пальцы. Но все это опять-таки имѣетъ временный характеръ, терпится и попускается, но не признается искренно и безповоротно. А такъ какъ главная, основная причина русскаго неустройства не устранена и остается незыблемой, то понятно, что и во всѣхъ областяхъ жизни не можетъ наступить успокоеніе. И вотъ, при первомъ же случаѣ, подъ шумъ и грохотъ перестраивающейся современности, вѣчная бюрократія затягиваетъ все ту же пѣсню:

— «Ахъ, къ величайшему сожалѣнію, уничтоженіе экзаменовъ не уничтожило броженія въ средней школѣ. Ученики позволяютъ себѣ выражать недовольство по тому поводу, что ихъ братья и сестры судятся военно-полевыми судами, а въ отношеніяхъ къ нимъ самимъ учебной администраціи господствуетъ все тотъ же произволъ и пристрастіе. Всѣ эти печальныя явленія, невозможныя при болѣе высокой культурѣ, указываютъ на прямую необходимость... уроки греческаго языка вновь водворить на мѣсто уроковъ латинскаго и — vice versa». «Только возвращеніемъ къ системѣ экзаменовъ можно вновь вернуть учащуюся молодежь къ правильнымъ занятіямъ, къ дисциплинѣ и къ уваженію властей предержащихъ»...

Каковаго уваженія, впрочемъ, ни при классической системѣ, ни при системѣ экзаменовъ тоже не было...

Такъ и плетется у насъ это дѣло съ «важными реформами». Явился, наконецъ, и новый факторъ русской жизни: Государственная Дума. А жизнь ни съ мѣста... «Вводятся опять экзамены», и самую Думу хотятъ соблазнить перспективами: солидно и въ полномъ согласіи съ правительствомъ... переносить греческій языкъ на мѣсто латинскаго и — обратно.

Вл. Кор.

Птенецъ охраны. «Одного изъ стаи славныхъ», о которомъ я считаю нужнымъ сейчасъ сказать нѣсколько словъ, зовутъ Леонидъ Ермиловичъ Пономаревъ. Онъ — «сынъ отставного жандармскаго вахмистра», «состоялъ студентомъ горнаго института» и «въ первые годы своего студенчества» былъ близокъ къ «радикальной части студенчества» *). Прошлое Пономарева, даже по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какими мы въ данное время располагаемъ, оказывается не бѣдно эпизодами, о которыхъ еще апостолъ Павелъ совѣтовалъ не говорить...

Еще въ 1901 г. и еще на студенческой скамьѣ Леонидъ Пономаревъ былъ, между прочимъ, обвиненъ въ шпіонствѣ. Онъ обидѣлся, когда его публично назвали шпіономъ, и особымъ письмомъ на имя одного изъ студентовъ просилъ:

«Собрать... нужное количество лицъ для разсмотрѣнія возникшей со мною непріятности.. Оставаться подъ гнетомъ такого тяжелаго и не заслуженнаго обвиненія, выше моихъ силъ. Я въ отчаяніи отъ всего случившагося» **)...

Начатое по просьбѣ самого Пономарева слѣдствіе собрало доказательства, что Пономаревъ «близокъ къ охранному отдѣленію»: попутно во время слѣдствія было открыто, что Пономаревъ, будучи въ качествѣ практиканта на Царицынскомъ металлургическомъ заводѣ, похитилъ секретные чертежи мартеновскихъ печей и торговалъ ими; слѣдствіемъ были, наконецъ, раскрыты подробности другой грязной исторіи съ организаціей обстановки бракоразводнаго процесса супруговъ С., въ которой г. П. принялъ дѣятельное участіе. Его задачей было добыть для г-на С. факты, доказывающіе виновность г-жи С., а также похитить компрометтирующіе г-на С. документы, находившіеся въ рукахъ жены. Первая задача не удалась г. Пономареву, вторую же онъ выполнилъ до конца. При чемъ, пользуясь беззащитнымъ положеніемъ г-жи С., довелъ свое издѣвательство надъ ней до крайнихъ предѣловъ». Добытый слѣдствіемъ матеріалъ былъ провѣренъ студенческой судной коммиссіей, и на основаніи его студенческая сходка единогласно постановила: «удалить Пономарева изъ Горнаго института навсегда безъ права поступленія во всѣ высшія учебныя заведенія». Это постановленіе было доложено министру, потомъ передано на разсмотрѣніе совѣта профессоровъ и 28 мая 1901 г. полностью утверждено совѣтомъ.

Затѣмъ наступаетъ почти пятилѣтній перерывъ, относительно котораго мы ничего не знаемъ. Что дѣлалъ Пономаревъ въ теченіе этого перерыва отъ насъ сокрыто. Намъ извѣстны лишь нѣкоторыя общія черты, суть которыхъ такова. Личныя качества Пономарева установлены твердо. Относительно этихъ качествъ государствен-

*) „Бирж. Вѣд.“, 9—IV, 1907.
**) „Бирж. Вѣд.“, 9—IV, 1907.

[illegible] качествѣ она [illegible] что Понома-ревъ [illegible] «своимъ человѣкомъ» въ охранномъ отдѣленіи. Здѣсь [illegible] въ своей средѣ. Онъ сталъ служить, получалъ награды и повышенія. И во [illegible] и помощникомъ [illegible] обществѣ, имѣвшимъ въ своемъ [illegible] съ цѣлью насиль-ственнаго [illegible] основными образа [illegible] получили изъ Эйдкунена оружіе, револьверы и патроны [illegible] Кибартъ въ Вильну, гдѣ въ [illegible] распродажу [illegible] что [illegible] 2 ч. 102 ст. [illegible])¹).

[illegible] оружіемъ су-[illegible] которыя обна-ружены на судѣ [illegible] начальникомъ [illegible] Мясо-ѣдовымъ [illegible] въ работахъ охраннаго отдѣленія [illegible]. Поэтому, [illegible] качествахъ, какія могъ проявлять г. Пономаревъ.

Недавно всѣ газеты, за исключеніемъ офиціальныхъ и субси-дируемыхъ [illegible], обошло характерное сообщеніе о томъ, какъ органъ [illegible] русскимъ правительствомъ до-кументовъ [illegible] состояніе умовъ въ Финляндіи. Кому-то въ Петербургѣ нужно это доказы-вать. [illegible] охраннаго отдѣленія организовали покупку фальшивыхъ документовъ. А какая-то компанія интерна-ціональныхъ мошенниковъ и проходимцевъ организовала фабри-кацію этихъ документовъ. Документы фабриковались частью въ Бельгіи, частью въ самой Финляндіи; и часть этихъ документовъ, скупленныхъ за счетъ государственнаго казначейства, использована въ качествѣ матеріала для статей «Новаго Времени». Съ какою цѣлью все это организовано, догадываться не будемъ. Можетъ быть, въ основѣ этого предпріятія лежатъ «общія политическія соображенія». А можетъ быть, это просто слѣдствіе тѣхъ личныхъ столкновеній, какія произошли между нѣкоторыми петербургскими сановниками, съ одной стороны, и генералъ-губернаторомъ, съ другой, по случаю убійства Герценштейна. Но во всякомъ случаѣ разъ такое пред-

¹) „Рѣчь“, 7. IV. 1907. Отмѣчу и еще одно характерное обстоятельство. Спустя лѣтъ пять уже въ качествѣ офицера русской арміи за провока-торскую продѣлку, о которой рѣчь ниже, Пономаревъ былъ побитъ въ Эйдкуненѣ нѣмецкимъ торговцемъ Миллеромъ... На этотъ разъ онъ, пови-димому, снова «впалъ въ отчаяніе отъ всего случившагося» и обратился къ начальству съ просьбой «передать эйдкуненскому коммиссару его жа-лобу за оскорбленіе чести русскаго офицера“.

пріятіе понадобилось, для выполненія его нужны люди именно того морального ценза, какимъ обладаетъ Леонидъ Пономаревъ.

Судя по даннымъ, установленнымъ виленскимъ военно-окружнымъ судомъ, предпріятіе, ради котораго Леонидъ Пономаревъ орудовалъ въ Вержболовѣ и Эйдкуненѣ, принадлежитъ къ разряду столь же сложныхъ и столь же деликатныхъ, какъ и новооткрытая фабрика фальшивыхъ политическихъ документовъ. По словамъ жандармскаго подполковника, Пономаревъ приступилъ къ созданію «дѣла одиннадцати» такимъ образомъ:

«Переодѣвшись въ штатское платье, онъ перешелъ русскую границу въ Эйдкуненъ, купилъ тамъ въ магазинѣ Миллера партію револьверовъ и патроновъ къ нимъ и вошелъ въ соглашеніе съ приказчикомъ этого магазина о водвореніи этого оружія контрабанднымъ путемъ въ Россію. Затѣмъ, узнавъ отъ этого приказчика, что тотъ исполнилъ его порученіе и уговорилъ совершить пронос *таможеннаго чиновника Кудрявцева*, между 8—10 час. веч., Пономаревъ пригласилъ пограничнаго офицера Шестакова и задержалъ Кудрявцева съ оружіемъ» *).

Такъ сфабрикована и доказана политическая неблагонадежность чиновъ «таможеннаго вѣдомства». Легко впасть въ догадку, что это тоже результатъ нѣкоторыхъ междувѣдомственныхъ треній, подобныхъ тѣмъ, какія происходили нѣкогда между Плеве и Витте «по вопросу о фабричной инспекціи». Но благоразумнѣе воздержаться отъ такихъ догадокъ. Дѣло, повидимому, нѣсколько сложнѣе. Если вѣрить тому же подполковнику Мясоѣдову, въ задачу Пономарева входило доказать неблагонадежность не только чиновъ таможеннаго вѣдомства:

«Отъ нѣсколькихъ достовѣрныхъ лицъ подп. Мясоѣдовъ узналъ, что Пономаревъ подстрекалъ одно лицо подложить въ автомобиль, на которомъ подп. Мясоѣдовъ часто ѣздилъ въ Эйдкуненъ, револьверы и динамитъ съ тѣмъ, чтобы, произведя при возвращеніи его обыскъ, запутать и его, начальника жандармскаго отдѣленія, въ дѣло водворенія изъ-за границы оружія для революціонныхъ цѣлей» **).

Разобрать, что здѣсь предпринималось по личной иниціативѣ Пономарева, что входило въ общій планъ,—нѣтъ возможности. Во всякомъ случаѣ, «дѣло 11-ти» было состряпано, таможенное вѣдомство въ него было замѣшано. И вслѣдъ за этимъ Леонидъ Пономаревъ получилъ быстрое движеніе по службѣ. Ко дню открытія второй Думы его назначаютъ помощникомъ начальника охраны Таврическаго дворца; онъ явно чувствуетъ подъ ногами твердую почву: онъ ведетъ себя настолько вызывающе и дерзко, «наблюдая за Думой», что на него невольно обращаютъ вниманіе и депутаты, и печать, и большая публика. Поручикъ Пономаревъ, котораго по-

*) „Рѣчь" 7. IV, 1907.
**) Ibid.

чему-то стали упорно называть «корнетомъ», въ короткое время пріобрѣлъ громкую извѣстность, сталъ на такомъ видномъ мѣстѣ, какое болѣе осторожные «дѣятели» съ его репутаціей не рисковали бы занимать. Прошлое «корнета Пономарева» при такихъ условіяхъ неизбѣжно должно было всплыть наружу. Оно всплыло, и получился европейскій скандалъ. Постъ помощника начальника охраны въ зданіи Государственной Думы оказался слишкомъ замѣтнымъ для агента-провокатора, уже уличеннаго въ воровствѣ и въ добываніи «фактовъ прелюбодѣянія». Назначеніе шпіона съ хорошо извѣстнымъ правительству и запротоколеннымъ прошлымъ на такой постъ было очевидной ошибкой г. Столыпина. Нынѣ ошибка исправлена. По газетнымъ свѣдѣніямъ, «корнетъ» Пономаревъ съ замѣтнаго мѣста уже убранъ. Но отсюда было бы смѣшно дѣлать выводъ, что ему не предоставлено другое мѣсто, быть можетъ, не менѣе важное, лишь не столь гласное.

Горькій опытъ достаточно убѣдилъ насъ, что правительство съ такими «способными» людьми, какъ г. Пономаревъ, разставаться не любитъ. Покойный Гринъ-варшавскій, былъ вѣдь уличенъ въ мошенничествѣ и даже приговоренъ къ арестантскимъ ротамъ. Но это не помѣшало назначить его начальникомъ охраннаго отдѣленія въ Варшавѣ. Знаменитый «ротмистръ Коммиссаровъ» тоже уличенъ въ очень скверныхъ дѣлахъ, но это до сихъ поръ не препятствуетъ ему не только служить, но даже преуспѣвать по службѣ. Роль Курлова въ памятномъ избіеніи дѣтей въ Курскѣ достаточно выяснена. Но развѣ это помѣшало Курлову достигнуть степеней извѣстныхъ? Нынѣ о немъ говорятъ даже, какъ объ одномъ изъ кандидатовъ на министерскій постъ. Отношеніе генерала Каульбарса къ погромамъ въ Одессѣ засвидѣтельствовано имъ самимъ и запротоколировано въ отчетахъ о сенаторской ревизіи. Но развѣ это мѣшаетъ г. Каульбарсу оставаться властителемъ Одессы?

Коммиссаровъ послѣ прошлогоднихъ скандальныхъ разоблаченій кн. Урусова въ Государственной Думѣ тоже на время какъ бы исчезъ съ горизонта. Стыдливость была соблюдена. А затѣмъ Комиссаровъ оказался неизмѣннымъ предводителемъ вооруженныхъ отрядовъ, когда требовалось устроить въ Петербургѣ ночную атаку противъ той или другой высшей школы. Между прочимъ, одно изъ его послѣднихъ дѣлъ въ этомъ родѣ — облава въ Политехническомъ институтѣ. И, надо правду сказать, во время этой облавы складъ оружія и взрывчатыхъ снарядовъ «объявился» довольно аляповато. Но въ общемъ «доказательства» противъ бывшаго директора института князя Гагарина трудами Комиссарова найдены. Комиссаровскіе таланты понадобились. Нынѣ пришлось соблюсти стыдливость по случаю Пономарева. Но это не убѣждаетъ насъ, что пономаревскіе таланты оставлены втунѣ и не понадобятся.

Очень даже могутъ понадобиться. И возможно, что предъ нами

представитъ этотъ птенецъ охраны, «одинъ изъ стаи»,—не орловъ, конечно, и отнюдь не славныхъ орловъ, но, во всякомъ случаѣ, «одинъ изъ стаи» птицъ опредѣленнаго типа, способныхъ выступать для исполненія вполнѣ опредѣленныхъ служебныхъ обязанностей. **А. Петрищевъ.**

Сорочинская трагедія.

(По даннымъ судебнаго разслѣдованія).

Годъ назадъ (въ апрѣлѣ 1905 года) газеты оповѣстили, что писатель Короленко и редакторъ газеты «Полтавщина», Д. О. Ярошевичъ, привлекается къ судебной отвѣтственности «за распространеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній» о дѣйствіяхъ властей. Дѣло касалось моего открытаго письма къ ст. сов. Филонову по поводу его дѣйствій въ качествѣ руководителя карательнаго отряда. 18 января, этого же года Филоновъ какъ извѣстно, былъ убитъ въ гор. Полтавѣ. Я тогда же заявилъ, что прекращаю съ своей стороны всякую полемику по этому поводу, въ ожиданіи судебнаго приговора. Это не помѣшало, однако, газетамъ извѣстнаго лагеря и оффиціозамъ осыпать меня въ теченіе года цѣлымъ градомъ инсинуацій и клеветъ, которыя проникли, наконецъ, на столбцы «Россіи», высоко-офиціознаго органа премьеръ-министра, и были повторены депутатомъ Шульгинымъ съ высоты парламентской трибуны. Теперь слѣдствіе по моему дѣлу закончено, и самое дѣло прекращено, *такъ какъ изложенные мною факты подтвердились*. Съ этимъ провѣреннымъ матеріаломъ въ рукахъ я отдаю на судъ общества рѣшеніе вопроса: на чьей сторонѣ «распространеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній» и кто въ дѣйствительности апеллировалъ къ праву и правдѣ.

I.

Сорочинцы. Устивица. Кривая Руда.

23 декабря 1905 года я вернулся изъ Петербурга въ Полтаву. Въ городѣ въ это время разсказывали ужасы о мрачной трагедіи, только что разыгравшейся въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, прославленныхъ нѣкогда веселыми разсказами Гоголя.

Въ мѣстной газетѣ («Полтавщина» №№ 310 и 314) были помѣщены извѣстія объ этихъ событіяхъ. Въ первой корреспонденціи сообщалось, что въ ночь на воскресеніе, 18 декабря въ Сорочин-

нахъ былъ арестованъ (въ административномъ порядкѣ) мѣстный житель Григорій Безвиконный. «Въ отвѣтъ на это,—предлагаетъ корреспондентъ,—19 декабря, съ общаго согласія крестьянъ, былъ задержанъ сорочинскій приставъ, находившійся въ это время въ волостномъ правленіи. Крестьяне думали такимъ образомъ ускорить освобожденіе Безвиконнаго». Вслѣдъ за приставомъ арестовали и урядника Котляревскаго.

Это было въ разгаръ волненій, какими охвачена была вся Россія послѣ забастовки и объявленія манифеста. Въ Сорочинцахъ, подъ вліяніемъ событій, а также рѣчей пріѣзжаго «оратора», въ эти дни господствовало страшное возбужденіе, звонили въ набатъ, собирались толпами съ косами и вилами... Въ Полтавской губерніи подобныя вспышки были уже въ другихъ уѣздахъ, при чемъ, повидимому, толпа была особенно чутка къ арестамъ въ административномъ порядкѣ лицъ, читавшихъ и объяснявшихъ манифестъ народу. Такъ, въ гор. Зеньковѣ послѣ ареста такого толкователя Никольскаго, толпа, около 2 тысячъ человѣкъ, двинулась къ тюрьмѣ. Стражники стрѣляли, но это не помогло. Толпа росла, увеличиваясь пришельцами изъ деревень. На слѣдующій день прибылъ освобожденный Никольскій и успокоилъ народъ, «обнадеживъ его милостью высшаго начальства», которое (по его словамъ) не оставитъ безнаказаннымъ опрометчивый поступокъ исправника, повлекшій за собой кровавыя жертвы... Толпа разошлась, при чемъ ни грабежей, ни другихъ безпорядковъ больше не было, и столкновеніе разрѣшилось на этотъ разъ безъ дальнѣйшихъ несчастій *).

14 декабря такое же волненіе было вызвано въ Лохвицѣ административнымъ арестомъ мѣстнаго жителя И. П. Бегро. Толпа арестовала помощника исправника и повела его къ волости. Отрядъ драгунъ освободилъ его, и въ толпу было дано три залпа. Оказались раненые, въ томъ числѣ трое тяжело **).

Въ мѣстечкѣ Ковалевкѣ (Пирятинскаго уѣзда) такое же впечатлѣніе произвелъ арестъ крестьянина Оправхата...

Очевидно, народъ «слишкомъ непосредственно» принималъ обѣщанія манифеста о «неприкосновенности личности» и «отвѣтственности лишь по суду», считая эти обѣщанія уже вошедшими въ силу. Между тѣмъ, администрація, особенно уѣздная, не желала отказаться отъ привычныхъ способовъ дѣйствія. Понятно, что всякая возбуждающая агитація на этой почвѣ встрѣчала въ народѣ воспріимчивое и отзывчивое настроеніе. Столкновенія становились неизбѣжными, и въ Сорочинцахъ они разыгрались особенно бурно ***).

*) „Полтавщина", 20 декабря 1905 г. № 307. Корреспонденція изъ Зенькова.

**) Ib. № 308 (корресп. изъ Лохвицы).

***) Очень любопытно въ этомъ отношеніи показаніе сорочинскаго урядника Котляревскаго судебному слѣдователю: „Обсуждая событія 19 де-

19 декабря, т. е. на слѣдующій день послѣ ареста пристава, часовъ въ 11 утра въ мѣстечко прискакалъ изъ Миргорода помощникъ исправника Барабашъ съ сотней казаковъ. Населеніе собралось по набату на площадь; многіе были вооружены вилами, косами, дрючками и т. д. Какъ оказалось впослѣдствіи,—толпу возбуждалъ въ предыдущіе дни неизвѣстный молодой человѣкъ, называвшійся «ораторомъ Николаемъ». Между прочимъ, онъ указывалъ на примѣры въ другихъ мѣстахъ, гдѣ администрація уступала. Барабашъ просилъ крестьянъ пропустить его къ приставу. Крестьяне согласились на это и проводили Барабаша къ «плѣннику», но на требованіе освободить пристава отвѣтили отказомъ, требуя въ свою очередь предварительнаго освобожденія Безвиконнаго. Барабашъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ самое худшее, что только могъ сдѣлать: послѣ переговоровъ онъ сначала уѣхалъ съ своимъ отрядомъ, а потомъ вновь вернулся къ торжествующей и ободренной этимъ отступленіемъ толпѣ. Здѣсь во время новыхъ переговоровъ произошелъ, между прочимъ, слѣдующій инцидентъ. Какая-то женщина ткнула длинной палкой въ морду коня начальника отряда, полковника Бородина. «Ее застрѣлилъ урядникъ Кожевниковъ *). Можно предполагать съ большой вѣроятностью, что именно этотъ выстрѣлъ, раздавшійся среди страшнаго напряженія еще до сигнальнаго рожка («когда я уговаривалъ толпу») и убившій женщину,—послужилъ сигналомъ для послѣдовавшей за нимъ свалки, которая разразилась стихійно и ужасно. На мѣстѣ остались смертельно раненый Барабашъ и 8 человѣкъ сорочинскихъ жителей; 12 другихъ были тяжело ранены и убиты въ разныхъ мѣстахъ, на дворахъ и улицахъ мѣстечка» **).

За этимъ послѣдовала черезъ два дня экспедиція статскаго совѣтника Филонова, открывшая новый рядъ трагическихъ эпизодовъ. Изложеніе ея подробностей и послѣдствій читатель найдетъ ниже, въ моемъ открытомъ письмѣ ст. сов. Филонову и въ другихъ главахъ настоящей статьи.

Здѣсь я долженъ сказать еще слѣдующее.

кабря,—говоритъ онъ простодушно и очень мѣтко,—я долженъ сказать, что въ м. Сорочинцы сравнительно все было спокойно, и начались волненія съ введенія усиленной охраны, когда появились слухи о производящихся арестахъ". Арестъ Безвиконнаго и послужилъ „предлогомъ для начала смуты". (Слѣдств. производство по моему дѣлу. Показ. урядника Котляревскаго листы дѣла 24—28).

*) Показаніе полковника Бородина. Листъ дѣла 50 и послѣдующіе. Одиночный выстрѣлъ *до залпа* слышалъ также старшина Копитько (листъ дѣла 30-й).

**) Старшина „отправилъ трое саней съ ранеными изъ двора Орлова (показ. Копитько), раненые и умирающіе были также на дворѣ Орлова (ур. Котляревскій). На полковника Бородина этотъ случай произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе, что съ нимъ случилось нервное разстройство. Передаютъ, что ему все чудится какая-то баба...

Трагическая смерть Барабаша и нѣсколькихъ сорочинскихъ жителей произошла 19-го декабря. 20-го въ переполненной больницѣ подаютъ помощь раненымъ и нѣсколько человѣкъ умираетъ. 21-го въ Сорочинцы вступаютъ казаки съ двумя пушками, и г. Филоновымъ во главѣ. 22-го, по распоряженію Филонова, казаки сгоняютъ, безъ разбора, на площадь передъ волостью, причастныхъ и непричастныхъ къ событіямъ жителей. Здѣсь Филоновъ ставитъ тысячную толпу на четыре часа на колѣни въ снѣгъ и производитъ другія истязанія надъ колѣнопреклоненными и, значитъ, совершенно уже усмиренными жителями. 24 декабря все это оглашается въ газетѣ «Полтавщина».

Итакъ, вернувшись въ Полтаву, я засталъ въ городѣ ужасающіе и, какъ всегда, во многомъ еще преувеличенные разсказы... Мнѣ присылали письма, ко мнѣ являлись лично возмущенные и взволнованные люди, прося и требуя вмѣшательства печати.

Я нѣкоторое время медлилъ. У меня была своя спѣшная работа, я считалъ, что вѣроятно, многое въ этихъ разсказахъ преувеличено, наконецъ, я указывалъ на то, что о дѣйствіяхъ Филонова появились уже корреспонденціи, и можно надѣяться, что губернаторъ, которому земскій начальникъ Данилевскій представилъ докладъ,—отзоветъ своего старшаго совѣтника съ мѣста этихъ дѣйствій. Наконецъ, было также извѣстно, что почетный мировой судья Лукьяновичъ, имѣніе котораго находится по сосѣдству съ Устивицей, 31 декабря послалъ офиціальное подробное описаніе событій полтавскому прокурору. Слѣдовало, значитъ, ожидать также вмѣшательства судебной власти.

Всѣ эти ожиданія не оправдывались. Филоновъ вернулся на нѣсколько дней въ Полтаву и отсюда получилъ новую командировку. Повидимому, его образъ дѣйствій встрѣтилъ одобреніе **), и вскорѣ въ Полтаву пришли извѣстія о новыхъ жестокостяхъ, совершенныхъ въ Кривой Рудѣ, Хорольскаго уѣзда, *гдѣ уже не было никакихъ безпорядковъ.*

На этотъ разъ погромъ былъ вызванъ забастовкой на хуторѣ земскаго нач. Надервеля. Отправляясь туда, Филоновъ распорядился, чтобы староста *села Кривой Руды*, черезъ которую только лежалъ путь на хуторъ земскаго начальника, заготовилъ (безплатно) обѣдъ для казачьяго отряда и созвалъ полный сходъ. Жители Кривой Руды, не допускавшіе въ своемъ селѣ никакихъ беззаконій, считали и себя, въ свою очередь, состоящими подъ охраной законовъ и потому отказали старшинѣ въ безплатной выдачѣ припасовъ, а сходъ, собравшись въ полномъ составѣ, ждалъ съ утра до

*) „На другой день (т. е. 20-го) все уже было спокойно“.—показаніе урядника Котляревскаго.

**) А земскому начальнику пришлось оставить должность.

8 часовъ вечера. Видя, что отряда нѣтъ, старшина счелъ себя въ правѣ распустить усталыхъ и озябшихъ людей по домамъ.

Этого для Филонова было достаточно, чтобы повторить въ мирномъ селѣ все то, что онъ произвелъ въ Сорочинцахъ, гдѣ все-таки было вооруженное столкновеніе. Пріѣхавъ вечеромъ, онъ прежде всего потребовалъ къ себѣ старшину, сорвалъ съ него знакъ, избилъ палкой по лицу, затѣмъ принялся за писарей, которыхъ таскалъ за бороды изъ одного конца комнаты въ другую. Среди холода и темноты наскоро былъ согнанъ сходъ изъ 200—300 человѣкъ, ничего не понимавшихъ и ни къ какимъ забастовкамъ непричастныхъ (многіе изъ попавшихъ на этотъ сходъ сами имѣютъ годовыхъ рабочихъ,—прибавляетъ корреспондентъ). Выйдя на крыльцо, Филоновъ закричалъ: «Шапки долой, на колѣни, мерзавцы! Выдавай виновныхъ!» Толпѣ не было объяснено даже, кто виновенъ, и въ чемъ виновенъ, и кого слѣдуетъ выдавать... Въ это время казаки привели къ крыльцу отставного земскаго фельдшера Багно. Увидавъ его, Филоновъ закричалъ: «Долой шубу». Съ больного старика сорвали шубу, закатили пиджакъ, два казака нагнули за волосы и за бороду, а два начали бить, пока онъ свалился на землю. Послѣ этого его заперли въ арестантскую и принялись за толпу по очереди. «Выбирать не выбирали, а просто били по порядку, кто ближе стоялъ на колѣняхъ»... Тогда, подъ вліяніемъ ужаса (все это, напомнимъ, происходило въ темнотѣ и среди полнаго недоумѣнія о причинахъ нападенія), кто-то въ толпѣ поднялся, чтобы бѣжать. Толпа послѣдовала этому примѣру. Люди побѣжали въ безпорядкѣ. Казачій эсаулъ крикнулъ: «руби!» «Никто не успѣлъ опомниться—все смѣшалось. Каждый видѣлъ передъ собою только смерть. Ночь безлунная, хотя и звѣздная, наводила еще большій ужасъ на души суевѣрныхъ и беззащитныхъ крестьянъ... Бѣжали прямо подъ шашки, топча и давя другъ друга» *)...

Къ этой картинѣ, которое мнѣ приходится дополнить свое «письмо», прилагаемое ниже, считаю необходимымъ прибавить здѣсь же слѣдующую оговорку: она заимствована мною изъ корреспонденціи газеты «Полтавщина», напечатанной тотчасъ спустя (**), такъ какъ редакція подвергла ее предварительно самой тщательной провѣркѣ. По этому поводу губернаторъ, князь Урусовъ (къ сожалѣнію, слишкомъ поздно) командировалъ чиновника, г-на Устимовича, для провѣрки газетныхъ свѣдѣній о дѣяніяхъ своего «старшаго совѣтника», а, вѣроятно, также на предметъ возбужденія новаго дѣла противъ газеты. Но г. Устимовичъ счелъ своей обязанностью сдѣлать правдивый докладъ, *подтвердившій свѣдѣнія, сообщенныя корреспондентомъ*. Въ пріобщеніи къ моему дѣлу этого доклада мнѣ

*) Изувѣченныхъ и раненыхъ оказалось, по словамъ корреспондента, болѣе 40 человѣкъ (22 мъ была оказана медицинская помощь).

**) Въ апрѣлѣ 1906, № 23.

было [illegible], что самые факты «умиротворенія» [illegible] устанавливались [illegible] старшаго совѣтника губ. правленія г. Ахшарумова, который, впрочемъ, въ очень смягченной формѣ, [illegible] въ своемъ показаніи [illegible], что [illegible] Устимовки [illegible] обязанностей, [illegible] репрессивныя мѣры, [illegible] воздѣйствіемъ, *[illegible]* *[illegible]* *) . Мѣры, граничащія съ физическимъ воздѣйствіемъ — это, конечно, выраженіе очень неясное, въ чисто канцелярскомъ стилѣ, но за то окончаніе [illegible] фразы вполнѣ опредѣленно: газета не была привлечена къ отвѣтственности, не смотря на готовность администраціи, потому что ея свѣдѣнія подтвердились. А она говорила не о мѣрахъ, «граничащихъ съ воздѣйствіемъ», а о такихъ мѣрахъ, которыя далеко перешли границу, отдѣляющую простыя «воздѣйствія» отъ *истязаній*, и причинялись къ мирнымъ жителямъ, ничѣмъ, съ своей стороны, не нарушившимъ существующихъ законовъ...

Извѣстія объ этихъ и другихъ дѣяніяхъ филоновской экспедиціи быстро приходили въ городъ, приносимые частью бѣглецами, которые бѣжали съ мѣстъ при извѣстіяхъ о приближеніи знаменитаго «отряда» **).

Что всего хуже, дѣятельность особо командированнаго «старшаго совѣтника» не могла остаться безъ вліянія на подчиненныхъ и полицейскихъ чиновниковъ, и вскорѣ оказалось, что Филоновъ находитъ подражателей. Такъ, изъ Хорольскаго уѣзда сообщали, что послѣ «усмиренія» на хуторѣ Дубовомъ, исправникъ для производства дознанія, собралъ жителей и крикнулъ: «На колѣни, крамольники»! «Крамольники», стояли въ лужѣ, но, окруженные казаками, стали на колѣни въ ледяную воду и простояли два часа. «Крамолу на-

*) Показанія по моему дѣлу старш. сов. губ. правленія Ахшарумова. Листъ 247 и слѣд.

**) Картину такой паники очень ярко рисуютъ и нѣкоторыя свидѣтельскія показанія по моему дѣлу. Такъ учительница Крапивина изображаетъ бѣгство жителей Устивицы при извѣстіи о приближеніи Филонова: «я наблюдала сцены чистой паники... Люди куда-то шли изъ центра мѣстечка и вели съ собой дѣтей, шли оторванныя отъ предпраздничной работы женщины, запачканныя въ мѣлъ, такъ какъ онѣ мазали хаты» (показанія учит. Крапивиной. Листъ 209 и слѣд.). Сторонній свидѣтель, воспитанникъ учит. семинаріи Кремянскій, показывалъ то же: „прибытіе казаковъ нагнало панику... Многіе кинулись убѣгать даже съ дѣтьми, куда глаза глядятъ; были такіе, что прятались въ лѣсу или въ сосѣднихъ селеніяхъ» (листъ дѣла 178 и послѣд.). А вотъ описаніе перваго момента по вступленіи казаковъ (Кремянскій): «поднялась въ Устивицѣ суматоха». Свидѣтель взлѣзъ на колокольню и видѣлъ, что казаки (нѣсколько человѣкъ) бѣгаютъ по улицамъ, гоняясь за какими-то людьми не то мужчинами, не то женщинами». Невдалекѣ отъ волости онъ же «встрѣтилъ двухъ конныхъ казаковъ, которые гнали какого-то старика, подгоняя его нагайками», и т. д.

гнали, — прибавляетъ корреспондентъ, а ремешковъ пріобрѣтено не мало» *).

Итакъ, это уже превращалось въ какую-то эпидемію беззаконныхъ жестокостей и насилій надъ усмиренными уже, стоящими на колѣняхъ, часто даже и совсѣмъ ни въ чемъ неповинными жителями, и эта эпидемія разливалась все шире по нашему несчастному краю. И не видно было «законной власти», которая бы захотѣла и смогла положить этому предѣлъ и напомнить объ отвѣтственности не только обывателей, но и должностныхъ лицъ... Администрація, очевидно, не желала. Судъ, вѣроятно, не могъ.

Оставалась печать, и я чувствовалъ упреки совѣсти, что не сдѣлалъ ничего тотчасъ же по полученіи извѣстій о сорочинской катастрофѣ. Я надѣялся на послѣдствія фактическихъ газетныхъ корреспонденцій и на оффиціальныя сообщенія почтеннаго суда. Но за ними послѣдовали только истязанія ни въ чемъ неповинныхъ криворудскихъ жителей. Очевидно, нужно было сказать что-нибудь болѣе яркое и болѣе сильное, чѣмъ фактическія корреспонденціи провинціальной газеты. Мысль, что независимая печать могла бы еще сдѣлать что-нибудь для прекращенія этихъ ужасовъ и беззаконій и что въ данныхъ обстоятельствахъ эта обязанность ложится на меня, не давала мнѣ возможности думать о другихъ работахъ, пока не будетъ исполнена эта задача. Разумѣется, наиболѣе благодарнымъ матеріаломъ для ея исполненія явился криворудскій эпизодъ, не осложненный никакими «безпорядками», гдѣ *явное беззаконіе, съ начала и до конца было на одной только сторонѣ*. Но это требовало, разумѣется, новой тщательной провѣрки, а дни уходили, разнося ужасъ и панику, подавляя всякія надежды на законный исходъ, принося, быть можетъ, новыя экспедиціи и новыя жестокости. Между тѣмъ въ это именно время въ Полтаву пріѣхали 12 человѣкъ сорочинскихъ жителей, которые сами пожелали дать для печати свѣдѣнія о происшествіяхъ въ ихъ селѣ, принимая отвѣтственность за правильность сообщеній... Я по очереди опросилъ ихъ, записалъ ихъ показанія, сопоставилъ ихъ другъ съ другомъ и исключилъ все, что возбуждало хоть въ комъ-нибудь изъ нихъ сомнѣніе и не подтверждалось двумя-тремя свидѣтелями.

Такъ былъ полученъ матеріалъ для нижеслѣдующаго письма, которое я привожу цѣликомъ и безъ всякихъ измѣненій. Читатель увидитъ, надѣюсь, что картина, въ немъ изображенная, — блѣднѣе той, которая рисуется слѣдственнымъ матеріаломъ... И если при этомъ мнѣ приходится повторять о мертвомъ то, что я писалъ, обращаясь къ суду живого; если мнѣ придется дополнить картину съ

*) «Полтавщина», 1906 г., № 8. Были и другія извѣстія такого же рода изъ другихъ уѣздовъ, вызывавшія порой возраженія, но, къ сожалѣнію, не вызывавшія оффиціальнаго и судебнаго разслѣдованія.

[illegible] подробностями, [illegible] разслѣдованіемъ, [illegible] тѣхъ, кто въ теченіе цѣлаго [illegible] ожиданіи суда, [illegible] факты, [illegible] краю, не останавливаясь при [illegible] передъ [illegible] покойнаго Филонова.

[illegible] имѣетъ свои права, и я [illegible] свое доброе имя...

II.

[illegible] письмо С[illegible]ому совѣтнику Филонову [illegible]

Г. статскій совѣтникъ Филоновъ!

Лично я васъ совсѣмъ не знаю, вы меня также. Но вы — человѣкъ, стяжавшій [illegible] извѣстность въ нашемъ краѣ [illegible] противъ соотечественниковъ. А я писатель, предлагаю вамъ оглянуться на краткую лѣтопись вашихъ подвиговъ.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ происходили собранія и говорились рѣчи. Жители Сорочинецъ, очевидно, полагали, что манифестъ 17 октября далъ имъ право собраній и слова. Да оно, повидимому, такъ и было: манифестъ дѣйствительно далъ эти права и прибавилъ къ этому, что никто изъ русскихъ гражданъ не можетъ подлежать отвѣтственности иначе, какъ по суду. Онъ провозгласилъ еще участіе народа въ законодательствѣ и управленіи страной и назвалъ все это «незыблемыми основами» новаго строя русской жизни.

Итакъ, въ этомъ отношеніи жители Сорочинецъ не ошибалисъ. Они не знали только, что, на ряду съ новыми началами, оставлены старыя «временныя правила» и «усиленныя охраны». Правда, администрація приглашалась сообразовать свои дѣйствія съ духомъ новаго основного закона, но... у нея были и старые циркуляры, и новыя внушенія въ духѣ прежняго произвола.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ высшая полтавская администрація колебалась между этими противоположными началами. Въ городѣ и въ губерніи происходили собранія, и народъ жадно ловилъ разъясненія происходящихъ событій. Конечно были при этомъ и рѣзкости, быть можетъ излишнія, среди разныхъ мнѣній и заявленій были и неосновательныя. Но мы привыкли оцѣнивать явленія по широкимъ результатамъ. Фактъ состоитъ въ томъ, что въ самые бурные дни, когда отовсюду неслись вѣсти о погромахъ, убійствахъ, усмиреніяхъ, — въ Полтавѣ ничего подобнаго не было. Не было также тѣхъ рѣзкихъ формъ аграрнаго движенія, которыя

*) „Полтавщина“, 12 января 1906. № 8.

вспыхивали въ другихъ мѣстахъ. Многіе, и не безъ основанія, приписывали это, между прочимъ, и сравнительной терпимости, которую проявила высшая полтавская администрація къ свободѣ собраній и слова. Подъ ихъ вліяніемъ стихійныя страсти народа умѣрялись, сознаніе расло, ожиданія вводились въ закономѣрное русло, надежды обращались къ будущимъ закономѣрнымъ учрежденіямъ страны. Казалось, еще немного, и народное мнѣніе сложится и прояснится, какъ проясняется вино послѣ шумнаго и мутнаго броженія. А затѣмъ ему предстояла окончательная переработка въ высшемъ законодательномъ учрежденіи страны...

Теперь это уже только прошлое. Съ 13 декабря полтавской высшей администраціи угодно было перемѣнить свой образъ дѣйствій. Результаты тоже налицо: въ городѣ дикій казачій погромъ, въ деревнѣ—потоки крови. Вѣра въ значеніе манифеста подорвана, сознательныя стремленія сбиты, стихійныя страсти рвутся наружу, или, что гораздо хуже—временно вгоняются внутрь, въ въ видѣ подавленной злобы и мести *)...

Зачѣмъ я говорю вамъ все это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ? Я, конечно, хорошо знаю, что всѣ великія начала, провозглашенныя (къ сожалѣнію лишь на словахъ) манифестомъ 17 октября 1905 года, вамъ и не понятны, и органически враждебны. Тѣмъ не менѣе, это уже основной законъ русскаго государства, его «незыблемыя основы». Понимаете-ли вы въ какомъ чудовищно-преступномъ видѣ предстали бы всѣ ваши дѣянія передъ судомъ этихъ началъ?

Но я буду «умѣренъ»... Я буду болѣе чѣмъ умѣренъ, я буду до излишества уступчивъ... Поэтому, г-нъ статскій совѣтникъ Филоновъ, я примѣню къ вамъ лишь обычныя нормы старыхъ русскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ до 17 октября.

Факты.

Въ Сорочинцахъ и сосѣдней Устивицѣ происходили собранія безъ формальнаго разрѣшенія. На нихъ говорились рѣчи,—принимались резолюціи. Между прочимъ, постановлено закрыть винныя монополіи. Составлены приговоры и, не ожидая оффиціальнаго разрѣшенія, монополіи закрыли, на дверяхъ повѣсили замки...

18 декабря, на основаніи усиленной охраны, т. е. въ порядкѣ внѣ-судебномъ, арестованъ одинъ изъ сорочинскихъ жителей, Безвиконный. Односельцы потребовали, чтобы его предали суду, а до суда отдали имъ на поруки. Такія требованія о судебномъ раз-

*) Напомнимъ цитированное выше показаніе сорочинскаго урядника „въ Сорочинцахъ все было спокойно до введенія усиленной охраны и до появленія слуховъ объ арестахъ“. Самому уряднику Котляревскому грозили: „чтобы не крали людей по ночамъ“ (показ. ур.). „Мы знаемъ, за чѣмъ существуетъ полиція: чтобы красть людей“ (показ. пристава Якубовича. Листъ дѣла 70 и послѣд.).—Всѣ примѣчанія къ этому письму дѣлаются теперь. В. К.

слѣдованіи, вмѣсто немедленнаго административнаго усмотрѣнія,— становятся обычными, имѣли мѣсто въ разныхъ селахъ и мѣстечкахъ нашей губерніи и сопровождались кое-гдѣ успѣхомъ. Сорочинцамъ было отказано. Тогда они, въ свою очередь, арестовали урядника и пристава.

19 декабря помощникъ исправника Барабашъ пріѣхалъ въ Сорочинцы во главѣ сотни казаковъ. Онъ вступилъ съ арестовавшими и, какъ говорятъ, уступая ихъ убѣжденіямъ, обѣщалъ ходатайствовать объ освобожденіи Белевченко и уѣхать съ отрядомъ. Но затѣмъ, къ несчастью, онъ остановился на окраинѣ, раздѣлилъ свой отрядъ, сдѣлалъ обходное движеніе, и опять подъѣхалъ къ толпѣ. Произошло роковое столкновеніе, подробности котораго установитъ судъ. Въ результатѣ смертельно раненъ помощникъ исправника, смертельно ранено и убито до 20 сорочинскихъ жителей...

Извѣстно ли вамъ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, при какихъ обстоятельствахъ погибли эти двадцать человѣкъ? Всѣ они убивали исправника? Нападали? Сопротивлялись? Защищали убійцъ?

Нѣтъ. Казаки не удовольствовались разсѣяніемъ толпы и освобожденіемъ пристава. Они кинулись за убѣгавшими, догоняли и убивали ихъ. Этого мало, они бросились въ мѣстечко и стали охотиться за жителями, случайно попадавшимися на пути.

Такъ именно около дома г-на Малинки убитъ сторожъ *Отрешко*, мирно сметавшій снѣгъ около хозяйскаго крыльца *). Такъ *Евстафій Гарковенко* «смыкалъ» для скота сѣно изъ стога, въ своемъ дворѣ, за версту отъ волостного правленія. Казакъ прицѣлился, и раненый Гарковенко упалъ раньше, чѣмъ могъ замѣтить злодѣя. Такъ, старикъ аптекарь Фабіанъ *Перевозскій* возвращался съ сыномъ изъ почтоваго отдѣленія. Около дома Орлова ихъ настигъ убійца-казакъ, который застрѣлилъ сына на глазахъ у отца. Такъ Сергѣй Ивановичъ *Ковшунъ* убитъ въ шести саженяхъ отъ своихъ

*) Показанія: *свящ. Греченко* (листъ дѣла 215): „Казакъ перегнулся черезъ заборъ и выстрѣлилъ". Показ. *дворянина Малинки* (листъ 245 и слѣд.): „Отрешко былъ раненъ подъѣхавшимъ казакомъ изъ-за забора въ то время, какъ онъ былъ во дворѣ". Показаніе *сторожихи Кипатьевой* (листъ 214), *столяра Повзыка* (листъ 216), *урядника Котляревскаго* (листъ 216—217) и др. Интересно указаніе дворянина Малинки, что серія выстрѣловъ, отъ которой между прочимъ погибъ Отрешко, раздалась долго спустя послѣ залповъ у волостного правленія. Урядникъ Котляревскій слышалъ, что это стрѣляли казаки, возвращавшіеся изъ больницы, куда они отвезли Барабаша. Объ *одномъ* такомъ запоздаломъ выстрѣлѣ говоритъ и полковникъ Бородинъ (листъ 50 и послѣд.). По этому поводу онъ производилъ разспросы, но кто стрѣлялъ — узнать ему не удалось. Сотникъ Щетихинъ (листъ 108), наоборотъ, утверждаетъ, что онъ доложилъ полковнику, что выстрѣлъ былъ данъ по собравшейся толпѣ „исключительно вооруженныхъ людей", и говоритъ еще объ одномъ выстрѣлѣ. Фактъ тотъ, что были выстрѣлы долго спустя послѣ разгона.

воротъ. Такъ, *женщина* жена крестьянина *Маковецкаго,* убита въ самыхъ воротахъ. Такъ, у *дѣвушки Келеновой* прострѣлены пулей обѣ щеки *). Я могъ бы вамъ перечислить, при какихъ условіяхъ и гдѣ именно убиты всѣ погибшіе въ Сорочинцахъ. Но я считаю достаточнымъ сказать, что 8 человѣкъ убиты у волостного правленія и въ непосредственной близости, двѣнадцать же пали на улицахъ, у своихъ домовъ и въ глубинѣ дворовъ **)...

Теперь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, я позволю себѣ спросить: одно ли преступленіе совершено въ Сорочинцахъ 19 декабря, или ихъ совершено много? Думаете ли вы, что драгоцѣнна только кровь людей въ мундирахъ, а кровь людей въ свиткахъ и сермягахъ, кровь Отрешка, Гарковенка, Ковтуна, Маковецкой, Келеновой и имъ подобныхъ можно лить безнаказанно, какъ воду? Не кажется ли вамъ, что, если необходимо изслѣдовать, кто и при какихъ обстоятельствахъ убилъ несчастнаго Барабаша, то не менѣе необходимо, чтобы правосудіе занялось и тѣмъ, кто, вооруженный, убивалъ на улицахъ, на дворахъ, въ огородахъ безоружныхъ, простыхъ людей, не нападавшихъ, не сопротивлявшихся, не бывшихъ на мѣстѣ рокового происшествія, не знавшихъ о немъ и умершихъ въ этомъ незнаніи.

О, да! Мнѣ нѣтъ никакой надобности примѣнять къ этой трагедіи великія начала новаго, основного закона.. Для этого достаточно любого закона, любой страны, имѣющей хоть самыя несовершенныя понятія о законѣ писанномъ или обычномъ. Отправьтесь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, въ страну полудикихъ курдовъ, на родину башибузуковъ. И тамъ любой судья отвѣтитъ вамъ: «У насъ,—скажетъ онъ безъ сомнѣнія,—тоже много вооруженнаго разбоя, опозоривающаго нашу страну передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но и наши несовершенные законы признаютъ, что кровь людей въ простой одеждѣ такъ же взываетъ къ правосудію, какъ и кровь убитаго чиновника».

*) Объ Евстафіи Гарковенко есть показанія, что онъ раненъ не во дворѣ, а на площади. *Ковтунъ* найденъ въ 20 саженяхъ отъ своихъ воротъ (показанія: *урядника Кондыревскаго*, листъ 216 и слѣд.; [illegible], л. 216, *Кіяшко*, л. 217 и слѣд., *старшины* [illegible], л. 214, и др.). [illegible] не ранена, а убита у женской школы, а у *Маковецкой* прострѣлена [illegible] 100 саженяхъ отъ ея воротъ (*урядникъ Кондыревскій*, кр. *Кіяшко*, [illegible] *Попикъ*, *сотн. Гриценко* и др.).

**) Фактъ установленъ показаніемъ кр. *Кіяшко* (217). На его глазахъ [illegible] въ [illegible], убѣгавшихъ по улицѣ. Женщины [illegible], а [illegible] стояли у своихъ воротъ. [illegible] (218) видѣла, какъ [illegible] стрѣляли въ [illegible] дѣвушку. Въ нее [illegible] когда она перебѣгала улицу (далеко отъ волости). *Гриценко* (217) [illegible] *Кондыревскій* [illegible], что это дѣлалъ [illegible] Барабаша [illegible] убійства [illegible] улицахъ [illegible] суда [illegible].

[illegible] определенно, г. статскій [illegible]

[illegible], мы оба согласны, что представителю власти, [illegible] отправившемуся въ Сорочинцы вечеромъ 19 декабря, предстояла суровая, но и почетная и благородная роль. [illegible] уже охваченное смятеніемъ [illegible] внести [illegible] справедливымъ [illegible] строго осуждая [illegible] (Смотри его, г. статскій совѣтникъ Филоновъ). *[illegible]*

[illegible] народу, что прежніе законы въ Россіи не перестали [illegible], но что и гарантіи правосудія, [illegible] манифестомъ,— тоже не мертвая буква [illegible]. [illegible] мы уже [illegible] г. статскій совѣтникъ Филоновъ. При этомъ же, если бы [illegible] имѣть въ виду, [illegible].

Между тѣмъ [illegible] въ Полтавѣ, именно на васъ возложена тяжелая, трудная и почетная роль представителя законной власти въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ послѣ 19 декабря.

Какъ вы ее поняли? И какъ выполнили?

Факты.

21 декабря въ Сорочинцахъ увезли тѣло несчастнаго Барабаша, умершаго въ больницѣ. Еще не стихъ печальный перезвонъ церковныхъ колоколовъ, какъ вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, въѣхали въ Сорочинцы во главѣ сотни казаковъ *).

Были ли въ это время какіе-нибудь признаки возмущенія? Было ли вамъ оказано сопротивленіе? Встрѣтили васъ [illegible] баррикады? Собрались съ оружіемъ? Мѣшали вашимъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ?

Нѣтъ, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ не было уже никакихъ признаковъ, которые бы говорили о сопротивленіи и противодѣйствіи.

Жители были подавлены страшнымъ несчастіемъ 19 декабря, разразившимся надъ ними неожиданно, стихійно и такъ ужасно. Они понимали, что теперь неизбѣжно вмѣшательство правосудія **).

*) Не [illegible]: тѣло Барабаша увезено 22-го декабря утромъ. Отрядъ Филонова прибылъ еще наканунѣ, 21-го, и уже въ ночь были произведены аресты. Это доказываетъ еще яснѣе, что въ Сорочинцахъ къ этому моменту не было никакихъ признаковъ бунта, если уже наканунѣ экзекуціи можно было не только арестовывать (показаніе подъесаула [illegible]) [illegible]. Показаніе старосты Копитька л. 214 и сл.: „21-го къ 4 ч. утра потребованъ Филоновымъ въ волость и видѣлъ тамъ арестованныхъ Гоглиба и Герасима Муху. Они были избиты до того, что ихъ трудно было узнать“.

**) „На слѣдующій день все было спокойно“ (показаніе урядника).

если бы въ село прибылъ судебный слѣдователь, вооруженный только закономъ, то и онъ не встрѣтилъ бы ни малѣйшаго сопротивленія. А если бы съ нимъ и были казаки, то они знали бы, что ихъ роль—только охрана должностнаго лица и его законныхъ дѣйствій, а не наказаніе еще не обвиненныхъ людей, не буйство, не истязанія, не насилія, которыя, въ свою очередь, караются закономъ.

Да, это несомнѣнно было бы такъ, тѣмъ болѣе, что отъ судебной власти жители ждали бы правосудія и для себя, за кровь своихъ близкихъ..

Но въ Сорочинцы былъ посланъ не судебный слѣдователь, а вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ (старшій совѣтникъ губернскаго правленія), и на васъ падаетъ вина въ томъ, что вооруженный отрядъ, отданный въ ваше распоряженіе, изъ охранителей силы закона превратился въ его нарушителей и насильниковъ.

Вы сразу стали поступать въ Сорочинцахъ, какъ въ завоеванной странѣ. Вы велѣли «согнать сходъ» и объявили, что, если сходъ не соберется, то вы разгромите все село, «не оставивъ отъ него и праха» *). Мудрено ли, что послѣ такого приказанія и въ такой формѣ, казаки принялись выгонять жителей по своему. Мудрено ли, что теперь въ селѣ, называя имена говорятъ о цѣломъ рядѣ вымогательствъ и даже изнасилованій, произведенныхъ отрядомъ, состоявшимъ въ вашемъ распоряженіи **)?

Для чего же вамъ понадобился этотъ сходъ и какія законныя слѣдственныя дѣйствія производили вы въ его присутствіи?..

Прежде всего, вы поставили ихъ *всѣхъ на колѣни*, окруживъ казаками съ обнаженными шашками и выставивъ два орудія. Всѣ покорились, всѣ стали на колѣни, безъ шапокъ и на снѣгу...

---

*) „Филоновъ говорилъ, что навѣрное по мѣстечку придется открыть огонь" (показаніе подъесаула Опчокова, л. 116 и слѣд.). „Филоновъ объявилъ, что, если бы отрядъ вновь былъ встрѣченъ набатомъ, то мѣстечко могло бы быть сожжено" (показаніе подъесаула Чернявскаго, л. д. 118).

**) Показанія о грабежахъ въ Сорочинцахъ и Устивицѣ: *урядника Котляревскаго*: многіе, въ особенности евреи *заявляли мнѣ* объ ограбленіи (л. д. 216—217). Поч. миров. судьи *Лукьяновича* (со словъ урядника Бокитько, л. д. 124). *Урядникъ Бокитько*: казаки забирались въ частные дома „Мнѣ заявляли, что *они просто грабили*" (л. 211 и слѣд.); *Кремянскій* (воспит. учит. сем. л. д. 178). „стражникъ Балакирій подтвердилъ, что забирались въ дома и сказалъ: мы сами ихъ отгоняли". Свящ. *Станиславскій* подтвердилъ, что были грабежи, но приписывалъ ихъ не казакамъ (л. 208). Старшина *Луценко* (Устивица): по приказанію исправника собиралъ заявленія потерпѣвшихъ, но затѣмъ исправникъ приказалъ заявленія уничтожить, а свою (исправника) бумагу вернуть ему обратно (л. 209). Есть еще показаніе старшины Новака (л. 216), Анны Сороки (грабежъ въ присутствіи пристава, Юровскаго 219), Герасима Мухи (л. 59), Авр. Готлиба (л. 68). Существованіе упорныхъ слуховъ о насиліяхъ надъ женщинами подтверждаетъ Кремянскій, Гриценко (л. 217), Сура Готлибъ (220), Кіяшко (л. 217) и др.

Только часа черезъ два вы спохватились, что въ этой колѣнопреклоненной толпѣ есть георгіевскіе кавалеры. Вы ихъ отпустили. Потомъ отпустили и стариковъ и малолѣтнихъ. Остальныхъ, подъ угрозой смерти, вы держали такимъ образомъ, въ теченіе 1½ часовъ, даже не подумавъ о томъ, что въ этой беззащитно истязуемой вами толпѣ могутъ быть лица, еще не похоронившія невинно убитыхъ 19 декабря братьевъ, отцовъ, дочерей, передъ которыми нужно было бы стоять на колѣнахъ, вымаливая прощеніе въ убійствѣ *)...

Эта толпа нужна была вамъ, какъ фонъ, какъ доказательство вашего всевластнаго всемогущества, величія и... презрѣнія къ законамъ, ограждающимъ личность и права русскихъ гражданъ отъ безразсуднаго произвола. Дальнѣйшее «слѣдствіе» состояло въ томъ, что вы вызывали отдѣльныхъ лицъ, по заранѣе составленному списку.

Для чего? Для допроса? Для установленія степени вины и отвѣтственности?

Нѣтъ, едва вызванный раскрывалъ ротъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, объясниться, быть можетъ, доказать полную свою непричастность къ случившемуся, какъ вы, собственной совѣтничьей рукой съ размаха ударяли его по физіономіи и передавали казакамъ, которые, по вашему примѣру, продолжали начатое вами преступное истязаніе, валяли въ снѣгу, били нагайками по головѣ и лицу, пока жертва не теряла голоса, сознанія и человѣческаго подобія...

Такъ именно поступили вы, напримѣръ, съ Семеномъ Гриценко, у котораго, какъ вамъ донесли, ночевалъ одинъ изъ «ораторовъ». Укажите мнѣ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, такой законъ, по которому человѣкъ, пріютившій другого на ночь, отвѣчалъ бы за всѣ его слова и дѣйствія, самая преступность которыхъ тоже еще не доказана? И однако, едва Гриценко открылъ ротъ для объясненій, какъ вы принялись бить его по лицу, а затѣмъ передали для побоевъ казакамъ. Избитаго разъ, его посадили въ холодную, этого показалось мало: вы опять его вызвали, опять не дали говорить, опять били сами и передали казакамъ для вторичнаго истязанія... Такъ же поступили вы еще съ Герасимомъ Мухой, у котораго хранился ключъ отъ закрытой обществомъ «монополіи», только этого вы еще ударили ногою въ животъ. Такъ же (два раза) били вы Василія Покровы, потомъ истязали Аврама Гоглюя, Семена Сорокина, Семена Коверко. Я не стану перечислять здѣсь всѣхъ

*) О томъ, что толпа была поставлена въ снѣгъ на колѣни, единогласно говорятъ всѣ, начиная съ полковника Бородина и кончая казаками и урядниками. Разно опредѣляютъ только время: *Хорунжій Дюжинъ* (112—114) и *землемѣръ Очеретько* опредѣляютъ время въ 3 часа. Старшина *Копатько* (214), *свидѣтель Полякъ* (216) и *помощникъ Котляревскій* отъ 1 до 1½ ч. Въ Устивицѣ 2—2½ часа.

двадцать человѣкъ, которыхъ вы били собственными руками, лягали ногами и приказывали бить еще нагайками *). Упомяну еще только студента Романовскаго...

Студентъ Романовскій лицо «привилегированное» и потому вы не посмѣли бить его собственноручно. Вы даже не сразу приказали бить его и казакамъ: вы только отправили его въ холодную. Тогда кто-то изъ казаковъ спросилъ: «Почему же не подъ нагайки»..

Вы нашли, что спрошено въ правѣ. Всѣ равны передъ закономъ. Вы здѣсь творили вопіющія беззаконія, почему же не уравнять всѣхъ передъ беззаконіемъ? Студента вызвали изъ холодной. Едва онъ вышелъ на крыльцо — его толкнули на снѣгъ и избили.. Къ счастью, какой-то сердобольный человѣкъ посовѣтовалъ ему предварительно обернуть голову и лицо башлыкомъ **)...

Но и этого всего вамъ показалось недостаточно, и потому, оглядѣвъ толпу, стоявшую на колѣняхъ передъ вашимъ совѣтническимъ величіемъ, вы вдохновились на новый актъ изысканной жестокости. Вы велѣли евреямъ отдѣлиться отъ православныхъ, поставили ихъ на колѣни отдѣльно и приказали казакамъ бить ихъ всѣхъ, безъ разбора. Вы объясняли это тѣмъ, что «евреи — [illegible]умы и что они — враги Россіи». Казаки ходили среди колѣнопреклоненной толпы и хлестали направо и налѣво, мужчинъ, подростковъ, сѣдыхъ стариковъ. «Якъ вітеръ въ-вівці» — (какъ [illegible]) по картинному выраженію одного изъ очевидцевъ. А вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, глядѣли на это избіеніе и поощряли бить сильнѣе ***).

---

*) Относительно собственноручной расправы Филонова и дальнѣйшихъ избіеній нагайками свидѣтели показываютъ единодушно. Привожу наиболѣе характерныя показанія: *хорунжій Д[illegible]*: „нѣкоторыхъ изъ наиболѣе главныхъ зачинщиковъ Филоновъ самъ вытаскивалъ, давая тумаки" (л. 112 и слѣд.); подъесаулъ *О[illegible]въ* (114 и слѣд.): „Филоновъ своими руками выхватывалъ подлежащее экзекуціи лицо и приказывалъ идти въ волость, въ арестантскую, и его по дорогѣ принимала экзекуц. команда и била нагайками". Свящ. *Греченко* (21[illegible]) видѣлъ, какъ „Филоновъ какого-то человѣка толкалъ ногами, когда тотъ не въ состояніи былъ встать". Священникъ два раза уходилъ со схода, чтобы не видѣть этого. Кр. *Мета* (л. 63): Филоновъ ударилъ его ногой въ животъ и т. д., и т. д.

**) Эпизодъ со студ. Романовскимъ единогласно подтверждаютъ всѣ свидѣтели и казаки, утверждая только, что по головѣ вообще не били.

***) Этотъ фактъ тоже установленъ многочисленными свидѣт. показаніями. Особенно характерны: *подъесаулъ О[illegible]въ* (116—118): „[illegible] будто били толпу. Дѣйствительно бить также [illegible] были [illegible] отдѣльно на колѣни. Когда Филоновъ подошелъ къ нимъ, и они [illegible], начали вставать съ колѣнъ, то Филоновъ приказалъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ проучить нагайками". То же показываетъ [illegible] *Черняховскій* (119), [illegible] прибавляетъ: „давали 10—15 ударовъ и не болѣе". [illegible] *С[illegible]* (210): „всей толпы поочередно [illegible] [illegible] толпу [illegible] не [illegible] всѣхъ [illegible]".

Г. [illegible] Филонов! Пом[illegible] [illegible] [illegible] по бумагѣ вѣ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] видимъ [illegible] бы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] 19 [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Устивицу. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Такъ ѣхали вы въ Устивицу [illegible] [illegible] [illegible]...

Въ дальнѣйшемъ я буду [illegible].

Что было въ Устивицѣ до вашего [illegible]? Тамъ не было [illegible] бунта, не [illegible] [illegible], не [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible]. Тамъ только [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] о закрытіи [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] разрѣшенія. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] свидѣтельствовалъ о томъ, что жители села рѣшили [illegible] [illegible] прекратить у себя пьянство *).

Они [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Ну, а вы, г. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и слуга закона! Сами вы соблюдали [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] вашего [illegible] дѣла?

Здѣсь я скажу только, что, мстя на этотъ разъ лишь за [illegible] казенной винной продажи, вы прежде всего избили старосту, [illegible] котораго сорвали знакъ и бросили въ снѣгъ. Затѣмъ вы [illegible] [illegible] писаря, которого били не только руками, но [illegible] на [illegible] счеты, послѣ чего писарь не могъ уже [illegible] [illegible] [illegible] писать протоколы. Тутъ же избитъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] головѣ [illegible] [illegible]... [illegible]) Жителей Устивицы [illegible] [illegible]

*) Показ. свящ. А. А. Троицына: жители [illegible] въ октябрѣ [illegible] [illegible] о закрытіи винной лавки. Когда пріѣзжалъ чин. [illegible], [illegible] повторили просьбу, и онъ обѣщалъ ходатайствовать (л. 1[illegible]).

**) Показанія *старосты Артема* (л. 2[illegible]—21[illegible]): Фил. [illegible] [illegible] людей у [illegible] входа въ волость... [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] началъ бить находившихся въ коридорѣ людей. [illegible] ([illegible]) [illegible] онъ сразу, сорвалъ знакъ, разбилъ губы и велѣлъ еще бить [illegible]. Писарь [illegible], [illegible] [illegible] теперь [illegible] [illegible] [illegible] въ Полтавѣ. *Др. [illegible]* (21[illegible]—21[illegible]) [illegible] Фил. [illegible] старосту [illegible], [illegible] [illegible], и писаря [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Фил. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] казачьяго сотника, хотѣлъ [illegible] для примѣра сильно [illegible]". [illegible]. *[illegible]* (2[illegible]) [illegible] [illegible] [illegible] бабу, я [illegible]". — *[illegible]* (17[illegible]) [illegible] [illegible] думалъ, его убьютъ". *[illegible]* ([illegible]) [illegible] [illegible] писаря. Сходъ былъ поставленъ на колѣни (2 часа) [illegible].

поставили въ снѣгъ на колѣни, такъ же казаки били ихъ нагайками и также суду, если таковой состоится, предстоитъ рѣшить, правильны ли ужасающіе разсказы жителей объ изнасилованіяхъ, которымъ подвергали устивицкихъ женщинъ казаки, находившіеся въ вашемъ распоряженіи *)... Вы поймете, конечно, что имена жертвъ въ этихъ случаяхъ не такъ легко поддаются оглашенію.

Толпу вы держали и здѣсь на колѣняхъ два часа, вымогая у нея, какъ и въ Сорочинцахъ, имена «зачинщиковъ» и требуя приговора о ссылкѣ непріятныхъ администраціи лицъ. Вы забыли при этомъ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, что пытка отмѣнена еще Александромъ I-мъ, что тѣлесное наказаніе, *даже по суду*, отмѣнено для всѣхъ манифестомъ отъ 11 августа 1904 года, а приговоры, добытые подобными, явно преступными, пріемами, не имѣютъ ни малѣйшей силы...

Я кончилъ. Теперь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, я буду ждать.

Я буду ждать, что, если есть еще въ нашей странѣ хоть тѣнь правосудія, если у васъ, у вашихъ сослуживцевъ и у вашего начальства есть сознаніе профессіональной чести и долга, если есть у насъ обвинительныя камеры, суды и судьи, помнящіе, что такое законъ или судейская совѣсть, то кто-нибудь изъ насъ долженъ сѣсть на скамью подсудимыхъ и понести судебную кару: Вы или я.

Вы,—такъ какъ вамъ гласно кинуто обвиненіе въ дѣяніяхъ, противныхъ служебному долгу, достоинству и чести, въ томъ, что вы, подъ видомъ слѣдственныхъ дѣйствій, внесли въ Сорочинцы и Устивицу не идею правосудія и законной власти, а только свирѣпую и беззаконную месть чиновничества за чиновника и за ослушаніе чиновникамъ.

Месть даже не виновнымъ,—для ихъ установленія нужно было разслѣдованіе. Нѣтъ, вы принесли слѣпую и дикую грозу истязанія и насилія надъ людьми безъ разбора, въ томъ числѣ и надъ завѣдомо невинными!..

А если вы можете отрицать это, то я охотно займу ваше мѣсто

сталъ заступаться, доказывая, что старшина и писарь не виновны, а на сходѣ по большей части находятся люди, непричастные къ закрытію винной лавки. Тогда Филоновъ велѣлъ людямъ встать съ колѣнъ, и потомъ вновь поставилъ на колѣни и заставилъ извиняться передъ старшиной, за то, что онъ, Филоновъ, наказалъ его невинно, за людей. Сторожъ Галайдичъ разсказывалъ свидѣтелю, что у него въ хатѣ казаки 23 декабря избили его чахоточнаго сына солдата, вернувшагося раненымъ съ войны за то, что, будто бы, онъ не хочетъ идти на сходъ. *Бережной* (учит. мин. шк.) 176. У избитаго Филоновымъ Панкова видѣлъ кровь на лицѣ.

*) *Кремянской* (воспит. дух. уч.) л. 178: Мѣстная жительница, молодая, красивая женщина еле отдѣлалась отъ любезностей казаковъ, которые гонялись за нею, и такъ перепугалась, что нервно заболѣла.

на скамьѣ подсудимыхъ и буду доказывать, что вы совершили больше, чѣмъ я здѣсь могъ изобразить моимъ слабымъ перомъ... Я докажу, что, называя васъ истязателемъ, насильникомъ и беззаконникомъ, я говорю лишь то, что непосредственно вытекаетъ изъ совершенныхъ вами дѣяній. Потому что вы, несомнѣнно, производили истязанія, насилія и беззаконія. Вы попирали всѣ законы старые и новые, вы подрывали въ народѣ не только уже вѣру въ искренность и значеніе манифеста, но и самую идею закона и власти. А это значитъ, что вы и подобные вамъ толкаете народъ на путь отчаянія, насилія и мести.

Я знаю: вы можете сослаться на то, что вы не одинъ, что дѣянія, подобныя вашимъ, можетъ быть, превосходившія ваши,— остаются у насъ безнаказанными... Это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ,—пока печальная истина.

Но это не оправданіе для васъ. Къ вамъ же я обращаюсь потому, что живу въ Полтавѣ, что она полна живыми образами вашихъ насилій, что до меня доносятся стоны и жалобы вашихъ жертвъ...

А если и вы, какъ другіе вамъ подобные, останетесь безнаказаннымъ, если, избѣгнувъ всякаго суда по снисходительности начальства и безсилію закона, вы вмѣстѣ съ кокардой предпочтете носить клеймо этихъ тяжелыхъ публичныхъ обвиненій, то и тогда я вѣрю, что это мое обращеніе не пройдетъ безслѣдно.

Пусть страна видитъ, къ какому порядку, къ какой силѣ законовъ, къ какой отвѣтственности должностныхъ лицъ, къ какому огражденію правъ русскихъ гражданъ зовутъ ее два мѣсяца спустя послѣ манифеста 17 октября».

Я нарочно снабдилъ текстъ своего письма подробными примѣчаніями, извлеченными изъ дѣла «о писателѣ Владимірѣ Галактіоновичѣ Короленко и бывшемъ редакторѣ газ. «Полтавщина», Дмитріи Осиповичѣ Ярошевичѣ», обвинявшихся въ распространеніи завѣдомо ложныхъ свѣдѣній. Изъ этихъ примѣчаній читатель можетъ видѣть, насколько «ложны» эти свѣдѣнія и въ какой степени слѣдственный матеріалъ смягчаетъ картину тѣхъ дѣяній, по поводу которыхъ мы взывали къ суду. Общее заключеніе сдѣлано полтавскимъ окружнымъ судомъ въ опредѣленіи, которымъ прекращено наше дѣло. Къ этому интересному опредѣленію мнѣ придется еще, быть можетъ, вернуться, когда я буду говорить о роли суда въ мрачной трагедіи безправія и насилія, центромъ которой явилась дѣятельность покойнаго Филонова. Здѣсь же я приведу лишь ту часть утвержденнаго судомъ заключенія г-на полтавскаго прокурора, которая прямо относится къ дѣлу:

«Обращаясь засимъ къ тѣмъ частямъ письма Короленко,— говорится въ этомъ документѣ,— гдѣ изложена чисто фактическая

сторона событій съ момента столкновенія толпы съ казаками, нельзя не признать ее въ общемъ соотвѣтствующей дѣйствительности. Несомнѣнно есть и въ этой части «ошибки и неточности», по выраженію свидѣтелей, но это всегда возможно при полной правдивости автора, когда приходится излагать событія, передаваемыя со словъ другихъ, да еще потерпѣвшихъ людей. Какъ выяснилось на предварительномъ слѣдствіи, нѣкорыя лица были убиты въ м. Сорочинцахъ далеко отъ волости, а сторожъ г. Малинки, Отрешко, ни въ чемъ неповинный, былъ убитъ дѣйствительно во дворѣ. Что касается «корреспонденціи изъ Устивицы», то всѣ изложенные въ ней факты нашли себѣ полное подтвержденіе на предварительномъ слѣдствіи. Не подтвердилось лишь сообщеніе о грабежахъ и насиліяхъ казаковъ надъ жителями, хотя по этому поводу въ м. Устивицы, какъ и въ мѣст. Сорочинцахъ ходили упорные слухи» *).

Въ виду этого, судъ призналъ, что привлеченіе къ отвѣтственности писателя Короленко и бывшаго редактора Ярошевича «не можетъ имѣть мѣста». Что же касается до освѣщенія событій, и извѣстной «пристрастности», которую суду угодно было усмотрѣть въ моемъ отношеніи къ дѣяніямъ уже наказанныхъ свыше мѣры сорочинскихъ жителей, съ одной стороны, и продолжавшаго свою дѣятельность ст. сов. Филонова съ другой, то и самый судъ находитъ — совершенно справедливо, — что, во-первыхъ, «освѣщеніе является не наказуемымъ» (и значитъ не подлежащимъ оцѣнкѣ суда), а во-вторыхъ «можетъ быть результатомъ просто точки зрѣнія и настроенія автора». Послѣднее соображеніе представляется уже совершенно непререкаемымъ. Дѣйствительно, «освѣщеніе событій» объясняется главнымъ образомъ, моей точкой зрѣнія, которую я и постараюсь изложить въ дальнѣйшихъ главахъ этого скорбнаго очерка и въ оцѣнкѣ которой полтавскій окружный судъ никакой спеціальной авторитетностію не обладаетъ.

III.

Чего я добивался?

Для всякаго безпристрастнаго человѣка это ясно: цѣль моего письма выражена заключительными словами, — обращенными къ ст. сов. Филонову:

---

*) Позволяю себѣ напомнить извлеченія изъ показаній офиціальныхъ лицъ: урядниковъ Котляревскаго и Бокитько, старшинъ Луценко и Ковалевскаго, и др. сельскихъ властей, которые говорятъ не только о слухахъ, но и о фактахъ *изнасилованія потерпѣвшихъ*. Суду не угодно было также обратить вниманіе на то, *какъ* было прекращено уже начатое дознаніе и уничтоженъ уже составленный списокъ потерпѣвшихъ (см. выше, въ показаніяхъ урядника Бокитько, старшины Луценко, и поч. миров. судьи Лукьяновича). Можно ли при такихъ условіяхъ считать эти слухи «не подтвердившимися»?

И [illegible] что, если [illegible] кто-нибудь изъ нихъ [illegible] Въ жизни [illegible].

Теперь [illegible] Филоновъ [illegible] Между тѣмъ [illegible] 20 человѣкъ [illegible] И [illegible].

Я [illegible].

[illegible] Филонова [illegible] Руси, и [illegible] Филонова [illegible] Устивица, [illegible] Руси [illegible] Кременчугской [illegible], что, если бы я [illegible] послѣ сорочинскихъ событій, то быть можетъ не было бы [illegible] въ [illegible] Руси.

Итакъ, вторая моя задача, непосредственная и повелительная, [illegible] нѣкоторой надеждой на то, что громкое [illegible] можетъ остановить разливающіяся все шире беззаконія и жестокость.

Наконецъ, — и, быть можетъ, это всего важнѣе, — у меня была еще одна цѣль. Еще недавно въ Сорочинцахъ царило почти эпидемическое возбужденіе, и вся толпа была во власти одного загипнотизировавшаго ее человѣка. Черезъ два дня та же толпа стояла на колѣнахъ передъ другимъ человѣкомъ, окружившимъ ее казаками, пушками и гипнотизировавшаго ее, въ свою очередь, ужасомъ беззаконныхъ насилій.

Когда я добивался предранія суду Филонова, то меня все время не оставляло представленіе объ этихъ двухъ полюсахъ, между которыми колебалось настроеніе толпы.

Я хотѣлъ вызвать въ ней другое, болѣе здоровое настроеніе, достойное сознательныхъ гражданъ обновляющейся страны. Я думалъ, что свободный и смѣлый голосъ печати можетъ поднять этихъ людей съ колѣнъ и напомнить, что и у нихъ есть законное право, котораго они должны добиваться. Я хотѣлъ также напомнить суду о его важной роли среди смятенія и тревоги обновляющейся страны.

Съ той поры, когда мы имѣли бы возможность огласить въ газетѣ первые рѣшительные шаги въ этомъ направленіи со стороны администраціи и суда,—я считалъ бы свою задачу оконченной или говорилъ бы о дѣяніяхъ Филонова съ гораздо большимъ «спокойствіемъ».

Была ли какая-нибудь надежда на то, что ясная цѣль моего письма будетъ достигнута и что Филоновъ дѣйствительно будетъ привлеченъ къ отвѣтственности?

Я знаю, какія улыбки вызоветъ мой отвѣтъ послѣ всего, что произошло и послѣ того, какъ самъ я (не смотря на очевидную и *извѣдомую* правдивость всего мною изложеннаго) цѣлый годъ состоялъ подъ слѣдствіемъ и въ подозрѣніи. И тѣмъ не менѣе, я всетаки отвѣчу, что эта надежда не была лишена нѣкоторыхъ основаній.

Мое письмо было воспроизведено, частью цѣликомъ, частью въ значительныхъ выдержкахъ, на страницахъ многихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. Затѣмъ переводы и выдержки появились въ заграничной прессѣ. Я получалъ изъ-за границы письма, съ просьбой о сообщеніи дальнѣйшихъ судебъ этого дѣла.

Тяжба была поставлена широко, и въ этой тяжбѣ между независимой печатью и произволомъ, казалось, не можетъ быть проигрыша для дѣла, которое я отстаивалъ. На глазахъ у всей страны были указаны факты вопіющаго беззаконія въ то самое время, когда она призывалась къ законности, и характеръ репрессіи явно не соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ: уже въ Сорочинцахъ толпа стояла на колѣняхъ; въ Устивицѣ картина еще менѣе осложнялась незначительными волненіями и закрытіемъ винной лавки. Криворудскій погромъ не осложнялся уже ничѣмъ, и вопіющія стороны «карательныхъ пріемовъ» Филонова выступали не прикрытыя и беззащитныя передъ самымъ элементарнымъ правосудіемъ. Къ тому же, я оставался на мѣстѣ, готовый поддерживать свое обвиненіе или отвѣчать за него. Такимъ образомъ, типичная картина усмиреній была поставлена, точно подъ стекляннымъ колпакомъ, на виду у русской и заграничной печати. Оставалось довести ее до конца, освѣщая весь ходъ этого дѣла и каждый шагъ правосудія.

Осужденіе Филонова явилось бы и осужденіемъ его «системы дѣйствій». Приговоръ суда сказалъ бы внушительное Quos ego не однимъ только мелкимъ, но страшнымъ по своей многочисленности подражателямъ Филонова въ нашей и другихъ губерніяхъ. Онъ создавалъ бы то, что въ другихъ странахъ называютъ «прецедентомъ». Если бы дружными усиліями независимой печати удалось вывести самонадѣяннаго чиновника изъ-за окоповъ «служебной гарантіи» на свѣтъ гласнаго суда и осужденія, то это было бы первымъ еще фактическимъ осуществленіемъ «на мѣстахъ» тѣхъ «новыхъ началъ», которыя и до сихъ поръ остаются только словами, ничего не измѣнившими на всей поверхности русской жизни.

Вотъ для чего я рѣшился замѣнить безличныя корреспонденціи своимъ «открытымъ письмомъ», начинавшимъ планомѣрную кампанію. Какъ бы ни были слабы шансы успѣха, возможный все таки результатъ тѣмъ дороже, что онъ былъ бы достигнутъ на почвѣ борьбы вполнѣ законномѣрной, къ которой призывалось также и само населеніе.

Сдавленныя чувства людей, покорно стоявшихъ на колѣняхъ въ снѣгу, подъ ударами нагаекъ и жерлами пушекъ,—плохая почва для «общественнаго спокойствія», не говоря уже о «новыхъ началахъ» и ихъ гарантіяхъ. Гораздо надежнѣе со всѣхъ точекъ зрѣнія напоминаніе «о законѣ, суровомъ, но безпристрастномъ и справедливомъ, стоящемъ выше увлеченій и страстей данной минуты, строго осуждающемъ самосудъ толпы» *), но также устанавливающемъ равновѣсіе между виной и наказаніемъ и не допускающемъ мысли о безграничномъ произволѣ... однимъ словомъ о законѣ, какимъ онъ *долженъ быть*, къ которому *необходимо стремиться*.

И я считалъ и считаю теперь, что, если бы эта борьба завязалась и жители Сорочинецъ, Устивицы, Кривой Руды присоединились бы къ усиліямъ печати, мужественно отстаивая передъ судомъ, который готовится судить ихъ односельцевъ, также и свое право, попранное и нарушенное другой стороной,—то это было бы именно моментомъ, идущимъ въ направленіи закона и истиннаго «общественнаго порядка» **).

У меня есть нѣкоторое, косвенное, правда, но довольно убѣдительное доказательство того, что положеніе полтавской администраціи въ эти дни было дѣйствительно очень затруднительно, и что въ ея средѣ существовали колебанія, пошатнувшія служебную неприкосновенность ст. сов. Филонова. Это я заключаю изъ той позиціи, которую послѣ моего открытаго письма занялъ офиціозный органъ мѣстнаго чиновничества «Полтавскій Вѣстникъ» (редакторъ его, г. Иваненко, чиновникъ, совмѣщающій съ редактированіемъ «Вѣстника» также и должность редактора «Губернскихъ Вѣдомостей»).

Въ одной изъ статей, которыми отозвалась эта газета на мое открытое письмо, она *не отрицаетъ*, а только *заподозриваетъ* вѣрность сообщенныхъ мною фактовъ. Далѣе говорится о нашемъ вре-

*) Цитата изъ моего письма.

**) И я долженъ сказать, что это стремленіе отстаивать на законномъ пути свое право уже зарождалось: я получалъ прямыя и косвенныя заявленія отъ запуганныхъ и озлобленныхъ жителей злополучныхъ Сорочинецъ, которые соглашались поддержать открытое выступленіе печати. Мнѣ предлагали сотни свидѣтельскихъ показаній на случай суда, и даже двѣ женщины, потерпѣвшія тяжкія оскорбленія, соглашались разсказать о своемъ несчастіи, если дѣйствительно состоится судъ надъ Филоновымъ или надо мною.

мени, когда «разные агитаторы заставляютъ толпу ходить съ красными флагами, пѣть безсмысленныя пѣсни, звѣрски мучить животныхъ (sic!), пускаютъ по міру ни въ чемъ неповинныхъ людей», при чемъ «зарево пожаровъ освѣщаетъ путь озвѣрѣлой толпы». Еще далѣе идутъ не особенно тонкіе намеки на то, что именно писатель Короленко своей литературной дѣятельностью поощряетъ и вызываетъ всѣ эти ужасы, что именно по его внушеніямъ мучатъ ни въ чемъ неповинныхъ животныхъ и освѣщаютъ путь пожарами, и, наконецъ, высказывается предположеніе, что «открытое письмо» вызвано ничѣмъ инымъ, какъ мученіями совѣсти, которая по всѣмъ этимъ причинамъ терзаетъ писателя Короленко. Все это, разумѣется, совершенно въ порядкѣ вещей и не выходитъ изъ обычнаго тона полтавскаго оффиціоза. Не совсѣмъ обычно только окончаніе статьи:

«Г. Короленко не прочь сѣсть на скамью подсудимыхъ, если на ней не сядетъ Филоновъ. Лучше всего, если сядутъ *оба рядомъ*,- писатель Короленко и статскій совѣтникъ Филоновъ—и свободно выскажутся одинъ противъ другого—можетъ быть тогда яснѣе станетъ, насколько каждый изъ нихъ праведникъ и насколько грѣшникъ... И окажутся писатель и статскій совѣтникъ *одной цѣны*» *).

То что сказано о «писателѣ Короленко», разумѣется, никого удивить не можетъ. Но когда небольшой мѣстный чиновникъ рѣшается въ субсидируемой газетѣ поставить «старшаго совѣтника губернскаго правленія» на ряду съ такимъ жалкимъ субъектомъ, какъ писатель Короленко... когда онъ позволяетъ себѣ даже высказывать ужасное предположеніе, что старшій совѣтникъ губернскаго правленія *одной цѣны* съ авторомъ «открытаго письма» и достоинъ занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, то, мнѣ кажется, есть большія основанія думать, что положеніе старшаго совѣтника Филонова очень пошатнулось и что, значитъ, достиженіе той цѣли, которой я добивался своимъ письмомъ, становилось уже вѣроятнымъ. Я думаю и теперь, что статскій совѣтникъ Филоновъ, въ тѣ дни, когда г. Иваненко позволялъ себѣ ставить его на одну доску съ писателемъ Короленко, былъ, по крайней мѣрѣ, на распутьи между безнаказанностью и скамьей подсудимыхъ, пожалуй даже ближе къ послѣдней.

Къ сожалѣнію теперь все это осталось въ области предположеній, которыя многими признаются слишкомъ оптимистическими. Объективные факты, видные на поверхности жизни, говорили другое. 12 января появилось мое письмо, а 14-го, по телеграммѣ генералъ-адъютанта Пантелѣева, «водворявшаго порядокъ» въ губерніяхъ Юго-западнаго края, газета «Полтавщина» была пріостановлена. Всѣ видѣли въ этомъ отвѣтъ администраціи на непріятныя разоблаченія.

Судъ хранилъ таинственное молчаніе и, хотя было извѣстно, такъ сказать, «подъ рукой», что прокурорскій надзоръ производилъ

*) „Полтавскій Вѣстникъ", 15 января 1905 г. № 955

какое-то темное недоразумѣніе, но не только разъясненія, а и самый фактъ опроверженія создавался въ секретѣ, точно это не была обязательная, законом[illegible] функція судебной власти, сопряженная съ опросомъ разныхъ лицъ, а какое-то таинственное, почти магическое предпріятіе...

Между тѣмъ, сложнѣйшая жизнь, полная темноты и беззаконія, готовила одну изъ своихъ рѣзкихъ неожиданностей, которая сразу устранила гласную тяжбу, начатую въ Полтавѣ независимою печатью противъ незаконныхъ репрессій...

Раннимъ утромъ съ 16-го на 17-ое января Филоновъ вернулся въ Полтаву, съ трудной задачей объяснить и оправдать свои дѣйствія, обсужденіе которыхъ вышло за предѣлы мѣстныхъ канцелярій и мѣстной печати... А 18-го, въ 10 часовъ утра на людной улицѣ, неизвѣстный молодой человѣкъ убилъ его выстрѣломъ изъ револьвера и скрылся.

Сложное и сомнительное положеніе, въ которомъ оказалась администрація, вынужденная всетаки считаться съ широкими разоблаченіями,—было разрѣшено. Филоновъ сразу былъ превращенъ въ «мученика служебнаго долга», а гласная и закономѣрная тяжба во имя «для всѣхъ равнаго закона» была сразу смята, уничтожена и снята съ очереди... Вмѣсто противника, который долженъ былъ защищаться, и которому мы приготовили [illegible] новыми фактами, вполнѣ провѣренными и неопровержимыми,—на аренѣ начатой дуэли оказался трупъ внезапно убитаго человѣка.

Въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», получающемъ свѣдѣнія о происшествіяхъ изъ непосредственныхъ полицейскихъ источниковъ,—самое убійство описано слѣдующимъ образомъ:

«Покойный только наканунѣ (т. е. 17 января) возвратился изъ служебной командировки, чувствовалъ себя усталымъ, почти больнымъ, и предполагалъ нѣсколько дней не выходить изъ дому. Но вчера, утромъ, *въ обычное время* *) отправился на службу. Шелъ *обычной дорогой* по Александровской улицѣ. Какъ говорятъ очевидцы, за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, шла какая-то женщина, по виду торговка, а за ней молодой человѣкъ. Поровнявшись съ открытыми воротами въ дворъ Варнавскихъ **), молодой человѣкъ забѣжалъ впередъ и выстрѣлилъ въ лицо Филонову. Затѣмъ онъ пробѣжалъ въ дворъ дома Варнавскихъ и скрылся» ***).

---

*) Курсивы мои. В. К.

**) Этотъ дворъ проходной. В. К.

***) „Полтавскій Вѣстникъ" 20 января 1906.

А на другой день газета прибавила слѣдующія, довольно существенныя соображенія:

> «Преступникъ, *видимо, изучилъ ранѣе дорогу, по которой Филоновъ имѣлъ обыкновеніе ходить на службу*,—поджидалъ его вблизи воротъ дома В—скихъ, гдѣ помѣщается чиновничье собраніе, и, прогуливаясь тамъ, разсматривалъ магазинныя витрины» *)...

Дальше идетъ то же описаніе убійства, какое приведено выше Въ книгѣ «Къ убійству Ф. В. Филонова», изданной родными покойнаго, воспроизведены газетныя извѣстія и статьи, вызванныя этой трагедіей, къ сожалѣнію,—съ извѣстнымъ тенденціознымъ подборомъ. Интересно, что, воспроизведя первую замѣтку, издатели совершенно обошли молчаніемъ вторую. И это понятно. Неизвѣстный убійца *«видимо ранѣе изучилъ дорогу, по которой Филоновъ имѣлъ обыкновеніе ходить на службу»*—и выбралъ мѣсто у проходнаго двора. Но Филонова не было въ Полтавѣ въ то время, когда появилось мое письмо, и вплоть до 17 января онъ былъ въ командировкѣ, а на службу явился въ самое утро убійства... Итакъ, *изучить обычную дорогу*, взвѣсить всѣ ея удобства и неудобства можно было только во время, предшествовавшее появленію открытаго письма, въ тѣ дни, когда Филоновъ вернулся изъ командировки въ Сорочинцы и еще не уѣхалъ въ Кривую Руду.

А это значитъ, конечно, что убійство было взвѣшено и обдумано ранѣе, чѣмъ появилось мое письмо, и не могло явиться его послѣдствіемъ...

Эти соображенія, справедливость и огромная вѣроятность которыхъ била въ глаза, издатели упомянутой книги и сама редакція «Полтавскаго Вѣстника» сочли болѣе удобнымъ забыть на будущее время, когда противъ писателя Короленко былъ предпринятъ продолжительный походъ, поддержанный чуть не всѣми оффиціозами провинціальной и столичной Россіи... Открытъ онъ въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» непосредственно послѣ появленія письма, но сначала неувѣренно. «Писатель Короленко» признавался только равнымъ с[illegible]сев. Филонову, которому все же отводилось мѣсто *на скамьѣ подсудимыхъ*. Вслѣдъ за убійствомъ Филоновъ выставляется уже «вѣрнымъ царскимъ слугой», а Короленко—«сознательнымъ подстрекателемъ» и «моральнымъ убійцей»...

Я не стану утомлять читателей изложеніемъ всѣхъ этихъ статей замѣтокъ, обвиненій, инсинуацій и клеветъ, но на нѣкоторыхъ чертахъ этого похода считаю необходимымъ остановиться.

*) [illegible]

IV.

«Посмертное письмо ст. сов. Филонова писателю Короленко».

Письмо это появилось при торжественной обстановкѣ, въ самый день похоронъ Филонова, когда его тѣло переносили изъ собора на кладбище, въ сопровожденіи войскъ, оффиціальнаго персонала, сослуживцевъ, знакомыхъ и толпы народа. Въ это самое время, то есть въ разгарѣ разносторонняго возбужденія, вызваннаго быстро смѣнявшимися событіями, ходилъ по рукамъ № «Полтавскаго Вѣстника», въ которомъ покойный чиновникъ обращался къ писателю съ рядомъ гнѣвныхъ обвиненій-упрековъ... Очевидно, и редакція «Полтавскаго В-ка» и ея непосредственные вдохновители, обвинявшіе писателя Короленко въ томъ, что его письмо имѣло значеніе подстрекательства, не особенно считались съ обстановкой, при которой сами они выпускали «Посмертный отвѣтъ». Указываю на это лишь какъ на нѣкоторую непослѣдовательность. Важна, однако, не она, важно другое: *фактическая правильность* моихъ сообщеній теперь поставлена внѣ сомнѣнія. Посмотримъ, что представляло собой это отвѣтное письмо изъ-за могилы? Была ли это правда, которую, конечно, можно печатать при всякихъ обстоятельствахъ?

Прежде всего, въ немъ было бы совершенно напрасно искать опроверженія приведенныхъ мною ужасающихъ фактовъ. Авторъ (или вѣрнѣе авторы) «письма» не пытаются противупоставить прямое отрицаніе моимъ утвержденіямъ. Они не говорятъ, что толпа не стояла на колѣняхъ въ снѣгу, что надъ колѣнопреклоненными (хотя бы и евреями) не производились массовые побои, что ст. сов. Филоновъ не расправлялся собственноручно и т. д. Единственное мое положеніе, которое «письмо Филонова» пыталось пошатнуть, состоитъ въ томъ, что къ прибытію Филоновскаго отряда ни въ Сорочинцахъ, ни въ Устивицѣ уже не было бунта и, значитъ, всѣ жестокости, произведенныя 21, 22 и 23 декабря, являлись уже не актомъ «необходимости», а актомъ безсуднаго наказанія и мести.

Хотя картина тысячной толпы, стоящей на колѣняхъ, уже сама по себѣ является неопровержимымъ доказательствомъ фактическаго «усмиренія», тѣмъ не менѣе, авторы письма утверждаютъ, что бунтъ все таки былъ, и, значитъ, насиліе надъ тысячной толпой (въ томъ числѣ и надъ непричастными къ безпорядкамъ), оправдывалось необходимостью ея усмиренія. Признаки бунта они усматриваютъ, во 1-хъ, въ томъ, что «тѣло Барабаша валялось въ грязномъ сараѣ»; во 2-хъ, что «неоднократныя мольбы родственниковъ о выдачѣ тѣла успѣха не имѣли», въ 3-хъ, что «никто изъ «мирныхъ» жителей Сорочинецъ не хотѣлъ дѣлать гроба»; въ 4-хъ, что священники, страшась «справедливаго народнаго гнѣва», отказывались

служить панихиды. «И только благодаря моему (т. е. Филонова) воздѣйствію, подкрѣпленному казаками, удалось добиться, чтобы несчастной жертвѣ служебнаго долга былъ отданъ послѣдній долгъ».

Къ этимъ «фактическимъ сообщеніямъ» прибавляется еще, что статскій совѣтникъ Филоновъ прибылъ въ Сорочинцы не въ день экзекуціи, а еще наканунѣ, т. е. 21-го декабря.

Не трудно видѣть, до какой степени дѣтски безпомощны и неосновательны всѣ эти возраженія. Всѣ онѣ доказываютъ и усиливаютъ именно то, что высказывалъ я. Въ самомъ дѣлѣ, если статскій совѣтникъ Филоновъ прибылъ въ Сорочинцы «еще наканунѣ», то значитъ уже наканунѣ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго противудѣйствія, онъ могъ убѣдиться въ отсутствіи бунта. Дѣйствительно, уже въ ночь 21 числа были не только арестованы «зачинщики», но и подвергнуты страшнымъ побоямъ, слѣды которыхъ установлены медицинскими осмотрами спустя нѣсколько мѣсяцевъ *). И при этомъ никто въ селѣ не выступилъ на защиту арестуемыхъ и избиваемыхъ. Далѣе, всѣ жители не могли дѣлать гроба, значитъ и въ этомъ отрицательномъ «бунтѣ» могли принимать участіе развѣ только плотники **). Въ концѣ концовъ, гробъ сдѣланъ, панихиди отпѣты и тѣло съ честью проводили въ Миргородъ. Итакъ,— не очевидно ли, что этотъ удивительный бунтъ прекратился уже наканунѣ дня «усмиренія» и экзекуціи.

Но и помимо этого соображенія, все это мѣсто письма фактически совершенно невѣрно. Черезъ нѣсколько дней въ томъ же «Полтавскомъ Вѣстникѣ» появилось опроверженіе мѣстнаго врача, завѣдывающаго больницей, изъ котораго совершенно очевидно, что тѣло покойнаго Барабаша, доставленное казаками въ больницу, никогда во власти толпы не находилось и въ грязномъ сараѣ не валялось. При больницѣ просто нѣтъ еще часовни, и всѣ умершіе ставятся въ особую «комору» (горницу), куда было вынесено и тѣло Барабаша, вмѣстѣ съ кроватью и постелью, на которой онъ умеръ. Что касается родственниковъ, «умолявшихъ выдать имъ тѣло», то опять таки въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, когда, кѣмъ и къ кому обращались эти мольбы и кто въ нихъ отказалъ. Очевидно даже, что ничего подобнаго быть не могло, такъ какъ тѣло не находилось ни въ чьей власти, кромѣ администраціи больницы. Что эпизодъ этотъ совершенно фантастиченъ,— доказывается и прямымъ свидѣтельскимъ показаніемъ. Такъ, приставъ Якубовичъ, бывшій «въ плѣну» у толпы,—говоритъ, что, и

*) См. листы дѣла 90, 92, 94. Истязанія, которымъ подверглись арестованные, установлены многочисленными свидѣтелями, въ томъ числѣ весьма благонамѣреннымъ старшиной Копитько: „Герасимъ Муха и Аврамъ Гоглибъ были избиты до того, что ихъ трудно было узнать“ и это было именно наканунѣ экзекуціи (л. д. 214).

**) Въ дѣлѣ я не нашелъ никакихъ указаній на то, къ кому именно обращались за этимъ.

[illegible] въ Миргородъ [illegible] съ сообщеніемъ о происшедшемъ несчастіи [illegible] послѣ [illegible] была убита громомъ, что не знала, что [illegible] распорядиться относительно доставленія [illegible] въ Миргородъ [illegible]. И дѣйствительно, тѣло было [illegible] съ хоругвями...

Мнѣ представляется, такимъ образомъ, [illegible] правдивость приведенныхъ фактическихъ сообщеній, которыя заключаются въ письмѣ, подписанномъ [illegible] Филонова. Впрочемъ, я долженъ сказать, что доля участія въ этомъ «сочиненіи», которая по справедливости должна быть отнесена на счетъ покойнаго,—весьма сомнительна.

Черезъ нѣсколько дней въ редакцію газеты «Полтавщина» явился [illegible] Филонова и выразилъ желаніе [illegible], чтобы газета, во имя справедливости, перепечатала [illegible] Филонова на тѣхъ же столбцахъ, съ которыхъ [illegible]. Редакторъ, Д. О. Ярошевичъ, отвѣтилъ на это [illegible] и [illegible] «письмо», выразивъ только желаніе видѣть [illegible] написанное самимъ Филоновымъ, такъ какъ въ городѣ упорно говорили, что письмо поддѣльное, и что составлено оно не умершимъ Филоновымъ, а его живыми единомышленниками и защитниками.

Родственникъ г-на Филонова обѣщалъ поискать оригиналъ и удалился. *Оригиналъ доставленъ не былъ.*

Затѣмъ, когда возникло наше «дѣло» и я былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, то я просилъ, между прочимъ, о пріобщеніи къ дѣлу оригинала, съ котораго газета «Полтавскій Вѣстникъ» печатала «посмертное письмо». Я мотивировалъ эту просьбу тѣмъ, что это [illegible] показаніе по настоящему дѣлу самаго участника, что оно важно для меня, такъ какъ въ немъ нѣтъ никакихъ возраженій по существу сообщенныхъ мною фактовъ. И всѣмъ этимъ соображеніямъ, я считалъ необходимымъ *установить его подлинность* и при этомъ я выразилъ увѣренность, что, если не редакція, то родственники покойнаго, безъ сомнѣнія, сохранили его послѣднюю рукопись.

По требованію судебнаго слѣдователя, редакція прислала «оригиналъ», служившій для набора, и препроводительное письмо въ редакцію, подписанное г-жей Филоновой. Я просилъ подвергнуть эти документы оффиціальному осмотру, результаты котораго не явились для меня неожиданностью. Оказалось:

Во-первыхъ, что *письмо писано не рукой Филонова.*

Во-вторыхъ, что *подпись въ концѣ письма сдѣлана не Филоновымъ.*

Въ-третьихъ, что [illegible] *сдѣланы не филоновскимъ почеркомъ* [**]).

---

*) Показаніе пристава Якубовича.

**) Одна изъ этихъ поправокъ особенно характерна. Письмо начинается

И, наконецъ, въ-четвертыхъ, сослуживецъ и замѣститель Филонова, нынѣшній старшій совѣтникъ губ. правленія, Л. И. Ахшарумовъ призналъ, что форма изложенія тоже не филоновская, «такъ какъ покойный не отличался литературными дарованіями» *).

Обстоятельства, при которыхъ могло (или не могло) быть написано это письмо, тоже очень выразительны. Въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» по этому поводу есть двѣ замѣтки. Въ первой сообщается, что «Филоновъ былъ въ командировкѣ и не могъ отвѣтить на обвиненія Короленко. Вернулся онъ 17-го и въ разговорѣ съ знакомыми сообщилъ, что *вечеромъ въ тотъ же день займется составленіемъ отвѣта* на письмо Короленко. На другой день онъ былъ убитъ» **).

Въ другой (редакціонной) статьѣ говорится: «Наканунѣ покойный, только возвратившись изъ поѣздки, на минуту забѣгалъ къ пишущему эти строки и говорилъ, что *вечеромъ этого дня и слѣдующій* онъ посвятитъ *исключительно* на отвѣтъ и защиту себя противъ обвиненій, какія въ его отсутствіе были брошены ему въ извѣстномъ письмѣ Короленко. *Но ему самому себя защитить не судилось*,—вчера онъ убитъ» ***).

Итакъ, «Полтавскій Вѣстникъ», напечатавшій письмо, въ которомъ не было ни одного слова (не исключая и подписи), написаннаго покойнымъ Филоновымъ, самъ даетъ два свидѣтельскихъ показанія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что Филоновъ лишь собирался писать свой отвѣтъ, но *написать* его *не успѣлъ* (въ письмѣ около половины печатнаго листа).

Въ дополненіе мы имѣемъ еще показаніе вдовы покойнаго, которая утверждаетъ, наоборотъ, что черновикъ письма былъ написанъ ея мужемъ еще въ уѣздѣ, затѣмъ письмо переписано начисто 17-го января т. е. уже въ самый день пріѣзда Филонова, и доставлено ея мужу однимъ изъ чиновниковъ губернскаго правленія.

Однако, тотъ же старшій совѣтникъ губернскаго правленія Л. И. Ахшарумовъ, спрошенный по этому поводу, заявилъ категорически, что «въ числѣ чиновниковъ губернскаго правленія нѣтъ лицъ, пишущихъ такимъ почеркомъ». Самъ онъ въ первый разъ увидѣлъ письмо у слѣдователя. При этомъ оказалось однако, что препроводительное письмо въ редакцію «Полтавскаго Вѣстника» писано рукою самого г-на Ахшарумова. Обстоятельство это онъ

словами: Я *третьяго дня* вернулся въ Полтаву Затѣмъ „третьяго дня“ зачеркнуто и чьей-то рукой написано: „Я *только что* вернулся“... Филоновъ вернулся 17-го, убитъ 18-го. „Третьяго дня“ онъ могъ написать только мертвый...

*) Показаніе Л. И. Ахшарумова (л. д. 247). Г. Ахшарумовъ допускаетъ возможность чьей-либо редакціи, что очень трудно, какъ увидимъ ниже.

**) См. книгу „Къ убійству Филонова“, стр. 17.

***) „Полтавскій Вѣстникъ“. 19 января 1906 г. Воспроизведено въ книгѣ „Къ убійству Филонова“ стр. 17—18.

объяснилъ тѣмъ, что «во время похоронъ Филонова», братъ его вдовы подошелъ къ нему и просилъ совѣта отъ чьего имени послать въ редакцію «отвѣтное письмо» Филонова. Г. Ахшарумовъ далъ совѣтъ и согласился написать черновикъ письма въ редакцію.

Вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе то обстоятельство, что въ день похоронъ «посмертное письмо» *уже было напечатано*...

Наконецъ, что касается отсутствія самого оригинала, то г-жа Филонова дала по этому поводу слѣдующее объясненіе, которое прибавляетъ послѣдній и самый замѣчательный штрихъ къ этой любопытной исторіи: «18-го января, говоритъ она въ своемъ письменномъ показаніи,—мужъ мой отправился въ губернское правленіе, имѣя въ лѣвомъ карманѣ сюртука записную книжку, въ которой были замѣтки по поводу сорочинскихъ событій, а также вышеупомянутые клочки бумаги и черновикъ письма... Въ тотъ день онъ былъ убитъ, при чемъ *убійца захватилъ ту книжку, а также черновикъ письма*»...

Я далекъ отъ того, чтобы винить бѣдную женщину въ томъ, что дѣлали ея именемъ въ эти дни ея растерянности и горя. Читатель согласится, однако, что появленіе письма таинственно и странно и что вѣроятность его подлинности не превышаетъ вѣроятности того изумительнаго факта, что убійца, только что застрѣлившій человѣка среди бѣлаго дня и на людной улицѣ, заботится не о своемъ спасеніи, а о какихъ-то черновикахъ никому еще невѣдомаго письма въ лѣвомъ карманѣ убитаго...

Таковъ этотъ якобы «посмертный отвѣтъ», появившійся при торжественной обстановкѣ похоронъ, и открывшій кампанію, которая продолжалась цѣлый годъ въ тонѣ, совершенно достойномъ этого «начала». Быть можетъ, мы еще вернемся къ ея подробностямъ, а пока упомянемъ только, что, за нѣкоторыми исключеніями, ее вели субсидируемые органы и прямые оффиціозы. Даже высоко-оффиціозный органъ его высокопревосходительства, предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, счелъ возможнымъ и достойнымъ своей оффиціозной роли украсить свои столбцы безогляднымъ утвержденіемъ, будто «травля Филонова, произведенная г. Короленко, имѣла прямою цѣлью убійство даннаго лица» *).

Это неслыханное въ сколько нибудь культурной печати бездоказательное чтеніе въ душѣ явилось, разумѣется, достойнымъ продолженіемъ кампаніи, начатой въ Полтавѣ съ прямого подлога. Наконецъ, все это завершилось широко оглашеннымъ эпизодомъ въ Государственной Думѣ 12 марта 1907 года. Депутатъ отъ Волынской губерніи г. Шульгинъ, при обсужденіи вопроса о военно-полевыхъ судахъ, выразилъ пожеланіе, чтобы казнямъ подвергались «не тѣ, несчастные сумасшедшіе маніаки, которыхъ посылаютъ на

*) „Россія“. —Цитирую изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ 16 сентября 1906 г. № 228.

убійство другіе люди, а тѣ, которые ихъ послали, интеллектуальные убійцы, подстрекатели, умственныя силы революціи, которые пишутъ и говорятъ передъ нами открыто... Если будутъ попадать такіе люди, какъ извѣстные у васъ писатели убійцы...

Голосъ: Крушеванъ?

Деп. Шульгинъ: Нѣтъ, не Крушеванъ, а гуманный и дѣйствительно талантливый писатель В. Короленко, убійца Филонова!

Голоса: Довольно! вонъ!

Предсѣдатель: Прошу не касаться личностей, а говорить о вопросѣ.

Шульгинъ: Слушаюсь *).

Тогда, когда г. Шульгинъ стоялъ на трибунѣ Государственной Думы и беззаботно кидалъ обвиненіе, всю тяжесть котораго, очевидно, не способенъ даже понять,—телеграммы уже сообщили, что дѣло писателя Короленко направлено къ прекращенію, такъ какъ изложенные имъ факты подтвердились.

Выше я привелъ эти факты... И я имѣю возможность отвѣтить депутату Шульгину и нападавшимъ на меня оффиціозамъ.

Когда-то Людовикъ XIV потребовалъ объясненія у одного изъ своихъ генераловъ, который проигралъ битву, потому что не пустилъ своевременно въ дѣло артиллерію.

— Государь,—отвѣтилъ генералъ,—у меня есть тысяча причинъ. Первая: не было пороху...

— Довольно,—отвѣтилъ король,—можно не излагать остальныхъ.

Я отвѣчаю то-же моимъ обвинителямъ: у меня было много причинъ написать мое письмо, но для всякаго непредубѣжденнаго человѣка достаточно одной: покойный Филоновъ дѣйствительно совершилъ тѣ ужасающія насилія, молчать о которыхъ было-бы преступленіемъ со стороны печати...

Правда, наше время—ужасное время, когда каждое слово падаетъ, какъ искра, въ умы возбужденные всѣмъ, что совершается кругомъ, среди грохота и шума тяжело перестраивающейся жизни. Однако,—слѣдуетъ-ли изъ этого, что печать должна замалчивать факты беззаконій и насилія? Оглянитесь кругомъ и посмотрите на ваши собственныя дѣйствія.

Вотъ вы, со столбцовъ высоко-оффиціозныхъ печатныхъ органовъ и съ высоты парламентской трибуны считаете возможнымъ заявлять, что писатель Короленко—сознательный подстрекатель и убійца.

Думаете-ли вы о томъ, что и ваши слова тоже падаютъ какъ искра въ возбужденные умы вашихъ приверженцевъ?

Вы скажете, конечно, что вы въ правѣ обсуждать дѣйствія писателя, который, по вашему мнѣнію, совершилъ преступленіе, не

*) См. стенографическій отчетъ.

предусмотрительная и не считается съ реальными послѣд[illegible]ствіями вашихъ сообщеній...

Это справедливо. Но тогда и писатель Короленко имѣлъ бы [illegible] же нравственное право сказать [illegible] неосновательно [illegible], когда [illegible] убійцу!

Нѣтъ, не оглашеніе такихъ фактовъ, а самые факты и [illegible] порождаютъ [illegible] обостряютъ [illegible] въ этому ужасной [illegible] людямъ. И если бы еще нѣсколько [illegible] то [illegible] даже Россія [illegible] Тогда, среди мрачнаго молчанія, раздавались бы [illegible] выстрѣлы съ одной и другой стороны, какъ это мы [illegible] въ Латвіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа...

Нѣтъ, вина не въ печати, а въ жизни. И [illegible] говорилъ правду, не выдумывая и не искажая фактовъ и [illegible] ихъ по своему разумѣнію и совѣсти. А вы... можете ли вы доказать то, что говорите? И [illegible] ли вы все значеніе сказаннаго?

Писатель, который, открыто взывая къ гласности и суду [illegible] дѣйствительности стремился бы только подстрекнуть другого къ убійству,—совершилъ бы величайшую низость, какую только возможно совершить при помощи пера и печатнаго станка...

Но если такъ (а это несомнѣнно такъ!), то каковъ же долженъ быть нравственный и культурный уровень среды, для которой возможны обвиненія въ такой низости безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ того, что писатель сказалъ суровую правду о насиліяхъ, совершенныхъ чиновникомъ.

И при томъ обвиненія, раздающіяся со столбцовъ высоко-офиціозныхъ органовъ конституціоннаго министерства и съ парламентской трибуны!

. . . .

Мнѣ много еще остается сказать по этому предмету, но я чувствую, что на этотъ разъ я долженъ кончить.

Не для г. Шульгина и не для «оффиціозной министерской газеты», а для людей, способныхъ искренно и честно вдуматься въ современное положеніе, я хочу закончить эти очерки небольшимъ эпизодомъ.

На второй день послѣ убійства Филонова ко мнѣ прямо изъ земскаго собранія явился крестьянинъ, мнѣ незнакомый, и съ большимъ участіемъ сообщилъ, что онъ случайно слышалъ въ собраніи разговоръ какого-то чиновника съ кучкой гласныхъ. Чиновникъ сообщилъ, будто состоялось уже постановленіе объ арестѣ писателя Короленко. И мой незнакомый посѣтитель пришелъ, чтобы предупредить меня объ этомъ.

Я поблагодарилъ его и затѣмъ спросилъ:

— Послушайте, скажите мнѣ правду. Неужели и вы и ваши думаете, что я дѣйствительно хотѣлъ убійства, когда писалъ свое открытое письмо?

Онъ уже прощался и, задержавъ мою руку въ своей мозолистой рукѣ и глядя мнѣ прямо въ глаза, отвѣтилъ съ тронувшимъ меня деликатнымъ участіемъ:

— Я знаю... и много нашихъ знаетъ, что вы добивались суда. А прочіе думаютъ разно... Но...

Онъ еще глубже заглянулъ мнѣ въ глаза и прибавилъ:

— И тѣ говорятъ спасибо.

Впослѣдствіи не въ однихъ Сорочинцахъ при разговорахъ съ крестьянами объ этомъ событіи мнѣ приходилось встрѣчать выраженіе угрюмой радости...

— Ничего,—говорилъ мнѣ молодой крестянинъ, у котораго еще лѣтомъ болѣли распухшія отъ ревматизма ноги.—У меня ноги не ходятъ, а онъ не глядитъ на божій свѣтъ...

Таковъ результатъ двухъ факторовъ: стоянія на колѣняхъ и мести за безнаказанныя насилія...

Но это не то дѣло, которое начато было въ Полтавѣ независимой печатью. Мы вызывали эту толпу, еще недавно стоявшую на колѣняхъ, къ дѣятельному, упорному, сознательному и смѣлому отстаиванію своего права прежде всего законными средствами. Она получила иное, болѣе сильное и трагически мрачное удовлетвореніе...

Мы потерпѣли неудачу. И я, быть можетъ, болѣе искренно, чѣмъ многіе сослуживцы покойнаго Филонова, былъ огорченъ его смертью. Не изъ личнаго сочувствія, — послѣ всего изложеннаго я считалъ его человѣкомъ дурнымъ и жестокимъ... И не потому, что для меня съ этой смертію былъ связанъ рядъ волненій и опасностей, что за ней послѣдовалъ цѣлый годъ, въ теченіе котораго я былъ мишенью безчисленныхъ клеветъ, оскорбленій и угрозъ... Не потому, наконецъ, что эта кампанія, начавшись подложнымъ письмомъ въ Полтавѣ, перешла на столбцы правительственнаго органа и на парламентскую трибуну... А потому, что выстрѣлъ, погубившій Филонова, разрушилъ также то дѣло, которое было начато независимой печатью, которое я считалъ и считаю важнымъ и плодотворнымъ... Такъ какъ, сколько бы ни предстояло еще потрясеній и испытаній нашей родинѣ на пути ея тяжкаго обновленія,—всетаки окончательный выходъ изъ смятенія лежитъ въ той сторонѣ, гдѣ свѣтитъ законность и право, для всѣхъ равное:—и для избитаго на сорочинской улицѣ человѣка въ сермягѣ, и для чиновника въ мундирѣ, для рабочаго одинаково, какъ и для министра.

Въ дѣлѣ Филонова независимая печать звала именно на эту дорогу. Она исполнила свою обязанность... Если бы другіе закономѣрные факторы жизни исполняли свою, тогда не было бы ни мрачной

филоновской трагедіи, ни сорочинскихъ набатовъ, ни наступленія и загипнотизированной толпы, ни убійства Барабана, ни карательныхъ экспедицій, когда (какъ въ Кривой Руцѣ), «въ безлунныя ночи» люди рубятъ другъ друга безъ смысла, безъ вины и безъ цѣли.

Не было бы надобности и русскимъ писателямъ выступать съ «открытыми письмами» и съ тяжелыми очерками, которыми я въ настоящее время терзаю читателя...

Влад. Короленко.

Петербургъ, 15 апрѣля 1907.

Политика.

Польскій вопросъ. Финляндскіе выборы.

I.

Польское «коло» Государственной Думы внесло законопроектъ объ автономіи Царства Польскаго, заслуживающій самаго серьезнаго вниманія. Проектъ не касается ни Литвы, ни западной Руси, ни вообще правъ поляковъ въ Россіи. Онъ строго ограничивается Царствомъ Польскимъ, какъ оно создано вѣнскимъ конгрессомъ, а затѣмъ дарованной Царству Александромъ I конституціей и автономіей. Сравнительно съ этою автономною конституціею 1815 года, законопроектъ 1907 года дѣлаетъ значительныя уступки: отказывается отъ отдѣльной арміи и отъ коронованія царей польскихъ особо-польскою короною въ Варшавѣ. Такимъ образомъ, политическая автономія проводится въ проектѣ не вполнѣ. Сравнительно съ финляндскою автономіею, проектируемая польская автономія удерживаетъ больше связи съ Россіей: Финляндія имѣетъ свою таможню, свои косвенные налоги, свою монетную систему, свою почту и нисколько не участвуетъ въ общихъ расходахъ. Поляки согласны сохранить общность съ Россіей по всѣмъ указаннымъ сторонамъ государственной жизни. Эта уступчивость сравнительно съ автономною конституціею 1815 года и сравнительно съ финляндскою конституціею, нынѣ функціонирующей, обнаруживаетъ въ польскомъ коло искреннее желаніе мирнаго сожительства съ русскимъ народомъ. Отмѣтивъ это обстоятельство, приведемъ теперь текстъ польскаго проекта.

«Ст. 1. Территорія Царства Польскаго составляетъ край, существующій подъ этимъ названіемъ въ границахъ, опредѣленныхъ въ 1815 г.

Ст. 2. Царство Польское, составляя нераздѣльную часть государства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства.

Ст. 3. Для внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго установляются особые: сеймъ, казна и роспись, административное управленіе съ намѣстникомъ во главѣ, судебныя учрежденія съ сенатомъ Царства Польскаго и особый въ совѣтѣ министровъ министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго.

Ст. 4. Изъ вѣдѣнія сейма Царства Польскаго изъемлются слѣдующія дѣла: a) содержаніе членовъ императорскаго дома, а равно дѣла и учрежденія императорскаго двора; b) дѣла православной церкви; c) иностранныя дѣла; d) армія и флотъ, а также всѣ принадлежащія военному и морскому вѣдомствамъ пути сообщенія и сооруженія; e) монетное дѣло; f) таможенное и акцизное законодательство; g) почтовое, телеграфное и общегосударственное телефонное законодательство, а также тарифы международнаго и общегосударственнаго почтоваго, телеграфнаго и телефоннаго сообщенія; h) желѣзнодорожные тарифы международнаго и прямого внутренняго съ имперіей сообщенія; i) законодательство, касающееся товарныхъ знаковъ и привилегій, а также литературной и художественной собственности; k) уголовное законодательство по дѣламъ о бунтѣ противъ верховной власти, государственной измѣнѣ, смутѣ, нарушеніи постановленій о воинской повинности, о поддѣлкѣ монеты, цѣнныхъ бумагъ и знаковъ, о нарушеніи карантинныхъ, таможенныхъ, акцизныхъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ уставовъ; l) общегосударственные займы и обязательства.

Ст. 5. Вѣдѣнію сейма подлежатъ: a) законодательство по всѣмъ дѣламъ края съ изъятіями, указанными въ ст. 4 настоящаго устава; b) установленіе всякаго рода налоговъ, податей, пошлинъ, сборовъ и повинностей, за исключеніемъ акцизныхъ и таможенныхъ сборовъ; c) разсмотрѣніе и утвержденіе ежегодной росписи и смѣты доходовъ и расходовъ казны Царства Польскаго, а равно отчета контроля Царства Польскаго по исполненію росписи; d) разсмотрѣніе и одобреніе ежегоднаго отчета по управленію Царствомъ Польскимъ.

Ст. 6. Одобренные сеймомъ Царства Польскаго законопроекты представляются на высочайшее утвержденіе черезъ министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго. Утвержденные такимъ порядкомъ законопроекты, за скрѣпою министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго, публикуются во всеобщее свѣдѣніе въ Дневникѣ Законовъ, издаваемомъ въ Варшавѣ.

Ст. 7. Сеймъ Царства Польскаго собирается ежегодно въ Варшавѣ по высочайшему повелѣнію, скрѣпляемому министромъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго. Роспускъ сейма, а также перерывъ его занятій происходятъ по правиламъ, установленнымъ на сей предметъ для Государственной Думы, съ тѣмъ

[illegible] всякіе акты верховной власти скрѣпляются министромъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго. [illegible]

Ст. 8. [illegible]

Ст. 9. Исполнительная власть въ Царствѣ Польскомъ, съ изъятіями, указанными въ ст. 12 сего устава, принадлежитъ особому [illegible] съ Намѣстникомъ во главѣ. Намѣстникъ назначается верховною властью. Намѣстникъ же можетъ состоять одновременно командующимъ войсками.

Ст. 10. Отношеніе намѣстника къ сейму, устройство судебныхъ учрежденій края и самоуправленій, кругъ ихъ вѣдомства, [illegible] ихъ [illegible] отношенія ихъ къ сейму, къ министру по дѣламъ Царства Польскаго и къ намѣстнику будутъ опредѣлены сеймомъ Царства Польскаго въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 5 настоящаго устава.

Ст. 11. Министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Ц. П. назначается верховною властью изъ числа польскихъ гражданъ Ц. П. порядкомъ, установленнымъ для назначенія министровъ. Министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Ц. П.: a) представляетъ на Высочайшее усмотрѣніе [illegible] сеймомъ Ц. П. законопроекты и всѣ относящіяся до Ц. П. дѣла, подлежащія Высочайшему усмотрѣнію; b) скрѣпляетъ и направляетъ по принадлежности исходящія отъ верховной власти повелѣнія, относящіяся къ Ц. П.; c) участвуетъ во всѣхъ дѣлахъ совѣта министровъ, въ частности же и [illegible] въ совѣтѣ министровъ общегосударственнымъ дѣламъ, до Ц. П. относящимся (ст. 4 и 12), представляетъ совѣту свои заключенія.

По дѣламъ общегосударственнымъ министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Ц. П. отвѣтственъ на общемъ съ другими членами совѣта министровъ основаніи, по дѣламъ же Ц. П. отвѣчаетъ передъ сеймомъ въ предѣлахъ вѣдомства [illegible].

Ст. 12. Изъ числа дѣлъ общегосударственныхъ, поименованныхъ въ ст. 4 настоящаго устава, подлежатъ непосредственному вѣдѣнію центральныхъ исполнительныхъ установленій всѣ дѣла министровъ императорскаго двора, иностранныхъ дѣлъ, военнаго и морского, а также святѣйшаго синода. Завѣдываніе въ предѣлахъ Ц. П. остальными общегосударственными дѣлами, поименованными въ ст. 4 настоящаго устава, принадлежитъ мѣстнымъ установленіямъ Ц. П. съ тѣмъ, что сіи установленія по всѣмъ этимъ дѣламъ, дѣйствуютъ на точномъ основаніи общегосударственныхъ законовъ.

Ст. 13. По всѣмъ доходамъ, поступающимъ въ казну Ц. П., а также по всѣмъ производимымъ ею расходамъ какъ мѣстнымъ, такъ и общегосударственнымъ (ст. 14 и 15) составляется одна общая смѣта и роспись и одинъ общій отчетъ.

Ст. 14. Въ казну Ц. П. поступаютъ: а) всѣ взимаемые въ предѣлахъ края прямые и косвенные налоги, подати, пошлины и сборы; в) доходы отъ общегосударственныхъ правительственныхъ регалій въ предѣлахъ края; с) доходы отъ всѣхъ имуществъ, капиталовъ и предпріятій казны Ц. П.

Таможенныя пошлины, взимаемыя въ предѣлахъ Ц. П. съ транзитныхъ товаровъ, отправляемыхъ въ губерніи Имперіи, перечисляются въ общегосударственный доходъ; равнымъ образомъ пошлины, взимаемыя въ предѣлахъ Имперіи съ транзитныхъ товаровъ, отправляемыхъ въ предѣлы Ц. П., перечисляются въ доходъ казны Ц. П.

Ст. 15. Казна Ц. П., пропорціонально численному отношенію населенія края къ населенію всего государства, участвуетъ въ нижеслѣдующихъ государственныхъ расходахъ: а) по содержанію членовъ императорскаго двора и по министерству императорскаго двора; b) по погашенію государственныхъ займовъ и обязательствъ и уплатѣ по онымъ процентовъ, съ тѣмъ, что обязательства по гарантіямъ въ пользу частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ обременяютъ казну Ц. П. лишь настолько, насколько эти гарантіи касаются желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ предѣлахъ Ц. П.; c) по центральнымъ законодательнымъ учрежденіямъ; d) по собственной его величества канцеляріи; e) по совѣту министровъ; f) по министерству иностранныхъ дѣлъ; g) по военному и морскому министерствамъ; h) по государственному контролю; i) по центральному вѣдомству желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Сверхъ того, казна Ц. П. участвуетъ въ расходахъ по вѣдомству православнаго исповѣданія, пропорціонально численному отношенію православнаго населенія края къ православному населенію всего государства.

Ст. 16. Размѣръ упадающей на казну Ц. П. доли по всѣмъ, поименованнымъ въ ст. 15 сего устава, общегосударственнымъ расходамъ опредѣляется согласно даннымъ переписи народонаселенія, производимой каждыя 10 лѣтъ. Въ теченіе каждаго десятилѣтія пропорціональная доля участія въ расходахъ остается безъ измѣненія. Подлежащая уплатѣ сумма возмѣщается взаимно обѣими казнами въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня утвержденія окончательнаго отчета за истекшій годъ подлежащими центральными учрежденіями.

Порядокъ взаимныхъ разсчетовъ между общегосударственными учрежденіями и казною Ц. П. опредѣляется особыми правилами.

Ст. 17. Въ собственность казны Ц. П. переходитъ находящееся въ предѣлахъ края, принадлежащее нынѣ казнѣ и правительственнымъ учрежденіямъ, все движимое и недвижимое имущество, въ томъ числѣ казенныя желѣзныя дороги, а также капиталы и права, за исключеніемъ имуществъ, капиталовъ и правъ, принадлежащихъ министерству императорскаго двора, военному и морскому вѣдомствамъ.

Ст. 18. Высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ краѣ состоитъ сенатъ Ц. П., имѣющій свое присутствіе въ Варшавѣ. Въ кругъ вѣдомства сената Ц. П. входятъ: а) отмѣна и пересмотръ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній и приговоровъ, а также возобновленіе уголовныхъ дѣлъ; b) разрѣшеніе всѣхъ споровъ и пререканій между судебными и административными учрежденіями, а также между отдѣльными административными установленіями с) дѣла по жалобамъ на дѣйствія всѣхъ административныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ края, не исключая высшихъ мѣстныхъ установленій.

Учрежденіе сената Ц. П. и кругъ его вѣдомства будутъ опредѣлены ближе сеймомъ Ц. П., порядкомъ, указаннымъ въ ст. 5 и 6 сего устава.

Ст. 19. Все производство законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ установленій и казенныхъ учебныхъ заведеній Ц. П., а равно преподаваніе въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ происходятъ на польскомъ языкѣ. Сношенія всѣхъ означенныхъ учрежденій съ правительственными установленіями въ Имперіи, а также и дѣйствующими въ Ц. П. правительственными мѣстами и должностными лицами вѣдомства министровъ: императорскаго двора, иностранныхъ дѣлъ, военнаго и морского и святѣйшаго синода, происходятъ на русскомъ языкѣ. Въ уставахъ, опредѣляющихъ внутреннее устройство Царства Польскаго (ст. 10 сего устава), будутъ обезпечены права языка литовскаго и малорусскаго населенія въ судебныхъ, административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и въ казенныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Права языковъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ частныхъ обществахъ и въ дѣлахъ исповѣдныхъ не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ. Русскіе имѣютъ право обращаться на русскомъ языкѣ съ прошеніями, жалобами и заявленіями во всѣ административныя и судебныя установленія края и требовать отвѣтовъ и документовъ на томъ же языкѣ. Для русскаго населенія будутъ учреждены среднія и низшія учебныя заведенія.

Ст. 20. Общія гарантіи гражданской и политической свободъ, установленныя общегосударственнымъ законодательствомъ, распространяются на Ц. П. съ тѣмъ, что мѣстнымъ законодательствомъ Царства онѣ могутъ быть расширяемы, и что тому же мѣстному законодательству принадлежитъ изданіе правилъ о ихъ примѣненіи къ Ц. П. и сообразованіи съ нуждами и условіями края.

Ст. 21. Въ общегосударственномъ представительствѣ жители Ц. П. участвуютъ посредствомъ представителей, избираемыхъ на общихъ съ населеніемъ Имперіи основаніяхъ.

Ст. 22. Пререканія и споры относительно предѣловъ вѣдомства между общегосударственными учрежденіями и особыми установленіями Ц. П. разрѣшаетъ окончательно постоянная коммиссія, состоящая изъ 24 членовъ и предсѣдателя. 12 членовъ этой коммиссіи избираются общегосударственными представительными учре-

жденіями изъ ихъ среды, а 12 сеймомъ Ц. П. изъ его-же среды. Предсѣдатель назначается верховною властью. Члены коммиссіи избираются въ началѣ каждой сессіи. Предсѣдатель и члены коммиссіи исполняютъ свои обязанности впредь до избранія новаго ея состава. Порядокъ дѣйствія коммиссіи и ея сношеній какъ съ общегосударственными, такъ и съ особыми установленіями Ц. П., опредѣляется наказомъ, утверждаемымъ самой коммиссіей.

Ст. 23. Никакія измѣненія въ настоящемъ уставѣ безъ одобренія сейма Ц. П. не допускаются.

Ст. 24. Впредь до изданія сеймомъ Царства Польскаго особаго устава о внутреннемъ устройствѣ и управленіи края, Ц. П. будетъ управляться на основаніи временнаго положенія о примѣненіи настоящаго устава.»

Таковы пожеланія представителей Польши въ русскомъ парламентѣ. Вчитываясь въ нихъ надо признать ихъ не только примирительными, но и цѣлесообразными, разумными. Это не значитъ, чтобы они не подлежали критикѣ и поправкамъ.

Прежде всего, почему держаться границъ автономной Польши 1815 года? Еще недавно поляки требовали границъ 1772 года. Это была утопія. Не только украинцы и бѣлоруссы, но и литовцы не желаютъ этого возсоединенія съ Польшей, а поляковъ хотя и много въ тѣхъ краяхъ, но все же много меньше, чѣмъ малороссовъ, бѣлоруссовъ и литовцевъ. Можно только поздравить поляковъ, что они отрѣшились отъ «исторической» Польши 1772 года, включавшей въ свои предѣлы много не польскихъ земель. Однако, они историческую Польшу 1772 года замѣнили не національною, а всетаки историческою же, только нѣсколько болѣе позднею, именно 1815 года! Зачѣмъ эта приверженность къ архивамъ? Правда, историческая Польша 1815 года довольно близко подходитъ къ національной Польшѣ (въ предѣлахъ Россіи), но всетаки имѣются отступленія, и довольно значительныя, способныя создать даже въ недалекомъ будущемъ внутреннія затрудненія и въ Польшѣ, и въ Россіи.

Разворачиваю второй томъ «Общаго свода по имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населенія, произведенной 28 января 1897 года» и нахожу, что въ Гродненской губерніи говорятъ въ семьѣ по-польски—172 тыс. человѣкъ. Эти поляки сосредоточены преимущественно въ Бѣльскомъ и Бѣлостокскомъ уѣздахъ, пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ. Въ этихъ уѣздахъ поляки составляютъ большинство. Зачѣмъ ихъ не включить въ предѣлы автономной Польши?

Изъ того же источника извѣстно, что въ Сувалкской губерніи на литовскомъ языкѣ говорятъ 304 тыс. человѣкъ, преимущественно въ сѣверной части, пограничной съ Ковенскою губерніей. Зачѣмъ этихъ литовцевъ включать въ Польшу, быть можетъ, насильно? Во всякомъ случаѣ ихъ надо бы спросить объ этомъ.

Упомянутый источникъ показываетъ еще 1?6 тыс. малороссовъ

въ Люблинской губерніи и 107 тыс. въ Сѣдлецкой. Это такъ называемая Холмская или Забужская Русь.

Не сомнѣваемся, что центральный статистическій комитетъ не подделывалъ этихъ цифръ, но не знаемъ, насколько свободными чувствовали себя насильно обращенные въ православіе, когда вносили въ статистическія опросныя карты свои показанія. Если не всѣ, то часть могла опасаться заявить себя говорящими по-польски. Поэтому въ сужденіи объ этомъ вопросѣ надо быть нарочито осторожнымъ. Надо его выяснить на мѣстѣ и того желающія волости выдѣлить изъ Царства и присоединить къ Имперіи. Это необходимо для самой Польши, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ для Россіи. Сохраненіе въ предѣлахъ Польши сплошного малорусскаго населенія вызоветъ въ Россіи самое внимательное слѣженіе за его судьбами и при малѣйшемъ недоразумѣніи можетъ создать конфликтъ Польши съ Россіей. Оставлять для того открытую возможность было бы очень непредусмотрительно. Паства епископа Евлогія можетъ преднамѣренно создавать недоразумѣнія и ихъ раздувать, а съ другой стороны нельзя ручаться, что автономныя польскія власти никогда не дадутъ повода и къ справедливымъ нареканіямъ. Вспомнимъ недавнюю университетскую исторію во Львовѣ. Во всякомъ случаѣ, лучше отъ огня подальше. Создавая автономную конституцію, не слѣдуетъ вкладывать въ нее элементы разложенія и зародыши конфликтовъ съ имперіей, тѣмъ болѣе опасныхъ, что, какъ пограничный край, Польша будетъ всегда оккупирована многочисленною русскою арміей.

Итакъ, исправленіе границъ Царства Польскаго на основахъ дѣйствительнаго распредѣленія народностей является первою настоятельно необходимою поправкою къ польскому законопроекту объ автономіи русской Польши. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ указать, какъ на пробѣлъ, на совершенное отсутствіе постановленій о католической церкви. Теперь католическая церковь объединена въ царствѣ и имперіи, имѣя митрополита въ Петербургѣ, до извѣстной степени подчиненнаго *русскому* правительству. Удобно ли это будетъ при автономіи? Назначеніе епископовъ дѣлается по соглашенію папы и русскаго же правительства. Оно же и удаляетъ, и санкціонируетъ дѣлаемыя ими назначенія. Въ Петербургѣ же находится и католическая духовная академія. Удобно ли сохраненіе всѣхъ этихъ порядковъ и впредь при автономіи?

Совершенная экстерриторіальность военнаго вѣдомства и православной церкви представляется тоже очень опаснымъ элементомъ. Степень подчиненія этихъ вѣдомствъ намѣстнику должна быть точно опредѣлена. Иначе будутъ неизбѣжны конфликты между гражданскою властью края съ одной стороны и военною администраціей или православнымъ духовенствомъ съ другой стороны. Если бы проектъ предлагалъ постановленіе о томъ, чтобы намѣстникъ былъ непремѣнно гражданиномъ Царства Польскаго, тогда указанныя изъятія были бы

понятны. Надо думать, однако, что это совершенно цѣлесообразное желаніе не скоро осуществится, а намѣстниками будутъ православные генералы. Такимъ образомъ, теперь уже уменьшать препятствія для назначенія намѣстниками природныхъ поляковъ безполезно. Напротивъ того, необходимо въ извѣстной мѣрѣ подчинить намѣстнику военное вѣдомство и вѣдомство синода. Экстерриторіальность такихъ обширныхъ организацій всегда чревата столкновеніями. Вѣроятно, въ тѣхъ же видахъ расчистить дорогу къ посту намѣстника для природныхъ поляковъ, включено въ уставъ постановленіе, что намѣстникъ не можетъ быть главнокомандующимъ войсками. Излишнее это ограниченіе, создающее въ краѣ военную власть, равную по рангу власти намѣстника, только усиливаетъ шансы конфликта.

Проектъ предполагаетъ, что казна Царства Польскаго участвуетъ въ нѣкоторыхъ спеціально перечисленныхъ общегосударственныхъ расходахъ и дѣлаетъ это «пропорціонально численному отношенію населенія края къ населенію *всего* государства». Тутъ прежде всего редакціонная ошибка: *все* государство включаетъ въ себя и Царство Польское, и Великое княжество Финляндское, чѣмъ доля Россіи въ этихъ расходахъ значительно повышается. Вмѣсто «всего государства» можно поставить «Имперіи». Однако, и эта редакція не будетъ справедливою, потому что въ имперію входятъ и обширныя азіятскія владѣнія, столь же полезныя населенію Царства, какъ и населенію Россіи, но вносящія въ общую казну меньше, нежели стоитъ ихъ управленіе. Полезны же они въ трехъ отношеніяхъ: какъ мѣсто сбыта продуктовъ промышленности, какъ мѣсто, гдѣ находятъ себѣ работу выходцы изъ европейской части государства и какъ территорія для колонизаціи. Все это одинаково полезно и необходимо русскимъ и полякамъ, а, слѣдовательно, и доплата за владѣніе азіятскими территоріями должна падать на тѣхъ и другихъ. Вѣдь это просто расходы на «министерство колоній», какъ они называются въ бюджетахъ западноевропейскихъ государствъ. Значитъ надо сказать: «къ населенію Европейской Россіи».

Наконецъ, нельзя не остановиться еще на двухъ пробѣлахъ: во-первыхъ, о правѣ гражданства и взаимныхъ отношеніяхъ гражданства въ Россіи и Польшѣ; и во-вторыхъ, о равноправіи гражданъ. Если отсутствіе перваго является только пробѣломъ (хотя и важнымъ), то отсутствіе второго — уже прямо промахъ, способный произвести нехорошее впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Между тѣмъ, общественное мнѣніе и является главнымъ союзникомъ польскихъ автономистовъ. Конечно, все это еще исправимо и надо надѣяться, что будетъ исправлено, а пока мы можемъ пожелать, чтобы примирительная и болѣе чѣмъ умѣренная иниціатива польскаго коло Государственной Думы встрѣтила и въ парламентѣ и въ правительствѣ благожелательное отношеніе и внимательную разработку. Не будемъ забывать, что польская авто-

номія есть единственное рѣшеніе польскаго вопроса въ Россіи. Семилѣтній опытъ обрусенія доказалъ свою непригодность, какъ и безнравственность.

II.

Въ Финляндіи впервые по новому избирательному закону происходили выборы въ преобразованный сеймъ. Всеобщее избирательное право, участіе женщинъ въ голосованіи, пропорціональная система—такова сущность новаго избирательнаго закона. Преобразованный сеймъ имѣетъ одну палату, вмѣсто четырехъ сословныхъ палатъ прежняго сейма (дворяне, духовенство, горожане, крестьяне). Въ палатѣ 200 членовъ. 15 (2) и 16 (3) марта происходило голосованіе. Результаты оно дало слѣдующія:

Избраны:	Соціалъ-демократы	80
	Старофинны	58
	Младофинны	25
	Шведы	24
	Аграріи	11
	Христіанская рабочая партія	2
		S = 200

Женщинъ избрано—19, въ томъ числѣ 9 соціалъ-демократокъ.

Въ старомъ сеймѣ существовало сначала двѣ партіи, шведская и финская. Дворянская палата была вся шведская, въ городской преобладали шведы, а духовная и крестьянская палаты имѣли финское большинство. Компромиссами между двумя шведскими и двумя финноманскими палатами вершились дѣла Финляндіи. О реформахъ никто не думалъ: жили патріархально; младшіе слушались старшихъ, пахали, работали, платили налоги и ренту; старшіе тратили доходы, получали жалованье, служили въ княжествѣ и въ имперіи, были преданы правительству и отечеству... Эта мирная спячка, вѣроятно, продолжалась бы еще неопредѣленно долгое время, если бы не страшный историческій шквалъ, набѣжавшій на страну въ лицѣ Бобрикова и Плеве. Онъ разбудилъ финскій народъ. Для защиты конституціи и свободы надо было оставить національные счеты. Шведы и передовая часть финновъ соединились для общей борьбы. Это раскололо финноманскую партію на младофинновъ, которые соединились съ шведами, и старофинновъ, которые продолжали враждовать со шведами и соглашались даже поддерживать политику Бобрикова, лишь бы онъ вытѣснилъ отовсюду шведовъ. Извѣстно, что все это кончилось революціей 1905 года, торжествомъ оппозиціи и вышеупомянутыми реформами избирательнаго закона и сеймоваго устава. Въ 1906 году эти реформы проведены черезъ старый сеймъ. Въ 1907 году они находятъ осуществленіе.

Изъ другихъ выше перечисленныхъ партій сейма слѣдуетъ отмѣтить аграріевъ. Только по имени они сближаются съ аграріями Германіи или Австріи. Это фракція младофинномановъ, которая ввела въ свою программу широкое покровительство земле-

дѣлію, преимущественно крестьянскому. Соціалъ-демократы и христіанская рабочая партія вполнѣ соотвѣтствуютъ одноименнымъ партіямъ Западной Европы. Кромѣ партій, представленныхъ въ настоящемъ сеймѣ, существуютъ еще нѣсколько партій въ Финляндіи, которыя будучи слабы въ настоящее время, могутъ пріобрѣсти больше значенія въ будущемъ. Таковы консерваторы, именующіе себя христіанскимъ избирательнымъ союзомъ и евангелическо-лютеранскимъ союзомъ. Таковы также умѣренные прогрессисты, умѣренные соціалисты (реформисты) и радикалы.

По свѣдѣніямъ корреспондента «Руси», голоса избирателей распредѣлились по партіямъ слѣдующимъ образомъ:

Соціалъ-демократы	328.569
Старофинноманы	243.742
Младофинноманы	122.100
Шведоманы	110.858
Аграріи	46.785
Христіанская рабочая партія	13.625
Христіанскій избират. союзъ	4.610
Евангел.-лютер. союзъ	5.971
Умѣренные прогрессисты	2.609
Nuupala (реакціонная)	1.246
Соціалисты-реформисты	217
Радикалы	141
Безпартійные	5.097
	S = 885.570

Всѣхъ поданныхъ голосовъ было около милліона, такъ что около ста тысячъ здѣсь не распредѣлены. Это голоса Улеаборгской губерніи и захолустныя мѣста другихъ губерній. Относительное распредѣленіе голосовъ и депутатовъ явствуетъ изъ слѣдующей таблички:

	Голосовъ. %	Депутатовъ. %
Соціалъ-демокр.	37,23	40,00
Старофинны	27,65	29,00
Младофинны	13,80	12,50
Шведоманы	12,41	12,00
Аграріи	6,30	5,50
Христіанская рабочая партія	1,60	1,00

Такимъ образомъ, распредѣленіе депутатскихъ мѣстъ очень близко къ распредѣленію избирателей. Пропорціональная система выборовъ вполнѣ оправдала возлагавшіяся на нее ожиданія. Финляндія сдѣлала первая опытъ примѣненія этой системы, какъ она же первая въ Европѣ даровала избирательное право женщинамъ. И это дарованіе оправдало возлагавшіяся на него ожиданія. Честь и слава финскому народу, сумѣвшему занять мѣсто въ авангардѣ европейской культуры, въ авангардѣ политической справедливости. Можно только пожелать, чтобы новый сеймъ сохранилъ за своимъ отечествомъ эту благородную позицію и чтобы его законодательная дѣятельность обезпечила финскому народу дальнѣйшіе успѣхи демократіи и цивилизаціи. Крупныхъ соціальныхъ реформъ отъ этого сейма ждать нельзя (соціалисты соста-

вляютъ меньшинство), но и затѣмъ остается очень много задачъ, не выполненныхъ раньше, частью благодаря тормозившему ихъ правительству, частью благодаря старому сейму, гдѣ феодальные классы могли тоже тормозить всякую демократическую иниціативу. Теперь послѣдній тормазъ совершенно упраздненъ. Значеніе же перваго выяснится въ первой же сессіи новаго сейма.

Въ иностранныхъ газетахъ настойчиво сообщаютъ отъ времени до времени, что стягиваемыя къ Петербургу войска предназначаются для оккупаціи Финляндіи, такъ какъ тамъ выборы обнаружили огромную силу революціонеровъ. Будемъ надѣяться, что эти зловѣщія прорицанія не оправдаются, и мы не будемъ присутствовать при завоеваніи Финляндіи и уничтоженіи ея свободы и ея культуры. А на всякій случай не мѣшаетъ помнить слѣдующія не благополучныя сообщенія изъ Сѣверной Америки («Трудъ и Право»).

«Движеніе въ пользу протеста и даже активнаго вмѣшательства правительства Соединенныхъ Штатовъ противъ жестокостей, творимыхъ «конституціонным» русскимъ правительствомъ въ его борьбѣ противъ русскаго народа, принимаетъ тамъ, за океаномъ, размѣры и характеръ широкаго общественнаго движенія.

«И знаменательно то, что въ движеніи этомъ принимаютъ горячее участіе люди, которые недавно можетъ быть относились, по тѣмъ или инымъ мотивамъ, дружественно къ русскому правительству. Подъ петиціями къ президенту и конгрессу можно прочесть имена людей, занимающихъ солидное общественное положеніе, людей, пользующихся громаднымъ вліяніемъ на широкіе слои населенія Соединенныхъ Штатовъ.

«На публичныхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ теперь по всей странѣ обществомъ «друзей русской свободы», выступаютъ ораторы съ громкими, извѣстными всей странѣ именами.

«Такъ, на одномъ такомъ собраніи, въ громадной залѣ Auditorium въ Чикаго, собравшемъ свыше 7 тысячъ человѣкъ, предсѣдательствовалъ извѣстный вождь демократической партіи William Jenings Bryan, котораго прочатъ опять въ кандидаты на постъ президента Соединенныхъ Штатовъ.

«Въ своей вступительной рѣчи Брайанъ сказалъ между прочимъ слѣдующее:

«Общественное мнѣніе націй рано или поздно дѣлается закономъ страны. Общественное мнѣніе въ наше время играетъ гораздо большую роль, чѣмъ когда-либо.

«Мое мнѣніе, что наша нація имѣетъ право высказываться по вопросамъ, не только касающимся непосредственно насъ самихъ, но и по вопросамъ, имѣющимъ несомнѣнное значеніе для всего человѣчества и имѣющимъ отношеніе къ какой бы то ни было странѣ. Это право обязываетъ, однако, къ извѣстному долгу, и наша страна не исполнила бы этого долга, если она свой голосъ и вліяніе, не колеблясь при этомъ ни минуты, не употребитъ въ пользу дѣла свободы.

«Если гдѣ-либо и какой-либо народъ борется за свободу, то нашъ долгъ освѣдомить его, что наши симпатіи всецѣло на его сторонѣ.

«Мы измѣнили бы нашей собственной приверженности къ идеямъ конституціоннаго образа правленія, если бы мы не оказали поддержку тѣмъ, которые борятся за установленіе такого правленія въ своей странѣ. Мы не должны дать повода другимъ націямъ изобличить насъ въ томъ, что мы измѣнили традиціямъ нашей страны, нашимъ убѣжденіямъ и нашимъ надеждамъ».

Еще энергичнѣй звучалъ призывъ извѣстнаго епископа Поттера на томъ же собраніи.

«Принято думать, — заявилъ епископъ, — что одна нація не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла другой. Но въ исторіи человѣчества наступило уже давно время, когда интересы всѣхъ націй такъ тѣсно переплетены между собою, что не можетъ быть терпимо и допустимо въ какой-либо отдѣльной изъ нихъ существованіе такихъ условій, которыя являются наглымъ вызовомъ человѣчеству и цивилизаціи.

«Развѣ нельзя признать, что другія страны имѣютъ право и обязаны вмѣшаться во внутреннюю политику страны, если эта политика ведется ею такъ, что она является позорнымъ клеймомъ на всемъ человѣчествѣ.

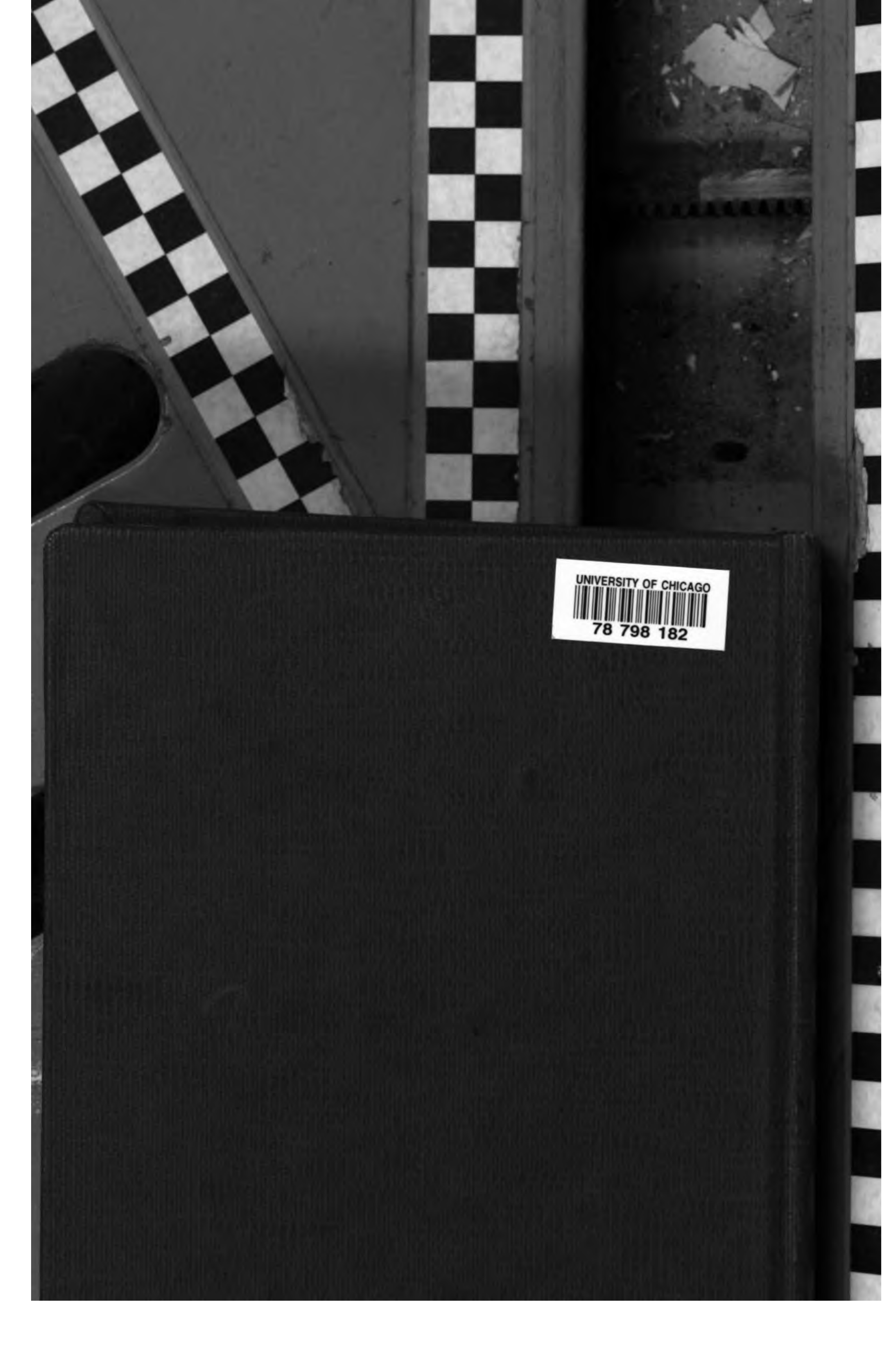
«Какое, спрашивается, право имѣли Соед. Шт. вмѣшаться въ дѣла Кубы? Тѣмъ не менѣе мы пошли въ терзаемый тогда произволомъ островъ и дали свободу народу. Если Испанія въ то время потеряла право невмѣшательства другихъ странъ, то Россія въ тысячу разъ больше потеряла это право».

«Соед. Шт. должны дѣйствовать. Таково настроеніе американскаго общества по отношенію къ нашему конституціонному правительству».

Стыдно читать эти извѣстія и, казалось бы, дальше идти униженію нашей несчастной родины некуда, но можетъ случиться, что она бѣдная приведена будетъ и къ худшему... Покорная, она будетъ завоевывать свободную страну и увидитъ, какъ отъ нея будутъ освобождать и ограждать, какъ было прежде только въ Турціи... Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ имѣть въ виду эти возможности тѣмъ, кто подстрекаетъ и будетъ подстрекать къ финляндскому походу, сопровождаемому партизанскими отрядами карательныхъ экспедицій. Не мѣшаетъ помнить, что это подстрекательство подготовляетъ не только позоръ и униженіе Россіи, но и ея расчлененіе.

С. Южаковъ.

Ред.-изд. *В. Г. Короленко.*


UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 182

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 182

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 182